

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ВЪ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОПРЕДЕЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

1866

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА.

1866.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

П Р И •

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

О. М. БОДЯНСКАГО.

1866.

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К^о),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1866.

І
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Д О Н Ъ

I

МѢСТО ССЫЛКИ ОВИДІЯ НАЗОНА

II

МИТРОПОЛІЯ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ НА ДОНУ,

СЪ IV ДО IX ВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Валютмана.

ДОНЪ

I.

МѢСТО ССЫЛКИ ОВИДІЯ НАЗОНА.

Вопросъ о мѣстности Мало-Скиѳійскаго города Томи — Tomis, Томаѳа, Томаѳа, Томаѳс etc., еще не рѣшенъ опредѣлительно, потому именно, что никогда и никѣмъ не былъ строго изслѣдованъ. Давнія поверхностныя сужденія объ этомъ предметѣ можно заключить Квиевомъ (Le Quien). Въ Ogiens Christianus, при упоминаніи объ епархіи Томитанской, въ Скиѳіи, онъ говоритъ: «Caeterum hodie Tomi non extant, et repergam a quibusdam pro Temiswar accipitur, et ab aliis pro Kiowia». ¹ Новѣйшіе поиски Томи въ сосѣдствѣ Дуная сосредоточены въ статьѣ г. Беккера. ² Его предположенія останавливаются на мѣстности Кюстенджи. Не опровергая этого мнѣнія, я только полагаю, что Фракійскій Томи, не Томи Овидія.

Томи, оглашавшійся покаянными мольбами Назона, былъ на отдаленныхъ предѣлахъ Римской Имперіи, извѣстенъ въ церковной

¹ Nisard, professeur d'éloquence Latine, въ предисловіи къ изданію Овидія, приводитъ различныя мнѣнія о мѣстности Томи: въ Томисварѣ (?) въ Булгаріи, въ Кіевѣ на Днѣпрѣ, и въ Сѣбаріи. «Quant à son tombeau, on l'a retrouvé partout. Bruschius écrivit en 1508, qu'on l'avait, cette année-là, découvert à Sabario, avec cette inscription gravée sur la partie extérieure de la voûte....» За сими слѣдуетъ надпись, таже самая, которую мы представимъ ниже. Но дѣло въ томъ, что упоминаемый Низаромъ Bruschius (Gaspar), писавшій будто бы въ 1508 году, родился 19 авг., 1518 года.

² Прописки. Изд. г. Проф. Леонтьева, т. IV, стр. 255—309.

исторіи, со временъ Константина Великаго, какъ митрополія *оближ Скиміи* — Σχυθίαν ἐκατέραν, и безъ сомнѣнія имѣеть существенное значеніе только для исторіи Русской Церкви.

Встрѣтивъ въ древнихъ географахъ и въ периплахъ Понта названіе *Томала* на Фракійскомъ берегу, въ 750 или 800 стадіяхъ отъ Дуная, издатели Овидія и упоминающіе объ немъ, удовлетворились этимъ свѣдѣніемъ, хотя оно во всемъ противорѣчитъ съ его собственными словами, исключая неопредѣленнаго, въ понятіяхъ современныхъ ему географовъ, слова Дунай. Въ отношеніи Овидія, вопросъ могъ бы остаться нерѣшеннымъ, какъ вопросъ о мѣстѣ рожденія Гомера; для исторіи Поэзіи это ничего не значить; но для исторіи Церкви, помѣщеніе Русской первобытной Томитанской митрополіи во Фракіи, есть несообразность, которую нельзя оставить безъ повѣрки. На этомъ только основаніи я обращаюсь къ словамъ самого Назона о мѣстности, климатѣ, преданіяхъ и упоминаемыхъ имъ историческихъ лицахъ Томитанской страны. Безъ соображенія этихъ предметовъ, его топографія, потерпѣвшая отъ писцовъ и корректоровъ, кажется поэтическимъ вымысломъ. Но въ положеніи Овидія, ему было не до вымысловъ; онъ могъ ошибаться, только искренно вѣруя въ превратныя свѣдѣнія современныхъ географовъ, для которыхъ вся сѣверная часть Понта была еще покрыта Климмерійскимъ мракомъ.

Вникая въ смыслъ элегій и посланій Овидія, и зная топографію Фракіи, нельзя не искать инаго Томи на иной мѣстности, въ странѣ болѣе пустынной, лежащей, по его выраженію, подъ созвѣздіемъ Эриманеской медвѣдицы. Г. Липовскій, въ статьѣ своей «Гробница Овидія»³ и переноситъ прахъ Назона за Дунай, въ Бессарабію, и говоритъ, что тамъ, по мѣстнымъ и древнѣйшимъ преданіямъ, память народная сохранила имя поэта въ названіи «Lacul Ovidului» — Овидіево Озеро, близъ Аккермана. Эта находка принадлежитъ собственно Кантемиру. Я былъ близъ Аккермана, искалъ знаменитаго озера, и нашелъ его; но оказалось, что маленькое озерцо, поросшее камышемъ, въ вершинѣ Днѣпровскаго лимана, называется Лаку Дувудулуй. Очень естественно, что не стоило спрашивать у народ-

³ Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. I.

наго воспоминанія, кто таковой былъ Дувьдъ, и когда именно здѣсь стояла его одая. ⁴

Но послѣ свѣдѣнія объ Овидіевомъ озерѣ, ⁵ г. Линовскій сообщаетъ иное свѣдѣніе, отысканное имъ, по наведенію же Кантемира, въ Запискахъ D. Laurentium Müller, fürstlichen Churländischen Hoffrath, Anno 1585, гдѣ, между прочимъ, говорится о «*warhaften ort der exilii Ovidiani.*»

«Въ 1581 году, пишетъ Мюллеръ, во время праздниковъ, когда Черкасскій староста Вишневецкій, при помощи Князя Острожскаго, разбилъ Татаръ, они осмотрѣли значительную часть этой страны (Заднѣпровской), и нашли тамъ обширныя пустыни... На шестой день пути отъ Дибиря, мы остановились на прекрасномъ мѣстѣ, гдѣ былъ заглушенный тиною колодець. Здѣсь Воймуоскій и указалъ намъ въ густой травѣ надгробный камень, съ олдующею надписью:

*Hic situs est vates, quem divi Caesaris ira
Augusti Lacio cedere jussit humo,
Saepe miser voluit patriis occumbere terris,
Sed frustra: hunc illi fata dedere locum.*

Объ этомъ камнѣ сообщается и въ лѣтописи Сарницкаго: «*Annales, seu de origine et rebus gestis Polonorum et Lituorum,*» свѣдѣніе со словъ нѣкотораго знаменитаго Русскаго боярина, что этотъ камень найденъ имъ въ степи близъ г. Азакъ ⁶ (*oppidum Asak*).

⁴ Это Овидіево озеро, La Motray, болѣе счастливый въ поискахъ, нашелъ гораздо ближе къ предполагаемому мѣсту изгнанія Овидія. Г. Беккеръ перечеркнулъ изъ путешествія его свѣдѣніе, что озеро, лежащее между Бабой (Бабадагомъ) и Кюстенджи, называется не по турецки и нынѣ еще Овидіевымъ озеромъ. Но между Кюстенджи и Бабой, по взморью (85 вер.), много озеръ; однако же не Овидіевыхъ; влѣво же отъ дороги озеро Карасу, а не по Турецки озеро Черноводы. Въ этомъ-то названіи, вѣроятно, и нашелъ La Motray имя Овидія.

⁵ Кстати, независимо отъ моего посѣщенія этого озера, я нахожу его и на Семигограф. картѣ театра войны 1828—29 г. Выше и правѣ Гура-Роша означено оз. Дувьдово.

⁶ Азакъ есть татарское и турецкое названіе Азова; одозначительно

Г. Линовскій сомнѣвался въ достовѣрности сообщаемого свѣдѣнія; но я невольно обратилъ на него вниманіе, потому, что былъ убѣжденъ уже довольно подробнымъ изслѣдованіемъ, что для Овидія не западный берегъ Чернаго моря былъ *litus sinister Ponti*, а восточный.

Я былъ на мнимомъ островѣ Певкѣ, который по Скимну Хиоскому возвышался между рукавами Дуная и не уступалъ въ величинѣ острову Родосу. Съ моря, отдѣльныя высоты Добрушской области, въ самомъ дѣлѣ покажутся островомъ, если принять Черноводскій берегъ, по которому тянется къ Кюстенджи, такъ называемый, Траяновъ валъ, за берегъ южнаго рукава Дуная.

Собственно въ этихъ мѣстахъ и прокладываются, какъ г. Истръ, такъ и искомый г. Томи, основанные по преданіямъ Милетами, то есть, Лидянами области Іонійской; слѣдовательно, до покоренія Лидіи Персами. Однако же, по Периплу Скилакса Каріандрскаго, котораго Дарій Гюштаспъ посылалъ осмотрѣть берега Индіи Черноморской, ни г. Истра, ни г. Томи, на Фракійскомъ берегу еще не существовало. «Слѣдуя далѣе по Понту, говоритъ Скилаксъ, на Фракійскомъ берегу слѣдующіе еллинскіе города: Аполлонія, Мисимвірія, Одиссополисъ, Каллатисъ, а за тѣмъ р. Истръ.»

Г. Истръ, во Фракіи, не извѣстенъ былъ и Геродоту, и безъ сомнѣнія не существовалъ еще и въ его время. Въ свѣдѣніяхъ Помпонія Мелы, между Истрополемъ и Каллатисъ, нѣтъ Томи. ⁸ Истръ является съ сосѣдомъ своимъ, Томи, первоначально у Страбона, не городами, а *πολίχνη*, — что значитъ городецъ, небольшое укрѣпленное мѣсто; слѣдовательно, разсчитывать на нихъ, какъ на колоніальныя торговыя пристани, не лзя: этого значенія имъ не при-

съ *خزر* и *خزق*; бахр-ель-Хазар и Хазак-денгис — Козарское море, Казачье море; такъ называли Магометанскіе писатели безразлично то Азовское, то Каспійское море.

⁷ Кр. Кюстенджи составляетъ приморскую оконечность вала или линіи укрѣпленій со стороны Фракіи, отъ озера Червоводы, и можно полагать, что здѣсь было укрѣпленіе, построенное, вмѣстѣ съ валомъ, въ то время, когда Римляне, покоривъ Македонію, овладѣли и Фракіей.

⁸ «*Οδισσος ἕτοι καὶ βάρης λίγεται*». Le Quien, въ опис. Мисійскихъ епископій.

дасть ни одинъ изъ древнихъ географовъ. Это были не болѣе, какъ приморскія станціи и посты, въ родѣ Анапы. По Периплу Арріана, у котораго означены разстоянія прибрежныхъ городовъ Фракіи, можно опредѣлить положеніе Томи. Мѣра стадій въ разныя времена и въ равныхъ мѣстностяхъ была такъ различна, какъ и самыя опредѣленія стадій по числу, заключающемуся въ градусѣ. Но на Фракійскомъ берегу есть нѣсколько неизвѣстныхъ точекъ, на примѣръ, оконечности Гема (Балкана), образующія мысъ Эмине, мысъ Тиристрія и мѣстность Одиссы, нынѣ Варны. ⁹ Я опредѣляю стадіи Арріана по разстояніямъ этихъ точекъ, пользуясь картой театра войны 1828—29 годовъ. ¹⁰ По этому размѣру 1 верста заключаетъ въ себѣ около 7 стадій, и всѣ древнія мѣстности набережной сходятся съ соотвѣтственными имъ въ настоящее время, какъ нельзя болѣе.

Разстоянія по верстамъ. По Арріану, въ стадіяхъ.

	Вер.	Ст.		Ст.
Отъ мыса Эмине до Варны	51	= 357.	Отъ мыса окон. Гема до Одиссы	360.
Отъ Варны до Бальчика	29	= 203.	Отъ Одиссы до Діонисіополя	200.
Отъ Бальчика до Коварны	12	= 84.	Отъ Діонисіополя до Визонъ	80.
Отъ Коварны до м. Желегра-бурну. . .	11	= 77.	Отъ Визонъ до м. Тетризіады, по Страб. м. Тирица (Γήρις)	60.
Отъ мыса до мѣста, гдѣ маякъ	18	= 126.	Отъ Тетризіады до Каросъ (Фаросъ).	120.

⁹ Помпоній Мела не упоминаетъ о Томѣ: «In littoribus Istro proxima est Istropolis, deinde a Milesiis deducta Calatis, et Tritonice, et portus Caria, et Tiristris promontorium.» Исаакъ Воссій, въ примѣчаніяхъ къ Периплу Понта, исправляетъ Помпонія, и вставляетъ въ текстъ его *Tomos*, для географическаго порядка и вѣрнаго чтенія: «In littoribus Istro proxima est Istropolis. Tomos deinde à Milesiis deducta, Calatis, etc.»

¹⁰ Составленной съ инструментальныхъ и военныхъ съемокъ, при Воен.-Топогр. Депо картъ, въ 1853 г., мѣрой 10 верстъ въ дюймѣ.

Мѣра 7 стадій въ 1-й верстѣ сходитъ и съ разстояніями Страбона. Отъ Кіаней, т. е., отъ пролива Константинопольскаго, онъ считаетъ 1,300 стадій до Аполлоніи (на полуостровѣ, слѣд. до нынѣш. Сизополя). По мѣрѣ отъ пролива до Сизополя 1,400 стад. (200 верстъ). Отъ Аполлоніи до Каллатиса, по Страбону 1,300 стад. По мѣрѣ отъ Сизополя до Маугалии (предп. Каллатисъ, Калантра) 190 верстъ или 1,330 стад.

Отъ Маяка до Мангаліи . 30=240. Отъ Карось до Калантры . 180.
Отъ Мангаліи до Кюстенджи 40=280. Отъ Калантры до Томи . 300. ¹¹

Далѣе, въ 28 верстахъ отъ Кюстенджи начинаются пересыпи Сивяго озера (коса Кутюкъ) и удобнаго мѣста, для помѣщенія г. Истра въ 300 стадіяхъ (42 в.) отъ Томи — нѣтъ. Г. Беккеръ полагаетъ, что пристань Истра слѣдуетъ помѣстить на грядѣ Кара-Урманъ, при с. Кара-Урманъ, т. е., въ 800 стадіяхъ или 114 верстахъ, а по его мѣрѣ стадій въ 140 верстахъ; самый же городъ Истра искать внутри страны, къ западу отъ оз. Разельмъ, верстахъ въ 20. Не постигая ни такого огромнаго разстоянія пристани Истра отъ города Истра, ни помѣщенія этой пристани въ нѣдрахъ плавней и гирлъ Дунайскихъ, я удивляюсь опредѣленіемъ мѣстности Фракійскаго г. Томи, по Арріану въ 800 ст. (114 в.), а по Страбону въ 750 (107 в.) отъ южнаго гирла Дуная.

Во всякомъ случаѣ, мы можемъ теперь судить объ окрестностяхъ этого Томи и о климатѣ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ извѣстно, что при Августѣ внутреннее спокойствіе страны было обезпечено отъ набѣговъ варваровъ Заистрійскихъ, и охраняемо войсковыми префектурами. Сверхъ того, Фракія уже имѣла сообщенія съ Римомъ и сухимъ путемъ и Дунаемъ до устья; потому что Лентулъ занималъ укрѣпленіями и войсками лѣвый или сѣверный берегъ рѣки. ¹²

При подобномъ положеніи Фракіи, сообразны ли жалобы Овидія на беззащитность Томи посреди Скиновъ, Сарматъ, Гоевовъ и Грайевъ, забывшихъ свой еллинскій языкъ, in Scythibus finibus, куда только изрѣдка достигаетъ моремъ вѣсть изъ Рима? Нѣтъ ли здѣсь

¹¹ По Помпонію, послѣ portus Caria слѣдуетъ Tritonice (по Tabula Peutingeriana Stratonicе), потомъ Calatis, соотвѣтствующій Кюстенджи, котораго названіе образовалось собственно изъ Constantia.

У Птоломея порядокъ иной: послѣ Одиссы слѣдуетъ Тиріотріа ἄκρα, потомъ Діонисополь, Каматія, Томи (Τόμοι), Истрополь.

По Плинію: Одессусъ, Діонисополь, Бизонъ, Гераклея, Калатисъ, Томось, Истрополь.

¹² Misso igitur Lentulo, ultra ulteriorem repulit ripam, citra praesidia constituit. Sic tunc Dacia non victa, sed summo atque dilata est. Florus. L. IV, 12.

географической ошибки, въ которой Овидій, безъ сомнѣнія, меньше виновать, нежели знаменитый географъ Делиль, который со словъ Константина Багрянороднаго помѣстилъ Черную Булгарію, вмѣсто Придонья, на Дунаѣ, въ Добрушской области? ¹³

Въ чемъ же можетъ заключаться эта ошибка?

Сходственныя названія Дона и Дуная были не разъ причиной того, что событія перемѣщались съ Азіатскаго берега Понта на Европейскій, и обратно. Еллиноское и Римское ухо, зная Дунаѣ за *Ἰστρος* и *Danubius*, а Донъ за *Tanaïs*, ни какъ не могло различать народныхъ названій, между которыми часто и не было различія. Донъ также носилъ имя Дуная. Самое названіе *Tanaï(s)* могло скорѣе произойти отъ Дуная, нежели отъ Дона. Сѣверная Русь (*Rugii*) называла и сѣверозападную Двину Дунаемъ, или вообще Доньемъ, ¹⁴ т. е., Низовьемъ; а по древнимъ это былъ Танаисъ, впадающій въ Балтійское море. ¹⁵

«Мы знаемъ только устье Танаиса, говоритъ Страбонъ, а истоки его и теченіе совершенно намъ неизвѣстны. По мнѣнію Теофана Митиленскаго, онъ истекаетъ изъ горъ Кавказа, течетъ на сѣверъ

¹³ См. «*Imperium Orientale, Domni Ans. Vanduri. Const. Porphyrog. De Adm. Imp. Cap. 42*, и приложенную карту Делиля (*Del'Isle*). Константинъ говоритъ: «Къ сѣверу рѣка Днѣпръ, откуда Руссы ходятъ черезъ Черную Булгарію и Хазарію въ Сирію.» Въ договорѣ съ Игоремъ, Императоры Романъ, Стефанъ и Константинъ Багр. выговорили, чтобъ Великій Князь Русскій не допускалъ Черныхъ Болгаръ воевать на Корсушь.

¹⁴ Донье — низовье, низъ, дно; по Сербски Донье, *der untere, inferior.* — Дунай — низовье Рейна. Это слово какъ и низовье относилось по преимуществу къ устьямъ, гдѣ была и топя — рыболовное мѣсто рѣки.

¹⁵ «Есть другой Танаисъ, который протекаетъ изъ горъ Кринскихъ (*Chrin. pes*) и впадаетъ въ Балтійское море.» Йорнандъ, Еписк. Равенскій. Выписка Гр. Потоцкаго. Кн. XXXIII, гл. V. Это Донье или Двина составляла торговый путь, имѣя общіе истоки съ Волгой. Сѣверная Двина, сообщаемаяся верховьями, посредствомъ волока, съ Камой, безъ сомнѣнія называлась также Доньемъ.

Guillielmo Stuckio, въ примѣчаніяхъ къ Арріанову Периплу, говоритъ, что рѣку Двину (*Dina*) называли также и Дунаемъ (*Danubius*).

и потомъ дѣлаетъ поворотъ и впадаетъ въ Меотическое озеро. По другимъ, верховье его тамъ же, гдѣ и истоки Истра.» Разумѣется, что подобныя понятія раждались отъ сходства названій. По Перилу Скилакса, «послѣ Венетовъ слѣдуютъ: народъ Истры и рѣка Истръ, впадающая въ Понтъ семью рукавами (ἕνθος Ἰστρου, καὶ ποταμὸς Ἰστρός).» Тутъ же рядомъ γυναικοκρατοῦμενοι (управляемые женами), какъ и въ Придоньѣ, ¹⁶ и островъ Истръ (Ἰστρίς νῆσος). По Иорнанду и Периплу Понта и Меотиды р. Истръ или Дунай называется также Днѣпромъ; ¹⁷ по географической поэміи Скимна Хиосскаго, пять рукавовъ Дуная впадаютъ въ Понтъ, а два въ Адриатическое море.

Подобныя свѣдѣнія древнихъ географовъ перепутывали дислокацію народовъ и событій. Такъ, на примѣръ, по Зосиму, побѣда Константина Великаго надъ Сарматами происходила на Дунаѣ: «Императоръ Константинъ, узнавъ, что Сарматы, живущіе близъ Меотиды, переправясь чрезъ Дунай, напали на его области, двинувъ свое войско противъ нихъ и т. д.» Но это нашествіе на Греческія области, по Зосиму Сарматовъ, по Евсевію Скивовъ, а по Изидору ¹⁸ Гоевовъ, совершилось въ Босфораніи и относится къ войнѣ противъ Савроматъ, который покушался возвратить отложившіяся

¹⁶ Скилаксъ говоритъ: «За Танаисомъ, въ Азіи начинается область Савроматовъ, и первый народъ на Понтѣ есть Савроматы. Савроматы же есть народъ управляющійся женами.» Мы уже изложили (см. «Аттила»), какъ родились въ Греческихъ сказаніяхъ эти жены правительницы и Амазонки.

¹⁷ ...«à Borysthene amne, quem accolae Danubium vocant». Jorn. Cap. V. «Ἰστρου ποταμοῦ ἧτοι Δανάκρωτος καλουμένου πάλιν Σκῦθαι κατοικοῦσιν.» Pontii Eux. Periplus. Явное доказательство, что жители называли низовье всѣхъ рѣкъ Доньемъ.

Названіе Донье, низовья при устьяхъ рѣкъ, независимо было отъ прозвища рѣкъ: такъ, на примѣръ, рѣка Днѣстръ есть собственно Стрый, какъ она и называется въ верховьяхъ; устья же и лиманъ, или низовье, вѣроятно, называлось Донье Стрыя, откуда иноземцы прозвали Danastris: точно также и Danargis могъ получить названіе отъ Донья праговъ, пороговъ.

¹⁸ Beati Isidori Arch. Hispal. Gothorum, Vandalorum et Svevorum in Hispania, Chronicon. Изидоръ, какъ и прочіе историки Гоевовъ — Иорнандъ, Прокопій Кесарійскій, писали безъ отчета, вмѣсто Скивовъ — Гоевъ.

отъ него области въ Тавридѣ, и котораго Зосимъ, или его переписчики называютъ Rausimodo.

Покореніе Сарматіи, или Малой Скиѳіи, чему, должно полагать, особенно способствовало распространившееся въ этой странѣ Христіанство, изобразилось на монетахъ надписью «Sarmatia devicta». Но жителей Тавриды и Босфораніи, Греки и Римляне, въ разныя времена, безразлично называли, то Скиѳами, то Сарматами¹⁹ и даже Гоѳами. Эти послѣдніе, какъ исконная промышленная община, родственная съ Ханаанами (Финикійцами), разстѣялись по всемъ прибрежнымъ городамъ Еллинскихъ колоній. Но усвоенная ими до преимуществу область на Кавказѣ была Халдея, Гэхти-к Арменіи, между рѣками Гебромъ (Курой) и Араксомъ.²⁰ Со времени преобладанія Гебровъ — Халдеевъ, или Гоѳовъ, въ лицѣ Кагана Миѳридата, влияние ихъ въ Тавридѣ и Босфораніи такъ усилилось, что они были представителями края, который и управлялся Каганами до самаго Константина Великаго, или до покоренія Сарматіи. Въ Латинской чеканкѣ это событіе выразилось и посредствомъ «Victoria Gothi». Эккель, въ своемъ сочиненіи о древнихъ монетахъ, также замѣчаетъ, что «Римляне почти всегда смѣшивали имена варварскихъ народовъ на сѣверѣ Илірии и въ Азіи, и безразлично принимали Скиѳовъ за Гоѳовъ».²¹

¹⁹ Не излишнимъ еще считаю повторенія, что у Еллиновъ общее названіе Арійскихъ племенъ по вѣрѣ — Савіи, Савіане, Сабен, Славяне — обратилось въ Скиѳовъ, по Гоѳскому произношенію Skuafa, Sklava, по Азіятскому سقالب — Сакалаб, Склабъ. Сколько можно сообразить, названіе Сарматъ, Придонскаго древняго казачества, имѣло въ основаніи прибрежній народъ Меотиды, Sabiri, Serbi, съ столицею Serberion, по Греч. Климмеріонъ. На родное названіе Сербадія (Сербія), какъ и въ Полабской, Прибалтійской Сербіи, Sermende (Sarmaten land), Serbetium, Sermunti, преобразовалось у Гоѳовъ Кавказскихъ и у Грековъ въ Сарматію.

²⁰ Изъ древнихъ названій образовались новыя: Кахетія, Иберія. Во всякомъ случаѣ, не лзя смѣшивать коренныхъ Кавказскихъ туземцевъ съ Гебрами, водворявшимися въ городахъ и овладѣвавшими торговлей, промысломъ, богатствомъ страны, силами народа, а часто и верховной властью.

²¹ Опис. Музея Кн. Кочубея. Г. Кѣне. т. II, стр. 356.

Объяснивъ возможность принимать Донъ за Дунай, и удобство, основываясь только на буквѣ, давать преданіямъ противоположный смыслъ, мы обратимся къ словамъ самого Овидія.

Не смотря на то, что изъ Рима была открытая, прямая дорога сухимъ путемъ, по этапамъ легионовъ Иллиріи и Мизіи, до Чернаго моря; что существовалъ и водный путь по Дунаю, которымъ Римляне возили свои военныя тяжести,²² Овидія везутъ въ Томи моремъ, какъ будто по обычаю ссылатъ преступниковъ на острова. Куда же его везутъ?

«Не посѣщать, какъ нѣкогда, Аѳины для науки,
 Нѣ въ Азійскіе города и страны, которые я уже видѣлъ,
 Не въ славную Александрію, не на игривый Нилъ.
 Куда же молю я о попутныхъ вѣтрахъ? Въ Сарматію!
 Молю, чтобъ благополучно достигнуть до злополучныхъ (laevi)
 береговъ Понта.

Ропщу, что удаляюсь медленно отъ отчизны:

Взываю, чтобъ сократился путь изгнанія въ страну Томитан-
 скую (orbe Tomitas)

Невѣдомо гдѣ лежащую!...» Trist. L. I, El. 2.

«Меня ссылаютъ въ Скиѳію!» повторяетъ Овидій въ 3-й элегіи.

И такъ, по собственнымъ словамъ Овидія, его везутъ на просто въ городокъ Томи (πολίχνη), а въ Скиѳію, въ Томитанскій округъ Сарматіи. Въ 7-й элегіи 5-й книги онъ также говоритъ: «Turba regionis omitanae»; въ другихъ мѣстахъ: «Urbs Tomitana, Tomitana humo, Tamitanus ager, terra Tomitana»; слѣдовательно, Томитанскій городъ и не во Фракіи, не въ Мизіи, а въ Сарматіи. «Ut tangam laevi fera litora Ponti» не значитъ въ смыслѣ Овидія «чтобъ достигнуть лѣвыхъ дикихъ береговъ Понта;» но несчастныхъ береговъ. Поэтъ употребляетъ слова laevus, sinister, не въ простомъ ихъ значеніи. но въ значеніи злополучный, несчастный, въ противоположность слову dexter — правый, счастливый, благополучный. Это можно понять изъ слѣдующаго его сближенія ἀξενος, или ἀξενος, съ sinister, а ἔυξενος съ dexter:

²² Strab. L. VII, p. 304.

Quem tenet Euxini mendax cognomine litus (latus?). ²³

Et Scythici vere terra sinistra freti. ²⁴

т. е., какъ море Евксинское (благопріятное) ложно носить это имя (вмѣсто ἄξενος, sinistre, враждебнаго), такъ и берегу Скиѣскаго моря приличіе было бы названіе злосчастный (т. е., лѣвый берегъ, вмѣсто правый, счастливый).

Въ логическомъ смыслѣ сравненія иначе передать стиховъ невозможно, и слѣдовательно дѣло касается до восточнаго, праваго берега, Сарматскаго, а не западнаго, Фракійскаго.

Приближаясь къ выходу изъ Фракійскаго босфора въ открытое море, Овидій говоритъ:

«Hic locus est Gemini janua vasta maris..»

Смыслъ этого стиха не вполне изученъ. Низаръ переводитъ, соображаясь и съ другими переводчиками: «Porte majestueuse, qui s'ouvre sur les deux mers (т. е., врата, отворяющіяся и въ Понтъ и въ Пропонтиду). Того же страннаго мнѣнія и Lemaire. Но въ этомъ значеніи, какія же ворота не gemini? Дѣло въ томъ, что при выходѣ изъ Босфора въ Понтъ находятся Симплегады ²⁵ или Кіанейскія группы, торчащихъ изъ воды, по обѣ стороны пролива, скаль, между которыми, по причинѣ подводныхъ камней, проходъ былъ опасенъ. Кіаней Европейскаго берега вели къ набережнымъ Фракіи, а Кіаней Азіятскаго берега къ набережнымъ Азіи. Эти-то скалистые островки, которые, для приближающихся къ нимъ со стороны, каза-

²³ Явная поправка litus вмѣсто latus; потому что не littus Ponti носилъ названіе ἄξενος и εὐξενος, а latus Ponti, т. е.. пространство моря.

²⁴ Низаръ переводитъ: «Sur les côtes de ce pays (?), dont le nom d'Euxin est un mensonge, sur ce rivage doublement (?) sinistre de la mer de Scythie,» и оправдываетъ безсмысліе прамѣчаніемъ: «Ici le jeu de mots est manifeste.»

Lemaire толкуетъ слова «vere terra sinistra» слѣд. образ.: «vere terra ut in sinistra parte sita, sic etiam infelix.» Но къ чему же сравненіе съ mendax cognomen?

²⁵ Отъ Σόμπλεξις — сѣпленіе, связь, соединеніе; symplegma — группа скульптурная.

лись движущимися и сливающимися въ одну группу, и называется Овидій близнецами.²⁶ Но врата близнецы вмѣстѣ съ тѣмъ были и врата близнецовъ — Кастора и Поллукса. Они вели къ ихъ знаменитому храму и городу — Диоскуриі.²⁷ Смыслъ стиха слѣдовательно простой:

«Здѣсь врата близнецовъ въ пространное море»,

и въ то же время на два пути. Овидій и высчитываетъ на одномъ пути города Фракійскаго берега, а на другомъ поселеніе Ахевей, бѣжавшихъ изъ Мегары (Алкатоя), на восточномъ берегу: «Et quos Alcathoi memorant a moenibus ortos sedibus his profugum constituisse larem: A quibus adveniat Miletida sospes ad urbem, offensi quo me contulit ira dei.» Въ вратахъ близнецовъ Овидій и обращается съ обѣтомъ Минервы и къ близнецамъ Тиндаридамъ (Кастору и Поллуксу), покровителямъ мореходцевъ — «quos haec colit insula». Эти слова относятся къ *Symplegadas*, а можетъ быть и къ *Miletida*.²⁸

²⁶ «Cyaneae, ab aliis Symplegades appellatae, traditaeque fabulis inter se concurrissent: quoniam parvo discretas intervallo, ex adverso intrantibus geminae cernebantur, paulumque deflexa acie coeuntium speciem praebebant». Plin. l. IV, 27.

²⁷ Диоскуриіа. Знаменитый въ древности городъ Колхиды, на границахъ Сивдійскихъ племенъ Кавказа, посвященный Диоскурамъ — близнецамъ Тиндаридамъ — Кастору и Поллуксу, хранителямъ мореходцевъ. Почитаніе Диоскуровъ на восточномъ берегу Понта очень древнее и имѣетъ связь съ мифомъ объ Аргонавтахъ. По Помпонію Мелю, Диоскуры, т. е., покровители Диоскурамъ (по замѣч. А. Rossi, луна и солнце) принесено Аргонавтами; по Арріану, Диоскурию основали Милеты. Эмблемы созвѣздія близнецовъ (шлемы, или шанки, у которыхъ, вмѣсто яловца, звѣзды), кромѣ монетъ Диоскуриі встрѣчаются на монетахъ Ольвіи Савійской, Пантикапей и Томи Музей Кн. Котлубая. Б. Кене.

²⁸ «Это тѣ Кіанен, ишетъ составитель Перипла по Скинии, которыя, по сказанію поэтовъ, въ древности были иловучими островами; чрезъ путь первый прошелъ корабль Арго, на которомъ Язонъ прибылъ въ Колхиду. Отъ Кіаней до храма *Διὸς Ὀυρίου*, при устьѣ Понта, 40 ст.» Нѣтъ сомнѣнія, что вмѣсто *Διὸς Ὀυρίου*, слѣдуетъ читать *Διὸς Ἰουρίου*. Геродотъ (кн. IV, 85) говоритъ, что при Азіятскихъ Кіанеяхъ былъ храмъ, близъ коего сидѣлъ Дарій и обозрѣвалъ Понтъ.

Можно поручиться, что *Miletida* есть поправка корректора вмѣсто *Maes-*

Овидій молитъ Тиндаридовъ охранять его на томъ, или другомъ пути. Одинъ путь чрезъ Симплегады открытымъ моремъ (*per altas*),²⁹ другой прорѣзываетъ воды береговъ Вистоніи.³⁰ Овидій какъ будто не увѣренъ еще, какою путь предстонтъ ему. Эта неизвѣстность подтверждается предшествовавшимъ путемъ по Егейскому морю. Когда корабль Овидія, плывшій мимо Трои, вмѣсто того чтобъ направиться въ Геллеспонтъ, своротилъ къ Лемносу и Самоѳракіи, до Темпиръ (*Eriga, Empruga, Tentira*), гдѣ высадивъ своего хозяина, корабль возвратился на путь чрезъ Геллеспонтъ, и у Кіаней передъ Овидіемъ открываются два пути — къ населеніямъ западнаго берега и прямо чрезъ море, къ городу Милетиды, какъ выражается Овидій, или къ колоніи Ахейнъ на восточномъ берегу.³¹

Можетъ быть, въ недоумѣніи, который путь предстонтъ ему, Назонъ и обращается къ Кастору и Поллуксу:

tida. Поселеніе Ахейнъ было на Сидійскомъ полуостровѣ. Нѣкоторые называютъ его и островомъ.

Упомянутое Овидія объ островѣ, на которомъ боготворятъ Тиндаридовъ, затрудняло переводчиковъ. «*Quelle pouvait être cette île, si non Samothrace.*» говоритъ Низаръ. Но, какъ мы упоминали, близъ Азіійскихъ Кіаней былъ храмъ *Διοσκουρίων*.

²⁹ «*Ite per altas*», «*vela dare in altum*» значитъ: ити открытымъ моремъ, плыть въ открытое море; но Г. Lemaire измѣняетъ *per altas* въ *per arcias*, т. е., ити не въ открытое море, *haute mer*, а чрезъ тѣсныи Симплегады, хотя по Страбону Европ. Кіаней отъ Азіійскихъ въ разстояніи 20 стадій (3-хъ верст).

Замѣчательно, что, по ученымъ переводамъ, отъ Кіаней идутъ не два пути, а ѣдутъ два корабля, и оба въ Томи. Lemaire, исправивъ Овидія, отправляетъ одинъ корабль чрезъ тѣсныи Симплегады, а другой по водамъ Вистоніи (берегъ Ѳракіи между Салмодессой и Аполлоніей); но вѣдь и корабль, слѣдующій набережными Вистоніи, не могъ миновать тѣсныи Симплегадскихъ? Для чего же было вносить тѣсныи въ текстъ?

³⁰ «По сіе время, пишетъ Страбонъ, во Ѳракіи существуетъ народъ Вионны. Весь берегъ отъ Аполлоніи до Кіаней, на разстояніи 1,500 ст. (214 в.), называется Ѳниійскимъ.» Этотъ берегъ и называетъ Овидій *Vistonias aquas*.

³¹ Путь прямо чрезъ море, отъ одного Босфора къ другому, былъ втрое ближе и вѣроятно безопаснѣе, нежели окруженіе по восточнымъ набережнымъ.

Vos quoque, Tindaridae, quos haec colit insula, fratres,
 Mite, precor, duplici numen adestae viae:
 Altera namque parat Symplegadas ire per altas,
 Scindere Bistonias altera puppis aquas.
 Vos facite ut ventos, loca cum diversa petamus,
 Illa suos habeat, nec minus illa suos. ²²

т. е., «Васъ, братья Тиндарида, которымъ поклоняются въ этой уединенной обители (храмъ Діоскуровъ близъ Азіат. Кіаней), молю о покровительствѣ на предстоящихъ двухъ путяхъ. Одинъ ведетъ чрезъ открытое море, на другомъ пути корабль (puppis) разрѣзываетъ Бистонскія воды; благоволите, чтобъ на томъ и другомъ изъ этихъ путей, ведущихъ въ противоположныя стороны, сопутствовали насъ благопріятныя вѣтры.»

²² Эта тирада переводится слѣдующимъ образомъ: «Vous qu'on révère en cette île, fils de Tyndare, soyez propices à ce double voyage (?), car l'un de nos vaisseaux (?) se prépare à traverser le groupe resserré des symplégades et l'autre à sillonner les mers Bistoniennes: faites que dans leurs itinéraires si différents, ils aient l'un et l'autre un vent favorable!»

Не допуская и мысли, чтобъ Овидій могъ отпраляться на восточный берегъ моря, X. элегія становится совершенно непонятна, и переводчикамъ, чтобъ дать какой ни будь смыслъ темнотѣ, приходится замѣнять два цути двумя кораблями, а въ заключеніе пересадить Овидія на третій, для поѣздки, въ слѣдствіе догадокъ, по однимъ: въ Tempyra, по другимъ, въ Stentora, а по разнымъ кодексамъ: въ Epira, Epyrhea, Emyra, Tentara, Statycra, etc. «C'est à Samothrace, en effet (Edit. de Nisard. Note 6), qu'Ovide quitte son navire, qui reprend alors sa route par l'Hellespont pour aller à Tomes, tandis que lui, Ovide, prend comme nous le verrons plus bas (?), un troisième navire, pour aller de Samothrace à Tempyre.»

Здѣсь не мѣсто объяснять странное предположеніе о пересадкѣ Овидія съ корабля на корабль, чего нѣтъ въ оригиналѣ; но объясненіе необходимо. Вся X элегія состоитъ изъ 30 стиховъ; 14 начальныхъ посвящены описанію достоинства, быстроты и крѣпости корабля Минерва, на которомъ везли Овидія. Поэтъ называетъ его вожатымъ и вѣрнымъ спутникомъ своего поспѣшнаго изгнанія, покровительствуемымъ Палладой и пропикающимъ невредимо сквозь волны вздымаемыя бурями (опис. бури элег. 2): «О молю, чтобъ онъ столь же сохранивъ проникъ чрезъ огромныя челюсти Понта и достигъ береговъ Гетскаго моря!»

Но, знатоки языка находятъ въ этихъ стихахъ не два предстоящія пути на выборъ, но два корабля, о благополучномъ слѣдованіи которыхъ Овидій молитъ такъ пламенно, какъ будто на одномъ везутъ его плоть, а на другомъ душу.

Гдѣ же наконецъ очутился Овидій?

«Близъ странъ, лежащихъ подъ созвѣздіемъ Медвѣдицы Эримантской (пустынной) живу я, — говоритъ онъ, — окаменѣла земля отъ

Ведеть ли это горячее вступленіе къ тому, чтобъ въ слѣдующихъ 8 стихахъ мѣнять равнодушно своего надежнаго и вѣрнаго спутника? и гдѣ жъ эта мѣна? Спокойно проѣзжая мимо Эолийскихъ береговъ и города Гектора (Тром), корабль своротилъ съ пути презъ Геллеспонтъ къ остову Имбросу и прибылъ къ острову Самоэракіи. За этимъ слѣдуетъ:

Saltus ab hac terra }
 contra } brevis est Tempyra petenti.

Nac dominum }
 tantum } tenuis est illa secuta suum.

Nam mihi Bistonios placuit pede carpere campos;

Hellespontiacas illa relegit aquas.

Этой строфѣ, потерявшей смыслъ, придакъ слѣдующій смыслъ: «et c'est jusqu'à cette île, d'ou il n'y a qu'une courte traversée pour gagner Tempyre, qu'il m'accompagna, car alors j'eus la fantaisie de traverser par terre le pays des Bistoniens; pour lui, il tourna dans les eaux de l'Hellespont.... etc.» Низаръ поясняетъ этотъ переводъ въ примѣчаніи 6 къ X главѣ 1-й книги: «c'est à Samothrace, en effet, qu'Ovide quitte son navire, qui reprend alors sa route par l'Hellespont pour aller à Tomis, tandis que lui, Ovide, prend comme nous le verrons plus bas, un troisième navire, pour aller de Samothrace à Tempyre.»

Низаръ, также какъ Burmann, Heinsius, Lemaire и другіе, читаетъ Tempyra и полагаетъ, что это городъ близъ Траянополя (на р. Марицѣ), извѣстный по дорожнику Автонна подъ назв. Tempurum (? Timrogum). Лавій кн. 38, гл. 41, также упоминаетъ о непроходныхъ ущельяхъ Темпыры, близъ храма Аполлона Церинтскаго на р. Гебрѣ (Марицѣ). Но по Fragmenta 48, VII кн. Страбона (G. Kramer), Tempyra есть замокъ Самоэракіи (Σαμοθρακίον πολίχνην Τέμπυρα). На этой набережной безъ сомнѣнія, были мѣста ссылки на рудоконни. Въ Аенуга, на о. Фазѣ, были золотыя копи (aurifodinae), въ сосѣдствѣ—Asila metallifodina; по р. Нессѣ, въ Бистоніи, золотыя пріиски. Но во всякомъ случаѣ смыслъ стиховъ слѣдующій: «Отсюда пере-

постояннаго хлада. Передо мной возникаютъ Босфоръ, Танаисъ, Скиѣскія болоты (*Scythiae paludes* — Латинское названіе Азовскаго моря) и кой какія безымянныя и безвѣстныя страны. Далѣе, нѣтъ ничего, кромѣ необитаемыхъ льдовъ. О, какъ я близокъ отъ предѣловъ земли!»²³

«Проходитъ уже годъ, теплый вѣтръ одолеваетъ стужу; какъ длинна зима Меотиды въ сравненіи съ былыми!

«Въ чемъ здѣсь мое наслажденіе съ наступленіемъ весны? Смотрѣть, какъ таетъ снѣгъ отъ весенняго солнца? Черпать воду, не проламывая льда?...»

«Прибавъ ко всему этому наружность страны, гдѣ ни зелени, ни цвѣтущаго дерева, гдѣ, въ слѣдъ за зимой, наступаетъ новая зима!»²⁴

Жить въ умѣренномъ климатѣ Фракіи и жаловаться на суровую, льдистую зиму Меотиды, которая на 600 верстъ сѣверо-восточнѣе, выходитъ даже изъ предѣловъ свободы поэзіи. Такъ могли жаловаться на климатъ только ссылаемые именно на берега Босфора Киммерійскаго, *in Scythicis finibus*; на примѣръ: Флавія Домитилла, племянница Тита и Домиціана, или Св. Климентъ, сосланный Траяномъ въ этотъ конечный край преобладанія Римлянъ, и здѣсь начавшій проповѣдывать Христіанство Сарматамъ и Скиѣамъ.

Бадъ не далеко для слѣдующихъ въ Темпирю; корабль слѣдовалъ туда съ своимъ хозяиномъ (корабельщикомъ). Но такъ какъ мнѣ не суждено было влачить стопы по полямъ Бистоніи, то онъ взялъ обратный путь чрезъ Геллесіонгъ.»

²³ «Proxime sideribus tellus Erymantides ursae
Me tenet; adstricta terra perusta gelu,
Bosphoris et Tanais superant, Scythicaeque paludes (Maeotis)
Vixque satis noti nomine pauca loci,
Ulterius nihil est, nisi non habitabile frigus.
Heu! quam vicina est ultima terra mihi!

Trist. L. III. El. 4.

²⁴ Frigora jam Zephiri minuunt, annoque peracto,
Longior antiquis visa Maeotis hyems, и т. д.

Trist. L. III, El. 12.

Но Овидій и повторяетъ, что онъ жилъ на Киммерійскихъ, а не на Фракійскихъ, берегахъ:

«Вотъ уже шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я на берегу Киммерійскомъ, живу между Гетами въ шубахъ.»²⁵

Кажется, совершенно ясно и опредѣлительно означаетъ онъ мѣсто своей ссылки: на границахъ Скиѳіи, въ Сарматіи, въ округѣ Томитанскомъ, въ Меотидѣ, на берегахъ Киммерійскаго Босфора. Откуда же является тутъ Истръ, т. е., Дунай?

«Выкупаю грѣхи свои: въ Скиѳію, къ предѣламъ Истра, сослать пѣвецъ Амура колчаноносца!»²⁶

«Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Понтѣ, три раза замерзалъ уже Истръ....»²⁷

«Море не оковано уже льдомъ, погонщикъ водовъ не тянетъ уже чрезъ Истръ, какъ прежде, скрипучій Сарматскій возъ.»²⁸

Въ отношеніи Истра Геродотъ сказалъ: «Истръ, величайшая изъ всѣхъ рѣкъ, намъ извѣстныхъ, всегда равна сама себѣ, течетъ и лѣтомъ и зимой.»

Слова его совершенно справедливы въ отношеніи Дуная, который рѣдкую зиму замерзаетъ при устьяхъ, на самое короткое время,²⁹ и не для ѣзды на воловьихъ каруцахъ.

²⁵ «Nec mihi Cimmerico bis tertia ducitur aestas

Litore, pellibus inter agenda Getas.» Pont. Ep. X.

²⁶ «Sed dedimus poenas, Scythique in finibus Istri,

Ille phœretrati lusor Amoris adest.»

²⁷ «Ut sumus in Ponto, ter frigore constitit Ister.» Trist. V, El. X.

²⁸ «Nec mare conpressit glacie: nec, ut ante, per Istrum

Stridula Sauromates plaustra bubulcus agit. Trist. L. III, El. 12.

Название Βόσπορος—воловій переѣздъ (Βοῦς и Πόρος) и относится собственно къ Донскому проливу въ зимнее время.

²⁹ Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ мнѣ рѣдко случалось испытывать стужу въ этихъ странахъ, гдѣ въ Мартѣ все покрыто зеленью, съ Ноября же по Мартъ можно скорѣе назвать осеннимъ, нежели зимнимъ временемъ.

Что же касается до зимы Меотиды, то описание Овидія такъ сходно съ словами Геродота и современника его, Страбона, что мы считаемъ не излишнимъ выписать ихъ для сравненія.

Страбонъ пишетъ: «Мѣдные сосуды трескаются отъ замерзшихъ въ нихъ жидкостей; но замерзаніе особенно сильно при самомъ устьѣ Меотиды; ибо чрезъ проливъ, раздѣляющій Фанагорію и Пантикапю, пробѣгаютъ по льду, какъ по землѣ, на возахъ.»

Тоже говоритъ и Геродотъ: «Во всей описанной странѣ (Скиѣид) бываетъ столь жестокая зима, что восемь мѣсяцевъ продолжаются нестерпимые морозы, даже море и весь Киммерійскій Босфоръ замерзаетъ, и Скиѣны переѣзжаютъ чрезъ оный на возахъ.»

Что сношенія двухъ береговъ пролива Донскаго (Τάναος) были свободны для Скиѣовъ и Сарматъ — это понятно: они составляли одну и ту же Босфоранскую область; но чтобъ Овидій, въ Томи, въ 800 стадіяхъ отъ Дуная, могъ видѣть переправляющіеся чрезъ замерзшую рѣку воловьи Сарматскіе вожы и слышать скръсть ихъ, это непонятно. Дѣло другое, если бъ онъ былъ на берегу Понта, при устьѣ замерзающаго Босфора Киммерійскаго, принималъ его по туземному названію и Азіатскому произношенію за Танай ⁴⁰ (Tanais) или Танайскій (Τάνειος), безопасно смѣшивалъ, по недоразумѣнію самихъ современныхъ ему Географовъ, съ Дунаемъ, и безразлично замѣнялъ его для стиха то Греческимъ Ister, то Латинскимъ Danubius.

Въ заключеніе о смѣшеніи Дуная съ Дономъ, приведемъ слова Воссія, въ примѣчаніяхъ къ Периплу Понта Евксинскаго: «Romani namque solent saepe confundere Tanain et Istrum. Testis ejus rei etiam est Seneca, in questionibus Natural, lib. VI: «Hinc qui medius inter pacata, et hostilis, fuit, Danubius ac Rhenus, alter Sauromaticos impetus cohibens, et Europam Asiamque disterminans; alter Germanos, avidam gentem belli, repellens.» Danubium etiam Tanain vocat

⁴⁰ «Tanaim etiam vocant indigenae illum alveum, qui a Potide Maeotide ad Pontum Euxinum pertinet.» Procop. de Bello Gothico, L. IV, c. 4.

«Ἐὶς ὁρίαν τῆς Μεσσηνίας λίμνης, ἧτοι καὶ Τάνειος, Πόντι Εὐξ. Περιπλος.

Tibullus, liber IV, ad Messallam cum inquit: «Quaque Hebrus, Tanaisque, Getas rigat, atque Sigynos. »⁴¹

По Аполлонію Родосскому Σίνδοι жили близъ устьевъ Истра, и, следовательно, онъ также смѣшиваетъ устья Дона съ Дунаемъ, или Истромъ.

Обратимъ вниманіе на соседство Овидія:

«Я здѣсь оди́нъ, заброшенный на берега семіу́стнаго Истра, подъ вліяніе ледяной Паррасійской дѣвы! Воды Дуная едва защищаютъ отъ Языговъ, Колхидянь, отъ полчищъ (Metereaque turba) и Гетовъ.»⁴²

Въ отношеніи эпитета семіу́стный, поэтъ могъ послѣдовать примѣру трагика Сенеки, который называетъ Танаисъ семіу́стнымъ:

«Ad cuius arina venit, et qui frigidum
Septena Tanain ora pandentem bibit.»⁴³

Сарматы Языги жили по язамъ (болотистымъ мѣстамъ придунайскимъ по р. Тищѣ),⁴⁴ жили и до всему берегу Меотиды.⁴⁵ Поселенія Гетовъ или Гоеовъ были и въ Дакии и въ Босфорании. Но какимъ образомъ Халдеи Кольхиды, обрѣзывающіе крайнюю часть свою, могли попасть въ Дунайскій стихъ и тревожить Овидія своими набѣгами съ Кавказа, это понятно только переводчикамъ Овидія подъ ру-

⁴¹ Воссій, однако же, не знаетъ Гетовъ и Сигинновъ Кавказскихъ. О Сигиннахъ упоминаетъ и Геродотъ (Sigynni) и Страбонъ. Воссій въ примѣчаніяхъ говоритъ: «Sic emendandus hic versus. Getae enim, et Sigyni, ad Istrum sunt, non Tanain.»

⁴² «Solutus ad egressus missus Septemplex Istri
Parrhasiae gelide Virginis axe premor.
Jazyges, et Colchi, Metereaque turba, Getaeque,
Danubii mediis vix prohibentur aquis. Trist. L. II.

⁴³ «Sic legendum ex MS, замѣчаетъ Воссій; Sed nemo unquam Graecorum tam imperitus fuit, ut Tanain Ἐπτάστομον esse proderet. Error iste solum est Romanorum.»

⁴⁴ Plin. IV, 25.

⁴⁵ «Καὶ παρ' ὅλην τὴν πλευρὰν τῆς Μαιώτιδος Ἰάζυγες καὶ Ῥωξολᾶνοι. Ptol. I. III, cap. 5.

ководствомъ Низара. Въ своихъ *Notes des Pontiques L. I, Lettre IV*, они сообщаютъ, какъ вещь вѣсѣмъ извѣстную, что «*Le Danube seul séparaît Tomes de la Colchide.*»

Но, кромѣ Сарматовъ и Гетовъ, въ слѣдующей III-й книгѣ Элегій, Овидій опасается и нашествія Бессовъ изъ за Дуная:

«Меня окружаютъ звѣрскіе Сарматы, Бессы и Геты....

Покуда длится лѣто, Истръ ограждаетъ насъ: его свѣтлыя воды воздерживаютъ ихъ набѣги.» ⁴⁶

Въ отношеніи Бессовъ, опасеніе живущаго въ Томи Фракіи-скомъ, было также излишне. Бессы, по Географамъ, современникамъ Овидія, жили не за Дунаемъ, а съ южной стороны Балкановъ, въ верховьѣ р. Стримона. Въ числѣ 50 войсковыхъ округовъ Фракіи, у Бессовъ была также охранительная претура—*Стратѳгіа βεσσική*. ⁴⁷

Если бы Овидій жилъ не на Дунаѣ, а при устьѣ Донскаго пролива, то ему дѣйствительно могли бы казаться страшны всѣ, нечлененные имъ, народы, съѣзжавшіеся на Донской торговъ; но между ними ближайшіе сосѣды, раздѣляемые только Кубанью, были бы *Abassi* (Абхазы), а не Бессы.

Обратимъ теперь вниманіе и на слова Овидія, что онъ селся на «конечный предѣлъ Имперіи,» въ страну вновь покоренную.

«Эту часть Евксина, близкую къ Бастарнамъ и Сарматамъ, держитъ лѣвая рука Рима. Эта страна новѣйшая изъ подпавшихъ подъ законы Авзоніи, съ трудомъ лѣпится на границахъ, охраняющихъ Имперію.» ⁴⁸

⁴⁶ «*Sarmatae cingunt, fera gens, Bessique Getaeque.*

Dum tamen aura tepet, medio défendimur Istro:

Ille suis liquidus bella repellit aquis. Trist. L. III, El. X.

⁴⁷ *Plin. L. VI, 18, 1. Cl. Ptol. Geog. L. III, cap. XI.*

⁴⁸ «*Hactenus Euxini pars est Romana sinistri*

Proxima Basternae Sauromataeque tenent.

Haec est Ausonio sub jure novissima, vixque

Haeret in Imperii margine terra tui.» Trist. L. II.

Эта по видимому загадка на счетъ мѣстности Томитанской страны — terra Tomitana (Pont. L. I, Ep. 1), легко разрѣшается простымъ вопросомъ: какая часть Евксина, во время Овидія, составляла новѣйшее пріобрѣтеніе Рима, съ трудомъ охраняемое на восточныхъ границахъ Имперіи? Европейскій ли берегъ, или Азіійскій, придунайская ли часть Чернаго моря, или придонская? Фракія ли едва лѣпилась къ Имперіи при Августѣ, или вновь покоренная Помпеемъ Босфоранія? ⁴⁹

Вѣроятно, что Овидій видѣлъ въ храмѣ Минервы изсѣченную въ честь побѣдителя надпись, исчисляющую новыя побѣды и пріобрѣтенія Рима: «Кнэусть, Помпей великій, Императоръ, совершавшій тридцатилѣтнюю войну, разбившій силы въ 12,183,000 человекъ, потопившій и взявшій 846 кораблей, приведшій въ подданство 1538 городовъ и крѣпостей, покорившій все страны отъ моря Меотическаго до моря Эрнерейскаго, воздвигаетъ, по обѣту, Минервѣ.» ⁵⁰

Предѣльную часть береговъ Понта Евксинскаго, покоренную Помпеемъ, въ 61 году до Р. Х., и поступившую во власть Рима, населяли Кольхи, Иніюхи (Инды Омиреты, или, по Плинію, Amireute (Имереты), Абхазы, Еллино-Скиѣы Ахейне и Синды — Сарматы или Скиѣы Малые.

Несправедливо было бы смотрѣть на Овидія, даже съ кафедры Латинскаго краснорѣчія, какъ на голаго поэта, безъ всякихъ свѣдѣній. Смѣшивая Дунай съ Дономъ, по превратнымъ понятіямъ современныхъ ему Географовъ, онъ, однако же, не смѣшиваетъ Меотическаго берега съ Фракіійскимъ, и во всякомъ случаѣ не называлъ даже уголъ Фракіи страной только что подпавшей подъ власть Рима и едва держащейся на его границахъ.

Выпишемъ еще тираду въ отношеніи мѣстности Томитанской области:

⁴⁹ Послѣ покоренія Македоніи, за 150 лѣтъ до Р. Х., Фракія была уже подвластна Риму. Слишкомъ за 100 лѣтъ все непокорныя племена или вытѣснены, или подавлены.

⁵⁰ Plin. L. VII, 27. Смотри также въ Аппіанѣ Александрійскомъ Побѣды и Трофеи Помпея.

«Кесарь не вѣдаетъ, какова жизнь въ этихъ далекихъ предѣлахъ.... онъ не озаботится спросить, въ какой части свѣта находятся Томитаны? гдѣ эта, едва извѣстная, краина Гетовъ? что дѣлаютъ Сарматы и суровые Языги? что за поклоненіе богинѣ Орестеѣ⁵¹ въ странѣ Тавровъ? Какіе тамъ еще иные народы переносятся на легкихъ коняхъ чрезъ окаменѣлый отъ стужи Истръ?....

«О, мой прекрасный Римъ! всѣ эти народы не хотятъ звать тебя, не боятся оружія ратующей Авзоніи!»

Потомъ Овидій обращается съ мольбой къ Фабію Максиму, любимцу Августа, чтобъ онъ умилосердилъ Кесаря назначить ему изгнаніе въ иной странѣ, «чтобъ мечъ дикаго Гета не исторгъ его жизни, дарованной богами, и если умретъ, чтобъ кости его улеглись въ землѣ болѣе мирной, и прахъ не былъ подавленъ землей Скиѣской и притоптанъ копытами коней Вистонскихъ.»

Новое недоразумѣніе. Вистонія или Бистонія принимается, по смыслу Овидія, за Фракію, и, слѣдовательно, Бистонскіе кони, по всѣмъ соображеніямъ переводчиковъ, то же, что Фракійскіе кони.

Упоминаемое Страбономъ озеро Вистонское, а по Плинію и народъ, были на р. Стримонѣ, въ странѣ Синдовъ-Сапеянъ. Это далекое разстояніе отъ Томи Фракійскаго и невозможность, чтобъ Вистонскіе кони топтали прахъ Овидія, заставили предполагать, что названіемъ Вистоніи онъ почтилъ всю Фракію. Предположеніе, какъ можно замѣтить, слишкомъ смѣлое. Страна Синдовъ-Сапеянъ была, какъ увидимъ ниже, и въ Придоньѣ. Но поэтъ мало заботится о странѣ; ему нужны только мифическіе злые кони родоначальника сыновъ Марса-Вистона, которыхъ Диомедъ откармливалъ человѣческимъ мясомъ.⁵²

⁵¹ Pont. L. I, Ep. 2.

«Diana Orgestea» отъ 'Ορείστης — горный. Въ Овидіи она называется также Diana Trivia — Трехпутная..

⁵² Эта Еллинская басня образовалась изъ преданій о людскихъ и конскихъ жертвахъ, приносимыхъ Вишну-Светаваасъ — свѣтокопному или блеклоному, у Славянъ Свѣтовиду.

Спросимъ теперь, къ которой сторонѣ Понта относятся мифическія сказанія, упоминаемыя Овидіемъ?

«Посмотри, сколько славы воздало потомство сыну Эзона (Язону), за то только, что онъ посѣтилъ эту страну.»⁵³

Какія отношенія имѣетъ походъ Язона въ Колхиду къ противоположному берегу Понта, находящемуся отъ него на перерывѣ въ 1000 верстахъ? — «*Le Danube seul séparait Tomis de la Colchide, où Jason, fils d'Aeson, pénétra pour enlever la maison d'or.*» — отвѣчаетъ переводчикъ Овидія.

Оспаривать подобныя толкованія, основанныя на промахѣ, нѣтъ необходимости; они доказываютъ только невниманіе къ Исторіи, или Географіи, тамъ, гдѣ все вниманіе обращено на красоты поэзіи.

Изслѣдуемъ Колхидскую легенду о времени и мѣстѣ построенія г. Томи.

«Это мѣсто названо Томосъ, по тому, что здѣсь, какъ говоритъ преданіе, сестра изрубила своего брата на части.»⁵⁴

Изложимъ вкратцѣ содержаніе мифическаго преданія, переданнаго Овидіемъ и основаннаго на смыслѣ слова *Tomis* — отсѣченная часть, отсѣченіе.

⁵³ «*Adspice, in hoc partes quod venerit Aesone natus,
Quam laudem a secula posteritate ferat. Pont. I., I., Epist. 4.*»

⁵⁴ «*Inde Tomos dictus locus hic, quia fertur in illo
Membra Soror fratris consecuisse sui.*»

Г. Беккеръ (Пропилен Г. Леонтьева), послѣ этихъ стиховъ замѣчаетъ: «Какъ мало, однако, удовлетворяетъ Овидія такое совершенно произвольное словопроизводство, видно ужѣ изъ того, что онъ самъ, въ другомъ мѣстѣ, основаніе упомянутой колоніи приписываетъ Тому.» Въ выноскѣ это другое мѣсто означено въ *Trist. I., 10, 4'*. Но ни въ этой 10-й элегіи, ни въ другихъ, Тома, основателя г. Томи, мы не нашли; это свѣдѣніе, безъ сомнѣнія, принадлежитъ какому ни будь особенному, исключительному кодексу Овидія. Что касается до того, удовлетворялся ли онъ словопроизводствомъ отъ *Tomis*, то, напротивъ, онъ подтверждаетъ его (*Trist. I., III, El. 9*) легендой объ Абсиртѣ, изрубленномъ на части Ме-

«Кто бы подумалъ, что здѣсь, между варварскими городами, есть и города Греческіе? Милетская колонія основалась посреди Гетовъ, но названіе мѣстности гораздо древнѣе. Основаніе города относится ко времени убіенія Абсирта. Нечестивая Медея, воспользовавшись кораблемъ, построеннымъ воинственной Минервой, нарушила спокойныя дотолѣ волны бѣгствомъ своимъ отъ отца. Въ то время, какъ веслы усиливали бѣгъ, вѣстовой вдругъ увидѣлъ на высотѣ моря корабль. — «Враги!» вскричала Медея; — «я узнаю Колхидскія паруса!» — Встревоженные Минійцы,⁵⁵ заторопились отвязывать канаты и вытаскивать якорь... Между тѣмъ, приближеніе Колхидскихъ парусовъ ужасало Медею. — «Я погибла!» — вопить она; — «Какъ задержать отца?» — Окинувъ взорами вокругъ, она остановила ихъ на братѣ своемъ. — «О, мы спасены: сама смерть подаетъ мнѣ руку помощи!» — И съ этимъ словомъ Медея поражаетъ невиннаго юношу мечемъ, разсѣкаетъ его тѣло на части и разбрасываетъ по берегу. Блѣдныя же руки и окровавленную голову выставляетъ на вершинѣ скалы, чтобъ отецъ узналъ своего сына; чтобъ, пораженный отчаяніемъ и собирая разбросанные члены его, забыть о преслѣдованіи дочери.»

Кому могъ прийти въ голову подобный вымыселъ, основанный на созвучіи Еллинскаго слова *Τομή*, съ названіемъ города, кромѣ Ахейнъ-Фессалійцевъ,⁵⁶ поселившихся въ Синдикѣ и гордившихся преданіями о своемъ соотечественникѣ Язонѣ, похитившемъ, изъ сосѣдней имъ Колхиды, и Медею и Золотое руно?

Очень естественно, что подобныя народныя разсклы примѣняются, при сходствѣ названій, къ разнымъ мѣстностямъ;⁵⁷ но слѣ-

⁵⁵ Минія (Minyus), въ послѣдствіи Архомена, въ Фессалія.

⁵⁶ Во время похода Язона, Ахейне Фѳіоты (*Ἀχαιοὶ Φθιώται*), пришедшіе съ нимъ, поселились на этой набережной Понта. *Strab. L. XI, p. 495.*

⁵⁷ На этомъ основаніи, тотъ же разсказъ привязался и къ островамъ Апсиртидамъ, на Адриатическомъ морѣ: «Вдоль этихъ береговъ, между прочими островами, есть Апсиртиды, гдѣ, по разсказамъ, Медея убила, будто бы преслѣдовавшаго ее брата, Апсирта.» *Страб. L. VII.* Примѣненіе разсказа и здѣсь имѣетъ въ основѣ смѣшеніе Дона съ Дунаемъ (Истромъ), а Истра съ Истрией. По Географической повѣсти Скимна, два рукава Истра впадаютъ въ

дуетъ обращать вниманіе на ту мѣстность гдѣ вымысль имѣетъ свое начало, основываясь на мифахъ страны.

Объ Апсиртѣ упоминаетъ Арріанъ въ своемъ Периплѣ или плаваніи по набережнымъ Чернаго моря. Слѣдуя отъ Трапезонта, по восточной сторонѣ Понта, онъ пишетъ:

«Прибывъ въ Апсаръ, который занимаютъ пять когортъ, мы выдали имъ жалованье и осмотрѣли вооруженіе, стѣны, рвы, больницы и житницы.... Апсаръ, по преданію, называется прежде Апсиртомъ, по имени убитаго Медеей Апсирта, котораго могилу здѣсь показываютъ....»

За Кольхидянами живутъ, въ неприступныхъ горахъ, воинственные Санны (Сваны), ⁵⁸ которые прежде платили дань Римлянамъ, а теперь разбойничаютъ. Махелоны ⁵⁹ и Гиніохи, у которыхъ правителемъ Анхіалъ. Сосѣды ихъ Зидриты, подвластные Фарасману; за ними Лазы, управляемые Малассомъ, получившимъ власть отъ тебя. Лазамъ сопредѣльны Ансилы. Надъ ними властвуетъ Іудіанъ, обязанный престоломъ твоему отцу. Подлѣ нихъ Абассы ⁶⁰ (Абхазы). Владѣющій ими Рисмагъ поставленъ тобою. За Абассами Саниги, въ странѣ которыхъ Севастополь. ⁶¹ Ихъ царь, Спадагъ, получилъ царство отъ тебя. До Апсара мы плыли къ востоку пра-

въ Адриатическое море, какъ два рукава Дона въ Меотиду. Для Еллинистскихъ купцовъ-историковъ этого достаточно было, чтобъ назвать острова протяжъ р. Тимавы (Plin. L. III, 30) Апсиртидами, и перенести сюда любопытный Колхидскій разсказъ. При р. Тимавѣ (Тимаѳос) былъ и храмъ Діомеда — Тимавонъ.

По Скилаксу Каріандрскому: «за Энѣтами, народъ Истры (Ἰστρὸς Ἰστρῶς) и рѣка Истръ.»

⁵⁸ По Плинію Sanni (L. VI, 4). Черезъ ихъ землю течетъ съ вершинъ Кавказа р. Кобусъ (Cobus). Въ той же главѣ Sanni-Henioschi, и рядомъ, устье р. Апсары и замокъ. Съ появленіемъ названія Гунновъ—Oouuoі, названіе Ниніохосъ исчезаетъ.

⁵⁹ У Плинія Melanchlaeni (по Герод.), т. е., Мингрелы.

⁶⁰ У Арріана замѣняютъ уже Ахеявъ, существовавшихъ еще въ географическихъ свѣдѣніяхъ Плинія. Сосѣди ихъ Санниги замѣняютъ уже Синдоуъ. У Плинія тѣ и другіе.

⁶¹ Собственно Sivas, а по цери историкамъ *Σίβα* Черноморскихъ Индовъ или Синдовъ.

вымъ берегомъ Евфисина. Алсартъ, по моему мнѣнію, крайняя восточная часть Понта. Отсюда до рѣки Ховонъ (Χῶβρον пот.), отъ Ховонъ до Сигамы (Σιγάμην — Singames), плыли по направленію къ сѣверу. Отъ Сигамы же поворотили къ лѣвой сторонѣ моря—
 Ἀπὸ δὲ Σιγάμου, ἐκάμπτομεν εἰς τὴν λαίαν πλευρὰν τοῦ Πόντου.»

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на разграниченіе правой и лѣвой стороны моря, въ смыслѣ древнихъ Географовъ.

«Maris Euxini positos ad laeva,
 Tomitas quaerere....»

Древніе представляли всякое море круглою или овальною чашей; по измѣренію окраинъ, они дѣлили ее діаметрально на двѣ половины. Если ѣхать отъ Константинопольскаго пролива вправо, Азіатскимъ берегомъ до Тамани, то переѣздъ составитъ около 1600 верстѣ; если же ѣхать влѣво, западнымъ берегомъ къ Днѣпру и окружая Тавриду, то разстояніе переѣзда до Тамани только 1200 верстѣ. ⁶⁸ Собразно этимъ разстояніямъ древніе и опредѣляли конечныя точки длины моря—мысъ Балкана (Эмице-бурну) и рѣку Фазисъ (Ріонъ); а ширины—Синдику на Босфоръ (Кимм.) и устье рѣку Алія. По Агаѳимеру, въ его землеописаніи (Geogr. antiqua, Jac. Gronovius): длина Понта отъ Эмоса (Ἀἴμων, а не Тόμων, какъ читаютъ Гг. издатели) до р. Фазиса 6000 стад. (857 в.); ширина: отъ Фанагоріи до р. Алія (Halyos) 2400 ст. (343 в.). Геродотъ измѣряетъ ширину отъ Фемискиры (близъ р. Алія) до Индіи Черноморской или Сардики (Азіат. бер. Босфор.) въ 3,300 стадій; такимъ образомъ у того и другаго поперечникъ, раздѣляющій море на двое, одинъ и тотъ же, и Таманскій полуостровъ, который, по Плинію, жители называли Еіон, Еон, ⁶⁹ могъ быть ad laeva.

Уклонясь нѣсколько отъ Апсара, мы возвратимся къ нему и къ преданію о мионическомъ событіи, совершившемся близъ береговъ

⁶⁸ Периплъ Понта Евксинскаго считаетъ разстоянія отъ храма Διὸς Οὐρέου (Διόσκουρου?), находившагося близъ Кіаней Авійскихъ, до устья Меотиды: «говорятъ, что переѣздъ вдоль Европейскихъ береговъ равенъ переѣзду вдоль Азійскихъ» (?).

⁶⁹ «Peninsula inter Pontum et Maeotim lacum excurrentis, Eionem vocat.» L. VI, 6. У Арріана въ 380 стад. отъ устья Тамвракскаго лимана, неопредѣленная мѣстность Ἰόνος.

Колхиды. Изъ всего предыдущаго можно сообразить, что мѣстность Томи и Апсирта или Апсара, одна и та же, и что на этой мѣстности, какъ сообщаетъ Страбонъ, поселились, во время похода Язонъ, пришедшіе съ нимъ, Ахеяне Фѳіоты. ⁶⁴ По всѣмъ Географамъ Фанагорія въ Синдикѣ; Горгиппу признаютъ столицей Синдіи; по Страбону, между Фанагоріей и Горгиппіей, живутъ Аспургіаны (Ἀσπουργίανοι, Ἀσπουγγίτανοι, Ἀσπουργίτανοι), извѣстные только одному ему, а можетъ быть только переписчикамъ его. Тутъ же, по Страбону, рядомъ съ Горгиппіей, и Ахеяне. У Скилакса, между Фанагоріей и пристанью или столицей Синдовъ, вмѣсто Аспургитанъ, Кипи (Κῆποι, Κῆπος); ниже пристани Синдовъ (Σινδικὸς λιμὴν) Πάτους; а у Плинія Πάτους обращается въ Pitius, и, вмѣсто пристани Синдовъ, Seggi (т. е., Serbi) Cephalotomi или Cephalotomos, ⁶⁵ что явно составляетъ ошибочное чтеніе въ какомъ ни будь Греческомъ Географѣ. Тутъ же, вмѣсто Τομεάται, у Скилакса Керхетаи и вмѣсто καὶ πόλις Τομικὸς καὶ λιμὴν—πόλις Τορικὸς, вмѣсто Τομετικὴ ἄκρα—Τορετικὴ ἄκρα (Ptol. V, 9). Но объ этѣхъ измѣненіяхъ мы упомянемъ подробнѣе послѣ; здѣсь же приводимъ ихъ только для того, чтобъ спросить, могъ ли Овидій, воплощенную легенду на Азіатскомъ берегу, переносить на Европейскій берегъ, въ уголъ Фракіи, въ какой-то сомнительный Томі?

Допытываясь изъ словъ Овидія о климатѣ, топографіи, туземномъ населеніи и народныхъ легендахъ Томитанской области, обратимся теперь къ сообщаемымъ имъ историческимъ свѣдѣніямъ о Котисѣ, котораго онъ умоляетъ, какъ скептуха или державца этой области, о заступничествѣ предъ Августомъ. ⁶⁶

«Потомокъ Царей, Котисъ, котораго происхожденіе восходитъ до Евмолпа, если молва дошла до твоего слуха, что я заброшенъ въ границы твоей земли, то прошу тебя, не отвергни мольбу и помощи изгнаннику — тебѣ это возможно. Я не обвиняю судьбу, ко-

⁶⁴ Аппіанъ называетъ ихъ Скиескими Ахеянами.

⁶⁵ Въ переводѣ Низара «les Coupe - Têtes. Если бъ это было Греческое прозвище, а не искаженное названіе, самъ Плиній объяснилъ бы его. Это искаженіе такое же, какъ названіе Мингреловъ, по Геродоту и Плинію Μελαγχλαῖνι (Черноризцы), по Арріану Μαχελώνων, по Страбону Μακροκράγωνες — длиннородные, etc.

⁶⁶ Pont. L. II, Ep. 9.

терзя. передала меня въ твои руки: впервые, и только въ этомъ случаѣ, она не была враждебна мнѣ. Прими благосклонно разбитую лодью мою, и да не будутъ берега твои столь же жестоки, какъ волны моря.»..... «Блескъ твоего происхожденія возлагаетъ на тебѣ обязанность великодушія: оно есть наследіе рода божественнаго, въ чемъ убѣждаютъ — Евмолпъ, знаменитый родоначальникъ твой, и предокъ его, Эрихоній.. «Ты также достойный сынъ знаменитаго отца, Котисъ; будь покровомъ изгнанника, который изнемогаетъ въ предѣлахъ твоего стана!...»

Имя Котисъ (Cotys, Κοτύς) нѣсколько извѣстно Исторіи, а болѣе извѣстно Нумизматикъ Босфора Киммерійскаго. Какъ и имена Риметакъ, Рискупорисъ, Фарнакъ etc., оно созвучно именамъ Мидійскимъ, Халдейскимъ, или Гоескимъ, и относится къ той эпохѣ, когда Римляне, побѣдивъ Митридата, Кагана Понтійскаго, и овладѣвъ странами восточнаго берега Чернаго моря, предоставили духовно-гражданскую власть надъ ними тому же роду Гебровъ-Маговъ, отъ котораго происходитъ и Митридатъ. Имя Котиса повторяется часто, въ эпоху преобладанія Гоевъ въ Босфораніи, на монетахъ, которыя продолжали, по обычаю, чеканить Каганы, утверждаемые Императорами и преклонявшіеся предъ ихъ истуканами, какъ предъ богами земли.

Овидій льститъ самолюбію Котиса, сравниваетъ его съ Магомъ Ореемъ, и называетъ его вѣщимъ — Vates, что въ древнемъ смыслѣ значило собственно волхвъ, прорицатель, чарующій гимнами, какъ Gauti, прозвище Кагана Одена, сѣвернаго Гоескаго Орфея. ⁶⁷

«Nec regum quisquam magis est instructus ab illis (ingenueas artes),

Mythibus ⁶⁸ aut studiis tempora plure dedit.

Carmina testantur, quae, si tua nomina demas,

Threicium juvenem composuisse negem.

⁶⁷ «Kōng (Kuning) Eurpaeorum diversum esse non putant a Kahan, quod in Ebraea lingua non solum sacerdotem, sed etiam principem denotare, observarunt Philologi.» Ihre.

⁶⁸ Mythibus ?

Neve sub hoc tractu Vates foret unicus Orpheus,
Bistonis ingenio terra superba tuo est.»

«Нѣтъ Царя, который бы болѣе тебя позналъ науку; который бы болѣе тебя посвящалъ время тишинѣ (?) или познанію. То свидѣтельствуютъ твои гимны, и если бѣ ты скрылъ свое имя, я бы не повѣрилъ, что ихъ слагалъ воинъ Фракіи (?). Не одинъ Орфей пѣснотворецъ этѣхъ странъ: страна Вистона (сына Марса) гордится твоимъ гениемъ.»

Изъ Влолліи ли Фракійской, или изъ Фракіи Влолліанской, былъ Котисъ родомъ — это трудно разгадать. Въ посланіи Овидія важно только свѣдѣніе, что онъ сосланъ въ предѣлы страны, гдѣ Rex Pontifex Котисъ.

Въ Котисѣ Овидія и историки и нумизматы видятъ Котиса Тацита, который, въ своихъ Лѣтописяхъ, ⁶⁶ сообщаетъ слѣдующее:

Упомянувъ объ Артакѣ, возведенномъ Германикомъ на престолъ Арменіи, и о хитрой политикѣ Тиверія, онъ продолжаетъ: «Точно такую же хитростію онъ обошелъ и Рискунориса, Царя Фракійскаго. Риметалкъ владѣлъ одною всею областію. Послѣ его смерти, Августъ раздѣлилъ ее между Рискунорисомъ, братомъ Риметалка, и Котисомъ, сыномъ его. Мирному и благодушному Котису онъ далъ земли и города, сосѣдніе съ Греціей (*arva et urbes vicina Graecia*), а суровому, завистливому и недюдимому Рикунорису, земли невоздѣланныя, дикія и пограничныя землямъ непріятельскимъ. Сначала все было мирно; но вскорѣ Рискунорисъ нарушилъ границы владѣній брата и присвоилъ себѣ данное ему. Но онъ еще боялся Августа. Когда же узналъ о его смерти, напалъ съ шайкою разбойниковъ на владѣнія брата.» «Возникшая война между братьями прекратилась по повелѣнію Тиверія. Котисъ распустилъ войско свое, а Рискунорисъ, пригласивъ его къ себѣ для мирныхъ условій, заключилъ въ оковы.»

Кажется, здѣсь дѣло идетъ объ Азійскихъ областяхъ, подвластныхъ Риму, но управлявшихся туземными Династами. ⁷⁰ Рѣшено, од-

⁶⁶ Ann. L. II, § 64.

⁷⁰ Фракія въ это время раздѣлена была по племенамъ на 50 воеводствъ и управлялась ими. «*Thraecia sequitur, inter validissimas Europae gentes, in Strategias quinquaginta divisa.*» Plin. L. IV, 18.

нако же, историками сообщается, что Риметалкъ и его наследники царствовали во Фракіи Европейской. Такъ ли это? Вникнемъ въ смыслъ разсказа. Область Котиса, прилегавшая къ Греціи, должна была состоять изъ Rhodaraea и Eugoraea, на южной сторонѣ Балкановъ. При этомъ условіи дѣленія, областю Рискупориса была Мисія, или сѣверная сторона Балкановъ, до Дуная, тѣмъ болѣе, что, по словамъ же Тацита, Рискупорисъ владѣлъ землями, соседними съ Бастарнами и Скиѣами.⁷¹ Слѣдовательно, стихи Овидія ни какъ не сходятся съ прозой Тацита, и ему слѣдовало писать посланіе не къ Котису, а къ Рискупорису, въ предѣлахъ котораго, какъ оказывается, былъ Томи. Но этого мало: сама Исторія, кажется, не знаетъ, куда помѣстить Котиса въ Европѣ. Въ томъ же свѣдѣніи о немъ, Тацитъ, подъ названіемъ Фракіи подразумѣваетъ только южную сторону Гема или Балкана. «Латиній Пандусъ, говоритъ онъ, Пропреторъ Мисіи (Moesiae), отправляетъ повелѣніе Тиверію во Фракію, дабы Рискупорисъ выдалъ плѣннаго Котиса.» Рискупорисъ жалуется Кесарю, что Пандусъ питаетъ къ нему вражду, и Тиверій назначаетъ въ его область, Мисію, Помпонія Флакка, съ которымъ Рискупорисъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ въ Европейской Фракіи невозможно примирить Овидія съ Тацитомъ. Перенести же событіе во Фракію и Мизію Азіійской стороны Понта также нельзя: тутъ недостаетъ Бастарновъ и Скиѣовъ, соседовъ области Рискупориса.

Таковы смуты, происходящія въ Исторіи, отъ какого ни будь признаннаго, но не призваннаго, авторитета, который, опираясь на Дунай, рѣшилъ, что, вмѣсто Тагиса, надо читать Thracica, а вмѣсто Maeotius — Moesius.

Но, кромѣ Котиса, упоминаемаго Тацитомъ, Флоръ, въ своей Римской Исторіи, говоритъ о современникѣ Августа и Овидія, Котисъ, Царь Даковъ или Гоеовъ.

«Даціане, каждый разъ, когда замерзалъ Дунай,⁷² по повелѣнію своего Царя Котиса (Colisonis regis imperio), дѣлали набѣги и

⁷¹ «Simul bellum adversus Bastarnas Scythasque praetendens, novis peditum et equitum copiis sese firmabat.» Ann. L. II, 65.

⁷² Всѣ походы Скиѣовъ (Славяно-Руссовъ), какъ извѣстно, на Римскую Имперію, за нарушеніе договоровъ, предпринимались всегда съ наступленіемъ

грабили сосѣднихъ народовъ. Августъ принужденъ былъ послать Лентула за Дунай и охранять берега. Такимъ образомъ Дація, хотя и не была покорена, но занята войсками и отодвинута въ горы. Всадники Сарматы разѣзжали по пространнымъ степямъ; но Лентулъ заградилъ имъ путь чрезъ Дунай.»

Въ этомъ извѣстїи два предмета касаются до Овидія. Во первыхъ, во Фракіи ему не для чего было «*couvrir d'un casque sa tête blanchissante, et armer d'un glaive pesant son bras affaibli.*» Во вторыхъ, Флоръ зналъ Котиса, современнаго Августу и Овидію, какъ Царя Даціанъ или Гоовъ, а не какъ Царя Фракіи, что и подтвердятся ниже.

Тотъ же самый Котисъ былъ извѣстенъ и Страбону. Въ книгѣ XII, при обзорѣ восточнаго берега Понта, онъ пишетъ: «Тиварены и Халдеи до Колхиды; города Фарнакія и Трапезосъ, управляются Пиеодорой, женщиной необыкновенно умной и способной къ управленію. Она была за мужемъ за Полемономъ,⁷⁵ и наследовала ему, когда онъ умеръ у Аспурговъ, которые принадлежатъ къ числу варваровъ, сосѣднихъ съ Сидіей.⁷⁶ У ней было два сына и дочь, которую она выдала за Котиса Сапейскаго. Когда же онъ былъ убитъ, дочь Пиеодоры осталась вдовой, съ дѣтьми Котиса. Старшій изъ нихъ наследовалъ царство отца.»

Зять Полемона, Котисъ Сапейскій, признается и нумизматами за того самаго Котиса, о которомъ упоминаетъ Тацитъ, и къ кото-

весны, на корабляхъ. Здѣсь говорится о частныхъ набѣгахъ Сарматъ-границаръ, которые болѣе рассчитывали на оплошность Римской пограничной стражи и на удалство, нежели на замерзаніе Дуная.

⁷⁵ Каганомъ Понтійскаго царства. По найденной монетѣ въ Эолии, онъ былъ верховнымъ жрецомъ и въ этой странѣ. Опис. Музея Кн. Кочубея. Г. Юне. Т. II, 174.

По Страбону Полемонъ преобладалъ до Танаиса, и за возстаніе Тавантовъ, разорилъ ихъ городъ и вскорѣ былъ убитъ въ странѣ Аспурговъ.

⁷⁶ *Regia Scythia Sendica*; по Геродоту Индія Кавказская; по Царк., вост. Индія внутренняя — *Ἰνδοτάτος Ἰνδοί* или *Σάρδαι*.

рому относится посланіе Овидія. Слѣдовательно, для рѣшенія вопроса должно опредѣлить мѣстность Сапеевъ...

Сказаніе Страбона касается до Азійскихъ областей. Писодора царствовала въ областяхъ Фарнакіи, Трапезосъ, Колхидъ и въ округахъ варваровъ, находящихся выше, какъ выражается онъ.⁷⁵ Здѣсь должно искать и Сапеевъ Котиса. Σαπαῖοι или Σάβοι и извѣстны на бережныхъ Меотиды. Но и Сапеи двоятся. Страбонъ, слагая вину Грековъ на варваровъ, жалуется на варварское измѣненіе собственныхъ именъ и названій мѣстъ, и говоритъ, что имя Халдеевъ легко могло измѣниться въ Аливовъ, какъ и въ Халивовъ. При этомъ случаѣ онъ приводитъ въ примѣръ, что и во Фракіи существуетъ народъ, который въ древности назывался Sinties (Sindi), измѣнился въ Sinці, потомъ въ Σαῖοι, а наконецъ принялъ названіе Σαπαῖοι, и что всѣ эти племена (Синдовъ) живутъ подъ различными названіями около Абдеры, на островѣ Лемносъ и на другихъ соседнихъ островахъ.»

Въ «Χρηστομαθεῖαι ἐκ τῶν Στραβωνος Γεογραφικῶν»⁷⁶ объ этихъ племенахъ сказано яснѣе: «Всей Елладой первоначально владѣли варвары; но и по нынѣ владѣютъ Эпиромъ и населяютъ сосѣдство Еллады, Πελοπόννησος и Μακεδονίῳ, Скиѣи Славяне (Σκῦθοι Σκλάβοι.»⁷⁷

Плиній въ свою очередь упоминаетъ, кромѣ Сапеевъ Тананитовъ,⁷⁸ о Сапеяхъ, живущихъ между р. Стримонъ (нынѣ Струма) и Нестой (нынѣ Мѣсто), гдѣ, по прокладкамъ, и Sindica и Moedica и Stabulum Diomedis (Tirida) и Sapaegum Stenae и βιστονίς λίμνη.

Но дѣло не въ томъ, что чистыя Арійскія племена — Инды,⁷⁹ по вѣрованію Сайвы, Сайваны (Сиванты) повсюду, и въ Азія, и въ

⁷⁵ L. XI, 499.

⁷⁶ «Избранныя мѣста изъ Геогр. Страбона» или Сокращеніе.

⁷⁷ Въ Географіи Страбона, вмѣсто варвары, исчислены Фракіяне, Иллирійцы, Эпироты, а вмѣсто Скиѣи-Славяне — варвары.

⁷⁸ L. VI, 7.

⁷⁹ Частное названіе жившихъ по р. Инду или Синду, перешедшее у Персовъ въ общее названіе Арійцевъ - Савіанъ — Гиндѣ.

Европѣ, назывались тѣми же именами—Sindi, Sinti или Σουήβοι, Σαβίοι, Σαίοι, и по Готскому произношенію, а по Греческому писанію, вмѣсто Азіятскаго Sabaei — Σαπαίοι, но въ томъ, что Полемону и Псевдорѣ гораздо сподручнѣе было выдать дочь свою за Котиса Сабейнъ Босфоранскихъ,⁸⁰ нежели на другой край свѣта, за гадательнаго Котиса Сабейнъ Стримонскихъ.

Если мы обратимся отъ Chersonesus Thracica, около котораго жили Сапеяне Стримонскіе, къ Chersonesus Taurica, близъ котораго жили Сапеяне Меотиды, то слова Тацита примуть слѣдующій смыслъ: Риметалкъ владѣлъ всей Тавридой (къ которой относился и Керченскій полуостровъ, составлявшій часть Босфораніи, а вѣроятно и вся Босфоранія). По смерти его, Императоръ Августъ раздѣлилъ область между братомъ его, Рискупорисомъ, и сыномъ, Котисомъ. Рискупорису далъ во владѣніе земли на сѣверной сторонѣ Таврическихъ горъ: «quod incultum, ferox, annexum hostibus Rhescuporigidi cessit». Здѣсь онъ былъ сосѣдъ и Бастарнамъ и Скиѣамъ. Котису же далъ полуостровъ Керченскій и полуостровъ Таманскій, т. е., земли, прилежащія Греческимъ колоніямъ по обѣ стороны пролива.

Это возстановленіе Котиса, въ настоящей мѣстности его владѣній, въ Малой Скиѣи, которая, во время управленія Каганами, называлась и Готіей, оправдываетъ слова Овидія, примиряетъ Историческія и Нумизматическія объ немъ свѣдѣнія, а главное, согласуется съ сказаніемъ Константина Багрянороднаго,⁸¹ почерпнутымъ изъ XV книги Олимпіадъ Флегона: «Городъ Босфоръ былъ подъ властію Котиса, царя Босфораніи, которому Кесарь присудилъ носить корону, и подчинилъ ему города (Греческіе), въ числѣ которыхъ и г. Херсонъ.»

Разсмотримъ теперь Нумизматическія свѣдѣнія о Котисѣ.

⁸⁰ Г. Бекъ, въ Corp. Inscrpt. Graec., догадывается, что Меотическіе Сарматы, Σαίοι есть тѣже Σαπαίοι и тѣже Σάβοι, по которымъ названа и Ὀλβία Σάβια. Замѣчательно, что до сихъ поръ, на счетъ древнихъ Славянъ и Руссовъ, допускаются только догадки, подлежащія еще сомнѣнію, а замѣчательнѣе всего то, что по части Исторіи мы не только не зазнаемся, но и не хотимъ знать себя.

⁸¹ «Δωδέκατην ἑώρα — Χερσῶνος.»

Въ описаніи Музея Кн. В. В. Кочубея, ⁸² Г. Кёне сообщаетъ о золотыхъ монетахъ Синдіи, доказывающихъ, что первый владѣтель изъ рода Аспургіанъ, былъ признанъ Августомъ, голова котораго изображена на всѣхъ этихъ монетахъ. «Самое большое затрудненіе, говоритъ Г. Кёне, заключается въ нахожденіи имени этого Государя, перваго изъ Аспурговъ. Кари и Висконти называютъ его Савроматомъ 1-мъ».

Слова Флегона о Котисѣ, кажется, положительно разрѣшаютъ это затрудненіе; а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняютъ, почему «по смерти Полемона Аспуриане впервые овладѣли Фанагоріею, которую и сдѣлали своею первою столицею. Они овладѣли и всѣмъ Таманскимъ полуостровомъ, и заняли Крымъ.» ⁸³

⁸² Т. II, стр. 196.

⁸³ Считаю не излишнимъ изложить здѣсь предположеніе въ отношеніи Аспурговъ или Аспургіанъ. Они извѣстны были только Страбону, вѣроятно, по словамъ Готовъ, какъ поселенцы между Греческимъ городомъ Фанагоріей и Горгишпой (названіе искаженное), столицей Синдовъ. Они, съдѣловательно, пришельцы со времени Полемона, покорившаго г. Танаисъ, который, какъ увидимъ въ послѣдствіи, и былъ этой столицей. Промышленные Готы и Каганы ихъ не могли бы здѣсь держаться безъ поселенія какихъ нибудь воинственныхъ прозелитовъ. Эти прозелиты, должно полагать, были Асы (Яссы) и Торки. Яскій торгъ или городъ былъ Астрахань, по Рубруквису, при устьяхъ Волги. Готское названіе его, сообразное туземному, Asgard, а сообразное Греческому Aspurg (ἀσπυργος). Припомнимъ Asgard Готскихъ сѣверныхъ преданій, откуда Оденъ (собст. Gudin—жрецъ) Сигге Фридльфонъ, Каганъ (Kong) Азовъ и Торковъ, перешелъ съ частію народа на сѣверъ, во время повсемѣстнаго преслѣдованія Иудеевъ и Халдеевъ-Маговъ Имп. Траяномъ, около начала 2-го вѣка. «Сигге правительствовалъ тогда, какъ верховный жрецъ и излагатель воли боговъ, надъ Асами, Готскимъ народомъ, по происхожденію и языку (?), обитавшимъ между Танаисомъ, Кавказомъ и Каспійскимъ моремъ, къ которому причислялись и Торки.» Ист. Швец. Далма. Слѣдуя чрезъ Svavathiod hin mikla (чрезъ великую Словенію), они пришли въ Приморскую Русь: «Einn adir Tirkjar oc Asiaemenn komu a Nordur laund, bigdu Nordur halfurnar Risar,» т. е., «когда Тирки и Асы пришли въ сѣверныя страны, по сѣвернымъ бережнымъ жили Руссы.» Hervarar Saga, cap. 1. — «Their Aesar töku sier kuonfang thar Innannlands en sumer sonum synum, og urdu thessar aelter fiolmennar, so ad umm Saxland, og alle thadann umm Norduralfur dreifdest, so ad theirra Tungu asiae manna var eigen Tungu umm oll these Lond.» Т. е., «Эти Асы брали за сыновей сво-

Въ «Древностяхъ Босфора Киммерійскаго» упоминается о найденныхъ въ Керчи двухъ мраморныхъ пьедесталахъ статуй, съ надписями Котиса, правителя Босфорани. Въ одной надписи (XX-й), по случаю открытія цѣлебнаго источника, сохранилось имя благочестиваго Котиса, возвеличившаго славу страны предковъ и владычествующаго надъ всѣми областями Инахидовъ, а можетъ быть Иніоховъ (Εἰνάχοι, Ἰνάχοι, Ἰνίοχοι).

Въ другой надписи (XI-й), Котисъ Аспургскій, названный въ поясненіяхъ первымъ Царемъ этого имени, неизвѣстно по чему, отнесенъ ко времени Нерона, сына блаженнаго Клавдія. Смыслъ надписи: «Ликъ Отца Отечества (Pater Patriae, слѣдовательно, Августъ), «своего спасителя и благодѣтеля, воздвигъ Котисъ Аспургскій, другъ Кесаря и Римлянъ, благочестивый первосвященникъ боготворимаго (Εὐσεβῆς ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν).

Монета Котиса, описанная Г. Кёне, имѣетъ слѣдующія надписи и изображенія: съ одной стороны: ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΚΟΤΥΟΣ. Кургульное кресло, на которомъ вѣнокъ, въ право скиптръ съ бюстомъ; съ другой стороны: ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, круглый щитъ, копьё съ значкомъ въ видѣ конской головы, бюстъ, украшенный короною; внизу шлемъ съ перьями и мечъ.

Овидій называетъ Котиса потомкомъ знаменитаго рода, происходящаго отъ Евмолпа и первоначальника его, Ерихѳона. Тайна этого родословія заключается въ Египетскихъ тайнахъ, или, по Плинію, въ тайнахъ Маговъ, основанныхъ Ерихѳономъ въ Елевзинѣ. Евмолпъ же былъ первый іерофантъ этѣхъ таинъ, и въ родѣ его утвердилось это званіе наследственно.⁸⁵ Этими родоначальнѣмъ объясняется и титулъ Котиса въ надписи: εὐσεβῆς ἀρχιερεὺς, замѣняющій обычное Египет-

ихъ дочерей туземцевъ, такъ что ихъ родъ въ короткое время распространился до Саксоніи и по всему сѣверу, и языкъ ихъ сталъ общимъ въ этѣхъ странахъ». Edda Island., cap. III.

⁸⁴ «Ob haec tot facta ingentia Dictator perpetuus et pater Patriae dictus». Florus.

⁸⁵ Страб. (L. VII, 321) упоминаетъ Евмолпа въ числѣ колонизаторовъ Египетской и Халдейской пропаганды—Пелопса, Даная, Кадма и пр.

ское, Халдейское, Еврейское и Персидское названіе Каганъ, обратившееся у Готовъ въ *Kung, Kong, Konung*.⁸⁶ Вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и льстивое восхваленіе, въ которомъ Овидій сравниваетъ псалмодіи Котиса съ гимнами Орфея, проповѣдывавшаго Магізмъ.

Евмолпъ, по Страбону, при помощи Θρακίηцевъ, овладѣлъ Атикой; Евмолпъ первый Іерофантъ Елевзинскаго храма, въ Атикѣ; Евмолпъ, по Плинію, первый въ Атикѣ вертоградарь. Халдейское-Колхидское, Мидійское - Мисійское (*Μοισων, Μισων, Μηδων*) върваніе, чествовавшее Гада (*Gud, خدا*) и дни новолунія (*Μήνη, μήν—τῆνα*),⁸⁷ проникло, слѣдовательно, въ Елладу чрезъ Македонію, при помощи прозелитовъ Θρακίηнъ, которые вели свой родъ отъ Вистона, сына Арея или Марса.

Движеніе Халдеевъ-Маговъ легко опредѣлить, прокладывая послѣдовательно всѣ Мугдоніи (*Μυγδονία*): сперва Ассирійскую, между Тигромъ и Евфратомъ, потомъ Малоазійскую (*Μυσία*), а въ заключеніе Θρακίηскую, извѣстную подъ названіемъ Македоніи. Здѣсь и было первоначальное водвореніе централизаторовъ Готовъ въ Европѣ. Подъ вліяніе ихъ и этой системы подпалъ Филиппъ,⁸⁸ покорившій Грецію, а потомъ сынъ его Александръ, *Κτιστής* и покоритель Азіи. Во время войны Римлянъ съ Митридатомъ, единовѣрцы его должны были выселиться за Дунай, въ извѣстную Дацію⁸⁹ или Готію Карпатскую.⁹⁰ Здѣсь они продолжали возстановлять туземныя племена и Германовъ на Римъ. Траянъ вынудилъ ихъ продолжать путь къ Сѣверу.

⁸⁶ «Ol. Rudbeckius junior, et cum illo alii, Kong Europaeorum diversum esse non putant a Cahān, quod in Ebraica lingua non solum sacerdotem, sed etiam principem denotare, observunt philologi.» Ihre. Gloss. Suiogoth.

Іорнандъ, въ Исторіи Готовъ, замѣняетъ названіе *Kong* или *Cohen* Латинскимъ толкованіемъ: «Nec etenim et Rex illis et Pontifex ob suam peritiam habebatur, et in sua justitia populos judicabat.»

⁸⁷ Strab. L. XX, p. 357.

⁸⁸ Іорнандъ, Ист. Готовъ.

⁸⁹ Діонъ упоминаетъ, что Даки или Готы Дунайскіе переселенцы изъ Родоніи.

⁹⁰ *Dacia* есть Римское названіе, а потому не *Дакія*, какъ писали Греки; жители не *Даки*, а *Daciones*, какъ называетъ ихъ Птоломей.

Изъ этого краткаго очерка отношеній Азійскихъ Готовъ къ Европейскимъ, понятны титулы, которые .даетъ Овидій Хотису Босфоранскому, не различая ни мѣстностей, ни народностей; столь же неопредѣленна у него и *Bistonis terra*.

Ораковъ Виѳинскихъ Ксенофонтъ называетъ воинственнѣйшимъ народомъ изъ всей Азіи. Они считаютъ родоначальникомъ своимъ Виѳона (*Bithon*), сына Арея или Марса.

Точно также и коренные обитатели Вистоніи (*Bistonia*) Македонской. ведутъ свой родъ отъ Вистона (*Biston*), сына Арея или Марса.

Слѣдовательно, Вистонъ есть не что иное, какъ двойникъ Виѳона.

По Тациту, тому же *Viston* или *Viscon* (*Visconen deum*) поклонялись, какъ родоначальнику своему, и сѣверные Савіане, которыхъ Римляне прозывали племенами (*Germani*).⁹¹

Для полноты пропорціи, нужно сопоставить и Савіанъ коренныхъ Индовъ, у которыхъ ратное сословіе считало родоначальникомъ своимъ, патрономъ, Вишну, по старинному Европейскому писанію, *Vistnou* и *Bistnou*.

Во всѣхъ этѣхъ странахъ, для различенія туземцевъ отъ водворившихся между ними колоній, древняя Исторія имѣетъ только одинъ, но вѣрный признакъ, — вѣру тѣхъ и другихъ. На этомъ основаніи,

⁹¹ См. Переводъ Тацита о Германахъ, по своду кодексовъ, въ соч. «Индо-Германы, или Савіане.» По *Cod. Numilianus*, *Cod. Farnasianus* и *Cod. Vaticanus*, родоначальникъ Свевовъ (*Sueuones*), т. е., Савіанъ, *Viston* или *Viscon*. Прежде, вмѣсто этого имени, по позднѣйшимъ ошибочнымъ спискамъ, читали *Tuiscon*, который и принялъ въ толкованіяхъ значеніе родоначальника Даціанъ (*Deutschen*).

При этихъ соображеніяхъ объясняется, что и въ Тацитѣ, вмѣсто *Manium* слѣдуетъ читать *Martem*: «*Celebrant carminibus antiquis Visconem Deum terra editum et filium Martem* (вмѣсто *Manium*), *originem gentis conditorisque.*» Это подтверждается въ IX главѣ, что Свевы приносятъ жертвы Геркулесу и Марсу. Тацитъ понялъ превратно. Жарм, воплощеніе Вишну (Арей, Геркулесъ, Юрій); а Вишну законодатель, божество побѣды.

какъ Синды Фракіи, такъ и Синды Меотиды, составляютъ одинъ и тотъ же народъ Савіанъ, отрасли Арійской; такъ Μοισοί, Μυσοί, Gothi, у которыхъ родоначальникъ былъ, какъ говоритъ Юрнандъ, Gарт, составляетъ другой народъ, отрасли Ханаанской.

Очень естественно, что Овидій, въ льстивомъ посланіи къ Босфоранскому Кагану Котису, почерпаетъ изъ Римской Исторіи все, что можно примѣнить къ славѣ его рода. Другимъ источникомъ его свѣдѣній о Котисѣ были разспросы о немъ у Гетовъ или Готовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ разказахъ о своемъ Каганѣ (Cohen) и жрецѣ (Gude), они сообщали ему свѣдѣнія о своемъ древнемъ Сирійскомъ Gauti Адонѣ, и обычныхъ заклинательныхъ, чарующихъ и гадательныхъ, рунахъ своихъ волхвовъ. Въ этихъ-то Каббала и слышалось Овидію имя Cotys.

Кромѣ Котиса, есть еще другое историческое имя, относящееся къ Томитанской области, о которомъ упоминаетъ Овидій въ Pont. L. IV, Ep. 9.

«Недавно еще Флаккъ управлялъ этой страной, говоритъ онъ. Дикій берегъ Истра былъ огражденъ воеводой. Въ надежномъ мирѣ держалъ онъ племена Мисянъ (Mysas gentes). Его мечъ боялся лукъ, на который надѣялись Геты. Порывистой своей храбростію, возвратилъ онъ Трозми изъ рукъ непріятели и окрасилъ Дунай звѣрской кровью.»

Истръ, Mysas gentes, воевода Флаккъ и г. Трозми — четыре данныхъ въ пользу Томи на Дунаѣ. Но, во первыхъ, Истръ, какъ мы уже объяснили, неопредѣленное названіе, которое у древнихъ, при смутныхъ понятіяхъ о мѣстности, приписывалось иногда не только Дунаю и Дону, но даже и Днѣпру. Во вторыхъ, Флаккъ — имя безъ прозвища, или прозвище безъ имени — неопредѣленно. Мисіей (Moesia), сколько извѣстно, управлялъ только одинъ изъ носящихъ

22 «Ἀπὸ οὖν Καλοῦ λιμένος μέχρι τοῦ Ἰστρου ποταμοῦ ἤτοι Δακτύλων καλουμένου κάλυ Ζαῦβαι κατοικοῦσιν.» Ponti Euxini Periplus.

Положить, что это явная ошибка; но на подобныхъ опискахъ, при вѣрѣ только въ букву, строятся цѣлыя историческія положенія, какъ, на примѣръ: приуроченіе древнихъ Германовъ, Славянъ, къ новымъ Германамъ Дацианамъ, по опискамъ Tuiskon. Hertha etc.

имя Флакка, именно Помпоній Флаккъ; но онъ назначенъ былъ Ти-веріемъ, послѣ убійства Котиса, около 19-го года по Р. Х., когда и Овидій уже не существовалъ. Въ третьихъ, Trosmis, городъ дѣйствительно бывшій на Дунаѣ; но Trosmis, въ стихѣ Овидія, есть не что иное, какъ догадка и произвольная вставка издателей, приурочивавшихъ, какъ самаго Овидія, такъ и упоминаемаго Флакка, неуремѣнно къ Дунаю. «Ce mot, говоритъ Низаръ, varie dans les manuscrits de huit ou dix manières»; Lemaire высчитываетъ только нѣкоторые варианты и вмѣсто Roesen, Troezen, Traesen, Troisen, предлагаетъ читать Trosmis.

На томъ же основаніи *Mysas gentes* изгнали изъ рукописи *Maetas gentes*.

И такъ, по всей вѣроятности, приговоръ ссылки Римскаго Волтера въ Томи на Дунаѣ, принадлежитъ не Августу. Оставляя въ сторонѣ ученыя поправки, примѣненные къ Истру, я обращаюсь къ прямымъ указаніямъ поэта. Онъ говоритъ о странѣ своего изгнанія, на далекихъ границахъ Скиѳіи, какъ о новомъ, ненадежномъ приобретеніи Рима: эта страна — Босфоранія, приобретенная побѣдой Митридата. Здѣсь поэтъ имѣлъ право жаловаться и на безконечную зиму Меотиды, и на климатъ вообще, и на дикую, бесплодную мѣстность Киммерійскаго берега, и на постоянный страхъ и опасеніе Скиѳскихъ, Сарматскихъ, Готскихъ и даже Колхидскихъ набѣговъ. Здѣсь, въ Томи Босфоранскомъ, могъ онъ упрекать Грековъ Ахеянъ, носившихъ уже названіе Скиѳовъ - Еллиновъ, за то, что они забыли свой родной языкъ.

Слѣды Нижне-Мизійскаго, Дунайскаго Тѳреа исчезли съ самаго времени упоминанія объ немъ нѣкоторыми Географами I-го вѣка, если только не слѣдуетъ читать въ нихъ вмѣсто Тѳреа—Кѳреа, какъ увидимъ ниже. Существованіе же Босфоранскаго *Γορχία*, *Τόρμεως*, *Τομοία*, *Τομῆς*, *Τόμος*, сохранило во времени прозвище свое, какъ мѣстность, значительная издревле по торговымъ отношеніямъ къ Греціи и Италиі.

Босфоръ или проливъ Азовскаго моря назывался въ древности Индѳійскимъ (*βόσπορος τῆς Ἰνδίας*), Киммерійскимъ, или Серберійскимъ, потомъ устьемъ Меотическимъ или Донскимъ—*Γάνεως*.⁹³

⁹³ *Στόμα τῆς Μαετίδος λίμνης, ἤτοι τοῦ Γάνεως. Pont. Eux. et Maeot. Periplus.*

Этому послѣднему названію и соответствуетъ Азіатское Таманъ-богазы, по озеру и городу Тома — *توما*.

Первобытное названіе свое проливъ носилъ по народу, области и городу, на Азіатской набережной: *Κιμβρικήον, Κιμμερικήον, Κερβέριον, Cimmericia, Serbergia*. Народъ: *Κιμμέριοι*, по *Hesych.* *Κερβέριοι*, по Плинію—Сарматы *Serbi*, по Прокопію и другимъ, *Sabiri*, они же и Гунны бѣлые, Гинду-сафетъ, или бѣлые Инды, называвшіеся и Гинюхами. Если *Tanaitae*, жившіе по Низовью или Донью рѣки и лимана были Сербы, то должно обратиться къ обычному народному названію страны, или занимаемой—Сербадія. Страна Прибалтійскихъ Славянъ (*Suivones*) Сербовъ (*Cimbri, Sibri*) называлась также *Sermende* и *Serbende*, т. е., Сербадія, Приэльбская *Sarmaten Land*.⁹⁴ Понятно, что это названіе Еллины не могли иначе произносить, замѣняя часто букву б посредствомъ м, какъ *Σαρματία*.

«Въ 120 стад. (17 в.) отъ р. Антикиты,⁹⁵ пишетъ Страбонъ, находится городецъ Киммерійскій; здѣсь таможенная пристань (*ἀφειτήριον*) для кораблей, вступающихъ въ лиманъ.⁹⁶ Вдоль этого берега находятся стражницы (*σχοπῆ*), называемыя Клазоменскими (!) (вѣстовыми). Нѣк гда этотъ Киммерійскій городъ, находящійся на полуостровѣ,⁹⁷ былъ защищенъ по перешейку валомъ и рвомъ. Киммеріане преобладали на всемъ Босфорѣ. Отсюда они проникали въ глубь страны по правому берегу Понта, до Іоніи. Скиѣы изгнали ихъ изъ Киммеріи, и въ свою очередь были вытѣснены Еллинами, которые и основали Пантикапею и прочіе города Босфорской области.» Слѣдовательно, въ томъ числѣ и Танаисъ, городъ Донъ, или Донской городъ; ибо Страбонъ, говоря о рѣкѣ Донѣ, пи-

⁹⁴ См. Ичисленіе Славянскихъ племенъ Германіи, въ Геогр., прозв. Баварскимъ (около 7 вѣка) и землеоп. Альфреда.

⁹⁵ Кубань, называвшаяся также *Ἰτανίς*.

⁹⁶ При Босфорѣ образуются два мыса полуостровами. Со стороны Таврды Керченскій, называвшійся малымъ Херсонисомъ (полуостровомъ), а съ Азіатской стороны — Таманскій.

⁹⁷ *Τὸ δὲ στόμα ἐκπλέοντα Κιμμερὶς πόλις, ἀπὸ Κιμμερίων μὲν βαρβάρων κεκλημένη. Κτίσις δὲ τυράννων οὖσα τῶν ἐν Βοσπίρω. Scymni Chii Periplus.*

шесть: «На рѣкѣ и Меотическомъ озерѣ находится городъ, одноименный съ Танаисомъ, построенный Еллинами, когда они овладѣли Босфоромъ. Въ недавнее время Царь Полемонъ разорилъ его за мятежное возстаніе. Танаисъ былъ общимъ торговымъ мѣстомъ, какъ туземцевъ Европейской и Азіатской стороны, такъ и плывущихъ чрезъ Босфоръ въ лиманъ, для вымѣна челяди, мѣховъ и другихъ предметовъ, на ткани, вина, и разныя вещи.»

Выходъ Киммеріянъ съ бережныхъ Босфора, безъ сомнѣнія, былъ важнымъ событіемъ для Еллиновъ; по тому что почти всѣ исторіи, начиная съ Геродота, объ немъ упоминаютъ. Въ Юстинѣ, по Трогу Помпею, слѣдующее преданіе: «Въ то время (когда Скиѣы владѣли въ продолженіи 1,500 лѣтъ почти всей Азіей), по случаю усобицы между владѣтелями, были изгнаны изъ родины два Князя — Юлинъ (Ylinos) и Scolopitus. За ними послѣдовало множество молодежи (юнаковъ). Они поселились въ Каппадокіи, близъ рѣки Фермонта, на равнинахъ Фемискиры.»

По сказанію Плинія изгнаны были Танаиты.

Въ Аммианѣ, преданіе принимаетъ иной смыслъ: «Въ дальнемъ разстояніи отъ Борисфена есть полуостровъ, населенный Синдами, которые, послѣ гибели ихъ владѣтелей, во время похода въ Азію, воспользовались ихъ состояніемъ и женами». По Трогу Помпею и Геродоту, это обстоятельство и было причиной, что царственные Скиѣы, возвратясь изъ похода, изгнали измѣнниковъ изъ родины. Къ этому именно событію относится и время построения города Истра. «Городъ Истръ основанъ Милетами въ то время, когда рать Скиѣовъ перешла въ Азію, преслѣдуя Киммеріянъ Воспорскихъ.» За симъ въ Периплѣ Скимна слѣдуетъ: «Такимъ образомъ Милетское Томейское, или Томитанское поселеніе, было посреди Скиѣовъ.»

²⁸ Томей: ἄποικος γεινομένη Μιλησίαν
'Υπο Σκυθῶν μὲν ἤν κύκλω δικοιμένη.

Отбрасывая частицу μὲν, замѣняя ἤν посред. ἐν, и измѣняя родъ, это переводятъ: «Томи поселеніе Милетянъ; окрестъ его обитаютъ Скиѣы». Мы полагаемъ, что оставляя все въ своемъ видѣ, слѣдуетъ перевести: «Такимъ образомъ Милетское Томейское (Томейск) поселеніе было посреди населенія Скиѣовъ.» Подъ этимъ населеніемъ, кажется, должно подразумѣвать Ахейнъ, которые и назывались Скиѣы-Ахейне или Еллино-Скиѣы.

Какой же выводъ слѣдуетъ изъ этого? Двойкій: или обстоятельство построения Донскаго города приурочено къ Дунайскому, или смутное понятіе объ устьяхъ Дуная и Дона перемѣстило городъ, одноименный съ рѣкой, съ Донья Меотическаго на Донье Фракійское. ⁹⁹ Тотъ и другой городъ — πόλις ἐμώνυμος τοῦ ποταμοῦ; тотъ и другой построены въ одно и тоже время; Τανέως, по Страбону, просто Еллинами, а Ἰστριανός, по Скимну, Еллинами Милетами; оба на мѣстности, откуда изгнаны Киммеріане. Которому же изъ этихъ двойниковъ принадлежитъ право существованія? Тому ли, который носилъ названіе Ἐμπόριον Черноморской Еллинской торговли, ¹⁰⁰ или какому ни будь Ἰστρος πολίχνηον, Дунайскому пограничному укрѣпленію?

Высказывая нѣкоторое сомнѣніе въ отношеніи городовъ Истра и Томи, которыхъ, по Периплу Скилакса, нѣтъ на Дунаѣ, мы полагаемъ, что для позднѣйшихъ Географовъ, основой при описаніи сѣверныхъ береговъ Понта, служила Географическая поэма Скимна Хіоскаго. Когда Донье или низовья Меотиды и сѣверныхъ границъ Фракіи, были еще подъ Киммерійскимъ мракомъ, названіе Истръ, относящееся собственно къ низовью рѣки, могло легко приписываться низовьямъ и Дона и Дуная.

Ἀχιλλεῖον, находившійся и противъ устья Дуная и на мысѣ Азіятскаго берега Босфора, сбивалъ окончательно всякую ориентировку съ толку.

«На пути плывущихъ къ устью Псидонъ Истра, — пишетъ Скимнъ, — находится островъ Ахиллесовъ (Ἀχιλλέως νῆσος). Другіе называютъ его путемъ Ахиллеса (δρόμος Ἀχιλλέως), а также Левки или бѣлымъ, по цвѣту.»

То же самое и въ Периплѣ Арріана: «одни называютъ его Ахиллесовымъ островомъ, другіе путемъ Ахиллеса, третьи — Левки, по бѣлизнѣ.» Арріанъ тѣмъ и ограничиваетъ свѣдѣніе о δρόμος Ἀχιλλέως; но неизвѣстный составитель Перипла Понта Евксинскаго (вѣроятно, въ

⁹⁹ «Ab Istri ostium, quod Sacrum dicitur, excipiunt partes Thraciae, in Pontum vergentes, et Thracum limita. Ponti Eux. Periplus».

¹⁰⁰ «Ταναΐς, ἧτις καὶ Ἐμπόριον ὀνομάζεται.» Al. Polyhistor.

подтвержденіе свѣдѣній поэтовъ, что Ахиллесъ, влюбленный въ Ифигенію, поселился на островѣ Левки, и ристалъ по прибрежной косѣ въ Тавриду, на свиданіе съ нею), перемѣстивъ ристалище Ахиллесово на Кинбурнскую косу. Это свѣдѣніе принялось и развилось въ Географахъ. Плиній въ 26 главѣ IV книги пишетъ, упомянувъ объ Ольвіополѣ или Мелетополѣ: «съ другой стороны, на набережной, пристань Ахеянъ; островъ Ахиллеса—славный могилою этого героя (*tumulo ejus viri clara*); въ 125 тысячахъ шагахъ, полуостровъ, изогнутый въ видѣ меча, названный по ристаніямъ его «*Dromos Achilleos*». Въ главѣ же 33-й V книги, могила Ахиллеса переносится въ Троаду: «*Extra sinum sunt Rhoetea littora.... fuit et Achilleon, oppidum juxta tumulum Achillis....*» — «Внѣ залива, берега Ретейскіе,.... тутъ былъ и городокъ при могилѣ Ахиллеса.»

Но Ἀχιλλέως δρόμος носилъ названіе и ἱερὸν ἄλσος τῆς Ἐκάτης — священная дубрава Гекаты, а также ἱερὸν ἄλσος Ἀχιλλέως,¹⁰¹ священная дубрава Ахиллеса; слѣдовательно, и въ преданіи было: не δρόμος Ἀχιλλέως, а δρουμὸς Ἀχιλλέως, не ристалище, а дубрава Ахиллесова.

Страбонъ упоминаетъ объ Ахиллеонѣ,¹⁰² на Азіатскомъ берегу Босфора; но трудно опредѣлять, при сѣверной ли косѣ Таманскаго залива, или при южной, которая тянется, какъ мостъ, чрезъ Босфоръ къ Таврическому берегу.¹⁰³ По Периплу Арріана, около этого мѣста священная пристань (ἱερὸν λιμένα); по другимъ Κηποι, близъ Фанагоріи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ахиллесъ, даже и въ вымыслѣ, для свиданія съ своей невѣстой, Ифигеніей, могъ поселиться не за нѣсколько

¹⁰¹ Is. Vossii notae in fragm. Perip. Ponti Eux. p. 34. — Strab. L. VII, p. 307.

¹⁰² Ахиллеонъ, съ храмомъ Ахилла, по словамъ Бѣка, основанъ тѣми же Милетами, какъ и Ахиллеонъ, упоминаемый Плиніемъ, не въ далекѣ отъ Сигеи. Опис. Музея Ки. Кочубя, Г. Кѣле, т. I, стр. 394. Но кажется вѣрнѣе предполагать, что Ахиллеонъ построенъ Ахилловыми Фѳіотами-Ахеянами, которые поселились тутъ послѣ Троянской войны и приняли обычай Скивовъ, т. е., Черноморской Руси (Rhoetii).

¹⁰³ «Въ 20 стад. отъ Киммеріонъ, къ сѣверу, г. Ахиллеонъ, гдѣ находится храмъ Ахилла. Здѣсь проливъ сужается до 20 стад. Страб. кн. XI, стр. 494.

сотъ верстѣ отъ Тавриды, на островѣ Левки, но противъ Тавриды, на островѣ Таманскомъ. ¹⁰⁴ Не смотря на это, Страбонъ также слѣдуетъ показанію Перипла, и переноситъ священную Ахиллесову дубраву и Ахиллесовъ δρόμος на Кинбурнскую косу. Очень естественно, что, вмѣстѣ съ этимъ, необходимо было перенести и окрестности Босфорскаго Ахиллеона: съ Европейской стороны Керчь (Κερχί, Κερχίνος), ¹⁰⁵ съ Керченскимъ заливомъ (Κερκινίτης κόλπος); а съ Азійской стороны—мысъ и заливъ Таманскій — Ταμυράχη ἄκρα, съ озеромъ, находящимся на немъ, и Ταμυράχη κόλπος.

По неопредѣленности свѣдѣній, у Страбона Тамиракскій заливъ составляетъ и особенный заливъ и, по словамъ Τάφιοι, ¹⁰⁶ названіе Керкинитскаго залива и мысъ (ἄκρα). Въ Периплѣ Арріана названія Каркинитъ и Тамираки неопредѣленны. Упоминается только, что на послѣднемъ находится озеро. «Отсюда, продолжаетъ онъ, до устья Озера (ἐκροάς τῆς λίμνης—какого же?) триста стадій; отъ устья до Новας (?)—триста восемьдесятъ.» Что такое Ионъ, неизвѣстно. По Плинію Eion или Eon, названіе Таманскаго полуострова. ¹⁰⁷

Въ Периплѣ Понта Евксинскаго вмѣсто Ταμυράχη—Ταμυρίαχη, а по выпискамъ Гр. И. Потонскаго Ταμυρίαχη. Плинію это названіе неизвѣстно; его замѣняетъ Темеринда: ¹⁰⁸ «Скиѣны, говоритъ онъ, называютъ Меотическое озеро Темеринда, что значить «мать морей.»

Какъ Ярославна въ Словѣ о полку Игоревѣ, пѣла къ Дону Великому, такъ и Днѣпровская и Черноморская Славяно-Русь имѣла обы-

¹⁰⁴ «Фанагорія и Кипи (сады) находятся на островѣ, о которомъ упомянуто.» Кн. XI, стр. 495. «Всѣ эти города—Кипи, Ермовасса, Фанагорія—на островѣ, образуемомъ моремъ, Меотидой и рѣками (Кубавью).» Скимнъ. Хіосскій.

¹⁰⁵ По Плинію Carcine. Находимыя монеты съ надписями: ΚΙΡΚΙ, ΚΕΡΚΙΝΟΣ, Г. Фридендеръ признаетъ Керкинитскими. По замѣчанію Г. Кёне (Олив. Музея Кв. Кочубея), стѣлы ихъ принадлежатъ Тавридѣ.

¹⁰⁶ Τάφιοι, читаютъ Τάφριοι, полагая, что это жители Τάφρος—вага и рва, ограждающаго полуостровъ (Тавричскій или Таманскій?); но отъ чего же не Τάμιοι, жители полуострова Тамираки?

¹⁰⁷ «Inde ad Bospori Cimmerici introitum. Sed ipsius peninsulae inter Pontum et Maeotim lacum excurrentis, Eionem vocant». Plin. VI, 6.

¹⁰⁸ По чтенію Io. Guilielmo Stuckio—Temeriada. Arriani Periplus. Scholia in Periplus Ponti Euxini.

чай, отправляясь въ походъ на своихъ насадахъ, пѣть къ Дону-батушкѣ и къ Волгѣ-матушкѣ: «Взлелѣй, мати Волга рѣка, взлелѣй мати быстрая!»....

Этотъ исконный возгласъ къ рѣкѣ, Скифовъ—Сарматовъ—Гунновъ — Роксанъ—Аорсовъ—Сапеянъ—Сакалабовъ — Склавовъ, etc., Плиній иначе не могъ понять, какъ въ гидрографическомъ смыслѣ. Дѣло касалось до Дунай-рѣки; ¹⁰⁹ какъ же иначе, со словъ Азіятскаго толмача, передать это, какъ не Тамугаса или Temerinda, тѣмъ болѣе, что издревле у Восточныхъ писателей Донъ назывался Тана или Тома, а Меотическое озеро بحيرة طوما—озеро Тома, т. е., Донское озеро или лиманъ, какъ вообще Русь искони называла озера въ устьяхъ рѣкъ, на пр., Днѣстровскій лиманъ, Днѣпровскій лиманъ, что ясно и изъ Греческихъ Географовъ: «Μαιώτιδος λίμνη ἔστι τοῦ Τάνεως.»

Скажемъ откровенно: какъ заботливо ни стирались западниками слѣды Томи на восточномъ берегу Понта, но замѣна сходныхъ между собою буквъ не можетъ утаиться въ сомнительныхъ именахъ и названіяхъ, не соответственныхъ мѣстности. Въ отношеніи Томи и Томитанской области необыкновенно какъ помогало, такъ называемому въ чтеніи кодексовъ древнихъ историковъ: *ge ste*, сходство письменныхъ *μ* и *ρ*. На примѣръ, Стефанъ Виз. упоминаетъ о *Τυριτάχη πόλις Πόντου, τὸ ἐθνικὸν Τυριταχῆος τῶν συνήθει τύρω*. Совершенно непонятно, что за городъ Тиритакскій, и что за язычники Тиритакскіе. Но Географія Птолемея объясняетъ: *ἀπὸ δὲ Παντικαπαίου εἰς Τυριτάχην πόλιν στάδια λέ,* т. е., отъ Пантикапей до Тиритакскаго города 35 стадій, т. е., около 5 верстъ. Не смотря на это, Тиритакскій городъ остается подъ сомнѣніемъ, какъ созданіе описки, или ложнаго чтенія. За-мѣните же сходныя буквы, поставьте вмѣсто *υ*—*ο*, вм. *ρ*—*μ* и *κ*—*ν*, вмѣсто *Τυριταχῆος* получите *Τομιταναῖος*, и будетъ понятно, по чему Стефанъ Византійскій упоминаетъ о Томитанахъ.

То же самое замѣненіе буквы *μ* буквой *ρ* убѣдительно подтвердится ниже. Но для этого необходимы нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о Таманскомъ полуостровѣ, и вообще о Задоньѣ. Эту страну Западные Историки, начиная съ среднихъ временъ, по настоя-

¹⁰⁹ Въ народныхъ пѣсняхъ Донъ безразличенъ съ Дунаемъ.

щее время, совершенно отчуждали отъ Славяно-Руси. Аріійскіе Кавказскіе и Европейскіе Ἴνδοὶ Σάβριοι, отрѣзанные отъ Гиммалайскихъ Персами, принявшими Халдейство, и прозванные Готами Skuafa, а Еллинами Σχόβοι, дѣйствительно, во все времена, въ религиозномъ отношеніи, были (въ прямомъ смыслѣ слова) Чудью для Западной Европы; хотя эта Чудь спасла Европу отъ Іудейства и отъ Магометанства.

Геродотъ, описывая племена Индовъ сѣверныхъ, пограничныхъ Персіи со стороны Кавказа, обозначаетъ предѣлы ихъ рѣкой Фазомъ (Ріономъ), Гебромъ (Курой) и Араксомъ (الرس — Русская рѣка), со владенія въ нее Куры. Границу Индовъ онъ опредѣляетъ и по Черноморью: «отъ Фемискиры, на рѣкѣ Фермодонтѣ, до Индикки, три дни и двѣ ночи плаванія.» ¹¹⁰ Пограничная рѣка Фасисъ носила названіе рѣки Индовъ, ¹¹¹ и безъ сомнѣнія Скилаксъ, составившій Перилъ Чернаго моря, былъ посланъ Даріемъ для обозрѣнія собственно этого Инда и прибрежій, населенныхъ Бѣлыми Индами (Гынду-сафеть) — Сиваитами ¹¹² по вѣрѣ и, слѣдовательно, врагами Гебровъ. ¹¹³

Когда Персы овладѣли Кавказомъ, названіе Индіи, Синдіи, или Синдики, сохранило только Задонье, и общее прозвище народа стало дробиться по мѣстности, племенамъ, а особенно по различнымъ названіямъ, которыя придавали ему Персы, Кавказскіе Готы и Еллины-колонисты. ¹¹⁴ Кимвры или Киммеріане — Serbi, Гунцы — Saviri,

¹¹⁰ Ἄρς δὲ Φεμισκίρην τὴν ἐπὶ Φερμόδοντι. ποταμῷ ἐκ τῆς Ἰνδικῆς, κατὰ τοῦτο γὰρ ἐστὶ τοῦ Πόντου εὐρύτατον, τριῶν τε ἡμερῶν καὶ δύο νυκτῶν πλοῦς.» Herod. I. IV, 86. — Толкователи считали тутъ Индію не у мѣста и опредѣляли печатать Σχολικῆς (разумѣется, не принимая этого названія за синонимъ), но примирялись на Σινδικῆς: «Ubi interpretes legunt, ἐκ τῆς Σχολικῆς. Male. Legendum, Σινδικῆς.» Is. Vossii notae in Scil. Cariand. Periplum, 1639.

¹¹¹ «Ὁ Ἴνδος ποταμὸς, τοῦτοστιν ὁ Φεισῶν» — рѣка Индовъ, т. е., Фасисъ. (Cosmas).

¹¹² Азіатск. названіе شیب — Шиеъ — Сива, было основой названію Σχόβοι, которыхъ какъ Азіатцы называли также Шаби, Sabioun, такъ в Еллинахъ Σάβριοι, Σουήβοι, Σουήβων.

¹¹³ Не поддаваясь дронскамъ пропаганды Гебровъ, посредствомъ брачныхъ союзовъ съ Княжескими родами, Скифы навлекли и гнѣвъ Кагана Даря, который, по Трогу Помпею, подялялъ на нихъ войну за отказъ Скифскаго Царя отдать за него дочь свою.

¹¹⁴ Персидское названіе Гынду-сафеть — Бѣлые Инды, въ противопо-

городъ и область Serberion, довольно опредѣлительно обозначаютъ здѣсь Воеводство Сербское — Сербадію, известную подъ Еллинскимъ названіемъ *Σαρματία*. Сказанія Церковной Исторіи о принатіи Христіанской религіи Индами внутренними (*εὐδοτέρων*), о чемъ изложено будетъ ниже, касались до Индовъ Черноморскихъ. ¹¹⁵

По Страбону, племена, населявшія эту часть Черноморья, слѣдующія. Послѣ Скивовъ сѣверныхъ (за Дономъ) слѣдуютъ «Сарматы и другіе Скивы: Аорсы и Сураги (*Σύραχοι*), простирающіеся на югъ до Кавказскихъ горъ. По берегу Меотическаго озера Меоты, а около Босфора, на Азіатскомъ берегу, находится Синдика; потомъ Ахеяне, Зиги и Гиніюхи, Керкеты ¹¹⁶ и Макропогоны (по Плин. Меланхлены, на мѣстности Мингреловъ)».

По Периплу Скидакса порядокъ населенія иной: «Послѣ Меотовъ слѣдуютъ Синды. У нихъ Еллинскіе города: Фанагорія (*Φαναγόρου πόλις*), Кипи (*Κῆποι*), Синдійская пристань (*Σινδικὸς λιμὴν*), Патось (по Страб. *Βάττα*). За Синдійской пристанью народъ Керкеты (*Κερκέται ἔθνος*) и Еллинскій городъ Торикось и пристань (*Τορικὸς καὶ λιμὴν*). За Керкетами Ахеяне, потомъ Гиніюхи.»

Еллинскіе Географы почерпали свои свѣдѣнія изъ разновременныхъ рассказовъ, вносили въ текстъ различныя названія одной и той же мѣстности, искажая названія туземныя и примѣняя ихъ къ смыслу своего языка. Въ дополненіе къ этому, корректоры и издатели рукописей, безъ свода ихъ и безъ знанія топографіи описываемыхъ странъ, воплощали описки, смѣшивали туземное населеніе съ

ложность названію *Siah-Hend* — Черные, или Восточные Инды, о которыхъ Геродотъ говоритъ только, что они не были подвластны Дарію, преобразованы Греками въ *Αἰθιοὶ ὄβρι* — Бѣлые Гумны.

¹¹⁵ «Апостолъ Матей проповѣдывалъ Евангеліе въ Эіопія, Ап. Варѳоломей въ Индіи внутренней.» Сократъ. Въ Hieronimi Catalogo Scripr. Ecclesiasticorum: «in Aethiopia, ubi esi irruptio Apsari et Nyssi portus (въ Abassia). «Longe mihi verisimillius sit, pervenisse illos in Aethiopiā Ponticā, quae in Colchorum est regione, et Sindicae, sive Indiae, contermina est.» Is. Vossii notae in Scylacis Periplo.

¹¹⁶ Въ XII кн. 548. *Κερκέται*; они же и *Ακταῖται*, называвшіеся въ древность Керкитами.

колоніальнымъ, исконное съ новѣйшимъ. Вотъ причины затруднительной прокладки древнихъ Географовъ.

Испытаемъ проложить города, находившіеся на Синдійскомъ, нынѣ Таманскомъ, полуостровѣ.

Возьмемъ въ основаніе Страбона и его сократителя.¹¹⁷ По сокращенной Географіи, Фанагорія и Эрмонасса замѣчательнѣйшіе (Еллинскіе) города на Азіатской сторонѣ Воспора. Приморскій городъ Синдики столица Синдовъ. *Ἐπι παραθαλάσσιος πόλις Σινδική ἐστὶ, τὸ τῶν Σινδιῶν βασιλείον.*»

По подробной Географіи, за Синдикой слѣдуютъ (къ югу) Ахеяне (Фѳіюты — Ахеяне Скиескіе (Арріан) — Еллино-Скиѳы). Но въ Синдикѣ, у Страбона является Горгиптія¹¹⁸ или Горгиппія, какъ названіе приморской столицы Синдовъ, или Индовъ (pag. 495), что подтверждается Стефаномъ Византійскимъ. «За Синдикой и Горгиппіей Ахеяне, Зиги, Гиніюхи.» Потомъ слѣдуетъ: «Синды суть также Меоты, какъ и Дандарія, Тореаты (Τορεάται) etc., а также Аспургитаны (по друг. списк. Аспургіаны), живущіе между Фанагоріей и Горгиппіей.»

У Плинія между Ахеянами и Civitas Sindica, являются Сегсетае и Тогетае. Апатурось, упоминаемый Страбономъ храмъ въ Фанагоріи, у Плинія Арагіос, нѣкогда называвшійся Сегберіон.

По Периплу Скилакса, послѣ *Sindicus portus* народъ Керхѣтай и Еллинскій городъ *Τορικὸς καὶ λιμὴν*; за симъ уже слѣдуютъ Ахеяне и Гиніюхи. Зиговъ нѣтъ.

По Периплу понта Евксинскаго: городъ Фанагора (Φαναγόρου πόλις) и гор. Кыпы. Потомъ Эрмонасса, Фанагорія, которую нѣкогда заселили Тійцы (Τήϊους) и наконецъ пристань Синдовъ, «въ ко-

¹¹⁷ *Χρηστομαθῆαι ἐκ τῶν Στραβωνος Γεωγραφικῶν*. I. XI.

¹¹⁸ Писаніе двояко; по Кодексу Моск. Патріарш. ризницы *Γοργυπτίας*. По Стефану Визант., который, безъ сомнѣнія, почерпалъ свѣдѣнія о Горгиппіи изъ Страбона: «*Γοργυπτία, πόλις Ἰνδικῆς.*» Казавбонъ, въ примѣчаніяхъ къ Страбону, предлагаетъ читать *Σινδικῆς*. Strab. Geogr. cum notes Casauboni et aliorum, apud J. Wolters. 1707. Amstelaedami.

торой жители Еллины, пришедшіе изъ сосѣднихъ мѣстъ. Сіи-то города вмѣщаетъ въ себѣ островъ (*vñσος*), простирающійся отъ Меотиды по странѣ Воспорской, равниной, которой часть, по причинѣ болотъ, рѣкъ и плавней, со стороны моря и озера, непроходима. При впаденіи пролива (*στόμα ἐκπλέοντα*) городъ Киммерійскій.» ¹¹⁹

По Помпонію Мелѣ: «Синдовъ построены въ странѣ Синдовъ, на полуостровѣ, простирающемся къ Босфору, между Понтомъ и Меотидой. Тутъ четыре города: Эрмонасса, Кипи, Фанагорія и Киммерякумъ, который при самомъ впаденіи пролива въ море.»

Изъ этихъ свѣдѣній и изъ Плинія мы видимъ, что таможенная пристань, Киммеріонъ, также существовала, при входѣ въ Донской проливъ (*Στόμα τῆς Μαϊώτιδος, ἤτοι τοῦ Τάνεως*), и слѣдовательно на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и столица Синдіи.

Такимъ образомъ въ общемъ выводѣ оказывается:

1. Горгиптии нѣтъ ни въ сокращенномъ Страбонѣ и ни въ одномъ изъ прочихъ Географовъ. Горгиптия или Горгиппія есть описка, или ложное чтеніе, по сходству нѣкоторыхъ буквъ въ названіи.

2. Ни у Арріана, ни въ Периплѣ Эвксина, нѣтъ Керкетовъ (*Cercetae*). У Плинія они являются посреди описокъ: *Achaei, Mardi (?)*, *Cercetae; post eos Serri* (т. е., *Serbi*) *Cephalotomi (!)*. Потомъ, послѣ повторенія, *Toretae, civitas Sindica*. У Помпонія Мелы: *Cercetae* между Ахейнами и Синдами, и городъ Синдовъ, построенъ Синдами туземцами. По Периплу Скилакса, какъ мы видѣли, за пристанью Синдовъ, *Cercetae* и Еллинскій городъ *Γορχὸς* съ пристанью.

¹¹⁹ Положеніе Пантिकाпеи при самомъ входѣ въ Босфоръ изъ Чернаго моря; на противоположной Азіатской сторонѣ Киммеріонъ, или *Cerberion*, также при самомъ входѣ: «*Restat longe validissimum in ipso Bospori introitu, Panticapeum Milesiorum, a Cimmerico vero oppido trans fretum sito 2,500 pass. Haec ibi latitudo Asiam ab Europa separat, eaque ipsa pedibus plerumque per via glaciato freto.*» *Plin. L. IV, 26.* «Значительнѣйшій изъ городовъ, при самомъ входѣ въ Босфоръ, Пантिकाпея; отъ Киммеріона за проливомъ въ 2,500 стопахъ. Здѣсь ширину пролива измѣряли не рѣдко шагами по льду».

Cercetae и Togetae, или, по Страбону, Toreatae, суть также явныя описки.

Замѣните въ названіи Γοργυπτια буквы Γ и γ сходными Т и ρ — вы читаете Торреатаи. У Помпонія Мелы это имя съ двумя ρ—Toggeates. Cercetae есть подобная же описка вмѣсто Τορεάται. Замѣните въ словахъ Τορεάται, Togetae, Τορικής, Ταρετική ἄκρα, букву ρ сходною съ μ — возстановятся названія, которыя не будутъ противорѣчить смыслу: Τομείαται, Τομίται, Τομικής, Τομετική ἄκρα, преобразованное въ Ταμηνράχη ἄκρα, какъ Τομυτάνης κόλπος въ Ταμυράχης κόλπος.

Такимъ образомъ мѣстность и ея условія сами собой указываютъ на описки; а исправленіе ихъ объясняетъ, что первоначальный Донской торгъ, или городъ Синдовъ Сербовъ, носилъ въ одно и то же время различныя названія: по рѣкѣ, онъ былъ Донской городъ, Τανέως πόλις, Τανείδος πόλις, Τάναις; по народу — Κιμμέριον или Serberion; по мѣстности «Regio Scythia Sendica». Σινδικὸς λιμὴν, и Βασίλειον τῶν Σινδῶν — столица Синдовъ съ таможенной пристанью, слѣдовательно, Ταμείον, гдѣ взималась цѣна, дань, корабельная пошлина, или плата части съ привозныхъ товаровъ (Τόμος, Τομία, Τομή, ἰμπρότ).¹²⁰

Прозвища Таманъ, Таманскій лиманъ, Таманскій проливъ, Таманскій полуостровъ, замѣнявшіе народныя Донъ, Донской лиманъ, Донской островъ, или полуостровъ, Донской проливъ (Τανέως στόμα), извѣстны были издавна, какъ видно изъ Географовъ Азіятскихъ: طوما بحیره — лиманъ Тома, طوما или الطامان — Тома или Таманъ, «знаменитый городъ, откуда товары шли во всѣ страны міра.» Но это прозвище, безъ сомнѣнія, произошло отъ Греческаго Ταμία, Ταμεία, Ταμείον — въ значеніи мыта, таможни, рѣза (процентовъ) съ товаровъ — τὰ Τομία, Τόμος etc.

¹²⁰ Нѣтъ сомнѣнія, что сторожевыя укрѣпленія по Босфору и по Меотидѣ, которыя Страбонъ называетъ Σκοπεὶ Κλαζομενίω, были не что иное, какъ вѣстовые замки мытной стражи. Греч. глаголъ κλάζω — замыкать, подавать голосъ, соотвѣтствуетъ словамъ ключъ и кличь. Очень можетъ быть, что мытные дворы и были основаніемъ для прозвища Μαϊώται, однозначительнаго съ Τομίται.

Городъ Таманскій, *civitas Tomogum*, *Τομάων πόλις*, или, по общему народному названію, Таманскій торгъ,¹²¹ съ IV вѣка опредѣлительно упоминается въ Церковной Исторіи; по тому что Греческіе акты Соборовъ не подвергались Латинской корректурѣ; но за то Орденская Географія успѣла внести Томи въ списокъ Фракійскихъ Епархій и уничтожить слѣды его на Босфорѣ Киммерійскомъ. Причины этого понятны.

Таманскій торгъ, въ X вѣкѣ, въ описаніи Восточной Имперіи Константиномъ Багрянороднымъ, носитъ названіе Таматарха.¹²² Въ это время Греческая торговля на Меотидѣ, при помощи возникшей въ Кіевѣ Руси, возобновилась. Преобладаніе Мугульскихъ Кагановъ въ этѣхъ странахъ стало ослабѣвать, отвлеченное возникшей борьбой съ Измаильтянами. По Константину, положеніе Таматархи на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Киммеріонъ, столица Синдовъ, Танаисъ и таможенная пристань — Тома:

«Меотическое озеро, котораго гирло называется *βουρλίχ*, изливается въ Понтъ, тамъ, гдѣ находится г. Воспоръ (бывшая Пантикапея). Противъ Воспора же, укрѣпленный городъ (*κάστρον*) Таматарха. Отъ г. Таматархи въ 18, или 20, миляхъ (около 20 верстъ) р. Укрухъ¹²³ (Кубань), которая раздѣляетъ Зихію отъ Таматархи (т. е., области Таматарханской).» Названіе Таматарха приняло въ Русской Лѣтописи форму Тьмутаракань, когда В. К. Святославъ, въ 965 году, возвратилъ Русскія Задонскія земли изъ подъ ига Кагановъ. Съ времени этого похода по Дону и Волгѣ, Княжество Тьмутараканское заключало въ себѣ все пространство между Босфоромъ, Азовскимъ моремъ, Дономъ, Волгой, Каспійскимъ моремъ и Кавказомъ. Сколько можно предполагать, здѣсь было два

¹²¹ Славянское названіе Торгъ сохранилось въ Молдавіи и Валахіи: Тыргъ—городъ; тырговешти — торговище, торжище. Готы также усвоили это названіе: *Torg* — *forum*. См. *Pre. Lex. Swilo-Goth.* Въ Татарскомъ преобразованіи *تورا* — Тура.

¹²² Г. Кёне, въ опис. Музея Кн. Кочубея, т. I, стр. 238, говоритъ, что о Таматархѣ упоминается еще въ 703 году, при Юстиніанѣ II.

¹²³ Вѣроятный смыслъ: Округъ Таматарханскій отдѣляется отъ Зихіи рѣкой.

Мугульскихъ ¹²⁴ ханства: Козарское, (съ бывшей столицей Синдовъ, — Таманскимъ торгомъ), которое населяли Косоги (Кусха) ¹²⁵ или Козары (Хозръ), и Ясское, съ столицей, или Яскимъ торгомъ ¹²⁶ — Астрахань, ¹²⁷ т. е., Ас-тарханъ.

Чтобъ исчерпать всѣ свѣдѣнія о г. Томи, находившемся въ Малой Скиѣи, и чтобъ показать еще цѣль перемѣщенія Малой Скиѣи съ Дона на Дунай, надо обратиться къ сочиненіямъ Юрнанда. Извѣстно, что Еллинскіе и Римскіе историки не заботились различать варваровъ по различію вѣры и языка, смѣшивали Готовъ Мидійскихъ и Готовъ Дакійскихъ, не только между собой, но и съ туземцами Скиѣами, въ страны которыхъ тѣ и другіе вселялись. Этимъ смѣшеніемъ ни кто такъ простодушно не пользовался, какъ Юрнандъ въ своемъ сочиненіи «De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis.» Тамъ, гдѣ дѣло шло о славныхъ дѣлахъ Скиѣовъ, тамъ Скиѣы, по Юрнанду, были собственно Готы; тамъ, гдѣ собственно Готамъ, за грѣхи ихъ, приходилось терпѣть бѣды и бѣжать отъ Скиѣовъ, тамъ Скиѣы обращались въ невѣдомыхъ Гунновъ, въ нечистую силу, съ которою человѣческимъ силамъ невозможно было бороться. Сверхъ того, у Готовъ Юрнанда былъ странный обычай: разбивъ непріятеля на голову, тотчасъ же бѣжать съ поля побѣды и даже переселяться изъ одного края свѣта въ другой. Время

¹²⁴ Мугульскихъ, а не Монгольскихъ; по Перс. Махуль, по Тат. Мугли, знач. Маги — Гебры, какъ они и называли себя по вѣрѣ — Maol, Moalles. — Rubruquis.

¹²⁵ Кусха или Кушха, прозвище племени Адыге, какъ и Косога, знач. Козакъ, и однозначительно съ Козаръ.

¹²⁶ О городѣ Яссовъ, при устьѣ Волги, упоминаетъ Рубруквисъ (Ruisbrök).

¹²⁷ Въ описаніи Астраханской Губерніи, Астрахань, по преданію, объясняется именемъ бывшаго владѣтеля Асъ и тарханъ — вольный, то есть, собственно получившій право на торгъ, или тарханную — выкупную грамоту. Замѣтимъ здѣсь, что нѣкоторые филологи имѣютъ обычай Русскія слова, усвоенныя иноземцами, принимать за иноземныя. Такъ, на пригѣръ, бердышъ, совершивъ кругъ по Европѣ, возвратился на Русь протазаномъ: усвоенный Готами, онъ принялъ названіе Bardis, Bardisan; въ Gallin pertuisane, что можно производить отъ pertica (perche — бердо); по Савинно-Латинское слово родственнѣе съ Славянскимъ, нежели прошедшее чрезъ Готскій языкъ.

не измѣняло этого обычая; таковы послѣдствія побѣдъ: надъ Киромъ, столѣтій за шесть до Р. Х., и надъ Атиллой, около половины пя- таго столѣтія по Р. Х. ¹²⁸ Здѣсь для насъ имѣетъ свое значеніе побѣда надъ Киромъ:

«У этихъ Готовъ (Мидіи, Халдеи Кавказской). говоритъ Юр- нандъ, ссылаясь на Трога Помпея, была Царицей Тамира. Киръ возсталъ на нихъ и, внезапно переправясь чрезъ Араксъ, разбилъ встрѣтившаго его сына Тамиры и убилъ его. Но Готы собрали всѣ свои силы, подъ предводительствомъ самой Царицы, истребили Кира со всѣмъ его войскомъ и немедленно же со всею богатой добычей побѣды отправились въ Малую Скиюю—*in partem Moesiae, quae nunc ex Magna Scythia nomen mutuata, Minor Scythia est appellata.*» Здѣсь Тамира основала, во имя свое, городъ, гдѣ и учреди- лось поклоненіе ей.»

Въ Трогѣ Помпей, изъ котораго Юрнандъ почерпаетъ побѣду Готовъ надъ Парсами, событіе изложено слѣдующимъ образомъ: «Киръ, покоритель Азіи и властитель Востока, поднимаетъ войну на Скиюевъ. ¹²⁹ Въ то время у Скиюевъ была Царицей Томира. ¹³⁰ Она не страшилась непріятеля, переходящаго чрезъ Араксъ. Сначала Скиюи потерпѣли уронъ, и ихъ Царь, сынъ Томиры, былъ убитъ. Но Скиюи сосредоточили свои силы и Персы были разбиты въ ущельяхъ горъ, а Киръ взятъ въ плѣнъ. Отрубивъ ему голову и

¹²⁸ См. «Атилла, или Русь IV и V вѣка.»

¹²⁹ Юстинъ L. I, § 8. Юрнандъ не измѣняетъ себѣ и въ сообщеніи свѣдѣ- ній о причинѣ возстанія Дарія на Готовъ: По Трогу Помпею, Дарій Пер- сидскій ходилъ войною на Скиюевъ за то, что ихъ Царь Янциръ (по Герод. *Ἰδαυβουρος Σκυθίων βασιλεύς*) отказалъ выдать за него дочь свою. По Юрнанду же, Дарій ходилъ войной не на Скиюевъ, а на переселенныхъ имъ, Юрнан- домъ, въ Мизію Готовъ, за то, что Готскій Царь Антрирегиръ отказалъ ему въ рукѣ своей дочери.

¹³⁰ Скилаксъ вообще называетъ Сарматъ народомъ, управляемымъ женой: «*Σαρματῶν δὲ ἴσθιν ἑνὸς γυναικωκρατοῦμενοι.*» Очень естественно, что это не слѣ- дуетъ понимать въ слѣпомъ Еллинскомъ смыслѣ, а въ значеніи поклоненія Царяцѣ-матери, тройственной природѣ, и Ведическому триміруму, три- свѣтлому солнцу. Слѣдовательно, Томира есть божественное Тримурги, что понятно ниже изъ словъ Юрнанда.

бросивъ въ чанъ крови, Царица сказала: «На, пей кровь, утоли свою неутолимую жажду!»

Этимъ заключается событіе. Скиѣы Трога Помпея остаются на мѣстѣ; но эти же Скиѣы, обращенные Юрнандомъ въ Готовъ, сокрушивъ Кира, поднимаются всѣмъ народомъ съ Кавказа и, подъ бременемъ трофеевъ, идутъ черезъ Черное море въ Мисію, обрѣтаютъ тамъ Малую Скиѣю, поселяются въ ней, строятъ городъ во имя Тамиры и приносятъ ей, какъ божеству, жертвы.

Можетъ быть, спросятъ, для какой цѣли эти искаженія фактовъ и вымыслы? Для чего превращеніе Скиѣовъ-Сивантовъ въ Готовъ-Гебровъ,¹³¹ и перемѣщеніе Малой Скиѣи съ городомъ Томи, подъ именемъ Томприса, въ Нижнюю Мисію? Эта тайна 10 главы сама собою объясняется 51-й главой. Описавъ несчастное событіе 376 года, когда нечистая сила (*spiritus immundi per egerum vagantes*) изгнала Готовъ изъ за Дуная во Фракію, Юрнандъ превращаетъ также и *Scythia Minor* въ *Gothia Minor* и пишетъ: «Были еще и такъ называемые Готы Малые (*Gothi minores*), народъ многочисленный, *populus immensus*, у котораго *pontificus et primatus* былъ *Urtilus*.»

Это смѣлое переименованіе Скиѣовъ въ Готовъ было существенно необходимо для обезпеченія Ульфилла за Готами. На сколько надежно это обезпеченіе, будетъ изложено во второмъ отдѣлѣ. Здѣсь же не излишнимъ считаю почерпнуть, изъ Географическихъ познаній Юрнанда, свѣдѣніе о мѣстности Тамазитовъ, подъ именемъ которыхъ, разумѣется, слѣдуетъ понимать *populus immensus*, т. е., Малыхъ Готовъ, пришедшихъ, послѣ побѣды Кира, въ древнее царство Готскаго Царя Телефа,¹³² и населявшихъ Томосъ, построенный во имя Томиры, и всю обширную его область.

¹³¹ Раздѣлявшихся на Гебровъ, или Евреевъ-Иудеевъ и Евреевъ, обратившихся къ идольскому вѣрованію Халдеевъ или Маговъ.

¹³² Телефъ, сынъ Геркулеса отъ Авги, на которой женился Тевкрось, владѣтель Мисіи Малоазійской. Усыновленный Телефъ наследовалъ царство отца. По Юрнанду (*cap. XI. De viris Amazonum et eorum Rege Telepho*), онъ Царь Amazonскихъ мужей. Здѣсь дѣло касается уже до Скиѣовъ, мужей Amazonокъ. Гинекратумены (т. е., управляемые Гуннами, которыхъ Готы называли *Chuni* и *Kwäna*, что значитъ жена) переселились въ Каппа-

Описывая предѣлы Дациі, или Готіи Дунайской, Иорнандъ говоритъ: «съ востоку граничатъ съ ней Роксоланы (т. е., Roxani, gens Rugorum), съ запада Томазиты, съ сѣвера Сарматы и Бастарны, а съ юга Дунай. Томазитовъ отъ Роксоланъ раздѣляетъ только теченіе этой рѣки (alveo Fluvii).»

Чтобъ проложить эту Географическую задачу, надо, или отдать подъ населеніе Томазитовъ все бывшее царство Телефа (которое, по свѣдѣнію же Иорнанда ограничивали на востокъ устья Дуная, на сѣверѣ Дунай, на западѣ Истрія (на Адр. м.), а на югѣ Македонія),¹³³ или возвратить Томазитамъ названіе Малыхъ Скивовъ и родное Задонье; въ такомъ случаѣ, дѣйствительно только Донъ, часто принимаемый за Дунай, будетъ раздѣлять ихъ отъ Роксоланъ.

Въ заключеніе 1-го отдѣла, упомянемъ еще о Танаисѣ и Сарматахъ Аспургіаняхъ или Аспургитаняхъ, о которыхъ, кромѣ Страбона, упоминаетъ только Нумизматика съ положительнымъ извѣстіемъ, что это Сарматское племя пришло изъ нѣдръ Азіи и поселилось между Фанагоріей и Горгиппией. Выше было уже упомянуто, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ существовалъ Киммеріонъ, прозывавшійся Греками Донскимъ городомъ — *Tαναίς*, *Tαναϊδὸς πόλις*, *Τανέως πόλις*—и Синдійской пристанью (*Σινδικὸς λιμὴν*), является у Арріана *Πάργας* или *Πάργας λιμὴν*; у Страбона Сарматы *Ἀσπουργιανοί*. По надписи на камнѣ, найденномъ въ развалинахъ Азова, Зенонъ, намѣстникъ Царя Рискупориса у Споргіянъ (*Σποργιανῶν*); по Прокопію, въ древности Славяне и Анты носили названіе Споровъ, *popen quoque olim Antis Sclavisque unum: Sporigi vocabantur*. Это

дошійскую область Темискуру. Какъ видно, *Thamyris* и здѣсь имѣетъ свое значеніе.

¹³³ Словомъ, *Moesia Maior* и *Minor* Фракіи, употребленные Иорнандомъ вмѣсто Малоазійскихъ. На счетъ Гуннскаго имени Телефъ, Иорнандъ говоритъ слѣдующее: «Ложно было бы мнѣніе того, кто сказалъ бы, что имя Телефъ чуждо Готскому языку: кто не знаетъ обычая пользоваться чужими именами? Римляне пользовались Македонскими, Греки Римскими, Сарматы Германскими, а Готы по большей части носили Гуннскія имена.»

Вообще Иорнандъ до того дѣтски простодушенъ въ своей Исторіи Готовъ, что нельзя и подозрѣвать, чтобъ онъ разсчитывалъ на дѣтское простодушіе своихъ читателей.

нѣкоторымъ образомъ наводятъ на измѣненіе Sprogi (т. е., Savigi, Serbi) въ Споргіанъ и потомъ въ Аспургіанъ, какъ Kazigi (Козары) въ Akazigi, по присутствію передъ словомъ Азіятскаго члена ель. Впрочемъ, у Птоломея, вмѣсто Аспургіане, читается Астурикане — *Ἀστούρικανοί*; слѣдовательно, союзники Готовъ Асы или Ясы, занимавшіе область Астраханскую.

Страбонъ говоритъ, что Царь Полемонъ, ¹³⁴ за возстаніе противъ него Танаитовъ, разорилъ ихъ городъ; но противъ него возстали Сарматы Аспургіане, жившіе между Фанагорією и Горгнипией, слѣдовательно, въ Прибосфорской области Киммеріанъ-Синдовъ-Танаитовъ. Страбонъ прямо говоритъ, что Танаисъ построили Еялины, овладѣвъ Босфоромъ, т. е., обоими берегами пролива. Удерживать въ своей власти полуостровъ Тамань имъ было возможно, и вполнѣ достаточно для цѣли торговой. Но удалиться отъ опоръ своихъ на Босфоръ въ глубь страны Скивовъ и Сарматъ, въ устьѣ Дона, и тамъ строить *Ἰσθμὸς καὶ Ἰσθμὸς ὀνομαζέται*, ¹³⁵ нѣ съ чѣмъ несообразно.

Что Донской торгъ — Танаисъ перенесенъ Географами съ устья Босфора на устьѣ Дона, могутъ быть двѣ причины. Первая высказана Воссіемъ: ¹³⁶ «*Alibi quoque similia occurrunt exempla, ubi urbes Bosporanae, Tanaiticae dicuntur. Ratio ejus rei est, quod Bosporus Cimmerius etiam Tanais appellatus fuerit.*» Другая причина слѣдующая: нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣ времена, когда Малая Скиѣя или Задонье, переходила въ руки непріятелей, граница Руси или, по Греко-Азіятскому названію, Аорсовъ (Eg-Ros, O-Ross, U-Russ), отступала отъ Кубани, Терека и Каспійскаго моря къ Дону, вмѣстѣ съ этимъ и Донской торгъ переносился отъ устья Босфора къ устью Дона. И напротивъ, когда Русь овладѣвала снова своимъ Задоньемъ, Донской торгъ возстановлялся при устьѣ Босфора. Этого требовала и пограничная торговля и таможенные пошлины съ прѣзжихъ гостей за право торговли.

¹³⁴ Полемона величали Каганомъ Ольвы Киликійской; на этомъ основаніи нѣкоторые сдѣлали его властителемъ Ольвы Савійской.

¹³⁵ Alex. Polyhistor.

¹³⁶ Въ прим. къ Шериплу Чернаго моря, при упоминаніи, что Плутархъ помѣстилъ Крїу-метопонъ на Дону.

Со времени преобладанія на Босфорѣ Митридата, съ которымъ Русь вела войну въ союзѣ съ Римомъ, границы Руси отодвинулись къ Дону. Послѣ побѣдъ Помпея, Босфоранія осталась во власти Римлянъ, и отдана была на откупъ Каганамъ Гебровъ. Это только время и знаютъ Географы 1-го вѣка. Танаисъ Босфора исчезъ подъ иными Греческими и Римскими названиями, которыя, при помощи переписчиковъ и корректоровъ, измѣнялись въ небывалыя, какъ, на примѣръ, Апатуросъ, по Страбону, храмъ Афродиты въ Фанагоріи,¹²⁷ а по Плинію опустѣвшій городъ. По выпискамъ же изъ Плинія и переводу Гр. Ив. Потоцкаго: «Arahiros, qui est presque désert; autrefois ce bourg s'appelloit Cerberion. Il est tout au fond du détroit.»¹²⁸

Если обратить вниманіе на слова Страбона: τὸ Ἀπάτουρον τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν», то будетъ ясно, что онъ объясняетъ словомъ Афродита туземное божество. Но Нумизматика сообщаетъ намъ многія монеты Кагановъ Босфоранскихъ съ изображеніемъ Халдейскаго божества Астары, Астаросъ, Ἀστάρτη — соотвѣтственной, по мнѣнію Еллиновъ, Афродитѣ, собственно же означающей Luna-Luniv. Въ этомъ названіи, безъ сомнѣнія, должно искать разгадки и Страбоновской Ἀπάτουρος и Arsagus или Arsurgtus Овидія. И всѣ эти названія, вмѣстѣ съ Аспургамъ, сталкиваются, какъ Τοριχὸς λιμὴν, въ Синдикѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была столица и таможня Сяндовъ, Ἐμπόριον κοινὸν — общій торгъ Скифовъ и Еллиновъ, Σεγγερίον Сарматовъ, или Κιμμερικὸν πᾶσις, противъ котораго, близъ морскаго берега, по словамъ неизвѣстнаго составителя Перипла, были

¹²⁷ Но можно понять и какъ городъ, относящійся не къ Фанагоріи, а къ Синдикѣ: «Вхавши озеромъ Корокордамой, представляются: славный городъ Фанагорія, Кепи, Гермонасса и Апатуронъ. Изъ нихъ Фанагорія и Кепи находятся на лѣвой сторонѣ острова (Тамань) отъ входа въ озеро, прочіе же (Гермонасса и Апатуронъ) на право, за Гианисомъ, въ Синдикѣ.» Слѣдовательно, озеро Корокордама у Страбона есть оз. Таманское, въ которое вѣроятно впадала Каракубанъ или Чорна Кубань, рукавъ Кубани, впадающій нынѣ въ лиманъ Кубанскій.

¹²⁸ Томасть Пашниа, (С. XI, 6) замѣтъ: по себѣ двукратно; «et paene desertum Araharos, ultimique in ostio Cimmericium, quod antea Cerberion vocabatur.» По предыдущему исчисленію городовъ «in aditu Vespori» слѣдуетъ понимать Апатуросъ in ostio Cimmericium. Въ такомъ случаѣ слова: «quod antea Cerberion vocabatur» относятся къ Апатуру.

два каменныхъ островка, можетъ быть, тѣ самые, которые называются теперь камень Панагія.»¹³⁹

Послѣднія розысканія мѣстности древняго Танаиса исполнены Г. Леонтьевымъ, съ полною ученою отчетливостію. По нѣкоторымъ надписямъ на обломкахъ плитъ, найденныхъ въ окрестностяхъ слободы Недвиговки, на правомъ берегу устьевъ Дона, онъ заключаетъ, хотя и не совсемъ рѣшительно, что здѣсь могъ быть до-Полеменовскій Танаисъ: «Ни на Недвиговскомъ городищѣ, ни въ гробницахъ, раскопанныхъ около него, не было открыто ни одной вещицы, которую по необходимости было бы должно отнести къ эпохѣ до-Полемоновской.»

Что здѣсь, на правомъ берегу Дона, при устьѣ, могло быть также Донское торжище, особенно во время отступленія Русскихъ границъ за Донъ, это, по изложенному уже мнѣнію, можетъ быть достоверно; здѣсь торговцы Еллины могли имѣть своихъ архонтовъ, въ родѣ нашихъ консуловъ. Но пять надписей, составленныхъ изъ осколковъ битыхъ плитъ, гдѣ упоминается не собственно о Танаисѣ, а о Танаитахъ, т. е., жителей Придонья и по преимуществу Донскаго пролива (Τάνειος), не опредѣляютъ еще окончательно мѣстность торжища Танаиса. Рѣкой Танаисомъ по преимуществу древніе Географы называли проливъ, и собственно онъ, по ихъ мнѣнію, раздѣлялъ Европу отъ Азіи, изливаясь изъ Меотическаго озера и впадая въ Понтъ Евксинскій.¹⁴⁰ Свѣдѣнія же Страбона о рѣкѣ и городѣ Танаисѣ такъ сбивчивы, что, кажется, онъ смѣшиваетъ съ нимъ и г. Истръ на Дунаѣ. Описаніе острова Алоресія,¹⁴¹ находившагося во 100 стадіяхъ противъ г. Танаиса, въ устьяхъ рѣки, почти одно и то же съ описаніемъ острова Реусе,¹⁴² въ 120 ст., пред-

¹³⁹ Я не былъ на Босфорѣ, но пишу по топогр. картѣ Закавказскаго Края, въ масштабѣ 10 вер. Камень Панагія, при самомъ устьѣ, между берегомъ пролива и берегомъ моря, гдѣ и гора Зеленая. На морской набережной, между этой горой и устьемъ Кубанскаго лимана, находится три возвышенія рядомъ: гора Молдаванская, Круглая и Шикельная (Шекельная?). Если это названіе по преданію, то оно напоминаетъ жертвенныя горы.

¹⁴⁰ «Δ. Παρθεράρα ad Tanaim fluvium, qui Europam ab Asia dividit determinare, adagiata. Hic quidem ex Palude Maeotide, ac influit in mare Ponti Euxini». Arriani Periplus P. E.

¹⁴¹ L. XI, p. 493.

¹⁴² L. VII, p. 305. Въ отношеніи Танаиса и острова Алопеціи только Птоломей

нималась до Священному устью: «Кромѣ острова Адоресіа, при устьѣ «sunt et aliae parvae insulae.» — «Кромѣ острова Реусе, при устьѣ «sunt et aliae insulae multo minorae.»

Какъ нумизматамъ приходится иногда исправлять грамматическія ошибки въ древнихъ надписяхъ, такъ историкамъ приходится иногда искать логическаго смысла въ древнихъ кодексахъ. По моему мнѣнію, на правомъ берегу Дона, въ Великой Скиѣи и въ страны Киммеріанъ, не могъ быть Танаисъ, построенный Греками и разоренный Полемономъ. Уловія центра всеобщей торговли (Ἐμπόριον κέντρον) на сѣверѣ Понта могли быть только при Босфорѣ Киммерійскомъ, какъ на югѣ Понта, при Босфорѣ Византійскомъ. Еллины, по Страбону, построили Танаисъ, когда овладѣли Босфоромъ, т. е., Европейской и Азіятской набережной его, областью Керчинской, называвшейся Пантикапейской, и областью Таманской, принявшей названіе Фанагорійской. Этѣ набережныя они могли удерживать за собой. Керчинскій полуостровъ они оградилъ валомъ и укрѣпленіями по перешейку, между Θεοδοσίει и Αραβάτω, а Таманскій полуостровъ самъ по себѣ былъ огражденъ Кубанскимъ лиманомъ, теченіемъ Кубани, Ахтанизовскимъ лиманомъ и лиманомъ Курчанскимъ. Собственно Киммеріане владѣли Таманскимъ полуостровомъ, и въ торговомъ его значеніи заключалась вся сила ихъ.¹¹³ Здѣсь была и Киммерійская таможенная ихъ пристань. Овладѣвъ Босфоромъ, Еллины не могли не воспользоваться мѣстностью Синдійской пристани и не основать своего Донскаго города (Τανίας) Фана-

вторить Страбону. Описывая, въ 5-й гл. III-й книги, Дацию и окрестныя страны, онъ говоритъ: «Подъ Бастарнами, подлѣ Дации, Тагри; подъ ними Тирангеты; при изгибѣ же рѣки Танаиса жертвенники Александра и Кесаря.» По послѣдовательности описанія, этотъ Танаисъ есть Истръ или Дунай, съ его изгибомъ противъ Галла. Тутъ слѣдуетъ быть и жертвенники Александра и Юлія Кесаря. Далѣе, послѣ перечисленія городовъ по Борисову или Давиру, идетъ по Тирасу или Дибелру. Птоломей говоритъ: «Островъ же при устьяхъ Танаиса Αλοπεία (Ἀλοπεία), который называется также Танаискимъ островомъ (Ταναϊκὸς νῆσος)». — О какомъ же островѣ идетъ здѣсь дѣло? Разумѣется, о знаменитомъ Дунайскомъ Пещѣ (Πέσση).

¹¹³ «Τὸ δὲ Κιμμερικὸν πόλις ἦν πρότερον ἐπὶ Χερρονήσου ἰδριμένη, τὸν ἰσχυρὸν τῶρον καὶ χυμὰς κλύουσα, ἔκαστην. ὅ οἱ Κιμμέριοι μεγάλιν ποτὴ ἐν τῷ Βοσπόρῳ δύναμιν, διόπερ καὶ Κιμμερικὸς Βόσπορος ὀνομάσθη. L. XI, 494.

¹¹⁴ «Ὅτι τὸ Κιμμέριον : ἔρον τὸ ἐν τῇ Μακίτιδι πάλαι ἰσχυρὸν κλίσιον, ὡστε, διὰ τὸ Βόσπορον Κιμμέριον ἐξ ἑαυτοῦ κληθῆναι.» Χρηστ. L. XI.

горіи. ¹⁴⁴ Но пристань туземцевъ, въ видахъ торговли съ ними, должна была оставаться; и по тому новое торжище и Еллинская таможня (Ταμεῖον), вѣроятно, были по близости. Скилаксъ и упоминаетъ на Таманскомъ полуостровѣ только о Фанагоріи, Коли, Сиднійской пристани и, рядомъ съ ней, объ Еллинской пристани — πόλις Ἑλληνικής Τανικής (Τανικής) καὶ λιμὴν.

Находимые въ разныхъ развалинахъ вокругъ Меотиды обломки плитъ съ надписями не могутъ опредѣлять мѣстности того или другаго города, безъ согласія Исторіи, Топографіи и безъ критической повѣрки текста. Новѣйшіе города, особенно прибрежные, пользовались развалинами древнихъ и перевозили годныя плиты изъ мѣста въ мѣсто. На примѣръ, Греки, переселившіеся въ 1780 году изъ прежнихъ своихъ поселеній въ Крыму, безъ сомнѣнія, перенесли съ собою не одинъ названія родныхъ мѣстностей, но и много каменнаго матеріала для построекъ на новосельѣ. Турки на постройку крепости Азака (Азова), ¹⁴⁵ вѣроятно, также пользовались развалинами Босфорскихъ городовъ. Памятники, принадлежащіе древней Ольвіи, открыты въ Очаковѣ; надпись, относящаяся къ Херсонесу Таврическому, найдена въ Варнѣ; туда же перевезена, вѣроятно, вмѣсто балласта, и надпись Малоазійскаго Пентаполя, подавшая поводъ искать τοῦ κοινῶ τῆς πενταπόλεως, вдоль всей набережной Фракіи и внести въ область Пятиграднаго союза даже Томи.

Не имѣя собственно цѣли допытываться, гдѣ именно былъ г. Таинасъ, при устьѣ ли Индійскаго, или Киммерійскаго, Босфора, на правомъ ли берегу при устьѣ Дона, или на лѣвомъ, или, по Птоломею, на островѣ Таинасъ, я желалъ только знать отношенія между Τανικός πόλις и Τομαίος πόλις. Если эти отношенія такія же, какъ и между Азіятскими названіями Тама и Тома, то этого и достаточно для дальнѣйшаго изложенія того значенія, которое имѣлъ Донской Томи въ исторіи древней Руси и Православной Греческой Церкви.

¹⁴⁴ Должно предполагать, что здѣсь былъ Фагос (Phagos) — мавкъ, посредство свѣта и посредствомъ звона (γῆρος). Первое упоминаніе Еллиновъ о мавкахъ и мѣднозвучной триглавой гидрѣ, въ мифахъ о Кавказѣ.

¹⁴⁵ Здѣсь мѣсто упомянуть преданіе (см. стр. 1); что памятники Овидія найдены въ Сабаріи; но и здѣсь Сербія Донская смѣшана съ Сербіей Дунайской.

Въ заключеніе этой главы упомянемъ о Томитанской колоніи Грековъ (Trist. L. III, El. 9).

Γραιοι или Γραικοί, по Стеф. Византійскому, получили названіе свое отъ Γραικός, Царя Ахеянъ-Феіотовъ Фессаліи.

Колонія Ахеянъ-Феіотовъ (Strab. L. XI, p. 495) водворилась на восточномъ берегу Донскаго (Киммерійскаго) пролива, во время похода Язона.

Этихъ собственно Ахеянъ Овидій и называетъ Graii, т. е., Graeci, и колоніей Милетовъ, поселившихся между туземцами Томитанской области:

«Hic quoque sunt igitur Graiae, quis crederet? urbes,
Inter inhumanae nomina barbariae?
Huc quoque Mileto missi venere coloni,
Inque Getis Graias constituere domos».

Эти Босфоранскіе Ахеяне прозывались Еллино-Скиѳами. Овидій (Trist. L. V, El. 7) и говоритъ про Грековъ Томитанскихъ, что языкъ ихъ, смѣшанный съ туземнымъ, едва сохранилъ въ себѣ слѣды Греческаго.

II.

МИТРОПОЛІЯ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ НА ДОНУ.

Мы упоминали, что страна между Дономъ, Волгой и Кавказскими горами, съ исконныхъ временъ носила названія: Малой Скиѣи, Малой Сарматіи, Малой Руси, или въ древности Малыхъ Аорсовъ, ¹⁴⁶ точно также, какъ Великая Скиѣя носила названія Великой Сарматіи и страны Великихъ Аорсовъ. ¹⁴⁷

Юрнандъ, предпринявшій писать Исторію Гоеовъ, и не имѣя для этого достаточно матеріаловъ, извлекъ изъ древнихъ историковъ все, что касалось до Скиеовъ, и переименовалъ ихъ въ Гоеовъ, хотя, безъ сомнѣнія, очень хорошо зналъ разницу между *Skuafathiod* (*Suavathiod*, *Sclavathiod*) и *Gothathiod*. На этомъ основаніи явился у него и *populus immensus*, называемый Малыми Гоеами.

«Были и еще Гоеы, говоритъ онъ, называемые Малыми, народъ многочисленный, у котораго Ульфилъ былъ понтифомъ и владыкой (*Pontificus et Primatus*). Онъ научилъ ихъ письменамъ. Это

¹⁴⁶ Подробное изложеніе о древнихъ Руссахъ надѣюсь представить въ послѣдствіи.

¹⁴⁷ Кромѣ Скиеовъ-Аорсовъ Фракійскихъ, Плиніи упоминаетъ объ Аорсахъ Аланахъ, Рокс-Аланахъ, Сарматахъ и Амаксовіяхъ (Гуннахъ Амазонкахъ) за Дунаемъ. Въмѣсто Греческаго названія *Ῥοξανοί*, въ Плиніи и иныхъ, въ то время, когда въ Исторіи оказались Аланы, явились и *Rhos-Alani*. Въ позднѣйшихъ кодексахъ Страбона, *Ῥοξανοί* замѣнились посредствомъ *Ῥοξοανι*, потому *Ῥοξοαλανοί*. Ученые корректоры кодексовъ приняли это писаніе за правильнѣйшее и какъ доказательство, что Русь не существовала до призванія Князей изъ Руси Варяжской, недоразумѣвая, что эта Русь была Русь Полабская, покоренная Фрягами, т. е., Франками.

тъ самые Гоеы, которые живутъ нынѣ въ Мисіи, въ области Евкополитанской (in Moesia regione Eurolytana).»

Цѣль переименованія Малой Скивіи въ Малую Гоею ясна. Дѣло касается до Ульффила, Епископа Малой Скивіи, который и по объясненіямъ Ире, Фульда, Цана, Габеленца, Лѣбе и множества другихъ, былъ якобы Епископомъ Гоевъ въ Мисіи, разумеется, по тѣмъ же вышеупомянутымъ словамъ Юрнанда. Но этого мало. Епископъ нѣмыхъ Гоевъ Ульфилъ, относится ими къ событію 376 года, ¹⁴⁹ когда всѣ истые Гоеы, въ слѣдствіе движенія Христіанской религіи между Скивами, были изгнаны за Дунай въ Грецію и допущены Императоромъ Валентомъ, съ условіемъ принятія Христіанства (по толку Ариянскому), на поселеніе во Фракію.

Приведемъ вкратцѣ всѣ источники свѣдѣній объ этомъ событіи, которое нѣкоторымъ образомъ касается до нашего предмета изслѣдованій, но внесено въ Исторію въ превратномъ видѣ до невѣроятности.

Въ первыхъ вѣкахъ, Славянскія племена, населявшія Великую Скию, извѣстны были Исторіи подъ общими названіями: Скивовъ или Савіанъ по вѣрѣ, Генетовъ (Еветоі — отъ Гунудъ, Ненд) по происхожденію, и Роѣ, Роѣхавоі (Русь) по войсковому гражданству. Эти названія, то замѣняли одно другое, то замѣнялись, по мѣстностямъ, особенно въ произношеніи Гоеовъ на сѣверѣ, въ Uuindi,

¹⁴⁹ Это событіе, Западныя историки внесли въ лѣтописи подъ названіемъ переселенія народовъ и несчастій, дѣявшихся до того времени Гуннами. По соображенію Дегляда и нѣкыхъ Хиндоговъ, эти Гунны были именно Маголы, не смотря на то, что Юрнандъ выписалъ портретъ Гунновъ слово въ слово изъ Амміана, а Амміанъ выписалъ слово въ слово изъ Трога Помпеліа объ обычаяхъ и нравахъ Саравъ или Скивскихъ нагнаниковъ (Киммеріанъ, Гынду-саветъ, или Черноморскихъ Индовъ), переселившихся на Кавказъ, и въ Малую Азію. Впрочемъ, соображая древнія сказанія съ новѣйшими картами, можно было уловить во нравѣ Митейской исторіи, и вѣсти вглубь всѣхъ несчастій и на Гоеовъ и на Русь. Юрнандъ пишетъ, что сѣверіе Гунны (Бугары), по словамъ Ирвиса, жили на ~~восточномъ~~ берегу Мелитическаго озера; а по новѣйшимъ картамъ Древней Исторіи, въ степныхъ мѣстахъ Астраханской Губерніи кочуютъ уже Калмыки, примечавшіе въ позднѣйшія времена,

Venetai, Kwäna, Gwäna; Wäne, Unni; Hunni etc. «Вотъ эти народы одного племени, пишетъ Иорнандъ, и численныя нами, въ началѣ Исторіи Гоевъ, извѣстны нынѣ подъ общими именами Венетовъ, Антовъ (Вендовъ) и Славянъ. ¹⁴⁸ Теперь свирѣпствуютъ они за наши грѣхи, а въ то время были подъ властію Эрманарика. ¹⁴⁹

Въ Малой Скиѣи, Босфоранской области, т. е., Таманью, владѣли, со времени Митридата и при Римскихъ Императорахъ, Каганы Гоевъ; собственно же туземные жители Босфоранскаго царства, по обѣимъ сторонамъ Босфора, носили прозваніе Козаръ. Внутренность страны принадлежала Малымъ Аорсамъ, т. е., Русь, которая и владѣла торговыми путями по Дону и Волгѣ, соединяющимися съ Азовскимъ и Каспійскимъ морями. ¹⁵⁰ По Приволжью, надъ волокомъ между Дономъ и Волгой, жили Великіе Болгары; ниже же ихъ, въ восточной части Малой Скиѣи — Малые или Черные Болгары.

«За Козарами, говоритъ Иорнандъ, простираются Болгары, которые, за грѣхи наши, прославились нашими бѣдами. Отсюда-то многочисленныя племена Гунновъ, плодятся какъ зелье, кидались въ ту и другую сторону, съ алчбой на народовъ. ¹⁵¹

¹⁴⁸ «Veneti; Antei, Slavici»

¹⁴⁹ Зеландскій Князь Яромиръ (Jarmier), побѣдоносный прозелитъ Гоевъ, который овладѣлъ всей сѣверной Скиѣей.

¹⁵⁰ «Малые Аорсы», пишетъ Страбонъ (П. XI, р. 506), происходили по всему вѣроятію, отъ Великихъ Аорсовъ, жившихъ къ сѣверу; Малые Аорсы могли выставать 20,000 конницы; Великіе же несравненно болѣе; ибо занимали обширнѣйшую страну и владѣли большей частью Каспійскаго берега. Они-то вывозили товары Индійскіе и Вавилонскіе, приобретающіе ихъ отъ Индій и Армянъ; Одежды ихъ украшены были золотомъ.»

¹⁵¹ По Прокопію, эти Гунны, видѣвъши отъ насъ назывались Бамгериннами, а также Сабиромъ (Срб., Сабара), или отъ нихъ произошли, послѣдшіе въ области Фемисларъ, въ Азіи. (Л. IV.) На этомъ основаніи Иорнандъ и Аммианъ и описали обитаніе Гунновъ въ Тростѣ Пондея (о Сиверскихъ маггичинахъ, прозванныхъ Рагины, или явилось до Сиверскихъ маггичинъ (пратъ?)

«Въ ту и другую сторону,» т. е., походы, совершаемые обычно на корабляхъ по восточному берегу и по западному.

Возстаніе противъ Эрманарика и Гоюовъ началось въ Малой Скиѣи или Задонѣ, гдѣ всѣ туземцы были уже Христіане. Великоруссы (Ροζζανοι, Rhoxolani) также приняли участіе, подѣ предводительствомъ В. К. Болемира.

«Между тѣмъ, пишетъ Амміанъ, слухи дошли и до прочихъ Гоюовъ, о внезапномъ появленіи неизвѣстнаго /доголѣ народа, который то проносится, какъ ураганъ съ горъ, то какъ будто выходитъ изъ земли, и истребляетъ, искореняетъ все, что встрѣтится ему на пути. и т. д.

«Преслѣдуемые Гоюы бѣгутъ къ Дунаю, переправляются чрезъ рѣку. Римскія войска въ тревогѣ, готовы уже встрѣчать ихъ, какъ новое нашествіе Скиюовъ; но въ станѣ Валента является, въ числѣ униженныхъ пословъ отъ Фритигерна, какой-то пресвитеръ, выдаваемый ими за Христіанина, для переговоровъ. Снисходительно допущенный, онъ подалъ письмо отъ Фритигерна, который просилъ, для себя и для своего народа, изгнаннаго изъ жилищъ своихъ на-выхлущшими звѣрскими племенами, прибѣжища во Фракіи, общая за то вѣчный союзъ съ Имперіей. Кромѣ того, повѣренный въ тайнахъ Фритигерна, Христіанинъ, вручилъ особенное письмо, исполненное хитростію и ласкательствомъ, свойственными этому предводителю Гоюовъ.» ¹⁵³ и т. д.

Тоже обстоятельство описано Юрнандомъ слѣдующимъ образомъ:

«Визиготы, то есть, тѣ изъ Гоюовъ, которые жили на Западѣ, были въ той же тревогѣ отъ Гунновъ, какъ и ихъ собратія (Восточные Гоюы), и не знали, на что рѣшиться. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, положили отправить въ Романію пословъ, къ Императору Валенту, брату Императора Валентиніана, и просить, чтобъ онъ уступилъ имъ часть Фракіи, или Мисіи, для поселенія. Они обязывались быть покорными его законамъ и власти; а чтобъ внушить болѣе довѣрія къ себѣ, давали обѣтъ принять Христіанство, съ тѣмъ чтобъ онъ прислалъ къ нимъ священниковъ, которые бы знали ихъ языкъ. Валентъ съ радостію согласился на ихъ просьбу. Онъ размѣстилъ

¹⁵³ Предводители собственно Гоюовъ назывались судьями (judices) народа, принадлежа, разумѣется, къ роду Сo h e n i m.

Гоевъ въ Мисіи, оградой противъ нашествія другихъ народовъ, и далъ имъ проповѣдниковъ Аріанскаго толку, къ которому самъ принадлежалъ».

Вотъ единственный свѣдѣніи о Гоеахъ, принимающихъ Христіанскую религію, по толку Аріанскому, въ 376 году. Здѣсь вѣтъ Ульфѣила, который никогда и не былъ Мисійскимъ Епископомъ, а главное, въ это время уже не существовалъ. Юрнандъ упоминаетъ объ немъ, какъ объ Епископѣ Малыхъ Гоеовъ, только тамъ, гдѣ Малю, то есть, Задонскую, Скиѣю называетъ Малой Гоеіей, и переноситъ ее въ какую-то Евкополитанскую область Мисіи Фракійской. Но Евкополихна, то есть, Левкополихна Черной (Μελαίνα) или Малой Сарматіи, изобличаетъ, что вмѣсто «in Moesia regione Eucropolitana», надо читать «in Maeotidis regione Leucopolitana.»

Не смотря на это, Амміановскій пресвитеръ, посолъ Фритигерна, признается безпрекословно за Ульфѣила, изобрѣтателя Гоескихъ буквъ и переводчика Священнаго Писанія на Гоескій языкъ!

Разсмотримъ всѣ сказанія объ Ульфѣилѣ. Критическаго свода ихъ до сихъ поръ не было исполнено, даже Германскими теологами и учеными, вѣроятно, по общечеловѣческой слабости: мы строгіе критики (какъ, на примѣръ, Г. Шлецеръ) въ отношеніи другихъ, а слишкомъ снисходительные въ отношеніи самихъ себя.

Съ первыхъ вѣковъ Христіанства извѣстны уже Исторіи походы Скиѣовъ или Руссовъ на Грецію, что обыкновенно было не просто набѣгъ, но война, за нарушеніе договоровъ и неуплату условленной дани. Составъ рати Великихъ Скиѣовъ состоялъ, какъ и при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ, изъ совокупности подвластныхъ племенъ, и у Греческихъ писателей носилъ названія, то нашествія Скиѣовъ, то нашествія Сарматовъ, то Роксоланъ (Ῥοξανοί), ¹⁵⁴ то народа Ῥοξ, извѣстнаго даже Магомету.

¹⁵⁴ «Въ 118 году Царь Роксановъ, получивъ отказъ въ дани, прежде ему уплачиваемой, поднялъ оружіе на Римскія области. Императоръ Адрианъ отправилъ самъ въ Мисію, и тамъ велъ переговоры о замѣреніи, разумѣется, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, объ уплатѣ дани, и свободной торговлѣ Руссовъ въ Грецію, какія совершались съ каждымъ, кто былъ «totius Scythiae solus in mundo regnator».

Во время похода, въ 253 году, ¹⁵⁵ на Азіятскія владѣнія Грековъ, «въ числѣ плѣнныхъ, говоритъ Филосторгъ, ¹⁵⁶ взятыхъ ими (Скиѳами) на бережныхъ Малой Азіи, было много Христіанъ, и между ними предки Урфила. ¹⁵⁷ Будучи въ плѣну, они распространяли вѣру Христову въ Скиѳіи. Изъ числа этихъ-то Христіанъ, во время Константина Великаго, былъ поставленъ въ Епископы Урфила, и это происходило слѣдующимъ образомъ. Присылаемый отъ Царя Скиѳовъ Запестрійскихъ, при взаимныхъ посольствахъ, Урфила былъ рукоположенъ Евсеіемъ и бывшими при томъ Епископами въ Епископы къ Христіанствующимъ соотчичамъ». ¹⁵⁸

Замѣтимъ, что это посвященіе въ Епископы, при Константинѣ Великомъ, не могло быть позже 337-го года.

Сократъ Схоластикъ, въ Церковной Исторіи, пишетъ объ Епископѣ Ульфилѣ слѣдующее: «Акакіанское исповѣданіе принявъ и Ульфилъ Епископъ Гоевъ (?); а до того времени онъ исповѣдывалъ Символъ Никейскій, послѣдовательно за Теофиломъ, который, бывъ Епископомъ Гоевъ (?), присутствовалъ на Никейскомъ Соборѣ и подписался».

Объ этомъ отступничествѣ упоминаетъ и Созоменъ Саламинскій: «Акакій, съ сообщниками, вызвалъ (въ 359 г.) Епископовъ изъ Вноніи, въ числѣ которыхъ были Марій Халкедонскій и Улфила

¹⁵⁵ По Амміану на 2,000 корабляхъ, какъ при Олегѣ. По Зосиму, число кораблей простиралось до 6,000.

¹⁵⁶ Филост. *ἐπιτομή ἀπὸ φωνῆς Φίλιου Πατρίάρχου*. Ed. J. Gottfredo. 1641.

¹⁵⁷ Это имя, въ древнихъ кодексахъ и въ новыхъ примѣненіяхъ къ смыслу Гоескому, пишется: Ulphilas, Urtilus, Gulfilas, Hulfilas, Gilfulas, Galfilas, Ulphas, Gulphas, Gudila, Gudillas, Unila etc. «Rectissime sine dubio, Vulfila, говорить толкователи, quam verbum nomen, diminutivum vocis Vulfis (lupus) proprie lupulum significat.»

¹⁵⁸ ... Ἐπὶ Ἐυσεβίου καὶ τῶν συν αὐτῶν Ἐπισκόπων χειροτονεῖται τῶν ἐν τῇ γενικῇ χριστιανιστικῶν. На полѣ вмѣсто *γενικῇ* выставлено *γερικῇ* и переведено: qui in Gothia Christiani erant. Отъ чего же Епископомъ Христіанствующихъ въ Гоеи, а не Епископомъ Христіанствующихъ на родинѣ, или родичей, т. е., потомковъ предковъ его, взятыхъ въ плѣнъ Скиѳами на берегахъ Малой Азіи, въ 253 году, какіе здѣсь были, въ это время, Гоеы Христіане? — Въ дополненіе замѣтимъ, что Греческіе писатели, упоминая о Гѣтахъ или Гѣтѣхъ, не упоминаютъ о странахъ Γῆτα или Γῆτθα.

Гоескій (?). Они подтверждали читанное въ Ариминѣ изложеніе вѣры, и отвергли всѣ другія».

Изъ этихъ свѣдѣній замѣтимъ только одно, что Ульфилъ, около сороковыхъ годовъ IV столѣтія, былъ Епископомъ Босфораніи и Христіанствовавшихъ тамъ, до 325 года, туземцевъ, а не Гоеевъ Истрійскихъ, Іудействовавшихъ до 376 года. Не смотря на это, несообразность хронологическая и новое смѣшеніе Дона съ Дунаемъ, а Скиеевъ съ Гоеями, внесены въ Исторію и Сократомъ и Созоменомъ, при описаніи Аріяинства Императора Валента. «Въ тоже время, пишетъ Сократъ, Гоескій Епископъ Улфилъ изобрѣлъ и Гоескія писмена (?), перевелъ Божественное Писаніе и расположилъ Варваровъ къ изученію Божественнаго Слова.»

Въ Созоменѣ также смѣшано посольство къ Константину съ посольствомъ къ Валенту. Послѣ упоминанія, что главнымъ лицомъ посольства Фритигерна, въ 376 году, былъ Улфила, Гоескій Епископъ, тутъ же сообщается, что Улфила и самъ вступилъ въ общеніе съ Акакіемъ (что было въ 359 году), и отторгъ все племя Гоеевъ отъ Каеолической Церкви.

Откуда же истекаетъ это смѣшеніе времени и обстоятельствъ? Несообразности такъ рѣзки, что не трудно понять, что въ одномъ случаѣ идетъ рѣчь о мнимыхъ Гоеяхъ, Скиееяхъ Босфоранскихъ, которые были въ преобладаніи Кагановъ и которые приняли Христіанство, когда Констанцій, братъ Константина Великаго, покореніемъ Малой Скиѣи или Сарматіи рушилъ это преобладаніе. Въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ о Визигоеяхъ или Западныхъ Гоеяхъ, которымъ далъ убѣжище во Фракіи Валентъ. Если бѣ Римъ не сочувствовалъ болѣе Іудейству, нежели Сиваизму и даже Христіанству, на Воспорѣ Индійскомъ (*βόσπορος τῆς Ἰνδικῆς*¹⁵⁹), не царствовали бы Каганы, не изгнаны бы мученической смертію первые проповѣдники Христіанства между Черноморскими Индами Савіанами,¹⁶⁰ исконными поклонниками Тріединого.

¹⁵⁹ *Nesychius*. Измѣнивъ во всѣхъ древнихъ писателяхъ, начиная съ Геродота, *Ἰνδοί* въ *Σύδοι*, издатели ихъ, съ ученой увѣренностію замѣчаютъ, что, безъ сомнѣнія, Греки позднѣйшихъ временъ вздумали называть Черноморскую Сидію Индіей: «*Posterioris tamen aetatis Graeci Indicam videntur appellasse Indicam.*»

¹⁶⁰ «*Ἰνδοί ἐνδογάται, Σαβαίοι καλοῦμένοι*». Гимай Азіи (Гималай), Кавказъ, Гимай Ев-

Къ этимъ-то Индамъ Малой Скиѣи, бывшимъ подь вліяніемъ Іудеевъ—*δουκ ἐλίγον δὲ πλῆθος καὶ Ιουδαίων αὐτοῖς ἀναπέφυρται*—быль посланъ, посвященный въ діяконы Евсеіемъ Теофилъ (*Θεόφιλος δ' Ἰνδός*).

«Когда Теофилъ прибыль къ Савіанамъ (*Σαβείας*), правитель народа (*ἐθναρχης*), склоненный убѣжденіемъ, пожелалъ принять Христіанство и отклонился отъ Еллинскихъ заблужденій. ¹⁶¹ Заставивъ смолкнуть предъ чудесами непобѣдимой вѣры во Христа всѣхъ ожесточенныхъ Іудеевъ, окружавшихъ его, Теофилъ привелъ къ концу свое призваніе, обратилъ правителя народа къ благочестію, и онъ воздвигъ въ странѣ своей три храма. Первый въ столицѣ всего народа, называемой Тамаронъ (въ текстѣ преобр. въ *Τάφαρον*); другою на торгѣ Ἰреческомъ (*ἐν τῷ Ρωμαϊκῶν ἐμπόριον*), находящемся у моря въ области *Ἀδανίην* (т. е., *Ταναίην*). Третій же на другомъ краю области, гдѣ торгъ Персидскій, при устьѣ (?) Персидскаго моря. ¹⁶²

Здѣсь собственно, внутреннимъ Индамъ, сосѣднимъ съ внутренними Евсіонами, ¹⁶³ проповѣдывалъ Св. Апостоль Вареоломей, принявпій мученическій вѣнецъ въ Арменіи. ¹⁶⁴

Но, вопреки смысла сказаній, утвердилось мнѣніе, что какъ Св. Ап. Вареоломей, такъ въ послѣдствіи и Теофилъ проповѣдывали не въ Черноморской Индіи, а въ счастливой Аравіи. На этомъ основаніи, въ Географіи Птолемея и въ Натуральной Исторіи Плинія, можно найти въ Аравіи и *Homeritae* и *Saphar Metropolis*, и *Sabatha Metropolis*, и *Saba regio*. Это были настольныя книги Средневѣковыхъ и

ропы (*Ἄστος*), Карпаты, Альпы, Паринев, составляли вѣкогда непрерывную цѣпь населенія Савіанъ. Парсы, принявъ вѣрованіе Гебровъ, разорвали въ Азіи эту цѣпь. Восточныхъ Индовъ они называли *Siah-Hend*, Черными Индами, а Кавказскихъ *Hend-Safet*, Бѣлыми Индами.

¹⁶¹ Филосторгъ упоминаетъ о существовавшемъ тамъ обрѣзаніи, поклоненіи солнцу и лунѣ и богамъ туземнымъ. Изъ этихъ словъ понятво, что тамъ были двѣ различныя вѣры: вѣра водворившихся Гоеовъ и Сивазамъ туземцевъ.

¹⁶² Т. е., Каспійскаго моря, при устьѣ Волги, гдѣ былъ торгъ Яскій.

¹⁶³ Т. е., Абхазами (древними Гиніохами,) переселенцами изъ Фиваиды.

¹⁶⁴ Евсеіи, Сократъ, Филосторгъ и пр.

позднѣйшихъ Орденскихъ Географовъ, когда на беззащитную Историю Востока велись своего рода крестовые походы, и когда тщательно вносились въ изданія всѣ описки и приписки, извращавшія смыслъ преданій и переносившія событія и мѣстности изъ одного края въ другой, изъ Азіи въ Европу, и обратно.

Въ дополненіе изложенныхъ уже свидѣтельствъ о такъ называемой Внутренней Индіи, на бережныхъ Чернаго моря, приводимъ, въ выноскѣ, слова Воссія о томъ же предметѣ.¹⁶⁵ Въмѣстѣ съ этимъ открывается, затаявшаеся для Истории Восточной Церкви, свидѣніе, что рукоположенный Евсевіемъ, для проповѣдованія Евангелія Индамъ или Синдамъ, и поставившій престолъ Спасителя въ Тамаронъ, есть тотъ самый Теофілъ Босфоранскій, Episcopus Tomorum in Scythia, который въ 325 году былъ въ числѣ подписавшихъ Символъ вѣры Никейскаго Собора. Вотъ подпись его:

По списку библ. Колберта:

De Gothis

Theophilus Bosphoritanus.

Domnus Bosphorensis.¹⁶⁶

Editio Labbeana:

Provinciae Gothiae.

Theophilus Gothiae Metropolis.

Provinciae Bosphori.

Domnus Bosphorensis.¹⁶⁷

¹⁶⁵ Isaaci Vossii notae in Scylacis Cariand. Periplum, pag. 13. Приводя сказаніе Сократа Схоластика: «Апостольнъ Ѳома получилъ жребій апостольства въ Парсіи, Матѳей въ Есіопіи, а Варооломей въ смежной съ нею Индіи», Воссій пишетъ: «Longe mihi verisimilis fit, pervenisse illos in Aethiopiam Ponticum, quae in Colchorum est Regione, et Sindicae, sive Indiae, contermina est. Liqueat id est Hieronimi Catalogo Scriptorum Ecclesiasticorum, cujus verba adscribam: «Andreas, frater Simoni Petri, ut majores nostri prodiderunt, Scythis, et Sogdianis, et Saccis, praedicavit Evangelium Domini nostri Jesus Christi, et in Augusta civitate praedicavit, quae cognominatur Magna, ubi est irruptio Apsariet Phasis fluvius: illic incolunt Aethiopes interiores». Et post: «Matthias cum unus esset e numero septuaginta, allectus in ordinem undecim apostolorum, in locum Judae Iscariote, qui fuit proditor, in altera Aethiopia, ubi est irruptio Apsari, et Hyssi portus, praedicavit Evangelium, cum essent homines agrestes.»—Recte itaque Socrates interiorem Indiam Aethiopiae interiori vicinam facit, cum ambae sint ad Pontum, sibi quae conterminae».

Ложное названіе *Gothiae Metropolis*, или лучше сказать, Латинское названіе по преобладанію Гоескихъ Кагановъ, друзей Императоровъ и Римскаго народа, безъ сомнѣнія, внесено въ Латинскій переводъ акта, вмѣсто *Scythiae Metropolis*, какъ слѣдовало быть въ Греческомъ текстѣ, который не сохранился. Это доказывается, во первыхъ, Актами Никейскаго Собора. Въ каталогъ странъ и народовъ, гдѣ учреждены были уже Епископіи Вселенской Церкви, Александръ Фессалонійскій подписывается, во имя Епископовъ въ земляхъ Славянъ Македоніи, Еллады, всей Европы, Иллиріи, Фессалии, Ахаіи, и также въ обѣихъ Скиѣіяхъ—«*Σκυθίαν ἐκατέραν*. Во вторыхъ, тѣмъ, что Босфоранская Епархія, во всѣхъ послѣдующихъ актахъ, сохранившихся и на Греческомъ языкѣ, называется, какъ увидимъ, Митрополіей Скиѣской Томитанской. Въ третьихъ, Евсевій (*de vita Const. L. 11, c. 7*), при исчисленіи странъ, откуда прибыли Епископы на Никейскій Соборъ, упоминаетъ не о Гоескомъ, а о Скиѣскомъ Епископѣ, помѣщая его въ числѣ Азіійскихъ: *ὁ δὲ καὶ Πέρσης ἐπίσκοπος τοῦ Συνόδου παλῆν, οὐδὲ Σκύθης ἀπελιμπόνητο τῆς χορείας, Πόντως τε καὶ Γαλατία».*

Въ подписяхъ Собора Константинопольскаго, въ 381 году, гдѣ участвовали только Азіійскіе Епископы: ¹⁶⁷

Provinciae Scythiae:

Gerontius Tomensis.

Aetherius Charsonitanus.

На соборѣ Ефесскомъ, 431-го года (*Part I, cap. XXIV*) подпись Латинская:

¹⁶⁶ Различіе между *Bosphoritanus* и *Bosphorensis* заключается въ томъ что Теофилъ былъ Епископъ всей Босфорадіи, которой Митрополія была въ Томи; а Домнусъ, Епископъ Г. Босфора, на Европейской сторонѣ пролива.

¹⁶⁷ См. *Acta Conciliorum, T. I. Concilium Nicaenum.*

¹⁶⁸ Греческаго текста нѣтъ. Въ Латинскомъ исчисленіи подписей Собора Епископовъ Азіійскихъ, внесена въ концѣ и Провинція Испанія, съ отмѣткою на полѣ: «*Sed titulus ille omnino delendus.*» Послѣ Иверійской Епархіи помѣщена провинція Мизійская съ Епископомъ Мартиріемъ Марціанопольскимъ; а къ провинціи Скиѣской приписанъ *Sebasitanus Anchialensis*, относящійся ко Фракіи.

«Timotheus Episcopus a Scythia. Отм. на полѣ: sive Tomorum in Scythiae».

Actio 1:

«Τιμοθέος ἐπίσκοπος..... ἐπαρχίας Σκυθῶν (αἱ Σκυθίας) ἐπέγραφα ἀποφαινάμενος, καὶ τὰ ἔξης».

Въ Лат. Переводѣ: «Timotheus Episcopus Tomitanus». На полѣ: ms: civitatis Tomorum, provinciae Scythiae decernens suscripsi».

Въ декретѣ Ефесскаго Синода противъ Несторія и прочихъ еретиковъ всѣ подписи принадлежатъ Епископамъ Азійскихъ и Африканскихъ Епархій, собранныхъ для ручательства противъ вліянія ученія Несторія, распространявшагося въ этѣхъ странахъ. Между подписавшими Актъ находится:

«Timotheus Episcopus provinciae Scythiae civitatis Tomorum».

Въ Актѣ Константинопольскомъ (449 г.), читанномъ на Халкедонскомъ Соборѣ 451 года, въ подписяхъ:

«Ἀλεξάνδρου τοῦ ἐυλαβεστάτου ἐπισκόπου τῆς Τομέων πόλεως ἐπαρχίας Σκυθίας. ¹⁰⁹»

О распространеніи Аріяства въ Азій и о Скиѣахъ Томитанскихъ, не послѣдовавшихъ еретичеству, Созоменъ, въ своей Церковной Исторіи, говоритъ: «Напротивъ, Сирія и пограничныя области, особенно же Антіохія, бѣдствовали отъ неустройства и возмущеній. Въ этѣхъ областяхъ было болѣе Аріянь, владѣвшихъ Церквами, хотя не мало и Христіанъ Церкви Каѳолической, которыхъ называли Евстиѳіанами и Павлиніанами; ибо ими, какъ выше сказано, управляли Павлинъ и Милетій. Послѣдніе, тогда какъ вся Антіохійская Церковь едва не сдѣлалась аріянствующею, съ трудомъ держались противъ ревности Императора и лицъ, имѣвшихъ при немъ силу. Гдѣ Церквами управляли люди мужественные, тамъ только народъ не измѣнилъ исповѣданію своему. И дѣйствительно, по той же причинѣ, говорятъ, и Скиѣы сохранили, свою вѣру. Этотъ народъ имѣеть мно-

¹⁰⁹ Acta Consiliorum. T. II. Cons. Chalcedonense. Actio 1.

жество городовъ, селеній и крѣпостей. Его столица — Томисъ, городъ обширный и богатый, лежащій у моря на лѣвой ¹⁷⁰ сторонѣ отъ входа въ Понть-Евксинскій. Тамъ, по сіе время (V. стол.), продолжается древній обычай, чтобъ единый Епископъ главенствовалъ надъ Церквами всего Скиѣскаго народа».

Въ этихъ словахъ Созомена три положенія противъ несообразнаго имъ съ чѣмъ, а между тѣмъ утвердившагося, мнѣнія, что Епархія Томитанской области или Епархія Скиѣид, обрѣталась во Фракійской Нижней Мисіи:

1. Созомень говоритъ объ областяхъ Азійскихъ, подвергавшихся вліянію ученія Несторія и Аріанства; точно также какъ и Ефесскій декретъ противъ Несторія подписанъ только Епархіями Азійскими и Африканскими, въ числѣ которыхъ, какъ мы видали, подпись Томитанскаго Епископа Тимоея.

2. Созомень говоритъ о Скиѣахъ, какъ о народѣ самостоятельномъ, не подвластномъ Имперіи, у котораго множество не только городовъ, но и крѣпостей. Всего этого нельзя было говорить о какой нибудь Епархіи въ границахъ Фракіи.

3. Митрополія Томитанская была Митрополіей не одной Епархіи, а многихъ Епархій въ обѣихъ Скиѣидахъ — *Σχιθίαν ἐκατέραν*, какъ мы видали въ Греческомъ текстѣ Никейскихъ Актовъ.

4. Исконный обычай въ Скиѣи или Руси (*ἡ Ρωσ; οὗ καὶ Σχιθίας, φάσιν*), о которомъ упоминаетъ Созомень, состоялъ въ единоначаліи, какъ въ гражданскомъ, такъ и духовномъ отношеніи. Какъ титулъ Атилы, переданный Юрнандомъ: «*Attila totius Scythiae solus in mundo regnator*», былъ во все времена принадлежностію Великихъ Князей — «Великій Князь всея Руси, или всея Русіи Самодержецъ» —, такъ по росіи древнихъ Епископствъ Руси, водившій Митрополита была: «Митрополитъ Кіевскій и всея Русіи», т. е., «Великой и Малой» ¹⁷¹ Это раздѣленіе было съ незапамятныхъ временъ, какое названіе ни носила

¹⁷⁰ Мы уже объяснили же 26-й стр., какъ принимали древніе правый и лѣвый берегъ Понта. Слѣживая же Донъ съ Дунаемъ, во всякомъ случаѣ мѣстность Томи надо было относить къ лѣвому берегу.

¹⁷¹ По росіи древнихъ Епископствъ, при Имц. Давъ Премудромъ, Архіепископство Великой и Малой Руси числилось на 60 мѣстъ; ибо иносемные Епископства слѣдовали за вселеніемъ находящихся въ Имперіи.

Русь у иноземцевъ: Скиѳи ли, Сарматіи, или Великихъ и Малыхъ Аорсовъ, или, по Геродоту, Γερρίσιοι. Малая Русь всегда означала пограничную, воеводскую часть Руси, находившуюся постоянно на военномъ положеніи. Границы, особенно съ Персами, то надвигались до Аракса, то отодвигались до Дона.

Томитанская Епархія и была собственно Архіепископія, Митрополія всѣхъ прочихъ Епархій Скиѳи, или, вѣрнѣе, всея Скиѳи. Созомень, въ кн. 7, гл. 26, и называетъ Θεοτιμα, родомъ Скиѳа, Архіепископомъ Томитанскимъ и всѣхъ прочихъ Епархій Скиѳи.¹⁷¹ Не смотря на это, отецъ Квіенъ (Quien) въ своемъ «Origens Christianus», въ рядахъ всѣхъ помѣщающихъ Скиѳію во Фракіи,¹⁷² утверждаетъ, что въ Епархіи Скиѳійской только и было, что «Ecclesia Tomogum». Онъ приходитъ въ недоумѣніе по случаю вносимаго обвиненія въ Несторіанской ереси на Скиѳійскихъ Епископовъ, «inter quos Paternus Tomitanae civitatis antistes,» т. е., надъ которыми Патернъ Томитанскій главенствовала.

Сомнѣваясь, что въ это время было нѣсколько Епископствъ въ Скиѳи, Квіенъ приводитъ подпись Патерна, на сообщеніи Сявода Константинопольскаго Папѣ Ормизду, объ избраніи на Патріаршество Епиѳанія, и говоритъ, что по этой подписи Патернъ одинъ и единственный Епископъ всей Скиѳи.

Но этой-то разницы между Епархіями Имперіи и независимой, автокефальной и, такъ сказать, самодержавной Епархіей Скиѳи, о чемъ упоминаетъ Созомень, и не понялъ отецъ Квіенъ: «vetus consuetudo, quae ibi etiamnum servatur, ut unus Episcopus totius illius Gentis Ecclesiis praesit». Въ древней Скиѳи или Руси всѣ подраздѣленія Іерархіи или священноначалія выражались не различными Церквями, а единою Церковію, единою духовною властію всея Руси (totius Gentis), и единымъ ея голосомъ. Форма выраженія всѣхъ въ единствѣ была: «Мы Великій Государь». Различіе съ условіями Римской Импе-

171 Ἐν τούτῳ Τίμαος, καὶ τῆς ἄλλης Σκυθίας τὴν ἐκκλησίαν ἀπετρέψαι Θεότιμος Σκυθῆς, ἀπὲρ ἐν φιλοσοφίᾳ τράφαις....»

172 На основаніи словъ Плинія, что въ приморской Фракіи, между Балканомъ и Дунаемъ, жили Scythae Aroteres; но въ той же 18 главѣ IV книги, всю Фракію населяли Скиѳскія племена; Плиній исчисляеть ихъ: Brysi, Sapaesi, Bessi, Doloncae, Aorsi, Arraei, Sarmatae, Scythae и, по берегу моря, Morigeni.

рѣи видно ясно изъ собранія Окружныхъ Посланий къ Императору Льву I (457—474), pro defectione Consilii Chalcedonensis. Въ первомъ, главномъ посланіи (epistola), подписанномъ главами Митрополій, заключается и подпись Митрополита Томитанскаго, Θεοτίμα. Кроме общаго посланія слѣдуютъ сорокъ посланій, отъ каждаго Митрополита отдѣльно съ подписями, какъ его, такъ и всѣхъ подвластныхъ его Митрополій Епископовъ. Θεοτίμα же въ своемъ посланіи (XI), какъ верховный правитель единой Церкви, говоритъ и подписываетъ: «Мы утверждаемъ: «Unde mansuetissime Imperator, et ego, et omnis Ecclesia Dei, sic sapimus et in consensu nostro Sanctorum Patrum definitiones fide et devota confessione firmamus».

Во всякомъ случаѣ, Митрополія предполагаетъ въ себѣ подвластныя Епископія; но о. Квиень, въ подтвержденіе, что въ Scythia Parva eaque Europaea ad Istrum flumen, только и была одна Епархія въ Томи, замѣчаетъ, что въ древнѣйшихъ Актахъ Церковной Исторіи Томи считается Архіепископствомъ, а не Митрополіей и, выписывая въ свидѣтельство этого подпись Епископа Патерна, ¹⁷⁴ пропускаетъ его титулъ «Metropolitanus».

Въ подлинникѣ подпись его слѣдующая: «Paternus, misericordia Dei, Episcopus provinciae Scythiae Metropolitanus».

Для чего этотъ, явно недобросовѣстный, пропускъ? Для того ли, чтобъ унизить значеніе и измѣнить смыслъ Томитанской Митрополіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпить мнѣніе, что эта Епархія была во Фракіи? Если бы Scythia Parva была во Фракіи, то дѣйствительно она не могла бы имѣть болѣе одной Епархіи.

Удивительно ли послѣ этого, что не обращено вниманіе на Актъ Никейскаго Собора, въ которомъ, въ числѣ странъ, гдѣ водворилось уже Христіанство, упоминается объ обѣихъ Скивіяхъ—«Σχυθίαν ἐκχ-
τέραν», т. е., Μεγάλα Σχυθία и Μικρά Σχυθία.

Быстрое и свободное распространеніе Христіанства въ Русь, въ IV столѣтіи, оставило по себѣ неизгладимыя слѣды, какъ увидимъ ниже. По Ведическимъ предвѣстіямъ, для Савіанъ Европейскихъ со-

¹⁷⁴ Relatio Synodi Const. de ordinatione Epiphani Episcopi Anno 520. Acta Consiliorum. T. II, p. 1035. Ed. Parisiis, 1714.

вершилась заключительная Автара, — воплощеніе Царя свѣта. Но противники, Іудеи и Маги, ¹⁷⁵ дѣйствовали союзно. Чтобъ подорвать основы Церкви внутренними раздорами, они внесли въ нее, подъ ликою Христіанства Аріянской толкъ. Валентъ, сопредстольный Валентиніану и управлявшій Востокомъ, былъ ревностнымъ послѣдователемъ этого толка. По вліянію лицъ, имѣвшихъ при немъ силу, ересь быстро распространялась въ областяхъ Азіи. Объявляя самъ Азіійскія Церкви, лично изгоняя отовсюду послѣдователей Православія, и отдавая ихъ храмы Аріянамъ, Валентъ, послѣ неистовствъ въ Антиокіи, въ Едессѣ и въ Епархіяхъ Каппадокіи, прибылъ въ Томитанскую Митрополию. Войдя въ церковь, онъ сталъ убѣждать бывшего въ то время Архіепископа Скѣои, Ветранія, чтобъ онъ вступилъ въ общеніе съ Епископами ереси. Ветраній, мужественно и смѣло высказавъ свои мысли въ защиту Никейскаго Собора, оставилъ его и перешелъ въ другой храмъ. Все стеченіе народа, любопытствовавшего видѣть Императора, пошло въ слѣдъ за своимъ Епископомъ. Принявъ этотъ поступокъ за намѣренное оскорбленіе, Валентъ приказалъ схватить Ветранія и сослалъ его въ заточеніе. ¹⁷⁶

Послѣ этого событія отношенія Руссовъ ¹⁷⁷ къ Имперіи измѣнились. Ветраній былъ освобожденъ, но въ слѣдствіе опасенія народнаго возстанія и войны. Современные Цари Гунновъ, т. е., Руссовъ несутъ Греческія Христіанскія имена: Донатъ и Харитонъ. Донатъ, убитъ Римлянами, какъ говоритъ сказаніе, коварнымъ образомъ Харитонъ, наслѣдовавшій ему и поднявшій войну, умиротворенъ дарами; но Рао или Радо, котораго Гормандъ называетъ *Roas*, Прасъ *Ροβα βασιλεως*, а западные Историки Вождемъ Скѣовъ *Rhodas*, переходитъ Дунай, проникаетъ во Фракію и грозитъ уже Константино-

¹⁷⁵ Халдеи.

¹⁷⁶ Проницательный во всѣхъ своихъ изысканіяхъ, Велеливъ, обратилъ особенное вниманіе на Томитанскую область, но не обратилъ вниманія на приписываемое ей географическое положеніе во Фракіи; а между тѣмъ вотъ его слова: «При первомъ взглядѣ на это извѣстіе, бросится въ глаза всякой легчешей головѣ, что здѣсь Греческое слово Скѣои, должно переводить словомъ Русь, и по тому только, что изыскатель напрасно сталъ бы искать въ Томитанской Епархіи какой либо другой Церкви, кромѣ Русской.»

¹⁷⁷ Которыхъ Византіяны продолжали еще называть, то Скѣоими, то Гуннами.

полю. Верховный совѣтъ Византіи, по утвержденію Императора Θεодосія, отправляетъ къ нему пословъ; но Рао внезапно умеръ, пораженный громомъ, какъ говоритъ преданіе. Когда Царь Рао умеръ, пашеть Приска, и царство (βασιλεία) наслѣдовалъ Атилло, верхонный совѣтъ отправилъ къ нему послами Плинеа, родомъ Скива, и Діонисія, родомъ Грека, для обычныхъ поздравленій со вступленіемъ на царство и заключенія новыхъ договоровъ. Но Атилло, немедленно же по вступленіи на престоль, отправился въ Маргу ¹⁷⁸ на Дунаѣ, гдѣ сосредоточены были войска, съ тѣмъ, чтобъ продолжать войну. Здѣсь и встрѣтилъ его послы.

Изъ преданій извѣстно, какими условіями, дарами и данью откупился Θεодосій II-й; но политика Императоровъ была уже подъ влияніемъ Гоевъ Аріянь и Халдеевъ. Анританскіе Гоевы возстановляли противъ Атиллы Римъ, а Халдеи Кавказскіе—единовѣрныхъ съ ними Персовъ.

Отправивъ Малую или Козарскую Русь за Кавказъ, отбирать у Персовъ покоренныя ими земли, самъ Атилло поднялся, съ силами Великой Руси, отбирать у Римлянъ Галлію, и на поляхъ Канталійскихъ разбилъ въ прахъ сосредоточенные легіоны подъ предводительствомъ Эція и войска Θεодорика Визигоескаго. Въ слѣдъ за этимъ, когда Атилло, взявъ приступомъ Милаць, расположился станомъ на р. Минцію, въ преддверіи Италиі, къ нему явилось съ мольбой о пощадѣ Рима посольство Валентиніана и самъ Папа Леонъ. Это обстоятельство, умирненія чрезъ посредство главы Римскаго Священства, подтверждаетъ до нѣкоторой степени преданіе, что Атилло былъ Христіанинъ. ¹⁷⁹

Между тѣмъ Ковары, отправленные имъ за Кавказъ, громили Иверію и Арменію, которыя въ это время были подъ властію уже Персовъ. По Приску, находившемуся при Атиллѣ въ числѣ посольства отъ Императора Θεодосія, «Козаріей и прочими народами, насе-

¹⁷⁸ У Славянъ Марками назывались пограничныя торжища, гдѣ производились договоры и торгъ. Гельмольдъ.

Станъ Атиллы былъ расположенъ въ Малой Валахіи

¹⁷⁹ См. *Vilkinga Saga*. Въ *Nibel. L.* 5060 v: «Er (Atzel) ist nicht gar ein Heide, dass sollt ihr siecher sein.»—5566 v: «Dass getauft wurde das Etzelen Kind nach Christlichen Rechte.»

лявшими Русскія земли при Черномъ морѣ, въ Азіи, управлялъ старшій сынъ его, Данчичъ (Danziç, Densices)». По смерти отца, онъ вступилъ на престолъ, и въ 467 году, потребовалъ отъ Царяграда возобновленія договоровъ. Но Императоръ Левъ, пользуясь продолжающейся войной Руссовъ съ Персами, смѣло отказалъ ему въ этомъ. Отказъ вызвалъ войну. Младшій и любимый сынъ Атилла, Ярень (Ignas, Ignah), совѣтовалъ брату не начинать войны съ Греками, когда не только что пограничная Русь, Козары и Сураги,¹⁸⁰ но и большая часть силъ Русскихъ отвлечена войной съ Персами въ Арменію. Но Данчичъ не принялъ совѣтовъ брата. Усиливъ войска свои подвластными Руси Гоеами, онъ перешелъ Дунай. Но Гоеы измѣнили—и онъ погибъ въ бою.

Въ Иверіи и Арменіи дѣла Руссовъ-Козарь (Ὀυνοὶ Κιδαρίτοι—Козаричи) шли также неудачно. Персы преслѣдовали ихъ за горы, проникли въ Козарію и даже овладѣли Бѣловъжей или Бѣлградомъ (βαλατόλις). Это было въ то время, когда Вартанъ, Воевода Арменіи, призывалъ на помощь Косоговъ или Казаковъ, Козарь, которыхъ Армяне называли Кушанкъ или Кушачи—к,¹⁸¹ а Греки, въ соотвѣтствіе Персидскому названію Hend-safet—λοιχοὶ Ὀυνοὶ и также Ευθαλίται, т. е., Поморцы¹⁸²

Въ то же время, когда Вартанъ вызывалъ на помощь Гунновъ Гептакскихъ, какъ выражаются въ переводахъ, онъ вызвалъ и Иверскаго Кагана, Вахтанга, который и измѣнилъ ему: «Ici le roi Wakhtang-Gorgasal assiste le Roi de Perse, contre les Indiens, les

¹⁸⁰ Сураги, жившіе по Каспійскому морю, извѣстные также подъ названіемъ Гунновъ Сарагуровъ, по Греческимъ писателямъ Σιράχοι (Siraces). При Каспійскомъ морѣ и была India Serica, занесенная за Гангъ: по Сурагамъ Каспійское море называлось Oceanum Siricum, а у Руссовъ Суражскимъ моремъ. Страбонъ пишетъ, что Сураги и Малые Аорсы, одного происхожденія съ Великими Аорсами. «Малые Аорсы жили при Танаисѣ, а Сураги по р. Ахарду, по другимъ Георг. Аксарту, т. е., въ сущности Араксу, въ Ширванской области, и по морю, гдѣ производилось искони шелковое производство.

¹⁸¹ «Kouchank ou Kouchantsik est le nom donné par les auteurs arméniens aux Huns Nephthalites.» Hist. de la Georgie, I part. Hist. ancienne.

¹⁸² Это названіе, происходящее отъ Ἐυθαλάσσιος, измѣнялось въ спискахъ въ Nephthalites, Nařatalites, Atelites, Abtelites.

Sindes, les Abaches (Абхазовъ) et les Djordjaniens (Грузинъ): il triomphe de tous ces peuples». ¹⁸³

Съ этого времени, въ Малой Скиѣи снова водворяется власть Кагановъ, съ которой постоянно боролась Русь. Юстиніанъ I-й, вступивъ на престолъ, съ трудомъ сохраняетъ прибрежные Греческіе города Тавриды и Азіятскаго берега, и начинаетъ укрѣплять ихъ.

Въ актахъ 536 года титулъ Кесаря Флавія Юстиніана составляетъ уже наборъ неопредѣленныхъ названій мѣстностей и народовъ: «Alemannicus, Gothicus, Francicus, Germanicus, Anticus, Alanicus, Wandalicus, Africus.» Скиѣамъ, Сарматамъ и Гуннамъ предоставлены названія Аланъ и Антовъ. Прокопій очень простодушно находитъ, что Анты были совершенно сходны съ Славянами и по вѣрѣ и по обычаямъ, по языку и наружности, по дебелости и силѣ; находитъ большое сходство ихъ и съ Гуннами: «a vafritie ac malicia gemoti et hac ipsa quoque innocentia Hunnis similes» т. е., ни къ лукавству, ни къ злобѣ не способны, и по самой чистотѣ нравовъ сходны съ Гуннами». Живутъ они на Меотидѣ, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ Гунны, и вся разница между ними та, что Антовъ и Славянъ Прокопій называетъ Спорами, а Гунновъ Сабирами. Птоломей не называетъ ихъ ни Спорами, ни Сабирами, а Сапурами, а иногда, тутъ же, для разнообразія, Тапурами. Съ ними сосѣдять и Скиѣы Аланы, и Скиѣы Сусовени (Σουσοβήνοι), и Скиѣы Свевы (Σουήβοι), и Скиѣы Аорсы, и иныя Скиѣы.

Эти-то всѣ народы, лишившіеся уже имени Скиѣовъ, Сарматовъ и Киммеріанъ, но жившіе еще между Меотидой и Кавказомъ, а по Птоломеею въ Scythia intra montem Imaum, подпавъ снова подъ власть Кагановъ, извѣстныхъ друзей Императоровъ и Римской Имперіи, снова приобрѣтають, съ возстановленіемъ на Босфорѣ преобладанія Гоѣовъ званіе Гоѣовъ. ¹⁸⁴ Прокопій Кесарійскій, въ своей Исторіи Гоѣовъ,

¹⁸³ Hist. de la Georgie, I part. Разумѣется, что всѣ эти народы препровождены историками къ устьямъ Инда: «Leur empire (т. е., Гунновъ-Сяндовъ) s'étendait jusqu'au bouches de l'Indus, et leur capitale, située sur le fleuve, s'appelait Minnigara». — Повятно, что эта Миннигара есть Бѣлградъ на Волгѣ.

¹⁸⁴ По Птоломеею (2-го вѣка) Скиѣи простирались до изгиба р. Аракса (الرس) — Русская рѣка), то есть, до впаденія Куры (L. V, с. 9). «Есть и другой из-

какъ и Иорнадъ въ своей, утверждаетъ, вопреки смысла, это званіе за всѣми народами, «quos vetustiora saecula Schythas vocabant.»

Этотъ современникъ Юстиніана I, написавшій шесть книгъ объ укрѣпленіяхъ, воздвигнутыхъ Императоромъ для защиты границъ, какъ по Дунаю, такъ и Донскому Босфору, противъ нашествій Гунновъ, въ свою очередь смѣшиваетъ мѣстности, находящіяся на этѣхъ рѣкахъ, какъ, на примѣръ, область Δοράς, или Δαράς, «гдѣ издавна обитають Гоы, не послѣдовавшіе за Θεодорикомъ въ Италію.» Гоы Θεодорика, т. е., Визиготы, пришедшіе во Фракію въ 376 году изъ за Дуная, были поселены въ Панноніи, и отсюда уже отправились въ Италію (въ 488 г.); слѣдовательно, дѣло идетъ объ области на Дравѣ, которая, по Птоломееу, называлась Δάρος, а не на Босфорѣ и не въ Тавридѣ.

Свѣдѣніе Проконія¹⁰⁵ объ укрѣпленіяхъ Греческихъ владѣній въ Тавридѣ и за Босфоромъ на Азіятской сторонѣ, теряетъ смыслъ, если понимать въ немъ только укрѣпленіе города Босфора и города Херсона, а не укрѣпленіе городовъ Херсониса и городовъ Босфора на Азіятской сторонѣ.

Вліяніе Томитанской Митрополии простиралось на объ Скиѣи; но когда Великая Скиѣя вела уже войну и съ Каганами, и съ союзникомъ ихъ, Юстиніаномъ, въ области Митрополии оставалась только Босфоранія, заключающая въ себѣ полуостровъ Керченскій и полуостровъ Таманскій, отрѣзанный отъ твердой земли укрѣпленіями по пересыпямъ озеръ и Кубани. Со времени Юстиніана, въ Актахъ Соборовъ подпись Томитанскаго Митрополита Скиѣи и прекращается. Въ Актахъ Константинопольскаго Собора, 536 года, вмѣстѣ оной являются:

Ιωάννου τῆς μητροπόλεως βοσπόρου.

Δομετιανοῦ τοῦ Ζηχυῶν ἔθνοις, или Ζηχυίας.

губь рѣки Аракса (т. е., Рась), сходящійся съ изгибомъ Дона (Таманса). Такъ какъ Азіятцы и рѣку Волгу называли Араксомъ, т. е., Русскою рѣкою, то и Птоломей смѣшиваетъ Рась на Араксѣ съ Волгѣю и предполагаетъ, что это изгибъ одной и той же рѣки.

¹⁰⁵ Προκτίου Καισάρως περί τῶν Δεσπότου Ἱουστινιανῶν διατάξεων. Помѣщ. въ Крымскомъ сборникѣ, стр. 54.

Въ приговорѣ Синода Константинопольскаго противъ Аноимія:

Ἰωάννης ἐπίσκοπος Βαστιόρου.

Потомъ, въ числѣ подписавшихъ на Сирійскомъ языкѣ: Δομετιανὸς ἐπίσκοπος Ζηχχίας.¹⁸⁶

Въ седьмомъ вѣкѣ подавленный на Кавказѣ Гебраизмъ, нашелъ себѣ поборника въ лицѣ Бьюрата Багратуни, который, завладѣвъ правленіемъ Арменіи, объявилъ себя данникомъ Халифовъ. Здѣсь начало появленія Аравовъ, или вѣрнѣе Моссааравовъ (Моσαараβες), извѣстныхъ подъ именемъ Аваръ. Въ переменяющейся борьбѣ съ Христіанами и, слѣдовательно, съ Имперіей, въ 740 году, Козарскій Каганъ овладѣлъ Босфораніей,¹⁸⁷ и въ это время Епископъ Босфораніи (т. е., бывшей Томитанской Митрополіи) взятъ въ плѣнъ. Его память, чтимая и Греко-Россійскою Церковію, объяснить намъ лучше всего названіе Γοτθία, приданное Босфораніи во время владычества Кагановъ въ Козаріи: «Бѣ (Епископъ Іоаннъ) при Константинѣ Царѣ и при Львѣ Исаврянинѣ, отъ Тавро-Скиескія страны, подъ властію Готескою, сынъ Льва и Фотинія». ¹⁸⁸ По случаю иконоборства, онъ «отъ своихъ людей былъ посланъ къ Ивирійскому Архіепископу, и отъ того постановленія пріять.» Онъ ѣздилъ въ Константинополь, и по защищеніи Правой Вѣры, предъ Царицею Ириною (послѣ 780 года), возвратился въ свою Епархію. Злодѣи хотѣли его предать во власть Козаровъ (т. е., Козарскаго Кагана), но онъ успѣлъ бѣжать въ Амастріяду. Узнавъ же о смерти Кагана, возвратился въ Готеію». ¹⁸⁹

¹⁸⁶ По свѣдѣнію Константина Багр. (De Adm. Imp. с. 42), границей Зихи съ областью Таматархской или Тьмутараканской, была р. Укрухъ (Ὀύκρούχ). Нѣтъ сомнѣнія, что это рѣка Кубань, и Константинъ, вмѣсто названія рѣки, слышалъ слово Украй, т. е., граница. По морской картѣ de Fréduce d'Ancone, Мауга Zichia лежитъ на южной сторонѣ Кубанскаго лимана (Maugo lago), за ней Alba Zichia, и потомъ Avogassia (Абхазія). Въ древности это была мѣстность Ахаія. Нынѣ живутъ Джигети.

¹⁸⁷ Princeps Chazarorum, qui Gothiam invaserunt. Le Quien.

¹⁸⁸ Прологъ.

¹⁸⁹ Крымскій Сборникъ. Соч. П. Кеппеля, стр. 66.

Такимъ образомъ, въ подписяхъ Актовъ, Скисская Томитанская Епархія носила названіе Гоеской въ два періода преобладанія Гоескихъ или Іудейскихъ Кагановъ въ Босфораніи. Названіе Гоеская Епархія значило не болѣе, какъ Епархія въ странѣ Гоеовъ (in regione Gothorum), для Христіанствовавшихъ туземцевъ, а не для нашельцевъ Гоеовъ, что не имѣло бы смысла.

Что Гебраизмъ имѣлъ здѣсь сильное вліяніе и на Сиваитовъ и на Христіанствующихъ, это неоспоримо, особенно въ то время, когда полчища Ислама, враждебнаго и Христіанству, и Сиваитамъ, и Гебрамъ, проникли сюда изъ за Кавказа. «Великій Каганъ Хазарскій и вельможи изъ его народа были постоянными покровителями Христіанъ протівъ послѣдователей Магомета; но уже въ 740 году, подъ вліяніемъ ученаго Еврея Исаака Синдшари, приняли Іудейскую вѣру.»¹⁹⁰

Въ этомъ свѣдѣніи ничего не относится собственно до народа. По Gihan-Numa, «владѣтель (princeps) Козарской области Іудей, а равно и всѣ приближенные къ нему вельможи; что же касается до подданныхъ, то они различныхъ вѣръ,¹⁹¹ которыя не воспрещается тамъ исповѣдывать. Все управленіе въ рукахъ Іудеевъ. 9 судей¹⁹² завѣдываютъ судопроизводствомъ. Торговлю ведутъ съ Руссами».

Если названіе Томитанской или Донской Епархіи прекратилось въ Актахъ, то оно сохранялось до половины IX вѣка въ Исторіи. Валафридъ Страбонъ, около 844 года, пишетъ: «Я слышалъ отъ вѣрныхъ братьевъ, что у нѣкоторыхъ Скискихъ племенъ, преимущественно у Томитанъ, и до сего времени отправляется богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ».

Здѣсь сохранялось постоянно и Православіе Никейскаго Собора, что видно изъ Окружнаго Посланія Патріарха Фотія во всѣ Епархіи, въ 858 году, о томъ, что въ Символъ Вѣры не слѣдуетъ вставлять

¹⁹⁰ Френъ, De Chosaris. Опис. Музея Кв. Кочубя. Б. Кѣме. Т. I, стр. 218.

¹⁹¹ «Plerique Muslemii et Christiani, pauci idolatrae.» Это извѣстіе относится къ IX стол., когда, во время Калифовъ Аббасидовъ Магометанство проникло на Кавказъ и въ Задонье, и часть Булгаръ приняла Исламизмъ.

¹⁹² По раздѣленію Козарин на 9 округовъ.

«filioque.»¹⁹³ Въ этомъ Посланіи онъ восхваляетъ и ставитъ въ примѣръ неизмѣнное Православіе Руссовъ: τὸ Ρωσ.¹⁹⁴

Не знаемъ, найдутся ли послѣ всего этого средства доказывать:

1. Что Томитанская Епархія была на бережныхъ Θракіѣйской Мисіи, которая, сверхъ того, съ исхода VII вѣка была уже во власти Булгаръ, обратившихся въ Христіанство не ранѣе 860 года.¹⁹⁵

2. Что Ульфилъ, бывший Епископомъ Томитанскимъ около сороковыхъ годовъ IV столѣтія, изобрѣлъ письмена собственно для Гоѣвъ, и перевелъ Евангеліе на Гоѣскій языкъ, по тому только, что для Юрнанда и Прокопія Кесарійскаго, писавшихъ Исторію Гоѣвъ, названія Скиѣвъ и Гоѣвъ безразличны; а Исидоръ, также писавшій Chronicon Gothorum, говоритъ прямо и утвердительно, что Гоѣы происходятъ отъ Магога, что Скиѣы есть тѣ же Гоѣы, и что вытѣсненные изъ своихъ жилищъ внезапнымъ нашествіемъ племенъ Гуннскихъ (т. е., Славянскихъ), они перешли за Дунай и предались Римлянамъ. Впрочемъ и Юрнандъ, и Прокопій, и Исидоръ совершенно правы, если они говорятъ, что «Gothicae originis populi vetustiora saecula Scythas vocabant», въ смыслѣ тѣхъ общихъ преданій Востока, по которымъ и Египтяне, и Халдеи, и Евреи, и Арабы, и Персы, до принятія Магизма, Иудаизма и Исламизма, были Скиѣами, ибо слѣдовали первобытному вѣрованію, которое Арабы называютъ Mallet-el-Schith или Mallet-el-Sabiin.¹⁹⁶

Но обратимся еще разъ къ Томитанской Митрополіи на берегахъ Донскаго пролива. Съ указаніемъ настоящей мѣстности, гдѣ

¹⁹³ Западная Имперія отклонилась отъ Православнаго догмата Никейскаго Собора, и вмѣсто: «и въ Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго», внесла въ Символъ Вѣры «filioque,» т. е., «отъ Отца и Сына исходящаго.»

¹⁹⁴ Фотій вступилъ на Патріаршій престолъ въ 857 году, 25 Дек. Окружное Посланіе къ Патріархамъ и Епископамъ, въ которомъ обличались властолюбіе, заблужденія и новости въ Западной Церкви, было до созваннаго Фотіемъ по сему предмету собора въ 864 году. Начерт. Церк. Ист., отд. 2, стр. 27. См. также Истор.-крит. изысканія Ю. Венелина, въ статьѣ «Словенскія письмена.»

¹⁹⁵ По Нестору Болгаре пришли изъ Скиѣи Задонской: «Словенску же языку живущимъ на Дунай, придоша отъ Скуѣвъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болгаряи, и насельницы (а не насильницы) Словеномъ быша». Т. е., поселились между Словенами.

¹⁹⁶ См. «Первобытное вѣрованіе и Буддизмъ».—Herbelot. Dict. orient.—Die Ssabier und der Ssabismus, v. D-r. D. Chwolohn.

она была, становятся понятными тѣ предзнія, которыя казались сомнительными. На примѣръ, въ Россіи Епископовъ, находившихся въ вѣдѣніи Цареградскаго Патріарха, при Императорѣ Львѣ Премудромъ (886—911), Митрополія Руссіи занимала 60 мѣсто.¹⁹⁷

Гдѣ же была Митрополія Руссіи, управлявшая, по Актамъ Никейскаго Собора, Церквами въ обѣихъ Скиѣіяхъ — Σκιδίαν ἐκχλήρα? Этотъ вопросъ рѣшаетъ договоръ Игоря съ Греками.¹⁹⁸ Въ этомъ договорѣ, клятва Христіанствующей Руси: «Мы же, елико насъ крестилися есмо, кляхомся церковію Св. Илиі въ соборнѣй церкви, подлежащимъ честнымъ крестомъ и харатьею сею, вже есть написано на ней»,—и: «иже преступитъ се отъ страны нашея, или князь, или инъ кто, или крещенъ, или не крещенъ, да не имать помощи отъ Бога, да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій, и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ»;—а «Хрестыанскую Русь волиша ротъ (къ клятвенному обѣту) въ церкви Святаго Илиі, вже есть надъ ручаемъ, конецъ постничи бесѣды въ Козарѣхъ.»

Слѣдовательно, въ Кіевѣ была церковь Св. Илиі, т. е., Епархія, называвшаяся, по соборному храму, на Козарскомъ концѣ города, то есть, части города, занимаемой Русью Задонской или, въ то время, Козарской, гдѣ и была Митрополія Томитанская.

Такимъ образомъ вставка неизвѣстнаго толкователя: «Се бо бѣ соборная церковь (?):¹⁹⁹ много бо бѣша Варязи христіане,» ста-

¹⁹⁷ «Извѣст. о Руссахъ, по Визан. Истор. И. Штриттера.

¹⁹⁸ При договорѣ Олега, Императоры Левъ и Александръ цѣловали крестъ, а Олегъ и мужи его совершали клятву по Русскому закону и клялись Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, богомъ живота, твари. По значенію Сиваизма Славяно-Руссовъ: Перунъ, Паряиный Индіи, божество грезы и благодати (дождя); Васуха—Вишну, хранитель жавота (дживати). Но въ договорѣ видно в общее поклоненіе единосущной Троицѣ: «Межи вами Хрестыаны и Русью бывшій миръ сотворихомъ Ивановымъ написаніемъ на двою харатью, Царя вашего своею рукою, подлежащимъ честнымъ крестомъ и Святою единосущною Троицею единого Истиннаго Бога нашего... Мы же кляхомся ко Царю вашему, иже отъ Бога суща, яко Божіе зданіе по закону, и по закону языка нашего...» Замѣтимъ, что и Христіанская Русь въ договорѣ Игоря клянется церковію Св. Илиі, какъ покровителя Кіевскихъ Руссовъ и громовержца.

¹⁹⁹ Т. е., Соборная церковь есть Соборная церковь, по тому что было много

новится неумѣстной, тѣмъ болѣе, что Варязи-Русь, т. е., Русь Франконская, если и была Христiанствующею, то зависѣла не отъ Цареградскаго Патрiарха, а отъ Папы Римскаго.

Должно замѣтить, по словамъ договора, что въ числѣ дающихъ млатву, были и Христiанствующіе Русскіе Князья.²⁰⁰

Кромѣ Кіевскаго кафедральнаго Собора Св. Ілiи, безъ сомнѣнія, существовали и другія церкви, какъ по значенію Митрополiи, такъ и упомянутымъ Актамъ. Кромѣ того, существовали и автокефальные монастыри. Въ прошеніи, поданномъ императору Юстиніану, въ 586 году, между подписями пресвитеровъ и игуменовъ автокефальныхъ монастырей, находится подпись Павла, Пресвитера и Игумена монастыря Св. Самуила, въ Сквиіи:

«Παῦλος ἐλέω Θεοῦ πρεσβύτερος καὶ ἡγουμενος μονῆς
Σαμουήλ κατὰ τὸν Σχυθῆν.»

Сказаніе въ Житiи Константина Философа (Св. Кирилла), что онъ обрѣлъ въ Козарiи Русскія письма и переводы Св. Еван-

Варягъ Христiанъ. Но для Варяговъ, т. е., Франковъ, между которыми, по Нестору, была и Русь, и Гофы, и Урмане (Германы) и вообще сѣверозападные народы, подпавшіе, при Карлѣ Великомъ и въ послѣдствiи, подъ власть Франковъ, безъ сомнѣнія, была особенная пристань въ Кіевѣ, близъ Варяжскихъ пещеръ или гробищъ.

²⁰⁰ По дополнительному Акту Никейскаго Собора объ Епископствахъ обѣихъ Сквиіи, Христiанская Вѣра начала распространяться на Русь при Константинѣ Великомъ, безъ всякаго сомнѣнія, именно по тому, что и самъ Константинъ былъ Славянинъ. Никифоръ Грегоръ, упоминая о прежнемъ величествѣ Римской Имперiи, когда иноземные Государи поставляли за честь принимать санъ, даруемый Императорамъ, приводитъ въ примѣръ Русскаго Князя, котораго Константинъ Великій почтилъ саномъ Стольника (ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης). Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь дѣло касается до Стола (престола) Великокняжескаго, по обряду поставленія на царство. Дюфрэнъ считаетъ это сказаніе басней, по той причинѣ, что имя Руссовъ еще не было извѣстно въ это время (!) и объ этомъ событiи ни одинъ древній историкъ не упоминаетъ. Откуда же взялъ это извѣстіе Никифоръ, а въ дополненіе и Несторъ, который говоритъ, что «Кіевскій Князь (Кiй), княжаше въ роду своемъ, ходилъ ко Царюграду, и велику честь прилѣлъ есть отъ Царя.» Самое названіе Цареграда длетъ понятіе о верховномъ значеніи его, по отношенію религiи къ Россiи.

гелія и Псалтыря, приводило всѣхъ въ недоумѣніе и для многихъ казалось не стоящимъ вниманія, не смотря на то, что у Славянъ, кромѣ начертаній буквъ, называемыхъ Кириллицей и составленныхъ по образцу Греческихъ, существуютъ древнія, неопредѣленного времени, письма, для которыхъ образцемъ, по моему мнѣнію, служилъ способъ начертанія буквъ Индо-Томильскихъ. Это начертаніе, называемое Глаголицей, по находимымъ рукописямъ, заключающимъ Евангеліе и другія священныя книги, доходитъ уже до XI столѣтія. Ранѣе этого времени не обрѣтено еще и письменъ Кириллицы. Писатели Среднихъ временъ, упоминая объ этой Славянской азбукѣ, называютъ ее то Булгарской,²⁰¹ то Гоеской.²⁰²

Если Варнефридъ Страбонъ, около 844 года, говоритъ: «Я слышалъ отъ вѣрныхъ братій, что у нѣкоторыхъ Скиѣскихъ племенъ, преимущественно у Томитанъ, и до сего времени отправляется богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ»; то, полагаю, не существуетъ опроверженія въ томъ, что богослуженіе на собственномъ языкѣ не можетъ отправляться безъ Евангелія, Псалтыря и богослужебныхъ церковныхъ книгъ, на томъ же самомъ собственномъ языкѣ.

И такъ, выводы изъ всего даннаго намъ Исторіей, слѣдующіе:

1. Г. Томи, собственно *Τομαίως*, *Τανέως*, или *Τάναις πόλις*, и Томитанская Митрополія, были на Азіятскомъ берегу Донскаго пролива (*στόμα τῆς Μαϊώτιδος λίμνης ἤτοι τοῦ Τάνεως*), называемаго и по нынѣ Таманскимъ.

2. Таманская или Томитанская Митрополія была Митрополіей Великою и Малою Скиѣи — *Σχυθίαν ἐχάτεραν*—что замѣняло выраженіе всея Руси—*totius Scythiae*—*totius gentis*.

3. Ульфилъ, по всѣмъ сказаніямъ, былъ Епископъ Скиѣской Томитанской Епархіи, наслѣдовавъ оную послѣ Теофила, при Константинѣ Великомъ. Прозывался же онъ Гоескимъ только по тому, что въ его время Босфоранія, по бывшему преобладанію въ ней Гоескихъ Кагановъ, поддерживаемыхъ Римомъ, носила названіе Гоѣи. Это

²⁰¹ Булгары могли вынести ее изъ за Дона.

²⁰² По сказанію, что Ульфилъ, Епископъ Гоѣи (т. е. Скиѣи), избрѣлъ оную.

название при Константине Великомъ исчезло, вмѣстѣ съ Каганами, и, возобновясь въ VII вѣкѣ, покореніемъ области Персами, окончательно рушено побѣдой Святослава надъ Іудействующими Козарскими Каганами, въ 965 году.

4. Упомянутое Патріарха Фотія въ Окружномъ Посланіи (въ 858 году) о Руссахъ, неизмѣнно сохраняющихъ Православіе Никейскаго Собора, относится къ Русской Томитанской или Донской Епархіи, учрежденной Константиномъ Великимъ для Христіанствующихъ Руссовъ въ Великой и Малой Руси, носившей у Грековъ названіе Скиѳіи или Савіи.

5. Сказаніе, что у нѣкоторыхъ племенъ Скиѳскихъ, и особенно у Томитанъ, богослуженіе совершается на собственномъ ихъ языкѣ до сего времени (844 г.), доказываетъ давнее существованіе письменъ Русскихъ и переводовъ Евангелія и другихъ священныя книгъ, безъ которыхъ не могло совершаться богослуженіе на Русскомъ языкѣ.

6. Сказаніе въ Паннонскомъ житіи Кирилла, въ Псковскомъ хронографѣ и другихъ памятникахъ, что Константинъ въ Козаріи «обрѣте Евангеліе и Псалтырь Руськими письмены писано», есть истинное преданіе. Такъ какъ эти письмена не могли не оставить по себѣ слѣда, то находимыя, на ряду съ Кирилловскими письменами, древнія рукописи Евангелія и другихъ священныя книгъ, писанныя Глаголицей, суть древнѣйшія письмена Русскія, которыя, на томъ же основаніи, какъ и Епархія Гоѳская, ложно назывались и Гоѳскими.

Дальнѣйшіе выводы, не касающіяся до излагаемаго предмета, представляю добросовѣстной любознательности желающихъ вникнуть въ истинный смыслъ Исторіи.

Въ заключеніе я долженъ, однако же, упомянуть объ «*Γεροκλειος Γραμματικος Συνεχδημος*», т. е., о Дорожникѣ или Спутникѣ Іероклея Грамматика, на который могутъ мнѣ указать, какъ на памятникъ древности, сообщающій, что Епархія Скиѳіи находилась именно въ Мисіи Фракіи. При поверхностномъ взглядѣ на этотъ памятникъ, въ самомъ дѣлѣ можно прійти въ недоумѣніе; но при строгомъ взглядѣ, можно только удивляться тѣмъ, которые вносятъ чучелу съ подписью Іероклей, въ число авторитетовъ древности.

Упомянутый мнимый Спутникъ Іероклея, помѣщенный Бандуриемъ въ «*Imperium Orientale*», найденъ въ бумагахъ Гольстенія, уроженца

Гамбургскаго, который былъ Каноникомъ при Кардиналѣ Барберини, и потомъ Библіотекаремъ Ватикана, около 1650 года. Этотъ Спутникъ признается произведеніемъ VI вѣка, но есть не что иное, какъ простой каталогъ, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, 64 провинцій и 935 городовъ, подвластныхъ Римской Имперіи въ эпоху, которая объяснится ниже. Въ этомъ Спутникѣ, между V провинціей — Мизіей, и VII-й—Иллиріей, помѣщена

VI. Provincia Scythiae.

Sub praeside urbes 15:

Tomis.
 Dionisopolis.
 Aerae.
 Calatis.
 Jstrus.
 Constantiana.
 Zedelpo.
 Tropaeus.
 Axiopolis.
 Capidaura.
 Cardus.
 Trosmis.
 Novio Odunus.
 Agissus.
 Almiris.

Вотъ образецъ Спутника по области, касающейся до насъ. Въ Дорожникѣ Антонина есть, по крайней мѣрѣ, послѣдовательность пути и разстоянія; въ предлагаемомъ же Бандуриемъ Спутникѣ города Скиѣйской провинціи перетасованы. Но Константинъ Багрянородный дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ своихъ *Συνέκδημον* Иероклея Грамматика, а не простой каталогъ городовъ. Константинъ выписываетъ изъ него древніе *Θέмы*, т. е., Управы, Округи управленія, ²⁰³ учрежденные, какъ извѣстно, Діоклитіаномъ, и потомъ Константиномъ Великимъ, и существовавшіе до Константина Копронима, когда изъ Мисіи образо-

²⁰³ Конст. Багр. самъ опредѣляетъ *θήμα*, отъ слова *θέτις*, уставъ, положеніе.

валось Болгарское царство и ни какихъ Ѳемъ Имперіи въ этой области уже не было.

Упомянувъ о первобытныхъ народахъ Ѳракіи, называемыхъ Долонгами, по имени Царя, нарощеннаго Нимфой Титанидой отъ Крона или Сатурна Долонга, Константинъ говоритъ «Свидѣтельствую это тѣмъ, что Іероклей Грамматикъ, написавшій Спутника, помѣщаетъ Долонговъ въ числѣ народовъ Ѳракіи.»²⁰⁴

Достаточно было бы и этихъ словъ Константина, чтобъ обличить Бандуріева самозванца, который подлинно похожъ на Іероклея только по заглавію, но не заключаетъ въ себѣ ни слова изъ внутренняго его содержанія, состоявшаго изъ краткихъ историческихъ свѣдѣній о Ѳемахъ Имперіи.

Константинъ продолжаетъ: «Вмѣстѣ съ этимъ, онъ (Іероклей) говоритъ: «Всѣхъ Епархій и городовъ подъ властію Римскихъ Константинопольскихъ Императоровъ состоитъ: Епархій 64, городовъ 935».—«Упомянемъ же, въ какомъ порядкѣ были Епархіи въ древности, и также и о названіяхъ ихъ».

Въ слѣдъ за этимъ, въ первой Ѳемѣ Ѳракіи, Константинъ, по Іероклею, исчисляетъ 14 городовъ Епархіи Ѳракіи Европейской, управлявшихся Совѣтами (*κονσουλιαρίων*).

Потомъ 7 городовъ Епархіи Ѳракіи Родопійской, 5 городовъ области Эмимонтской, подъ управленіемъ Воеводскимъ (безъ сомнѣнія, по тому, что въ числѣ горцевъ были еще непокорные), 5 городовъ собственно Ѳракіи, управляемыхъ Совѣтами.

За сямъ слѣдуютъ XIV городовъ Епархіи Мисіи, подъ управленіемъ Воеводскимъ (какъ области пограничной). Города Мисіи: Tomis (?), Dionisiopolis, Acræe, Callatis, Ister, Constantiana, Zelpa, Tropræos, Axiopolis, Capidava, Carpus, Trosmis, Noviodunum, Aegissos, Halmiris. Но, вмѣсто 14 городовъ, исчислено 15.

Отбросьте Tomis, и вы увидите, что исчисленіе идетъ послѣдовательно отъ граничнаго съ Эмимонтской областью Діонисополя, вдоль морскаго берега къ Дунаю, и вдоль Дуная. Явно, что Tomis есть позд-

²⁰⁴ «Μαρτυρεῖ δὲ τὸν λόγον καὶ Ἱεροκλῆς ὁ Γραμματικὸς, ὁ γράψας τὸν Συνέκδημον, τὸ τῶν Δολωνῶν ἕνος τοῦ Ἰσραήλ συναριθμῶν».

нѣйшая вставка, и это даже видно по ясно означенному числу городовъ: «Praefectura Mysiae, sub duce; urbes XIV.»²⁰⁵

«Вотъ Тема Фракіи по Спутнику Іероклея», говоритъ Константинъ въ заключеніе 1-й Темы; но что же вмѣсто этого предлагаетъ Спутникъ Бандурія? У Константина, въ числѣ Фракійскихъ областей, нѣтъ ни какой Епархіи Скиѣйской. Іероклей Бундурія восполняетъ этотъ, по его соображенію и цѣли, недостатокъ. Онъ вставляетъ въ свой каталогъ свою собственную Епархію Мисіи, съ семью слѣдующими городами, не существовавшими въ подлинномъ Спутникѣ, которымъ пользовался Константинъ: Marcianopolis, Odyssos, Dorostolos, Nicopolis, Novae, Arriaria и Evrettos; изъ всѣхъ же городовъ, которые, по Константину, составляютъ Епархію Мисіи, Спутникъ Бандурія образуетъ, необходимую для историковъ его времени, Епархію Скиѣи, и дополняетъ ее столь же необходимымъ Г. Томи.

Исчисляя Епархіальные и соборныя (екклесіальные) города, по Спутнику Іероклея, сообразно древнему раздѣленію Фракіи, Константинъ не имѣлъ ни какой цѣли пропускать 7 городовъ Мисіи, если бы они существовали въ то время, т. е., при Диоклитіанѣ, или не измѣнили своего названія при Константанѣ Великомъ. Кромѣ того, нельзя опредѣлительно рѣшить, не образовались ли сомнительные Istros и Tomea изъ Дристрос²⁰⁶ и Comea. Въ подписяхъ Никейскаго Собора: «Provinciae Mysiae: Pistus Martianopolitanus, и, вмѣстѣ съ нимъ: Marcus Comeensis. У Квиена, въ Dioecesis Thracica Provincia Moesia Interioris;» подъ № IX: о Ecclesia Comeae, съ объянощеніемъ, что «Comea Moesiae civitas est, quam Mauritio Imp. Avarorum Chaganus provinciam hanc ingressus casso conatu occupare proposuit», и что «in Pitheano P. P. Nicaenorum indice de Provincia Moesiae legitur Marius Comeae, qui in editioe Consiliorum Labbaei Marius Comeensis dicitur».

Если екклесіальный городъ Мисіи, дѣйствительно существовавшій въ началѣ IV вѣка и позднѣе, не могъ быть не внесенъ въ рос-

²⁰⁵ Въ Греч. текстѣ Іѣ вмѣсто ІѢ.

²⁰⁶ Дристру, по созвучію, считаютъ Силистріей, но это ложно. Дристра была на ровныхъ мѣстахъ, какъ видно изъ описаній битвы Грековъ съ Славосламомъ. Тутъ была близко и Константіана. Дристра служила опорой Русовъ и, безъ сомнѣнія, при устьяхъ Дуная, въ области Добрушской.

пись Мивійской Митрополи, то, кажется, слѣдуетъ и въ росписи и въ географіяхъ читать не Томеа, а Сошеа. ²⁰⁷

Но обратимся къ двойнику Іероклея.

Описавъ Ѳему Ѳракіи, Константинъ пишетъ: «За симъ слѣдуетъ Ѳема Македоніи, которую онъ (Іероклей) помѣщаетъ подъ Иллиріей и описаніемъ ея мѣстностей, и начинается такъ: «Македонія получила названіе отъ Македона, сына Зевса, отъ Ѳии (Θείας), дочери Девкаліона, какъ говоритъ Гезіодъ и т. д.» Ничего этого нѣтъ въ мнимомъ Іероклеѣ Бандурія; но ясно то, что, составляя свой каталогъ областей и городовъ, выпискою оныхъ изъ Ѳемъ Восточной Имперіи Константина Багрянороднаго, онъ не понялъ словъ Императора, который исключаетъ, находившееся въ Спутникѣ, въ слѣдъ за описаніемъ Ѳракіи, описаніе Иллиріи, какъ области, принадлежащей Западной Имперіи, и приступаетъ къ описанію Македоніи.

Что же находимъ мы, вмѣсто этого, у Бундуріе а Іероклея?

VII. Provincia Illirica. 1. Macedonia.

Sub consulari urbes 32.

И подъ этимъ заглавіемъ Иллирійской провинціи, онъ перечисляетъ, вмѣсто 31 города Македоніи, 32, и присоединяетъ къ нимъ, въ соображеніи пропуска, острова Ѳазъ и Самоѳракію, не смотря на то, что Константинъ, даже Стримонскую область не вноситъ въ Ѳему Македоніи, которой ущелья и горы населены были Скивами. Эти Скивы, по Сократителю Страбона были Σχίφοι Σχλάβοι, по Страбону Синды Σαβίτοι, жившіе около Абдеры, на Лемносѣ и другихъ сосѣднихъ островахъ. ²⁰⁸ (см. стр. 32 этого соч.)

²⁰⁷ Слѣдуетъ упомянуть о Мисійскомъ городѣ Неа, по Штриттеру Novae, гдѣ былъ разбитъ Греками Аварскій Ханъ въ 586 году. Анастасій называетъ этотъ городъ Меа, а Ѳеофилактъ Томеа. См. Изв. Виз. Ист. Штриттера, объ Авахъ.

²⁰⁸ Пелопонезскіе, Лакедемонскіе и Островскіе Славяне, до самаго принятія Дунайскими Славянами Христіанской религіи, вели постоянную войну съ Греками за свою независимость.

Константинъ Багрянородый заключаетъ Темы Восточной Имперіи XII-й Темой области Херсона.²⁰⁹ «Херсонъ, говоритъ онъ, въ древности не причислялся къ Темамъ Имперіи и не имѣлъ значенія Митрополіи, но управлялся, какъ и прочія области страны, Царями Босфора.»—«Флегонъ, въ XV Олимпіадѣ, свидѣтельствуесть, что Котису, царствовавшему въ Босфораніи, Кесарь (Августъ) даровалъ діадиму и подчинилъ ему всѣ тамошніе города, въ томъ числѣ и Херсонъ.»

Этимъ, важнымъ для насъ, свѣдѣніемъ и ограничивается описаніе Темы Херсонской. Можетъ быть, изъ продолженія описанія узнали бы мы и время основанія Сквиеской Босфоранской Митрополіи, въ Томи; но въ изданіи Бандурія окончаніе заключается словами: «desunt quaedam,» а въ подложномъ Спутникѣ Іероклея Сквиеская Епархія перенесена, какъ мы видѣли, въ Мисію.

²⁰⁹ Херсонъ Тавриды носилъ названіе Сквиесаго— $\frac{1}{2}$ Σκισσιός.

СОДЕРЖАНІЕ

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ ДОПОЛНЕНИЯМИ.

I.

МѢСТО ССЫЛКИ ОВИДІЯ НАЗОНА.

Стран.

- Вопросъ о мѣстности Мало-Скиейскаго города Томи, куда былъ сосланъ Овидій, до сихъ поръ рѣшался безъ всякаго соображенія географическихъ и историческихъ свѣдѣній, данныхъ самимъ Овидіемъ. 1
- Мѣстность, климатъ, историческія личности и событія, описываемыя Овидіемъ, не соотвѣтствуютъ Томи при устьяхъ Дуная (Ister, Danubis), котораго туземное названіе двойлось въ свѣдѣніяхъ древнихъ географовъ, какъ названіе Гипанисъ, приписываемое и р. Бугу (Buges) и р. Кубани, впадавшей, по Плинію, въ лиманъ Бугесъ. 2
- Мнимое Овидіево озеро въ вершинѣ Днѣстровскаго лимана, въ Бессарабіи 2
- Мнимое Овидіево озеро между Бабадагомъ и Кюстенджи прим. 4
- Надгробный камень Овидія; по однимъ свѣдѣніямъ найденъ въ степи, близъ Азова, на Дону, гдѣ была древняя Сербія; по другимъ, въ Сабаріи (Сербіи) на Дунаѣ. 3 — пр. 1
- Города Истръ и Томи, построенные Милетами будто бы при устьяхъ Дуная, не извѣстны ни Скиаксу, ни Ге-

II

	Стран.
родоту. Они являются первоначально и въ одно и то же время великолѣпными городами въ Плиніи, и ничтожными городками въ Страбонѣ.....	4
Опредѣленіе стадій по Периплу Арріана въ $\frac{1}{7}$ версты, и положеніе Томи на мѣстности Кюстенджи, въ 114 верстахъ отъ устьевъ Дуная.....	5
Въ Геог. Помпонія Мелы (1-го вѣка, по Р. X.) «De situ Orbis),» Дунайскій приморскій г. Томи не существуетъ.....	прим. 9
При Имп. Августѣ, въ бытность Овидія въ Томитанской области, вся Фракія была обезпечена отъ нашествій Заистрійскихъ народовъ; Римскія войска и укрѣпленія занимали уже весь лѣвый или сѣверный, Дакійскій, берегъ Дуная. Неумолкаемыя жалобы Овидія на ужасъ набѣговъ Скивовъ, Сарматовъ, Гоовъ, Бессовъ и Колхидянъ (!), неумѣстны во Фракійскомъ Томі, въ 800 стадіяхъ отъ Дуная. ¹	6
Сходственныя туземныя названія Дуная и Дона были причиной, что Греки и Римляне смѣшивали свѣдѣнія объ этѣхъ рѣкахъ, и событія перемѣщались съ восточнаго берега Чернаго моря на западный, и обратно.....	7—8
Малые Скивы—Малые Аорсы (Русь), или первобытные Сарматы, т. е., Сербы, ² населяли Задонье.....	9
Восточные Гоѣы ³ —Гебры Кавказской Халдеи (по Арм. Гехти-к, Котан-к (Cutha), во время Кагана Митридата, овладѣли Тавридой и Босфораніей.....	9

¹ Разстояніе отъ Кюстенджи до Дуная по сіе время то же самое.

² Шафарикъ, въ Русск. перев. (Слав. Древ. т. 1, кн. 1, стр. 165), полагаетъ также происхожденіе названія Сарматин отъ первоначальцевъ Сербовъ, основываясь на этимологич. Словарѣ «Mater verborum», составл. въ IX вѣкѣ Епископомъ Костицкимъ Соломономъ, и на поясненіяхъ Чеха Вацерада (1102 г.) и проч.

³ Я полагаю болѣе правильнымъ писаніе Гоѣы (Gothi), сообразно слову Скивы (Scythi). На нѣкоторыхъ страницахъ ошибочно напечатано Готы.

III

Ст: и

По собственнымъ словамъ Овидія, его везутъ въ ссылку въ Скию, въ Томитанскую страну Сарматіи 10

Путь корабля «Минерва», на которомъ везутъ Овидія въ Понтъ или Черное море. Проѣздъ чрезъ Кіаней «врата близнецовъ» Тиндаридовъ или Діоскуровъ (Кастора и Поллукса), при выходѣ изъ Босфора Византійскаго въ Черное море. 11—13

Отъ Кіаней путь къ Босфору Киммерійскому двоякъ: по набережнымъ Фракіи, и прямо чрезъ море. Не зная, по которому пути повезутъ его, Овидій, упомянувъ о городахъ Фракійскаго берега, молитъ Минерву и Тиндаридовъ о благополучномъ достиженіи до мѣста своего изгнанія, до города Меотиды ⁴ (Томи), гдѣ были поселенія Алкотойскихъ Ахеянь-Феіотовъ. —

Алкотоя, собственно Іолкитись, по городу Іолкосъ, ⁵ есть колонія Минійцевъ, высланныхъ изъ Орхомена; въ иносказательномъ смыслѣ: «Алкотоя дочь Минія (Μινύας)». Изъ Іолкосъ отправился Язонъ съ Аргонавтами въ походъ. 13—15

Овидія привозятъ въ страну, лежащую подъ созвѣдіемъ медвѣдицы Эрیمانеской (пустынной). Передъ нимъ Босфоръ Киммерійскій, Танаисъ, и Скиескія болота (Scythiae paludes)—Лат. названіе Меотическаго озера (Азовскаго моря). 16

Овидій описываетъ страшную зиму Меотиды; говорить, что шесть уже лѣтъ живетъ на берегу Киммерійскомъ. Его описанія климата и пустынной, безплодной страны, соотвѣтствуютъ описаніямъ Геродота и Страбона о набережныхъ Меотиды, и ни сколько не соотвѣтствуютъ природѣ Нижней Фракійскаго Мисіа. 16—18

Свидѣтельства о томъ, что Греки и Римляне часто смѣшивали Дунай съ Дономъ. 18—19

⁴ Въ изд. Овидія Miletida—безсмысленная передѣлка изъ Maeotida.

⁵ Въ Феіотидѣ Фессалии.

Смѣшеніе Дуная и Дона по народамъ, жившимъ на набережныхъ этихъ рѣкъ; но во всякомъ случаѣ, Овидій не перемѣстилъ бы Колхиду съ Кавказа на берега Дуная, въ сосѣдство Томи, подобно нѣкоторымъ издателямъ Овидія, объясняющимъ его и утверждающимъ, что «le Danube seul séparait Tomes de la Colchide.» 19—20

Овидій сосланъ «на Восточные предѣлы Имперіи, въ страну послѣднихъ, съ трудомъ удерживаемыхъ, приобрѣтений Рима, на берегахъ Понта.» Касается ли это до угла Фракіи при устьяхъ Дуная, или до Восточнаго берега моря, гдѣ побѣды Помпея положили предѣломъ Имперіи Донъ? 20—21

Вистонія, по древнимъ географамъ и Овидію, и Вистонія по толкователямъ Овидія, утверждающимъ, что онъ употреблялъ это названіе маленькой племенной области, по восточную сторону р. Несты (нынѣ Мѣста), при Егейскомъ морѣ, * въ смыслѣ всей Фракіи. Но, во первыхъ, если въ XIII-й книгѣ *Метаморфозъ*, при разсказѣ о злодѣйствѣ Полиместра, Царя Вистоніи (*Rex Bistoniae*), онъ называетъ его и *Rex Thracum*, то это не значитъ, что Полиместръ былъ Царь Фракіи, а значитъ Царь Фракійскій, какъ, на примѣръ, въ древней Руси всѣ удѣльные Князья назывались Русскими. Во вторыхъ, въ Овидіи, при описаніи морскаго пути отъ Кіаней, упоминается *Bistonias aquas* — Море Вистонское; это или описка, вмѣсто *Bithynias aquas*, или названія *Bithyni* и *Bistoni*, столь же различны, какъ *Bithon* и *Biston* — имена ихъ общаго родоначальника Арея, т. е., Вишну, въ свойствѣ божества побѣдъ ...

Римляне и Греки, пренебрегая выикать въ вѣрованіе и гражданскія условія Скивовъ, не могли различать вообще народа (Сиваитовъ, или правильнѣе Сайванъ, по вѣро-

* На 22-й стр. описка; напечатано: «Озеро Вистонское и народъ были на р. Стримонѣ». Слѣдуетъ: «были на восточной сторонѣ р. Несты.»

ванію въ Сиву), отъ войсковаго сословія (Вишнуитовъ, по посвященію Вишну.)⁷..... —

«Синды Савія, ⁸ говоритъ Страбонъ, нынѣ Сапей, жили въ окрестностяхъ Абдеры; слѣдовательно, въ области Вистонской. Синды Сапей были и на Дону. «Вистонское озеро, во время разлива своего, потопило также города Трооровъ — Киммеріанъ, жившихъ между Фракійцами»⁹. . . . —

Такимъ образомъ, упоминаемые Овидіемъ, Вистонскіе кони Сарматовъ, однозначительны съ Киммерійскими, или Донскими 22

Мионическія сказанія Овидія о Томи есть Колхидская легенда Ахейнъ, спутниковъ Язона, поселившихся на Азіятскихъ бережныхъ Донскаго пролива 23—26

Значеніе праваго и лѣваго берега Понта въ смыслѣ древнихъ географовъ. 26—27

Владѣтель Томитанской области, Котисъ, котораго Овидій умоляетъ быть за него предстателемъ передъ Августомъ, есть Котисъ Босфоранія, которому Августъ даровалъ діадиму Царскую и поручилъ защиту всѣхъ Греческихъ городовъ въ Тавридѣ и на Азіатскомъ берегу. . . . 27—36

Флаккъ, упоминаемый Овидіемъ, не Помпоній Флаккъ. Городъ Трозыми примышленъ издателями. . . . 38—39

Прибалтійская Сарматія (Sermende, Serbende, Sarmatenland), т. е., Сербадія или Сербія, извѣстная подъ Лат. названіемъ Cimbria 40

⁷ Тоже самое не понимается и понынѣ. Индологи прозвали Индійскую религію Брамминизмомъ, и рѣшили, что въ Индіи три вѣрованія: Брамминизмъ, Вишнуизмъ и Сиванизмъ.

⁸ Въ сокр. Геогр. Страбона Σκλάβοι—Славяне.

⁹ Strab. Lib. I, p. 59, 61. Τρήρας, Τρωράς, Τρήρωνας: племенное искаженное названіе; вѣроятно, Туричи, Турияне—Сербы, которыхъ городъ былъ Тирида, славившаяся конями Вистона.

	Стран.
Придонская Сарматія, т. е., Сербадія — Serberia, Cimmeria	40
Столичный, торговый городъ Придонской Сарматіи, Serberion—Κερβέριον—Κιμμερικόν—Κιμβρικόν, съ таможенной пристанью, назывался и Донскимъ городомъ, или торгомъ—Τάναϊς, Τάνεως πόλις.....	40—41
Этимъ городомъ, одноименнымъ съ рѣкой, овладѣли Еллины, когда водворились на Воспорѣ, во время войнъ Скивовъ въ Азіи и изгнанія Киммеріянъ (двухъ Князей) съ бережныхъ пролива.....	41
То же преданіе приписано и мнимому Истру, городу одноименному съ рѣкой.....	41
Бывшій городъ Ахиллеонъ на островѣ Синдійскомъ (Таманскомъ), при устьѣ Дона (пролива), также отражается миражемъ при устьяхъ Дуная, на островѣ Левки.....	42—44
Искаженія, въ спискахъ древнихъ географовъ, мѣстныхъ названій лимана, залива, полуострова и города, прозывавшихся, по Дону, Донскими; въ послѣдствіи же, по Азіятскому названію Дона—Тома, Таманскими.....	44—50
Двоякому Азіятскому названію Дона—Тана и Тома, соотвѣтствуютъ и Еллинскія названія, но они выразились прилагательными: Τάνεως στόμχ—Донской проливъ, Τάναϊς (πόλις) — Донской городъ, Τάναϊς (ποταμὸς)—Донская рѣка. Какъ изъ Тана образовалось Τάνεως, такъ изъ Тома—Тоμαίχ, Τομέως πόλις.....	50
При устьѣ Дона — Донской, Таманскій торгъ; при устьѣ Волги — Яесскій торгъ. Въ Азіятской формѣ: Тама-Тарханъ, Ас-Тарханъ. ⁴⁰ Персидское слово Тарханъ—	

⁴⁰ Обширное производство суровья — Serica (Soierie) и торгъ онымъ были на Каспійскомъ морѣ. Отсюда возили шелкъ и шелковыя матеріи и въ Танаисъ. Производители и торговцы назывались по древн. геогр. Siraci, Σίρακις (Сураги), Яессы (Ἰασαίος) или Ясичи (Ἰαξάριται, отсюда и названіе аксамитъ); тутъ же Птоломей помѣщаетъ и Астуриканъ (Ἀστούρικανοί.)

VII

Стран.

ترخانъ значить: обложенный отъ подати, и торгошъ, торговый. Слова Тарханъ и Торганъ, по сіе время употребляются у насъ въ значеніи торгошъ, торговый ⁴¹. 51

Константинъ Багрянородный называетъ древній Томеосъ, соотвѣтственно Азіятскому названію, Таматархой. Мѣстность Таматархи тамъ же, гдѣ былъ Serberion, столица Синдовъ и Томи. 51

Названіе Таматарханъ или Таматарха приняло въ Русскихъ лѣтописяхъ названіе Тьмутараканъ, когда В. К. Святославъ возвратилъ Задонье изъ подъ ига Гоескихъ Кагановъ 51—52

Вымыслы Юрнанда въ своей Исторіи Гоевъ, и явное искаженіе сказаній. Умышленное перемѣщеніе Малой Скиѣи изъ Задонья къ устьямъ Дуная, съ цѣлію приурочить Босфоранскаго Епископа Ульфѣила (рукоположеннаго Евсеіемъ, при Константинѣ Великомъ) къ событію 376—8 года, когда Мозаиты Гоы приняли Аріянскій толкъ Христіанства, тотъ же деизмъ 52—55

Сарматы Аспургитаны Страбона есть Гоеская форма названія Астуриканъ, назв. по городу или торгу Астарханъ—Asatorg, Asarurg или burg, или Асгардъ. 56 пр. 83.

Древніе Греческіе и туземные города и населенцы Синдіи Черноморской или Томитанской области, при помощи переписчиковъ, измѣняются въ небывалые и вносятся въ Географію 57

По случайностямъ войны съ Персами, Скиѣю или Русь граничили то Араксъ, то Кубань, то Донъ. Нѣтъ

⁴¹ См. Опытъ Обл. Велико-Рус. Слов. Въ Моск. Пенз. Саратов. Губерніяхъ; въ лѣснѣи:

«Со чужой лѣ стороны
Наѣхали Тарханы—
Подмосковные купцы.»

сомнѣнія, что и Донской Торгъ, или Танаисъ перемѣщался, во время отступленія за Донъ, съ Воспора къ устью Дона 58

Смѣшивая свѣдѣнія о Дунаѣ, древнiе географы приписали и островъ Певце устьямъ той и другой рѣки; на Дону, для различiя, онъ является подъ названiемъ Ἀλωπεχία или *Tanaís vḗsos*. Но, согласуясь съ значенiемъ, которое даетъ острову Певце Эратосѣенъ: «esseque ita appellatam, quod multas πεύκας arbores ferat» и вмѣсто Ἀλωπεχία слѣдуетъ читать Ὑλοπευχία 58—59

Названiе Γραιοί (Γραιχοί), т. е., Греки, относится въ Овидiи къ Ахейнамъ Киммерiйскимъ 61

II.

МИТРОПОЛІЯ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ НА ДОНУ, СЪ IV-ГО ДО IX ВѢКА.

Названiя Великой и Малой Руси въ древности: Великіе и Малые Скиѣы, Вел. и Мал. Сарматы, Великіе и Малые Аорсы (Ἀορσοί). Это послѣднее названiе Руси по формѣ Азіятской, ¹² принимается ученымъ Западомъ за «гесе Turque.» У Славянъ искони правительственная область и войсковое сословіе назывались Русью; по чему въ древнихъ географихъ мы и находимъ Аорсовъ и надъ Ривейскими горами (Вендскими) надъ Чехiей, и во Фракіи, и въ Великой Скиѣи, подъ именемъ Роксанъ, а по Геродоту Γέρροισι, и въ Малой Скиѣи, кромѣ названiя Aorsi—Ar-Reshi (Plin.), Ar-Richi (Pomp. Mela), A-Richi (Pl.), etc. 62

¹² El-Ras или er-Ras, по Венг. Orosz, по Перс. и Тат. U-Rus, Задонская Русь (Сарматы Аорсы), по Страбону, происходила отъ Великой Руси, и составляла 200,000 конницы. Великая же Русь несравненно болѣе.

Гооы, ¹³ величавшіе себя Goffiod (Goooid) — divi-
na patio, ¹⁴ размножаясь пропагандой и возбуждая прозе-
литовъ къ войнѣ за обладаніе землей (Wigarfwe), во вре-
мя побѣдоноснаго прозелита, Яромира (Jarmerio, Jormun-
gekr), въ IV вѣкѣ овладѣли почти всей Великой Скиеіей
(Skuafothiod hin mikla). Въ эту эпоху имя ихъ воспреебла-
дало и стало употребляться Греческими историками без-
различно съ именемъ Скиеовъ и вмѣсто онаго. Пользуясь
этимъ, Иорнальдъ окончательно обращаетъ Скиеовъ въ сино-
нимъ Гоеовъ и перемѣщаетъ Малую Скиею во Фракію, подъ
названіемъ Малой Гоеи, съ извѣстіемъ, что у Малыхъ Гоеовъ
Епископомъ былъ Ульфилъ, который изобрѣлъ письмена и
перевелъ Св. Писаніе на ихъ языкъ

63—64

Христіанство, озарившее Задонскую и Днѣпровскую Русь
въ началѣ IV вѣка, спасло Европу отъ Гебраизма, который,
во вторую половину того же вѣка, оцѣпилъ уже своимъ
вліяніемъ все пространство между Балтійскимъ моремъ,
Рейномъ, Дунаемъ и Додою. Въ 376 году, подъ предводи-
тельствомъ Болемира или правильнѣе Велемира (Слав.-Серб-
ское имя), Руссы возстали на Гоеовъ; Эрманарикъ былъ
убитъ и, преслѣдуемые, Гооы переправляются чрезъ Ду-
най, во Фракію

65—66

Ульфилъ, неоднократно бывшій при посольствахъ
отъ Царя Скиеовъ, т. е., Руссовъ, къ Константину Велико-
му, около тридцатыхъ годовъ IV стол., превращается у
Гоескихъ историковъ въ Пресвитера (по Ам.), посла отъ
Гоескаго Кагана, Фридигерна, къ Императору Валенту, въ
378 г.

66—77

Ульфилъ рукоположенъ въ Епископы, къ Христіан-
ствующимъ Скиеамъ Босфораніи, Евсевіемъ, при Констан-
тинѣ Великомъ; слѣд., до 337-го года

67

¹³ Переселившіеся при Траянѣ, во время гоненія Іудеевъ, изъ Дачіи Приду-
найской къ Балтійскому морю.

¹⁴ Torm. Torfaei Series Regum Daniae, p. 266.

Ульфилъ исповѣдывалъ Символъ Никейскій, какъ и предметникъ его, Теофилъ, Епископъ Босфораніи 67

Ульфилъ былъ въ числѣ Азіятскихъ Епископовъ, на Селевкійскомъ Соборѣ, въ 359 г. 68

Обычай безразлично называть Скивовъ Гоэами и, въ слѣдствіе этого, Скивскую Босфоранскую Епархію Гоэской, былъ причиною, что и Созомень, упоминая, въ числѣ Азіятскихъ Епископовъ, собранныхъ въ Селевкіи и потомъ въ Константинополѣ, Ульфила Гоэскаго (вмѣсто Скивскаго), ¹⁵ относитъ его въ то же время къ событію 378 года, и говоритъ, что онъ самъ обратился въ Аріанство и все племя (Гоэовъ) отторгъ отъ Католической Церкви. И тутъ же присовокупляетъ объ Аванарикѣ, который въ гнѣвъ, что Гоэы принимаютъ Христіанство и уклоняются отъ вѣры отцовъ своихъ, подвергаетъ казни всѣхъ, кто не поклоняется идолу и не приноситъ ему жертвы ¹⁶. —

Здѣсь явно смѣшеніе мнимыхъ Гоэовъ Христіанъ Босфораніи съ собственно Гоэами, которымъ Валентъ далъ убѣжище во Фракіи. —

Предложимъ еще примѣръ этого смѣшенія: —

Св. Іоаннъ Златоустъ, въ XIV письмѣ къ Діаконисѣ Олимпіадѣ, упоминаетъ о смерти Унилы (Ουνίλας), котораго онъ, около 400 года, рукоположилъ въ Епископы и послалъ къ Гоэамъ, и о томъ что Гоэскій Царь проситъ о назначеніи новаго Епископа. При этомъ пишетъ, что по случаю зимы, необходимо промедлить посылкою, ибо не лзя плыть ни въ Босфоръ, ни въ иную изъ тѣхъ странъ. —

¹⁵ Созомень пишетъ (кн. VI, гл. 37), что Ульфилъ слѣдовалъ Символу Никейскаго собора, «и послѣ, въ царствованіе Констанція, присутствовалъ съ Евдоксіемъ и Акакіемъ на соборѣ Константинопольскомъ (359—360), но постоянно имѣлъ общеніе съ послѣдователями Отцовъ Никейскихъ.

¹⁶ Сообразно вѣрованію Гебровъ.

Свѣдѣніе это также касается до Босфоранін, Томитанской Митрополи и собственно до туземныхъ Скивовъ; что и подтверждаетъ Θεодоритъ въ его Исторіи Церкви, говоря объ Іоаннѣ Златоустѣ, распространявшемъ Христіанство между Скивами и воздвигшемъ алтари у Скивовъ Амаксовіевъ. ¹⁷.....

Въ дополненіе, Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что Скивы, Сарматы и Индѣйцы (Синды Черноморскіе), имѣли уже въ его время (въ IV вѣкѣ) слово Божіе на собственномъ ихъ языкѣ. Блаж. Іеронимъ, современникъ его, въ посланіи къ духовной дщери, Летіи, говоритъ, что Гунны ¹⁸ изучаютъ Псалтырь, хладная Скивія проникается пламенемъ истинной вѣры; рать рыжихъ и бѣлокурыхъ Гетовъ (служ. въ Римск. войскѣ) носить съ собой походныя церкви. . .

68—69

Θеофілъ (первый Епископъ Босфоранін), посвященный Евсевіемъ въ Діаконы, посланъ для проповѣдыванія Евангелія къ Индамъ внутреннимъ (Черноморскимъ), бывшимъ подъ вліяніемъ Іудеевъ

69—70

Подпись Θεофила, Епископа Босфоранскаго, на Никейскомъ Соборѣ. По рукописи библ. Колберта: Θεοφιλης Βοσφοριτανός. По изданію же Лаббея: Provinciae Gothiae, Theophilus Gothiae Metropolis. Но въ Актахъ Никейскаго Собора (кн. 2; гл. 27), въ исчисленіи странъ, гдѣ учреждены Епископія Вселенской Церкви, Гоеи не существуетъ, а упоминается объ обѣихъ Скивіяхъ (Великой и Малой).

Евсевій также при исчисленіи странъ, откуда прибыли Епископы на Никейскій Соборъ, не знаетъ ни какого Гоескаго Епископа, а упоминаетъ о прибывшихъ изъ Азійскихъ независимыхъ и самоуправныхъ странъ: «Прибыли,

¹⁷ «А по всей набережной Меотиды Языги и Роксоланы (Роксаны), а внутри страны Амаксовіи. «Птол., Л. III, сар. V.

¹⁸ По основательному свѣдѣнію Прокопія Кесарійскаго, Гунны назывались прежде Киммеріанами. По этому общему названію, онъ относитъ къ нимъ и Булгаръ Приволжскихъ. Прискъ не различаетъ Гунновъ отъ Скивовъ.

говорить онъ, Епископы и изъ Персіи (вообще изъ странъ Кавказскихъ, подвластныхъ частію Персіи), изъ Скиѣской земли, изъ Понта и Галатіи.»

Подпись Символа въры, по изданію Лаббея въ переводѣ Латинскомъ, принимается за несомнѣнный доводъ существованія Гоѣской Епархіи и Гоѣской столицы (т. е., Томи) въ Мисіи Фракіѣской. Но это единственный, сомнительный документъ, гдѣ Скиѣская Томитанская область Босфораніи замѣняется Латинскимъ прозвищемъ Gothia, а Томи, изъ предосторожности, названо Gothiae Metropolis. Во всѣхъ Актахъ послѣдующихъ Соборовъ, сохранившихся и на Греческомъ языкѣ, читается: *Επισκόπος τῆς Τομέων πόλεως Ἐπαρχίας Σκυθίας*

71—72

Созоменъ говоритъ о Скиѣахъ, какъ о народѣ самостоятельномъ и своеобразномъ, имѣющемъ, кромѣ обширной и богатой столицы Томисъ, множество городовъ, селеній и крѣпостей

73

Созоменъ называетъ Θεотима, родомъ Скиѣа, Архіепископомъ Томитанскимъ и всѣхъ прочихъ Епархіѣй Скиѣи.

74

О. Квиенъ, помѣстивъ Скиѣю въ уголь Фракіи, при Дунаѣ (въ Добрушской области), по необходимости утверждаетъ, что въ Епархіи Скиѣской только и было, что *Ecclesia Tomogum*. Для доказательства онъ наводитъ сомнѣніе на упоминаемыхъ въ Актахъ Скиѣйскихъ Епископовъ, надъ которыми главенствовалъ Патернъ Томитанскій.

74

О. Квиенъ утверждаетъ, что въ Скиѣи было Архіепископство, а не Митрополія, и для доказательства выписываетъ подпись Скиѣйскаго Епископа Патерна, исключивъ изъ оной титулъ *Metropolitanus*

74—75

Томитанскій Митрополитъ Θεотимъ, по древнему Скиѣскому обычаю единоначалія, подпсываетъ Соборные Акты одинъ за всѣхъ подвластныхъ ему Епископовъ, вопреки обычаю Имперіи, по которому каждая Митрополія представляла отдѣльное рукоприкладство Епископовъ, подчиненныхъ оной.

75

Императоръ Валентъ, послѣдователь Аріянской ереси, объѣзжая Азіѣскія церкви, и прибывъ въ Скиѣскую Томи-танскую Епархію, тщетно требуетъ отъ Архіепископа Вет-ранія отреченія отъ Символа Никейскаго Собора и присооб-щенія къ ереси.

Опредѣлительныя свѣдѣнія Созомена о Скиѣохъ и Скиѣ-ской Томитанской или Донской Епархіи, подтверждаемыя подписями Соборныхъ Актовъ, изобличаютъ ложныя свѣ-денія о мнимой Гоевской Епархіи

76

Цари Скиѣовъ или Руссовъ: Донатъ, Харитонъ (и-мена Христіанскія), Рао, Атилло, Даво (Данчичъ).....

77—78

Персы, при помощи Вагтанга Иверскаго, побѣждаютъ Синдовъ Черноморскихъ, Абхазовъ и Георгіанъ.....

78—79

Съ этого времени въ Задонской Руси, которая но-силь уже и названіе Козаріи, снова возникаетъ преоблада-ніе Кагановъ, а въ Исторіи смѣшеніе Скиѣовъ съ Гоеами.

79

Томитанская Епархія продолжаетъ существовать на неизмѣнныхъ условіяхъ Православія, но, со времени Юсти-ніяна 1-го, въ Актахъ Соборовъ принимаетъ названіе Ми-трополіи Воспорской

80—81

Въ 740 году, Каганъ, управлявшій Козаріей, овладѣлъ и Босфораніей. Въ то время Епископомъ Тавро-Скиѣской страны, ¹⁸ подъ властію Гоевскою, былъ Іоаннъ, чти-мый и Греко-Россійскою Церковію.

81

Вальфридъ Страбонъ, въ сочиненіи о началѣ и рас-пространеніи Церкви, пишетъ (около 844 г.), что у нѣ-которыхъ Скиѣскихъ племенъ, и преимущественно у Томи-танъ, Богослуженіе отправляется на ихъ собственномъ язы-кѣ....

82

¹⁸ Ταύρο-Σκυθάι, οὗς ἡ κοινὴ διάλεκτος ῥως ἱωθεν ὀνομάζειν. Тавро-Скѣвы, называ-ютъ сами себя Россамв. LeoDei.

XIV

	Стран.
Патріархъ Фотій, въ Окружномъ посланіи, 858 г., во всѣ Епархіи, ставитъ въ примѣръ неизмѣнное Православіе Руссовъ.	82—83
Христіанская Русь въ Договорѣ В. К. Игоря, и Каедральный Соборный храмъ Св. Іліи, въ Кіевѣ, въ Козарской части города.	84
Автокефальные монастыри въ Сквири, въ VI вѣкѣ. .	85
Русскія письма, обрѣтенныя Константиномъ (Св. Кирилломъ) въ Козаріи, и существовавшій уже переводъ Св. Евангелія, Псалтыри и Богослужебныхъ книгъ.	85—86
Заключительные выводы	86—87
Подложный «Дорожникъ Іероклея Грамматика», изданный Бандуриемъ, составленъ съ цѣлю засвидѣтельствовать памятникомъ древности, что Епархія Сквири и городъ Томи находились именно въ Мисіи Фракійскай	87—92

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДЕНЬ БИТВЫ.

ГЛАВА I.

НАПОЛЕОНЪ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ.

Какъ предъ битвой, такъ точно и въ продолженіе ея, Наполеонъ является среди главнаго своего элемента уже не такимъ, какимъ онъ бывалъ во всѣхъ предшествовавшихъ битвахъ, далеко не представлявшихъ того значенія, которое заключалось въ Бородинской. Въ продолженіе всего сраженія онъ не походилъ на того великаго полководца, котораго привыкли въ немъ видѣть съ самаго начала его боевой дѣятельности. Нерѣшительность, внутреннее, безсознательное, или сознательное, волненіе и другіе, не замѣчавшіеся прежде, недостатки, проявлялись въ немъ во все продолженіе этого великаго дня. Онъ, можно сказать, только слышалъ адскій громъ слишкомъ тысячи орудій и, оставляя свое мѣсто, являлся на нѣкоторыхъ пунктахъ линій послѣ главныхъ моментовъ, которыхъ онъ не видалъ, и являлся какъ бы для того только, чтобы прекратить бой. Прослѣжу его съ самаго начала до окончанія битвы, какъ онъ описывается своими историками.

Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (т. III, р. 268), пишетъ: «Очевидцы свидѣтельствуютъ, что въ продолженіе всей достопамятной битвы 7-го Сент. Наполеонъ велъ себя болѣе какъ Государь, нежели какъ Главнокомандующій, и ни мало не выказывалъ той неутомимой дѣятельности, которая имѣла столь великое участіе въ успѣхахъ предшествовавшихъ кампаній; онъ положился на при-

«казанія, отданныя имъ на каунтъ, по обзорѣннй непріятельской линіи; что, въ продолженіе всего дѣла онъ оставался вблизи своей гвардейской пѣхоты, не принимая даже труда дѣлать въ первоначальной своей диспозиціи какія либо измѣненія, требовавшіяся движеніемъ Русскихъ. Приписываютъ этотъ родъ безпечности надеждѣ, что Кутузовъ отступитъ, или презрѣнію, которое онъ такъ некстати возымѣлъ къ военнымъ способностямъ Русскихъ Генераловъ. Нѣкоторые оправдываютъ его (р. 269) въ это время болѣзнію; но положительнымъ оказывается то, что, по свидѣтельству всѣхъ повѣствованій, подъ Бородинымъ въ атакахъ Французовъ не было точности и особенно взаимности, чему могъ дѣятельно споспѣшествовать только одинъ Главнокомандующій.»

Герцогъ Рагузскій, Маршалъ Мармонъ, между прочимъ (т. V, р. 3), говоритъ: «Всѣ историки кампаніи въ Россіи съ болышою подробностію описывали о несчастіяхъ кампаніи 1812 года. «чтобы мнѣ, не участвовавшему въ ней, заняться ихъ описаніемъ. «Сочиненіе Г. Сегюра заключаетъ въ себѣ полное ея изображеніе и должно занимать первое мѣсто. ¹ Я могъ судить, присовокупляя Маршалъ, въ слѣдующую кампанію о физическомъ и моральномъ расположеніи Наполеона. Онъ былъ въ 1813 году точно такимъ, какимъ Сегюръ изображаетъ его въ 1812. Слѣдовательно, положительно можно заключить, что отпоръ, встрѣченный имъ въ Россіи, былъ эпохой этого превращенія.

Тьеръ (т. XIV, р. 319) цитируетъ: «Наполеонъ избралъ мѣстомъ для себя Шевардинскій редутъ, откуда могъ видѣть все, что происходитъ, и нѣсколько укрыться отъ ядеръ, коихъ въ этотъ день должно было ожидать въ значительномъ числѣ.»

¹ Графъ Дюма, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (т. III, р. 420), указываетъ на многоя сочиненія, достойныя вниманія и, между прочимъ, говоритъ о книгѣ Графа Сегюра: «онъ не имѣетъ притязанія на исторію, и сочиненіе его хотя и носитъ характеръ анекдотическій, но представляетъ очень живую и очень вѣрную картину по подробностямъ, наиболѣе занимательнымъ.» Графъ Дюма, бывший Генералъ-Интендантомъ арміи, рьяный сторонникъ Наполеона, заслуживаетъ въ этомъ отношеніи одинаковаго, если не преимущественнаго, довѣрія противъ Маршала Мармона, по тому что находился всю войну 1812 года при Наполеонѣ, гдѣ былъ и Графъ Сегюръ.

Что Наполеонъ избралъ этотъ пунктъ для своего пребыванія, свидѣтельствуется всѣми писателями очевидцами, но поводъ къ тому приведенъ безъ всякаго основанія. Во первыхъ, съ этого мѣста онъ не могъ видѣть всего, что происходитъ, какъ окажется далѣе изъ повѣствованія очевидцевъ-дѣятелей, что и самъ Г. Тьеръ подтвердить, вопреки сказанному имъ здѣсь. Во вторыхъ, относительно того, будто бы, при избраніи этого пункта, въ расчетъ Наполеона входило и то, чтобы нѣсколько укрыться отъ ядеръ, то это одна только фраза, позволяю себѣ думать, фраза очень неумѣстная и ни однимъ историкомъ очевидцемъ не переданная: она принадлежитъ собственно Г. Тьеру, взявшемуся описывать то, о чемъ онъ не имѣетъ ни какого понятія. Само собою разумѣется, что Главнокомандующій не долженъ находиться въ пылу битвы; но ни одинъ изъ боевыхъ дѣятелей не могъ бы привести причины подобной, приводимой Г. Тьеромъ. Наполеонъ могъ остановиться здѣсь по тому, можетъ быть, что пунктъ этотъ былъ по срединѣ боевой линіи между Утицами и Горками, но уже ни какъ не по тѣмъ причинамъ, которыя приводятъ знаменитый историкъ.

Баронъ Денъе, бывшій при Наполеонѣ (р. 75) пишетъ: «Наполеонъ находился часъ на редутѣ (Шевардинскомъ), и потомъ спустился къ оврагу, гдѣ и оставался большую часть дня (до двухъ часовъ по полудни). Съ этого мѣста, присовокупляетъ авторъ, открывалась только часть поля битвы; однако же нѣсколько гранатъ и ядеръ пролетали чрезъ его голову.» Графъ Сегюръ (t. I, p. 387) говоритъ то же самое.

Маркизь Шамбре, также свидѣтель (t. II, p. 77) говоритъ: «Наполеонъ въ безстрастіи оставался, въ продолженіе почти всей битвы, на мѣстѣ, съ котораго не могъ видѣть ее своими глазами и судить о ней.» Въ другомъ своемъ сочиненіи (*Philosophie de la guerre*, p. 364) онъ говоритъ, что, во время Бородинской битвы, онъ стоялъ въ резервѣ очень близко къ полю сраженія; съ этого мѣста была очень хорошо видна главная сцена сраженія и, замѣчу еще, присовокупляетъ авторъ, что день былъ ясный. «Однако же не менѣе того, хотя я и имѣлъ очень хорошую зрительную трубу, и мое любопытство было возбуждено въ высшей степени, но я не могъ ничего различить: это было нестройное

«всичаха столько же для моего зрѣнія, сколько и для слуха. «Наполеонъ, который былъ близко, но далѣе отъ поля битвы не-
«жели я, могъ видѣть лучше въ свою зрительную трубку, а это
«очень слабое пособіе, по тому что объемъ пространства, предста-
«вляемаго этѣмъ инструментомъ, очень ограниченъ.»

Генералъ Пеле (р. 131) говоритъ, что «Наполеонъ находился
«около Шевардина, на бугоркѣ, съ котораго было все видно, и
«что лучшаго мѣста нельзя было избрать.»

Странныя разнорѣчія въ показаньяхъ очевидцевъ: одни го-
ворятъ, что онъ могъ видѣть все, другіе, и въ большемъ числѣ,
что онъ не могъ видѣть всего хода битвы, и что даже онъ спу-
стился къ оврагу.

Г.-Л. Фезензакъ, бывшій тамъ при Наполеонѣ (р. 45),
пишетъ: «Наполеонъ не принималъ ни какого личнаго участія въ
«сраженіи. Онъ постоянно оставался за четверть лѣ (одну версту)
«отъ поля битвы, получая донесенія отъ всѣхъ Генераловъ и от-
«давая приказанія такъ хорошо, какъ только можно отдавать
«издалека.»

Лосбергъ (S. 165) также свидѣтельствуетъ, что «Наполеонъ
«оставался большую часть дня въ Шевардинѣ, откуда не могъ ви-
«дѣть главныхъ моментовъ битвы.»

Въ «*Milit. Briefe*» (t. 1, S. 411) подтверждается, что «Напо-
«леонъ изъ Шевардина, гдѣ онъ оставался цѣлый день, не могъ
«видѣть хода битвы.» Здѣсь авторъ прибавляетъ свои разсужденія
о вліяніи на битвѣ его отсутствія.

Гофманъ, въ «*Tagebuch*» (S. 124) пишетъ, что «Наполеонъ
«только изъ Шевардина, да и то съ возвышенія, могъ видѣть од-
«ни Багратіоновы шанцы.» А въ другомъ своемъ сочиненіи (Schl.
«von Bogodino, 353) подтверждаетъ, что «изъ Шевардина онъ не
«могъ слѣдить за битвой.»

Графъ Солтыкъ, находившійся въ Шевардинѣ при Напо-
леонѣ, говоритъ (р. 218): «Вдругъ началась битва. Пальба сдѣла-
«лась чрезвычайно живою съ обѣихъ сторонъ; никогда не слыха-

«ли подобной. Въ продолженіе десяти часовъ она походила болѣе на залпы цѣльми бортами кораблей, чѣмъ на битву сухопутную.»

«При громѣ этой ужасной канонады (продолжаетъ авторъ), Наполеонъ оставался безстрастнымъ, не смотря на то, что, по временамъ, Русскія гранаты разрывались въ недалекомъ отъ него разстояніи. Нѣсколько ядеръ упали даже предъ нимъ; онъ то садился на землю, то ходилъ, напѣвая въ полголоса какую-то пѣсню; рука его машинально вынимала изъ жилетнаго кармана пастильки, приготовленныя для облегченія его насморка. Лице его выражало во одно время задумчивость и безстрастіе; онъ обращался къ окружающимъ изъ своей свиты съ отрывистыми словами» и т. д.

Маркизь Шамбре, описывая битву и участіе въ ней Наполеона, между прочимъ (т. II, р. 66), присовокупляетъ: «Завоеватель этотъ оставался съ самаго начала битвы на одномъ мѣстѣ; онъ прохаживался взадъ и впередъ съ Бертье, позади его была пѣхота старой гвардіи, а влѣво, нѣсколько впереди, другія ея части. Нерѣшительный, противъ своего обыкновенія, онъ не отдавалъ еще приказаній, когда одинъ изъ его ординарцевъ, посланный къ Нею, возвратясь, извѣстилъ его, что Багратіонъ вновь предпринялъ наступленіе, и что безотлагательно должно поддержать его. . . Это новое донесеніе увеличило нерѣшительность Наполеона; онъ совѣтуется съ Бертье, но приказанія не отдаетъ. Ординарецъ повторяетъ нѣсколько разъ, что нельзя терять ни минуты, что Ней долженъ быть подавленъ. Наконецъ Наполеонъ посылаетъ его къ Клапареду, съ приказаніемъ ити на помощь къ Нею. Ординарецъ пустился было какъ стрѣла, но Наполеонъ возвращаетъ его, вновь совѣтуется съ Бертье, и оканчиваетъ посылкой Фріана на помощь къ Нею. Отъ такой нерѣшительности потеряно было полчаса, что должно было имѣть большое вліяніе на ходъ битвы и въ послѣдствіи на судьбу Наполеона.»

Графъ Сегюръ, очевидецъ, находясь при Наполеонѣ, рассказываетъ этотъ эпизодъ слѣдующимъ образомъ (т. I, р. 385):

«Когда силы Мюрата и Ней истощились, они послали къ Наполеону за подкрѣпленіемъ. Тогда увидѣли Наполеона, пораженнаго колебаніемъ, до того времени не извѣстнымъ; онъ долго

«совѣтывался; наконецъ, послѣ повторенія приказаній молодой гвардіи и отмѣны ихъ, порѣшилъ, что появленіе войскъ Фріана «и Мобура² на высотахъ будетъ достаточнымъ. Кутузовъ пользуетя этимъ, подвигаетъ свои резервы и часть гвардіи. Ней и Мюратъ ожесточаются противъ этой бури, дѣло идетъ уже не о томъ, чтобы воспользоваться побѣдой, но какъ бы сохранить ее.»³

«Къ счастью (р. 387), въ это время подошла изъ резерва артиллерія, чтобы стать на высотахъ, которыми овладѣли. Лористонъ получилъ на это согласіе Наполеона, который, впрочемъ, не столько приказалъ, сколько позволилъ. Но это распоряженіе «показалось ему такъ важнымъ, что онъ успѣшилъ дать знать о скорѣйшемъ исполненіи однимъ только движеніемъ руки отъ не-терпѣнія, которое онъ выказывалъ во весь этотъ день. Наполеонъ на всѣ требованія гвардіи отвѣчалъ, что битва еще не началась, что она начнется въ два часа, но (восклицаетъ авторъ) «она не начиналась! Въ продолженіе почти всего этого дня, Наполеона видѣли или садившимся, или медленно ходившимъ впереди Шевардинскаго редута, нѣсколько влѣво около оврага, «далеко отъ битвы, которую онъ едва могъ видѣть, послѣ того какъ она перешла за возвышеніе. Не показывая безпокойства, «когда вновь увидѣлъ битву, безъ досады на своихъ и на непріятеля, и только разными движеніями, изъясняя печальную покорность судьбѣ, когда ежеминутно извѣщали о потерѣ лучшихъ его Генераловъ. Онъ нѣсколько разъ вставалъ, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ, и опять садился, всякій изъ окружавшихъ его «смотрѣлъ на него съ удивленіемъ; до этого времени, при такихъ «великихъ столкновеніяхъ, видѣли въ немъ спокойную дѣятельность; но здѣсь спокойствіе это было тяжелое, кротость вялая, «бездѣятельная. Нѣкоторые думали видѣть въ немъ признаки ис-

² Латуръ-Мобуръ начальствовалъ 4 резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ числѣ около 4500 человекъ, при 25 пушкахъ. Фріанъ, начальникъ 2-й пѣх. дивизіи 1-го корпуса Маршала Даву, имѣлъ только около 7000 чел. при 26 орудіяхъ

³ «Побѣда» — слово неумѣстное и совершенно неправильное, оно должно замѣняться словомъ — «успѣхъ», каковымъ это и было.

«тощенія, обыкновеннаго послѣдствія сильныхъ ощущеній, другіе воображали, что онъ изнурялся впечатлѣніемъ самыхъ тревогъ битвъ, и наконецъ, отчасти, приписывали это и его насморку.»⁴

Въ другомъ мѣстѣ Г. Сегюръ, рассказывая о пріѣздѣ Гене-ра Бельяра отъ Мюрата и Нея, просить у Наполеона гвардію (р. 390), присовокупляетъ: «однако же Наполеонъ колеблется, со-мнѣвается и приказываетъ Бельяру возвратиться, еще посмотрѣть «и опять вернуться къ нему и доложить. Бельяръ скоро возвра-щается и говоритъ, что Русскіе вновь приготавливаются къ напа-денію, что нельзя терять ни минуты и пр... Маршалъ Бессьеръ, «посланный Наполеономъ посмотрѣть положеніе боя, возвращает-ся и доноситъ, что Русскіе далеко не въ безпорядкѣ, что «они отступили на вторую позицію, съ которой, кажется, при-готавливаются къ новой атакѣ. Тогда Наполеонъ сказалъ Белья-ру, что ничего еще не было достаточно разъяснено для того, «чтобы употребить гвардію, что онъ хочетъ видѣть ясиѣ на своей «шахматной доскѣ.»⁵ Тоже говоритъ и Рапцъ въ своихъ Запис-кахъ (р. 168). Сентъ-Илеръ (t. III, р. 68 — 69) присовокуп-ляетъ, что въ этомъ случаѣ Наполеонъ возразилъ: «Я не хочу раз-строить гвардію, мы и безъ нея выиграемъ сраженіе.» Тьеръ (р. 329) замѣчаетъ, что «изъ Шевардина онъ не могъ видѣть то, «что Ней и Мюратъ очень ясно различали оттуда, гдѣ находились.» Выше, однако, Тьеръ говорилъ противное, а именно, что изъ Шевардина онъ могъ видѣть все!

⁴ Однако же, какъ видно будетъ, ни прежде, ни въ послѣдствіи, не страдая насморкомъ, онъ обнаруживалъ то же самое.

⁵ Сегюръ говоритъ, что это выраженіе было нѣсколько разъ употреблено Наполеономъ. Тьеръ (р. 329) пишетъ, что отказъ чрезъ Бельяра дать гвардію «вызвалъ болѣе одного движенія нетерпѣливости, болѣе одного «очень живаго выраженія со стороны двухъ героев (Нея и Мюрата) это-го кровопролитнаго и достопамятнаго дня.» Мишо говоритъ (р. 134): «мно-гіе выходили изъ терпѣнія, въ томъ числѣ Ней, который оскорбилъ Напо-леона самымъ обиднымъ образомъ»... Въ этомъ-то случаѣ, Ней между про-чимъ, воскликнулъ: «Пусть же онъ ѣдетъ въ Парижъ!».. Сегюръ (р. 403) говоритъ, что «Мюратъ, Вице-Король, Ней и др., изъясняли негодованіе на Наполеона, что онъ не похожъ на себя» и пр.

Графъ Дюма, находившійся при Наполеонѣ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (т. III, р. 438) говоритъ:... «Было около трехъ часовъ по полудни: Императоръ оставался неподвижнымъ, сидѣлъ на краю оврага, или прохаживался по нѣскольку шаговъ, то «вправо, то влѣво.» Далѣе (р. 439): «мѣсто, избранное Наполеономъ, было лучшимъ для наблюденій (у оврага!); все поле битвы открывалось, и если бы какія либо движенія Русскихъ, какой либо мѣстный успѣхъ съ ихъ стороны, потребовали новыхъ распоряженій, бдительность Наполеона не оставила бы этого безъ вниманія, и онъ перенесся бы туда самъ лично, какъ это сдѣлалъ онъ въ Ваграмѣ.»

По общему, однако же, засвѣдѣтельствуванію, Наполеонъ былъ извѣщаемъ объ успѣхахъ Русскихъ, отнимавшихъ нѣсколько разъ Семеновскія укрѣпленія, что угрожало Французамъ, не разъ требовавшимъ подкрѣпленія; но въ этѣ минуты онъ выказывалъ нерѣшительность и не думалъ ѣхать къ угрожаемому пункту. Онъ даже не тронулся съ мѣста, когда движеніе Платова и Уварова произвело безпорядокъ на лѣвомъ крылѣ его арміи, и угрожало тылу, гдѣ скоплены были парки, обозы и т. п.

Капфигъ (т. IX, р. 271) говоритъ, что съ кровопролитнаго боя, при Семеновскомъ, Ней посылалъ Адъютанта за Адъютантомъ къ Наполеону требовать, во что бы ни стало, подкрѣпленія: «Наполеонъ прохаживался съ Бертье близъ Шевардинскаго редута и разговаривалъ съ большимъ равнодушіемъ и явнымъ безстрастіемъ. «Что тамъ такое?» сказалъ Императоръ (р. 272), какъ бы «досадуя на доuku (все это подтверждаетъ и Сентъ-Илеръ, т. II, р. 17).—«Государь! Багратіонъ перешелъ опять въ наступательное движеніе; Маршалъ Ней не въ состояніи болѣе удерживаться. «Жюно былъ посланъ въ подкрѣпленіе къ Понятовскому; настало время подкрѣпить Маршала, если Вы не хотите, чтобы онъ былъ «раздавленъ и отброшенъ до сихъ мѣстъ.» Наполеонъ продолжалъ «прохаживаться, не произнося ни слова, какъ бы погруженный въ «свои мысли; потомъ, обратясь къ Бертье, сказалъ: «Кого туда по«слать?» Бертье отвѣчалъ:—«Государь! Генерала Клапареда, на при«мѣръ, съ его дивизіею молодой гвардіи, которою можно распола«гать.» — «Да, сказалъ Наполеонъ, вы правы: прикажите Клапареду «йти.» Но потомъ, воротивъ Адъютанта, сказалъ: «Нѣтъ! нѣтъ!

«не Клапареда: онъ мнѣ нуженъ; прикажите Фріану подкрѣпить «Нея.» Это совѣщаніе продолжалось полчаса, а въ подобномъ положеніи этого было много» и т. д.⁶

«Когда Адъютантъ прискакалъ къ Наполеону, съ извѣстіемъ о взятіи центрального редута, какъ о побѣдѣ, очень дорого купленной (р. 275): два дивизионные Генерала и половина кирасиръ пали, то Императоръ слушалъ о чудесахъ, совершенныхъ его конницею и, продолжая прохаживаться, не отдавалъ ни какого приказанія о дальнѣйшемъ направленіи битвы и былъ какъ бы погруженъ въ свои думы.» Авторъ присовокупляетъ: «не такъ было подъ Аустерлицемъ и Іеною.»

Мишо (р. 133) говоритъ: «Наполеонъ показался въ битвѣ только на самое короткое время; онъ оставался почти цѣлый день въ отдаленіи.»

Бисмаркъ (р. 148—151) пишетъ, что, «въ продолженіе всей битвы, Наполеонъ оставался цѣшимъ на возвышенномъ мѣстѣ⁷ Шевардинскаго редута, откуда онъ пытался выйти, чтобы ѣхать въ другое мѣсто: но его страданія и большая слабость не позволили ему это исполнить. Онъ казался изнуреннымъ, лице его было разстроено, взглядъ потускъ, а голосъ осипъ.» Здѣсь авторъ усиливаетъ его страданія, вопреки самимъ Французамъ, свидѣтельствующимъ оное. Въ другомъ мѣстѣ (р. 150) этотъ же самый Генералъ Бисмаркъ говоритъ: «Можетъ быть, что въ продолженіе

⁶ Положеніе Наполеона требовало сберечь гвардію, какъ замѣчаетъ Капфигъ (р. 255) Онъ (256) говоритъ, что если бы онъ былъ на краю свѣта съ своею гвардіей, то возвратился бы.» Мнѣнія по сему предмету раздѣлены: одни находили благоразумнымъ, что онъ не ввелъ гвардію, другіе предвидѣли отъ этого успѣхъ, но едва ли бы это было такъ: разъяренныя наши войска встрѣтили бы ее съ удвоенной рѣшимостью, а при томъ и мы не совсѣмъ были безъ резервовъ, которые едва ли не равнялись 18 тысячамъ. Сверхъ того, если бы Кутузовъ употребилъ въ это время Уварова и Платова на усиленное повтореніе ихъ атакъ въ тылъ лѣваго непріятельскаго фланга, или даже отъ пять тысячъ отборной конницы и противъ гвардіи Наполеона, то, конечно, полный успѣхъ былъ бы на нашей сторонѣ. Здѣсь же мѣсто разсматривать это.

⁷ Смотри выше Барона Денъе, Маркіза Шамбре и др.

«этой битвы онъ думалъ о Куннерсдорфѣ, гдѣ Фридрихъ Великій, «котораго побѣда не удовлетворяла, хотѣлъ однимъ разомъ истребить непріятеля.» Эта фраза ни сколько не согласуется съ сказаннымъ выше Г. Бисмаркомъ и съ тою нерѣшительностію, о которой говорятъ всѣ другіе повѣствователи.

Маркизь Шамбре сказалъ, что Наполеонъ, находясь почти цѣлый день на такомъ мѣстѣ, съ котораго онъ не могъ судить о ходѣ битвы (т. II, р. 77), присовокупляетъ: «онъ показавъ въ самыя важныя моменты большую нерѣшительность, словомъ, былъ ниже своей репутаціи. Правда, онъ страдалъ смѣлымъ насморкомъ, который могъ лишать его части обычной дѣятельности.» И, исчисливъ его ошибки, между прочимъ, замѣчаетъ, что «около десяти часовъ утра приказалъ подать себѣ пуншу.» Значитъ, что это послѣдовало вторично; ибо выше видно уже было, что въ три часа утра онъ пьетъ пуншъ съ Раппомъ.

На счетъ приписываемаго Наполеону страданія отъ насморка, Бошанъ, между прочимъ (р. 31), говоритъ: «Вообще опровергають Графа Сегюра въ томъ, что Наполеонъ при Бородинѣ былъ боленъ, страдалъ, или морально разслабленъ. Я знаю отъ личнаго свидѣтеля, человѣка, бывшаго въ его свитѣ, что Наполеонъ, въ самую ночь, предъ тѣмъ, какъ отдавать приказанія, пилъ пуншъ. «Странное лѣкарство (воскликаетъ авторъ), довольно употребленное между здоровыми! Другіе удостовѣряють, что, послѣ сдѣланныхъ имъ распоряженій, онъ завтракалъ съ очень хорошимъ аппетитомъ: должно согласиться, что эти два изложенія ни какъ не исключаютъ одно другаго, развѣ только, что больной нашъ принялъ благоразумную предосторожность противъ ослабленія, или «обмороковъ» и пр.

Боссе, Префектъ дворца, находившійся здѣсь при Наполеонѣ, говоритъ (т. II, р. 96): «Въ полдень я спросилъ Императора, не желаетъ ли онъ завтракать?.. Битва не была еще выигранной. — Онъ сдѣлалъ знакъ отрицательный. Я имѣлъ неосторожность сказать, что нѣтъ въ мірѣ ни какихъ причинъ, которыя бы препятствовали завтракать, когда можно это сдѣлать. Тогда онъ меня отослалъ довольно грубымъ образомъ. Нѣсколько позже онъ съѣлъ кусокъ хлѣба и выпилъ стаканъ шамбертеца безъ

«воды.» Боссе также говоритъ, что Наполеонъ, въ десять часовъ утра, выпилъ стаканъ пуншу.

Въ примѣчаніи на 75 страницу, гдѣ говорится о Наполеонѣ во время Бородинской битвы, Шамбре описываетъ, какимъ онъ, по наблюденіямъ, являлся въ прежнія времена (р. 248, note B): «Первые пушечные выстрѣлы производили въ немъ удовольствіе, которое явственно выражалось на его лицѣ. Прибывъ на мѣсто, гдѣ онъ находилъ удобнѣе остановиться, оставался онъ неподвижнымъ, получая донесенія, рассылая приказанія, рассматривая съ большимъ вниманіемъ, то простыми глазами, то въ зрительную трубку, все, что могло его занимать. Успѣхи, несчастія, смерть его Генераловъ, ничто не могло поколебать его безстрастіе; онъ казался погруженнымъ въ думы объ обязанности Главнокомандующаго. Если онъ находилъ присутствіе свое необходимымъ на другихъ пунктахъ, онъ переносился быстро и останавливался, какъ и прежде.»

Тьеръ, описывая битву, между прочимъ (р. 346) говоритъ: «Упорство Русскихъ, хотя въ этомъ и не было ни какой неожиданности, имѣло характеръ зловѣщій и ужасный, внушавшій Наполеону важныя размышленія...., а по тому, въ этомъ положеніи нерѣшительности, онъ казался необъяснимымъ для тѣхъ, которые его окружали, до той степени, что они старались объяснить это его нездоровьемъ.» Жюини (t. II, р. 229) замѣчаетъ, что онъ не былъ такъ нездоровъ, чтобы не понимать.

Въ «Воспоминаніяхъ» Графа Дюма (t. III, р. 439) находимъ слѣдующее оправданіе Наполеону: «Многіе говорили и писали, что Наполеонъ въ этотъ день не выказалъ своей обычной дѣятельности, удивлялись его безчувствію; хотѣли дать понять, что онъ находился какъ бы въ физическомъ упадкѣ, что онъ не проявлялъ всего своего генія; наконецъ, что звѣзда его начинала блѣднѣть среди самой побѣды. Конечно, Наполеонъ казался страдающимъ; онъ очень усталъ въ двѣ предшествовавшія ночи, которыя употребилъ на личное обозрѣніе непріятеля, указывая своимъ корпусамъ мѣста и пункты атаки. Опредѣливъ положительно свой планъ, онъ не хотѣлъ ничего измѣнять въ своихъ распоряженіяхъ, глубоко обдуманыхъ.»

Наконецъ Наполеонъ рѣшается въ два часа по полудни, послѣ главныхъ эпизодовъ битвы, показаться арміи, и вотъ что объ этомъ рассказываютъ:

Маркизь Шамбре, описывая ходъ битвы и окончательное овладѣніе Семеновскимъ (т. II, р. 75), говоритъ: «Тогда только «сѣвъ на лошадь, Наполеонъ направился къ редантамъ (Семеновскимъ) и осмотрѣлъ часть поля битвы; но присутствіе это, которое было бы такъ полезно, когда оснашивали эти реданты, теперь становилось не нужнымъ».¹

Лавалле (т. IV, р. 543) говоритъ: «Въ этой битвѣ, ужасной по массамъ, приведеннымъ въ движеніе, Наполеонъ выказалъ осторожность, которая казалась странною, но онъ не хотѣлъ подвергнуться несчастью.»

Генераль Пеле, о выѣздѣ Наполеона отъ Шевардинскаго редута (р. 138), говоритъ слѣдующее: «По взятіи этой батареи (нашей центральной), Наполеонъ хочетъ самъ рѣшить великій вопросъ — атаковать ли новую линію Русскихъ? Сначала онъ подъѣхалъ на Семеновскіе редуты; около трехъ часовъ Наполеонъ на центральной батарее;² имѣя намѣреніе, по словамъ автора, атаковать укрѣпленіе Горки, онъ приблизился для обозрѣнія онаго. Огонь былъ чрезвычайно сильный. Около четырехъ часовъ по полудни, Наполеонъ, оставивъ свою свиту назади, прискакалъ въ маленькій лѣсокъ, что противъ Горокъ. Бертье, Коленкуръ, Дюрокъ, Бессьеръ и одинъ пажъ сопровождали его. Мюратъ подъѣхалъ къ нему. Они находились подъ огнемъ Русскихъ стрѣлковъ. Наполеонъ настаивалъ на желаніи овладѣть редутомъ (Горки) и повторялъ, что побѣда не произвела еще тѣхъ по-

¹ Авторъ говоритъ, что онъ не думаетъ требовать, чтобы Наполеонъ долженъ былъ подвергать себя опасности, какъ обыкновенный Генераль, — но, конечно, Наполеонъ впалъ въ совершенную противоположность, оставаясь одиннадцать часовъ за $\frac{3}{4}$ лье (три версты) отъ мѣста, гдѣ рѣшалась участь битвы.

² Здѣсь описывается ужасное зрѣлище убитыхъ и свороченныхъ орудій на центральной батарее. Французы сдѣлали это «изъ опасенія, чтобы Русскіе опять не овладѣли высотой.»

«слѣдствій, которыхъ должно было бы ожидать. ¹⁰ Всѣ сопутствовавшіе ему были противъ атаки. Всѣ говорили ему, что армія измучена усталостью и оставалась одна только гвардія. Бертье сказалъ, что они находятся за шестьсотъ льё отъ Франціи, потеряли уже болѣе тридцати Генераловъ, а чтобы овладѣть этой «крѣпкой позиціей — пожертвуютъ лучшими солдатами и возмрутъ лишь (р. 530) нѣсколько сотъ солдатъ; что награда за битву была въ Москвѣ. Бессьеръ прибавилъ, что должно сохранять гвардію, какъ послѣдній резервъ арміи, и что она отвѣчаетъ «Франціи за Императора» и пр.

«Всѣ убѣждали Наполеона не оставаться подъ ружейнымъ огнемъ непріятеля; онъ усиливается подвинуться далѣе впередъ, чтобы лучше обозрѣть мѣстность. Онъ настаиваетъ, когда одинъ Генералъ, или Штабъ-Офицеръ перваго корпуса, утраченный очевидной опасностью, которая угрожаетъ Императору, взялъ его за руку, сказавъ: «Здѣсь не Ваше мѣсто: непріятель замѣтилъ кучку и направляетъ свои орудія въ эту сторону.» Наполеонъ «позволилъ себя отвести, и скоро послѣ все это мѣсто было «изборозжено картечью.» ¹¹ Слово въ слово рассказываетъ это и Мортонваль (р. 278). То же свидѣтельствуется въ «*Milit. Briefe*» (t. I, S. 418). Объ этомъ эпизодѣ пишетъ и Цельнеръ (S. 85), присовокупляя, что Бессьеръ сказалъ еще Наполеону, что Русскіе стоятъ твердо. Послѣ сего авторъ присовокупляетъ: «и Наполе-

¹⁰ Значитъ, что на этомъ и остановились, ибо Горки не были взяты. Ф. Н. Глинка приводитъ въ этомъ случаѣ подлинныя слова Наполеона: «Гдѣ жъ наши выгоды? — говорятъ Наполеонъ.» «Я вижу побѣду, но не вижу выгоды.» Всѣ провожавшіе Императора возстали противъ атаки.» Откуда это почерпнулъ авторъ, то не показалъ; впрочемъ, въ этомъ смыслѣ Наполеонъ выражался не разъ.

¹¹ Замѣчательно, что точно также Михайловскій-Данилевскій, на этомъ же пунктѣ, заставляетъ Адъютантовъ Кутузова сдѣлать то же, съ тою только разницею, что безмолвнаго Наполеона уводитъ Штабъ-Офицеръ за руку, а Кутузова за поводья его лошади. Какъ авторитеты, Гг. Пеле и Мортонваль не заслуживаютъ довѣрія, но, сознаюсь, что эпизодъ знаменателенъ: не уже ли Наполеонъ въ эту минуту былъ слабъ до такой степени, чтобы допустилъ совершить съ нимъ вышесказанное?! Что касается до сказки о Кутузовѣ, то я говорилъ уже объ этомъ печатно въ 1858 году.

«онъ, возвращаясь съ поля битвы, вечеромъ, ѣхалъ тихо къ Шевардинскому редуту, гдѣ онъ провелъ весь день.»

Рёдеръ (S. 149) подтверждаетъ рассказъ Генерала Пеле, что Наполеонъ, въ три часа, получивъ извѣстіе о взятіи центральной нашей батареи, поѣхалъ на нее.

Графъ же Дюма, въ «Воспоминаніяхъ» своихъ (t. III, p. 438), говоритъ: «Императоръ сѣлъ на лошадь около половины седьмого часа вечера, и направился прямо къ Центральной батарее, проѣзжая по заваленному трупами полю битвы отъ берега Колочи до оконечности праваго крыла.» Дюма нѣкоторое время сопровождалъ его.

Здѣсь встрѣчается разнорѣчіе съ другими, какъ о времени его отъѣзда изъ Шевардина, такъ и о направленіи. Одни, какъ видно было выше, говорятъ, что онъ выѣхалъ въ три часа, т. е., тотчасъ по полученіи извѣстія о взятіи центральной батареи, и направился прежде въ Семеновское, а оттуда уже на центральную батарею; между тѣмъ Графъ Дюма говоритъ, что онъ выѣхалъ тремя съ половиною часами позже и направился прямо на центральную батарею. ¹²

Генераль Сарразенъ, рассуждая о битвѣ (p. 144), присовокупляетъ: «Владѣя въ 10 часовъ утра укрѣпленнымъ лагеремъ (Семеновскимъ), защищавшимся Русскими, онъ, въ радости, позабылъ свое великое правило, что ничего не сдѣлано до тѣхъ поръ, пока еще есть что дѣлать.»

Не продолжаю выписокъ объ этомъ предметѣ: сказанное достаточно уже указываетъ, что Наполеонъ въ этотъ ужасный день былъ не въ своемъ нормальномъ состояніи духа. Нерѣшительность, колебаніе во всѣхъ его дѣйствіяхъ, равнодушіе поочередно замѣнялись одно другимъ: онъ пьетъ пуншъ, напѣваетъ аріи, дѣлаетъ тѣлодвиженія, внутреннее волненіе доказывается и тѣмъ также, что онъ безпрерывно, то сядетъ, то встанетъ, чтобы опять

¹² А. Норвенъ, неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ, пишетъ (t. III, p. 309), что, въ самый разгаръ битвы у Семеновскаго, Наполеонъ былъ тутъ, османный картечью, и т. д.

сдѣлать нѣсколько шаговъ и вновь сѣсть. Разныя выраженія, какъ предъ битвой, такъ и въ продолженіе ея, ясно доказываютъ, что онъ приступалъ къ ней не съ тою твердою увѣренностью и сохраненіемъ присутствія духа, съ величавымъ спокойствіемъ, которыя руководили имъ во всѣхъ предшествовавшихъ битвахъ, имъ данныхъ. Нѣкоторые лица, какъ видно было выше, заслуживающія полного довѣрія, свидѣтельствуютъ, что онъ, не смотря на главную основную мысль свою—дать генеральное сраженіе, и тѣмъ порѣшить войну, когда битва эта ему представилась, онъ едва ли не желалъ обойтись безъ нея, а по тому и приступилъ къ ней нерѣшительно. Само собою разумѣется, что всѣ условія успѣха были бы на его сторонѣ, если бы битва эта произошла въ Литвѣ, когда численность его арміи была, по крайней мѣрѣ, втрое противъ арміи Барклая де Толли. Но этотъ истинный Фабій провѣрилъ это обстоятельство еще до открытія военныхъ дѣйствій, и армія наша сразилась съ Наполеономъ только тогда, когда захотѣла того, когда могла приступитъ къ ней, не подвергаясь быть подавленной численностью. Неудача политическихъ соображеній Наполеона, обманутыя надежды на характеръ великаго вѣнценоснаго противника своего, и духъ народа, достойнаго своего Монарха, положеніе его арміи, съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе приходящей въ разстройство отъ всевозможныхъ лишеній, а главное встрѣчи съ Русскими въ Островнѣ, въ Красномъ, въ Ипковѣ, въ Смоленскѣ, въ Лубинѣ, во многихъ арріергардныхъ дѣлахъ, изъ коихъ нѣкоторые, по числу павшихъ, равнялись генеральнымъ сраженіямъ, а равно получаемыя имъ извѣстія о битвахъ Багратиона и съ другихъ пунктовъ, все это указывало ему, что борьба съ Русскими въ генеральной битвѣ будетъ кровопролитнѣе и упорнѣе всѣхъ, до того времени имъ данныхъ, и при условіяхъ, вовсе не одинаковыхъ. Такое положеніе дѣлъ, естественно, не могло остаться безъ сильнаго впечатлѣнія на всѣ его способности ума, прозрѣвавшаго будущность въ неполномъ успѣхѣ предпринимаемой имъ битвы.

Теперь замѣчу нѣкоторые эпизоды изъ этой достославной битвы, чтобы приступитъ къ главному опредѣленію, на основаніи мноземныхъ писателей, кому принадлежитъ честь этого дня?

ГЛАВА II.

ЭПИЗОДЫ БИТВЫ.

Главное побоище въ этотъ достопамятный день совершилось между Горками и Семеновскимъ. На этомъ пространствѣ была и центральная батарея. Вотъ нѣкоторые, совершившіеся здѣсь, эпизоды, взятые исключительно изъ нововмныхъ писателей, свидѣтельствующихъ о мужествѣ Русскихъ и усилии Французовъ.

Буржуа, участникъ въ битвѣ, послѣ описанія ужаснаго огня артиллеріи у Семеновскаго, присовокупляетъ (р. 45): «Однако же Русскія массы построились опять подѣ нашимъ огнемъ и двинулись впередъ, чтобы возвратить ретраншаменты.»

Подѣ огнемъ болѣе трехъ сотъ орудій!

Генералъ Пеле (р. 132) говоритъ: «Характеръ битвы былъ наступательный съ нашей (Французской) стороны: мы не преставали нападать, чтобы овладѣть укрѣпленіями Русскихъ, а теперь они атакуютъ, чтобы взять укрѣпленія обратно.»

Сарразенъ, по этому случаю (р. 130), пишетъ: «Русскій полководецъ успѣлъ чрезвычайно ослабить нашу первую линію. Онъ началъ новую битву. Наше лѣвое крыло было опрокинуто въ оврагъ и отброшено на Бородино; нашъ центръ тотчасъ былъ атакованъ и принужденъ къ отступленію. Большія подкрѣпленія, посланныя Наполеономъ, остановили успѣхъ Русскихъ, колонны коихъ остановились, какъ металлическая стѣна.»

Въ «Mém. par un offic. d'état Major.» (t. I, p. 185), сказано: «Если бы Русскіе, усиленіями своими, успѣли опять овладѣть Семе-

«повскими укрѣпленіями, то битва бы осталась не рѣшевною до другого дня.»

Но, вѣдь, она рѣшена, Французы атаквали нашу позицію и не сбили насъ, заставивъ только нашу лѣвую флангъ загнуться назадъ, не потерявъ связи съ арміею, и мы сдѣлали то же съ его лѣвымъ флангомъ, что напугало Наполеона болѣе, нежели успѣхъ на нашей лѣвомъ крыло напугалъ насъ.

Пеле (р. 134) продолжаетъ: «Артиллерія обѣихъ армій сгущена была на пространствѣ очень тѣсномъ. Ужасающій громъ ея потрясалъ, кажется, землю. Ратоборды-офицеры и солдаты «выказываютъ храбрость и преданность удивительную. Они показываютъ себя достойными одинъ другаго, заслуживаютъ похвалы своихъ противниковъ.» Далѣе (р. 136) говоритъ: «Лѣвое крыло Русской арміи, принужденное оставить поле битвы,¹³ отодвигалось съ большою правильностію; поражаемые части соединялись въ нѣсколькихъ шагахъ и живо оспаривали оставляемое пространство.» Сказавъ потомъ, что на востокъ отъ Семеновскаго сформировалась новая Русская линія, и что наша центральная батарея наносила много вреда Французамъ,¹⁴ продолжаетъ: «По мѣрѣ того, что войско Багратіона получало подкрѣпленія, оно, потрунамъ павшихъ, съ большою рѣшимостью шло впередъ, чтобы вновь овладѣть потерянными мѣстами. Мы видимъ Русскія массы маневрирующими, по командѣ своихъ Офицеровъ, какъ подвижныя редуты, вооруженныя желѣзомъ, и изрыгающими огонь. Среди открытой мѣстности — картечь нашей артиллеріи, атаки нашей конницы и пѣхоты, наносятъ имъ несмѣтныя потери. Но до тѣхъ поръ, пока у нихъ оставалось нѣсколько силъ, эти храбрые солдаты возобновляли атаки.»

«Лабомъ, участникъ въ сраженіи (р. 148), говоритъ: «Когда Кутузовъ предпринялъ отнять взятые укрѣпленія (Семеновскія),

¹³ Авторъ говоритъ, что въ это время лѣвое крыло отступило на тысячу тузовъ. Но этого не было: не было даже и половины такого пространства, что можно заключить изъ самаго его описанія.

¹⁴ Здѣсь нельзя не замѣтить, что если бы послѣдовали совѣту Беннгсена по

«триста Французскихъ орудій, поставленныхъ на высотахъ, гремилъ эти массы Русскихъ войскъ» и пр.

Въ «Жартинѣ войнѣ» (р. 9), говорится о сѣмъ слѣдующее (р. 430): «Столкновеніе было ужасное; войска сшибиваются взаимно, Русская пѣхота выдерживаетъ картечь въ упоръ. Отъ лѣса (при Утицѣ) до центральной батареи скрещиваютъ штыки и семьсотъ пушекъ открываютъ въ этихъ сгущенныхъ рядахъ ужащающія борозды. Ней одолеваетъ лѣвое крыло, оно отходитъ за оврагъ, чтобы вновь сформироваться.»

Раппъ, описывая этотъ моментъ (р. 117), говоритъ: «Я не видалъ еще подобнаго побоища.»

Въ другомъ сочиненіи: «Beautés victoires etc.» (т. II, р. 239), сказано, что, послѣ вторичнаго отступленія Русскихъ отъ Семеновскаго, «Кутузовъ, подвинувъ резервъ, скоро возстановилъ битву въ свою пользу, такъ, что былъ одинъ моментъ, когда центръ Французской арміи казался близкимъ быть прорваннымъ. Генералъ Фрианъ послѣшилъ съ осьмидесятью орудіями и остановилъ Русскія колонны. Не имѣя возможности ити впередъ и предпочитая смерть стыду, они оставались два часа сомкнутыми подъ нашею картечью.»

Жюми (т. II, р. 226), говоритъ: «Восемьсотъ пушекъ изрыгаютъ смерть на пространствѣ полу льѣ (двѣ версты). Никогда зрѣлище не было въ одно и то же время такъ величественно и такъ ужасно. Всѣ дѣятели этой великой сцены единогласно провозгласили ее битвой гигантовъ.»

Шапюи (р. 567), между прочимъ, замѣчаетъ то же, что «Семеновскаго семьсотъ пушекъ, собранныхъ на пространствѣ менѣе тысячи метровъ, изрыгаютъ безостановочно огненный дождь на защищающихся и на нападающихъ.»

Биньйонъ (р. 39), описывая борьбу на этомъ пунктѣ, присовокупляетъ: «Съ обѣихъ сторонъ убиваютъ другъ друга не пере-

ставить на этомъ мѣстѣ предлагавшееся имъ укрѣпленіе, то, конечно, результатъ битвы былъ бы иной. Объ этомъ я уже говорилъ печатно.

«ишла мѣста. Три раза Русскіе возобновляютъ свои линіи: должно «давать третью битву на томъ же пространствѣ.»

Баронъ Фомъ, свидѣтель битвы (т. II, р. 33), пишетъ то же: «Два часа въ Семеновскомъ убиваютъ другъ друга, не перемежая мѣста.»¹⁵

Графъ Сегюръ, очевидецъ, описавъ (т. I, р. 389), какъ Русскія массы, въ продолженіе двухъ часовъ, выдерживаютъ картечь, присовокупляетъ (р. 399): «Русскіе не престають набивать около «Семеновскаго, и если бы, по словамъ Нюя и Мюрата, было при- «славо нѣтъ десять тысячъ пѣхоты, побѣда была бы рѣшительная, «но, доведенные до одной только своей конницы, они считали себя «счастливыми, что удержали поле битвы.»¹⁶

Комъ, участникъ въ битвѣ (р. 81), говоритъ: «Она была, «въ самомъ большомъ разгарѣ, и ничто не предвѣщало побѣды.»

Графъ Дюма (т. III, р. 437), свидѣтельствуемъ, что, «въ пылу «сраженія, окружающіе Наполеона разсуждали между собой впол- «голоса о положеніи и о правдоподобномъ исходѣ битвы.»

¹⁵ Незыбтливый имя авторъ войны, участникъ въ Бородинской битвѣ, О. Н. Глинка (въ превосходныхъ «Фчеркахъ Бородинскаго сраженія, стр. 33), приводитъ подлинный разсказъ стараго солдата объ этомъ моментѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Мы сошлись и стали колоться. Колемя часъ, колемя «два—устали, руки опустились! И мы, и Французы, другъ друга не трогаемъ, «ходимъ какъ бараны! Которая ни будь сторона отдохнетъ — и ну опять ко- «лоться. Колемя, колемя, колемя! Часа, почтай, три на одномъ мѣстѣ «колезась.»

¹⁶ Тотъ же О. Н. Глинка замѣчаетъ, что здѣсь воевали шесть Михайловъ, разумеется, изъ главныхъ начальниковъ. Со стороны Французовъ первое мѣсто въ Бородинской битвѣ занимаетъ Михайлъ Ней, у насъ Михайлъ Даріоновичъ Кутузовъ, Михайлъ Богдановичъ Бардай, Михайлъ Андреевичъ Мидорядовичъ, Михайлъ Семеновичъ Воронцовъ, Михайлъ Михайловичъ Бородинъ.—Федоръ Николаевичъ могъ бы, въ строгомъ смыслѣ, присовокупить здѣсь и Петра Михайловича Капцевича, командовавшаго 6-мъ корпусомъ и съ центральной батареей громившаго Михаила Ней Далѣ, въ примѣчаніи, стр. 1, О. Н. дѣлаетъ выписку изъ изреченій XVII главы Исая: «Въ тѣ дни возстанетъ князь Михайлъ и ошолчитъ за людей своихъ.» Это ав- торъ относитъ къ Князю Кутузову.

Шамбре (т. II, р. 67), также участникъ въ битвѣ, пишетъ: «Успѣхи Французовъ въ этой части позиціи ограничились занятіемъ «редантовъ и деревни Семеновской. Упорство обороны соответствовало стремительности атаки, и съ обѣихъ сторонъ сражались съ рѣдкимъ мужествомъ».

По овладѣніи Семеновской позиціей, Галлуа, въ «Исторіи Мюрата» (р. 216), говоритъ: «Французы находились еще въ безпорядкѣ отъ побѣды: они видятъ себя тѣсными, удивляются и отступаютъ. Мюратъ забываетъ самаго себя, и, чтобы собрать своихъ, нашелся окруженнымъ и угрожаемымъ попасться въ плѣнъ; съ него не остается другаго средства, какъ броситься въ ряды, «жоторый былъ набитъ оробѣвшими солдатами. Въ третій разъ (р. 217) конница его отирываетъ путь къ побѣдѣ, но она была «истощена усталостью. Мюратъ, Ней и Даву принуждены остановиться. Кутузовъ пользуется этимъ неожиданнымъ случаемъ, призываетъ весь свой резервъ до самой гвардіи на свой лѣвый флангъ. «Багратионъ возстановляетъ свою линію, и вскорѣ еѣ огонь опустошаетъ ряды Французовъ.» Его атака стремительна; пѣхота, артиллерія, конница усиливаются въ одно время сбить Французовъ; Ней и Мюратъ ожесточаются противъ бури; дѣло идетъ уже «не о томъ, чтобы воспользоваться побѣдой, но только о сохраненіи первыхъ успѣховъ. Къ частію, резервная артиллерія подошла съ восьмидесятью орудіями, «расположилась по гребню и «громила Русскихъ. Кавалерія первая потерпѣла отъ этой металлической стѣны, на которую она наступала густыми массами, въ «коняхъ наши ядра производили широкія и глубокія борозды, однако же она все приближалась; тогда Французскія багарен удвоили «огонь картечью и произвели въ ней опустошеніе. И наконецъ, «колонны останавливаются, не смѣя болѣе подаваться впередъ, но «не хотятъ и отступать, и этѣ упорствующія массы позволяютъ «себя истреблять въ продолженіе двухъ часовъ. Французы устаютъ «отъ медленности дѣйствій артиллеріею, Ней, Даву, Мюратъ бросаются на Русскихъ, половина ихъ линіи опрокинута; тогда бой «перестаетъ на равнинѣ и сосредоточивается на остальныхъ вы-

¹¹ Тьеръ (р. 386) говоритъ, что «Ней заставлялъ свои колонны ложиться, оставаясь самъ на ногахъ.»

«согнать Русскихъ, которыхъ Барклай уморно защищаетъ противъ Вице-Короля».

Шамбре, описавъ вторичное отступленіе Русскихъ отъ Семеновскаго, рассказываетъ помннутый эпизодъ слѣдующимъ образомъ (т. II, р. 72): «Но не обнаруживалось ни какаго безпорядка въ арміи Русскихъ; участь битвы была еще сомнительна. Кутузовъ рѣшился на нападеніе. Французы поставили батареи (р. 73). Наполеонъ, извѣщенный объ опасности, угрожающей его центру, подвигаетъ гвардейскую пѣхоту, чтобы она была въ возможности, въ случаѣ нужды, подкрѣпить. Однако же Русскіе шли впередъ, медленно, поражаемые самымъ сильнымъ огнемъ артиллеріи, какаго, можетъ быть, ни одно войско не испытывало. Ихъ конница атаковала нѣсколько разъ батареи и нѣкоторыми даже овладѣла. Но, прикрывавшая ихъ, Французская конница возвратила батареи. Наконецъ эта масса грозной пѣхоты, претерпѣвая несмысленныя потери, утѣрила свое движеніе, потому остановилась. Это опасное для Французовъ предпріятіе, такъ хорошо обдуманное, не удалось отъ медленности».

Сентъ-Илеръ (т. III, р. 68, 69) говоритъ: «Вновь подвезенныя восемьдесятъ пушекъ открыли огонь. За ядрами слѣдуетъ картечь. Подавляемые этимъ желѣзнымъ ураганомъ, Русскіе ищутъ перестроиться; смертоносный дождь удваивается: они останавливаются, не смѣя идти впередъ и не хотѣя сдѣлать шагу назадъ. Сорокъ тысячъ здѣсь оставляютъ грохнуть себя въ продолженіе двухъ часовъ. Это было ужасное побоище, безконечная бойня!»

Пювибюскъ (р. 88) пишетъ о Русскомъ резервѣ и гвардіи въ этотъ моментъ: «Этѣ колонны были остановлены нашею артиллеріей и оставались болѣе полутора часа неподвижными подъ нашей картечью, не потерявъ ни пяди пространства».

Вильсонъ (р. 49) приводитъ слова Наполеона: «Баталіоны склоняются подъ его огонь, но не хотѣтъ отступить, и не могутъ, однако же, оставаться». Но, однако же, не ушли, а оставались.

Лавале (т. IV, р. 543) пишетъ: «Непріятельскія массы въ третій разъ бросились на Семеновское; столкновение было ужас-

«ное: все сѣвшилось, сѣвшилось и, среди грома осаждаютъ орудій, люди душатъ другъ друга». ¹⁸

Генералъ Сарразенъ, описывая завладѣніе въ первый разъ Семеновскимъ (р. 130), присовокупляетъ: «Первый успѣхъ стоить столько крови, что Наполеонъ не смѣлъ и думать пользоваться «своею побѣдой, чтобы атаковать Кутузова, находившагося на разстояніи только пушечнаго выстрѣла, со всею своею арміею, построенной колонно въ массу».

Керъ-Портеръ (р. 153), описывая отбитіе нами Семеновскаго, присовокупляетъ: «Эта ужасная сцена была непродолжительна: Французы отступили, и Бонапарте нѣмъ горестъ видѣть «свои лучшія войска потерявшими пространство, которымъ они «только что овладѣли».

Говоря о битвѣ на этомъ мѣстѣ (р. 154), присовокупляетъ: «Невозможно описать ожесточенія битвы, происходившей въ это время (когда мы отбивали). На громъ тысячи пушекъ Русскіе «отвѣчали такимъ же числомъ». ¹⁹ Тучи дыма скрывали солнце отъ

¹⁸ Въ рапортѣ Фриана (*Journal des sciences milit.*, etc. 1826, t. V, p. 157) описывается, какъ при Утицѣ Русскій гренадеръ и Польскій солдатъ, оба раненые, подползли одинъ къ другому и, схвативши другъ друга за поясы, такъ умерли. Фрианъ присовокупляетъ, что, увидя это, Понитовскій, обратилъ вниманіе Маршала Даву, присовокупить: «Вотъ примѣръ неугасимой антагонистин между двумя народами!» Оставляя въ сторонѣ народную непріязнь, определенную Понитовскимъ, въ Бородинской битвѣ ожесточеніе Русскихъ видѣно однихъ Французовъ. Подобныхъ сценъ рассказывали много. Такъ, я, въ тотъ же день, слышалъ отъ очевидцевъ, что одинъ нашъ барабанщикъ, едва живой, подползъ къ раненому Французу, на центральной батарее, и, вынувъ изъ перевязи барабанную палку, толстымъ концемъ билъ Француза по головѣ. Здѣсь не было съ Генераломъ Бонами Полякомъ, слѣдственно и международныхъ отношеній. Мы видѣли только врага, не различая въ битвѣ національностей. И если Понитовскій видѣлъ сцену, описываемую Фрианомъ, между Русскимъ и Полякомъ, то это одна случайность: ибо Русскій гренадеръ подползъ бы точно также къ солдату старой гвардіи Наполеона, и къ каждому изъ составляющихъ его армію. Ожесточеніе Русскихъ въ этой битвѣ, даже между ранеными, описывается, какъ увидимъ далѣе, многими, и въ числѣ ихъ Генераломъ Графомъ Солтыкомъ. Впрочемъ, результатъ самой битвы, почти безъ дальнѣйшаго, лучше всего объясняетъ это.

¹⁹ Число орудій преувеличено: въ обѣихъ арміяхъ было около тысячи двухсотъ пушекъ.

«сражавшихся и не оставили имъ для продолженія своихъ убійственныхъ дѣйствій другаго свѣта, кромѣ выходящаго изъ ихъ ружей, стрѣлявшихъ по всѣмъ направленіямъ. Сабли сорока тысячъ драгунъ скрепяются и звучатъ среди этого ужаснаго мрака, между тѣмъ какъ оконечности безчисленныхъ штыковъ блистали со всѣхъ сторонъ и покрывали землю грудами убитыхъ».

Участникъ въ битвѣ, Французъ, въ сочиненіи своемъ²⁰ (р. 21) говоритъ: «Видѣли Русскія карре, которыхъ конница не могла почать, и чтобы успѣть въ этомъ, были въ необходимости, посредствомъ картечи, широко открывать ряды, въ промежутокъ которыхъ кирасиры производили свои атаки».

Въ «Картинахъ войнъ» (р. 429) читаемъ: «Между тѣмъ уже четыре часа какъ продолжается бой, но поле битвы еще не было открыто. Русскіе уступили мѣсто (на лѣвомъ флангѣ), но не въ безпорядкѣ, и видны были: ихъ центръ, резервы подвигающимися влѣво на сѣвн, а на ихъ мѣсто становились другіе. По отбитіи Русскими центральной батареи, которой овладѣлъ было Генералъ Бонам, сказано: «Такимъ образомъ, на всемъ пространствѣ успѣхъ былъ нерѣшителенъ, и Кутузовъ готовился къ атакѣ».

Въ сочиненіи: «Moscou av. et apr. l'incendie» (р. 14) сказано, что «Кутузовъ выдержалъ атаку съ большою неустрашимостью, и побѣда долго была нерѣшенною. Наполеонъ долженъ былъ пожертвовать частью своей конницы, чтобы овладѣть Русскими позиціями, которыя переходили изъ рукъ въ руки. Положеніе Французовъ было таково, что имъ должно было побѣдить, или умереть». Тиссо (t. II, р. 722) говоритъ то же, что «Французы были увѣрены въ успѣхъ битвы, по тому что имъ неотменно должно было побѣдить, или умереть, и эта мысль воспламенила ихъ храбрость».

Баронъ Денъе (р. 77) говоритъ: «Оборона непріятеля упорна, но въ центрѣ онъ оказываетъ наиболѣе энергіи; роковой ре-дуть (центральный) опустошаетъ (décime) наши ряды; онъ взятъ

²⁰ «Détails abrégés, sur la campagne de Moscou, en 1812 etc., par un Français etc. Paris, 1841, in 12,

«и отбить, и опять оспаривается». Приказываютъ Коленкуру и пѣхотѣ взять оный (р. 79) (дальше восклицаетъ): «Должно побѣдить, или умереть; нѣтъ болѣе воспоминаній, скоро не будетъ и отечества. Ночи! Занедала ночь! Прийди сокрыть столько ужасовъ; «невозможеніе, останови убійства!»

Лабомъ (р. 154) пишетъ, что, когда во второй разъ овладѣли центральной батареей, «Русскіе, защищавшіе ее, предпочитали «смерть пѣвну». То же находимъ въ другомъ сочиненіи (*Beautés vict.*, р. 241): «Всѣ Русскіе солдаты предпочитали быть убитыми «на своихъ мѣстахъ».

Генераль Пеле, также участникъ въ битвѣ, говоря объ этой батарее (р. 138), присовокупляетъ: «Русскіе умираютъ на своихъ «пушкахъ».

Умалчиваю объ этомъ окончательномъ овладѣніи центральною батареей: тѣ же подвиги Русскихъ, та же справедливость, отдаваемая имъ неприятелемъ. Но нельзя умолчать здѣсь о засвѣдѣльствованіи, также участника въ битвѣ, Винтуриня, тѣмъ болѣе засвѣдѣтельствованіе его замѣчательно, что онъ не Французъ, а Нѣмецъ. Вотъ его слова, приведенныя Ѡ. Н. Глинкою: «Русскіе артиллеристы были примѣрно вѣрны своему долгу. Брали редуты, «ложились на пушки и не отдавали ихъ безъ себя. Часто, лишась одной руки, канониръ отмахивался другою. У подножья «редантовъ лежали Русскіе, Нѣмцы и Французы; истекая кровью, «они еще язвили другъ друга тѣмъ кому было можно. Иные, какъ «говорятъ, грызлись зубами».

Тиссо, въ сочиненіи, писанномъ обществомъ Офицеровъ, представляетъ эпизодъ при Семѣновской и присовокупляетъ (т. II. р. 724): «Три линіи Французскихъ батарей громятъ Русскихъ... «Наконецъ, послѣ четырехчасовой битвы, упорной и кровопролитной, Русскіе были сбиты и два редута ихъ взяты». И такъ, кажется, конечно, Русскіе были *enfoncés* и пр.; но нѣтъ: здѣсь авторъ пошутилъ, и въ слѣдъ за симъ (р. 725) присовокупляетъ: «Однако же битва возобновляется съ новымъ ожесточеніемъ. Слѣдшія войска идутъ на встрѣчу Русскихъ колоннъ, которыя, бывъ «остановлены дивизіею Фріана и осыпавы картечью осмидесяти

«пушекъ, остаются неподвижными: не смѣя²¹ ити впередъ, но и не хотая отступать».

Изъ «Записокъ Вице-Короля» (t. VII, p. 5) видно, что онъ долженъ былъ ити изъ Бородина на Горки; но большія силы Русскихъ занимали это мѣсто. Пунктъ этотъ былъ страшенъ неприятелю.

Генералъ Водонкуръ (въ «Исторіи Вице-короля Итальянскаго», t. II, p. 100) подтверждаетъ это. Онъ говоритъ, что «по диспозиціи, Вице-Король долженъ былъ атаковать Горки и центральную батарею. Въ шесть часовъ утра (p. 101), онъ захватилъ Бородино, перешелъ Колочу, но былъ принужденъ опять перейти назадъ, встрѣтивъ здѣсь сильное сопротивленіе, а по тому и не принялъ атаки».

Значитъ, не только что онъ не смѣлъ покуситься на эту атаку, но нашъ правый флангъ атаковалъ еще его лѣвый конницею Уварова и Платова, которая, по сознанию самихъ Французовъ (Пеле, Шанюи и др.), если бы не была отозвана и дѣйствовала рѣшительнѣе, то поставила бы армію Наполеона въ самое критическое положеніе.

Жомини (t. II, p. 227) говоритъ, что въ три часа Французы овладѣли центральной батареей и Семеновскими флешами: «однако же Русскіе, перестроивавшіеся за двумя оврагами, представляли еще упорное сопротивленіе. Обѣ стороны, присо-вокупляетъ онъ, утомленные убійствомъ, перестрѣливались изъ орудій, не атакуя другъ друга.»

Лабомъ (p. 158) пишетъ: «Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ Французы оставались въ этомъ бездѣйствіи, увѣренные, что Кутузовъ отступаетъ; одна артиллерія изрыгала на всѣхъ пунктахъ пламя и смерть.... Болѣе десяти часовъ выдерживали неприятельскія атаки; ²² битва еще не кончена; не было дивизій, которая не оплакивала бы своихъ начальниковъ.»

²¹ «N'osant pas avancer», выраженіе, часто употребляемое Французами, очень не кстати къ рассказываемому ими же самими.

²² Изъ сего видно, что наши нападали, и что при концѣ дѣла не было еще рѣшено.

Фенъ (t. II, p. 37) говоритъ: «Еще только четыре часа, еще одно усиліе, и Наполеонъ могъ бы превратить пораженіе въ бѣгство.²³ Но начальники говорятъ объ усталости; войска утомлены; надобно бы было употребить гвардію.. Императоръ на-шелъ не нужнымъ приобрѣсть послѣдній успѣхъ за такую цѣну.»

Бисмаркъ (p. 149) пишетъ, что Наполеонъ сказалъ наставшимъ у него на счетъ введенія гвардіи въ дѣло: «Я долженъ беречь мой резервъ;²⁴ на нынѣшній день побѣда обезпечена; Русскіе не оставятъ намъ Москвы, не испытавъ еще битвы.»

Норвенъ, какъ говоритъ въ предисловіи къ «Исторіи Наполеона», собравшій всѣ свѣдѣнія о Наполеонѣ, съ перваго его времени, замѣчательенъ наборомъ словъ и расточительностію фразъ, при описаніи этого эпизода. Разказавъ о кровопролитной сѣчѣ при Семеновскомъ (t. III, p. 310), присовокупляетъ: «Остатки арміи Кутузова останавливаются на Псаревскомъ оврагѣ и, не знаю для чего, остаются тутъ подъ огнемъ нашихъ батарей» и пр. Замѣчательно, что онъ не знаетъ для чего? Ему хотѣлось бы, чтобы мы не останавливались на второй позиціи, а ушли, не сражаясь болѣе. «Отъ насъ зависѣло (присовокупляетъ этотъ знаменитый исторіографъ многихъ изданій) истребить Русскихъ, но для этого нужно было ввести въ дѣло гвардію, почавъ этотъ корпусъ, еще не тронутый, и который могъ спасти армію отъ опасности, или обезпечить побѣду въ другомъ сраженіи. Предусмотрительность, такъ торжественно доказанная въ послѣдней половинѣ кампаніи, не допустила Наполеона нанести Кутузову второй ударъ.» Но чѣмъ же эта предусмотрительность такъ торжественно оправдалась? Гвардія не принимала ни какаго участія въ битвахъ въ продолженіе всей этой войны, исключая молодой гвардіи, въ первые два дня послѣ Бородина, въ авангардѣ, гдѣ дѣйствіе ея, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, было безуспѣшно, и наконецъ подъ Краснымъ, противъ слабаго отряда Графа Ож-

²³ Господишь Императорскій Секретарь очень легко произнесъ свое заключеніе. Въ Бородинѣ, какъ и вездѣ, Русскіе показали, что ихъ не такъ легко обращать въ бѣгство.

²⁴ Въ книгѣ: «Maximes de Napoleon etc.» читаемъ противное. См. гл. III.

ровскаго, чтобы открыть путь Наполеону къ Оришѣ, куда онъ и поспѣшилъ. Такъ Французскіе историки фразами своими убаюкиваютъ читателей. Очистивъ рассказы отъ фразъ, выйдетъ, что Русскій лѣвый флангъ отступилъ на вторую позицію, къ которой Французы не рѣшались приближаться. Послѣ же всѣхъ восторженныхъ фразъ, сказанныхъ о мнимомъ разгромленіи Русскихъ, наконецъ, когда пришлось сводить счетъ, Г. Норвенъ называетъ эту битву (р. 340) «гор peu décisive».

Генераль Сарразенъ, рассуждая объ успѣхахъ Неаполитанскаго Короля противъ лѣваго фланга Русскихъ, и какъ бы оправдывая Кутузова на счетъ его отступленія (р. 145), присовокупляетъ: «И дѣйствительно, мы видимъ, что Кутузовъ предупреждаетъ своего Государя, что онъ найдетъ въ необходимости оставить свою позицію, если Наполеонъ направится по Московской (старой) дорогѣ, обходя его позицію... Кутузовъ показываетъ Наполеону то, чтобы онъ долженъ былъ сдѣлать. Кутузовъ подаетъ назадъ свой лѣвый флангъ и центръ (т. е., лѣвый флангъ центра), и съ отборнымъ своимъ войскомъ принуждаетъ Вице-Короля отступить къ своему центру — движеніе, исполненное съ поспѣшностію. Временно побѣдитель лѣваго крыла Французовъ, Кутузовъ идетъ противъ нашего центра и заставляетъ его отступить и пр. Такимъ образомъ Наполеонъ, выгнанный изъ правыхъ редутовъ и центра Русскихъ, находится атакованнымъ этѣмъ же самымъ Кутузовымъ.»

Я не имѣю намѣренія и не признаю въ себѣ достаточно силъ, чтобы представить полную картину Бородинской битвы; нѣсколько эпизодовъ, здѣсь приведенныхъ, имѣли главной цѣлью показать упорное и непоколебимое мужество нашихъ войскъ, отважно вступившихъ въ борьбу съ закаленными въ двадцатилѣтнихъ побѣдоносныхъ бояхъ воинами, подъ предводительствомъ непобѣдимаго до того времени полководца-Государя. Твердость и неустрашимость нашихъ войскъ изумила непріятелей; артиллерія, избранная Наполеономъ главнымъ орудіемъ въ этой исполинской битвѣ, не могла поколебать извѣстной стойкости нашего солдата; громимый, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, онъ внималъ голосу начальниковъ точно также, какъ бы дѣлалъ это въ мирныхъ воинскихъ

упражненіяхъ. Онъ истощилъ своимъ самоотверженіемъ силы и снаряды непріятелей, которые должны были прекратить первые ужасающій огонь сосредоточенныхъ ими батарей въ нѣсколько сотъ орудій, израсходовавъ изумительное количество снарядовъ, какъ это будетъ показано въ III главѣ этого Отдѣленія.

Г Л А В А III.

ОКОНЧАНИЕ БИТВЫ И ПОЛОЖЕНИЕ АРМІЙ НОЧЬЮ.

По взятіи центральной батареи и послѣ атакъ конницы, на пространствѣ около этой батареи, Генералъ Пеле (р. 529), говоритъ: «Милорадовичъ, начальствовавшій корпусами Остермана и Корфа, собравъ остатки корпусовъ Бороздина, Раевского и Дохтурова, построилъ послѣднюю линію, которую Русскіе могли противопоставить. Линія эта была болѣе грозною своимъ положеніемъ, чѣмъ числительною своею силой.» За симъ описываетъ свое положеніе и ужасный огонь, ею производимый.

Сегюръ (т. I, р. 401) говоритъ, что, когда Бельяръ пріѣхалъ въ третій разъ, Наполеонъ сѣлъ на лошадь и медленно поѣхалъ на Семеновскія высоты. «Онъ нашелъ поле битвы не вполне пріобрѣтеннымъ и еще оспариваемымъ ядрами и пулями «Русскихъ»; они остановились и начали окапываться на новой «позиціи.»

Изъ этого видно, что не только нашъ центръ и безспорно правый флангъ оставались твердо на мѣстѣ, но и лѣвый флангъ, отступивъ на вторую позицію, началъ окапываться и оспаривалъ потерянное мѣсто, не только ядрами, но и пулями; линія эта была грозна «по засвѣдѣтельству Пеле,» и Наполеонъ нашелъ, что поле битвы не вполне пріобрѣтено и еще оспариваемо; слѣдовательно, слово «побѣда» здѣсь неумѣстно.

Баронъ Фенъ описываетъ отступление нашего лѣваго фланга: Наполеонъ осматриваетъ самъ эту послѣднюю нашу позицію, на которой нашъ лѣвый флангъ остановился, и видитъ (т. II, р.

37): «Русскія массы стоящими предъ Цсаревскимъ оврагомъ.» «Русскія массы, присовокупляетъ авторъ, не могутъ болѣе ити «на насъ, а между тѣмъ не хотятъ отступить.» Далѣе (р. 38): «Русскіе упорствуютъ оставаться подъ огнемъ нашихъ батарей, «сказалъ Наполеонъ, но, пусть же и остаются. Артиллерія до ночи дѣйствуетъ ужасно!»²⁵

И это далеко не обозначаетъ побѣды, даже относительно одного фланга; ибо онъ остановился твердо, и Французы не дерзали напасть на него: это только мѣстный успѣхъ, не болѣе.

Тьеръ (р. 334) объ этомъ эпизодѣ говорятъ: «Русская армія (лѣвый флангъ), подъ жесточайшимъ картечнымъ огнемъ, «ходитъ медленно и останавливается у опушки Цсаревского лѣса. «Ее не атакуютъ болѣе, и, въ ожиданіи рѣшительнаго движенія, «Французы ставятъ въ линію артиллерію всѣхъ корпусовъ и сосредоточиваютъ на Русскихъ триста орудій. Подъ массою снарядовъ, которыми ихъ засыпаютъ, они остаются неподвижными «и твердо сомкнутыми.»

И изъ этого далеко не видно побѣды.

«Наполеонъ (р. 346) объѣзжаетъ линію вскачь и видитъ «Русскихъ, стоящихъ неподвижно въ плотныхъ массахъ, не представляя возможности нигдѣ легко взяться за нихъ.»

²⁵ Въ чрезвычайно любопытныхъ Запискахъ обязательнаго Н. И. Греча, между прочимъ читается: «О графѣ Нарбонѣ — «Вотъ что я слышала отъ Барона «Де Баранта, бывшаго въ 1836 году Посломъ въ Петербургъ: «Въ числѣ «особъ, составлявшихъ свиту Наполеона въ 1812 году, находился у него и «образованный дипломатъ Графъ Де-Нарбонъ, носившій званіе Император- «скаго Адыютапта. На канунѣ Бородинской битвы Наполеонъ спросилъ у него, «имѣетъ ли онъ понятіе о томъ, что есть большая битва?—Ни малѣйшаго, «отвѣчалъ Нарбонъ. — Такъ я вамъ скажу, продолжалъ Наполеонъ, это въ «точности трагедія: начинается изложеніемъ дѣла и предстоящихъ препят- «ствій; во второмъ актѣ дѣло запутывается, въ третьемъ — еще болѣе, а «въ четвертомъ—разгараются и бушуютъ страсти; въ пятомъ спорное дѣло «рѣшается, выходитъ авторъ и возвѣщаетъ мораль пьесы. На другой день, «цо приближеніи вечера, когда дѣло не развязывалось, Наполеонъ обратилъ «ся къ стоявшему возлѣ его Нарбону, сказавъ: «Narbone! aujourd'hui le cin- «quième acte p'arrive pas!»

Значить, въ совершенномъ порядкѣ на второй позиціи.

Еще далѣе (р. 347) авторъ говоритъ: «Въ глубинѣ поля битвы густыя Русскія массы представляли артиллеріи богатую добычу, и казались вызывающими насъ.»

Слѣдовательно, все таки вызывали на поле битвы.

«Такъ какъ имъ хочется еще, сказалъ Наполеонъ съ жестокостью свичкой съ полемъ битвы, то поддайте имъ еще (donnez leurs en)! Онъ приказалъ поставить свою артиллерію, которая не была употреблена, и съ этой минуты начали дѣйствовать около четырехъ сотъ орудій. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, стрѣляли въ массы Русскихъ, которые упорно стоятъ въ линіи, подъ этой ужасной канонадой, теряя тысячи людей безъ колебанья. Слѣдовательно, тутъ убивали вмѣсто того, чтобы брать плѣнныхъ; ²⁶ мы также теряли людей, но, конечно, шестую часть противъ тѣхъ, которыхъ поражали. Съ наступленіемъ ночи канонада прекратилась.»

Спрашивается: какаѣ же это побѣды?

Историографъ этотъ говоритъ (р. 345): «Ужасы этой страшной битвы, безпримѣрные еще для Наполеона, хотя онъ и видѣлъ ихъ много, и очень кровопролитныхъ, какъ бы изумили его геній.»

Буржуа (р. 46) свидѣтельствуетъ, что Русскіе оставили поле сраженія (опять говорю—только лѣвое крыло); «однако же Французская артиллерія продолжала стрѣлять.»

Значить, что флангъ этотъ оставался на своей второй позиціи неподвижно, а Генералъ Гурго, извѣстный преданностію Наполеону (р. 133), присовокупляетъ: «Позиція эта была еще сильна.»

Целе, рассказавъ, какъ видно было выше, о личномъ обзорѣ Наполеономъ позиціи при Горкахъ, когда онъ былъ за

²⁶ Да какъ же было брать плѣнныхъ, когда не сдавались, предпочитая смерть плѣну? Это свидѣляется всѣми писателями, участниками въ битвѣ.

руку отведенъ назадъ (р. 142), присовокупляетъ: «Съ сей минуты «битва кончилась. Пушечная пальба продолжалась еще довольно «долго и окончилась совершенно около шести часовъ.»

Изъ этого слѣдуетъ, что Французы отгѣснили нашъ лѣвый флангъ на вторую позицію, но къ которой приступить не отваживались. Относительно же атаки центра — Наполеонъ отваживался еще менѣе.

Сегюръ (р. 401) говоритъ: «День уже склонялся; наши снаряды были истощены; битва кончилась...» (р. 402): «Русскіе «укрѣпляются въ своей послѣдней позиціи (т. е., лѣвый флангъ), «Наполеонъ не думаетъ болѣе ни о чемъ, какъ только внушить «побѣдителю осторожность.»

Что за фразы! Отбросивъ ихъ, находимъ, что Русскіе остались на мѣстѣ и Наполеонъ не думаетъ уже продолжать битву, а опасается, чтобы мы оной не начали.

Тиссо (t. II, р. 139), говоря о второй позиціи нашего лѣваго фланга, присовокупляетъ, что «эта вторая возвышенность была покрыта батареями, хорошо дѣйствующими, истощала безпрерывнымъ огнемъ своимъ наши войска и сопротивлялась движению, которое Ней хотѣлъ предпринять». ²⁷ Какая же это побѣда?

Генералъ Раппъ (р. 168) говоритъ: «Битва была выиграна, «но огонь былъ все еще ужасный.»

Съ кѣмъ же перестрѣливались, когда непріятель сбить? Такого обмѣна изъ орудій не бываетъ

Целе также говоритъ (р. 140), что Наполеонъ не очень былъ доволенъ результатомъ битвы: «Русскіе понесли огромныя потери «съ того времени, какъ они должны были выдержать на открытомъ мѣстѣ огонь нашей артиллеріи. Поля скрывались подъ гру-

²⁷ Г. Тоиссо не могъ же оставить это безъ прекраснаго фразеологіи и не потѣшить себя и своихъ, а по тому, въ слѣдъ за послѣдними словами, и говоритъ (р. 140): «Однако же Русскіе замѣтили, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно — «ночью отступили. По утру мы ясно увидѣли, что они отступили.» — Что за бессмыслица!

«дамы труповъ: они представляли по нѣскольку Русскихъ на одного Француза.»

Это все можетъ быть, но ни какъ не доказываетъ побѣды, что, въ слѣдъ за снѣгъ, скажетъ и самъ авторъ.

«Однако же (продолжаетъ Генералъ Пеле) мы взяли лишь нѣсколько человекъ, по одиночкѣ раненыхъ и пушки, бывшія въ сукрѣпленіяхъ. Русскіе оказали всюду сопротивленіе, прекращавшееся только съ ихъ жизнію.»

Указывая на нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя Кутузовымъ, Генералъ Пеле восклицаетъ: «Преданность Генераловъ (р. 522) и непоколебимая храбрость солдатъ спасли Россію. Другія войска были бы разбиты и можетъ быть уничтожены до полудня. За тѣмъ не сознать ошибокъ, исправленныхъ съ такою славой!»

Вотъ это истина безъ прикрасть фразами. Она прямо говорить, что Русскіе не были разбиты.

Въ «Der Krieg des franzos. etc., im Jahr 1812» (S. 107), сказано: «Не смотря на чрезвычайныя усилія Французовъ, сопровождавшіяся большими потерями, въ центрѣ они оставались до полудня тщетными, и потери ихъ были значительны. Но послѣ полудня Русскіе должны были уступить (т. е., лѣвый флангъ), и по сему (авторъ очень наивно прибавляетъ) кажется Наполеонъ одержалъ побѣду самыми кровавыми пожертвованіями.»

Дюрданъ (р. 38) говоритъ: «Какъ бы то ни было, но этотъ успѣхъ, столь дорого пріобрѣтенный, долженъ почитаться послѣднимъ изъ одержанныхъ Наполеономъ.»

Въ «Beautés victoires etc.» (t. II, p. 24): «Непріятель былъ побѣжденъ, но между тѣмъ поддерживалъ свой огонь, и только около ночи онъ прекратился съ обѣихъ сторонъ.»

Съ кѣмъ же, повторяю, побѣдитель перестрѣливался?!

Мишо (р. 134) пишетъ: «Силою крови и усиліями успѣли сбить непріятеля съ нѣкоторыхъ пунктовъ.... Сѣча кончилась

«только съ окончаніемъ дня. Только тогда, наконецъ, непріятель «удалился съ поля битвы, и Французская армія провела на ономъ «ночь. ²⁸ Наполеонъ почелъ себя побѣдителемъ, но, какъ Ширръ, «онъ могъ сказать: «Еще одна такая же побѣда, и мы погибли!»

Клаузевицъ, разсуждая о Бородинской битвѣ, говоритъ, между прочимъ (de la guerre, p. 454): «Дѣйствительно, въ продолженіе этой битвы не могло еще быть рѣчи о преслѣдованіи. «Побѣда рѣшилась въ четыре часа по полудни, но Русскіе занимали еще большую часть поля битвы; они не хотѣли «еще оставить его, и если бы атака возобновилась, то «они оказали бы упорное сопротивленіе.»

Что за логика? Побѣжденные занимаютъ большую часть позиціи, не хотятъ оставить оной и оказали бы упорное сопротивленіе! Все это вмѣстѣ ни какъ не склеивается. Но вотъ что, въ слѣдъ за симъ, говоритъ авторъ: «Естественно, это повело бы ихъ «къ совершенному разбитію.» — Это по чему? — По Нѣмцамъ! Но, въ слѣдъ за симъ, онъ утѣшаетъ насъ, говоря: «Это стоило бы «много крови и Французамъ.»

Но еще замѣчательнѣе слова въ слѣдъ за послѣдними: «Въ «Бауценѣ (Будышинѣ) побѣжденный предпочелъ первый оставить «поле битвы. Въ Бородинѣ, побѣдитель предпочелъ довольствоваться «не полною побѣдой.» Я рѣшительно не нахожу смысла, особенно въ первой половинѣ фразы: «побѣжденный предпочитаетъ первый оставить поле битвы!» Да какъ же бы это могло быть иначе? Вѣдь не побѣдителю же первому отступить, если того не было въ общемъ планѣ, такъ какъ это было у насъ въ 1812 году; а въ Бауценѣ о такомъ планѣ не могло быть и рѣчи. Путаница, часто встрѣчаемая въ книгѣ Клаузевица.

Бертезенъ (т. II, p. 53, 54) свидѣтельствуетъ: «Съ приближеніемъ ночи Императоръ приказалъ прекратить огонь и «занять позицію. Непріятель, съ своей стороны, остановился: правый флангъ у Горокъ, лѣвый — въ лѣсу, между двумя дорогами

²⁸ Слишкомъ неопредѣлительно! Французы ночью занимали передовыми постами только Семеновское. О чемъ будетъ говорено далѣе.

«въ Москву.» Шнейдавиндъ (1-te Band, S. 195) говоритъ одинаково, что «правый флангъ нашъ оставался у Горокъ, а лѣвый при-мыкалъ къ лѣсу у Утицы, нѣсколько сзади оной, оставляя Семеновское впереди.»

Изъ этого видно, что Французы первые отказались отъ дальнѣйшей битвы, прекративъ свой огонь. Относительно же обозначенія позиціи, намъ не нужно было останавливать нашъ правый флангъ у Горокъ, которыя нами были заняты съ самаго начала, т. е., за четыре дня до битвы, и въ продолженіе оной войска отбивали изъ нихъ всѣ покушенія непріятеля. Сверхъ того, Горки не были правымъ флангомъ въ общей позиціи: это былъ правый флангъ центра; ибо, правѣ ихъ, на правомъ флангѣ позиціи, находились: цѣлый кавалерійскій корпусъ Уварова, Платовъ съ Казаками и нѣсколько егерскихъ батальоновъ. Оттуда и дѣланы были нападенія на лѣвый флангъ Французовъ. Бывшіе же тамъ два пѣхотные корпуса, 2 и 4-й, во время битвы получили другое назначеніе. Что же касается до лѣваго нашего фланга, то хотя Генераль Бертезень и не положительно указываетъ, но направленіе вѣрно, и это все доказываетъ только то, что этотъ флангъ изъ всей позиціи осадилъ на нѣсколько сотъ сажень, на свою вторую позицію, не разорвавъ связи съ общей.

Лабомъ (р. 160) пишетъ: «Послѣ долгихъ переговоровъ Вице-Короля съ Бертье, первый—приказалъ прекратить пушечную пальбу, тогда непріятель сдѣлался спокойнѣе; онъ дѣлалъ временами по нѣсколько выстрѣловъ, и тишина его послѣдняго редута (Горки) несомнѣнно насъ удостовѣрила, что Русскіе отступаютъ по дорогѣ въ Москву.»

Изъ этого засвѣдѣтельствованія опять видно, что Французы первые отказались продолжать битву, прекративъ свой огонь; нашъ же огонь, должно прлагать по выраженію, если это не фраза, ихъ беспокоила. Относительно же тишины съ нашего редута у Горокъ, то это былъ не послѣдній; ибо ниже этой батареи (только въ три орудія), а не редута, была еще батарея въ девять орудій, не считая находившихся на правомъ флангѣ, и орудій, выставленныхъ безъ искусственнаго прикрытія тотчасъ влѣво вездѣ Горокъ. Касательно же несомнѣнности, по-

рожденной въ мысляхъ непріятеля, на основаніи, что батарея съ Горокъ не производила огня, и что послужило къ заключенію, что мы отступаемъ по дорогѣ на Москву, то, помимо того, что мы вовсе тогда и не думали еще отступить, да по чему же мы должны бы были совершить это движеніе именно на Москву? Это все догадки автора. Обращаюсь къ прекращенію огня съ Горокъ, давшему поводъ заключать о нашемъ отступленіи. Батарея, или какъ авторъ называетъ, редуть, былъ занятъ артиллеріею до разсвѣта слѣдующаго дня. Послѣ же битвы, когда стемнѣло, бывшія тутъ орудія роты Маіора (Х. И.) Дидерихса, были сжигены орудіями роты Полковника Гулевича. Прапорщикъ (В. Ѳ.) Раевскій занялъ эту батарею, гдѣ оставался, и снялся съ оной только при отступленіи арріергарда. ²⁹

Боссе, Префектъ дворца (t. II, p. 99) говоритъ: «Вечеромъ, въ семь часовъ, Наполеонъ возвратился въ свою палатку, и я замѣтилъ, что, противъ обыкновеннаго, лице его было распалено, волосы въ безпорядкѣ и видъ усталый. Сердце его страдало отъ потери столькихъ Генераловъ и храбрыхъ солдатъ. Здѣсь, конечно, въ первый разъ онъ понялъ, что слава дорого была заплачена» и т. д. Боссе, рьяный сторонникъ Наполеона, приписываетъ это чувство тому, что онъ не употребилъ въ дѣло гвардіи и пр.

Сегюръ (t. 1, p. 403) пишетъ: «Когда послѣ битвы Наполеонъ вошелъ въ свою палатку, къ упадку физическитъ его силъ присоединилась большая печаль нравственная. Онъ видѣлъ поле битвы: мѣстность говорила еще болѣе, чѣмъ люди. Около десяти часовъ вечера пріѣхалъ (p. 404) Мюратъ опять просить гвардейской конницы и доносилъ, что Русская армія въ безпорядкѣ переходитъ чрезъ Москву рѣку. ³⁰ Онъ хотѣлъ напасть на нихъ и порѣшить. Наполеонъ отвергъ эту выходку чрезмѣрной горячности, потому что продиктовалъ бюллетень этого дня (18), замѣчательный «своею ложью».

²⁹ Онъ былъ награжденъ золотою шпагою «за храбрость», тогда очень рѣдкою, особенно въ его чинѣ. Раевскій живъ по сіе время.

³⁰ На другой же день этотъ самый Мюратъ оспаривалъ Нап., утверждая, что Русскіе отступили въ порядкѣ.

Сегюръ продолжаетъ (р. 403): «Эта побѣда, которой такъ долго домогались и которую купили столь дорого, была неполною. Дѣйствительно, потери были огромны и безъ соразмѣрнаго имъ результата... Въ арміи и въ палаткѣ Наполеона побѣда была безмолвна, мрачна, одинока, даже безъ льстецовъ..... Тѣ, которыхъ онъ призвалъ: Дюма, Дарю — слушали его и молчали (р. 404); но ихъ видъ, ихъ потупленные взоры, ихъ молчаніе — не были безмолвны».

Вотъ, что говоритъ объ этомъ самъ Графъ Дюма, въ «Воспоминаніяхъ» (т. III, р. 440): «Около девяти часовъ вечера, я и Дарю были позваны къ Императору (его бивакъ былъ расположенъ среди карре батальона старой гвардіи). Ему подали ужинать; онъ былъ одинъ и посадилъ насъ подлѣ себя, одного на право, другого на лѣво. Выслушавъ наши донесенія о сдѣланныхъ нами распоряженіяхъ, для призрѣнія раненыхъ, и о ничтожности средствъ, представляемыхъ Колоцкимъ монастыремъ и нѣсколькими дворами около Бородина, онъ поговорилъ съ нами объ исходѣ битвы и тотчасъ послѣ заснулъ минутъ на двадцать. Потомъ, вдругъ проснувшись, продолжалъ такъ: «Удивятся, что я не употребилъ своихъ резервовъ, чтобъ пріобрѣсть болѣе значительные результаты. Но я долженъ былъ ихъ сохранить, чтобы нанести рѣшительный ударъ въ большой битвѣ, которую намъ дастъ непріятель подъ Москвою. Успѣхъ (нынѣшняго) дня былъ обезпеченъ: я долженъ думать объ успѣхѣ кампаніи, а по тому я и сберегъ свои резервы».³¹

Тьеръ (р. 348) пишетъ: «Въ этотъ вечеръ изъявленія радости и удивленія, которыя нѣкогда рѣзко обнаруживались въ Аустерлицѣ, Іенѣ, Фридландѣ — не были слышимы въ палаткѣ побѣдителя».

³¹ Здѣсь Наполеонъ поступилъ противъ своихъ правилъ. Въ его «Maximes de guerre» (Ar. 94, р. 49) сказано: «Les généraux, qui gardent des troupes fraîches, pour le lendemain d'une bataille, sont presque toujours battus. On doit, s'il est utile, faire donner jusqu'à son dernier homme, parce que le lendemain d'un succès complet, on n'a plus d'obstacle devant soi; l'opinion seule assure de nouveaux triomphes au vainqueur».

Цельнеръ (S. 86) также свидѣтельствуеъ объ уныніи въ тотъ вечеръ въ палаткѣ Наполеона. И далѣе (S. 88) присовокупляетъ, что «вечеромъ, послѣ битвы, не было ни пѣсенъ, ни разсказовъ: господствовало общее печальное, молчаливое уныніе».

Не слишкомъ ли уже достаточно объясняется, за кѣмъ осталась честь этого дня?

Сентъ-Илеръ, въ «Hist. de la camp. 1812», описавъ довольно еще сносно Бородинскую битву, не могъ, однако же, воздержаться отъ обычныхъ фразъ, и вотъ одна изъ нихъ (t. II, p. 25): «Le soir venu, l'armée russe était en pleine déroute». Но тотчасъ же начинаетъ поправляться (p. 26): «Поле битвы покрыто было убитыми и ранеными. Какъ и подъ Эйлау, бой былъ «продолжительный и ужасный. Остановились биваками, не осмѣливаясь атаковать, или даже сдѣлать малѣйшее преслѣдованіе. «Чтобы дать отдыхъ своимъ солдатамъ, Императоръ подвинулъ молодую гвардію, и приказалъ ей занять позицію предъ Русскими».

Что за шутаница! «Не отваживается атаковать, но даже «и сдѣлать малѣйшаго преслѣдованія! Русская армія въ полномъ бѣгствѣ, а молодую гвардію ставятъ на позицію предъ «Русскими!» Вѣроятно, Г. Сентъ-Илеръ позабылъ, что онъ заставилъ уже Русскихъ бѣжать, такъ сказать, безъ оглядки, и что не кого было атаковать, а наголову разбитаго непріятеля слѣдовало преслѣдовать, чего, конечно, не упустили бы, если бы это было такъ, какъ гласитъ фраза.

Останавливаясь отъ дальнѣйшихъ выписокъ объ этомъ предметѣ, ограничусь приведеніемъ мнѣнія одного Нѣмца, автора книги: «Der Krieg d. franz. etc. 1812». Вотъ что у него читается (S. 111): «Вообще замѣчаютъ, что почти никогда разноплеменные войска «не бились такъ яростно, какъ въ этотъ кровавый день. Каждый «былъ въ ожиданіи, что на этомъ мѣстѣ и въ этотъ день произойдетъ спасеніе его отечеству, будетъ конецъ претерпѣваемымъ изнуреніямъ, неизбѣжнымъ въ такъ малонаселенномъ краѣ и притомъ въ столь жаркое лѣто, по чему и бились неимовѣрно храбро.³² Виртембергцы, Саксонцы, Вестфальцы, Поляки, Фран-

³² Причина оригинальная, откровенная, безъ фразъ, подобныхъ употребленнымъ

«цузы, Португальцы, Италіянцы, Хорваты, казалось, въ этой бит-
«въ одушевлены были однимъ духомъ, чего не бывало ни прежде,
«ни послѣ». Да! однимъ духомъ—голодомъ, который всѣми и вы-
«ставляется на первомъ планѣ.

Далѣе сказано (S. 124): «Положимъ, что битва кончилась бы
«отступленіемъ Русскихъ, или Французовъ, но во всякомъ случаѣ
«послѣдніе были такъ изнурены сильными напряженіями овладѣть
«укрѣпленіями и удерживать ихъ, что не были въ состояніи пре-
«слѣдовать Русскихъ, или воспрепятствовать Кутузову дѣйствовать
«по своему. Французы должны были нѣсколько дней отдыхать,
«чтобы опаматоваться, чтобы обозрѣть свои потери, чтобы
«узнать движеніе и направленіе своего непріятеля. Многое, что
«случилось въ послѣдствіи, было слѣдствіемъ изнуренія Великой
«арміи, которая, можетъ быть, и была непріятеля, но не обра-
«щала его въ бѣгство, можетъ быть отбила его, но не раз-
«строила.»

Теперь должно разсмотрѣть положеніе армій по окончаніи
битвы, и мѣста, ими занятые до утра.

По окончаніи битвы о расположеніи Французовъ встрѣчают-
ся въ частностяхъ противорѣчащіе рассказы, но въ общемъ ре-
зультатъ представляется одно и то же.

Сегюръ (t. I, p. 402) пишетъ, что Наполеонъ, «возвратясь
«въ свою ставку, подозвалъ Маршала Мортье, и приказалъ ему
«подвинуть молодую гвардію, но въ особенности не перехо-
«дитъ новаго оврага, отдѣляющаго его отъ непріятеля»,³³ и при-
«бавилъ, «что онъ возлагаетъ на него сохранить поле битвы;

Французами. Тутъ просто сказано, что сражались храбро съ голоду.
Что же касается до выраженія «спасенія отечества», это чистый юморъ.
Нѣмцы того времени шли въ Москву спасать свое отечество! Ужь и тутъ
надо было быть столь же откровенными и сказать, что Французы велѣли
имъ ити, а голодъ заставилъ ихъ драться. Не будь голода, а раздолье, какъ
въ Германіи, можетъ быть они бы повторили Ульмъ, Йену и т. п. Сытые
дерутся хуже голодныхъ, что замѣчено и у хищныхъ животныхъ.

³³ Значить, непріятель былъ тутъ, а не ушелъ?

«что требуетъ отъ него только этого, и болѣе ничего. Вскорѣ онъ опять подозвалъ его и спросилъ: хорошо ли онъ его понялъ? Приказывалъ не завязывать ни какого дѣла и въ особенности сохранять поле битвы. Черезъ часъ онъ опять велѣлъ повторить приказаніе — не ити впередъ и не отступать, что бы ни случилось.»

Это доказываетъ какъ близкое присутствіе вовсе не разстроенныхъ Русскихъ, такъ и то, какъ мало было увѣренъ Наполеонъ въ своей силѣ.

Фенъ (t. II, p. 41) говоритъ: «Чтобы дать возможность отдохнуть войскамъ, бывшимъ въ битвѣ, Наполеонъ приказываетъ подвинуть молодую гвардію и занимаетъ ею позицію противъ Русскихъ (значитъ, они были тутъ): «Сохраняйте поле битвы, сказалъ онъ Герцогу Тревизскому (Мортъе), дѣлайте, что я вамъ говорю, и болѣе ничего!»

Гурго (p. 138) свидѣтельствуетъ тоже, что «Наполеонъ поручилъ молодой гвардіи сохраненіе поля битвы. Непрiятель могъ получить подкрѣпленіе въ продолженіе ночи; Наполеонъ дѣлаетъ распоряженіе, чтобы, въ случаѣ нужды, поддержать ее.»

И это опять подтверждаетъ, какъ мало онъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ.

Эти три показанія лицъ, находившихся при Наполеонѣ, ясно доказываютъ, что Французская армія, бывшая въ дѣлѣ, отступила, какъ это далѣе будетъ сказано яснѣе, и что молодая гвардія въ этомъ мѣстѣ, т. е., при Семеновскомъ, составляла какъ бы авангардъ; а расположившись такъ, они это и разумѣютъ подъ именемъ поля битвы, что разъяснится въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, самая численность молодой гвардіи (около 6 т.) доказываетъ, что она далеко не могла составлять и авангарда, а имѣла порученіе содержать посты въ Семеновскомъ.

Пеле (p. 142) пишетъ: «Французская армія расположилась на пространствѣ, взятомъ у непріятеля близъ дѣса, въ который онъ отступилъ.»

На этомъ пространствѣ, противъ нашего лѣваго фланга, Французы оставались до наступленья темноты, но потомъ стянулись къ Семеновскому, гдѣ смѣнены были молодою гвардіей, и пошли далѣе, назадъ, къ своему лагерю.

Рѣдеръ, Полковникъ Гессенскаго Генеральнаго Штаба, участникъ въ битвѣ (S. 152), говоритъ: «Французы заняли только часть поля битвы (на нашемъ лѣвомъ флангѣ); дивизія Роге, молодой гвардіи, заняла ее. Наполеонъ у Шевардина, среди баталіоннаго «каре старой гвардіи.» Лессингъ, Саксонскій Офицеръ, участникъ въ битвѣ (t. I, S. 450), говоритъ то же, что «только одна конница занимала постами часть поля битвы, Русскіе также занимали оное; пѣхота же Французовъ отошла.» Лессингъ описываетъ ужасныя сцены и зрѣлища.

Генераль Гофманъ, также участникъ въ битвѣ, въ «Schl. von Bogodino» (S. 65), говоритъ, что, «по окончаніи битвы Французы были за Семеновскимъ.»³⁴ Гвардія оставалась въ Шевардинѣ, а Понятовскій около Утицы.»

Лабомъ (р. 160) пишетъ: «Армія расположилась на полѣ битвы и частью во взятыхъ ею редутахъ.»

Здѣсь поле битвы разумѣется около Семеновскаго, и самыя редуты, въ которыхъ частью остановилась, какъ замѣчено выше, молодая гвардія. Относительно же центральной батареи, какъ смерклось, на ней не было и ведета со стороны Французовъ, отошедшихъ съ этѣхъ мѣстъ на лѣвый берегъ Семеновки. Эта батарея составляла оконечность лѣваго фланга 6 корпуса, который защищалъ ее, а по тому мнѣ близко извѣстно, что въ полночь на ней, кромѣ грудъ убитыхъ и умирающихъ, никого не было, да и быть не могло; ибо пунктъ этотъ для Французовъ былъ слишкомъ изолированнымъ впереди.

³⁴ Тогда Подполковникъ Генеральнаго Штаба у насъ (въ послѣдствіи Генераль-Лейтенантъ Пруссіи). Сказавъ за Семеновскимъ, значить должно понимать съ нашей стороны, т. е., что Французы имѣли передъ собою Семеновское, а занимали редуты только передовою цѣпью. Это въ дѣйствительности и было такъ.

Биньіонъ (р. 40) пишетъ: «Поле битвы принадлежитъ намъ. Непрiятельская армія не думаетъ болѣе возвращаться на насъ; она придвинулась къ Цсаревскому оврагу, но не отступаетъ; послѣ ужасной канонады она стоитъ въ колоннахъ.»

Здѣсь опять идетъ рѣчь объ одномъ лѣвомъ флангѣ, ибо прочія части оставались на мѣстѣ. Замѣчательны выраженія: «болѣе не возвращается на насъ, но не отступаетъ!» Значитъ, что она остановилась на своей второй позиціи и ожидала Французовъ къ себѣ въ гости, и, по словамъ автора, не переходила даже за Цсаревскій оврагъ.

Посмотримъ теперь сказанія еще нѣкоторыхъ.

Генералъ Сарразенъ (р. 144) говоритъ: «и Наполеонъ въ Бородинѣ, какъ Фридрихъ въ Колинѣ, занимаетъ ночью про-странство, на которомъ онъ находился, прежде чѣмъ дать битву, кромѣ его праваго фланга, подъ начальствомъ Мюрата, который съ большимъ трудомъ удержался на отнятой у Русскихъ позиціи.»

Капфигъ (т. IX, р. 277) пишетъ, что, по «окончаніи битвы, обѣ арміи остановились бивуаками одна противъ другой, не осмѣливаясь атаковать, или преслѣдовать, на другой день.»

Само собою разумѣется, что одна противъ другой; но на какомъ разстояніи онѣ находились? По смыслу сказаннаго явствуетъ, что если бъ мы не отступили, то непріятель не осмѣлился бы насъ атаковать; между же тѣмъ извѣстно, что мы даже осмѣливались думать на другой день атаковать Наполеона, и, по удостовѣренію Французскихъ писателей, мы поставили бы этѣмъ непріятельскую армію еще и въ самое опасное положеніе.

Керъ-Портеръ (р. 155) пишетъ: «Французы отступили съ поля битвы, когда уже нельзя было различать ни одного предмета», и присовокупляетъ еще: «Разставляя ночную цѣпь, Русскіе на каждомъ шагѣ имѣли доказательство, что славные дни Эйлау и Ваграма, какъ бы кровопролитны они ни были, съ этѣмъ споръ должны уступить мѣсто, по огромному побѣденію, Бородинской битвѣ.» Далѣе, разсуждая о лжи, наполняющей бюллетени

Наполеона, говоритъ: «Будучи принужденъ отступить двѣнадцать «верстъ (11 километровъ), не останавливаясь, онъ требуетъ себѣ «право на успѣхъ дня?» присовокупляя, что Платовъ былъ посланъ за нимъ. По засвѣдѣтельству же Полковника Комба, какъ видно будетъ далѣе, Платовъ, дѣйствительно, на разсвѣтѣ атаковалъ Французскіе аванпосты.

Вентурини, участникъ (t. I, S. 283), говоритъ, что «Русскій лѣвый флангъ былъ отодвинутъ въ кустарникъ, но, съ наступленіемъ ночи, каждая сторона заняла опять тѣ мѣста, съ которыхъ поутру начали битву.»

Буркерсрода, Офицеръ Гессенскаго гвардейскаго кирасирскаго полка, говоритъ, что когда стемнѣло, они отошли съ поля битвы при Семеновскомъ, оставивъ только аванпосты, и расположились въ кустарникахъ, откуда поутру выступили въ дѣло.

Въ «Skiz. zug einer Gesch.» (S. 202): «Ночью обѣ стороны заняли «опять тѣ мѣста, на которыхъ были по утру.»

Дюрданъ (р. 34—35) говоритъ тоже, что «Французы отошли.»

Козегартенъ (стр. 166) говоритъ, что «ночью Французы «не выиграли пяди пространства.»

Генералъ Гурго, пламенный сторонникъ Наполеона и сопутникъ его на островъ Св. Елены, опровергая Сегюра, говоритъ (р. 139), что, напротивъ, «Русская армія провела ночь на оставшемся у ней полѣ битвы, упираясь правымъ флангомъ къ Горкамъ, правѣ которыхъ находилась дивизія легкой пѣхоты, а лѣвое крыло упиралось къ лѣсу, находящемуся сзади Семеновскаго.»

Но правѣ Горокъ, т. е., на правомъ флангѣ, находился еще цѣлый кавалерійскій корпусъ Уварова. Обозначеніе, занимаемаго

²⁵ Здѣсь опять ссыла на Бутурлина (t. II, р. 116), что Кутузовъ въ Тарутинѣ занимался реорганизаціей: «Des corps qui avaient écharpé au massacre de «Borodino.» Досадно находить подобныя фразы въ устахъ нашихъ повѣствователей, и если бы еще онѣ были справедливы! Событія послѣ Бородинна, какъ видно будетъ въ гл. «Отступленіе», докажутъ всю негнѣность этой и ей подобныя фразы.

нами пространства вѣрно и изъ онаго видно, что только лѣвое крыло наше осадило на нѣсколько сотъ сажень, сохраняя правымъ флангомъ своимъ на этой второй позиціи неразрывную связь со всею арміей.

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 307) пишетъ: «Русскіе, которымъ ихъ отчаянныя усилія, чтобы занять обратно линію своихъ редутовъ, причинили великія потери, получили наконецъ приказаніе отступить, и хотя побѣда безспорно осталась за Французами, но можно сказать, что Русскіе скорѣе отказались отъ битвы, чѣмъ потерпѣли поражение.»

Какимъ же образомъ писатель этотъ впадаетъ въ такое ошибочное повѣствованіе, когда всѣ Французскіе писатели, дѣятели въ битвѣ, утверждаютъ, что Французы первые прекратили огонь, но что Русскіе по временамъ и потомъ еще посылали въ нихъ свои ядра? Слово — «отказались» — совершенно неправильно: это — фраза.

Далѣе онъ говоритъ (тамъ же): «На дѣлѣ же, по прекращеніи дѣйствія, Французы отступили на мѣста, которыя занимали прежде, оставивъ Русскихъ обладателями окровавленнаго поля битвы, на которомъ они имѣли время похоронить убитыхъ и подобрать раненыхъ. Ихъ конница произвела даже тревогу во Французскомъ лагерѣ въ послѣдующую ночь за битвою.»

Въ «Fragm. sur la camp. de Russie etc.» (p. 44), сказано: «Въ этотъ достопамятный день Русскіе приняли такъ хорошо старыя толпы (vieilles bandes) (любимое выраженіе Наполеона), что не много образумили ихъ привычную самоувѣренность торжествовать, и отбросили ихъ за двѣ мили отъ поля битвы, поздравить своего Императора съ его побѣдой.»

Заключу этотъ предметъ повѣствованіемъ Тьера, который, конечно, въ настоящемъ случаѣ, скорѣй склонился бы на сторону своихъ соотечественниковъ, а онъ говоритъ (p. 347): «Наши Генералы отвели цѣлаго назадъ свои дивизіи, чтобы обезпечить (garantir) ихъ отъ Русскихъ ядеръ, и расположились у подошвы взятыхъ высотъ». ³⁶

³⁶ Шапюи, рыцарскій защитникъ военной славы своихъ соотечественниковъ,

Этѣ высоты были—Семеновскія, слѣдовательно, тутъ только, какъ замѣчено выше, они и занимали поле битвы; все же остальное, въ особенности главное поле битвы, было за Семеновскимъ, но Французы предпочли лучше оставить оное, чѣмъ оставаться подъ нашими ядрами.

Толь (t. II, S. 116, 117) говоритъ: «Только Бородино, центральная батарея и деревня Семеновская остались на ночь занятыми Французами.» Далѣе (S. 118, 119) подкрѣпляетъ доводами, «что Французы отвели свои войска со всѣхъ другихъ пунктовъ.» Относительно центральной батареи, я говорилъ выше.

Въ такомъ грозномъ, какъ видно было выше, по свѣдѣтельству самихъ Французовъ, положеніи нашей арміи, не только что готовой принять Французовъ, но замышлявшей еще, съ разсвѣтомъ, атаковать ихъ, она съ горестью, о чемъ могутъ удостовѣрить остающіеся еще въ живыхъ дѣтели, узнала, что Главнокомандующій измѣнилъ планъ свой.

Въ этомъ расположеніи армія оставалась около двѣнадцати часовъ послѣ окончанія битвы, а потомъ предприняла, какъ говорится въ третьемъ отдѣленіи, въ гл. I-й, движеніе къ Можайску. Аррьергардъ же нашъ оставался до десяти часовъ утра на позиціи, занимая Горки, слѣдовательно, шестнадцать часовъ по окончаніи битвы, производя тревогу своими партіями во Французскомъ лагерѣ, и оставилъ мѣсто, не будучи къ тому вынужденъ, а слѣдуя сдѣланной диспозиціи; тогда только дано приказаніе Мюрату слѣдовать за нимъ, что онъ и предпринялъ не ранѣе полудня.

Изъ всего этого видно, что слово «побѣда» ни въ какомъ случаѣ Французамъ принадлежать не можетъ.

возстаетъ противъ Керъ-Портера, Дюрдана и Сарразена, сказавшихъ что послѣ битвы Французы отступили на нѣсколько верстъ (т. е., на мѣста, съ которыхъ пошли въ дѣло). Замѣчательна его логика относительно Генерала Сарразена. Онъ говоритъ, что Генералъ этотъ, хотя и писатель съ талантомъ, но не достоинъ критики, по тому что онъ человѣкъ безпринципный! Какое же это опроверженіе его повѣствованій? Преступленіе Сарразена заключалось въ двоеженствѣ.

ГЛАВА IV.

ПОТЕРИ.

Относительно потерь, понесенных обѣими арміями, представляется такое же разногласіе, какъ и въ числительности армій, вступившихъ въ Бородинскую битву. Никто еще не предпринималъ разсмотрѣть критически и этѣхъ цифръ, чтобы разъ навсегда опредѣлить онѣя, хотя бы только приблизительно, а не съ тою разницей, которая представляется нынѣ.

Вотъ цифры, которыя находимъ въ разныхъ повѣствованіяхъ о Бородинскомъ сраженіи у иноземныхъ историковъ, съ присовокупленіемъ и нашихъ.

Буржуа (р. 47) говоритъ: «Русскіе потеряли отъ тридцати пяти до сорока тысячъ человѣкъ, Французы половину.»

Въ «*Details abrégés*» etc. (р. 20, 21) читается, что «битва эта была найкровопролитнѣйшая: потеря Французовъ восходитъ отъ пятнадцати до двадцати тысячъ, а Русскихъ отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ.» Авторъ присовокупляетъ: «Если бы, по взятіи Французами Семеновскихъ ретраншаментовъ, Русская армія отступила тотчасъ,³⁷ то этотъ день для Французовъ, хотя и побѣдителей (?), стоилъ бы гораздо болѣе, чѣмъ Русскимъ, по тому что первые потеряли уже болѣе десяти тысячъ человѣкъ изъ

³⁷ По мнѣнію автора, намъ слѣдовало уступить съ перваго разу! и это мнѣніе раздѣляется, какъ увидимъ, многими и самимъ Наполеономъ, которому это было бы, конечно, очень пріятно. Замѣчательна филантропія и попеченіе о неприятелѣ!

«строя, тогда какъ потеря Русскихъ простиралась только до двухъ тысячъ.»

Въ «Der Krieg der Franz.» etc. сказано (S. 118) то же, что намъ «слѣдовало бы отступить тотчасъ, когда у насъ были взяты Семеновскія Флешы, и что тогда потеря Французовъ превосходила бы нашу, но что мы упорствовали отбирать потерянное, такъ что «укрѣпленіе на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ одинъ часъ, переходило изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, и присовокупляетъ, что «отъ девяти до десяти тысячъ лошадей осталось на мѣстѣ.»

Здѣсь авторъ разумѣетъ только лошадей Французскихъ (и то въ уменьшенной цифрѣ), ибо присовокупляетъ: «это пожертвованіе конницею разразилось потомъ ужасными послѣдствіями. Когда началось отступление, выгоды Русскихъ, превосходныхъ въ численности конницы, были чувствительнѣе, нежели потери ея при «Бородинѣ.» Но здѣсь представляется вопросъ: дожили ли бы этѣ лошади до того времени, когда началось отступление? Оставшіяся въ арміи Наполеона не могли уже имѣть корма и большее количество лошадей увеличило бы потребность фуража, а извѣстно, что по отступленіи изъ Москвы Французы должны были бросить множество пушекъ и различныхъ военныхъ обозовъ, по причинѣ гибели лошадей отъ недостатка корма. Въ тогдашнее же время, при большомъ количествѣ конницы, имъ столь же затруднительно было бы посылать далѣе на фуражировку; наши партіи и поселяне имѣли бы еще болѣе удобства уничтожить тѣхъ, которые отдѣлялись бы далеко отъ средоточія своихъ силъ.

Сарразенъ (р. 130) пишетъ то же. Онъ говоритъ: «Если бы Русскіе, вытѣсненные изъ своихъ позицій, сказалъ Наполеонъ, не предпринимали опять овладѣть оными, нашъ уронъ превосходилъ бы ихъ уронъ; но они уничтожили свою армію, держа ее съ осьми часовъ до двухъ подъ огнемъ нашихъ батарей, и «упорствомъ отбирать то, что уже потеряли. Это причина ихъ «огромныхъ потерь.» И послѣ вдругъ опредѣляетъ (р. 136) потерю слѣдующимъ образомъ: «Потеря Французовъ около сорока тысячъ, Русскихъ столько же», присовокупля къ сему (р. 138): «что же касается до пяти тысячъ плѣнныхъ, которыми хвастаетъ Наполеонъ (въ 18 бюллетенѣ), взятыхъ у Русскихъ, то должно пред-

«полагать, что это раненые и больные, оставленные въ Можайскѣ и окрестностяхъ.» Авторъ, не замѣчая бессмыслицы, которую сказалъ, самъ³⁸ прибавляетъ (р. 139): «Подобныя нелѣпности можно «разсказывать дѣтямъ. Какое безумство хотѣть увѣрить, что Русскіе, извѣстные плотностью и непоколебимостью своихъ колоннъ, «не умѣютъ смыкаться по мѣрѣ того, что люди выбываютъ изъ «фронта!» Это авторъ говоритъ въ опроверженіе сказаннаго въ помянутомъ бюллетенѣ, что Мюратъ врѣзался въ бреши, сдѣланныя въ нашихъ колоннахъ Французскою артиллеріею.

Пюибюскъ, Главный Интендантъ въ Смоленскѣ (р. 84), пишетъ: «Истина въ томъ, что тридцать тысячъ человѣкъ не пополнить потери 7-го Сентября (26 Августа). Храбрѣйшая конница, «нещадно расточенная въ этотъ кровопролитный день, не скоро «возстановится.» Далѣе (р. 89): «Относительно убитыхъ и раненыхъ, «я не думаю, чтобы наша потеря была менѣ Русской»... «Я видѣлъ Наполеона, объѣзжающаго поле битвы, я слѣдовалъ за нимъ «повсюду. Онъ былъ сіяющимъ, потирая руки, повторялъ съ удовольствіемъ: «Пять убитыхъ Русскихъ на одного Француза!» Я думаю (присовокупляетъ авторъ), что онъ принялъ Нѣмцевъ за «Русскихъ.»

«Такимъ образомъ (р. 90), продолжаетъ Пюибюскъ, Бородинское сраженіе уменьшало Французскую армію на тридцать пять тысячъ человѣкъ безъ всякой выгоды. Вы увидите изъ 18-го «бюллетеня, какъ уже я васъ извѣщалъ, что Русская армія, съ «открытія кампаніи, побитая, или взятая въ плѣнъ, оказывается «существующею, чтобы своею числительностью превзойти нашу, «или, по крайней мѣрѣ, сравняться съ нею въ день битвы. Вы замѣтите также, что наша армія въ триста пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, при переходѣ чрезъ Нѣманъ, хотя почти ничего не потеряла въ частыхъ схваткахъ и перестрѣлкахъ, съ 20-го Іюня является на битву, 7-го Сентября, въ числѣ не болѣе ста тридцати тысячъ человѣкъ... Что сдѣлалось съ сотнями тысячъ, которыхъ

³⁸ Ибо бюллетень былъ писанъ 26-го Августа вечеромъ, а Можайскъ занятъ Французами только 28-го Августа. Впрочемъ, эти раненые, если они только были въ такомъ числѣ, могли быть подобраны на полѣ битвы, но и это не въ то время, когда былъ писанъ бюллетень, а конечно, на другой день.

«недостаесть съ 20 Іюня по 7-е Сентября, по признанію самаго «18 бюллетеня? Откуда являются Русскія фаланги, которыя мы «безостановочно убивали въ продолженіе шестидесяти четырехъ «дней? Какимъ образомъ можно заставить вѣрить, чтобы, атакуя «непріятеля, имѣющаго редуты, карей, окруженныя засѣками, рав- «няющимися рогаткамъ, овраги между собой и противниками— «понести, сравнительно, несоразмѣрную потерю, къ числу громи- «мыхъ имъ, изъ пяти сотъ орудій въ продолженіе семи часовъ «безостановочно?»

Бомсдорфъ (t. II, p. 108) говоритъ, что «обѣ арміи потеряли «убитыми и ранеными семьдесятъ тысячъ человекъ, Русскихъ боль- «шая половина.»

Ларей (Пеле, p. 531), главный хирургъ арміи, пишетъ: «Французовъ убито девять тысячъ, а ранено отъ двѣнадцати до «тринадцати тысячъ человекъ.» Пеле (p. 144) ссылается на эту же цифру, а потерю Русскихъ обозначаетъ по Бутурлину

Либенштейнъ (t. II, S. 61) говоритъ, что «по 18-му бюл- «летеню, Французовъ убито двѣ тысячи пятьсотъ человекъ, а «ранено семь тысячъ пятьсотъ, но Французы потеряли не менѣ «сорока тысячъ, а Русскіе, по малой мѣрѣ, тридцать тысячъ че- «ловѣкъ.»

Бретшнейдеръ (t. I, S. 86) пишетъ: «Съ обѣихъ сторонъ «считали отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ убитыхъ и ране- «ныхъ,» и присовокупляетъ: «поле битвы представляло ужасную кар- «тину! Горестна была участь раненыхъ, составлявшихъ цѣлую ар- «мію. Они лежали тысячами безъ помощи. Но Русскій проливалъ «кровь, утѣшаясь тѣмъ, что палъ за родину; сыны же Германіи, «Франціи и Италіи, издыхали далеко отъ отечества жертвами вла- «столюбія.»

Керъ-Портеръ (p. 156) говоритъ, что «потеря Французовъ «должна была простираться нѣсколько болѣе пятидесяти тысячъ «человѣкъ, а лошадей болѣе двадцати пяти тысячъ.»

Нѣсколько выше (p. 155) онъ пишетъ, что «въ этотъ день «восемьдесятъ тысячъ человекъ прекратили свое существованіе.»

Значить, что на долю Русскихъ авторъ даетъ тридцать тысячъ человѣкъ.

Миллеръ (t. I, S. 123), какъ участникъ въ битвѣ, свидѣтельствуеъ: «Французы говорятъ, что взяли въ плѣнъ пять тысячъ «человѣкъ, но это по большей части были раненые, которыхъ «Кутузовъ долженъ былъ оставить на мѣстѣ битвы.» Далѣе (S. 142) «прибавляетъ: «Русскіе потеряли болѣе людей, чѣмъ Французы, которыхъ уронъ былъ уже довольно значителенъ.»

Шамбре (t. II, p. 75) опредѣляетъ общую потерю обѣихъ армій за семьдесятъ тысячъ убитыхъ и раненыхъ, но потеря Русскихъ была значительнѣй потеря Французовъ, по тому что первые были въ необходимости оставить часть своихъ раненыхъ на полѣ битвы.³⁹ И далѣе (p. 76) говоритъ: «Русская пѣхота, отъносительно къ конницѣ, потерпѣла болѣе; въ арміи же Наполеона «это было на оборотъ. Одни отъ другихъ отбили по нѣскольку «полевыхъ орудій; Французы же, сверхъ того, овладѣли двадцатью «одной пушкой, находившимися въ редутѣ.⁴⁰

Далѣе авторъ (p. 83) присовокупляетъ, что «Наполеонъ, слѣдую своему обыкновению преувеличивать свои успѣхи, извѣщаетъ. «въ 18-мъ бюллетенѣ, объ удержанной имъ рѣшительной побѣдѣ, въ которой Русскіе потеряли сорокъ, или пятьдесятъ, тысячъ, «а Французы только десять тысячъ человѣкъ.»

Фенъ, хотя и свидѣтель битвы, однако же не даетъ цифры потерь и ограничивается (t. II, p. 41) тѣмъ, что говоритъ: «Потери Французской арміи велики. Потеря же Русской арміи не «смѣтна.» И повторяетъ то, какъ замѣчено выше, что мы «потеряли бы менѣе Французовъ, если бы не упорствовали въ защитѣ и въ нападеніяхъ.» Само собою разумѣется, говорю опять, что имъ было бы очень пріятно, если бы мы, какъ Пруссаки

³⁹ Но это ни какъ не вмѣняетъ цифры выбывшихъ изъ строя, а только превращаетъ раненыхъ въ плѣнныхъ.

⁴⁰ Въ Бородинѣ, кромѣ полевыхъ орудій, у насъ не было ни какихъ, слѣдовательно и въ редутѣ были не крѣпостныя или осадныя, а тѣ же полевыя пушки.

подъ Іеною, бѣжали послѣ перваго на нихъ нападенія. Но Французы умѣютъ такъ ловко выражаться, въ подобныхъ случаяхъ, что можно подумать, будто они дѣйствительно руководимы филантропическими чувствами и искренне сожалеютъ, за чѣмъ мы такъ упорно отставали, мѣсто, что отъ этого-то мы такъ много и потеряли и т. д. Но не лучше ли было бы имъ вовсе не нападать, въ избѣжаніе кровопролитія? Послушать ихъ фразъ, такъ они насъ били отъ Нѣмана до Москвы и отъ Москвы до Парижя; а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уже фразы оказываются бессильными, они очень ловко умѣютъ слагать вину въ своихъ неудачахъ: или на мнимо несоразмѣрную численность непріятеля, или на недоумѣнія нѣкоторыхъ частныхъ своихъ начальниковъ при исполненіи диспозиціи, на ошибки, на смерть начальниковъ частей и иногда на измѣну и тому подобныя причины, но и въ такихъ случаяхъ слово «victoire» съ другими, столь же громкими, выраженіями, всегда находитъ мѣсто во фразахъ, которыми мастерски облакаютъ свой разсказъ, ни мало не заботясь о томъ, что разсказъ, ими же самими составленный, совершенно противорѣчитъ хвастливымъ ихъ выраженіямъ.

Графъ Дюма равномѣрно не опредѣляетъ цифры потери подъ Бородинымъ, хотя ему, какъ Генералъ-Интенданту арміи, она должна быть положительно извѣстна. Вотъ, что онъ говоритъ («Souvenirs,» т. II, р. 442): «Наши потери громадны и тѣмъ болѣе чувствительны, что наши усилія и попеченія не могли создать на этѣхъ пустынныхъ равнинахъ достаточныхъ вспомоствованій, чтобы «вырвать у смерти столько храбрыхъ изувѣченныхъ.» Изъ словъ Дюма должно заключить, что потери Французовъ были огромны.

Вольцогенъ (S. 148, 149), сказавъ, что у Русскихъ убито и ранено тысяча двѣсти Офицеровъ, но никогда нельзя было узнать точно, сколько именно въ этотъ день пало солдатъ, приводитъ цифру Бутурлина—пятьдесятъ тысячъ человекъ. Потерю Французовъ опредѣляетъ въ двадцать тысячъ убитыми и десять пушекъ, а Русскіе потеряли тринадцать пушекъ.

Солтыкъ (р. 244) говоритъ, что «у Русскихъ вышло изъ «строя пятьдесятъ тысячъ человекъ,» и присовокупляегъ: «но мы «взяли только малое число плѣнныхъ.» Потерю же Французской

арміи онъ опредѣляетъ въ восемнадцать тысячъ убитыми и ранеными, и говоритъ, что (р. 25): «при осмотрѣ Наполеонѣмъ на другой день поля битвы (авторъ находился при Наполеонѣ), замѣтили, что на одного убитаго Француза было трое Русскихъ.» Выше же видно было, что Наполеонъ насчиталъ на одного Француза пять Русскихъ.

Галлуа, въ «Исторіи Наполеона» (II part., p. 442) опредѣляетъ «потери Русскихъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ, а Французовъ «отъ десяти до двѣнадцати тысячъ,» и то же, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, говоритъ, что намъ не слѣдовало оспаривать Семеновскія укрѣпленія; тогда мы потеряли бы менѣе Французовъ. Не угодилъ этѣмъ Господамъ: когда мы отступаемъ—они кричатъ, что мы бѣжимъ! Начали сражаться, они опять говорятъ: зачѣмъ мы обороняемся, или нападаемъ на нихъ, это причиняетъ намъ потери! Филантропы!

Норвенъ (t. III, p. 310) говоритъ, что «эта битва, очень не рѣшительная (tror peu décisive), Французамъ стояла отъ двѣнадцати до тринадцати тысячъ ранеными и девять тысячъ убитыми. «а Русскимъ (р. 311) около пятидесяти тысячъ. Французы взяли «пятьдесятъ пушекъ и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ.»

Тиссо (t. II, p. 726): «Эта битва, одна изъ самыхъ кровопролитныхъ нашего времени, стояла Французамъ отъ пятнадцати до «двадцати тысячъ человекъ. Число раненыхъ Генераловъ восходило «до тридцати. У Русскихъ (р. 727) выбыло изъ фронта около сорока тысячъ человекъ. Убитыхъ, или раненыхъ, Генераловъ пять «десять.» (Но это даже не на оборотъ: у Французовъ сорокъ девять, а у насъ только двадцать два). Въ числѣ убитыхъ Генераловъ онъ называетъ двухъ Тучковыхъ, что неправильно, ибо убитъ только одинъ А. А. Тучковъ 4, а Н. А. Тучковъ 1-й раненъ: правда, что онъ чрезъ три недѣли умеръ, но въ такомъ случаѣ убитъ и Князь Багратионъ. «Французы взяли болѣе пятидесяти пушекъ.» и опять: «plusieurs milliers плѣнныхъ.»

Въ «Kurze Darstel.» (S. 16): «Русскіе потеряли болѣе сорока «тысячъ, а Французы десять тысячъ человекъ.» Въ описаніи уча-

стія въ войнѣ Саксонцевъ въ 1812 и 1815 годахъ (S. 384): «съ обѣихъ сторонъ убитыхъ и раненыхъ шестьдесятъ тысячъ.»

Въ «Skizzen zur einer Gesch. (S. 83): «Съ обѣихъ сторонъ убитыхъ и раненыхъ сто тысячъ человѣкъ.»

Гурго (р. 377) говоритъ, что съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя восемьдесятъ тысячъ человѣкъ; тридцать тысячъ труповъ лежало на полѣ битвы.

Капфигъ (t. IX, р. 277) пишетъ: «Вечеромъ съ той и другой стороны не много насчитывали плѣнныхъ. Поле битвы устлано тѣлами; считали семьдесятъ тысячъ выбывшихъ изъ строя».. Далѣе на той же страницѣ: «Русскихъ убито и ранено тридцать тысячъ, Французовъ двадцать тысячъ»... По утру, 8 Сентября, (27-го Августа), оказались (р. 278), по переключкѣ, только девяносто тысячъ, а на канунѣ было сто двадцать тысячъ подъ ружьемъ.» Здѣсь представляется разнорѣчіе въ цифрахъ, ибо въ первомъ случаѣ тридцать и двадцать тысячъ составляютъ не семьдесятъ, а только пятьдесятъ тысячъ, а во второмъ выходитъ, что у Французовъ убыль показана въ двухъ цифрахъ, въ двадцать и тридцать тысячъ, какъ видно изъ результата переключки.

Бисмаркъ (S. 559) опредѣляетъ другую цифру. «Потерю Русскихъ онъ ограничиваетъ въ двадцать пять тысячъ человѣкъ, а Французовъ въ тридцать тысячъ.» Въ другомъ же мѣстѣ (Spec. mil. 1847, t. XXIV, р. 148) онъ считаетъ «потерю Русскихъ, по Данилевскому, въ пятьдесятъ тысячъ, присовокупляя, что «это число еще увеличилось послѣ битвы—больными и дезертирами.» Потерю Генераловъ онъ опредѣляетъ въ сорокъ три.

Въ «Mém. pour servir à l'hist. de la guerre de 1812,» написанныхъ Офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба (t. I, р. 187), потеря Французовъ опредѣляется: «болѣе двадцати тысячъ, «а у насъ убитыми, ранеными и плѣнными болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, и болѣе тридцати Генераловъ выбыло изъ фронта.» Положимъ, что онъ прибавилъ около десяти, но замѣчательно, что въ число убитыхъ онъ включаетъ «Генераль-Лейтенанта Коновницына.»

Авторъ дѣлалъ кампанію и долженъ былъ знать, что убитый Коновницынъ послѣ Бородина не разъ командовалъ значительными частями войскъ, отъ Малоярославца до Парижа, о чемъ упоминають всѣ повѣствователи иноземные. Любопытно было бы также знать, кто такой, кромѣ Генерала Лихачева, былъ взятъ подъ Бородинымъ въ плѣнъ, ибо авторъ говоритъ о трехъ взятыхъ у насъ въ плѣнъ Генералахъ. О Тучковѣ 3-мъ не можетъ быть рѣчи; ибо онъ также израненый, какъ и Лихачевъ, взятъ былъ за двадцать дней прежде въ битвѣ на Валутиной горѣ.

Денъе, находившійся въ Главномъ Штабѣ Наполеона и въ послѣдствіи изъ Архива Военнаго Министерства, до котораго, какъ говоритъ, Бертье никого не допускалъ, выбралъ цифры потерь Французской арміи, которыя (р. 80), представляютъ слѣдующее: «Генераловъ убито десять, ранено тридцать девять, всего сорокъ «девять поименно). Полковниковъ убито десять, ранено двадцать семь, всего тридцать семь. Офицеровъ, Унтеръ-Офицеровъ «и солдатъ шесть тысячъ пятьсотъ сорокъ семь, ранено двадцать «одна тысяча четыреста пятьдесятъ три; всей же потери двадцать «восемь тысячъ восемьдесятъ шесть человекъ.

«Потерю Русскихъ онъ опредѣляетъ въ пятьдесятъ тысячъ «человекъ.»

Казалось бы, что послѣ подобнаго труда, относительно цифръ Французской арміи, численность должна была быть уже принята окончательно, но это сдѣлано, какъ будетъ видно, не многими, писавшими въ послѣдствіи.

Г.-Л. Фезензакъ (р. 46) опредѣляетъ потерю Французовъ слово въ слово по Денъе, а потерю нашу въ пятьдесятъ тысячъ, и въ число убитыхъ включаетъ Принца Евгенія Виртембергскаго! Замѣчательно то, что онъ въ эту войну служилъ Полковникомъ въ Штабѣ Наполеона и на другой день послѣ Бородина получилъ полкъ, а книгу свою написалъ въ 1849 году; слѣдовательно, имѣлъ время справиться, если позабылъ то дѣятельное участіе, которое Принцъ принималъ во всѣхъ битвахъ послѣ того, какъ былъ убитъ, да и самъ Генераль Фезензакъ говоритъ о немъ не разъ.

Жомини (t. II, p. 230) говорятъ, что «съ обѣихъ сторонъ «выбыло изъ строя восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.» То же говорить (p. 45) и Бретонъ дела Мартинье.

Мишо (p. 134) пишетъ: «сорокъ три Генерала и тридцать «тысячъ Французовъ были убиты на мѣстѣ. Потеря Русскихъ была не менѣе; ни съ той, ни съ другой стороны плѣнныхъ не «было. Убивали другъ друга безъ жалости, безъ пощады, по обы- «кновенію дикихъ.»

Сентъ-Илеръ (въ «Hist. popul.» t. III, p. 69) говоритъ: «На- «ши потери были ужасны, но безъ соразмѣрныхъ результатовъ.» Въ другомъ же своемъ сочиненіи («Hist. de la camp. de 1812,» t. II, p. 25) опредѣляетъ потерю Французовъ по цифрамъ Денье, а нашу въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, присовокупляя (p. 26): «но плѣн- «ныхъ насчитывали не много.»

Кастельверъ (p. 276) опредѣляетъ нашу потерю: «убитыми пятнадцать тысячъ, ранеными тридцать тысячъ и пять тысячъ плѣнными.»

Мортонваль (p. 282, 283) показываетъ, согласно съ Кастельверомъ, нашу потерю убитыми и ранеными; но плѣнныхъ, вмѣсто пяти тысячъ, только въ двѣ тысячи человѣкъ. Потерю же Французовъ беретъ изъ Ларрея, т. е., девять тысячъ убитыми и тридцать тысячъ ранеными.

Биньіонъ (p. 10) одинаково ничего не опредѣляетъ, а говоритъ только: «потери обѣихъ армій были чрезвычайно велики, «но потеря Русскихъ далеко превосходитъ нашу.»

Дю-Кассъ (p. 204): «Болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ «съ обѣихъ сторонъ нашли смерть при Бородинѣ.»

Форъ (p. 48), медикъ 1-го кавалерійскаго корпуса, говоритъ, «что на одного Француза было четверо Русскихъ,» и присовокупляетъ, «что онъ никогда бы не повѣрилъ, если бы самъ «того не видѣлъ.» И такъ, вотъ еще новая цифра сравненія: выше видно было, что Наполеонъ насчиталъ пять Русскихъ, Графъ Солтыкъ трехъ, а Г. Форъ четырехъ на одного Француза! Чего имъ жалѣты! Замѣчательно основаніе расчета!!

Клаузевицъ опредѣляетъ «потерю Русскихъ въ тридцать тысячъ, а Французовъ въ двадцать тысячъ человекъ,» а въ другомъ своемъ счиненіи («*Milit. Briefe,*» t. I, p. 419) потерю Русскихъ приводитъ по Бутурлину: пятнадцать тысячъ убитыхъ и тридцать тысячъ раненыхъ; Французовъ, по Ларрею: девять тысячъ убитыхъ и тридцать тысячъ раненыхъ, и выводитъ причину несоразмѣрности потери въ противоположныхъ арміяхъ ту, что, будто бы наша артиллерія стрѣляла слишкомъ высоко!

Рёдеръ (S. 152, 153) потерю Французовъ опредѣляетъ по Ларрею, а Русскихъ по Бутурлину. У Французовъ убитыхъ и раненыхъ Генераловъ около сорока. У Русскихъ, въ числѣ убитыхъ, показанъ не только Тучковъ 1-й, раненый, какъ и Баграціонъ, умершіе послѣ, но и Коновницынъ. Плѣнныхъ Русскихъ взято около тысячи и двадцать одну пушку въ редутахъ.

Лоссбергъ (S. 174): «Французовъ убитыми и ранеными двадцать пять тысячъ, а у Русскихъ пятьдесятъ тысячъ человекъ, или, по крайней мѣрѣ, въ пропорціи 2 къ 3. Наши трофеи, при-«совокупляетъ авторъ, заключаются въ какихъ ни будь двадцати «пушкахъ, взятыхъ въ редутахъ.»

Въ «*Das Buch vom Jahre 1812*» etc. (S. 287): «потеря Русскихъ опредѣляется въ сорокъ тысячъ человекъ.» Авторъ (S. 301) присовокупляетъ: «Результатъ этой битвы заключался въ тысячѣ «плѣнныхъ и около тридцати пушекъ, взятыхъ у Русскихъ.»

Вентурини (t. I, S. 281): «потеря съ каждой стороны по «тридцати тысячъ человекъ убитыхъ и раненыхъ.»

Гофманъ, въ «*Schl. v. Borod.*» (S. 66), собственно въ Бородинѣ, 26 Августа, полагаетъ «потерю Русскихъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человекъ, а Французовъ по Денье.»

Шапоки принялъ цифры Барона Денье. Онъ только одинъ буквально придержался къ онымъ, или и самъ изслѣдилъ ихъ въ источникахъ.

Бертезенъ (t. II, p. 53, 54), пишетъ: «потери Французовъ «убитыми и ранеными простираются отъ двадцати до двадцати «пяти тысячъ человекъ, въ томъ числѣ тысяча триста Офицеровъ

«разныхъ чиновъ и порядочное число Генераловъ» Потерю Русскихъ Генераловъ Бертезенъ (р. 55) опредѣляетъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человекъ. Въ «Воспоминаніяхъ о Наполеонѣ» его Секретаря (т. I, р. 36) опредѣляется «потеря Русскихъ также около пятидесяти тысячъ и сорокъ Генераловъ!»

Бейтцке (S. 214) означаетъ потери Французовъ приблизительно съ цифрами Денъе и Шапюи, и именно: въ двадцать восемь тысячъ и сорокъ девять Генераловъ. Относительно же Русскихъ онъ возвышаетъ ихъ потерю отъ пятидесяти двухъ до пятидесяти осьми тысячъ человекъ. «Французы взяли сорокъ пушекъ и тысячу плѣнныхъ.»

Тьеръ, неизвѣстно изъ какихъ источниковъ, даетъ также приблизительныя цифры къ показаннымъ Барономъ Денъе и Полковникомъ Шапюи, но въ нѣкоторыхъ онъ далеко отходитъ отъ нихъ. Вотъ, что онъ (р. 348) говоритъ: «девяносто тысячъ съ обѣихъ сторонъ легло на полѣ битвы, ⁴¹ отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ лошадей убитыхъ, или блуждающихъ (erants) по полю.»

Онъ раздѣляетъ этѣ цифры слѣдующимъ образомъ (р. 349): «Раздѣленіе этого погребальнаго списка было очень не равное. Мы считали около девяти, или десяти, тысячъ убитыми.» (Денъе и Шапюи 65, 67); «отъ двадцати до двадцати одной тысячи раненыхъ» (Денъе и Шапюи 21, 519), т. е., тридцать тысячъ изъ строя; сорокъ семь Генераловъ убитыхъ и раненыхъ ⁴² (у Денъе и Шапюи сорокъ девять) и тридцать семь Полковниковъ убитыхъ и раненыхъ.» Потерю Русскихъ онъ опредѣляетъ близъ шестидесяти тысячъ человекъ! И говоря о потерѣ Французскихъ Генераловъ и Полковниковъ, присовокупляетъ: «у Русскихъ около

⁴¹ Пастъ на полѣ, или, какъ говорятъ, «couché sur le champ de bataille» понимается объ убитыхъ, а потому онъ опредѣляетъ убитыми Французовъ только около десяти тысячъ; но не уже ли семьдесятъ тысячъ Русскихъ было убито? Далѣе же онъ и это опровергаетъ, говоря, что у насъ «потери около того же.»

⁴² Генералъ Белъяръ, котораго онъ помѣстилъ въ спискахъ раненыхъ подъ Бородинымъ, былъ раненъ при Можайскѣ.

«того же.» Но наша потеря Генералами далеко не достигаетъ и половины потерянныхъ непріателемъ.

Такая же разница представляется и у нашихъ повѣствователей

Козегартенъ (S. 167) говоритъ, что «потеря въ обѣихъ арміяхъ заключалась въ сто тысячъ человѣкъ, а именно: у Французовъ шестьдесятъ тысячъ, у Русскихъ сорокъ тысячъ, присовокупляя, что Французы потеряли пятьдесятъ Генераловъ, шестьдесятъ Полковниковъ, сто двадцать Штабъ-Офицеровъ и тысячу четыреста Оберъ-Офицеровъ. У Русскихъ Генераловъ потеряно менѣе.»

Ахшарумовъ (стр. 117) опредѣляетъ «потерю Русскихъ убитыми въ десять тысячъ, ранеными въ четырнадцать тысячъ семьсотъ.»

«Потерю Французовъ, на основаніи перехваченныхъ бумагъ, простираетъ до сорока тысячъ, присовокупляя, что битва эта названа битвою Генераловъ, по множеству ихъ тутъ павшихъ.»

Бутурлинъ (т. I, стр. 228) пишетъ, что у «Русскихъ выбыло изъ строя около пятидесяти тысячъ, въ томъ числѣ пятнадцать тысячъ убитыми, тридцать тысячъ ранеными и около двухъ тысячъ плѣнными.»

«У Французовъ же (стр. 289) онъ потерю возводитъ свыше шестидесяти тысячъ человѣкъ, изъ нихъ убитыми до двадцати тысячъ и плѣнными болѣе тысячи человѣкъ.»

«Русскіе отбили десять пушекъ, а тринадцать потеряли.»

Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 243): «потеря Русскихъ 24 и 26 Августа около пятидесяти семи, или пятидесяти осьми тысячъ человѣкъ. У Французовъ до пятидесяти тысячъ, въ томъ числѣ сорокъ три Генерала.»

«Русскіе взяли тринадцать пушекъ, а потеряли пятнадцать. Плѣнныхъ съ каждой стороны по тысячѣ человѣкъ.»

Авторъ къ изысканіямъ своимъ присовокупляетъ, что «по изгнаніи Французовъ, на Бородинскомъ полѣ сожжено человѣческихъ

труповъ пятьдесятъ восемь тысячъ пять сотъ двадцать одинъ; конскихъ тридцать пять тысячъ четыреста семьдесятъ восемь. Само собою разумѣется, что трупы эѣ принадлежали къ обѣимъ арміямъ.

Иѣловъ (стр. 81): «Русскихъ Генераловъ убито трое,⁴³ ранено двѣнадцать и одинъ плѣненъ. Рядовыхъ убито пятнадцать тысячъ, ранено тридцать тысячъ.»

«У Французовъ: Генераловъ убито девять, ранено тринадцать; рядовыхъ убито двадцать тысячъ, ранено сорокъ тысячъ и отбито у нихъ Русскими тринадцать орудій.»

Глинка (ч. II, стр. 26) говоритъ: «у Французовъ убито и ранено Генераловъ, какъ показано и Иѣловымъ, но присоединено: Штабъ и Оберъ-Офицеровъ тысяча пятьсотъ, рядовыхъ въ одинаковой цифрѣ, какъ и выше, но не говоритъ о тринадцати пушкахъ »

«Потерю Русскихъ опредѣляетъ, какъ и Иѣловъ. И одинаково говорится о третьемъ Генералѣ.»

Полевой (стр. 89): «потеря Русскихъ по однимъ: пятьдесятъ тысячъ, въ томъ числѣ убито пятнадцать тысячъ, ранено болѣе тридцати тысячъ; но другіе, какъ авторъ присовокупляетъ, доистовѣрно считаютъ убитыхъ и раненыхъ до шестидесяти тысячъ человекъ. Французовъ убито и ранено, конечно, не менѣе, если не болѣе шестидесяти тысячъ человекъ.»

Графъ Толъ (т. II, S. 113), послѣ критическаго разсмотрѣнія даваемыхъ нѣкоторыми цифръ потерямъ, опредѣляетъ оныя собственно при Бородинѣ, 26 Августа, Русскихъ отъ сорока четырехъ тысячъ, и около тридцати семи пушекъ.»

Относительно потери у Французовъ, то, разобравъ цифры, опредѣляемыя Денъе и Целе, означаетъ (S. 114) оную «отъ тридцати четырехъ до тридцати пяти тысячъ человекъ.»

⁴³ Убиты: Генералы Тучковъ 4, Графъ Кутайсовъ, но кто же это третій? Лихачевъ былъ взятъ въ плѣнъ, и онъ показывалъ.

Богдановичъ (т. II, стр. 222, 223), относительно потери Русской арміи, повторяетъ то, что сказалъ уже Михайловскій-Данилевскій; исчисливъ по чинамъ потерю изъ 1-й арміи, опредѣляетъ ее до тридцати осьми тысячъ человѣкъ. Относительно 2-й арміи положительныхъ свѣдѣній нѣтъ, но авторъ говоритъ, что «уронъ вообще нашей арміи въ Бородинскомъ сраженіи можно «опредѣлить безошибочно (!) до сорока четырехъ тысячъ «человѣкъ.»⁴⁴

Относительно потери у Французовъ вотъ что авторъ пишетъ (стр. 223): «Со стороны непріятеля, по показанію Денье (самое достоверное), свыше двадцати осьми тысячъ (Денье говоритъ двадцать восемь тысячъ восемьдесятъ шесть человѣкъ), убито Генераловъ двѣнадцать (а Денье говоритъ десять), Полковниковъ десять, Офицеровъ и нижнихъ чиновъ шесть тысячъ пятьсотъ сорокъ семь, ранено Генераловъ тридцать семь (а Денье говоритъ тридцать девять),» остальные цифры изъ Денье вѣрны. Послѣ сего авторъ приводитъ показаніе Ларрея, что при Бородинѣ и Шевардинѣ армія потеряла двадцать двѣ тысячи, и что Тьера возводитъ эту цифру до тридцати тысячъ, но онъ, какъ сказано было выше, считаетъ потерю убитыми отъ девяти до десяти тысячъ, ранеными въ двадцать, или двадцать одну тысячу (Денье и Шапюа раненыхъ считаютъ въ двадцать одну тысячу пятьсотъ девятнадцать). Послѣ всего этого авторъ заключаетъ, что потеря непріятеля была не двадцать восемь тысячъ, какъ пишетъ Денье, не двадцать двѣ тысячи, какъ говоритъ Ларрей, и не тридцать тысячъ, по повѣствованію Тьера, а не меньше нашей потери, т. е., въ сорокъ четыре тысячи! Это очень можетъ быть; но чтобы увеличить потери на 5%,⁴⁵ нужны были данныя, которыя могли

⁴⁴ Не уже ли нѣтъ возможности изъ полковой отчетливости безошибочно обозначить настоящее число? И не уже ли 2-я армія потеряла только шесть тысячъ человѣкъ? Были дивизіи, какъ, на примѣръ, Воронцова, отъ которой осталось только семьсотъ человѣкъ. Неудовлетворительны, повторяю, такіа повѣствованія.

⁴⁵ На стр. же 531, авторъ, на основаніи выводовъ Бернгарди (т. II, S. 112 — 114), говоря о численности Наполеоновой арміи послѣ Бородины, присовокупляетъ: «Въ такомъ случаѣ непріятель потерялъ въ этомъ сраже-

бы опровергнуть показаніе Барона Денъе, удостовѣряющаго, что цифры его выбраны изъ архивовъ Военнаго Министерства, до которыхъ прежде Бертье никого не допускалъ; слѣдовало бы его уличить; но это не возможно, ибо трудъ его добросовѣстенъ, и Полковникъ Шапюа, въ превосходномъ описаніи своемъ Бородинской битвы, увидѣвшемъ свѣтъ въ 1853 году, принялъ тѣ самыя цифры, которыхъ придерживался и Тьеръ, и если у послѣдняго есть кой-какія отклоненія, то, или по ошибкѣ переписчиковъ, или для округленія цифръ, такъ какъ исторія его не есть собственно военное описаніе.

Авторъ говоритъ (стр. 224): «что касается до трофеевъ... то съ каждой стороны захвачено въ бою, по различнымъ, несовершененно между собою согласнымъ, показаніямъ, отъ тринадцати до пятнадцати орудій, кромѣ того достались въ руки непріятеля нѣкоторыя изъ орудій, стоявшихъ въ нашихъ укрѣпленіяхъ.»⁴⁶ Объ этомъ выраженіи я говорилъ уже выше и замѣтилъ, что въ укрѣпленіяхъ стояли тѣ же самыя полевыя орудія, которыя дѣйствовали и въ полѣ.

Авторъ продолжаетъ: «Иностранные писатели увѣряютъ, будто бы мы потеряли вообще до сорока орудій;⁴⁷ но какъ по очищеніи отъ непріятеля Московской Губерніи найдено въ окрестностяхъ Бородина (именно у Колоцкого монастыря) всего на все семнадцать орудій, то и должно полагать, что ими ограничивались трофеи, приобрѣтенныя Французами въ Бородинской битвѣ.» Здѣсь опять ссылка (N 33) на Бейтцке (S 214) и на свѣдѣнія о событіяхъ въ 1812 году, доставленныя мѣстнымъ начальствомъ Губерніи.

«ни не менѣе тридцати трехъ тысячъ человекъ.» И такъ, сколько же именно онъ потерялъ? Относительно этой потери, слѣдовало бы, повторяю, принять цифру Денъе, если фактически ихъ нельзя опровергнуть.

⁴⁶ Здѣсь ссылка, N 32, на «подлинную записку Толя; но гдѣ она? Слѣдовало бы сдѣлать изъ оной выписку, и на Шамбре (t. II, p. 75, 76).

⁴⁷ Приступая что либо критиковать, или опровергать, слѣдуетъ назвать того, о комъ идетъ рѣчь, а не просто: «иностранные писатели;» ибо, какъ было видно выше, они разноголосятъ о количествѣ взятыхъ у насъ орудій, а

Мнѣ кажется, никто лучше не разрѣшилъ бы сомнѣнія почтеннаго автора, какъ Артиллерійскій Департаментъ, если въ архивахъ, изъ которыхъ извлекались матеріалы для настоящей книги, другихъ лучше не было, какъ Г. Бейтцке, написавшаго Нѣмецкую книгу свою чрезъ сорокъ четыре года, и донесенія мѣстнаго начальства, т. е., всеконечно Можайскаго Исправника, или кого либо въ этомъ родѣ! Описывать Бородинскую битву и не знать положительно, сколько мы взяли и сколько потеряли орудій — никто этому не повѣритъ. Наконецъ, можно ли полагаться на то только, что эти 17 орудій, найденныя близъ Бородина (и именно у Колоцкаго монастыря), могли быть единственными трофеями? Но довольно о семъ. Повторяю, что Артиллерійскій Департаментъ могъ бы доставить желаемое свѣдѣніе, которое не только что было бы полномѣстнымъ показаніемъ Бейтцке и Можайскаго Исправника, но и самое вѣрное, и ссылки на него были достойны исторіи Отечественной войны. По видимому, Г.-М. Богдановичъ не довѣрялъ Артиллерійскому Департаменту, по тому что даже и не спрашивалъ его, а положился на свѣдѣнія Исправника! Указанія же для справокъ въ помянутомъ Департаментѣ онъ имѣлъ въ виду и долженъ былъ предполагать, что въ ономъ должно что либо быть о семъ, ибо Г.-Л. Михайловскій-Данилевскій (ч II, стр. 244), говоря о потеряхъ подъ Бородинымъ, пишетъ, «что мы отбили тринадцать пушекъ, а у насъ взято пятнадцать. Сверхъ того, у насъ «подбито тридцать семь пушекъ, да взорванныхъ и доставшихся «неприятелю зарядныхъ ящиковъ сто одиннадцать». И, въ слѣдъ за симъ, дѣлаетъ ссылку на свѣдѣнія Артиллерійскаго Департамента, а по тому, это достаточно указывало Г.-М. Богдановичу, откуда слѣдовало почерпать данныя, но у него этого ничего нѣтъ, и нѣтъ помину о зарядныхъ ящикахъ, о которыхъ говоритъ Михайловскій-Данилевскій. Если же этотъ показалъ неправильно, слѣдовало оговорить: это была обязанность добросовѣстнаго изложенія Отечественной войны, при тѣхъ условіяхъ, которыми обладалъ Г.-М. Богдановичъ, или лучше сказать, при тѣхъ средствахъ, ко-

цифра сорокъ, какъ кажется, встрѣчается только у одного Бейтцке, не учтывавшаго въ битвѣ; точно также, какъ Норвенъ и Тиссо, которые говорятъ, что у насъ взято пятьдесятъ пушекъ. Такихъ компиляторовъ много. Во всякомъ случаѣ нужно назвать, кого опровергаемъ, по выбранной цифрѣ.

торыя ему были предоставлены. Такимъ образомъ, до сихъ поръ, мы не имѣемъ положительныхъ цифръ, какъ числительности войскъ, принимавшихъ участіе въ Бородинскомъ сраженіи, такъ и потери, понесенной обѣими арміями, а равно и трофеевъ, какъ сей часъ это было видно. Очень жаль, что Г. Смитъ не распространилъ ученаго критическаго разбора своего и на всѣхъ вообще авторовъ, писавшихъ самостоятельно объ этомъ предметѣ, изъ которыхъ второстепенные историки заимствовали уже по своему выбору, или, лучше сказать, по своему произволу, опредѣленіе помянутыхъ цифръ, придерживаясь въ этомъ случаѣ той или другой стороны, убавляя и прибавляя числительность и потери, соображаясь съ собственными своими взглядами, или ложнымъ патріотизмомъ и т. п. Строгій анализъ имѣющихся матеріаловъ сблизилъ бы между собою цифры, даваемые нѣкоторыми авторами, которые могли понимать въ цифрахъ своихъ, одни всю массу арміи, собранной на Бородинскомъ полѣ, другіе только тѣ войска, которыя дѣйствовали въ битвѣ; такъ, на примѣръ, одни повѣствователи Французы могли не считать около осмнадцати тысячъ гвардіи, не принимавшей ни какаго участія въ дѣлѣ, другіе, напротивъ, включать и ее въ свои цифры; точно также и у насъ, нѣсколько полковъ не были вовсе въ дѣлѣ, составляя резервъ, а равно и знатная часть милиціи.

Но намъ гораздо легче, чѣмъ Французамъ, доискиваться настоящей цифры войскъ, бывшихъ на Бородинскомъ полѣ, какъ участвовавшихъ въ битвѣ, такъ и не участвовавшихъ: у насъ архивы должны быть цѣлы и современный отчетъ о частяхъ войскъ можетъ удовлетворить этому. Но не то видимъ относительно арміи Наполеона подъ Бородинымъ, составленной изъ разныхъ народовъ, которые едва только высвободились изъ Россіи, какъ начали постепенно отпадать отъ тогдашняго своего владыки, и историки въ послѣдствіи, принявшіеся составлять свои описанія, могли уже не имѣть подъ рукою положительныхъ данныхъ для составленія общей цифры, какъ бывшимъ въ строю, въ день битвы, такъ и павшимъ въ ней.⁴⁸ Въ Москвѣ едва ли имъ до того было, чтобы за-

⁴⁸ Баронъ Денъе, какъ говорить, извлекъ свои цифры изъ архива Военнаго Министертва, въ которое ояѣ могли быть доставлены изъ Москвы, или сохраниться при отступленіи. Не каинимъ же образомъ, писавшіе послѣ Денъе,

няться симъ съ надлежащею отчетливостью; а если это въ нѣкоторыхъ частяхъ и было сдѣлано, то, конечно, въ чрезвычайно малой долѣ и отрывисто, ибо послѣдовательной цѣлости быть не могло. Многое, отсылавшееся изъ Москвы, было перехватываемо на дорогѣ, частью доставлялось въ нашу главную квартиру, но большею частью вѣроятно истреблялось, въ особенности если попадалось въ руки крестьянамъ. Когда же армія Наполеона двинулась изъ Москвы въ обратный путь, то извѣстно, что ни одна изъ повозокъ не достигла Нѣмана, чтобы передать въ архивы тѣ необходимые документы, которые могли бы послужить основаніемъ для точныхъ выводовъ по сему предмету. Кто дѣлалъ эту кампанію, тотъ припомнитъ фуры, наполненныя не одними бумагами, разбитыми среди дорогъ, въ снѣгу и часто служившими намъ для бивачныхъ костровъ, преимущественно начиная отъ Дорогобужа по всей дорогѣ, особенно въ Гжатскѣ, Смоленскѣ и на Волгѣ, въ Красномъ и до самыхъ Борисова и Студянки, гдѣ многія тысячи различнаго рода экипажей были брошены, и очень немногія изъ главныхъ лицъ армій успѣли увидѣть свои повозки на противоположномъ берегу Березины, да и то не на долго. Цонарскія высоты оставили на себѣ почти все еще остававшееся. Самъ Наполеонъ подалъ примѣръ приказаніемъ сжечь многія бумаги, а потомъ даже и орлы. Если еще что могло быть спасено въ этомъ отношеніи, то, конечно, только изъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ въ окрестностяхъ Риги и противъ Витгенштейна и Чичагова; но тутъ о Бородинѣ не можетъ быть и рѣчи.

Обращаясь къ числительности арміи при Бородинѣ, можно только сказать, что, при обзорѣннн шестидесяти вышеприведенныхъ повѣствователей, должно заключить, что Французская армія превосходила нашу около пятнадцати процентовъ, съ значи-

не заимствовали этихъ данныхъ? Такъ, на примѣръ, Тьеръ, имѣвшій, конечно, также доступъ въ архивы и по положенію овоему могшій пользоваться многими записками, не для всѣхъ доступными, не совершенно совпадаетъ съ цифрами Денъе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшительно съ нимъ разногласить, на примѣръ: относительно убитыхъ, Денъе показываетъ убитыми опредѣлительно шесть тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ семь человекъ, а Тьеръ возводитъ эту цифру отъ девяти до десяти тысячъ! Разница на треть часть! И въ потерѣ Генераловъ между ними есть разница.

тельными превосходствомъ конницы и опытностью въ битвахъ, по свѣдѣтельству, какъ видно было выше, самихъ Французскихъ писателей. Но это свѣдѣтельство должно быть отнесено въ буквальномъ смыслѣ только къ нижнимъ чинамъ, въ числѣ которыхъ у насъ было много рекрутъ. Что же относится до военачальниковъ и вообще до Офицеровъ, то, конечно, они не уступали въ достоинствахъ непріятельскимъ; ибо иначе итогъ былъ бы совершенно иной: это признано самимъ непріателемъ. Если же Французы и нѣкоторые изъ ихъ союзниковъ, принимавшихъ участіе въ Бородинской битвѣ, могутъ встрѣчать отъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ препятствіе для полной отчетливости по сему предмету, то у насъ препятствій этихъ вовсе существовать не могло, а при всемъ томъ и всѣ наши историки разногласятъ въ этомъ случаѣ! Къ сожалѣнію, и послѣдняя «Исторія Отечественной войны 1812 года» не изъята отъ подобныхъ недостатковъ въ неопредѣлительности излагаемаго предмета, а въ военной Исторіи и нѣсколько промаховъ колеблютъ довѣріе къ цѣлому, и сочиненіе оказывается не достигшимъ опредѣленной своей цѣли — точности.

Не полагаю излишнимъ привести здѣсь данныя объ израсходованіи снарядовъ въ этой битвѣ.

По отчету Генерала Ларибоссьера, въ Бородинскомъ сраженіи, собственно 26-го Августа, выпущено шестьдесятъ тысячъ пушечныхъ зарядовъ и милліонъ четыреста тысячъ ружейныхъ.⁴⁹

⁴⁹ Генераль Гурго (р. 137) говоритъ, что Французская артиллерія сдѣлала въ этомъ сраженіи девяносто одну тысячу выстрѣловъ. То же говоритъ Редеръ (S. 152); Мортонваль (р. 285) пишетъ то же и присовокупляетъ, что цифра эта, по донесенію также Ларибоссьера! Графъ Монтолонъ (t. II, р. 98) приводитъ слова Наполеона на островѣ Св. Елены, что въ Смоленскѣ выпущено было шестьдесятъ тысячъ снарядовъ, а при Бородинѣ вдвое; по этому выходитъ сто двадцать тысячъ, и что каждое орудіе было снабжено тремя стами пятидесятью зарядами. Должно полагать, что количество выстрѣловъ при Бородинѣ Наполеономъ преувеличено. Другіе уменьшаютъ количество пушечныхъ выстрѣловъ, а увеличиваютъ ружейные. Но цифра Ларибоссьера, приведенная Барономъ Денье, должна быть принята за положительную, ибо онъ былъ при Бородинѣ начальникомъ артиллеріи. Независимо отъ Денье, Гг. Пеле, Шаполя, Тьеръ ишли возможность повѣрить оную въ источникѣ, и по тому принимаютъ ее за основаніе.

Баронъ Денъе изъ этѣхъ цифръ выводитъ слѣдующее: Битва продолжалась около десяти часовъ, по чему приходится на каждую минуту по сту выстрѣловъ пушечныхъ и по двѣ тысячи триста ружейныхъ. Присоединивъ къ сему, конечно, такое же число и съ нашей стороны, тогда окажется, на каждую минуту по двѣсти выстрѣловъ пушечныхъ и по четыре тысячи шестисотъ ружейныхъ. Допустивъ же въ соображеніе, что главная сцена разыгрывалась на протяженіи не болѣе двухъ верстъ, и что разгаръ битвы продолжался только около шести часовъ, можно вообразить, что происходило въ этомъ адѣ, изрыгавшемъ такое громадное количество чугуна и свинцу!

Принявъ въ счетъ пушечные и ружейные выстрѣлы, выпущенные только непріателемъ, всего миллионъ четыреста шестьдесятъ тысячъ, и выбывшихъ у насъ изъ строя около пятидесяти осьми тысячъ человѣкъ, найдемъ, что изъ двадцати пяти выстрѣловъ поражаля одинъ,⁵⁰ или, по показанію Г.-М. Богдановича, если собственно убитыхъ и раненыхъ сорокъ четыре тысячи человѣкъ, то придется, что изъ тридцати трехъ выстрѣловъ поражаля одинъ.

Потеря съ обѣихъ сторонъ убитыми и ранеными, за исключеніемъ плѣнныхъ, составила не менѣе осьмидесяти тысячъ человѣкъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что въ кругломъ счетѣ, въ одинъ часъ времени, у сражавшихся выбывало изъ фронта по осьми тысячъ человѣкъ, или въ минуту по сту тридцати три.

Собственно бывшихъ въ бою, за исключеніемъ у Французовъ гвардіи, а у насъ Казаковъ, милиціи и нѣкоторыхъ полковъ, выйдетъ цифра не менѣе двухсотъ тысячъ, находившихся въ дѣйствительномъ огнѣ, по чему цифра павшихъ составляетъ двѣ пятыхъ наличнаго числа.

Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что Французы потеряли менѣе, нежели мы, конечно, не въ той пропорціи, какъ они показываютъ.

⁵⁰ Кавалерійскія схватки бѣлымъ оружіемъ не бываютъ значительны—относительно къ поражаемому огнемъ. Штыки одинаково большаго значенія въ цифрѣ пронавести не могутъ.

и тогда окажется, что Русскіе, дѣйствительно бывшіе въ бою, потеряли болѣе половины наличнаго числа.

Въ настоящее время истребительные снаряды болѣе усовершенствованы, а въ 1812 году ракеты не были еще употребляемы въ полевыхъ битвахъ; шрапнели и другіе разрывные снаряды не были извѣстны, объ оружіи дальняго полета не было и рѣчи, а между тѣмъ оказывается, что всѣ эти истребительныя средства далеко уменьшили кровопролитіе противъ битвъ прежняго времени.⁵¹ Да и самая пропорція убитыхъ къ раненымъ менѣе прежней: — Бородинская битва служитъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Впрочемъ, въ тѣ времена сражающіяся арміи теряли четвертую, иногда третью, часть, а бывало и половину людей, тогда какъ нынѣ такихъ явленій уже нѣтъ, не смотря на всѣ смертоносныя нововведенія. Войны 1848, 1849, 1854, 1855, 1859 годовъ и пр. служатъ неопровержимымъ тому доказательствомъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ тактикъ говорится, что «военные писатели вывели, что въ сраженіяхъ, происходившихъ въ концѣ прошедшаго столѣтія, изъ десяти тысячъ пуль попала только одна.»⁵² Но здѣсь я позволю себѣ думать, что, безъ указанія источниковъ и разсмотрѣнія оныхъ критически, признать это фактомъ нельзя, особенно же въ случаяхъ, гдѣ идетъ дѣло не о голой теоріи, а объ ея практическомъ примѣненіи къ сказанному. Въ такомъ убѣжденіи нахожу, что помянутый выводъ едва ли основателенъ для эпохи исхода прошедшаго столѣтія; можетъ быть, онъ былъ бы примѣнимъ къ сраженіямъ, происходившимъ

⁵¹ Въ 1858 году я имѣлъ случай коснуться этого предмета въ особенности, — съ нѣкоторою подробностью (См. Сѣв. Пч. NN 151—155).

⁵² Въ Медицинской газетѣ, издающейсѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ (Русс. Изв. 1861 г., N 106), выведенъ расчетъ израсходованныхъ Австріяцами снарядовъ въ сраженіи при Сольферино. Изъ расчета этого оказывается, что семьсотъ выстрѣловъ ранили только одного, а четыре тысячи двѣсти убивали одного. Если этотъ расчетъ пусть только и приблизителенъ, то результатъ далеко не подходитъ къ тому, который оказывался въ битвахъ въ 1812 и послѣдующихъ войнахъ, когда употреблялись еще гладкія ружья, которыя, впрочемъ, и нынѣ, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ изъ опытныхъ людей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ свое достоинство.

въ XIV столѣтіи, но не въ исходѣ XVIII, особенно обративъ вниманіе на то, что въ этотъ періодъ времени, отъ Креси, гдѣ въ первый разъ показались пушки, до окончанія прошедшаго столѣтія, являются на военномъ поприщѣ дѣятелями: Карлъ V, Густавъ-Адольтъ, Тюренъ, Конде, Монтекукули, Евгенийъ Савойскій, Де Саксъ, Фридрихъ Великій, Румянцовъ, Суворовъ и наконецъ Бонапарте. Не уже ли всѣ эти Полководцы, по геніяльности своей, не оставляли положительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи? Сомнительно.

Принявъ во вниманіе одну Семилѣтнюю войну, найдемъ, что въ битвахъ, происходившихъ въ продолженіе ея, какъ, на пригѣрѣ, въ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ, продолжавшемся восемь часовъ, выбыло изъ тысячи человѣкъ 294, такъ что въ часъ времени приходилось выбывшихъ изъ строя четыре тысячи сто пятьдесятъ человѣкъ,⁵³ явствуетъ, что принять изъ десяти тысячъ выстрѣловъ только одну пулю, достигавшую до цѣли, было бы болѣе, чѣмъ сомнительно.

Въ битвѣ этой въ обѣихъ арміяхъ дѣйствовало сто двадцать пять тысячъ человѣкъ: убитыхъ и раненыхъ было тридцать двѣ тысячи.

Дадимъ всевозможныя льготы: во первыхъ, примемъ, что половина убитыхъ, была поражена холоднымъ оружіемъ и артиллеріею (каждый опытный военный человѣкъ сознаетъ, что этого слишкомъ много; но пусть это будетъ такъ!).⁵⁴ За тѣмъ другая половина, т. е., шестнадцать тысячъ человѣкъ, были поражены пулями.

Чтобы поразить такое число людей, по мигнiю, высказанному выше, нужно было бы сдѣлать сто шестьдесятъ милліоновъ выстрѣловъ!

⁵³ О другихъ битвахъ той войны умалчиваю, ибо результатъ тотъ же самый, какъ и подъ Кунерсдорфомъ.

⁵⁴ Бородинская битва была, и по настоящее время есть, исключительная: въ ней дѣйствовали болѣе тысячи орудій преимущественно картечью и гралятами по массамъ, сосредоточеннымъ на маломъ пространствѣ.

Круглая пуля недавняго образца имѣла $\frac{36}{100}$ золотниковъ вѣса; несомнѣнно въ эпоху Кунерсдорфскаго сраженія она была тяжелой; но дадимъ и здѣсь льготу: пусть пуля того времени была еще легче пули, употреблявшейся предъ настоящимъ временемъ; возьмемъ для каждой пули только шесть золотниковъ. Изъ этого выходитъ, что для ста шестидесяти милліоновъ выстрѣловъ употреблено было девятьсотъ шестидесятъ милліоновъ золотниковъ или двѣсти пятьдесятъ тысячъ пудовъ металла, и что для пораженія одного человѣка, если принять общую сложность, нужно было употребить около шестнадцати пудовъ свинца и т. п.

Но допустивъ, что въ тѣ времена арміи имѣли возможность возить за собой подобныя баснословныя тяжести, обратимся ко второму обстоятельству, гораздо важнѣйшему, къ качеству оружія.

Въ Кунерсдорфскомъ сраженіи было сто двадцать пять тысячъ человѣкъ: не будемъ исключать изъ этого числа ни конницы, ни артиллеріи, и, на основаніи допускаемыхъ льготъ, пусть всѣ сто двадцать пять тысячъ человѣкъ дѣйствовали ружьями, то и въ такомъ даже случаѣ изъ ста шестидесяти милліоновъ выстрѣловъ приходится на каждое ружье по тысячи двѣсти осмидесяти выстрѣловъ. Каково же должно было быть тогда достоинство ручнаго огнестрѣльнаго оружія!

Кунерсдорфское сраженіе продолжалось восемь часовъ. Въ эти восемь часовъ сто двадцать пять тысячъ человѣкъ сдѣлали сто шестидесятъ милліоновъ выстрѣловъ, что приходится въ часъ по двадцати милліоновъ выстрѣловъ, а на каждого человѣка изъ полныхъ ста двадцати пяти тысячъ человѣкъ въ часъ по сту шестидесяти выстрѣловъ, или безъ малаго по три выстрѣла въ минуту!! А если принять въ соображеніе, какъ и слѣдуетъ, что, по прибытіи на поле сраженія, не сразу вдругъ всѣ начали пальбу, продолжая ее безостановочно восемь часовъ сряду, что происходили движенія, что дѣйствовали колоннами, что конница и артиллерія (которыхъ мы хотя и исключили), не могли производить этой пальбы, и наконецъ, что люди постепенно выбывали изъ фронта, то и выйдетъ, что на каждого человѣка изъ дѣйствовавшихъ ружьемъ придется едва ли болѣе

десяти выстрѣловъ въ минуту. Только при такой небывалой поспѣшности, очень натурально, и могло быть, что изъ десяти тысячъ выстрѣловъ достигалъ цѣли только одинъ. А каковы должны были быть ружья, выдерживающія тысячу двѣсти восемьдесятъ выстрѣловъ въ восемь часовъ, или безостановочно по шестидесяти въ часъ, а по другому расчету по шестисотъ?!

Подъ Бородинымъ, конечно, найкровапролитнѣйшемъ изъ всѣхъ сраженій, данныхъ со времени изобрѣтенія пороха, израсходовано на каждое ручное огнестрѣльное оружіе, въ круглош счетѣ, только около двѣнадцати зарядовъ въ продолженіе десяти часовъ.

Въ тѣхъ же тактикахъ полагаютъ, что прежнія гладкія ружья, дѣйствуя на триста шаговъ, были причиной, что пуля рѣдко достигала своего назначенія, на томъ, будто бы, основаніи, что стрѣлокъ, находящійся на столь близкомъ разстояніи отъ непріятеля, не могъ сохранять необходимаго спокойствія! Сознаюсь, что этотъ выводъ для меня непонятенъ; ибо если я убѣжденъ, что ружье, которое въ рукахъ у меня и у непріятеля можетъ вредить обоимъ другъ другу на взаимно равномъ разстояніи, то это рѣшительно одинаково дѣйствуетъ на душевное спокойствіе при встрѣчѣ смерти, и къ тому еще, какъ я убѣдился опытами въ эпоху великихъ браней, что Русскій, тѣмъ ближе находится къ непріятелю, тѣмъ мужество его, пусть и одна отвага, болѣе усиливается: онъ не понимаетъ, чтобы сраженіе съ непріятелемъ могло кончиться однимъ обмѣномъ пуль; ему нужно столкновение, безъ котораго онъ не вполнѣ признаетъ сраженіе;⁴⁵ а безъ столкновения какія бы изобрѣтенія дальняго полета снарядовъ ни были, никогда, или, по крайней мѣрѣ, на долгое время, не убѣдятъ Рус-

⁴⁵ Покойный братъ мой, на штурмѣ Варшавы въ 1831 году (бывшій въ то время полковникъ командиромъ Клецкаго пѣхотнаго полка), которому въ первый и во второй день штурма удалось овладѣть нѣсколькими редутами, съ потерей едва ли не половины наличнаго числа людей, узнавъ, что рекруты, составлявшіе знатную часть его полка, спрашивали у старыхъ солдатъ: «Когда же будетъ сраженіе?» не допуская мысли, что можно сразиться и одержать верхность безъ рукопашнаго боя. Въ этомъ-то и загадка, что каждый народъ имѣетъ свой взглядъ на тактику.

скаго человека, чтобы сраженіе могло оканчиваться безъ, такъ называемой, потасовки.⁵⁶ Впрочемъ, эта истина доказана и въ войнѣ 1854 и 1856 годовъ.

Дальніе полеты истребительныхъ снарядовъ не только не слѣдали битвъ кровопролитіе, но также, какъ и прежде, не кончали ихъ безъ штыковой работы, а это-то самое и обращаетъ на себя вниманіе.

Нѣкоторые думаютъ, что въ продолженіе десяти часовъ времени, въ Бородинѣ, вышло у насъ изъ строя, по крайней мѣрѣ, не многимъ менѣе, нежели въ одиннадцать мѣсяцевъ защиты Севастополя, включая тутъ и битвы Альмскую, Балаклавскую, Инкерманскую и на Федюхиныхъ горахъ. Само собою разумѣется, сюда не входятъ погибшіе отъ болѣзней. Любопытно было бы повѣрить это предположеніе. Относительно выбитія изъ строевъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, то число таковыхъ въ Бородинѣ очень далеко превосходитъ убыль при Севастополѣ.

⁵⁶ Не доказало ли это наше Ополченіе въ 1812 году въ Полоцкѣ, въ 1813 годъ Данцигомъ, и дружины Полковника Графа (А. Д.) Гурьева подъ Дрезденомъ и пр.?

Г Л А В А V.

ОЦѢНКА БИТВЫ.

Ни одна изъ битвъ не вызывала о себѣ столько толковъ, какъ Бородинская, а по тому здѣсь я приведу нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ, полагая, что они не будутъ излишними, тѣмъ болѣе, что всѣ они возглашены иноземцами.

Наполеонъ, какъ выше было видно, говорилъ на островѣ Св. Елены: «Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое далъ я подъ Москвою: Французы въ немъ показали себя «достойными одержать побѣду, а Русскіе стяжали право быть «непобѣдимыми.»

Что за конструкція фразы: «Французы одержали побѣду, а Русскіе непобѣдимы!» Но несчастный узникъ долженъ былъ утѣшать себя фразами, еще болѣе замѣчательными.

Ласъ-Казасъ (t. II, p. 179), передавая слова Наполеона объ Аустерлицкой битвѣ, между прочимъ, присовокупляетъ: «Русскіе показали себя превосходными солдатами, которыхъ съ того «времени уже не встрѣчали; Русская Аустерлицкая армія не проиграла бы битвы Бородинской.»

Явное противорѣчіе многому, сказанному о Русскомъ Бородинскомъ солдатѣ.⁵⁷

⁵⁷ Я привелъ, въ особенной главѣ, мнѣніе иноземныхъ повѣствователей о Русскомъ солдатѣ (Отд. третье, гл. II).

Этотъ же авторъ, въ другомъ мѣстѣ (т. VI, р. 40), приводитъ слова Наполеона: «Изъ пятидесяти сраженій, мною данныхъ, оно (Бородинское) было однимъ изъ тѣхъ, гдѣ было выказано болѣе дарованій и прекрасныхъ качествъ, а приобрѣтено менѣе результатовъ.»

Монтолонъ (т. II, р. 91, 92) приводитъ его же слова: «Послѣдствія Бородинской битвы были неисчислимы! Никогда не было такъ кстати отважиться на битву.»

Довольно загадочно! Къ чему относятся «неисчисляемыя послѣдствія?» Относительно же отваги дать битву, то видно было выше, что голодъ былъ главною причиною, какъ свидѣтельствуяютъ всѣ Французскіе историки.

Шапюи (р. 592) говоритъ: «Наполеонъ на островѣ Св. Елены называетъ эту битву борьбою гигантовъ.»

Генераль Фезензакъ, участникъ въ битвѣ (р. 45), говоритъ: «Никогда не видали болѣе остервененія, какъ въ этотъ день; едва маневрировали, — атаковали одинъ другаго фронтомъ, съ ожесточеніемъ» и т. д.

Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (т. III, р. 269) пишетъ: «Битва эта одна изъ самыхъ кровопролитныхъ, данныхъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, не принесла Наполеону выгоды, развѣ только облегчила ему занятіе Москвы. Наполеонъ хотѣлъ не побѣдить, а истребить Русскую армію.»

Жомини (т. II, р. 221): «Въ продолженіе всей жизни своей Наполеонъ давалъ много битвъ, но никогда не видалъ столь ужасной. Ей слѣдовало быть необыкновенной по всѣмъ отношеніямъ: по существу предпріятія, которое она должна была совершить, по важности выгодъ, съ нею сопряженныхъ, наконецъ, по особымъ обстоятельствамъ, ознаменовавшимъ столкновение массъ, — на пространствѣ столь сжатомъ.»

Далѣе (р. 227), изображая разные эпизоды въ этой великой битвѣ, о которой столько писали, говоритъ: «одни составляли поэмы, другіе въ вдавались критическія разсужденія, очень мало между собою сходныя, наконецъ нѣкоторые возносили ее до не-

«бесъ; замѣчательно же то, что планъ Наполеона, мудро соображенный, былъ худо выполненъ.»

Генералъ Бертезенъ (t. II, p. 53, 54) говоря объ этой битвѣ, называетъ ее «одною изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ въ новѣйшія времена.»

Шамбре (t. II, p. 77) называетъ ее «наикровопролитнѣйшею изъ данныхъ со времени изобрѣтенія пороха ⁵⁸ (и присовокупяетъ): Наполеонъ былъ побѣдителемъ (?), но онъ не достигъ результата, предмета своихъ желаній, и его положеніе становилось очень затруднительнымъ. . . . До того времени дарованія его, въ особенности на поляхъ битвъ, сіяли большимъ блескомъ; имѣло, нѣкоторымъ образомъ, онъ, казалось, повелѣвалъ счастьемъ.»

Что за фразы! Значить онъ непобѣдимъ?

Далѣе (p. 82) Маркизь этотъ пишетъ: «Не многія изъ витаннѣхъ битвъ производили на побѣдителей (!) такое необыкновенное впечатлѣніе: они, казалось, поражены были остолебеніемъ (frappé de stupeur). По перенесеніи столькихъ бѣдствій, лишеній, усталости, чтобы побудить непріятели дать битву, оказавъ въ ней столько доблестей, они видѣли послѣдствіемъ всему этому одно избіеніе (massacre), и болѣе нежели когда либо усомнились относительно продолжительности и участи войны.»

Раппъ (p. 169) отзываясь объ этой битвѣ: «Мы взяли плѣнныхъ и нѣсколько пушекъ; но этотъ результатъ не вознаграждалъ потери, нами понесенной.»

Норвенъ (t. III, p. 310), какъ видно было выше, называетъ битву эту «побѣдой trop peu décisive.»

Въ Нѣмецкомъ сочиненіи («Der Krieg der franz. etc. 1812—1813», p. 118), читаемъ: «На берегахъ Москвы, рѣвки дана была битва между Сѣверомъ и Югомъ Европы, ⁵⁹ и то, что за годъ

⁵⁸ Клаузевицъ усиливается доказать, что Кунерсдорфское и Цорндорфское сраженія были кровопролитнѣе! Неудивительно: онъ Пруссакъ.

⁵⁹ Державинъ то же самое сказалъ о битвѣ сей гораздо прежде:

«предъ тѣмъ казалось невозможнымъ, сбылось на дѣлѣ! И какая битва! Одна изъ самыхъ кровавыхъ, не только въ этомъ походѣ, но изъ всѣхъ, данныхъ Наполеономъ.»

Пюльбюскъ (р. 85): «Я видѣлъ одну изъ самыхъ ужасныхъ битвъ, которыя были даны когда либо съ тѣхъ поръ, какъ люди изучаютъ искусство истреблять другъ друга.»

Въ «*Mém. pour servir etc. 1814, par un offic. d' ét. etc. maj.*» (t. II, p. 187): «Одна изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ и упорнѣйшихъ битвъ, которой подобной давно не видали.»

Въ «*Moscou av. et ap. l'incend.*» (р. 140): «Бородинская битва была одной изъ кровопролитнѣйшихъ въ военныхъ лѣтописяхъ. Грозь пушекъ слышенъ былъ въ окрестностяхъ Москвы.»

Керъ-Портеръ (р. 155): «Такъ кончился этотъ достопамятный день, въ который прекратилось существованіе осмидесяти тысячъ человекъ. Военныя лѣтописи новѣйшаго времени не упоминаютъ о такомъ ужасномъ побіеніи. Наполеонъ имѣлъ право воскликнуть: «Никогда не видали подобнаго поля битвы!»

Мишо (р. 133): «7-го Сентября (26 Авг.), 1812 года, дана была самая кровопролитнѣйшая битва, о которыхъ только повѣствуетъ Исторія.»

Галлуа (р. 215): «Бородинская битва одна изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ послѣднихъ временъ—побіенія и истребленія.»

Биньонъ (р. 40): «Изъ всѣхъ битвъ, данныхъ Наполеономъ, самая кровопролитнѣйшая, безспорно, есть Бородинская. Только двѣ изъ всѣхъ другихъ нѣсколько приближаются къ ней огромными жертвами, которыми должно было купить побѣду: Эйлау и Ваграмъ; Маренго, Аустерлицъ, Іена, стоившія меньше, дали гораздо большіе результаты.»

Графъ Сегюръ (t. I, p. 406), описавъ поѣздку Наполеона, на другой день для обозрѣнія поля битвы, ⁶⁰ присовокупляетъ:

«Туть Сѣверъ съ Западомъ сражался,
«И ударился громъ о громъ.»

⁶⁰ См. «Утро на другой день и отступленіе» (Отд. третье, гл. 1).

«Биваки безмолвны: не слышно болѣе пѣсней, нѣтъ разсказовъ, угрюмая молчаливость. Около орловъ виднѣлись остатки Офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и нѣсколько солдатъ, едва сколько было нужно для охраненія знаменъ. Одежда ихъ изорвана отъ ожесточенія битвы; почернѣвшіе отъ пороха, обгаренные кровью, а между тѣмъ въ этихъ лохмотьяхъ, въ этомъ бѣдствіи, въ такомъ несчастіи, видъ ихъ гордъ и, усмотрѣвъ Императора, посыпалось нѣсколько торжественныхъ кликовъ, но рѣдкихъ и возбуждаемыхъ; ибо въ этой арміи (присовокупляетъ авторъ), способной въ одно и то же время къ энтузіазму, каждый обсуждаетъ положеніе всего... Французскіе солдаты никогда не ошибаются. Они удивляются столькимъ убитымъ непріятелямъ и большому количеству раненыхъ и такому малому числу плѣнныхъ: не было осмисотъ. Мертвые свидѣтельствовали скорѣй мужество побѣжденныхъ, чѣмъ побѣду. Если остальные отступаютъ въ такомъ хорошемъ порядкѣ, съ такою твердостью, такъ не упали духомъ, то къ чему выигрышь поля битвы?»

Далѣе (р. 408): «Императоръ не могъ оцѣнить своей побѣды иначе, какъ только числомъ убитыхъ. Земля до того была устлана распростертыми тѣлами Французовъ, на редутѣ (центральной), что, казалось, онъ принадлежалъ болѣе имъ, чѣмъ оставшимся на ногахъ; казалось, что видишь здѣсь болѣе побѣдителей мертвыхъ, чѣмъ побѣдителей живыхъ.»

Кроссаръ (t. IV, p. 352): «Бородинская (битва была необходима политикѣ, а не военному дѣлу...»—«Бородинскія поля были свидѣтелями одной изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ битвъ, какія только собраны Исторіею до нашихъ временъ.»

Капфигъ (t. IX, p. 278): «Никогда битва не считала столько Генераловъ, выбывшихъ изъ стрѣя. Бородинскою битвой не было пріобрѣтено ни какихъ политическихъ послѣдствій, а, правду сказать, она обезсилила болѣе Наполеона, нежели поразила Русскихъ».

Мишо (р. 133), разсуждая объ этой битвѣ, говоритъ: «При Бородинѣ все ограничивалось со стороны Французской арміи атаками съ фронта, кровопролитными приступами на редуты, при

«чемъ солдаты обѣихъ сторонъ убивали другъ друга, хватаясь за горло, какъ варвары, или залпами артиллеріи, повергавшими одними выстрѣломъ цѣлые батальоны, которые тотчасъ замѣнялись другими, строясь подъ самымъ огнемъ батарей.» Говоря о Наполеонѣ: «Онъ выказалъ какую-то нерѣшительность; приписывали это болѣзни; но достоверно то, что онъ не проявилъ ни рѣшенія, ни искусства, которыя проявлялись въ немъ прежде, въ случаяхъ, мѣшавшихъ важныхъ».

Жоини (т. II, р. 230) пишетъ: «Если бы Французы встрѣтили малѣйшія несчастія, что бы случилось тогда съ ихъ арміею? Таковы были причины, дѣйствовавшія на умъ Наполеона, и побуждали его избѣгать всякаго маневра на удачу, и уменьшили его смѣлу и рѣшимость, что обыкновенно было отпечаткомъ всѣхъ его распоряженій. Побѣда, какъ бы она ни была не полна, должна была привести его въ Москву. “ За чѣмъ же было ему подвергаться Полтавскому дню? Достопамятный кровопролитный день Бородинскій, котораго такъ пламенно желали, былъ далекъ отъ того, чтобы исполнить его цѣль. Онъ надѣялся дать эту битву въ Литвѣ и сдѣлать ее рѣшительной: онъ нашелъ ее за двѣсти лье далѣе, и ему осталось только пространство, покрытое шестидесятью тысячами съ обѣихъ сторонъ раненыхъ, или умирающихъ, безъ малѣйшихъ трофеевъ».

Вильсонъ говоритъ: «При Бородинѣ, какъ и при Ватерлоо, линіи были противопоставлены линіямъ, человекъ противъ человека; воззвали къ храбрости каждаго солдата отдѣльно; исходъ битвы зависѣлъ болѣе отъ употребленія силы, чѣмъ отъ искусства маневрированья, или отъ сравнительнаго счастья; примѣръ начальниковъ, нападенія, атаки въ штыки, чтобы отбивать неприятеля и удерживаться твердо—вотъ вся тактика этого дня. Перекрестный огонь артиллеріи—единственное соображеніе стратегіи.»

⁶¹ Но занятіе Москвы, какъ видно изъ записокъ Ровиго, Фьева и множества другихъ, во Франціи почтается событіемъ гибельнымъ. Баронъ Меневаль (т. I) говоря объ этомъ вступленіи, послѣ Бородинской битвы, присовокупляетъ: «Послѣ этого дня, столь сомнительнаго и такъ жарко оспариваемаго, открылось намъ вступленіе въ Москву и т. д.

Жоинни (т. II, р. 227), разсуждая о причинахъ, по которымъ Наполеонъ не упорствовалъ въ дальнѣйшихъ нападеніяхъ на Русскихъ, присовокупляетъ: «Онъ не хотѣлъ вновь отважиться на удачу, и въ положеніи, въ которомъ находился, довольствовался полупобѣдой. Онъ (будто бы) предвидѣлъ, что Кутузовъ направится на Москву, что до разсвѣта онъ и сдѣлалъ».

Относительно употребленія гвардіи,—мнѣнія раздѣлены не только между разными повѣствователями, но даже встрѣчаются у одного и того же изъ нихъ различные взгляды; такъ, на пр., Гурго (р. 124) говоритъ: «Если бы Наполеонъ употребилъ гвардію, результатъ побѣды былъ бы гораздо блистательнѣе». Потомъ, въ другомъ мѣстѣ, оправдывая въ этомъ Наполеона, онъ (р. 133) говоритъ: «Что бы послѣдовало, если бы битва должна была возобновиться на другой день, какъ это и предполагалъ Кутузовъ? Французскія войска, не смотря на свою побѣду, а, можетъ быть, и по причинѣ этой самой побѣды, могли быть отбиты. Двадцать тысячъ свѣжихъ избранныхъ войскъ одни могли выиграть битву.»⁶² Сегюръ же говоритъ (т. II, р. 405): «Этотъ грозный резервъ (гвардія) былъ едва въ двадцать тысячъ, въ числѣ коихъ около трети новыхъ рекрутъ.»⁶³

Лавалле (т. IV, р. 543) то же пишетъ о вліяніи, которое могла бы имѣть гвардія, если бы ее употребили: «Можно было, посредствомъ гвардіи, выбить Русскихъ изъ этой второй позиціи лѣваго фланга и порѣшить ихъ разбитіемъ. Наполеонъ удовольствовался полупобѣдой».

Такъ мечтали Французы, а нѣкоторые и не Французы понынѣ мечтаютъ о возможности разгромленія тогдашней Русской арміи этимъ резервомъ.

⁶² Значитъ, что и самъ Гурго сознаетъ возможность Кутузова атаковать Французовъ на другой день, что не соглашается съ тѣмъ, что Французы одержали викторію.

⁶³ Если это такъ, то мы далеко бы справились съ нею такимъ же числомъ, но сытыхъ и борющихся за святое дѣло.

Приведу мнѣніе о гвардіи Полковника Шапюи, которое, согласно съ обстоятельствами, изложено человѣкомъ, участвовавшимъ въ битвѣ, извѣстнымъ исторіографомъ ея и другихъ эпизодовъ этой войны (р. 576). Оправдывая Наполеона, что онъ, въ три часа по полудни, не ввелъ въ дѣло гвардіи, присовокупляетъ: «Но такъ какъ «не было взято плѣнныхъ, не одержано ни одного изъ тѣхъ успѣховъ, которые бы показывали, что непріятель утратилъ свои силы, то онъ былъ правъ, что не пустилъ гвардіи въ битву. Но положимъ (продолжаетъ авторъ), что Наполеонъ поддался бы требованію Нея и другихъ, и предположивъ, что Кутузовъ, лучше вдохновенный, предпринялъ бы на лѣвый флангъ Французской арміи «диверсію, гораздо сильнѣе, чѣмъ она была сдѣлана Уваровымъ, «что онъ и могъ сдѣлать, чѣмъ же бы тогда Наполеонъ остановилъ это движеніе?»

Вотъ что говоритъ Вальтеръ-Скоттъ объ этомъ предметѣ (t. VII, р. 305, 306): «Судьба дня показывала его болѣе одного «раза такъ сомнительнымъ, что у Наполеона нѣсколько разъ настаивали пустить въ дѣло гвардію, которую онъ держалъ въ резервъ, какъ единственное средство рѣшить дѣло. Причинъ тому «приводятъ много: что онъ былъ боленъ и пр. Но тайна этого отказа кажется, заключалась въ отвѣтъ, который онъ сдѣлалъ Бертье, «наставившему по сему случаю: «А если завтра будетъ другая «битва, гдѣ моя армія?» Это былъ послѣдній его резервъ.»⁶⁴

Унгеръ, разсуждая о Бородинскомъ сраженіи и объ участіи въ немъ конницы (р. 113) говоритъ: «Надобно было, во что бы «то ни стало, уничтожить Русскую армію, а этого невозможно было «сдѣлать безъ жестокихъ потерь для самаго побѣдителя. Если побѣда (р. 114) не была такъ полна, такъ рѣшительна, какъ бы «ей слѣдовало быть, чтобы высвободить Французскую армію изъ «опасностей ея необыкновеннаго положенія, то это было сопряжено съ причинами, чуждыми дѣйствіямъ ея войскъ. и можетъ «быть отнесено только къ направленію битвы». Здѣсь авторъ намекаетъ на бездѣйствіе главнокомандующаго, самого Неполеона. На этой же страницѣ онъ говоритъ: «Французская конница въ «этой знаменитой битвѣ, цѣною огромныхъ жертвованій, приоб-

⁶⁴ И этотъ резервъ старой гвардіи, во всю войну, не заряжалъ ружей.

рѣла кровопролитную, но бесплодную, побѣду. «Еще одно такое восторжествованіе, и нашей конницы бы не стало (s'en était fait d'elle).»

Генералъ Пеле, разсматривая эту битву критически, между прочимъ (р. 145) говоритъ: «Неправильныя распоряженія Кутузова много способствовали къ проигрышу битвы». Это послѣднее выраженіе неправильно употреблено о битвѣ въ общемъ пониманіи, какъ уже было о томъ говорено. Здѣсь замѣчу еще только слѣдующее: Французы имѣли успѣхъ противъ части центра и нашего лѣваго фланга, понудивъ его отойти за нѣсколько сотъ шаговъ назадъ, на вторую позицію, гдѣ онъ утвердился въ связи съ общей позиціей арміи и которой Французы не рѣшились атаковать, видя, по ихъ словамъ, грозное ея положеніе. Но другая часть нашего центра и правый флангъ, въ свою очередь, одержали успѣхъ, отбивъ всѣ на себя нападенія, и не только осталась на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, а еще окончательностью своего праваго фланга сдѣлала нападеніе на лѣвый флангъ непріятеля, произведя значительный въ немъ, и особенно въ тылу его, беспорядокъ. Слѣдовательно, битва исходомъ своимъ, собственно какъ сраженіе, представляетъ успѣхъ на разныхъ только пунктахъ, одержанный обѣими сторонами, а общій исходъ безспорно былъ въ нашу пользу. Отступленіе наше, чрезъ двѣнадцать часовъ по окончаніи битвы (арріюргардъ чрезъ шестнадцать), имѣетъ совершенно другія причины, а отнюдь не тѣ, по которымъ можно было бы заключать, что мы не могли продолжать битвы отъ нанесеннаго будто бы намъ пораженія. Противное было доказано самими непріятельскими повѣствователями, какъ это приведено въ своемъ мѣстѣ. «6

Генералъ Пеле продолжаетъ: «Если бы Русскіе уперлись правымъ флангомъ къ Горкамъ, и если бы пространство, занимавшееся Баграціономъ, имѣло укрѣпленія, бесполезно построенныя на правомъ флангѣ, всѣ условія успѣха были бы на сторонѣ Русскихъ.» Послѣ сего авторъ нечисляетъ всѣ выгоды, ко-

«6 Здѣсь авторъ, по принятому обычаю, поставилъ слово «побѣда», вмѣсто слова «успѣхъ», который не разъ въ этой битвѣ пріобрѣтала и наша конница.

«6 См. Отд. третье, гл. 1: «Отступленіе».

торыя мы приобрѣли бы надъ непріателемъ,⁶⁷ а потомъ говорить:

«Распоряженія Кутузова, въ продолженіе битвы, заслуживаютъ нѣкоторую похвалу. Если въ началѣ онъ худо расположился, «если онъ не могъ видѣть всего того, что ему нужно было дѣлать, то въ остальное время показалъ тотъ характеръ, который «бываетъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ Главнокомандующаго. Его «упорство уравнивало и частью разрушило высокія соображенія Императора.»⁶⁸ Если бы Наполеонъ сдѣлалъ только одну «ошибку предъ такимъ непріателемъ, то онъ погибъ бы. Но Генералъ искусный и предприимчивый взялъ бы Французскую армию на мѣстѣ преступленія, что часто говорилъ Наполеонъ—en «flagrant délit. Около осьми часовъ онъ приступилъ бы къ нападению съ пятидесятью тысячами человекъ праваго фланга, направивъ ихъ черезъ Колоцку къ берегамъ Войны.»⁶⁹

Въ «Détails abrég. sur la camp. de 1812 etc.» (р. 24), авторъ, сказавъ, что Французы потеряли менѣе, чѣмъ Русскіе, присовокупляетъ: «Это очевидно доказываетъ, что Бородинская битва «была побѣдой для Французовъ, по тому что на другой день часть «ихъ арміи направилась къ Москвѣ.»

Очень удовлетворительное доказательство!

⁶⁷ Онъ могъ бы къ своему превосходному критическому разбору этой битвы присоединить еще и то, что если бы мы послѣдовали совѣту Беннгсена, и на центральной высотѣ соорудили не плохую батарею—въ 18 орудій,—а редутъ на 36 орудій, и поставили четыре батальона, не ломая линіи, то результатъ могъ бы быть подобенъ Полтавскому. Объ этомъ я говорилъ уже.

⁶⁸ Шамбре, въ «Philosophie de la guerre» (р. 150) говоритъ: «Упорство, конечно, бывало причиной выигрыша болѣе одной битвы, а противоположный оному недостатокъ неоспоримо бывалъ причиной потери еще большаго числа битвъ.»

⁶⁹ Объ этомъ предпріятіи Генералъ Пеле разсуждаетъ глубоко и дѣльно, изясняя всѣ выгоды, которыя мы приобрѣли бы, и далѣе (р. 535), исчисливъ ошибки, сдѣланныя подъ Аустерлицемъ, присовокупляетъ: «Русскій полководецъ былъ лучше внушаемъ на берегахъ Москвы рѣки, и Наполеонъ напрасно ожидалъ, чтобы онъ сдѣлалъ какое либо движеніе на удачу.»

Генераль Хржановскій (р. 11), какъ ему и слѣдуетъ, то же приписываетъ побѣду Французамъ: «Русская армія была побѣждена, но не истреблена.»

Да! далеко не истреблена! ибо черезъ полтора года, послѣ кровавыхъ битвъ, для снятія оковъ съ материка Западной Европы, она взяла приступомъ Монмартрскія высоты, низложила порабителя Европы, и возвратила корону законному Королю, отчужденному отъ оной въ продолженіе двадцати лѣтъ. Германскіе и Италіянскіе Государи получили свои владѣнія обратно, Король Испаніи вступилъ въ свои права и т. д.

Шапюи (р. 592): «Если эта битва не дала всѣхъ результатовъ, которыхъ должно было ожидать, то это надобно приписать обстоятельствамъ, которыхъ Императоръ не могъ ни предвидѣть, ни отстранить.» Но это не совпадаетъ съ мнѣніемъ, которое имѣютъ о свойствахъ генія.

Пюибускъ (р. 84): «Если Бородинское сраженіе не даетъ другихъ выгодъ, кромѣ только тѣхъ, которыя намъ объявляютъ, то это жалкій трофей, гибельная побѣда!»

Боссе (t. II, р. 94) говоритъ о Бородинскомъ сраженіи, какъ «о днѣ, столь гибельномъ и такъ славномъ для Французской арміи,» присовокупляя, что «одно время Русскія ядра перелетали черезъ нихъ»: онъ былъ при Наполеонѣ у Шевардина.

Тьеръ (t. XIV, р. 350) присовокупляетъ: «Нѣкогда Наполеонъ увѣдомлялъ о нѣсколькихъ тысячахъ убитыхъ у непріятеля, о тридцати, или сорока, тысячахъ плѣнныхъ, о нѣсколькихъ стагахъ пушекъ и знаменъ, взятыхъ у непріятеля! Здѣсь же не было взято ни плѣнныхъ, ни знаменъ, ни пушекъ, исключая малаго числа орудій (найденныхъ въ редутахъ); но шестьдесятъ тысячъ убитыхъ, или умирающихъ, непріятелей покрывали землю.» Историкъ изъясняетъ удивленіе, что Наполеонъ показалъ чужбе.

Шапюи о поискѣ Уварова (р. 594) говоритъ: «Диверсія Уварова могла бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы Кутузовъ поддержалъ ее. Онъ могъ, безъ всякаго опасенія, располагать болѣею частью войскъ своего праваго крыла» и т. д.

Шамбре (т. II, р. 81) пишетъ: «Диверсія, исполненная Уваровымъ, которая была такъ полезна, была бы несравненно полезнѣе, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы отступить, по тому что не могъ смять пѣхотныхъ кареевъ, чего онъ не долженъ былъ ожидать,⁷⁰ а направился на тылъ Французской арміи, на дорогу, ведущую изъ Смоленска; онъ бы распространилъ безпорядокъ и смятеніе между той громадой артиллерійскихъ парковъ, провіантскихъ фуръ и другихъ обозовъ, которые тамъ находились. Его отступление не было бы такъ опасно, ни такъ затруднительно, какъ можно было бы предполагать, по тому что онъ могъ исполнить это по всѣмъ безъ исключенія проселочнымъ дорогамъ, которыя выходили на Московскую дорогу, по тому что Французы занимали въ тылу своемъ только одну эту послѣднюю.»

Онъ же, между прочимъ (р. 76), говоритъ: «Нѣкоторые изъ Генераловъ предлагали Кутузову пустить Московское ополченіе, ночью, на Французскую армію. Это предпріятіе было бы полезно, по тому что оно потревожило бы покой арміи и могло бы произвести большой безпорядокъ.» Дѣйствительно, объ этомъ шла рѣчь: ополченье, двѣ кирасирскія дивизіи и 6-й корпусъ Дохтурова предполагали направитъ отъ Горокъ на Бородино. Въ это время Милорадовичъ долженъ былъ занять центральную высоту, оставленную непріателемъ, когда стемнѣло, а Цэдатовъ, усиленный съ Казаками, долженъ былъ перенестись на р. Войну, и изъ окрестностей Безаубова распространить ужасъ въ окрестностяхъ Колоцкого монастыря и далѣе. Диспозицію начали составлять, какъ внезапно намѣренія Кутузова измѣнились. Эпизодъ этотъ составляетъ до сихъ поръ пробѣлъ въ нашей военной исторіи, не смотря на то, что Французскіе писатели какъ бы вызываютъ насъ пополнить оный. Въ упомянутой же книжкѣ моей говорится объ этомъ слегка. Барклай дѣлалъ уже для сего нападенія распоряженія въ Горкахъ, и я очень хорошо помню, какъ мой корпусъ

⁷⁰ Не по тому отступилъ Уваровъ, что не могъ смять пѣхотныхъ кареевъ, а по тому, что получилъ двукратное приказаніе отойти назадъ. Причины тому изложены въ книжкѣ: «Бородинское сраженіе, съ нѣкоторыми замѣчаніями на Отечественную войну 1812 года, соч. Богдановича Спб. 1861.»

ный начальникъ, Дохтуровъ, сокрушался объ отмѣнѣ этого движенія, что раздѣляли съ нимъ и всѣ лучшіе наши Генералы. И объ этомъ въ упомянутой моей книжкѣ сказано нѣсколько словъ.

Въ другомъ же сочиненіи своемъ («Philosophie de la guerre») Шамбре, разсуждая о дѣйствіяхъ на пути сообщенія непріятеля на его магазины, этапы, обозы и пр., посредствомъ отрядовъ опредѣляемой имъ числительности (р. 148), присоединяетъ: «Если бы Кутузовъ, тотчасъ послѣ Бородинскаго сраженія, сдѣлалъ подобныя распоряженія, онъ воспрепятствовалъ бы Наполеону проникнуть до Москвы; ⁷¹ а если бы онъ сдѣлалъ это тотчасъ по занятіи Французами Москвы, то принудилъ бы Наполеона не медля отступить. И дѣйствительно (присовокупляетъ авторъ), отъ Смоленска до Москвы, если исключить гарнизоны въ Вязьмѣ, Гжатскѣ и Можайскѣ, уже сами по себѣ слабые, всѣ этапы состояли каждый изъ ста пѣхотинцевъ, укрѣпившихся по домамъ.» Далѣе Генераль Шамбре замѣчаетъ: «Не возможно было предвидѣть продолженія пребыванія Наполеона въ Москвѣ, по тому что это было событіемъ, выходящимъ изъ всѣхъ расчетовъ вѣроятія, и Кутузовъ имѣлъ на своей сторонѣ большія выгоды принудить Наполеона оставить Москву прежде, чѣмъ Французскія войска, утомленныя усталостію и лишеніями, имѣли время отдохнуть, чтобы возстановить себя.»

Генераль Ронья («Considerat. sur l'art de la guerre»), говоритъ: «Русскіе могли очень легко избѣжать Бородинскаго сраженія, ибо выиграли ли бы они, или проиграли, сраженіе, ихъ неосторожный непріятель одинаково былъ бы разстроенъ, какъ событія и оправдали это.»

Заключу главу сію мнѣніемъ Подполковника Дю Шато, которое онъ излагаетъ въ своихъ стратегическихъ разсужденіяхъ. Вотъ что онъ говоритъ о Бородинѣ (р. 38): «Бородинская битва, выигранная Наполеономъ, была причиной всѣхъ обрушившихся

⁷¹ Генераль Пеле, Шапю и нѣкоторые другіе говорятъ объ опасности для Французской арміи, если бы даже Уваровъ и Платовъ не отступили, проведя замѣшательство на лѣвомъ флангѣ Французовъ, и когда бы послѣдній перенесся на ихъ путь и т. д.,—предметъ, требующій пространнаго обсужденія, о которомъ я слегка коснулся въ книжкѣ: «Бородинское сраженіе. Окончаніе. Спб. 1861 г.»

«на него бѣдствій въ концѣ года.» Но тому, будто бы, что если бы онъ проигралъ ее, то не углублялся бы такъ далеко въ Россію, а подумалъ бы расположиться на зимнія квартиры между Днѣпромъ и Двиною.

Но едва ли мнѣніе автора справедливо: ¹² во первыхъ, по тому, что, дойдя до Бородина, Наполеонъ углубился уже въ наше отечество, почти на тысячу верстъ, и оставалось углубиться еще только около ста верстъ; но за то онъ имѣлъ въ виду Москву, гдѣ думалъ возстановить физическія и нравственныя силы своей арміи, ни какъ не ожидая того, что случилось съ Москвою. Слѣдовательно, если Наполеонъ дошелъ уже до Бородина, то ему оставалось углубиться еще только на десятую часть того пространства, которое армія его уже совершила. Во вторыхъ: если бы Наполеонъ былъ разбитъ въ этой битвѣ такъ, что былъ бы вынужденъ отступать, въ такомъ случаѣ не могло быть и рѣчи о занятіи зимнихъ квартиръ между Днѣпромъ и Двиною. Армія его лишена была конницы, а у насъ она была числительна и сбережена. Тогда бы лучше Казаки и легкая конница наша насѣли на него, имѣя возможность производить набѣги съ большою быстротой. Французы же, послѣ проигранныхъ ими сраженій, отступать не мастера, въ особенности на большихъ пространствахъ, что свидѣтельствуется и Исторіею. Здѣсь же Казаки составляли бы и авангардъ отступающей арміи, подобно тому, какъ это дѣлалъ Генералъ (В. Д.) Иловайскій, въ 1813 году, отъ Лейпцига до Ганау и отчасти до самаго Майнца. Отъ Бородина до Смоленска не было магазиновъ, а въ послѣдній городъ не успѣли еще свезти запасовъ. Шедшіе же къ арміи транспорты всѣхъ родовъ попались бы въ руки Казакамъ. Малочисленные гарнизоны въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ и по сту человекъ на этапахъ составлены были большею частью изъ слабыхъ, не могшихъ слѣдовать за арміею, не въ состояніи были оказать какого либо сопротивленія, терпя сами голодь, вмѣстѣ съ ранеными и больными, отсталыми и разсѣян-

¹² Не возражаю на выраженіе: «Битва, выигранная Наполеономъ.» Въ своемъ мнѣніи объ этомъ говорится, удовлетворительно. Да и самъ авторъ выражается такъ, по тому только, что мы отступили, какъ видно, будетъ далѣе.

ными мародерами, конны завалены. Былъ весь помлнутый путь; следовательно, отступать Наполеву при такихъ спутникахъ было бы очень невыгодно, и я даже думаю, что такое отступление было бы гибельнѣе отступленія его изъ Москвы. Объ этомъ предметѣ я говорилъ уже пространно въ другомъ мѣстѣ.⁷³

Продолжая свои стратегическія разсужденія, Подполковникъ Дю-Шато (р. 39) говоритъ: «Такъ какъ отступление Русскихъ изъ Москвы было такъ хорошо соображено, то Кутузовъ могъ избѣжать Бородинской битвы; по тому что, чѣмъ болѣе вдавался Наполеонъ въ степи Россіи, тѣмъ болѣе положеніе его становилось критическимъ.»⁷⁴

Авторъ этотъ одинъ изъ весьма немногихъ Французовъ, допускающихъ предварительно обдуманнѣйшій и соображеннѣйшій планъ нашего отступленія. Почти всѣ другіе хотѣли уаѣрять, что только одинъ страхъ заставлялъ насъ отступать.

⁷³ Въ книгѣ, имѣвшей счастье быть посвященной Государю Императору, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году.» Спб., 1855. 8.

⁷⁴ Авторъ прибавляетъ: «Столь же мудро избрана была позиція при Тарутинѣ, сколько преслѣдованіе было медленно, на основаніи правила: «Que l'on ne saurait metre trop de promptitude à attaques et à déborder un ennemis, qui se replie à des grandes distances, quelles que soient les causes de son mouvement rétrograde,» и развиваетъ свои доказательства. Далѣе (р. 40): «Битва при Красномъ ведена была очень слабо. За чѣмъ ввели въ дѣло только тридцать тысячъ человѣкъ, тогда какъ очень легко можно было употребить большую часть арміи, чтобы задавить Наполеона?»

II

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЗАПИСКИ
АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ИЗДАНИЕ

Н. П. Ермолова.

ЧАСТЬ II.

1816 – 1827 г.

З А П И С К И

ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА,

ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНИЯ ГРУЗИЕЙ.

ЗАПИСКИ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНІЯ ГРУЗИЕЙ.

По окончаніи войны съ Французами, 1814 года, Государь, предъ отъѣздомъ своимъ изъ Парижа въ Англію, приказалъ мнѣ отправиться въ Краковъ, къ назначенной мнѣ новой командѣ. По обстоятельствамъ тогдашняго времени, со стороны Австріи можно было ожидать нѣкоторыхъ несогласій, и по тому нужны были на границѣ войска и въ скорости. Порученныя мнѣ состояли изъ большой части резервной арміи, формировавшейся въ Герцогствѣ Варшавскомъ, и въ составѣ своемъ названы были сильнымъ авангардомъ. Нельзя было войскамъ симъ дать наименованія корпуса; ибо многіе изъ Генераловъ старѣе меня имѣли только дивизіи; и такъ, подъ именемъ сильнаго авангарда, безъ обиды другимъ, могло, подъ начальствомъ моимъ, быть слишкомъ девяносто тысячъ человекъ.

Въ теченіе 1814 года составилъ въ Вѣнѣ конгрессъ, знаменитый несогласіями собравшихся Государей; но бѣгство Наполеона съ острова Эльбы положило конецъ ихъ распрямъ, а быстрое появленіе его въ Парижѣ и удаленіе оттуда Королевской фамиліи, воззвало ихъ къ единодушному противъ Наполеона ополченію.

Во время пребыванія Императора въ Вѣнѣ дано было арміи нашей повелѣніе выступить, и я, съ войсками, въ Краковѣ бывшими, вышелъ за границу, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1815 года. Резервныя войска, которыми я начальствовалъ прежде, перемѣнены были составленнымъ временно 6-мъ корпусомъ изъ двухъ пѣхотныхъ, одной гусарской дивизіи и нѣсколькихъ Казачьихъ полковъ.

Въ семь второмъ нашемъ во Францію походѣ мы не имѣли случая сразиться съ непріятелемъ; ибо Англичане и Пруссаки кончили дѣйствія совершеннымъ разсѣяніемъ Французской арміи, и Наполеонъ, лично ею начальствовавшій, предалъ себя власти Англійскаго Правительства.

Войска наши вступили, однако же, во Францію, и Государь отправился въ Парижъ.

Прибывши на Рейнъ, вмѣсто 6-го корпуса, съ которымъ я пришелъ, данъ мнѣ былъ гренадерскій корпусъ, и часть онаго послѣдовала въ Парижъ, для содержанія при Государѣ караула, ибо гвардіи при арміи не находилось.

Въ Парижѣ имѣлъ я случай испросить увольненіе въ отпускъ по болѣзни на шесть мѣсяцевъ.

Дошедши съ гренадерскимъ корпусомъ, на возвратномъ пути, до Царства Польскаго, поѣхалъ я въ Варшаву, гдѣ уже Государь находился; и я былъ свидѣтелемъ восхищенія облагодѣтельствованнаго имъ народа, пріявшаго отъ него и политическое бытіе и конституцію.

Въ самомъ началѣ 1816 года былъ я въ Орлѣ у престарѣлыхъ родныхъ моихъ, среди малаго моего семейства, вель жизнь самую спокойную, не хотѣлъ разлучиться съ нею, намѣреніе имѣя не возвращаться къ корпусу, а по тому и просилъ продолженія отпуска, дабы ѣхать къ минеральнымъ водамъ на Кавказъ. Но, вмѣсто того, получилъ приказаніе прибыть въ Петербургъ.

Изъ частныхъ извѣстій зналъ уже, что я назначаюсь начальникомъ въ Грузію. Исчезла мысль о спокойной жизни, ибо всегда желалъ я чрезвычайно сего назначенія, и тогда даже, какъ по чину не могъ имѣть на то права.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Государь, постоянно мнѣ благотворящій, объяснилъ мнѣ, что онъ не рѣшился бы опредѣлить меня въ Грузію, если бы не были свидѣтельствующіе, что я того желаю; ибо самъ онъ не могъ думать, чтобы назначеніе сіе могло согласоваться съ моимъ намѣреніемъ.

Объясненіемъ симъ Государь истолковалъ мнѣ, какого онъ о Грузіи мнѣнія. Сего достаточно было, чтобы на мѣстѣ моемъ утратить многихъ, но я рѣшился повѣрить себя моему счастью.

Не съ равнымъ удовольствіемъ принялъ я назначеніе меня Посломъ въ Персію. Меня утратили дѣла, по роду своему совершенно мнѣ не знакомыя. Я слышался о хитрости и коварныхъ свойствахъ Персіянъ, и отчаявался исполнить съ успѣхомъ порученіе Государя.

Ни что такъ не оскорбляетъ самолюбія, какъ быть обманутымъ, а я ни какъ не надѣялся избѣжать того.

Принявъ наставленія, сдѣлавъ нужныя приуготовленія къ посольству, я выѣхалъ въ началѣ Августа мѣсяца изъ Петербурга въ Москву, гдѣ пробылъ нѣсколько дней; ибо Государь, будучи тамъ, приказалъ при себѣ находиться.

Въ Москвѣ замѣтилъ я, что нѣсколько странно смотрѣли на человѣка почти неизвѣстнаго, появившагося въ званіи Главноуправляющаго Грузією и, сверхъ того, чрезвычайнаго и полномочнаго Посла.

Я самъ себѣ иногда не довѣрялъ, что это со мною могло случиться.

Въ Сентябрѣ прибылъ я на границу Кавказской Губерніи.

Двадцать лѣтъ назадъ проѣзжалъ я Кавказскую линію, будучи Капитаномъ артиллеріи, въ молодыхъ весьма лѣтахъ и служа подъ начальствомъ Генералъ-Аншефа Графа Зубова, который съ корпусомъ войскъ дѣйствовалъ противъ Персіянъ въ 1796 году.

Первое обстоятельство, обратившее вниманіе мое, были высланныя мнѣ на встрѣчу конвойныя команды изъ поселенныхъ на Линіи Казаковъ. Всегда отличались они отъ всѣхъ прочихъ Казаковъ особенной ловкостію, исправностію оружія и добротою лошадей. Я, напротивъ, увидѣлъ между ними не менѣе половины чрезвычайно молодыхъ людей, нигдѣ не служившихъ и даже ребятъ.

Предмѣстникъ мой, по усильному старанію Донскаго войска Атамана, Генерала Графа Платова, согласился смѣнить Линейными

Казачами шесть Донскихъ полковъ, служившихъ на Линіи, и отъ сего неосмотрительнаго распоряженія должны были выйти на службу всѣ малолѣтныя и даже находившіеся въ отставкѣ Казаки.

Повинность, превосходившая всѣ тѣ услія, каковыя дѣлаемы были въ кампанію 1812 года, возбуждала ропотъ, и я, въ прекращеніе онаго, рѣшился оставить на службѣ пять Донскихъ полковъ, отправивши только одинъ таковой въ свои жилища. Государь, по донесенію моему, утвердилъ распоряженіе мое.

Остановившись малое время въ Георгіевскѣ, дабы собрать нужнѣйшія о Кавказской Линіи свѣдѣнія, я отправилась въ Грузію, и прибылъ въ Тифлисъ 10-го числа Октября:

Предмѣстникъ мой, Генералъ отъ Инфантеріи Ртищевъ, нетерпѣливо ожидалъ меня, ибо желалъ скорѣе возвратиться въ Россію, куда супруга его прежде уже отправилась.

Имѣвши прежде свѣдѣніе, что въ Грузіи отправленіе дѣлъ по службѣ не въ надлежащемъ идетъ порядкѣ, наслышавшись даже и о многихъ злоупотребленіяхъ, почелъ я необходимымъ имѣть съ собою нѣсколько чиновниковъ, извѣстныхъ мнѣ службою и на честность коихъ и правила могъ бы я положиться.

Нужнѣйшаго мнѣ для военной части взялъ я начальникомъ Корпуснаго Штаба, Полковника Вельяминова, служившаго прежде со мною въ артиллерійской гвардейской бригадѣ, потомъ въ Краковѣ, и наконецъ въ гренадерскомъ корпусѣ въ семь же званіи. Офицеръ сей, хорошо учившійся, имѣлъ большія свѣдѣнія и отличныя способности. Дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ былъ Подполковникъ Наумовъ, неутомимой дѣятельности и наклонности особенной къ порядку.

По части гражданской былъ при мнѣ Коллежскій Совѣтникъ Рыхлевскій, чиновникъ, рекомендованный мнѣ съ наилучшей стороны и знающій хорошо порядокъ дѣлъ. Начальникомъ Дивизіи, расположенной въ Грузіи, выпросилъ я Генералъ-Маіора Кутузова, коего коротко я зналъ хорошія способности. Оберъ-Квартирмейстеромъ, по желанію моему, назначенъ былъ Полковникъ Ивановъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Тифлисъ долженъ я былъ осмотрѣть важнѣйшую часть границъ; ибо, готовясь къ отъѣзду въ Персію, нужны мнѣ были свѣдѣнія о состояніи оныхъ, особенно зная, какія употреблялъ усилія Шахъ Персидскій, дабы возвращено ему было Ханство Карабахское, или часть онаго, въ чемъ и предѣстникъ мой обязался ему способствовать.

Итакъ я поѣхалъ въ Карабахъ, Полковнику Иванову поручилъ осмотрѣть Талышинское Ханство, Офицерамъ квартирмейстерской части приказалъ сдѣлать обзоръ прочихъ границъ съ Персією.

Въ Карабахѣ познакомился я съ Ханомъ, оттуда нарочно поѣхалъ въ селеніе Зардабъ, лежащее на рѣкѣ Куръ, дабы видѣться съ Ширванскимъ Ханомъ, изъ вѣжливости выѣхавшимъ мнѣ на встрѣчу; ¹ потомъ былъ я въ селеніи Мингечауръ, гдѣ Ханъ Шекинскій меня дождался.

Въ Тифлисъ возвратился я 12 Декабря, проѣздивъ не много менѣе мѣсяца.

Здѣсь могу сказать, что я настоящимъ образомъ вступилъ въ отправленіе дѣлъ, и уже познакомился, по крайней мѣрѣ, съ главнѣйшими обстоятельствами, до края относящимися.

Состояніе страны, управленію моему ввѣренной, было слѣдующее:

Со времени вступленія на Престолъ Царствующаго Императора, Грузія постоянно занята нашими войсками, и вводился постепенно нашъ образъ управленія, при дѣйствіи собственныхъ законовъ, составленныхъ Царемъ Вахтангомъ, коимъ сохранена прежняя сила. Судная часть была уже въ лучшемъ устройствѣ, доходы съ земли начинали приходить въ большую степень опредѣлительности.

Грузію собственно составляютъ Карталинія, округъ чрезвычайно хлѣбородный; Кахетія, раздѣленная на Телавскій и Сигнах-

¹ Онъ со времени Главнокомандующаго Князя Цицианова не видѣлся ни съ однимъ изъ начальниковъ.

скій уѣзды, изъ коихъ первый изобилуетъ прекраснѣйшими виноградниками, послѣдній, не столько много занимаясь разведеніемъ садовъ, имѣетъ довольно обширное хлѣбопашество. Карталинскіе принадлежатъ часть Осетинъ, живущихъ въ горахъ. Въ недавнемъ времени начали они принимать Христіанскую вѣру. Усиѣхи оной хотя еще очень ничтожны, но можно надѣяться, что, получивъ болѣе довѣренности къ Правительству, ибо пріемлющимъ Крещеніе оказывается особое вниманіе, они перемѣнятъ звѣрскіе свои нравы и склонность къ воровству.

Съ Кахетією смежны небольшія земли, въ коихъ живутъ народы, именуемые Пшавцы и Тупинцы, издавна покорствовавшіе Грузинскимъ Царямъ. Они имѣютъ богатое весьма скотоводство, склонностей воинственныхъ, вѣрны Правительству. Надъ ними отъ начальства поставленъ Приставъ изъ Грузинъ, ибо необходимо знать языкъ. Не всегда, однако же, повинуются они надлежащимъ образомъ и доселѣ почти въ дикомъ состояніи. Сометія, войнами опустошенная и почти ни какого населенія не имѣющая. Бамбаки и Шурагель, малые весьма Округи, въ послѣднюю съ Персіянами войну разоренные, въ коихъ и доселѣ мало жителей. Дистанціи Татарскія: Барчалинская, Казахская и Шамшадильская, довольно населенныя, имѣющія хорошее хлѣбопашество и богатое весьма скотоводство.

Къ Грузіи присоединенъ Елисаветпольскій Округъ, бывшее Ханство Ганжинское, въ 1804 году, взятое оружіемъ подъ предводительствомъ Главнокомандующаго Генерала, Князя Циціанова; и сямъ ограничивается пространство, которое мы подъ общимъ именемъ Грузіи разумѣемъ. Округъ сей богатъ скотоводствомъ, производитъ лучшую пшеницу въ здѣшней странѣ, имѣетъ посѣвы Сарачинскаго пшена и шелковичныя сады. Дохода казны приносятъ болѣе нежели прочіе, Округи Грузіи.

Во всѣхъ сихъ Округахъ народонаселеніе можетъ простираться до. . . . изчисленіе; конечно, не вѣрное, но между народами, чуждыми всякаго порядка, паче Мусульманами; трудно достигнуть настоящаго.

Въ Имеретіи, независимо отъ Грузіи, учреждено временное правленіе. Бѣдная сія земля, бывшая до 1810 года особеннымъ

Царствомъ, заключаетъ въ себѣ пять Округовъ. Населеніе оной жестокою моровою язвою уменьшено болѣе, нежели на половину и простирается не свыше.... Въ Провинціяхъ Мингреліи, Грузіи и Абхазіи владѣтельные Князья пользуются прежними, предоставленными имъ, правами и самыми съ земли доходами, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ зависятъ отъ распоряженій главнаго въ краю начальника, приводимыхъ въ исполненіе Правителемъ Имеретіи, который опредѣляется изъ служащихъ въ корпусѣ Генераловъ.

Ханство Карабахское было въ управленіи Мехти-Хана, имѣющаго чинъ Генералъ-Маіора. Отецъ, умышляя противъ насъ измену и доброжелательствуя Персіянамъ, съ которыми мы были въ войнѣ, пригласилъ войска ихъ, но былъ предупрежденъ, и войска наши, внезапно напавшіе на него ночью, лишили его жизни. Дочь его, сестра нынѣшняго Хана, находится въ замужествѣ за Шахомъ Персидскимъ, и по тому сколько ни показываетъ онъ себя приверженнымъ нашему Правительству, по привязанности къ сестрѣ, имѣетъ сношенія съ Персією.

Ханство сіе въ 1805 году покорилось первое власти Государя. Ханъ, въ ознаменованіе зависимости, платилъ дани 8 тыс. Червонцевъ.

Съ того самаго времени войска наши имѣли пребываніе въ Ханствѣ, и Персіяне смотрѣли съ завистью на богатѣйшую землю сію, доставляющуюся въ руки наши.

Народонаселеніе Карабаха простирается до 24 т. семействъ, Оно не составляетъ половины прежняго, ибо неоднократно наносимая прежде Персіянами война разорила землю; жители въ большомъ количествѣ удечены въ плѣнъ, не въ меньшемъ разошлись по разнымъ мѣстамъ. Доселѣ еще мало весьма населеніе въ равнинахъ Карабаха, близко прилежащихъ къ границѣ Персидской, и жители не дѣлаютъ на нихъ прочныхъ заведеній. Повсюду видны развалины городовъ и большихъ деревень, остатки обширныхъ шелковичныхъ садовъ и земледѣлія, свидѣтельствующихъ богатое нѣкогда земли состояніе.

Нынѣшній Ханъ, не радѣющій о благоустройствѣ земли, до вѣрчивый къ окружающимъ его, чиновникамъ, которые его обма-

нываютъ, проводить время въ распутствѣ, ни чѣмъ болѣе не занимаясь, какъ охотою съ собаками, или ястребами. Всѣ заведенія, отцемъ сдѣланныя, въ упадкѣ, и даже не только нѣтъ признака роскоши, въ которой онъ жила, но и самый замокъ или дворецъ его представляетъ развалины, и нѣтъ почти въ немъ убѣжища; любимцы расхитили собственно принадлежащее ему имущество до такой степени, что ему недостаетъ средствъ къ содержанию себя приличнымъ образомъ. За нѣсколько лѣтъ не представлено въ казну ничтожной, платимой имъ, дани.

Ширванскимъ Ханствомъ управляетъ Генераль-Лейтенантъ Мустафа-Ханъ. Онъ владѣлъ онымъ и тогда, какъ въ 1796 году былъ съ войсками Генераль-Аншефъ Графъ Зубовъ, но по свойству недовѣрчивому, по злоумышленію противъ Русскихъ, за которое боялся наказанія, онъ тогда бѣжалъ въ Турцію, и когда войска Графа Зубова отозваны были въ Россію, онъ возвратился и изгналъ поставленнаго нами Хана.

До 1806 года пользовался онъ совершенною независимостію, но, видѣвъ примѣръ ваятаго оружіемъ Ганжинскаго Ханства, вошедшаго въ подданство Ханства Карабахскаго, онъ повергъ себя въ покровительство Императора и въ знакъ подданства обязался платить 8 т. червоцевъ дани.

Но съ перемѣною состоянія своего, не перемѣнилъ онъ свойствъ, и той же, какъ и прежде, недовѣрчивости исполненъ былъ къ нашему Правительству. Онъ старался распространить связи свои съ народами Дагестана, сильными, воинственными, ни кому доселѣ не покорствовавшими, думая тѣмъ устрашить Русскихъ и заставить уважать себя болѣе прочихъ. Война съ Персією, многія занятія предѣстниковъ моихъ по предмету внутренняго земнаго устройства, заставляли ихъ, для удержанія Мустафы-Хана въ спокойствіи и хорошемъ расположеніи къ намъ, дѣлать ему многія угожденія, и онъ истолковалъ себѣ, что онъ можетъ быть для насъ опаснымъ.

Высокомѣріе его простиралось до того, что онъ не выѣхалъ къ Главнокомандующему Генералу Тормасову, который желалъ имѣть съ нимъ свиданіе. Со мною поступилъ онъ снисходительнѣе, и удивленъ былъ, когда пріѣхалъ я къ нему не болѣе какъ съ

пятью человѣками свиты, а онъ сопровождаемъ былъ, по крайней мѣрѣ, пятью стами человѣкъ конницы. Онъ, однако же, даль замѣтить мнѣ, что не каждому долженъ я встрѣтись подобнымъ образомъ. И что онъ такъ же точно предостерегалъ покойнаго Князя Цицианова. Ханъ не разсудилъ, какая между Княземъ Цициановымъ и мною была разница. Онъ славными по истинѣ дѣлами своими былъ для нихъ страшенъ, я только что прѣхалъ и былъ имъ совершенно не извѣстнымъ.

Мустафа-Ханъ управлялъ Ханствомъ лучше прочихъ владѣтелей. Народъ имъ собственно не былъ отягощаемъ. Но если терпѣлъ нѣкоторое угѣсненіе, то единственно отъ предоставленной имъ власти Бекамъ (родъ дворянства), между коими сдѣлалъ онъ многихъ себѣ приверженцевъ. Въ землѣ была полиція, не рѣдко наказывалось воровство, съ исправностію собирались доходы, Ханъ жилъ довольно великолѣпно и служащихъ ему не рѣдко награждалъ щедро.

Со стороны Правительства нашего при немъ никогда не приставъ изъ Офицеровъ, но онъ умѣлъ такъ отбѣдять его, что онъ ни чего не могъ знать о его связяхъ и поведеніи, и только собиралъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ приверженныхъ цамъ Армянъ, живущихъ въ Шираани.

Населеніе въ Ханствѣ можетъ считаться около 20 тыс. семействъ. Часть народа, довольно значительная, по причинѣ чрезвычайнаго зноя въ лѣтнее время, удаляется въ горы, и по тому прочной осѣлости не имѣетъ.

Ханство изобилуетъ шелкомъ, Сарачинскимъ пшеномъ, всякаго рода хлѣбомъ, имѣетъ на рѣкѣ Курѣ богатѣйшія рыбныя ловли и многочисленное скотоводство. Муганская, на правомъ берегу Куры, лежащая степь, оному способствуетъ. Есть конскіе заводы, но съ Карабахскими не могущіе сравниться, откуда выходятъ весьма статныя, добровѣзжія и къ трудамъ сносныя лошади, славящіяся во всей здѣшной сторонѣ.

Въ Шекинскомъ Ханствѣ нашелъ я владѣтеля Генераль-Маюра Исмаиль-Хана, человѣка весьма молодаго, наклонностей рвзвратныхъ, въ управленіи подвластными неправосуднаго, въ нака-

заніяхъ не только не умѣреннаго, но жестокаго, кровожаднаго. При первомъ появленіи моемъ въ Грузію поступило ко мнѣ множество на него жалобъ.

Предмѣстникъ мой, Генералъ Ртищевъ, былъ къ нему чрезвычайно снисходительнымъ; ни какая на него просьба не получила удовлетворенія, жалующіеся обращались къ нему, и отъ того подвергались жесточайшимъ истязаніямъ, или избѣгали оныхъ разорительною платою. Окружающіе Генерала Ртищева, пользующіеся его довѣренностію, и, если вѣрять молвѣ, то самыя даже ближніе его получали отъ Хана дорогіе подарки и деньги.

Съ негодованіемъ долженъ я упомянуть объ одномъ постыдномъ начальства поступкѣ: жители Шекинскіе, въ числѣ болѣе двухъ сотъ человѣкъ, пришли въ Тифлисъ, не въ состояніи будучи сносить злодѣйской жестокости и угѣсненій Хана. Жалобы ихъ, слезы и отчаяніе не тронули начальство, ихъ назвали бунтующими противъ власти, многихъ наказали тѣлесно, болѣе двадцати человѣкъ, какъ заговорщиковъ, сослали въ Сибирь.

Въ бытность Главнокомандующимъ въ Грузіи Фельдмаршала Графа Гудовича, Шекинское Ханство, послѣ измѣны Селимъ-Хана, изгнаннаго нашими войсками, состояло подъ Россійскимъ управленіемъ и народъ чрезвычайно доволенъ былъ избавити отъ Хановъ.

Весьма ощутительны были выгоды отъ присоединенія сего Ханства; кромѣ доходовъ, довольно значительныхъ, единство власти должно было быть полезно цѣлю; но Графъ Гудовичъ, но необузданному самолюбію, упорный въ своемъ мнѣніи, по неприступной гордости, не допускающій мнѣнія другихъ, представилъ Правительству о предоставленіи Ханства Джафаръ-Кули-Хану, владѣвшему въ Персіи Ханствомъ Хойскимъ. Ловкій сей человѣкъ снискалъ довѣренность Графа, полезень будучи ему при неудачной осадѣ Эриванской крѣпости, гдѣ по близости находилось принадлежавшее нѣкогда ему владѣніе; и онъ, имѣя людей, ему приверженныхъ, могъ доставлять нужныя свѣдѣнія и иногда открывать намѣренія непріятеля. Онъ находился такъ же при Князѣ Циціановѣ въ блокадѣ Эривани, и съ нимъ было собственноручно его конницы до семи сотъ человѣкъ. Джафаръ-Кули-Ханъ принадле-

жалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ и сильныхъ фамилій въ Персіи, имѣлъ обширныя связи и многочисленную партію, которая давала ему надежды взойти на Персидскій Престолъ. Права похитителей одинаковы, преимущество опредѣляетъ сила и счастье. Симвъ обязанъ Престоломъ нынѣ Царствующій Шахъ, и Джафаръ-Кули-Ханъ, проигравъ противъ него сраженіе, спасся къ намъ бѣгствомъ.

Не долгое время управлявши Ханствомъ, Джафаръ-Кули-Ханъ умеръ, и по немъ наследовалъ теперешній Ханъ, сынъ его.

При первомъ свиданіи съ Измаиломъ-Ханомъ, въ присутствіи многихъ изъ народа, сдѣлавъ замѣчаніе на счетъ злоупотребленія имъ власти, поручилъ я ему быть снисходительнымъ къ народу. Приставу, при немъ находившемуся, поручилъ собрать всѣхъ несчастныхъ, которыхъ подвергъ онъ жестокимъ истязаніямъ, и приказалъ помѣстить въ его дворцѣ, пока не удовлетворить, по крайней мѣрѣ, семействъ ихъ обезпеченіемъ ихъ благосостоянія.

Шекинское Ханство, при меньшемъ населеніи, нежели въ Ханствѣ Ширванскомъ, даетъ не менѣе онаго дохода, особенно если исключить откупныя статьи, значительную часть дохода въ Ширвани составляющія.

Дани въ казну вносятъ въ годъ семь тысячъ червонцевъ.

Произведенія земли тѣ же самыя, какъ и въ Карабагъ и Ширвани, при равномъ плодородіи оной.

Въ одномъ семъ Ханствѣ было нѣкогда благоустроенное управленіе, опредѣлены доходы и повинности, уравнительно раздѣлены труды жителей въ пользу Хана. Во время Мамедъ-Гассанъ-Хана, которому Персіяне выкололи глаза, выгнали изъ владѣній, и онъ, въ крайней бѣдности, скитаясь въ Турціи, прибѣгъ подъ покровительство Императора и живетъ въ Астрахани, получая достаточное содержаніе. Отецъ нынѣшняго владѣтеля нѣсколько удерживалъ сей порядокъ, но при семъ послѣднемъ ниже признаковъ онаго не осталось.

Талышинское Ханство, разоренное Персіянами, имѣетъ малое народонаселеніе, доходы весьма скудные, которыми пользуется Ханъ, не платя въ казну никакой дани. Приверженность къ Рос-

сия владѣтеля, отца теперешняго Хама, вызвала мщение Персіанъ, подвергла землю его истребленію, и полуденная часть Ханства, при послѣднемъ трактатѣ нашемъ съ Персією, признана принадлежностію оной.

Куринское Ханство получило бытіе въ недавнемъ времени. Имъ управляетъ Полковникъ Асланъ-Ханъ, человекъ Правительству приверженный.

Населеніе малое, жители обременены налогами, дань 3 тыс. червонцевъ и 3 тыс. четвертей пшеницы, платимая дань, чрезъвычайно ихъ разоряетъ.

Казыкумыцкое Ханство во владѣніи Сурхай-Хана, человека самаго коварнаго, готоваго на всякія злодѣянія. По древности своего происхожденія, онъ весьма уважаемъ; между Горскими народами имѣетъ сильныя связи, ко вреду нашему имъ употребляемыя. Участвуя во всѣхъ предпріятіяхъ Дагестанцевъ противъ насъ, и, будучи наконецъ, наказанъ отдѣленіемъ части владѣній его, изъ коей составлено Куринское Ханство, данною родственнику его, врагу его непримиримому, отищезающему жестокою обидою, бѣжалъ въ Турцію. Въ командованіе Генерала Ртищева, возвратился, изгнавъ въ отсутствіе его управлявшаго владѣтеля и, пользуясь твердыми и почти непроходимыми мѣстами гористой страны, остался безъ наказанія.

Но если Генерала Ртищева отыскали возмѣстившія замятія, могъ онъ, по крайней мѣрѣ, не входить въ сношеніе съ явнымъ измѣнникомъ и злодѣемъ, въ сношеніе, которое не иначе долженъ онъ разумѣть, какъ прощеніе его преступленій. Ханство Казыкумыцкое, по словамъ людей, хорошо его знающихъ, имѣетъ жителей до 15 тыс. семействъ. Ханъ ни какой дани не платитъ.

Аварское Ханство во владѣніи Генералъ-Маіора Султана Агмедъ-Хана, лежитъ въ срединѣ горъ Кавказскихъ, отовсюду почти неприступныхъ и ни когда Русскіе въ ономъ не бывали. Жители онаго бѣдны, ведутъ жизнь самую суровую, нападками воинственныхъ.

Послѣдній предъ симъ владѣтель Умай-Ханъ былъ знаменитъ въ здѣшнихъ странахъ военными своими подвигами. Не разъ удач-

ныя дѣлать на Грузію нападенія, разорилъ серебряныя и мѣдныя ея заводы. Пользуясь дружбою Ахалцыхскаго Паши, чрезъ земли его вступалъ въ Имеретію. Прошелъ однажды Эриванскую область безпрепятственно, до близка города Нахичевана былъ разбитъ Персіянами. Долгое время благопріятствовавшее ему счастье привязало къ нему многіе Горскіе народы, алчныя добычи, и онъ ладился, сопровождаемъ будучи большими силами. Онъ приучилъ ихъ къ грабежамъ, и Грузія, можно сказать, почти беззащитная, внутренними раздорами нестребляемая, удовлетворяла ихъ алчности. Долго еще послѣ смерти Умай-Хана врывались они въ Грузію многочисленными партіями, но не было уже счастливаго предводителя, и Грузія покоилась подъ защитою Россійскихъ войскъ, отъ которыхъ, не задолго до смерти, испыталъ онъ поражение.

Теперешній Ханъ, не знаю по чему, получаетъ жалованья по 5 тыс. рублей серебромъ, увѣряя, что онъ намъ приноситъ пользу вліяніемъ своимъ на Горскіе народы Дагестана, которыхъ будто воздерживаетъ отъ нападеній на Грузію. Сему вѣрили многіе изъ моихъ предмѣстниковъ, и я показываю ему видъ до времени. Ханъ сей дани ни какой не платитъ, ни какихъ обязанностей на себя не принималъ. Въ Тифлисъ содержится отъ него аманатъ на казенномъ иждивеніи.

Уцмей, Каракайдацкій владѣтель, провинціи, сосѣдственной Дербенту, признаетъ зависимость отъ Россіи, но всегда въ связи съ народами, намъ не благопріятствующими; и подозрѣвая, что начальству извѣстно измѣнническое его поведеніе, имѣетъ къ оному совершенную недовѣрчивость, и еще не было ни кого изъ Русскихъ, съ коимъ бы видѣлся онъ, не сдѣлавъ предварительно условій и безъ сопровожденія многолюдной толпы. Во владѣніяхъ его не рѣдко бывають безпокойства, и онъ не всегда достаточно имѣетъ власти смирять ихъ, паче между жителями, гористую часть земли занимающими.

Уцмей дани въ казну не платитъ, ни какихъ обязанностей не имѣетъ, ниже за безопасность проѣзжающихъ чрезъ его владѣнія не отвѣтствуетъ. Русскіе иначе, какъ съ благонадежнымъ конвоемъ, проѣзжать не могутъ.

Сему владѣтелю, равно какъ и Хану Казыкумыцкому, предѣстники мой предлагали чинъ Генераль-Майора съ 2 тыс. рублей серебромъ жалованья, но они отвергли съ негодованіемъ, что не хотѣли сравнить ихъ съ Шамхаломъ Тарковскимъ, который имѣетъ чинъ Генераль-Лейтенанта и 6 тыс. рублей ежегодно.

Не могли подобныя предложенія наградъ людямъ, явно намъ не доброжелательствующимъ, не поселить въ нихъ мысли, что ихъ ласкаютъ изъ боязни, и отъ того возрастала дерзость ихъ.

Обширныя занятія начальниковъ зѣлшняго края, малыя вообще средства, не допускали ихъ употребить нужной строгости, а не рѣдко власть наша или мало признаваема была, или не съ надлежащимъ уваженіемъ.

Народы небольшой земли, называемой Табассаранъ, постоянно повиновались намъ и, по чрезвычайной бѣдности своей, ни какой пользы Правительству не приносили.

Въ Кубинской провинціи, съ присоединеніемъ къ оной городовъ Дербента и Баки, введено было наше управленіе. Судъ отправлялся по закону и обычаямъ земли. Комендантъ, собирая доходы, обращалъ ихъ въ учрежденное казначейство, и оныя простирались до рублей серебромъ. Въ вѣдѣніи его состояла внутренняя полиція и всякаго рода казенное имущество, оставшееся отъ бывшихъ прежде Хановъ.

Жители сей провинціи болѣе всѣхъ прочихъ Мусульманскихъ, присоединенныхъ къ Россіи, областей, любятъ наше Правитель-ство, во многихъ случаяхъ оказали опыты вѣрности и давно бы уже наслаждались совершеннымъ спокойствіемъ, но возмущаетъ оное живущій не подалеку у Горскихъ народовъ, бѣжавшій владѣтель ихъ, Шахъ-Али-Ханъ, который, будучи вспомошествоемъ сильнымъ Дагестаномъ, не рѣдко съ многочисленными толпами впадалъ въ провинцію, и легковѣрные думали, что онъ можетъ овладѣть оною. Шахъ-Али-Ханъ старался сколько можно придать сему правдоподобія, разглашая о дѣлаемыхъ ему Персією пособіяхъ деньгами, которыя подлинно пересылаемы къ нему были чрезъ Ширванскаго Мустафу-Хана, Казыкумыцкаго Сурхай Хана и

торгующихъ города Дербента, гдѣ наиболѣе имѣлъ онъ людей, себѣ преданныхъ.

Персія, и по заключеній съ нами мира, не переставала пересылать деньги всѣмъ, вреднымъ для насъ, людямъ, въ числѣ коихъ почитала бѣглого Грузинскаго Царевича Александра, сына Царя Ираклія. Сей, во всѣхъ возмущеніяхъ въ Грузіи, являлся въ Кахетіи, сопровождаемый большимъ числомъ Лезгинъ и, наклонное къ нимъ, Грузинское Дворянство, обращаясь къ нему, улекало съ собою добрый и простодушный черный народъ. Лезгинны, грабежемъ ненасытимые, обогащались добычею, въ глазахъ подлаго бѣглеца Царевича, толпами отгоняемы были пѣнные Грузины и продаваемы въ рабство отдаленнѣйшимъ народамъ. Царевичъ содѣйствующему ему Дворянству раздавалъ грамоты на имѣнія тѣхъ, которые, оставаясь вѣрными Правительству, ему противились. Повсюду встрѣчаясь съ войсками нашими, Лезгинны обращались въ бѣгство, Царевичъ, знаменитый трусостью, дикогда ни малѣйшей не подвергался опасности, но сіе не препятствовало ему имѣть вверженныхъ людей, и при всякомъ поволеніи его, готовы были многіе изъ Дворянъ изъ славныхъ : подвигамъ, желали, чтобы возвратилъ онъ престолъ праотцевъ его.

Предмѣстники мои старались согласить его выйти изъ горъ, обѣщавая милость Государеву. Случаями сими пользовался онъ, чтобы увѣрить Персидское Правительство, сколько онъ намъ опасенъ, и что, по вліянію его на Горскіе Дагестана народы, можетъ отвлекать большую часть войскъ нашихъ. Одинъ изъ приверженцевъ его, Татаринъ низкаго происхожденія, содержавшій на откупѣ Тифлисскія бани, находится повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персіи. Министръ сей не рѣдко приглашаемъ на совѣщаніе къ Наслѣднику Персидскаго Престола, Аббасъ-Мирзѣ, Объ одномъ изъ здѣшнихъ начальниковъ, Генералъ-Лейтенантъ Маркизъ Паулуччи, можно сказать, что онъ ни какихъ Царевичу Александру не дѣлалъ предложеній.

Въ послѣднее же время, не за долго до моего пріѣзда сюда, одинъ изъ здѣшнихъ Дворянъ, подъ видомъ собственныя дѣль, отправившись въ Петербургъ, передалъ Министерству нашему письмо отъ Царевича съ жалобой, что ему препятствуютъ приближнуть подъ покровительство Императора.

Обрадовались сему случаю, не спрося Генерала Ртищева, можно ли вѣрить человѣку, котораго легко узнать было всѣ гнусныя свойства, поручили командовавшему на Кавказской линіи, Генералъ Маіору Дельпоццо, войти съ нимъ въ сношеніе, уполномочили сдѣлать нѣкоторыя издержки на подарки ему, и онъ скоро увѣрился, что Царевичъ выѣдетъ въ Кизляръ, гдѣ уже приготавливалъ онъ ему пышную встрѣчу. Дворянину, привезшему письмо въ Петербургъ, данъ прямо чинъ Поручика, хотя бы не бесполезно было прежде взять свидѣніе, кто сей бѣглеца погребенный? Онъ Дворянинъ Армянскаго происхожденія, изобличенный не одинъ разъ въ воровствѣ ващей и денегъ изъ кармановъ, по имени Иванъ Карганодъ.

Чрезъ сего достойнаго человѣка управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Статсъ-Секретарь Графъ Нессельроде, прислалъ Царевичу письмо съ самыми лестными отъ имени Государя обѣщаніями.

Между тѣмъ Царевичъ, продолжая съ Генералъ-Маіоромъ Дельпоццо, независимо отъ Генерала Ртищева, переписку, янно обманывалъ его, вымышляя неловко глупыя отговорки, что онъ выхлать изъ горъ скоро не можетъ, и не рѣдко прося денегъ.

Вскорѣ, по прѣздѣ нбемъ, усмотрѣлъ я наглые Царевича обманы, и приказалъ прекратить съ нимъ всякое сношеніе. Изякли вдругъ новые источники его доходовъ, и онъ, въ гнѣвъ своемъ, прислалъ ко мнѣ письмо; что будто узналъ онъ о проискахъ моихъ лишить его жизни. И отвѣчалъ, что человѣкъ знаменитый, какъ онъ, развратною жизнію, глупостію и трусостію, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ своихъ лишенный, за бѣгство къ непріятелю, благословенія отца, опаснымъ быть не можетъ, и что я гроша не дамъ ни за жизнь, ни за смерть подобнаго подлеца.

Письмо сіе было одно, которымъ онъ, конечно, не показавъ Правительству Персидскому.

Упомянувъ о всѣхъ земляхъ и народахъ, лежащихъ на полуостровѣ Кавказа, повинующихся власти нашей, остается только сказать о владѣніи Елсеуиокаге Султана, Полковника Ахмадъ-Бека. Часть подвластныхъ его состоитъ изъ Лезгинъ, при-

шедшихъ изъ горъ, часть изъ бывшихъ въ давнемъ времени жителей Кахетіи.

Султанъ платитъ въ казну дань совокупно съ вольнымъ обществомъ, именуемымъ Чарскимъ, сосѣдственнымъ Кахетіи. Подвластныхъ Султану считается, до двухъ съ половиной тысячъ семействъ.

Чарское общество признаетъ зависимость отъ Россіи; на подданство дана присяга, и неоднократно нарушена. Управляется избираемыми старшинами, и худо повинуется онымъ. Въ обществѣ сѣмъ два состоянія людей. Пришедшіе изъ горъ, Лезгины, господствуютъ; давніе жители земли, составляющіе часть чернаго народа, находятся въ ихъ услуженіи, повинуются имъ безпредѣльно. Они нѣкогда принадлежали Кахетіи, исповѣдывали Христіанскую Вѣру, нынѣ, изъ боязни властелиновъ своихъ, оставили оную, но желаютъ къ ней возвратиться. Число сихъ послѣднихъ не менѣе 4 тыс. семействъ. Дани платитъ общество Чарское, вмѣстѣ съ Елисеуйскимъ Султаномъ, 13,500 руб. серебромъ, или шелкомъ на равную сумму. Императоръ, пекущійся о средствахъ образованія Грузинскаго Дворянства, обратилъ деньги сіи на учрежденіе благороднаго училища, гдѣ, во время Князя Циціанова, начинали оказываться хорошіе въ обученіи юношества успѣхи. Теперь же училище въ совершенномъ упадкѣ.

Связи съ горскими жителями сего общества и Белаганскаго, состоящаго изъ девяти сотъ семействъ, были всегда причиною не малыхъ для Кахетіи бѣдствій. Мѣста твердыя, въ которыхъ расположены богатѣйшія селенія Лезгинъ Чарскихъ, защищали ихъ отъ мщенія Грузинъ, и былъ случай, что войска наши потерпѣли необыкновенный здѣсь уронъ и безъ всякаго успѣха. Кромѣ послѣдняго Кахетинскаго бунта въ 1812 году, во всѣхъ прежнихъ содѣйствовали они Лезгинамъ съ Царевичемъ Александромъ, приходившимъ изъ горъ. Впрочемъ благопріятствовали ему, давали у себя убѣжище и его приближеннымъ, и помощь въ содержаніи.

Теперь скажу о народахъ, противъ Кавказской Линіи обитающихъ.

Отъ вершинъ Кубани, по лѣвому берегу живутъ подвластные Оттоманской Портѣ народы, подъ общими именоваіемъ Закубанцевъ извѣстные, многочисленныя, воинственныя, рѣдко спокойныя.

Противъ центра Линіи лежитъ Кабарда, иѣкогда многолюдная, коея жители, почитаемые храбрѣйшими между всѣми Горцами, не рѣдко, по многолюдству своему, отчаянно противостояли Русскимъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ.

Съ давняго времени были Кабардинцы подданными нашими, имѣли отъ Царей Россійскихъ грамоты. Среди ихъ имѣлъ пребываніе чиновникъ въ качествѣ Пристава, учреждены были суды, въ коихъ засѣдали лучшихъ фамилій Князья ихъ. Многіе изъ нихъ служили въ нашихъ арміяхъ. Но давно уже нарушеніе присяги сдѣлалось дѣйствиємъ обыкновеннымъ, давно войска наши наказуютъ измѣны, и оныя возраждаются безпрерывно.

Кабардинцы, менѣе гораздо ста лѣтъ назадъ, были идолопоклонниками. Правительство допустило Мусульманскую Вѣру водвориться, явились озлобленные противъ Христіанъ священнослужители, Порта съ намѣреніемъ таковыхъ подсылала, тайно рачасточаемы были подарки, обѣщанія, и проповѣдуемая Вѣра, льстя разврату, снисходя порокамъ, жителей спокойныхъ, сдѣлавшихъ къ намъ привычку, долго не могла поколебать въ пріязненномъ къ намъ расположеніи. Но слишкомъ равнодушное ко всѣмъ сямъ перемѣнамъ, начальство тогда предприняло противиться онымъ. Когда мѣры насилія были необходимы и убѣжденію не давалъ мѣста фанатизмъ. Люди, прежде намъ желавшіе добра, охладѣли, неблагонамѣренныя сдѣлались совершенными злодѣями, Вѣру и учрежденія свои рѣшили всѣ защищать единодушно.

Корыстолюбивыя священнослужители приняли на себя разбирательство дѣлъ, все подпало власти ихъ, уничтожены прежніе суды, Князья и лучшія фамиліи, потерявъ всякое вліяніе, лишлись уваженія въ народѣ, и мы не могли имѣть ни какой партіи въ пользу нашу. Молодые люди знатнѣйшаго происхожденія вдалились въ грабежи и разбои, и между ими отличался тотъ, кто болѣе могъ наносить вреда Русскимъ, нападая на безоружныхъ поселянъ Кавказской Линіи и отгоняя стада и табуны.

Моровая язва была союзницею нашею противъ Кабардинцевъ; ибо, уничтоживъ совершенно все население Малой Кабарды и производя опустошеніе въ Большой, до того ихъ ослабила, что они не могли уже, какъ прежде, собираться въ большихъ силахъ, но дѣлали набѣги малыми партіями; иначе и войска наши, на большомъ пространствѣ частыми слабыми разсѣянныя, могли бы подвергаться опасности. Весьма многія были предприняты въ Кабарду экспедиціи, иногда заставляли ихъ возвращать, или платить за сдѣланныя похищенія.

Въ 1810 году, въ послѣдній разъ наказывалъ ихъ Генералъ Булгаковъ, начальствовавшій на Кавказской Линіи, но никогда не претерпѣвали они чувствительной потери; ибо нельзя было скрыть отъ нихъ пріуготовленіи къ походу, и они имѣли время удалять въ непреступныя мѣста горы и семейства свои и драгоцѣннѣйшее имущество, и успѣхи войскъ нашихъ ограничивались отгономъ лошадей и скота.

Вступившій въ командованіе Линіею, Генералъ Ртищевъ, желая показать Правительству, что ему покорствуютъ Кабардинцы, согласилъ ихъ на отправленіе, въ концѣ 1811 года, депутаціи въ С.-Петербургъ; розданные деньги и подарки (къ чему она весьма лакома) составили шайку, готовую отправиться. Могъ бы Генералъ Ртищевъ замѣтить, что ни одинъ изъ хорошей фамиліи, или хотя мало изъ порядочныхъ людей, не предложилъ себя, но надобно было похвастать у Двора, и шайка, можно сказать, бродягъ отправилась.

Правительствомъ были они приняты благосклонно, нѣкоторымъ даны были Штабъ-Офицерскіе чины, всѣмъ вообще награды и богатые подарки. Въ началѣ 1812 года они возвратились, но все сіе не сдѣлало Кабардинцевъ ни вѣрнѣйшими подданными, ни спокойнѣйшими сосѣдями. Набѣги, убійство, разбой не менѣе были частыми.

Въ семъ состояніи нашелъ я Кабардинцевъ, прибывши въ здѣшній край.

Нѣкоторые изъ Князей по доброй волѣ, или по вызову, къ намъ пріѣзживали, показывая себя вѣрными и въ великую вѣ-

няя заслугу, что не участвовали съ другими въ разбояхъ, тогда, однако же, какъ ближайшіе ихъ родственники и подвластные, а нѣкоторыхъ даже сыновья, замѣшаны были во всякомъ случаѣ. Приставъ нашъ не имѣлъ уже пребываніе въ Кабардѣ, и хотя сносился съ главнѣйшими, но ему не было оказываемо ни какого послушанія.

Нѣсколько Князей и Узденей выѣхали ко мнѣ на встрѣчу. Я ласково принялъ ихъ, совѣтовалъ воздержать Кабардинцевъ отъ злодѣйствъ и разбоевъ, которые могутъ навлечь имъ жестокое наказаніе. Я зналъ, что все обѣщаютъ, и ничего не исполняютъ, но не могъ приступить къ мѣрамъ смиренія ихъ; ибо не извѣстно мнѣ было, какія ожидаютъ меня занятія. Смежные съ Кабардинцами, въ мѣстахъ ближайшихъ къ хребту Кавказа, живутъ Осетины.

Нѣкоторая часть оныхъ въ совершенной покорности у Кабардинцевъ со временъ могущества сихъ послѣднихъ. Нѣкоторые изъ Осетинъ вышли на равнину и заводятъ селенія въ окрестностяхъ Владикавказа.

Тамъ же, въ вершинахъ рѣки Сунжи, расположились выселившіеся изъ горъ Ингуши, народъ воинственный, приведенный въ покорность кроткими мѣрами, употребленными Генералъ-Майоромъ Дельпоццо.

На военной дорогѣ отъ Моздока въ Грузію, единственной, которую мы чрезъ горы Кавказа величайшими поддерживаемъ трудами, живутъ Тагаурцы, намъ хорошо повинующіеся.

Многія другія племена Горцевъ мало еще покорствуютъ, или отъ одного страха. Отъ нѣкоторыхъ содержатся аманаты въ Владикавказѣ.

Противъ лѣваго крыла Линіи лежитъ Малая Кабарда, коея остатки жителей отъ моровой язвы ограничиваются нынѣ числомъ не съ большимъ трехъ сотъ семействъ, и нѣтъ слѣдовъ прежнихъ большихъ селеній.

Ниже по теченію рѣки Терека живутъ Чеченцы, самые злѣйшіе изъ разбойниковъ, нападающихъ на линію. Общество ихъ

весьма было малоллюдно, но чрезвычайно умножилось въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ; ибо принимались дружественно злодѣи всѣхъ прочихъ народовъ, оставляющіе землю свою по какимъ либо преступленіямъ. Здѣсь находили они сообщниковъ, тотчасъ готовыхъ или отмщевать за нихъ, или участвовать въ разбояхъ, а они служили имъ вѣрными проводниками въ земляхъ, имъ самимъ не знакомыхъ. Чечню можно справедливо назвать гнѣздомъ всѣхъ разбойниковъ.

Управленіе оной раздѣлено изъ рода въ родъ между нѣсколькими фамиліями, кои почитаются старшинами. Имѣющіе сильнѣйшія связи и люди богатые болѣе уважаемы. Въ дѣлахъ общественныхъ, но болѣе въ случаѣ предприемаемаго нападенія, или воровства, собираются вмѣстѣ на совѣтъ; но какъ всѣ они почитаютъ себя равными, то нѣсколько противныхъ голосовъ уничтожаютъ предпріятія, хотя бы и могли они быть полезными обществу, паче же если голоса сіи поданы кѣмъ ни будь изъ сильныхъ людей.

Народонаселеніе въ Чечнѣ, съ присоединившимся обществомъ Качкалыковъ, считается болѣе нежели 6000 семействъ. Земли пространствомъ не соотвѣтствуютъ количеству жителей, или поросшія лѣсами непроходимыми, недостаточны для хлѣбопашества, отъ чего много народа ни какими трудами не занимающагося и снискивающаго средства существованія едиными разбоями.

Трудно смирить народъ, пріобыкшій къ самой жестокой бѣдности, терпѣливо сносицій всякаго рода недостатки, и по тому всѣ доселѣ усилія начальства, всѣ походы войскъ, остались безуспѣшными; напротивъ, уразумѣвъ, сколько предстоитъ препятствій для наказанія ихъ, они болѣе одобрились, и въ мнѣніи, что земля ихъ непреодолима, утвердилъ ихъ походъ Генерала Булгакова съ значительными весьма силами, кончившійся весьма чувствительною потерю и пріобрѣтеніемъ самыхъ ничтожныхъ выгодъ.

Послѣдствія сіи произошли отъ неосмотрительнаго распределенія войскъ. Генераль Булгаковъ, столько же чрезвычайно храбрый, какъ мало распорядительный, думалъ привести Чеченцевъ въ замѣшательство, двинувъ войска въ одно время по разнымъ направленіямъ. Для сего надобно было раздробить ихъ.

Слабыя части въ мѣстахъ трудныхъ не смѣли предоставить себѣ дѣйствию рѣшительныхъ, или подвигались медленно, или же малымъ числомъ непріятеля были остановлены, и вся связь операція прервалась. Самъ Генералъ Булгаковъ имѣлъ дѣло съ главными силами Чеченцевъ и встрѣтилъ ихъ въ большемъ, нежели ожидалъ, количествѣ. Тутъ не довольно искусное и съ мѣстоположеніемъ не согласованное войскъ употребленіе было причиною и затрудненій и потери.

И такъ разбой Чеченцевъ и увлеченіе въ плѣны жителей Кавказской Губерніи и самыхъ поселенныхъ на границѣ Казаковъ дошли до того, что надлежало въ собственный землѣ ихъ приготовить имъ наказаніе, и я вознамѣрился, при первомъ удобномъ случаѣ, употребить всѣ средства къ перенесенію въ богатѣйшую часть ихъ владѣній нашей Линіи, къ оборонѣ совершенно не удобной.

Не прежними средствами, вводя войска въ землю незнакомую и когда всѣ Чеченцы соединяются для защиты, женъ, дѣтей и имущества, можно смирить ихъ. Надобно отнять способы къ набѣгамъ и къ хищничествамъ, соединивъ во власти своей все, что къ тому имъ споспѣшествовало. Надобно по рѣкѣ Сунжѣ занять всѣ земли, удобныя къ воздѣлыванію, и пастбищныя мѣста, на которыхъ во все зимнее время укрываютъ стада свои отъ жестокаго въ горахъ холода.

Устроивъ на Сунжѣ крѣпости не подалеку отъ деревень ихъ, удобно будетъ внезапныя дѣлать нападенія; ибо не могутъ они предварены быть о намѣреніи и угадывать оныя, какъ прежде, по немедленному сбору войскъ изъ многихъ мѣсть.

Оттѣснивъ ихъ ближе къ горамъ и въ непрерывномъ содержаніи страхѣ, можно заставить ихъ помышлять о собственной защитѣ болѣе, нежели о нападеніяхъ, которыя тѣмъ затруднительнѣе сдѣлаются, что надобно будетъ далеко проѣзжать позади цѣли ностовъ нашихъ.

Давно весьма слыхалъ я о семъ намѣреніи, и мысль сія мнѣ не принадлежитъ. Генералъ Князь Циціановъ хотѣлъ привести ее въ исполненіе, и при немъ частію войскъ сдѣлано обозрѣніе те-

ченія рѣки Сунжи, но вскорѣ послѣдовавшая смерть его воспрепятствовала оному.

Въ 1812 году Генераль Ртищевъ, переходя съ Кавказской Линіи къ командованію Грузією, возмечталъ приобрѣсти спокойствіе и покорность Чеченцевъ подарками и деньгами.

Вызваны были въ Моздокъ главнѣйшіе изъ старшинъ и многіе другіе, по мнѣнію его, важные люди, имъ не мало дано было денегъ, но сіе же самое произвело зависть въ другихъ, ни чего не получившихъ, и онъ лишь только отпустилъ отъ себя награжденныхъ, самъ же еще оставался въ Моздокѣ, какъ въ ночное время, на обозъ его, за Терекъ переправленный, и подъ его глазами сдѣлали они нападеніе. Могъ бы Генераль Ртищевъ, начальникомъ будучи на Линіи, знать Чеченцевъ лучше.

Далѣе Чеченцевъ, по правому берегу Терека, живутъ Андреевскіе, Аксаевскіе и Костековскіе народы, называемые вообще Кумыками, издавна подданные наши, по столько утѣсненные Чеченцами, во множествѣ къ нимъ переселившимися, что, боясь ихъ, они совершенно были въ ихъ зависимости, и на собственной землѣ своей не иначе могли жить съ нѣкоторою безопасностію, какъ сдѣлавши съ ними связи, или входя въ родство. Ни одинъ изъ Князей Кумыцкихъ не смѣлъ выѣзжать, не будучи сопровождаемъ Чеченцомъ.

Такъ общество Качкалыковъ заняло лучшія земли Аксаевскія, и въ самомъ городѣ Аксаѣ не менѣе половины жителей были Чеченцы.

Кумыки должны были давать имъ проходъ чрезъ свои земли на разбой въ нашихъ границахъ и, въ случаѣ преслѣдованія, убѣжище. Многіе и сами добровольно, и по припужденію, участвовали съ ними въ воровствахъ.

Городъ Кизляръ и всѣ селенія наши по лѣвому берегу Терека были подвержены всегдашней опасности; противоположный былъ занятъ Чеченцами, кои назывались мирными, и сіи-то, безпрепятственно переходя на нашу сторону, знали всегда о пребываніи войскъ нашихъ и мѣрахъ предприемаемой осторожности, зна-

ли безопасность, или отсутствіе войскъ, и служили имъ благонадежными и опытными провожатыми.

Каждое изъ трехъ владѣній Кумыцкихъ управляемо было старшимъ по лѣтамъ Беемъ или Княземъ, и такъ они очередились между собою. Слѣдовательно, по большей части случалось, что управлялъ наименѣе способный.

Народонаселеніе въ сихъ владѣніяхъ ничтожное, казнѣ ни какихъ доходовъ нѣтъ. Городъ Андрей весьма торговый и со временемъ можетъ большія приносить выгоды.

Нуженъ строгій присмотръ за развратными сими народами, но закоренѣлые между ими безпутства и беспорядокъ, склонность непреодолимая къ хищничеству, противостанетъ усиліямъ многихъ еще начальниковъ, а миѣ предстоитъ трудъ основать тому начало.

Далѣе за Костековскими владѣніями, близъ устья рѣки Койсу, лежатъ земли, Мехты-Шамхалу Тарковскому, Генералъ-Лейтенанту, принадлежащія. Владѣтель сей замѣченъ Правительству весьма приверженнымъ, какъ былъ и отецъ его въ царствованіе Екатерины II-й, чина Тайнаго Совѣтника удвоенный.

Шамхалы были прежде весьма сильными въ Дагестанѣ, коего народы имъ повиновались, но теперешняго Шамхала сосѣди живутъ во враждѣ съ нимъ, возмущаютъ подданныхъ его, и сіе причиною, что онъ болѣе прежняго ищетъ покровительства начальства.

Городъ Тарки расположенъ на самой коммуникаціи нашей отъ Кизляра къ Дербенту, и предмѣстники мои желали, чтобы Шамхалъ принялъ войска наши, которыя хотѣли помѣстить у него, въ видѣ почетнаго караула, но онъ отказалъ въ томъ.

Такова была недовѣрчивость самаго благонамѣреннѣйшаго изъ владѣтелей; всѣ прочіе, о коихъ упомянулъ я выше, еще съ меньшимъ чистосердечіемъ расположены къ намъ были. Тишина и нѣкоторое устройство удерживалось однимъ страхомъ, повсюду пребываніе войскъ было необходимо. Охраненіе обширныхъ границъ требовало оныхъ въ большомъ количествѣ, въ особенности

Кавказская Линія подвержена была безпрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ, по всему пространству ея обитающихъ, народовъ.

Съ полуденной стороны Кавказа наиболѣе дѣлали безпокойствъ Дагестанскіе народы нападеніями на Кубу и не рѣдко въ большихъ силахъ; воинственный духъ сихъ народовъ поддерживали частыя распри Мусульманскихъ владѣтелей, которые попеременно, привлекая на свою сторону, давали случаи пріобрѣтать добычи.

Нѣкоторые давали имъ плату, и они пускались иногда на отдаленныя предпріятія.

Кахетія разоряема была многочисленными толпами сходящихъ съ горъ Лезгинъ. Въ Карталинію впадали, сосѣдніе оной, Осетины и Лезгины, которыхъ содержалъ у себя Ахалцыхскій Паша, не взирая на существующій миръ между Россією и Портою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на Персидской границѣ нерѣдко производились грабежи, и причиною оныхъ недостатки средствъ самаго Правительства удерживать въ повиновеніи кочующіе народы, иногда же алчность употребленныхъ на границѣ чиновниковъ, входящихъ въ раздѣлъ добычи съ разбойниками.

Со стороны Чернаго моря безпокоили Гурію Ахалцыхскаго Пашалыка, ни какою властію не обуздываемые, народы, извѣстные подъ именемъ Ачарцевъ и Кобулетъ.

На Абхазію нападали жители горъ, почитаемые подданными Порты, худо повинующіеся Анапскому Пашѣ, который, сверхъ того, думаетъ пріобрѣсти ихъ къ себѣ привязанностью, попуская своевольства, паче же хищничества.

Принявъ команду надъ Грузискимъ корпусомъ, при первомъ взглядѣ на пространство земель, не могъ я не чувствовать, сколько недостаточно число войскъ, корпусъ составляющихъ.

Въ Октябрѣ 1816 года нижнихъ воинскихъ чиновъ, могущихъ быть въ дѣйствіи:

19	} пѣхотныхъ дивизіяхъ .	30,336
20		
Резервной бригады изъ трехъ Гренадерскихъ полковъ		7,024

Въ гарнизонныхъ полкахъ и баталіонахъ.	5,920
Въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку.	711
Въ Линейныхъ Казачьихъ полкахъ.	5,302
Войска Донскаго въ Казачьихъ полкахъ.	5,237
Астраханскаго Казачьяго войска въ трехъ полкахъ.	1,634

Артиллеріи	{	Батарейныхъ.	48
		Легкихъ .	60 орудій.
		Конно-Казачьихъ	24

При семъ надлежитъ взять въ разсужденіе климатъ, несродный солдату нашему, разнпжающій между ихъ чрезвычайныя болѣзни и необыкновенную смертность, что уменьшало ихъ оцутительнымъ образомъ.

Въ оборонѣ земли надлежало боротъся съ величайшими препятствіями. Гористое положеніе представляло пути непроходимыя, рѣки быстрыя, въ нѣкоторыя времена года непреодолимыя. Кроме военной дороги чрезъ Кавказъ отъ Моздока, всѣ прочія оставлены безъ вниманія, и никогда ни какой работы не предпринято для ихъ исправленія. Войска, вообще имѣя трудныя между собою сообщенія, не въ состояніи были производить движеній быстрыхъ, соединиться скоро. По необходимости принятая кордонная система еще большимъ, въ семъ отношеніи, подвергаетъ неудобствамъ, и нѣкоторыя части войскъ должны дѣлать большіе обходы, для вспомошествованія угрожаемымъ пунктамъ.

Движеніе тягостей, слѣдовательно, продовольствія никогда не опредѣляется вѣрнымъ расчетомъ.

Сверхъ того, въ лѣтніе три мѣсяца, по причинѣ чрезвычайныхъ и несносныхъ жаровъ, понуждающихъ самихъ природныхъ земли жителей удаляться въ горы, во всѣхъ по положенію низменныхъ мѣстахъ переходы войскъ совершенно невозможны.

Здѣсь умѣстно было бы описать видъ границъ нашихъ; но какъ предметниками моими ни какого не сдѣлано обозрѣнія оныхъ, я же самъ, по краткости моего здѣсь пребыванія, успѣлъ только бросить взглядъ на тѣ, кои насъ отъ Персіи отдѣляютъ, пред-

почтительно предъ прочими по тому, что готовился къ путешествію въ Персію, то, для нѣкотораго о нихъ поңтія, прилагаю извлеченіе изъ рапорта моего Государю отъ 9 Генваря, 1817 года.

Видъ границъ.

Граница отъ запада начинается Шурагельскою Провинціею, совершенно открытою и ровною; прилежащую къ ней Область Бамбацкую окружаетъ довольно высокій хребетъ горъ и, простираясь чрезъ Провинціи Казахскую, Шамшадильскую и Елисаветопольскій Округъ, отдѣляетъ ихъ отъ Персіи, потомъ, охвативъ нѣкоторую часть Карабахскаго Ханства, оканчивается у рѣки Аракса.

Граница далѣе идетъ по теченію Аракса и чрезъ Муганскую степь. Потомъ Ханство Талышенское, протягиваясь по Каспійскому морю и входя угломъ внутрь Персидскихъ владѣній, составляетъ конечность границъ нашихъ къ востоку.

Твердость границъ.

Чрезъ горы, образующія границу нашу, проходитъ нѣсколько удобныхъ дорогъ и во множествѣ такіа, гдѣ только артиллерія пройти не можетъ, но войска свободно.

Въ Ханство Карабахское отверсть входъ непріятелю по всему пространству теченія Аракса. Выходъ опаснѣе, ибо рѣка Араксъ въ тылу имѣетъ мѣста открытыя, кои обнаруживаютъ движеніе.

Степь Муганская зимою, представляющая наилучшія пастбища, принимаетъ множество кочующихъ народовъ, въ прочія времена года обитаютъ змѣи, единственная ея оборона.

Ханства Талышинскаго принадлежащая намъ часть, полуденную свою границу имѣетъ совершенно отверстую. Съ запада лежитъ хребетъ высокихъ горъ, которыхъ не только вершины, но и самыя отлогости ихъ, къ намъ обращенныя до самой подошвы, и всѣ почти дороги, входящія въ Ханство, въ рукахъ Персіанъ.

Образъ защиты.

При первомъ взглядѣ представляется обширность границъ нашихъ съ Персією и до какой степени чрезмѣрное протяженіе дѣлаетъ оную неудобною. Дороги, выходящія изъ Шурагельской и Бамбацкой Провинцій въ Эриванскую Область, должны быть защищены достаточнымъ войскомъ и хорошею крѣпостію. Отъ Бамбацкой Провинціи и до Карабаха, хорошо устроенная въ Елисаветполѣ крѣпость и отрядъ быстрыхъ войскъ, достаточны для обороны и наблюденія за жителями, часто нарушающими вѣрность.

Въ Карабахѣ крѣпость, вмѣщающая довольные запасы, можетъ быть полезною для наступательныхъ съ сей стороны дѣйствій.

Степь Муганскую, чрезъ которую идетъ лучшая дорога въ Талышенское Ханство, оборонять должны пребывающія въ Карабахѣ войска, дѣйствуя въ тылъ непріятели, другой обороны никакой искусство не представляетъ.

Талышинское Ханство теперешнимъ числомъ войскъ защитить не возможно, умноживъ же ихъ, ослабить надлежало бы другія части войскъ, и для обороны земли совершенно ни какихъ средствъ не представляющей.

Въ случаѣ оборонительной войны обширныя границы требуютъ значительнаго количества войскъ.

Единый удобный способъ обороны есть война наступательная; пути для оной два: чрезъ Эриванскую Область, имѣющая крѣпости; чрезъ Карадахъ, землю гористую, но гдѣ лежитъ кратчайшая къ Тавризу дорога. Но въ случаѣ совокупнаго Персіянъ съ Турками дѣйствія, война наступательная едва ли можетъ имѣть мѣсто.

Собственные земли способы для обороны.

Провинціи: Шурагельская до послѣдней войны имѣла жителей до тысячи семействъ, теперь менѣе двухъ сотъ и бѣдныхъ. Также разорена Бамбацкая и жители столько же въ скудномъ состояніи. Казахская, Шамшадильская и Борчалинская населены

Татарами и весьма малымъ числомъ Армянъ, хлѣбородны, скотоводство имѣютъ изобильное, народъ храбрый, воинственный, нѣсколько разъ намъ измѣнившій, но его употребить можно съ пользою.

Въ Елисаветопольскимъ Округѣ народъ промышленный, къ войнѣ способность одинаковая, земля лучшая.

Карабахское Ханство опустошено нападеніями Персіянъ: уменьшилось населеніе, изобиловавшее богатствомъ. Почва земли чудесная плодородіемъ. Народъ воинственный и всегда съ нашей стороны. Изъ сей земли со временемъ можно извлечь величайшія выгоды, не иначе, однако же, какъ введя наше управленіе.

Ханство Талышенское имѣетъ съ небольшимъ двѣ тысячи семействъ и по тѣснотѣ мѣста населеніе мало умножиться можетъ. Хлѣба производятъ мало, ибо богатѣйшая часть онаго уступлена Персіи.

Единственнымъ способомъ улучшенія порочныхъ и къ оборонѣ неудобныхъ границъ нашихъ я поставилъ на видъ приобрѣтеніе отъ Персіи Ханствъ, лежащихъ до лѣваго берега рѣки Аракса, кои первою войною должны быть отданы въ руки наши, или до того не будетъ твердой и покойной границы со стороны Персіи.

Проживая въ Тифлисъ, собиралъ я, какія только возможно было, о Персіи свѣдѣнія, и время выѣзда моего съ Посольствомъ приближалось. Чиновники, оное составляющіе, всѣ уже собрались. Отъ Сардаря Эриванскаго прислано было съ вопросомъ, какія нужны были въ пути приуготовленія, для удобнѣйшаго слѣдованія Посольства.

Между тѣмъ получалъ я извѣстія, отовсюду подтверждавшіяся, что въ Персіи большое приуготовленіе войскъ. Крѣпости исправляются починкою и строятся вновь. Не могли Турки быть тому причиною; ибо Персія въ наилучшихъ была съ ними отношеніяхъ, повсюду же совершенное было спокойствіе, кромѣ Хоросанской Области, подъявшей оружіе для снисканія независимости, но для оной не могли собираться войска близъ границъ нашихъ. Въ то же самое время прибыли Турецкія войска и нѣсколько

Пашей въ Арзерумъ, закупаемъ былъ провіантъ въ большомъ количествѣ, изъ Константинополя отправленъ былъ въ Анатолію паркъ полевой артиллеріи.

Все, судя по наружности, имѣло видъ, что Персіане, взаимно съ Турками, скрываютъ какія либо намѣренія. Слышно мнѣ было, что Персіане готовы требовать съ настоятельною всѣмъ присоединенныя нами Мусульманскія Провинціи и Карабахъ непремѣнно. Въ разсужденіи Турокъ увѣдомлялъ меня Посланникъ нашъ въ Константинополѣ, Баронъ Строгановъ, что онъ встрѣчаетъ въ негодіяцяхъ своихъ многія затрудненія и крайнее упрство со стороны Оттоманскаго Министерства; что онъ, проживши полгода, не имѣлъ еще у Султана приѣмной аудіенціи. Обстоятельства сіи заставили меня сдѣлать Императору представленіе, что отсутствіе мое въ Персію можетъ имѣть непріятныя слѣдствія, если точно скрываетъ она намѣренія непріязненныя, въ случаѣ отказа удовлетворить требованіямъ ея о возвращеніи Провинцій; что могутъ меня, подъ благовидною наружностію переговоровъ, удержать у себя, и между тѣмъ приближаться къ границамъ нашимъ иль войска. Что въ лицѣ моемъ соединенныя должности Посла и Главнаго въ здѣшней странѣ Начальника дѣлаютъ меня въ глазахъ недовѣрчиваго Персидскаго Правительства подозрительнымъ; что таковымъ могутъ меня представить оному Англичане, сильное вліяніе имѣющіе на политическія дѣла Персіи, которымъ не нравится сближеніе наше съ симъ Государствомъ.

Императоръ, внявъ благосклонно представленію моему, удостоилъ довѣренности избрать на мѣсто мое, по собственному моему усмотрѣнію, Генерала, и отправить его въ Персію. Присланы были бланкеты полномочія и другія нужныя бумаги.

Въ продолженіе переписки съ Петербургомъ разсѣялись подозрѣнія мои на счетъ прибытія войскъ Турецкихъ въ Анатолію, сообщенными мнѣ отъ Барона Строганова свидѣніями, что Порта, узнавъ о намѣреніи Трапезондскаго Паши сдѣлаться независимымъ, войска сіи противъ него посылаетъ. Довольно большое число ихъ для того, вѣроятно, назначено было, чтобы удержать въ повиновеніи прочихъ Пашей, чтобы они не послѣдовали его примѣру.

Въ Персію отправленный отъ меня Коллежскій Совѣтникъ Мазаровичъ, человекъ особенно ловкій и одаренный проницательностію, былъ хорошо принятъ Шахомъ, успѣлъ познакомиться съ главнѣйшими лицами Двора и Министерства, и сообщилъ мнѣ извѣстіе, что Шахъ весьма желаетъ имѣть Россійское Посольство, и что къ принятію онаго дѣлаются всѣ приуготовленія. И такъ рѣшился я самъ отправиться въ Персію, и 17-го числа Апрѣля выѣхалъ изъ Тифлиса.

Войска въ Грузіи, Имеретіи и прочихъ Провинціяхъ на цюлденной сторонѣ Кавказа, поручилъ я Генераль-Маіору Кутузову, хотя не былъ онъ старшимъ въ чинѣ. Начальникъ Кавказской Линіи, Генераль-Маіоръ Дельпоццо, долженъ былъ относиться къ Начальнику Главнаго Штаба Е. И. В. Губернаторы Кавказскій и Астраханскій доносили прямо въ Сенать.

Дѣлами гражданскими въ Грузіи управлялъ Генераль-Маіоръ Сталь 2-й, котораго нашелъ я, пріѣхавъ въ Тифлисъ, въ званіи Губернатора Грузіи на правахъ военнаго.

Весьма чувствовалъ я, что подобное раздѣленіе власти могло быть поводомъ къ безнорядкамъ, но я принужденъ былъ сіе сдѣлать, ибо не имѣлъ старшаго, которому бы управление всего поручить могъ, и по необходимости долженъ былъ въ нѣкоторыхъ уважить долговременное служеніе и старшинство въ чинахъ. Генераль-Маіору Кузузову далъ большую степень довѣренности, по извѣстнымъ его мнѣ способностямъ.

Начальнику Корпуснаго Штаба приказалъ, во время отсутствія моего, сдѣлать обзорніе Имеретіи, Мингреліи и Абхазіи, о коихъ имѣли мы весьма недостаточныя понятія. Надлежало осмотрѣть важный пунктъ, Редуть-Кале, единственное мѣсто (по возвращеніи Турціи крѣпости Поти), къ которому приставать могли приходящія изъ Россіи суда съ провіантомъ для войскъ, въ Провинціяхъ по Черному морю расположенныхъ. Приказалъ изыскать дорогу для сообщенія Грузіи съ Имеретіею, которое производилось горами чрезвычайно трудными и только вьюками въ одно хорошее время, зимою же никогда.

Приказалъ заняться избраніемъ мѣстъ для постоянного расположенія Штабовъ нѣкоторыхъ полковъ, кои доселѣ занимали мѣста самыя нездоровыя, и, не имѣя прочныхъ заведеній, не могли имѣть порядочнаго хозяйства, по образу службы солдата въ здѣшной странѣ требующаго особеннаго вниманія.

Въ Персію выѣхалъ я чрезъ военный постъ нашъ, называемый Гумри, слѣдуя близъ самой Турецкой границы. Паша Карскій прислалъ ко мнѣ чиновника съ письмомъ, въ которомъ поздравлялъ меня съ благополучнымъ прибытіемъ, извиняясь, что не могъ выѣхать для свиданія со мною.

Чрезъ Талынъ, Армянскій Ечміадзинскій монастырь, прибылъ я въ городъ Эриванъ, гдѣ пробывъ весьма не долго, отправился въ Тавризь. Тутъ равномерно оставшись непродолжительное время, переѣхалъ въ Султанію, куда Шахъ въ томъ году расположилъ перейти на все лѣто, убѣгая несносныхъ жаровъ, каковыя бывають обыкновенно въ Тегеранѣ.

Вкратцѣ скажу, что возложенныя на меня порученія кончили я довольно удачно. Переговорамъ моимъ не мало способствовало то, что я вѣжливымъ образомъ обхожденія моего и умѣвши оказывать лестное уваженіе Шаху, весьма ему понравился. Опъ щедръ былъ въ похвалахъ на мой счетъ, и никто изъ вельможъ не смѣлъ ничего сказать противнаго. Не столько нравился я Аббасъ-Мирзѣ, нареченному Наслѣдникомъ Персіи, по тому что уклонился отъ признанія его въ качествѣ Наслѣдника, ибо не видалъ въ томъ ни какой для насъ пользы, хотя то инструкціею и предоставлено мнѣ было.

Со времени посѣщенія моего Персіи уничтоженъ, въ отношеніи къ Русскимъ, тотъ гордый этикетъ, которому подвергались они, наравнѣ со всѣми прочими Европейцами, и для коихъ онъ доселѣ существуетъ.

Настоянія о возвращеніи пріобрѣтенныхъ нами отъ Персіи Провинцій были весьма усилены, тѣмъ болѣе, что Министерство Персидское хотѣло показать народу сей знакъ уваженія къ Шаху Императора, какъ признаніе его могущества.

Отъ подвластныхъ намъ Хановъ; подъ видомъ торговли, посланы были люди, для развѣдыванія, какъ я буду принять и не успѣютъ ли Персіане возвратить Мусульманскія наши земли. Въ простомъ народѣ, неблагонамѣренными людьми, разсѣяны были слухи, что я согласился отдать обратно Ханство, и сіе производило нѣкоторыя безпокойства, могущія имѣть непріятныя слѣдствія. Въ отвращеніе оныхъ, долженъ я былъ, во время пребыванія моего въ Султаніи, оставить прокламацію къ жителямъ нашихъ Ханствъ, въ которой обѣщалъ не уступить и одного шага земли изъ пріобрѣтенной нами. Дѣйствіе прокламаціи сей было полезно и тѣмъ много убѣждало, что я писалъ оную изъ того мѣста, гдѣ производились переговоры. Народъ увидѣлъ твердость, съ какою охраняетъ Правительство своихъ подданныхъ.

Черезъ шесть мѣсяцевъ я возвратился изъ Персіи обратно.

Въ продолженіи столько короткаго времени нельзя собрать о Государствѣ обширномъ достаточныхъ свѣдѣній, мнѣ же возмозжныя предстояли препятствія пріобрѣсти оныя; но что узналъ я чрезъ собственныхъ чиновниковъ, сдѣлавшихъ знакомства, и отъ людей, которыхъ цашли мы намъ благопріятствующими, скажу здѣсь вкратцѣ.

Персія есть вообще страна не довольно населенная. Сѣверныя области оной, къ границамъ нашимъ и Каспійскому морю обращенныя, заключаютъ и большее народонаселеніе, и болѣе земли богатство; изъ нихъ Азербиджанская изобилуетъ всякаго рода хлѣбомъ и имѣетъ наилучшее скотоводство.

Гилянская знаменита выдѣлываемымъ въ ней шелкомъ въ большомъ весьма количествѣ.

Производитъ много хлопчатой бумаги и Сарачинскаго пшени. Жители оной имѣютъ съ Астраханью торговыя сношенія и обращаютъ въ оныхъ значительныя капиталы.

Въ сравнительность пространства земли обработанной мадо. Во многихъ мѣстахъ по свойству своему, а чаще до недостатку воль, она ни чего не производитъ, и не иначе возвратиться къ плодородію можетъ, развѣ при размноженіи народа трудолюбиваго. и

усилияхъ постоянныхъ. Довольно значительная часть народа, прочныхъ жительство не имѣющая, на долго отдалить приведеніе Государства въ лучшее устройство; имѣть болѣе праздной жизни народа кочующаго, ни какое состояніе не питаетъ столько чувства независимости.

Въ Персіи образа правленія опредѣленнаго имѣть.

Въ рукахъ Шаха власть безпредѣльная, болѣе или менѣе отягощающаяся на подданныхъ, смотря по свойствамъ царствующаго. Въ Турціи есть обычай, конемъ долговременная ихъ бытность дала имѣющую святость закона.

Улема имѣетъ сильное вліяніе на власть, и можетъ дѣлать представленія, которыя по часту не остаются безъ успѣха.

Въ Персіи не равнымъ пользуются уваженіемъ священнослужители, и имѣть ни малѣйшихъ препятствій дѣйствию власти. Нынѣшняго Шаха господствующая страсть собирать сокровища, и народъ обременяется чрезимѣрными налогами. Грабительство приведено въ систему и обращено въ необходимость для каждаго изъ управляющихъ; ибо безъ денегъ и подарковъ ни милости Шаха, ни покровительства вельможъ, ниже уваженія между равными соскаты не возможно.

Деньги доставляютъ почести и преимущества, коихъ Персія не насытима. Деньги разрѣшаютъ преступленія, съ которыми Персіане неразлучны. Вѣра самая не только не налагаетъ обузданія на страсти, но часто искуснымъ толкованіемъ получаетъ направление, льстящее порокамъ.

Не смотря на сіе, власть, менѣе порочно употребленная, можетъ извлечь большія средства изъ народа покорливаго, терпѣливаго, воздержнаго и спокойно пріемлющаго новыя установленія.

Если будетъ Шахъ, который, отъ необузданнаго самовластиа, одно то удѣлитъ въ пользу человечества, что оградитъ жизнь подданныхъ законами, сдѣлаетъ великія начала. Если который изъ Шаховъ обезпечитъ собственность отъ притязанія, успѣетъ во всякомъ предпріятіи и будетъ боготворимъ. Но едва ли возможно ожидать сего; ибо оба сія условія, въ понятіи Восточныхъ

народовъ, составляютъ главнѣйшія прешущества деспотизма и принадлежность властителей, и весьма вѣроятно, что какъ сіи не захотятъ лишиться свободы самовластія, такъ и народы не осмѣлятся познать необходимости обузданія.

Теперь Персія раздѣлена на разныя части, ввѣренныя управленію сыновей Шаха, и второй сынъ, Аббасъ-Мирза, объявленный Наслѣдникомъ, вспомоцествуемый Англичанами, вводитъ успѣшно значительныя преобразованія

Регулярныя войска устроются на хорошемъ основаніи. Артиллерія въ отличномъ порядкѣ и умножается очевидно. Есть литейный хорошій заводъ и оружейная фабрика. Учреждаются крѣпости по образу Европейскихъ. Извлекаются руды, и уже мѣдь, свинець и желѣзо въ большомъ количествѣ. Предназначаются устроеніе суконныхъ фабрикъ и заводы для очищенія сахара, дабы избѣжать угнетающей монополіи Остъ-Индской Компаніи.

Аббасъ-Мирза предоставляетъ иноземцамъ всякаго рода выгоды, и нѣтъ сомнѣнія, что найдутся способные люди, для приведенія многихъ частей въ порядокъ.

Подъ его распоряженіями теперь уже много войскъ и артилеріи, и по обстоятельствамъ легко можетъ быть увеличиваемо число оныхъ, ибо собраніе рекрутъ производится безъ затрудненія, и самыя даже кочующіе народы начинаютъ давать оныхъ, почти не оказывая ропота. Сему можетъ быть препятствіемъ закоренѣлое невѣжество знатнаго дворянства, которое вѣрять не хочетъ, чтобы нужны были заслуги и достоинства тому, кто имѣетъ преимущества знатнаго рожденія.

Они понять не могутъ постепеннаго возвышенія въ чины дѣтей ихъ, которымъ доселѣ безъ всякихъ заслугъ предоставляема была власть, даваемы важныя порученія и начальство надъ войсками.

Въ Персіи почти каждый поселянинъ воинъ и съ ребячества пріобываетъ къ оружію, а по тому каждый поступаетъ на службу хорошимъ стрѣлкомъ. Труды переносятъ терпѣливо, въ пищу чрезвычайно усвѣренны, удобны къ движеніямъ необычайно скорымъ,

и въ короткое время Персія можетъ имѣть пѣхоту, которая станетъ на ряду съ лучшими въ Европѣ.

Англичане употребятъ всѣ возможныя усилія противопоставить могуществу нашему въ сей странѣ всѣ препятствія. Деньги, расточаемыя ими въ Министерствѣ и всѣмъ приближеннымъ Шаха и его Наслѣдника, не допустятъ искренняго сближенія Персіи съ Россією. Никогда!!!

На возвратномъ пути изъ Персіи, получилъ я извѣстіе о кончинѣ Генералъ-Маіора Кутузова, командовавшаго послѣ меня въ Грузіи. Горестно было лишиться пріятеля испытаннаго и помощника по службѣ наилучшаго.

По возвращеніи въ Тифлисъ, нашелъ я Грузію довольно спокойною. Только въ Кахетію врывались партіи Лезгинъ, но ничего вреднаго не произвели. Въ Дагестанѣ примѣтно было, что крылись намѣренія злыя, и поведеніе Сурхай-Хана Казыкумыцкаго, тѣсныя связи имѣющаго съ Дагестаномъ, весьма были подозрительны. Болѣе осторожный, Мустафа-Ханъ Ширванскій, женившись на дочери Сурхай-Хана, хитростію сего послѣдняго хотя вовлеченъ былъ во всѣ его намѣренія, но умѣлъ поступки свои прикрывать наружностію приверженности къ Правительству. Аварскій Ханъ Султанъ Агмедъ частыми письмами увѣрялъ въ преданности, но извѣстно было мнѣ, что дѣйствуетъ совсѣмъ тому противно.

Со стороны Кавказской Линіи наиболѣе безпокойствъ и разбоевъ производили Чеченцы. Кабардинцы нѣсколько менѣе, но не преставали дѣлать хищничества.

1817-й годъ примѣчательнъ былъ необыкновеннымъ разлитіемъ водъ, которыя произвели величайшія опустошенія въ поселеніяхъ Казаковъ на Кубани и Терекѣ, но Императоръ, вознаграждая понесенныя ими потери, изволилъ пожаловать, по представленію моему, довольно значительныя суммы денегъ.

Въ семь же году съ горы Казбека обрушился снѣгъ, остановившій теченіе рѣки Терекъ почти на цѣлыя сутки. Ущелье по коему оная протекаетъ, завалено было на большое разстоя-

ніе и въ высоту на пятьдесятъ сажень. Сообщение съ Кавказскою Линіею прервано было надолго. Подобныя снѣжные обвалы бывають всякіе семь, или восемь, лѣтъ, требуютъ величайшихъ трудовъ для проложенія чрезъ нихъ дороги.

Имѣя намѣреніе ввести войска въ Чеченскую землю, и не имѣя ихъ достаточно на Кавказской Линіи, испросилъ я прибавленія одного егерскаго полка, и таковой назначенъ былъ изъ Крыма. Сверхъ того, изъ Кубинской Провинціи отъ полка Троицкаго приказалъ я отправить одинъ батальонъ въ Кизляръ, одинъ батальонъ Кабардинскаго полка пошелъ въ Моздокъ изъ Грузіи.

Въ концѣ года собралось въ Тифлисъ Грузинское Дворянство на выборы. По уничтоженіи многихъ должностей, которыя, во время Царей, или собственно при Дворѣ ихъ, или въ судебныхъ мѣстахъ, занимаемы были лучшими фамиліями, Правительство, въ вознагражденіе, опредѣлило довольно щедрые пансіоны и, сверхъ того, мѣста Совѣтниковъ предоставило Княжескимъ фамиліямъ по выбору; другія менѣе важныя должности назначены были равномерно по выбору для Дворянства.

Здѣсь Дворянство весьма многочисленное, Князей же, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ Графовъ въ Польшѣ, и также ни тѣ, ни другіе правъ своихъ на сія преимущества доказывать не желаютъ. Предмѣстники мои не могли успѣть составить Депутатское Собраніе, встрѣчая рѣшительное со стороны Дворянства упорство. Его устрашала Дворянская грамота, которую Россійское Дворянство приняло отъ Государей своихъ, какъ величайшее благодѣяніе. Такимъ образомъ пріемлются здѣсь многія изъ благотворныхъ Правительства постановленій! Мнѣ, однако же, удалось согласить Дворянство на составленіе Депутатскаго Собранія, хотя не безъ затрудненія, и оно приступило къ дѣйствию. Составлены правила въ руководство съ нѣкоторыми облегченіями, кои утверждены по моему представленію. Я испросилъ дозволеніе Мусульманамъ доказывать Бекское свое происхожденіе, ибо нѣкоторые изъ нихъ въ давнія времена бывали даже независимыми владѣтелями, по чему могутъ принадлежать имъ права Дворянства. Дѣйствія Депутатскаго Собранія, прежде представленія ихъ въ Герольдію и далѣе въ Сенатъ, поступаютъ на разсмотрѣніе Главноуправляющаго. Я

почель нужнымъ сіе средство, дабы отвратить злоупотребленія, коихъ могъ ожидать отъ вліянія сильныхъ фамилій, пріобыкшихъ давать покровительство низшимъ состояніямъ.

Чтобы дать понятіе, какія Правительству предстоятъ препятствія въ малѣйшихъ его постановленіяхъ, по закоренѣлому невѣжеству и привычкѣ къ беспорядкамъ, достаточно сказать, что всѣ вообще противились учрежденію въ городѣ Квартирной Коммиссіи, для уравнительнаго раздѣленія постоя, тѣмъ болѣе отяготительнаго, что, кромѣ военныхъ людей, и самимъ гражданскимъ чиновникамъ отводятся квартиры. Три дня о семъ разсуждаемо было безъ успѣха, и даже были мнѣнія, дерзко порочившія сіе Правительства распоряженіе, и я не иначе могъ кончить то, какъ объявивъ, что всѣ, собравшіеся для разсужденія, будутъ заперты до того, пока выберутъ членовъ въ составъ Коммиссіи. И Коммиссія учредилась! Здѣсь всѣ вообще состоянія, исключая чернаго народа, довольно добродушнаго и готоваго изучиться кроткому повиновенію, пріобыкли придавать распоряженіямъ начальства обратное истолкованіе, и если когда не смѣютъ совершенно отказаться отъ исполненія, то испытываютъ наклонность къ какому ни будь перемѣнамъ, дабы въ послѣдствіи разсказывать легковѣрнымъ, что принудили къ тому сопротивленіемъ. Тщеславіе сего рода въ особенности принадлежитъ здѣсь знатнѣйшимъ Княжескимъ фамиліямъ, къ мнѣнію которыхъ всѣ прочіе имѣютъ рабственное уваженіе. Многоразличныя обстоятельства понуждали предметниковъ моихъ ласкать высококомѣріе сихъ людей, ибо слишкомъ сильнымъ почитаемо было вліяніе ихъ въ народѣ. Они же, при возникавшихъ часто въ здѣшней странѣ мятежахъ, употребляемы будучи къ прекращенію оныхъ (въ каковыхъ случаяхъ весьма малые изъ нихъ бывали сколько ни будь надобными), почитали себя необходимыми, и щедро расточаемыя имъ награды принимали, какъ принадлежащее имъ уваженіе, никогда какъ милость.

Не погрѣшая, можно сказать о Князьяхъ Грузинскихъ, что, при ограниченнхъ большей части ихъ способностяхъ, имѣтъ людей большаго о себѣ вниманія, болѣе жадныхъ къ наградамъ безъ всякихъ заслугъ, болѣе неблагодарныхъ.

Здѣсь при Царяхъ сильнѣйшія фамиліи пользовались большими преимуществами, и, въ нихъ имѣя всегда нужду, Цари попускали власть безпредѣльную въ отношеніи къ принадлежащимъ имъ крестьянамъ. Доходы Царства были весьма скудны, неопредѣлительны, не было средствъ содержать постоянныхъ войскъ, съ сосѣдями были вражды безпрестанныя и войска по надобности собирались съ земли. При сихъ случаяхъ богатѣйшимъ изъ Князей, которые могли поставлять большее число воиновъ, оказываемо было предпочтеніе, прощались вины и самыя преступленія спискивали снисхожденіе. Они приобыкли къ своевольству, и оное не рѣдко переходило въ самое непослушаніе противъ Царей, и даже измѣны. Въ Грузіи почти нѣтъ Княжеской фамиліи, особенно знатной, изъ которой бы не было нѣсколько измѣнниковъ въ бѣгахъ въ Персію, или Турцію. Цари, боясь наказаніями ожесточить фамиліи, почасту же и средствъ наказанія не имѣя, искали ихъ возвращенія, не только обѣщавали забвеніе вины, но и самыя милости.

Людямъ съ таковыми свойствами не легко приобыкнуть можно къ Правительству, не терпящему своевольства, полагающему обузданіе на власть прихотливую, не имѣющему необходимой нужды потворствовать разврату виновнымъ послабленіемъ. По сей причинѣ весьма мало есть Грузинскихъ Князей, намъ приверженныхъ.

Я же въ особенности обращаю ихъ на себя негодованіе, ибо въ поведеніи моемъ съ ними примѣчаютъ они разницу съ моими предѣльниками. Уваженіе мое дается болѣе приобретающимъ его заслугами и благонамѣреннымъ къ Правительству расположеніемъ, нежели происхожденію отъ знатной фамиліи. Отдаляю я всякое преимущество Князей надъ Дворянами, которое доселѣ разумѣли они присвоеннымъ къ нимъ титуломъ. Между самихъ Князей не поставляю ни какого различія, которое прежде, въ обиду многихъ, принадлежало единственно богатству, или многочисленности фамиліи. Чины, награды и пансіоны даются рѣдко, ибо даются достойнымъ, повинovenія требую безъусловнаго.

Въ Татарскихъ дистанціяхъ, Барчалинской, Казахской и Шамшадильской, Агалары (родъ Дворянъ) издавна присвоили себѣ такую степень власти надъ чернымъ народомъ, что сей послѣдній,

свободный по состоянію и зависящій отъ нихъ по тому только, что порученъ имъ въ управленіе, обязанъ будучи нѣкоторыми въ пользу ихъ повинностями, сдѣлался совершенно рабами. Не было повинности определенной, не было собственности, которую бы Агаларъ не могъ присвоить по произволу. Подать въ казну ими была распредѣляема. Увольняли отъ оной, кого желали, на другихъ возлагали по прихоти. Богатые изъ поселянъ избѣгали ея, тягость падала на однихъ бѣдныхъ. Наложениемъ штрафа собирали они большія деньги, и никому отчета въ нихъ не давали. Въ дистанціяхъ хотя и были отъ Правительства чиновники, называемые главными Приставами, но не имѣли они достаточной власти смирять своеволие Агаларъ, временемъ утвержденные обычаи сохранились въ полной силѣ. Цари Грузинскіе, неоднократно испытывшіе измѣну сихъ народовъ, думали удерживать ихъ, Агаларамъ поблажая, а сіи привыкли пользоваться большими преимуществами, всегда утрушая Царей, что, при малѣйшемъ неудовольствіи, народъ свободный, кочевую жизнь ведущій, ослѣдственно къ землѣ не привязанный, перейдетъ къ Персіянамъ. Начальство доселѣ тѣ же самыя употребляло средства, ту же самую имѣло боязнь, чтобы жители не бѣжали за границу, и продолжавшаяся съ Персією война и внутреннія безпокойства понуждали его къ снисхожденію, которое умножало власть Агаларовъ.

Не могъ я допускать сего рода управленія дистанціями. Время мирное предоставляло мнѣ возможность приступить къ нѣкоторымъ въ ономъ перемѣнамъ, и я издалъ постановленіе, концы опредѣлены отношенія простаго народа къ своимъ Агаларамъ. Они введены въ обязанности управляющихъ деревнями, но не принадлежатъ имъ оныя въ собственность и могутъ переходить отъ одного къ другому, служа или вознагражденіемъ за вѣрность и усердіе, или отъемлемы будучи за измѣну и недоброжелательство и даже жестокіе, или несправедливыя, поступки.

Каждому изъ Агаларовъ, по значности рода, по уваженію въ народѣ, по заслугамъ Правительству, и, смотря на многочисленность семействъ, назначена прислуга цѣлыми семьями, которыми распоряжаются они по произволу, употребляя въ работу по своимъ домашнимъ нуждамъ.

Семьи сіи назначаются на извѣстный срокъ и по очереди, развѣ по добровольному согласію, иначе въ услуженіи удерживаемы быть не могутъ. Отъ подати и всякихъ другихъ повинностей на то время изъемяются. Всѣхъ прочихъ жителей работы въ пользу Агаларовъ, какъ во образѣ своемъ, такъ и во времени, опредѣлены съ точностію.

Постановленіе сіе, ограничивая выгоды Агаларовъ, имъ не нравилось, и они просили, чтобы сдѣлалъ я въ немъ перемѣны. Они жаловались, что лишены власти и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, потеряютъ уваженіе въ простомъ народѣ. Меня увѣряли Грузинскіе Князья, что они не могутъ сдѣлать привычки къ сему вещей порядку и, неудовольствіями ихъ пользуясь, Персіяне непремѣнно уговорятъ къ побѣгу. Грузинское Дворянство желало безпокойствъ и возмущеній, ожидая, что я, устрaшенъ будучи ими, оставлю весь порядокъ управленія въ прежнемъ состояніи, и что сіе распространится не менѣе и на самую Грузію. Я ожидалъ, что побѣгутъ за границу нѣкоторые изъ Агаларовъ, ибо таковыя охотно принимаемы Персіянами и теперь живутъ тамъ; зналъ я, что, по привычкѣ покорствовать, нѣкоторые изъ простаго народа за ними послѣдуютъ, но я рѣшился на то; ибо увѣренъ былъ, что всѣ Татары, или даже въ большомъ количествѣ, на побѣгъ не согласятся, по тому что далеко въ Персію не пойдутъ, а въ сосѣдственныхъ земляхъ не найдутъ равныхъ выгодъ. Я имѣлъ и то въ виду, что побѣги таковыя могутъ случаться только въ самомъ началѣ, но когда простой народъ увидитъ свои выгоды, освободясь отъ прежняго угѣсненія Агаларовъ, улучшить состояніе свое употребленіемъ трудовъ въ собственную пользу, вліяніе на него Агаларовъ уничтожится. Я отвергъ всѣ просьбы и жалобы Агаларовъ, и призналъ главнымъ Приставамъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ постановленія.

Главнѣйшія неудовольствія обнаруживали двое важнѣйшіе Агалары Казахской и Шамшадильской дистанціи, сильные обширными связями родства и пріобыкшіе къ господствованію. За сими учрежденъ бдительный присмотръ и за сношеніями ихъ за границею.

1818-го года, въ самомъ началѣ Апрѣля мѣсяца, выѣхалъ я на Кавказскую Линію. Дорога чрезъ горы, отъ глубокихъ таю-

щихъ сѣговъ, была ужаснѣйшая, и я не малое разстояніе проходилъ пѣшкомъ. Изъ Георгіевска отправился я для обозрѣнія праваго фланга Линіи. Темнолѣсную крѣпость нашелъ я, по обстоятельствамъ, совершенно ненужною. Не знаю, какую она и прежде могла приносить пользу, будучи расположена въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни чего не защищала, куда не могъ прійти непріятель, по мѣстоположенію почти не доступному. Не могла даже выдержать такого числа войскъ, съ которымъ бы удобно было пуститься на самое легчайшее предпріятіе. Нельзя было расположить въ ней ни какихъ запасовъ, ибо нѣтъ къ ней дорогъ, кромѣ весьма трудныхъ. Усть-Лабинскую крѣпость, по многимъ о ней рассказамъ, ожидалъ я найти чрезвычайною; она точно столько обширна, что, по количеству на Линіи войскъ, ее занять надлежащимъ образомъ не кѣмъ. Въ крѣпости нѣтъ ни одного строенія каменнаго, казармы, провіантскіе магазины, самый арсеналъ, деревянные. Одинъ весьма небольшой колодезь, довольствоваться же водою изъ Кубани непріятель легко воспріятствовать можетъ; словомъ, подобныя крѣпости не могутъ быть терпимы противъ непріятеля, каковы вообще здѣшніе.

Кавказская крѣпость въ меньшемъ гораздо размѣрѣ и лучше Усть-Лабинской, но крутой берегъ, на которомъ она лежитъ, обрушился отъ множества заключающихся въ ономъ источникахъ, и уже часть большая крѣпости въ развалинахъ. Я отиѣнилъ исправленіе оной.

Прочный Окопъ есть небольшое укрѣпленіе, лежащее противъ малосильныхъ Закубанскихъ народовъ и въ худомъ весьма состояніи,

Укрѣпленіе С. Николая устроено предвѣстномъ полкомъ, Генераломъ Ртищевымъ, и трудно узнать, чего она желала болѣе, мѣста нездороваго, или бесполезнаго. Во время разлитія, Кубань наполняла водою все укрѣпленіе и чрезъ окна входила въ жилище солдатъ. Болѣзни и смертность превосходили вѣроятіе. Я приказалъ уничтожить убійственное сіе укрѣпленіе.

Вообще можно сказать о правомъ флангѣ Кавказской Линіи, что, по причинѣ протяженія его и мѣстъ повсюду открытыхъ, нѣтъ ни какихъ средствъ сдѣлать его болѣе твердымъ и оградить

отъ махаденій Закубанцевъ, имѣющихъ удобныя чрезъ Кубань переправы во множествѣ. Должно приписать одному несогласію живущихъ за Кубанью народовъ, что они далеко внутрь Линіи нашей не дѣлаютъ набѣговъ, на что, по многолюдству ихъ, легко бы могли они рѣшиться. Умножившееся въ Кавказской Губерніи населеніе заставило распространить жилища почти до самой Кубани, и по тому наиболѣе подвержены они опасности. Непріятель имѣетъ весьма сильную конницу, стоящіе на кордонѣ Казаки наши, если бы и не были разсыпаны на большомъ пространствѣ, не могли бы противостать оной, по несоразвѣрности силъ, пѣхота же не имѣетъ достаточной подвижности, чтобы воспрепятствовать набѣгамъ.

Я нашелъ на Линіи, данное всѣмъ войскамъ, запрещеніе не преслѣдовать за границу хищниковъ. Причиною сего боязнь моровой язвы, которая весьма часто появляется между Закубанцами, сообщаемая имъ чрезъ Анапу изъ Константинополя. По связямъ Закубанскихъ народовъ съ Кабардинцами и сихъ послѣднихъ съ Чеченцами, противъ ихъ вообще одинаковая предпринимается осторожность. Они знаютъ о семъ запрещеніи, и тѣмъ съ большею наглостію пронаводятъ разбой, и бывали даже примѣры, что, возвращаясь съ набѣга на земли наши, лишь только вступятъ на свою сторону, отзываются съ насмѣшкою къ преслѣдовавшимъ ихъ войскамъ, или на кордонѣ стоящимъ пикетамъ, и доказываютъ безбоязненно покищенную ими добычу.

Съ радостію приняли войска приказаніе преслѣдовать разбойниковъ, и, конечно, не будетъ упущенъ ни одинъ случай отмщенія.

До сего не испытали мы еще большой опасности отъ заразы, и нѣсколько разъ появлявшаяся на Линіи была счастливо прекращена.

Я въ 1816 году приѣхалъ въ Грузію вмѣстѣ съ чумою, и ни мало не подозрѣвалъ о томъ. Конвойная, препровождавшая меня чрезъ горы, команда взята была изъ заразившихся Донскихъ полковъ, слѣдовавшихъ на службу въ Грузію. Вскорѣ потомъ обнаружилась она въ полкахъ, но уже я былъ въ Тифлисъ, и конвойная команда свободно со всѣми сообщалась, слѣдовательно,

весьма многіе могли быть сомнительными, и мѣры осторожности дѣлались не возможными.

Полки Донскіе успѣлъ я не допустить за одинъ маршъ до Тифлиса, ихъ расположили на открытомъ полѣ, свѣжій воздухъ Октября мѣсяца чрезвычайно способствовалъ очищенію, и вся потеря ограничилась десятью Казаками. Одни сутки позднѣе, если бы получилъ я извѣстіе о заразѣ, полки прошли бы Тифлисъ и отправились во всѣ провинціи. Нечаянный случай открылъ заразу: въ полкахъ, при слѣдованіи чрезъ Кавказскую Линію, было два человѣка умершихъ Казаковъ. Число весьма обыкновенное, по которому нельзя ничего было подозрѣвать чрезвычайнаго, но не знаю, по чему вздумалось Начальнику Линіи, Генералъ-Маіору Дельпоццо, приказать отрыть и освидѣтельствовать умершихъ, и медицинскіе чиновники нашли на нихъ знаки моровой язвы. Тотчасъ же отправленный ко мнѣ курьеръ успѣлъ предупредить прибытіе полковъ, но сами они о существованіи между ними заразы ниже помышленія не имѣли.

Впрочемъ, отъ заразы въ здѣшней странѣ едва ли возможно предохраниться. Чиновникамъ и даже войскамъ можно внушить, сколько въ таковыхъ случаяхъ спасительна предосторожность, но можно ли таковой ожидать отъ простолюдина, паче отъ Мусульманъ, вѣрящихъ предопредѣленію? Таковыхъ у насъ весьма много, и у всѣхъ живущихъ близко границы есть родственныя связи въ сосѣдственныхъ земляхъ и безпрерывныя сношенія, которыхъ, при всей бдительности, прекратить совершенно не возможно. Тайнымъ сообщеніямъ способствуетъ множество дорогъ, между коими есть нѣкоторыя, намъ не извѣстныя. Словомъ, отъ чумы охраняетъ насъ единое счастье!..

При обзорѣни Линіи, со вниманіемъ разсматривалъ я окрестности города Ставрополя, ибо со временемъ намѣреваюсь я перенести туда Губернскій городъ и оставить Георгіевскъ, какъ мѣсто самое губительное для всѣхъ, живущихъ въ немъ. Я приказалъ остановить всѣ крѣпостныя работы, жалѣя о тѣхъ, которыя произведены съ большими весьма издержками, и тамъ, гдѣ давно уже видѣть можно было, что онѣ совсѣмъ ненадобны. Не мѣшало бы и моимъ предмѣстникамъ сіе замѣтить!

Изъ Георгіевска проѣхалъ я Гребенскаго войска въ Червленную станицу, не подалеку отъ коей приуготовлена была на Терекѣ переправа для войскъ, назначенныхъ въ Чеченскую землю.

Я приказалъ нѣкоторой части перейти на правый берегъ и ожидать, пока соберутся прочія войска.

24-го Мая переправился весь отрядъ, состоящій изъ 2 баталіоновъ.	8-го	} Егерскихъ полковъ.
2 баталіоновъ.	16-го	
1 баталіона Троицкаго		} пѣхотныхъ полковъ.
1 баталіона Кабардинскаго		
6 орудій батарейной.		} Артиллерія.
6 легкой.		
4 конной.		

Донскихъ и Линейныхъ Казаковъ 500 человекъ.

Оставивши одну роту и 2 орудія для охраненія переправы, весь отрядъ въ одинъ маршъ перешелъ отъ Терека на рѣку Сунжу.

Всѣ владѣльцы селеній Чеченскихъ, расположенныхъ по берегу Терека, именующихся мирными, находились при войскахъ.

Селенія сіи не менѣе прочихъ наполнены были разбойниками, которые участвовали прежде во всѣхъ набѣгахъ Чеченцевъ на Линію. Въ нихъ собирались хищники и укрывались до того, пока мирные Чеченцы, всегда безпрепятственно пріѣзжавшіе на Линію, высмотрѣвъ какую ни будь оплошность со стороны войскъ нашихъ, или поселянъ, могли провождать ихъ къ вѣрнымъ успѣхамъ.

Чеченцы, издали высматривая движеніе наше, не сдѣлали ни одного выстрѣла до прибытія нашего къ Сунжѣ. Весьма не многіе изъ самыхъ злѣйшихъ разбойниковъ бѣжали изъ селеній, по лѣвому берегу лежащихъ, всѣ прочіе бывали въ лагерѣ, и я особенно ласкалъ ихъ, дабы, оставаясь покойными въ домахъ своихъ, могли привозить на продажу нужные для войскъ съѣстные припасы. Въ лагерь взяты были отъ сихъ селеній аманаты.

Старшины почти всѣхъ главнѣйшихъ деревень Чеченскихъ были созваны ко мнѣ, и я объяснилъ имъ, что прибытіе войскъ

нашихъ не должно устрашать ихъ, и если они "прекратятъ свои хищничества; что я не пришелъ наказывать ихъ за злодѣянія прошедшаго времени, но требую, чтобы впредь оныхъ дѣлаемо не было, и въ удостовѣреніе должны они возобновить давнюю присягу на покорность, возвратить содержащихся у нихъ плѣнныхъ. Если же ни чего не исполнять изъ требованій моихъ, сами будутъ виною бѣдствій, которыхъ не избѣгутъ, какъ явные непріатели. Старшины просили время на размышленіе и совѣщаніе съ обществомъ, ни чего не обѣщали, отзываясь, что ни къ чему приступить не могутъ безъ согласія другихъ. Приѣзжая не рѣдко въ лагерь, увѣряли въ стараніяхъ своихъ склонить народъ къ жизни покойной, но между тѣмъ изъ многихъ неосновательныхъ разсужденій ихъ, сколько неудобно исполненіе требованія о возвратѣ плѣнныхъ, можно было замѣтить, что они не имѣютъ вовсе намѣренія отдать ихъ. Въ совѣщаніяхъ ихъ находились всегда люди, намъ приверженные, и отъ нихъ обстоятельно знали мы, что извѣстные изъ разбойниковъ, не надѣяшіеся прощенія за свои преступленія, возмущали прочихъ; что многіе изъ селеній, по связямъ родства съ ними, взяли ихъ сторону и отказались ѣздить въ собраніе. Прочихъ же успѣли они увѣрить, что Русскіе, какъ и прежде, пришли для наказанія ихъ, не по тому не приступаютъ къ оному, что опасаются въ лѣтнее время вѣдаться въ лѣса непроходимые. Что устроеніе крѣпости есть вымыселъ для устраненія ихъ, но что того не имѣемъ мы намѣренія, и даже ни малѣйшихъ нѣтъ къ тому приготовленій; что Чеченцамъ нужно имѣть твердость, и мы, пробывши нѣкоторое время, возвратились на Динию.

Продолжавшіеся съ ряду три недѣли проливные дожди и холодная чрезвычайно погода препятствовали намъ приступить не только къ работамъ крѣпостнымъ, но даже къ приуготовленію нужныхъ для того вещей и къ начертанію укрѣпленія. Сіе наиболѣе утверждало Чеченцевъ въ мнѣніи, что пребываніе наше на землѣ ихъ временное, и когда потомъ приступлено было къ работамъ, они не переставали думать, что мы дѣлаемъ только видъ того и ихъ оставимъ.

Въ послѣдствіи приказано было селеніямъ, отъ коихъ были у насъ аманаты, доставлять лѣсъ на постройку. Ближайшія не смѣли оказать непослушанія, тѣ же изъ селеній, которыя расположе-

ны были въ отдаленіи, или за извѣстнымъ урочищемъ, называемымъ Ханъ-Кале, гдѣ узкое дефиле, поросшее частымъ весьма дѣсомъ, дѣлало дорогу непроходимую, отказали въ доставкѣ лѣса, и объявили, что ни какихъ обязанностей на себя не примѣютъ и ни въ какія сношенія съ Русскими не вступятъ. Повишающихся намъ начали устрашать отгономъ скота ихъ и даже нападеніями на ихъ жилища. Урочище Ханъ-Кале начали укрѣплять глубокимъ ровомъ и валомъ, по всѣмъ дорогамъ выставили караулы и пикеты. Рѣдкая ночь проходила безъ тревоги; ибо подъѣзжая къ противоположному берегу рѣки, стрѣляли они изъ ружей въ лагерь. Нападали на передовые наши посты и разъѣзды въ лѣсу; гдѣ вырубали мы хворостъ, всегда происходила перестрѣлка; словомъ, во всѣхъ случаяхъ встрѣчали мы ихъ готовыми на сопротивленіе. Къ сосѣдственнымъ Лезгинамъ и другимъ народамъ Горскимъ послали они просить помощи.

Въ продолженіе сего получилъ я отъ Шамхала Тарковского уведомленіе, что братъ Хана Аварскаго, управляющій небольшою Провинціею, называемою Мехтулли, смежною съ владѣніями Шамхала, давно прежде угрожавшій овладѣть его деревнями, собравъ толпу вооруженныхъ, захватилъ нѣкоторыя изъ оныхъ. Что Акушинскій народъ, сильнѣйшій въ Дагестанѣ и вѣнственный, подстрекаемъ будучи Аварскимъ Ханомъ, и болѣе еще бѣглымъ Дербентскимъ Шихъ-Али-Ханомъ, котораго укрывалъ у себя, и Грузинскимъ Царевичемъ Александромъ, присылаетъ къ Шамхалу старшинъ своихъ съ требованіемъ, чтобы, отказавшись отъ повинности Русскимъ, присоединился онъ къ нему и содѣйствовалъ въ предприемлемыхъ имъ намѣреніяхъ, или, въ случаѣ несогласія, выгнать онъ его изъ владѣній. Въ подвластныхъ своихъ примѣчалъ уже Шамхалъ большое непослушаніе, и многіе взяли сторону Акушинцевъ.

Командующій войсками, въ Кубанской Провинціи и Дербентѣ расположенными, Генералъ-Маіоръ Пестель, донесъ, что въ Дагестанѣ примѣтенъ рождающійся духъ мятежа. Что Горскіе народы, наиболѣе злобствуя на Шамхала за приверженность его къ нашему Правительству, намѣреваются сдѣлать нападеніе на его земли; страшатъ такъ же Уцмея Каракайдацкаго, прибѣгнувшаго наконецъ въ покровительство нашему и, хотя поздно, узнавшему,

однако же, что нѣтъ для него другой надежнѣйшей защиты. Таковыя извѣстія сообщалъ бѣглый Царевичъ Александръ наслѣднику Персіи, Аббасъ-Мирзѣ, и Министру его, Мирзѣ Бюзурку, приписывая дѣятельности своей и усердію къ пользамъ Персіи, что онъ возмутилъ Дагестанъ противъ Русскихъ.

Письма сіи были перехвачены, и явно открылось, что Аббасъ-Мирза для сего предмета доставлялъ Царевичу деньги. Но всегда оныхъ было, однако же, недостаточно, ибо Царевичъ жаловался на свою бѣдность, и точно претерпѣвалъ оную.

Аварскій Ханъ, имѣющій вражду съ Уцмеемъ Каракайдакии, давалъ у себя убѣжище людямъ, для него вреднымъ, и недослалъ таковыхъ для произведенія возмущенія въ его владѣніяхъ.

Генералу Пестелю далъ я немедленно подробнѣйшія наставленія.

Съ двумя баталіонами пѣхоты, шестью орудіями артиллеріи и сколько можно собравъ Казаковъ, выступить къ рѣкѣ Дарбатъ, или ближе къ городу Башлы, буде есть мѣсто удобное для расположенія лагеря. Городъ сей, имѣющій до 3 тыс. семействъ, заключалъ въ себѣ всѣхъ людей, не подвижныхъ Уцмеемъ и явно недоброжелательствующихъ намъ. Связи съ Горцами заставляли и прежнихъ владѣтелей съ осторожностію употреблять власть свою, снисходить къ винамъ жителей, и сіи наконецъ вошли въ привычку худо повиноваться.

При войскахъ нашихъ должны были находиться Полковникъ Асланъ-Ханъ Кюринскій, съ своею конницею, и конница Кубинская и Дербентская.

Генералъ-Маіору Пестелю запрещено было начинать военныя дѣйствія, но, оказывая къ тому готовность, пропуская слухъ о слѣдованіи 3 тыс. войскъ въ Дагестанъ, для которыхъ требовать заготовленіе продовольствія отъ Шамхала, удерживать Акушинцевъ во вниманіи къ собственной защитѣ и не допускать къ оскорбленію находящихся подъ покровительствомъ нашимъ. Смирная присутствіемъ войскъ самовольство жителей города Башлы, удерживать ихъ въ повиновеніи Уцмеемъ, и тѣмъ усилить власть его. Взять подъ

надзоръ въ Дербентъ подосланныхъ Аварскимъ Ханомъ, живущихъ во враждѣ съ Уцмеемъ, его родственниковъ, дѣлающихъ въ подвластныхъ ему развратъ и безпорядки, увѣривъ ихъ, что предосторожность сія употребляется для охраненія ихъ отъ опасности, по злобѣ къ нимъ Уцмея.

Найти приличное средство войти въ сношеніе съ Акушинскимъ народомъ, и требовать отъ него аманатовъ, или иначе могутъ въ опасности быть, пасущіяся на плоскости въ осеннее время, стада ихъ.

Наклонить Уцмея, чтобы войсками своими изгналъ Абдула-Бека, зятя бѣглаго Шихъ-Али-Хана, который похитилъ управленіе Табассарана, Провинціи, состоявшей частию подъ нашимъ покровительствомъ, давъ надежду Уцмею, что сынъ его заступитъ его мѣсто.

Шамхала и Уцмея увѣдомилъ я о назначеніи войскъ собственно для ихъ защиты.

Аварскому Хану, который до того казался приверженнымъ, писалъ я, чтобы онъ старался воздержать Акушинскій народъ отъ паглыхъ угрозъ, которыя смѣетъ онъ дѣлать владѣтелямъ, подданнымъ Императора, и чтобы брату своему воспретилъ поступать непріязненно съ Шамхаломъ.

Акушинскому народу далъ я знать, что, принявъ на себя обязанность не дѣлать набѣговъ на владѣнія Россійскія и, утвердивъ то данною присягою, нарушеніе оной не оставитъ Правительство безъ наказанія. Что непріязненнымъ дѣйствіемъ почту я нападеніе на земли, Шамхалу и Уцмею принадлежащія; что я лучше хочу предостеречь народъ, котораго желаю я спокойствія, нежели въ послѣдствіи подвергнуть себя упреку, что оставилъ его въ невѣдѣніи, какія бѣдствія онъ себѣ приготавливаетъ.

Въ Чеченской землѣ между тѣмъ приступлено къ построенію крѣпости, которая, по положенію своему, стѣсняя жителей во владѣніи лучшими землями, стоя на удобнѣйшей дорогѣ къ Кавказской Линіи и не далеко отъ входа чрезъ урочище Ханъ-Кале, названа Грозною.

Въ производствѣ работъ, сколько могли, Чеченцы дѣлали препятствія. Не рѣдко случалось, что солдаты, оставляя шанцовый инструментъ, тутъ же брали ружья и отражали нападеніе. Но когда черезъ рѣку Сунжу сдѣлана была переправа и на противоположномъ берегу устроено укрѣпленіе, Чеченцы менѣе появлялись на нашей сторонѣ.

Всѣ ближайшія къ урочищу Ханъ-Кале селенія, или тѣ, къ коимъ полагали они, что войска удобнѣе пройти могутъ, вывели лучшее свое имущество, жены и дѣти оставались въ такомъ положеніи, чтобы, при первой тревогѣ, удалиться въ ближайшіе лѣса, гдѣ приготовлены были шалаши. На ближайшихъ поляхъ брошенъ былъ хлѣбъ, который, по боязни, не собирали, и уже въ лѣтнее время чувствуемъ былъ въ ономъ недостатокъ.

Пришли наконецъ въ помощь Лезгины, и между Чеченцами примѣчена большая дѣятельность въ пріуготовленіяхъ къ сраженію. Повсюду показывались они въ большихъ уже силахъ. Деревни по лѣвому берегу Сунжи и одна на правомъ берегу, называемая Сунженскою, сохраняя всѣ наружности преданности, не только Лезгицъ, но и самихъ даже Чеченцовъ, явно противящихся намъ, къ себѣ не принимали.

Между многихъ перестрѣлокъ съ отрядами нашими, была одна весьма сильная, когда Квартирмейстерской части Подполковникъ Верховскій посланъ былъ занять лѣсъ, въ которомъ надобно было произвести порубку для строеній.

Войска Донскаго Генералъ-Маіоръ Сысоевъ съ малымъ числомъ Казаковъ, сдѣлавъ атаку на сильную Чеченскую конницу, наказалъ за сдѣланное нападеніе на отводные наши караулы, при чемъ изрубили они нѣсколько человекъ.

Главное же дѣло происходило 4 числа Августа.

Съ Кавказской Линіи долженъ былъ прибыть въ лагерь большой транспортъ съ провіантомъ и разными другими вещами, при которыхъ много было идущихъ къ войскамъ чиновниковъ. Въ конвоѣ находились одна рота пѣхоты съ пушкою и нѣсколько Казаковъ. Чеченцы съ Лезгинами вмѣстѣ вознамѣрились сдѣлать на

транспортъ нападеніе. О семь не за долго дали намъ извѣстіе, и я на встрѣчу транспорту отправилъ часть войскъ. Когда же изъ крѣпости замѣчено было движеніе въ большихъ силахъ, то отправилъ я еще въ помощь съ частію начальника Корпуснаго Штаба, Полковника Вельямина. Непріятельская конница успѣла уже перейти рѣку Сунжу и пустилась на транспортъ, часть пѣхоты шла въ слѣдъ за оною, и еще довольно оной оставалось для охраненія переправы. Увидѣвъ идущія изъ крѣпости войска наши, конница тотчасъ обратилась къ своей пѣхотѣ, и сія двинулась на встрѣчу нашей. Толпы ея, боясь дѣйствія артиллеріи, не смѣли весьма приближаться, но стрѣлки вышли во множествѣ, и начался весьма сильный огонь.

Въ сей донь Чеченцы дрались необычайно смѣло; ибо, хотя не долго, могли, однако же, они стоять на открытомъ полѣ и подъ картечными выстрѣлами; но когда Полковникъ Вельяминъ приказалъ войскамъ ити поспѣшнѣе къ деревнѣ Ачага, куда бросилась непріятельская конница, какъ примѣтно, къ переправѣ, ибо извѣстенъ былъ въ семь мѣстѣ хорошій бродъ, то Чеченская пѣхота обратилась въ бѣгство въ величайшемъ безпорядкѣ. На переправѣ происходило замѣшательство, и не мало людей потонуло. Полковникъ Вельяминъ могъ ихъ стѣснить въ селеніи Ачага, и артиллеріи удобно было дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ; по жители селенія сего, намъ покорные и не участвовавшіе въ предпріятіи Чеченцовъ, выбѣжали къ нему на встрѣчу, прося пощады. Онъ не могъ не исполнить ихъ просьбы.

Потеря въ семь дѣлъ съ нашей стороны была ничтожная, и транспортъ безъ всякаго вреда прибылъ въ крѣпость.

Вскорѣ послѣ сего произошли между Чеченцами и Лезгинцами несогласія и ссоры, и сіи послѣдніе, не въ состояніи будучи переносить жаркаго лѣтняго времени, потерпѣли ужаснѣйшія болѣзни и, оставивши не менѣе половины людей до выздоровленія, удалились въ дома свои.

Симъ кончились всѣ подвиги Лезгинъ, и Чеченцы, знавшіе ихъ, по молвѣ, за людей весьма храбрыхъ, вразумились, что подобными трудами напрасно они насъ устрашали. Прежде, въ ожи-

даніи отъ нихъ большаго вспомошествованія, разглашали они о прибытіи ихъ въ большихъ силахъ; открылось наконецъ, что ихъ было до тысячи человекъ.

Изъ Грузіи получено извѣстіе, что, укрывавшійся въ горахъ, бѣглый Грузинскій Царевичъ Александръ, проѣхалъ тайнымъ образомъ и съ весьма малымъ числомъ приближенныхъ нему людей въ Ахалцыхскій пашалыкъ, правдоподобно по тому, что въ Персію опаснѣе было проѣхать, ибо по дорогамъ туда повсюду поставлены были караулы, и Татарамъ строго подтверждено было о тщательномъ наблюденіи. Царевичъ проѣхалъ не далеко отъ Штаба одного изъ Донскихъ Казачьихъ полковъ, и, конечно, отъ оплошности командующаго онымъ, который по тому только избавленъ мною отъ ответственности, что я не хотѣлъ показать Грузинамъ, что я желалъ достать его; ибо они, по неумѣжеству, всегда почитали его опаснымъ для насъ человекомъ, и многіе, недоброжелательствующіе намъ, старались размножить мнѣніе, что Правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ по тому поступаетъ снисходительно, что опасается огорчить Дворянство, чтобы оно не приклопало народъ на сторону Царевича.

Въ бѣгствѣ его сей разъ въ Турцію провожатыми были Чарскіе Лезгины, имѣющіе повсюду связи, и, конечно, многіе изъ нашихъ, если не способствовали тому, то, безъ сомнѣнія, знали. Начальство же было предупреждено съ большою подробностію и къ поимкѣ всѣ нужнѣйшія приняты мѣры.

Изъ Дагестана Генералъ-Маіоръ Пестель сообщилъ мнѣ извѣстіе, что Акушинцы намѣреваются прійти съ войскомъ и потомъ вступить съ нимъ въ переговоры; что жители города Башлы, видя расположенныя не далеко отъ нихъ войска наши, тайно приглашаютъ ихъ къ себѣ на помощь; что Уцмей, показывая притворно вражду съ ними, самъ того желаетъ; ибо, по свойствамъ недовѣрчивости, имѣетъ сомнѣніе, чтобы мы для пользы его хотѣли смирить Башлынцева.

Я предписалъ, если точно придутъ Акушинцы и захотятъ имѣть съ нами переговоры, не входя съ ними ни въ какое объясненіе, требовать аманатовъ.

Если Шамхалъ, Уцмей, Ханъ Аварскій, будутъ предлагать какія ни будь условія, напомнить имъ просто обязанности вѣрно-подданныхъ. Между тѣмъ стоять лагеремъ въ открытыхъ мѣстахъ, ни какъ не вдаваясь въ горы, или трудныя мѣстоположенія, что въ равнинѣ, и имѣя съ собою артиллерію, можетъ онъ противостать всякимъ ихъ усиліямъ.

Если нужна будетъ ему большая въ войскахъ подвижность, чтобы всё тягости отправить назадъ, и самый необходимый имѣя обозъ, сохранялъ бы его въ укрѣпленіи хорошо защищенномъ.

Подтвердилъ не побуждать непріятели къ дѣйствию; напротивъ, ни чего рѣшительнаго не предпринимая, дать время несогласію поселиться между ими; ибо безъ единоначалія и безъ привычки къ послушанію, необходимы будутъ различныя мнѣнія, и слѣдствіе оныхъ—раздоръ. Что собравшись въ значительныхъ силахъ, безъ приуготовленія способовъ продовольствія, долго вмѣстѣ пробыть не могутъ и возвратятся домой, а тогда на оставленныхъ Башлынцевахъ напасть будетъ удобно; или, если по обширности города и по многолюдству въ ономъ, нельзя будетъ разорить его, то, по крайней мѣрѣ, нанести дѣйствиемъ артиллеріи большой вредъ въ стѣсненномъ его расположеніи. Пользоваться случаями отгонять лошадей и скотъ, коихъ потеря тѣмъ чувствительнѣе, что составляетъ главнѣйшее здѣшнихъ народовъ богатство.

Для усиленія отряда Генераль-Маіора Пестеля, изъ баталіона, расположеннаго въ Елисаветпольской крѣпости, приказалъ я отправить 300 человекъ.

Въ Дербентѣ распоряжено имѣть огнестрѣльные запасы.

1-го числа Октября поѣхалъ я изъ крѣпости Грозной на Линію, гдѣ въ селеніи Прохладномъ пригласилъ, къ свиданію со мною, Князей Кабардинскихъ, главнѣйшихъ изъ Священнослужителей и знатнѣйшихъ изъ Узденей. Всѣ почти пріѣхали, кромѣ малаго числа злѣйшихъ разбойниковъ, которые явиться не смѣли.

Съ досадою упрекалъ я имъ въ нарушеніи обѣщаній вести жизнь мирную, и самой присяги въ томъ, нѣсколько разъ ими данной. Упоминалъ о многихъ въ недавнемъ времени происшествіяхъ.

ихъ, которыя обнаруживаютъ ихъ самыми подлыми мошенниками, и что извѣстныя нѣкогда храбрость ихъ и воинственная между горскими народами слава помячена презрительнѣйшими дѣлами, однимъ гнуснымъ ворами свойственными.

Поставилъ имъ въ примѣръ, того же года наказанный за укрывательство разбойниковъ, Трамова Ауль, не подалеку отъ Константиногорска отстоявшій, который, по приказанію моему, разрушенъ до основанія, взято до 2 тыс. лошадей и весь скотъ, и что жителямъ опаго только позволено было вывести женъ своихъ и дѣтей. Объявлялъ, что равное сему и ихъ ожидаетъ наказаніе, если не переимѣнятъ своего поведенія, если родители не будутъ воздерживать дѣтей своихъ и родственниковъ, помѣщики своихъ подвластныхъ; если Священнослужители, имѣющіе большое въ народѣ вліяніе, не будутъ дѣлать предимсываемыхъ закономъ наставленій и внушеній. Предложилъ имъ средствомъ избѣгнуть грозящихъ бѣдствій то, чтобы, наказывая сами за воровство и возвращая похищенное, убійцъ представляли для наказанія къ Россійскому начальству. Что нѣсколько таковыхъ примѣровъ воздержатъ разбойниковъ, и за преступленія злодѣевъ не потерпятъ нечѣе вищевныя, а Начальство не будетъ принуждено посылать безпрерывно войска, которыя разоряютъ землю прекраснѣйшую. Справедливость замѣчаній моихъ не допустила возраженія, многіе говорили, что есть средства исполнить требованія мои, и что они о томъ будутъ стараться, видя, что въ сошѣтахъ моихъ заключается собственное ихъ благо, но только два, или три, человека осмѣлились сказать при всѣхъ, что льстятъ мнѣ обѣщаніями ложными, что ни чего не сдѣлаютъ; ибо первѣйшимъ изъ Князей надлежитъ сдѣлать примѣръ надъ своими ближними и выдать къ наказанію за разбой, что трудно быть первымъ въ подобномъ случаѣ, ибо всѣ прочіе поругаться симъ будутъ. Если жъ такъ поступать знатнѣйшіе, то они готовы то исполнить, и ручаются, что средствомъ симъ прекратятся всѣ безпорядки, и боязнь, которую теперь имѣютъ отъ Русскихъ, превратится въ прежнее къ нимъ расположеніе.

Послѣ сего разстался я съ ними, и тутъ же видѣлъ, что свиданіе было бесполезно. Со мною былъ Генераль-Маіоръ Дельпоццо, который коротко зналъ ихъ, и, бывший нѣкогда главнымъ

въ Кабардѣ Приставомъ, чрезвѣрною кротостію своею и снисхожденіемъ, оставляя вины безъ и казанія, наконецъ попустилъ ихъ и на самыя преступленія. Онъ былъ причиною уничтоженія родовыхъ судовъ, и съ симъ вмѣстѣ начались развратъ и безпорядки. Если страннымъ казалось Кабардинцамъ видѣть главнаго начальника безъ той пышности, каковая окружала всегда моихъ предшественниковъ, то не менѣе удивлялись они, что на свиданіе съ ними пріѣхалъ я въ сопровожденіи 180 человекъ пѣхоты, малаго весьма числа Казаковъ и съ двумя пушками гарнизонной артиллеріи, запряженной мужичьими лошадьми, съ прислугою обветшалыхъ гарнизонныхъ канонировъ, когда всѣ они вмѣстѣ составляли не менѣе 600 человекъ. Я могъ сіе сдѣлать съ намѣреніемъ, чтобы не показать особеннаго вниманія, которымъ напрасно давно ихъ баловали, но причина настоящая была та, что не можно было пойти болѣе войскъ праздныхъ.

Въ сіе время получилъ я изъ Дагестана донесеніе, что Генералъ-Маіоръ Пестель, замѣгивъ безпрерывные обманы жителей города Башлы, и получивъ Аварскаго Хана увѣдомленіе, что Акушинцы идутъ въ помощь Каракайдацкому народу, рѣшился онъ занять Башлы, что и сдѣлалъ безъ всякаго сопротивленія. Въ то же время далъ онъ знать, что хотя Уцмей ведетъ себя со всею осторожностію и показываетъ видъ приверженности, ибо за противные поступки его боится подтвердить наказанію старшаго сына его, живущаго аманатомъ въ Дербентѣ, но многія причины заставляютъ его думать, что онъ въ сообществѣ съ Акушинцами и внушеніями своими возмущаетъ противъ насъ Башлынецевъ. Аварскій же Ханъ, о коемъ писалъ Генералъ-Маіоръ Пестель, какъ о участвующемъ въ предпріятіяхъ Акушинцевъ, тогда же прислалъ мнѣ письмо съ увѣреніями, что онъ старается склонить ихъ къ отдачѣ аманатовъ, но я уже предувѣдомленъ былъ о сомнительномъ его поведеніи и ему не вѣрилъ.

Генералъ-Маіору Пестелю приказалъ я взять отъ Уцмея объясненія, какимъ образомъ идутъ къ нему въ помощь Акушинцы, если онъ ихъ не требовалъ, и по чему ему нужна она, когда Россійскія войска ни ему, ни его подвластнымъ, обидѣ не причиняютъ? И что если придуть они къ городу Башламъ, то объявить

ему, что я почту сіе за измѣну съ его стороны Императору, и тотчасъ другой возведенъ будетъ въ достоинство Уцмел. Въ сношеніяхъ съ Акушинцами отдавать всякое вліяніе Аварскаго Хана и ему отозваться, что не входите съ намъ въ объясненіе, какъ съ человѣкомъ, народу сему не принадлежащимъ.

Акушинцевъ, по прибытіи къ Башлы, отразить оружіемъ, и для того всегда въ готовности оставить занимаемыя въ городѣ квартиры, ибо удобнѣе несравненно напасть на нихъ въ полѣ. Съ Башлыинцевъ взять непремѣнно аманатовъ изъ лучшихъ фамилій.

Вскорѣ послѣ сего извѣстилъ Генераль-Маіоръ Пестель, что Акушинцы, вмѣстѣ съ другими народами Дагестана, прибыли и расположились въ 30 верстахъ отъ Башлы, съ намѣреніемъ напасть на войска наши и ихъ истребить, надѣясь на свою многочисленность.

Отъ Башлыинцевъ взялъ уже онъ аманатовъ, и они объявили ему, что будутъ, вмѣстѣ съ войсками нашими, защищаться, въ провіантѣ дѣлаютъ охотно помощь. Генераль-Маіоръ Пестель, устроивъ нѣкоторыя около города укрѣпленія, дожидался непріятеля спокойно

О Шамхалѣ Тарковскомъ дошли до меня слухи, что, не взирая ни на какія угрозы его непріятелей, онъ не согласился на предложенія ихъ съ ними соединиться противъ насъ и остался въ приверженности своей непоколебимымъ, но что возмущеніе въ его владѣніяхъ понудило его оставить Тарки и удалить семейство его и имущество въ мѣсто безопасное, а жители города, боясь нападенія Лезгинъ, большею частию разсѣялись.

Генераль-Маіору Пестелю поручилъ я дать знать Шамхалу, что какъ скоро только мнѣ возможно будетъ дѣйствовать въ пользу его, я ни чего не упусти для владѣтеля, оказывающаго столько похвальный примѣръ вѣрности Императору. До того же предложилъ Дербентъ убѣжищемъ для его семейства, гдѣ также могло сохраняться его имущество.

Возвратясь съ Линіи въ крѣпость Грозную, нашелъ я Сунженскую деревню, одну изъ богатѣйшихъ, которой жителей осо-

бенно ласкалъ я, съ намѣреніемъ сберегая деревню, дабы лежащая по близости крѣпость могла получать изъ нея всѣ необходимыя потребности, уже разоренною. Одинъ изъ жителей оной выстрѣлилъ изъ ружья въ солдата посланной за покупками команды, когда не отдавали ему вола изъ казенной повозки, котораго называлъ онъ своимъ. Офицеръ приказалъ схватить преступника, но самого Офицера лошадь схватили за поводъ, и онъ едва избавился отъ смерти. Команда должна была возвратиться. Начальникъ Корпуснаго Штаба послалъ успокоить жителей, чтобы за вину одного мошенника не боялись они мщенія, но чтобы выдали преступника для должнаго наказанія, которое онъ и по тому заслуживаетъ, что дерзостію своею подвергалъ опасности всю деревню. Посланный нашелъ жителей поспѣшно выбирающихся изъ домовъ и удаляющихся въ лѣсъ, и ему отвѣствовано, что стрѣлявшаго по солдату не отдадутъ и будутъ защищаться, если войска придутъ.

Начальникъ Корпуснаго Штаба пошелъ самъ съ нѣсколькими ротами, желая, однако же, прежде уговорить ихъ, но встрѣченъ былъ выстрѣлами; жены, дѣти и лучшее имущество были уже отосланы, оставались одни люди для защиты домовъ. Когда атаковали деревню, части же войскъ приказано было обойти, дабы отхватить отступление къ лѣсу, всѣ бросились бѣжать съ такою поспѣшностію, что догнать было не возможно. Деревня взята, хлѣбъ, фуражъ и годный лѣсъ на строеніе вывозились нѣсколько дней.

Послѣ сего происшествія, деревни, лежація на лѣвомъ берегу Сунжи, не далеко отъ крѣпости, всѣ были оставлены жителями, безъ всякой съ нашей стороны причины. Въ нихъ были многіе благонамѣренныя люди и которые весьма желали спокойствія, но какъ между Чеченцами совершенное безначаліе, и ни воздерживать своевольныхъ, ни наказывать преступныхъ, никто не имѣетъ права, ибо всѣ почитаютъ себя равными, то люди порядочные боятся подвергнуться отвѣтственности за мошенниковъ, и отъ того удаляются отъ мѣста пребыванія Русскихъ. Выдавать же злодѣевъ въ руки невѣрныхъ, каковыми Христіанъ разумѣютъ, почитаютъ погрѣшеніемъ противъ своего закона. Ни какія

благодѣянія, ни что не можетъ въ душахъ Чеченцевъ ослабить ихъ недобвѣрчивости, вселить въ нихъ чувство благодарности.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ отношеніи къ нимъ хотѣлъ я быть великодушнымъ, самымъ наглымъ образомъ бывалъ обманутъ. Такъ поступили со мной жители деревень Ауллара и Аманъ-Хангъ-Кечу, но сихъ послѣднихъ успѣлъ я наказать довольно чувствительнымъ образомъ.

Всѣ земляныя работы крѣпости Грозной были приведены къ окончанію въ половинѣ Октября мѣсяца, на зиму приуготовлялись для жилища гарнизону землянки, и для вооруженія крѣпости доставлена была артиллерія. Чеченцы вѣрили уже, что пребываніе на Сунжѣ Русскихъ не временное.

Въ сіе время пронеслись разные слухи, что Дагестанцы въ большихъ весьма силахъ сдѣлали на Генераль-Маіора Пестеля нападеніе и дрались при Башлахъ въ продолженіи двухъ дней, и что намѣрены возобновить сраженіе, а часть войскъ отправить для разграбленія Кубинской Провинціи, гдѣ войскъ почти не было. Отъ Генераль-Маіора Пестеля давно уже не было донесенія, а изъ Казіюртскаго укрѣпленія нашего на рѣкѣ Сулакѣ дали знать, что сообщеніе съ Дербентомъ прервано, и послѣднее предписаніе мое Генераль-Маіору Пестелю не могло быть отослано.

По расчисленію времени не могъ я успѣть прийти ему на помощь, но зналъ, что если появлюсь во владѣніяхъ Шамхала, или угрожать стану Провинціи Мехтулинской, принадлежащей брату Аварскаго-Хана, бывшему причиною всѣхъ безпокойствъ, то находящіеся противъ Генераль-Маіора Пестеля Дагестанцы, особенно Акушинцы, возвратятся, для защищенія собственныхъ границъ. И потому, не медля, выступилъ я изъ крѣпости Грозной 25 Октября.

Войска мои состояли изъ 2-хъ бат. Кабардинскаго	}	полковъ.
1-го бат. Троицкаго		
2-хъ бат. 8-го Егерскаго		
14 орудій Артиллеріи. .		
300 человекъ Казаковъ Линейныхъ, всѣхъ		

войскъ вообще не болѣе было 3,200 человекъ.

Въ крѣпости Грозной осталось девять ротъ 16-го Егерскаго полка, 6 орудій артиллеріи и 400 человекъ Линейныхъ Казаковъ.

Переправившись черезъ рѣку Сунжу, въ устьѣ ея, у селенія Брагунскаго, пришелъ я въ городъ Андрей 29-го числа, и далъ войскамъ день отдохновенія. Здѣсь подтвердились слухи, что Генераль-Маіоръ Пестель былъ атакованъ, но что находится въ Башлахъ. Многіе говорили, что въ сраженіи мы много потеряли, что взяты у насъ пушки, но въ семь послѣднемъ могъ я усомниться, ибо число пушекъ показывали болѣе того, каковое у него было. Всѣ утверждали, что Аварскій Ханъ предводительствуетъ возмущившимися Дагестанцами.

Въ Андреевѣ были подсланные Акушинцами люди, для наблюденія за движеніями и числомъ войскъ нашихъ.

Я растягивалъ баталіоны такъ, что казались они гораздо многочисленнѣйшими. Батарейныя орудія играли важную весьма роль.

Въ городъ Тарки прибылъ я 3-го числа Ноября и расположилъ войска по квартирамъ, ибо проливные дожди препятствовали ити далѣе. Шамхалъ находился при Генераль-Маіоръ Пестелѣ, жены его готовы были выѣхать изъ города, и только по тому остановились, что услышали о движеніи войскъ; лучшее имущество отправлено было за рѣку Сулакъ. Многіе изъ жителей разбѣжались, боясь возмущенія собственныхъ подвластныхъ Шамхала. Всѣ они вышли изъ послушанія, нѣкоторые пошли съ оружіемъ противъ Русскихъ, ибо въ то самое время Аварскій-Ханъ возвращался отъ города Башлы, и собиралъ войска для защиты Мехтулинской Провинціи, принадлежащей ему съ братомъ его, Гассанъ-Ханомъ. Въ окрестныхъ селеніяхъ привезены были раненные въ сраженіи противъ Генераль Маіора Пестеля и для погребенія тѣла убитыхъ тамъ. Въ измѣнѣ Генераль-Маіора Аварскаго Хана не было уже сомнѣнія.

Здѣсь получилъ я отъ Генераль-Маіора Пестеля рапортъ, что Дагестанцы не менѣе 30 тыс. напали на него въ городъ Башлы, и сраженіе было самое упорнѣйшее. Въ первый день могъ онъ защищать построенную имъ внѣ города батарею и небольшіе

окопы, но жители города, оборонявшіе нѣкоторую часть укрѣпленій, измѣнили и впустили непріятеля, который легко могъ отрѣзать сообщеніе его съ войсками, защищавшими ту батарею, и онъ долженъ былъ оставить ее и съ нею вмѣстѣ часть города, и расположиться по каналу, проходящему по срединѣ города, что сосредоточило болѣе его силы. Непріятель, по многочисленности своей, испытывалъ атаки со всѣхъ сторонъ, но безуспѣшно. Левый флангъ войскъ нашихъ былъ наиболѣе опасный, ибо непріятель всѣ усилія употреблялъ, чтобы овладѣть замкомъ Уцмея, который занимали двѣ роты съ одною пушкою. Онъ, прикрытъ будучи возвышеніемъ, могъ легко приблизиться къ замку и началъ рыть родъ траншей, дабы укрыться отъ ружейныхъ выстрѣловъ и, вѣроятно, чтобы удобнѣе зажечь деревянное строеніе, которое поверхъ стѣнъ замка расположено было. Пушка не могла уже дѣйствовать, и опасно было потерять замокъ, ибо одна дорога, для отступленія войскъ возможная, проходила въ самой близи отъ онаго.

Генераль-Маіоръ Пестель удерживалъ замокъ сей и половину города еще одни сутки, безпрерывно сражаясь съ упорностію, ибо непріятель смѣнялъ атакующихъ свѣжими войсками. Артиллерія наша наносила ужаснѣйшій вредъ, и, конечно, она была причиною, что такимъ несоразмѣрнымъ силамъ противостать было возможно. Наконецъ, войска наши отступили ночью, взявъ съ собою всѣхъ раненыхъ. Непріятель долго не замѣтилъ отступленія, ибо большой въ городѣ пожаръ препятствовалъ. Послѣ хотя и преслѣдовалъ, но отбить былъ съ урономъ. Жители города Башлы съ большимъ остервененіемъ бросались, чтобы отбить дѣтей своихъ, которыя взяты были въ аманаты, но не могли успѣть въ томъ.

Генераль-Маіоръ Пестель на дорогѣ къ Дербенту долженъ былъ проходить нѣкоторыя деревни Каракайдацкія. Всѣ дороги были перекопаны, или завалены, мосты истреблены, но слабо преслѣдуемый непріателемъ, безъ препятствія, обошелъ онъ ихъ, склонившись къ дорогѣ, идущей по берегу моря.

Во всѣхъ сихъ сраженіяхъ, къ удивленію, потеря наша въ убитыхъ и раненыхъ не достигаетъ 400 человекъ.

11-го числа Ноября, лишь только не много переменялась погода, выступилъ я изъ Тарки, по направленію на селеніе Парaulъ въ Мехтулинской Провинціи, гдѣ прежде живаль Аварскій Ханъ, будучи Бахтулинскимъ Бекомъ, до возвышенія его въ сіе послѣднее достоинство.

За четыре дня до сего предписаль я Генераль-Маіору Пестелю, чтобы немедленно возвратился къ Башламъ и разорилъ городъ до основанія, что удобно сдѣлать онъ можетъ; ибо все вниманіе Дагестанцевъ обратилось къ пришедшимъ со мною войскамъ, слѣдовательно, не встрѣтитъ онъ другаго сопротивленія, кромѣ жителей Башлы.

Въ небольшомъ отъ города Тарки разстояніи увидѣли мы непріятеля, большими толпами занимающаго вершины хребта, называемаго Талгинъ, у подошвы коего должны мы были, прошедши нѣсколько верстъ чрезъ него самаго, переправиться. Короткій день, трудное движеніе артиллеріи по грязной весьма дорогѣ, сблизили къ вечеру прибытіе къ тому мѣсту, гдѣ былъ въѣздъ на гору по чрезвычайно крутой отлогости. Непріятель, перекрѣпавши оную во многихъ мѣстахъ, защищаль большими силами. Поздно было начать дѣло, ибо надлежало изыскивать обходъ, и не иначе, какъ въ виду непріятеля, слѣдовательно, онъ повсюду, предупреждая и имѣя выгоду мѣстоположенія, могъ затруднять подъемъ войскъ на гору.

Я приказаль имъ отойти и расположиться на ночлегъ.

Авангардъ мой сдѣлаль нѣсколько пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ и, конечно, не принесши ни какой другой пользы, кромѣ той, что увидѣлъ я, до какой степени Лезгины боятся пушекъ. Нѣкоторые, изъ сопровождавшихъ меня подвластныхъ Шамхала, замѣтили на вершинѣ горы самого Аварскаго Хана. По крикамъ, во всю ночь продолжавшимся, и пѣснямъ войскъ, видна была его радость, что они насъ не пропустили. Я готовился съ разсвѣтомъ начать дѣйствіе, и предвидѣлъ ощутительную потерю, по трудности восхода на гору. Нельзя было отступленіемъ ободрить непріятеля. Въ первый разъ въ странѣ сей появились Русскія войска, и съ ними Главный Начальникъ. Горскіе народы

смотрѣли со вниманіемъ на происшествія, и малѣйшая со стороны нашей неудача, или дѣйствіе, которому бы можно было дать невыгодное истолкованіе, соединяло всѣхъ ихъ, и мгновенно имѣлъ бы я противъ себя большія силы; ибо въ сіе самое время всѣ Дагестанцы возвращались отъ города Башлы въ дома свои, гордые успѣхомъ, что принудили Генералъ-Маіора Пестеля къ отступленію.

Одинъ изъ проводниковъ, давній житель земли, хорошо знающій мѣста, объявляетъ, что въ четырехъ верстахъ есть дорога, которая, по трудности ея, оставлена жителями, но легко по оной можетъ взойти пѣхота, и въротно, что непріятель или малыми силами, или небрежно, ее охраняетъ. Въ полночь на сію дорогу послалъ я одинъ баталіонъ съ тѣмъ, что если можетъ онъ взойти на вершину, то чтобы, занявъ находящійся на оной гѣсъ, присоединилъ къ себѣ составляющія резервъ двѣ роты и ими старался взвести на гору два при нихъ бывшія орудія, а мнѣ немедленно далъ знать о успѣхѣ. Между тѣмъ, дабы развлечь вниманіе непріятели со стороны хорошей дороги, гдѣ онъ ожидалъ насъ, производилась въ ночи перестрѣлка.

Бурная и чрезвычайно мрачная ночь посланному въ обходъ баталіону способствовала, пробираясь чрезъ густой гѣсъ, дойти непримѣтно до самыхъ непріятельскихъ карауловъ, которые были столько же нетрезвы, какъ и неосторожны.

Залпъ бывшихъ впереди стрѣлковъ, крикъ ура и барабанъ такой произвели страхъ, что непріятель разсѣялся, оставя на мѣстѣ все, что имѣлъ съ собою, и даже не мало оружія. При семъ случаѣ было у насъ только два раненыхъ солдата, и баталіонъ безпрепятственно овладѣлъ вершиною хребта; дорогу сію охранялъ братъ Аварскаго Хана довольно съ большимъ числомъ людей, но онъ бѣжалъ первый.

Всѣмъ прочимъ войскамъ приказалъ я туда слѣдовать: не менѣе сутокъ подымали мы на гору артиллерію нашу и обозы, но непріятель тотчасъ бѣжалъ со всѣхъ пунктовъ и не было противящагося.

Изъ нѣкоторыхъ близкихъ селеній явились старшины съ покорностію, между прочими изъ одного, гдѣ въ ту ночь главный

Кади Акушинскій съ 4000 человекъ имѣлъ ночлегъ свой. Они пришли въ помощь измѣннику Аварскому Хану.

Въ селеніи Параулъ не застали мы ни души, жители бѣжали изъ онаго, но войска нашли богатое продовольствіе и нѣкоторую добычу; отсюда на донесеніе Генералъ-Маіора Пестеля, что въ скорости не можетъ выступить къ городу Башлы, по немѣнью провіанта и готовыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, повторилъ я, чтобы непремѣнно исполнено было прежнее мое предписаніе, и что, по обстоятельствамъ, весьма правдоподобно, что онъ ни какого не встрѣтитъ сопротивленія.

Надобно было разрушить сіе давнее гнѣздо разбойниковъ и намъ злодѣйски измѣнившихъ; наконецъ увѣдомился, что онъ вышелъ съ отрядомъ въ Башлы и что въ городѣ нашелъ весьма малое число жителей, которые, при появленіи войскъ, разбѣжались, и онъ безъ помѣшательства могъ зажечь городъ.

14-го числа Ноября, приблизились мы къ селенію Большой Джангутай, гдѣ дожидался насъ непріятель, занявшій лежащія впереди довольно крутыя возвышенія, на коихъ были сдѣланы окопы и засѣки. При самомъ началѣ сраженія, когда нельзя еще было хорошо осмотрѣть мѣстоположеніе, сдѣлался такой густой туманъ, что въ близкомъ разстояніи различать предметовъ было не возможно, и сіе необходимо, умедливъ наши успѣхи, могло не мало затруднить, ибо въ шести верстахъ находившійся съ 4 тыс. человекъ Кадій Акушинскій, могъ прійти совершенно въ тылъ намъ. И хотя взялъ я противъ того предосторожности, но, раздѣля силы, уненьшалъ число сражавшихся. Возвышенія были взяты на штыкахъ, но непріятель съ такою побѣждалъ поспѣшностію, что его могла догнать одна та часть войскъ, которая, съ лѣваго фланга обойдя, занимала уже часть селенія. Выбѣжавъ изъ селенія, встрѣченъ онъ былъ нечаянно Казаками, которые нанесли ему вредъ. Спасеніемъ своимъ совершенно обязанъ онъ туману; ибо мѣстоположеніе, какъ усмотрѣно послѣ, представляло удобность отрѣзать отступленіе и всѣхъ истребить. Потерю, однако же, имѣлъ онъ довольно чувствительную; Аварскій Ханъ въ семъ случаѣ не находился, братъ же его равномѣрно и здѣсь бѣ-

жалъ изъ первыхъ; съ нашей стороны ранено 3 Офицера и рядовыхъ убитыхъ и раненыхъ до 50-ти человекъ.

Селеніе большой Джангутаи имѣло до 600 дворовъ, и въ немъ былъ домъ брата Аварскаго-Хана довольно обширный.

Все приказано истребить, кромѣ одной небольшой части селенія, которую оставили въ пользу пришедшимъ просить пощады жителей, которые, всего лишившись, должны были проводить зиму безъ пристанища. Отъ нихъ узнали мы многія подробности и что Гассанъ-Ханъ имѣлъ не мало войска, ибо въ помощь къ нему приходили живущіе по рѣкѣ Койсу народы.

На другой день послалъ я отрядъ разорить селеніе Малый Джангутаи 200 дворовъ, но далѣе не пошелъ, ибо выпалъ глубокій снѣгъ и начались довольно сильные морозы. Старшины многихъ деревень пришли просить помилованія, и мнѣ приличествовало даровать пощаду.

Войска возвратились въ Параулъ, гдѣ въ хорошихъ квартирахъ дано имъ два дня отдохновенія.

Акушинцы отправились домой, Аварскій Ханъ ожидалъ отвѣта на присланное ко мнѣ письмо, въ которомъ, признаваясь виновнымъ въ глупомъ поведеніи своемъ, просилъ прощенія. Я отвѣчалъ ему, что нѣтъ подлымъ измѣнникамъ прощенія, что онъ лишился чина своего и жалованья.

Онъ тотчасъ уѣхалъ въ Аварское Ханство, а я, въ прокламаціи описавши подлую его измѣну, именемъ Императора лишилъ его чина Генераль-Маіорскаго и получаемаго имъ 5 тыс. рублей серебромъ жалованья.

Въ Параулѣ истребленъ домъ сего измѣнника, строеніе огромное и изрядное. Селеніе осталось сохранено, ибо въ землѣ сей хотѣлъ имѣть я людей благодарныхъ.

Изъ Параула пошелъ я на Карабудагъ-Кентъ принадлежащее Шамхалу большое селеніе и противъ него бунтовавшее. Все трепетало отъ страха, жители вышли войскамъ на встрѣчу.

Собраннымъ старшинамъ и жителямъ истолкованы обязанности повиновения Шамхалу, прощено прежнее преступленіе, по просьбѣ его, но, въ примѣръ справедливой строгости, повѣшенъ, при всѣхъ, одинъ изъ здѣшнихъ измѣнниковъ, семейство его выгнано изъ селенія, домъ разоренъ до основанія.

Во владѣніяхъ Шамхала водворилось совершенное спокойствіе и тишина. Въ Карабудагъ-Кентѣ въ первый разъ увидѣлся я съ Шамхаломъ, который только что возвратился изъ Дербента.

Привыкнуши слышать о пышности многихъ изъ моихъ предмѣстниковъ, видѣвъ нѣкоторое великолѣпіе, когда съ войсками отца своего находился онъ при Генераль-Аншефѣ Графѣ Зубовѣ, въ походѣ противъ Персіднъ, онъ удивлялся непрехотливой жизни моей и простой одеждѣ солдата. Короче познакомившись со мною, онъ признался, что имѣлъ сомнѣніе, чтобы я былъ настоящимъ начальникомъ, но что пришла ему мысль, что подъ именемъ своимъ прислалъ я другаго Генерала. Всякія недѣльности находятъ мѣсто въ головахъ здѣшнихъ жителей.

Въ городѣ Тарки пробылъ я три дня. Шамхалъ доволенъ былъ приведеніемъ въ покорность земли его, увѣрился, что готовъ помогать я ему во всякомъ возможномъ случаѣ. Онъ желалъ, чтобы, для охраненія его, часть войскъ расположена была въ городѣ, ибо опасался онъ Акушинцевъ и брата Аварскаго Хана.

Имѣя другія намѣренія, не могъ я удѣлить войскъ, и по тому совѣтовалъ ему стараться подвластныхъ своихъ въ такомъ расположеніи удерживать, чтобы они готовы были на его защиту, склонялъ его до нѣкотораго времени не раздражать Акушинцевъ и возобновить связи, которыя прежде имѣлъ онъ между ими, не щадя нѣкоторыхъ для того издержекъ.

Шамхалъ скупостію своею потерялъ людей, ему доброжелательствовавшихъ; ибо, по обычаямъ земли, чѣмъ знатнѣе владѣтель, тѣмъ большее число долженъ имѣть приверженцевъ, которые не иначе приобрѣтаются, какъ подарками и деньгами. Акушинцы же издавна сими единственно средствами всѣми прежними Шамхалами удерживаемы были на своей сторонѣ.

Поручилъ Шамхалу, по связямъ близкаго родства его съ Уцеемъ, внушать сему послѣднему, чтобы не измѣнилъ обязанностямъ вѣрноподданнаго Государю, и старался обратить къ повиновенію возмущившіяся его владѣнія, и, буде можетъ, чтобы наказалъ дерзнувшихъ поднять противъ насъ оружіе, въ особенности лежація на плоскости Терекешинскія селенія.

30-го Ноября возвратился я на Линію и переправился чрезъ Терекъ къ Старогладковской станицѣ, откуда войска отпущены на назначенныя имъ квартиры. Въ семь году были они на работѣ при крѣпости Грозной и въ походѣ съ рядомъ 7 мѣсяцевъ. Государю Императору донесъ я, что лично, видѣвъ положеніе Андреевскихъ, Костиковскихъ и Аксаевскихъ владѣній, нахожу необходимымъ устроеніе крѣпости при селеніи Андрѣ, которое, производя богатый торгъ, удовлетворитъ всѣмъ необходимымъ потребностямъ Горцевъ, и что сихъ послѣднихъ со временемъ, не употребляя оружія, но одними нуждами ихъ, можно будетъ содержать въ зависимости; что крѣпость сія на спокойствіе лѣваго фланга Кавказской Линіи будетъ имѣть не малое вліяніе, и доведъ также до свѣдѣній, что старшаго Андреевскаго владѣльца или Князя, по неспособности его и невоздержному поведенію, переимѣнилъ я другимъ, испытанной къ намъ приверженности.

Командующему въ крѣпости Грозной приказано въ зимнее время порубить лѣсъ, покрывающій ущелье Ханъ-Кале, чрезъ которое проходитъ лучшая и кратчайшая дорога ко всѣмъ большимъ Чеченскимъ деревнямъ. Для сообщенія отъ Терека до сей крѣпости, при селеніи Старый Юртъ, устроены редуты, и въ немъ расположена рота. Всѣмъ владѣльцамъ лежащихъ по правому берегу Терека деревень дано наставленіе не терпѣть у себя вредныхъ людей, не пропускать чрезъ земли свои хищниковъ и выставить въ извѣстныхъ мѣстахъ караулы.

Начертаны правила самыя строгія, коими руководствоваться должны начальники воинскіе, въ отношеніи къ владѣльцамъ, какимъ сія послѣдніе обязаны имъ послушаніемъ и подвластны ихъ повинностямъ. Въмѣсто дана постановлено, по наряду начальниковъ, высылать на службу людей съ собственнымъ вооруженіемъ и на своемъ содержаніи.

Еще не было примѣра, чтобы кто заставить могъ Чеченцевъ употреблять оружіе противъ своихъ единоземцевъ, но уже сдѣланъ первый къ тому шагъ, и имъ внушено, что того всегда отъ нихъ требовать будутъ. Прекраснѣйшія земли и другія выгоды, коими они пользуются, и боязнь, съ потерею ихъ, подвергнуться бѣдности, которую претергиваютъ непокорствующіе, строго преслѣдуемые, вынуждаютъ со стороны ихъ сіе повиновеніе.

Въ продолжительное отсутствіе мое прибыли изъ Россіи Виртембергскіе колонисты, въ числѣ 500 семействъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по неосмотрительности, препроводилъ ихъ тогда, какъ не только не сдѣлано было ни какихъ, для водворенія ихъ, приуготовленій, даже не было достаточно казенной земли для нихъ. Старшины сихъ колонистовъ представили прошеніе свое Государю, во время его путешествія, и ему угодно было приказать, чтобы они отправили ко мнѣ нѣсколько человекъ, которые бы могли предварительно узнать, какія предложу я имъ для поселенія земли, и найдутъ ли они ожидаемыя ими выгоды? Они приѣзжали въ Грузію, все разсматривали въ подробности, но прежде нежели увѣдомить могли свое общество о сдѣланныхъ наблюденіяхъ, на возвратномъ пути своемъ нашли оное на Кавказской Линіи. Колонисты, не ожидая ни какихъ извѣстій, отправились въ слѣдъ за ними. Большую часть изъ нихъ застигло въ городахъ холодное время, надобно было снабдить ихъ теплою одеждою, недостатокъ способовъ къ препровожденію ихъ черезъ горы уменьшилъ движеніе ихъ, люди испытали болѣзни, много пало скота, и колонисты, вмѣсто обѣщаній Правительству не требовать ни какихъ пособій, стоили оному однимъ своимъ доставленіемъ около милліона рублей, включая вспоможеніе, данное нѣкоторымъ семействамъ на обузавденіе.

Я, желая дать Грузинамъ примѣръ хозяйственнаго порядка и показать правдымъ и развратнымъ жителямъ здѣшней страны, какимъ благосостояніемъ обязанъ бываетъ поселянинъ своему трудолюбію, желая упорствующихъ въ невѣжествѣ своемъ познакомиться съ нѣкоторою, имъ незнакомою, промышленностію и домашними издѣліями, могущими служить къ ихъ обогащенію, выписалъ тридцать семействъ колонистовъ, изыскивая тѣхъ изъ жителей Германіи, которые, при испытанной нравственности, отли-

чаются порядкомъ домашняго устройства. Министръ доставилъ мнѣ первыхъ, ему попавшихся, и я не достигъ своей цѣли. Но такого количества, въ какомомъ прибыли колонисты, я никогда не желалъ, а еще менѣ могъ быть довольнымъ, нашедши ихъ секты Сепаратистовъ, безъ всякой нравственности, преданныхъ разврату, невоздержныхъ, небережливыхъ и праздныхъ.

Многіе изъ нихъ бывали солдатами въ числѣ контингента, который давалъ Рейнскій Союзъ Наполеону.

Надѣленіе землями колонистовъ тѣмъ большее представляло затрудненіе, что не было достаточно оныхъ на лѣвомъ берегу Кумы, гдѣ желалъ я расположить ихъ поселенія, дабы въ безопасности сохранить заведенія, большихъ казнѣ издержекъ стоящія.

На правомъ же берегу нѣтъ благонадежныхъ средствъ огражденія, въ случаѣ войны съ Персіянами, или Турками, ибо для разоренія поселеній не нужны значительныя силы, которыя всегда почти отразить возможно, недостаточно набѣга конной партіи, отъ чего остережся рѣшительно нѣтъ способовъ, по множеству у непріятелей конницы, по множеству дорогъ. И такъ Колонисты, по необходимости, поселены на правомъ берегу, чего не должно было случиться, если бы прежде нежели прислать ихъ въ большомъ, не соразмѣрно способамъ, количеству, спрошено было мнѣ мѣстнаго Начальства.

Во время пребыванія моего на Кавказской Линіи проѣхалъ въ С.-Петербургъ и возвратился обратно Чиновникъ, посланный отъ Шаха Персидскаго съ письмами и подарками къ Высочайшему Двору. Желая предупредить о семъ Министерство, я приказалъ открыть письма и сдѣлать имъ переводъ, удержавъ нѣкоторое время Чиновника. Ему представлено было, что то же самое сдѣлано было съ письмомъ моимъ, прежде нежели представили его Шаху. Письма и подарки были только предлогомъ, но Чиновнику сему поручено было просить о признаніи Аббасъ-Мирзы наследникомъ Персіи, чего не сдѣлалъ я, бывши тамъ въ качествѣ Посла.

Причины сего и сдѣланныя мною по сему предмету представленія не найдены уважительными, хотя, между прочимъ, замѣчалъ я, что не приличествуецъ взять въ защиту сторону не пра-

вую; ибо Шахъ избралъ наследника вопреки закону земли, представляющаго право старшему изъ сыновей, и Аббасъ-Мирза признанъ наследникомъ, о чемъ объявило мнѣ Министерство, спустя десять мѣсяцевъ, совѣстясь, быть можетъ, основательныхъ похвъ возраженій! Достойный сей наследникъ съ удовольствіемъ окружаетъ себя всѣми вредными для насъ мошенниками, въ безпрерывномъ сношеніи съ обитателями Кавказа, возбуждая ихъ противъ насъ и расточая на то деньги. Ласкаетъ и осыпаетъ дарами недовольныхъ Правительствомъ, или недоброжелательствующихъ оному.

Въ началѣ сего года представленъ мною Императору проектъ системы крѣпостей для здѣшняго края.

Главнѣйшихъ предположено пять крѣпостей:

Въ Редутъ-Каае, на берегу Чернаго моря, гдѣ складъ привозимыхъ изъ Россіи, провіанта для войскъ, находящихся въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, для нихъ воинскихъ припасовъ и всѣхъ вообще потребностей, и въ которомъ мѣстѣ единственная, хотя весьма небезопасная, пристань для торговли, со временемъ могущей распространиться.

Въ Гумри, на границахъ съ Турціею и Персіею, откуда въ сію послѣднюю удобнѣйшій путь во всякое время года, и здѣсь устроенная крѣпость закрываетъ дороги въ Грузію.

Въ Карабагскомъ Ханствѣ, ближе къ Араксу, сколько для защиты земли, столько на случай дѣйствій противъ самой открытой и менѣе удобной къ оборонѣ части Персіи.

Въ оставленномъ городѣ Старой Шамахѣ, для закрытія дорогъ идущихъ къ Дагестану, который удобно возмутить, давъ ему некоторое пособіе войсками, то есть, дѣйствуя оными противъ Кубанской Провинціи.

На урочищѣ Гарцимсалъ, для охраненія единственнаго сообщенія съ Россіею чрезъ Кавказскія горы.

Крѣпость сія предпологается необходимою въ такомъ случаѣ, если бы соединеннымъ усиліямъ сосѣдей нашихъ противостоять не имѣли мы средствъ и Грузія должна была подпасть власти ихъ.

Обладаніе сіе будетъ мгновеннымъ, ибо непріятель не въ состояніи употребить, для удержанія оной, достаточныхъ силъ во всегдашней готовности, которыхъ бы порознь не могли мы преодолѣть. Особенно же имѣя за собою свободный входъ въ Грузію, котораго отнять нѣтъ ни какой возможности.

Проекты сихъ крѣпостей и смѣты должны быть рассмотрѣны Инженернымъ Департаментомъ и внесены на утвержденіе Государю.

Меньшія или втораго разряда крѣпости, смотря по обстоятельствамъ, устроятся, или уничтожаются, по распоряженію Главнаго въ здѣшней странѣ Начальника.

Для обороны сихъ крѣпостей предлагалъ я, независимо отъ дѣйствующихъ войскъ, составить особенные гарнизоны на равныхъ преимуществахъ съ армейскими полками, съ тѣмъ, чтобы часть оныхъ была подвижною и во всегдашней готовности для защиты края, ибо не всѣ вдругъ крѣпости могутъ быть угрожаемы непріателемъ. Обозы для оныхъ предположены были чрезвычайно умѣренные, слѣдовательно, мало лошадей, и по тому издержекъ.

Одежду для солдатъ предлагалъ я болѣе съ климатомъ согласованную, различествующую отъ теперешней, по всюду единообразной и для знойной Грузіи и для Камчатки ледовитой. На случай, если бы не скоро былъ рассмотрѣнъ проектъ мой, или бы совершенно не удостоился одобренія, просилъ я усилить корпусъ тремя полками пѣхоты и двумя ротами легкой артиллеріи.

Въ то же самое время сдѣлано Государю представленіе, чтобы, если присланы будутъ изъ Россіи два баталіона пѣхоты, то, успокоивъ совершенно Абхазію, можно будетъ для Черноморскаго флота доставить неистощимые корабельные лѣса наилучшаго качества. Въ примѣръ поставлены строящіяся при тамошнихъ берегахъ большія купеческія суда Турецкихъ подданныхъ, по тому что нигдѣ за столько ничтожную цѣну сдѣлать таковыя невозможно. Предположено: въ бухтѣ, именуемой Пшцунда, лучшей по всему Восточному берегу Чернаго моря, сдѣлать заводеніе, въ которомъ бы хранились заготавливаемые лѣса для отправленія по назначенію.

Охраненіе сего заведенія, какъ и устроеніе на границѣ Абхазіи крѣпостицы при урочищѣ Гогра, для пресѣченія пути, отъ стороны Анавы, дѣлающимъ набѣги Горцамъ, подданнымъ Порты, долженъ возлежать на сихъ двухъ баталіонахъ, и по расчету, ихъ для того весьма достаточно.

Дорогою, чрезвычайною цѣпою поставленный въ Черноморское Адмиралтейство корабельный лѣсъ, долженъ проектъ сей сдѣлать заслуживающимъ особенное вниманіе.

Декабря 25 дня возвратился я въ Тифлисъ.

Въ Грузіи, въ продолженіи лѣта, Лезгинами дѣлаемы были набѣги на Кахетію, но повсюду были отражены и чувствительнаго вреда не причинили. Живущіе въ Ахалцыхскомъ Пашалыкѣ, семьями поселившіеся Лезгины, дѣлали въ Карталиннн хищничества. На письма, заступающаго мѣсто мое, Генераль-Лейтенанта Вельяминова 1-го, отзывался Паша Ахалцыхскій, что вышлетъ ихъ на прежнія жительства въ горы.

Въ Ханствахъ было покойно. Въ Шекинскомъ озлобленные прежними поступками Хана жители, явную оказывали къ нему ненависть, и я долженъ былъ употреблять мѣры, для удержанія ихъ въ послушаніи. Ханъ строгимъ наблюденіемъ опредѣленнаго мною Пристава содержимъ былъ въ предѣлахъ умѣренности. Жители довольны были защитою Правительства, ибо посланъ былъ отъ меня Штабъ-Офицеръ для понужденія Хана удовлетворить ихъ за присвоенное несправедливо иущество, за прихотливе наложенныя на нихъ денежныя штрафы, и взысканіе сіе простиралось до ста тысячъ рублей ассигнаціями.

Мустафа-Ханъ Ширванскій способствовалъ живущимъ въ горѣ, бѣглому Царевичу Александрѣ и измѣннику Шихъ-Али-Хану Дербентскому, въ тайныхъ ихъ съ Персією сношеніяхъ, пропускалъ чрезъ земли свои посланцевъ отъ Горскихъ народовъ, и самъ Персія общевала или дати деньги, или умноживъ на границѣ свои войска, заставить насъ развлечь силы наши, и тѣмъ доставить средства Дагестанцамъ производить опустошеніе въ нашихъ Провинціяхъ.

Замыслы сіи принадлежатъ Аббасъ-Мирѣ, но въ исполненіе приводилъ ихъ находящійся при немъ Каймакъ Мирза Бюзюркъ, который, образуя его въ юности и въ послѣдствіи сохранивъ надъ нимъ вліяніе, совершенно управлялъ имъ.

По наружности же Мустафа-Ханъ старался казаться приверженнымъ, и я не имѣлъ до сего средствъ изоблачить его въ поведеніи, хотя многія весьма подробности о измѣнническихъ поступкахъ его сообщены мнѣ были однимъ изъ Чиновниковъ его, служившимъ въ походѣ въ Дагестанъ.

Сурхай-Ханъ Казыкумыцкій, самый хитрѣйшій изъ Мусульманскихъ владѣтелей и ненавидящій Русскихъ, возбуждалъ противъ насъ Дагестанскіе народы, но, сохраняя видъ доброжелательствующаго намъ, не разъ писалъ ко мнѣ, что оскорбляется, оставаясь безъ воздаянія за непоколебимую вѣрность. Со всѣми ими былъ я въ приязненной перепискѣ, во ожиданіи удобнаго случая воевать каждому по заслугамъ.

Въ самомъ городѣ Тифлисѣ начинали оказываться нѣкоторыя перемѣны. Сколько можно расширились улицы, разореніемъ строевой грозившихъ паденіемъ, учреждались площади и возводились какъ казенныя, такъ и нѣкоторыя частныя зданія, лучшія прежнихъ. Я приказалъ разрушить обветшалыя и ни къ чему не удобныя городскія стѣны, дабы соединить форштадтъ, на которомъ, по привычкѣ страшиться прежнихъ безпокойствъ, жители ни какъ не хотѣли поселяться. Противъ меня былъ ужаснѣйшій въ городѣ ропотъ, и дѣйствія мои называли прихотливыми. Такъ бранили меня за Армянское старое кладбище, находившееся въ лучшей части города, которое велѣлъ я обратить въ площадь, но на сей площади менѣе нежели чрезъ двѣ недѣли хорошо расположенная иллюминація, поставленная музыка и дѣтскіе прыжки, привлекли множество народа, и порицавшіе меня перестали быть недовольными моимъ распоряженіямъ. Надѣялся можно, что городъ приметъ другой видъ, и даже въ скоромъ времени могло бы сіе воспользоваться, если бы здѣшнее Дворянство не было чрезвычайно запутано въ свѣжихъ дѣлахъ и весьма бѣдно.

Для возведенія казенныхъ зданій пожаловано было Императоромъ, по представленію моему, сто тысячъ рублей мѣдною мо-

нетою, которая при моемъ предвѣстникѣ, Генералѣ Ртищевѣ, прислана была для мелочной войскамъ раздачи; ибо мѣдъ обращалась здѣсь въ выгодномъ весьма курсѣ. Такъ же сто тысячъ рублей ассигнаціями (въ червонцахъ), которыя представилъ я въ казану, по возвращеніи изъ Персіи, сбереженные отъ суммъ, на содержаніе Посольства отпущенныхъ.

Предположивъ въ семь году отправиться на Кавказскую Линію, сдѣлалъ я порученіе объ изысканіи новой дороги изъ Грузіи въ Имеретію, или исправленія прежней, для движенія тягостей.

Изъ Нухинскаго Ханства послано было нѣсколько человекъ для изслѣдованія о дорогѣ на Кубинскую Провинцію, чрезъ вѣтвь горъ, отдѣляющуюся отъ Кавказа и вообще называемую Солватъ. По тому же предмету производились изысканія и отъ стороны Кубы.

Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитана Муравьева 4-го назначилъ въ экспедицію, для обозрѣнія восточнаго берега Каспійскаго моря, собранія свѣдѣній о народахъ Туркменскихъ, по оному обитающихъ, объ ихъ количествахъ, торговлѣ, промышленности и о прочемъ.

Ему поручено было изыскать удобную для судовъ пристань и мѣсто для устроенія крѣпости и, буде нѣтъ особенной опасности въ переѣздѣ степи, отдѣляющей Хиву отъ моря, отправиться съ письмами отъ меня къ Хивинскому Хану, на каковый случай далъ я Капитану Муравьеву приличные подарки и приказалъ употребить возможные убѣжденія въ дружественномъ расположеніи къ Хану Россійскаго Правительства, и сколько торговля, обезпеченная отъ набѣговъ живущихъ на степи народовъ, можетъ принести взаимныхъ выгодъ.

Основаніе торговаго заведенія на Восточномъ берегу было мнѣніемъ Адмирала Николая Семеновича Мордвинова, предложеннымъ имъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, отъ коего и получилъ я оное при отъѣздѣ въ 1816 году въ Грузію, дабы, при удобномъ случаѣ, собралъ я нужные по сему предмету свѣдѣнія и ихъ представилъ.

Что же касается до сношеній съ Ханомъ Хивинскимъ, я началъ ихъ самъ, разсуждая, что, не имѣя нѣкоторыхъ познаній о

самою землѣ, съ которою намѣреваемся распространить торговыя связи, не можно съ вѣрнымъ расчетомъ приступить къ онымъ, и еще менѣе рѣшиться на заведенія, требующія отъ казны издержекъ не мало значащихъ. Сношенія отъ имени моего предиринялъ по тому, что зналъ своеобычный и гордый характеръ Хана, и что скорѣе мнѣ приличествовало снести, нежели самому Правительству, если бы онъ сдѣлалъ гордый и дерзкій отзывъ, который могъ послѣдовать, по его понятію о своемъ могуществѣ и въ надеждѣ на огражденіе степями непреодолимыми. Къ тому жъ имѣлъ я въ предметъ живущихъ въ Персіи Англійскихъ Индійской Компаніи Чиновниковъ, которымъ посланная отъ Правительства экспедиція могла наводить сомнѣніе, а отъ меня отправленный Офицеръ ни малѣйшихъ не возбуждалъ подозрѣній, особенно когда я нарочно не скрылъ о томъ и писалъ къ Персидскому Министерству, чтобы суда наши приняты были дружественно, если имъ случится зайти въ Астарабать.

Берегъ восточный Каспійскаго моря со времени Петра Великаго обращалъ на себя вниманіе, и есть довольно хорошее описаніе онаго нашими Офицерами, но о пути въ Хиву по сему направленію, и собственно о самой землѣ, не могъ я ни чего сообщить Капитану Муравьеву въ руководство.

Въ письмахъ моихъ къ Хану употреблены скромныя выраженія собственно на счетъ мой, на примѣръ: Великій и Могущественный Главнокомандующій, и тому подобное. Долго писалъ я обыкновеннымъ образомъ, но примѣтилъ, что здравое сужденіе не столько внятно здѣшнимъ народамъ, какъ пышныя глупости.

Отъ Шамхала Тарковскаго и Военнаго Начальника въ Кубинской Провинціи получалъ я извѣстія, что Акушинцы возмущаютъ соседственные имъ Дагестанскіе народы, и въ особенности наказанныхъ въ прошедшемъ году жителей Мехтулинской Области, обращая сихъ послѣднихъ на Шамхала; что Башлынды живутъ до прежнему въ городѣ, въ надеждѣ, что Акушинцы защитятъ ихъ, если бы Русскіе вздумали ихъ выгнать; что владѣнія Уцмелъ Каракайдацкаго готовы къ возмущенію, хотя самъ онъ ни мало не примѣченъ въ участіи; что идущіе отъ Дербента на Ливію тор-

говые караваны подвергаются грабежу, и уже нѣтъ безопаснаго сообщенія.

Словомъ, видна была необходимость наказать Акушинцевъ, которыхъ самонадѣянность и дерзости начинали быть несносными.

По поводу сего, повторивъ представленіе о прибавленіи войскъ, я, въ рапортѣ моемъ, отъ 12-го Февраля, писалъ слѣдующее:

«Государы! Вигъшней войны опасаться не можно. Голова мол должна отвѣтствовать, если вина будетъ со стороны нашей. Если сама Персія будетъ причиною оной, и за то отвѣтствую, что другой на мѣстѣ моемъ не будетъ имѣть равныхъ со мною способъ. Государь, употребивъ меня въ качествѣ посла, далъ мнѣ средства имѣть тѣ свѣдѣнія, о землѣ, которыя другой долго собрать не можетъ.

Видѣлъ я, какихъ стоитъ Персія усилій одна Хорасанская Провинція, въ которой не можетъ въ продолженіи девяти лѣтъ погасить возгорѣвшееся пламя мятежа, и Хорасанъ не повинуется.

Въ мое пребываніе въ Султаніи, и можно сказать подъ моими глазами, съ послѣдностію отправлены были войска на мѣсто истребленныхъ Хорасанцами. Не укрылся отъ меня ропотъ подданныхъ на безпутное управленіе, на изнуряющіе налоги; знаю, что не встрѣтимъ сопротивленія со стороны жителей пограничныхъ Провинцій, напротивъ ожидать можемъ пособій.

Сіи свѣдѣнія составляютъ преимущество мое надъ тѣми, которые займутъ мое мѣсто, и она обратится во вредъ ей. Внутреннія безпокойства гораздо для насъ опаснѣе. Горскіе народы примѣромъ независимости своей въ самыхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества поражаютъ духъ мятежный и любовь къ независимости. Теперь средствами малыми можно отвратить худыя слѣдствія; нѣсколько поздиѣе и умноженныхъ будетъ не достаточно. Въ Дагестанѣ возобновляются безпокойства, и утѣсняемы храняще Вамъ вѣрности! Они просятъ справедливой защиты у Государя Великаго, и что произведутъ тщетныя ихъ ожиданія?

Защита сія не состоитъ въ безславномъ разсѣяннѣи и наказаннѣи мятежниковъ, ибо они появляются послѣ, но необходимо меж-

ду ими пребываніе войскъ, и сей есть единственный способъ спирить ихъ.

Народъ Дагестанскій, Акушинцы, о коихъ доносишь я прежде, виною всѣхъ безпокойствъ, и такъ далеко простирается его дерзость, что если Вашего Величества и не будетъ Высочайшаго соизволенія на дополненіе корпуса, я долженъ непремѣнно ити для наказанія сего народа, и мнѣ, Государь, не за себя страшиться надобно будетъ. Иначе Кубинская богатѣйшая наша Провинція можетъ быть угрожаема нападеніемъ, и за ея непоколебимость отвѣтствовать не можно. Теперь уже нѣтъ у насъ сообщенія вѣрнаго Кавказской Линіи съ Дербентомъ, пресѣклась торговля отъ расхищенія каравановъ и убійства торгующихъ. Такъ было и прежде, и, конечно, ни чего не будетъ хуже того, что было при послѣднихъ моихъ предѣлствіяхъ, но не въ моихъ правилахъ терпѣть, чтобы власть Государя моего была не уважаема разбойниками, и чтобы народы покорствующіе вотще надѣялись на его защиту.»

Начальникомъ въ Дагестанѣ опредѣлилъ я Генералъ-Маіора Барона Вреде, на мѣсто Генералъ-Маіора Пестеля, которому выпросилъ отпускъ съ состояніемъ по арміи. О немъ узналъ я, что, во время пребыванія его въ городѣ Башлы съ отрядомъ войскъ, отъ рѣдкій день не былъ пьянъ, жителей города не только не умѣлъ содержать въ должномъ повиновеніи и не видѣлъ, что они вывозятъ семейства свои и имущество и явное итѣли съ несприятелемъ сношеніе, но, сверхъ того, раздражалъ ихъ самымъ оскорбительнымъ распутствомъ. Старшимъ по немъ Чиновникомъ былъ Командиръ Севастопольскаго пѣхотнаго полка, Подполковникъ Рябининъ, во всѣхъ его упражненіяхъ лучшій ему товарищъ; оба они не были при войскахъ въ сраженіи, Генералъ-Маіоръ же Пестель замѣченъ еще весьма робкимъ, и даже въ опасности не способнымъ распорядитъ, и если бы не управляли войсками артиллеріи Подполковникъ Мищенко и Маіоръ Износковъ, командующій баталіономъ, то могли они испытать величайшую потерю и быть совершенно разбитыми, и Генералъ-Маіору Пестелю дано было мѣсто и Подполковнику Рябинину полкъ, по наилучшимъ о нихъ свидѣтельствамъ, и таковыми обмануть будучи, представилъ я ихъ обоимъ къ награжденію за сраженіе при Башлы.

Начальника Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіора Вельяминова, отправилъ я во Владикавказъ, приказалъ ему, проходя до крѣпости Грозной, осмотрѣть рѣку Сунжу и лежащія на ней временныя укрѣпленія, Надзрановскій редутъ при Ингушевскихъ селеніяхъ и преградный станъ, построенный Генералъ-Маіоромъ Дельпоццо, по моему разрѣшенію. Далѣе долженъ онъ былъ видѣть прорубленную чрезъ урочище Ханъ-Кале дорогу, и потомъ, собравъ на Кавказской Линіи войска и переправясь у Шелководскаго селенія за рѣку Терекъ, слѣдовать къ городу Андрей, гдѣ на устроеніе крѣпости имѣлъ уже я Высочайшее соизволеніе.

Въ продолженіи зимы приказано было старшему Андреевскому Князю заготовить лѣсъ для строеній, за чѣмъ обязанъ былъ наблюдать и Главный Приставъ; но нѣкоторые изъ жителей, обыкшіе къ своевольствамъ, не желая исполнить сей первой для нихъ повинности, и прочихъ отъ послушанія отвратили.

Прибывши съ войскомъ, Начальникъ Корпуснаго Штаба привелъ все въ должный порядокъ, и начались нужныя къ работамъ приуготовленія.

Я остался въ Грузіи, по случаю нѣкоторыхъ безпокойствъ въ Шамшадильской дистанціи. Тамъ Агалары, недовольные введенными мною въ управленіи перемѣнами, наклоняли народъ къ возмущенію, дабы тѣмъ понудить меня оставить все на прежнемъ основаніи. Обширныя родственныя связи Шамшадильскаго Султана способствовали ему имѣть сильное вліяніе на большую часть простаго народа, и сей, по привычкѣ покорствоватъ ему, не вникнувъ въ выгоды новаго постановленія, умышленно толкуемаго ему въ превратномъ смыслѣ, такъ же приносилъ мнѣ просьбы объ отиѣнѣ онаго. Приближалось время, въ которое жители дистанціи удаляются на кочевья въ горы, къ самымъ границамъ Персіи; приносились слухи, что Султанъ намѣревается бѣжать и увлечь съ собою народъ.

Я приказалъ усилить войска, которыя обыкновенно высылаются для караула при кочевьяхъ, а Генералъ-Маіору Князю Мадатову взять подъ стражу Султана и одного изъ главнѣйшихъ Агаларовъ Казахской дистанціи, которые и отправлены на жи-

тельство въ Россію. Строгость водворила спокойствіе, и здѣшніе жители увидѣли примѣръ, что упрямство не всегда средство благонадежное противъ распоряженій Начальства.

Наконецъ, получилъ я Высочайшій Рескриптъ, коимъ одобрено предположеніе мое объ устроеніи въ здѣшной странѣ крѣпостей, безъ всякой перемѣны.

Проектъ о составленіи особенной обороны крѣпостей, независимо отъ дѣйствующихъ войскъ, не утвержденъ. Императоръ назначилъ новый комплектъ для полковъ: Грузинскаго корпуса, и впредь каждый изъ нихъ, въ трехъ баталіонахъ состава своего, долженъ имѣть Унтеръ-Офицеровъ 300, рядовыхъ 3600 человекъ. Средніе баталіоны должны быть обращены на защиту крѣпостей.

Для укомплектованія по новому корпусу, вмѣсто рекрутъ, въ которыхъ всегда чувствительная отъ климата происходила потеря, назначены полки, и имъ дано повелѣніе расположиться въ ближайшихъ Губерніяхъ, откуда могъ я взять ихъ, когда надобно.

Полки сіи суть слѣдующіе:

Пѣхотные: Апшеронскій	Егерскіе	41
Ширванскій.		42
Куринскій.		43
Тенгинскій		44
Навагинскій.		—
Мингрельскій.		—

Находившійся временно при корпусѣ 8-й Егерскій полкъ поступилъ такъ же въ укомплектованіе прочихъ.

Отъ прежнихъ полковъ корпуса должны составиться кадры и отправиться для сформированія въ Россіи полковъ.

Изъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, не исключая самихъ Командировъ полковъ, предоставлено мнѣ было оставить въ Грузіи тѣхъ, кои могли мнѣ быть нужными.

Назначены были, сверхъ того, двѣ легкія артиллерійскія роты. Государь приказалъ во всѣхъ войскахъ перемѣнить старое и

къ употребленію не годное оружіе. Было еще таковое со временъ покойной Екатерины II.

Состоявшій въ корпусѣ Грузинскіи гарнизонный изъ 2-хъ баталіоновъ полкъ уничтоженъ.

При семь умноженіи корпуса имѣлъ я случай отправить съ кадрами Офицеровъ не столько здѣсь нужныхъ, или которые желали возвратиться въ Россію, оставить здѣсь на службу способнѣйшихъ изъ прибывшихъ.

Государь преподалъ мнѣ большія средства къ приведенію дѣлъ здѣшней страны въ лучшее состояніе. Не взирая, однако же, на все количество пришедшихъ изъ Россіи войскъ, въ корпусѣ по новому положенію былъ изрядный недостатокъ до комплекта.

О сдѣланномъ мною предложеніи переимѣнить одежду солдатъ, приспособляя оную къ здѣшнему климату, вовсе умолчано.

17-го числа Іюня отправился я на Кавказскую Линію, и скоро прибылъ къ городу Андрей. Во владѣніяхъ Кумыцкихъ было покойно.

Къ устроенію крѣпости нельзя было приступить, по тому что мѣсто засѣяно было хлѣбомъ, и надобно было вырубать много весьма лѣса. Не прежде половины Іюля начались работы. Въ близи живущіе Чеченцы и народъ Ауха часто беспокоили отводные караулы лагеря.

Отрядъ войскъ состоялъ изъ 2-хъ бат. Кабар. }
 1-го бат. Троиц. } пѣхотныхъ пол.
 3-хъ бат. 8-го Ег. }

Одинъ изъ сихъ послѣднихъ составленъ былъ изъ прибывшихъ рекрутъ, которые ни на какую не употреблялись службу; баталіонъ же Троицкаго полка отдѣленъ былъ на прикрытіе чрезъ Терекъ переправы и сообщеніе съ Кавказскою Линіей.

Артиллерія состояла 6 батарейныхъ : }
 6 легкихъ. } орудій.
 4 конныхъ }

Линейныхъ Казаковъ 300 человекъ.

Одна піонерная рота.

Состороны Кубинской Провинціи небольшою частію войскъ наблюдаемы были дороги, выходящія изъ Казыкумыцкаго Ханства, ибо явно было неблагонамѣренное поведеніе Сурхай-Хана, также обращали на себя вниманіе Табассаранцы, въ совершенномъ возмущеніи бывшіе.

Дабы съ помощію сихъ народовъ не могли Акушинцы сдѣлать нападеніе на Кубу, или разорить Ханство Кюринское, принадлежащее вѣрному намъ, Полковнику Асланъ-Хану, приказано, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова, составить отрядъ изъ 1500 человекъ пѣхоты, 300 Казаковъ и 8-ми орудій артиллеріи; при немъ должна была находиться конница, собранная въ Ханствахъ Шекинскомъ, Ширванскомъ и Карабахскомъ. Она значительно могла усилить отрядъ, но между тѣмъ не меньшую приносила пользу, служа залогомъ въ поведеніи Хановъ. Неохотно приняли они сіе порученіе, но не смѣли его не исполнить. Мустафа же Ханъ Ширванскій не прислалъ ни одного изъ знатныхъ людей, или ему близкихъ.

Асланъ-Ханъ Кюринскій съ величайшимъ усердіемъ присоединилъ къ нашимъ войскамъ конницу свою и пѣхоту, которая набрать могъ.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ, сдѣлавшій смѣлый маршъ въ самыя твердыя мѣста Табассарина, разбилъ мятежниковъ. Жители, пребывшіе вѣрными, много способствовали ему знаніемъ земли и дорогъ. Главный бунтовщикъ Эрсинскій, Абдула-Бекъ, зять бѣглаго Шихъ-Али-Хана, имѣвшій большое вліяніе въ народѣ, потерявъ имущество, бѣжалъ въ горы.

Жители города Башлы, ожидая наказанія, пригласили разные народы сосѣднихъ вольныхъ обществъ, и между нимъ отличающійся храбростію народъ, называемый Кабодерги, и въ силахъ довольно значительныхъ вознамѣрились защищать городъ, въ которомъ успѣли поправить почти всѣ строенія, въ прошедшемъ году Генералъ-Маіоромъ Пестелемъ разоренныя. Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ атаковалъ городъ, и жители, весьма не долго

защипавшись, разсѣялись. Домъ Уцмел и весь городъ разрушенъ до основанія. Уцмей, съ своей стороны, собравъ людей, ему при верженныхъ, войскамъ нашимъ содѣйствовалъ, но самъ лично, по недовѣрчивости, избѣгалъ случая быть при войскахъ.

Желая уничтожить въ немъ чувство недовѣрчивости и показать ему, сколько Начальство готово благотворить во всякомъ случаѣ людямъ, постояннымъ въ своихъ обязанностяхъ, приказалъ я отпустить сына его, живущаго въ Дербентѣ въ видѣ аманата. Лишь только получилъ онъ это, тотчасъ съ нимъ и со всѣмъ семействомъ удалился въ верхній Каракайдакъ, который не оказывалъ намъ повиновенія.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ имѣлъ съ нимъ свиданіе, но не иначе, какъ поѣхавъ къ нему одинъ, тогда какъ онъ самъ окруженъ былъ толпою вооруженныхъ людей. Напрасны были старанія уговорить его, чтобы возвратился. Онъ обѣщевалъ быть въ вѣрности непоколебимымъ, но примѣтно было желаніе измѣнить. Вскорѣ потомъ, набравъ партію, дѣлалъ онъ набѣги на дорогу между Дербентомъ и Тарку, грабилъ проѣзжихъ и торгующихъ и вошелъ въ связи съ явными нашими врагами, думая, съ помощію ихъ, удержать за собою свои владѣнія.

Таковы были многихъ надежды на Дагестанъ и дотолѣ еще могущественныхъ Акушинцевъ. Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ, дѣлая съ отрядомъ движенія, не давалъ ему по близости вѣрнаго убѣжища. Родственники его, во враждѣ съ нимъ бывшіе и сильную въ народѣ имѣвшіе партію, дѣйствовали противъ него вмѣстѣ съ нами.

Они успѣли жителей города Башлы привести въ раскаяніе, и какъ они, равно жители селеній Терекеминскихъ, приняли присягу на подданство, и имъ позволено возвратиться на прежнее жительство.

Вмѣстѣ съ снмъ лишился Уцмей всѣхъ своихъ доходовъ. Не было средствъ надѣлать наградами приверженцевъ, не изъ чего было составить войскъ, и тѣ, которые прежде обнадеживали въ помощи, видя его ничтожество, къ нему охладѣли. Прокламаціею

объявилъ я его измѣнникомъ, и что никто изъ фамиліи его впредь не будетъ Уцмеемъ.

Такимъ образомъ уничтожилось достоинство Уцмея, нѣскольکو вѣковъ существовавшее въ большомъ между здѣшними народами уваженіи.

Въ теченіи Августа мѣсяца Аварскій Ханъ началъ собирать Горскіе народы, общая имъ не только препятствовать намъ производить работы, но прогнать насъ за Терекъ и разорить Кизляръ: легковѣрные послѣдовали за нимъ, и ихъ составилось не менѣе 6, или 7, тысячъ человекъ. Онъ пришелъ къ селенію Боутугай, въ 16 верстахъ отъ Андрея, лежащему на рѣкѣ Койсу, и занялъ въ ущельѣ весьма твердое мѣсто, которое, сверхъ того, укрѣпилъ завалами и окопами. Чеченцы пришли ему на помощь; жители Кумыхскихъ владѣній готовы были поднять оружіе, изъ Андрея многіе изъ Узденей, отличнѣйшій классъ въ городѣ составляющихъ, съ нимъ соединились. Принадлежація городу деревни, называемыя Салотавскими, намъ измѣнили; словомъ, все вокругъ насъ было въ заговорѣ.

Чеченцы сдѣлали нападеніе на табуны нашего отряда, и отогнали не менѣе 400 упряжныхъ лошадей артиллеріи и полкамъ принадлежащихъ. Недалеко отъ лагеря повсюду были непріятельскія партіи, сообщеніе съ Линіею удерживаемо было большими конвоями, отъ самаго агеря и до переправы на Терекъ. Постъ на Сулакѣ, при селеніи Казіюртѣ, долженъ былъ я усилить двумя ротами и съ двумя орудіями, ибо Дагестанцы угрожали пройти прямѣйшею на Кизляръ дорогою.

Въ семь положеніи производилъ я работы даже въ ночное время, при зажженныхъ кострахъ, спѣша сдѣлать укрѣпленія способными, къ какой ни будь оборонѣ, на случай нападенія до прибытія войскъ, которыхъ ежедневно ожидалъ я изъ Россіи.

Первый пришелъ ко мнѣ 42-й егерскій полкъ изъ Таганрога, и я, давъ ему самый краткій растахъ; въ ночь на 29 число Августа, выступилъ, чтобы атаковать Аварскаго Хана. Въ крѣпости, со всѣмъ еще не вооруженной, оставилъ я достаточный гарнизонъ и нѣсколько пушекъ.

Неприятель впереди позиціи своей встрѣтилъ мой авангардъ сильнымъ огнемъ и бросился съ кинжалами. Двѣ роты 8-го егерскаго полка, удивленные сею, совсѣмъ для нихъ новою, атакою, отступили въ безпорядкѣ, но артиллерія удерживала стремленіе напавшихъ. Въ сіе время прибыли всѣ войска, и баталіонъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка, ударивъ въ штыки, все опрокинулъ, и если бы изрытыя и скрытыя мѣста не способствовали бѣгству неприятеля, онъ понесъ бы ужасную потерю, но скоро могъ онъ собраться позади своихъ окоповъ. Деревню Боутугай тотчасъ заняли наши войска. Я, избѣгая потери, не допустилъ атаковать окопы, но удовольствовался тѣмъ, что могъ стѣснить неприятеля въ горахъ, отрѣзавъ сообщеніе съ равниною, откуда получалъ онъ продовольствіе, увѣренъ будучи, что не долго въ такомъ останется онъ положеніи. Перестрѣлки продолжались съ начала довольно горячія, но артиллерія наводила величайшій ужасъ, и неприятель смѣшнымъ образомъ прятался отъ оной.

Въ ночи на 3 число бѣжалъ съ неимовѣрною поспѣшностію и въ безпорядкѣ.

Въ слѣдъ за нимъ сдѣлалъ я одинъ маршъ въ горы, но уже догнать было не возможно.

Войска возвратились въ крѣпость, которой дано наименованіе Внезапная.

Между бѣгущими Лезгинами произошли драки и убійства. Возмущившіеся ожидали нашего наказанія. Салотавскія деревни просили пощады, на нихъ наложенъ штрафъ и ежегодная дань. Такимъ образомъ вдругъ въ пользу нашу обратились всѣ обстоятельства. Аварскій Ханъ бѣжалъ въ Аваръ, сопровождаемый проклятіемъ разорившихся.

Въ городъ Андрей, совершенно прежде оставленный, начали жители возвращаться, но главнѣйшіе изъ возмутителей подвергнуты конскрипціи.

Аксаевскихъ и Андреевскихъ владѣльцевъ наказалъ я за то, что безъ вѣдома ихъ не могли пройти Чеченцы, отогнавшіе лошадей нашихъ, что было доказано свидѣтелями, и они должны были доставить мнѣ равное число изъ собственныхъ лошадей. Такимъ образомъ вдругъ въ пользу нашу обратились всѣ обстоятельства.

Шамхалъ между тѣмъ, по наставленію моему, старался удерживать Акушинцевъ въ мирномъ расположеніи. Они пріѣзжали къ нему въ большомъ числѣ, подъ видомъ будто бы примирить его съ сосѣдями и заставить брата Аварскаго Хана возвратить захваченныя у него деревни, но точное намѣреніе ихъ состояло въ томъ, чтобы, пользуясь его боязнью, брать съ него подарки и деньги.

Шамхалъ имѣлъ осторожность не вѣрить обѣщаніямъ ихъ и обо всемъ давалъ мнѣ извѣстія, прося безпрестанно о помощи.

Еще прибыли полки: Апшеронскій къ отряду, Куринскій оставленъ до особаго назначенія на Линіи.

Отъ Генераль-Лейтенанта Вельяминова 1-го получено извѣстіе о происшедшихъ въ Имеретіи безпокойствахъ. Причины оныхъ слѣдующія.

Экзархъ Грузіи, Теофилактъ, опредѣленъ будучи для управленія духовной частію въ Грузіи и Имеретіи, не узнавъ подробно обстоятельствъ, сдѣлалъ представленіе Синоду о многихъ перемѣнахъ по ввѣренной ему части, въ слѣдствіе онаго уничтожилось значительное число церквей и приходоу, коихъ причты оставались безъ должностей, въ ожиданіи размѣщенія на вакансіи. Перемѣны сіи были частію необходимы, ибо духовенство было въ числѣ чрезмѣрномъ, церкви въ бѣдности, и по тому безъ приличнаго благолѣпія; доходы безъ опредѣлительности, употребленія оныхъ безъ ясной отчетности. Перемѣны сіи, однако же, не весьма нравились, ибо въ числѣ духовенства въ здѣшней странѣ есть люди, принадлежащіе знатнѣйшимъ фамиліямъ, имѣющіе сильныя связи. Ихъ оскорбляла строгая подчиненность, уничтожившая прежнее ихъ значеніе; не менѣе огорчало то, что не могли они употреблять доходы безотчетно и въ свою пользу; но въ Грузіи не произвело сіе ни какихъ худыхъ слѣдствій, ибо Экзархъ призвалъ къ содѣйствію мѣстныя власти. Въ Имеретіи же людьми неблагонамѣренными между Дворянствомъ, паче же своимъ Духовенствомъ, преобразование управленія истолковано было возмутительнымъ образомъ, и простой народъ, въ невѣжествѣ своемъ наиболѣе послушный оному, по сдѣланнымъ тайно внушеніямъ, не только во многихъ мѣстахъ не допустилъ посланныхъ отъ Экзарха комиссаровъ для описанія церковнаго имущества, но угро-

жалъ оныѣмъ, и они были даже въ опасности потерять жизнь. Митрополитъ Теофилактъ, котораго не разъ предупреждалъ я, что нельзя приступити къ равнымъ перемѣнамъ, какъ по Грузіи, такъ и по Имеретіи, ибо въ сей послѣдней, по недавней ея зависимости, власти не въ полномъ дѣйстви, и имъ не полное оказываемо повиновеніе, и что простой народъ, въ состояніи несравненно большаго невѣжества, нежели въ Грузіи, легко можетъ быть возбужденъ къ безпокойствамъ, и надобно будетъ прибѣгать къ мѣрамъ крайнимъ для укрощенія. Митрополитъ казался согласующимся съ моимъ мнѣніемъ, но думалъ, что присутствіемъ своимъ удалить всякій безпорядокъ и успѣетъ исполнить свое намѣреніе, ввести новое преобразование. Онъ отправился въ Имеретію и, пребывая въ Кутайсѣ, управлялъ дѣйствіями своихъ комиссіонеровъ; но когда началъ народъ собираться толпами, власти въ округахъ учрежденныхъ, не въ состояніи будучи удержать его въ послушаніи и разсѣять скопища, удалились, и надобно было послать войска, для усмиренія ихъ, тогда Митрополитъ уѣхалъ обратно въ Грузію.

Поспѣшность обнаружила малодушіе его и робость, и онъ, угрожая требованіямъ буйственнаго народа, приказалъ возвратити сдѣланное описаніе нѣкоторой части церковныхъ имѣній.

Генералъ-Маіоръ Сысоевъ успѣлъ безъ выстрѣла обратити жителей въ дома свои, и толпы разсѣялись.

Не смотря на сіе, примѣтно, однако же, было неудовольствіе народа, извѣстны были люди, возбуждавшіе его, и нельзя было сомнѣваться, что при малѣйшемъ случаѣ водворится мятежъ.

Я поспѣшилъ приходящіе полки изъ Россіи обратити на укомплектованіе войскъ, въ Имеретіи и Мингреліи расположенныхъ.

Митрополиту Теофилакту сообщилъ, что нельзя оставити безъ исполненія Высочайше утвержденное преобразование, разъ уже приступивши къ оному; что всякое, въ подобномъ случаѣ, снисхожденіе народамъ непокоряемымъ принято будетъ за слабость и даже боязнь Правительства, и можетъ имѣть весьма непріятныя послѣдствія.

Я объяснилъ ему необходимость взять двухъ старшихъ Имеритинскихъ Митрополитовъ, которые весьма ощутительно противились преобразованію и въ народѣ разсѣвали негѣбное Высочайшей воли истолкованіе, самому ему, какъ Первосвященнику, не оказывая надлежащаго уваженія.

Оскорбленное самолюбіе горделиваго монаха одобряло мое намѣреніе. Я сообщилъ Генералъ-Лейтенанту Вельяминову 1-му о сдѣланіи распоряженія взять Митрополитовъ, сколько возможно, скромнымъ образомъ и менѣе возбуждая негодованіе народа. Въ особенности надлежало удалить Митрополита Путателя, явно ненавидящаго Россійское Правительство, чего онъ даже и скрывать не старался.

Давно извѣстны были поступки сего неблагонамѣреннаго челоуѣка, но Правительство боялось безпокойствъ въ Имеретіи, и по тому оставляло его совершенно въ дѣйствіяхъ свободнымъ.

По воспослѣдовавшей смерти Генералъ-Маіора Исмаилъ-Хана Шекинскаго, приказалъ я, для описанія Провинціи и доходовъ, отправиться артиллеріи Генералъ-Маіору Ахвердову и Правителю канцеляріи моеи, Статскому Совѣтнику Могилевскому.

Издаль прокламацію, что Ханство Шекинское навсегда принимается въ Россійское управленіе.

Приказалъ всю фамилію Хана отправить въ Елисаветполь, дабы не могла производить безпорядковъ; назначилъ всѣмъ членамъ оной на первый случай пристойное содержаніе, впредь до усмотрѣнія, какихъ вознагражденій они достойны за имущество, обращаемое въ распоряженіе казны.

Всѣмъ Персіянамъ, которые нѣкогда переселились съ отцемъ умершаго Хана, приказалъ я дать позволеніе возвратиться въ Персію, если у насъ остаться не пожелаютъ.

Удерживать ихъ я не старался; ибо они, будучи другой секты, у жителей Провинціи были въ ненависти, какъ не менѣе по тому, что, находясь при Ханѣ въ почетнѣйшихъ должностяхъ, озлобили народъ притѣсненіями.

Желая наказать Чеченцевъ, непрерывно производящихъ разбой, въ особенности деревни, называемыя Качкальковскими жителями, коими отогнаны у насъ лошади, предполагалъ выгнать всѣхъ ихъ съ земель Аксаевскихъ, которыя занимали они, съ начала по условію, сдѣланному съ владѣльцами, а потомъ, усилившись, удерживали противъ ихъ воли.

При атакѣ сихъ деревень, лежащихъ въ твердыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ, зналъ я, что потеря наша должна быть чувствительною, если жители оныхъ не удалятъ прежде женъ своихъ, дѣтей и имущество, которыхъ защищаютъ они всегда отчаянно, и что понудить ихъ къ удаленію женъ можетъ одинъ только пригрозъ ужаса.

Въ семь намѣреніи приказалъ я войска Донскаго Генераль-Маіору Сысоеву съ небольшимъ отрядомъ войскъ, присоединивъ всѣхъ Казаковъ, которыхъ по скорости собрать было возможно, окруживъ селеніе Даданъ-юртъ, лежащее на Терекѣ, предложить жителямъ оставить оное, и, буде стануть противиться, наказать оружіемъ, никому не давая пощады. Чеченцы не послушали предложенія, защищались съ ожесточеніемъ. Дворъ каждый почти окруженъ былъ высокимъ заборомъ, и надлежало каждый штурмовать. Многіе изъ жителей, когда врывались солдаты въ дома, умерщвляли женъ своихъ въ глазахъ ихъ, дабы во власть ихъ не доставались. Многіе изъ женщинъ бросались на солдатъ съ кинжалами.

Большую часть дня продолжалось сраженіе самое упорное, и ни въ одномъ доселѣ случаѣ не имѣли мы столько значительной потери; ибо, кромѣ Офицеровъ, простиралась оная убитыми и ранеными до двухъ сотъ человекъ.

Со стороны непріятеля всѣ, бывшіе съ оружіемъ, истреблены, и число оныхъ не менѣе могло быть четырехъ сотъ человекъ. Женщинъ и дѣтей взято въ плѣнъ до ста сорока, которыхъ солдаты изъ сожалѣнія пощадили, какъ уже оставшихся безъ всякой защиты и просившихъ помилованія. (Но гораздо больше оныхъ число вырѣзано было, или въ домахъ погибло отъ дѣйствія артиллеріи и пожара). Солдатамъ досталась добыча до-

вольно богатая, ибо жители селенія были главнѣйшіе изъ разбойниковъ, и безъ ихъ участія, какъ ближайшихъ къ Линнѣ, почти ни одно воровство и грабежъ не происходили, большая же часть имущества погибла въ пламени. Селеніе состояло изъ 200 домовъ; 14 Сентября разорено до основанія.

30 числа Сентября я самъ пошелъ, съ 6-ю баталіонами и 16 орудіями артиллеріи, къ деревнямъ Качкальцкимъ, и 2 Октября атакована деревня Горячевская, сильнѣйшая изъ нихъ. Твердое положеніе оной мѣстами укрѣплено было окопами; но Чеченцы, будучи выгнаны изъ нихъ штыками, не могли удержаться въ самой деревнѣ, и только производили перестрѣлку изъ лѣсовъ, ее окружающихъ. Потеря наша была ничтожная.

Черезъ день войска приблизились къ деревнямъ Ноенберды и Аллааръ-аулъ. Изъ первой выгнаты Чеченцы сильнымъ коноводю, послѣдняя была ими оставлена, по тому что легко могла быть окруженною. Обѣ разорены совершенно. При возвратномъ войскѣ слѣдованіи Чеченцы показались изъ лѣсовъ, но перестрѣлка не продолжалась.

Деревня Хошгельды просила пощады, обѣщая жить покойно и не дѣлать разбоевъ. Аксаевскіе владѣльцы ручались за жителей оной, и имъ дана пощада.

Вообще Чеченцы защищались безъ упорности, и ни въ одной изъ деревень не было женъ и дѣтей, имущество также было вывезено.

Примѣръ Даданъ-юрта распространилъ повсюду ужасъ, и вѣроятно мы нигдѣ уже не найдемъ женщинъ и семействъ.

Въ сіе самое время Генералъ-Маіоръ Сысоевъ изъ крѣпости Грозной, съ баталіономъ 16 егерскаго полка и Куринскимъ пѣхотнымъ полкомъ, вступалъ въ Чеченскую землю, черезъ урочище Ханъ-Кале, дабы, согласованнымъ съ разныхъ сторонъ движениемъ, развлекая силы Чеченцевъ, облегчить предпріятіе противъ селеній Качкальковскихъ; 5 числа Октября войска возвратились въ крѣпость Вnezашную.

Между тѣмъ получалъ я отъ Шамхала Тарковскаго извѣстія, что братъ измѣнника Аварскаго Хана собираетъ войска, дабы истребить его; что вся Мехтулинская Провинція, забывъ потерѣнное въ прошедшемъ году наказаніе, по прежнему повинуется ему.

Акушинцы не только не сдержали обѣщанія смирить его и заставить возвратить захваченныя у Шамхала деревни, напротивъ, въ тайнѣ ему благопріятствовали, желая уничтожить Шамхала, какъ челевѣка, намъ непоколебимо преданнаго, хотя по наружности показывали они ему пріязненное расположеніе.

Шамхалъ оставилъ Тарки, гдѣ не могъ защищаться противъ брата Аварскаго Хана, ибо какъ жители города, такъ и большей части его владѣній, готовы были на него обратиться.

Онъ удалился въ небольшой загородный замокъ, и собралъ около себя нѣкоторое количество людей приверженныхъ, рѣшившись погибнуть, сопротивляясь. Желалъ я дать ему помощь, но, по обстоятельствамъ, не могъ того сдѣлать.

Братъ Хана Аварскаго сдѣлалъ на него нападеніе довольно съ большими силами, и хотя Шамхалъ защищался отчаянно, но, конечно, долженъ бы былъ уступить имъ, если бы не устранилъ ихъ нѣсколько значительный уронъ, отъ чего они поспѣшно разбѣжались.

Акушинцы заняли земли вольнаго общества, Гамри-Юзень называемаго и намъ приверженнаго, гдѣ расположившись, часть войскъ ихъ прервала сообщеніе мое съ отрядомъ Генераль-Маіора Князя Мадатова и посылаемые курьеры (вѣрные изъ Татаръ) проѣзжали съ большою опасностію. Въ надеждѣ на силы свои и прежніе успѣхи, Акушинцы думали понудить насъ возвратить Уцмею Каракайдацкому его владѣнія, и сей предался имъ совершенно. Къ себѣ Русскихъ войскъ они не ожидали, почитая земли свои огражденными горами непреодолимыми.

Въ то же самое время на крѣпостцу Чирагъ, лежащую на границѣ, отдѣляющей Кюринское Ханство отъ Казыкумыцкаго, сдѣлали нападеніе Дагестанскіе народы, сосѣдственные Акушинцамъ. Сія послѣдніе не могли не имѣть въ томъ участія, и Сурхай

Ханъ Казыкумыцкій, хотя старался увѣрять, что народы сіи перешли чрезъ его земли, не прося его на то согласія и когда не имѣлъ онъ о намѣреніи ихъ ни малѣйшаго извѣстія, но весьма ощутительна была его измѣна, и я приказалъ принять нужныя противъ коварства его мѣры, запретивъ принимать подвластныхъ ему Казыкумыхцевъ во всѣхъ нашихъ Провинціяхъ, дабы, потеряю выгоды торговли, возродить въ нихъ на него неудовольствіе.

Небольшой гарнизонъ крѣпостцы Чирагъ отразилъ нападеніе, и непріятель разсѣялся.

Если бы предпріятіе сіе имѣло нѣкоторый успѣхъ, вѣроятно, что Казыкумыцкое Ханство, Табассаранъ и съ ними соединившіеся прочія вольныя общества, вспомоствуемая сильною партіею, которую бѣглый Шихъ-Али-Ханъ имѣлъ въ Дербентѣ, произвели бы безпокойство въ Кубинской Провинціи, гдѣ войскъ чрезвычайно было мало. Я долженъ бы былъ обратить туда отрядъ Генераль-Маіора Князя Мадатова, которому предстояло другое назначеніе.

Примѣчено такъ же было сомнительное поведеніе Мустафы, Хана Ширванскаго, который принималъ посланныхъ къ нему Акушинцевъ старшихъ, съ просьбою о помощи противъ Русскихъ, и отправилъ со обладаживаніемъ и щедрыми подарками. Такъ же служащая при войскахъ нашихъ, набранная въ Ханствѣ его, конница вся почти возвратилась въ дома свои, и онъ не только не присылалъ другихъ людей, но и ни малѣйшаго не сдѣлалъ наказанія самовольно отлучившимся.

Всѣ сіи обстоятельства показывали мнѣ необходимость ити съ войскомъ въ Дагестанъ и наказатъ Акушинцевъ, которые служили твердою опорою всѣмъ прочимъ народамъ и могущественнымъ своимъ вліяніемъ ихъ противъ насъ вооружали. Извѣстно было, что ударъ, имъ нанесенный, прочіе народы, какъ слабѣйшіе, удержитъ въ страхѣ и покорности.

Въ крѣпости Внезапной ускорены были работы сколько возможно. Жилища для гарнизона, на зимнее время необходимыя, устроены, артиллерія для вооруженія крѣпости доставлена. Оставивъ одинъ баталіонъ въ гарнизонѣ, для охраненія оной, 11-го

числа Ноября выступилъ я въ городъ Тарки, куда двумя днями прежде отправилъ часть войскъ съ Полковникомъ Верховскимъ. Ему приказано было приготовить квартиры, ибо нѣкоторое время долженъ я былъ остановиться, дабы отрядъ Генераль-Маіора Князя Мадатова могъ прибыть изъ Каракайдацкой области.

14-го Ноября пришелъ я въ Тарки, немедленно отправилъ приказаніе Генераль-Маіору Князю Мадатову прибыть съ войсками и всею Татарскою конницею въ селеніе Карабудагентъ, отъ Тарки въ 30 верстахъ, и, расположивъ оную, пріѣхать самому за приказаніемъ.

Начавшаяся дождливая погода вскорѣ перемѣнилась на весьма холодную, и нѣсколько дней непрерывно шедшій снѣгъ выпалъ въ такомъ количествѣ, что артиллерія и обозы были совершенно онымъ покрыты. Тѣсныя улицы города такъ завалены были, что прекращено было сообщеніе. Отрядъ Генераль-Маіора Князя Мадатова съ величайшими затрудненіями перешелъ изъ Каракайдака, испытавъ въ пути жестокія мятелы и холодъ.

Въ ожиданіи перемѣны погоды, пробылъ я въ Таркахъ 17 дней, между тѣмъ подвозился изъ Кизляра провіантъ, ибо находившійся въ запасѣ былъ уже большею частію въ расходѣ.

Акушинцамъ отправилъ я бумагу, коей требовалъ, чтобы они дали присягу на вѣрность подданства Императору, прислали лучшихъ фамилій аманатовъ, не давали у себя убѣжища неблагонамѣреннымъ и бѣглецамъ, возвратили имѣющихся у нихъ Русскихъ плѣнныхъ.

Объщалъ, если не согласятся, наказать оружіемъ и взять главный городъ, Акуша называемый. Жителямъ Провинціи Мехтулли, коихъ Акушинцы склоняли на свою сторону, послалъ я объявить, что если не останутся они покойными въ домахъ своихъ, разорю ихъ до основанія и плѣнныхъ отошлю въ Россію. Сія были въ ужаснѣйшемъ страхѣ, ибо участвовали въ возмущеніи измѣнника Аварскаго Хана, были въ сраженіи при Боутугаѣ и сопровождали брата его, когда сдѣлалъ онъ на Шамхала мападеніе.

Сей послѣдній, бывшій главною причиною безпокойствъ въ Дагестанѣ, не за долго предъ симъ умеръ. Его отравила прекрасная жена его, которой начиналъ онъ замѣчать распутство.

Къ Шамхалу прїѣзжали нѣкоторые изъ старшинъ Акушинскихъ подъ разными предлогами, но главное ихъ желаніе состояло въ томъ, чтобы узнать о числѣ войскъ нашихъ, и точно ли есть намѣреніе наше вступить въ ихъ землю. Всякій разъ бывали они у меня, и сего не могъ я скрывать отъ нихъ, разъ объявивши мое требованіе, которое, впрочемъ, почитали они за однѣ угрозы.

Шамхалъ имѣлъ между Акушинцами вѣрныхъ людей, и по тому зналъ обо всемъ, что между ими происходило, и о рѣшительномъ намѣреніи ихъ защищаться. Достоверно извѣстно было, что они, прїуготовляя всѣ свои силы, приглашаютъ сосѣдей.

Декабря 2-го числа собранные до 2 тыс. человекъ жители исправили дорогу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расчищали глубокій снѣгъ до самой земли, и я выступилъ въ селеніе Кумторкали, авангардъ вошелъ въ Мехтулинскую Провинцію. Все потребное для войскъ было въ готовности и повсюду совершенное спокойствіе. Погода стояла прекраснѣйшая противъ обыкновенной, и признака не было снѣга, хотя уже приближались мы къ горамъ.

Въ селеніи Шора соединилъ я всѣ войска, и отрядъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова прибылъ изъ Карабудагента. Не задолго передъ симъ Акушинцы довольно въ большихъ силахъ занимали гору Калантау, чрезъ которую лежитъ лучшая дорога въ ихъ владѣнія. Подъемъ, не менѣе шести верстъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайно крутой, затруднялъ входъ на гору; непріятель, съ удобностью защищая оный, могъ причинить намъ чувствительный уронъ; но мнѣ удалось посредствомъ Шамхала внушить Акушинцамъ, что они раздражатъ Русскихъ, занимая землю, принадлежащую Мехтулинской Провинціи, находящейся подъ ихъ покровительствомъ. Они оставили гору Калантау, и сіе не мало облегчило мои предпріятія.

Немедленно часть войскъ расположилъ я на вершинѣ горы, и не менѣе трехъ дней продолжался подъемъ на гору артиллеріи и сколько возможно меньшаго числа прочихъ тягостей. Все на-

добно было встаскивать волами; ибо, по крутизнѣ горы, лошади не могли быть употреблены безъ изнуренія.

Генераль-Маіоръ Князь Мадатовъ, съ четырьмя баталіонами пѣхоты и частію артиллеріи, расположился у селенія Урума, близъ границы Акушинской.

Селеніе сіе, принадлежащее Мехтулинцамъ, разорено было пребываніемъ войскъ Акушинскихъ.

Взятые въ проводники жители земли, не вѣря успѣху предпріятія нашего, посланному для обозрѣнія мѣстъ Подполковнику Верховскому, показывали, какъ бы въ насмѣшку, мѣста, гдѣ разбиты были войска Шахъ-Надира, дороги, по коимъ спасались они разсѣянныя. Таково было мнѣніе о могуществѣ Акушинскаго народа, и не мало удивляло всѣхъ появленіе наше въ сей странѣ.

Предмѣстники мои не имѣли такого количества войскъ, чтобы ити въ горы почти неприступныя, къ народамъ, славящимся воинственными способностями.

12-го числа Декабря Генераль-Маіоръ Князь Мадатовъ отгѣснилъ непріятельскіе передовые караулы и осмотрѣлъ имъ занимаемую не въ дальнемъ разстояніи позицію.

16 го числа пришелъ я съ остальными войсками къ селенію Урума, на другой день дѣлалъ обозрѣніе расположенія непріятельскихъ войскъ.

Примѣтны были многочисленныя толпы, занимающія обширное пространство по хребту довольно большихъ возвышеній, къ коимъ доступъ чрезвычайно былъ затруднителенъ по причинѣ крутизны и защищаемъ укрѣпленіями, изъ плитнаго камня построенными. Нельзя было ити по большой дорогѣ; ибо, по мѣрѣ приближенія къ позиціи, спускалась она въ глубокой и тѣсный оврагъ подъ самыми выстрѣлами.

Не возможно было при обозрѣніи видѣть всѣхъ силъ непріятельскихъ; ибо оныя частію скрывались за высотами; но замѣчено было болѣе десяти тысячъ человекъ, правое крыло позиціи прилегало къ рѣчкѣ, протекающей въ берегахъ чрезвычайно уте-

систыхъ, чрезъ которую переправа была неудобна, и по тому противоположный берегъ не былъ укрѣпленъ и только малыми охраняемъ караулами. Непріятельскіе стрѣлки встрѣтили насъ, не доходя далеко до позиціи, дабы воспрепятствовать обозрѣнію, перестрѣлка была ничтожная, я не приказалъ употребить артиллерію.

Со мною находился Шамхалъ, которому поручилъ я подъ начальство собранныхъ, по приказанію моему, Мехтулинцевъ, съ коими соединилъ онъ своихъ подвластныхъ. Не имѣлъ я ни малѣйшей надобности въ сей сволочи, но по тому приказалъ набрать оную, чтобы возродить за то вражду къ нимъ Акушинцевъ и поселить раздоръ, полезный на предбудущее время.

Въ лагерь нашъ пріѣзжали многіе изъ старшинъ Акушинскихъ съ разными переговорами, никогда не давая прямого на требованія мои отвѣта; вѣроятно, искали выиграть время, дабы умножить средства обороны; ибо усмотрѣно было, что работы производились, съ дѣятельностію. Или протянуть до ненастной погоды, которой, судя по позднему времени, ожидать надлежало, что могло имѣть весьма непріятныя для насъ послѣдствія. Примѣтно было, что старались они осмотрѣть наши войска, но изрытое мѣстоположеніе скрывало ихъ, и по недостатку дровъ мало весьма было огней на бивуакахъ, по чему также не могли они судить о количествѣ.

Не преставалъ я настоятельно требовать отвѣта, представляя, сколько упорство со стороны ихъ можетъ быть для нихъ пагубнымъ; но они не только не изъявляли, по гордости своей, ни какого согласія, напротивъ, присланные 18 числа старшины отвѣтствовали довольно дерзко, увѣряя, впрочемъ, что о настояніи моемъ разсуждаемо будетъ въ общемъ совѣтѣ, котораго рѣшеніе сообщать они мнѣ въ непродолжительномъ времени.

Таковы были отзывы ихъ и прежде, и чрезъ людей, посланныхъ отъ Шамхала, извѣстно было намъ, что ежедневно собираемый совѣтъ, по разности мнѣній, ни чего твердаго поставить не можетъ; что разсужденія многихъ благоразумнѣйшихъ изъ старшихъ остаются безъ вниманія; что молодые люди, наиболѣе имѣющіе вліянія на главнаго Кади, такъ же молодаго челоуѣка.

желаютъ непременно защищаться и народъ къ тому возбуждаютъ, представляя, что покорностію Русскимъ разрушатъ они воинственную свою славу и знаменитость между Дагестанскими народами.

Присланныхъ старшинъ приказалъ я, угощая вѣжливѣшимъ образомъ, задержать въ лагерѣ, и они не прежде отправились обратно, какъ около полуночи, а въ три часа за полночь выступили войска къ непріятельской позиціи, отстоящей не болѣе восьми верстъ. Ночь была мѣсячная и чрезвычайно ясная, но войска приблизились почти на пушечный выстрѣлъ, не будучи примѣченными. До разсвѣта устроились они въ боевой порядокъ, и пять баталіоновъ пѣхоты, подъ командою Генералъ-Маіора Князя Мадатова, спустиась глубокими рывницами къ рѣкѣ, перешли безпрепятственно на противный берегъ. Неосторожный непріятель не защищалъ переправы, и сіе одно уже могло ручаться за успѣхъ; движеніе сихъ войскъ въ гористомъ мѣстоположеніи долго не было примѣчено, и по тому прошли они довольно большое разстояніе, не будучи встрѣчены непріателемъ. Вскорѣ увидѣли мы, что изъ позиціи большія толпы послѣшно обратились противъ отряда Генералъ-Маіора Князя Мадатова и вдругъ загорѣлся сильный ружейный огонь. Въ сіе время войска, при коихъ я находился, выславъ стрѣлковъ, сбили передовые посты предъ главною позиціею, и батарейная артиллерія начала дѣйствовать на укрѣпленія. Но съ сей стороны менѣе опасался непріятель, ибо приближеніе къ укрѣпленіямъ было (какъ и выше сказано) чрезвычайно затруднительно. Шамхалъ, съ своими толпами занимавшій конечность праваго нашего фланга, имѣлъ перестрѣлку съ небольшими непріятельскими постами, по возвышеніямъ поставленными, и принудилъ ихъ къ отступленію.

Конечно, не съ сей стороны могли Акушинцы ожидать рѣшительнаго нападенія, но не менѣе отвлекало оно нѣкоторую часть силъ ихъ, и для насъ тѣмъ полезно было, что прикрывало расположеніемъ своимъ запасный нашъ паркъ и за войсками идущіе обозы.

Приспѣвшіе къ отряду Генералъ-Маіора Князя Мадатова шесть орудій устроились на продолженіи укрѣпленій, и рикошетная стрѣльба наносила вредъ полкамъ. 300 человекъ Линейныхъ Ка-

заковъ, опрокинувъ слабую непріятельскую конницу, заняли впереди большое пространство и высоту, съ которой могли легко спуститься къ дорогѣ въ тылу непріятеля. Пѣхота отряда Генераль-Маіора Князя Мадатова поддерживала Казаковъ стрѣлками, которые въ то же время начинали приближаться къ дорогѣ, угрожая овладѣть оною.

Въ позиціи непріятельской происходило величайшее смятеніе, и вскорѣ толпы бросились въ поспѣшнѣйшее бѣгство, такъ что изъ нѣкоторыхъ укрѣпленій, наиболѣе подверженныхъ дѣйствию артиллеріи, исчезли они мгновенно. Со стороны, гдѣ я находился, Татарская наша конница, набранная въ Ханствахъ, съ рѣшительностію ударивши на непріятеля, бѣгущаго по большой дорогѣ, изрубилъ нѣсколько человекъ и понудила его оставить дорогу. Съ частію войскъ начальникъ Корпуснаго Штаба, Генераль-Маіоръ Вельяминовъ, пошелъ поспѣшно за непріятелемъ, поддерживая Татарскую конницу, которую непріятель беспокоилъ съ горъ выстрѣлами. Пѣхота отряда Генераль-Маіора Князя Мадатова, переправясь обратно на нашъ берегъ рѣчки, съ нимъ соединилась, и селеніе Лаваша, лежащее въ верстахъ четырехъ отъ нашего расположенія, немедленно занято. Татарская конница и Казаки побѣдивъ сторонамъ рѣчки посланы впередъ преслѣдовать бѣгущихъ. Перекопанная во многихъ мѣстахъ большая дорога исправлена, и на ночлегъ при селеніи Лаваша пришла къ войскамъ вся артиллерія и обозы. Толпы Шамхаловой милиціи разсѣялись грабить ближайшія деревни.

Въ селеніи Лаваша захвачено нѣсколько жителей, которые не успѣли увести семействъ своихъ и для нихъ оставались.

Они рассказали намъ, что тутъ было во все время пребываніе главнаго Кади Акушинскаго и знатнѣйшихъ изъ старшинъ. Ежедневно собирались совѣщанія, и вчера еще увѣрены были жители, что Русскіе не придутъ; ибо, по малочисленности своей, сдѣлать нападеніе не осмѣливаются. Одинъ изъ бывшихъ въ лагерь нашемъ старшинъ, возвратясь, объявилъ, что насъ весьма не много и войска въ такомъ изнуренномъ состояніи, что противъ нихъ едва ли оружіе употребить достойно. По таковымъ извѣстіямъ жители во всѣхъ далѣе деревняхъ не вывозили се-

мействъ своихъ и имущества, и повсюду совершенное спокойствіе.

Тутъ узнали мы, что съ тремя тысячами человекъ находился единственный сынъ Сурхай-Хана Казыкумыцкаго; что на помощь Акушинцамъ приходили Койсубукинскіе народы и многія другія вольныя общества Дагестана, менѣе ихъ значительныя, и весьма правдоподобно было показаніе жителей, что всѣ вообще силы составляли болѣе двадцати тысячъ человекъ. Уцмей Каракайдацкій, извѣстный между здѣшними народами человекъ отличной храбрости, съ сыномъ своимъ, находился противъ войскъ лѣваго нашего крыла, и жители селенія Лаваша видѣли его, бѣжавшаго ранѣе прочихъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ бунтовавшій родной племянникъ и зять Шамхала. Шихъ-Али-Ханъ Дербентскій составлялъ главнѣйшую въ совѣщаніяхъ особу, но въ опасности не вдавался и въ бѣгствѣ не былъ изъ послѣднихъ. Аварскій Ханъ не былъ; изъ его подданныхъ приходили весьма не многіе.

Судя по твердости непріятельской позиціи, я рѣшался на довольно значительную потерю, и она, конечно, была бы таковою, если бы отрядъ Генераль-Маіора Князя Мадатова нашелъ сопротивленіе при переправѣ и были заняты трудныя мѣста, которыя прошелъ онъ безъ выстрѣла. Но тогда уже встрѣтилъ его непріятель, когда, воспользовшись мѣстоположеніемъ, могъ онъ развернуть свои силы и уже начиналъ обходить конечность праваго его крыла, послѣ чего вскорѣ укрѣпленія подверглись дѣйствию артиллеріи. Сраженіе вообще продолжалось около двухъ часовъ, непріятель не успѣлъ употребить четвертой части силъ своихъ, затрудненія въ переправѣ на правый берегъ рѣки не допустили обратить таковыхъ, которыя бы въ состояніи были остановить успѣхи Генераль-Маіора Князя Мадатова, коего рѣшительное и весьма быстрое движеніе было главнѣйшею причиною его бѣгства.

Потеря наша, вмѣстѣ съ Татарскою конницею, не превзошла пятидесяти человекъ, что, конечно, не покажется вѣроятнымъ.

Во весь переходъ 20 числа Декабря не видали мы непріятели; посланные въ развѣздъ партіи открыли, что жители изъ всѣхъ деревень вывозятъ въ горы свои семейства, угощаютъ стада. Кон-

ница наша взяла нѣсколько плѣнныхъ, отбила обозы и множество скота. Въ селеніяхъ находили имущество, которое жители спасти не успѣвали.

Приказано было истреблять селенія, и, между прочими, разоренъ прекраснѣйшій городокъ до 800 домовъ, Уллу-Айя называемый. Отсюда съ такою послѣдностію бѣжали жители, что оставлено нѣсколько грудныхъ ребятъ.

Разореніе нужно было, какъ памятникъ наказанія гордаго и ни кому доселѣ не покорствовавшего народа; нужно въ наставленіе прочимъ народамъ, на коихъ одни примѣры ужаса удобны положить обузданіе.

Многіе старшины деревень пришли просить помилованія; не только не тронуты деревни ихъ, ниже не позволено войскамъ приближаться къ онымъ, дабы не привести въ страхъ жителей. На поляхъ хлѣбъ ихъ, всѣ заведенія и стада ихъ остались неприкосновенными.

Великодушная пощада, которой не ожидали, истолковала Акушинскимъ народамъ, что одною покорностію могутъ снискать свое спасеніе, и уже многіе являлись съ увѣренностію, что они найдутъ снисхожденіе.

Посланныя партіи къ сторонѣ главнаго города Акуши, отстоящаго отъ ночлега нашего въ 15 верстахъ, замѣтили чрезвычайно большое стеченіе въ городѣ народа и движеніе необыкновенное, изъ чего можно было заключать, что жители приготавливаются къ защитѣ. По слухамъ зналъ я, что дорога, на разстояніи 6-ти верстъ къ городу, проходитъ весьма тѣсною ложиною и мѣстами, гдѣ непріятель можетъ нанести намъ большой уронъ, занимая окрестныя и во многихъ пунктахъ неприступныя высоты; что нѣтъ дороги, которою бы возможно было обойти оныя, и что, сверхъ того, самый городъ лежитъ въ самыхъ крѣпчайшихъ ущельяхъ, среди коихъ отдѣльившійся холмъ защищаетъ входъ въ нихъ на разстояніи не болѣе выстрѣла.

Отправивъ съ начальникомъ Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіоромъ Вельяминовымъ и Генералъ-Маіоромъ Княземъ Мадато-

вымъ, Казаковъ и Татарскую конницу до 1500 человекъ, приказъ я осмотрѣть окрестныя города мѣста, не вступая съ непріателемъ въ дѣло до прибытія пѣхоты, войскамъ приказано было выступить весьма рано. На пути встрѣченъ былъ я двумя изъ важнѣйшихъ старшинами, изъ коихъ одинъ былъ прежде главнымъ Кади. Они просили, чтобы одними сутками умедлилъ я приближеніе къ городу, и что, между тѣмъ, употребятъ они стараніе согласить жителей просить прощенія. На отвѣтъ, что могъ бы я повѣрить посланнымъ съ воли народа, но тогда не было бы ихъ двое, они же не предлагаютъ отъ имени его, но собственное свое стараніе, и по тому на однихъ подобныхъ обѣщаніяхъ не могу я остановить моихъ предпріятій, и войска продолжали маршъ свой. Старшины уѣхали. Начальникъ Корпуснаго Штаба прислалъ сказать, что безпрепятственно дошли они до города и оный, найдя оставленнымъ жителями его, заняли. Вскорѣ пришелъ я съ войскомъ и расположился въ городѣ. Всѣ окрестныя горы наполнены были спасающимися жителями съ ихъ семействами и имуществомъ; я запретилъ ихъ преслѣдовать, хотя, разсѣянными и объятными ужасомъ, легко можно было овладѣть ими.

Въ городѣ нашли мы нѣсколько хлѣба и ничего болѣе.

Къ Шамхалу явились знакомые ему люди и посредствомъ ихъ вызваны многіе изъ знатнѣйшихъ старшинъ, а вскорѣ и самъ главный Кади, который весьма боялся явиться, будучи причиною своевольства Акушинцевъ и слѣдуя внушеніямъ вредныхъ намъ людей, которыхъ принималъ всегда съ особеннымъ дружелюбіемъ и оказывалъ имъ помощь.

Наконецъ начали появляться жители и водворяться по прежнему. Въ лагерь приходили женщины отыскивать грудныхъ ребятъ своихъ, которыхъ солдаты сберегали. Одному изъ знатнѣйшихъ старшинъ возвращена молодая дочь его, которую во время плѣна ея содержали съ должнымъ уваженіемъ. Въ городѣ разорить приказалъ я нѣсколько домовъ, принадлежащихъ друзьямъ бѣглеца Шихъ-Али-Хана и участвовавшихъ съ нимъ во всѣхъ вредныхъ замыслахъ его противъ насъ. Войскамъ доставленъ былъ провіантъ, въ которомъ начинали они нуждаться.

Собравшіеся жители и главнѣйшіе изъ старшинъ всѣхъ селеній приведены были къ присягѣ на подданство Императору въ великолѣпной городской мечети, войска были подъ ружьемъ и сдѣланъ 101 выстрѣлъ изъ пушекъ.

Я назначилъ главнымъ Кадіемъ, бывшаго въ семъ званіи не за долго прежде и добровольно сложившаго оное, старика, извѣстнаго кроткими свойствами и благонамѣренностію, и выборъ мой былъ принятъ Акушинцами съ удовольствіемъ. Отъ знатнѣйшихъ фамилій приказалъ я взять 24 аманата, и назначилъ имъ пребываніе въ Дербентъ. Наложена дань ежегодная, совершенно ничтожная, единственно въ доказательство ихъ зависимости. Они обязались никого не терпѣть у себя изъ людей, Правительству вредныхъ, были признательны за пощаду и видѣли, что отъ меня зависѣло нанести имъ величайшія бѣдствія. Мигъ, при выраженіяхъ весьма лестныхъ, поднесена жителями сабля, въ знакъ особеннаго уваженія.

Многимъ изъ отличнѣйшихъ людей, въ особенности пяти Кадіемъ, начальствующимъ въ Магалахъ или Округахъ, роздалъ я приличные подарки; нѣкоторыхъ, потерпѣвшихъ разореніе, надѣлилъ скотомъ, отбитымъ во множествѣ.

Во время пребыванія въ Акушѣ явился, бунтовавшій, зять Шамхала и нѣкоторые Беки, сопровождавшіе въ бѣгствѣ Шихъ-Али-Хана, прося о помилованіи и позволеніи возвратиться на родину, и получили прощеніе.

Нѣсколькихъ Магаловъ жители Казыкумыцкіе, недовольные поступками Сурхай-Хана, пришли съ жалобою на него и просили, чтобы я ихъ отдалъ подъ покровительство Полковника Асланъ-Хана Кюринскаго, которому они и присягнули въ покорности. Асланъ-Ханъ съ самаго начала военныхъ дѣйствій находился съ своими войсками при отрядѣ Генералъ-Маіора Князя Мадатова въ Табассаранской и Каракайдацкой Провинціяхъ и при мнѣ, въ Акушѣ. Ему, за непоколебимую вѣрность и усердіе Государю, обѣщалъ я Казыкумыцкое владѣніе и достоинство Хана въ непродолжительномъ времени.

Въ Акушѣ съ достовѣрностію узналъ я о связяхъ Сурхай-Хана Казыкумыцкаго и Мустафы Хана Ширванскаго съ Дагеста

номъ, и о стараніяхъ ихъ возмущать оный противъ насъ, думая, что тѣмъ обратятъ на себя большое уваженіе Правительства, изъ опасенія, что они могутъ участвовать въ намѣреніяхъ народовъ Дагестанскихъ. Изъ захваченныхъ письменныхъ дѣлъ главнаго Кади открылись тайныя дѣйствія многихъ другихъ измѣнниковъ и злодѣевъ, и въ особенности Уцмея Каракайдацкаго и Хана Аварскаго. Мать сего послѣдняго, имѣвши двухъ своихъ дочерей въ замужствѣ за Шамхаломъ, просила письмомъ Акушинскаго Кади, чтобы онъ старался схватить Шамхала и доставилъ бы ей удовольствие напитаться его крови. Какія нѣжныя чувства женщины и великодушная попечительность о зятѣ!

Тутъ же бѣжавшій отъ Шихъ-Али-Хана казначей, долго при немъ служившій, сказывалъ, какія и когда пособія деньгами, или въ вещахъ, доставляла ему Персія и въ какихъ еще въ недавнемъ времени находился онъ сношеніяхъ съ Наслѣдникомъ Аббасъ-Мирзою. Что почасту скудны бывали сіи пособія; что недоставало на содержаніе, и онъ принужденъ былъ войти въ долги и находится въ бѣднѣйшемъ положеніи, ибо потеряна надежда, чтобы когда ни будь заплатить оныя Персія согласилась. Съ начала бѣгства Шихъ-Али-Ханъ имѣлъ при себѣ довольно многочисленную свиту, желая тѣмъ придать себѣ болѣе важности, и сіе требовало отъ него большихъ издержекъ и наконецъ и послѣднія средства его истощило.

26 числа Декабря выступилъ я изъ Акуши обратно, сопровождаемъ поставленнымъ мною главнымъ Кадіемъ и всѣми почетнѣйшими старшинами, которыхъ и отпустилъ я съ перваго моего ночлега.

Провинція Акушинская имѣетъ жителей не менѣе пятнадцати тысячъ семействъ, лежитъ вся вообще въ мѣстахъ гористыхъ, среди коихъ заключаются не весьма обширныя, но прекрасныя, долины. Земля оной весьма плодородна и обработана съ чрезвычайнымъ тщаніемъ, нѣтъ малѣйшаго пространства невоздѣланнаго; cadaго поселянина участокъ отдѣленъ межою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произрастаютъ хорошіе лѣса, но рѣкъ весьма мало. Селенія всѣ обстроены опрятно, дома содержатся съ особенною чистотою, которая примѣтна на самыхъ дворахъ и гумнахъ. Жители

главного города, по близости отъ онаго, имѣють загородныя дома или хутора.

Отличительныя народа свойства есть добронравіе и кротость. Къ воровству нѣтъ склонности ни малѣйшей, праздность почитается порокомъ и ободряется трудолюбіе. Но начинается вселяться развратъ, отъ употребленія горячихъ напитковъ, къ которымъ большое имѣють пристрастіе. Доселѣ роскошнѣйшимъ служить казенное наше вино, и развѣ спасетъ ихъ то, что Вице-Губернаторы продають вмѣсто водки воду!..

27 числа Декабря отпустилъ я въ дома набранную въ Ханствахъ Татарскую конницу; отрядъ войскъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова отправился въ Дербентъ и Кубу по квартирамъ.

Отъ Генералъ-Маіора Барона Вреде, командующаго въ Кубинской Провинціи, получилъ извѣстіе, что Сурхай-Ханъ Казыкумыцкій съ войсками, въ числѣ не менѣе 5, или 6, т., атаковалъ Чирагское укрѣпленіе. Командующій въ ономъ двумя весьма не комплектными ротами, Троицкаго пѣхотнаго полка Штабсъ-Капитанъ Овечкинъ, защищаясь отчаянно, два раза отражалъ штурмовавшія толпы, но, не взирая на понесенный уронъ, непріятель упорствовалъ въ намѣреніи взять укрѣпленіе, приступилъ къ заготовленію лѣстницъ и, можетъ быть, наконецъ преодолѣлъ бы ужасною несообразностию силъ; ибо находившаяся въ укрѣпленіи артиллерія, по причинѣ возвышенія своего, не могла вредить непріятелю до самаго его приближенія, и одна сторона довольно удобна была для приступа. Но внезапное извѣстіе о занятіи войсками нашими Акуши, въ такой привело ужасъ Сурхай-Хана, что не только онъ бѣжалъ и толпы его мгновенно разсѣялись, но послалъ даже въ городъ Казыкумыкъ приказаніе, чтобы семейство его удалилось въ горы. Онъ ожидалъ, что измѣна его не будетъ оставлена безъ наказанія.

При нападеніи на Чирагъ случилось слѣдующее примѣчательное происшествіе. Вигъ укрѣпленія, въ близкомъ разстояніи, находилась мечеть, обращенная въ провіантскій магазинъ; непріятель хотѣлъ занять оную, ибо чрезъ то легче могъ подойти къ укрѣпленію. Одинъ молодой Офицеръ, защищавшійся въ мечети до по-

слѣдней крайности, видя наконецъ, что удержать ее не въ состояніи, отпустилъ въ укрѣпленіе свою команду, самъ съ четырьмя человѣками лучшихъ стрѣлковъ, запасшись большимъ количествомъ патроновъ, засѣлъ въ минаретѣ при мечети и, производя величайшій вредъ толпившемуся непріятелю, не допускалъ его приблизиться къ укрѣпленію. Не иначе могъ преодолѣть непріятель сего безстрашнаго Офицера и его товарищей, какъ подкопавши основаніе минарета и опрокинувъ оный на землю. Офицеру и солдатамъ предложено было сдаться, но они отвѣтствовали на то выстрѣлами. По свѣдѣніямъ, собраннымъ послѣ, непріятель одними убитыми имѣлъ до пятидесяти человѣкъ въ продолженіи полутора сутокъ ихъ защиты. Въ виду укрѣпленія были они, уже мертвые, изрублены въ мелкія части.

Прибывши 1-го числа Генваря въ селеніе Параулъ, Мехтулинской Провинціи, далъ отдыхъ войскамъ, расположивъ ихъ въ селеніяхъ по квартирамъ. Послѣ чего вскорѣ началась зима, и весьма жестокая. Я назначилъ войска, которыя, подъ командою Подполковника Квартирмейстерской части, Верховскаго, должны были остаться здѣсь на зиму. На счетъ земли учредилъ снабженіе ихъ фуражемъ и дровами, перевозку провіанта изъ магазиновъ Кизиларскаго и Дербентскаго обратилъ въ повинность Мехтулинцамъ и жителямъ Табассарана. Отрядъ войскъ сихъ обязанъ былъ наблюдать за поведеніемъ Акушинцевъ и чтобы они не могли мстить народамъ, намъ содѣйствовавшимъ.

Шамхалу, дающему собою примѣръ постоянной вѣрности Императору, способствовавшему намъ всѣми зависящими отъ него средствами, въ награду за усердіе, Высочайшимъ именованъ Государя, далъ я въ Мехтулинской Провинціи въ потомственное владѣніе не менѣе 2500 семействъ, что составитъ, по крайней мѣрѣ, 10 тыс. душъ, и снабдилъ его грамотою. Въ остальныхъ деревняхъ учредилъ Науба (правителя отъ Русскаго начальства), въ пользу двухъ малолѣтнихъ дѣтей умершаго Гассанъ-Хана, брата измѣнника Хана Аварскаго, которыхъ отправилъ я въ Россію вмѣстѣ съ бабкою ихъ, тою злою и гнусною старухою, которой переписка захвачена была въ Акушѣ.

Нѣкоторыхъ изъ старшинъ Мехтулинскихъ и владѣльца селенія Каферкумыцкаго, возбуждавшихъ въ послѣдніе два года всѣ

мятежи и безпокойства, участвовавшихъ во всѣхъ предпріятіяхъ Аварскаго Хана и его брата, въ особенности злобствовавшихъ на Шамхала, за его приверженность Русскимъ, отправилъ въ Кизляръ и приказалъ нѣкоторыхъ повѣсить, дабы безпокойные сосѣди Кавказской Губерніи знали, что и въ Дагестанъ простирается власть наша, и тщетны ихъ на него надежды!

Желая осмотрѣть округъ Гамры-Езень, отправился я чрезъ оный, и 17 Генваря приѣхалъ въ Дербентъ, гдѣ нужно было мнѣ видѣть крѣпость, которую, не знаю по чему, снѣшилъ Инженерный Департаментъ приводить въ оборонительное положеніе. Я нашелъ, что крѣпость имѣетъ одно достоинство древности, но что бесполезно укрѣплять, или исправлять, оную, ибо часть возвышенная оной, или цитадель, слишкомъ тѣсна для вмѣщенія малаго даже гарнизона, вся же вообще крѣпость потребовала бы весьма значительный расходъ. Въ общемъ мнѣніи долгое время Дербентъ почитаемъ былъ непреодолимою твердынею, преграждающею путь отъ стороны Россіи. Могъ онъ казаться намъ таковымъ, пока земля была намъ неизвѣстна, но по чему такъ разумѣли о немъ древніе, когда довольно удобно обойти его, и если точно существовала стѣна, проходившая по горамъ, то не возможно, по крайней мѣрѣ, употребить повсюду равныя для защиты оной средства.

Въ Дербентѣ явился ко мнѣ, возвратившійся изъ Хивы, гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитанъ Муравьевъ. Съ нимъ приѣхали два посланца отъ Хивинскаго Хана, съ которыми желалъ я вступить въ сношеніе. Они представили мнѣ пышныя письма Хана и ничтожныя подарки. Я приказалъ имъ отправиться въ Тифлисъ, гдѣ должны они были прожить зиму и весною возвратиться въ отечество. Сколько ни мало благосклоненъ былъ пріемъ, сдѣланный въ Хивѣ Муравьеву, посланцы доказывали, однако же, уваженіе Хана къ Россійскому Правительству, и я имѣлъ надежду на успѣхъ въ моемъ намѣреніи.

Въ Дербентѣ съ удовольствіемъ взглянулъ я на развалины одной башни, гдѣ 24 года тому назадъ устроена была брешъ-батарея, которою командовалъ я, будучи артиллеріи Капитаномъ. Въ положеніи моемъ не могъ я быть равнодушнымъ къ воспоми-

нанію, и если бы не хотѣлъ признаться, никто не повѣритъ, чтобы не льстило оно честолюбію.

Во время пребыванія моего въ Дербентѣ одинъ изъ Бековъ сдѣлалъ доносъ на многихъ, находящихся въ сношеніяхъ съ Шихъ-Али-Ханомъ и помогающихъ ему деньгами и вещами.... получаютъ въ возвратъ отъ Персидскаго Правительства, отъѣзжая туда не рѣдко тайнымъ образомъ съ получаемыми отъ него свидѣтельствами въ принятіи пособія.

Доноситель зналъ все обстоятельно, ибо самъ долгое время былъ ихъ товарищемъ. Мошенники были большею частію пришлецы съ разныхъ странъ, не уроженцы земли и люди, производящіе лучшей въ городѣ торгъ. Они уличены были, и не могли оправдаться. Я, въ страхъ другимъ, приказалъ произвести надъ ними военный судъ. Полезно было разсвѣтъ сіе гнѣздо владыкъ, чрезъ которыхъ Персія имѣла вѣрное сношеніе съ Дагестаномъ. Примѣръ такового изысканія произвелъ большой страхъ и слѣдствія для Правительства выгодныя.

Изъ Дербента въ Кизляръ пріѣхалъ я 12-го числа Февраля, съ намѣреніемъ отправиться въ С.-Петербургъ, на что имѣлъ уже я позволеніе.

Въ Кизлярѣ удержанъ я былъ множествомъ дѣлъ, собственно до Кавказской Губерніи относящихся; былъ потомъ въ Георгіевскѣ и на минеральныхъ водахъ, гдѣ, осмотрѣвъ временныя ванны, по распоряженію моему вновь построенныя, приказалъ составить архитектурные проекты для всѣхъ необходимыхъ зданій. На сей предметъ выпрошенъ мною былъ весьма искусный архитекторъ, и предварительно имѣлъ уже я увѣдомленіе, что, по партикулярному письму моему, Государю показанному, обѣщаны были деньги, и о томъ сообщено мнѣ офиціально дежурнымъ Генераломъ Главнаго Штаба, что Государь жалуетъ деньги для возведенія зданій.

Но извѣстію, полученному отъ командующаго въ Грузіи, Генералъ-Лейтенанта Вельяминова 1-го, что приказаніе мое исполнено и Митрополиты изъ Имеретіи вывезены, отложилъ я намѣреніе ѣхать въ С.-Петербургъ, напротивъ успѣшилъ возвратиться

въ Тифлисъ, ибо ожидалъ, что въ Имеретіи приблизѣдутъ безпокойства.

Въ бытность мою на Линіи, командиръ 43-го егерскаго полка, Полковникъ Грековъ, дѣлалъ экспедицію къ Чеченцамъ: войска прочистили дорогу чрезъ урочище Ханъ-Кале и прорубили вновь дорогу на Гребенчуцкую поляну, на коей расположена деревня сего же имени, извѣстная какъ убѣжище главнѣйшихъ въ Чечнѣ разбойниковъ. Полковнику Грекову старались Чеченцы дѣлать возможныя препятствія, но онъ, пріобыкши совершенно къ ихъ образу войны, повсюду преодолѣлъ оныя, и дѣло кончилось нѣсколькими весьма неважными перестрѣлками.

Въ Тифлисъ прибылъ, ни кѣмъ не ожидаемый, 23-го числа Февраля. Всѣ думали, что уѣхалъ я въ Россію.

По собраніи подробнѣйшихъ свѣдѣній о бывшихъ въ прошедшемъ году въ Имеретіи безпокойствахъ, легко замѣтилъ я, сколько, по слабости своей и нерѣшительности, неспособенъ командовать въ семъ краю Правитель Имеретіи, Генераль-Маіоръ Курнатовскій, и я предложилъ ему оставить службу. Находясь долгое весьма время на Кавказской Линіи, гдѣ много разъ отличился онъ храбростію, по представленію моему былъ онъ опредѣленъ въ сію должность.

Его рекомендовали мнѣ особенно хорошо. По увольненіи, мѣсто его приказалъ я занять командиру 44 егерскаго полка, Полковнику Пузыревскому, Офицеру отличнаго усердія, расторопному и дѣятельному. Служа два года въ той странѣ, зналъ онъ всѣ обстоятельства и жителей оной; знали также, что никто скорѣе его смиритъ своевольствъ не въ состояніи.

Одинъ изъ родственниковъ Гурійскаго владѣтельнаго Кнзя, дядя его родной, Кнзь Койхосро Гурьель, человекъ, извѣстный непокорностію своею Правительству, явно приверженный Туркамъ и съ ними имѣющій вредныя для Правительства связи, не исполнивъ одного изъ распоряженій, сдѣланныхъ Полковникомъ Пузыревскимъ, зналъ, что не только не оставитъ онъ осужденія не наказаннымъ, но можетъ еще открыть злодѣянія его, удался изъ дома своего, гдѣ боялся быть захваченнымъ, скрывался въ гѣ-

сахъ и подговорилъ людей, которые бы убили Полковника Пузыревскаго.

Вскорѣ представился удобный случай для произведенія сего злодѣяніи. Полковникъ Пузыревскій, обозрѣвая Грузію, заѣхалъ въ жилище сего Князя, и узнавъ, что онъ находится не въ дальнемъ разстояніи, желалъ видѣться съ однимъ изъ друзей его, который, такъ же будучи замѣченъ человѣкомъ неблагонамѣреннымъ, имѣлъ тогда у него свое пребываніе. Въ проѣздъ чрезъ лѣсъ, въ сопровожденіи одного Офицера, переводчика и одного Казака, встрѣтился онъ съ нѣсколькими Гурійцами, и когда спрашивалъ ихъ, гдѣ ихъ Князь, сдѣланы по немъ ружейные выстрѣлы; однимъ изъ нихъ онъ убитъ на мѣстѣ, такъ же убитъ и Казакъ, Офицеръ и переводчикъ схвачены и увлечены. Конвойная весьма небольшая команда, которой приказалъ Полковникъ Пузыревскій оставаться назади, не смѣя ити въ лѣсъ, гдѣ слышны были выстрѣлы, возвратилась.

Старшій военный въ Имеретіи начальникъ, Мингрельскаго пѣхотнаго полка командиръ, Подполковникъ Згорѣльскій, собралъ тотчасъ отрядъ войскъ и вступилъ въ Гурію, въ которой мятежники собрались въ нѣсколькихъ силахъ. Худо сдѣлавши распоряженія свои и, какъ послѣ узналъ я, не будучи весьма храбрымъ человѣкомъ, при первыхъ ничтожныхъ препятствіяхъ, потерявши въ одной перестрѣлкѣ нѣсколько человѣкъ, не смѣлъ ити далѣе и возвратился. Сіе ободрило мятежниковъ, и не только усилились оныя въ Гуріи, но водворился мятежъ и въ Имеретіи. Невѣжественное и самое подлое духовенство, паче же родственники вывезенныхъ Митрополитовъ, старались умножить оныя. Многіе изъ дворянъ были участниками, а главнѣйшій виновникъ всѣхъ беспорядковъ, нѣкто Князь Абашидзе, подкрѣпивъ шайки мятежниковъ нѣсколькими сотнями жителей Ахалцыхскаго Пашалыка, заставилъ провозглашать себя Царемъ Имеретійскимъ. Мать его, ехидная старуха, отъ Царской фамиліи происходящая, обширныя имѣющая связи, мною ему способствовала. Отыскался и одинъ Царевичъ, котораго Правительство не удалило въ Россію, по причинѣ совершенно скотоподобной его глупости, и сей такъ же нашелъ людей, которые вѣрили, что произойдетъ переменна въ управленіи, и дуракъ Царевичъ получилъ большое на оное влія-

ніе. Всѣ недовольные соединились, явились повсюду шайки вооруженнаго народа, прервалось сообщеніе съ Грузією. Мингрелія, одна нѣкоторое время пребывши спокойною, послѣдовала на конецъ общему движенію. Владѣтельный Князь, Генераль-Маіоръ Дадіанъ, остался непоколебимымъ въ вѣрности, но родной братъ его, съ ребячества въ Россіи воспитанный въ Пажескомъ Корпусѣ и служачій Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскомъ полку Офицеромъ, получивъ отпускъ для свиданія съ родственниками, завелъ вражду съ братомъ, и симъ не будучи воздерживаемъ въ поведеніи, проводя жизнь въ праздности, развратился до такой степени, что искалъ убить брата, въ намѣреніи сдѣлаться вмѣсто него владѣтелемъ, наконецъ слѣдуя внушеніямъ одного изъ ближайшихъ родственниковъ, молодого человѣка самыхъ гнуснѣйшихъ наклонностей, съ которымъ вступилъ онъ въ тѣснѣйшія связи дружбы, имѣлъ онъ тайныя сношенія съ мятежниками Гуріи и взбунтовалъ противъ Русскихъ. Собравъ шайку, напалъ онъ на команду, препровождавшую транспортъ съ порохомъ и свинцомъ, изъ Редутъ-Кале отправленный, но, по горячей доволно перестрѣлкѣ, отбить оною, успѣвши, однако же, схватить приставшія двѣ повозки. Въ другомъ случаѣ захватилъ онъ провіантскаго Коммиссіонера, посланнаго съ небольшою суммою денегъ, но въюки, въ коихъ оная сумма уложена была, спасена расторопностію Казаковъ конвойной команды. Владѣтельный Князь, составивъ немедленно часть войскъ своихъ, преслѣдовалъ взбунтовавшаго брата, который скрылся въ горы, взятаго Коммиссіонера вскорѣ доставилъ къ начальству.

О убійствѣ Полковника Пузыревскаго узнавъ я 17 Апрѣля, немедленно въ должность Правителя Имеретіи опредѣлилъ командира 41 егерскаго полка, Полковника Князя Горчакова, Офицера храбраго, расторопнаго и хорошихъ способностей.

Для наказанія мятежниковъ отправилъ начальника Корпуснаго Штаба, Генераль-Маіора Вельяминова, которому поручено стараться истребить убійць. или, по крайней мѣрѣ, жестокое преслѣдованіе оныхъ оставить памятникомъ въ землѣ злодѣйскій. Войска Донскаго Генераль-Маіора Власова 3-го послалъ на дорогу между Кутайсомъ и Карталинією, дабы обезпечено было сообщеніе. Приказалъ баталіонамъ: Херсонскаго гренадерскаго, 7-го карабъвер-

наго и Тифлисскаго пѣхотнаго полковъ немедленно туда слѣдовать; хотѣлъ я отложить дѣйствія до осени, когда поросшая ужасными лѣсами земля можетъ представлять болѣе удобствъ для движенія войскъ, а мятежникамъ менѣе средствъ укрывать семейства свои и имущества, когда переставшіе жары лѣтнаго времени не будутъ разсѣвать между войсками убійственныя болѣзни, но медлить до того времени было уже не возможно, ибо изъ нѣкоторыхъ округовъ начальники должны были выѣхать, и власть Правительства прекратилась. Во многихъ мѣстахъ сдѣлали мятежники нападеніе на посты наши, прервали между ними сообщеніе, и нѣкоторымъ изъ нихъ, по малочисленности ихъ, надлежало уже дать помощь, дабы не впади въ руки злодѣевъ. Сверхъ того, люди намъ приверженные и своимъ обязанностямъ не измѣнившіе, угрожаемы были мятежниками, что разорять ихъ, если не будутъ участвовать въ ихъ предпріятіяхъ, чего тѣмъ болѣе они опасались, что уже были примѣры, что нѣкоторые принуждены къ тому силою, противящіеся же наказаны истребленіемъ домовъ и лишеніемъ имущества.

Войска наши должны были дать имъ защиту, приспѣть въ помощь къ разбросаннымъ нашимъ войскамъ, и такъ начались дѣйствія въ самое знойное и нездоровое время, и число въ войскахъ большихъ умножалось до чрезвычайной степени. Полковникъ Князь Горчаковъ вошелъ съ отрядомъ въ Рачинскій округъ, извѣстный гористымъ и твердымъ своимъ мѣстоположеніемъ, разсѣялъ мятежниковъ съ большимъ для нихъ урономъ.

Многіе изъ жителей, представивъ ему оружіе, вошли въ свои жилища и спокойно занялись домашними своими работами. Селенія, лежащія не далеко отъ хребта Кавказа, не повиновались его распоряженіямъ, но онъ достигъ до нихъ и жестокимъ наказаніемъ привелъ въ послушаніе. Другой небольшою отрядъ разбилъ шайку Царевича Давыда, онъ былъ убитъ, жена и дѣти взяты въ плѣнъ. Генералъ-Маіоръ Власовъ 3-й стѣснилъ въ, такъ называемомъ, Ханскомъ ущельѣ измѣнника Князя Абашидзе, который, истощивъ всѣ способы на содержаніе пришедшихъ изъ Ахалциха Турокъ, обольщалъ ихъ обнадѣживаніемъ, что введетъ ихъ въ Имеретію и ее предастъ имъ на разграбленіе. Видя войска наши, потеряли Турки надежду на успѣхъ, возвратились въ

свои границы; небольшое число Имеретинъ, бывшихъ при немъ, разсѣялись, и онъ самъ, боясь, чтобы оставшіеся, уразумѣвъ, въ какомъ они находились бѣдственномъ положеніи, не вздумали, выдавъ его Русскому начальнику, снискать себѣ прощенье, бѣжали въ Ахалцыхъ.

Въ непродолжительное время Имеретія приведена была въ совершенное спокойствіе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже составлена была милиція и она ходила съ нашими войсками. Многие изъ главныхъ виновниковъ мятежа схвачены, нѣкоторые сосланы, имѣнія конфискованы въ казну, и мужики въ восхищеніи были, когда объявлено имъ, что они помѣщикамъ своимъ болѣе принадлежать не будутъ.

Послѣ сего начальникъ Корпуснаго Штаба отправился съ войскомъ въ Гурію. Мятежники до того напали на постъ нашъ въ Чехтаури, состоящій изъ 70 рядовыхъ при Офицерѣ, который, раненъ будучи, взятъ въ плѣнъ, потеря изъ нижнихъ чиновъ простиралась до 30 человекъ, прочіе возвратились. Убійца Полковника Пузыревскаго, собравъ сколько можно людей, приготовлялся защищаться. Въ замкѣ его, Шамокмети называемомъ, находился гарнизонъ.

Владѣтельный Князь хотя желалъ прекращенія безпокойствъ въ землѣ его, но ни малыхъ не употреблялъ къ тому средствъ. Хотя нельзя было упрекнуть его ни однимъ неблагонамѣреннымъ поступкомъ, но окружающіе его, и между ими многіе извѣстные худыми свойствами и довольно явно благопріятствующіе измѣнникамъ, внушали ему недоувѣрчивость къ Правительству и боязнь наказанія за происшедшіе безпорядки. Къ начальнику Штаба онъ не являлся, отзываясь разными вымышленными извиненіями, и сношеніе происходило чрезъ пересылаемыхъ чиновниковъ, иногда пріѣзжалъ онъ близко къ лагерю и предлагалъ свиданіе, дѣлая условіе въ количествѣ людей, которые со стороны начальника Корпуснаго Штаба должны сопровождать его при свиданіи. Я, наконецъ, писалъ къ нему, что если бы Правительство имѣло причины быть имъ недовольнымъ, или бы не желало сохранить его въ достоинствѣ владѣтельнаго Князя, укрывательство не спасетъ его: что достаточно имѣ одного слова, и онъ земли своей не увидитъ.

Обидажилъ его въ милости Государя, и что начальнику войскъ приказано оказывать ему всякую помощь и во всемъ охранять его выгоды.

Сперва пріѣхала жена его, которую прислалъ онъ, вѣроятно, желая испытать, какъ принята будетъ. Оказанное ей уваженіе и вѣжливость дали ему понятіе, что онъ не имѣетъ причины опасаться, и онъ самъ пріѣхалъ въ скоромъ времени и увѣрился въ намѣреніяхъ начальства. Онъ вспомоствовалъ войскамъ доставленіемъ провіанта и своихъ войскъ нѣсколько сотъ человекъ просилъ присоединить къ нимъ, въ чемъ, впрочемъ, не было ни какой нужды.

Не далъ я ему чувствовать, что переимѣну въ поведеніи его отношу я не дѣйствию письма моего, но рѣшительнымъ успѣхамъ оружія противъ мятежниковъ. Примѣтно весьма было, что онъ выжидалъ, какой дѣла примутъ оборотъ, и позволительна была нѣкоторая ненадѣянность послѣ неудачныхъ распоряженій Подполковника Згорѣльскаго.

Подполковникъ Згорѣльскій мною представленъ былъ въ командиры полка, ибо не могъ я не имѣть о немъ отличныхъ мыслей, нашедши его дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ корпуса, въ каковомъ званіи, конечно, выгодно бы было предмѣстнику моему имѣть человека способнаго. Не долженъ я былъ сомнѣваться въ храбрости его, ибо на Подполковникѣ видѣлъ С.-го Вадимира 3-й степени, и оказанный имъ подвигъ описанъ былъ великолѣпнымъ образомъ.

Генералъ-Маіоръ Вельяминовъ вступилъ въ имѣніе убійцы, атаковалъ замокъ его, Шамокмети. Въ лѣсахъ почти не проходимыхъ, на скалѣ утесистой и только съ одной стороны приступной, стоитъ сіе убѣжище злодѣя, но и въ ономъ, не почитая себя довольно въ безопасности, онъ не ожидалъ войскъ нашихъ, заблаговременно удалился въ лѣса. Войска съ величайшею трудностію встали два орудія, но столько тѣсно было окружающее замокъ мѣсто, что вмѣстѣ ихъ поставить нельзя было, и не иначе, какъ въ ближайшемъ разстояніи.

Мятежники со стѣнъ съ большимъ вредомъ производили ружейный огонь, но въ близи дѣйствующая артиллерія немедленно

отбѣла ворота и, они спустиась въ отверстіе, сокрытое прилегающимъ къ замку лѣсомъ, спаслись бѣгствомъ. Не было проводника, которому бы извѣстна была сія сокрытая тропинка, а стрѣлки наши хотя уже и начинали со стороны оной занимать лѣсъ, но не успѣли овладѣть оною. Мятежники понесли незначительный уронъ, но приобрѣтеніе замка по тому было важнымъ, что оный почитался въ Гуріи мѣстомъ непреодолимымъ, и жители смотрѣли, какой успѣхъ будетъ войскъ нашихъ. Самые приверженные къ намъ думали, что войска, встрѣтивъ затрудненіе, отступятъ. Неблагонамѣренные утѣшались, что неудача съ нашей стороны будетъ сигналомъ къ всеобщему возмущенію Грузіи.

Замокъ истребленъ былъ до основанія, одна только оставлена церковь. Полковнику Пузыревскому, въ близкомъ разстояніи оттуда застрѣленному, построена гробница. Владѣтельный Князь представилъ самаго убійцу, молодато весьма человѣка, который, по сдѣланномъ имъ признаніи, что подговоренъ былъ на то Койхосромъ Гуріеломъ, заганъ на самомъ мѣстѣ преступленія до смерти.

Начальникъ Корпуснаго Штаба, вышедши обратно изъ лѣсовъ, расположилъ войска лагеремъ, откуда посылаемые отряды преслѣдовали мятежниковъ въ разныхъ направленіяхъ, и они, скрываясь повсюду, въ мѣстахъ самыхъ неприступныхъ, нигдѣ не могли сыскать убѣжища. Койхосро Гуріель бѣжалъ въ Турцію и нѣкоторые главнѣйшіе изъ злодѣевъ, прочіе разсѣлились и вскорѣ мятежъ прекращенъ былъ совершенно. Бунтующія селенія были разорены и сожжены, сады и виноградники вырублены до корня и чрезъ многіе года не придутъ измѣнники въ перво-бытное состояніе. Нищета крайняя будетъ ихъ казню.

Лишеніе жизни опредѣлено наказаніемъ тому, кто приметъ къ сабѣ, или не объявитъ о появленіи изъ Турціи разбойничковъ.

Въ Мингрелію не нужно было посылать войскъ, ибо скрывавшійся въ горахъ братъ владѣтеля не могъ собрать большой шайки, и уже до окончанія въ Гуріи безпокойствъ бѣжалъ въ Турецкую крѣпость Поты, вмѣстѣ съ родственникомъ его, который вовлекъ его въ измѣну и вскорѣ тамъ умеръ. Владѣтель внимательно наблюдалъ за нимъ, повсюду выставлены караулы, и онъ

собственными войсками способствоваѣ доставленію провіанта отъ Редутъ-Кале и по рѣкѣ Ріонѣ.

Въ Имеретіи, между тѣмъ, подъ руководствомъ военного начальства, приводились въ извѣстность принадлежащія церкви имущества, и все исполнилось съ наилучшимъ порядкомъ, къ чему Митрополитъ Теофилактъ, безъ посредства военной власти, не могъ склонить ни какими средствами. Описаніе имуществъ производилось однимъ изъ Епископовъ Имеретинскихъ, который, принадлежа къ знатной фамиліи, имѣлъ обширныя связи, и чрезъ него удобно было внушить Князьямъ и Дворянству, что Правительство весьма далеко отъ намѣренія присвоить ихъ собственность. Онъ дѣйствоваѣ съ усердіемъ, ибо старался загладить вину свою, какъ имѣвшій нѣкоторое съ мятежниками согласіе, чего доказательства были въ рукахъ моихъ.

Наказывая неоднократно измѣны Сурхай-Хана Казыкумыцкаго, злобнѣйшаго изъ враговъ нашихъ и содѣйствовавшаго въ прошедшемъ году Акушинцамъ, коего войска приходили имъ въ помощь и въ то же время осаждали Чирацкое укрѣпленіе, отправилъ я въ Кубу Генераль-Маіора Князя Мадатова и, тамъ составивъ отрядъ войскъ, долженствующій поступить подъ его команду, приказалъ съ нимъ войти въ Казыкумыцкое Ханство, стараться наказать жестоко измѣнника и, буде особенныхъ не встрѣтятся препятствій, взять главный городъ.

Полковнику Асланъ-Хану Кюринскому приказано собрать свои войска; къ нимъ присоединены набранныя въ Табассаранской Провинціи и конница отъ Ханствъ, и всѣ они поступили въ составъ отряда, назначеннаго къ дѣйствию.

Генераль-Маіоръ Князь Мадатовъ вступилъ по направленію отъ укрѣпленія Чирагъ, ибо нѣтъ другой удобнѣйшей дороги въ Казыкумыцкое Ханство. Гористое и чрезвычайно возвышенное мѣстоположеніе давало возможность совершить сіе предпріятіе въ лѣтнее время, не опасаясь отъ жаровъ худыхъ послѣдствій. Сурхай-Ханъ Казыкумыцкій, зная о приуготовленіи войскъ, съ своей стороны, предпріемля всѣ мѣры обороны, пригласилъ въ помощь себя сосѣднія общества вольнаго народа и, собравъ всѣ силы у се-

ленія Хозрекъ, сдѣлавъ въ окрестности онаго нѣсколько отдѣльных укрѣпленій. Были мѣста, извѣстныя твердостію и трудныя къ преодолѣнію или, по крайней мѣрѣ, съ большимъ весьма урономъ, но не хотѣлъ Сурхай-Ханъ удалиться внутрь земли, ибо тогда многія деревни и болѣе населенная часть Ханства доставались въ руки наши. Асланъ-Ханъ Кюринскій, непримиримый врагъ его, могъ воспользоваться сильными связями, которыя имѣлъ онъ между жителей, и сіи, боясь разоренія, оставили бы Сурхай-Хана и, конечно, изгнали бы его изъ главнаго города.

Генераль-Маіоръ Князь Мадатовъ, не доходя не много до Хозрека, увидѣлъ непріятельскую конницу, которая, расположась на возвышеніи близъ дороги, имѣла оную подъ выстрѣлами. Часть Татарской конницы нашей тотчасъ вступила въ дѣло, но приведена была въ безпорядокъ, прислѣванная же пѣхота отгнѣснла непріятели и открыла дорогу всему отряду. Пройдя непродолжительное дефиле, войскамъ нашимъ представились непріятельскіе окопы и всѣ силы. Окопы прилежали къ горѣ довольно утѣстой, и вершина оной занята была большими толпами. Тамъ былъ особый лагерь стражи Сурхай-Хана, который не любилъ подвергаться опасности и весьма часто прежде оной заботился о средствахъ вѣрнаго отступленія.

Атаку укрѣпленій распорядилъ Генераль-Маіоръ Князь Мадатовъ въ трехъ пунктахъ. Оной предшествовала сильная канонада, которая произвела въ непріятели примѣтное замѣшательство. Конница его, бывшая впереди, усилилась пѣхотою, вышедшею изъ окоповъ, составляла значительныя толпы, и Генераль-Маіоръ Князь Мадатовъ долженъ былъ употребить противъ нихъ особенную часть войскъ; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ бросились они въ бѣгство, конница проскакала чрезъ селеніе, послѣдшне спасаясь, выстѣ съ нею наша Татарская конница успѣла захватить часть селенія. Изъ нѣкоторыхъ укрѣпленій атакующія колонны наши встрѣчены были сильнымъ огнемъ, но оный не остановилъ ихъ. Укрѣпленія взяты штыками безъ выстрѣла. Въ одномъ изъ нихъ сопротивлявшійся непріятели, въ числѣ 180 человекъ, вырѣзанъ до послѣдняго. Повсюду проиикшія войска наши грозили отрѣзать у нихъ отступленіе.

Когда же увидѣлъ непріятель, что вся конница наша и часть Татарской иѣхоты обратились на единственную дорогу, по которой могъ онъ надѣяться отойти безпрепятственно, тогда всѣ толпы въ величайшемъ замѣшательствѣ, не помышляя болѣе о защитѣ, бросились въ стремительнѣйшее бѣгство къ той утесистой горѣ, которая находилась позади укрѣпленій. Тѣсныя тропинки не могли вмѣщать вдругъ всего множества, стрѣлки наши преслѣдовали бѣгущихъ, нанося имъ чувствительный вредъ. Умножила бѣдствія ихъ приспѣвшая артиллерія, которая, расположась при подошвѣ горы, по отлогости оной, усѣянной спасающимися, производила картечные выстрѣлы.

Сурхай-Ханъ бѣжалъ при самомъ началѣ атаки на укрѣпленія, и войска его остались безъ начальника. За нимъ послѣдовало весьма малое число приверженцевъ; всѣ, спасшіеся отъ пораженія, разсѣялись въ разныя стороны.

Непріятель потерялъ убитыми и ранеными не менѣе пяти сотъ человекъ, весь лагерь и одиннадцать знаменъ, въ плѣнъ взято шесть сотъ три человека. Кромѣ сихъ, взяты многіе Татарскими нашими войсками, но оныя, по отобраніи у нихъ оружія, давали имъ свободу. Съ нашей стороны потеря Русскихъ войскъ убитыми и ранеными не вrostиралась свыше шестидесяти человекъ, въ Татарскихъ войскахъ восемьдесятъ четыре человека. Въ числѣ убитыхъ лишились мы Маіора Гасанъ-Аги, извѣстнаго отличною храбростію, брата роднаго Асланъ-Хана. Онъ, въ виду войскъ нашихъ, съ частію конницы, подскакавъ на ближайшее разстояніе къ укрѣпленіямъ, спѣшился и пошелъ на штурмъ, гдѣ и погибъ вскорѣ.

Сраженіе происходило 12-го числа Іюня; никогда Дагестанъ не испыталъ подобнаго пораженія; войска Русскія въ первый разъ появились въ мѣстахъ сихъ.

15 числа Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ занялъ безъ всякаго сопротивленія главный городъ Казыкумыкъ, въ немъ найдено 9-ть пушекъ и 3 мортиры, оставленныя нѣкогда Шахъ-Надиромъ при покореніи онаго. Жители Ханства приведены къ присягѣ на вѣрное подданство Императору; Полковникъ Асланъ-Ханъ

Кюринскій объявленъ Ханомъ Казыкумыцкимъ. Народъ обложенъ податью самою ничтожною, единственно въ знакъ зависимости. Сурхай-Ханъ изгнанъ изъ предѣловъ Ханства; надана прокламация, что гнусный сей измѣнникъ и никто изъ роду его тершимъ Правительствомъ Россійскимъ не будутъ. На счетъ народонаселенія Казыкумыцкаго Ханства мнѣнія весьма различны. Нѣкоторые почитаютъ оное не свыше 9 тыс. семействъ, другіе простираютъ его до 12 тыс. Большая часть селеній лежитъ въ гористыхъ мѣстахъ и хлѣбопашество имѣеть весьма скудное. Пастбищами изобилуютъ обширными и превосходнѣйшаго качества, на коихъ въ лѣтнее время собирается скотоводство всѣхъ окрестныхъ народовъ. Съ однихъ пасущихся барановъ, собирая по пяти съ каждой сотни, Ханъ получаетъ отъ 12 до 13 тысячъ барановъ.

Во многихъ мѣстахъ Ханства не производится посѣва хлѣба, ибо оный, по чрезвычайной возвышенности положенія земли, не вызрѣваетъ, и по тому ежегодно значительное количество хлѣба ввозится изъ Кюринскаго Ханства.

Назначивъ Асланъ-Хану пребываніе въ Казыкумыкѣ, приказано ему преслѣдовать всѣми средствами измѣнника Сурлай-Хана; Кюринское Ханство, которымъ до сего управлялъ Асланъ-Ханъ, оставилъ я въ прежнемъ своемъ составѣ, не присоединяя къ Ханству Казыкумыцкому, и назначилъ, чтобы въ немъ былъ особенный Намбъ. Сіе раздѣленіе полезно въ томъ случаѣ, если бы Ханъ задумалъ выйти изъ послушанія: всегда будетъ кто ни будь изъ родственниковъ его служить съ усердіемъ, чтобы имѣть въ управленіи Ханство, коего жители, приобыкши къ особому управленію, далеки будутъ отъ единодушія съ прочими.

Общество Кубиченцевъ, извѣстное искуснымъ издѣліемъ оружія, приняло такъ же присягу на вѣрность и обложено податью. Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ возвратился съ отрядомъ, и войска отпущены въ ихъ квартиры.

Акушинцы въ дѣйствіяхъ Сурхай-Хана не приняли ни какого участія, сколько ни старался онъ возбудить ихъ. Они похвальнымъ образомъ сохранили свои обязанности и тогда, какъ со стороны нашей совершенно ничего не могли опасаться; ибо отрядъ

войскъ подъ командою Полковника Верховскаго, занимавшій змѣнѣ квартиры въ Мехтулинскомъ Округѣ, которому приказано было наблюдать за поведеніемъ ихъ, выступилъ оттуда еще въ Апрель мѣсяцѣ, и даже ни одного человѣка не оставалось во всѣхъ владѣніяхъ Шамхала Тарковскаго.

Полковникъ Верховской съ войсками обращенъ былъ къ построенію въ бывшей Калчалыцкой деревнѣ, называемой Горячевской (Истису), укрѣпленія на 300 человѣкъ гарнизона, дабы сколько возможно препятствовать набѣгамъ Чеченцовъ на земли Аксаевскаго владѣнія и къ городу Кизлярю. Войска сіи были нѣсколько усилены, и Командующій на Кавказской Линіи, Генералъ-Маіоръ Сталь 2-й, находился съ ними въ лагерѣ. Чеченцы, часто появляясь въ силахъ, атакуя передовые посты и угрожая сдѣлать нападеніе на табунъ и сѣнокосы, старались препятствовать работамъ. Не рѣдко происходили сшибки, и одна весьма горячая, въ которой Лянейные Казаки наши, несравненно менѣе числомъ, оказали особенную неустрашимость. Въ продолженіи работъ не имѣлъ непріятель ни малѣйшаго успѣха. Укрѣпленіе къ осеннему времени было совершенно кончено и на первый случай необходимыя жилища; наименованіе получила Неотступнаго стана; оттуда войска перешли къ селенію Аксай, и небольшую деревню Герзели-Ауль, лежащую противъ онаго, обратили въ укрѣпленный постъ, гдѣ и расположилась одна рота 43 егерскаго полка, для охраненія Аксаея отъ безпокойствъ, которыя безпрестанно наносили ему живущіе вблизи Чеченцы.

Бывшій Ханъ Казыкумыцкій, чувствуя болѣе и болѣе стѣсненное его положеніе, вознамѣрился бѣжать въ Персію. Дезгинны Чарскаго общества взялись проводить его скрытными дорогами, и онъ, выѣхавъ изъ горъ съ сыномъ и малою весьма свитою, нѣсколько дней проживалъ въ лѣсу близъ селенія Алмалы, въ надеждѣ переправиться чрезъ Куру у деревни Самуха, но, боясь расположенныхъ по правому берегу карауловъ, рѣшился ѣхать чрезъ Ханство зятя его, Генералъ-Лейтенанта Мустафы Ширванскаго.

Комендантъ города Нухи, услышавъ о бѣгствѣ Сурхай-Хана, выслалъ партію Татарской конницы, дабы схватить его, если вознамѣрится взять путь свой чрезъ Шекинскую Провинцію. Спа-

стись ему совершенно было не возможно, но падаетъ подозрѣніе, что способствовалъ ему Султанъ Елисеуйскій, по женѣ своей родственникъ ему близкій, а послѣ дознано, что высланные съ конницею Шекинскіе старшины, зная, по которой дорогѣ онъ проѣзжаегъ, съ намѣреніемъ отправились совершенно по другой, дабы ему не воспрештствовать. Такимъ образомъ въ длину всей Провинціи безопасно проѣхалъ онъ въ Ширванское Ханство и, въ близкомъ отъ главнаго города разстояніи, былъ, по приказанію Мустафы-Хана, принятъ однимъ изъ преданныхъ ему Бековъ. Мустафа съ вѣрными своими людьми отправился должно быть за Куру и далѣе въ Персію. Обо всемъ тотчасъ дано было мнѣ знать, но Мустафа-Ханъ, оправдываясь, что, совершенно не зная о проѣздѣ Сурхай-Хана, не преставаеъ увѣрять въ преданности его и вѣрности Государю. Не имѣлъ я доказательствъ къ изобличенію его до того, какъ потребовалъ отъ Султана Елисеуйскаго, чтобы немедленно прислалъ находящагося у него прислужника Мустафы-Хана, которому всѣ дѣла его и тайны были извѣстны. Сей открылъ всѣ его злодѣйства, связи въ Дагестанѣ и средства, которыми возбуждалъ оный—сношенія съ Персією, куда весьма часто посылаемы были отъ него чиновники къ Аббасъ-Мирзѣ и принимаемы отъ него пріѣзжающіе. Описалъ дружескія связи его съ Сурхай-Ханомъ и что посредствомъ его раздражаетъ противъ насъ Акушинцевъ, съ каковыми порученіями самъ ѣздилъ неоднократно; что всѣмъ неблагонамѣренныхъ и вредныхъ Правительству людей принимаетъ всегда дружественно и во всѣхъ злыхъ совѣщаніяхъ непременно участвуетъ. Мустафа-Ханъ, узнавши о захваченіи его прислужника, не сомнѣвался, что, отъ боязни наказанія, можетъ онъ открыть его поступки, началъ приготавливать лошадей и выюки, и все означало намѣреніе побѣга. Состоявшему при немъ Офицеру въ званіи Пристава подарилъ онъ деньги, чтобы не дѣлалъ о томъ мнѣ донесенія, который немедленно обо всемъ увѣдомилъ. Мустафа-Ханъ, чрезъ откупщика рыбныхъ промысловъ, величайшаго изъ мошенниковъ, Надворнаго Совѣтника Иванова, прислалъ письма ко всѣмъ своимъ знакомымъ, особенно при нѣмъ служащимъ чиновникамъ и переводчикамъ, поручая имъ не падать ни денегъ, ни подарковъ, а меня увѣрять, что онъ ни въ чемъ участія не имѣетъ; что о проѣздѣ Сурхай-Хана не зналъ и предъ симъ задолго прервалъ съ нимъ всякія связи; что хотять злодѣи его

повредить ему клеветой, будто умышляетъ онъ бѣжать въ Персію. Съ Армяниномъ Ивановымъ пріѣхалъ Секретарь его (Мурза Агмедъ), имѣя тысячу червонцевъ на подарки при первомъ случаѣ, въ моеѣ Канцеляріи, Иванову же поручено было, по надобности, занять на имя его большія суммы. Деньги тысячу червонцевъ приказалъ я Полицеймейстеру и Коменданту взять въ казну и, вмѣсто отвѣта на письма Мустафы-Хана, доставленныя ко мнѣ чрезъ нарочныхъ трехъ чиновниковъ, приказалъ я командующему въ Кубѣ, Генералъ-Маіору Барону Вреде, отправить въ Ширвань два баталіона пѣхоты и артиллеріи форсированнымъ маршемъ, и туда поспѣшнѣйшимъ образомъ послалъ войска Донскаго Генералъ-Маіора Власова 3-го съ 800 человеками Казаковъ, дабы отнять средства къ побѣгу и, буде можно, схватить Мустафу-Хана. О движеніи войскъ былъ онъ предувѣдомленъ, но съ такою быстротою шли Казаки, что едва успѣлъ онъ переправиться за рѣку Куру, какъ они появились на берегу. Одинъ изъ Бековъ, имѣвшихъ на него вражду, собравъ людей, догналъ у переправы часть его вьюковъ и отбилъ нѣсколько оныхъ. Мустафа стрѣлялъ на него съ другой стороны рѣки.

Два, или три, часа замедлѣнія, и онъ былъ бы въ рукахъ Казаковъ! Но о успѣшности его можно судить по тому, что онъ оставилъ двухъ меньшихъ своихъ дочерей, изъ коихъ одну, грудную, нашли задавленную между разбросанныхъ сундуковъ и пожитковъ.

Изъ предосторожности назначилъ я въ Ширвань войска, полагая, что Мустафа можетъ собрать большое число приверженцевъ и вздумаетъ защищаться въ гористой части Ханства, но ему сошутствовали нѣкоторые изъ ближайшихъ родственниковъ и малое весьма число Бековъ, прислужниковъ; при всѣхъ вообще было съ небольшимъ триста человекъ. Всѣ прочіе оставались совершенно покойными и какъ будто никогда не бывало Хана въ Ширвани.

Генералъ Маіору Князю Мадатову и Правителю Канцеляріи моеѣ, Статскому Совѣтнику Могилевскому, препоручено сдѣлать описаніе Провинціи и доходовъ, казны принадлежащихъ. Жители приведены къ присягѣ на подданство, учрежденъ городской судъ. Главный городъ Провинціи, по неудобству гористаго мѣстополо-

женія, которымъ жители были чрезвычайно недовольны и гдѣ Мустафа-Ханъ жилъ, вопреки желанія всѣхъ, по тому только, что почиталъ себя въ безопасности, переведенъ въ старую Шемаху, нѣкогда бывшую обширнымъ городомъ и коего остатки свидѣтельствуя о его нѣкогда великолѣпнн.

Дочь маленькую, оставленную Мустафою-Ханомъ, приказалъ я отправить къ нему, снабдивъ ее приличною одеждою и составивъ ей свиту изъ прежнихъ Ханскихъ прислужниковъ. Жены бѣжавшихъ съ Ханомъ родственниковъ и нѣкоторыхъ изъ Бековъ также отосланы. Имъ позволено взять движимое ихъ имѣніе и пристойную прислугу. Поступокъ сей удивилъ Персіянъ, ибо въ подобныхъ случаяхъ, если не всегда преслѣдуютъ они родственниковъ бѣжавшаго, то, по крайней мѣрѣ, отнимаютъ все ихъ имущество. Мустафа-Ханъ тронутъ былъ до слезъ возвращеніемъ дочери отъ любимой изъ всѣхъ женъ своихъ, и я имѣлъ благовидной предлогъ избавиться многихъ бесполезныхъ людей, которые, оставаясь у насъ, конечно, имѣли бы съ бѣжавшими тайныя сношенія.

Въ Ширванской Провинціи расположенъ одинъ баталіонъ пѣхоты съ четырьмя орудіями артиллеріи и малымъ числомъ Казаковъ. Изъ обывательской конницы составлены караулы на Муханской степи и по лѣвому берегу рѣки Куры, дабы Мустафа-Ханъ, живущій недалеко въ пограничной Персидской Провинціи, не могъ предпринять чего ни будь для Ширвани вреднаго. Между тѣмъ, по усмиреніи мятежа въ Имеретіи и Грузіи, войска начали возвращаться къ своимъ мѣстамъ.

Владѣтель Мингреліи представилъ брата своего, который явился къ нему изъ Турецкой крѣпости Потн. По важности преступленія, я отправилъ его въ гарнизоны Сибирскаго корпуса, донесъ Императору, что рѣшился сіе сдѣлать по тому, что не смѣю почитать измѣнника достойнымъ служить въ Гвардіи при лицѣ Его. Въ послѣдствіи распоряженіе мое утверждено.

Чарскаго Общества селеніе Алмалы, близъ коего укрывался Сурхай-Ханъ при побѣгѣ въ Персію, приказалъ я наказать, что исполнено собранными въ Шекинской Провинціи конницею и пѣхотою, безъ всякой помощи Русскихъ войскъ. Послѣ небольшой перестрѣлки, селеніе было сожжено и разграблено.

Ш

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

VI.

Четь-Минея Домакарьевскаго состава Московской Патриаршей (Синодальной) Библиотеки, полууставомъ съ листъ, XVI вѣка, Апрель, на 790 л., № 91, л. обор. 170 — 180.

И чо́и же днь́ сло́во похв́ало на п́амѣ гѣ́нѣмъ и
пресла́внымъ оу́чителѣ́ словенскоу́ азы́къ, свѣткѡ́рше-
ма, пиомены́ емъ́ и прелѡ́жьшема но́выи́ и кетхы́и
зако́нъ къ азы́къ ихъ, вл́же́нномъ кири́лоу́ і архіе́ппу
панѡ́ньскъ меа́шдію. вл́кі́ шѣе.

Бгоу́ и спсѣ́ на́шемъ, іс хр́тъ, мно́гимъ и незреу́емымъ у́клолю-
кѣсмъ, помнѡва́шъ рѡ́ у́лѣу́скыи, и не терпачъ стъ́заніа своѣ́го
лѣстїю́ діавѡлею́ ѡдѣр́жѣма, и неложи́ себе къ смире́нїе ко́лно, и
кѣнлѡ́рца ѡ́ стѡ́го дѣ́а и ѡ́ прѣ́тыа и ѡ́ сла́вныа вѣ́а, и съ
у́лкъ пожи́ке, и съѡб́раженъ бѣ́въ тѣ́лесе на́шемъ, ѡ́свди́ грѣ́ плѡ́-
тїю́ своѣю́, да ѡ́мра́ющїа о́ а́дамъ, ѡ́ хѣ́ ѡ́живоу́тъ. тѣ́ бѡ́ е́сть
миръ на́шъ створѣ́и и ѡ́боа́ е́дино прѣѡ́граженїе ѡ́градѣ́ разрѣши́,
крѣ́томъ оу́бѣ́въ краждѣ́, и перѡе́нецъ бѣ́въ и́з мѣ́ртыхъ, собою́
наста́валъ рѡ́́ у́лѣу́ на неистѡ́нныи поу́тъ. кшѣ́ же на нѣ́са, съде́ 10
ѡ́ десѣ́нїю прѣ́таа велн́у́ствїа на кысо́кыхъ, за́повѣ́ давѣ́ и́скоу́снъ
рѡ́дѣ́ у́лѣу́, хотѣ́и в послѣ́днѡа́ времена прѣ́ити свѣ́ити жѣ́вѣ́ и мѣ́р-
тымъ́ і въздѡ́ти ко́мъждо́ по дѣ́лѡ́ е́го, ꙗ́ко прѡ́веде́тъ свѣ́и. не
хо́щет бѡ́ смѣ́рти грѣ́шникъ, но ѡ́бра́щенїю́ е́го и пока́нїю, ꙗ́ще

наипаче прилежитъ на злобѣ кожѣ улькѣ. не ѡстивентъ бѣ създана своего млтнвыи бгъ, ни забы дѣла ркыи скоею, но на кааждо лета и времена нзбра мѣжа, и мѣи дѣла ихъ и подбиги людемъ, да быша, тымъ подобѣшеса, живѣ вьзумыи ѡбрѣли. и по тѣхъ
 5 прркы, по пррцѣхъ же аплы, и по аплѣхъ мученикы и правемыи мѣжа и оутла. еже са и зѣмьсть в сѣмыи кѣкъ нашѣ. рѣша бѣ ѡни славпн прозрѣ, глаоуѣи оуслышати слово книжное. и кси възглають разлнчныи шзыкы велнчїа бжїа.

Бжѣ же к селючнствѣмъ градѣ моужь нѣкыи, именовѣмъ аевѣ, улькѣ
 10 непороченъ, истинненъ и бгѡутѣць. ѡгрѣбѣаса ѡ всѣкыа злобыи и исполнаѣ вса заповѣди бжїа, ѡкѣ іѡвѣ. живыи въ брѡтости и говѣнии, седморѡденъ ѡбрѣтеса, ѡко же іѡвѣ. ѡ нѣкомъ же и прркѣ глеть. блаженъ мѣ, боанса гѣ, в заповѣдехъ его възхошеть глѡ. снано на земли боудѣ сѣма его, родѣ праведныхъ закнѣт-
 15 са. слава и бѡгагѣство в домѣ его, правда его пребывѣеть въ кѣкъ вѣка. ис того бѣ корене възстаѣа нзрѣднѣ двѣ лѣторасли свѣтозарнѣ, блгословенъ плѡ на севѣи нѡсаца, житїѣ непорѡчно ѡ юности имоуща. преимѡсть бѣ севѣ, ѡко и сестрѣ сътворѣша, тою оукрасиѣа и днїю и оумѣ, любовїю и кѣрою, дрвгъ дрвга бѣ
 20 преснѣваѣа, мрѡстїю же цвѣтѣщѣ прѣно, ѡко цвѣтець блгѡюханныи. родѣ сынѣ мнїи блаженныи константїнѣ, а оумѡмъ и добродѣтелїи кыспѣ възлетѣа, ѡкѣ ѡрѣль дхѡвныиа крылоа, ти бгѡзарнымъ свѣтомъ оума просвѣщѣ сн. съсоу нзбрѣнѣ стѡмѣ дхѣ, и тѣмъ скѣтѣаса ксѣмъ оуученїемъ философьскымъ, несквдноѣ съкрокнѣ
 25 ѡбрѣтеса. ѡкѣ бѣ истѡчникъ всю исполнаѣ вселѣннїю, напои жадныа словесе бжїа, ѡко же рече самъ гѣ бгъ нашѣ, їс хсѣ. вѣрванѣ в мѣ, ѡкѣ кнїгы рѣша, ркыи ѡ урева его потекоутъ вѡды живыи, си рѣ, дароке животвѡращаго дхѣ. тѣи бѣ възкнпѣ в немъ, нздѣа оустнама его и всю вселѣннїю славо възвесели, слово разсѣм
 30 коѣмъждѡ шзыкы прѡтнвѣ своѣмъ рѣзумѣ. бжѣ бѣ емѣ дѣнѣ дѣрѣ дхѡвныи шзыкы глати, ѡко и аплѣ. старѣишнїи же его братѣ, преблженныи мѣѡдїѣ, нзмаада житїнскїа сѣмы науатѣ прїимѣти. мрѡстїю бѣ, ѡко цвѣтѣ блгѡюханенѣ цвѣтыи, ксѣмн клѣкнми бѣ

люкнѣмъ. въ кесѣдахъ бѣ шмо солѡмонъ вѣлашеса, днѣныа прѣтѣа и
 показанїа и въпрашанїа нзносѣ и(хъ) сѣрунаго села, и на савѣжѣ
 ксѣмъ оубѣднѣ, яко и крѣплатъ ѡбрѣташеса, и на вѣинѣ яко и
 самсонъ ѡбрѣташеса, и гѣдеомъ, и їсхъ мапѣитъ: страшентъ вѣла-
 шесл. тѣмъ и вѣсѣбѣдскы сѣпъ прїемъ, повѣсть в. нѣ: малѡ, и ра-
 зумивъ мнѡгоматѣжныи сѣи сѣвѣтъ, яко сѣпъ преходѣщъ неподез-
 меню, паѣе же гнѣ саѡко, яко и страхъ къ сѣрцѣ си прїимъ, ккѡ
 ретѣ: каа поага єсть уаѣхъ, аще весь мїръ прїѡбрѣщентъ, а днѣхъ
 свою ѡтщентѣ, аи погубѣнтъ; аи утѡ дасть уаѣхъ нзмѣноу на днѣи
 своєи; премѣникъ же зѣмнымн нѣмаа, крѣмейна бѣ ѡметѣа ѡ себе, 10
 презра, вѣ вѣуныа подкнѣгнѣса, и шѣдъ къ алнѣмъ, пострѣжеса к
 терѣныа рїемъ, уаа прїатн вѣлоу и метѣннѣхъ аггѣхъ ѡдѣждѣ. и бѣ
 повннѣзаса ксѣмъ, с покорѣнїемъ и смнрѣнїемъ, въ бѣднїи и мѣтѣхъ,
 въ стѣженїи и сѣвженїи, въ нзрѣднѣ пощѣнїи, къ трезвѣнїи всег-
 да, въ ѡушнѣнїи дхѡкнѣмъ, въ нааунъ баагѣ, ѡ ѡтїю нѣстоуннѣа 15
 нспнцнѣа, яко рѣкѣ, и тою ѡмывааше все тѣлѡ свое, паѡскаго
 покѡа не вѣднѣ ѡноудѣ, какъ єсть, нѡ на ксѣкѣхъ нѡщѣ стоа ѡ за-
 хода слнѣа до вѣсходащѣа, не даа сна ѡуныа своѣма, нн вѣжде-
 ма си дрѣманїа, нн покѡа брѡбма своѣма, поубѣааса въ фалѣмѣхъ
 и пѣннѣхъ и рѣснѣхъ дхѡкнѣмъ, сподвнзѣаса постнгноути жнїїа 20
 стѣхъ ѡїѣ. ѡѣи прѣспнѣ крѡтостїю и молуанїемъ, а дрѣгма по-
 стѡ и бѣднїемъ нзрѣдно, и тѣко нменнѣтъ бысть къ всѣхъ ѡїѣхъ,
 подѡбѣмъ вѣанѣкомѣ арсенїю, и антонїю, и сѣкѣ, всѣхъ же жнїїа
 собою сѣвершѣа. мѣтнѣкн же бѣгъ, вндѣвъ и в тоаиѣцѣ трѣдѣ пре-
 бывающѣа, вѣожнѣ въ сѣрцѣ брѣтнн, иже, вндѣвшѣ подвнгъ єго нз- 25
 радѣнъ на сѣвжѣхъ бѣїю, дрѣгъ къ дрѣгѣ днѣваахѣса и прѣсла-
 вѣаахѣ бѣа, дающаго багѣ свѣше троубающнмса єго радн, дѡндѣ
 патрїархъ оубѣснша подвнгъ єго. вѣдннша и постѣвннн мнтрополн-
 та къ утнѣ мѣстѣ, и не могнѣ єго к томъ прнѣвдннн, постѣвннша
 и нгѣмена в монастырн, иже нарицѣтса нменемъ полнхронъ, в немъ 30
 же баше ѡїѣ сѣмьдѣсѣтъ. и по то са ємъ, прѣбываашѣ, яко и кес-
 паѡтѣмъ, в мѣтѣхъ, ксѣмъ прѣно ксауьскы, дѣлѣмъ кса прѣѡбрѣлѣ.
 и стѣма бѣ кннѣгы ѡ таковою вѣннїютъ, похѣаано глїоуца прѣмѣрѣстн

дрѣвнѣи възшрѣтса, и въ прѣрѣствѣиїи поживете. новѣсти мѣжъ имѣ-
 нитѣи съхранѣте, и въ нѣзвѣтѣи иритѣумныхъ нѣздѣте. посреда велѣ-
 можъ послѣужите, и прѣ нѣгоумены мѣкѣтса. по земли тѣждѣи
 нѣзвѣтъи пройдете, добро и хѣо въ уѣцѣи нѣскѣшема видѣта. сѣце свое
 5 дѣста оуѣтрѣне бѣти къ гдѣу, сътворѣшемы вы, и прѣдѣи вѣмѣнныи по-
 моли́стася. и ѡбѣрѣзѣста оуѣста своѣа въ мѣткѣи, и ѡ грѣсѣхѣи своѣхѣи
 помолѣстася. ѡце же бѣтъ въскѣщѣте велѣнкѣи, развѣмѣаго дѣха на-
 по́лнитса. тои бѣо потоунѣтъ гдѣи и мѣрѣсть єю, и въ мѣткѣи нѣсво-
 вѣдѣстася гѣи. тѣ бѣо авѣнтѣ казѣнѣи и оуѣнѣи єю, и бѣ законѣи
 10 закѣта гдѣа похва́лѣстася. късхва́латѣ єю развѣи мнози, и до вѣка
 не потрѣвѣтса и не ѡствѣпѣтъ єю, и нѣма єю живѣтъ вѣ рѣдѣи и рѣ-
 ды. мѣрѣсть єю повѣдатѣ нѣзвѣщѣи, и похва́лоу єю иновѣстьи цѣркѣи, бѣи
 же бѣста крѣпка посѣбѣнѣка и неди́жѣма столпа, ѡсловѣма на тѣсѣр-
 дѣи кѣмѣни вѣры, послѣдѣствоваѣша пѣрѣкоѡцѣи и патри́архѣи,
 15 кѣрою и подкѣнѣгомѣ дѣѣнѣа нѣхѣ и тѣрѣды собою кои́уваѣющѣа, ѡко
 и велѣнкѣи патри́архѣи авѣраѣмѣи, прѣдѣдѣ хѣи, вѣрою прѣсѣлѣнѣи
 бѣи и прише́нѣи вѣ земли тѣждѣи, дроу́гѣи бѣи на рѣуѣса, и закѣи
 ѡбрѣзѣнѣи ѡ бѣа прѣи́нѣи, вѣрою ѡцѣи многи́и нѣзвѣкѣи на рѣуѣса.

Стѣа же стѣа и прѣсла́внаѣа ѡиѣа и оуѣнѣтѣа, тою же кѣрою оуѣ-
 20 кра́ишѣса, тѣ же дѣтели сконѣуѣста. прѣсѣлѣнѣка бѣо бѣста ѡуѣствѣи
 своѣго и прише́лѣца на землю тѣждѣи. законѣи ѡ бѣа прѣи́нѣи, не
 своѣмоу плѣмѣни, ѡко же авѣраѣмѣи, но нѣзвѣщѣи, иже не развѣмѣа-
 ше десѣнѣца своѣѣа, ии шоу́нѣца, но єи же са прѣи́кѣнѣхѣ, тѣ тоиоу
 са порѣвоѣще, клѣназдѣоуѣса, ѡко бѣоу, тѣари въ тѣсѣрѣца мѣсто. за-
 25 кѣтѣи не ѡбрѣзѣнѣи прѣѣлѣше, ѡко же авѣраѣмѣи, но крѣщѣнѣи, въ
 ѡставлѣнѣи грѣхѣкѣи, въ вѣкѣи прѣвѣкѣи, самѣи сконѣуѣи и прѣ-
 данѣи гдѣи на́шнѣи, іѣ хѣи. мѣу́сѣн тѣкожде съ авѣрономѣи въ
 іѣрѣсѣхѣи бѣи́нѣи бѣи ѡвѣрѣовѣи на рѣуѣса, моу́каи развѣнѣи ѡиѣ-
 та оуѣмѣуѣнѣи, бѣи́а люди́и нѣз рабѣты нѣхѣ нѣзвѣдѣи, въ дѣе стоѣиоуѣи
 30 ѡбѣлѣуѣнѣи, а бѣи моу́ци стоѣиоуѣи ѡгнѣнѣи, и рѣдѣлѣи мѣрѣи, по сѣхѣ
 прѣкѣде вѣ нѣствѣиоу, а прѣтѣвѣнѣи погрѣзѣи въ бѣзѣи, бѣи нѣствѣи
 же бѣзкѣдѣи нападѣи, пораждѣи кѣмѣнѣи, и хѣбѣа авѣгѣлѣскаго на сѣти,
 и законѣи же ѡ бѣа прѣи́нѣи, бѣи́нѣи нѣрѣстоуѣи на нѣнѣсѣлѣи, на сѣри-

жѣли бѣ камєинны, предѣсть люди въ съхранєніе и съблюденіе. и сѣя прєбѣжєннаѣ, и бѣгоугоднаѣ уѣдка ни унѣ же менши тою мѣн-
стаса, того бѣжѣ дѣла напоєна свѣше, свѣзѣ бѣгодати сподѣбнѣста-
са, люди нѣведоста нѣзъ мнѣгамрѣхнаго мѣра дѣлѣмѣлскаго, мѣсле-
наго фараѣна погружѣше, и всю силѣ єго потрєкѣнѣста, и вѣрою
въ бѣрѣжѣшєса и силѣю крѣтѣною, не в пѣстѣнѣю же ѣ нѣведѣста, нѣ
на свѣ бѣгоразумѣнѣи наставнѣста, не нѣс камєне вѣдѣхъ нѣзвѣдѣша,
нѣ вѣрою словєсе бѣжѣ жѣнѣнѣ напѣнѣста, не нѣс нѣсѣювѣсткєна же ка-
мєне вѣдѣхъ нѣзвѣдѣща, вѣкѣ і бѣмѣ, нѣ нѣстѣкѣшєю крѣвѣтѣю и водою ѣ
прѣсѣтѣхъ рѣсѣрѣ гѣ нашего, іс хѣ, вѣрнѣмъ вѣкѣноуѣю пѣщѣоу и бес-
комѣхнѣнѣи жѣнѣ въ спѣсєніе предѣста, въ ѣданіе грѣхѣмъ подаѣю-
ща, не хѣзѣа ѣггѣлска напѣтѣюща, нѣ нѣстѣннѣое тѣло гѣ наше-
го, іс хѣ. законъ же бѣжѣн свѣгоуѣеѣ прѣлѣжѣше, в нѣовѣнѣи нѣзѣмъ пре-
дѣста, писмєна сътворѣша ємоу. єже вѣ са ѣ прѣмѣрѣхъ и разѣм-
нѣхъ оуѣтѣнѣо, то ѣтѣкѣрєно бѣстѣ мѣадѣнѣцѣмъ в послѣднѣи вѣкѣ 15
силѣ. не на скрѣжѣлѣи камєиннѣи напѣнѣсанъ, нѣ на сѣрѣцѣ скрѣжѣлѣи плѣ-
тѣнѣ, нѣ нѣсѣзогѣ ѣбѣлакѣ, ни мѣглою и вѣрѣю гѣланъ, нѣ самѣмъ гѣмъ
іс хѣмъ скоуѣданъ и дрѣданъ. не сѣннѣи слоужѣтєла, нѣ нѣстѣннѣи про-
повѣдѣнѣка бѣста, нѣ нѣроплѣнѣемъ крокѣи юнѣа и козѣла кроплѣща и
ѣтѣнѣща сквѣрѣннѣи кѣ плѣтѣстѣнѣи унѣстѣтѣ, нѣ стѣмъ крѣшѣнѣемъ, 20
не тѣло єдѣнно ѣтѣнѣща, нѣ дѣшѣкѣноуѣю скѣщѣи в сѣрѣнѣмъ сѣлѣ
всѣмъ вѣсѣлѣбѣша, не заколѣннѣи жѣртѣвѣ проповѣдѣнѣка бѣжѣша, ни
слоужѣтєла, нѣ бесквѣрѣннѣи, и мѣрнѣи и хрѣтовнѣи слоужѣе слѣзѣ
и проповѣдѣтєла бѣнѣстаса, ѣплѣ свѣрѣжѣнѣка, на тѣ же дѣло нѣз-
бѣрѣнна, крѣтѣ смѣслєно на рамѣ своєю вѣспрѣнѣмѣша, всю вселєн- 25
нѣю ѣнѣдѣста, нѣспѣланѣюще оуѣнѣнѣе та мѣста. в нѣхъ же ѣнѣи не по-
стѣюща, нѣ оуѣдѣлѣнѣемъ пѣтѣи, нѣ за оуѣмножѣнѣе нѣнѣхъ стрѣнѣ
блѣнѣннѣхъ, в нѣхъ же разшѣшєса, ѣко лоуѣа сѣнѣнѣна, свѣтомъ бѣго-
разѣмнѣмъ просвѣтѣнѣша вѣсѣ мѣрѣ.

По тѣмъ же стопамъ нѣсходѣща и того же дѣла напоєна ѣ бѣга, то-
моу же словєси бѣста проповѣдѣнѣка и нѣоваѣ ѣплѣ, не на тѣжѣмъ ѣ-
снобѣнѣи своє дѣло полагаѣюще, нѣ нѣзѣнова писмєна вѣѣбѣрѣнна, и съ-
квѣрѣннѣста вѣ нѣзѣмъ нѣжѣ. послѣднѣи же вѣсѣлѣбѣша, ѣко оуѣтрєнѣа звѣз-

амръанъ, и зиде противъ нѣма далече ѿ града римьска, и тако же ѿ
пріати, яко агла бжїа, и оу҃венію прилюбѣ, постаѣни блжєннаго мѳо-
ѳодїа на прозвѣтерство, и оу҃нкы ею.

Приближнса крѣма покѡн прїати престѡмъ и преблажєнномоу ѿцѣ
нашемъ и оу҃нтелю, константїноу философѣ. видѣкѣ ивлєніе ѿ 5
бга ѿ покѡн своѣ, облечеся к уермы рнзѣ, и днѣ же нарѣкѣ по-
кѡа своєго, прекусть до него днѣ, веселаса и слава бга. и тако
похи ѿ гдѣ, в лѣто, гѣтоу, б. и приложнса къ ѡцѣмъ своимъ, прѣ-
кѡмъ и аплѡмъ, цѣнкѡ и всѣ стѣмъ. и положнша и в цркви стѣго
камнєнѣта, и дѣже науаѣна многѣ исцѣлєніа бывати ѿ уєстнаго грѣ- 10
ва єго, сазнїи акѣ науаѣша просвѣщатїса, недвжнїи цѣлїтнса, бѣси
исходїти. єже видѣкше римляне, паує са приложнша къ стѣмн
єго. сїѣ же прѣу҃тнаго и бл҃гоу҃тнаго мѳодїа на архієписѣство, на
стѡмъ стѣго амрѡннѣка, апла в панонїи ѿ седмїдєсѣ, поустнша и на
странѣ словєньскїа оу҃нтѣ въ и҃зѣмъ нхѣ, написавѣше єпнстѡлію 15
сїю къ княземъ страны тоа, ростнслаѣхъ, и сватонѡлѡку и кѣцєлѣ
амръанъ єппѣ, раѣкъ всѣмъ раѣѡ бжїємъ, къ ростнслаѣхъ, и свато-
лѡѣкѣ, и кѣцєлѣ. слава є вышнїи бгѣ, и на землѣ мнрѣ, въ уацѣ
кѣговоленїе. яко ѡ ка слышакше дхѡвнѣа радостн, иже имате на
спсєніе, слѣмъ брата нашего, у҃тнаго мѳодїа, сѣїєнна на архієписѣ- 20
ство на страны ваша, иакѡ єсте просїли оу҃ нѣ, да кѣ оу҃нтѣ, въ
и҃зѣмъ вашѣ прєлагѣа кнїгы, да са испѡлннтѣ прѣу҃ьскоє слово, иакѡ
рѣша хвалїте гѣ всї и҃зѣмїи, и похвалїте єго всї людїе. и всѣкѣ
и҃зѣмъ исповєсть, иакѡ и гѣ їс хс къ слаѣхъ бгѣ ѿцѣ, амннѣ. и къ
єу҃ааїи рєчє гѣ, посмалѣа своа оу҃веннкѣ шѣшє, маоу҃нтє всѣ и҃зѣ- 25
кѣ, крѣацє ѿ въ нѣмѣ ѡца и сѣа и стѣго дха, оу҃уацє бл҃гостн всѣ,
єанѣа завоєздаѣхъ вамъ, и сѣ и҃зѣ с камнї єсмь всѣ днїи до сконуа-
нїа вѣка, амннѣ. кѣ же, уада вѣзѣюєлєннѣа, послашантє оу҃венїа
кжїа, єже є послѣднѣа времена предѣано бѣтѣ, кашого ради спсє-
нїа, да, пооу҃уаюцєса разумно, пѣѡ достѡвннѣ стѣворнтє, и прїнмѣтє 30
вѣмѣцѣ метлѣнємъ в сїи вѣкѣ и къ градѣцїи сѣ всѣмн стѣмн и къ
вѣкѣ, амннѣ.

Дошєноу же ємоу въ страны морѡвьскѣ, всї людїе с радо-

стію нгьдѡна въ срѣтеніе ємоу, н тако прїана н, ꙗко аггѡла бжѡтѡ.
 н ѡкерзошася ѡуеса слѣпымъ, н оушеса глouxъ, н азъицъ ѡлснѣ-
 щенъ възгѡлаша мїра, і нмн же оустъ бжша первѣе жерткы непорѣ-
 азненн въздаан на кладягехъ н на всѣ мѣстѣ хвалоуан бга, тѣм
 5 же дѣти нхъ словѣсныхъ н бесквѣрныхъ службъ бгѡу въздають
 за весь мнръ, н въ всакомъ мѣствѣ нма бжѡте прославлѣетса въ ѡзвѣстъ
 нѡвъ, ємѣ ѡвнса проповѣдникъ н аплъ нѡвъ, възстѣвъ, ꙗко сѡн-
 це, мглѣ невндѣнїа ѡгонѡ н бгѡразумнѣ скытомъ всѣмъ срѣца про-
 свѣтн, крѡтостію же н сладостію, всѡ н себе любѡвѣію привлеауа,
 10 теуеніе своѣ скопуа, крѣзъ съблюде, цркви пѣсньми оуокрасн н пѣ-
 нїи дхѡвными. н тако поун ѡ гдѣ в лѣто ѡ тварн єсегѡ мнра
 рѣ. гуд, є, н приложнса къ ѡцѣмъ своимъ, патрїархомъ, авраамъ,
 і нсаакоу, іакѡвоу. всѣмъ себе оуподѡблѣ, всѣхъ ѡбразъ на се-
 къ понѡшь, ѡвѣмъ равенъ бжѣвъ, ѡвѣхъ мнн, а дрзгнхъ пре-
 15 снѣкъ снлоу, н дѣтелію, н подвнго, възстѣвъ ꙗко сѡнце лугамн
 прнтоунамн н казанїемъ. єгѡ же помышлѡуощн медотѡунѡа словеса,
 нѣсть уемъ сластн єгѡ дхѡвнѡа приложнті.

Тѣмъ же оубѡ кѡа похвалы въздамъ кѡа, троуждышнмаса то-
 лнко хѡ радн въ востѡуныхъ, н запѡднхъ, н сѣвернѣ странѡхъ,
 20 не нщѡща времѣннѣ н тлѣющнхъ, нѡ вѣуныхъ н бесконѣтнхъ,
 крѣтѣ гнѣ мужескы на рамѡ вспрїнїмте, н тѣмъ ѡладѣвшю грѣ-
 хомъ зѣмлю, потрѣблѡша, разорѣста, н ксѣлѣста дхѡвнѡе сѡмѡ, н
 чнсто цркви прннесѡсте жнто, днѣнѡе, оууеніе. нмъ же снѣста,
 ꙗко свѣтнлѣ, въ всѣмъ мнрѣ, дѣмоискую хоулу н вслнхъ єресь
 25 прогнѡша; велнка оубѡ стоапа хѣн цркви бжста, нѣнаѡ уѡка н зѣм-
 наѡ аггѡла, въ плѡтн бесплѡтнѡе жнтіе стжаѡвша. блжѣно є уресо
 ко нстннѡу нѡщншеє кѡ н въздойвша гласа мнѡгоплѡна, нмъ же
 напнтѣста алующѡа ѡзъыкы н жаднѡа напоїста жнвѡнаго пнѣа, не-
 прѣстающнхъ пнщѣхъ нстоуннѡа всѣмъ ѡжнлно. ктѡ оубѡ възможѣтѣ
 30 достѡноу похвалѣ ваю нсповѣдати; пѡнѣноую всѡ прошеднѡа, сто-
 пѡмн скѡмн, весь мнръ ѡстнста. блжѣнъ ѡзъыкъ каю, нмъ же нла-
 заста дхѡвнѡа словеса, въ спсѣнїе бесчлѣннѣхъ азъыкѣ, кѡдхнѡвѣн-
 ннѣ даръ ѡ бга прїнїмѡа, мрѡкъ невндѣнїа всѡдоу прогнѡста, собою

ѡбразъ всемъ прѣлагающа, ѡ оустнхъ дховнхъ сласть нстауающа, поганствоу же всакому разрѣшника шкѣстаса, еретникомъ супостата, въсомъ прогоинника, свѣтъ ѡмрачѣннымъ, оуучителю младѣнцемъ, нстауающа дховнхю сладость, аающимъ нескѣднаа пица, жаднымъ непрестанн истоуннкъ, нагымъ ѡбильное ѡдѣнѣе подающе, сирымъ помощника, страаннымъ прїимника, болнымъ посвѣтителя, пѣвалымъ оутѣшителю, напастнымъ защитника, кдѡвамъ и сиротамъ помощника, слѣпымъ свѣтодателя, влающимъса в мѡри житѣнствѣ великаа амкура, стѣна и покрѡвъ припадающїи к кама, іоудѣѡмъ супостата, исповѣдника стѣн трѣци, съвершителю бжїю смотрѣнїю, 10 величествѣ бжїю слоужителю, истоунника бжїю словесн, недвижима столпа хѣн цркви, пѣать правды, цнѣтъ вѣрѣ, шлемъ спсѣнїю, класъ многоплоденъ, лоза медотѡуна, сѡти медвенїи словеса ваю, ими же насладиста всю вселѣннзю, шко енсерѣ многоцвѣнѣ истоунша, съкрѡвнїца гни, вѣмьстнїца бжїа смотрѣнїа, ѡвѣнѣнїца бжїю 15 смотрѣнїю, съсѣда стѡму дхъ нзбрѣнїла, пронѣшлаа йма хѣо по всѣн землн, крѣтѣ похвалѣ на себѣ понѣсша, временнаа презрѣвша, а вѣуныхъ наслаждѣнїе прїимнн, непрестанно прѣбнаа и истиннаа пастыра, за нзбрѣннѡе стадо ваю подвижно помолѣтаса, страсти ѡжензїе, вѣдѣ и напастѣн нзбавляюща, просвѣтїта йма срѣнн 20 ѡун и оумъ оутвердїта достѡнно послѣдовати стопамъ ваю, немѡщн наша на са бгнмающа, скыше снахъ подадїта, да, достѡнно пожнвшѣ ѡ хрѣтѣ, насладннцмъ твѣдѣ ваю ѡбравнѣтса и проповѣдннцы правѣн вѣрѣ, юже ймъ ѣста предала, да вси ѣдиногласно прославати трѣстѡе бжтѡ ѡїца и сїа и стгѡ дха, в ннѣ и нрѣно и 25 к вѣкы вѣкомъ. амїнь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Стран.	Строч.	
Въ заглавіа	2.	сѣткѣршема вм. сѣткѣрьшема.
	3.	на нѣкыи вѣтхыи законѣ вм. нѣкыи ѿ вѣтхыи законѣ.
	4.	къ азѣмъ вм. къ азѣмъ.
	5:	Проп. ѿ передъ архіеѣвъ, в стоящее ѿ передъ мѣсѣдѣм лишнее.
66,	19.	оуѣраснѣста ѿ дѣшею ѿ оумѣ вм. оуѣраснѣста ѿ дѣшо ѿ оумѣ.
67,	1.	оуѣдѣмо вм. оуѣдѣмъ.
68,	2.	Проп. посредѣ кельможѣ послѣужите.
—	14.	къ вѣстѣжѣнѣи вм. стѣжѣнѣи.
68,	2.	Проп. посредѣ кельможѣ послѣужите.
—	4.	пронде вм. проидите.
—	—	искила аз. искишена.
69,	17.	гѣа вм. гѣаиъ.
70,	26.	предѣсть вм. предѣста.
—	30.	просвѣтѣнѣма вм. просвѣтѣнѣма.
72	30.	промѣдѣмъ вм. промѣдѣма.
73,	8.	Проп. слапѣмъ.

VIII.

Четь-Минея на Апрель XVI вѣка, находящаяся въ Библиотекѣ Московской Духовной Академіи, а прежде принадлежавшая Іосифскому Волоколамскому монастырю и состоявшая подъ № 596, л. 46—54.

ДѢЯ ТОГОЖЕ ВЪ .Д. ДНѢ СЛОВО ПОХВАЛНО НА ПАМЯТЬ СѢТЫМЪ
И ПРЕСЛАВНЫМЪ ОУУЧЕНЫМЪ СЛОВАЕНСКЪМЪ ЯЗЫКЪ, СЪТВОРЕНЫ
ПИСМЕНЫ ЕМОУ И ПРЕШЕШЕНЫ НОВЫИ И ВѢТХЫИ ЗАКОНЪ
ВЪ ЯЗЫКЪ И, ВЪЗНУМАЕМЪ КИРИЛОУ И АРХІЕПЪ ПАНОНОМЪ,
МЕЛѢДИЮ. ВЪЗНУМАЕМЪ.

БГОУ И СПСОУ НАШЕМУ, ІС ХОУ, ИНОГЫМЪ И НЕИЗРЕННЫМЪ УДО-
ЛЮБИЕМЪ, ПОМИЛОВАВШУ РОДЪ УЛУСКИЙ, И НЕ ТРЪПАРИУ СЪЗНАНІА СВОЕ-
ГО, ЛЕСТІЮ ДІАКОЛЕЮ ОДЕРЖИМА, ИЗЛОЖИ СЕБЕ ВЪ СМНРЕНІЕ ВОЛНОЕ,
И КЪПЛОЩЕСА О СГО ДХА И О ПРЪТМА И О СЛАВНЫА КЦА И НРНО
ДЪМЪ МРІА, НА ЗЕМАН ЯВЛЕСА И СЪ УЛЫ ПОЖИВЕ, И СЪОБРАСЕНЪ БЫВЪ
ТЕЛЕСИ НАШЕМУ, ОВЪДИ ГРѢ ПЛѠТІЮ СВОЕЮ, ДА ОУМНРАЮЩЕН О АДА-
МА, О ХѢ ОЖИВОУТЬ. ТЪ БО ЕСТЬ МІРЪ НАШЪ, СЪТВОРИ ОБОА И БДН-
НО, ПРЕОБРАЖЕНІЕ ОГРАДЪ РАЗРОУШЪ, КРТОМЪ ОУБЕНЪ КРАЖДЪ, И ПРЪ-
КЕМЕЦЪ БЪ ИЗЪ МРТВЪ, СОБОЮ НАСТАВАА РОДЪ УЛУЪ НА НЕИСТАВННЫИ
ПОУТЬ, ВШЕДЪ ЖЕ НА НБСА, СЯДЕ О ДЕСНОУЮ ПРТАА ВЕЛНУЕСТВІА НА
НБСЪХЪ, ЗАПОВѢ ДАВЪ ИСКОУСНУ РОДОУ УЛУЮ, ХѠТАИ ВЪ ПОСЛАДНАИ
ВРЕМЕНА ПРІИТИ СОУДИТИ ЖИВЫМЪ И МРТВЫМЪ, И ВЪЗДАТИ КОМУЖЕ ПО
ДѢЛОМЪ ЕГО, ІАКО ПРАВЕДЕНЪ СУДИИ. НЕ ХѠЩЕТЪ БО СМРТИ ГРЪШНИКУ,

нѡ ѡбращенію єго и покаянію, аще наипаче прилежитъ на хѡбѡу
кожѡ уѡкъ. не ѡстѣнѣи бо създаніа своєго мѡтивѣн бгѣ, ни хѡмъ
дѡла рѣкоу своєю, нѡ на клѡжѡ лѣта и времена нѣзера мѡжа, и
мѡн дѡла нѣхъ и подѣлгы людемъ, да быша, тѣмъ подобашеса, жи-
вѡтъ вѣчнѣн ѡбрълн. и по тѣ прѣркы, по прѣрцѣхъ же аглы, и по
аплѡхъ мѡнкы и праведнѡа мѡжа и оуѣтла. еже са и съмысть въ
ѡ. вѣкъ нашъ. рѣша бо ѡнн славпн програтъ, гавснн хсавннзтѣ
слѡво книжноє, и вси възгѣлѣ рагануныа ѡзгыкы всануіа бжта.

Бѣ же ѣ селоуныствѣ граде мѡжъ мѣкын, именовѣ лѣвъ, уѡкъ
непороуенъ, истиненъ и бгѡутецъ, ѡгрекѡаца ѡ всакыа хѡбѡы и
исполнаа вса заповѣдн бжта, ѡко же іѡвѣ. жнѣнъ же въ вротости
и гѡвѣннн, седмѡроденъ ѡбрѣтеса, ѡко же и іѡвѣ. ѡ мѣкомъ же и
прѣркъ глѣтъ: бжженъ мѡжъ боанса гѣ, въ заповѣдѣ єго въсхопѣтъ
гѣлѡ. снако на землн боудѣтъ сѣмѡ єго, рѡдѣ праведнѡа бжтѣса.
слава и богѡтъство в дѡмоу єго, правдѡ єго пребываѣтъ в кѣкы вѣ-
кы. ис того бо корене восіаста нгрѡднѣ двѣ лѣторѡсан свѣтозарѣнѣ,
бжвнѣ плодѣ на себѣ нѡсаца, жнтіѣ же непороуно ѡ юности нмоу-
пра. премоудрѡ бо себѣ ѡко и сестроу сътѣвѡрша, тоѡ оуѣкр-
систа и дшѡ и оумъ, любовію же и вѣрою, другѣ друга єю пре-
спѣваста, мѡдростію цвѣтоуца прнснѡ, ѡко цвѣтець бѡгооуханнын.
рѡдѡкъ смн мннн бжженннн константннн, а оумѡ и докродѣтелнн
нѡспрѣ възлѣтла, ѡко же ѡрѣлъ дѡхѡнныа крылѡма, тн бгѡзаршннн
свѣтѡмъ оума просвѣцѣ сн, съсоудѣ нѣзеранѣ стмоу дѡхѡу, и тѣмъ
свѣтѡса всѡмъ оуѣненіемъ фнлософскѡмъ, нескудноє съкромнѣше ѡбрѣ-
теса. ѡко же бо нстоуннкъ всю исплѣнаа вселеннвю, напои ждѣннѡа
слѡвесѣ бжта, ѡко же рѣче сѣмъ гѣ бѣ нашъ, іѡ хсѣ: взрѡан въ ша,
ѡко же кннтѣ рѣша, рѣкы ѡ урева єго потекоутѣ вѡды жнѣы, сн-
рѣтъ, дарѡве животѡвѡрѡцаго дѡа. тои бо вѣскннѣ в немъ, нгѣлѣса
бо оустнама єго, и всю вселенноуію сластвно възвѣсѣсан, слѡво рѣз-
сѣклѡ въземѣѡ нѣмъ, прѡтнвоу своємоу разоуѡмоу. въ бо ємъ
дарѣ дарѣ дѡхѡнннн, ѡзгыкы глѡтн, ѡко и аплѡу. старннннн же
єго братѣ, прѣбѣжнннн мѡфодїн, нѣ маада жнтннскѡа самѡ шѡутѣ
прїнматн. моудростію бо ѡко цѣлѣтъ бѡгооуханенѣ цвѣтнн, всѣмн

вѣдѣнъ бы людемъ. въ всѣхъ бо яко соломѣнъ вѣлашеса, дѣнѣмъ
 прѣтѣ и наказаніа и въпрашаніа и хѣмъ и (хъ) сѣунаго сѣла, и на
 службѣхъ всѣмъ оубѣдѣмъ, яко и крилатъ, ѡбрѣташеса, и на воинѣхъ
 яко самсонъ, и гедѣонъ, и ісѣхъ навѣгнѣхъ страшемъ вѣлашеса. тѣмъ
 же и воѣводѣскыи самъ прѣимъ, нѣкъмъ въ немъ малѣ, и разоумѣвъ
 5 многоматѣжнѣмъ сѣмъ свѣтъ, яко сѣмъ прѣхѣдѣщѣ непѣлазѣнѣно, пауѣ
 гнѣ слѣко, яко и стрѣлоу въ сѣрцѣи сѣи прѣимъ, яко же реуѣ: каа
 полза ѣсть уаку, аще весь мѣръ прѣѡсраиетъ, а дѣно своѣо ѡтъ-
 цетитъ, ан погоуѣнтъ; ан что дастъ уаку и змѣноу яа дѣмъ своѣнъ;
 прѣмѣнѣхъ же зѣмнѣмъ нѣмаа, врѣмѣна оубѣ ѡмѣтаа ѡ себе, прѣгрѣа, 10
 въ кѣмъмъ подѣвѣгнѣса. и шѣдъ въ ѡлнѣхъ, построижеса въ уѣрнѣмъ
 рѣмъ, уаа прѣѣтѣи вѣлоу и металѣнѣноу аргѣлкѣхъ ѡдѣжоу. и въ покинѣ-
 нѣса всѣмъ съ покѡренѣемъ и смиренѣемъ, въ хѣдѣнѣи и молѣнѣхъ,
 въ стѣжѣнѣи и служѣнѣи, въ и зрадѣнѣхъ пощенѣи, въ трѣзѣвѣнѣи всѣгда,
 въ ѡуицѣнѣи дѣхѣмъмъ, въ плауи бѣгѣ, ѡ ѡуиѣо и стѡиѣнѣи испѣцаа 15
 яко рѣкѣ, и тоѣо ѡмѣваа все тѣло своѣ. плѡтѣскаго покѡа ѡноуѣ
 не вѣдѣнъ, какъ ѣ, но яа всакоу ношѣ стоа, ѡ захѣда слѣца до
 вѣсходаща не даа сна ѡуиѣа своѣма, ни вѣжама сѣи дрѣманѣа,
 ни покѡа брѣѡвѣма сконѣма, поѡуѣлаа въ нѣмѣхъ и пѣнѣнѣхъ и пѣснѣ
 доухѣвѣнѣхъ, спѡдѣнѣзаа съпѡстѣнѣмъ житѣа стѣмъ ѡиѣ, ѡвѣмъ же прѣ- 20
 спѣхъ брѡтѡстѣю и мѣзуанѣемъ, а дрѣгѣмъ постѡмъ, и вѣдѣнѣемъ, и
 мѣтѣвоѣ, и смѣренѣемъ и зрадѣнѣо, и тако и мѣнѣнѣтъ бы въ всѣ ѡиѣнѣхъ,
 подѡбенѣхъ велѣкѡмоу арсенѣю, и антонѣю, и сакѣ, всѣ житѣа своѣо
 ѣвершаа. мѣтѣвѣнъ же бѣ, вѣдѣвъ и въ тѣланѣа тѣрѣа прѣвѣваѡуѣа,
 вѣлѡжѣи въ сѣрцѣе брѣтѣи, иже, вѣдѣвѣше поѡвѣнѣгъ ѣго и зрадѣнѣмъ на 25
 служѣжоу бѣтѣю, дрѡуѣгъ къ дрѡгоу дѣвѣлахоуѣса и прѡславѣахъ бѣа,
 даѡуѣраго бѣгѣ съкѣмѣше тѣрѣжаѡуѣнѣмъ ѣго радѣи, дѡндеже патрѣархъ
 оуѣслѣмѣмъ поѡвѣнѣгъ ѣго. вѣдѣнѣша и поѡставѣнѣи мѣтѣрополѣта въ уѣтѣхъ
 мѣствѣ, и не мѡгѣвшѣ ѣго томъ прѣвѣдѣнѣи, поѡставѣнѣша и игоуѣмена
 въ монаѣстырѣи, иже мѣрѣцаѣтѣса и мѣненѣмъ полѣхѣромъ, ѣ немъ же бѣашѣ 30
 ѡиѣ .ѡ. и по то сѣа ѣмъ, прѣвѣвааашѣ, яко бесплѡтѣнъ, въ мѣтѣвахъ
 прѣно, всѣмъ всауѣсѣмъ, даѣмъ вса прѣѡвѣрѣлъ. и стѣмъ бо кнѣигы ѡ
 тѣмѡкоѡ вѣлѣиѡтъ, кохѣлаѣно гѣиѡуѣа прѣѣѣтѣи дрѣкѣнѣи вѣнѣцѣтѣса, и въ

и́ррѣствѣи поживете. новѣсти мѹжѣ и́мбнитѣ съхранѣте, и́ въ и́звѣ-
 тѣихъ прѣтоуѣнѣи и́зидете. посредѣ великѣи послѣжите, и́ прѣ и́мѹ-
 менѣи и́вентеса. по земан тоуѣихъ и́згѣкъ проидѣте, дѣво и́ гла
 въ у́лицѣхъ и́сквсѣнта. сѣце своѣ даста о́утрѣне быти въ го́у, стѣ-
 5 ривѣшемѹ а́, и́ прѣ вышнѣи помѣанстаса. и́ ѡверзоста о́уста своѣ
 въ мѣтѣхъ, и́ о́ грѣсѣи свои помолнстаса. а́ще же бѣ въ вѣскоѣе ес-
 лнкѣи, разѹмнаго дѣа и́зпаѣнитеса. тѣ бо потоуѣнѣ глѣ и́ мѹдрѣсть
 є́ю, и́ въ мѣтѣхъ и́сповѣдастаса гѣи. тѣ бо а́вѣнѣ казаніє и́ о́уѣе-
 нїа є́ю, и́ бѣ законѣ завѣта глѣа похваанстаса. въсхваалѣт є́ю раз-
 10 о́умъ мнѣи, и́ до вѣка не потрекнѣтса и́ не ѡстѣпнѣт є́ю, и́ и́ма
 є́ю живѣт въ рѣдѣи и́ рѣдѣи. мѹдрѣсть є́ю повѣдат и́згѣци, и́ по-
 хвалѹ є́ю и́сповѣст ѹркен, є́и же выста крѣпка посѣбнѣка и́ вѣдѣ-
 жнѣма стоѣпа, ѡснована на твердѣи каменѣ, крѣ, послѣствѣова-
 шѣа перѣвоѡѣи и́ патрїа́рхомъ, вѣрою и́ подѣнгомъ дїанїа и́хъ и́
 15 трѣдѣ собою сконѹаѹѣща, ѡко же и́ великѣи патрїа́рхъ а́враѣмъ,
 прадѣдъ хѣи, вѣрою преселнѣкъ бѣвъ и́ прѣшлѣць въ земан тоуѣи,
 дрѹгъ бѣ и́ нарѣса, и́ завѣтъ ѡверзанїю ѡ бѣа прїимъ, вѣрою ѡѣ
 мнѣгѣи мѣгѣкомъ марѣѹса.

Сїа же сїа и́ преславнѣа ѡѣа и́ о́уѣтла, тою же вѣрою о́уѣри-
 20 шышаса, ты же дѣтелн сконѹаста. преселнѣка бо выста ѡѣстѣа
 своѣго и́ прѣшлѣца на земан тоуѣю. законъ ѡ бѣа прїимѣа, не
 своѣмоу племенѣи, ѡко же а́враѣмъ, но а́гѣкъ, и́же не разѹмѣна
 деснѣца своѣа и́ шоѹнѣца, но є́и же са прѣтѣнахѹ, томоу са по-
 рабошѣше, кланахѹса; ѡко когоу, тварн, въ творца мѣсто. завѣтъ
 25 же не ѡверзанїю прїимѣше, ѡко же а́враѣмъ, но крѣшенїю, въ ѡсти-
 кленїє грѣховѣт, въ вѣкѣи прѣвѣѹѣѣѣи, самѣи сконѹанѣи и́ прѣдаѣт
 глѣи мѣи, и́ хѣи. мѣнскѣи такоже съ а́рономъ въ ієрѣихъ а́ѣ-
 нѣхъ, бѣ фараѣиѣи нарѣкѣса, мѣкаи разанѹнами є́гѣпѣа о́уѣтѣ.
 боа людѣи и́з рабѣѣи и́ и́здеде, въ дѣе стѣпомъ ѡвѣлѹѣомъ. и́ в
 30 ноѣи стоѣпомъ ѡгненѣи, и́ раздѣлѣ мѣре, по сѹхѹ прѣкѣде в ѣ-
 стѣнѣи, а́ прѣтѣнѣа погроѹѣи въ бѣзѣи, въ лѣстѣи же бѣзѣи
 напои и́, прѣражѣ каменѣ, и́ хлѣба а́гѣлака насыти, и́ законъ же ѡ
 бѣа прїимъ, бо жїи мѣ прѣстомъ напнсанъ, на сѣрѣжлѣи бо каменѣи,

предастъ люди въ съхраненіе и послушаніе. и сіа же пребѣжен-
 наа, и бѣоугоднаа улка ни уни же мѣша тою мѣнстася, того
 же бѣіа дѣа напоена съвыше, соугубѣ блгтн сподобльшеса, люди
 нзкедоста нзъ мнѡга мрачнаго дѣавольскаго мѡра, мыслнаго фа-
 раѡна погрѣжѣше, и всю сілоу ихъ потребнста, и вѣрою въѡрѣжѣ-
 шеса и силою крѣтною, не въ поустыню же а нзвѣдоуста, нѡ на свѣтъ
 бѣоразумныи наставнста, не ис каменѣ вѡдоу нзвѣдша. нѡ вѣрою
 слѡвесѣ бѡиа жадныа напоиуста, не ис неуювствѣна же каменѣ вѡ-
 доу нзвѣдша, ꙗко же і ѡма, нѡ истекшею кровію и водою ѡ пре-
 унстѣ рекрѣ гѣ нашего, іс хѣ, вѣрнѡ възноую пнцію и бескомех- 10
 ныи жѣвотъ въ спнѣе предаста, въ ѡданіе грѣхомъ подающа.
 не хѣба аггльска напнтающа, нѡ истое тѣлѡ гѣ нашего, іу хѣ: за-
 конъ же бѣіи сзгубѡ прелѡжша, въ новыи ѡгмыкъ предаста, пи-
 смѣна ѣтворша ёмоу. ёже въ са ѡ премдрѣ и разоумнѣ оутанѡ,
 то ѡткровѣно бысть маадѣнцемъ въ послѣднѣи вѣкѣ снма. не на 15
 сврнжалн каманы напнсанъ, нѡ на срѣцѣ скрнжалн плѡтанъ, ни свѣ-
 стѣ ѡблакъ, ни мѣглѡю и боурѣю гланъ, нѡ самѣмъ глѣ іу хѣ
 скончанъ и преданъ. не сѣни слоужитѣла, но истинныи проповѣд-
 ника быста, ни кроплѣнїемъ крове оуньа и кѡглѣ кропаша и ѡтн-
 цлюща скверненнѣа къ плотьстѣн утѡтѣ, нѡ стѣмъ крѣценїемъ, не 20
 тѣлѡ ёдино ѡтнцлюща, нѡ дѣшевнхю свѣщѣ въ срѣнѣмъ сѣлѣ всѣмъ
 восіаѣвша. ни заколеннѣи жрѣтѣ проповѣдника бывша, или сѣв-
 житѣла, нѡ бескверннѣи и мнрнн хрѡовннѣи сѣвжѣа слоужѣ и про-
 повѣдѣтѣла мѣнстася, апломъ соупрѣжннка, на то же дѣлѡ нѣ-
 бранна, крестъ мыслѣно на рамѣ своѣю въспрѣннѣвша, всю вселен- 25
 нзю ѡкндоуста, нспѣннлюща оуученїемъ та мѣста, в ни ѡни не по-
 стоѣша, ли оудлѣженїемъ пѣти, ли за оумноженїе ннѣхъ странѣ
 камжнѣи, въ ннхъ же расшѣдншеса, ꙗко лоуга сѣнуннѣа, свѣтомъ бѣо-
 разумнымъ просвѣтнѣша весь мнръ.

По тѣмъ же стопамъ и си ходаша, и того же дѣа напоена ѡ 30
 бѣа, томъ же словесн быста проповѣдника и мѡклѣ апла, не на ту-
 жѣмъ ѡсноветнѣи своѣ дѣлѡ полагающа, нѡ нзнѡва писмѣна въѣбражѣ-
 ша, и скершнста въ ѡзымъ мѡкѣ. послѣ же восіаѣвша, ꙗко оутрѣ-

НАМЪ ЗВІЗЛА, ѿ СЛІЦА СВЯТЪ ПРІЕМАЮЩИ, СВЯТАЗНІИИ ВСѢ БІКАЛѢТСА, И
 ІАКО ЖЕ ИАТН ДЛАТЕЛЕ БІ ВНОГРАДЪ, ПОМЕСЬШЕІ ТАГОТЪ ДІЕ И ВАРА,
 СЪ ПРИШЕДИИИИ ВЪ .ЛІ. УА, РАКНЪ СПѠДОБЛЕИЪ БЫША МЪЗДЪ, БЖІИ БЛГ-
 ТИ ТАКО ИЪКОЛШИ, ВЪ ПОСЛѢДНІИ ВЪКЪ ТОМОУ ДЪЛЪ БІКТИ СІА ПОКАІ
 5 ПРОПОВѢДИКА И СВЯТНАИКА КСЕИ КСЕЛЕННІИ, ІАЖЕ ПѠЗНГОМЪ ДѠБРЫИЪ
 И ВЪРОЮ КРІІКО ПРЕНОЛСАВЪША УРЕСА СКОА, ПРІИДОСТА, ІАКО СЛІЦИ,
 ТЕИИАА МЪСТА СТОПАИ СКОИИ ПРОСКЪЩАЮЩА, ВСАКУ МЪГЛОУ ПОГАМЪ-
 СКЪЮ ДХОВНІ ОГНЕИЪ ПОПАДАЮЩА И ЕРЕТНУЪСКЪЮ, НЕ ПОЩАДАЩА ДІИ
 СВОЕА, ИИ ПОЩАДАЩА ТЕЛЕСЕ СКОЕГО, ИѠ ВСЕГДА ГѠТОКА СОУЩИ ЗА
 10 ПРАВІЮ ВЪРЪ СЛАСТНО ИСПИТИ ХЪВ УАШЪ. ВЪ СРАЦИИИХЪ ЖЕ И БѠЗЪ-
 РАХЪ ІАКЪЛШАСА НЕПОВЪДНА, ИѠ ІАКО ЖЕ ДІДЪ ИИПОДЕМЕННИИЪ ИИОГ-
 ДА, ИИЪЛѠЖИИЪ ГОРДЫИЮ, ЕГО ПОТРЕБИ, ПРОѠБРАГОКАВЪ ТРОИЦЪ ТРЕИ
 БІАМЕНИ, И СКОИИЪ ЕМУ МЕУЕМЪ ГЛАВОУ ѠСЪКЪ, ПОХВАЛОУ ПРІАТЪ КЪ
 ТМАХЪ Ѡ СЫИОВЪ ИИЪЗЛЪВЪ, ТАКО ЖЕ И СІА ѠЦА ТРИИУПОСТАСНОУ БЖІИЪ
 15 СЛЪЗЪ СЪЩА И ПРОПОВѢДИКА, ВЪ ЕБѠРАХЪ СРАЦИИИЪ И ЖИДѠВСКИ
 ѠБРАТШАСА, СКОИИИ И БИИГАИИ И ІАЪКОМЪ, БѠХИИТОВЪ БААДИ И
 ЖИДѠВСКЪЮ ЗЛѠВОУ ДХОВНІ МЕУЕМЪ ѠСЪКОИИА, ПОТРЕБИСТА, ІАКО ПАЕ-
 КЕЛЪ, И ПОПАИСТА ДХОВНОЮ БЛГІЮ, А СЛѠВО ГІЕ ВЪСЪЩАСТА, ІАКО И
 ИШЕИИЦЪ, ВЪ СРЪИИИЪ СЕЛЪ, И КСА ИАСАДИСТА МЕДѠТОУНЫИИ СЛѠВЕ-
 20 СЫ, ТРИБЕЗНАУААИАГО ЖЕ БЖІИКА ІАСНО ИСПОВЪДАСТА, ОУКАЗАСТА ВЪ ЕДИ-
 ИИИЪ СУЩЕСТВЪ РАВЕНЪСТВОМЪ СІАЮЩА ѠЦА И СІА И СІГО ДХА. ТАКО
 А ОУЛѠЖИСТА, ІАКО И РЫБЫ, СЛѠВЕСНОЮ ИРЕЖЕЮ, И КРІИСТА Ѡ КОЗЛОУ
 УТИИАА УАДИ ДѠ ДВОЮ СТУ, РАЗЪЪ ЖЕИЪ И ДЪТИИ. ТРЕГЪВОУ ПОХВАЛУ
 Ѡ ВСЕА ЧРЪКЪ ПРІИИША, ПРЕНДОСТА Ѡ ДОУЩАА НА ЗАПАДНІА СТРАИИ,
 26 БЛГОУЩЕСТВЮЩА СЛѠВО БЖІЕ ВЪ ІАЪКЪ МОКЪ, И ВЕСЪ ЧРЪКОВИИИ ЗА-
 ИИИЪ ПРЕЛОЖИША Ѡ ГРЕЦЪСКЪ, ВЪ СЕІОН ИИЪ ВЪЗІКЪ ПРЕДАСТА. ТРЕИ
 ДИИИИКОМЪ ЖЕ ЗАІКОУ ИИЪЛѠЖИША, ПОТРЕБИСТА, ІАКО ИАКЕЛЪ Ѡ ИИЕИИ-
 ЦА ѠБРАЦИИИА, КИ УТО ЧРЪКЪ И СВЯТОѠБРАДНО ЖИТІО ПРЕДАСТА. КЪ
 ЗАПАДНІ ЖЕ СТРАИА, ПАИИИСТАХЪ И МОДАДСКАХЪ СТРАИА, ІАКО СЛІЦИ
 30 ДОСЛІЕИИА, МРАКА ГРЕХѠВНАГО ѠГНАВША, ПРОСЪЩАИСТА БОУБКАИИ, И ИА-
 ОУУАША ОУЧЕИИИ ЧРЪКЕНОМЪ УИИИ ДСПОИИ. И ТАКО ТЕУЕИИЕ СКАІУАКАѠ-
 ЦА, ИАТІ СА ИСТА РИИЪСКАГО, АПАДСКОИЪ ПРІАЪ ПОКАѠИИИТСА, ВЕДЪ-
 ЦЕ .Е СОКОЮ НА БЖІИИЕ ДОУХОИИИИ ИАѠДЪ. ЕЖЕ СЛІЦНАЪ АРОСТОАКЪ

андріанъ и гдѣ противъ нѣмѣ далече ѿ града римъска, и тако же
 ѿ пріати, яко аггѣлѣ бжїа. и оученїе єю прилюбѣ, пѳстави блжн-
 наго мѳѡдіа на прозвѣтерство, и оуѣнкѣ єю.

Приблѣжи же са время покои пріати престѣмоу и преблжнѡмоу
 ѡцю нашѣмоу и оуѣтѣлю, константинѹ философу. видѣв же ѡвѣс-
 нїе ѿ гга ѡ покои своѣмъ, ѡслеуєса къ уєрнѹ рнзы, и дѣв же на-
 рекъ покоа своєго, пребѣ до сѣ днѣ, веселаса и слава бга. и тако
 поун ѡ гн в лето .ѿ.т.ѡ.ѿ. є. и приложнса къ ѡцѣмъ своимъ,
 прѣкомъ и аплѡмъ, мѣнкомъ и всемъ стѣмъ. и полѡжиша и в црк-
 ки стго клнмента, и дѣв науаша мнѡга и сцѣленїа бывати ѿ утѣна-
 го грѣба єго, сѣлїи абїе науаша просвѣщатнса, недѣжнїи цѣлнѣ,
 бѣси и сходити. єже видѣвшѣ римѣнѣ, паує са приложнша къ стнн
 єго. сѣвшѣ же прѣѣтнаго и бгѣтнаго мѳѡдіа на архїєпїтство,
 на столѣ стго апла андронка в панонїи ѿ .ѡ., пѣстнша и на стра-
 ны словѣнскѣ оуунѣ въ ѡзыкъ и, написавшѣ єпнстоѣю сїю къ
 15 вназемъ страны тоа, ростнславу, и стѣнолѣкѣ, и коцѣлю. андріанъ
 єпнпъ, рабъ всемъ рабомъ божнїмъ, къ ростнславу, и стѣнолѣкѣ, и
 коцѣлю. слава в вышнїи бгѣ, и на землїи миръ, въ уѣцѣхъ блговоле-
 нїе. яко ѡ васъ слѣшавшѣ дхѡкн радѡстн, иже имѣте на спїе, 20
 слемъ брата нашѣ, утѣнаго мѳѡдіа, сѣшнша на архїєпїтство на
 страны ваша, яко же єсте проснлн оу насъ, да вы оуунѣ, въ
 ѡзыкъ прѣлагѣ кннги, да са испоѡннтѣ прѣѣвскоє слѡво, яко же
 рѣша. хвалнтѣ гѣ вси ѡзычї, и похвалнтѣ єго вси людїе. и всѣкъ
 ѡзыкъ и спѡвѣсть, яко же и гѣ иѣ хѣ въ славоу бгѣ ѡцю, ѡмннѣ. и 25
 въ єѣлїи рѣує гѣ, посмѣлаа своа оуѣнкѣ. шѣдшѣ, наоуунѣтѣ всѣ
 ѡзыкѣ, вѣтацѣ и вѣ имѣ ѡца и снѣ и стго дха, оуѣацѣ а блюстн
 всѣ, єанѣ заповѣдаѣтѣ вѣ, и се азъ с вами єсмь всѣ днн до конь-
 уннѣ вѣбоу. ѡмннѣ. вы же, уада възлюбленнѣа, послушантѣ оуѣ-
 нїа бжїа, єже въ послѣднѣа времена прѣдамо бѣ, вашѣ радн снїа 30
 да, пооуѣающѣса разумно, плѡ достоинѣ створнтѣ, и прїнмѣтѣ вѣ-
 нецъ нетлѣннѣнъ и въ сѣнъ какъ и въ градѣшнїи, съ всемн стѣмн въ
 вѣкѣ. ѡмннѣ.

Доедшъ же ѣмъ въ стрлы мѡрабьскы, всѣ людіе съ радостію нѣндѡша въ срѣтеніе ѣмоу, и тако прѣша м, ꙗко аггла бѣи. и ѡкерегошася оуѣса слѣпымъ, и оушеся глѣхымъ, и ѣзыцы вѣсвѣющей възглагоша мѣра, и ѣмн же оусты бѣша первѣе жрѣтвы не-
 5 прѣязныи възглаголи на каадагнхъ, и на всехъ мѣстѣ хвалѣхши бѣа, тѣм же дѣти и словесныа и бескверныа славбы бѣоу възглагоу за весь миръ, и въ всякомъ мѣстѣ ѣма бѣиѣ прославляѣтса въ ꙗзыкѣ нѡвъ, ѣмъ же ѣвнса проповѣдникъ и аггль новъ, възсѣавъ, ꙗко сѣнце, мѣглы некъдѣнїа ѡгона, и бѣоразоумїи святоиъ вса
 10 срѣца просвѣти, крѡтостію же и сластію, вса к себе любѡвїю прѣклауа, теуенїе своѣ сконуа, вѣроу съблѡде, цѣркви нѣмн оукрѣси и пѣннї дѣхокнымн. и тако поун ѡ гн в лѣто ѡ тварн всего мѣра г. г. г. д. е. и приложїса къ ѡцѣмъ своимъ, патрїархомъ ѡкраїмъ и їсаѡкоу и їаковоу, всемъ себе оуподѡбѣль, всѣ образъ на себе
 15 поношъ, ѡвѣмъ равенъ быкъ, ѡвѣ мнїн, а друзї прѣспѣвъ сілоу и дѣтелїю, и подвнгомъ, восїавъ, ꙗко сѣнце, лѣуамн прѣтоунамн и казанїемъ. ѣго же помышляющи медотоунаа слѡвеса, мѣсть уемъ сласти ѣго дѣхвныа прѣлѡжити.

Тѣм же кѣа оубо хвалы възгдамъ вама, тѣжѣшнмаса тоако
 20 хѣ ради въ вѣстѡунїи, и западнїи, и сѣверьскїи странѣ, не ѣнѣца временнїи и тѣлющїи, но вѣунїи и бесконечнїи, крѣтъ гнѣ на рамы възспрїимъша, и тѣмъ ѡладѣвшю грѣхомъ зѣмлю, потрекаша, разѡрїста, и всѣаста дѣхвное сѣма, и утѡ цѣркви прїнесоста жїто, дѣнїное оуѣенїе и тѣм же сїѣета, ꙗко свѣтнаъ, въ всемъ мѣрѣ,
 25 дѣмоньскою хвалоу и всакъ ѣресь прогнакша; велика оубѡ стоѣла хѣъ цѣркви быста, нѣнаа уѣка и зѣмнаа аггла, въ плѡти бесплатное жнїтїе стажаста. бѣжнѡ ѣ въ ѣстиннѣхъ урѣво, понїшнѣе кѣ, и възѡнѣша глѣса многоплѡдна, ѣм же напнтѣсть ѡлѣтѡуаа ѣзыкы и жадныа напоїста жнвотнаго пива, непрѣстающѣхъ пнцѣхъ ѣстоу-
 30 ша всемъ ѡбнаниѡ. кто оубо възмѡжетъ дѡстоїноу похвалоу възѡ ѣснѡвѣдати; нѡлѣнѣнѣю всю прошедша, стопама сконнни весь мѣръ ѡстїнста. бѣгвѣнъ ѣзыкъ ваю, ѣм же насѣкаста дѣхвнаа слѡвеса въ снїтїе бесчлѣнѣхъ ꙗзыкоу, бѣодѣхвненнїи даръ ѡ бѣа прїимша,

иракъ нехъдѣніа всю прогнаста, собою ѡбразъ всамъ прѣлагающа, ѡ оустнх дхѡвнх сладѡсть нстауающа, поганьствѣ же всякомоу разроушника мѣнстаса, ѣретникомъ свѡстата, бѣсомъ прогонника, свѣтъ ѡмраченъ, оуѣтла младеицемъ, нстауающа дехокноую сла-
дѡсть, алующимъ нескзднаа пища, жаднымъ непрестааи нстоуннкъ, 5
нагымъ ѡбильно ѡдѣаніе подающа, сирымъ помощника, стран-
нымъ прїимника, бѡльнымъ посѣтителѣ, печалнъ оутѣшителя, на-
пастнымъ защитника, вѡвамъ и сирѡтамъ помощника, слѣпымъ
свѣтодателя. влающнса в мѡри житїнствѣмъ велнкаа анкѣра, стѣна
и покровъ припадающимъ къ вама, іоудеѡмъ соупостата, исповѣд- 10
ника стѣи трїци, свѣршителя бжїю смѡтренїю, велнчествѣ бжїа слѣ-
жителя, нстоунника бжїю слѡвесн, недвижима стоѡпа хѣѣ цркви,
печать правды, щитъ веры, шлемъ спїїю, класъ многоплѡдентъ, лѡ-
за медотоуна, соти медвенїи слѡжеса ваю, нмн же насладнста всю
вселенноую, яко енсеръ многоцѣненъ нстоуыша, ѣкровнщи гнн, 15
вѣмѣстннщи бжїа смѡтренїа, ѡбнтелнще бою смѡтренїю, съсзда
стїмъ дхѡу нзбраннаа, пронеслаа нма хѣѡ по всен землн, крѣтѣ
похвалѣ на себя понесѣша, временнаа презрѣвша, а възунѣ насла-
женїе прїїмша. непрестанно прїбенаа и нстиннаа пастырѣ, за нз-
бранное стадо ваю подвижно помолнтаса, стрѣти ѡженѣща, бѣдѣ и 20
напастенї нзбавляюща, просвѣтнла нмъ срѣунїи ѡун и оумъ оутверднла,
достонно послѣдовати стѡпамъ ваю, немѡщн наша на са възнма-
юща, скыше слѣзъ подаднла, да, дѡстонно пожнвшн ѡ хѣѣ, наслед-
ннцї трѣдоу ваю ѡбращѣтса и проповѣдннцн правнїи веры, юже нмъ
ѣста предала, да всн єдиногѣно прославѣ трнстѡе бжѣство ѡїѣ
сна и стїго дха, ннѣ и прїю и во вѣкн вѣкѡ. аминь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Стран. Строк.

- 2. сѣтворшеноу вм. сѣтворшема.
- 3. на новы вѣтхыи законѣ вм. новыи и вѣтхыи законѣ.
- 4. къ ѡзымы вм. къ ѡзымѣ.
- — Проп. и передъ архіеѣиѣ.
- 5. и лишнее передъ месѣдїю.
- 75, 11. законьданиѣ вм. законѣ дакъ.
- 76, 19. оуѣрисиѣста и дѣшею и оумомѣ вм. оуѣрисиѣста и дѣшею и оумѣ.
- 77, 3. оуѣдїю вм. оуѣдїѣ.
- 14. вестѣженїи вм. стѣженїи.
- 78, 4. ѡснїла воудета вм. ѡснїсїта.
- 79, 8. нечюльствїсїа же не ѡс имене вм. не ѡс нечюльствїсїа же имене.
- 13. Проп. не хазка ѡггальсїа напїтаюѣра.
- 15. нѣо вм. то.
- 17. гѣа вм. гѣадѣѣ.
- 33. Проп. къ передъ ѡзымѣ.
- 80, 6. преноѡсликъшася вм. преноѡсликъша.
- 81, 27. оуѣцїиѣ вм. оуѣцїе ѣ.
- 82, 33. ѡзы вм. ѡзымоу.
- 83, 11. вѣїа вм. вѣїю.
- 12. ѡстоуни вм. ѡстоуниши.
-

IX.

*По большим Четъ-Миняемъ Макарьевскимъ Новгородскимъ, Мясцъ Ок-
тябрь, прежде въ Софійской Библиотекъ, нынъ же въ Петербургской
Духовной Академіи, л. 293 и слѣд., лѣта 7049, № 1318 (см. Житіе
Кирилла подъ № VIII).*

В ТОЙ ДНЬ СЛОВО ПОХВАЛНО НА ПАМЯТЬ СТЫМЪ И ПРЕ-
СЛАВНЫМЪ ОУЧИТЕЛЕМЪ ОЛОВЕНЬКОУ АЗЫКОУ, СОТВОРИШЕ-
МА ПИСМЕНЫ ЕМОУ И ПРЕЛОЖШИМА НОВЫИ И ВЕЧХИИ ЗА-
КОНЪ ВЪ АЗЫКЪ И, ВАЖЕНЫНОМУ ОУ КИРИЛОУ И АРХИЕППОУ
ПАКОНЬКОУ. МЕФОДИЮ. ВЛВИ ОУЧЕ.

БГОУ И СЯСОУ НАШЕМОУ, ТСА КОУ, МНОГИ И МЕНЗРЕУЕМНЫМЪ УАКО-
ДИЕНЕМЪ ПОМИЛОКАШИЮ РО УАУСНЫИ, И НЕ ТЕРМАЦИЮ СОЗДАНИА СВОЕ-
ГО АССТІЮ ДІАКОЛЕЮ ОДЕРЖИМА, НИЗЛОЖИ СЕБЕ КО СМІРЕНІЕ КОЛМОЕ,
И ВОПЛОЩИСА О СТО ДХА И О ФРУТМА И О СЛАВНЫА КЦА И ПИСНО
ДЕМ МРНА, НА ЗЕМЛИ АВАЛСА И СО УАКИ ПОЖИВЕ, И СОБЪРАЗЕНЪ КМЪ
ТЕЛЕСИ НАЦЕМОУ, ОСОУДИ ГРЪХИ ПЛОТНО СВОЕЮ, ДА, ОУМИРАЮЩИИ О
АДАМЪ, О КЪ ОЖНЕОУТЬ. ТЪ КО Е МИРЪ НАШЪ, СОТВОРИ И ОВРА И ЕДИ-
НО, ПРЕОТРАДЕНІЕ ОТРАДЪ РАЗРОУИТЬ, КРТО ОУЧЕНЪ ВРАЖОУ И НЕВЕ-
ЩЕЪ КИ ИЪЗ МРТЕЦЪ, СОБОЮ НАСТАКАЪ РО УАУЪ МА НЕИСТАВНЫИ ПОУТЬ,
КЪШЕ ЖЕ НА ИСА, СЪДЕ О ДЕСНОЮ ОУГОЛА ВЕЛИЧЕСТВІА НА КЫСОКЪ,
ХЛОПЪ ДАКЪ И СЛОУСНОУ РОДЪ УАУЮ, ХОТАИ ВЪ ПОСАНАА ВРЕМЕНА ХО-
ДИТИ СОУДИТИ ЖИМЪ И МРТЕЦЪ И ВОЗДАТИ КОМОУЖО ПО ДЛАВ ЕГО, ИКО
ПРАВЕДЕНЪ СВДИ. НЕ ХОЩЕТЬ КО СМРТИ ГРЪШНИКОУ, МО ОВРАЩЕННИЮ
ЕГО И ПОКААНИЮ, АЩЕ НАИПАУЕ ВРНАЕЖИТЬ НА ХЛОБОУ КОЖО УАКЪ. НЕ

ѡСТАКІ БО СОЗДАНА СВОЕГО МНООСТНЫИ БѢ, НИ ЗАБЫ ДѢЛА РҪКОУ СВОЕЮ, НО НА КОЖЛА ЛѢТА Н КРЕМЕНА НЗЕРА МОУЖА, Н АЖИ ДѢЛА Н Н ПОДБИГЫ ЛЮДЕМЪ, ДА БЫША, ТЕМЪ ПОДОБЩЕСА, ЖИВОТЪ ВЪУНЫИ ѡБРЕАН, Н ПО ТѢХЪ ПРРКЫ, ПО ПРРЦѢ ЖЕ АПЛАН, Н ПО АПЛѢХЪ МҪНИКИ Н ПРАВЕДНЫА МҪЖА Н ОҪУНТЕЛА. ЕЖЕ СА Н СЪЕМЪ ВЪ .Ҫ. ВЪКЪ НАШЪ. РѢША БО ѡНИ СЛѢПІИ ПРОЗРА, ГЛУСІИ ОҪСЛЫШАТЬ СЛОВО КНИЖНОЕ, Н ВСИ ВОЗГЛҪЮТЬ РАЗАНУНЫ АЗЫКИ ВЕЛНУНА БЖІА.

БѢ ЖЕ ВЪ СЕЛОУНСТЫИ ГРАДѢ МОУЖЪ НАКІИ, ИМЕНЕМЪ АСЪ, УЖЕ НЕПОРОУЕМЪ, ИСТИНЕМЪ Н БГОУТЪЦЪ, ѡБРЕБАЛСА ѡ ВСАКІА ЗАОБЫ, Н СПОЛНАА ВСА ЗАПОВѢДИ БЖІА, АКО ЖЕ ІѡВЪ. ЖИВЫИ ЖЕ ВЪ КРОТОСТИ Н ГОВЯНІИ, СЕМОРОДЕНЪ ѡБРЕТЕСА, Н ІАКО ЖЕ І НѡВЪ. ѡ ИЖОЕМ ЖЕ Н ПРРКЪ ГЛЕТЬ БЛЖЕНЪ МОУЖЪ БОАНСА ГА, В ЗАПОВѢДЕ ЕГО ВОСХОЩЕТЪ ЗВЛО. СИЛНО НА ЗЕМЛИ БУДЕ СЪМЪ ЕГО, РО ПРАВЕДНЫИ БЛГОСЛОВИТІ. СЛАВА Н БГАТСТВО В ДОМУ ЕГО, ПРАВДА ЕГО ПРЕБЫВАЕТЪ ВЪ ВЪКЪ ВЪ КОУ. ИС ТОГО БО КОРЕНЕ КЪСІАСТА НЗРАДНЪ ДЪА ЛѢТОРАСИ СЪТЗОРАНИЪ, БЛЕНЪ ПЛѡ НА СЕБЪ НОСАЩА, ЖИТІЕ ЖЕ НЕПОРОУНО ѡ ОҪНОСТИ ИМУЩА. ПРЕМРѢОСТЬ БО СЕБЪ АКО Н СЕСТРОУ СОТВОРИША, ТОЮ ОҪКРАСИСТА Н ДІЮ Н ОҪМЪ, ЛЮБОВНЮ ЖЕ Н ВЪРОЮ, ДРУГЪ ДРУГА ЕЮ ПРЕСЪВАСТА, МОУДРОСТИЮ ЦВѢТҪЩА ПРИСИ, АКО ЦВѢТЕЦЪ БЛГОУХАННЫИ. РОДОМЪ СЫ МНИ БЛАЖЕННЫИ КОСТАНТИНЪ, А ОҪМОМЪ Н ДОБРОДѢТЕЛЬНЫИ ВЫСПРЪ ВОЗЛѢТАА, АКО ЖЕ ѡРЕЛЪ ДХОВНЫМА КРЫЛОМА, ТИ БГОЗАРНЫИ СВѢТОМЪ ОҪМА ПРОСВѢЩИ СИ, СОСОУДЪ НЗЕРАНЪ СТѢМОУ ДХѢ, Н ТЕМЪ СВѢТАСА ВСЕМЪ ОҪУЕННЕМЪ ФИЛОСОФСКОМЪ, НЕ СКОУДНОЕ СОКРОЩЕ ѡБРЕТЕСА. АКО БО ИСТОУНИКЪ, ИСПЛЪНАА ВСЮ ВСЕЛЕННОЮ, ИМОИ ЖЕДНЫА СЛОВЕСЕ БЖІА, ІАКО ЖЕ РЕЧЕ САМЪ ГЪ БѢ НАШЪ, ІС ХСЪ. ВЪРОУАИ В МА, ІАКО ЖЕ КНИГЫ РѢША, РЪКИ ѡ УРЕКА ЕГО ПОТЕКОУТЬ КОДЫ ЖИВИ, СРЪУЪ, ДАРОКЕ ЖИВОТКОРАЩАГО ДХА. ТОИ БО ВОСКНІЕ В НЕМЪ, ИЗДІАСА ОҪСТНАМА ЕГО, Н ВСЮ ВСЕЛЕННОЮ СЛАСТНО ВОЗВЕСЕАН, СЛОВО РАСКЛАА КОЕМЪЖѢ АЗЫКУ, ПРОТНѢ СВОЕМУ РАЗУМУ. БѢ БО ЕМОУ ДАНЪ ДАРЪ ДХОВНЫИ АЗЫКИ ГЛѢТИ, АКО Н АПЛОУ. СТАРЬШИИ ЖЕ ЕГО БРАТЪ, ПРЕБЛАЖЕННЫИ МЕФОДІИ, ИЗМАДА ЖИТЕЙСКЫА САИ НАУАТЪ ПРИИМАТИ. МУДРОСТИЮ БО, АКО ЦВѢТЬ БЛГОУХАНЕ, ЦВѢТИИ, ВСЯМИ БЛКАМИ БЫТЬ ЛЮБИ. В БЕСЪДѢ, БО АКО СОЛОМОНЪ АБЛААШЕСА, ДИКНЫА ПРІТУА Н

наказаніа и вопрошаніа и зноса и(съ) сѣрнаго села, на службѣ
 всѣмъ оудоднѣ, ако и крмлатъ, ѡбраташеса, и на воинѣ ако и сам-
 сонѣ, и гедесонѣ, и ісѣ навгинѣ страше авлашеса. тѣмъ же и боево-
 скѣи сѣмъ прїимъ, побысть к нему мало, и разумевъ многоматежныи
 сѣи свѣтъ, ако сънь преходашь неполазжено, пауче же гнѣ слово, 5
 ако и стрелѣ в сѣрци си прїи, ако же рече: каа полза естъ улкоу,
 аще кесъ мнрѣ приѡбраще, а дїлю свою ѡтцїетити, ли погүентъ; ли
 что дастъ улкѣ и змыну на дїни своен; прременнѣ же земнымн нѣмаа,
 временна оубо ѡметаа ѡ себе, презра, во вѣчнѣа подвигомѣса. и
 и(з)шедъ въ ѡлнмѣъ, пострнжеса в уернѣа рнзы, уаа прїати блѣу и 10
 нетлнвноу аггласкоу ѡдежюу. и въ повннѣа всѣмъ с покореннѣ и
 смиреннѣ, въ забвѣнн и млтвѣ, въ стоуженн, слоуженн, въ и з-
 раднѣ пощенн, въ трезвѣнн всегда, во ѡншченн дхѡвнемъ, во пла-
 ун блѣзѣ, ѡ ѡуню истоуннка испншаа, ако рѣкѣ, и тою ѡмываа все
 тѣло свое, плотьскаго покоа ѡнюдь не вѣдн, какъ естъ, но на 15
 всакоу ношь стоа ѡ захода сннца до всходаща, не даа сна ѡнма
 сконма, ни вѣждама си дреманіа, ни покоа бровьма сконма, поѡуа-
 аса во хлмѣ и пвннн и пвснхъ дхѡвнѣ, н сподензаа са спостнгноу-
 ти жнтїа стѣи ѡнѣ, ѡвы же преспѣ кротостїю и молуанїемъ, а дрѣ-
 гнѣа постомъ, и бдѣннѣ, и млтвою, и смѣреннѣ и зрадно. и тако нме- 20
 ннѣ вѣ во всѣ ѡнѣхъ, подовенъ келнкомоу арсенїю, и антонїю,
 и савѣ, всѣхъ жнтїа собою совершаа. млтвнн же бѣ, видѣвъ и в
 толнцѣ троудѣ пребывающа, вложн в сѣце братїн, нже, видѣвше
 подвн єго и зраденъ на слоужбѣ бжнїю, дрѣ ко дрѣгоу двклахүса,
 и прославлахү бга дающаго блгть свнше трүжающнса єго радн, 25
 домдеже патрїархъ, оүслышавъ подвнгъ єго, вѣднша и поставннн
 мнтрополнта въ уестнѣ мѣстѣ, и не могнс єго томъ прнвѣднн,
 поставнша и нгоүмена в монастырь, нже нарицаѣтса нменѣ полн-
 хронѣ, в немъ же блше ѡнѣ .ѡ. и по то са емъ, пребываше, ако и
 бесплотенъ, въ млтвѣ прнсно, всѣмъ всауьскн, дабѣ вса прнѡбрѣлѣ. 30
 и стѣа кнїгы ѡ таковою вопїють, похваляно глїюща прѣмростн
 дрѣкнн взыщетса, и ко иррүствннхъ поживете. покестн моужѣ нме-
 нннѣ сохрнннѣ, и во и зкнннхъ прнтоуннѣ и зрѣдѣте. посредѣ кел-

можь послѡужите, ѡ прѣ ѡгоумены ѡнтеса. по земаи тоуѡихъ ѡзыкѣ
 проидате, добро ѡ зло въ челоуцѣ ѡскоушнѣ. сѡце свое дастѣ
 оуѣрне быти къ гоу, сотвориемоу ѡ, ѡ прѣ вышнѣ помолнстаса. ѡ
 ѡкерзоста оуѣста своѣ на молнтвоу, ѡ ѡ грѣсѣ своихъ помолнстаса.
 ѡ аще же бѣ възхоуѣтъ великѣи, разоумнаго дѣа наподинтеса. тои
 бо потоунтъ глѣ ѡ мрѡсѣ ею, ѡ в мѣткѣ ѡсповѣдастаса гѣи. тои
 бо ѡнтѣ казанѣе ѡ оуѣенѣа ею, ѡ в законѣ закѣта глѣ похваля-
 стаса. восхвалятѣ ею разумѣ мнози, ѡ до вѣка не потребнтса ѡ не
 ѡстоунтъ ею, ѡ ѡма ею живѣтъ в роды ѡ роды. мѣдрѡсть ею по-
 10 вѣдѣтъ ѡзыци, ѡ похваля ею ѡсповѣсть цѣкви, еи же кыста крѣпка
 побнѣа ѡ недржннѣа столпа, ѡснована на твердемъ камени, крѣ,
 послѣствовавша первѡѡимъ ѡ патриѣркѡ, крѡю ѡ подкигѡ дѣла ѡ
 ѡ троуды собою сконѣваѡща, ѡко же ѡ великѣи патриѣркѣ ѡвраамъ,
 прѣдѣдъ хѣ, крѡю прѣселннкѣ бывѣ ѡ пришлецѣ в земаи тѣждѣи,
 15 дрѣгѣ бѣи нарѣуѣса, ѡ закѣ ѡврѣзанѣю ѡ бѣа прѣимъ, крѡю ѡцѣ
 много ѡзыкѡмъ нарѣуѣса. сѣа же сѣа ѡ прѣславнаѣ ѡнѣа ѡ оуѣтѣа,
 тою же крѡю оуѣкрашнѣа, ты же дѣтели сконѣаста. прѣселннѣа
 бо кыста ѡѣѣства своѣго ѡ пришелца на земаю тоуѡоу. забѡи же
 ѡ бѣа прѣимши, не своѣмоу племени, ѡко же ѡвраамъ, но ѡзыкѣ.
 20 ѡже не разоумѣашѣ десннѣа своѣа, ни шѡунца, но ѣмъ же са
 прѣтѣкнѣаоу, то тому са норѣвопрѣше, камакѣса, ѡко бѣоу, тѣ-
 ри, въ творца мѣсто. закѣтъ же не ѡврѣзанѣю прѣимше, ѡко же
 ѡвраамъ, но крѣщенѣю, во ѡставленѣе грѣховѣ, во кѣмъ прѣсѣ-
 ваѡщѣ, самѣмъ сконѣанъ ѡ преданъ гдѣмъ нашнмъ, ѡ хѣ. мѡтѣи
 25 такожѣ сѡ ѡарономъ во ѣреѣхѣ бѣиныхъ, бѣ фарѡнонѣ нарѣкѣса,
 мѡкѣми разоумнѣми ѣгѣпта оумѣуѣ, бѡжѣа людѣи ѡз работѣ ѡ ѡзѣ-
 де, во дѣе столпѡмъ ѡблауно, а в ноци стѡлпѡмъ ѡгнѣннмъ, ѡ
 разоуѣа море, по сѣхоу прѣведе в поустыни, ѡ прѡтнѣннѣа погроузи въ
 безднѣ, въ поустыни же безводнѣ напои ѡ, прѡражѣ камени, ѡ
 30 хѣкѣ ѡгѣальска насыти, ѡ законъ же ѡ бѣа прѣимъ, бѣинымъ прѣстѡмъ
 напнсамъ. на скрѣжали бо каманы, прѣдѣсть людѣи въ сохрѣненѣе ѡ
 послѡушанѣе. сѣа же прѣблаженнаѣ ѡ бѣоуѡгоднаѣ уѣлка ни уны же
 меннѣа тою ѡкнстаса, того же бѡжѣа дѣа напоѣна кыше, сѣгоуѣѣ

каѣти сподобльшася, люди ижеведоста иже многомудраунаго дѣкаль-
скаго мора, мыслываго фараѣна погрѣужьша, и всю силу еѣго по-
трекнста, и крѣюю кообрѣжньеса и славою крѣтнѣи, не въ прѣустѣицю
же а ижеведоста, но на свѣтъ бѣобразумнѣи наставнста, не ѣс камене
воду ижеведша, но крѣюю словесе бжѣи жадьныа напрѣнста, не ѣс не
уювѣствена же камене воду ижеведша, аѣо же і ѡна, но истовѣснѣю
крѣвию и водѣю ѡ прѣутѣи рѣбрѣ гѣ нашего, іс хѣ, крѣиѣи лицию крѣ-
моую и нескѣмѣуныи жнѣотъ въ сѣсенѣе прѣдста, ко бѣданіе грѣхѣмъ
подающа, ни кѣвѣ аѣгльска напнтающа, но истое тело гѣ нашего,
іс хѣ. законъ же бжѣи соутѣево прѣложьша, въ новѣи а зѣкъ прѣ- 10
дста, писмена створнша ѣмѣ. еже въ са ѡ прѣмѣудрѣи и разоумнѣи
оутѣало, то ѡткрѣево кысть мадденцѣмъ в посѣднѣи кѣтъ снѣа.
не на скрижаахъ камаы напнсапѣ, но на срѣи скрижаахъ плѣтѣхъ, ни
скѣоуѣ ѡблакъ, ни шѣглюю, ни коурѣю гѣанѣхъ, но самѣ гѣи, іѣ хѣи
скрѣпѣмъ и прѣднѣ. не сѣи слѣужнѣла, но истнннѣхъ проповѣднн- 15
ка кыста, ни кроплѣнѣемъ кроке оуныа и козла кропѣнѣи и ѡннѣи
юща скѣвернѣмъ въ плѣтѣхъ истѣотѣ, но стѣмъ крѣнѣемъ, не
телѣ ѣднѣю ѡннѣиоуща, но дѣбѣсноую свѣцию въ срѣнѣмъ сѣахъ козѣмъ
кѣстѣаща, ни законѣннѣи жерѣтѣхъ проповѣдннѣа бѣвнѣа, ни а слѣу-
жнѣла, но кѣснѣвернѣмъ и мнрнѣи кѣи слѣужѣа слѣоуѣ и прѣп- 20
вѣдѣла аѣнѣстѣа, аѣлѣмъ сѣпрѣжннѣа, на то же дѣло ижебраа, крѣтъ
смыслѣе на рѣмоу кѣою коспрннѣмъ, всю вселѣннѣю ѡбнѣдѣа,
нспѣлнѣиоуща оуѣмнѣе гѣ мѣста, в нѣи ѡнн не вѣстѣаща, аѣ оудѣ-
жѣннѣмъ нѣтн, аѣ за оумноженіе ннѣхъ странѣ бѣннѣи, в нѣи же
рѣннѣшѣса, аѣо аѣуѣа коамѣуныа, свѣтомъ бѣобразумнѣи прѣсвѣтннѣа зѣ
вѣсь мнрѣ.

Но гѣи же стѣпѣмъ и сн ходѣаща и того же дѣа напѣсѣа ѡ бѣа, гѣ-
моу же слѣкѣсн кыста проповѣдннѣа и новаѣ аѣлѣа, не на тоуѣемъ
ѡсноканѣи кѣе дѣло коказѣоуща, но ижемоа писмена кообрѣжьша, и
скѣверннѣа до аѣмъкѣ ноуѣ, послѣа же костѣкнѣа, аѣо оутрѣнаѣа зѣвѣ- 30
дѣа, ѡ сѣнѣа свѣтъ нрѣемѣоушн, свѣтѣннѣи всѣхъ аѣлѣѣтѣса, и аѣо же
маѣтнѣи дѣлѣтеле въ вннѣгѣа, понѣснѣи таготѣ дѣе и вѣрѣа, со дѣн-
шѣннѣи въ .аѣ. хѣсѣ рѣкнѣмъ слѣдѣлѣнн бѣшѣа мѣзѣа, бжѣи каѣтн гѣ-

но извольши, въ послѣдній кѣкъ томоу же дѣлу акити сѣа поел
 проповѣдника и свѣтнаника всен вселеннѣи, иже поденгомъ доврѣи
 вѣроу крѣпко преподасеши урела своа, проидоста, ако сѣици,
 тѣмнѣа мѣста стопами сконни просвѣщающа, всакоу мѣглоу погаш-
 5 сиюю дѣховнымъ ѿгнемъ попалающа и еретнѣскоу, не пощада-
 ца дѣша своѣа, ни пощадаца телесн своего, но всегда готова соу-
 ши за правоу вѣроу сластно и свити хѣоу уашио. къ срацинѣ же
 и козарехъ авльшаса непобѣдна, но ако же дѣдъ инопламеннибоу
 иногда, низложникъ горднню, его потреен, прообразовѣ троицо
 10 трѣми камени, и своимъ емоу меуемъ главоу ѿсѣвъ, похвалу
 приаѣтъ къ тѣмъ ѿ сѣовъ и нѣкъ, такоже же и сѣа ѿца, трои-
 постасноу бжѣствоу слоузи соуши и проповѣдника, къ соборѣ
 срацинѣстехъ и жидовскѣи ѿврѣшаса, сконни имъ книгами и азѣ-
 комъ, бохмитовы владн и жидовскоу злобоу дѣховнымъ меуемъ
 15 ѿсѣкша, потребнста, ако павелъ, и поплаиста дѣховноу бѣгода-
 тнѣо, а слово гнѣ въсѣдста, ако и пиеннцю, ко сфѣиымъ сѣлѣ, и
 вса насладнста медотоуними словесы, трѣезнаудалнаго же кѣтѣа
 асно исповѣдста, оуказста ко еднномъ сущестѣа ракемѣствомъ
 сѣающа ѿца и сѣа и сѣго дѣа. тако а оуловнста, ако и рѣкы,
 20 словесноу мрежею, и крѣнста ѿ козарѣ утѣма уади до двою стѣ,
 развѣ живѣ и дѣтѣ. трѣгѣу похвалоу ѿ всеа цркви приимѣша, пре-
 идоста ѿ дѣмѣа на запамна страны, бѣговѣствѣюща слово кѣтѣ
 къ азѣкъ новѣ, и весь црковнѣи закѣи прѣложѣша ѿ греуескаго,
 ко свои имъ азѣжѣ прѣдста. трѣазѣуинкомъ же злобу низложѣша
 25 потребнста, ако павелъ ѿ пиенница ѿвращѣша, ти уисто цркви и
 свѣтоѿбразно жнто прѣдста. в западнѣи же странѣ, панонѣстѣ и
 моравскѣи странѣ, ако сѣици восѣкша, мрака грѣховна ѿгнакша,
 просвѣтнста боукамаи и наууѣша оуѣенники црквиному унмоу исподѣи.
 и тако теуенѣе сконуавѣюща, пѣти са аста римскаго, апѣлѣскому
 прѣлау поклонитнса, ведуща с собою на свѣщенѣе дѣховнѣи плаѣ.
 30 еже слышавѣ аностоликъ андрѣамъ, ижде протикѣ нѣма далѣуѣ ѿ
 града римска, и тако же а прѣаѣтъ, ако агѣла бжѣа, и оуѣенѣе сѣо
 приаюбѣл, поставн блаженнаго мѣфодѣа на прозвѣтерѣство, и оуѣ-
 мннн сѣо.

Приканжи же са время поконѣ прѣати престѣомѣ и прѣказе-
 номѣ ѡцѣу нашѣомѣ и оуунтелею, константинѣ философу. видѣв
 же авлениѣ ѡ бѣ ѡ покон своѣмъ, ѡблетеса в уерны ризы, и дѣи
 же нарекъ покоа своѣго, прѣбѣ до него дѣи, веселася и слава бѣ.
 и тако поун ѡ гѣ в лѣ ѣ. т. ѡ. и. з. и приложиса ко ѡцѣмъ
 сконмъ, прѣкѣ и апломъ, мѣнкомъ и всѣмъ стѣи. и положина и
 в цркви стѣго клмента, идеже нѣшна исцеленѣа кьвати ѡ утѣнаго
 гроа ѣго, сляпѣи авѣе науаша проскѣщатиса недѣжнѣи целантиса,
 кьси сходѣти, ѣже видѣвше римланѣ, науѣ са приложина ко стѣ-
 ми ѣго. сѣшешѣ же прѣутѣнаго и бѣгоутѣнаго мѣфодѣа на архѣпѣп-
 стѣо, на столѣ стѣго амроника апостола ко памонѣи ѡ .ѡ. поустниша
 на страны словѣнскѣа оуунтѣ во азьмъ нѣ, написавшѣ епистолю
 сѣю ко княземъ страны тоа, ростиславѣ, и стѣполкѣ и коцелѣ ам-
 рѣанѣ епѣпѣ, рабѣ всѣ рабѣ бѣжнѣмъ, кѣ ростиславѣ, и стѣполкѣ.
 и коцелѣ. слава в вышнѣи бѣгоу, и на земан мирѣ, во уѣвѣ бѣгово-
 лениѣ. ако ѡ васѣ слышавшѣ дѣхѣомы радости, авѣ имате на сѣсе-
 нѣе, сьемъ врата нашего, утѣнаго мѣфодѣа, сѣнна на архѣпѣпство,
 на страны ваша, авѣ есте проснѣи оу нѣа, да кь уѣтитѣ, во азьмѣ
 предлагѣа книги, да са исполнѣи прѣруськоѣ слово, ако же рѣши-
 хвалите гѣ всѣ азьци, и похвалите ѣго всѣ людѣе. и всакъ азьмъ
 испокѣсть, ако же и гѣ исъ хѣ во славоу бѣгоу ѡцѣю. амнѣи. и ко
 бѣадѣи рѣуѣ гѣ, послаа своа оуѣеники шѣшѣ, наоуунтѣ вса азь-
 ки, крѣтащѣ а ко нѣма ѡца и сна и стѣго дѣа, оуѣащѣ бьюсти всѣ,
 ѣанка заповѣдѣа вѣа, и се азъ с вами ѣсмъ вса дѣи до кончнѣи
 кькоу. амнѣи. вы же, уѣда возлюбленѣа, послѣушантѣ оуѣенѣа бѣжѣа,
 ѣже в послѣднѣе время предано бѣ, вашего ради сѣсенѣа, да, проу-
 уѣащѣса разумно, ялѣ достоинѣ створитѣ, и примѣтѣ вѣнецъ не-
 тлѣнѣнѣи и вѣ сѣ кькѣ и кѣ градоуѣнѣи со всѣми стѣими вѣ кькы.
 амнѣи.

Дошѣшоу же ѣмоу во страны моравьскѣи, всѣ люѣе с радѣстѣю
 изидоша во срѣтенѣе ѣмоу, и тако прѣаша и, ако аггѣла бѣжѣа. и
 ѡкерзошася ѡуѣса сляпѣи и оушѣса глаоухнѣхъ, и азьци воельсноуѣ-
 щѣи возгѣаша мира, и нѣи же оуѣсты кьша перѣвѣ жертѣи не-

прѣзрѣвши воздѣлаи на кладѣзѣ и на всѣхъ мѣстѣ хулокали бѣа, тѣмъ
 же дати ѿ словесныхъ и вѣскверныхъ слоужбы бѣоу въздаюць за весь
 миръ, и во всякомъ мѣстѣ има бжѣе прославаеѣтся къ азмык
 новъ, сму же авенга проповѣдникъ и авѣзъ нокъ, восѣлакъ акъ сѣнце,
 и мылоу невндѣнѣа бѣгона и бѣобразумнѣа свѣтѣ всѣмъ срѣа просвети,
 протостѣю же и сластню, вса к себѣ любовникѣа приклауа, тетелѣе
 свое сконуа, вѣрѣу соблюде, цркви нѣимъ оуѣраси и пѣнѣи дѣоимъ
 мп. и тако поуи ѿ гдѣ в азто ѿ тедрѣи всѣ мира .Ѣ. Ѣ. Ѹ. и. д. и
 приложиса ко ѿѣсемъ сконѣмъ, патрѣархомъ аврааму, и нѣслиу и акѣоу,
 10 вѣзмѣ себе оуѣподѣла, вѣсхъ ѿвѣрѣ на себѣ повошѣ, ѿвѣмѣ рѣсѣнъ
 кмѣ, ѿвѣхъ мѣи, а дрѣгхъ прѣсѣнѣкъ слаю, и дѣтелю, и пѣнѣ-
 гомѣ, вѣспѣкъ, акѣо сѣнце, лѣгѣамъ ирѣоунамъ и назапѣмъ. ѿго по
 мѣшлѣющи мѣдотѣнѣа словеса, мѣстѣ ѣемъ сласти ѿго дѣоимѣа
 приложити.

15 Тѣмъ же клѣ оуѣбо похвалѣ въздамъ вѣма, трѣждѣнѣмѣа тѣавѣо
 хѣ радѣ вѣ востѣнѣи, и запѣнѣхъ и свѣерскѣа странахъ, не ирѣѣнѣа
 вѣремѣнѣхъ и тѣлѣющѣа, но вѣзунѣа и бесконѣунѣа, крѣтъ рѣнѣа на рѣнѣ
 мѣжеснѣа вѣспрѣимѣши, и тѣмъ ѿладнѣшѣу грѣхѣомъ земаю потрѣла-
 нѣе, разорѣнѣа, и вѣсѣста дѣоимѣа сѣма, и тѣто цркви принесѣста
 20 жѣтѣ, дѣнѣомѣ оуѣуенѣе, имъ же снѣста, акѣо свѣтѣлакъ вѣ всѣмъ мирѣ,
 дѣмѣонѣоуѣоу хулу и вѣсѣку ѣресѣ прогнѣмѣа. велѣнѣа оуѣбо стола цркви
 хѣмъ бѣста, мѣнѣа уѣлѣка и земаа аггѣа, вѣ нѣоти беснѣлатнѣоѣ жѣ-
 тнѣа стажажѣа. вѣжѣнѣно ѣ во истѣннѣу ѣресѣ, нѣмѣашѣе тѣмъ и въздо-
 нѣмѣа блѣса мнѣогѣнѣа, имъ же напѣнѣста алѣющѣа азмыкѣ, и жѣ-
 25 нѣа напѣнѣста жѣнѣотнѣаго пѣнѣа, неспрѣстанѣоуѣ пѣнѣу нѣстоуѣмѣа всѣмъ
 ѿвѣнѣно. кто оуѣбо възможѣтъ достѣоимѣу похвалѣу вѣоу нѣспѣвѣдѣтѣ,
 пѣнѣнѣюѣу всю пропѣнѣша, стѣнѣамъ скѣоимъ всѣмъ мирѣ ѿстѣнѣста; вѣгѣ-
 слѣкенъ азмыкѣ вѣоу, имъ же насѣдѣста дѣоимѣа словеса, вѣ спѣсѣнѣе
 бѣунѣслѣннѣу азмыкѣ, бѣодѣнѣовѣннѣи даръ ѿ бѣа прѣимѣша, мѣракъ вѣ-
 30 вѣдѣнѣа всюдѣ прогнѣста, собою ѿвѣрѣ всѣмъ прѣлагающѣа, ѿ оуѣ-
 стнѣу дѣоимѣу сластѣ нѣстауѣющѣа, поганѣнѣствѣ же вѣсѣвошѣу разѣрѣнѣн-
 нѣа авѣстѣа, ѣретнѣкѣ сѣпѣстѣа, вѣсѣоу прогѣнѣнѣа, вѣсѣтъ ѿнѣрѣуѣн-
 нѣмъ, оуѣнтѣла мѣладѣнѣнѣемъ, нѣстауѣющѣа дѣоимѣу сластѣ, алѣющѣа

нескүднаа пища, жанаа напалаа истоумникъ, вагы обнано одзніе по-
 давающе, снрѣ помощника, страннымъ прїимника, боанѣ посѣтите-
 ла, пѣвалнѣ оутѣшителя, напастнѣ защитника, вдовѣ и сиротамъ
 помощника, слѣпымъ свѣтодателя, влаюцимса в морѣ житнїстѣмъ
 великаа акира, стѣна и покровъ припадаюци и вамъ, нїудѣемъ су-
 постата и исповѣдника стѣнѣ трїци, совѣшителя бжнїю смотренїю,
 велїусткү бжнїю слүжителя, истоумника бжнїю словесѣ, недвижнаа
 столпа цркви хѣм, пѣють правды, цитѣ вѣры, шлемъ спсєнїю,
 класъ многоплоденъ, лѣта медотоуна, соти медовїнїи словеса ваю,
 нїм же насладила всю вселєннїю, аки кнтеръ многоцєненъ истоу- 10
 ша, сокровница гни, вмѣстнани бжнїа смотренїа, обнелани бжнїю
 смотренїю, сосүда стому дхү избраннаа, пронєсшала нїма хѣо по
 всєи землї, вртү похвалу на сєбѣ понєсша, времїннаа презрѣкша,
 а влүмѣ наслаженїа прїимша, непрєстанно прлєнаа и истиннаа
 пастыра, за избранное стадо ваю подвїнно помолнтаса, стрѣти ѡже- 15
 нүща, вѣдѣ и напастнїи избавляюща, проскѣнтита нїмъ сфунїнѣ ѡуи
 и оумъ оутвердита достоинно послѣдовати стопамъ ваю, немоци
 наша на са взнмлюща, свыше снаү поддана, да, достоинно по-
 жнєше о хѣ, наслѣннїцѣ труд ваю ѡсрациүтса и проповѣднїцѣ пра-
 кой вѣре, юже нїмъ єста предала, да всѣ єдиногласно просла 20
 вимъ трїстєое бжтво ѡца и сїна и стго дха, нїх и прїю и в кзкы
 вѣкомъ. аминь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- Стран. Строк.
- Въ заглавіи: 85, 3. сотворшемоу вм. сотворшема.
 — — на новыи кетхѣи вм. новыи ѿ кетхѣи.
 — 4. въ ѡзыи вм. въ ѡзыкѣ.
 — — Проп. ѿ передъ ѡрхейвоу.
 — 5. Лишнее ѿ передъ мѡфодіа.
 — 11. заповаданъ вм. заповѣданъ.
 86, 17. оубрассиста ѿ дѣшо ѿ оумѡ вм. оубрассиста ѿ дѣшо
 ѿ оумѣ.
 — 32. к бестда вм. к бестдѣ.
 87, 1. оубодно вм. оубоднѣ.
 — 11. въ бестоужешѣи вм. стоужешѣи.
 — 20. ѡмемистъ ам. ѡмемитъ
 88, 1. ѡскоула кудета вм. ѡскоусита.
 — 2. прѣмышѣи вм. прѣмышѣи.
 — 20. но вм. то.
 — 22. прѣмышю вм. прѣмышѣ.
 — 24. терехъ вм. терехѣ.
 89, 6. неубрассиста же не ис вм. не ис неубрассиста же.
 — 8. предастъ вм. предаста.
 — 14. гѣа вм. гѣанъ.
 — 18. ѡуица вм. ѡуицаюца.
 90, 5. Проп. ѡгнемъ.
 — 13. жидовски вм. жидокскѣи.
 — 19. Проп. дѣа.
 — 24. предастъ вм. предаста.
 — 32. са вм. а.
 — 16. ѡмуща вм. ѡмуща.
 91, 27. створистѣ вм. створитѣ.
 92, 30. прѣлежача вм. предлагающа.
 — — оубностнѣ вм. оубстнѣ.
 93. 5. к намъ вм. к намѣ.

X.

*По Четь-Минем на Апрель и Май, находящейся въ Библиотекѣ Московскои Духовнои Академіи, № 94, при Житіи Меѳодія подѣ 6
Апрѣля, стр. 230 — 248 (см. Житіе Меѳодія № VI).*

—

И ТОИ ЖЕ ДНѢ СЛОВѢ ПОХВАЛНО НА ПАМѢ СГ҃ЫИ И ПРЕСЛАВНЫИ
УЧИТЕЛЕ СЛОВЕНСКУ ИЗЫКѢ, СЪТВОРШЕМА ПИСМЕНУ ЕМУ И
ПРЕЛОЖШЕМА НОВЫИ И ВѢТЗХУИ ЗАКОНЪ ВЪ ИЗЫКЪ НХЪ,
БЛАЖЕННОМУ К҃РИЛУ И АРХИЕП҃И ПАНОНСКУ, МЕФОДИЮ. БЛВИ Ѡ.

БГ҃У И СИ СУ НАШЕМУ, УС Х҃У, ИМОГНИ И НЕИЗРЕУЕНИИ УЛКОЛОБИЕМЪ,
ПОМИЛОВАВШЪ РО УЛУКНИ, И НЕ ТРЪПАЩЪ СЪЗДАНИА СВОЕГО, ДЕСТІЮ
ДАКОЛЕЮ ѠДЕРЖИМА, НИЗЛОЖИ СЕБЕ ВЪ СМирЕНІЕ ВОЛНОЕ, И ВЪПЛОЩЬ-
СА Ѡ СТАГО ДХА, И Ѡ ПРЕУТМА И Ѡ СЛАВНЫМЪ ВЦА И ПРНОДѢМЪ МРІА,
НА ЗЕМАН ШЕЛСА И СЪ УЛКЪ ПОЖИВЕ, И СЪОБРАЗЕНЪ БЫКЪ ТЛЕСИ Б
НАШЕМЪ, ѠСЪДИ ГРѢ ПЛОТІЮ СВОЕЮ, ДА УМИРАЮЩЕИ Ѡ АДАМА, Ѡ Х҃
ѠЖИКУ. ТЪ БО Е МИРЪ НАШЪ, СЪТВОРИ ѠБОА И ЕДИНО, ПРЕГРАЖЕНІЕ Ѡ
ГРАДЪ РАЗРЖШЪ, КРТО УБЕНЪ ВРАЖУ, И ПЕРВЕНЕЦЪ БИ ИЗ МРТВЫ, СОБОЮ
НАСТАВАЪ РО УЛУХЪ НА НЕИСТАВНИИ ПУ, ВШЕ ЖЕ НА НЕСА, СЪДЪ Ѡ ДЕ-
СНЮЮ ПРЕСТОЛА ВЕЛНУЕСТВІА НА НЕСѢ, ЗАПОВѢ ДАВЪ ИСКУСНУ РОДУ
УЛУЮ, ХОТАИ Б ПОСЛАВНАИ ВРЕМЕНА ПРІИТИ СЪДИТИ ЖИВЫИ И МРТВЫ,
И ВЪЗДАТИ КОМУЖѢ ПО ДѢЛО ЕГО, ШКО ПРАВЕДЕНЪ СЪДИИ. НЕ ХОЩЕ БО
СМЕРТИ ГРѢШНИКУ, НО ѠБРАЩЕНІЮ ЕГО И ПОКААНИЮ, АЩЕ НАИПАЧЕ
ПРИЛЕЖИ НА ЗЛОБЪ КОЖѢ УЛКЪ. НЕ ѠСТАВИ БО СЪЗДАНИА СВОЕГО МАТН-

шенъ шклавшеса, тѣже и воєвѣдскыи сѣнъ прїимъ, побѣи в нѣ мало,
 и разумѣи многоматежныи сѣи свѣи, яко сѣнь преходащъ неполезне-
 ю, пѣуе же гнѣ слово, яко и страхъ въ срѣци сѣи прїимъ, яко
 реуе: вѣла полза єи уѣкж, аще вѣи мнрѣи прѣобрѣщѣи, а дѣшж скою
 ѡщети, аи погвѣи; аи что дастъ и змины на дѣшн своєи; прѣмъини же
 земныи нѣмаа, прѣмъини аѣ ѡмѣтѣа ѡ себе, прѣсрѣ, въ вѣтѣ-
 ныа подвигнѣса. и шѣи въ ѡанмѣи, пострѣжеса в ѣерныа рнзы, уѣкж
 прїати вѣла и металныа аггльскѣи ѡдежѣи. и вѣи повннѣса всѣи съ по-
 коренїемъ и сѣмиренїемъ, въ здѣдѣнїи и мѣткѣи, въ стѣженїи и
 слѣженїи, въ и зраднѣи пощенїи, въ трѣзвѣнїи всегда, въ ѡуице- 10
 нїи дѣховнѣи, въ плаѣи блѣгѣи, ѡ ѡуїю и стоуннѣи испѣскаа, яко ре-
 вѣи, и тою ѡмѣкѣи все тѣло своєи, плѣскаго покоа ѡниѣи не вѣдѣи,
 какъ єи, но ксакѣи нѣчь стоа, ѡ захѣда сѣнѣа дѣи въсхѣдаща, не
 даа сѣи ѡуица своѣи, ни вѣжѣа сѣи дрѣманїа, ни покоа брѣма
 своѣи, поѣуѣа вѣи фѣламѣи, и пѣнїи, и пѣснѣи дѣховнѣи, подвнзѣи- 15
 са спѣстигнѣти жнїїа стѣи ѡиѣи, ѡвы же прѣснѣи кротѣстїю и мѣлау-
 нїемъ, а дрѣгаа постѣи и мѣтвѣи, и бѣднїемъ, и смїренїемъ и зрад-
 но. и тако и меннѣи вѣи въ всѣи ѡиѣи, подобенъ велїкомѣи арсенїю, и
 антонїю, и сѣвѣи, всѣи жнїїа собою сѣврѣшаа. мѣтвѣи же вѣи, вн-
 дѣвѣи и в толицѣи трѣдѣи прѣкѣвѣюща, бѣлѣи въ срѣци брѣтїи, иже, 20
 вндѣвшѣи подвнжѣи єго и зрадѣи на слѣжѣи бѣжїю, дрѣжѣи къ дрѣжѣи
 днѣлахѣи и прѣславѣи бѣи, даѣищаго блѣгѣи свѣишеи трѣжѣищнмѣи
 єго рѣи. дѣмѣжеи патрїархѣи, ѣслышѣи подвнжѣи єго, вѣднѣи и по-
 стѣвннѣи мнтрополнѣи въ ѣтнѣи мѣстѣи, и не мѣгшеи єго тамѣи прѣнѣ-
 днннѣи, поставннѣи и и змѣна в мѣнастѣири, ижеи марнѣцѣи сѣи менѣи 25
 полихронѣи, в нѣи жеи бѣшеи ѡиѣи .ѡ. и по тои сѣи ємѣи, прѣкѣвѣашеи
 якои бесплѣтенѣи, въ мѣтвѣи прнсно, всѣи всѣуескѣи, даѣи всѣи прнѣбрѣаѣи.
 стѣи книгы ѡ таковоюи конїютеи, похѣлѣи глїющаи прнмѣдннѣи дрѣв-
 ннѣи вѣзѣщѣи сѣи, и въ прѣруескѣи пожнѣкѣи. повѣстн мѣжѣи и менннѣи сѣи-
 хрѣанннѣи, и въ и звнннѣи прнтоуннѣи и зндѣи. посрѣдѣи вѣлѣможѣи послѣ- 30
 жннѣи, и прѣи и змѣныи шнннѣи. по землннѣи шѣжѣи ѣюжннѣи прнѣдѣи, до-
 брѣи и глѣи въ ѣлѣнѣи и сѣкѣишена бѣдѣи. срѣци своєи даѣи ѣтѣи рнѣи
 въ гѣи, сѣтворннѣи ємуи шѣи, и прѣи вѣшннѣи номѣлнстѣи. и ѡврѣзѣи ѣста

скоа на мѣтѣж, ѿ ѡгрѣсѣ скои помолнстаса. аще же бѣ въсхóфѣ великый, разумнаго дѣха наполинтеса. тои бо шѣи казаніе ѿ ѱте-
 нїа єю, ѿ въ законѣ завета г҃на похва́лнста. въсхва́лї єю разѹ
 мнози, ѿ до века не потребнса. ѿ не ѡстѹпнть єю, ѿ нїа єю жи-
 5 вѣ к роды ѿ роды. мѣртѣ єю поведа шѣици, ѿ похвала єю ѿспо-
 вѣсть цркви, єи же бѣста крепка пособннка ѿ недвижна стола,
 ѡснована на твердѣ камени, верѣ, послѣствовавша первоѡцѣмъ ѿ
 патріархѣ, верю ѿ подвигѣ, дѣанїа ѿ ѿ трѣды сокою скоиуаваю-
 ще, ахо же ѿ великый патриархъ авраамъ, прода хѣбъ, верю пре-
 10 селникъ бывъ ѿ пришелецъ к землн ююжѣи, дрѣгъ бѣи наречеца,
 ѿ заѣ обрѣзанїю ѡ бѣа прїимъ, верю ѡцѣ многѣмъ бѣмкѣ наречеца.

Сїа же сїа ѿ преславна ѡца ѿ ѱнтела, тою же верю ѱкраши-
 шїа, тѣ же дѣтели скончаста. преселника бо бѣста ѡцѣства своєго
 ѿ пришелца на землю ююжѣ. закон же ѡ бѣа прїимше не своимъ
 15 племени, ахо же авраамъ, но лѣгкѣ, ѿже не разумѣаше десницѣ
 своєа ѿ шѣица, но єм же са притѣкнахѹ, то томъ са поработише,
 кланяхѹса, ахо бѣж, тварн, въ творца мѣсто. заѣ же не обрѣзанїю
 прїимше, ахо же авраамъ, но крѣщенїю, въ ѡставленїе греховъ, въ
 вѣкы пребывающѣ, самѣ скоиуанъ ѿ преданъ г҃мъ нашїи, іѹ хїа.
 20 мѡисѣ тако же съ ааронѣ въ ієрейхъ бѣи, бѣ фараѡнови нарече-
 ца, мѣкамн разанутымн єгїпта ѹмруъ, бѣиа людн ѿз работы ѿ ѿзвѣ-
 де, въ днѣ столпѣ ѡбалаунѣ, а в ноци столпѣ ѡгненнѣ, ѿ раздѣль
 море, по сѣхѹ проведе к пѹстыню, а протнкнма погрѣзи въ безѣ-
 нѣ, к пѹстыни бѣводнѣ лнпои мѣ, проражъ камень, ѿ хлѣба нѣнаго
 25 насыти, ѿ законѣ же ѡ бѣа прїимъ, бѣимъ прѣстомъ написанъ,
 на скрижали камени, предасть людн въ сѣхрѣненїе ѿ послышанїе.
 ѿ сїа же пребѣженнаа ѿ бѣѡгоднаа ѹлка ни ѹн же менша тою
 кавїстасѣ, того же бѣи дѣха напоена свѣше, сѣгѹкѣ бл҃гн спѣль-
 ша, людн ѿзведоста ѿ многомраунаго дѣвольскаго мѡра, мысѣ-
 30 наго фараѡна погрѣжыше, ѿ всю сїа ж кѣѡ потребнста, ѿ верю
 въѡражыше ѿ сїаю крѣтною, не в пѹстыню же мѣ ѿзведѡста, но
 ма свѣ бѣоразумннн наставнста, не ѿс камене водѹ ѿзвѣша, но
 верю слѡкесе бѣи жаднма напоиста, не ѿс юювствена же камене

вѣдѣннѣмъ, яко же і ѡнѣ, нѣмъ нѣстекшею крокію и водою ѿ прѣтѣ
 ребрь гѣ нашего, іс хѣ, вѣрны вѣуныю нищѣ и бесконечныи живѣ
 въ спсѣнїе предаста, въ ѡданїе грѣхѣмъ подающа, ни хѣлка англѣска
 напитаяща, нѣмъ нѣстоѣ тѣло гѣ нашего, іс хѣ. законъ же бжїи сѣгъ-
 бо прѣложнѣ, в новыи мѣгъкъ предаста, писмена сътворша ѣмѣ.
 ѣже вѣ са ѿ прїдрѣи и разумнѣи ѣтѣило, тѣмъ ѿкровено бы младенцѣ
 ѣ послѣднїи вѣкъ снѣма, не на скрѣжалѣ каманѣи написанѣ, нѣмъ на
 срѣцѣ скрѣжалѣи лѣотанѣ, ни сквогѣ ѡблѣкѣ, ни мѣглою и бѣкрѣю
 глѣанѣ, нѣмъ самѣ гдѣ, іс хѣмъ, скончанѣ и преданѣ. не сѣни слѣжн-
 тела, нѣмъ нѣстннѣи прѣповѣдннѣка бѣста, ни кроплѣнїемъ кровнѣи ѣнѣа 10
 и когдѣ кропаща и ѡунищѣюща скверненѣа къ лѣостѣи ѣтѣтѣ, нѣмъ
 стѣи крѣщенїемъ, не тѣло ѣдннѣо ѡунищѣюща, нѣмъ дшѣвннѣю сѣвѣщѣ въ
 сердѣунѣ сѣлѣ всѣ косѣавнѣа, ни заколеннѣи жертвѣ прѣповѣдннѣка
 бѣвшѣа, ни слѣжнѣтѣла, нѣмъ бесквернѣи и мирнѣи хрѣтовнѣи слѣжбѣ
 слѣжѣ и прѣповѣдѣтѣла ѣвнѣстѣа, аплѣмъ съпрѣжннѣка, на то же дѣ- 15
 ло и зѣраннѣа, крѣтъ мѣслѣно на рамѣу своѣю въспрїимѣа, всю всѣлен-
 ннѣю ѡбнѣдѣста, исполнающа ѡуѣнїѣ тѣ мѣста. в нѣи ѡнн не постѣ-
 внѣа, лн ѣдолженїѣ пѣтн, лн за ѣмноженїѣ ннѣи странѣи блнжннѣи, въ
 нѣи же расшѣшѣса, іко лѣжуа слнунѣа, свѣтомъ бѣгѣразумнѣи прѣскѣ-
 тннѣа кѣ мирѣ. по тѣи же стопѣи и сн ходѣща, и того же дѣха напоѣ- 20
 на ѿ бѣ, томѣ же словесн бѣста прѣповѣдннѣка и нокалѣ аплѣа, не на
 ѣюжѣ ѡснованнѣи своѣ дѣло полагающа, нѣмъ и зѣнока писмена вѣобра-
 жѣа, и съквернѣста въ мѣгъкъ новѣ. послѣ же кѣсѣавнѣа, іко ѣт-
 рѣнаѣ гѣкѣзда, ѿ слнѣца свѣ прїѣмляюща, скѣтлѣннѣи всѣ мѣклѣстѣ, и
 іко же наїтн дѣлатѣлѣ ѣ виноградѣ, повѣсшѣи таготѣ дѣи и вѣра, 25
 съ прннѣшннѣи въ .лї. ѣа, равнѣ спѣбленѣ бѣвшѣа мѣздѣ, бжїи блгѣ-
 датн тако и зѣволнѣ, ѣ послѣдннѣи вѣкъ, томѣ же дѣлѣи ѣвннѣи сѣа нѣ-
 вѣа прѣповѣдннѣка и скѣтннѣка всѣи всѣленнѣи, ѣже подвнѣгѣ
 доврѣи и вѣрою крѣпко прѣпоѣсѣавнѣе ѣреслѣ своѣ, прѣнѣдѣста, іко
 слнѣцн, темнѣа мѣста стопамн своїмн прѣсѣвѣрающа, всѣкѣ мѣглѣу зѣ
 поглѣннѣскѣю дѣховнѣи ѡгнѣи попалающа и ѣрѣтнѣескѣю, не пощѣдаща
 тѣлесн своѣго, нѣмъ всѣгда гѣтока сѣщн за правѣю. вѣрѣу сластнѣо и с-
 пннѣи хѣу ѣашнѣ. въ срачннѣи же и козѣрѣи лѣвлѣшѣса непѣвѣднѣа, нѣмъ,

ꙗко дѣдъ, ѿнопаемейникъ ѿногда, низложникъ гордыню его, потреби,
 прообразовавъ трѣцю тремн камени, ѿ скои емоу меуе главу
 ѿсаякъ, похвалу прїати въ тма ѿ снѣвъ ѿрѣвъ, тако же ѿ сїа ѡца,
 трнѹпостастнѹ бѣтѣж сажѣ сѣща ѿ проповѣдника, въ соборѣ сра-
 5 циньстѣ ѿ жидовскѣм ѡбрѣтшася, своимн ѿ книгамн ѿ бѣзкѡ, сох-
 митовы блади ѿ жидовскѣю глобу дѣховнѣ меуе ѡсѣвша, потребиста,
 ꙗко плевель, ѿ попанста дѣховною влѣтїю, а слово гнѣ въсѣаста,
 ꙗко ѿ пищенцю, въ сѣунѣ селѣ, ѿ вса насладиаста медоточимымн
 словесы, трнѣнаудальнаго же бѣтѣва ѿсно ѿсповадаста, ѹказаста
 10 въ ѣдннѡ сѣществе равенствѡ сїающа ѡца ѿ снѣ ѿ стго дѣа, та-
 ко ѿ ѹловнста, ꙗко ѿ рыбы, словесною мрежею, ѿ вѣтнста ѡ ка-
 зарѣ ѹтнша ѹа до двѡю стѹ, разкѣ женѣ ѿ дѣтн. трегѹкѣ пожелѹ
 ѡ всѣм црѣкѣ прнѣмша, пренѣдоста ѡтоѹдоѹ на западнмъ странмъ,
 блѣговѣствѣюща слово бжїе въ ѿзгѣкъ нѡвѣ, ѿ вѣ црѣковнн законѣ
 15 прелѡжнше, ѡ греѹескаго, въ скои ѿмѣ ѿзгѣкъ прѣдаста. трнѣзмѹ-
 ннѡ же глобѣ низложнша, потребиста, ꙗко плевель ѡ пшеница
 ѡвращнше, тн ѹто црѣкн ѿ свѣтообразно жнто прѣдаста. въ завѣ-
 нѣ же странѣ, панѡнскѣм ѿ морѣскаѣхъ странѣ, ꙗко сѣнцн въсїак-
 ша, мрака грѣховнаго ѡгнавша, просвѣтнста бжквамн, ѿ маѹѹшн
 20 ѹѣнкы црѣковноѹ ѹннѣ ѿсполнѣ. ѿ тако теѹенїе сконѹекающа, вѣ-
 тн сѣ ѿста римьскаго, ѿпальскоѹ прѣтѹ поклонннста, ведѡщн сѣ
 собою на сїѣнїе дѣховннн пѣѡ. ѣже слышавѣ ѿ ѿдннѣ ѿ ѿдрѣамѣ, ѿзѹ-
 де прѡтнѣж ѿмѣ далѣѹе ѡ града римьска, ѿ тако ж ѿ вѣрнѣ, ѿ ѿ
 ѿггѣ бжїа, ѿ ѹенїе еѹ прнмаѹбѣ, поставн блжѣннаго мѣфодїа на
 25 прозвѣтерство, ѿ ѹѣнкы еѹ прнблнжн же сѣ время покоѿ прнѣтн
 прѣтомѣ ѿ прѣблжѣннѡмѣ ѡцїю нашѣмѹ ѿ ѹнтелю, коньстантннѣ фн-
 лософѣ. вндѣкѣ же ѿвѣнїе ѡ бѣа ѡ покоѿ своѡ, ѡблѣѹеса в ѹернн
 рнзы, ѿ днѣ же нарѣкѣ покоѿ своѣго, прѣбѣ до сѣго днѣ, вѣсѣл-
 сѣ ѿ слѣва бѣа. ѿ тако поѹн ѡ гнѣ въ г. г. ѿ. ѿ. ѿ. ѿ. ѿ прнлѡжнсѣ
 30 въ ѡцїе свои, прѣркѡ ѿ ѿпѣѡ, мѹнѣѡ ѿ всѣ стѣѣ ѿ положнша ѿ въ
 црѣкн стго каннѣнта, ѿдѣже наѹаша мѣнога ѿсѣѣленїа кнѣтн ѡ
 ѹтнѣаго грѣва его, слышн ѿбїе наѹаша прѣсвѣтнѣтнста, недѹжнн цѣ-
 лннста, бѣсн ѿсходнн. ѣже вндѣшнше рнмѣамн, наѹе сѣ прнлѡжнша

къ стѣни єго. сѣше же преутнаго мѳодіа на архієпство, на
 столъ стго апла андронка є паноніи ѿ .б., вѣстиша и на страны
 словенскыя, ѹунтъ къ кѣмъ ихъ, написавше єпистолю сїю къ
 мнзѣ страны тоа, растиславъ, и стѳополкѹ, и коцелю андріанъ
 євнѣ, раекъ раекѡ ежїи, к растиславѹ, и стѳополкѹ, и коцелю. слава б
 є вышнїи бгж, и на земли мирѣ, въ ѹлвцѣ бѣгоколенїе. ꙗко ѡ бѣ
 слымакше дхонны радости, ꙗже имате на спсенїе, слемъ брата
 нашего, утнаго мѳодіа, сѣшена на архієпство на страны ваши,
 ꙗко же есте проснани ѹ нѣ, да въ ѹнѣ, къ кѣмъ прелагаа кннги,
 да са испомнїт пррцескоє слово, ꙗко же рѣша хвалите гѣ всї 10
 кѣмъ, и похвалите єго всї люде. и всакъ кѣмъ исповѣсть, ꙗко
 же и гѣ іѹ хс въ славу бгж ѡцїю. аминь. и въ іеѹлїи рече гѣ, по-
 сылаа своа ѹтїкы шѣше, наѹнѣтє вса кѣмъ, кѣмъ ꙗ въ нмѣ
 ѡнѣ и стѣ и стго дха, ѹнѣтє а елюсти вса, елнка заповѣдѣ вамъ,
 и сѡ азъ с вами єсмь въ вса дїи, до коумны вѣкѹ. аминь. вы же, 15
 уада възлюбелїнаа, послѹшанѣтє ѹченїа бжїа, еже въ послѣднєе крѣ-
 ма предано бѣ, вашего ради спсенїа, да поѹчающеа разѹмно, плѡ
 достойнѣ сътворите, и прїимѣтє кѣмъ метлѣннѣ и в сїи вѣкѣ и
 въ градѹцїи, съ всамъ стѣми въ вѣкы. аминь.

Дошѣшж же ємѹ въ страны моравскы, всї людне с радостїю 20
 ѹзвѣдоша къ срѣченїе ємѹ, и тако прїаша и ꙗко аггла бжїа. и ѡсѣр-
 зоша ѡнѣса слыпї и ѹшеса глѹхї, и кѣмъ колсмѹющеи възгланїа
 мїра, и имн же ѹсты бжїи прѣкѣ жрѣтѣ неприазнєны въздаѣши,
 на кладцѣи и на всѣ мѣстѣ хжовани бѣ, гѣ же дѣти и словеснѣа
 и бесѣвернѣа слѹжбѣ бгж въздаю за бѣ мирѣ, и въ всакѡ мѣстѣ 25
 нмѣ бжїе прославлѣтєса къ кѣмъ нѡвѣ, ємѹ же ꙗкнса проповѣ-
 никъ и аплѣ нѡвѣ, вѣсѣвѣ ꙗко сѣнѣ, мѣгѹ мѣвѣднїа ѡгона, и
 вѣгѣразѹмны свѣтѡ всѣ срїца просвѣти, кротостїю же и сластїю, вса
 к себе любовїю приклатѹ, тѣшенїе свое сконѹа, кѣрѣ съблюде, црк-
 ни пѣмн ѹкраси и пнїи дхоннымъ. и тако поун ѡ гѣ, ѿ тварн 30
 всего мїра, в лето .ѣ. т. ѹ. д. є. и приложнса къ ѡцѣ свои, па-
 трїархѡ авраѣмѹ, и ісавѣ, и іакѡвѣ, всѣ себе ѹподѡбѣ, всѣ ѡбрѣ
 на себе понѡше, ѡвѣ равенъ бѣвѣ, ѡжѣ мнїи, а држгѣ преснѣвѣ

СНЛОЮ, И ДЪТЕЛЮ, И НОВИГОШЪ, ВЪСІАВЪ ІАКО СІАИЦЕ, АЛУАШИ ПРИ-
ТОУИАШИ И КАЗАНІЕМЪ. ЕГО ЖЕ ПОМЫШЛАЮЩИ МЕДОТОУНАА СЛОВЕСА,
ИѢ УѢ СЛАСТИ ЕГО ДХОВНЫА, ПРИЛОЖИТИ.

ТѢ ЖЕ, КЫА УБѠ ХВА́ЛЫ ВЪЗДА́ ВАМА, ТРЖЪШИНМАСА ТО́ЛКО ХА́ РАДИ
5 ВЪ КОСТОУНЫ, И ЗАПАДНЫ, И СЪВЕРСКІИ СТРАИ́А, НЕ ИЩУЩА КРЕМЕНИИ
И ТЛВЮЩІИ, НО ВЪУНЫ И БЕСКОНЕУНЫ, КРѢТЬ ГИЬ НА РАМЪ ВЪСПРІИМША,
И ТѢ О́ЛАДЪКШЪ ЗЕМЛЮ ГРѢХѠ, ПОТРЕБАША, РАЗОРИСТА И ВСАСТА
ДХОВНОЕ СЪМА, И УТО ЦРКВИ ПРИНЕСОСТА ЖІТО, ДИЬНОЕ УЧЕНІЕ, И ТѢ
ЖЕ СІАЕТА, ІАКО СВЪТНАЪ, ВЪ ВСѢ МИРѢ, ДИМОНЬСКЮ ХЛЪЗ И КСАУ
10 ЕРЕСЬ ПРОГНАВШЕ. ВЕЛИКА УБѠ СТОПА ХБЪ ЦРКВИ БЫСТА, НЕБЕСМА УДЪА
И ЗЕМНАА АГГАА, ВЪ ПЛОТИ БЕСПЛОТНОЕ ЖИТІЕ СТАЖАСТА. БЛЖЕ́ИНО Е
ВЪ ИСТИИНУ УРЕВО, МОШЬШЕЕ ВЪ И ВЪЗДОИЬША ГЛАСА МНОГОПЛОД-
НА, ИМ ЖЕ НАПИТЬСА АЛУЮЩАА АГЫКЪ И ЖАДНАА НАПОИСТА ЖИТЕ́И-
ГО ПИКА, НЕПРЕСТАЮЩЪ ПИЩЪ ИСТОУЬША ВСѢ ОБНАНО. КТО УБѠ ВОМОЖЕ
15 ДОСТОИИУ ПОХВА́ЛЖ ВАЮ ИСПОВЕДАТИ, ПѠНБІИЮ КСЮ ПРОШЕША СТОПА-
МИ СКОИМИ, ВЕ́ МИРЪ О́СТІСТА; БЛВЕНЪ АГЫКЪ ВАЮ, ИМ ЖЕ НАСЪКАСТА
ДХОВНАА СЛОВЕСА ВЪ СІСЕНІЕ БЕУИСЛЕНУ АГЫКЪ, БГОДХОВЕНЬИИ
ДАРЪ Ѡ БГА ПРИИМША, ИРАКЪ НЕВЪДЕНІА ВСЮДУ ПРОГНАСТА, СОБОЮ ШЕРЪ
ВСЪМЪ ПРЕЛАГАЮЩА, Ѡ УСТНЪ ДХОВИЖ САДОСТЬ ИСТОУАЮЩА, ПОГАИЬЩУ
20 ЖЕ ВСАКОМУ РАЗРЖИНИКА ІВЕНСТАСА, ЕРЕТИКО СЪНОСТАТА БЪСО́ ПРО-
ГОИИНИКА, СВѢ ОМРАУЕИИМЪ, УЧИТЕЛА МАДЕНЦЕ, ИСТОУАЮЩА, ДХОВИЮ
САДОСТЬ, АЛУЮЩІИ НЕСКЪЗНАА ПИЩА, ЖАДИИ НЕПРЕСТАИ ИСТОУИИКЪ,
НАГЪ ОБНАНО ОДЪАНІЕ ПОДАЮЩА, СІРМ ПОМОЩИНИКА, СТРАИИИ ПРИИНИ-
КА, БОЛНИИ ПОСЪТИТЕЛА, НЕУААНЫ УТЬШИТЕЛА, НАПАСТИИ ЗАЩИТИНИКА, К-
25 ДОВА́ И СИРОТА́ ПОМОЩИНИКА, СЪЗНЫМЪ СВЪТОДАТЕЛА, ВААЮЩИИСА В МО-
РИ ЖИТИИСТА ВЕЛИКАА АНКЪРА, СЪНА И ПОКРОВЪ ПРИИДАЮЩІИ КЪ ВАМА,
ИУДЕѠ СЪНОСТАТА, ИСПОВЕДИНИКА СЪН ТРІИ, СЪВРЬШИТЕЛА БЖІЮ СМО-
ТРЕИЮ, ВЕЛИУЕСТВЪ БЖІЮ СЛУЖИТЕЛА, ИСТОУИНИКА БЖІЮ СЛÓБЕСИ, НЕ-
ДВИЖИМА СТО́ЛА ХБЪ ЦРКВИ, ПЕУА ПРАВДЪ, ЦИИ ВЪРЪ, ШАЕ СІСЕНИЮ,
30 КЛА́ МНОГОПЛОДЕНЪ, ЛОЗА МЕДАТОУНА, СОТИ МЕДВЕИИ СЛÓБЕСА КЛО,
ИМН ЖЕ НАСАДНСТА ВСЮ ВСЕЛЕНІИЮ, ІАКО БНСЕРЪ МНОГОЦЪИЕНЪ ИС-
ТОУЬША, СЪКРОВИЩИ ГИИ, БМЪСТНАИЩИ БЖІА СМОТРЕИА, СЪСАДА СЪМЪ
ДУХУ ИЗБРАИМАА, ПОНЕСШАА ИМА ХБѠ ПО ВСЕЙ ЗЕМАН, БРѢТУ ПОХВЪЛЪ

на собѣ понесша, вѣременнаа презрѣвшє, а вѣчныѣ наслаженіе пріємша, непрестанно прибѣгаа и истиннаа пастыра, за избранныѣ стадо каю, поденжно помолнтася, стѣти ѿженѣща, бѣдѣ и мѣлѣстѣи избавляюща, просвѣтита и сѣумѣнѣ ѿун, и умѣ утвердита дѣстойно послѣдовати стопѣ каю, немѣщии наша на са бѣзнимающа, свѣше силѣ ꙗ подадита, да, дѣстойно пожнешє ѡ хѣ, наследницы трыдѣ каю ѡбрацѣтса и проповѣдници правѣнѣ вѣрѣ, юже нѣмѣ еста предала, да вси еднѣногласно прославѣ трѣстѣѣ бѣжтво ѡца и сына и стѣго дѣха, нѣнѣ и бѣ вѣкѣмъ вѣкѣѣ. аминѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

—

Стран. Строк.

- Въ заглавіи: 95, 2. сътворѣшемъ вм. сътворѣшема.
- 3. предложисѣмъ ѿ поемъ, кетъхмъ вм. предложѣшема поемъ
ѿ кетъхмъ.
- — ѡзымы вм. ѡзыкъ.
- 4. Проп. ѿ архіеписѣ, по другою рукою приписано.
- — ѿ лишнее передъ мѣфодію.
- 10. заповѣдавъ вм. заповѣдѣ давъ.
- 14. ѡстави вм. ѡстави.
- 96, 6. различныма вм. различны.
- 16. ѹкрасиста ѿ дѣшю ѿ оумѣ вм. ѹкрасиста ѿ дѣшю ѿ оумъ.
- 32. ѹгодно вм. ѹгоднъ.
- 97, 27. всѣ вм. всѣ.
- 32. ѿскѣла вм. ѿскѣшена.
- 98, 30. и вм. ѿго.
- 31. ѿзведѣсте вм. ѿзведѣста.
- 32. неуюкѣствена же не ѿс вм. не ѿс неуюкѣствена же.
- 99, 3. Проп., но послѣ прибавлено: ѿи хѣтъ ѡвѣгѣльска ѡмѣ-
тающа.
- 9. гѣа вм. гѣаиъ.
- 20. ходаща вм. ходаща.
- 24. Проп. ѿ передъ ѡко же.
- 100, 13. ѡ дѣила вм. ѡтоуду.
- 15. предасть вм. предаста.
- 21. Проп. поклонитѣся, ведоуща съ собою на сѣснѣс.
- 23. ѿзидете вм. ѿзиде.
- 101, 14. ѹуаща ѿ вм. ѹуаще ѿ.
- 15. доуинны вм. до коуинны.
- 16. къ посаждѣа вм. къ посаждѣе.
- 17. ѡпередано вм. передано.
- 22. колѣющен вм. колѣющен.
- 30. ѡкѣри вм. ѡ тѣри.

О П Е Ч А Т К А.

- 96, 6. различны вм. различны.

ХІ.

По Четь-Минци неполной, мѣсяцъ Февраль, полууставомъ, въ листъ, около 1630 года, принадлежащей Библиотекѣ Троицкой Сергиевой Лавры, № 874 (711) (См. Житіе Кирилла X).

—

В ТОИ ЖЕ ДНѢ СЛОВО ПОУЧАМО НА ПАМѢ ВѢТЪМЪ И ПРЕ-
СЛАВНЫМЪ ОУЧѢЛЕМЪ СЛОВЕНЬСКЪ ЯЗЫКЪ, СОТВОРШЕМА
ПИСМЕНЫ СМѢ И ПРЕЛОЖШЕМА НОВЫИ И ВѢТХИИ ЗАКОНЪ
ВЪ ЯЗЫКЪ И, БЛАЖЕННОМЪ КИРИЛЪ ФИЛОСОФУ И АРХИЕПЪ
ПАНОСКЪ МЕФОДІЮ.

БѢ И СПЕВЪ НАШЕМЪ, ІСУ ХБ, МНОГИМЪ И НЕИЗРЕЧЕННЫМЪ УЛКОЮ-
ВѢМЪ ПОМЫСЛОВАШИ РЪ УЛСКИИ, И НЕ ТЕРПАЩЕ СОЗДАНА СВОЕГО ЛЕ-
СТІЮ ДІАВОЛЕЮ ОДЕРЖИМА, НИЗЛОЖИ СЕБѢ КО СМНРЕНІЕ ВОЛНОЕ, И КО-
ПЛОЩЕА ѿ СГО ДХА И ѿ ПРЪТЪА И ѿ СЛАВНЫА ВЦА И ПРИИ ДЕМ
МРІА, НА ЗЕМЛІ АНІСА И СЪ УЛКИ ПОЖИВѢ, И СОБРАЖЕНЪ БЫКЪ ТЕСЕСІ
НАШЕМЪ, ѿСВДИ ГРѢХЪ ПЛОТІЮ СВОЕЮ, ДА, ОУМИРОВОЩІИ О АДАМЪ, О
ХЪ ОЖИВѢ. ТОИ КО ЕСТЬ МІРЪ НАШЪ, СОТВОРИ І ОБОА І ЕДИНО, ПРЕ-
ГРАЖДЕНІЕ ѿГРАДА РАЗРУШИ, КРТОМЪ ОУВНЪКЪ ВРАЖДЪ, И ПЕВЕНЕЦЪ
БЫСТЬ И МЕРТВЫХЪ, СОБОЮ НАСТАВЪ РЪ УЛУ НА НЕИСТАВННЫИ ПУТЬ,
ВЪШЕ ЖЕ НА НЕСА, СЪДЕ ѿ ДЕСИЗІЮ ПРТА ВЕЛНУЕСТВІА НА ВЪСОКІИ, 10
ЗАПОВѢДЪ ДАВЪ ИСКУСИВЪ РОДУ УЛУЮ, ХОТАН В ПОСЛАДНАА ВРЕМЕНА
ПРІТИИ СЪДИТИ ЖИВЫМЪ И МЕРТВЫ, И ВОЗДАТИ КОМУЖДО ПО ДѢЛОМЪ
ЕГО, ККО ПРАВЕДЕТЬ СЪДИИ. НЕ ХОЩЕ КО СМРТИ ГРѢШНИКЪ, НО ѿСРА-
ЩЕНІЮ ЕГО И ПОКААНИЮ, АЩЕ НАИПАЧЕ ПРАВЕЖИ НА ЗЛОКУ КОЖДО

УЛКЪ. НЕ ОСТАВИ БО СОЗДАНИА СКОЕГО МЛТНЕМН БГЪ, НИ ЗАКЪ ДЛАА РЪ-
 КЪ СКОЕЮ, НО НА КОЖДО ЛТА И ВРЕМЕНА НЗЕРА МУЖА, И АКН ДЛАА
 НХЪ И ПОДВИГИ ЛЮДЕМЪ, ДА БЫША, ТМЪ ПОДОБЛШЕСА, ЖИВЪ БЪТНЫМ
 ОБРАЛН. И ПО ТХЪ ПРРКН, ПО ПРРЦКХЪ ЖЕ АПЛМ, И ПО АПЛАХЪ МТИ-
 5 КН И ПРЕПОДОБНЫМЪ МУЖА И ОУУТЛА. ЕЖЕ СА И ЗЕМЪСТЬ В СЕМЫИ ВЪКЪ
 НАШЪ. РША БО ОНИ СЛПТИ ПРОЗРА, ГЛСТН ОУСАМНА СЛОВО КНИЖ-
 НОЕ, И ВСН ВОГЛЮТЪ РАЛНУНЫ АЗУЖИ ВЕЛНУТА ЕЖТА.

БЪ ЖЕ ВЪ СЕЛВНЫСТЫМЪ ГРАДА МУЖЪ НИКН, ИМЕНЕМЪ ЛЕВЪ, УЛКЪ
 НЕПОРУЧЕНЪ, ИСТИНЕМЪ И БГОУТЕЦЪ, ОГРЕБАЛСА О ВСАКИА ЗЛОБЫ И
 10 ИСПОЛМА ВСА ЗАПОВЕДИ БЖНА, АКО ЖЕ НОВЪ. ЖИВНН ЖЕ Б КРО-
 ТОСТИ И ГОВЕНН, СЕМОРОДЕНЪ ОБРАТЕСА, ИКО И НОВЪ. О НИКОЕМЪ ЖЕ
 И ПРРКЪ ГЛЕТЪ БЛЖЕМЪ МУЖЪ БОИНСА ГА, В ЗАПОВЕДЕ ЕГО ВОСХОЩЕТЬ
 ЗЛО. СИДНО НА ЗЕМАН БУДЕ СМА ЕГО, РО ПРНН КЛВНУСА. СЛАВА
 И КОГАТСТВО В ДОМУ ЕГО, ПРАВДА ЕГО ПРЕКВЛЕТЪ Б ВЪКЪ ВКА. ИС-
 15 ТОГО БО КОРЕМЕ КОСИСТА ИЗРАДНА ДВА ЛТОРАСАН СВЪТОЗАРНЪ, БЛКЕНЪ
 ПЛО НА СЕБЪ НОСАЦА, ЖИТЕ ЖЕ НЕПОРУЧНО О ЮНОСТИ ИМЪЩА.
 ПРНРОСТЬ БО СЕБЪ, АКО СЕСТРЪ СОТВОРША, ТОЮ ОУКРАСИСТА И ДНО
 И ОУМЪ, ЛЮБОВИЮ ЖЕ И КЕРОЮ, ДРУГЪ ДРУГА ЕЮ ПРЕСПЕВАСТА, ИРО-
 СТИЮ ЦЕВЪЩА ПНО, АКО ЦЕВТЕЦЪ БЛГОУХАННН. РОДОМЪ СЫН ИШН
 20 БЛЖЕННН КОИСТАНТИНЪ, А ОУМОМЪ И ДОБРОДЕТЕЛЬНН ВЪСПРЪ БОЛ-
 ТАА, АКО ЖЕ ОРЕЛЪ, ДХОВНЫМА КРИЛОМА, ТИ БГОЗАРНЫМЪ СВЪТОМЪ
 ОУМА ПРОСВЕЩЪ СН, СОСЪ НЗЕРАНЪ СТМЪ ДХЪ, И ТМЪ СВЪТАСА ВСМЪ
 ОУУЕНТЕМЪ ФИЛОСОФСКИ, НЕСКЪНОЕ СОКРОКНШЕ ОБРАТЕСА. АКО БО
 ИСТОУНИКЪ ИСПОЛНАА ВСЮ ВСЕЛЕННЮ, ИАПОИ ЖАИМА СЛОВЕСЕ ЕЖТА,
 25 ИКО ЖЕ РЕУЕ САМЪ ГЪ БГЪ НАШЪ. ИС ХС ВЪРЪАН В МА, ИКО ЖЕ КНИ-
 ГИ РША, РЪКН О УРЕВА ЕГО ПОТЕКЪТЪ ВОДЫ ЖИВЫ, СИРЪ, ДАРОВЕ
 ЖИВОТВОРАЩАГО ДХА. ТОП БО ВОСКННЪ В НЕМЪ, ИЗАТАСА ОУСТИНАМЪ ЕГО,
 И ВСЮ ВСЕЛЕННЮ СЛАСТНО ВОЗВЕСАИ, СЛОВО РАСКЛАА КОСМЕЖДО
 ИЗУЖИ, ПРОТИВЪ СКОЕМЪ РАЗУМЪ. БЪ КО ЕМЪ ДАНЪ ДАРЪ ДХОВНН
 30 ИЗУЖИ ГЛАТИ, АКО И АПЛА. СТАРШНШН ЖЕ ЕГО БРАТЬ, ПРЕБЛЖЕННН
 МЕФОДИ, И МААДА ЖИТЕНСКА САНЫ МАТА ПРНМАТИ. ИЗДРОСТИЮ БО,
 ИКО ЦЕБЪ БЛГОУХАНЕНЪ, ЦЕВТНН, ВСЯКН БЛКАМН БЪСТЬ ЛЮБИМЪ. В ЕС-
 СЕДАХЪ БО АКО СОЛОМОНЪ АВАЛШЕСА, ДНВНЫМЪ ПРНТУА И НАКАЗАНА

и вопрошанїа и нося и срунаго селà, и на службѣ всѣ оугонъ, яко
 крпнаѣ, окрѣташеса, и на коннѣ яко и самѣонъ, и гедѣмъ, и нсѣсъ
 наивннъ страшенъ ивлансєса. тѣм же и воєвоєскїн сãмъ прїимъ, по-
 бѣсть в немъ мало, и разумѣкъ многоматѣжннм сын свѣтъ, яко
 снъ преходãщъ неподѣжнємо, пãуѣ гнѣ слòво, яко и стрãлх въ
 срдцн сѣ прїимъ, яко же рече: кãдã побãдã єсть уãкх, ãще весь
 мнръ прїобрãдѣ, ã дшнꙋ своòò ѡщетї, ан погвѣнїтъ; ан утò дãсть
 уãкх ижнмнꙋ на дшнꙋ своєн, премєннѣ же земннмн нѣнал, времєнна
 оубо ѡметãл ѡ сєкѣ, прєзрã, ꙗкѣ вѣннма подвїгнꙋсã. и ншѣ во
 ѡлнмѣъ, построижѣса к уѣрнма рнзѣ, уãдã прїãтн бѣлꙋ и метлннмꙋ
 ãггãльсєъ одѣжꙋ. и кѣ покннвãсã всãмъ с покорѣнїє и смнрѣнїємъ,
 во єднїнн и мãтєъ, в стужєнїн, служєнїн, ко нзрãднꙋ пощєнїн,
 въ трєзвѣнїн всєрдã, ко ѡнꙋщїєнїн дхòкнмъ, въ плãнн блãзѣ, ѡ оубо
 нстòушнкã испꙋщãл, яко рѣкѣ, и тою ѡмнкãл вєє тãдò своє, плоть-
 скãго покòдã ѡмнò не скꙋдн, кãкъ єсть, мò на всãкх нòщꙋ стоã
 ѡ хãходã сãнцã до вòскодãщã, не дãдã снã оубнмã свонмã. мн вãж-
 домã сн дремãнїã, мн покòдã врòвнмã свонмã, проубãлãса во фãл-
 мѣкх, и пãнннкх, и пãснѣ дхòкнмъ, свòднвãлãса постїгнꙋтн жн-
 тã стѣкъ ѡцъ, ѡвн прєснꙋ крòтостїю и молꙋãнїємъ, ã дрєгїã по-
 стòмъ, и єднїємъ, и мãткòю, и смнрѣнїємъ нрãднò, и тãко нмє-
 ннть кїсть ко всãкх ѡцѣхъ, подòбєнъ вєлнкомꙋ ãрсєнїю, и ãнтò-
 нїю, и сãкѣ, всãкѣ жнтїã совою сокєршãл. мãтнвнн бгъ, вндѣкѣ
 и в толнцѣ трѣдã прєкнвãющã, вложн в срдцє брãтїн, нжє, вндѣкѣ
 мнє подвнгъ єгò нзрãдєнъ на службѣ бжїю, дрѣ ко дрєгѣ днєвлãхъ-
 сã и прòслãвãлãхъ бгã, дãющãго блãгодãть скãмшє трꙋжãющнмсã єгò
 рãдн. дондѣ нãтрїãрхъ, оуслншãкѣ подвнгъ єгò, вãдншã и постã-
 внтн мнтрополнãтã въ хгнѣ мãстѣ, и мє мòгншє єгò томъ прнєв-
 днтн, постãвншã и нгѣмєнã въ мнтрѣ, нжє нãрнцãѣтсã мнмєнємъ
 полнхрòмъ, в мѣм же кãшє ѡцъ .ѡ. и по то сã ємъ, прєкнвãшє,
 яко и вєсплòтєнъ, ꙗкѣ мãтєã прно, всãмъ вслꙋтєскн, дã кншã всã прї-
 окрãлъ. и стѣл во кннгн ѡ таковою копнòтъ, похвãлãмо гãцнã прє-
 мфòстн дрѣкнн кꙋлнщєтсã, и во прѣрꙋєсткнхъ пожнвѣтє. повãстн мѣ
 нмєнннтѣхъ сохрãннтє, и во нзвнтннхъ прнтоуннхъ нзꙋдãтє. посрє-

ДНЬ ВЕЛИКОМЪ ПОСЛАВЯЙТЕ, И ПРѢ ИГЪМЕНИ АКИТЕСА. ПО ЗЕМАНЪ ТЪЖДѢ
 МЪЗЫКЪ ПРОИДЕТЕ, ДОБРО И ЗЛО КЪ УЛЦАХЪ ИСКУШЕНА БУДЕТА. СРЪЦЕ
 СВОЕ ДАСТА ОУТРЕНЕ БЫТИ КЪ ГЪ, СОТВОРИШЕМЪ А, И ПРѢ КИШИИ ПОМОЛѢ-
 СТАСА. И ЗВЕРЗОСТА ОУСТА СКОА НА МЪТВЪ, И О ГРАСАХЪ СКОИХЪ ПО-
 10 МОЛѢСТАСА. АЩЕ ЖЕ БЪ ВОСХОЩЕТЬ ВЕЛИКИИ, РАЗУМНАГО ДЪА НАПО-
 АНИТЕСА. ТОИ ВО ПОТОУИ ГЛЪ И МЪДРОСТИ ЕЮ, И Е МЪТВЪ ИСПОКАДАСТАСА
 ГЕН. ТОИ ВО АКЪ КАЗАНИА И ОУЧЕНІА ЕЮ, И ВЪ ЗАКОНЪ ЗАКЪТА ГЛА ПО-
 ХВАЛѢСТАСА. ВОСХВАЛЪ ЕЮ РАЗУМЪ. МОУЗИ, И ДО ВЪКА НЕ ПОТРЕКИТЕСА
 И НЕ ОУСТЪПИ ЕЮ, И НИА ЕЮ ЖИВЕ ВЪ РОДЪ И РОДЪ. МЪДРОСТИ ЕЮ ПО-
 15 ВЪДА МЪЗЫЦЪ, И ПОХВАЛЪ ЕЮ ИСПОКАСТА ЦРЪВЕН, ЕИ ЖЕ КЪСТА КРЪВКА
 ПОКИТИА И НЕДВИЖИМА СТОПА, ОУСНОКАНА НА ТВЕРДИМЪ КЪРЪ КАМЕНИ, ПО-
 СЛАСТВОКАША НЕРКОЩЕМЪ И ПАТРИАРХО, ВЪРОЮ И МОДНИГОМЪ ДЪВНИА
 ИХЪ И ТРЪДЪ СОБОЮ СКОУТАВАЮЩА, АКО ЖЕ И ВЕЛИКИИ ПАТРИАРХЪ АЕРА-
 АМЪ, ПРАДЪ ХЪ, ВЪРОЮ ПРЕСЕЛНИКЪ БЪШЪ И ПРИШЛЕЦЪ КЪ ЗЕМАНЪ ТЪЖ-
 18 ДЕНЪ, ДРЪ БЪИИ НАРБУЕСА, И ЗАКЪ ОУСРЕЗАНІЮ О БГА ПРИИ, ВЪРОЮ ОУЦЪ
 МОГОМЪ МЪЗЫКОМЪ НАРЕУЕСА.

СІА ЖЕ СІАА И ПРЕСЛАВНАА ОУТАА И ОУУТАА, ТОЮ ЖЕ ВЪРОЮ ОУ-
 КРАШЬСА, ТЫ ЖЕ ДЪТЕЛИ СКОУТАСТА. ПРЕСЕЛНИКА ВО БЪСТА ОУТЕСТА
 СВОЕГО И ПРИШЕЛЦА НА ЗЕМЛЮ ТЪЖДЪ. ЗАКОНЪ ЖЕ О БГА ПРИИМА, НЕ
 20 СВОЕМЪ ПАМЕНИ, АКО ЖЕ АЕРААМЪ, МО МЪЗЫКЪ, ИЖЕ НЕ РАЗУМАШЕ
 ДЕСНИЦА СВОЕА, НИ ШЪЦА, МО ЕЖЕ СА ПРИКНАХЪ, ТО ТОМУ СА ПО-
 РАБОШЬШЕ, КЛАНАХЪСА, АКО БЪ ТВАРИ, Е ТВОРИА МЪСТО. ЗАКЪ ЖЕ
 НЕ ОУСРЕЗАНІЮ ПРИИШЕ, АКО АЕРААМЪ, МО КРЕЩЕНІЮ ВО ОСТАВЛЕНІЕ
 грѣхѣ, ВО ВЪКИ ПРЕБЫВАЮЩЪ, САМЪМЪ СКОУТАМЪ И ПРЕДАНЪ ГЛЪ НА-
 25 МИМЪ, ІС ХО. МОИСЕНЪ ТАКОЖЕ СО ААРОНОМЪ ВО ІЕРЕНХЪ БЪИИ БЪ
 ФАРАОИОВИ НАРЕКЪСА, МЪКАМИ РАЛНУМАМИ ЕТИПТА ОУМУУИ, БЪИА ЛЮДИ
 ИЗЪ РАБОТЫ И ИЗВЕДЕ, ВО ДНЕ СТОЛПО ОУКЛАУНЫМЪ, А ВЪ МОЩИ СТОП-
 ЛОМЪ ОГНЕННЫМЪ, И РАЗДЪЛЪ МОРЕ, ПО СУХУ ПРОВЕДЕ КЪ ПУСТЫНИ, И
 ПРОТЪКНА ПУСТЫНИ ВЪ БЕЗДНЪ. ВЪ ПУСТЫНИ ЖЕ БЕЗХОДИА НАНОА А, ВО-
 30 РАЖЪ КАМЕНЪ, И ХЛѢБА АГГАЛЬСКА НАСМТИ, И ЗАКОНЪ ЖЕ О БГА ПРИИ, БЪИ-
 НИМЪ ПЕРСТОМЪ НАПИСАНЪ, НА СКРЫЖАИ ВО ВАИМАИ, ПРЕДАСТЬ ЛЮДИ КЪ
 СОХРАНЕНІЕ И ПОСЛАВІАНІЕ. И СІА ЖЕ ПРЕБЛАЖЕННАА И БГОУГОДИМА
 УЛКА НИ УИМЪ ЖЕ МЕНЬША ТОЮ КЪСТАСА, ТОГО БЪИА ДЪА НАПОЕМА СВЪ-

ше, съгубъ елѣти сподобльшиася, люди иже доста и многа уѣрнаго дѣла въ морѣ, мисленнаго фараона погрѣшъша, и всю силу его потрекнста, и върою коворужнстаса и снарию крѣтною, не в мѣстѣ, но же а иже доста, но на свѣ бѣгъ разумныи наставнста, не ис ба-
 менн вѣдъ извѣша, но върою словесѣ елѣдъ жадныи мапоиѣста, не
 ис нечюиствена же камени вѣдъ иже ша, яко же и ѿна, но истек-
 шю крѣтѣю и водою ѿ прѣтнѣ рѣверъ гѣ маишего, іса хѣ, върныи
 нишъ вѣрунѣю и бескомѣуныи живѣ ко сѣне предѣста, ко ѿданіе
 грѣхѣвъ подающа, ни хѣ хѣа аггльска напнѣающа, но истокъ тѣло гѣ
 маишего, іса хѣ. законъ же елѣи съгубѣо преложъша, в мѣкыи изъмъкъ 10
 предѣста, нишма сѣтворнша емѣ. еже елѣ са ѿ премѣдрѣ и разум-
 ныи оутѣаю, то ѿкровѣно кѣсть мадеицѣмъ в послѣднѣи вѣкъ
 снѣма, не на скръжалѣи камени напнѣсавъ, но на сѣрѣ скръжалѣи пла-
 танъ, ни сквождѣ блѣакъ, ни мѣлою и върѣю гѣлнѣ, но самѣмъ
 гѣдѣмъ, ісѣ хѣмъ, скончавъ и предѣнѣ. не сѣни служнтелѣ, но истннѣ 15
 проповѣдннѣкѣ бѣста, ни кроплѣннѣмъ крѣке юнѣа и козла кроплѣща
 и ѿшнѣающа сквернѣа къ паѣтѣстѣи утѣтѣ, но сѣмъ крѣшннѣмъ,
 не тѣло еднѣно ѿшнѣающа, но дѣиствѣю скръѣвъ къ сѣрѣмъ сѣаѣ
 всѣмъ вѣсѣаши. ни заколеннѣ жѣртѣвъ проповѣдннѣкѣ бѣста, ни
 служнтелѣ, но бескрѣкнѣи и мнрнѣи хрнстовнѣи служѣвъ служѣ и 20
 проповѣдатѣла иже нстаса, аяломъ свпрѣжннѣкѣ, на то же дѣло иже рѣна,
 крѣтъ снѣслѣно на рѣмѣ своѣю воспрнѣмша, всю вселѣннѣю ѿбѣ-
 доста, исполнѣающа оутѣннѣмъ та мѣста. в нѣ ѿнѣ не постѣаши,
 ни оудѣажѣннѣмъ путнѣ, ни за оумноженнѣмъ ннѣхъ странѣ блнжннѣхъ,
 в ннѣ же рѣшѣннѣса, яко аѣа сѣаума, свѣтѣ ѿбѣгъ разумныи про- 25
 свѣтннѣа всѣмъ мнрѣ. по тѣмъ же стопамъ и тѣ ходѣща, и тогѣ дѣа
 напѣена ѿ елѣ, томѣ же словеснѣ бѣста проповѣдннѣкѣ и нѣваа
 аяла, не на тѣждемъ ѿснованнѣи своѣ дѣло показѣающа, но иже нѣма
 писмена коворѣжнѣа, и совершнѣста въ изъмъкъ мѣкѣ, вѣсѣа
 ша, яко оутренѣа звѣздѣа, ѿ сѣнѣа свѣ прнѣмающи, свѣтѣаши 30
 всѣхъ вѣлаѣтѣа, и яко же напнѣтнѣ дѣлатѣлѣ в кннѣоградѣ, помѣснѣи
 тагѣтѣ днѣ и вѣрѣ, с прнѣшннѣи къ .лѣ. уѣ. рѣвнѣмъ сподобльннѣи
 бѣнѣа мѣдѣ, елѣи елѣти, тако иже вѣолинѣ, в послѣднѣи вѣкъ томѣ

же дѣла ѡвѣсти сѣа мѡвад проповѣдника ѿ свѣтланика всѣмъ все-
 лѣннѣмъ, ѡже по дѣнгомъ добрымъ ѿ кѣроу крѣпко преподѣлаша тре-
 сла своа, проидоста, ѡко сѣнце, тѣмлаа мѣста стопами своимъ
 просвѣщающа, всаку мѣла поганьскую дхвѣмъ огнемъ попалающа
 ѿ ѿ еретическую, не пошадѣша дѣша своѣа, ни пошадѣша телесѣ
 своеро, но всегда готова сѣща за правую кѣру сластно испити
 хвѣ уаши. ѿ сраунѣхъ же ѿ козариэхъ ѡвальнаса неповадна, но ѡко
 же дѣъ, ѡнопаемѣннику ѡногдѣ, ѡложилъ гордѣнню егѡ, потреби,
 прообразовавъ трѣцъ трѣмъ бѣмени, ѿ своимъ емъ метѣмъ главѣ
 10 ѡсѣкъ, похвалѣ прѣлѣтъ ко тѣа ѡ сѣвъ ѡнаекъ, тѣкожде же ѿ сѣа
 ѡца, трѣпоустѣнствѣ вѣтѣхъ слухъ сѣща ѿ проповѣдника, в соборѣхъ
 сраунѣнствѣхъ ѿ жидовскѣ ѡкрѣтѣнаса; спѡимъ ѡмъ кнѣгамъ ѿ ѡзѣ-
 ко, махѣтовѣ блѣдѣ ѿ жидовскую злобу дхвѣнмъ метѣмъ ѡсѣ-
 ша, потребиѣста, ѡко пакѣлъ, ѿ попалаѣста дхѡвною бѣгодѣтѣю,
 15 ѿ слово гнѣ всѣаѣста, ѡко ѿ пшеницы, въ срунѣмъ сѣлѣ, ѿ всѣа на-
 сладиѣста медотѡхнѣмъ словесѣмъ, трѣкѣзнауѣлнаго вѣтка ѡсно испо-
 вѣдаѣста, оуказаѣста въ ѣдномъ сѣществѣ рѣвеньствомъ сѣлающа
 ѡца ѿ сѣа ѿ сѣго дхѡ, тѣко же ѿ оулокиѣста, ѡко ѿ рѣжѣ, сло-
 весною мрежѣю, ѿ крестѣнѣста ѡ казарѣ утѣна уади до двою стѣ,
 20 рѣзѣвъ жѣмъ ѿ дѣтѣмъ. трѣгѣвъ похвалѣ ѡ всѣа црѣкѣ прѣнѣша, ѿ
 прѣидоста ѡтѣдѣ на западнѣмъ странѣмъ, бѣгѡвѣствѣюща слово сѣше
 въ ѡзѣмъ ноѣвъ, ѿ всѣмъ црѣковнѣмъ законъ прѣложѣша ѡ грѣвеска-
 го, ко своѣ ѿмъ ѡзѣмъ прѣдаѣста, трѣдхѣтнѣнѣмъ же злобу ѡу-
 ложѣна, потребиѣста, ѡко пакѣ ѡвращѣа ѡ ѡшеницы, тѣ ѡвѣсто
 25 црѣкѣ ѿ свѣтозарѣно жѣто прѣдаѣста. в западнѣмъ же странѣхъ, на-
 номѣствѣхъ ѿ морѣвскѣ странѣхъ, ѡко сѣнце востѣлаша, мѣра грѣ-
 хѡвна ѡгниѣша, просвѣтѣста бѣкѣмъ, ѿ ѡлоуѣша оуѣнѣкѣ цѣрѣво-
 номъ уѣнѣ испѡль. ѿ тѣко тѣвѣнѣе сконѣваѣюща, ѡтѣ сѣ мѣста
 рѣмьскаго, ѡльскомъ прѣлѣзъ поклоѣнѣнаса, вѣдѣща ѣ совою на сѣшѣе
 30 дхѡвнѣмъ плѡ. ѣже слышавѣ ѡпѡстоликъ ѡндрѣанъ, ѡзѣде прѡтѣнѣ
 ѡмъ далѣуѣ ѡ града рѣмьска, ѿ тѣко же ѿ прѣмъ, ѡко ѡгѣла кнѣа, ѿ
 оуѣнѣе ѣмъ прѣнѣбѣль, поствѣнъ бѣженнаго мѣфѡдѣа на прозѣнѣтер-
 стѣо, ѿ оуѣнѣмъ ѣмъ.

Привлани же са вре́ма покон прѣйти прѣстѣмъ и прѣблѣн-
 номъ ѿѣхъ на́шемъ и оуѣтаю, константи́нѣ филосо́фѣ. видѣв же
 икленіе ѿ бѣга ѿ поконъ своѣ, ѿблуге́са в уѣрныа рѣзы, и днь же
 наре́къ поко́а своѣго, прѣбѣсть до него́ днь, весела́са и сла́ва бѣга.
 и тако поуи ѿ гѣи в аѣ ѣ. тоу. и приложи́са къ ѿѣемъ свои́мъ, и
 прѣкомъ и а́пломъ, и мѣнкомъ и всѣмъ стѣмъ. и положи́ша и в цѣр-
 кви стѣго ка́мнента, на́дже мауа́ша мно́га исцѣленіа кыба́ти ѿ у́тнаго
 грѣка ѣго. сазѣи́и а́кѣе мауа́ша просѣ́йтиса, недѣ́жнѣи исцѣла́тиса.
 кеси ѿ у́а́къ исходи́ти: ѣже видѣвше рѣмла́не, па́че са приложи́ша
 къ стѣни ѣго. сѣмъ же прѣу́тнаго и бѣу́тнаго мефодіа на архієпіс- 10
 ско, на сто́лъ стѣго а́мдроника, а́паа в ламо́нѣи ѿ .б., ивстѣ́ша и
 на стра́нѣи словѣ́нскїа оуѣти ко мѣ́зѣмъ и, написа́вше ёпѣсто́а́тію
 сїю кѣ́земъ стра́ны тоа, ростиса́вхъ, светопо́а́хъ, и коце́лахъ а́мдрѣа
 ёпѣко́у, ра́къ всѣмъ рабо́мъ бѣ́жнѣмъ, к растиса́вхъ, и светопо́а́хъ, и
 коце́лахъ. сла́ва в кѣ́ннѣи бѣ́хъ, и на землі́и ми́ръ, въ у́а́цѣхъ бѣ́гоко́ле- 15
 нѣе. ꙗ́ко ѿ вѣ́ слышавше дѣ́о́кы радѣ́сти, иже имате на сѣ́се-
 нѣе, сла́емъ брата́ на́шего, у́тнаго мефодіа, сѣ́рѣна на архієпі́ство
 на стра́нѣи ба́ша, иже ё́сте просїа́ли оу́ ма́, да къ оуѣ́и, ко мѣ́зѣмъ
 прѣлагіа́ ки́нѣи, да са испо́а́ни прѣ́реское сло́во, ꙗ́ко же рѣ́ша
 хвалі́те бѣ́а вси мѣ́зѣи, и похвалі́те ѣго́ вси лю́дїе. и вса́къ мѣ́зѣмъ 20
 исповѣ́сть, ꙗ́ко же и гѣ́ іс хс в сла́вѣхъ бѣ́хъ ѿѣ́хъ. а́мнѣмъ. въ ё́та́и
 реу́е гѣ́, посла́ла оуѣ́и своа́ шѣ́ше, наоуѣ́те вса́ мѣ́зѣи, крѣ́а-
 це а́ ко има ѿѣ́а и сѣ́а и стѣго дѣ́а, оуѣ́аце кѣ́юсти́ вса, вѣ́нка за-
 по́вѣда́хъ ва́мъ, и се а́ с ва́мъ ё́смъ вса дѣ́и до кону́ны кѣ́кы.
 а́мнѣмъ. кы же, у́а́да возлюблѣ́ннаа, посла́шанте оуѣ́нїа бѣ́їа, ѣ́же 25
 в послѣ́днѣе вре́ма прѣ́дано кѣ́сть, ва́шего ра́дѣи сѣ́мїа, да, пооу́-
 ча́ющеса ра́зумно, пло́ досто́ннѣмъ сотвори́те, и прѣ́имете. кѣ́нѣцъ
 метѣ́нѣмъ и в сѣ́и кѣ́къ и градѣ́рѣи со всѣ́ми стѣ́ми ко вѣ́кы.
 а́мнѣмъ.

Дошѣ́шъ же ё́мъ въ стра́нѣи мора́вскїи, вси лю́дїе с радѣ́стію 30
 изыдо́ша ко сѣ́рѣте́нїе ё́мъ, и тако прѣ́їша и, ꙗ́ко а́ггѣа бѣ́їа. и
 ѿкерѣ́шася оу́еса́ слѣ́ннѣмъ, и оу́шеса́ гавхѣ́хъ, и мѣ́зѣи кѣ́нѣ-
 ющеса́ во́гѣла́ша ми́ра, і́ и́мъ же оу́стѣи бѣ́ша перѣ́е же́ртѣи не-

прѣизнеси воздавамъ на младѣзахъ и на всѣхъ мѣстехъ хвалоу бѣга,
 тѣмъ же дѣти и словесима и бескрѣпима савжемъ бѣгъ воздають ху
 5 кѣсь миръ, и ко всѣкомъ мѣстѣ има бѣже прославяется къ нѣдѣль
 нѣтъ, емѣ же кѣнса проповѣдникъ и агѣлъ нѣтъ, кѣсѣакъ, нѣко
 сѣ сѣнце, мѣлъ невѣднѣа бѣгомъ и бѣгоразумнымъ свѣтомъ всѣмъ сѣрцѣ
 просвѣтѣ, крѣтостѣю же и сластѣю, вса и себя люкѣнѣю приклатѣ,
 тетѣнѣе: свое сконуа, кѣрѣу сосаудѣ, цѣркѣн пѣснымъ оуѣраси и пѣ-
 10 нѣмъ дѣоуимымъ. и тако поуби о гѣ в мѣтѣ бѣ тѣарѣ всего мира, сѣтѣд-
 ѣ приложѣса ко бѣцѣмъ своимъ, патрѣархомъ аѣрѣамъ, ісакиѣ и нѣ-
 кокъ, всѣмъ себе оуподобѣлъ, всѣхъ ѡсѣрѣ на себе понѣмъ, ѡсѣмъ
 рѣкѣмъ бѣмъ, ѡсѣмъ мѣтѣ, а другѣ прѣспѣвъ сѣлаю, и дѣтелѣю, и
 нѣдѣкѣмъ, кѣсѣа, нѣко сѣнце, лѣуамъ прѣтоунамъ и наважанѣемъ.
 его же полагѣюще мѣдѣтѣуналъ словеса, мѣстѣ уѣмъ сласти его
 дѣоуима приложѣти.

15 Тѣмъ же, кѣмъ оуко похвалѣмъ кѣдмѣ кѣма, трѣхълѣнимаса толѣво
 кѣ радѣ в кѣстѣоуимъ, и знадѣмъ, и сѣкерскѣи странѣхъ, не нѣрѣнѣ
 крѣменѣмъ и тѣлющимъ, но бѣумыхъ и бескѣмѣумыхъ, крѣтъ гдѣмъ нѣ-
 жаскѣ на рѣмъ воспрѣнѣмша, и тѣмъ ѡмѣдѣнѣкѣшю грѣкѣ хѣмѣю,
 потребѣмша, разорѣста, и всѣаста дѣоуимое сѣма, и утѣ цѣркѣн при-
 20 несѣоста жѣто, дѣмѣно оуѣнѣе, нѣмъ же сѣаста, нѣко сѣктѣмъ, ко всѣмъ
 мирѣ, дѣмонѣснѣю хѣлъ и всѣкѣ брѣсь прогнѣкѣмша. кѣдмѣ оуѣ-
 стоамъ: хѣтъ цѣркѣе кѣста, нѣмѣла уѣмѣа и хѣмѣла аѣгѣла, ко нѣвѣтѣ
 бесмѣлѣтѣное жѣтѣе стажѣмша. кѣжѣнно е ко нѣстинѣмъ трѣво, пош-
 25 ше е вѣ и кѣдонѣмша гѣса многѣлома, нѣмъ же напѣнтѣста лѣуѣмѣла
 нѣзѣмѣкѣ, и жадѣмша напѣнтѣста жѣвѣомѣснаго пѣмѣа, непрѣстаѣмъ нѣцѣ
 нѣстоуѣмша всѣмъ ѡмѣмѣно. кто оуко кѣзмѣжетъ достѣоимъ похвалѣ
 кѣмѣ испѣвѣдѣти, пѣнѣвѣснѣю всю прошѣмша, стопѣмъ скѣоимъ бѣсь
 мирѣ ѡсѣтѣсти; кѣвѣмъ нѣзѣмъ вѣю, нѣмъ же насѣаста дѣоуимѣа словеса
 ко спѣнѣ бесѣнѣслѣнѣ нѣзѣмъ, бѣгодѣновѣннымъ дарѣ бѣ гѣа прѣнѣмша,
 30 мѣрѣмъ невѣдѣнѣа всюдѣу прогнѣмша, собѣю ѡсѣрѣ всѣмъ прѣлагѣмѣмъ.
 бѣ оуѣтѣнѣ дѣоуимъ сласть нѣстаѣюща, погѣнѣстѣвъ же всѣкомъ рѣ-
 рѣмѣнѣнѣкѣ нѣвѣстѣса, брѣтѣнѣкомъ свѣпѣстѣа, кѣсѣомъ прогѣнѣмша, сѣ
 ѡмѣрѣуѣнѣннымъ, оуѣтѣла мѣдѣнѣнѣе, нѣстаѣюща дѣоуимѣа сласть, мѣ-

юющимъ несквднаа пища, жаднымъ напалаа истѣинникъ, нагимъ обѣла-
 но одѣаніе подающа, сирымъ помощника, страннимъ прѣимника,
 болямъ посѣтитела, печальнымъ оутѣшитела, напастимъ защитника,
 вдовамъ и сиротамъ помощника, слѣпымъ свѣтодѣтла, влацимъ-
 са в мори житѣнстемъ великаа дикѣра, стѣна и покрѣкъ припа- 5
 дающимъ к вама, іудеѣо сзпостѣта, иновѣдника стѣн трѣци, свер-
 шитела бжїю смотренїю, величеству бжїю служитела, истѣинника
 бжїа словесн, недвижима столпа цркве хѣм, псѣать правдѣ, цїить
 веры, илѣмъ спїнїю, кля многоплодентъ, сотн мѣдвенїн словеса баяю,
 имн же насладїста всю вселеннїю, яко бисеръ многоцїненъ, ис- 10
 тоушма, сокровїци гнїи, вмѣстїанци бжїа смотренїа, ѡбителици
 бжїю смотренїю, сосѣда стїмъ дхѣ и збрѣмла, промѣснаа има хѣо
 по всен землї, крѣтъ похвалѣ на себя номѣсна, временнаа пре-
 зрѣвша, а вѣчнѣ наслаженїе прїимша. непрестанно прѣбнаа и истин- 15
 наа настыра, за и збрѣаное стѣдо баяю воденїжмо помолїтаса, стра-
 сти ѡжемѣща, бѣ и напастен иззавлаща, просвѣтїта и срѣнїи ѡчи и
 оумъ оутвердїта достѣнно послѣдовати стопамъ баяю, нѣмоци на-
 ша на са взнмающа, скыше силѣ подадїта, да, достѣнно пожнѣ-
 ше о хѣ, наследннцы трѣдѣ баяю ѡбращѣтса и проповѣдннцы прѣ-
 вѣн вѣрѣ, юже имъ ѣста прѣдали, да вси єднїоглїно прослѣкѣ 20
 трѣтоє кѣтєо ѡца и сїа и стїго дха, мнѣ и прїю и ко вѣки вѣкомъ.
 аминь. .

ПРИМЪЧАНІЯ.

Стран. Строк.

- Въ заглавіи: 105, 2. сотнѣршѣмъ вм. сотнѣршени.
 — 3. на нѣмѣи кетхѣи вм. нѣмѣи ѿ кетхѣи.
 — 4. въ нѣмѣи вм. въ нѣмѣи.
 106, 17. оуѣраснѣстася ѿ дѣшю ѿ оуѣмомъ вм. оуѣраснѣста ѿ дѣшю ѿ оуѣмъ.
 107, 1. оуѣгомо вм. оуѣгоиъ.
 — 4. совѣтъ вм. свѣтъ.
 — 12. въ кестѣжѣи вм. стѣжѣи.
 — 20. ѿменнѣстѣ вм. ѿменнѣтъ.
 108, 1. ѿнѣтиса вм. ѿнѣтеса.
 — 2. прѣидеть вм. прѣидете.
 — — ѿсиѣна вм. ѿсиѣшена.
 — 3. прѣкышнѣиъ вм. прѣ кышнѣи.
 109, 1. уѣрнѣиго вм. уѣрнѣго.
 — 5. неумѣсткѣна же не ѿс вм. не ѿс неумѣсткѣна же.
 — 8. прѣдѣстѣ вм. прѣдѣста.
 — 9. ѿ стѣе вм. ѿстѣе.
 — 13. сѣрѣи вм. сѣрѣ.
 — 14. гѣа вм. гѣаиъ.
 — 20. Прон. ѿ передѣ проповѣдѣтѣла.
 — 26. хотѣѣа вм. ходѣѣа.
 110, 27. ѿмѣстѣа вм. ѿмѣста.
 — 15. кѣсѣстѣа вм. кѣсѣста.
 — 18. кѣслокѣсною вм. слокѣсною.
 — 21. ѿ дѣнѣа вм. ѿдѣнѣ.
 — 16. ѿ ѣѣ вм. ѿ ѣѣ.
 111, 26. в послѣдѣна вм. в послѣднѣе.
 — 32. комѣюѣи вм. клнѣюѣи.
 112, 2. кождѣстѣ вм. кождѣютѣ.
 — 13. ѣже вм. ѣго же.
 — 20. свѣти вм. свѣтнѣа.
 — 21. хѣѣѣа вм. хѣѣѣ
 113, 15. номѣѣстѣа вм. номѣѣтѣа.
-

ХІІ.

По Четь-Минех на Февраль Московскаго Чудова монастыря 1600 ю-
да, въ листъ, на бумагъ, № 311 (9), на 706 листахъ, при Житіи
Кирилла, л. 399 (сл. Житіе Кирилла № XII).

—

Въ ТОМЪ ЖЕ ДНѢ СЛОВО ПОХВАЛНО НА ПАМЯТЬ СГГЫМЪ И
ПРЕСЛАВНЫМЪ ОУЧИТЕЛМЪ СЛОВЕНСКЪ АЗЫКЪ, СЪТВОРИШЕМЪ ПИ-
СМЕНИ ЕМЪ И ПРЕЛОЖИШЕМА НОВЫИ И ВЕТХЫИ ЗАКОНЪ КО
АЗЫКЪ НХЪ, БЛЖЕННОМЪ КИРИЛЪ ФИЛОСОФЪ И АРХІЕПКОПЪ ПА-
НОСКЪ МЕФОДИЮ. БЛВ.

БГЪ И СПСВ НАШЕМЪ, ІСУ ХОУ, МИОГЫМЪ И НЕИЗРЕУЕИМНЫМЪ УЛКОЛЮ-
БІЕМЪ, ПОМИЛОВАВШИХЪ РѠ УЛЪЕСКИИ, И НЕ ТЕРПАВШЪ СЪЗДАНИА СВОЕГО,
ЛЕСТИЮ ДІАВОЛЕЮ ОДРЪЖИМА, НИЗЛОЖИ СЕБЕ ВЪ СИМРЕНІЕ КОЛНОЕ, И
ВЪЛАЩЕЦСА Ѡ СГГО ДХА И Ѡ ПРЕУТМА И Ѡ СЛАВНЫА БЦА И ПРМО
ДБЫ МРТА, НА ЗЕМАН СВІНСА И СЪ УЛКИ ПОЖИКЕ, И СЪ ѠБРАЗЕНЪ БЫКЪ 5
ТЕЛЕСИ НАШЕМЪ, ѠСЪДИ ГРЪХЪ ПЛОТІЮ СВОЕЮ, ДА ОУМИРАЮЩІИ Ѡ АДА-
МЪ, Ѡ ХЪ ѠЖИВУТЬ. ТОИ БО ЕСТЬ МИРЪ НАШЪ, СЪТВОРИ И ѠБСОА И ЕДИ-
НО, ПРЕГРАЖЕНІЕ ѠГРАДЪ РАЗРЪВШЪ, КРТОМЪ ОУБЕНЪ ВРАЖЪ, И ПРВЕЦЪ
ВЫСТЪ ИЗЪ МРТВЪ, СОВОЮ НАСТАВЪ РѠ УЛЪУ НА НЕИСТАВНЫИ ПЪТЬ, ВЪ-
ШЕ ЖЕ НА НЕСА, СЪДЕ Ѡ ДЕСНЮ ПРТА ВЕЛИЧЕСТВІА НА ВЫСОКЪХЪ, ЗА- 10
НОЖЪ ДАВЪ ИСНОУСНУ РОДУ УЛЪЮ, ХОТАИ В ПОСЛАДНАИ ВРЕМЕНА ПРІИ-
ТИ СУДИТИ ЖИВЫМЪ И МРТВЪ, И ВЪЗАТИ КОМУЖѠ ПО ДѠЛОМЪ ЕГО,
ИМО ПРВЕДЕТЬ СУДИИ. НЕ ХОЩЕТЪ БО СМІРТИ ГРЪШНИКЪ, НѠ ѠВРАЩЕ-
ЩІЮ ЕГО И ПОКААНИЮ, АЩЕ НАИПЪАУЕ ПРНАСЖИТЬ НА ЗЛОБЪ КОЖѠ УЛЪКЪ.

НЕ ОСТАКИ БО СЪЗДАНА СВОЕГО МАТНЕМЪ БЪ, НИ ЗАКЪ ДЛА РЪКОУ
 СВОЕЮ, НО НА КОЖДО ЛЪТА И ВРЕМЕНА НЪЗЕРА МОУЖА, И ДЕН ДЛА И
 ПОЖИИ ЛЮДЕМЪ, ДА БЫША, ТЕМЪ ПОБАЩЕСА, ЖИВОТЪ БЛУНЫМЪ ОБРЕАН.
 И ПО ТЪ ПРРКЪ, ПО ПРРЦЪХЪ ЖЕ АПЛН, И ПО АПЛАХЪ МЪНКИ, И ПРЪ-
 5 НЫА МЪЖА И ОУУТЛА. ЕЖЕ СА И ЗЫСТЪ В СЕМЫН ВЪКЪ НАШЪ. РЪША
 БО ОНИ СЪЛПН ПРОЗРАТЬ, ГЛАСИИ ОУСЛЫШАТЬ СЛОКО КНИЖКОЕ, И ВСИ
 КОГЛАЮТЪ РАЗАНУНЫ КЪЗЫКЪ КЕЛНУИА БЖІА.

БЪ ЖЕ В СЕЛЪМЪСТЕ ГРАДЕ МЪЖЪ КИРИИ, ИМЕНЕ ЛЕКЪ, УИЕЪ НЕПО-
 РОУЕНЪ, ИСТИНЕНЪ И БГОУТЕ, ОБРЕКАСА О ВСАКИА ГЛОКЪ И ИСПО-
 10 ГОНАКЪ ВСА ЗАПОВЪДИ БЖІА, ЯКО ЖЕ ІОВЪ. ЖИВЪИ ЖЕ КЪ КРОТОСТИ И
 КЪИИ, СЕМОРОДЕНЪ ОБРЕТЕСА, ЯКО ЖЕ И ІОВЪ. О НИКОЕМЪ ЖЕ И
 ПРРКЪ ГЛЪТЪ БЛАЖЕНЪ МЪЖЪ БОАИСА ГА, В ЗАПОВЪДЕХЪ ЕГО ВЪСХОЩЕТЪ
 ЗЕЛО. СИЛНО НА ЗЕМЛИ БОУДЕТЬ СИМА ЕГО, РО ПРАВЕДИМЪХЪ БЛАКИТСА.
 СЛАВА И БОГАТСТВО В ДОМУ ЕГО, ПРАВДА ЕГО ПРЕБЫКАЕТЪ ВО ВЪКЪ ВЪ-
 15 КА. ИС ТОГО БО КОРЕНЕ ВОСИСТА ИЪРАДИЪ ДЪВЪ ЛЪТОРАСИ СВЪТОЗАРНЪ,
 БЛАЖЕНЪ ПЛЪ НА СЕБЪ НОСАЩА, ЖИТИЕ ЖЕ НЕПОРОУНО О ЮНОСТИ ИМОУ-
 ЩА. ПРМРЪШЪ БО СЕБЪ, ЯКО СЕСТРЪ СЪТВОРША, ТОЮ ОУКРЕПАСТА
 И ДШЮ И ОУМЪ, ЛЮБОВНИЮ ЖЕ И ВЪРОЮ, ДРУГЪ ДРУГА ЕЮ ПРЕСНЪ-
 ВАСТА, МРЪШТИЮ ЦВЪТЪЩА ПРНО, ЯКО ЦВЪТЕЦЪ БЛГОЮКАНИНЫ. РОДОМЪ
 20 СЪ МИИ БЛАИНЫ КОНЪСТАНТИНЪ, А ОУМОМЪ И ДОБРОДЕТЕЛМИ ВЪСЫРЪ
 ВЪЗЛЕТАА, ЯКО ОРЕЛЪ, ДХОВНЫМА КРИЛОМА, ТИ БГОЗАРНЫМЪ СВЪТОМЪ
 ОУМА ПРОСКЪЩЪ СЪ, СЪСОУ ИЪЗЕРАМЪ СЪМЪ ДХЪ, И ТЕМЪ СВЪТАСА
 ВСЪМЪ ОУУЕНИЕМЪ ФИЛОСОФСКИМЪ, НЕСКЪНОЕ СЪКРЪВИЩЕ ОБРЕТЕСА.
 ЯКО БО ИСТОУНИКЪ, ИСПОЗНАКЪ ВСЮ ВСЕЛЕННЮЮ, МАПОМЪ ЖАДИМА СЛО-
 25 ВЕСЕ БЖІА, ЯКО РЕЧЕ СА ГЪ БЪ НАШЪ, ІС ХСЪ ВЪРОУАН В МА, ЯКО ЖЕ
 КНИГЪ РЪША, РЪКИ О УРЕВА ЕГО ПОТЕКЪ ВОДЪ ЖИВЪ, СЪ РЪУЪ. ДА-
 РОКЕ ЖИКОТВОРАЩАГО ДХА. ТОИ БО ВЪСКИИЪ В МЕШЪ, ИЪЗАНІСА ОУ-
 СТИМА ЕГО И ВСЮ ВСЕЛЕННЮЮ СЛАСТНО ВЪЗЪКЕСЕАН, СЛОКО РАССЕКА
 БОЕМЪЖО ИЪЖИЪ, ПРОТИВЪ СВОЕМЪ РАЗУМЪ. БЪ БО ЕМУ ДАНЪ ДАРЪ
 30 ДХОВНЫИ ИЪЖИИ ГЛАТИ, ЯКО И АПЛЪ, СТАРИИШИ ЖЕ ЕГО ВРАТЪ, ПРЕ-
 БЛАЖЕННЫИ МЕФОДИИ, ИЪЗЪ МЛАДА ЖИТЕНСКІА САИИ МАХАУТЪ ПРІИМАТЬ.
 МРЪШТИЮ БО, ЯКО ЦВЪТЪ БЛГОЮКАМЕНЪ, ЦВЕТЫИ, ВСЪМИ КАКАМИ СЪ
 ЛЮБИМЪ. В БЕСЕДАХЪ БО ЯКО СОЛОМОНЪ АВАШЕ, ДИВНЫИ ПРІКЪТА, И

милостива, и вонравивша измоста и сръмнаго свата, и на слоужбѣ всамъ оубоуднѣ, яко врмаѣ, обрѣташесѣ, и на вѣиънѣ яко и самсонѣ, и гедеонѣ, и ісѣ навигнѣ, страшенѣ алашесѣ. тѣмъ же и въевѣсннъ оанѣ прѣимѣ, поемѣ в немѣ мало, и разумѣвѣ многоматежннъ самъ оветѣ, яко самѣ вреходѣмъ неволѣзисно, на же гнѣ слоко, яко и сѣрѣвѣ, въ сѣиѣ сн прѣимѣ, яко же рѣ: вѣа поаза єсть уанѣ, оше всѣ ширѣ прѣобкрѣщеть, а дшѣоу свою ѡцѣтѣтъ, аи негвѣнѣтъ; аи утѣ дасть уанѣ иузѣмѣ на дшѣи своѣи; прѣмешнѣ же зѣмимѣи нѣнаѣ, временна оубо ѡмѣтѣла ѡ сѣвѣ, врезѣа, въ вѣимѣа подѣнѣгнѣсѣ. и и(з)шѣ къ ѡанѣкъ, пострижесѣ: в тернѣа рѣзѣ, уаѣ прѣѣтѣи 10 вѣахъ и негвѣнѣхъ анѣкъ ѡдѣжѣхъ. и сѣ повинѣаѣса всамѣ с покорѣнѣмѣ и смнрѣнѣмѣ, в бѣдѣиѣи и мѣтѣхъ, в стѣжѣнѣи, сѣвѣнѣи, къ израднѣи воцѣнѣи, въ трѣвѣнѣи исегда, въ ѡуицѣнѣи дхѣвнѣмѣ, къ вѣауи вѣаѣ, ѡ оубѣи истоуиѣи испѣцаѣа, яко рѣкъ, и тоу ѡмѣвѣа всѣ тѣло своѣ, лѣтѣскаѣо покоѣ ѡиѣ не свѣдѣи, како єсть, но на 15 вѣахъ ноцѣи стоѣ ѡ захѣѣа сѣица до восходѣаѣа, не дѣа снѣ ѡуиѣа своѣма, ни вѣжѣама сн дремѣнѣа, ни покоѣ брѣвѣа своѣма, вооубѣа къ хѣамѣ, и вѣиѣкъ и итѣснѣхъ дхѣвнѣхъ, слѣкнѣаѣа сѣостнѣгнѣтѣи жнѣа сѣмѣхъ ѡиѣ, ѡкѣ же прѣспѣа крѣтѣстѣио и молауѣнѣмѣ, а дргѣа постѣмѣ, и бѣдѣнѣмѣ, и мѣтѣроу израѣно. и тѣко имеѣо 20 нѣтѣ вѣстѣ въ всѣ ѡиѣ, подѣбѣмѣ вѣанѣкому арсѣнѣю, и анѣѣио, и самѣ всѣ жнѣа собою сѣвѣрѣшѣа. мѣтѣнѣи же бѣ, вѣдѣкъ и в товиѣхъ трѣдѣ прѣвѣкѣаѣща, вложнѣ в сѣѣце брѣтѣи, иже, вѣдѣкѣиѣе подѣкнѣтѣ єго израдѣмѣ на слоужбѣ вѣѣю, дргѣ къ дргѣоу днѣаѣхѣса ии просѣаѣаѣхѣ вѣа, даѣщаѣо бѣгодѣтѣ свѣиѣе трѣжѣаѣѣсѣа єго раднѣ. 25 доидѣже патриѣрѣхъ, оубслѣиѣаѣкъ подѣнѣгѣ єго, вѣднѣа и постѣкнѣтѣи мнѣтѣрополнѣа є уѣиѣи мѣстѣ, и не мѣгѣиѣе єго тоуѣ прѣвѣдѣнѣтѣи, постѣкнѣшѣа иѣгвѣнѣа в мѣнастѣрнѣ, иже нарицѣѣтѣса именѣмѣ. полнѣхрѣнѣ, в мѣиѣ же вѣше ѡиѣ .ѡ. и по то са ємѣ, прѣвѣкѣаѣше яко и бесплѣтѣнѣ. в мѣтѣѣ прѣно, всѣмѣ всѣауѣсѣкѣи, даѣмѣ всѣа прѣобкрѣтѣлѣ. и сѣмѣа 30 ко кнѣиѣи ѡ тѣкоѣоу вѣпнѣѣтѣ, похѣаѣно гѣюѣиѣа прѣѣмѣрѣстнѣи древнѣхъ. вѣхѣѣсѣтѣса, и ко прѣрѣстѣиѣхъ пожнѣѣтѣе. поѣвѣстнѣи мѣжѣ именѣиѣтѣи сѣхрѣнѣѣтѣе, и въ иѣзвѣтѣиѣхъ прнѣтѣуѣиѣхъ иѣзѣдѣтѣе. посрѣднѣи вѣаѣможѣи по-

СЛУЖИТЕ, И ПРЕ ИГЪМЕНУ АКИТЕСА. ПО ЗЕМЛИ ТЪЖИХЪ АЗЪМЪ ПРОИДЕ-
 ТЕ, ДОБРО И ЗЛО ВЪ УЛЦЕХЪ ИСКУШЕНА БУДЕТА. СРЪЦЕ СВОЕ ДАСТА ОУ-
 ТРЕНЕ БЫТИ КЪ ГОУ СЪТВОРИВШЕМУ А, И ПРЕ КЛИНИИХЪ ПОМОАИСТАСА.
 АЩЕ ЖЕ БЪ ВОСХОЩЕТЕЪ ВЕЛІКІИ, РАЗУМНАГО ДЪА ПОПОМИТЕСА. ТО
 5 БО ПОТОУИТЕЪ ГЛЪ И МРЪОСТІ ЕЮ, И ВЪ МАТВЕ ИСПОКІДАСТА ГІИ. ТОИ
 БО АКИТЕЪ КАЗАНИА И ОУЎНИА ЕЮ, И В ЗАКОНЪ ЗАКІТА ГІА ПОХВАЛИСТАСА.
 ВЪСХВАЛАТЪ ЕЮ РАЗУМЪ МИОСИ, И ДО ВЪКА НЕ ПОТРЕБИТЕСА И НЕ
 ОБЪСЪЯИ ЕЮ, И ИМА ЕЮ ЖИТЕТЪ В РОДУ И РОДУ. МРЪОСТІ ЕЮ ПОКИ-
 ДАТЪ АЗЪМЪ, И ПОХВАЛУ ЕЮ ИСПОВАСТЪ ЦРКВИ, ЕИ ЖЕ БЫСТА КРІЯИ
 10 ПОКИТІА И НЕДКИЖИМА СТОЛАИ, ОСНОВАИМА НА ТВЕРДИХЪ ВЪРЪ КАМЕНИ,
 ПОСАІСТКОВАИМА ПЕРКОЩЕМЪ И ПАТРИАРХОМЪ, ВЪРОЮ И ПОДКИГОМЪ
 ДЪАНИА ИХЪ И ТРОИДЫ СОБОЮ СКОМУВАЮЩА, ІАКО ЖЕ И ВЕЛІКІИ ПАТРИАРХЪ
 АВРААМЪ, ПРАДІ ХІЪ, ВЪРОЮ ПРЕСЕЛИИХЪ БЫЕЪ И ПРИШЕЛЕЦЪ ВЪ ЗЕМ-
 ЛИ ТЪЖИИ, ДРЪВЪ БЖІИ НАРЕУЕСА, И ЗАВЕТЪ ОБРЕЗАНІЮ ѿ ЕЃА ПРИ-
 15 НИЪ, ВЪРОЮ ѿЦЪ МИОГОМЪ АЗЪМОМЪ НАРЕУЕСА.

СІА ЖЕ СІА И ПРЕСЛАВНАА ѿЦА И ОУЎТІА, ТОЮ ЖЕ ВЪРОЮ ОУ-
 ВРАТЪСА, ТЫ ЖЕ ДЪТЕЛИ СКОМУАСТА. ПРЕСЕЛИИКА БО БЫСТА ѿУЕСТЕА
 СВОЕГО И ПРИШЕЛЦА НА ЗЕМЛЮ ТЪЖОУ. ЗАКОМЪ ЖЕ ѿ ЕЃА ПРІИМАИМА, НЕ
 СВОЕМЪ ПЛЕМЕНИ, ІАКО ЖЕ АВРААМЪ, МО АЗЪМЪ, ИЖЕ НЕ РАЗУМЪАШЕ
 20 ДЕСНИЦА СКОЕА, НИ ШЪИЦА, НО ЕМЪ ЖЕ СІА ПРЕБІКАХЪ, ТО ТОМУ СІА ПО-
 РАБОЩИШЕ, КЛАНАХУСА, ІАКО ЕЃЪ, ТВАРИ, ВЪ ТВОРЦА МІСТО. ЗАКІТЪ ЖЕ
 НЕ ОБРЕЗАНІЮ ПРІИМАШЕ, ІАКО ЖЕ АВРААМЪ, НО КРЕЩЕНІЮ, ВЪ ѿСТА-
 КЛЕНІЕ ГРЕХѸЪ, ВЪ ВЪКИ ПРЕБЫВАЮЩЪ, САМЪМЪ СКОМУАИЪ И ПРЕДИТЪ
 ГІЪ НАШІИ, ІС ХІЪ. МОИСИИ ТАКОЖЕ СЪ АРОНОМЪ БО ІЕРЪИХЪ БЖІ-
 25 ИХЪ БЪ ФАРАѸОНИИ НАРЕКСА, МЪКАМИ РАЗАИУИИИ ЕГІПТА ОУМЪ, БЖІА
 ЛЮДИ ИЪ РАБОТЫ ИХЪ ИЪВЕДЕ, БО ДІЕ СТОЛОМЪ ОБЛАУИИИИ, А В ИО-
 ЦИИ СТОЛОМЪ ѸГНЕИИИИ, И РАЗЪЕЛЪ МОРЕ, ПО СОУХЪ ПРОКЕДЕ ВЪ ПЪСТЫ-
 НИ, А ПРОТІКЕИМА ПОГРЪЗИ ВЪ БЕЗІИ, В ПЪСТЫИИ БЕЗЪКОДИЪ НАВОИ А,
 ПОРАЖЪ КАМЕНЪ, И ХЛЕБА АНГІКА НАСЫТИ, И ЗАКОМЪ ЖЕ ѿ ЕЃА ПРІИ,
 30 БЖІИИМЪ ПЕРСТОМЪ НАПІСАИЪ. НА СКРИЖАИ БО КАМЕНИ, ПРЕДАСТЪ ЛЮДИ
 КЪ СХРАНЕИЕ И ПОСАУШАИЕ. И СІА ЖЕ ПРЕБЛАЖЕНАА И БГОУЌГОДНАА ТЪКА,
 НИ УНИ ЖЕ МЕНІША ТОЮ ІАКИСТАСА, ТОГО ЖЕ БЖІА ДЪА НАНОСИМА СЪМЪ-
 ШЕ, СУГОУЪ БЛГТИ СПОДОБАИШАСА, ЛЮДИ ИЪВЕДОСТА ИЪЪ МИОГА ТЕР-

наго діаконьскаго шора, мышлеваго фараѣна погружыша, и всю си-
 лоу єго потрекнста, и кѣроу коѡржнѣстася и силоу крѣпкою, не
 ѣ пустыню же а ижедоста, но на свѣ бѣоразѣмныи настѣкнста, не
 ис камени воду ижебша, но кѣроу словесе бжѣа жадныа напоиѣста,
 не ис не уювьствена же камени воду ижебша, ако же ї ѡма, но истѣк- 5
 шю кровію и водою ѡ прѣвнстѣ рѣкѣ гѣ нашего, їса хѣ, втримы
 нищюу кѣтнню и бескомѣуныи жнкѡтъ во спсѣнїе прѣдѣста, въ ѡда-
 нїе грѣхѡвъ подающа. ни халеа ангѣка напнтающа, но истое тѣло
 гѣ нашего, їса хѣ. законъ же бжѣи сигѡубо прѣложыша, в новыи
 азѣкѣ прѣдѣста, писмена сътворыша ємъ. еже въ са ѡ прѣмрѣхъ и ю
 разѣмны оутѣлао, то ѡткровено кысть мѣнцемъ в послѣднїи вѣкъ
 сімъа. не на скрѣжѣаи каманы напнсанъ, но на срѣцѣ скрѣжѣаи плотѣ,
 ни сквоєѣ ѡслакъ, ни мглоу и бѣрею гѣамъ, но самъмъ гѣмъ,
 їс хѣмъ, свонтамъ и прѣда. не сѣни слѣжнѣтѣла, но истинъ проповѣд-
 ника кыста, ни кроплѣнїемъ крове оуинуа и кола, кроплѣца и ѡтнѣа- 10
 юра свѣрѣныа къ плотьстѣи утѡтѣ, но стѣмъ крѣщѣнїемъ, не тѣло
 єдино ѡтнѣающа, но дшѣвнню същѣхъ къ сѣрдѣвнмъ свѣъ кысть
 косѣлѣша, ни законѣннъ жерътѣъ проповѣдника кыѣша, ни слѣжнѣ-
 тѣла, но бескѣрпнѣннѣи и мнрнѣи хрѣтовнѣи свѣжѣъ свѣжѣъ и пропо-
 вѣдѣтѣла ѡнѣстася, ѡлѡѣ супроужннѣка, на то же дѣло ижебрапа, крѣтъ 20
 смыслено на рѣмъ своєюу кѣспрїѣннѣша, всю вселѣвнню ѡнѣдоѣста,
 исполнѣающа оуѣнѣмъ та мѣста. в ннхъ ѡнн не востѡѡша, ан оу-
 доѡженїемъ нѣтн, ан за оумноженїе ннѣ стѣланъ блжнннхъ, в ннхъ
 же рѣшѣнѣса, ѡко лѣуа сѣмуннѣа, свѣтомъ бѣоразѣмннмъ просѣ-
 тннѣа весь мнръ. по тѣмъ же стопамъ и ти ходѣаща и того же дхѣ 25
 напоѣма ѡ бѣа, томъ же словеси кыста проповѣдника и нокал ѡлѣа,
 не на тѣжѣмъ ѡсновѣннїи своѣ дѣло показѣающа, но иженова писмена
 къ ѡбѣражыша, и съкѣршнѣста къ азѣкѣ новѣ. послѣъ же къ сѣлѣша, ѡко
 оутренѣаи звѣзда, ѡ сѣнѣа свѣтъ прнѣмѣающн, свѣтаѣннѣи въ ѡплѣлѣтѣса,
 и ѡко же маѣтн дѣлатѣлѣ въ внногрѣ, помесшен таготѣ днѣ и ка- 30
 ра, съ прншѣннїи къ .аѣ. уѣъ, ражнѣмъ сподокаєнн быша мѣъ,
 бжѣи блѣтн тако ижевошн, в послѣднїи вѣкъ томъ же дѣлаѣ ѡкнѣн
 сѣа нокал проповѣдника и свѣтнѣннѣа всен вселѣвннѣи, иже под-

вѣномъ добрымъ и вѣрою вѣрнѣо преподѣлаша твела своа, прои-
 дѣста, ако сѣни, темнаа мѣста стопами своимн просвѣщающа, кел-
 къ мѣлз поганьскою дхѣвнѣи ѡгнемиъ попалѣюща и еретѣвскою, не
 пощадаща дѣла своѣа, ни пощадаща телеса своѣа, но всегда гото-
 ва свѣти за правзю крѣху сласто испити хѣху умиху. въ срашнѣхъ
 же и козарѣ мѣлзшаса непобѣднѣа, но имѣо дѣлѣ иноплѣмѣннѣху и по-
 да, ни зложнѣ гордыню ѣго, потребен, пробоказоказѣ трѣху трѣху мѣ-
 мени, и своимъ ѣмъ метѣмъ главѣ ѡсѣкѣ, похвалѣ прѣлѣтѣ во ѣмакѣ
 ѡ сѣмѣ инлѣвѣ, такоже же и сѣа ѡца, трѣхуѣрѣстѣху бжтѣху съзѣ-
 10 свѣта и проповѣднѣка, въ соборѣхъ срашнѣхъ и жидѣвскѣхъ
 ѡбрѣшѣсѣа, своимн имѣ книгамн и азѣномъ, бахметѣмъ блади и
 жидѣвскѣху здѣвѣ, дхѣвнѣкѣмъ мѣтѣмъ ѡсѣкнѣа, потребнѣста, имѣ
 плекѣлѣ, и попалнѣста дхѣвнѣоу блгнѣю, а слѣоко гнѣ въсѣлѣста, ако и
 пшеничѣху, къ срѣнѣмъ свѣлѣ, и всѣа насладнѣста медотѣтѣмн словѣ-
 15 сѣху. тѣмѣхунауаанаго же бжтѣа истѣо исповѣдѣста, оуказѣста въ
 ѣднѣномъ свѣстѣхъ равенѣстѣомъ сѣлѣнѣа ѡца и сѣа и сѣво дѣа. та-
 ко а оуловѣста, ако и рыбѣху, слѣоеснѣоу мрежѣю, и крѣтѣста ѡ ко-
 зарѣ утѣмѣа уади до дѣоу стѣху, разѣху жѣмѣху и дѣтѣху. трѣхуѣсѣоу по-
 хвалѣ ѡ всѣа црѣкѣху прѣимѣша, прѣѣоста ѡтѣдѣ ни хѣнѣмѣа страшнѣ,
 20 блѣговѣстѣствѣюща слѣоко бжтѣху въ азѣлѣху нѣкѣху, и всѣху црѣковнѣху хѣ-
 конѣху прѣдѣоша ѡ грѣѣсѣкаго, въ своѣн имѣ азѣлѣху прѣдѣста. трѣ-
 зѣлѣннѣомъ же злоѣху ни зложнѣша, потребнѣста, ако плекѣлѣ, ѡбѣрѣшѣ-
 ша а ѡ пшеничѣху, тѣху утѣ црѣкѣху и свѣтохарнѣо жнѣтѣ прѣдѣста. в за-
 паднѣхъ же странахъ, напѣнѣстѣ и морѣвскѣхъ странахъ, имѣ сѣнѣцѣ
 25 въсѣлѣшѣа, мѣлка грѣхѣкнѣа ѡгнаѣшѣа, просвѣтнѣста бѣкѣамн, и маоуѣ-
 ша оуѣмѣху црѣковнѣомъ унѣху испѣлѣмъ. и тако теуѣнѣе скѣнѣтаѣмѣху,
 пѣтнѣ сѣа ѣста рѣмѣенаго, апѣлѣскомъ прѣлѣху поклоннѣтнѣа, ведѣшѣа сѣ
 съкою на сѣрѣнѣе дхѣвнѣху плѣо. ѣже слышѣахъ апѣстѣолнѣху амѣдрѣмѣху,
 нѣзѣдѣ проуѣнѣу имѣху далѣѣѣ ѡ града рѣмѣска, и тако же а прѣлѣтѣ,
 30 ако анѣла бжтѣа, и оуѣѣнѣе ѣю прѣлюбѣлѣ, постѣлѣн блжѣннаго мѣфѣ-
 дѣа на прозѣнѣтерѣстѣо, и оуѣнѣкѣ ѣю.

Прѣблѣжнѣ же сѣа времѣа покѣн прѣлѣтнѣ прѣстѣлѣху и прѣблжѣннѣомъ
 ѡцѣху нашѣмъ и оуѣтѣлѣю, конѣстантнѣнѣху филѣосѣѣѣху. вѣдѣлѣ же блѣлѣ-

нїе ѿ бѣа ѿ покон своѣмъ, ѿблєуєса в ѹбрима рнзы, и днѣ же нарекъ покоа своѣго, прєбѣ до него днѣ, вєселѣса и слѣва бѣа. и тако поун ѿ гѣ в лѣ рѣ. тѣхъ. и приєлнжн къ ѿцємъ своимъ, прѣкомъ и ѿлѣомъ, мѣнкомъ и всѣмъ стѣмъ. и положиша и въ цѣркви стѣго канїєнта, ижеже науаша многѣ исцѣлєніа сызати ѿ ѹтнаго грѣба єго, савпн абїе науаша просвѣцѣтн, недѣжнн и сцѣлѣннса, всѣи исходнн. єже видѣште рнмѣанє, паує са приложнннѣа къ стѣн єго. сѣѣше же прѣѹтнаго и бѣѹтнаго мѣфодіа на архієпкпство, на столѣ стѣго апроника, апнѣа въ панонн ѿ .ѿ., пѹстнша и на страны словєнскїа оѹтнть во азѹжѣ ихъ, нанн- 10 сѣѣше єпнстолнмо сїю къ кнѹземъ страны тоа, ростнслѣвѣ, и стѣпоавѣ, и коцєавѣ. амрнѣа єпнѣ, раєъ всѣмъ рабѣмъ кѣтнмъ, къ раєтнслѣвѣ, и стѣпоавн, и коцєавѣ. слѣва в вышннхъ бѣхъ, и на зєдлнн мнрѣ, въ тѣцѣхъ бѣговолєніє. ꙗко ѿ вѣсѣ салѣшѣлнше дѣѣшн ра- 15 достн, иже имѣте на сїсєнїє, сѣсѣмъ брата нашєго, ѹтнаго мѣфодіа, сѣѣна на архієпкпство на страны вѣаша, иже єсте проснлн оѹ насѣ, да вѣ оѹтнть, во азѹжѣ прєлагѣа кннѣн, да са и спѣанннть прѣѹєское слѣво, ꙗко же рѣшѣа хвалнте гѣ всн азѹжн, и похвалнте єго всн людїє. и всѣкъ азѹжѣ испѣвѣсть, ꙗко же и гѣ іс хѣ въ слѣву бѣхъ ѿцѣ. амннѣ. въ єѹѣлнн рѣ гѣ, носмѣла оѹтнмъ 20 свѣдѣ шєшє, наоѹтнте всѣ азѹжн, крѣтѣще а во нма ѿца, и снѣа, и стѣго дѣа, оѹтѣщєе блѣстн всѣ, єанко запѣвѣдаѣхъ вамъ, и сє а є вѣамн єсѣмъ всѣ днн до коѹтннн вєвѣ. амнѣ. вѣ же, ѹада вѣзѣлѣєавн- 25 наа, послѣшаннте оѹтннѣа кѣтнѣ, єже в послѣднєє врєма прѣдаѣо бѣсть, вѣашєго радн сїсєннѣа, да, пооѹтѣющєса рѣзѹмнѣо, наѿдѣ достѣннть ствѣрнте, и прнннмѣте вєнѣцѣ нєсталѣнєнѣ и в снн вєвѣ и въ градѣ- 30 цнн, со всѣмн стѣмн въ кѣкн. амнѣ.

Дошєнѣвъ же ємѣ въ страны моравѣскн, всн людїє с радѣстїю нѣзѣдѣоша въ срѣтєнїє ємѣ, и тако прѣлѣша и, ꙗко амѣла кѣтнѣ, и ѿвєрѣзошѣса ѿѹєса слѣпнмъ и оѹнєса глухнхъ, и азѹжн волєннѣ- 30 цнѣн коѹлѣаша мнрѣ, и ннн же оѹстѣ вѣша нєркѣе жѣтѣв нєпрѣлѣз- нємѣ вѣзѣамн на клѣднзѣхъ и на всѣхъ мѣстѣ хѣловѣнн бѣа, тѣмъ же дѣтн и словєннѣа и вєскєрєннємѣа сѣлѣжѣнн бѣхъ вѣдаѹтѣ зѣ вєсѣ.

миръ, ѿ въ всѣхъ мѣсте нѣма кѣтѣ. прославаѣтся дѣ азѣкъ новъ,
 ѣмъ же нѣкогда проповѣдникъ ѿ азѣкъ новъ, въ еѣдѣхъ дѣхъ сѣмѣе, мѣхъ
 пендѣнѣа ѣгона ѿ бѣгдоуѣмимъ свѣтокъ. всѣмъ сѣца просветѣ,
 крѣостію же ѿ сѣастію, еса к себѣ мѣлѣвѣю приелѣта, теуѣмъ
 5 свое скѣпта, върѣ соклюде, чѣркенъ пѣснми оуѣраси ѿ пѣмѣи дѣмѣ-
 ными. ѿ тако почѣ ѿ вѣ е лѣто ѿ гѣлѣи всего мира дѣ, гѣд. ѿ при-
 ложиса къ ѣщѣмъ своѣмъ, патриархѣмъ ѣвѣрѣмъ, і самѣу, і нѣкокъ, вѣстѣ
 себе оуѣодѣкъ, всѣ ѣвѣрѣ на себе помѣнѣ, ѣвѣмъ рѣцентъ емакъ,
 ѣвѣ мѣнѣ, ѿ другѣмъ прѣспѣкъ свою, ѿ дѣтѣмъ, ѿ подемѣомъ, вѣсѣ-
 10 ѣмъ, нѣко сѣмѣе, мѣуѣмѣи прѣтоуѣнамѣ ѿ макадѣнѣемъ. ѣго же мѣла-
 гѣмѣе мѣдѣоуѣна слѣкѣса, мѣстѣ уѣмъ сѣастѣ ѣго дѣхѣмѣа при-
 ложитѣ.

Тѣмъ же кѣмъ оуѣво похвалѣмъ къждѣмъ кама, трѣннѣмѣса толѣко дѣ
 ради въ вѣстоуѣмѣхъ, ѿ запѣнѣмъ, ѿ свѣкерѣскѣи страѣнахъ, не ѿщѣра прѣ-
 15 мѣнѣмѣхъ ѿ тѣмѣмѣхъ, ѿ тѣмѣмѣхъ ѿ бескѣнѣхѣмъ, кѣтѣ гѣмъ мѣжѣскѣи
 на рѣмѣ вѣспѣрѣнѣмѣа, ѿ тѣмъ ѣладѣмѣнѣмѣю рѣхѣомъ зѣмѣю не-
 трѣкальнѣа, радѣрѣста, ѿ вѣстѣста дѣхѣмѣе сѣма, ѿ уѣсто чѣркенѣ прѣ-
 несѣмѣста жѣто, дѣмѣное оуѣуѣнѣе, ѿмъ же сѣастѣ ѣвѣ свѣтѣмѣи въ всѣмъ
 мѣрѣ, дѣмѣнѣскѣю хѣвѣ ѿ всѣмъ ѣрѣсѣ прѣгнѣкѣмѣ. вѣмѣка оуѣво стоѣ-
 20 па жѣ чѣркенѣ вѣста, нѣмѣла уѣловѣка ѿ зѣмѣла дѣмѣа, въ плѣтѣ бес-
 плѣтѣное жѣтѣе стажаѣмѣа. вѣжѣнѣно ѣ ко истѣмѣ уѣрѣо, номѣмѣе мѣ
 ѿ вѣжѣнѣмѣа гѣаса мѣногѣмѣома, ѿмъ же мѣмѣтѣста ѣмѣуѣмѣа азѣмѣи, ѿ
 жѣмѣа мѣлѣнѣста жѣвѣомѣаго пѣва, невѣрѣстѣнѣмѣи пѣмѣхъ ѣстоуѣмѣа
 всѣмъ ѣмѣмѣо. кѣтѣ оуѣво вѣмѣожѣтѣ достѣнѣмъ похвалѣмъ каю ѣсѣо-
 25 вѣдѣмѣи, номѣмѣю всю прѣшѣмѣа, стомѣмѣи своѣмѣи кѣ мѣрѣ ѣстѣмѣа;
 ѣлѣмѣмъ азѣмѣмъ каю, ѿмъ же мѣсѣкѣста дѣхѣмѣа слѣкѣса, въ сѣсѣмѣе
 бесѣнѣслѣмъ азѣмѣмъ. бѣгодѣхѣновѣнѣмѣи дарѣ ѣ бѣа прѣнѣмѣа, мѣракъ невѣ-
 дѣнѣа всѣмѣхъ прѣгнѣмѣа, собою ѣвѣрѣ всѣмъ прѣмѣгнѣоуѣмѣа, ѣ оуѣстѣмъ
 дѣхѣмѣи сѣастѣ ѣстауѣмѣа, погѣнѣствѣ же ѣсѣкомъ рѣрѣжѣнѣка пѣмѣ-
 30 стѣса, ѣрѣтѣкомъ соуѣпѣстѣа, вѣсомъ прѣгнѣнѣка, сѣѣ ѣмѣратѣмѣмъ,
 оуѣгѣа мѣлѣнѣмѣа, ѣстауѣмѣа дѣхѣмѣю сѣастѣ, ѣмѣуѣмѣа невѣдѣмѣа
 пѣва, жѣдѣмъ мѣлаа ѣстоуѣмѣкъ, нагѣмъ ѣмѣано ѣдѣнѣе подемѣ-
 мѣа, сѣрѣмъ помѣщѣнѣка, страѣнѣмъ прѣнѣмѣка, вѣмѣмъ поскѣтѣмѣа

пѣуаѣнымъ оутѣшитѣла, напáстнымъ защѣтникомъ, вдовáмъ и си-
 ротáмъ помощникомъ, слáпымъ свѣтлодáтелá, влáюцимáса въ моря житѣн-
 стемъ великаá а̀нькѣра, стѣна и покровъ припадáюцимъ къ вáмъ,
 іудѣѣмъ съпостáтá, исповѣдникъ стѣнъ трѣцъ, свершѣтелá бжїю смо-
 трѣнію, величїествѣ бжїю слáжитѣла, истóунникъ бжїю словесн, не-
 двѣжнма стоáлпá црѣквѣ хвѣы, пѣуáть прáбдъ, цѣнтъ вѣры, шлѣмъ спсѣ-
 нію. клáсъ многоплóдѣмъ, лоzá медотóуннáа, соти медвенїи словеса
 ваю, ѥмн же насладнїста всю веселїишю, кáно вѣсеръ многоцѣненъ
 истóушá, съкровошъ гнїи, влѣмѣстїишн бжїю смотрѣнїá, ѡбителци
 бжїю смотрѣнію, сосѣда стмъ дхóу и́збраннáа, пронесшáа ѥмá хѣо
 во всѣи зѣман, крѣтѣ похвалы на себѣ донесшá, временнáа презрѣ-
 шá, а́ влѣушхъ наслаждѣнїе прїїмшá. невростáнно прѣбнáа и́ истїи-
 нáа пастырá, за и́збраннóе стадо ваю подвѣжнó молнѣсá, страстн
 ѡженѣшá, бжї и́ напáстїи и́збáвляюшá, просвѣтнáа ѥмъ срдѣнїи ѡшн
 и́ оумъ оутверднáа достóнно послáдоцáты стопáмъ ваю, немощн 15
 нанїá на сá взнмáюшá, склѣмѣ смъ вождѣшá, да, достóнно пожнѣ-
 шѣ ѡ хѣ, наслáдннцѣ трдóу ваю ѡтрáщнѣсá и́ проповѣдннцѣ прá-
 внн вѣре, юже ѥмъ ѣста прѣдáан, да всн ѣдннóгáно прослáвѣть
 трнстóе бжтѣво ѡїцá, и́ сѣá, и́ стго дхá, нмѣ, и́ прѣо, и́ в ѣзкн вѣ-
 комъ. а̀мннь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран. Строк.

- Въ заглавіи: 115, 2. сътворишѣмъ вм. сътворишѣма.
 — 3. на нокыи и кетхыи вм. нокыи и кетхыи.
 — 4. въ лзынѣ вм. въ лзынѣхъ.
 — — Проп. ѿ передь ѿрлѣшшѣхъ.
 — 5. Лишнее ѿ передь мѣфодію.
 116, 1. ѡстави вм. ѡстави.
 — 17. разлѣнуыа вм. разлѣнуыи.
 — 13. Лишнее ѿ передь блвѣтса.
 — 17. оукрашѣтася ѿ дѣшо ѿ оумомъ вм. оукрашѣтѣ ѿ дѣшо ѿ оумъ.
 117, 1. оугодно вм. оугодитъ.
 — 12. вестыжѣнѣи вм. стыжѣнѣи.
 — 20. ѿменитъ вм. ѿменистъ.
 118, 1. проидѣтъ вм. проидете.
 — — ѿсвѣда вм. ѿсвѣтѣма.
 — 19. по томъ вм. то томъ.
 — 32. уѣрмѣаго вм. уѣрмѣаго.
 — 33. коѡружѣнѣста вм. коѡружѣнѣстася.
 119, 5. предѣсть вм. предѣста.
 — 7. сыгоубѣз вм. сыгоубѣо.
 — 10. срѣцъ вм. срѣць.
 — 11. глѣ вм. глѣшъ.
 — 24. кмѣста вм. кмѣста.
 120, 18. ѡ дѣшла вм. ѡтѣдѣ.
 121, 24. послѣднѣмъ вм. послѣднѣе.
 — 30. колѣнѣющѣи вм. колѣнѣющѣи.
 — 30. коудастъ вм. коудаютъ.
 122, 10. ѣже вм. ѣго же.
 — 14. Проп. радн.
 — 18. сѣаста вм. сѣметѣ.
 — 19. хвалѣ вм. хвалѣ.
 123, 13. молѣстася вм. молѣтася.
 — 17. прокѣдѣнѣцы вм. пронокѣдѣнѣцы.
-

ХІІІ.

По Четь-Минех на Апрель Московскаго Чудова монастыря № 313 (11), съ листь, 7108 года (1600), при Царь Борисъ Федоровичь, съ оборота 145 л. по 154 (См. Житіе Меводія № VIII).

В ТОМЪ ЖЕ ДНѢ СЛОВО ПОХВАМНО НА ПАМѢТЬ СѢТЫМЪ И ПРЕСЛАВНЫМЪ ОУЧІТЕЛМЪ СЛОВЕНСКЪ ИЗЫКЪ, СОТВОРШЕМА ПИОМЕНЪ ЕМОУ И ПРЕЛОЖШЕМА НОВЫИ И ВѢТХИИ ЗАКОНЪ ВЪ ИЗЫКЪ ИХЪ, ВЛЖЕННОМЪ К҄ВРНЛОУ, И АРХІЕПІОУ ПАРОНЫСКОУ МЕФѢДІЮ. БЛ҄ВН Ш.

БГОУ И СІСОУ НАШЕМУ, ІСОУ ХОУ, МНОГЫМЪ І НЕУЗРЕТЕННМЪ УЛ҄КО-ЛЮБІЕМЪ ПОМІНЛОКАВШУ РО УЛ҄ВЕСКІИ, И НЕ ТЕРІАЦІЗ СОЗДАМІА СВОЕГО, ЛЕСТІЮ ДІАВОЛІЮ ОДЕРЖИМА, ИМЛОЖИ СЕБѢ КО СИНРЕНІЕ КОДНОВ, И КОПЛОЩЕСА О С҄ГО ДХА И О ПР҄УТМА И О СЛАВНМА Б҄ГА И ПРИСНО ДѢМ МР҄ТА, НА ЗЕМЛІИ ПІКЛЕСА И СО УЛ҄КЫ ПОЖИВѢ, И СО ОДЕРЖЕШЪ СІМЪ С ТЕЛЕСА НАШЕМА, ОСЪДІИ ГР҄АТЪ ПЛОТІЮ СКОБО, ДА ОУМІРАЮЩІИ О АДАМА, О ХЕ ОЖИКОУТ. ТОМЪ КО ЕСТЬ МІРЪ НАШЪ, СОТКОРН ОВОА И ЕДІНО, ПЕРГР҄ДЕНІЕ ОГРАДЕ РАЗ҄РИШИ, КР҄ЕСТОМЪ ОУСНІКЪ КРАЖОУ, И ПЕРЬЛХ-ЩЕЦЪ КМ ИЗ МЕРТКМЪ, СОБОЮ НАСТАВАМЪ РО УЛ҄КУ НА НЕИСТАВНМЪ П҄ТЬ, КШЕ ЖЕ НА НЕБЕСА, СЪДЕ О ДЕСНІЮ ПР҄ТАА ВЕЛІУЕСТВІА НА ВЪСОКІИ, 10 ХАНОКЪ ДАКЪ ИСК҄СІСЪ РОДЪ УЛ҄ВІЮ, ХОТАНЪ К ПОСАДНАА ВРЕМЕНА ПРНТИ СЪДИТИ И ЖИВІМЪ И МЕРТКМЪ, И ВОЗДАТИ КОМУЖО ПО ДѢЛОМЪ ЕГО, ІКО ПР҄ВЕДЕШЪ СОУДІИ. НЕ ХОЩЕШЪ КО СМЕРТИ ГР҄ШНИИ, НО ОБРАЩЕНІЮ ЕГО И ПОКААНІЮ, АЩЕ НАИПД ПРІАДЖИ НА ЗЛОБЪ КОЖО УЛ҄КЪ.

НЕ ОСТАКИ БО СОЗДАНІА СВОЕГО МЛСТИВЫИ БГ҃Ъ, НИ ЗАКЪ ДВАА РЪКЪ
 СКОЕЮ, НО НА КОИЖО ЛѢТА И ВРЕМЕНА ИЗВРА МѢЖА, И ШЕН ДВАА ИХЪ И
 ПОДВНГЫ ЛЮДЕМЪ, ДА БЫША, ТѢМЪ ПОДОБАЩЕ, ЖИВО БВУНЫИ ОФЕР-
 ЛН. И ПО ТѢХЪ ПРРКЫ, ПО ПРРЦЕХЪ ЖЕ АПЛН, И ПО АПЛАХЪ М҃УНЫ
 5 И ПРАВЕДНЫА МѢЖА И ОУУТЕЛА. ЕЖЕ СА И СБѢ ВЪ ЗЪ ВѢКЪ НАШЕ. РѢ-
 ША БО ОМНѢ СЛѢПНИ ПРОЗРА, ГЛХСН ОУСЛЫШАТЬ СЛОВО КНИЖНОЕ, И
 ВСН ВОЗГЛЯЮТЬ РАЗЛУЧНЫ МЗУКН ВЕЛНУІА БЖІА.

БЖЕ В СЕЛВНСТВАМЪ ГРАДЪ МОУ НАВІН. ИМЕНЕМЪ ЛЕКЪ, УЛЕКЪ ИС-
 ПОРОУЕМЪ, ИСТИНЕМЪ И БГОУТЕЦЪ, ОГРЕБЛАСА О ВСАКНА ЗЛОБЫ, І ИС-
 10 ПОАЛА ВСА ЗАПОВѢДН БЖІА, ЯКО ЖЕ И ОУБЪ. ЖИВЫИ ЖЕ Б КРОТОСТИ И
 ГОВЕИИ, СЕДМОРОДЕНЪ ОВРАТЕСА, ЯКО ЖЕ И ОУБЪ. О НИКОМУ ЖЕ И ПРРКЪ
 ГЛѢ БЛЖЕНЪ МОУЖЪ КОАИСА ГДА, В ЗАПОВѢДѢ ЕГО КОСХОЩЕ ЗЛО.
 СИЛНО НА ЗЕМЛИ БУДЕТЬ СИМА ЕГО, РО ПРАКЪ БЛГОСЛОВИТЕСВ. СИМЪ И
 БОІАЩЕ К ДОМУ ЕГО, ПРАКДА ЕГО ПРЕБЫВАЕТЪ К ВѢКН ВѢКН. ИС ТѢ-
 15 РО БО КОРЕНЕ БОІАСТА ІЗРАНА ДѢА ЛЕТОРАСН СВЯТОУРАИЪ, БЛГОСЛОВЕНЪ
 ПЛО НА СЕБѢ ИОСАЩА, ЖИТЕ ЖЕ ИПОРОУАШ О ЮНОСТИ ИНОБЦА. ПРЕ-
 МРАСТЪ БО СЕБѢ ЯКО И СЕСТРА ОУПРАША, ТРО ОУПРАСИСА Я ДНО
 І ОУМЪ, ЛЮБОВІЮ ЖЕ И ВРАЮ, ДРУГЪ ДРУГА ЕЮ ПРЕСПАСТА, МРО-
 СТИЮ ЦВЕТУЩА ПРАСНО, ЯКО ЦВЕТЕЦЪ БЛГОЮХАННЫИ. РОДОМЪ СІМ
 20 ИМЪ БЛЖЕННЫИ КОСТАНТИМЪ, А ОУМЪМЪ И ДОБРОДЕТЕЛНАИ КОУДАТА,
 ИШЕ ОУРЕЛЪ ДХОИМАА ИРМАМА, ТИ БЛГОУРАИИЕ СЕКНОМЪ ОУМА ПРО-
 СВЩА СІИ, СОСН ИРА СТИХ ДХИ, И ТЫМЪ СВТАСА, ЕСИМЪ ОУТЕ-
 ОЛОМЪ ФИЛОСОСКЪ, НЕСКОУДНОЕ СПРОБИРЕ ОВРАТЕСА. ЯКО ЖЕ БО ИС-
 ТОУИИЪ, ВЕЮ ИСНОМАА ВСЕДЕННИКУ, ПАКНУ ЖАДНЫИ СЛОВОСЕ БЖЕ,
 25 ЯКО ЖЕ РОТЕ СІМЪ ГДА БГ҃Ъ ИМЪ, ИС ХЪ ВЕРВАНЪ И МЪ, ЯКО ЖЕ КИ-
 ГИ РАИИ, РКИ О ТРЕКА ЕОУ ПОТЕНЪ. ЕКАДЪ ЖИВН, СІРА, ДАРОЕ КИ-
 ВОТВОРАЩАГО ДХА. ТО БО ВОСКИНЪ В МЕМЪ, ИЗНАСА ОУСТВАИМЪ ЕГО И
 ВСЮ ВСЕДЕННИКУ САДНОСТИ ВОЗВЕСНН, СЛОВО РАУСАВА КОСМОУИ
 ИЗУКОУ ПРОТИВЪ СКОЕМЪ РАДОУИЪ. ВЪ БО ОМЪ ДВА ДРА ДХОИМА
 30 ИЗУИИ ГЛАТИ, ЯКО И АПЛОУ. СТАРАИИИИ: НЕ ОУБЪ БРА, ПРЕДЛОМЪ
 ИЗОФДИИ, ИУМАДА ЖИТИСАМА САМИ ПАУОТЪ ПРАКМАТИ: ИРОСТИЮ БО,
 ЯКО ЦЕА БЛГОУРАИИЕ, ПУЕТИИ, ВСИМЪ АЛИМАА ВІСУИ ИНОИИИ. В
 СЕДАХЪ БО ЯКО ВОЛОМО ИВАИИИИ, ДИИИИ ИРАТИИ, А ИНОУРАИИ,

и вопрошанїа и зносѧ и з сѣрнаго села, и на слѣжехъ всѣмъ оугорамъ,
 ꙗко и крилатъ, ѡбрѣташесѧ, и на воинѣ ꙗко и самисонъ, и гедешъ,
 и пѣтъ нагннъ, страшенъ и влашесѧ. тѣмъ же и вѣждѣскимъ
 сѧмъ прїимъ, побѣсть к нѣ мало, и разумѣвъ многоматѣжнимъ сѣмъ
 свѧ ꙗко сѧнь преходѧщъ не полѣзнемю, пауче же гнѣ слово, ꙗко и в
 стрелѣ в сѣщѣ снѣ прїимъ, ꙗко же рече кѧа пѣжа єсть ѡлкъ,
 ꙗще весь мнръ прїѡбращаетъ, ѧ днѣв своѣмъ ѡщитѣ, дѧ погоуеи;
 лѧ уѣ дѧсть ѡбъ и змѣнѣ на днѣмъ своѣмъ; премъннѣ же земнѣмъ
 нѣмъ, кременна ѡбѣ ѡмѣтѧ ѡ себѣ, презрѧ, и кѧнма подвн-
 гнѣтсѧ. и шѣ во ѧнмѣ, построижесѧ к ѡернма рнзы, ѡдѧ прѣмѣти 10
 кѧмъ и не тѣмъ ѧгѣльскѣ ѡдѣжѣ. и бѣ повннѣсѧ всѧмъ с нокорѣ-
 рѣнѣмъ и смпрѣннѣмъ, во бѣннѣмъ и мѣтѣ, и вестужѣннѣмъ и сѧвжѣ-
 ннѣмъ, во и зрѧднѣ пощрѣннѣмъ, въ трезкѣннѣмъ всегдѧ, во ѡуннѣснѣмъ дѣ-
 вѣмъ, въ пѣдѣмъ кѧмъ, ѡ оуѣю и стѣмъ и спннѣмъ, ꙗко рѣкоу,
 и тоу ѡмѣмъ всѣ тѣло своѣ, плѣтскѧго покодѣ ѡнѣ не кѧмъ, 15
 кѧкъ єсть, но на всѧкъ нѣщѣ стоѧ, ѡ захода снѣца до восходѧща,
 не дѧ снѣ ѡнѣмъ своѣмъ, ни кѧжѣмъ снѣ дрѣмѧннѣ, ни покодѣ брѣ-
 ма своѣмъ, проуѣмъ ко ѣдѣмъ, и пѣннѣмъ, и пѣснѣмъ дѣвнѣмъ,
 сподвнзѧсѧ спостннѣмъ жнѣтѣ стѣмъ ѡнѣ. ѡмъ же нреспѣ крѣтостнѣю
 и мѣмъ, ѧ дрѣмъ постѣ и бѣннѣмъ, и мѣтѣю, и смпрѣннѣмъ 20
 и зрѧднѣ. и тѣко и мѣннѣмъ бѣ въ всѣхъ ѡнѣхъ, подѣбѣмъ кѧнкомъ
 ѧрсѣннѣю, и ѧнтѣннѣю, и сѧвѣ, всѣхъ жнѣтѣ своѣю совернѣмъ. мѣтн-
 кмъ же бѣ, кнѣмъ и в тоаннѣмъ трѣдѣ прѣкѣмъ, вложнѣ въ сѣще
 крѣтнѣмъ, иже, кнѣмъ нѣдвнѣмъ єгѣ и зрѧдѣмъ на сѧвжѣмъ бѣннѣю,
 дрѣмъ ко дрѣмъ днѣмъ и прослѣмъ бѣ, дѧющѣмъ бѣтѣ скннѣ 25
 трѣжнѣмъ єгѣ рѧднѣ. дѣмъ патрѣмъ, оуслѣмъ подвнѣмъ єгѣ,
 кѧмъ и востѧннѣмъ мнѣрѣмъ въ уѣмъ мѣстѣ, и не мѣмъ єгѣ
 в тоу прѣмъ, постѧннѣмъ и нѣмъ в мѣстѣ, иже на-
 рнѣмъ и мѣмъ поаннѣмъ, в нѣмъ же бѣмъ ѡнѣ ѡ, и по то сѧ бѣмъ,
 прѣмъ, ꙗко и беспѣмъ, в мѣтѣхъ прѣмъ, всѣмъ всѣмъ, 30
 дѣмъ всѧ прѣмъ. и стѣмъ бѣ кнѣмъ ѡ такоу коплнѣ, похѣмъ
 гѣмъ прѣмъ дрѣмъ кѧмъ, и во нѣмъ похѣмъ.
 похѣмъ мѣмъ и мѣмъ сохрѣмъ, во и зѣмъ прѣмъ.

ДЕТЕ. ПОСРЕДѢ ВЕЛИОЖЬ ПОСЛУЖИТЕ, И ПРѢ ИГЪМЕНУ КѢНТЕСА. ПО ЗЕМ-
 ЛН ТѢЖИХЪ МЪЗЫКЪ ПРОИДЕТЕ, ДОБРО И ЗЛО КЪ УЛЦАХЪ ИСКЪЩЕНА КЪДЕ-
 ТА. СРЪЦЕ СВОЕ ДАСТА ОУТРЕНЕ БЫТИ КЪ ГДѢ, СОТКОРИШЕМУ ВЪ, И ПРѢ
 ВЫШНІИ ПОМОЛНСТА. И ШЕВЕРЗОСТА ОУСТА СНОА НА МЛТВЪ, І О ГРАСЕХЪ
 5 СВОИХЪ ПОМОЛНСТА. АЩЕ ЖЕ БГЪ ВОСХОЩЕ ВЕЛІКІИ, РАЗУМАГО ДХА
 НАПОЛНИТЕСА. ТОИ БО ПОТОУИ ГЛЪ И МРЪСТЬ ЕЮ, И Б МАТЪ ИСПОКЪ-
 СТАСА ГДѢИ. ТОИ БО КВІИТЪ КАЗАНІЕ И ОУЧЕНІА ЕЮ, И Б ЗАКОНЪ ЗА-
 ВѢТА ГНА ПОХВАЛНАСТА. ВОСХВАЛЪ ЕЮ РАЗУМЪ МНОЗИ, И ДО КЪКА НЕ
 ПОТРЕБИТСА, И НЕ ШЕСТВИИТЪ ЕЮ, И ИМА ЕЮ ЖИВЕ В РОДЫ И РОДЫ.
 10 МРЪСТЬ ЕЮ ПОХВАДЪ МЪЗЫЦЫ, И ПОХВАЛЪ ЕЮ ИСПОВѢСТЬ ЦРККИ, ЕИ ЖЕ
 БЫСТА КРЪПКА ПОСОБНІКА И НЕДКІИЖИМА СТОЛПА, ШНОКАНА НА ТВЕРДЫМЪ
 КАМЕНЕ, КЪРЪ, ПОСАШТВОКАНА ИЕРВОШЦЕМЪ И ПАТРІАРХОМЪ ВЪРОЮ И
 ПОДКИГОМЪ, ДХАНІА И И ТРЪДЫ СОБОЮ СКОУАКАЮЩА, ШКО ЖЕ И ВЕЛІ-
 КІИ ПАТРІАРХЪ АВРААМЪ, ПРАДЪДЪ ХЪ, ВЪРОЮ ПРЕСЕЛНИИ БЫШЪ И ПРИ-
 15 ШЛЕЦЪ В ЗЕМЛН ТѢЖЕН, И ДРУГЪ КЖИИ НАРЕУЕСА, И ЗАВѢ ШКРЪЗАНІЮ Ш
 БГА ПРИИМЪ, ВЪРОЮ ШИ МНОГНМЪ МЪЗЫКОМЪ НАРЕУЕСА.

СНА СІА И ПРЕСЛАВНАА ШІА И ОУЧНТЕЛА, ТОЮ ВЪРОЮ ОУКРАШЬША-
 СА, ТЫ ЖЕ ДѢТЕЛН СКОУАСТА. ПРЕСЕЛНИКА БО БЫСТА ШЕСТВА СВОЕГО
 И ПРИШЕЛЦА НА ЗЕМЛЮ ТОУЖДЪ. ЗАКОНЪ ЖЕ Ш БГА ПРИИМША, НЕ СВОЕМЪ
 20 ПЛЕМЕНИ, ШКО ЖЕ АВРААМЪ, НО МЪЗЫКЪ, ИЖЕ НЕ РАЗУМЪШАШЕ ДЕСНІЦА
 СВОЕА, НИ ШУНЦА, НО ЕИ ЖЕ СА ПРЕКНАХЪ, ТО ТОМУ СА ПОРАБОЩЬШЕ
 КЛАНДХУСА, ШКО БГЪ, ТВАРН, Б ТВОРЦА МѢСТО. ЗАВѢТЪ ЖЕ НЕ ШКРЪЗАНІЮ
 ПРИЕМШЕ, ШКО ЖЕ АВРААМЪ, НО КРЕЩЕНІЮ, БО ШСТАВЛЕНІЕ ГРЕХОМЪ,
 ВЪКН ПРЕКЪВАЮЩЪ, САМЪМЪ СКОУАМЪ И ПРЕДАНЪ ГЛЪ НАШНИМЪ, ИС
 25 ХІМЪ. МОИСѢИ ТАКОЖЕ СО АРОНОМЪ КО ИЕРЪИ ВЪЖИИХЪ БГЪ ФАРАШОНИ
 НАРЕКСА, МЪКАМИ РАЗЛІУНЫМИ ЕГІПТА ОУШУИ, БЖІА ЛЮДИ ИЗ РАКОТЫ
 ИХЪ ИЗВЕДЕ, БО ДНЕ СТОЛОМЪ ШБЛАУНЫМЪ, А В НОЦН СТОЛІОМЪ
 ШГНЕИМЪ, И РАЗДАНЪ МОРЕ, ПО СУХЪ ПРОВЕДЕ Б ПЪСТЫИЮ, А ПРОТІВ-
 НЫХЪ ПОГРЪЗИ В БЕДНЪ, Б ПОУСТЫИИ Б БЕЗВОДНЪ НАПОИ А, ПОРАШЪ
 30 КАМЕНЪ, И Ш ХАКЪА АГГЛЬСКА НАСЫТИ, И ЗАКОНЪ Ш БГА ПРИИМЪ, БЖИИМЪ
 ПЕРСТОМЪ НАПІСАНЪ, НА СКРЪЖАИ БО КАМЕНИ, ПРЕДАСТЬ ЛЮДИ В СО-
 ХРАВЕИЕ И ПОСАШШАИЕ. И СІА ПРЕБЖЕНАА И БГОУГОДНАА УДКА,
 НИ УЕМЪ ЖЕ МЕМША ТОЮ КВІИТАСА, ТОГО БЖІА ДХА НАПОЕНА СВЪМЪ,

ДЪАВЪ: ЛЮДИ СЪМЪ: НОВА ПРОВОДНИКА: И СВЯТАВНАКА: ВСЯКА КСАБНИКА,
 КЪСЪ ПОДОМОГО ДОБРЪ И КЪРОМО КРАМКО ФРЕПОУСАНИЕ ХРЕСТА СВОЯ, ПРО-
 НДОСТА: ЯКО: СЪНЦЕ: ТЕМНАА. МЪСТА: СТЪНЪМЪ СВОИМЪ: ОРОСКАРЪМЪ
 ЦА, КСАВОУ: АМЪ ПОГАНЬСКОЮ ДЪОБНЫМЪ ОМЪ ПОВАЛЪЦА І ЕРЕ-
 5 ТНУЕСКУЮ, НЕ ПОМАДЪЦА ДЪМ СВОЕА, НИ ТЕЛЕСЕ СВОЕГО, НИ ВСЕГДА
 ГОТОВА СВЪЦИ ЗА ПРАКЪЮ КАРУ. СЛАСТНО ИСНИТИ ХЪЗ УМЪИ. КЪ СР-
 ЦЪМЪКЪ ЖЕ И КОХАРЪХЪ ПЪВЪЛЪНАСА НЕПОЖДАНА, МО ПЪКО ЖЕ ДЪЪ ИНО-
 ПЛЕМЪМЪНИКУ ИНОГДА, НИЗЛОЖИКЪ ГОРДЪМЪЮ ЕГО, ПАТРЕКИ, ПРОБЪРАДО-
 ВАЕЪ ТРОИЦЮ ТРЕМЪ КАМЪНИ, И СВОИ БЪМЪ МЪУЕМЪ ГЛАКУ ОСТАИ, ПО-
 10 ХЛАДЪ ПРЪАТЪ ВО ТМАХЪ О СЪНОВЪ ИНАЕЪ, ТАКО ЖЕ И СЪА БЪЦА, ТРЪ-
 ОУНОСТАЕМЪ КЪДЕТЪ СВЪЦА СЪЦА И: ПРОВОДНИКА, К СОКОРАТЪ СРЪЦЪМЪ-
 СТАХЪ И ЖИДОБСКИХЪ ОВЪРЪТЪМЪСА, ОВЪИМЪ ОМЪ КЪМЪГЪМЪ И ПЪУМОУЪ,
 БЪИМЪКОМЪ БЛАДЪ И ЖИДОБСКИЮ ХЛОБИ: ДЪОБИМЪ МЪХЪМЪ ОСТАИКА, ПО-
 15 ТРЕБИСТА, ИМО ПЛЕДЕАТЪ, И ПОПАЛЪСТА ДЪОБИМО БЪИТЪО, А ХЪВЕО ГЪС
 КСАБСТА, ДЪО ПЪИШЕИЦЪ, А СРЪЦЪМЪ: СОВА, И ВСА ПАСЛАДЪСТА: МЕДО-
 ТУЧИМЪИ: ХЛОКЕОМЪ, ТРИВЕЪЦАУАДЪМЪГО ЖЕ: БЪСЕТКА: ИСНО: ПЪСНОКЪДАСТА,
 ОУПАХЪСТА: О: БЪИНОМЪ, СЪЩЕСТЪЕ РЪВЕИТЪОВОМЪ: СЛАДОРА: ОМЪ, И СЪИ,
 И СЪТЪО ДЪА: ТАКО А ОУЛОИСТА, ПЪКО И: РЪКЪИ: СЛАХЪСКОМО: МРЕЖЕО, И
 КРАСТАСТА: О: КЪДЪАТЪ: УТЪМА: УАДЪ ДО ДВОЮ: СОТА, РЪДЕА ЖЕИЪ И: ДЪТЪИ.
 20 ТРЕПЪИВЪ: ПОХЪАДЪ О: ВСЕА ПЪКЪЕ ПРЪИМЪЦА: ПРЪИДОСТА ОУЗДОУ: НА ДЪ-
 ПАДЪМЪА: СТЪОМЪ, БЪКОВЪСТАВЪЮЦА СЛОВО ЕЖЪО: МО ПЪДЪКЪ: ИНОЪ, І: ПЪСЪ
 ПЪИДОБИМЪ ХЛОБИ ПРЪЛОЖИМЪ О: ПРЪУЕСКАГО: О: О: СЪОМЪ: ИМЪ: ПЪДЪКЪ
 ПРЪАДОСТА, ТРЪАДЪЦЪИМЪКОМЪ ЖЕ: ХЛОБИ НИЗЛОЖИТА, ПОТРЕКИСТА, ЯКО ПЪО-
 25 ВЕАЪ: О: ПЪИШЕИЦА: ОВЪРАЦЪМА: ТЪИ: УИСТО: ПЪКЪИ И СВЪТЪОСЪОДЪМЪ ЖЪИ
 ПРЪАДАСТА. П: ХЪИДЪИМЪ ЖЕ: СТЪОМЪХЪ, ПЪИНОУСТАВЪТЪ: И: МОРАКАКАХЪ: СТЪО-
 МЪИ: ИМО: СЪДЪОУ: ПРЪИДЪИЦЕ, МРАКА: ПРАКОМЪ: БЪИМЪИМЪ, ПРЪОСВЪТЪИСТА
 БЪИКАМЪ, И: МОУУИМЪА ОУУЕНЪИ ПЪИКОМЪ: КЪИМЪ: ИСНОМЪ. И ТАКО ВЕ-
 ХЪИЕ: ОКОУХЪКАЮЦА: ЛУТИ: ОА ОСТА РЪИАСНОГО, ПЪЛЪКОМЪ ПЪТЪАВ: ПО-
 30 КАДЪИТЪИСА: ВЪДЪИЦА Е: СЪОКОЮ МА: СЪРЪИЕ: ДЪОБИМЪИ: ПЪО: ДЪАЖЕ: СЪАИМЪКЪ
 ПРЪОСКОМЪИ: ПЪИДОМЪИМЪ, ПЪУДЕ ПРЪОТЪИ: ИМО: ДЪРЕУЕ: О: ПРЪИДЪА: РЪИАСИИ,
 И ТАКО ЖЕ А: ПРЪАТЪ, ИМО: АГЪАА: ПЪИДЪА, И: ОУУЕНЪИ: ОА ПРЪИМОУЕА: ПЪ-
 СТАИИ: БЪАЖЕИМЪО: МЕФОДЪИ: НА: ПРЪИДЪИТЪЕСТВО: И: ОУУЕНЪИМЪ: ОА: Г

ПРЪИКАИДИ: ЖЕ: СЪА: ВЪРАМЪ: ПОКОМЪ: ПРЪИМЪИ: ПРЪЕСТОМОУ: И: ПРЪЕКАИМЪИ-

ТЫ МО ДЪТН ПЪХ СЛОВЕНЫМЪ И КЕЖОКЕРИМА СЛУЖБЫ ЕГОУ КОУДАЮТЪ
 ЖИВЕТЬ ШИРЪ, И ЧО ВЪСАКОУМЪ МЪСТЕ ПЪМА БЪМЪ ПРОСЛАВЛЕНА КЪ
 ПЪРЪЖИ МОУ, ОУМЪ МО ПЪНЪСА ПРОВОУДЪМЪ ПЪ АПЪХ ПЪВЪ, КОСНЕСЪ,
 ПЪМО БЪМЪ, ЧЕЛЪГЪ ПЪВЪДЪНЪА ОГОУА, И БЪОУДЪТЪ ПЪ СЪТОУМЪ ВЪСАКОУ
 МЪ ОУМЪ ПРЪСАТИ, ПРЪТОУТЪ ЖЕ И СЪАСТНО, ВЪСАКЪ СЕБЪ ДОКОУТЪ ПРЪ
 МАУА, ЧЕЧЕНЪ СВОЕ СКОУА, ВЪРЪ СОУМОДЕ, ЦРЪКЪ ПЪСЪНЪМЪ БЪУРАСЪ
 ПЪ ПЪМЪ ДЪСОУМЪ. И ЧАМО МОУ ПЪ ОУДЪ ВЪ ЛЪТО О ТЪАРИ КЕСЕГЪ МЪРА
 ПЪУ. ПЪ ДЪ ПЪ ПРЪМОУСА ЧО ОУМЪ СВОУМЪ, ПАТРИАРЪОУМЪ АПЪРАТЪ, ПЪ
 ПЪСАТЪ, И ПЪСОУ, ВЪСА СЕБЪ ОУМОДОВА, КОУМЪ ОУРАУЕ НА СЕБЪ ПЪ
 ЧО ПЪМЪ, ОУСАМЪ РЪКЕМЪ ШИКЪ, ПЪВЪКЪ МЪНЪ, ПЪ ДРЪМЪКЪ ПРЪСАТЪ И СЪ
 АЮМЪ, ПЪ ДЪСАМО, И ПЪДЪМОУМЪ, ВОСАМЪ, ПЪМО СЪПЪРЪ МЪТЪАМЪ ПРЪ
 ДОУМЪМЪ И ПЪСАМЪСА. ЕГО ПЪСАТЪ ВЪСАМЪ СЪАСТА ЕГО ДЪСОУМЪ ПРЪ
 ДОУМЪМЪ.

И ТЪМЪ ЖЕ ПЪРА ОУБЪО ЖЕЛЪГЪ ОУДЪ ПЪМА, ТРЪАМЪ ПЪСА ДЪ РЪДЪ ТЪ
 ЧЕ ПЪМО ПЪ КОУТОУМЪ, И ПЪАПЪМЪХЪ ПЪ СЪАКЕРИКЪ СЪАРИКЪ, НЕ ПЪРЪРА
 ПРЪСАМЪМЪХЪ ПЪ ПЪАМОУРЪХЪ, ВО АЛУМЪХЪ И КЕСКОУМЪХЪ, ПРЪСАТЪ ГЪ
 АМЪАДСКЪ И ПРЪАМЪ ПРЪПЪИМЪА, ЧЕ ТЪМЪ ОУАДЪСАМО ПЪАХОУМЪ ЖЕМЪ,
 МОУСОУМЪА, РЪАУРИСТА, И ПЪСАСТА ДЪСОУМЪ СЪАМЪ, И ТЪО ЦРЪКЪ ПРЪ
 МОУСА ЖИТЕ ДЪАМОУ ОУЖЕМЪ, ПЪ ПЪЖЕ ЖИТЕА, ПЪМО СЪАТЪМО, ВО ВЪ
 ВО МЪРА, ДЪАМОУСКОУЮ ХЪЛОУ И ВЪСАКЪ ЧРЪСА ПРЪОУАМЪА ПЪАМЪА ОУТЪО
 СУАПЪА ПЪМЪ ЦРЪКЪА ПЪСАТЪ, ПЪЖИМЪА ЧАМЪА ПЪСАМОА АПЪА, КО ПЪАТЕ ВЪ
 АЛЪОУМЪО ЖИТЕ ПЪСАМЪА ПЪАМЪАМО ОУ ВО ПЪСАМЪА ЧРЪСО, ПЪОУМЪСА ПЪ
 ПЪ КОУТОУМЪА СЪАСА МЪОГОУАМОА, ПЪ ПЪ ПЪАМЪАСТА АЛЪОУРАА ПЪАМЪА
 ПЪ ПЪАМЪА ПЪАМОУСА ЖИТЕАМО ПЪМЪА, НЕ ПРЪСТАМОУ ПЪМЪА ПЪСОУМЪА
 ПЪ ВЪСА ПЪАМЪАМО ПЪМЪА ОУБЪО ВОУМОЖЕА ДЪСОУМЪА ПЪАМЪА КЪАМО ПЪМО
 ВЪАДЪТИ ПЪОУБЪАМО ВЪСА ПРЪОУМЪАМО ОУОУМЪА СЪОУМЪА ВЪСА МЪРА ОУСА
 ОУА ПЪАМОУСА ПЪАМЪА КЪАМО, ПЪ ПЪ ПЪАМЪАСТА ДЪСОУА СЛОВЕСА ЧО
 СЪСАМЪА БЕСУПЪСАМЪА МЪАМЪА, БЪОДЪМОУСАМЪА ДАРЪ ПЪ ПЪА ПЪАМЪА,
 ПЪМЪА ПЪАМЪАМОА ПЪАМОА ПРЪАМОУСА, СЪОУМЪА ПЪАМЪА ПЪАМЪА ПРЪАМЪА
 ПЪАМОА, ПЪ ОУСАМЪА ДЪОУМЪА СЪАМОУСА, ПЪСОУАМОУ ПЪАМОУСА ПЪАМОУСА
 ПЪАМОУСА ПЪАМОУСА, ПЪАМОУСА ПЪАМОУСА, ПЪАМОУСА ПЪАМОУСА,
 ПЪАМОУСА ПЪАМОУСА, ПЪАМОУСА ПЪАМОУСА, ПЪАМОУСА ПЪАМОУСА, ПЪАМОУСА
 ПЪАМОУСА ПЪАМОУСА ПЪАМОУСА, ПЪАМОУСА ПЪАМОУСА, ПЪАМОУСА ПЪАМОУСА, ПЪАМОУСА

гнѣмъ ѡбнамо ѡдѣеніе подіюмъ, сиримъ, помішника, страйнымъ
 прїимника, воднымъ посвѣтѣла, пѣуланъ оутѣшѣла, напастнымъ
 захиїтника, вдовамъ и сиротамъ помішника, савпымъ свѣтодѣла,
 каіющымъ в мѣри житѣстамъ, десїкамъ, дѣкамъ, стѣмъ и вѣкромъ,
 припадающїмъ и каіамъ, и оудѣомъ, сїлостата, и свѣтѣла стѣмъ трїи. 5
 скершїтеле бжїю смотрѣнїю, вѣдѣствѣ стѣмъ служїтеле, и стѣмъ
 бжїю словесѣ, недѣжнїма стѣмъ стѣмъ трїи, и стѣмъ прѣдѣ, и стѣмъ вѣре,
 пѣмъ спѣнїю, каіамъ многѣмъ, и стѣмъ мѣдѣнїма, со стѣмъ мѣдѣнї сло-
 весѣ каію, и стѣмъ же насладїстї вѣмъ вѣсѣлїю, и стѣмъ вѣсѣръ много-
 цѣлємъ и стѣмъ стѣмъ, сокровїщї гнї, вѣмъ стѣмъ бжїю смотрѣнїа, со- 10
 стѣмъ стѣмъ дхѣ и стѣмъ бжїю, прѣнесїа и стѣмъ хбѣ по вѣсѣмъ землї, крѣ
 похвалѣ на себѣ понѣста, вѣмъ стѣмъ презрѣша, и вѣмъ стѣмъ наслад-
 жѣнїе прїимша. не прѣстѣнно прѣмїа и стѣмъ и стѣмъ пѣстѣра, за и стѣмъ бжїю
 нѣмъ стѣмъ каію подѣжнїо помѣнтѣса, стѣмъ стѣмъ бжїю, каіамъ и на- 15
 настѣмъ и стѣмъ каію, прѣскѣнтїа и стѣмъ стѣмъ стѣмъ и стѣмъ оутѣр- 15
 дїта достѣнно послѣдовати стѣмъ стѣмъ каію, вѣмъ стѣмъ на стѣмъ бжїю
 мѣмъ стѣмъ, стѣмъ стѣмъ, стѣмъ стѣмъ, да достѣнно же похлѣше ѡ хѣ,
 насладїнцї трѣмъ каію ѡбращѣнїа и стѣмъ стѣмъ стѣмъ стѣмъ вѣре,
 и стѣмъ и стѣмъ вѣста прѣдала, да вѣмъ стѣмъ стѣмъ стѣмъ стѣмъ бжїю,
 ѡїа, и стѣмъ, и стѣмъ стѣмъ дхѣ, и стѣмъ и стѣмъ стѣмъ, і ко вѣмъ стѣмъ стѣмъ. а мнїи. 20

ПРИМЪЧАНІЯ.

- Стран. Строк.
- Въ замѣткѣ: 109, 27. ~~Сотвореніе въ сотвореніи.~~
- 9. ~~въ мѣсто въ мѣсто въ мѣсто~~
- 11. ~~въ мѣсто въ мѣсто въ мѣсто~~
- 13. ~~Проп. и въ мѣсто въ мѣсто~~
- 14. ~~Длинно, съ перел. Мѣсто~~
- 14 — ~~вмѣсто, въ, вмѣсто~~
- 126, 14. ~~встанѣ въ, встанѣ~~
- 1. и старго въ мѣсто того.
- 17. дѣю и оумѣ въ, дѣю и оумѣ.
27. 1. оугодно въ, оугодно.
- 128, 32. ~~внѣстеса въ, внѣстеса~~
- 2. и исквѣд въ, исквѣдѣ.
- 3. ~~прекыши въ, пре кыши~~
- 4. ~~и мѣтѣ въ, и мѣтѣ~~
- 129, 5. ~~неуѣсткѣна въ не мѣ въ, не мѣ неуѣсткѣна въ.~~
- 13. ~~въ мѣсто въ мѣсто~~
- 14. ~~въ мѣсто въ мѣсто~~
- 15. Проп. и хѣ смѣулихъ и предѣхъ, не стѣи стѣ...
- 130, 20. ~~ѣ дѣиѣ въ, ѣтѣдоу.~~
- 22. ~~предѣсть въ, предѣста.~~
- 131, 3. ~~дѣе въ, дѣа.~~
- 132, 20. ~~хѣлоу въ, хѣлоу.~~
- 28. Слово даръ написано на полѣ рукописи.
- 133, 17. Проп. да.

XIV

По Сборнику Московской Духовной Академии, с. 112, гл. 68, и Мось Житий Кирилла и Меодия, с. оборота, 128 по 136. г. (См. с. Жития).

Лица того въ сѣ слово похвално на пачать а҃г҃лы и
 преоблени оуби теленъ словень оному изыкъ, охътвори на
 помены емъ и предложшема новы и ветхыи законъ въ
 изыкъ ихъ, блжнному кирилоу и архимелюу пачомыкоу
 мефодию блжн ѿ.

Въотъ и҃же на҃мъ, ісусъ хри҃с҃е, и҃же на҃мъ и҃же на҃мъ и҃же на҃мъ и҃же на҃мъ
 мѣстѣхъ пошлѣхъ въ рѣку и҃же на҃мъ, и҃же на҃мъ терпѣнъ созданиа тво-
 его лѣстнѣ дѣлаюу едержима, и҃же на҃мъ тебе къ еѣрѣнѣ вдалѣ,
 и҃же на҃мъ ѿ старѣхъ дѣл и҃же на҃мъ прѣтѣхъ и҃же на҃мъ елѣкнхъ еѣа и҃же на҃мъ
 по дѣмъ мѣрѣ, на земли шнхъ, и҃же на҃мъ стѣхъ похлѣ, и҃же на҃мъ еѣкразенъ
 къ телесѣ нашоу, о҃бѣдѣ грѣхѣ плотнѣ твою, да оѣмрѣю
 цѣи ѿ адѣмъ ѿ хѣлѣ шнхъ. тѣмъ во еѣ мѣрѣ нашь, еѣтвори и҃же на҃мъ
 ѿполѣ еѣдиноу, предѣленнѣ о҃бѣдѣ разрѣши, еѣтѣмъ оѣвѣнѣхъ кра-
 зѣю, и҃же на҃мъ еѣрѣнѣ къ еѣлѣ и҃же на҃мъ еѣрѣнѣ, ѿ еѣдѣ нашь на
 неѣстѣмъ дѣлѣ, и҃же на҃мъ же на неѣса, еѣде ѿ деснѣю прѣла еѣ-
 мѣуеѣнѣ на еѣсокъ, дѣловѣдѣ дѣлѣ и҃же на҃мъ еѣрѣнѣ ѿ дѣлѣ, хотѣи
 къ послѣднѣ еѣрѣнѣ еѣрѣнѣ еѣрѣнѣ и҃же на҃мъ еѣрѣнѣ, и҃же на҃мъ еѣрѣнѣ
 комѣнѣ по дѣловѣ еѣ, и҃же на҃мъ еѣрѣнѣ еѣрѣнѣ не хѣрѣтѣ ѿ еѣрѣнѣ
 еѣрѣнѣю, и҃же на҃мъ еѣрѣнѣ еѣрѣнѣ еѣрѣнѣ и҃же на҃мъ еѣрѣнѣ еѣрѣнѣ.

ЖИТЬ НА ЗАБОУ КОЖѢ УЛКЪ. НЕ ОСТАВИ БО СОУЗАННА СКОЕГО МИЛО-
 СТИВНЫ БѢ, НИ ЗАКЪ ДѢЛА РУКЪ СВОЕЮ, МО НА КОЖАА ДѢТА И ВРЕМЕНА
 НЪЗЕРА МЪЖА, И ШКН ДѢЛА НХЪ И ПОДЕНГЪ ЛЮДЕМЪ, ДА БЫНА, ТѢМЪ
 ПОДОКАЩЕСА, ЖИКОТЬ ВЪНУИ ОВЕРІАН. И ПО ТѢ ПРРКЪ, ПО ПРРЦЕХЪ
 5 АГАН, И ПО АПЛАХЪ МЪИКИ И ПРАВЕНЫА МЪЖА И ОУТЛА. ЕЖЕ СА И СЪБИ
 В СЕМЪ ВЪКЪ НАШЪ. РАША БО ОМНИ/СЛАПІИ ПРОЗРАТЬ, ГЛАСІИ ОУСАЛНАТЬ
 СЛОВО КИИНОЕ, И ВСИ ВЪЗГЛЮТЬ РАЗЛІУНЫ ИЗЪКИ ВЕЛІУНА БѢТА.

ВѢ же в селючнстемъ градѣ мѣжѣ некимъ, именовемъ лѣтъ, улкѣ
 непорочемъ, и астипенъ и бгочтенъ, обрѣвася ѿ всаема гласы
 10 и испомала вса заповѣди бѣта, яко іѡвѣ. живѣи въ кротости и
 гованіи, седморобенъ обрѣтѣ, яко же и іѡвѣ. ѿ нѣкоем же и
 прѣвъ гаеть блаженъ моужѣ боинаса гѣ, в заповѣдскъ его въ-
 сключеть вѣло. ешано на земли едетъ сѣма его, рѣ правеныхъ
 бѣитѣа, слава в богатство в домъ дрѣ, прова, его прѣсмыдетъ въ
 15 вѣкъ вѣка. ис того бо корене косица итради дѣ аиторасам свѣ-
 тозарни, баниъ плао на себѣ носца, житне же непоруоу ѿ ю о-
 гни ишца. прѣростъ бо себѣ яко и сестра блѣнѣша, дою оура-
 систа и дшю і оум, люковію же и вѣдою, другъ друга еіо прѣстѣ-
 каста, мростно цвѣтѣща пріо, яко цвѣтѣтъ блгоучанныи. родомъ
 20 смъ мни блженныи константинъ, а оумомъ и добродѣтемъ, блспрь
 въздѣта. яко же корѣа дхочныиа крѣпота, блгочарныиъ свѣтомъ
 оумѣ просвѣща смъ, съсоудъ и зрѣніѣ стѣномъ дхочъ, а зѣмъ, слѣта всѣ
 оучениѣ фидососкыиъ, нескоумѣ, сърочениѣ обрѣтѣса. вѣдъ, же бо
 исторунитъ всю испомала крѣпленію, и лодѣи маднѣа салѣса, кѣтѣ.
 25 яко же рѣ самъ гѣ въ нашѣ, іѣ, хѣ, дрѣкѣи, и маи, яко же рѣмъ
 рѣща, рѣкы ѿ урѣа, его, потѣкоу вѣды, жѣкы, смъ рѣвъ, і дрѣво
 живѣтѣоуащаго дѣа. дѣи бо, косица в мѣстѣ, маднѣса, і оустнѣмъ
 его, и дѣю, крѣпленію, славною дѣдѣсаля, слово развѣка и ко-
 мѣко, дѣзѣкѣ, прѣтѣкѣ, своѣмъ, разнѣмъ. кѣ, и лѣ, вѣмоу нѣанъ, дѣрѣ
 30 дхочныи и зѣки гѣтѣ, яко и блгоу. старыии же ѿбо, крагъ, прѣсѣ-
 жниѣ, мѣрѣоумъ, ѿ, мадѣа житѣіоумѣ оіо, магѣтъ трѣишѣа, і дрѣво
 бо, яко цвѣтъ, блгоучаниѣ, цвѣтѣмъ, вѣіоми, кѣкани, смъ, мѣсѣнѣ, ѿ
 бесѣдѣкъ, бо, яко, вѣдоумѣ, вѣлашѣса, дѣишѣа, и рѣтѣа, ѿ, маднѣа

и въпрошаниа иже носѣ иже сръдмаго села, и на службѣхъ всѣмъ оугоднѣ
 ѡко и крплатѣ, ѡбрѣтѣшесѣ, и на коннѣхъ ѡ и самѡнѣхъ, и гедеѡнѣхъ,
 и ѡсоу маѡннѣхъ, страшенѣхъ ѡлашесѣ, тѣмъ и воѡбоѡскимъ сѡмъ прѣ-
 нѣмъ, побѣ и немѣхъ мѡло, и разумѣхъ многомѡтѣжннхъ сѣнъ свѣ, ѡко
 сѡмъ преходащѣхъ неположнѣхъ, патѣ же гнѣ слѡко, ѡко и стрѣлоу
 въ срънъ си прѣнѣмъ, ѡко же реуѣ кѡдъ ползу уѡноу, ѡше кѣсь мѡрѣ
 прѡбѣрашѣ, ѡ дѡшо скою ѡщѣтѣхъ, ли погочѣнѣхъ; ли что дѡстѣ уѡкѣ
 иже мѣнѣхъ на дѡнъ скою; прѣменнѣхъ земнѡмнхъ иже нѣдѡ, времѣнна оуѡ
 ѡмѣтѣдѡ ѡ себѣ, прѣзрѡ, въ вѣуѡмнѣхъ подѣнѣнѣхъ. и иже шѣдѣхъ въ
 ѡмнѣхъ, пострижесѣ вѣ уѡрнѣхъ рѣнѣхъ, уѡдъ прѣнѣти блѡу и метѣннѡу 10
 ѡггѡльскѣ ѡдежѡу. и въ покинѡуѡсѣ всѣ сѣ покорѣннѣхъ и съ смирѣ-
 ннѣхъ, во вѣдѣннѣхъ и мѡтѣхъ, въ бѣсѣнѣхъ, слѡуѣннѣхъ, въ иже рѡднѣхъ
 пощѣннѣхъ, въ трѣзвѣннѣхъ всѣгда, въ ѡтѣнѣннѣхъ дѡхѡвнѣхъ, въ иже нѣхъ
 блазѣ, ѡ ѡтѣнѣхъ иже стѡннѣхъ иже спѣшѡдѡ, и рѡкоу, и тою ѡмѣкѡдѡ всѣ
 тѣло своѣ, плѡтѣскаго поѡдѡ ѡнѣдѣхъ не вѣдѣннѣхъ, кѡкѣ ѣ, но на всѣ- 15
 коу мѡщѣхъ стоѡ, ѡ захѡдѡ сѡмѣца до вѣсѡдѡдѡдѡ, не дѡдѡ снѡ ѡтѣнѣхъ
 скоюмѡ, ни вѣжѡмѡ снѡ дремѡннѡ, ни поѡдѡхъ кроѡкѡмѡ скоюмѡ, по-
 оуѡдѡсѣ въ фѡлѡмѣ, и пѣннѣхъ, и пѣснѣхъ дѡхѡвнѣхъ, спѡзѡмѣсѣ спѡстѣннѡу-
 ти жнѣна сѣмѣхъ ѡщѣхъ. ѡмѣ прѣспѣхъ крѡтѡстѣю и молѡуѡннѣхъ, ѡ дроу-
 гѡмѡ поѡстѡмъ, и вѣдѣннѣхъ, и мѡтѣкоу, и смирѣннѣхъ иже рѡдѡ, и тѡко 20
 иже нѣхъ бѣхъ ко всѣхъ ѡщѣхъ, поѡдѡбѣнѣхъ вѣлѡкомѡу ѡрсѣннѣю, и ѡнтѡ-
 ннѣю, и сѡвѣхъ, всѣхъ жнѣнѡхъ соѡбою съѡврѣшѡдѡ. иже нѣхъ жѣ бѣхъ, вѣ-
 дѣхъ и вѣ тоѡннѣхъ трѣдѣхъ прѣвѣнѡмѡщѡ, блѡжи въ сръце вѣратѣннѣхъ, иже,
 вѣдѣннѣхъ поѡдѣннѣхъ ѣго иже рѡдѣхъ на слѡуѣхъ вѣжѣю, дрѡвѣхъ къ дрѡвѣхъ
 днѣкѡлѡкоуѡсѣ и прѡславѡлѡхъ бѣгѡ, дѡнѡрѡго блѡгѣхъ скѡннѣхъ трѣжѡннѣхъ 25
 ѣго рѡднѣ, дѡнѡдѣже патрѣѡрѡхъ, оуѡсѡмнѡвѣхъ поѡдѣннѣхъ ѣго, вѣдѣннѣхъ и
 поѡстѡвѣннѣхъ мнѣропѡлнѣхъ въ иже нѣхъ мѣстѣхъ, и не мѡгнѣхъ ѣ то прѣнѣдѣ-
 ти, поѡстѡвѣннѣхъ и иже оуѡмѣнѣхъ ѣ мѡнастырѣхъ, и нарнѣдѣтѣхъ иже нѣхъ по-
 лнѡхрѡпѣхъ, вѣ немѣхъ блѡше ѡщѣхъ .ѡ. и по тоѡмъ сѡ бѣхъ, прѣвѣнѡмѡщѣхъ ѡко
 и бѣспѡтѣннѣхъ, въ мѡтѣкѡхъ нѣрѡно, всѣхъ всѡуѣсѣхъ, дѡкѣмъ всѡ прѣ- 30
 вѣдѡхъ. и сѣмѣхъ во вѣннѣхъ ѡ такоѡю вѡпннѡуѡхъ, поѡхѣлѡмѡ гѡюѡцѡ-
 прѡдѣтѣхъ дрѡвннѣхъ вѣзѣннѣхъ, и въ прѣрѣтѣхъ поѡжнѣтѣхъ. поѡвѣсти моѡ
 иже нѣхъ сѣхърѡннѣхъ, и въ иже нѣхъ прѣтѡуѡннѣхъ иже нѣдѡтѣхъ. посредѣ

ВЕЛМОЖЪ ПОСЛОУЖИТЕ, ꙗ́ прѣ́ е́гоумени ѡбѣтеса. но земаѡ тѣхъ днѣ
 ѡзѣмъ проидѣте, докѡрѡ ꙗ́ глѡ въ у́лицехъ ѡскоушениа воудета. срѣ
 свое́ дѣста о́утрине быти къ гоу́, сѣткорившему а́, ꙗ́ прѣ́ клѣнништ
 помолѣстася. ꙗ́ ѡверзѡста о́уста скоа́ на мѣтѣхъ, ꙗ́ ѡ грѣсехъ своѣ
 5 помолѣстася. а́ще же бѣ́ въскѡметъ великимъ, разоумнаго дѣха ма
 нѡантеса. то́н ко патѡунтъ глѣ ꙗ́ мѣтѣ о́ю, ꙗ́ въ мѣтѣхъ ѡспокѣста
 са гѣн. то́ боимѣтъ каханисе ꙗ́ о́уучина бѣю, ꙗ́ в законѣ закѣта гѣа
 похвалястася. въскѣааатъ е́ю разоумъ мнѡгъ, ꙗ́ до вѣка не по
 тревѣтса ꙗ́ не ѡстоупитъ е́ю, ꙗ́ ѡмъ е́ю живѣтъ в роды ꙗ́ роды.
 10 мѣтѣ е́ю покѣдатъ ѡзѣмъ, ꙗ́ похвалоу е́ю ѡспокѣстъ цркви, емъ же
 бѣста крѣпка посѡбника ꙗ́ недекѣнна столапѣ, ѡсмока́на на твердымъ
 камени, вѣре, послѣдствѡнаѣша прьвоѡцѣ ꙗ́ патриархомъ, кѣрою
 ꙗ́ поденгомъ дѣлѣнна ꙗ́хъ ꙗ́ твѣды собѡю сконуакѣюща, е́ко ꙗ́ вели
 кымъ патриархъ а́враѣмъ, прадедъ хѣъ, кѣрою пресѣлникъ бѣмъ ꙗ́ шри
 15 шлѣ в земаѡ тоу́же, ꙗ́ дрѡгъ бѣжѣн марѣса, ꙗ́ закѣтъ ѡбрѣзанѣю ѡ
 бѣа прѣимъ, кѣрою ѡцѣ мнѡгѡ ѡзѣкомъ нареуѣса.

Сѣа же стѣ ꙗ́ пресѣлениа ѡца ꙗ́ о́уучаа, тоѡ кѣрою о́украшѣшася,
 тѣ же дѣтел сконуѣста. пресѣлника ко бѣста ѡўѣстѣа своѣго ꙗ́
 прѣниѣца на земаю у́южоу. законѣ ѡ бѣа прѣимша, не своѣмоу
 20 наемени, шѡ а́враѣ, но ѡзѣкоу, ꙗ́ не разумѣѣше десни́ца своѣѣ,
 ни шѣи́ца, но ꙗ́ е́мъ же са прѣтъкѣнахоу, то томъ са пораѡѡрѣше,
 каа́нахѣса, шѡ бѣоу, тѣари, въ творца мѣсто. закѣтъ не ѡкрѣза
 нию прѣимше, шѡ же а́враѣ, но крѣпѣнѣю, къ ѡставлѣннѣ грѣхѡкъ,
 къ вѣкы прѣкыкающѣ, самѣмъ сконуѣмъ ꙗ́ преданъ гѣа на́мнмъ,
 25 ꙗ́ хѡмъ. моисѣмъ, тѣкоже со а́рономъ, къ ерѣмъхъ бѣжѣхъ, е́тъ фа
 раѡновн нарекѣса, мѣкани разлѣунами е́гѣпта о́умиуъ, бѣжѣа люди,
 ꙗ́з раѡты ꙗ́хъ, ꙗ́здеде, ко днѣ столапомъ ѡклауимъ, а́ в моуѣ
 стопомъ ѡгненнымъ, ꙗ́ раздѣлѣа мѡре, но сухоу проведѣ в воуѣстѣ
 нию, а́ прѡтѣкѣнна погрѣзи къ бѣжѣтѣ, в пѣстѣмн же бѣзѡмъ нашоѡ
 30 ꙗ́, прѡрѡжъ каменъ, ꙗ́ ха́кса а́нгѣлсѣа насыти, ꙗ́ законѣ ѡ бѣа прѣ
 имъ, бѣжѣмъ прѣстѡ наѣмсанъ, на скрижа́ли ко на́мнмъ, прѣдѣстъ
 люди въ сохраниѣнѣ ꙗ́ послоушаниѣ. ꙗ́ смѣ прѣдлажѣнниа ꙗ́ е́гооу
 гѡднѣа у́ама, ни у́ны же мѣнниа тоѡ ѡбѣстася, тогѡ бѣжѣаго дѣха ма

побна свѣине, сугоуѣ: блѣти сподобашася, лѣди ѣздеоста изъ
 многогратнаго дѣвольскаго моря, мысленаго фараона погрѣшша,
 и всю сіаоу его употреблѣ, и вѣрою кѣроушася и сіаоу кѣтною.
 не в пустыню же ѣздеоста, но на скѣтъ бѣгаразѣимыи: настѣ-
 киста, не ис камени коду ѣздеоста, но вѣрою словесе кѣна жѣдъ
 мыа напоишта, не ис неговѣсткена же камени коду ѣздеоста, ѣко
 же и ѣна, но вѣсткешю кракѣю и водою ѣ прѣтѣхъ рѣсѣтъ гѣ на-
 шего, иса хѣ, крѣпимѣ: вѣтѣноу оушюу и вѣскоуѣтѣимъ жѣдѣ
 епсене: предѣста, къ ѣдѣиѣ грѣхѣвъ подѣиша, ни хѣтка ѣнѣлка на-
 питающа, но истое тѣло гѣ нѣго, иса хѣ, законѣ кѣнъ соугѣбо 10
 прѣлоужша, в новыи кѣлѣкъ предѣста, писмена сѣтворѣша емоу. ѣже
 въ са ѣ прѣтѣхъ и разоумныхъ оуѣтайво, то ѣвѣроуѣно кѣ маадѣн-
 цѣ в послѣдѣиѣи кѣкъ сіама, не на свѣрѣжалъ камени напѣсанѣ, но
 на срѣцѣ скрѣжалъ паѣтанѣ, ни скѣоуѣ ѣкалкѣ, ни мѣгѣою и вѣ-
 рею гѣа, но самѣ гѣа и сѣ хѣмъ, скѣоуѣанѣ и прѣданѣ. не сѣимъ слоуѣ- 15
 житѣла, но истинѣ проповѣдинна бѣста, ни кроплеимѣмъ кровѣи
 оуѣнѣа и козла кропѣиша и ѣкѣнѣиѣиша скѣверѣнѣма къ плѣтѣсѣн
 тѣстѣ, но стѣимъ крѣщеніѣ, не тѣло ѣдино ѣкѣнѣиѣиша, но дѣше-
 ноуѣо скѣцѣмъ къ сѣуѣимъ сѣлѣ всѣмъ вѣснѣкша, ни законѣнѣиѣи
 жѣртѣи проповѣдинна бѣшша, аѣ слоуѣжитѣла, но бескѣвернѣи и мѣрнѣи 20
 хѣвѣнѣи слоуѣжѣ слоуѣзѣ и проповѣдѣтѣла мѣнѣстѣла. ѣпломъ свѣроуѣ-
 ника, на то дѣло ѣзѣрана, крѣтъ смѣслѣно на рѣимъ скѣоуѣ вѣспрѣнѣи-
 ша, всѣо кѣвалѣнѣоуѣо ѣсмѣдоѣста, испѣиѣиѣиша оуѣченѣ та мѣста, в
 мѣкъ же ѣнѣ не постѣиша, аѣ оуѣдолженѣнѣмъ путѣи, аѣ за оуѣиможѣ-
 нѣиѣ нѣнѣ странѣи блѣжѣимѣхъ, къ нѣхѣ рѣзѣшѣдѣшѣса, ѣ лѣуѣа сѣнѣуѣимѣа, 25
 скѣтѣо бѣгаразоумнѣицѣи проскѣтѣнѣша всѣмъ мѣрѣ. по тѣ же стопѣмъ и
 сѣа ходѣиша, и того дѣха напоѣма ѣ бѣ, томѣу же словесѣи бѣста
 проповѣдинна и мѣкаа ѣпла, не на тѣжѣмъ ѣсѣмокамѣиѣи своѣ дѣло
 полѣгающа, но ѣзнѣока писмена кѣѣкрѣиша, и сѣвѣрѣишѣта къ ѣзѣмъ
 ногѣ. послѣ же вѣснѣкша, ѣко оуѣтрѣнаа звѣзда, ѣ сѣиѣца сѣѣ прѣ- 30
 бѣмѣиѣи, скѣтѣнѣишѣи кѣѣиѣлѣѣтѣса, и ѣко же маѣтѣи дѣлатѣан къ
 кѣнѣогрѣа, понѣсѣиѣиѣ таготѣ дѣне и кѣра, сѣ прѣшѣшѣимъ къ .ѣ. ѣа
 рѣкѣимъ спѣдѣблѣнн бѣшша мѣзѣ, бѣиѣи блѣти тѣко ѣзѣоашн, въ по-

СЛЕДНІИ БѢКЪ ТОМУ ЖЕ ДѢЛОУ ИЖИТИ СЯ ПОВАА ПРОПОВѢДНИКА И СВѢ-
 ТИЛНИКА ЕСЕН ВСЕЛЕНИИИ, И ПОДКИНѢ ДОБРЫМЪ И КѢРОУ КРАПКО ПРЕ-
 ПОИСАКША УРЕСЛА СКОА, ПРОИДОСТА, И СЛИЦЫ, ТѢМНАА МѢСТА СТОПАМИ
 СКОИМИ ПРОСКВѢЦАЮЩА, ЕСАКЪ МЫЛОУ ПОГАМЬСКОУЮ ДХОВНЫМЪ ОГНЕМЪ
 5 ПОПАЛЮЩА И ЕРЕТИЧЕСКЮ, НЕ ПОЩАДЮЩА ТЕЛЕСЕ СКОЕГО, НО ВСЕГДА
 ГОТОВА СУЩА ЗА ПРАВОУЮ ВѢРОУ СЛАСТНО ИСПИТИ ХОУ УАШУ. ВЪ СРА-
 ЦИИХЪ И КОЗДРЕХЪ ИВАШАСА НЕПОБѢДВА, НО ИКО ЖЕ ДѢДЪ, ИНОПЛЕ-
 МЕНИНКОУ ИМОГДА, НИЗЛОЖИЕ ГОРДЫЮ ЕГО, ПОТРЕСИ, ПРОБѢРАЗОВАЕ
 ТРЦУ ТРЕМИ КАМЕНИ, И СКОИМЪ ЕМУ МЕУЕМЪ ГАЛОУ ШСАКЪ, ПОХВАЛОУ
 10 ПРИИТЬ КО ТМАХЪ Ш СНОКЪ НИЗЪКЪ, ТАКО ЖЕ И СЯА ШЦА, ТРИОУПО-
 СТАСНА БЖТЕУ СЛОУЖИ СУЩА И ПРОПОВѢДНИКА, В СОКОРЪХЪ СРАУИШЕСТѢ
 И ЖИДОУСЬСЬХЪ ОБРѢТША, СКОИМИ ИМЪ КНИГАМИ И МУЗЫКОМЪ, КОЕВ-
 ТОКЫ БЛАДИ И ЖИДОУСЬСЬКЮ ЗЛОБОУ, ДХОКНИ МЕУЕМЪ ШСАКША, ПОТРЕ-
 БИСТА, ИКО ПЛЕКЕЛЪ, И ПОМАНИСТА ДХОКНОЮ БАГТИЮ, А СЛОВО ГДЕ ВСА-
 15 МѢСТА, ИКО И ПШЕНИЦУ, ВЪ СРЪУИИ СЕЛѢ, И ВСА НАСЛАДИСТА МЕДОТУ-
 НИМИ СЛОВЕСИ, ТРИЕЗМАУААНАГО ЖЕ БЖТЕА ИСНО БѢДАСТА, ОУВА-
 ЗАСТА ВЪ ЕДИННОМЪ СУЩЕСТВѢ РАКЕШЕСТВО СНАЮЩА ШЦА, И СЯА, И СТГО
 ДХА, ТАКО И ОУЛОБИСТА, ИКО И РЫЖЫ, СЛОВЕСНОЮ ИРЕЖЕЮ, И КРТИСТА
 Ш КОЗАРЪ УЕСТИМА УАДИ ДО ДВОЮ СТУ, РАЗКЪ ЖЕНЪ И ДЯТЕН. ТРЕГЪКОУ
 20 ПОХВАЛОУ Ш ВСЕА ЦРКЕН ПРИИМЪША, ПРЕИДОСТА ШТВОУ НА ЗАПАШИ
 СТРАНЫ, БАГОВЕШТВЮЩА СЛОВО БЖИЕ ВЪ МУЗЫКЪ НОВЪ, И КЕСЪ ЦРКОУНЫИ
 ЗАКОМЪ ПРЕЛОЖША Ш ГРЕУЕСКАГО, ВЪ СВОИ ИМЪ МУЗЫКЪ ПРЕДАСТА.
 ТРЕПЪЗУНИКОМЪ ЖЕ ЗЛОБУ НИЗЛОЖИЕ, ПОТРЕБИСТА, ИКО ПЛЕКЕЛЪ Ш
 ПШЕНИЦА ШВРАЩША, ТИ УИСТО ЦРКЕН И СВѢТОШСРАНО ЖИТО ПРЕДАСТА.
 25 Б ЗАПАДНИ ЖЕ СТРАНАХЪ, ПАНОИШЕСТѢ И МОРАУЕСКАХЪ СТРАНАХЪ, ИКО
 СЛИЦЫ КОСИВЪША, МРАКА ГРѢХОУИНАГО ШГНАВША, ПРОСКВѢТИСТА СЪКЛАМИ,
 И НАОУШТА ОУИНИКЪ ЦРКОУНОМОУ УИИИ ИСПОАИ. И ТАКО ТУЕИИИЕ СКОУ-
 ВАЮЩА, ПОУТИ СА ИСТА РИСАГО, АПЛЬСКОМУ ПРЕСТОЛОУ ПОКЛОНИТИ,
 ВЕДОУЩА СЪ СОБОУ НА КРЩЕННЕ ДХОКНЫИ ПЛѢ. ЕЖЕ СЛЫШАЕЪ АИВЪКЪ
 30 АНДРИАНЪ, НИЗДЕ ПРОТИКОУ ИМА ДАЛУЕ Ш ГРАДА РИМЬСКА, И ТАКО И
 ПРИИТЬ, ИКО АГГЛА БЖІА, И ОУТЕИИЕ ЕЮ ПРИИЮЕМЪ, НОСТАКИ БЛАЖЕН-
 НАГО МЕФОДІА НА ПРОЗЕНТЕРЕСТВО, И ОУУЕНИКИ ЕЮ.

Присанжи же са время покоя приити престому и пребѣжнномуу

ѡцѣ нашемъ и оубѣтелею константиноу философу. видѣвъ же екле-
 ннѣ ѡ бѣа ѡ покон.скоѣ, ѡслетѣса к уерим рѣци, и днѣ же на-
 рѣкъ докоа скоѣго, прехъ до него днѣ, кеслаа и слава бѣа. и
 тако поуи ѡ гѣ в лѣ .ѣ.тоз. и приложѣ къ ѡцѣмъ своимъ, прѣко
 и апломъ, мѣнкомъ и всѣ стѣмъ. и положиша и къ цркви стго
 кмента, идѣже мауаша многа исцелѣнна бывати ѡ утлаго гроба
 его, саяшн аенѣ мауаша просвѣщати, медуужимъ цлаити, кси
 исходити. ѣ видѣше римляне, пауче са приложѣша къ стѣмъ его.
 сѣшнѣ прѣутнаго и егютнаго мѣфодіа на архиепѣство, на столѣ
 стго андроника, апла к паноніи ѡ .ѡ., поустѣша и на странѣ сло-
 веньскыа оубѣты къ мѣмъ и, пашсакѣ епистолѣю сѣю къ кнѣ
 странѣ тоа, ростиславъ, и стѣполкоу, и коцѣлоу. андріанъ епѣ,
 рѣкъ всѣмъ рабѣмъ бжѣимъ, к ростиславоу, и стѣполкоу, и коцѣлоу.
 слава къ вышнихъ бѣоу, и на земли миръ, въ уавцѣ бѣгоколѣ-
 ннѣ. ꙗко ѡ кѣ салшакиѣ дѣоимъ радостн, ꙗже имате на спсѣнїе,
 слѣмъ брата нашего, утлаго мѣфодіа, сѣшена на архиепѣство на
 странѣ баша, ꙗко же есте просѣамъ оу на, да къ оубѣты, къ мѣмъ
 прелагаа книги, да са исюванитъ пророуьскоѣ слоко, ꙗко рѣша-
 хвалите гѣ вси мѣмъ, и похвалите его вси люднѣ, и всакъ мѣмъ
 исповѣсть, ꙗко же и гѣ іс хѣ въ славоу бѣоу ѡцѣ. аминь. и въ еуагїи
 реуѣ гѣ, посылаа своа оубѣты. шѣдше, наоубѣты вса мѣмъ, кре-
 стѣше и. во има ѡца, и сна, и стго дѣа, оубѣше влостн вса,
 елннѣ заповѣдахъ вамъ, и сѣ азъ с вами есмь вса днн, до кон-
 чнннъ вѣкѣ. аминь. къ, уада возаюсленаа, послаушанте оубѣнна
 бжѣа, ѣ в послѣднѣа времена предаю къ, вѣшего ради спсѣннѣ,
 да, поубѣающеса разумно, наѡ достѣннѣ съткорите и прѣимѣте въ-
 нецѣ неплѣнѣ и в сѣи вѣкѣ и къ градоуцѣи, со всѣмъ стѣмъ вѣ
 вѣкы. аминь.

Дошѣдши же емоу въ страны моравьскы, вси люднѣ с радо-
 стнѣмъ иждѣша въ срѣтенїе емоу, и тако приаша и, ꙗко аггѣа бжѣа. зо
 и ѡтверзѣша ѡвеса слѣпымъ, и оушеса глѣхѣ, и мѣмъ влѣснѣющѣи
 възгѣаша мира, и имѣ оустѣмъ гѣша пернѣ жѣрѣткы неприужнннѣ
 къ хѣамн: на вѣадазихъ и на всѣ мѣстѣ хоуаовѣамъ бѣа, тѣмъ дѣти

НХЪ СЛОВЕСИМА И БЕСКЕРВЕННА СЛОВЕСА ЕГОУ ВОЗДАЮТЬ ЗА ВСЕЪ МІРЪ,
 И ВО ВСАКОМЪ МЯСТЕ ИМА БЖИЕ ПРОСЛАВЛЕНУСА КЪ ПЪЗЪМЪ МОКЪ, ЕМОУ
 ЖЕ ИДИСА ПРОПОВЕДНИКЪ: І АНАЪ МОКЪ, КОСИДЪКЪ ИКО САНЦЕ, МЪГЛОУ
 НЕВИДЕНІА ШГОНА, И ЕГОРАЗЪМНЫМЪ СВѢТОМЪ ВСІМЪ СРЦА ПРОСВЕТИ,
 КРОТОСТНОЮ И СЛАДОУТНОЮ, КСА К СЕБЪ ЛЮКОВІЮ ПРИКЛАУА, ТУСЕНІЕ
 СВОЕ СКОУТА, КЪРЪ СЪКЛЮДЕ, ПРІИИ ПЪШЫИ ОУКРАСИ И ПЪИИ ДХЪОК-
 НЫИ. И ТАКО ПОУИ О ГДЪ В ЛЪ Ш ТЕАРИ ВСЕГО МІРА. Ш.ТЪД. И
 ПРИЛОЖИСА КЪ ШЦЕМЪ СВОИМЪ, ПАТРІАРХОМЪ АБРААМОУ, ИСАКЪ, ІАКО-
 КОУ, ВСІМЪ СЕКЕ ОУПОДОБЕЛ; ВСІХЪ ШЕРАЗЪ ЗА СЕБЪ ПОМОШЬ, ШИ
 10 РАКЕНЪ КЪМЪ, ШИ МИИ, А ДРУГИХЪ ПРОСИХЪ СИЛОЮ, И ДЪТЕЛІЮ, И
 НОДЕНГОМЪ, КОСИХЪ ИКО СОМЪШЕ, МОУДАИ ПРІТОУНАИ И КАУАИ-
 БАИ: ЕГО ЖЕ ПОМИШЛАЮЩИ МЕДОТЪРМА СЛОВЕСА, ИЪ УЪМЪ СЛАДОСТИ
 ЕГО ДХЪОКНЫА ПРИЛОЖИТИ.

ТЫМЪ ЖЕ, КЪА ОУБО ПОЖАЛЪ ВОЗЪМЪ ЖАИМЪ ТРИЖЪШИМАСА ТОЛИКО
 15 ХА РАДИ ВЪ КОСТОУЩИХЪ, И ЗАПАДНЫХЪ, И СЪВЕРСЬСКОХЪ СТРАНАХЪ, НЕ
 ИЩИЦА ВРЕМЕННЫХЪ И ТАКИОЩИХЪ, НО КЪТЪННЫХЪ И БЕСКОНЕУЩИХЪ,
 КРЪТЪ ГИЪ МОУСКИ МА РАИЪ ВОСПРІИИМА, И ГЪ ШЛАДЪКШЮ ГРЕХОМЪ
 ЗЪМАЮ ПОТРЕБАША, РАЗРОИСТА, И ВСЪЛЪСТА ДХЪОКНОЕ СІМА, И УИСТО
 ПРЪККИ ПРИНЕСОСТА ЖІТА, ДНЕВНОЕ ОУУЕИИЕ, ИИ ЖЕ СИСТА, ИКО СЪ-
 20 ПІАКЪ ВО ВСІМЪ МІРЪ, ДЪМОНЬСКОЮ КУЛОУ И ВОАКОУ ШРЕСЪ ПРОГНАЪ
 ША; ВЕЛИМА ОУБО СТОНА ХЪА ПРЪККИ КЪСТА, НЕКІАА УЛКА И ЗЕМІАА АН-
 ГЕЛА, ВО ПЛОТИ ВЕСПЛОТНОЕ ЖИТИЕ СТАЖАВИМЕ. БДЖИНО Е ВО ИСТИ-
 ННОУ УРЕКО, МОШЪШЕЕ ВЪ И КЪЗДОИША ГЛСА МНОГОПЛОДНА, ИИ ЖЕ
 НАИПЪСТА АЛУЮЩИА ПЪЗЪМЪ И ЖАДНА МАЛОИСТА ЖИКОТНАГО ПІКА, ВЕ-
 25 ПРСТАИЩИ ШИЦЕ ИСТОУЩИА ВСІМЪ ШДИАНО. КТО ОУБО ВОЗМОЖЕТЪ ДО-
 СТОИНОУ ПОЖАЛЪ ВАЮ ИСНОВАДАТИ, ПОЩЕБЕСИЦЮ КСЮ ПРОШЕША СТОНА-
 МИ ЖИИИ, ВСЕЪ МІРЪ ШСВЕТИСТА; КЛЪАНЪ ИДУКЪ ВАЮ, ИИ ЖЕ НАСЪ-
 КАСТА ДХЪОКНАА СЛОВЕСА ВЪ СПАСЕИИЕ БЕСУИСАЕНОУ ПЪЗЪКОУ, ЕГОДЪ-
 НОВЕШЫИ ДАРЪ Ш БГА ПРИИИША, МАИЪ; НЕКИДАНІА КСЮДОУ ИРОИСТА,
 30 СОВОЮ ШЕРАЗЪ ВСІМЪ ПРЪАГАЮЩИ, Ш ОУСТНУ ДХЪОВИЪ СЛАСТЬ ИСТОУАЮ-
 ЩА, ПОГАНЪСТВОУ ВСАКОМУ РАЗРОУИИИКА ПЪКЪСТАСА, ШРЕТИКОМЪ СЪВЕ-
 СТАТА, БЕСШ ПРОГОИИИКА, СЪКЪТЪ ШИРАУЕНЫМЪ, ОУУИТЕЛА МАДЕНЦЕМЪ,
 ИСТОУАЮЩА ДХЪОВИЮ СЛАДОСТЪ АЛУЮЩИМЪ, НЕСКОУДАА ПІИЦА, ЖАИИ

непрестаннѣ истощи, наглымъ ѡбично ѡдѣннѣ подающа, сирымъ по-
 мощника, страннѣ прїимница, чуждымъ просвѣтителя, печальнымъ оутѣ-
 шителя, напастнымъ защитника, вдовамъ и сиротамъ помощника,
 слезнымъ свѣтодателя, влѣющимъ в морн житейстемъ великаа ан-
 кира, стѣна и покровъ припадающимъ к вама, и оудѣѡ съпостата, в
 исповѣдника стѣн трѣи, съвершитѣла вѣжю смотренїю, величествоу
 вѣжю служителя, истощника вѣжю словоу, недвижима столпѣ хвѣ
 цркви, пѣять правѣ, шить вѣрѣ, племѣ спасенїю, класъ много-
 плоденъ, лозѣ медотоуна, соти медвенїи словеса вѣю, имн же на-
 сладїста всю вселенъноую, вко внсерѣ многоцѣнемъ истощиша 10
 съкровици гни, ввѣстнаници вѣжѣа смотренїѣ, ѡбителици вѣжю смо-
 тренїю, съседа сватомъ дхоу и зѣраннѣа, пронеснѣа имѣ хѣо по
 всен земли, вртоу похвалоу на себя понесша, временнѣа презрѣвѣ-
 ша, а вѣжымъ наслаженїѣ прїимша. непрестанно прїбнѣа и истни-
 нѣа пастыра, за иеранное стадо вѣю подкїжмо помолнѣса, страсти 15
 ѡженѣца, вѣдѣ и напастен и зѣвалѣюща, просвѣтнѣа тѣ сръчїи ѡун
 и оумомъ оутверднѣа достонно послѣдовати стопѣ вѣю, мѣмоци на-
 ша на са взнѣающа, свѣше снлоу подаднѣа, да, достонно, пожнѣше
 ѡ хѣ, наследннцы трѣдоу вѣю ѡсрацѣтѣа и проповѣдннцы правѣн
 вѣрѣ, юже имъ еста предамѣ, да вси єдиногѣно прославатѣа три- 20
 стоѣ вѣтво ѡца, и снѣ, и сватѣго дха, и нѣ и при ѡ и вѣ вѣкы
 вѣкомъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- Стран. Строк.
- Въ заглавіи: 135, 2. сътѣоршеноу вм. сътѣоршена.
- 3. прелѣжѣшма на покъмъ вѣхъмъ вм. прелѣжѣшма покъмъ
и вѣхъмъ.
- — ихъмъ вм. ихъмъ.
- 4. Проп. и передъ архидіакоу.
- — и лишнее передъ мѣфодіа.
- 136, 1. ѡстѣки вм. ѡстѣки.
- 18. оукрашѣстася и дѣшю и оумо вм. оукрашѣста и дѣшю
и оумъ.
- 137, 1. оугѣмо вм. оугѣмъ.
- 30. всѣ вм. всѣ.
- 138, 2. исноула вм. исноушена.
- 139, 6. неуюкъстена же не ис вм. не ис неуюкъстена же.
- 15. глѣ вм. глѣнъ.
- 17. къ вм. къ.
- 140, 20. ѿ дивѣа вм. ѿтудоу.
- 22. предѣсть вм. предѣсти.
- 23. низлѣжнѣ вм. низлѣжнѣ.
- 24. то вм. ти.
- 26. просѣста вм. просѣстнѣста.
- 29. съ кою вм. съ союю.
- 141, 31. вѣснѣрѣй вм. вѣснѣрѣй.
-

XV.

Изъ книги Панширикъ, принадлежащей Боларскому Рыльскому монастырю и писанной Діакономъ Владиславомъ Грамматикомъ въ 849πз (1497) году, въ Желтиовъ, подъ Черною Горюю въ Македоніи. Изводъ Сербскій. (См. Жит. Кирилла, № XIII).

—

Слово похвално ст҃ыма и прѣславныма оучителема словенскоу ѣзыкоу, сътворшема писме емоу и прѣложшема новын и вѣтхын законъ къ ѣзыкь ихъ, вл҃женному кѹриллоу и архієпискѹпоу панонскомоу мефѡдію.

вл. ѡ.

Бѡу н спсоу нашемоу їѹ хѡу, многымъ и немзречѣннымъ у҃глолюбѣемъ, помилочахшоу родъ у҃бвѣхъскын, не трѣпз созданиа своего, а҃стїю діаволюю одрѣжыма, смѣри себѣ волюю, и вѣплзти се ѡ ст҃го д҃ха и ѡ прѣѹтме и славыме вѣје и пр҃но дѣвы марїе, на землѣ вѣн се и съ у҃лкы пожнве, въсь ѡбразъ быкъ тѣлесе нашего, ѡбразъ бѣкъ плѣтїю своею, да оумирающе о а҃дамъ, о хѣ ісѣхъ оживоуть. тѣ бѡ їе миръ нашъ, по а҃плоу, сътворены обоѣ въ єдиню, и прѣгражѣнїе вражн разроушн, и кр҃томъ оубѣнвѣ вражѡу, прѣвзынцъ бѣ и҃з мрѣтвын, собою настаѣн у҃лѹхъ родъ на нетлѣнїе, кѣнѣ на нѣса, сїде о дѣснѣю прѣстола велнчествїа на вѣсокын, за-10 повѣдъ дѣкъ родоу у҃лѹхскомоу нскоу҃снѣ, хѡте въ послѣднѣа врѣмена дрїтн и соуднн живын и мрѣтвын, и въздѣтн комоу҃жо прѡтнвоу дѣлѡ е҃го, ѡко праведнын соудн. не хѡте сьмырте грѣшнкоу, нѣ ѡбращѣнїю н покаанїю. не оставн бѡ създаниа своего

многостивны бѣ, и не забѣ дѣло роуку своєю, нѣ и на тѣ лѣта и времена нѣзрѣ моуже, и ѡвн дѣла нхъ и похвны людемъ, да быше, тѣмъ побеще се, живѣтъ бесконьнымъ обрѣан, и по тѣ прѣкы, и аплн, и мнѣкы, и праведны моуже, и оуунтєлє, же и събы се въ сынъ вѣкъ нашъ. рѣкше оубѣ слѣпнн прозрѣ, глоуєсн слѣше кнжное слѣво, и всн вѣзглѣють разлѣчнымъ ѣзыкн велнчїа вѣлн.

Бѣше оубѣ въ градѣ солоунѣ моужъ нѣкын, именемъ лѣн, улѣк непорѣхнъ, истиннъ, вѣгоуѣтѣцъ, огрѣвѣ се ѿ вѣсѣкоє злобы, испольнѣе заповѣдн вѣїє по іѡвоу. живнъ въ кротостн и блгоговѣнствѣ, рѣдн же снѡвъ сѣдмъ, ѡко же нѡвѣ. ѿ немъ же прѣрк глѣеть блженъ моужъ боєн се гѣ, въ заповѣдѣ єгѣ вѣскоцєтъ глѣѡ. слѣно на землн боудєтъ сѣме єгѣ, рѣдъ праведнѣ блгословнѣт се. слѣва и богатѣство въ дѡмоу єгѣ, и правѣда єгѣ прєснлѣ въ вѣкъ вѣка. нс тогѣ кѡ корєнѣ вѣсѣлѣста двѣ свѣтнлѣ, ѡрѣсан сн-
 15 тозарнѣ, вѣдѣннъ плѣдъ на сєбѣ нѣсєцн и жнїтє непорѣтно ѡ юнѡстн нмѣцн. прѣмоудрѡстѣ вѡ сєбѣ ѡко сєстрѡу сътворнн, тою вкрѣснстѣ дѣшъ и оумъ. дроугъ дроугѣ прєспєвѣашє, моудрѡстїю цѣвтоуѣцн прнєсно, ѡко цѣвѣцн блгооухѣанн. рѣждєнїємъ же мѣннн сынъ константїнъ...., аврѣамъ, прѣдѣдъ хѣн, вѣрою прѣсѣ-
 20 ннѣкъ бѣвѣ и прншлѣцѣ въ землн тоуждєн, дроугъ вѣїтн нарѣчє сє, и за вѣроу ѡбрѣзѣнїє прнѣтъ, вѣрою ѡцѣ ѣзыкѡмъ мнѡгѡ нарѣє сє.

Сїѣ же стѣлѣ и прѣславнѣл ѡцѣ и оуунтєлє, тоюже вѣрою оутрѣснвшѣ сє, тѣѣже добродѣтелн съврѣшнстѣ. прѣсѣлннкѣ вѣ вѣстѣ ѡцѣствѣ своєгѣ и прншлѣцѣ въ землѣ тоуждѣ. законъ же ѡ бѣ
 25 прїємшѣ, не своємоу плѣмєнн, ѡко же аврѣамъ, нѣ ѣзыкѡу, ншє не рѣзоумѣше деснцє вѣїє, нѣ ємоу же прнѣткннѣхоу, томѣ сє порѣбоцѣшє, клѣнѣхѣ, ѡко вѣгоу, тѣарн, въ тѣорѣцѣ мѣсто. зѣвѣтъ не ѡбрѣзѣнїю прїємшѣ, ѡко же аврѣамъ, нѣ крѣпѣнїє, въ ѡстѣлѣнїє грѣхѡвъ, въ вѣкъ прєвѣвѣющєє, самѣмъ съврѣшєнѣ и прѣ-
 30 дѣнъ вѣгомъ нашнмъ, іѣу хѡмъ. мѡнєнї же такоже съ ѡдрѣшѣ ѡ ієрѣнхѣ єгѣ, бѣ фѣрѣаѡвн нарѣчє сє, моукамн разлѣчнымъ єгїптѣ моуунѣ, вѣїє людн нѣзвѣдє нѣз рѣботн нхѣ, въ дѣнє стѣлѣѣ ѡснп-
 номъ, ѡ въ ноцн стѣлѣѣ ѡгнѣнѣ, и раздѣлн мѡрє, и прѣвѣдє є

въ поустѣннѡ по соуху, а протѣкнмѣ погроузи въ бѣзѣнѡу, въ поустѣннѣ же напѡн ѡ, поражѣ камѣнь, н хлѣва аггелѣска насѣти ѡ, законѣ же ѡ бѣ пріѣмѣ, н прошѣ, бжѣнмѣ прѣстѡ написанѣ на скрѣжалѣ камѣннѣ, н прѣдѣсть людемѣ въ сохранѣніѣ н послушаніѣ. сѣѡ же прѣвлѣженнаѡ н бгѡоугѡднаѡ уѣка, ни унѣм же мѣнѣша тѣѣ ѡвнѣста се, тогоже дѣха напоѣна съвѣше, соугѡубѣ блгѣтн спѡбѣлша се, люди нзвѣдѡста нз мнѡгомрѡунаго дѣволскаго мѡра, мѣслѣна фараѡна погроузнѣ, н въсоу снлоу ѣгѡ потрѣбнѣста, вѣроу своѣю въѡроуѣша се н снлоу крѣноу, не въ поустѣннѡ же въвѣдѡста, нѣ въ свѣтъ бгѡрѡзѡумѣѡ настѡвнѣста, не ѡс камѣне водоу нзвѣ- 10 достѡ.... ѡкѡ ѡнѡ, нѣ нстѣкшоуѡу крѣвъ н водоу ѡ прѣутѣннѣх рѣбрь гѡ нашѣго, іѣ хѡ, вѣрмнмѣ вѣуноуѡу пншѣ н бескѡнеуымн жнкѡтъ къ спасѣніѣ прѣдѣста.... н законѣ бжѣн соугѡубѡ прѣлѡжнѣша, въ нѡвын ѣзѣкъ прѣдѣста, пнсмѣ сътѡрѡша ѣмоу. нже се въ ѡ прѣ- 15 моуѡдрѣх ѡутѡнѡ н рѡзѡумнѣ, сѣѣ ѡкрѣвѣно бѣ мѡнѣцѣмѣ, н въ 16 послѣднѣмъ вѣкъ снмѡ. не на скрѣжалѣ камѣннѣ написанѣ, нѣ на скрѣжалѣ сѣнѣ плѣтанѣ, не скрѡзѣ ѡблѡкъ н мѣглоу н боуруѡ глѡнѣ, нѣ самѣмъ гѣмѣ, іѣ хѡмѣ, съврѣшенѣ н прѣданѣ. не сѣнн слѡужн- 20 телѡ, нѣ нстннѣ проповѣдннкѡ къста, не кроплѣніѣмѣ крѣвѣ юнѣс н козлѣн, нѣ крѡпѣща н ѡуиѣающѡ сквѣрѣннѣе къ плѣтѣсѣннѣ ун- 20 стѡтѣ стѣмѣ крѣщеніѣѣ. не тѣло ѣдннѡ ѡуиѣающѡ, нѣ дѣшѣкноуѡу свѣшѣ въ сѣунѣ сѣлѣ вѣсѣ вѣскѡста. ни закѡнѣн жрѣтѣв проповѣдннкѡ бѣста, нлн слѡужнтѣлѡ, нѣ бескрѣвннѣн, н мнрннѣн, н дѣхѡв- 25 ннѣн слѡужѣв слѡужѣ н прѣдѣтелѡ ѡвнѣста се. ѡпломѣ съпроуѣжннкѡ, на тожде дѣло нзбрѡнна, крѣтъ съмыслѣно на рѡмоу въспрѣѣша, н 26 въсоу въселѣннѡуѡу ѡбѣдѡста, нсплѣннѡюще ѡуѣнѣѡ. въ ннѣх же ѡнн не постѡише нлн ѡудрѣжаніѣмѣ пѣтн, нлн за ѡумножѣніѣ ннѣхъ стрѡнѣ блнжннѣн, въ ннѣх же рѡжѣнѣ ѡкѡ доуѣе сѣпѣннѣе, свѣтоѣм бгѡрѡзѡумѣѡ просвѣтнѣста въсѣ мнрѣ. н по тѣхѣже стѡпамѣ сѣѡ хѡ- 30 днѣста, н тогоже дѣха напоѣна ѡ бѣга, н томоу слѡвѣсн къста про- 30 повѣдннкѡ н нѡва дѣѡѡ, не на тоужѣ ѡсновѡннѣн своѣ дѣло полѡж- 31 нѣ, нѣ нзнѡва пнсмѣна въѡбращѣше, н съврѣшнѣста въ ѣзѣкъ нѡвѣкъ. послѣже вѣсѣѡста, ѡкѡ ѡутрѣннѣк звѣздѡ, н ѡ сѣннѣа свѣтъ

пріемлюща, свѣтлѣнши явлѣет се, ꙗко же наѣтъи дѣлателе къ ки-
 нюградъ, понесшии тѣготу дѣиіи и карь, съ приишшѣиши къ прѣ-
 кѣннадесети ѱ, ракии мѣздѣ снѣклени, бѣже бѣгти тако иже бѣже
 къ послѣднѣи къкъ дѣлау томоу же ѡвѣсти се, сѣа нѣмаа проповѣд-
 ѣника и свѣтлѣнника въ сѣн въ селенинѣи, ꙗже по дѣвгѣ дѣршѣи и
 въ рою крѣпко преподсавше урѣсла, прѣдѣста, ꙗко же сѣице,
 тѣмаа мѣста стѣпании скѣиши, прѣсвѣтнѣста, и въ сѣкоу мѣгъи ѣре-
 тнѣускоу и погѣнскоу погѣнѣста дѣхѣнѣи ѡвѣи, не пощѣдѣ-
 ша своѣ дѣи, ни тѣлесе, нѣ въ сѣгдѣ бѣрѣща се по прѣкѣи върѣ,
 10 сладко и спити хѣоу ѱашоу. въ сѣици и въ козарѣ ѡвѣи се не-
 побѣдѣи, нѣ ꙗко же дѣдѣ иноплѣменника ииогдѣ, ииждѣи къ грѣ-
 дѣнѣи ѣго, побѣди, прѣбразѣи трѣици трѣици каменѣи, и своѣи
 ѣи мѣуемъ главоу ѡсѣи, и похвалѣи пріемѣ въ тѣмѣхъ ѡ сѣи
 ииѣи, тако же и сѣа ѡвѣи, трѣипѣстѣнаго бѣтѣа сѣи соуѣи и
 15 прѣповѣдѣника, въ собѣрѣ сѣици и въ жиѣоу ѡвѣи ѡвѣи се,
 ѡвѣи ии къ книгамѣи и ѣзѣи, мѣи стѣи бѣдѣи и жиѣоу ѡвѣи
 зѣоу дѣхѣи мѣуемъ ѡсѣи, и потрѣи, ꙗко пѣи, и
 погѣнѣста дѣхѣи бѣгѣи, и слово гѣи въ сѣи, ꙗко ииѣициоу,
 въ сѣи сѣи, и въ сѣи насладѣи мѣдѣи стѣи стѣи, трѣи
 20 ииѣи бѣтѣа ииѣи ииѣи ииѣи ииѣи въ ѣдѣи соуѣи-
 стѣи и ракии сѣи ѡвѣи, и сѣи и, дѣи, стѣи, и тако ѡвѣи,
 ꙗко рѣи, словѣсноу мѣи, и крѣи ѡвѣи козарѣ уѣи ѣдѣи
 .с. моуѣи, рѣи жѣи и дѣи, и трѣи соуѣи похвалѣи ѡ въ сѣи
 ѣрѣи пріемѣ, прѣдѣста ѡвѣи на зѣи стѣи, бѣи
 25 стѣи слово бѣи въ ѣи нѣи, и въ сѣи ѡвѣи зѣи
 прѣи ѡвѣи ѡвѣи ѣи, въ сѣи ѣи прѣдѣста ииѣи трѣи
 ѣи зѣи зѣи ииѣи, потрѣи, и ꙗко пѣи ѡвѣи
 ѡвѣи, и ииѣи ѣи стѣи жѣи прѣдѣста. въ зѣи
 30 жѣи, и пѣи, и мѣи стѣи, ꙗко сѣи въ сѣи, и
 мѣи гѣи ѡвѣи, прѣсвѣтнѣста ииѣи, и ѡвѣи ѡвѣи
 ѣи ѣи ѣи ѣи ииѣи. и тако тѣи стѣи
 ста, и пѣи се ѣи рѣи, ѡвѣи прѣстоу погѣи се, по-
 сеи съ соѣи дѣи пѣи на сѣи, ꙗже сѣи ѡвѣи

анкѣ андріанѣ, нѣздѣ протѣкоу ѿмѡ далѣе ѡ града рѣмѣскаго, ѿ тѣко пріѣтъ ѿхъ, ѿко ѿ аггелѣн бѣѣте, ѿ оуѣеніѣ єю възлюбивъ, ѿ по-
стѣви блаженнаго мѣфѡдіа презвѣтерѡ, ѿ оуѣенікы ѿхъ.

Приелѣжи же се крѣме покѡн пріѣти стѡмоу ѡіѡу нашемоу ѿ оуѣителю константѣноу фѣлосѡфѸ. видѣвъ же ѡкрвѣеніѣ ѡ бѣ ѡ по-
кѡн своѣмъ, ѡблѣче се въ урѣни рѣзы, ѿ днѣ же нѡрече преставлен-
нѣа своѣго, ѿ прѣвѣсть до него днѣн .нѣ., весѣле се ѿ слѡке бѣ, ѿ тѣко поуѣ ѡ гѣ въ лѣто .стѡз., ѿ прилѡжи се въ ѡцѣмѣ своѣмъ,
ѿ прѣквѣмъ, ѿ апломъ, ѿ мѣнкомъ, ѿ всѣмъ стѣмъ. ѿ положивше ѿ
въ црѣкви стѡго клѣмента, нѣдеже науѣше мнѡгѡа ѿцѣлѣеніа бѣвати ѿ
ѡ уѣстныѣ рѡки єго, слѡпѣн бѣѣте просвѣщати се, мѣдоуѣнѣн ѿцѣ-
лѣвати се, бѣсн ѿсхѡдѣти. стѡ же видѣвше рѣмѣскаѣ, пауѣ прилѡ-
живше се къ стѣмнѣ єго. ѡсѣпше прѣхѣтнаго ѿ бѣгонѡснаго мѣфѡдіа
на архієпѣкѡпѣство, на стѡль стѡго андрѡнѣка апла, єдинаго ѡ сѣдм-
дѣтъ въ панѡнѣѣ, ѿ послѡше єго на странѣ словѣнскѣѣ оуѣнѣнѣ
ѣзыкъ ѿхъ, напѣсавше єпѣстѡлѣю сѣце къ кнѣземъ странѣ тоѣ, ра-
стѣнѣсавоу, ѿ скѣтѡпалькѸ, ѿ коцѡлоу. андріанѣ єпѣкѡпѣ, рѡбѣ въсѣ
бѣѣнѣмъ рѡбомъ, къ растѣнѣсавоу, ѿ скѣтѡпалькѸ ѿ коцѡлѸ. слѡка въ
кѣмнѣнѣхъ бѡу, ѿ на землѣ мѣрѣ, въ уѣвѣцѣ блѡговолѣніѣ. ѿко ѡ вѣ
сѡмнѣавше дѣхѡвныѣ рѡдѡстѣ, єже ѿмѡте на спѣсеніѣ, послѡхомъ вѣрѡ-
та нашего, уѣстнаго мѣфѡдіа, сѣпѣна на єпѣкѡпѣство на странѣ вѡше,
ѿко же єсте проснѣн оуѣ насѣ, да вѣ мѡоуѣнѣтъ, въ єзыкъ вѡшѣ прѣ-
лагаѣ кнѣгы, да нѣспѣлѣнѣт се прѣрѣуѣскоѣ слѡво, єже глѡбѡше хвалѣ-
те гѣ въснѣ єзыкѣн, ѿ похвалѣнѣте єго въснѣ лѡдѣѣ. ѿ въсѡкъ єзыкъ
нѣспѡвѣсть, ѿко гѣ тѣ хѣ въ слѡвоу бѡу ѡцѡу. амѣнѣ. ѿ въ єѣлѡнѣ
же рѣче гѣ, послѡде скѡѡ оуѣенікы шѣше, мѡоуѣнѣте въсе єзыкы,
вѣрѣтѣше ѿхъ въ ѿмѡ ѡцѡа, ѿ сѣнѡ, ѿ стѡго дѣа, ѿ оуѣѣше ѿхъ блѡ-
стѣнѣ късѡ, єлѣнка занѡвѡдахъ камъ, ѿ сѣ дѣзъ съ вѡмнѣ єсмъ въ въсе
днѣн до скѡнѡуѣнѣа вѣка. амѣнѣ. вѣ же, уѣда възлюбѣеннаѡ, послѡуѣ-
шѡнѣте оуѣнѣтелѡ бѣѣа, єже въ послѣдѣннаѡ вѣрѣмѣна данѣ бѣ вѡмъ, ѿ
вѡшего рѡдѣнѣ спасѣнѣа, пооуѣдѡюще се рѡзѡумно, плѡды достѡннѣнѣ
сѣтѡворѣте ѿ прѣнѣмете вѣмѣцѣ мѣтавѣмнѣнѣ въ сѣмъ ѿ въ боуѡуѣцѣмъ
вѣцѣ, съ въсѣмнѣ стѣмнѣнѣ въ вѣкы. амѣнѣ.

Дошѣ же мѣѡдіе въ странѣ моравскыѣ, ѡ всѣхъ людѣхъ ѡздѣше
 съ радостію къ срътенію єго, ѡ тако пріешѣ єго, ѡко аггела вѣѣла.
 ѡ ѡкръзѡше се ѡуеса слыныхъ, ѡ оушеса глаухыѣ оуслышашѣ,
 ѡ єзыци влѣхвлющени възглагоу славоу бѡу, ѡ ѡимн же оусты вѣ-
 5 хоу прѣвѣ жрѣтвы непрѣазнени въздади ѡ на всѣхъ мѣстѣхъ бѣ
 хоуланн, тѣмнже пакы ѡ дѣти ѡхъ словесныѣ ѡ бескръвныѣ слоуж-
 бы бѡу въздающе за всѣхъ мѣрѣхъ вѣхоу, ѡ на всѣакомъ мѣсте
 бѣ прослави се къ єзыку новѣ, ємоу же ѡкн се проповѣдникъ ѡ
 10 апѡстоль нѡкын, всѣа ѡко сѣнце, мѣглоу невѣдѣнѣа ѡгна ѡ бѣгорѣз-
 оу мѣа свѣтѡ възсѣхъ срѣца просвѣти, крѡтостію ѡ слѣдостію възсѣ
 ѡ любѡвію къ себѣ привѣде, теуѣніѣ своѣ съврѣши, ѡ вѣроу съблю-
 де, ѡ црѣкви оукрѣси нѣснмыѣ ѡ пѣнми дхѡкными, ѡ тако поуѣ ѡ
 гнѣ къ лето гѣтѣд., ѡ приложи се къ ѡпѣмѣ ѡ патриархѡ, авраамѡу,
 ѡ їсаѣкоу, ѡ їакоу, ѡ възсѣмъ себѣ оупѡбѣн, възсѣмъ ѡбразѣ на
 15 себѣ понѣсе, ѡвѣмъ рѣвнѣхъ бѣ, ѡныхъ мѣнѣн, дроугыѣ прѣспѣвѣ
 сіаю дхѡвною, ѡ блгтїю, ѡ пѡдвигѡ, възсѣмъ ѡко сѣнце лоуѣ-
 мн, прѣтѣнныѣ сказанїемъ. єго же помышляюще медотоунаа сло-
 весѣа, нѣхъ усѣмоу приложити слѣдостн дхѡвныѣ.

Тѣмъ же коѣ похвалѣніѣ въздамы вѣамъ, троуѣнѣма се толико
 20 хрѣта радн въ вѣстоуныѣхъ, ѡ западныѣхъ, ѡ сѣверныѣхъ странахъ,
 не ѡшоуше вѣрѣмѣныѣ ѡ тѣмныѣ, нѣхъ вѣуныѣ ѡ бескѡмеуныѣхъ,
 крѣтѣ гнѣ моужьскы възпрѣмѣша, ѡ тѣмъ ѡлѣдѣкшоу землѣ грѣхѡ
 ѡтрѣблѣша, възсѣаста дхѡвное сѣме, ѡ унѣсто црѣкви жѣто прѣнѣ-
 25 соста, днѣкное оуѣнѣте, ѡмъ же сіаєте, ѡко свѣтнаа, къ всѣмъ мѣрѣхъ,
 демѡнскоу хоулоу ѡ вѣсоу єрѣсь прогнавѣша. велѣци оуѣѡ ста-
 пы црѣквы хрѣтовѣхъ кѣста, нѣснаа уѣка ѡ землѣнаа аггела, къ пѣлѣти
 беспѣлѣтное жѣтїѣ стежѣста. блжѣно їѣхъ уѣрѣво, носѣвшѣе вѣаю ѡ
 въздѡнѣшеє кѣаа мнѡгоплѡдна, ѡмъ же напѣтаста дѣающѣе єзыкы
 ѡ жѣдныѣ напѡнѣста жѣвѡтнаго пѣва, непрѣстающоу пѣцоу нѣсто-
 30 унѣста възсѣмъ ѡбѣла. кто оуѣѡ мѡжетѣ достоѣноу похвалоу вѣаю
 ѡспѡвѣдѣти; вѣѣ бо ѡкнѣста се рѣвна нѣсн; ѡ пѡнѣсноу вѣсоу прѣ-
 шѣвѣа стѡпамн своѣмн, мѣрѣхъ всѣхъ ѡстѣнѣста. блвѣнѣхъ єзыкѣ вѣаю, ѡмъ
 же насѣастѣ дхѡвнаа словесѣа на спасѣнїѣ бесунслѣнныѣхъ єзыкѡ.

ѣгодѣхновѣныѣ дѣри ѿ бѣ пріѣмша, црѣкъ невѣднѣа въсоудѣх
 прогнаста, собѡю ѡбразѣ възсѣмь прѣлагающа, и оустѣ дѣхѡв-
 ннѡ сладостѣ истауающа, и погѣиствоу възсѣмоу раздрѣшннѣа кънѣ-
 ста се, и ѣрѣтнѣкъ съпѡстата, и възсѡмь прогѡннѣа, свѣтъ ѡмрачен-
 ныѣ, оуучителіѣ мѣнцѣ, алуѡщнмь неѡскоуднаа пнѣца, жѣжѡущн-
 нмь непресѣцѣемыи истоуннѣкъ, нагыннмь ѡбнѣлно ѡдѣаніѣ дающа,
 снрѣннмь помѡщннѣа, стрѣннмь пріѣмннѣа, бѡлннмь посѣтнтелѣа,
 напастннѣа защнннѣа, слѣпнѣа свѣтодѣателѣа, вѣающнмь се ѣ мѡри
 жнтѣнсцѣмь велика надѣжда, стѣна и покровѣ прнѣзѣгающнмь къ
 вѣамь, іоудѣомь съпѡстата, исповѣдннѣа стѣн трѡннѣа, свѣрѣшн-
 телѣа бжтѡ съмѡтрѣнію и величїю бжтѡ слоужнтелѣа, истоуннѣа
 бжтѡ словесѣа, недвижнма стальпа хѣъ црѣкѣа, пѣуатѣ прѣвды, щнтѣ
 вѣрѣ, шлѣмь спсѣнїа, класѣ мнѡгоплоднмь, лѡза медѡтоунаа, съ-
 ты мѣдовннѣа словесѣа вѣаю, нмн жѣ насладнста възсѡу възселѣмннѣа,
 ѣко внсѣрѣ мнѡгоцѣнннѣа истоуннѣа, скрѡвннѣа гнѣа, къмѣстннѣа
 бжтѡ съмѡтрѣнїа, ѡбнѣцѣа стѣаго дѣа, възсѡуда нзбрѣннѣа, прнѣсѣ-
 ша нмѣ хрѣтоко по възсѣн землн, крѣтъ на сѣбе понѣсѣа, врѣмен-
 наа прѣзрѣвшѣа, и вѣуныннѣа наслаждѣнїѣ възпріѣмша, непрѣстѣанно
 прпѡвѣаа и нстннѣаа пастнрѣа, за нзбрѣаннѡѣ стѣадо вѣашѣ прнлѣжно
 мѡлнта се, стрѣн, и вѣды, и напастн ѡгѡнѣца, просвѣтнѣа нн срѣннѣа
 ѡун и оу оутврднѣа достѡннѡ послѣдоватн стѡпамь вѣашнмь, не-
 мѡщн наше въззѣмлющѣа, свѣннѣа снлѣа подѣднѣа, да, достѡннѡ ѡ
 хѣъ пожнвшѣа, насладнннѣа боудѣмь трѡудѡмь вѣаю и проповѣднннѣа
 прѣкѣн вѣрѣ, юже нмѣ есте прѣдѣанн, да възсн ѣднѡгласно прослѣ-
 вннмь трнѣстѡѣ бжтѡ, ѡца, и снѣа, и стѣаго дѣа, ннѣа, и прнсно, и къ
 вѣкъ възсѡвъ. аамннѣа.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

Въ заглавіи, передъ началомъ, на полѣ киноварью: слѣ см.

Въ строкѣ 1. похѣіаю вм. похѣіаю.

Стран. Строк.

- 145, 6. ѿвразѣ кыкъ вм. ѿсоуди грѣхъ.
— 8. кражи вм. ѿграда.
— 14. Нѣтъ: ѿше наипауе прилежитъ на хлосотъ къждо
хѣкъ.
146, 19. Большой пропускъ.
147, 10. Пропускъ.
— 13. Пропускъ.
— 27. не постигоше вм. не постыише.
— — оудрхжишемъ вм. оудрхженіемъ.
— 31. своеъ вм. свое.
148, 1. ѿкажиот се вм. ѿкажет се.
— 2. къ прѣкиишадеть вм. къ прѣкиишадесеть.
— 15. къ жидоѣцѣ вм. къ жидоѣсцѣ.
149, 24. испѣнит се вм. испѣнит се.
150, 5. неприазненъ вм. неприазнены.
— 7. мѣстѣ вм. мѣстѣ.
— 17. помѣшамюше вм. помѣшамюше.
— 19. толѣкое вм. толѣко.
— 33. пришѣла вм. прошѣла.
-

IV

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

Вскорѣ, по смерти Герцога, прибылъ къ этому Великому Князю вѣстникъ или гонецъ отъ Турецкаго Судана, съ большими подарками, для заключенія съ нимъ союза и дружбы. Но Борисъ отказалъ имъ даянъ, не хотѣлъ и принимать его подарковъ, а отослалъ ихъ, навадъ съ дастаномъ изъ сѣдой кожи, поцѣльвомъ, обложеннымъ серебряной парчей, salvo honore — набитымъ свичымъ каломъ и зашитымъ, и сказалъ, что такъ какъ Турокъ величайшій и заклятый врагъ всего Христіанства и ведетъ жестокую войну съ его братомъ, Римскимъ Императоромъ, то онъ не можетъ быть другомъ его, а неприятелемъ на всю жизнь, и будетъ его противникомъ во всемъ, на сколько у него достанетъ силы.

Знаменитый Цесарскій вольный Имперскій городъ Любекъ и нѣкоторые другіе знатные Ганзейскіе города также прислали туда своихъ знатныхъ пословъ, съ большими позолоченными кубками и бокалами, числомъ до 20, и между ними прѣкрасный зодденый корабль, очень замысловато и искусно сдѣланный, со всѣми принадлежностями, и двуглавый орелъ, наполненный корабленниками и Угорскими червонцами, за что получили они свои старыя права на всякую торговлю въ Псковъ, Новгородъ и Москвѣ, такъ что могли разѣзжаться по странѣ безпрепятственно, какъ и когда бы ни захотѣли.

Такия же преимущества получили тоже Голландцы и Англичане: имъ дозволялось вести торговлю въ Холмогорскъ, Вологдѣ и Москвѣ; гдѣ они постоянно круглый годъ имѣли своихъ прикащиковъ.

Вообще этотъ Великій Князь старался своимъ правденемъ приобрести себѣ великую славу и имя у иноземныхъ народовъ и заботился о пользѣ и благосостояніи владѣнныхъ. Онъ соорудилъ и построилъ не только много зданій, и домовъ въ Москвѣ и Смоленскѣ, но и толстыя кирпичныя стѣны. На границѣ съ Крымскими Татарями, для защиты отъ нихъ набѣговъ, онъ велѣлъ соорудить двѣ деревянныя крѣпости, одну изъ нихъ назвалъ по своему имени Веригородъ, другую по имени некихъ Царей и Великихъ Князей Царьгородъ, и искренно расположился быть до всей странѣ.

Хотя онъ и былъ искренно привязанъ къ странѣ и ея жителямъ, но много тамъ было большихъ Князей и Бояръ духовнаго и свѣтскаго званія, которые питали къ нему тайную злобу и ненависть и очень завидовали ему въ томъ, что онъ достигъ верховной власти. Однако жъ не нашлось никого, кто захотѣлъ бы затронуть лицу, или сколько ни, будь дать замѣтить свое неравнopolоженіе, по тому что тѣ, которые сдѣлали это первыя, да Богдана, Вѣльскій и Микитѣвичъ (?), не получали отъ того ни какой прибыли; но были посажены за то въ темницу, подверглись пыткамъ и лишились всего состоянія.

Отъ того-то Борисъ и продолжалъ все царствовать до тѣхъ поръ, пока не явился одинъ отчаянный монахъ, выдавшій себя за Дмитрія, не свергнувъ его съ царства и не поступить съ нимъ, его родными и друзьями, точно такъ же, какъ самъ онъ поступилъ прежде съ законнымъ Великокняжескимъ родомъ. Этотъ монахъ, по настоящему своему имени, назывался Гришка Отрепьевъ (Griska Utrepeia) и происходилъ изъ мелкаго дворянскаго рода въ Ярославскомъ Княжествѣ. Такъ какъ въ молодости былъ онъ необыкновенно даровитъ на всякія продѣлки и мошенничество, «omnium bipedium perquisitimus», то родители и отдали его въ монастырь Троицка, чтобы тамъ обуздать его своевольный нравъ, подъ строгимъ монашескимъ уставомъ, и приучить его къ благочестивой, богобоязненной жизни. Но Гришка или Григорій совсемъ не имѣлъ охоты къ монастырской жизни: монашеская плоть была не по немъ; при своемъ хитромъ, остроумъ, превосходномъ умѣ, онъ свелъ еще короткое знакомство съ однимъ лукавымъ монахомъ, тоже не очень преданнымъ Великому Князю. Замѣтивъ, что таилось въ Гришкѣ, монахъ познакомилъ его съ Русскими глупицами и промисествами и научилъ многими мошенническимъ продѣлкамъ, по тому что онъ былъ чернокнижникъ, ловкій и способный на всякія дѣла, а Гришка имѣлъ большое понятие и расположеніе ко всему подобному. Монахъ думалъ, что изъ него выйдетъ что ни будь необыкновенное, особливо по тому, что у него на правой рукѣ и на носу былъ такой же знакъ, какъ и у Дмитрія, убитаго сына Ивана Васильевича; онъ имѣлъ такое же маленькое лицо, жесткіе, черные волосы, былъ цѣлаго роста и коренастаго сложенія. Монахъ и Гришка ушли, въ мона-

стыря, а тамъ и советѣмъ изъ страны, пришли въ Кіевское Княжество; монахъ научилъ его всѣмъ Государственнымъ дѣламъ, разскавалъ ему въ наученіе все, что было нужно для его предиріятія: какъ расположены къ Борису большіе Бодре въ Москвѣ, какъ ему надо будетъ поступить въ услуженіе къ Князю Адаму Вишневецкому (Vvesnevetski) и, если представится случай, разсказывать ему про свое несчастіе и горе: со слезами на глазахъ и жалостными тѣлодвиженіями; что Великій Князь, Борисъ Годуновъ, старался убить его въ молодыхъ его лѣтахъ, и что Богъ чудеснымъ образомъ сохранилъ его и избавилъ отъ смерти. Гришка во всемъ долженъ держать себя такъ, какъ училъ и настраивалъ его монахъ, и потому со-временемъ сдѣлается Великимъ Княземъ и царствующимъ Государемъ всей Россіи.

Советъ очень понравился Гришкѣ и былъ то же, что фаршированное жаркое для его рта, по тому что за чѣмъ пошелъ онъ, то и нашелъ: рыбакъ рыбака видятъ въ плесѣ издалека; чортъ не выдумывалъ еще ничего такого гнуснаго и злаго, чего не сумѣли бы привести въ дѣло безбожные монахи, * по свѣдѣтельству поэта:

*Non solum Monachus nimirum Daemone dicit,
Quod quicquid vaser hic suggerit, ille facit,
Atsi juncta dolis anus adjuvet, et colat astu,
Audebat Erebi depopulare domum.**

Научивъ Гришку всему, монахъ простился съ нимъ и вернулся опять въ Русь, въ широкую степь къ Козакамъ, распустилъ между ними такую молву, что ему извѣстно доподлинно, что законный наследственный Государь всѣхъ Русскихъ, Дмитрій Ивановичъ, котораго нынѣ царствующій въ Москвѣ Великій Князь хотѣлъ въ Угличѣ умертвить, на самомъ дѣлѣ живъ и пользуется большимъ значеніемъ и почетомъ въ Литвѣ, у Князя Адама Вишневецкаго; Козаки должны поступить къ нему на службу: онъ

* Въ обидѣхъ отзываяхъ о монахахъ слышимъ Лютеранина, да еще XVI вѣка. Шерръ, въ своей «Kultur-Geschichte,» и Менцель, въ «Geschichte, der Deutschen,» приводятъ много примѣровъ тогдашняго презрѣнія Лютеранъ къ монахамъ.

наградить ихъ лучше и дать имъ жалованье большее, чѣмъ Борисъ. Монахъ прожилъ довольно времени въ степяхъ у Козаковъ, пока не привелъ въ исполненіе того, что началъ, какъ мы и скажемъ потомъ.

Между тѣмъ тотъ плутъ, который назвался Дмитріемъ, поступилъ въ службу къ Адаму Вышневецкому, и находился у него довольно времени въ качествѣ комнатнаго служителя, упражнялся во всякихъ рыцарскихъ играхъ; въ фехтованьи, борьбѣ, въ умѣнныхъ владѣть конемъ и примѣрныхъ сраженіяхъ. Разъ случилось, что когда Князь бѣжалъ въ баню, Гришка позабылъ захватить съ собою что-то нужное для барина; Князь сгоряча далъ ему пощечину и назвалъ его блядинымъ сыномъ. Это сильно разобидѣло Гришку: онъ горько заплакалъ и сказалъ съ жалостнымъ выраженіемъ: «Милостивѣйшій Князь Адамъ! Если бы ты зналъ, кто я, ты не ругалъ бы меня такъ, тѣмъ менѣе ударилъ бы изъ за пустяковъ по шеѣ; но такъ какъ я твой слуга, и ты меня совсѣмъ не знаешь, то я и долженъ переносить все это терпѣливо.»

«Что же ты такое?» отвѣчалъ Князь. Какъ звать тебя? Откуда пришелъ ты?» Вышколенный монашескій ученикъ выдалъ себя за сына Московскаго Великаго Князя, Ивана Васильевича, разсказалъ все по порядку, какъ проходило его дѣтство, какъ нынѣ царствующій Великій Князь Московскій, Борисъ, выгналъ его изъ его царства, искалъ его жизни, какъ избѣжалъ онъ того и кто его спасъ, какъ, вмѣсто его, убитъ былъ въ Угличѣ одинъ поповичъ, похожій на него, по одеждѣ, возрасту и наружности; сколько времени прожилъ онъ въ монастырѣ съ монахами и въ Литвѣ, пока, еще не отправился ко двору Адама; показалъ ему дорогой золотой крестъ, осыпанный драгоценными камнями, который будто бы далъ ему при крещеніи крестный отецъ, упалъ Князь въ ноги, и говорилъ дрожащимъ голосомъ: «Отдашь въ твою власть, дай, со мною, что угодно; не хочу дольше жить въ такомъ несчастіи, униженіи и горѣ! Но если пособишь мнѣ выручить мое отцовское наслѣдіе, законно слѣдующее мнѣ отъ Бога и людей, за это будетъ богатая расплата и награда, когда Богъ мнѣ поможетъ.»

Этѣ слова шошутали Князя Адама: онъ не зналъ, что и сказать ему: вдругъ на это; но такъ какъ Гришка былъ умель и остороженъ въ словахъ и благоразумно распоряжался своими тѣло-движеніями, Князь повѣрилъ ему и подумалъ, что все это такъ и было, просилъ его не обижаться пощечной, подождать въ банѣ и не выходить изъ нея до тѣхъ вѣръ, пока онъ не пришлетъ къ нему посла; потомъ пошелъ къ женѣ, разказалъ ей объ этомъ происшествіи и велѣлъ въ поварняхъ, погрѣбахъ и комнатахъ дѣлать такія приготовленія; какъ будто хотѣлъ угощать вечеромъ Великаго Князя Московскаго: на его дворѣ было странною и чрезвычайною новостью, что Великій Князь придетъ изъ Москвы такъ скоро.

Князь Адамъ велѣлъ спарядить шесть красивыхъ коней, съ дорогими сѣдлами, уздечками, пистолетами и всѣми принадлежностями, и при каждомъ поставилъ служителя, одѣтаго въ лучшее платье, велѣлъ также приготовить и Великокняжескую коляску, и запрячь въ нее шесть лошадей, а комнаты убрать лучшимъ образомъ богатыми Персидскими коврами, такъ что всѣ слуги дивились, для кого бы это такія приготовленія? Послѣ того, какъ все было окончено, Князь Адамъ взялъ съ собою двѣнадцать слугъ, съ дорогими платьями изъ золотой парчи и бархата, пошелъ въ баню, подарилъ этѣ платья своему бывшему слугѣ Гришкѣ иди Дмитрію, воздалъ ему великія почести, самъ вывелъ его изъ бани и отдалъ ему шесть верховыхъ лошадей съ коляскою и шесть упряжныхъ со всѣми приборами, съ прислугой и прочимъ, и просилъ его милостиво принять этѣ ничтожныя подарки: на будущее время онъ не пожелаетъ ни какихъ стараній, только бы пособить ему въ его дѣлѣ. Дмитрій принялъ подарки съ большою вѣжливостію и уваженіемъ, обѣщался заплатить за этѣ во сто разъ больше, ежели Богъ поможетъ ему возвратитъ царство и величіе.

Когда слухъ объ этомъ разнесся и распространился вездѣ въ Польцѣ, Литвѣ, Россіи и въ широкой степи у Козаковъ, узналъ напоследокъ о томъ и царствующій Великій Князь Московскій, Борисъ Годуновъ, приказавшій умертвить въ дѣтствѣ юнаго законнаго и наследственнаго молодого Государя, Дмитрія. Вѣсть эта очень удивила и напугала его: думая, что у него и его при-

верженцевъ выйдетъ изъ за того: съ Полянами очень опасна война и кровопролитіе, онъ послалъ по этому гонца въ Кіевъ къ Князю Вишневецкому, предлагалъ ему въ подарокъ нѣсколько пограничныхъ городовъ и крѣпостей и большое количество денегъ, если только онъ выдастъ ему бродягу и соблазнителя, выдава-шаго и называвшаго себя Великимъ Княземъ Русскимъ. Благо-даря этому предложенію, Вишневецкій удостоившись еще больше и полагалъ теперь за вѣрное, что Гришка истинный родной сынъ Ивана Васильевича, но тому что царствующій Великій Князь преслѣдуетъ его и вдалекѣ и предлагаетъ за него такъ много. Но Великій Князь не одѣлалъ этимъ ничего, и его посланный воротился безъ отвѣта; а какъ у Бориса было много войска въ погранич-ныхъ городахъ, и между народомъ ходили разные странныя рѣчи, то Вишневецкій, не полагаясь на мирное время, велѣлъ спародить нѣсколько всадниковъ, запретъ свою коляску и съ самозванцемъ Димитріемъ уѣхалъ на нѣсколько миль далѣе отъ границы, въ одинъ изъ своихъ городовъ, Вишневецъ (Witznawczsch), и далъ Димитрію прочитатъ письма Великаго Князя. Только что прочи-талъ ихъ тотъ, заплакалъ, бросился въ ноги Князю и сказалъ: «Все въ рукахъ Божіихъ и твоихъ: дѣлай со мною, что тебѣ угодно; я въ твоей волѣ; вся моя надежда, отрада и упованіе — Богъ и ты.» Вишневецкій утѣшалъ его, просилъ быть спокой-нымъ: онъ не будетъ его предателемъ; что для того только и уѣхалъ въ этотъ городъ изъ своего пограничнаго замка; чтобъ онъ не попалъ какъ ни будь въ руки своего врага (Великаго Князя). Пусть Димитрій останется тутъ съ его служителями и получаетъ Княжеское содержаніе, а самъ оигъ вернется назадъ, и если узнаетъ еще что ни будь о Борисѣ, поскорѣе дасть ему знать о томъ.

Послѣ того Борисъ послалъ къ Вишневецкому, еще другого гонца съ предложеніями гораздо побольше прежнихъ, рѣшившись, если Вишневецкій не пришлетъ къ нему самодѣльнаго Димитрія, подговорить Козаковъ застрѣлить самозванца. Это заставило Вишневецкаго отправить Димитрія, для большей безопасности, къ Сандомирскому Воеводѣ, гдѣ его тотчасъ же приняли и со-держали въ большомъ почетѣ, точно онъ истинный родной сынъ Ивана Васильевича. Съ согласія и позволенія Езуитовъ, Св-

донирскій Воевода сейчас же началъ съ нимъ переговоры и разсужденія о томъ, что если онъ отыгнеть древнюю Греческую Вѣру въ Россію, Воевода станетъ хлопотать за него у Польскаго Короля, Римскаго Папы и другихъ Великихъ Государей и державъ, которые деньгами, продовольствіемъ, конными и пѣшими воинами, дробью и порохомъ, помогутъ ему взять Россію, его отцовское наследіе, и выгнать его врага, Бориса Годунова. Тотъ не только обещалъ сдѣлать все это, но если получитъ правдіе и сядетъ на отцовскомъ престолѣ въ Москвѣ, хотѣлъ не только уничтожить и искоренить въ конецъ Греческую Вѣру, принять Папскую и распространить ее въ странѣ, но и взять за себя дочь Сандомирскаго Воеводы. Езуиты обнаружили при этомъ искреннюю радость и удовольствіе, тотчасъ же назначили къ нему двухъ учителей, которые со всѣмъ усердіемъ назидали его въ Папской Вѣрѣ, и онъ въ короткое время сдѣлался хорошимъ Католикомъ. Потомъ Воевода возилъ его къ Польскому Королю, гдѣ былъ ему пышный приемъ и дано позволеніе набирать въ Польшѣ тѣшшее и конное войско. Нѣкоторые большіе Господа въ странѣ, также и оба Воеводы, ссужали его всѣмъ, чѣмъ могли, и заложили всѣ свои помѣстья и замки на вооруженіе для него; да и сами они пошли съ нимъ.

Когда дѣла въ Польшѣ находились въ такомъ положеніи, и Димитрій собирался овладѣть Россіей, въ Москвѣ, въ 1601, 1602 и 1603 годахъ, была такая великая дороговизна, голодъ и нищета, что въ такомъ размѣрѣ и не случалось еще этого на памяти людей; едва ли можно найти и въ Исторіи, чтобы въ военное, или мирное время бывало что ни будь подобное у Христіанъ, Иудовъ и Изычниковъ; тамъ умирали съ голода многіа тысячи людей, валялись въ городахъ по улицамъ, а въ полѣ по дорогамъ, во рту у нихъ было сѣно, дѣло солома, которыми они думали утолить голодъ и отъ того умирали; многіе ѣли лошадиное мясо, собакъ, вешекъ и крысъ, древесную кору, траву, корни; камень, человѣческій калъ и другія негодныя для пищи вещи. Нѣкоторые лежали на землѣ и сосали кровь, вытекшую изъ убитаго скота, свиней и овецъ; нѣкоторые поѣдали другъ друга. Въ пародахъ, гдѣ много было народа, убивали самыхъ жаркихъ и дорогихъ людей, многіе родители ѣли своихъ дѣтей, дѣти

родителей, родители продавали дѣтей, а нѣкоторые продавались сами за ничтожную цѣну. Я видѣлъ въ Москвѣ, какъ одна бѣдная изнуренная женщина шла по улицѣ съ своимъ ребенкомъ на рукахъ, схватила его на ходу кулаками и отъ сильного голода, со злобой откусивъ два куска отъ руки младенца и ѣла ихъ, сидя на улицѣ. Такъ бы она и умертвила ребенка, если бы другіе не отняли его у нея силой и не спасли его жизнь. Ни кто не смѣлъ открыто носить на рынкѣ хлѣбъ и продавать его, по тому что нищѣ и бѣдными отнимали его силой, а иногда и убивали до смерти разношниковъ и продавцовъ хлѣба. Бочка ржи стоила 19 талеровъ, тогда какъ прежде не стоила болѣе 12 грошей.

Такъ какъ это бѣдственное и неслыханное положеніе и страданіе съ каждымъ днемъ еще усиливалось, ни кто не могъ безопасно ѣздить въ странѣ, по случаю жестокой дороговизны и голода, и многія тысячи народа найдены были мертвыми на Московскихъ улицахъ, то Великій Князь, Борисъ Годуновъ, велѣлъ на нѣкоторыхъ большихъ площадяхъ собирать народъ каждое утро къличемъ и раздавать ему милостыню: каждому доставалось на долю по три гроша. Когда молва объ этомъ разошлась по странѣ, бѣдные поселяне убѣгали изъ домовъ и дворовъ, бросали все, приходили съ женами и дѣтьми въ Москву и получали милостыню: такимъ образомъ каждый день раздавалось бѣднымъ людямъ изъ казны до 30,000 талеровъ, пока не уменьшилась дороговизна. Также по приказанію Великаго Князя, ежедневно подбирали на улицахъ нѣсколько сотенъ умершихъ, владели на телеги и тачки и вывозили изъ города; люди, назначенные для дого, обмывали ихъ до чиста, на каждого надѣвали бѣлую рубашку и шару красныхъ сапогъ, а потомъ по нѣскольку сотъ ихъ бросали въ одинъ гробъ и зарывали. На такую благотворительность, обѣды для бѣдныхъ, состраданіе къ умершимъ и одежду для нихъ, потрачены были большія деньги. Рассказываютъ открыто, что въ большую дороговизну умерло въ Москвѣ съ голоду до 500,000 человекъ, кромѣ погибшихъ въ другихъ городахъ и деревняхъ, а всѣхъ ихъ Великій Князь приказывалъ кормить, по смерти же одѣвать въ бѣлыя рубашки и красные сапоги и хоронить. Сколько же сътепъ тысячи талеровъ вышло на это въ три года при жизни отѣхъ людей и на одежду для нихъ по смерти

За эту бѣдой послѣдовала вскорѣ другая, чума, которая смирѣствовала и пожирала людей не менѣе дороговизны: этѣ два наказанія были непосредственно отъ Бога, а по тому и сносиѣ и отраднѣ третьяго, внутренней и виѣшней войны и ужаснаго кровопролитія, какъ будетъ сказано о томъ далѣе.

Въ продолженіе такой большой дороговизны и голода въ странѣ, Великій Князь былъ такъ слѣпъ и упрямъ, что не позволялъ подданнымъ покупать муку для утоленія голода у чужеземцевъ, нѣсколько кораблей которыхъ приходило въ Нарву и Холмогоры, чтобы иноземцы не узнали, что въ его землѣ такая дороговизна и онъ не въ силахъ кормить и содержать своихъ подданныхъ, но принужденъ выписывать и доставать хлѣбъ изъ чужихъ краевъ: отъ того-то иноземцы и должны были уѣхать, не продавъ муки. Онъ далъ строгой приказъ, чтобы всѣ Архіереи и монахи изъ своихъ монастырей, а всѣ Князья, Бояре и Дворяне изъ своихъ житницъ, продали ему за полцѣны весь хлѣбъ, въ которомъ сами не имѣли надобности, и потомъ раздавалъ его бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ, чтобы чужеземцы замѣтили и знали, что въ землѣ его нѣтъ недостатка въ хлѣбѣ, какъ распространяли въ чужихъ земляхъ.

Во время такого великаго голода и бѣдствія въ странѣ, 4-го Іюля, 1604 года, прибылъ въ Москву посланникъ Римскаго Императора Рудольфа, Господинъ Генрихъ Лойко (Laugko), съ придворными драбантами и лакеями, всѣ очень нарядно и пышно одѣтые въ шелкъ и бархатъ и увѣшанные большими золотыми цѣпочками. Такъ какъ пришелъ онъ съ такою пышностью, то Великому Князю захотѣлось показать и свое великолѣпіе и пышность: онъ велѣлъ принять его и ввести въ городъ еще пышнѣе, и не только Русскимъ, но и всѣмъ иностранцамъ, служившимъ ему въ то время, каждому по обычаю его земли, одѣться въ шелкъ, бархатъ и золотую парчу. Это очень удивило посланника. Великій Князь далъ также строгое приказаніе, чтобы на улицахъ не было ни одного нищого и ни кто бы не жаловался на голодъ и нужду, а всѣ были довольны и сыты, всѣ улицы и рынки, гдѣ проходилъ посланникъ, были до того заставлены разнымъ зерновымъ хлѣбомъ, мукою и продовольствіемъ, что чужеземцамъ ни какъ не могла прійти въ голову мысль о дороговизнѣ, или недостаткѣ въ хлѣбѣ и другой край-

ности въ странѣ. Запрещалось подъ смертною казнію, чтобы ни кто не давалъ замѣтить послу, или людямъ его, что въ странѣ была, или еще продолжается, такая дороговизна, напротивъ у нихъ все было дешево, каждый расхаживалъ по улицѣ такой нарядный, что подумаешь, онъ богаче Креза, не смотря на то, что онъ бѣднѣе и несчастнѣе Ира и около 8-ми дней не видалъ у себя въ домѣ хлѣба. Во время дороговизны видали много знаменій и чудесъ на небѣ, съ разными страшными лучами, и точно войска сражались другъ съ другомъ, темная ночь часто дѣлалась такъ ясна и свѣтла, что считали ее за день. Иногда видны были три мѣсяца, иногда три солнца; по временамъ слышны были такіе ужасные вихри, что сносили башни съ воротъ, стѣны въ 20 и 30 сажень, и кресты съ церквей, пропали рыбы въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дикіе звѣри въ лѣсахъ, все, что ни подавалось на столъ, вареное, или жареное, не имѣло природнаго вкуса, какъ бы ни было хорошо и вкусно приготовлено, собаки пожирали другихъ собакъ, волки волковъ. Часто попадались только ихъ ноги и головы. На Литовской и Кіевской границѣ нѣсколько ночей слышенъ былъ такой вой волковъ, что люди приходили въ ужасъ; волки собирались нѣсколькими сотнями, по чему люди не могли и ѣздить по дорогамъ, если не были ихъ сильнѣе, чтобы имѣть возможность оборониться отъ ихъ нападенія. Въ стѣнахъ и въ окрестности города Москвы поймали въ бѣлый день нѣсколько черно-красныхъ лисицъ, и въ числѣ ихъ одну дорогую, стоившую 300 талеровъ. Видна была и комета въ воздухѣ, очень яркая и свѣтлая, *in ipso firmamento, super omnes planetas, in igneo coelesti signo Sagittario*: это, безъ сомнѣнія, означало бѣдственную гибель многихъ Великихъ Князей, опустошеніе и разореніе земель, городовъ и деревень, и великое невыразимое кровопролитіе, что вскорѣ и послѣдовало. По тому что, въ томъ же году, монахъ, ушедшій съ Гришкою изъ Россіи въ Литву, убѣдилъ потомъ и уговорилъ въ широкой стѣнѣ 6000 Козаковъ, что родной сынъ Ивана Васильевича; Димитрій, еще въ живыхъ и въ большомъ почетѣ въ Польшѣ, что Богъ чудеснымъ образомъ спасъ его отъ козней Бориса Годунова, чтобы этотъ ни какъ не могъ сдѣлать ему вреда; онъ такъ повелъ свей дѣла, что Польскій Король и другіе большіе господа вступились за него больше изъ сожалѣнія, считая его дѣло правымъ, и дали ему около тысячи челоуѣкъ конныхъ и пѣшихъ, для изгнанія

в погубленія Великаго Князя Бориса и овладѣнія его отцовскимъ наслѣдіемъ. Козаки пусть приготовятся, пойдутъ теперь съ нимъ и подадутъ ему хорошую помощь, а онъ милостиво одаритъ ихъ не только деньгами и платьемъ, но также и ленами и наслѣдственными помѣстьями. Это былъ лакомый кусочекъ для Козаковъ, за который не взяли бы они и жаренаго павлина безъ удовольствія пограбить, и охотно бы побили Бориса за то, что онъ наказаль нѣкоторыхъ изъ ихъ братьевъ за большія своевольства и жестокости.

Они тотчасъ же поклялись монаху, вмѣсто Димитрія, присягнули ему и писали, чтобъ онъ не мѣшкалъ долго, а примкнуть бы къ нимъ на границѣ съ своими людьми, тогда они съ усердіемъ примутся за дѣло и попытаются счастья съ Борисомъ. Димитрій тотчасъ же выступилъ, на границѣ они соединились, и теперь у него было до 8000 войска, за тѣмъ двинулись къ городу Чернигову; Козаки уговорили Намѣстника, Ивана Тахмакова, бывшаго тайнымъ врагомъ Бориса, чтобы онъ сдалъ городъ Димитрію и поклялся ему въ постоянной вѣрности и преданности. Въ этомъ городѣ Димитрій сейчасъ же поставилъ Цольскихъ начальниковъ, скоро ушелъ оттуда и взялъ еще другіе пять городовъ, не обнажая меча. Послѣ того пошелъ онъ въ Путивль; этотъ городъ занимали Волжскіе Козаки, которыхъ, съ ихъ начальникомъ, Михайломъ Михайловичемъ Солтыковымъ, уговорилъ онъ сдаться жалобными словами, что Борисъ гонитъ и преслѣдуетъ его, законнаго наслѣдника земли.

Борисъ Годуновъ пришелъ въ ужасъ, услыхавъ эту вѣсть и молву о воскресшемъ Димитріѣ на границахъ, и о томъ, что онъ завоевалъ и занялъ столько городовъ, безъ всякаго сопротивленія и не обнажая меча. Борисъ дивился, жаловался на невѣрность и предательство большихъ Бояръ, поскорѣ собралъ всѣхъ ратныхъ людей въ Москву, въ день Симона и Иуды, и послалъ до 209 тысячъ человекъ на непріятеля, съ полководцемъ Федоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ. Этотъ далъ первое сраженіе, 21-го Декабря, 1604 года, подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. На выручку этого города Великій Князь послалъ храбраго воина, по имени Петра Федоровича Басманова (Bosmanno). Вошедши въ городъ, былъ онъ жестоко осаждаемъ Димитріемъ и сильно стрѣлялъ въ

него изъ своихъ пушекъ, пока не подошелъ Генералъ Князь Мстиславскій и принудилъ Дмитрія отступить отъ города. За неимѣніемъ другаго средства, Дмитрій напалъ, какъ отчаянный, на Москвитянь и причинилъ великій уронъ въ людяхъ, такъ что самъ вождь получилъ отъ того 15 ранъ. 2000 Москвитянь осталось на мѣстѣ; безъ сомнѣнія, они потерпѣли бы большее пораженіе, если бы одинъ Шведскій Капитанъ, по имени Лоренцъ Бьюгге (Biugge), съ 600-ми иностранцевъ, не показалъ своей храбрости и не пришелъ на подмогу Намѣстнику въ городѣ, Басманову: онъ зажегъ станъ Дмитрія, который по тому и долженъ былъ оставить Русскихъ для защиты онаго. Но какъ Басмановъ былъ не довольно силенъ войскомъ и Рускіе, кромѣ только иностранцевъ, съ своей стороны не хотѣли предпринимать ничего особеннаго, по тому что вождь ихъ былъ раненъ и полумертвый унесенъ съ поля, то и Шведъ воротился опять въ городъ, а Москвитяне отступили на миль оттуда, расположились тамъ станомъ и стояли спокойно 14 дней, до выздоровленія вождя.

Межъ тѣмъ Великій Князь Борисъ послалъ въ станъ одного большаго Боярина, Василія Михайловича Мосальскаго, съ 80-ю тысячами талеровъ въ подарокъ войску, чтобы оно было вѣрно: но Бояринъ не нашелъ туда дороги, а зашелъ съ деньгами въ станъ Дмитрія, гдѣ принять былъ съ большимъ уваженіемъ. съ крестомъ и знаменами, съ игрою на трубахъ и барабаннымъ боемъ. и остался Маршалкомъ у Лжедмитрія. Деньги, принесенныя имъ, Дмитрій роздалъ своимъ Козакамъ и ничего не далъ Полякамъ, отъ чего этѣ хотѣли выйти изъ службы, не желая продолжать ее безъ денегъ, по чему оба Воеводы, Сандомирскій и Кіевскій, бывшіе съ Дмитріемъ, должны были ѣхать въ Польшу доставать денегъ и набирать людей, и взяли съ собой 2000 Поляковъ. Отъ этого-то перекрещенецъ Гришка и отступилъ на нѣсколько миль къ другимъ городамъ, захваченнымъ прежде, а Москвитяне по немногу все подвигались за нимъ, пока не были въ 3-хъ миляхъ отъ города Добрыничъ, и не зная, въ какомъ числѣ онъ и въ какомъ положеніи его станъ, они не смѣли двигаться дальше, а расположились въ большомъ лѣсу. Но какъ въ этомъ мѣстѣ можно было найти много хлѣба, овса и корма, скота, овецъ и продовольствія, то 7000 ихъ, изъ простаго народа, и вышли поворовать и

пограбить. отошедши отъ стана съ милоу, они повстрѣчали роту Поляковъ, которые приняли ихъ очень храбро: четыре тысячи Москвитянъ остались на мѣстѣ, а уцѣлѣвшіе въ большомъ страхѣ прибѣжали въ станъ и привели войско въ ужасъ и отчаяніе, такъ что на другой день оно огородило себя высокимъ тыномъ и рогатками. На третій день пособрались съ духомъ, выбрали 12-ть тысячъ самыхъ лучшихъ и храбрыхъ воиновъ и послали ихъ для развѣданія о намѣреніяхъ непріятели и мѣстѣ его стана. Когда они открыли его, а онъ тоже замѣтилъ Русскихъ, встрѣтилъ ихъ смѣло и началъ бой съ ними. Но такъ какъ приближалась ночь, они разошлись по своимъ станамъ. Поляки убили въ схваткѣ 200 Русскихъ и взяли сотню плѣнныхъ, Русскіе же захватили одного плѣнника, пошли съ нимъ въ станъ, были довольны и веселы, прыгали и плясали, точно получили великую славу и одержали значительную побѣду, захвативъ одного бѣднаго воина.

Пришедши съ плѣнникомъ въ станъ, они повели его для допроса къ Полковнику, но плѣнный былъ пьянъ, просилъ у нихъ вина и пива, обѣщая тогда сообщить кое какія свѣдѣнія, а иначе не скажетъ. Начальникъ разсердился на это и велѣлъ его пытать и мучить до того, что тотъ умеръ. Не имѣя теперь возможности получить отъ него какія ни будь свѣдѣнія, они раздѣли его до нага и повѣсили посреди стана на одной большой соснѣ.

Начальники были очень озабочены, не знали, что имъ дѣлать, ити ли впередъ, или отступать, по тому что ничего вѣрнаго не узнали отъ плѣннаго.

Но наконецъ, послѣ долгаго совѣщанія, они ободрились, строго приказали войску вооружиться храбростью для сраженія на другой день съ непріятеlemъ, и рано утромъ вышли со всѣми силами изъ лѣсу въ открытое поле, въ числѣ 200 тысячъ человекъ. Гришка или Димитрій не мѣшкалъ долго, пошелъ къ нимъ съ своими людьми на встрѣчу, быстро напалъ и обратилъ ихъ въ бѣгство; но иностранцы, также бывшіе въ полѣ, съ свѣжимъ мужествомъ сдѣлали нападеніе на людей Димитрія, поставленныхъ при пушкахъ, перебили ихъ и взяли орудія. Когда Русскіе увидали это, то, не имѣя уже возможности воротиться въ свой станъ и укрыться тамъ, присоединились къ иностранцамъ, вмѣстѣ съ ними опять напали на непріятели, били и гнали его на разстоя-

ніи трѣхъ миль съ такимъ раздраженіемъ и злобой, что не многіе изъ Поляковъ ушли не раненые. Верховая лошадь Димитрія тоже была ранена въ бедро и едва смогла унести его оттуда. Тогда и самъ онъ могъ бы быть убитымъ, или попасть въ плѣнъ, если бы Русскіе оставались вѣрными Великому Князю и сами не помѣшали тому, по тому что вожди посылали къ нимъ гонца за гонцомъ, чтобы они отстали и вернулись назадъ, что довольно пролито невинной крови и главный молодчикъ уже въ рукахъ у нихъ. Такимъ образомъ Русскіе должны были прекратить нападеніе и вернуться опять въ станъ; это сраженіе было при мѣстечкѣ Добрыничяхъ 20 Января, 1605 года. Гришка потерялъ тамъ 8000 человекъ, свои военные литавры и пушки, а Великій Князь 500 человекъ Русскихъ и 25 иностранцевъ.

Послѣ того, какъ войско Великаго Князя одержало эту побѣду, Петръ Басмановъ, Намѣстникъ Новгорода Сѣверскаго, пошелъ въ Москву и донесъ Великому Князю, что его Русскіе одержали побѣду, разбили и прогнали Лжедимитрія.

Въ награду за добрыя вѣсти и за его храбрый и богатырскій образъ дѣйствій, Великій Князь подарилъ ему большую чашу изъ чистаго золота, наполненную Угорскими червонцами, много серебряной посуды и бокаловъ, и сдѣлалъ его большимъ Бояриномъ въ странѣ и самымъ вѣрнымъ своимъ совѣтникомъ.

Послѣ того за храбрость, оказанную иностранцами, Великій Князь прислалъ имъ денегъ, разнаго продовольствія и золотыхъ денегъ, въ ознаменованіе и память ихъ вѣрной службы подъ Добрыничями, усердно просилъ ихъ служить и впередъ также вѣрно, какъ прежде, каждому изъ нихъ хотѣлъ прибавить жалованья, подарить помѣстья, отдать имъ даже рубашку, если у него ничего не останется, кромѣ ея.

Потерѣвъ пораженіе подъ Добрыничями, Гришка съ небольшимъ войскомъ пошелъ въ большомъ горѣ и уныніи въ Путывль, и писалъ опять въ Польшу о пособіи и выручкѣ. Великій Князь приказывалъ своимъ вождямъ, чтобы они истребили непріятеля, или выгнали его изъ страны и возвратили всѣ города, подпавшіе его власти. Вожди и двинулись съ войскомъ къ городу Рыльску:

но какъ у Русскихъ не было ни какого усердія, то они и отступили отъ города, не сдѣлавъ ничего.

Между ними было несогласіе и великая измѣна: одинъ хотѣлъ того, другой другого, тому хотѣлось ити вправо, другому влево, ни кому не было охоты сражаться, по тому что имъ очень бы любо было новое Правительство. Великій Князь Борисъ такъ былъ раздраженъ и гнѣвенъ на это, что послалъ строгое приказаніе въ станъ, чтобы никто, подѣ смертною казнію, не думалъ ити домой, пока не выгонять непріятеля и не приведутъ опять во власть Бориса всѣхъ городовъ. Все войско теперь двинулось къ деревянному городу Кромамъ, въ которомъ начальникомъ былъ Корела (Cogela), большой волшебникъ, съ 600 Донскихъ Козаковъ, и принесъ своими чарами много пользы Лжедмитрію.

Русскіе мѣсяца два стояли подѣ этѣмъ городомъ, каждый день имѣли жестокія схватки и причиняли другъ другу много вреда, такъ что не проходило ни одного дня безѣ кровопролитія; иностранцы работали усердно, подожгли городъ, хотѣли взять его приступомъ, но вожди остановили это. Они удержали иностранцевъ, говоря, что было приказаніе Великаго Князя тѣснить голодомъ этотъ городъ, а не брать приступомъ и не проливать невинной крови.

Межѣ тѣмъ какъ дѣла шли такимъ образомъ, Великій Князь отправилъ пословъ къ Римскому Императору и Датскому Королю: онъ сильно жаловался имъ на провоки Поляковъ съ ихъ Лжедмитріемъ, и на невѣрность своихъ подданныхъ, дружески прося при этомъ прислать ему на выручку иноземнаго войска, о чемъ уже гласно толковали въ станѣ.

Когда посланники были за границей и ни какого иноземнаго войска нельзя было ожидать, Козаки въ городѣ выкопали кругомъ его глубокій ровъ, высоко насыпали земли изо ровъ, и подѣ этѣмъ валомъ подѣлали множество большихъ дыръ, въ которыя бы имъ можно было входить и выходить, когда угодно, и ни какое оружіе не могло вредить имъ, по тому что всѣ они жили въ землѣ. Отъ большой траншеи къ Московскимъ укрѣпленіямъ они сдѣлали еще малую, чтобы Москвитяне не осмѣльва-

лись сдѣлать на нихъ нападенія, такъ какъ Козаки выползали изъ своихъ норъ и защищались храбро. Если бы Русскіе овладѣли траншеей, они поспѣшно ушли бы въ свои норы и ждали пріхода ихъ, но этѣ оставались передъ траншеей, даромъ изстрѣляли безчисленное множество пороха и свинца и ничего не выиграли. По тому что невѣрности, притворства, несогласія и предательства было что дальше, то больше между Русскими, и въ бѣлый Божій день прошла чрезъ Московскій станъ тысяча вооруженныхъ Козаковъ въ городъ, посланныхъ Гришкою на выручку къ Путивльскимъ Козакамъ, съ развернутыми знаменами и нѣсколькими сотнями телѣгъ съ продовольствіемъ, порохомъ и свинцомъ.

Вожди дали знать Великому Князю въ Москву объ этой великой невѣрности и измѣнѣ, что они находятся въ большой опасности, силы ихъ съ каждымъ днемъ убываютъ, а у Лжедмитрія увеличиваются военными измѣнниками которые перебѣгаютъ къ нему. Городомъ овладѣть невозможно, по тому что онъ снова снабженъ свѣжими войскомъ, продовольствіемъ и военными снарядами.

Это привело Бориса въ ужасъ, уныніе и отчаяніе: 13-го Апрѣля, 1605 года, съ раняго утра до полуденъ свѣжій и здоровый, въ сумерки онъ скоростижно умеръ и на другой день былъ похороненъ въ Кремлѣ, возлѣ другихъ Великихъ Князей, съ большимъ рыданіемъ и плачемъ всѣхъ его друзей, послѣ достойнаго 8-ми лѣтняго царствованія, съ пользою для простаго народа и ко благу всей страны. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ въ такомъ сомнѣніи и неудовольствіи самъ принялъ ядъ, или отравленъ былъ другими.

По смерти Великаго Князя Бориса, Москвитяне клялись и присягнули его сыну, Федору Борисовичу, послали выше названнаго; храбраго думнаго Боярина, Петра Басманова, въ станъ подъ Кромь къ войску, чтобы оно присягнуло молодому Великому Князю, и убѣждали его быть вѣрнымъ и покорнымъ новому Государю. Но какъ старый полководецъ, Мстиславскій, былъ отозванъ въ Москву, для управленія Государствомъ, вмѣстѣ съ новозбраннымъ Великимъ Княземъ, то, вмѣсто его, остался Басмановъ. Это стало очень досадно другимъ вождямъ: между ними вышло несогласіе изъ за главнаго начальства, именно изъ того, что одинъ хо-

тѣмъ сражаться, другой хотѣлъ домой, а тѣмъ самымъ одинъ надѣялся тутъ, другой тамъ, добиться главнаго начальства, богатства, даже верховной власти, какъ обыкновенно случается въ такихъ неожиданныхъ случаяхъ; отъ того между простыми воинами произошло большое безпокойство и возмущеніе: они раздѣлились и составили двѣ толпы.

Преданные Годуновымъ и молодому Принцу клялись, присягнули ему и расположились съ одной стороны крѣпости при артиллеріи; другіе, не хотѣвшіе присягать, собрались на другой сторонѣ, ночью послали къ Козакамъ въ крѣпость, уговаривали ихъ держаться стойко, пошли къ нимъ на помощь съ порохомъ и свинцомъ, и вмѣстѣ назначили время, когда Козакамъ нападать изъ крѣпости на Годуновское войско, въ рукахъ котораго была артиллерія, а сами хотѣли сдѣлать на него нападеніе съ другой стороны. Такъ это и сдѣлалось, и измѣнники, вмѣстѣ съ Козаками, были въ числѣ 150 тысячъ; они провозгласили Дмитрія и напали на Годуновскихъ, провозгласившихъ Θεодора, выбили ихъ изъ стана, отгѣснили отъ артиллеріи, нѣкоторыхъ убили, другихъ ранили и взяли въ плѣнъ; между послѣдними были двое знатныхъ вождей, Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Михаилъ Глѣбовичъ Солтыковъ; тѣ же, которые не хотѣли сдаваться, побѣжали и побѣжали въ Москву и извѣстили молодаго Принца о случившемся въ станѣ. Въ Москвѣ перепугались и снова вооружились, однако жъ не вышли въ поле, и наконецъ все передались Лжедмитрію, какъ и скажемъ послѣ.

Когда могущество Гришки или Лжедмитрія выше сказаннымъ образомъ такъ замѣтно увеличилось, измѣнники послали къ Лжедмитрію, проживавшему въ Путивлѣ, одного знатнаго Боярина и вождя, по имени Ивана Голицына: просили у него прощенья, извинялись, что не были лучше вразумлены, что Борисъ соблазнилъ ихъ, хотѣли ему, своему наследственному Государю, оказывать всякую подданическую преданность, любовь и покорность, желали, чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ, и тогда они пожертвуютъ для него всемъ своимъ животомъ и имѣніемъ и помогутъ возвратить отцовское Царство.

Получивъ эту пріятную вѣсть, Лжедмитрій не долго медлилъ, собрался съ своимъ войскомъ, пошелъ сперва подъ Кромы къ Ко-

сакамъ, потомъ дальше къ городу Орлу (Agor), гдѣ были измѣнники и ждали съ радостью его прихода, а послѣ того еще дальше въ страну, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія.

Онъ былъ въ полной радости, въ отличномъ расположеніи духа и никого не боялся: куда ни приходилъ, все дѣлалось по его волѣ; въ крѣпости Тулѣ, въ тридцати миляхъ отъ Москвы, провель онъ нѣсколько дней, развѣдывалъ о намѣреніяхъ молодаго Принца и Годуновыхъ, и писалъ къ простому народу въ Москвѣ, извѣщая ихъ, чтобы они одумались заблаговременно, что онъ, законный наследственный Государь страны, живъ еще и желаетъ, чтобы они его приняли и оказывали ему ту же преданность и покорность, какъ и отцу его, Ивану Васильевичу, смирили и искоренили его злѣйшихъ враговъ, Годуновыхъ, которые, безъ всякаго права, силою проложили себѣ путь на царство, и устранили отъ царства его, невинное дѣтя, законнаго наследника страны, старались умертвить его, чего, однако жъ, милостиво не попустилъ Всемогущій Богъ, по своему божественному промыслу. Тогда и онъ, Димитрій, окажетъ имъ всякую благосклонность и милость, и придетъ къ нимъ не какъ суровый воинъ, но какъ милосердый и сострадательный отецъ къ своимъ милымъ дѣтямъ. Если же не сдѣлаютъ того, въ скоромъ времени они испытаютъ что ни будь другое, которое будетъ для нихъ чувствительно, онъ погубитъ и разоритъ ихъ мечемъ и огнемъ, не пощадитъ и дѣтей въ колыбели.

Но Годуновы имѣли бдительный надзоръ, велѣли схватить и посадить въ темницы гонцовъ, отобрали у нихъ письма, замучили ихъ, чтобы простой народъ не имѣлъ ни какихъ вѣстей о Димитріѣ. Это очень удивляло его: онъ послалъ наконецъ одного знатнаго Дворянина къ Москвитянамъ, который прибылъ сначала въ большую деревню, Красное Село (Crasna Cella), въ полчетверти мили отъ Москвы, гдѣ жили богатые и первостатейные купцы и ремесленники, и растолковалъ имъ, что законный наследникъ страны живъ, и сколько ни посылалъ онъ гонцовъ въ Москву съ письмами, ни одинъ не возвратился, но не извѣстно, простояли ли народъ виной тому, или это тайное дѣло Годуновыхъ.

По тому онъ и отправилъ, въ прибавокъ къ прежнимъ, еще его, чтобы замѣтить и разузнать расположеніе къ нему простаго

народа, и если ему не дадутъ добраго отвѣта, колыбельныя дѣти поплатятся за это; а если получить добрую и желанную вѣсть Димитрій, онъ приметъ ихъ всѣхъ въ свою милость и никогда не подумаетъ дѣлать имъ какое ни будь зло.

Жители Краснаго Села приняли этого гонца съ большимъ благоговѣніемъ и честію, великой толпой пошли съ нимъ въ городъ на площадь, окружили его тамъ и созвали Московскую чернь. Посолъ прочиталъ имъ письмо Димитрія, передалъ имъ приказанія его и всѣ подробности. Простолюдины стали между собою совѣтоваться, пошли къ Князю Василю Ивановичу Шуйскому, просили его не скрывать отъ нихъ правды, подлинно ли онъ велѣлъ похоронить молодаго Димитрія, роднаго сына Ивана Васильевича, убитаго въ Угличѣ. Тогда тотъ отвѣчалъ имъ и далъ знать, что Димитрій избѣжалъ козней Бориса Годунова, а вмѣсто его убитъ и похороненъ по Княжески сынъ одного Священника. Теперь же истинный Димитрій находится съ своимъ войскомъ въ Тулѣ.

Услыхавъ это, народъ сказалъ, что если вся земля, Князья и Дворяне съ войскомъ пристали къ Димитрію и Василю Шуйскій такъ засвѣдѣтельствовалъ о немъ, то онъ долженъ быть настоящей наслѣдникъ страны; если же онъ со всѣмъ своимъ войскомъ уже въ походѣ, то имъ надо подумать, что дѣлать, а въ городѣ совсѣмъ нѣтъ войска. Одни Годуновы, захватившіе силой правленіе, не защитятъ и не уберегутъ ихъ, и простому народу будетъ отъ того гибель. Пора уже со всѣмъ смиреніемъ просить и умолять Димитрія о помилованіи и снять головы съ кровожадныхъ обманщиковъ, Годуновыхъ, выгнавшихъ молодаго законнаго Государя въ его дѣтствѣ.

Межъ тѣмъ какъ чернь такимъ образомъ совѣщалась между собою, пришла изъ Кремля толпа стрѣльцовъ съ нѣсколькими Дворянами, все еще преданными Годуновымъ, и хотѣли было взять силой подателя письма. Но простой народъ не позволилъ того, хотѣлъ знать, гдѣ прежніе посланники Димитрія, стали перебраниваться, кричать, громко желали благополучія и здоровья подходящему Димитрію, говоря: «Далъ бы Богъ, чтобы истинное солнце просіяло въ Россіи: до сихъ поръ мы и при свѣтѣ сидѣли во тьмѣ, а теперь всходитъ наша утренняя звѣзда,» хвалили и величали Ди-

митрія, смѣялись надъ Годуновыми, злословили ихъ, называли блудными дѣтьми, мошенниками и измѣнниками; нѣсколько тысячъ народа съ великимъ буйствомъ и крикомъ вбѣжали въ Кремль, поносили и проклинали умершаго Бориса и всѣхъ его друзей и семейство. Хуже и наглѣе того они ничего не могли сдѣлать, — и въ такомъ множествѣ тысячъ людей не нашлось ни одного, который бы хоть не много вспомнилъ, сколько добра сдѣлано было Борисомъ странѣ, какъ правилъ онъ ею, благодаря своему высокому уму, умножилъ ее зданіями, кормилъ ее въ дороговизну и установилъ миръ и согласіе съ сосѣдственными Королями и Государями. Теперь все это забыто и презрѣно, какъ будто онъ не сдѣлалъ ни чего хорошаго. Они захватили его сына, новоизбраннаго Великаго Князя, которому не за долго прежде клялись и присягали, вмѣстѣ съ сестрою его и матерью, и стерегли ихъ подъ крѣпкой стражей, до дальнѣйшихъ приказаній Димитрія. Они захватили всѣхъ Годуновыхъ и друзей ихъ, разграбили ихъ дворы, раздѣли ихъ до нага и съ женами и дѣтьми отвезли на навозныхъ телегахъ въ темницы другихъ городовъ, за нѣсколько миль отъ Москвы; нѣкоторые изъ нихъ умерли жалкою смертію въ дорогѣ, другіе въ заключеніи отъ голода, или были убиты, такъ что ни кого не осталось въ ихъ родѣ.

Послѣ такого дѣла, Москвитяне писали изъ города Димитрію, просили у него прощенія и помилованія, хотѣли отдаться ему добровольно, только бы приходилъ къ нимъ скорѣе; они будутъ вѣрны, покорны, и послушны ему во всемъ; они истребили всѣхъ его недруговъ, кромѣ юнаго Федора, матери его и сестры, которые живы и хорошо охраняются, чтобы онъ не боялся ихъ, они въ его власти и когда потребуетъ, тотчасъ же будутъ у него въ рукахъ.

Отсюда видно, что съ Борисомъ и его родомъ сбылось точно такъ же, какъ прежде самъ онъ поступилъ съ семействомъ умершаго Великаго Князя, по тому что Богъ не оставляетъ ни какаго зла безъ наказанія, и тогда на дѣлѣ исполняются поговорки древнихъ, получившія свое начало изъ опыта. На примѣръ, Юлія Поллукса: «*Paxilli paxillos excutiunt.*» Лукіяна: «*Clavus clavo pellitur; improbitas improbitate vincitur; Scelus in scelere, malum in malo supplicium est.*» Радамантъ тоже говоритъ справедливо: «*Si*

quis quae facit, patitur, justissima poena est.» Также и Гезіодъ: «Qualia vir patrat, talis manet exitus illum.»

Теперь когда, этотъ разстриженный монахъ, Гришка привелъ подъ свою власть всѣ города и крѣпости, вся страна повиновалась ему, противника ему не было ни кого, только молодой Принцъ Ѳедоръ общалъ мудраго и разсудительнаго Государя; Гришка опасался его и думалъ, что если онъ останется въ живыхъ, то ему не легко будетъ выполнить свои предательскіе замыслы, которые были у него на умѣ, что онъ будетъ помѣхою и безпокойствомъ для него на царствѣ, либо совсѣмъ сгонитъ его съ онаго.

Для того онъ уговорился съ однимъ писцомъ, Иваномъ Богдановымъ, чтобы этотъ пошелъ въ Москву, тайно убилъ молодаго Принца и мать его, и разсказалъ въ народѣ, что они умертвили себя ядомъ, а дочку бы тщательно сохранилъ до прихода его въ Москву. Писецъ сдѣлалъ это со всѣмъ усердіемъ, и вѣрно исполнилъ приказъ своего Государя: только что пришелъ онъ въ Москву, сейчасъ велѣлъ предательски удавить мать и сына въ ихъ комнатѣ, и потомъ разгласить въ народѣ, что они сами умертвили себя ядомъ, чего они совсѣмъ не дѣлали, а кончили жизнь такъ, какъ кончаютъ и тѣ, которымъ хотѣлось бы еще пожить: это достаточно показываютъ знаки веревки, которою удавили ихъ. Я и многія сотни людей видѣли этѣ знаки своими глазами.

Когда это было исполнено, Богдановъ велѣлъ вырыть изъ земли гробъ Великаго Князя, Бориса Годунова, лежавшаго столько недѣль между другими Великими Князьями, и велѣлъ похоронить его, съ сыномъ и матерью, Маріею Валутиной (Малютиной), каждаго въ особенномъ гробѣ, за городомъ, на заустѣломъ кладбищѣ, безъ пѣнія, звона и всякихъ обрядовъ. По смерти отца, Ѳедоръ Борисовичъ царствовалъ только два мѣсяца; его только выбрали въ Великіе Князья и присягнули ему, но не вѣнчали на царство. Это было въ томъ же 1605 году, 10-го Іюня.

16-го Іюня Димитрій или Гришка двинулся со всѣмъ войскомъ къ Москвѣ, расположился на большомъ лугу, въ малой милѣ отъ города, и хотѣлъ тамъ испытать расположеніе къ нему Москвитянъ. Онъ замѣтилъ, что они не только покорны и рабо-

лѣпны ему во всемъ, почтительны и рады его приходу, но даже вышли къ нему изъ города, каждое званіе особо, со множествомъ богатыхъ подарковъ въ золотѣ, деньгахъ, дорогихъ камняхъ, жемчугѣ, алмазахъ и разныхъ вкусныхъ напиткахъ, также и съ хлѣбомъ и солью, какъ водится у Русскихъ и считается у нихъ высшимъ долгомъ и особеннымъ почтеніемъ. Тогда онъ повѣрилъ и имъ сказалъ, что забудетъ все, что ни сдѣлали они противъ него, никогда и не вспомнить того, будетъ не Государемъ и Великимъ Княземъ для нихъ, а отцомъ, и всегда съумѣетъ порадовать о пользѣ своихъ подданныхъ.

Самые главные и знатные Князья и Бояре тоже пришли къ нему и принесли изъ казнохранилищъ богатые и дорогія Великокняжескія платья изъ золотой парчи, бархата и шелка, тканья съ жемчугомъ и драгоценными камнями, и униженно просили его пожаловать въ городъ, взять свое отцовское наследіе, которое чудеснымъ образомъ Богъ помогъ возвратить ему и принять правленіе: все уже устроено и приготовлено; ему нечего подозревать ни какого зла, нѣтъ и причинъ печалиться, а надо радоваться и веселиться: тѣ, которые хотѣли убить его, всѣ уже истреблены теперь и ни кому не могли вредить и причинять зло.

Когда все было приготовлено для входа въ городъ, онъ назначилъ, кому изъ высшихъ и знатныхъ совѣтниковъ ѣхать по правую и лѣвую сторону возлѣ себя, впереди и назадъ, всего до 60 человекъ, въ великолѣпной одеждѣ и збруѣ на лошадахъ; а свою одноколку отправилъ съ Русскими впередъ съ барабанами и литаврами, для осмотра и развѣданія, все ли въ порядкѣ и нѣтъ ли какой тайной измѣны. Гонцы должны были ѣздить безпрестанно одинъ за другимъ.

Передъ самымъ Лжедимитріемъ ѣхало нѣсколько ротъ Польскихъ всадниковъ въ полномъ вооруженіи, по 20 человекъ въ рядъ, съ флейтами и барабанами, за нимъ и думными Боярами слѣдовали тоже нѣсколько ротъ Польскихъ всадниковъ въ такомъ же вооруженіи и порядкѣ, какъ и прежніе. За тѣмъ ѣхали иностранцы, Козаки и стрѣльцы, другъ за другомъ, въ томъ же порядкѣ, пока толпа эта не окончилась и не послѣдовало вступленіе въ городъ.

Въ Кремлѣ и въ городѣ звонили во всѣ колокола, большіе и малые: свѣтлы были радость и веселье, необыкновенны великолѣпіе и пытность. Большія широкія улицы, даже кровли на церквахъ и на домахъ, до того были полны народа, что издали казался онъ не лучше нѣсколькихъ роевъ пчелъ: такъ безчисленны были зрители. По всѣмъ улицамъ, гдѣ проходилъ Лжедмитрій, Москвитяне припадали лицами къ землѣ и громко кричали: «Дай, Боже, счастья, здоровья и долгоденствія этому Великому Князю всея Россіи! Богъ, такъ чудесно сохранившій и спасшій тебя въ этомъ свѣтѣ, и впередъ защититъ и управитъ тебя на всѣхъ твоихъ стезяхъ и путяхъ! Ты настоящее солнце, свѣтозарная утренняя звѣздочка, проглянувшая на Руси.» — «Дай Боже, отвѣчалъ Лжедмитрій, здоровья вамъ, имейте вѣрными подданными: встаньте и молитесь за меня Богу!»

Когда онъ въѣхалъ на висячій мостъ, положенный на бочкахъ черезъ рѣку Москву, и выѣзжалъ рѣчными воротами на площадь, поднялся такой сильный вихоръ, что въ одну минуту ронялъ и коня и всадника; онъ погналъ на народъ такую пыль и песокъ, что нельзя было открыть глазъ; Русскіе пришли въ ужасъ, крестились по своему обычаю и говорили: «Сохрани насъ, Боже, отъ всякаго зла! Этотъ входъ предвѣщаетъ какое ни будь несчастье.»

Когда входъ кончился, Гришка находился въ Дворцѣ и ушелъ въ свою комнату, знатнѣйшіе Князья и Бояре страны вышли изъ Кремля на площадь: изъ нихъ Богданъ Бѣльскій выступилъ впередъ, уговаривалъ народъ благодарить Бога за этого Государя, и говорилъ, чтобы они были ему вѣрны и любили его, онъ родной и законный сынъ Ивана Васильевича; потомъ вынулъ изъ запазухи крестъ съ образомъ Св. Николая, поцѣловалъ его и побожился, что онъ истинный Дмитрій, и что Св. Николай до этого дня хранилъ его на своей груди, а теперь возвратилъ его имъ, чтобы они старались почитать и любить его и служить ему со всею преданностью. Вся чернь отвѣчала три раза: «Сохрани, Боже, нашего Великаго Князя! Дай, Боже, ему здоровья и долгоденствія, накажи всѣхъ его враговъ, и такихъ, которые не вѣрны и не расположены къ нему!»

Спустя 14 дней послѣ этого въѣзда, въ церкви Дѣвы Маріи, 29-го Іюля, былъ онъ вѣнчанъ Патріархомъ на Царство со всѣми обыкновенными обрядами.

Принявъ вѣнецъ по единодушному совѣту всѣхъ, онъ показавъ свое первое мужество и доблесть на дочери бывшаго Великаго Князя, Бориса Годунова, Аксиньѣ: велѣлъ ее привести къ себѣ, блудничалъ съ нею нѣсколько дней и, вдоволь натѣшившись ею, приказалъ остричь у ней волосы и прогнать ее въ монастырь, гдѣ она и должна была оставаться до смерти.

Послѣ этого поступка онъ послалъ за своею матерью, проживавшей въ одномъ монастырѣ, за 100 миль отъ Москвы, куда посадилъ ее покойный Великій Князь, Борисъ. Когда она находилась уже въ двухъ миляхъ отъ города, онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ нѣсколькими тысячами человѣкъ знатныхъ Бояръ, Совѣтниковъ и Дворянъ, и принялъ ее съ большимъ смиреніемъ и уваженіемъ. Не доѣзжая четверти мили отъ города, онъ съ знатнѣйшими Боярами сошелъ съ коня, принялъ ее со всею кротостію, и провожая городомъ пѣшкомъ съ непокрытою головою, чтобы зрители это видѣли и не подумали ничего другого, кромѣ того, что онъ безъ всякаго обмана и хитрости, подлинно и явно былъ ея законный сынъ отъ Великаго Князя Ивана Васильевича. Мать, зная кое-что не со всѣмъ такъ въ этомъ дѣлѣ, притворялась веселою и довольною, что опять нашла своего роднаго сына, хоть сердце ея было и далеко отъ него, по тому что, благодаря этому ложному сыну, принятому ею, она опять получала Царское величіе и власть. Это явленіе вызвало слезы у зрителей: «Какъ чудесно, говорили они, Богъ поступаетъ съ людьми на этомъ свѣтѣ! Разлучаетъ дѣтей съ родителями, и опять соединяетъ ихъ, какъ очевидно это случилось теперь.»

Онъ привелъ ее въ монастырь въ Кремлѣ, выстроенный имъ заново, съ прекрасными деревянными комнатами и дворцами. Тамъ навѣщалъ ее каждый день и дѣлалъ для нея Царскій обѣдъ, чтобы нельзя было замѣтить между ними ни какой разницы въ кушаньяхъ и напиткахъ, чрезвычайно любилъ и уважалъ ее, такъ что тысяча человѣкъ побѣжились бы, что онъ ея истинный родной сынъ.

Ежедневно ходилъ онъ къ своимъ Совѣтникамъ въ комнату Совѣта и разсуждалъ съ ними о Государственныхъ дѣлахъ; когда Совѣтники оказывались медленны и ненаходчивы въ своихъ рѣ-

шеніямъ, также и недовольно дѣлали дѣла, онъ говорилъ имъ шуточно и смѣясь: «Милостивые Государи! Столько дней и часовъ вы совѣщаетесь объ этомъ дѣлѣ, и все еще не нашли, что нужно: это вотъ какъ должно быть,» и очень скоро могъ находить лучшее средство, чему они очень дивились. Онъ часто укорялъ ихъ въ грубости и неразуміи и въ томъ, что они неспособные и ничего не выдавшіе люди; хотѣлъ разрѣшить ихъ дѣтямъ получать воспитаніе въ чужихъ краяхъ, учиться разнымъ языкамъ, добрымъ нравамъ, добродѣтели и честности и упражняться на турнирахъ, въ разныхъ воинскихъ играхъ, чтобы они могли сдѣлаться способными и привычными управлять землею и жителями и служить Королямъ и Государямъ.

За обѣдомъ приказывалъ онъ играть и показывать свое искусство музыкантамъ, какъ водится въ другихъ странахъ, у высокихъ лицъ. Онъ отмѣнилъ много обрядовъ, принятыхъ Москвитянами, на примѣръ, креститься, кланяться и нагибаться передъ образомъ, послѣ обѣда обмываться. Это глубоко огорчало Москвитянъ; у нихъ родились разныя дурныя мысли и подозрѣнія на своего новаго Великаго Князя; они повѣсили головы, точно ослы, когда заведутся у нихъ вши въ ухахъ.

Послѣ обѣда онъ не ложился спать, какъ водилось у прежнихъ Великихъ Князей и всѣхъ Русскихъ, а прохаживался въ казначейство, аптеки, лавки серебрянниковъ; смотрѣлъ, что они работали и чѣмъ торговали; часто имѣлъ при себѣ не больше одного, или двоихъ молодыхъ Дворянъ, не рѣдко также отсылалъ отъ себя Камеръ-Юнкеровъ и Боярскихъ Дѣтей, и они иногда не знали, куда онъ дѣвался, должны были бѣгать и искать его по всѣмъ угламъ во дворцѣ, точно какія гончія собаки, пока не отыщутъ его. Этого никогда не бывало съ прежними Великими Князьями, по тому что, по Москвитянской ихъ величавости и знатности, имъ нельзя было прохаживаться изъ одной комнаты въ другую, развѣ только съ палкой въ рукѣ, да заставивъ водить себя подъ руку знатныхъ Бояръ. При выѣздахъ на богомолье по церквамъ и монастырямъ, онъ не садился въ большую колымагу, или коляску, но приказывалъ подводить себѣ самую горячую лошадь, которая люте всѣхъ была ѣздить, бралъ въ руку поводья и, быстро бросившись въ сѣдло, гналъ ее точно ловкій рыцарь;

а терпѣть не могъ, если конюхи выносили ему стулъ, чтобы ставить на него ногу, когда хотѣлъ ѣхать верхомъ, какъ обыкновенно дѣлали прежніе Великіе Князья. Каждый день онъ находилъ удовольствіе въ прогулкѣ, скачкѣ верхомъ и охотѣ съ соколами и собаками. Онъ велѣлъ вылить порядочное количество мортиръ и полевыхъ пушекъ и отвезти ихъ въ Галичъ и на Татарскую границу. Наконецъ онъ припомнилъ и обѣщаніе, данное имъ въ Польшѣ, что какъ скоро овладѣетъ Царствомъ, возложить на себя Великокняжескій вѣнецъ и будетъ имѣть всю власть въ рукахъ, то до послѣднихъ силъ станетъ покровительствовать Папистской Вѣрѣ и распространять ее, да и возьметъ замужъ Марію Горгону (Юрьевну?), дочь Воеводы Самодмирскаго; для того вскорѣ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы пріѣхавшимъ съ нимъ Езуитамъ отведенъ былъ большой дворъ въ городѣ Москвѣ, гдѣ бы они могли отправлять свое богослуженіе.

Для лучшаго успѣха и распространенія Римской Вѣры, Папскій Легатъ, Антоній Лонгинъ (Antonius Longinus), проживавшій при Дворѣ Польскаго Короля, прислалъ въ Москву своего племянника, съ четырьмя другими Езуитами, для умноженія шайки, по тому что Езуитамъ было очень по сердцу найти себѣ такого добраго и благосклоннаго покровителя и доброхота, который любилъ Папскую Вѣру, усердно старался дѣлать все угодное Римскому Папѣ и предписанное Католическою Церковью, слѣдовательно, хлопоталъ о распространеніи и уселеніи ея ложной Вѣры.

Послѣ того отправилъ онъ въ Польшу также своего Канцлера, Аванасія Власьева (Flassi), съ большимъ сокровищемъ въ алмазахъ, уборахъ, золотыхъ цѣпочкахъ, браслетахъ, кольцахъ, кубкахъ, жемчугѣ и драгоценныхъ каменьяхъ, цѣною въ двѣ бочки золота, въ подарокъ дочери Воеводы Самодмирскаго, чтобы она и отецъ ея нарядились сколько можно пышнѣе и ѣхали въ Москву. Это глубоко огорчило Москвитянъ и внушило имъ большое недовѣріе; они и то уже по всему замѣчали, что ихъ поднимали на смѣхъ и дурачили, да къ тому же еще позорили и пренебрегали ими, такъ какъ Великому Князю больше понравилась чужеземная дѣвушка, не одной еще Вѣры съ ними, нежели ихъ землячка. Отъ того-то нѣкоторые знатные Бояре, особливо три брата Шуйскихъ (Zuski), начали составлять тайный заговоръ съ знатнѣйшими мо-

нахами и попами, говорили, что онъ совсѣмъ не сынъ Ивана Васильевича, и завели странные происки такъ явно и въ такихъ размѣрахъ, что онъ могъ замѣтить: по тому и не хотѣлъ больше довѣрять своимъ Совѣтникамъ, Боярамъ и Дворянамъ, и назначилъ при себѣ новую стражу изъ иностранцевъ. Онъ поставилъ надъ нею трехъ начальниковъ или Капитановъ: первый былъ Французъ, по имени Яковъ Маржеретъ (Marsaget), другой назывался Матвѣй Кнутценъ (Knutzen), Курляндецъ, третьяго, Шотландца, звали Альбертъ Вандемонъ (Vandemon); у каждаго подъ начальствомъ была сотня тѣлохранителей; всѣ они исправно получали жалованье. Первые носили позолоченные бердыши, съ обитыми краснымъ бархатомъ древками и съ шелковыми и золотыми кистями, и одѣвались въ красное бархатное платье и плащи, отороченные золотымъ позументомъ. У другихъ были сѣкиры, въ видѣ полумѣсяца, и богатыя темнофіолетовыя платья съ красными бархатными прошвами и красными атласными рукавами. У третьихъ также были сѣкиры, но они различались тѣмъ, что платья у нихъ обшиты были зеленымъ бархатомъ, съ зелеными атласными рукавами.

Этѣ тѣлохранители должны были поочередно днемъ и ночью оберегать его особу. Это было очень досадно большимъ Боярамъ страны, и они говорили промежъ собою: «Уже этѣми тѣлохранителями онъ даетъ намъ знать, что у него на умѣ. Онъ ни во что насъ не ставитъ больше. Что же сдѣлаетъ онъ тогда, когда Княгиня придетъ въ страну, съ такимъ множествомъ Поляковъ, Нѣмцевъ и Козаковъ? Намъ достанется тогда!» По тому старшій братъ изъ Князей Шуйскихъ думалъ, *quod sit melius praevenire, quam praeveniri*, и хотѣлъ предупредить это заблаговременно, пока Димитрій не подкрѣпилъ себя множествомъ иноземцевъ и дерево не выросло до такой вышины, что его ни достать, ни срубить нельзя будетъ. Онъ завелъ козни съ нѣкоторыми простыми гражданами, попами и воинами, какъ бы ему спровадить новаго Великаго Князя; но въ то время, какъ они всего больше вели свои козни, это стало извѣстно: нѣкоторые злоумышленники были схвачены и отведены на пытку; они тотчасъ же сознались въ своемъ замыслѣ и что затѣялъ и внушилъ его имъ вышеупомянутый Василій Шуйскій, говоря, что Великій Князь—нарушитель спокойствія, обманщикъ Государства, а не истинный родной сынъ Ивана

Васильевича, и что имъ надо помогать и содѣйствовать предпріятію на погибель его. По тому-то Великій Князь тотчасъ же задержалъ и другихъ военныхъ и велѣлъ не участвовавшимъ воинамъ убить, какою хотятъ смертію, своихъ виновныхъ товарищей, и кто первый наложитъ руку на измѣнниковъ, того онъ не будетъ считать участниковъ въ заговорѣ. Всѣ войны съ великою злобой напали на виновныхъ и скоро заколотили ихъ до смерти палками, въ доказательство своей невинности.

Зачинщика и заводчика этого дѣла, Князя Василія Шуйскаго, Лжедмитрій велѣлъ пытать и славно отдѣлать розгами, послѣ чего онъ былъ преданъ суду и приговоренъ къ смерти: привели его на площадь, прочитали приговоръ за его вину; уже голова его положена, какъ слѣдуетъ, на плаху, и палачъ долженъ былъ сдѣлать ударъ сѣкирой, вдругъ кто-то бѣжитъ во всю прыть изъ Кремля отъ Дмитрія, машетъ рукой, кричитъ, что есть мочи, чтобы палачъ остановился; прибѣжавши, сказалъ, что Царь и Великій Князь всея Россіи даруетъ жизнь этому Шуйскому и милуетъ его, ради высокаго его происхожденія, и для того еще, чтобы онъ исправился и не повторялъ больше такихъ затѣй.

Гришка или Дмитрій полагалъ, что сдѣлалъ довольно, рѣшившись на такую строгость съ Шуйскимъ, чтобы другіе Князья и Бояре страны взяли это себѣ въ урокъ и не думали больше заводить мятежи и крамолы; послѣ того онъ предался безпечности и нѣгѣ, въ томъ мнѣніи, что больше нечего бояться ни какихъ опасностей.

Князья и Бояре нѣсколько времени вели себя смирно и сдержанно, были благоговѣйны и почтительны, какъ будто не имѣли на сердцѣ ничего злаго, чтобы Царь былъ еще безпечнѣе и ничего не боялся. Они ѣздили съ нимъ гулять, вмѣстѣ охотились, забавлялись на турнирахъ и каруселяхъ, чтобы онъ ни какъ не могъ опасаться измѣны и предательства. По тому онъ и сталъ казаться веселѣе и безпечнѣе прежняго, и однажды уѣхалъ даже за шесть миль отъ Москвы, въ монастырь Вязому (Vvezoma), съ своими думными Боярами и всею придворною челядью: съ нимъ было 300 тѣлохранителей и три роты Польскихъ всадниковъ; онъ хотѣлъ тамъ учить и упражнять своихъ Москвитянъ и посмотреть, на

что они годны; велѣлъ на одномъ мѣстѣ сдѣлать укрѣпленіе изъ снѣгу, въ которомъ, для обороны его, посадилъ Москвитянъ, поставилъ начальника, который бы распоряжался ими и защищался отъ непріятеля, чтобы этотъ не могъ взять крѣпости, или овладѣть ею приступомъ. Непрідателемъ ихъ былъ Димитрій и съ нимъ 300 тѣлохранителей: онъ долженъ былъ подступать къ укрѣпленію, всѣми силами стараться съ своими тѣлохранителями взять его и выгнать оттуда Москвитянъ, а этѣ защищать оное и отражать его. Когда все было устроено и сдѣлано для обѣихъ сторонъ столько комьевъ изъ снѣгу, что, по видимому, было достаточно, Димитрій съ своими людьми пошелъ на приступъ къ укрѣпленію, прогналъ Москвитянъ и овладѣлъ этой снѣжной крѣпостью, по тому что его воины прибавили въ снѣжки песку, льду и другихъ вещей, отъ чего Русскіе и получили себѣ множество синяковъ, были взяты въ плѣнъ и связаны. Димитрія очень радовало и забавляло, что онъ протурилъ такъ своихъ Москвитянъ: онъ велѣлъ подать имъ разныхъ напитковъ, пива, меду и водки, и въ другой разъ готовиться къ такой же потѣхѣ. Но Русскимъ не такъ-то хотѣлось того: они сердились и злобились, что достали себѣ такіе ужасные синяки, и надумали другимъ образомъ принять Димитрія, съ его тѣлохранителями, чего бы то ни стоило. Одинъ изъ Русскихъ тотчасъ же открылъ это Димитрію, просилъ его бросить эту забаву, по тому что Русскіе сердятся на Нѣмцевъ за синяки, хотятъ отплатить имъ за это, во что бы то ни стало: пусть же онъ подумаетъ, что между ними много измѣнниковъ, а доброжелателей ему не много. Каждый Бояринъ и Дворянинъ носить подъ кафтаномъ длинный и острый ножъ, а онъ и его тѣлохранители, снявъ съ себя верхнее и нижнее вооруженіе, пойдутъ на приступъ съ одиными снѣжками: тогда, пожалуй, случится большая бѣда. Великій Князь одумался и оставилъ это, воротился въ Москву и вскорѣ потомъ узналъ, что если бы онъ въ другой разъ напалъ съ своими тѣлохранителями на Русскихъ, они и въ правду сдѣлали бы этотъ приступъ послѣднимъ и перерѣзали бы ему горло.

Вскорѣ послѣ того, въ Мартѣ 1606 года, Великій Князь получилъ изъ Польши радостную вѣсть, что невѣста его уже на пути въ Россію: онъ послалъ ей на содержаніе 15 тысячъ рублей, и писалъ своимъ Дворянамъ, жившимъ въ Княжествахъ Смо-

ленскомъ, Дорогобужскомъ (Dorogabus) и Вяземскомъ (Vveesto), чтобы всѣ они одѣлись какъ можно богаче и наряднѣе для встрѣчи на границѣ невѣсты съ бывшей при ней дружиной, приняли ее съ великимъ уваженіемъ и почетомъ, оказывали ей всякія почести и услуги, какъ бы ему самому, и проводили ее въ городъ Можайскъ (Mosaiskovv), куда придутъ Тверскія, Рязанскія (Retzansche) и другія власти, для сопровожденія ея въ Москву.

Къ этѣмъ лицамъ посланъ былъ изъ Москвы большой Бояринъ, по имени Василій Мосальскій (Mozalskovv); онъ говорилъ рѣчь и привезъ невѣстѣ трои прекрасныя сани: первыя были порядочной величины, точно небольшая комната съ дверями и окошками изъ Московской слюды, снаружи крытыя краснымъ сукномъ и сплошь, сверху до низу, обитыя серебромъ, а внутри прекраснѣйшими соболями: въ нихъ и сидѣла невѣста, впереди шли 12-ть красивыхъ бѣлыхъ лошадей въ красной бархатной збруѣ съ серебрянымъ наборомъ; на нихъ сидѣли трое вершниковъ, всѣ одѣтые въ золотую парчу. Другія сани были не такъ велики, какъ первыя, впрочемъ то же крытыя краснымъ сукномъ, только безъ серебра, съ дверями и окнами, внутри обитыя сурками и лисицами: въ нихъ сидѣло нѣсколько Польскихъ знатныхъ госпожь, впереди шли десять бѣлыхъ лошадей. Третьи сани были тоже обиты прекрасными куницами, передъ коими шли восемь бѣлыхъ лошадей. Такъ и ѣхали до Москвы.

Но такъ какъ приближалась Пасха, то праздникъ пробыли въ Можайскѣ и отдыхали; тайно ночью пріѣхалъ туда изъ Москвы и Великій Князь съ немногими лицами и засталъ врасплохъ своихъ новыхъ дорогихъ гостей, прежде нежели они провѣдали объ немъ; онъ провелъ тамъ два дня, потомъ воротился домой и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для вѣзда.

Проведя Пасху въ большомъ весельѣ, прибылъ въ Москву съ своими людьми отецъ Великокняжеской невѣсты, Воевода Сандомирскій: его съ нѣсколькими тысячами человекъ приняли прилично за городомъ и помѣстили въ Кремлѣ, на дворѣ прежняго умершаго Великаго Князя. Нѣсколько дней потомъ, 1-го Мая, за нимъ послѣдовала и невѣста, съ своимъ братомъ и шуриномъ, со всѣми женщинами и 4-мя тысячами мушницъ; невѣста съ своими

женщинами ѣхала въ коляскахъ, привезенныхъ изъ Польши, по тому что саннаго пути не было и весь снѣгъ сошелъ.

Въ полумилѣ отъ города была разбита прекрасная палатка: тамъ находилось все Московское Дворянство, со всѣми иностранцами Великаго Князя, Нѣмцами и Поляками, всадниками и пѣшими воинами, всего до 100 тысячъ человекъ, всѣ одѣтые въ свои лучшія платья и въ самомъ дорогомъ убранствѣ. Великій Князь, переодѣвшись, ѣздилъ вездѣ самъ-третей, распоряжался всѣмъ лично, какъ хотѣлось ему, и потомъ воротился въ городъ.

Когда все было въ порядкѣ, вышелъ знатнѣйшій Князь и Бояринъ страны, Федоръ Ивановичъ Мстиславскій (Fedro Iwvanovitz Mstislouski), съ 200-ми другихъ знатныхъ Князей и Боярѣ, всѣ въ длинныхъ кафтанахъ изъ золотой парчи, и принялъ, вмѣсто Великаго Князя, его невѣсту, ея брата и шурина, съ бывшими при ней людьми; онъ подарилъ ей 12 дорогихъ бѣлыхъ верховыхъ лошадей въ красивыхъ поносахъ подъ сѣдлами; въ поводьяхъ были серебряные прутики, сѣдла всѣ вызолочены и вышиты богато шелкомъ и жемчугомъ, удила серебряныя и тоже вызолочены; на каждомъ сѣдлѣ лежала рысья, или леопардовая, шкура, при всякомъ конѣ былъ нарочно одѣтый Московскій конный воинъ, который долженъ былъ править лошадыю и водить ее. Еще подарилъ онъ невѣстѣ прекрасную большую Московскую коляску, съ высокимъ балдахиномъ, снаружи обитую краснымъ сукномъ, а внутри краснымъ бархатомъ. Подушки были изъ золотой парчи и вышиты жемчугомъ. Коляску везли другія 12-ть лошадей, бѣлыя въ черныхъ крапинахъ, и на нихъ три кучера въ платьяхъ изъ золотой парчи. Впереди коляски вели 12 верховыхъ лошадей. Послѣ рѣчи, Бояринъ очень почтительно просилъ Великокняжескую невѣсту, чтобы она благоволила принять дары отъ Великаго Князя и сѣсть въ коляску. Она тотчасъ же согласилась; знатнѣйшіе Князья и Бояре отвели ее изъ палатки въ коляску и повезли въ городъ, по обѣимъ сторонамъ возлѣ нея шло 300 тѣлохранителей. Впереди верховыхъ лошадей, которыхъ вели передъ коляской, ѣхали 200 Поляковъ съ копьями.

За коляскою слѣдовалъ братъ и деверь невѣсты съ Князьями и Боярами по обѣ стороны, а за ними Нѣмецкіе тѣлохранители.

Потомъ вели невѣстиныхъ лошадей, приведенныхъ съ нею изъ Польши, каждую съ двумя проводниками, послѣ того ѣхала Польская коляска невѣсты, очень пышно убранная, въ восемь лошадей, сърыхъ въ яблокахъ, съ красными выкрашенными гривами и хвостами. За тѣмъ слѣдовала Гофмейстерина и нѣкоторыя знатныя Польскія госпожи, а далѣе всѣ горничныя женщины въ 13-ти коляскахъ, каждая въ 6-ть лошадей въ богатомъ уборѣ. За ними ѣхали всѣ Польскіе всадники, прибывшіе съ невѣстой изъ Польши, въ полномъ вооруженіи, съ ихъ трубами, литаврами и флейтами, потомъ Московская конница съ ея тѣлохранителями и трубами, а позади телѣги, съ Польскимъ оружіемъ и вооруженіемъ, и вся поклажа. По всѣмъ воротамъ въ городъ, Кремль и на мостахъ стояли Московскіе музыканты съ флейтами и барабанами, играшіе безпрестанно. Когда невѣста въѣхала на площадь, поднялся сильный и страшный вихорь, какъ при входѣ Димитрія, о чемъ рассказывали мы прежде: многіе сочли это предвѣстіемъ большаго несчастія. Невѣста отведена была въ монастырь, къ своей мнимои матери.

Въ этотъ день Москвитяне были очень пасмурны и печальны, что нажили себѣ такое множество иноземныхъ гостей, дивились на всадниковъ въ латахъ и въ оружіи, спрашивали иностранцевъ, долго служившихъ и проживавшихъ у нихъ, нѣтъ ли обычая у нихъ на родинѣ пріѣзжать на свадьбу вооруженными; передавались страннымъ мыслямъ, особливо, когда увидали, что Поляки достали изъ своихъ телѣгъ съ оружіемъ нѣсколько сотъ привезенныхъ съ собою пистолетовъ и ружей.

Такъ какъ Князь Василій Шуйскій, съ нѣсколькими другими знатными Боярами, давно уже распускалъ молву, что этотъ Великій Князь незаконный наслѣдникъ, какимъ показывалъ себя, то простолюдины начали вѣрить тому, тѣмъ болѣе, что онъ сосваталъ себѣ Великую Княгиню изъ Польши, не той Вѣры, какая была въ его странѣ, пренебрегалъ своимъ собственнымъ народомъ (между которыми онъ всегда бы нашелъ такую же знатную родомъ и красивую, какъ и та), любилъ и уважалъ иностранцевъ и предпочиталъ Поляковъ Москвитянамъ.

Тужили, что переимѣна въ Правительствѣ удалась имъ такъ плохо; вспоминали, какого прежде имѣли Государя, который былъ

не Великимъ Княземъ для нихъ, а отцомъ, и всегда старался о пользѣ и благосостояніи подданныхъ; думали и о томъ, какъ шла дѣла при этомъ Правительствѣ, и что теперешній Великій Князь, пожалуй, погубитъ Русскихъ въ конецъ съ Поляками и иностранцами и истребитъ ихъ.

Этѣ сѣтованія и жалобы Русскихъ дошли до Князя Василя Шуйскаго, котораго еще прежде хотѣлъ Димитрій казнить за его правдивыя слова, что Великій Князь не родной сынъ Ивана Васильевича, а теперь опять возвратилъ ему свою милость.

Этотъ Шуйскій велѣлъ тайкомъ позвать къ себѣ на дворъ Капитановъ и Капраловъ съ нѣкоторыми Дворянами и богатѣйшими гражданами, которые были самые искренніе его друзья. Онъ обѣщавъ имъ, что вся Россія каждый часъ и каждую минуту находится въ великой опасности отъ новаго Великаго Князя и иностранцевъ, которыхъ набралось сюда такое множество: чего давно боялись Русскіе, теперь сбылось, какъ они сами узнаютъ на дѣлѣ. Желая прежде всѣхъ на что ни будь рѣшиться для этого дѣла, онъ едва было не потерялъ своей дорогой головы, и во всей Москвѣ не нашлось бы никого, кто бы сдѣлалъ что ни будь для того, или отважился на что, для себя и Государства. Но теперь они ясно видятъ, что изъ того выходитъ, а именно: гибель и конецъ всѣмъ Русскимъ; они будутъ крѣпостными холопами и рабами Поляковъ, подвергнутся ихъ игу и службѣ, по тому что этотъ Великій Князь, выдающій себя за истиннаго Димитрія, ни во вѣки вѣковъ не родной сынъ Ивана Васильевича, а Разстрига Гришка Отрепьевъ (Griska Trepeja); если же они взяли и выбрали его въ Великіе Князья себѣ, это сдѣлано для того, что имъ не хотѣлось дольше жить подъ властію и правленіемъ Бориса Годунова. Они не знали ни какого другаго средства низложить его, кромѣ какъ чрезъ этого Гришку, и надѣялись, что онъ, называющій себя Димитріемъ, окажется совсѣмъ не такимъ къ Богу и Вѣрѣ, также и къ Москвитянамъ, какъ узнали они теперь на самомъ дѣлѣ.

По тому что онъ любитъ иностранцевъ, ненавидитъ и гонитъ своихъ собственныхъ земляковъ, поноситъ Святыхъ, оскверняетъ церкви, преслѣдуетъ духовныя лица, выгоняетъ ихъ изъ

домовъ и дворовъ и отводитъ тамъ жилище чужеземцамъ. Когда онъ ходитъ въ церкви, къ Дѣвѣ ли Маріи, или къ Св. **Николаю** и другимъ Святымъ, за нимъ тащатся и Поляки съ своими собаками и оскверняютъ святыню; онъ не пускаетъ къ себѣ ни одного Русскаго, высокаго, или низкаго, званія, безъ воли и согласія Поляковъ, которые скоро заберутъ себѣ все, что ни есть въ казнѣ, и она вскорѣ совсѣмъ опустѣетъ. Изъ того всякому смышленому человѣку легко заключить и видѣть, что онъ навѣрное замышляетъ отмѣнить древнюю Греческую Вѣру, а вмѣсто ея установить и распространить Католическую.

Чтобы все это исправить и привести въ дѣйствіе, онъ соединился особливо съ Королемъ Сигизмундомъ, оказавшимъ ему большое содѣйствіе и пособіе при овладѣніи верховною властію въ Москвѣ; за это онъ далъ ему обѣщаніе и клятву не ставить ни во что миръ и дружественный союзъ, торжественно заключенный между Шведскимъ Государствомъ и Россіею въ 1595 годѣ при Тявзинѣ (Tiesa). Это ясно можно видѣть изъ его письма къ Свѣтлѣйшему и Высокопочтенному Королю, блаженной памяти, Карлу IX; во исполненіе своего обѣщанія, онъ велѣлъ также привезти и нѣсколько тысячъ бревенъ въ Иваньгородъ, намѣреваясь строить тамъ мостъ черезъ рѣку, для переправы по немъ войска и пушекъ.

Изъ того очевидно, что онъ затѣваетъ страшное кровопролитіе между обоими народами. Да у него есть еще и такое намѣреніе, чтобы душить, вѣшать, убивать и казнить всѣхъ своихъ подданныхъ, высшаго и низшаго сословія, если только они не согласятся на его злой и дьявольскій замыселъ, не станутъ вѣрно помогать ему искоренить древнюю Греческую Вѣру и вмѣсто ея не примутъ и не будутъ распространять ложную и идолопоклонническую Папскую Вѣру. Всякой легко смекнетъ, что его настоящее и подлинное намѣреніе и замыселъ подчинить Россію Папскому игу и подданству и сдѣлать Русскихъ крѣпостными холопами и рабами Поляковъ. Кромѣ всего того, къ величайшему сраму для Русскаго народа, онъ беретъ себѣ въ жену еретичку, къ жестокому позору и пренебреженію всѣхъ Московскихъ дѣвицъ, которыя не только не уступятъ въ красотѣ, добродѣтели и происхожденіи, но еще будутъ и почище ея. Если же Русскіе не предупредятъ того заблаговременно, дѣло кончится очень худо. Но

тому пусть же на голову Самозванца падеть тотъ камень, который думаетъ онъ свалить на другихъ, и всегда лучше потушить искру, нежели большой, разгорѣвшійся, пожаръ.

Для того если Русскіе единоплеменнаго образа мыслей и благо родины близко ихъ сердцу, то онъ найдетъ средства и способы пожертвовать жизнью и всѣмъ своимъ достояніемъ за Христіанскую Греческую Вѣру и благоденствіе любезнаго Отечества; если хотять они вѣрно и храбро помогать въ этомъ дѣлѣ, то, во первыхъ, тайкомъ, со всѣмъ тщаніемъ и усердіемъ, должны увѣщевать и уговаривать другъ друга, а особливо Начальники и Капитаны обязаны какъ можно старательнѣй внушать подчиненнымъ имъ войскамъ, что онъ совсѣмъ не истинный Димитрій; съ Поляками и иностранцами замышляетъ и выдумываетъ всякое зло на Москвитянь, какъ бы ему и лаской и таской сбить съ рукъ знатнѣйшихъ людей въ странѣ, а на мѣсто ихъ поставить Поляковъ и другихъ иностранцевъ, преданныхъ Католическому суевѣрію. Они и будутъ править и начальствовать Христіанскимъ народомъ, дѣлать надъ нимъ великія насилія и жестокости, что и теперь уже очевидно: уже начинаютъ грабить, воровать, рубить, позорить, насиловать; Москвитянамъ надобно смотрѣть въ оба за ихъ поступками, сосѣдъ съ сосѣдомъ долженъ совѣтоваться какъ можно откровеннѣе, какъ бы сбить съ рукъ, отвратить такую бѣду и срубить дерево, пока оно не доросло до неба, чтобы Московское Царство не пришло въ крайнюю нужду и не погубило, чтобы дѣти въ колыбели не стали горько плакать, рыдать и вопіять на родителей къ Царю Небесному, что они во время не остановили и не отвратили такого ужаснаго и неодолимаго несчастія, прежде нежели оно такъ въѣлось въ страну и разлилось по ней. Московскій народъ теперь въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человекъ, а Димитрій, съ его Поляками и иностранцами, не больше какъ въ пяти тысячахъ, да и живутъ они отдѣльно другъ отъ друга, одна толпа вдалекѣ отъ другой, и если бѣ Москвитянамъ въ одинъ день всѣмъ собраться, то всѣхъ ихъ можно бы было захватить рано утромъ врасплохъ, среди сладкаго сна, и перебить, прежде нежели они достанутъ оружіе и смогутъ противиться. *Nam accidit in puncto, quod non speratur in anno.*

Какія намѣренія у Москвитянь и что они хотять дѣлать, пусть дѣлають это заблаговременно и тайно дадутъ ему знать о

томъ. Простой народъ не долго раздумывалъ надъ этѣмъ замысломъ: сговорились, единодушно поклялись жить и умирать вмѣстѣ, хотѣли вѣрно помогать вышеназванному Шуйскому и его сообщникамъ, и очистить отъ невѣрныхъ и безбожныхъ еретиковъ Христіанскій городъ и Кремль Московскій; сейчасъ же желали знать, въ какой день приниматься за это дѣло, а то они готовы совсѣмъ. Имъ дали условный знакъ, по которому надобно было подниматься, а именно: когда утромъ ударять въ набать, каждый долженъ бѣжать изъ дому къ Кремлю и кричать, что Поляки въ полномъ вооруженіи, хотятъ убить Великаго Князя и Думныхъ Бояръ, и овладѣть всею Москвою. Шумя и крича такъ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, они должны будутъ всей силой вломиться къ Лжедмитрію, какъ будто желая спасти его и пособить ему отъ Поляковъ, и подъ этѣмъ предлогомъ убить его, а за тѣмъ и всѣхъ Польскихъ гостей, которыхъ дома и помѣщенія ночью замѣнены будутъ буквами.

Когда рѣшалось это на счетъ Великаго Князя и Поляковъ, они жили въ безпечности и въ полномъ довольствѣ, наѣдались и напивались, играли и плясали, веселились и забавлялись, не обращая ни какого вниманія на тайные, умные совѣты и предостереженія нѣкоторыхъ своихъ вѣрныхъ слугъ, что они по секрету слышали о Московскомъ заговорѣ и коварномъ замыслѣ. Полякамъ все это было тринѣ-трава: они думали, что въ силахъ справиться съ грубыми людьми, если они поднимутъ тревогу и возмущеніе; имъ совсѣмъ не приходило на умъ, что жили далеко отъ Кремля и разбросаны тамъ и сямъ, а по тому и не могутъ выручать другъ друга во время мятежа и опасности. И Лжедмитрій, и Поляки узнали это лишь въ день возстанія, къ великому для себя вреду и гибели.

Спустя восемь дней послѣ вѣзда невѣсты въ городъ, 7-го Мая, ее проводили изъ монастыря, въ который она привезена была сначала, въ ея комнаты, съ 200-ми восковыхъ свѣчъ.

8-го Мая происходило бракосочетаніе и вѣчаніе въ Кремлѣ, въ церкви Дѣвы Маріи. Передъ свадьбою вышелъ большой споръ у Дмитрія съ Князьями и Думными Боярами изъ за платы невѣсты. Великій Князь и Поляки хотѣли, чтобы дѣвушка вѣча-

лась и короновалась въ Польскомъ нарядѣ, къ которому привыкла она съ дѣтства, при томъ же онъ и лучше шелъ къ ней, нежели иноземный. Но Русскіе Бояре не хотѣли допустить того: она должна одѣться по Московски, какъ заведено было въ землѣ, по тому что ее будутъ вѣнчать въ Русскія Великія Княгини и сочетаютъ съ Великимъ Княземъ Московскимъ. Наконецъ рѣшено, чтобы быть тому по желанію Русскихъ, и Димитрій пошелъ съ тѣмъ къ невѣстѣ; онъ уговорилъ ее, что если она хочетъ сдѣлать угодное Князьямъ и Боярамъ страны, переодѣлась бы на одинъ день и вѣнчалась въ Московскомъ нарядѣ, чтобы они не имѣли причины роптать, что онъ надѣлалъ много перемѣнъ въ странѣ: она одѣнется такъ лишь на одинъ день. Невѣста наконецъ согласилась, сняла Польское платье и надѣла дорогое и пышное Московское, въ которомъ и была отведена въ церковь, коронована и обвѣнчана. Вся дорога, по которой она шла изъ Княжескихъ комнатъ въ церковь къ вѣнчанію, устлана была попеременно краснымъ сукномъ и двумя золотыми парчами. По обѣ стороны, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стояли Москвитяне въ длинныхъ парчевыхъ кафтаняхъ, очень плотно другъ къ другу, Камеръ-Юнкеры, Гофъ-Юнкеры и другіе Дворяне были одѣты тоже въ золотую парчу, съ золотыми цѣпочками, повѣшенными крестъ на крестъ, и шли впереди въ высокихъ шапкахъ изъ черныхъ лисиць.

За ними слѣдовали трое Бояръ: первый несъ для Великаго Князя золотой скипетръ, другой золотую державу, а третій обнаженную саблю. За ними шелъ Великій Князь въ вѣнцѣ и въ своемъ нарядѣ: его велъ Воевода Сандомирскій, отецъ невѣсты. Возлѣ Великаго Князя шли четверо Бояръ, по двое на каждой сторонѣ, также въ золотой парчѣ, высокихъ черныхъ шапкахъ и въ золотыхъ цѣпочкахъ, повѣшенныхъ крестообразно, и несли на плечахъ серебряные бердыши.

За тѣмъ слѣдовала Великая Княгиня, одѣтая по Московски, которую вела одна Московская госпожа; за нею шли Польскія комнатныя дѣвушки вмѣстѣ съ Московскими, и такимъ образомъ всѣ вѣ лица, въ огромномъ числѣ, вошли въ церковь. Послѣ вѣнчанія и коронаванія, молодая посажена на стулъ изъ чистаго золота, сплошь выложенный драгоценными каменьями, 600-ми алмазовъ, 600-ми рубиновъ, 600-ми сапфировъ, 600-ми смараг-

довъ и 600-ми бирюзовыхъ камней. Всѣ эти камни были не малы, а очень даже велики, особливо нѣсколько бирюзъ, которые были въ половину голубиного яйца. Этотъ стулъ или кресла прѣдставлялъ, какъ самый высшій почетный подарокъ, Царь Персидскій тирану Ивану Васильевичу.

Когда вели ее съ вѣнчанія изъ церкви, брошено было по обѣ стороны въ народъ нѣсколько тысячъ грошей, въ два Угорскіе червонца каждый, другіе и поменьше, съ двуглавыми орлами по обѣимъ сторонамъ, какъ ихъ чеканили тогда. Такъ и проводили Княгиню опять въ ея комнаты.

Свадьба происходила съ большимъ торжествомъ и пышностію. Въ Кремлѣ выстроены были деревянныя помосты, на которыхъ стояли 32 трубача, 34 барабанщика и литавщика, одѣтые по Московски: они безпрестанно трубили и били въ литавры, пока не кончилась свадьба.

На другой день, послѣ коронованія и брака, Дмитрій просилъ свою Великую Княгиню снять Московское платье, опять надѣть Польское и носить его въ честь ему: вчера она носила Московскій нарядъ въ честь и въ угожденіе его Думнымъ Боярамъ, Князьямъ и всей странѣ; сегодня же и всѣ другіе дни должны быть его. Онъ будетъ теперь царствовать и дѣлать, что ему угодно, а не то, чего хотѣли его думные Бояре и Москвитяне.

Такъ Великая Княгиня съ этого дня и ходила все въ Польскомъ нарядѣ. Свадебные дни проводили въ большой радости и торжествѣ, въ ѣдѣ, въ питьѣ, въ пляскахъ и скачкахъ, въ играхъ и многихъ другихъ придворныхъ забавахъ. Поляки напивались до безчувствія, такъ что не могли и владѣть собою; на обратномъ пути въ свои квартиры принимались за разныя наглости и дерзости на улицахъ, рубили, били, силою брали женъ и дочерей у Дворянъ изъ колясокъ, насиловали ихъ, дѣлали много порочныхъ и срамныхъ дѣлъ. Русскіе были очень недовольны, однако жъ молчали и замѣчали все тщательно. 11-го Мая Великій Князь велѣлъ готовить въ поварняхъ всѣ кушанья на Польскій ладъ, жарить и варить телятину; у Русскихъ поваровъ было омерзѣніе къ ней, и они разнесли объ этомъ молву между Дворянами, граж-

данами и шротымъ народомъ. Русскіе оченъ презирали за это Великаго Князя, злословили его и говорили между собою: «Да, онъ и въ правду жестокий еретикъ!» однако жъ вели себя смирно и выжидали случая.

12-го Мая простой народъ говорилъ въ голось, что новый Великій Князь еретикъ, хуже Турки, а не истинный сынъ Ивана Васильевича, не такъ прилежно ходитъ въ церковь, какъ прежде, держится иноземныхъ обычаевъ и обрядовъ, ѣстъ телятину и всякія поганья кушанья, въ церковь ходитъ не мывшись, и не творитъ поклоновъ передъ Святымъ Николою и другими Святыми, Баня топится каждое утро, съ перваго дня свадьбы до нынѣшняго, а онъ не моется съ своей еретичкой, Великой Княгиней, однако жъ въ церковь ходитъ, и при томъ съ Поляками, которые водятъ съ собою стаи собакъ и оскверняютъ святыню. Откуда разошлась молва, что онъ не истинный Димитрій, они не знали, но громко говорили объ этомъ на рынкахъ и площадяхъ, такъ что многіе изъ нихъ дивились тому. Тѣлохранители схватили было одного такого болтуна, отвели его въ Кремль и передали Великому Князю его рѣчи, также и слухъ, что есть какая-то измѣна. Великій Князь сейчасъ же созвалъ всѣхъ своихъ тѣлохранителей и приказалъ имъ зорко смотрѣть днемъ и ночью, а схваченнаго пытать, по тому что онъ вѣроятно знаетъ, какая это измѣна. Но Думные Бояре посмотрѣли на это сквозь пальцы, объяснили Великому Князю, что это человекъ хмельной, и ничего не умѣетъ рассказать, впрочемъ и трезвый-то онъ не болно смысленъ и разуменъ; просили Великаго Князя успокоиться, не тревожить себя такими злыми, но пустыми, вѣстями, и не давать вѣры всякому наушнику: онъ довольно силенъ и могущественъ, чтобы покарать своихъ враговъ и измѣнниковъ, если только есть такіе люди, которые хотѣли бы затѣять что ни будь вредное. Онъ такъ и бросилъ это, продолжалъ утопать въ великомъ сладострастїи и безопасности съ своей женой и не думалъ ни о какомъ возмущенїи и намятїи, о чемъ, однако жъ, могъ бы узнать довольно.

Когда объ этомъ стали ходить толки, и явные, и тайные, 17 Мая, раннимъ утромъ, около 3-хъ часовъ дня, когда Великій Князь и власти находились въ самомъ сладкомъ снѣ и не помы-

шлияли ни о чемъ вредномъ, Москвитяне подпрыснъ и, по словамъ Виргилія,

«Invadunt urbem vino somnoque sepultam.»

Ихъ пробудилъ отъ сна звонъ нѣсколькихъ тысячъ колоколовъ, которые били набатъ: народъ безъ памяти бѣжалъ изъ всѣхъ домовъ и угловъ къ Кремлю, кто съ плетью, кто съ ружьемъ и длинною винтовкой, кто съ обнаженной саблей, кто съ коньемъ и коломъ, кто что схватилъ второпяхъ, и всѣ они кричали: «Кто хочетъ убить нашего Великаго Князя?»—«Поляки!» отвѣчали Бояре и Дворяне. Проснулся и Великій Князь, перепугался, послалъ своего вѣрнаго Камергера, Петра Басманова (Pieter Vosmanpo), узнать, что такое происходитъ? Когда онъ вышелъ и спросилъ, что значитъ этотъ набатъ? нѣкоторые собравшіеся Бояре отвѣчали, что не знаютъ и что гдѣ ни будь пожаръ въ городѣ. Съ тѣмъ и ушелъ онъ и донесъ о томъ Великому Князю.

Но какъ шумъ и тревога становились что далѣе, то больше, Великій Князь послалъ Басманова въ другой разъ хорошенько развѣдать, что такое происходитъ и гдѣ горитъ въ городѣ, а самъ всталъ и одѣлся. Басмановъ посмотрѣлъ въ окно и увидалъ, что весь народъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стоитъ съ кольями и пиками, ружьями и саблями. Онъ очень испугался и спросилъ, что имъ надо и что значитъ этотъ набатъ? Ему отвѣчали краснымъ словцомъ и требовали, чтобы онъ выдалъ имъ своего негожаго и воровскаго Великаго Князя: съ нимъ они будутъ толковать и дѣлать дѣло.

Басмановъ замѣтилъ, въ чемъ дѣло, рвалъ на себѣ волосы, велѣлъ тѣлохранителямъ принять всѣ предосторожности и не впускать ни одного человека, вошелъ къ Великому Князю и сказалъ: «Бѣда, Всемилостивѣйшій Великій Князь и Государь! Ты самъ виноватъ; великая измѣна: сословія и народъ вызываютъ тебя. Ахъ, ты не хотѣлъ вѣрить, что говорили тебѣ вѣрные твои слуги!» Въ то время, какъ онъ говорилъ такъ съ Великимъ Княземъ, какой-то Дворянинъ продрался за тѣлохранителями въ комнату и сказалъ ему: «Негожій Великій Князь! Что не выходишь и не даешь отвѣта народу?» Басмановъ, услыхавъ это, въ горячности и гнѣвѣ,

схватилъ саблю, вистѣвшую на стѣпѣ, и отнесъ ему голову отъ туловища.

Великій Князь прыгнулъ въ переднюю, взялъ у одного тѣлохранителя бердышъ, показалъ его простому народу и сказалъ: «Не думайте, что я Борисъ Годуновъ!» и закололъ нѣкоторыхъ; другіе выстрѣлили по немъ и вскорѣ до того прижали его, что онъ опять долженъ былъ ускользнуть въ комнату. Басмановъ вышелъ опять къ знатымъ Боярамъ и Совѣтникамъ, умолялъ ихъ Богомъ и ради Бога бросить свою злую затѣю, и дѣлать только то, что можно похвалить. Тогда одинъ изъ знатныхъ Бояръ, Михайло Игнатьевичъ Татищевъ (Tatissov) отвѣчалъ ему: «Выблядышъ, что ты говоришь? Цѣлуй свою мать и своего Великаго Князя!»^{*} выхватилъ длинный ножъ и прокололъ его прямо въ сердце, такъ что онъ тугъ же повалился и умеръ. Другіе Бояре взяли его и сбросили съ лѣстницы, чтобы простой народъ видѣлъ, что нѣтъ уже того отважнаго Боярина, котораго мужества, доблести и осторожности боялись всѣ. Увидавъ его мертвымъ, всѣ они ободрились, безъ страха вѣбжали большой толпой въ переднюю къ тѣлохранителямъ и хотѣли схватить Дмитрія. Онъ вышелъ съ своимъ палашемъ, рубилъ во всѣ стороны, сколько было у него силы, однако жъ ничто не помогало противъ такого множества народа: Москвитяне вырубали топорами доски въ передней, силою ворвались къ тѣлохранителямъ, отняли у нихъ ружья, и Дмитрій только съ 15-ю тѣлохранителями ушелъ въ самую переднюю комнату: заперли двери, въ которой стали за ними съ ружьями и оборонялись, пока могли. Дмитрій бросилъ свой палашъ, рвалъ на себѣ волосы и, не сказавъ ни слова, выпрыгнулъ въ окно на то мѣсто, гдѣ стояли на стражѣ стрѣльцы, надѣясь найти у нихъ защиту и помощь, или же спастись бѣгствомъ.

Но какъ окно было 15 аршинъ вышины отъ земли, то онъ выпрыгнувъ, повихнулъ себѣ ногу, такъ что не могъ сойти съ мѣста и оставался въ лежачемъ положеніи. Русскіе все ходили изъ одной комнаты въ другую, взяли въ плѣнъ тѣлохранителей, сколько ихъ ни было во дворцѣ, и приставили къ нимъ такъ много сторожей,

* Переименовано Петреемъ, вмѣсто извѣстнаго краснаго словца.

что ни одному нельзя было уйти. Бывшіе въ передней комнатѣ спрашивали, гдѣ Великій Князь, грабили Княжескія комнаты и тащили все, что ни попадало имъ въ руки: золото, серебро, драгоценные камни, кубки, жемчугъ, платья, ковры и другіе дорогие товары, стоявшіе большихъ денегъ. Знатные Бояре и другіе Дворяне бросились въ женскія комнаты: всѣ женщины, отъ сильнаго страха, отчаянія и ужаса, лежали полумертвыя на полу, въ слезахъ и трепетѣ. Великая Княгиня спряталась подъ юбку Гофмейстерины. Не нашедши ни ея, ни Великаго Князя, Бояре спрашивали у Гофмейстерины и дѣвицъ, гдѣ Великій Князь и Княгиня? «Объ этомъ вамъ лучше знать, отвѣчали женщины, куда вы дѣвали Великаго Князя; мы не приставлены ему прислуживать.» — «Скверныя вы блудницы, сказали тогда Русскіе въ одну голось. «Гдѣ Польская блудница, Великая Княгиня?» Гофмейстерина спросила, чего хотятъ они? Тѣ отвѣчали, какъ безстыжіе люди, не знавшіе ни чести, ни приличія, ни скромности, и сказали во всеуслышаніе женщинамъ: «*Nos congregiemur cum ipsis, unus a tergo, alter a fronte. Scimus enim Polonicas meretrices non satiamus unius amplexu, sed plurium concubitu delectari. His dictis, membra virilia coram toto Gynecaeo palam ostendebant, narrantes: «En, meretriculae, nonne nos vestris? Polonis sumus perfectiores: venite in nostrum amplexum et facite nobiscum periculum!»* Съ этими словами они захватили всѣхъ женщинъ: одинъ Князь и Бояринъ взялъ одну дѣвуху, другой Бояринъ и Дворянинъ другую, отослали ихъ съ слугами къ себѣ домой и заставили ихъ силою исполнить свои желанія. Гофмейстерина, престарѣлая женщина, осталась въ комнатѣ съ Великою Княгиней. Они выругали ее матерью всѣхъ блудницъ, требуя, чтобы она сказала имъ, гдѣ Великая Княгиня? Та отвѣчала, что сегодня, съ восходомъ солнца, когда началось смятеніе, она ушла къ своему отцу, Сандомирскому Воеводѣ, тамъ она и теперь, и еще не возвращалась сюда. Въ то время, какъ Бояре занимались этимъ, стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ внизу Дворца, замѣтили Великаго Князя тамъ, гдѣ лежалъ и стоналъ онъ, и находился въ чрезвычайно плохомъ положеніи; они подошли къ нему, подняли его и хотѣли опять отнести въ его комнаты. Простой народъ, увидавъ это, оставилъ Гофмейстерину съ Великою Княгиней, спрятанной у нея подъ юбкой, и быстро побѣжалъ съ лѣстницы, чтобы убить Димитрія. Этотъ надавалъ большихъ обща-

ній стрѣльцамъ, если они спасутъ ему жизнь, и стрѣльцы сначала было защищали его и застрѣлили нѣсколькихъ Дворянъ, но скоро одолѣло множество Дворянъ, гражданъ и черни: стрѣльцы оставили своего Великаго Князя и выдали его простому народу, а этотъ опять понесъ его въ комнату къ нему, имѣвшую очень жалкій видъ. Пока несли его, онъ видѣлъ, что все расхищено и растащено, видѣлъ, какими бѣдняками стояли его тѣлохранители, безъ всякаго оружія, окруженные стражей; онъ вздыхалъ, плакалъ, не говорилъ ни слова, только на душѣ у него не много могло быть пріятнаго: «*Nam latet anguis in herba.*» Одинъ изъ тѣлохранителей, по имени Вильгельмъ Фюрстенбергъ, продрался въ его комнату и хотѣлъ узнать, что они замышляли тамъ сдѣлать съ нимъ; Русскіе увидали это, закололи его бердышемъ у ногъ Великаго Князя и, говоря: «Посмотрите, пожалуйста, какія вѣрныя собаки иностранцы! Они не могутъ еще оставить своего плутовскаго Великаго Князя: надо перебить ихъ всѣхъ;» однако жъ знатнѣйшіе Князя и Бояре отсовѣтовали имъ и не допустили до того.

Снявъ съ Дмитрія Великокняжеское платье и надѣвъ на него другое, ветхое и разодранное, не такъ чтобы очень дорогое, одинъ изъ нихъ говорилъ другому: «Смотрика! Какой Великій-то Князь всея Россіи!» другой отвѣчалъ: «Эдакой-то Великій Князь есть дома у меня, въ конюшнѣ!» третій указывалъ на него пальцемъ и дралъ его за уши; четвертый далъ ему пощечину, промолвивъ: «Блядской сынъ! сказывай, кто ты? Какъ зовутъ твоего отца и тебя? Къ какому дому принадлежишь ты?» — «Вы знаете, отвѣчалъ онъ, что я вашъ вѣнчанный Великій Князь и родной сынъ Ивана Васильевича. Если не хотите давать мнѣ ни какой вѣры, ступайте въ монастырь, къ моей матери, и спросите ее, такъ ли это?» Туда тотчасъ же и пошелъ главный зачинщикъ мятежа, Василій Ивановичъ Шуйскій, и спросилъ его мать, признаетъ ли она его своимъ сыномъ? Она рѣшительно отреклась и клялась торжественно, что не имѣла другаго сына, кромѣ одного Дмитрія, убитаго за нѣсколько лѣтъ до того въ дѣтскихъ лѣтахъ въ Угличѣ. Когда Шуйскій вернулся съ этѣмъ отвѣтомъ, тотчасъ же подбѣжалъ одинъ богатый купецъ съ пистолетомъ въ рукѣ и вскричалъ: «Нечего долго толковать и ламаться съ еретикомъ: я покончу съ этѣмъ измѣнникомъ и соблазнителемъ народа!» — и

всадилъ ему пулю въ сердце, такъ что онъ тутъ же и протянулся; тутъ всѣ побѣжали къ нему, и кричали: «Сгисіѣге, сгисіѣге!» «Не оставляй его живаго!» одинъ рубилъ его по головѣ, другой по рукѣ, третій кололъ его ножомъ, пятый по снивѣ. Другіе потащили его за ноги изъ комнаты на площадь, гдѣ лежалъ самый вѣрный его слуга и камергеръ, Басмановъ, говоря: «За жизни вы были добрыми друзьями и собесѣдниками, будьте же вмѣстѣ и по смерти!» Это было на девятый день послѣ свадьбы Лжедмитрія, 17-го Мая, 1606 года, послѣ 11-тмѣсячнаго его царствованія.

Такъ обратилась великая радость въ горе, ликованье въ печаль, забава въ неудовольствіе; отъ того-то никому не должно слишкомъ полагаться на свое счастье, тѣмъ менѣе гордиться имъ и ликовать. Шаръ счастья круглый, вертится очень скоро, и бѣда является прежде, чѣмъ думаютъ и гадаютъ.

Умертвивъ Гришку или Дмитрія, Басманова и нѣкоторыхъ другихъ, Москвитяне побѣжали и перебили всѣхъ его потѣшниковъ и музыкантовъ, всего до 100 человекъ, которымъ отведено было помѣщеніе у поповъ и монаховъ.

Передъ воротами Сандомирскаго Воеводы Москвитяне поставили нѣсколько пушекъ и расположили кругомъ двора нѣсколько тысячъ воиновъ, для охраненія его, чтобы нельзя было оттуда выйти и собакѣ, не то что человекъ, покаместъ продолжался мятежъ. А другіе Поляки, проживавшіе въ городѣ и помѣщавшіеся въ гостиницахъ, въ числѣ 11-ти, или 12, человекъ въ каждой, были безпощадно и жалостно убиты.

Москвитяне убили бы и брата Великой Княгини, живнаго тоже въ городѣ, если бы онъ не былъ такъ силенъ въ людяхъ, не имѣлъ крѣпкаго бастиона около себя и не оборонялся съ такою храбростью, что пало много Москвитянъ. Также защищался и дедъ Великой Княгини и Королевско-Польскій посланникъ, Александръ Гонсевскій (Conseuski), имѣвшіе у себя 700 человекъ: они грозилась стрѣлять въ городъ, зажечь дома и защищаться до послѣдняго человека, пока Русскіе не доклянутъ оставить ихъ въ живыхъ.

Такаго же нѣвня были и старыя Польскіе кавалеристы, прибывшіе въ страну съ Гривкою или Дмитріемъ: они пригото- вились сопротивляться Русскимъ, если этѣ сдѣлаютъ нападентіе на ихъ дворы; но Рускіе ни мало не посмотрили на это, притащили къ дворамъ большія и толстыя бревна, поставили передъ воротами пушки, грозивъ соеѣмъ истребить ихъ, буде добромъ не сдадутся, два раза выстрѣлили во дворъ и такъ ужасно кричали передъ нимъ, что Полякамъ стало страшно: они стали договариваться съ ними о мирѣ на томъ условіи, чтобы знатнѣйшіе Князья и Бояре поклялись и цѣловали крестъ, что ни кому изъ Поляковъ не сдѣлаютъ ни какого вреда. Къ нимъ пошелъ Князь Василій Шуйскій съ нѣсколькими другими Сенаторами, и всѣ цѣ- ловали крестъ, что не сдѣлаютъ имъ ни какого зла; нѣсколько дней имъ надо провести въ тишинѣ и держать себя на дворахъ смирно, не выходить и не бродить между народомъ, очень озло- бленнымъ на Поляковъ за насилія и нахальства его женамъ и дѣтямъ; такая же милость оказана была и другимъ Полякамъ, со- единившимся вмѣстѣ въ достаточныхъ силахъ и имѣвшимъ возмож- ность храбро защищаться отъ нечаяннаго нападенія Русскихъ.

Другіе же Поляки, жившіе на квартирѣ въ числѣ 6-ти, 7-ми, или 10 человекъ, всѣ были истреблены; какъ собаки, и между ни- ми много прямыхъ и честныхъ людей, Поляковъ и Нѣмцевъ, прі- ѣхавшихъ съ разными драгоценностями и нарядами на свадьбу.

Нѣкоторые заблаговременно уѣхали верхомъ и искали убѣжи- ща въ предмѣстьѣ, гдѣ жили старыя Нѣмцы. Однако жъ всѣ они были захвачены, перебиты и брошены въ рѣчку Язуу (Jagusa); во время мятежа, который продолжался до 8-ми часовъ, осталось на мѣстѣ 1702 человекъ, погибшіе жалкою смертію, раздѣтые до нага, брошенные на улицѣ, точно падалъ кака. Они лежали подъ от- крытымъ небомъ, и собаки кормились ихъ трупами, пока не похо- ронили ихъ, и то на третій только день послѣ мятежа: тогда вы- везли ихъ изъ города и бросили въ яму, другъ на друга, точно посолили нѣсколько кусковъ сала, и засыпали потомъ землю.

По окончаніи этого мятежа и жалостнаго набіенія, къ вечеру Рускіе раздѣли до нага своего убитаго Дмитрія, вмѣстѣ съ вѣр- нымъ его Камергеромъ, Петромъ Басмановымъ, привязавъ шнур-

комъ ногу Басманова къ дѣтороднымъ частямъ Дмитрія, вытащили ихъ изъ воротъ Кремля на площадь, принесли туда столъ и скамейку: Дмитрія положили на столъ, а его вѣрнаго совѣтника на скамейку, поперекъ къ столу, такъ что ноги Дмитрія лежали на груди Басманова, чтобы всѣ видѣли и знали, что шатунъ монахъ, обманщикъ страны и осквернитель дѣвицъ въ самомъ дѣлѣ спроваженъ отъ жизни къ смерти.

Когда Гришка лежалъ въ такомъ видѣ на столѣ, пріѣхалъ изъ Кремля верхомъ одинъ Дворянинъ, привезъ съ собою волюнку и маскарадное платье, бросилъ къ нему на животъ, въ ротъ ему сунулъ дудку, а волюнку положилъ на грудь и сказалъ: «Ты, блядской сынъ и обманщикъ страны, вдоволь прежде поигралъ на дудкѣ, поиграй-ка теперь для насъ!» Нѣкоторые другіе Дворяне, граждане и купцы, стоявшіе тутъ и глазѣвшіе, сѣкли трусь розгами, приговаривая: «Ахъ ты отигбтый монахъ и сынъ бляда, сколько зла-то надѣлалъ ты въ нашей странѣ! сколько великаго вреда намъ нанесъ! Какъ это ты растратилъ до чиста всю казну и надѣлалъ такихъ большихъ бѣдъ?» Туда пробрались также и Московскія женщины, и тоже очень зло наругались надъ нимъ, сколько могли. Но какъ Басмановъ былъ знатной фамиліи и рода, и сводный братъ его находился еще въ живыхъ, то этотъ послѣдній и выхлопоталъ у знатнѣйшихъ Князей и Бояръ позволеніе унести брата съ площади и похоронить его.

Гришка или Дмитрій три дня и три ночи долженъ былъ оставаться въ показанномъ мѣстѣ, ради позора и великаго униженія за огромный вредъ и великія бѣды, сдѣланныя имъ Русскимъ. По тому что онъ такъ былъ гордъ, честолюбивъ и надмененъ, что, подобно Александру Великому, требовалъ себѣ уваженія отъ своихъ служителей и подданныхъ, приличнаго не Императору, Королю и Государю, а Богу, и величалъ себя не такъ, какъ дѣлали его предшественники и прежніе Великіе Князья, а назывался Царемъ всѣхъ Царей. Когда онъ, или жена его, переходили изъ одной комнаты въ другую, тѣлохранители и его служители должны были изъяслять имъ свое почтеніе и усердіе не такъ, какъ водилось у другихъ великихъ свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ поклономъ, приклякиваніемъ; нѣтъ, они должны были становиться на колѣни. Это прилично одному лишь Богу, а изъ лю-

дей на землѣ никому; за то они и праведно наказаны отъ Бога, что не отдавали ему чести. По тому что Ему одному слѣдуетъ и принадлежить, чтобы, по слову псалма, преклонялись всѣ колѣна на небѣ и на землѣ, когда произносится имя Исуса, нашего Искупителя, а не тогда, когда называютъ суевѣрнаго человека и властителя.

Послѣ того какъ Гришка или Димитрій получилъ такой жалкій конецъ, нѣкоторые Русскіе распустили слухъ, что много чудесныхъ знаменій бываетъ у его тѣла; я расскажу ихъ нѣсколько, хоть самъ и не видалъ ихъ, а слышалъ отъ другихъ и не много сомнѣваюсь въ истинѣ, по тому что Русскіе охотно занимаютъ такими лжами, баснями и сказками. Они говорятъ, что на третью ночь, когда мнимый Великій Князь лежалъ не похороненный на площади, вышли изъ земли нѣсколько свѣтъ по обѣимъ сторонамъ стола и горѣли; когда же пришли сторожа и уставились смотрѣть на это — онѣ пропали, но по уходѣ сторожей показались опять. Въ ужасѣ Русскіе дали знать о томъ Думнымъ Боярамъ Государства и знатнѣйшимъ лицамъ. Тотчасъ же сдѣлано приказаніе унести оттуда трупъ и бросить въ ровъ, гдѣ нищіе и немущіе люди имѣли свое кладбище.

Въ то время, какъ переносили его, поднялся по всему городу неслыханно страшный вихрь, сорвавшій кровли съ нѣсколькихъ церквей и башни съ городскихъ стѣнъ: всѣ только дивились тому. Когда похоронили Гришку и народъ разошелся, на другой день трупъ опять очутился на мѣстѣ у рва, а на немъ сидятъ два живые голубя: когда подходилъ кто ни будь, голуби улетали, а когда уходилъ, прилетали снова. По тому и велѣли Сенаторы бросить его опять въ яму, навалить въ нее земли и закопать ее. Тамъ и лежалъ онъ семь дней. Когда прошли этѣ дни, трупъ былъ найденъ опять въ получетверти мили отъ кладбища. Весь народъ въ Москвѣ испугался, что такія странныя диковинки происходятъ съ трупомъ: «Это диво дивное, говорили, что тѣло не хочетъ оставаться въ землѣ.» Одинъ говорилъ, что самъ дьяволъ дурачится и потѣшается такъ надъ людьми, отступившими отъ Христіанской Вѣры; другой утверждалъ, что Гришка былъ колдунъ, выучившійся этому искусству у Лапонцевъ: когда они дадутъ себя убить, могутъ и воскрешать себя. И онъ выучился тоже этому дьяволъ

скому искусству, отъ того и надобно бросить его въ огонь и сжечь до тла. Такъ и сдѣлали: сложили большую груду дровъ, сѣры и селомы, положили на нее трупъ и сожгли его въ прахъ, а пепель разбѣлаи по воздуху: пусть онъ умчитъ его со всѣмъ ядомъ, который впиталъ въ себя Гришка и принесъ съ собою въ страну, чтобы въ вѣкъ никогда не было о немъ ни слуху, ни дуу. Такъ исполнилось надъ нимъ изреченіе Иисуса Христа: «Всякъ возносяся, смирится» (Qui se exaltat, humiliabitur); также и правда пословицы: «Quod cito fit, cito perit.» Скоро не бываетъ спору.

Этого и довольно сказать о такомъ зрѣлищѣ, да и много, если все это было такъ въ самомъ дѣлѣ. Но я сомнѣваюсь въ томъ, по тому что Русскіе много занимаются такими баснями и вздорами и врутъ такъ грубо, что дѣлается даже стыдно слушать; но я оставляю всякого при своемъ мнѣніи, пусть думаетъ каждый, что ему хочется. Въ томъ только нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Гришка убитъ, похороненъ, опять вынутъ былъ изъ могилы и сожженъ, и никогда уже не возвращался въ здѣшнюю жизнь, хотя Поляки послѣ возмущенія очень распространяли слухъ, будто онъ не убитъ, а бѣжалъ въ Польшу, убитъ же вмѣсто его другой. Нѣкоторые распускали это для того, чтобы надѣлать Русскимъ еще больше смятевій и безпокойствъ, за то что они такъ ужасно и немилосердно вступили съ ними. Это, однако жъ, не такъ: ни убитый и сожженный въ Москвѣ Димитрій, ни зарѣзанный въ Угличѣ не приходилъ опять, хотя Поляки желали надѣлать сотню Димитріевъ и навязать ихъ Москвитинамъ

Это 17-е Мая было плачевнымъ и несчастнымъ днемъ для Димитрія, Поляковъ и всѣхъ иностранцевъ въ Москвѣ. Битыхъ восемь часовъ не было тогда слышно ничего другого, кромѣ набата, выстрѣловъ, ударовъ, скачки, бѣготни, страшнаго вопля и крика Русскихъ: «Руби, руби Польскихъ выблядковъ!» не было ни какого милосердія, не помогали ни просьбы, ни молебны, ни обѣщанія, ни посулы, ни деньги, ни другіе подарки.

Одинъ Польскій Дворянинъ вскочилъ съ постели въ одной сорочкѣ, когда начался мятежъ, и спрятался было въ погребъ, захвативъ съ собой кошелекъ съ сотней червонцевъ. Отыскивая, неспрятано ли, или не закопали ль что ни будь Поляки, Русскіе

нашли его въ погребѣ. Онъ тотчасъ же отдалъ имъ сто червонцевъ, которые съ нимъ были, очень смиренно и со слезами на глазахъ просилъ пощадить ему жизнь и сдѣлать его плѣнникомъ: онъ никого не обижалъ, никому не дѣлалъ зла, а сколько съѣлъ у нихъ, за это онъ заплатитъ, по тому что имѣетъ на столько состоянія въ Польшѣ. Пусть они отведутъ его въ Кремль къ Князьямъ и Боярамъ страны: тамъ онъ совсѣмъ оправдается. Наконецъ они согласились, по тому что онъ былъ такъ печаленъ, смотрѣлъ такимъ жалкимъ и такъ глубоко вздыхалъ.

Когда же они повели его, вышедши изъ воротъ, на улицу, онъ увидалъ своихъ служителей, которые лежали мертвые, обнаженные, изрубленные, всѣ въ крови: онъ вздохнулъ еще тяжеле. Къ нему подошла другая толпа Русскихъ, и они, точно бѣшеные, закричали: «Руби до смерти блядскаго сына!» Онъ кланялся имъ въ землю, жалобно просилъ пощадить его; когда это не помогло, онъ просилъ именемъ всѣхъ Святыхъ, Дѣвы Маріи и Николая. Но это тоже не помогло: они рубили его саблями. Онъ вырвался, отскочилъ отъ нихъ, сталъ на колѣни, плакалъ, просилъ: «Вы зовете себя Христіянами, Москвитяне; гдѣ же ваше Христіанское состраданіе и милосердіе? Пощадите же меня, невиннаго, ради Вашей Христіанской Вѣры, ради моей жены и дѣтей, которые у меня въ Польшѣ!» Но онъ просилъ вовсе напрасно и попусту: они сдѣлали ему саблями рубецъ на щекѣ, и кровь текла по немъ и спереди, и сзади. Онъ добѣжалъ, отскочилъ отъ нихъ дальше, все хотѣлъ спасти себѣ жизнь и думалъ склонить ихъ на милость. Но отъ варваровъ нечего было ждать ни какого милосердія: нѣкоторые другіе Москвитяне выбѣжали изъ своихъ домовъ и такъ поздоровались съ Полякомъ, что онъ упалъ на землю и жалкимъ образомъ отдалъ душу Богу.

Сколько этотъ день былъ печаленъ и несчастливъ для Поляковъ и всѣхъ иностранцевъ въ Москвѣ, столько же былъ онъ желаннымъ и счастливымъ днемъ для Русскихъ. По тому что кто былъ бѣденъ, нагъ и убогъ, *annis pannisque obsitus*, сталъ тогда богатъ и добылъ много воровскаго имѣнія и добычи въ платьяхъ, бархатѣ, шелкѣ, ружьяхъ и броняхъ, въ лисьихъ, куньихъ и собольихъ мѣхахъ, въ цѣпочкахъ, кольцахъ, кубкахъ, коврахъ, лошадяхъ, золотѣ и деньгахъ; Русскіе гордились и превод-

носились, что они такіе храбрые и отважные воины: «Нашъ Московскій народъ, говорили они, великій и сильный, всему свѣту не одолѣтъ его. Кто сосчитаетъ нашъ народъ? Всѣ должны молчать передъ нами, кланяться и валяться въ ногахъ у насъ.» Да, когда ихъ сто на пятерыхъ, тогда они безстрашные и храбрые воины; если въ рукахъ у нихъ сабли и копья, а у другихъ нѣтъ того, тогда они дѣлаютъ великіе и храбрые подвиги и пожинаютъ большую честь, въ противномъ же случаѣ остаются очень смиренными и сидятъ за печкой въ теплыхъ избахъ.

Когда это ужасное убійство, жестокости и возмущеніе были укрощены и утишены, собрались въ Кремль знатнѣйшіе Князья и Бояре, послали къ Великой Княгинѣ, женѣ Гришки или Дмитрія, и велѣли сказать ей, что имъ хорошо извѣстно, что она дочь одного вельможи Польскаго только не знали они, кто или что такое былъ этотъ убитый измѣнникъ и обманщикъ страны, выдававшій себя за Дмитрія: это извѣстно ей, по тому что она взяла его въ мужа себя и знала его въ Польшѣ.

Если она хочетъ быть свободною и ити къ своему отцу, то должна все отдать и расплатиться за все, что ни украдено вѣроломнымъ плутомъ изъ казны и что послано въ Польшу; да и возвратитъ всѣ его подарки ей. Она тотчасъ же отдала не только платья, Царскія принадлежности, украшенія, жемчугъ, драгоценные камни, цѣпочки, браслеты и кольца, но сняла даже платье съ себя, отдала его и не оставила у себя ни чего, кромѣ шлафрока, говоря, чтобы они взяли все и позволили ей безопасно ити къ отцу: она заплатитъ также и за все свое содержаніе ея съ людьми. Они ни чего не говорили о содержаніи: только ей надобно заплатить 55,000 рублей и отдать разныя драгоценныя украшенія, посланныя воромъ въ Польшу: тогда и отпустятъ ее къ отцу. — «Все это и еще столько же своего она издержала въ дорогѣ, къ чести ихъ Государя и всѣхъ Москвитянъ; у нея ни чего не осталось изъ того, все отдано.» Выстъ съ тѣмъ она отъ всего сердца проситъ, чтобы допустили къ ней кого ни будь изъ служителей ея отца: какъ только повидается она съ отцомъ, оба они доставятъ все, что будетъ по ихъ средствамъ, остальное же пришлютъ изъ Польши, если только будутъ освобождены и уйдутъ туда.

Одному служителю ея отца дозволили ходить къ ней и отъ нея и вести между ними сношенія. Узнавъ, чего просить и требуютъ Русскіе, отецъ просилъ, чтобы пришли къ нему нѣкоторые изъ Московскихъ Бояръ. Они сейчасъ же исполнили это и пришли. «Вы, Господа, началъ онъ говорить имъ, не хотите позволить моеи дочери прійти ко мнѣ: пусть уплатитъ сначала 55,000 рублей, присланныхъ въ Польшу Димитріемъ, на пышный нарядъ для нея, къ чести Великаго Князя и Царства; но на это вышли не только 55,000, а и гораздо больше. Всѣ наряды она возвратила, люди ея перебиты, а вы все еще требуете съ насъ денегъ. Со мною здѣсь говорилъ онъ, деньги на мое содержаніе: ихъ 60,000 рейхсталеровъ, да еще 20,000 Польскихъ гульденовъ въ сверткахъ. Если доставите ко мнѣ дочку и всѣхъ Поляковъ, которые еще въ живыхъ и не убиты, и отпустите ихъ со мною въ Польшу, я отдамъ вамъ всѣ этѣ деньги, остальные вышлю.» — «Еще рано, отвѣчали они, отпускать тебя съ твоими земляками; но коли хочешь имѣть при себѣ дочку, отдай въ нашу казну 80,000 талеровъ, дочка и прійдетъ къ тебѣ, а не отдашь—не прійдетъ.» — «Что же мнѣ дѣлать?» сказалъ отецъ. Я хочу жить и умереть вмѣстѣ съ дочерью. Пусть будетъ надо мною воля Божія! Вотъ деньги: приведите сюда мою дочь, съ Гофмейстериною и всей женской прислугой, я заплачу вамъ деньги!» Такъ и привели Марину къ отцу, со всѣми ея жёнщинами. Русскіе взяли деньги. Тогда Воевода сказалъ, со слезами на глазахъ.

«Князья и Бояре Государства! Вы поступили съ нами не какъ честные люди. Вы говорите, что убитый Димитрій не истинный и родной сынъ Ивана Васильевича и, однако жъ, цѣлый годъ позволяли ему царствовать и править вами, приняли его, признали его своимъ Великимъ Княземъ, когда съ горстью людей ворвался онъ изъ Польши въ вашу землю. Съ нѣсколькими тысячами человекъ вы отложились отъ своего Великаго Князя, Бориса Годунова, и измѣнили ему, потомъ пристали къ Димитрію, какъ къ своему законному и природному, наследственному Государю: это и обмануло насъ въ Польшѣ; мы не могли подумать ни чего другаго, кромѣ того только, что онъ, безъ всякихъ сомнѣній и обмановъ, истинный Князь, какимъ выдавалъ себя. Вы убили Бориса Годунова съ женой и дѣтьми, истребили весь родъ его, приняли Димитрія,

какъ своего законнаго Государя, вѣнчали его Великимъ Княземъ, клялись ему, присягали; черезъ своихъ посланниковъ велѣли благодарить насъ въ Польшѣ за то, что держали его въ такомъ почетѣ и пышности, воспитали его во всѣхъ добродѣтеляхъ (!) и рыцарскихъ упражненіяхъ и поставили его на ноги. Ваша грамота и печать показываютъ и свидѣлствуютъ, что онъ истинный, природный и наслѣдственный Государь. Вы дружески заискивали и просили насъ дать ему въ жены нашу любезную дочь: никогда въ вѣкъ вы не отопретесь отъ того. Мы не предлагали и не сватали ему нашей дочери. Онъ сваталъ ее черезъ васъ. Мы не хотѣли соглашаться на это: дѣло сдѣлалось съ согласія всѣхъ сословій, и мы слышали, что онъ законный наслѣдственный Государь страны. Вы сдѣлали для насъ извѣстнымъ это: доказательство тому — ваши письма, находящіяся подъ вѣрнымъ сохраненіемъ, у Польскаго Короля. Присланные вами послы то же засвидѣлствовали предъ Королемъ. Какимъ же языкомъ вы смѣете говорить теперь, что онъ не истинный наслѣдный Государь? Съ какою совѣстью можете сказать и жалуетесь на насъ въ Польшѣ, что мы обманули васъ?

«Мы, Поляки, повѣрили вашимъ словамъ, письмамъ, печати и крестному цѣлованію. Вы обманули насъ, а не мы васъ. Мы пришли къ вамъ, какъ друзья и братья, а вы поступили съ нами, какъ съ злѣйшими врагами, алчными до крови и убійства тиранами. Мы обходились съ вами безъ притворства и хитрости: это докажемъ тѣмъ, что мы не жалимъ въ кучку, живя у васъ, а размѣстились въ Москвѣ тамъ и сямъ, по разнымъ улицамъ; мы этого не сдѣлали бы, если бы имѣли на умѣ какое нѣ будь зло и коварство. А вы тайкомъ, точно вѣроломные предатели, подстерегали насъ, въ устахъ у васъ былъ медъ, а въ сердцѣ горькая желчь; устами вы привѣтствовали насъ, а въ сердцѣ замыслили задушить, какъ и очевидно теперь. Да помиуетъ Богъ за то, сколько сотенъ печальныхъ вдовъ и сиротъ сдѣлали вы въ Польшѣ этѣмъ убійствомъ! Когда онѣ узнаютъ о томъ, и днемъ, и ночью безпрестанно будутъ изъ глубины сердца вопіять и вздыхать къ Богу, чтобы Онъ отомстилъ за такое неслыханное убійство. Какой дадите вы отвѣтъ Всемогущему Богу? Какую славу припишутъ вамъ иноземные народы? Если Димитрій, по тепере-

пнннмъ вашнмъ словамъ, былъ не истинный Днмтрій и наслѣдннй Государъ, что сдѣлали и въ чемъ провинились предъ вами невинные музыканты, ювелиры, купцы и другіе, убитые такъ жалостно и безпощадно? Они ничего не взяли у васъ, они привезли къ вамъ богатые и дорогіе товары, которые теперь попали въ ваши руки. Въ чемъ провинились противъ васъ другіе невинные люди, женщины и дѣвнцы, съ которыми вы влохо распорядились, опозорили ихъ, изнасилничали? Если бы у насъ была неприязнь къ вамъ, мы не пришли бы сюда съ пятью тысячами чедовѣкъ, по тому что хорошо знали, что народа у васъ нѣскольکو сотъ тысячъ. Мы тоже привели бы съ собою войско.

«Мы пришли къ вамъ на свадьбу со всею дружбой, а наши люди погублены смертью, отдали свою душу, ограблены и лишены всего, что было привезено съ ними. Не уже ли вы думаете, что Богъ на небесахъ, праведный ревнитель о всѣхъ Своихъ дѣлахъ, не отомститъ и не накажетъ въ свое время васъ и вашихъ дѣтей за такое страшное и злодѣйское дѣло?»

«Горькія вдовы и сироты не перестанутъ плакать и глубоко вздыхать къ Богу, пока Онъ не оплатитъ за это. Если хотите, можете поглотить насъ, пожрать, истребить, можете сдѣлать это: наше дѣло правое, Богъ будетъ судьей между вами и нами. Утѣшаемъ себя тѣмъ, что совѣсть наша чиста передъ Богомъ и цѣлымъ свѣтомъ, и у насъ не было никогда на умѣ сдѣлать вамъ какое ни будь зло.»

«Ты, Воевода, сказали въ отвѣтъ Русскіе Бояре, невиновать, а тѣмъ менѣе мы; виноваты гордые и надменные Поляки, которые насловали и позорили женъ и дочерей нашихъ братій, дѣлали явно на улицахъ большія насильства, дрались, рубились, насмѣхались, злословили, ругали, грозили, колобродили, и тѣмъ раздражили и возстановили противъ себя народъ; сердце его такъ озлобилось, что потомъ, когда онъ расходился, едва можно было остановить и удержать столько сотенъ тысячъ людей, по половицѣ: «*Canis rabiosus, a somno excitatus, furit.*»

«Убитый мужъ твоей дочери самъ подалъ много поводовъ къ своей гибели: презиралъ наши образа, нравы, обычаи, обряды,

и насъ самихъ, хотѣлъ отмѣнить нашу древнюю Греческую Вѣру и ввести идолопоклонническую, Папскую, предпочиталъ намъ всякаго иностранца, опустошилъ до чиста нашу казну и всю ее промоталъ на чужеземцевъ, не допускалъ къ себѣ никого изъ нашихъ, развѣ только по желанію и съ согласія Поляковъ, заключилъ союзъ съ Польскимъ Королемъ, помогавшимъ ему деньгами, людьми и всѣмъ необходимымъ овладѣть Русскимъ Царствомъ и нашимъ отечествомъ, обѣщался ему нарушить вѣчный миръ между Швеціей и Россією, что и сталъ уже приводить въ исполненіе, и для того велѣлъ отвезти въ Иваньгородъ тысячу бревенъ, изъ чего ясно можно видѣть, какое страшное кровопролитіе хотѣлъ онъ поднять между Шведами, Чудью и Ливонцами, и все это противно данной имъ клятвѣ и обѣщаніямъ. Россія—собственная наша земля и не принадлежитъ никому другому: мы ввѣрили ему нашу страну, и онъ бы долженъ былъ благодарить и помнить, на какую высокую степень величія и почестей мы его поставили. Держись онъ больше нашего народа, нежели иностранцевъ, люби и уважай насъ больше Поляковъ, онъ остался бы для всего свѣта Димитріемъ, хотъ и не былъ имъ на самомъ дѣлѣ. Онъ самъ хорошо зналъ, что не сынъ Ивана Васильевича, за котораго выдавалъ себя. Если мы его приняли и признали Великимъ Княземъ, все это вышло изъ за правленія Бориса Годунова, который, точно лисица какая, прокрался на Царство лукавствомъ да ловкостью. Мы думали было поправить свою долю черезъ Димитрія, и зажить припѣваючи: намъ это не удалось, насъ ставили ни во что, унижали; онъ старался лишить насъ жизни и всякаго счастья, жралъ телятину, велъ варварскую жизнь, скоро принудилъ бы и насъ жить такъ же и заставилъ бы дѣлать что ни будь другое, еще того лучше, чтобы послѣ не полюбилось намъ, да и послужило бы къ нашему вреду и пагубѣ.

«Мы и убили его, чтобы предунредить заранѣе эту опасность и кровожадность и сохранить нашу Христіанскую Греческую Вѣру: если бы онъ не умеръ, мы все же бы уходили его. Мы съ неудовольствіемъ видѣли, что въ бунтѣ погибло много невинныхъ людей: лучше бы хотѣлось намъ, чтобы они остались въ живыхъ. Однако жъ, мы не отвѣчаемъ за это, по тому что это сдѣлано во время возмущенія освирѣпѣвшимъ и мстительнымъ народомъ, страш-

наго своевольства котораго никому нельзя было и укротить, не то что остановить совсѣмъ.

«Что касается женщинъ и дѣвушекъ, онѣ всѣ живы и всѣ на лицо: съ нашими женами и дочерьми имъ теперь лучше, нежели твоей дочери; коли хочешь, чтобъ онѣ были у тебя, онѣ прійдутъ; только сначала ты поклянися намъ и присягни, что ни ты, ни кто другой изъ твоего рода, не станете мстить за этѣ обиды ни огнемъ, ни мечемъ, ни намъ, ни нашимъ братьямъ и землѣ. Такъ какъ много людей твоего Короля погибло въ мятежѣ, то мы хотимъ, чтобы ты употребилъ всевозможные труды и старанія о томъ, какъ бы намъ помириться и договориться съ Королемъ. На счетъ же остальныхъ 55,000 рублей и всѣхъ подарковъ, сдѣланныхъ твоимъ зятемъ твоей дочери въ клейнодахъ, украшеніяхъ, жемчугѣ и драгоценныхъ каменьяхъ, которыхъ недостаетъ въ нашей казнѣ, мы хотимъ, чтобы все это ты намъ уплатилъ и возвратилъ. Какъ скоро это сдѣлается, ты получишь свободу со всѣми твоими земляками и поѣдешь, куда тебѣ угодно; а не сдѣлаешь того, всѣ вы будете нашими плѣнниками, хоть бы васъ было вдвое столько же, и останетесь въ темницахъ подъ стражей. Ваше дѣло будетъ рѣшить это.»

«Что касается подарковъ, сказалъ Воевода, которые вашъ убитый Великій Князь прислалъ нашей дочери, какъ своей любезной невѣстѣ, всѣ ихъ она опять привезла съ собою, виѣстѣ съ тѣмъ, что подарили мы ей. невѣстѣ, въ приданое и на наряды; она все отдала вамъ: вы сами знаете и видѣли, что ее привели къ намъ въ одномъ спальномъ капотѣ. А что пропало во время бунта, отъ того, что вы увели у ней комнатныхъ ея женщинъ, вамъ лучше знать, куда оно дѣвалось, нежели намъ. Не мало удивляетъ насъ ваша неприличная и нехристіанская затѣя, что вы сначала ограбили насъ, да потомъ и требуете украденнаго съ насъ же, ограбленныхъ и голыхъ, у которыхъ едва есть рубашки на тѣлѣ.»

«Восемьдесятъ тысячъ талеровъ, которые мы доставили вамъ въ минуты крайней нашей бѣды, горя и гоненія, это — собственные наши деньги, въ нихъ нѣтъ ни одной полушки вашей, и мы ни чего не дадимъ вамъ больше.»

«Мы поклянемся и сдержимъ клятву, что не будемъ мстить за нехристіанскую и жестокою обиду отъ васъ намъ и нашимъ товарищамъ, не позволимъ отмщать за нее и нашимъ друзьямъ и роднымъ, а предоставимъ это милосердому и праведному Богу, который говорить: «*Mihi est vindicta, ego retribuam.*» Пусть же Онъ судить, осуждаетъ и воздастъ за это дѣло.

«Но что касается Польскаго Короля, моего Всемилостивѣйшаго Государя, я не могу клясться и обѣщать, а тѣмъ меньше сдержатъ обѣщаніе и обнадеживать васъ, по тому что большая часть убитыхъ его подданные и слуги, смерть ихъ огорчить и опечалить его, когда онъ узнаетъ, какъ жестоко и безчеловѣчно вы поступили съ ними. Онъ не ровня мнѣ, онъ мой Король и Государь: могу ли же мирить и соглашать васъ съ нимъ? Нечего и просить у меня того, чего нельзя сдѣлать и исполнить.»

«Если не хочешь, отвѣчали Москвитяне, и не можешь сдѣлать того, такъ оставайся нашимъ плѣнникомъ со всѣми твоими Поляками, пока не узнаемъ, на какихъ условіяхъ намъ можно будетъ помириться съ Королемъ, и пока ты не возвратишь взятаго въ нашей казнѣ, и не заплатишь за пропавшее въ этомъ побойщѣ.»

«Что Богу угодно, отвѣчалъ Воевода, то пусть и будетъ: Онъ посылаетъ мнѣ всѣ мои страданія и невзгоды, предаюсь въ Его волю и буду все сносить терпѣливо: есть же предѣлъ, до котораго вы можете вредить мнѣ; дѣлайте все, что попускаетъ вамъ Богъ; больше вы ни чего не можете сдѣлать ни мнѣ, ни моимъ товарищамъ.»

31 Мая всѣ Поляки, какъ женщины и дѣвѣцы, такъ и мужчины, были отвезены изъ Москвы, кромѣ Королевскаго Посланника, Александра Гонсѣвскаго, и посажены въ темницы по городамъ. Воевода съ его дочерью, сыномъ и зятемъ, также и со всѣми женщинами, отвезены въ Ярославль и охранялись крѣпкою стражей на большомъ дворѣ, а служители и другіе Поляки посажены въ заключеніе; нѣкоторые изъ нихъ посланы и помѣщены въ Костромѣ, Галичѣ, Вологдѣ и Казани; имъ не давали ни чего другаго, кромѣ хлѣба и воды. Всѣ же, бывшіе тамъ, Польскіе Дворяне должны были продать за половинную цѣну свое платье,

галантерейныя и всякія другія вещи, сохранившіяся у нихъ во время бунта, на свое содержаніе и на поупку съѣстнаго, и влчили очень жалкую жизнь въ большой нищетѣ и горѣ, до самаго своего чудеснаго освобожденія, что и объяснимъ послѣ.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что законный сынъ жестокаго Великаго Князя Ивана Васильевича, Димитрій, дѣйствительно убитъ былъ въ Угличѣ, за свои злыя наклонности, по кознямъ Годунова, который искалъ Царства и сдѣлался Великимъ Княземъ всея Россіи, и что Гришка Отрепьевъ, мелкій дворянинъ и монахъ, бѣжавшій изъ монастыря и Россіи, выдалъ себя за убитаго Димитрія, и, благодаря силѣ и способности Поляковъ, завладѣлъ Россіей и былъ убитъ въ Москвѣ. Однако жъ, многіе изъ Русскихъ толкуютъ не то и говорятъ, что настоящій Димитрій не былъ убитъ, а чудеснымъ образомъ избѣжалъ смерти, и что Димитрій, убитый въ Угличѣ, также и въ Москвѣ, одно и то же лицо, все же воскресшее и опять начавшее вести другія войны, съ большими смутами и кровопролитіемъ.

Что Димитріевъ было много, такъ что не было и конца имъ, и не смотря, что ихъ душили, убивали и жгли, все таки новый Димитрій выползалъ въ слѣдъ за прежними, все избѣгалъ смерти и все насильно дѣлался первымъ Димитріемъ, истиннымъ сыномъ Ивана Васильевича. Но что бы всѣ знали сущую правду объ этомъ, я объясню и растолкую въ немногихъ словахъ, въ чемъ тутъ дѣло, по тому что былъ не одинъ Димитрій, какъ разнесли Поляки, Езуиты и нѣкоторые крамольные и вѣроломные Москвитяне, но ихъ было много, и они, какъ мы разсказывали, были убиваемы другъ за другомъ, и что Гришка Отрепьевъ, или другіе его послѣдователи, не только не истинные Димитрія, но плуты и обманщики, и присвоивали себѣ имя обманомъ; по тому что, во первыхъ, неосновательно, чтобы этотъ Гришка, завоевавшій страну мечомъ и дѣйствительно убитый въ Москвѣ, былъ истинный Димитрій и наслѣдственный Государь страны; если бы онъ былъ таковъ, то имѣлъ бы не больше 22-хъ лѣтъ отъ роду, тогда какъ ему было болѣе 30-ти лѣтъ.

Во вторыхъ, вскорѣ послѣ его вѣнчанія пришелъ монахъ изъ того же монастыря, изъ котораго убѣжалъ тайкомъ Гришка. Онъ открыто разсказывалъ, что онъ знаетъ новаго, коронованнаго Ве-

ликаго Князя, и что онъ не истинный Димитрій, сынъ Ивана Васильевича, а Гришка Отрепьевъ, бѣглець, обманщикъ и измѣнникъ, по тому что это тотъ самый, который выучилъ его читать и писать, и ему хорошо извѣстно, откуда онъ родомъ, кто его родители, за что друзья упрятали его въ монастырь, сколько времени онъ оставался тамъ и когда ушелъ оттуда.

Слышавшій это народъ схватилъ монаха и отвелъ его въ комнату Великаго Князя. Монахъ не потерялъ духа, стоялъ на своемъ словѣ, сказалъ ему въ глаза, что онъ плутъ и обманщикъ, за что и долженъ былъ умереть жалкою смертію безъ всякаго суда: «*Nam veritas odium parit,*» правда глаза колеть.

Въ третьихъ, и дядя этого Гришки, Елеазаръ Отрепьевъ, то же говорилъ не только большимъ Боярамъ въ Москвѣ, Королю Сигизмунду и всему Польскому Сенату въ Польшѣ, но и Королю Шведскому, Карлу IX-му, что онъ не истинный Димитрій, за котораго выдавалъ себя, а сынъ его брата, и отданъ былъ въ монастырь за кой-какія шалости и мошенничества, чтобы монахи держали его тамъ въ строгости, а онъ сталъ бы благочестивѣе и бросилъ свои злыя наклонности и негодныя страсти. Но такъ какъ суровая жизнь была ему не по вкусу, онъ и убѣжалъ изъ монастыря тайкомъ въ Польшу, занимался тамъ разными воинскими упражненіями въ фехтованіи, борьбѣ, верховой ѣздѣ и примѣрныхъ сраженіяхъ, потомъ убрался оттуда и съ помощію какихъ-то злыхъ людей, особливо по умыслу, совѣту и настроенію одного монаха, которые всѣ не желали добра Борису Годунову, выдалъ себя за Димитрія, сына Ивана Васильевича. Такими коварными происками онъ и получилъ всю власть надъ Москвой.

Въ четвертыхъ, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, бывшій потомъ Великимъ Княземъ, то же свидѣтельствовалъ, что онъ не истинный Димитрій, за котораго выдавалъ себя. По тому что Шуйскій зналъ настоящаго Димитрія, когда онъ былъ живъ, видѣлъ его мертваго послѣ убійства, узналъ и похоронилъ его. По этой-то причинѣ Гришка и велѣлъ взять подъ стражу Шуйскаго, отвести его на площадь, и положить голову его на плаху, располагая казнить его, если онъ не откажется отъ распущенныхъ имъ слуховъ. Какъ человѣку, жизнь была ему милѣе смер-

ти: онъ показалъ, что языкъ у него мельница, отперся отъ своихъ словъ, и такимъ образомъ ложь и жизнь счелъ выше и благороднѣе правды и чести, по тому что зналъ, что у Русскихъ въ одной цѣнѣ и честь и безчестье. За то и освободили его и возстановили его прежнюю добрую славу.

Въ пятыхъ, въ Углицкомъ Княжествѣ одинъ Дворянинъ, 105-ти лѣтъ, рассказывалъ многимъ лицамъ, что находился въ услуженіи у убитаго Димитрія, и что Гришка совсѣмъ не тотъ Димитрій, по тому что того онъ видѣлъ мертваго на землѣ и хорошо зналъ, что это истинный, а не подмѣненный, какъ разнесли какіе-то сплетники.

Въ шестыхъ, одинъ старый Голландскій аптекаръ, по имени Арендъ Клаузендъ, 40 лѣтъ служившій въ Великокняжеской аптекѣ, признавался, что зналъ истиннаго Димитрія въ его дѣтствѣ, и говорилъ, что настоящій Димитрій былъ смуглолицъ, какъ и мать его, Марья Федоровна Нагай (Maria Fedrova Nagai), а этотъ, выдающій себя за Димитрія, совсѣмъ не смуглъ.

Въ седьмыхъ, одна Ливонская Дворянка, Тизенгузенъ, жившая всегда въ комнатныхъ дѣвушкахъ у матери истиннаго Димитрія, гласно рассказывала и признавалась, что это совсѣмъ не истинный Димитрій, а другой, по тому что истиннаго убили и похоронили въ бытность ея въ Угличѣ.

Въ осьмыхъ, когда уже вездѣ разнесся слухъ, что Гришка не истинный Димитрій, Самозванецъ пошелъ въ монастырь, гдѣ жила Великая Княгиня, Марья (Марѳа) Федоровна, и сказалъ ей, что намѣренъ вырыть поповича, убитаго и похороненнаго вмѣсто его, и положить въ другомъ мѣстѣ. Великая Княгиня не дозволила того, хорошо зная, что это ея родной сынъ убитъ и похороненъ въ Угличѣ. Достаточно можно видѣть изъ этого, что если бы Гришка былъ въ правду родной сынъ ея, она бы согласилась на его предложеніе, чтобы тѣмъ тверже поставить его на царствѣ, вывести народъ изъ думы и заставить его вѣрить безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, что Великій Князь не подложный Димитрій. Если же она покривила душой и назвала его своимъ сыномъ, то поступила такъ изъ того только, чтобы получить прежнюю власть и лучшее содержаніе; при томъ же съ удовольствіемъ видѣла, что

Борись, со всѣми его друзьями, низложенъ и уничтоженъ за то, что велѣлъ убить ея сына.

Въ девятыхъ, Петръ Басмановъ, вѣрнѣйшій совѣтникъ и камергеръ Гришки, пожертвовавшій за него жизнью, рассказывалъ за тайну многимъ лицамъ, что онъ не истинный Димитрій, какъ называлъ себя, а другой; но какъ онъ справедливый Государь и они присягнули ему и вѣнчали его, то и должны быть довольны имъ и молиться за него Всемогущему Богу, чтобы Онъ милостиво утвердилъ его на престолѣ и сохранилъ его здоровымъ и счастливымъ во время его царствованія: во всей Россіи не найти имъ Государя лучше и разумнѣе.

Въ десятыхъ, Янъ Сапѣга (Jan Sapieha), знатный Польскій Дворянинъ, позволялъ себѣ разглашать, будто бы Лжедимитрій—побочный сынъ Стефана Баторія: это, однако жъ, неправда, и онъ истинный Гришка Отрепьевъ; Поляки пособили ему совѣтомъ и дѣломъ, войскомъ и военными снарядами, помогли ему занять вооруженною рукой Москву, такъ онъ и сталъ благодарный Русскимъ Димитрій, сынъ Ивана Васильевича, который сначала убитъ былъ въ Угличѣ, а потомъ въ Москвѣ, теперь же опять оживъ и долженъ былъ снова приводить Москвитянъ въ покорность себѣ. Рускіе совѣмъ одурѣли и помѣшались на этомъ: только что одного убьютъ, какъ захотятъ имѣть другого, и это до тѣхъ поръ продолжалось, пока Москвитяне не одолѣли ихъ и не подчинили своей волѣ.

Всякому разсудительному человѣку легко понять изъ того, что Димитрія, истиннаго сына Ивана Васильевича, не было въ живыхъ, не былъ также живъ и Гришка Отрепьевъ, ложно выдававшій себя за Димитрія: оба они были убиты; однако жъ, точно такъ же выдумали другихъ Димитріевъ, отъ чего вышло много зла и много пролито крови. Поляки и Казаки играли большую пошлую шутку и комедію съ Русскими по тому, что какъ скоро Димитрій умиралъ, тотчасъ же на его мѣсто являлся другой, такъ что и конца не было Димитріямъ.

Когда убили и сожгли Лжедимитрія Гришку Отрепьева, Москвитяне выбрали и вѣнчали Великимъ Княземъ Василю Ивановича Шуйскаго, 1-го Іюня, 1606 года, и присягнули ему всей землею,

какъ духовные, такъ и міряне, Дворяне и простыя люди, кромѣ Казаковъ и нѣкоторыхъ сословій, которые жили на Польской границѣ и были преданы Лжедмитрію, получивъ отъ него большія преимущества и льготы. Они услышали теперь, будто бы онъ самъ третьей ушелъ въ Польшу и скрывался въ комнатѣ Воеводы Сандомирскаго, и не хотѣли присягать Шуйскому, пока не получатъ вѣрнѣе извѣстій изъ Польши.

Послѣ вѣнчанія, Великій Князь Шуйскій отправилъ пословъ въ Польшу къ Королю Сигизмунду съ просьбою, чтобы онъ вѣрно и правдиво соблюдалъ во всѣхъ статьяхъ прежніе мирные договоры между обоими Государствами и ни какимъ образомъ не позволялъ Полякамъ дѣлать нападенія по границамъ, а сохранялъ бы съ нимъ доброе сосѣдство и сношеніе. Шуйскій послалъ ему большіе подарки, съ извиненіемъ въ Московскомъ убійствѣ Поляковъ: они убиты за большія своевольства, которыя тамъ дѣлали, грабя и понося простой народъ, насильничая женщинъ и дѣвицъ, и за другія, такія же злыя, дѣла: это возмутило и озлобило народъ, такъ что послѣ нельзя было укротить и успокоить его, пока онъ не истребилъ нѣсколько сотъ Поляковъ съ измѣнникомъ и обманщикомъ страны, Гришкой Отрепьевымъ, который выдалъ себя за сына Ивана Васильевича и былъ причиною этого плачевнаго кровопролитія. Шуйскій взялъ подъ свою защиту Королевскаго Посла, чтобы не сдѣлали какого вреда ему, или его имуществу, и въ самомъ скоромъ времени отпустить его поздорову. Король отвѣчалъ на это и писалъ, что касается до него, онъ желаетъ сохранять доброе сосѣдство съ Василиемъ, отослалъ за подарки къ нему свои подарки, требовалъ своего посла и говорилъ дальше, что Поляки, убитые въ Москвѣ, и всѣ другія лица, подданныя Короля, люди вольные, могли ити, куда имъ угодно: они пришли на свадьбу въ слѣдъ за Воеводой Сандомирскимъ, а если надѣлали чего ни будь, пусть сами и отвѣчаютъ за это; изъ за нихъ ему нечего имѣть дѣло съ Шуйскимъ. Но ему нельзя ни запрещать, ни останавливать друзей и родныхъ убитыхъ, если бы они стали что ни будь дѣлать: они господа въ Польшѣ и народъ вольный; захотятъ отомщать Русскимъ, онъ долженъ имъ дозволить это. Получивъ этотъ отвѣтъ, Шуйскій тотчасъ же велѣлъ Польскому Послу ѣхать въ Польшу.

Въ то время, какъ они вели сношенія объ этѣхъ дѣлахъ, становилось все слышнѣе и слышнѣе, что Димитрій убѣжалъ, скрывался въ Польшѣ, собиралъ войско и хотѣлъ опять завладѣть странною. Эта странная вѣсть привела въ удивленіе и смутила Москвитянъ: они не знали, чему имъ вѣрить. Великій Князь Шуйскій вскорѣ послалъ нѣкоторыхъ своихъ довѣренныхъ служителей въ Угличъ, велѣлъ Димитрія, уже 17-ть лѣтъ назадъ убитаго и похороненаго, вырыть изъ земли, перевезти въ Москву и похоронить въ той церкви, гдѣ погребаются другіе Московскіе Великіе Князья, чтобы народъ не соблазнялся и не давалъ вводить себя въ заблужденіе этѣмъ толкамъ и болтовнѣ, не измѣнялъ ему, а увидалъ и узналъ на самомъ дѣлѣ, что былъ обманутъ соблазнителемъ, выдававшимъ себя за истиннаго Димитрія, и убилъ его, а теперь онъ опять ушелъ будто бы отъ смерти и собираетъ въ Польшѣ войско. Это великая ложь, выдуманная басня: тѣхъ Димитріевъ нѣтъ ужъ больше: одного они видѣли, что онъ доподлинно убитъ и сожженъ, а другаго, истиннаго Димитрія, убитаго въ Угличѣ, Великій Князь велѣлъ теперь перенести въ Москву. А чтобы еще больше утвердить въ этомъ мнѣніи Москвитянъ, онъ велѣлъ тайно убить въ Угличѣ одного 10-тилѣтняго поповича, надѣтъ на него чистый богатый саванъ, положить въ новый гробъ и отвезти въ Москву. Самъ онъ вышелъ на встрѣчу тѣлу Князя со всѣмъ своимъ Дворомъ, съ монахами и попами, съ крестами и знаменами, съ большою свитой и процессіей: такъ и отнесли его въ церковь. Въ народѣ же Шуйскій велѣлъ разгласить, что Св. Князь Димитрій, убитый на 9-мъ году жизни въ Угличѣ, лежалъ 17-ть лѣтъ въ землѣ, а тѣло его такъ свѣжо и неплѣнно, * точно онъ вчера умеръ.

Сорочка и платье на немъ не сгнили и не истлѣли. Гробъ, въ которомъ лежалъ, не обветшалъ и не развалился, а остался совершенно новымъ: кто желаетъ видѣть это, пусть идетъ въ церковь, она будетъ отворена. Великій Князь нанялъ также тайкомъ нѣсколькихъ здоровыхъ людей, которые прикинулись больными и

* Г. Устряловъ, издавшій Бера, у котораго много поживился Петрей, блестящимъ образомъ опровергнувъ эту нелѣпую сказку объ убіеніи поповича. Но для насъ, Русскихъ, опроверженіе излишне, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ: лучшее опроверженіе тому наше, полное вѣры, сердце.

приползли въ церковь на четверенькахъ къ Св. Димитрію. Нѣкоторые притворились слѣпыми и дали вести себя другимъ, которые не были слѣпы и имѣли здоровые глаза, просили себѣ у Димитрія зрѣнія и здоровья. Притворявшіеся хромыми встали и пошли, слѣпыя получили зрѣніе, и всѣ говорили въ одинъ голосъ, что помогъ имъ Святой Димитрій. Грубые, невѣжественные люди повѣрили, что все это такъ и было. Страшное, неслыханное идолопоклонство совершалось у тѣла. Богъ на Небесахъ прогнѣвался на это: тѣхъ, которые, притворяясь слѣпыми и хромыми, велѣли носить и водить себя въ церковь и просили помощи у Св. Димитрія, Онъ такъ наказалъ, что одинъ ослѣпъ совсѣмъ, а другой скоропостижно умеръ въ церкви, по тому что Богъ не терпитъ такого обезьянства и не позволяетъ шутить съ Собою. Люди то же стали замѣчать, что это пустой обманъ и обморочиванье и не ходили больше въ церковь молиться Св. Димитрію. Великій Князь по тому и велѣлъ запереть церковь, никогда не пускать туда и сказать священникамъ, чтобы они объявили народу, что такое стеченіе богомольцевъ прогнѣвило и утомило Св. Димитрія, дали бы ему нѣсколько времени отдохнуть и не тревожили его, пока онъ не развеселится и не будетъ въ хорошемъ расположеніи духа: тогда пусть и приходятъ опять. *

Во время мятежа, когда убитъ былъ Димитрій или Гришка, одинъ изъ Русскихъ Князей, по имени Григорій Шаховской (Schachowski), укралъ у него изъ комнаты Государственную печать, бѣжалъ съ нею на границу въ Путивль и увезъ съ собой двухъ Поляковъ въ Русскомъ платьѣ; пріѣхавши въ городъ Серпуховъ (Zirpekow), въ 18 миляхъ отъ Москвы, онъ и Поляки остановились на ночлегъ у одной иностранки, проживавшей въ городѣ, ужинали тамъ, а при отъѣздѣ дали ей пригоршню денегъ и сказали: «Возьми это, пожалуйста, на обратномъ пути дадимъ тебѣ еще больше: распорядись только, чтобы у тебя были медъ и водка!»—«Что вы за люди?» спросила женщина.» Я, отвѣчалъ Шаховской, Князь, и даю тебѣ знать, что у тебя ѣлъ и пилъ Великій Князь, котораго замыслили Москвитяне убитъ, но онъ убѣжалъ, и они убили другаго вмѣсто его.» Потомъ они уѣхали отъ нея, переправились черезъ рѣку Оку, и на переправѣ Шаховской далъ пере-

* Это говорить Протестантъ.

вощику 6-ть талеровъ на водку и спросилъ его: «Знаешь ли, кто мы?»— «Нѣтъ, отвѣчалъ переводчикъ: я никого изъ васъ не знаю.»— «Молчи же, мужичокъ, продолжалъ Князь Шаховской: ты перевезъ Великаго Князя, Димитрія: вотъ тотъ молодой богатырь, котораго хотѣли убить Москвитяне, однако жъ онъ ускользнулъ отъ нихъ, Богъ сохранилъ его, и когда онъ воротится со множествомъ войска, сдѣлаетъ тебя большимъ человѣкомъ.» Потомъ продолжали путь въ Путивль, и такія же слова говорили они вездѣ по дорогѣ, гдѣ останавливались на ночлегъ. По всей странѣ пошла молва, что Великій Князь Димитрій убѣжалъ; она донеслась наконецъ и до Москвы и навела на Москвитянъ странныя думы. По приѣздѣ Князя Шаховскаго съ двумя Поляками въ Путивль, они разстались. Поляки прибыли за границу въ Сандомиръ, принесли женѣ Сандомирскаго Воеводы извѣстіе, какія дѣла надѣлались въ Москвѣ, какъ Князь Шаховской пособилъ имъ уйти изъ Москвы, какъ обѣщалъ отомстить за смерть Великаго Князя, такъ, чтобы Москвитяне помнили это, пока свѣтъ стоитъ: онъ будетъ писать сюда въ Польшу къ своему Государю, Димитрію, какъ будто бы этотъ былъ здѣсь и скрывался, а они отпишутъ ему отъ имени Великаго Князя, Димитрія, что онъ скоро придетъ съ хорошимъ и отборнымъ войскомъ, опять завладѣетъ страной и накажетъ своихъ вѣроломныхъ измѣнниковъ. Послѣ того, какъ два Поляка разстались съ Княземъ Шаховскимъ, онъ вошелъ въ городъ (Путивль), собралъ гражданъ и весь народъ и рассказалъ, какъ Москвитяне поступили съ ихъ Государемъ, какъ онъ, съ Божіей помощію, ушелъ, а Поляки, бывшіе съ нимъ, перебиты, онъ удалился къ матери своей жены, Воеводигѣ Сандомирской, хочетъ собрать войско и отомстить невѣрнымъ крамольникамъ, что увидятъ они изъ его письма: общааетъ жителямъ особенную благосклонность и милость, прося при томъ усердно, чтобы они остались вѣрными, сдержали клятву, которою клялись, и вѣрно пособили ему смирить и наказатъ Москвитянъ за ихъ измѣну и нанесенный ему великій позоръ; онъ пожалуетъ ихъ всѣми милостями и постарается заслужить имъ за это. Поразсудивъ о томъ, Путивльцы поспѣшно послали гонца на широкую поляну въ Татарскую степь, привели оттуда нѣсколько тысячъ Казаковъ, собрали всѣхъ Дворянъ и воиновъ изъ своей области, выбрали вождя, по имени Истому Башку (Васо), который и пошелъ съ войскомъ въ походъ отъ имени

Димитрія, и въ 4-ре недѣли принудилъ присягнуть 14 городовъ, въ томъ, что они опять общаются воевать за Димитрія, накажутъ Москвитянь и принудятъ ихъ къ повинновенію. Великій Князь Шуйскій и Москвитяне, бывшіе за него, испугались: онъ поскорѣе собралъ большое войско, объявивъ, что Крымскій Татаринъ ворвался въ страну со многими тысячами Татаръ, убилъ и взялъ въ плѣнъ многія тысячи Христіянъ, хотѣлъ ити и дальше въ страну, грабить, убивать, и причинять всякій вредъ, а по тому бы, не иѣшкая, собирались для предупрежденія намѣреній Татарина. Такъ и сдѣлали: скоро собралось все войско, конное и пѣшее, и пошло въ походъ; но, прошедши нѣсколько миль за Москву, замѣтили, что ни какихъ Татаръ нѣтъ, а только ихъ собственные земляки, Казаки, Князья и Дворяне; все подвигались впередъ, до тѣхъ поръ, пока не столкнулись другъ съ другомъ, стали сражаться, и тогда Москвитяне, стоявшіе за Шуйскаго, были порядкомъ побиты, ограблены, прогнаны и взяты въ плѣнъ, такъ что должны были бѣжать назадъ въ Москву. Плѣнные посажены въ темницы, угощены розгами и плетями, обруганы позорными и насмѣшливыми словами, нѣкоторые изъ нихъ посланы въ Москву рассказать Великому Князю Шуйскому и его приверженцамъ все, что видѣли и слышали, какъ вкусно ихъ отпотчивали и накормили, и что Димитрій скоро явится со всѣмъ войскомъ наказывать безбожныхъ и крамольныхъ Москвитянь и истреблять ихъ за великій, нанесенный ему, позоръ и поруганіе отъ нихъ и за неслыханное не Христіанское убійство его людей.

Получивъ эту вѣсть, Великій Князь Шуйскій велѣлъ объявить народу, что вся ихъ земля находится въ великой опасности, и вотъ сколько несчастья, горя и зла надѣлали Поляки Русскимъ съ своимъ самодѣльнымъ Димитріемъ: казна растрчена, пролита кровь множества тысячъ людей, превосходный и благоразумный Великій Князь, Борисъ Ѳедоровичъ, погибъ изъ за нихъ съ женой, съ сыномъ и всѣмъ родомъ; теперь Поляки и нѣкоторые пегодные измѣнники и разорители страны разносятъ, что воръ и блядинъ сынъ ушелъ, а не убитъ, а это, какъ всѣмъ извѣстно, не было на самомъ дѣлѣ; да хотя бы и было такъ, онъ все же не истинный Димитрій, а плутъ, обманщикъ и соблазнитель. Пусть Русскіе не принимаютъ его ни подъ какимъ видомъ, чтобы онъ

не заставилъ насъ исповѣдывать идольскую Панскую Вѣру. Чтобы еще лучше расположить народъ къ Христіанскому состраданію, Шуйскій велѣлъ вырыть тѣла Великаго Князя Бориса, его жены и сына, уже три года лежавшія въ землѣ, перенести ихъ въ Троицкій монастырь (Trois) и похоронить по Княжески, съ большою пышностью; каждое тѣло должны были нести 12-ть миль отъ Москвы до Троицы 20 монаховъ. Великій Князь, думные Бояре, Дворяне и весь народъ слѣдовали за ними, также и Патріархъ, Епископы, монахи и священники. Дочь Бориса, Аксинья (Axiņa Bogisjs), ѣхала возлѣ тѣлъ въ закрытыхъ саняхъ, рыдала и причитала: «Горе мнѣ бѣдной, горькой, покинутой сиротѣ! Наглый воръ, плутъ и измѣнникъ, назвавшійся Димитріемъ, истинный обманщикъ и соблазнитель, погубилъ моего отца, мать, брата и всѣхъ друзей, Теперь онъ и самъ погибъ, за свое безчинство и безбожную жизнь, а при жизни, да и по смерти, надѣлалъ этой странѣ много великаго, лютаго горя. Покарай его, Боже, осуди его въ здѣшней, временной, и въ той, вѣчной, жизни!»

Видимъ и слышимъ здѣсь лживость и непостоянство Русскихъ; такъ горько, такъ жалобно они оплакивали и жалѣли Великаго Князя Бориса, желали, чтобы онъ живъ былъ и царствовалъ, Бориса, котораго прежде, по ненависти и великой дерзости, погубили чрезъ Лжедимитрія, не обративъ ни какого вниманія на пословицу, которая говоритъ, что не прежде покидай и презирай добрыхъ старыхъ друзей, пока еще не увидалъ и не испыталъ, на что годны и полезны новые. (Старый другъ лучше новыхъ двухъ.)

Межъ тѣмъ Путивльскій вождь, Истома Башковъ (Bascorff), усиливался все больше и больше, подвинулся ближе къ Москвѣ даже до Коломны, не встрѣчая сопротивленія, принудилъ всѣ города опять присягнуть Самозванцу, расположился въ милѣ отъ Москвы и требовалъ отъ имени Димитрія, чтобы этотъ городъ выдалъ ему мятежника, Великаго Князя, съ двумя его братьями. Въ Москвѣ многіе испугались, тайкомъ уѣхали изъ города въ свои помѣстья, и укрылись, кому гдѣ было лучше и безопаснѣе.

Когда этотъ вождь, Истома, находился подъ Москвою, прибылъ къ нему на выручку изъ Польши, черезъ Комаринскую во-

лостѣ, другой опытный воинъ, Иванъ Исаевичъ Болотниковъ (Polutnich), и всю страну, которою проходилъ, привелъ къ присягѣ въ томъ, что жители будутъ оказывать повиновеніе и пособіе убѣжавшему Дмитрію. Этотъ Болотниковъ былъ родомъ Москвитянинъ, въ молодости былъ взятъ въ плѣнъ Татарами въ широкой степи у Казаковъ, проданъ въ Турцію, и наконецъ освобожденъ и отвезенъ Венеціанами въ Венецію, оттуда пошелъ онъ въ Польшу, гдѣ и узналъ чудную переимѣну Правительства на своей родинѣ, и что законный наслѣдственный Государь, Дмитрій, убѣжалъ, находится въ живыхъ и скрывается въ Сандомирѣ. Болотниковъ и отправился къ нему, рассказалъ о своемъ родѣ, положеніи и обстоятельствахъ, въ которыхъ находился прежде; человекъ, называвшій себя Дмитріемъ, узнавъ, что онъ храбрый и отважный воинъ, спросилъ его, хочетъ ли онъ опять служить ему противъ его крамольныхъ земляковъ? Болотниковъ отвѣчалъ, что готовъ сражаться за своего природнаго и законнаго Государя. «Я теперь не могу много дать тебѣ, сказалъ Дмитрій, однако жъ возьми вотъ коня, саблю, пистолеты, 30 червонцевъ и это письмо къ Намѣстнику въ Путивлѣ, Григорію Шаховскому: онъ выдастъ изъ казны, сколько тебѣ нужно, и пошлетъ тебя съ отрядомъ войска: скажи и ему и другимъ, что ты видѣлъ меня въ Польшѣ и говорилъ со мною въ томъ видѣ, въ какомъ находишь меня здѣсь передъ твоими глазами!»

Съ этѣмъ отвѣтомъ Болотниковъ пошелъ изъ Польши въ Путивль: его извѣстіе было очень пріятно тамъ, и если прежде много дали вѣры въ этомъ дѣлѣ Шаховскому, то теперь повѣрили въ тысячу разъ больше, что Дмитрій въ самомъ дѣлѣ ушелъ, жертвовали имѣніемъ, жизнью, всѣмъ, чѣмъ могли, не смотря на то, что онъ былъ не истинный Дмитрій.

По изустному и письменному приказанію, Болотниковъ сдѣланъ начальникомъ надъ 12-ю тысячами Казаковъ и пошелъ, черезъ Комарницкую волость (Samarische), къ Москвѣ, гдѣ стоялъ станомъ другой вождь, Истома. Оба вождя, очень властолюбивые, не хотѣли ни въ чемъ уступить другъ другу и поссорились: Болотниковъ говорилъ, что его послалъ самъ Великій Князь, а Истома только Шаховской, по тому и хотѣлъ имѣть высшее мѣсто и

больше уваженія, ради Великаго Князя, согналъ съ мѣста Исто-
му съ его войскомъ и самъ занялъ его. Истомѣ очень было до-
садно, что его такъ опозорили и поругали; онъ тотчасъ же за-
велъ сношенія съ Великимъ Княземъ Шуйскимъ, чтобы этотъ не
только оказалъ ему обѣщанную благосклонность и милость, да и
прислалъ бы еще большіе подарки, и до того довелъ дѣло, что
съ 9-ю тысячами вооруженныхъ ратныхъ людей передался Вели-
кому Князю Шуйскому, вошелъ съ ними въ Москву и извѣстилъ,
что ни одинъ человекъ не видалъ въ Путивлѣ Димитрія. Объ этомъ
разнесъ одинъ Шаховской, также и о томъ, будто онъ ушелъ въ
Польшу, и велѣлъ ему опять привести къ присягѣ Путивльцевъ;
но такъ ли это было и ушелъ ли Димитрій, Истома не можетъ
сказать.

Простой народъ въ Москвѣ отправилъ пословъ къ Болотни-
кову, желая, чтобы онъ показалъ своего Государя, Димитрія:
тогда они поклонятся въ ноги этому Князю и поклянутся ему въ
вѣрности и преданности. Болотниковъ отвѣчалъ, что онъ дѣйстви-
тельно въ Польшѣ и скоро будетъ сюда; что онъ, Болотниковъ,
былъ у него, видѣлъ его ясныя очи и лично получилъ отъ него
это приказаніе. Москвитяне говорили, что «это будетъ другой
Димитрій: мы убили того, который выдавалъ себя за Димитрія,
просили Болотникова, чтобы пересталъ проливать невинную кровь
и передался Великому Князю Шуйскому, который сдѣлаетъ его
большимъ Бояриномъ. «Я поклялся моему Государю, отвѣчалъ Бо-
лотниковъ, подвергать за него свою жизнь опасности, сдержу это,
и не буду крамольнымъ плутомъ и измѣнникомъ, какъ Истома:
вы радѣйте своему, а я буду усердствовать моему Государю, и ско-
ро навѣщу васъ.»

Болотниковъ тотчасъ же послалъ гонца въ Путивль и велѣлъ
просить Шаховскаго, чтобы «онъ не медля послалъ въ Польшу
и вызвалъ Димитрія. Онъ такъ повелъ дѣла съ Москвитянами,
что они хотятъ упасть въ ноги Князю и просить помилованія, если
увидятъ его лично живаго. Ему не для чего набирать войско, при-
ходилъ бы одинъ, дѣла скоро поправятся. Увидавъ его, народъ
сейчасъ же схватитъ за горло его измѣнниковъ и выдастъ ихъ
ему.» Но Самозванецъ уговаривалъ Шаховскаго, чтобы самъ онъ
вызвалъ себя за Димитрія, и ушелъ отъ него въ Польшу, не хо-

тѣмъ вѣрить этѣмъ кознямъ и являться Димитріемъ, остался Польскимъ Дворяниномъ, какъ былъ, и не пошелъ: пускай, де, выдаетъ себя за Димитрія и дерется за Россію тотъ, кому припадетъ охота!

Такъ какъ Димитрій не приходилъ изъ Польши, Москвитяне ободрились, стали смѣлѣе и дали жестокое сраженіе Болотникову. Великій Князь самъ выступилъ изъ Москвы съ 100 тысячами войска, напалъ на него въ станѣ, перебилъ нѣсколько тысячъ и обратилъ его въ бѣгство. Болотниковъ принужденъ бѣжать въ Серпуховъ съ уцѣлѣвшими изъ отряда, а Великій Князь вошелъ съ торжествомъ въ городъ. Пришедши въ Серпуховъ, Болотниковъ созвалъ народъ и гражданъ и спросилъ ихъ: «Не могутъ ли они долгое время снабжать продовольствіемъ его съ подчиненнымъ ему войскомъ? Коли могутъ, онъ останется въ городѣ, а не то—оставитъ ихъ и уйдетъ.»

Они отвѣчали, что у нихъ нѣтъ на столько состоянія и запасовъ, чтобы и себя-то содержать долго, а не то, что его съ войскомъ. Отъ того онъ и ушелъ оттуда въ крѣпость Калугу, гдѣ приняли его ласково, ради Димитрія, и обѣщали долгое время снабжать продовольствіемъ его съ войскомъ. Онъ велѣлъ сдѣлать частоколъ кругомъ города, впереди его вырыть глубокій ровъ, позади его также, чтобы ни одна пушка не могла причинить вреда городу.

Уже долгое время ни какой Димитрій не хотѣлъ приходиться изъ Подьяши и подвергать жизнь опасности за Русскую корону. Тогда Князь Григорій Шаховской придумалъ въ Путивлѣ другую хитрость и продѣлку, чтобы помучить своихъ земляковъ: онъ и прежде еще слышалъ отъ степныхъ Казаковъ, что у Великаго Князя, Федора Ивановича, вмѣсто котораго завѣдывалъ Великокняжескимъ правленіемъ Борисъ Годуновъ, былъ незаконный сынъ, по имени Петръ Федоровичъ, и проживалъ нѣсколько лѣтъ у Казаковъ, по тому что Борисъ имѣлъ покушеніе и на его жизнь, такъ онъ и не могъ отправиться въ Россію при жизни Бориса, однако жъ намѣренъ былъ ити къ своему дядѣ, Димитрію, и просить у него Княжескаго содержанія, если бы того не убили.

Къ этому-то Петру Федоровичу написалъ Шаховской письмо отъ имени Димитрія, и запечаталъ его Государственнымъ печатью, которую укралъ во время возмущенія, какъ сказали мы выше. «Пусть Петръ набереть столько Казаковъ, сколько будетъ для него можно, идетъ въ Путивль и поможетъ ему занять и оборонить его отечество, пока Димитрій не придетъ самъ изъ Польши съ большимъ войскомъ, не смиритъ и не одолѣетъ своихъ недруговъ, а послѣ того дастъ ему прекрасное Княжество, чтобы и онъ былъ доволенъ.»

Получивъ эту вѣсть, Петръ Федоровичъ очень обрадовался, собрался съ 10-ю тысячами Казаковъ и прибылъ въ Путивль, на помощь своему дядѣ, Димитрію. Шаховской самъ пошелъ съ нимъ къ крѣпости Туль, въ томъ мнѣніи, что, если счастье ему повезетъ, онъ одолѣетъ Москвитянъ и одержитъ побѣду надъ ними, а изъ Польши ни какого Димитрія не явится, для овладѣнія странюю, то Петръ Федоровичъ будетъ выбранъ и коронованъ въ Великіе Князья; между тѣмъ Шаховской дѣлалъ все отъ имени Димитрія, хотъ этотъ на самомъ дѣлѣ и умеръ. Такъ какъ Болотниковъ держался крѣпко въ Калугѣ, Великій Князь Шуйскій велѣлъ осадить этотъ городъ; но Калужане защищались храбро, нанесли много вреда его войску, и оно, не сдѣлавъ дѣла, принуждено отступить съ бѣдственъ.

Въ войскѣ Великаго Князя находился одинъ легкомысленный Господинъ, по имени Фридрихъ Фидлеръ. Онъ объявилъ Великому Князю, что, для блага его и всей страны, онъ отправится къ его врагу, Ивану Болотникову, и отравитъ его ядомъ, только Великій Князь долженъ пожаловать ему помѣстье и сто рублей денегъ.

Великій Князь обѣщалъ, велѣлъ тотчасъ же дать ему дорожную лошадь и 100 талеровъ деньгами, чтобы онъ ѣхалъ къ неприятелю и сдержалъ свое обѣщаніе. Когда воротится и вѣрно сдѣлаетъ дѣло, ему подарено будетъ помѣстье во 100 душъ и дастся 300 талеровъ ежегоднаго жалованья. Но какъ вышеназванный Фидлеръ былъ продувной мошенникъ, Великій Князь и не вѣрилъ ему: пока еще не дали ему денегъ, онъ долженъ былъ поклониться, что вѣрно и безъ всякаго хитраго обмана исполнитъ свое обѣщаніе. Тогда онъ далъ такую клятву, что всѣ благоче-

стивые и богобоязливые люди приходили въ трепеть, читая, или слушая, ее. Потомъ взялъ деньги, пошелъ къ неприятелю, подавъ ему при всѣхъ ядъ въ руки и сказалъ, что «Великій Князь Шуйскій послалъ его съ тѣмъ, чтобы онъ Болотникова выдалъ, но онъ не хочетъ того сдѣлать;» тутъ онъ вручилъ ему ядъ, чтобы тотъ дѣлалъ съ нимъ, что хочетъ. Болотниковъ благодарилъ его и сдѣлалъ ему большіе подарки, такъ онъ и остался у него въ Калугѣ; а послѣ онъ взять былъ въ плѣнъ воинами Великаго Князя и сосланъ въ Сибирь. Клятва, которую онъ далъ, слово въ слово слѣдующаго содержанія, какъ записалъ ее Священникъ Мартинъ Беръ: «Святою и во всѣ времена славимою Троицею, Богомъ, вѣчнымъ Отцомъ, Богомъ Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ, я, Фридрихъ Фидлеръ, клянусь извести ядомъ недруга Царя Василія Ивановича и всей Россіи, Ивана Болотникова; если же не сдѣлаю того, а обману моего милостивѣйшаго Государя Шуйскаго изъ за денегъ, то пусть лишусь навѣчно моего участія въ небесномъ блаженствѣ, и Богъ, вѣчный Отець, никогда въ вѣкъ не окажетъ мнѣ Своего милосердія, пусть будутъ для меня напрасными драгоценныя заслуги Нашего Искупителя, Иисуса Христа, Сына Божія, и Духъ Святой отступится отъ меня съ своею силою и дѣйствиемъ и никогда не соприсутствуетъ мнѣ съ какимъ ни будь утѣшеніемъ. Пусть не исправляютъ своего долга надо мною служебные Святые Духи, приставленные ко мнѣ и всѣмъ людямъ, обратятся во вредъ мнѣ, земля поглотитъ меня живаго въ свою пропасть, всѣ земныя растенія и яства послужатъ мнѣ не пищею, а ядомъ; пусть буду я принадлежать дьяволу душою и тѣломъ, мучиться и казниться весь вѣкъ. Если же я, надумавъ, или захотѣвъ, обмануть моего Государя изъ за денегъ, не сдѣлаю того, въ чемъ клялся, пойду къ духовному отцу и попрошу разрѣшить себя отъ такого грѣха, пусть разрѣшеніе всякаго служителя Божія во всемъ свѣтѣ не будетъ сильно освободить меня отъ этого грѣха, если не исполню того, что на меня возложено. Но я исполню это безъ всякой хитрости, обмана и плутовства, и изведу этѣмъ ядомъ Ивана Болотникова, также истинно, какъ истинна для меня помощь Божія и Его, ведущаго къ спасенію Евангелія!»

Таяъ князь Великій Князь Шуйскій держалъ въ жестокой осадѣ и сильно тѣснилъ Калугу, Петръ Федоровичъ выслалъ изъ

Тулы нѣсколько тысячъ человѣкъ на выручку Болотникову. Москвитяне тоже послали войско имъ на встрѣчу изъ своего стана; тѣ и другіе встрѣтились, и Москвитяне были отбиты и принуждены бѣжать съ ужасомъ въ станъ. Узнавъ о томъ, Болотниковъ сдѣлалъ вылазку изъ города на другое войско, пришедшее изъ Тулы, со всѣми силами напалъ на станъ Москвитянъ и всѣхъ разогналъ ихъ. Въ большомъ страхѣ они бѣжали въ Москву, бросивъ дробь, порохъ, пушки, продовольствіе, платье и все, что у нихъ было. Болотниковъ опять запасъ всѣмъ этѣмъ Калугу, а самъ пошелъ въ Тулу, къ Петру Федоровичу.

Но Великій Князь не обратилъ на это вниманіе: ободрившись, онъ послалъ войско подъ Серпуховъ, занялъ его и потомъ отправился въ походъ самъ, съ намѣреніемъ осадить Тулу, по тому что тамъ были зачинщики и коноводы этой смуты и бунта, какъ, на пр., Григорій Шаховской, Петръ Федоровичъ, Иванъ Болотниковъ и Намѣстникъ Телятевскій (Telatouski). Но прежде нежели Великій Князь подошелъ къ городу и могъ осадить его, всѣ они двинулись на встрѣчу ему, жестоко схватились съ нимъ и скоро побили бы Москвитянъ, если бы одинъ изъ ихъ Полковниковъ не передался Великому Князю съ 4000-ми человѣкъ: на всѣхъ другихъ напалъ такой страхъ, что они оставили поле сраженія, вернулись опять въ Тулу и укрѣпили ее. Но Великій Князь жестоко осадилъ и стѣснилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и всѣмъ своимъ войскомъ: ни кому не было ни входа, ни выхода; но все же онъ не могъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ города: они оборонялись храбро. Шуйскій ничего не могъ сдѣлать ни пальбой, ни приступами, ни голодомъ. Они ѣли собакъ, кошекъ, падали на улицахъ, лошадей, свои мокроты, водовыи кожи: гиспель соли стоилъ полталера, виспель ржи 100 гульденовъ; о цивѣ никто не смѣлъ и думать, много припiali муки и перенесли голода; чернь была очень недовольна и бунтовала противъ вождей, Шаховскаго и Болотникова: говорили, что они лгутъ, хотѣли уже схватить ихъ и выдать Великому Князю, по тому что видѣли, что ни какой Димитрій не являлся къ нимъ на выручку освободить ихъ отъ непріятеля. Болотниковъ вышелъ къ народу и говорилъ: «Когда возвращался я изъ Италіи, въ Польшѣ велѣлъ позвать меня къ себѣ одинъ молодой человѣкъ, около 28 лѣтъ отъ роду, и сказалъ, что онъ истинный Димитрій.

убѣжавшій во время Московскаго возмущенія. Онъ взялъ съ меня присягу на вѣрную службу ему: я и буду служить ему, пока живѣ. Истинный ли онъ, нѣтъ ли, это не могу знать, по тому что онъ мнѣ знакомъ мнѣ, и я не видалъ всѣхъ его подробностей. Однако жъ пошлю еще гонца, чтобы онъ постарательнѣе развѣдалъ, что сдѣлалось съ тѣмъ Господиномъ, который видѣлся со мною въ Польшѣ и взялъ съ меня присягу, прійдетъ ли онъ, или нѣтъ?»

Народъ остался доволенъ этѣмъ отвѣтомъ. Но посланный дошелъ не дальше города Стародуба, не осмѣлился заходить далеко и ждалъ, чѣмъ кончатся этѣ дѣла.

Такъ какъ этотъ гонецъ долго не возвращался и не приносилъ ни какого отвѣта, то жители подумали, что на него напали и убили его непріатели: они посовѣтовались между собою и отправили другаго гонца. Этотъ переплылъ рѣку, прибылъ въ Польшу и тамъ разливался въ сѣтованіяхъ о крайней нуждѣ и опасномъ положеніи Туляковъ; ему былъ данъ приказъ отъ Полководца, что если не найдется ни какого Димитрія и никто изъ друзей и родныхъ Князя Сандомирскаго не отважится ни на что для ихъ выручки, то онъ, посолъ, долженъ послѣ того передать Королю всѣ города и крѣпости, занятые ими на имя Димитрія, только бы не доставались они Москвитянамъ.

Когда гонецъ этотъ прибылъ въ Польшу, друзья и родные Сандомирскаго Князя начали хлопотать, какъ бы достать и поставить на ноги новаго Димитрія. Сначала было очень трудно и опасно отыскать такого, который захотѣлъ бы такъ попоказничать. Наконецъ, въ Бѣлоруссіи, въ городѣ Соколѣ (Socola) отыскали хитраго, продувнаго плута, который нѣсколько времени былъ учителемъ и могъ бойко говорить и читать по Русски. Его назвали Димитріемъ и рассказали ему всѣ предшествовавшія происшествія, случившіяся съ этѣми Димитріями въ Россіи. Онъ тотчасъ ихъ выразумѣлъ, принялъ титулъ и имя, и пошелъ въ Путивль съ однимъ Польскимъ Полковникомъ, Мѣховецкимъ (Mechavetzki). Его признали тамъ за Димитрія и приняли съ большою радостью.

Оттуда онъ отправился въ Сѣверское Княжество (Sivverski) и прибылъ самъ — третей въ Стародубъ, но не выдавалъ себя Ди-

митріемъ, убитымъ въ Москвѣ Великимъ Княземъ, а назвался Нагаемъ (Nagai), однимъ изъ друзей его, и говорилъ, что Димитрій недалеко: онъ ѣдетъ съ Господиномъ Мѣховецкимъ и нѣсколькими тысячами конниковъ и воиновъ; пусть же они будутъ рады ему, а въ немъ найдутъ очень милостиваго Государя, который пожалуетъ ихъ прекрасными льготами, за то что вели себя такъ честно и вѣрно.

Но какъ Полковникъ Мѣховецкій замедлил нѣсколькими днями долге, нежели полагали жители, имъ стало досадно, что этотъ Нагой дурачить ихъ и смѣется надъ ними; схватили его съ товарищами, повели всѣхъ поочередно на пытку, положили одного, по имени Алексѣя, на пытальную лавку, и начали славно хлестать его по спинѣ розгами до крови; они не хотѣли перестать, пока не скажетъ, гдѣ Великій Князь Димитрій, въ живыхъ ли онъ и гдѣ находится? Онъ кричалъ и просилъ, чтобы перестали, что онъ скажетъ, гдѣ Димитрій, и началъ такъ: «Ахъ вы, дурачье! Смѣете ли вы меня такъ мучить и пытать изъ за вашего Государя Великаго Князя, развѣ не узнаете его? Вотъ онъ стоитъ: посмотрите, какъ вы его отдѣлали! Тотъ-то и есть Великій Князь Димитрій, что выдавалъ себя за Нагаго. Онъ въ вашихъ рукахъ: если хотите его погубить вмѣстѣ съ нами, то можете сдѣлать это. Онъ не объявлялъ себя по тому, что хотѣлъ сначала узнать, обработесь ли его приходу.»

Услыхавъ это, всѣ они поклонились Нагому въ землю, цѣловали его ноги и сказали: «Милостивѣйшій Государь! Виноваты, мы дурно обошлись съ тобой; прости насъ, Государь, отпусти намъ этотъ жестокий грѣхъ: будемъ жить и умремъ за тебя.» Они повели его съ большимъ почетомъ и уваженіемъ въ прекрасную комнату, и такимъ образомъ въ Стародубѣ признали его въ другой разъ за убитаго въ Москвѣ Димитрія.

Лишь только что узналъ о томъ посланный изъ Тулы, проживавшій въ этомъ городѣ, онъ запрыгалъ и чрезвычайно обрадовался его приходу, пошелъ къ нему, подалъ письма на его имя изъ Тулы, однако жъ тотчасъ же замѣтилъ, что это не прежній, котораго убили въ Москвѣ, а другой.

Но какъ этотъ посолъ былъ Полякъ, то и засвѣдѣтельствовавъ ему особенное почтеніе при всемъ народѣ, будто коротко знаетъ его, какъ прежняго своего Господина, хоть и не видалъ его во всю жизнь ни разу. Увидавъ это, народъ еще больше утвердился въ своемъ мнѣніи, что онъ настоящій и подлинный Димитрій. Въ этотъ же день прибылъ и Мѣховецкій съ нѣсколькими ротами всадниковъ. Лжедимитрій велѣлъ ему ити въ городъ Козельскъ (Cazeltzki), и освободить его: онъ самъ скоро пойдетъ за нимъ на выручку Тулы и Калуги.

Этотъ вновь принятый Димитрій, по числу Третій, прежде чѣмъ ему отправиться дальше въ страну, еще лучше хотѣлъ испытать Русскихъ въ Стародубѣ и велѣлъ одному Поляку, по имени Ивану Заруцкому (Zaruski), выѣхать за городскія ворота съ копьемъ, а самъ онъ тоже выѣдетъ въ слѣдъ за Полякомъ, для примѣрнаго сраженія съ нимъ. Когда же народъ соберется толпою и будетъ смотрѣть, Заруцкій долженъ броситься на него съ копьемъ и не много дотронуться до него: онъ свалится, какъ будто сбитый съ лошади, а Полякъ поѣдетъ къ себѣ на квартиру и спрячется тамъ. Если народъ затѣетъ что ни будь недоброе съ нимъ, то Лжедимитрій увидитъ, что онъ вѣренъ и преданъ ему, а Поляку не будетъ ни какого вреда.

Уговорившись такъ, они выѣхали на мѣсто и сразились. Заруцкій бросился на Димитрія, этотъ свалился съ лошади и прикинулся полумертвымъ. Народъ закричалъ въ одинъ голосъ, что надобно схватить измѣнника: взяли его, славно отдѣлали плетью, стащили съ лошади, привели связаннаго къ своему Государю, Димитрію, и спрашивали, какъ имъ казнить его? Услыхавъ, что Заруцкому досталось порядкомъ, Димитрій засмѣялся и сказалъ: «Спасибо всѣмъ вамъ, вѣрнымъ моимъ подданнымъ, за то, что я въ другой разъ узналъ ваше прямотушье со мною, за то, что вы мнѣ преданы и вѣрны: я совершенно невредимъ, хотѣлъ только испытать васъ, и самъ велѣлъ такъ поступить Заруцкому.» Они дивились его находчивости и благоразумію, а Заруцкій принялъ побои себѣ на здоровье.

Выручивъ приверженцевъ Лжедимитрія въ Козельскѣ, отбивъ и прогнавъ отъ него Москвитянъ, Мѣховецкій поджидалъ прихода

Самозванца съ войскомъ; этотъ уже выступилъ и хотѣлъ выручать Тулу и Калугу, но Мѣховецкій узналъ, что три города, Болхоеъ, Бѣлый и Лихвинъ (Liefina), передались Великому Князю и скоро взяли бы головою этого мнимаго Димитрія, если бы онъ не отступилъ и не остался на зиму въ Стародубѣ. Благодаря случаю этого отпаденія городовъ, начальствующіе въ Тулѣ были покинуты совсѣмъ: Великій Князь велѣлъ запрудить текущую городомъ рѣку Упу, отъ чего вода разлилась такъ сильно, что жители должны были ѣздить другъ къ другу на челнокахъ и лодкахъ; отъ голода и отъ воды они принуждены сдать и договариваться о пощадѣ съ Великимъ Княземъ на томъ условіи, чтобы онъ пощадилъ ихъ жизнь и помиловалъ ихъ, а не то всѣ они будутъ держаться до тѣхъ поръ, пока имъ нечего будетъ ѣсть, кромѣ крысъ и мышей, и пока не поѣдятъ другъ друга. Великій Князь очень дивился тому и сказалъ: «Хотя я и поклялся не давать ни какой пощады нѣкоторымъ лицамъ въ Тулѣ, однако жъ мнѣ, видно, надо оставить гнѣвъ и немилость, помиловать ихъ и даровать имъ жизнь, за честную ихъ стойкость и храбрость, по тому что они такъ вѣрны были присягѣ Димитрію, вору и измѣннику: если бы они захотѣли такъ же вѣрно служить и мнѣ, какъ служили ему.» Онъ цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы помиловать всѣхъ ихъ: это было въ день Симона и Иуды, въ 1607 году.

Когда такимъ образомъ {уговорились и условились, выгѣхалъ изъ города Болотниковъ, вошелъ въ палатку Великаго Князя, сталъ на колѣни, припалъ лицомъ къ землѣ и сказалъ: «Я вѣрно сдержалъ клятву, которую далъ въ Польшѣ одному Господину, называвшему себя Димитріемъ, роднымъ сыномъ Ивана Васильевича. Подлинно ли онъ такой, или нѣтъ, не могу знать, я не видалъ его никогда въ прежней моей жизни, однако жъ онъ бросилъ меня, и теперь я въ твоихъ рукахъ: коли хочешь, убей меня, со мною для того и сабля! А если пощадить мою жизнь и помиловать меня, я буду такъ же вѣрно служить тебѣ, какъ служилъ ему.»

Великій Князь велѣлъ ему встать и сказалъ, что сдержитъ все, что обѣщалъ и въ чемъ поклялся. Но онъ сдержалъ клятву, какъ собака держитъ постъ, какъ водится у всѣхъ Москвитянъ. Только что пріѣхавъ въ Москву, онъ велѣлъ Петра Федоровича доѣхать, а Болотникова посадить въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ

жалкою голодною смертію, а 52 иностранца, служившіе въ Тулѣ, сосланы были въ Сибирь.

Взявъ городъ Тулу, Великій Князь распустилъ по домамъ свое войско, кромѣ того, которое стояло подъ Калугой. Къ нему отправилъ онъ одного знатнаго Боярина, бывшаго также и при осадѣ Тулы. Ему было приказано вести переговоры съ Калужанами о сдачѣ города: если сдадутся добромъ, Великій Князь даруетъ всѣмъ имъ жизнь, и окажетъ такое же благоволеніе и милость, какъ и жителямъ Тулы. Но они отвѣчали, что совсѣмъ не намѣрены сдаваться: хотя Государь ихъ и удалился отъ нихъ изъ за крамолы и мятежа, однако онъ не станетъ мѣшкать и вернется довольно скоро. Съ этѣмъ Государемъ они и напали на станъ Великаго Князя и причинили много вреда его людямъ. Это привело въ сильную досаду Великаго Князя: онъ послалъ въ станъ на выручку нѣсколько тысячъ свѣжаго войска, въ которомъ было 4000 Казаковъ, прежде служившихъ у Болотникова, и потомъ взятыхъ въ плѣнъ. Когда освободили ихъ, они клялись служить Великому Князю, а онъ далъ имъ денегъ, платье, ружья и брони.

Когда Казаки прибыли съ Москвитянами въ Калужскій станъ, между ними вышло несогласіе. Казаки начали бунтовать, Москвитяне очень испугались того, убѣжали ночью въ Москву и бросили все, что было у нихъ въ станѣ. Узнавъ о томъ, Казаки утромъ двинулись къ городу, хотѣли, чтобы ихъ впустили туда, по тому что они люди одного съ жителями Государя, рассказывали, какъ ночью прогнали Москвитянъ, которые всѣ бѣжали, оставивъ послѣ себя много продовольствія, пушекъ и нѣсколько бочекъ пороху: пусть жители возьмутъ все это и унесутъ въ городъ.

Но Намѣстникъ сначала не хотѣлъ имъ вѣрить и не велѣлъ никого пускать въ городъ. Казаки перешли рѣку Оку и говорили, что пойдутъ искать своего Государя. Увидавъ это, Калужане послали въ станъ людей, которые нашли все такъ, какъ рассказывали Казаки, догнали этѣхъ, приказывали имъ вернуться къ городу, однако жъ Казаки не слушались, за чѣмъ имъ прежде запрещали и отказывали, послали только съ сотню изъ своихъ въ городъ, чтобы они закупили тамъ, что нужно, и потомъ бѣжали

за товарищами. Все, что ни нашли въ станѣ, Калужане стащили въ городъ, и снова поклялись жить для Димитрія и умереть за него.

Послѣ того, какъ Великому Князю не повезло подѣ Калугой, онъ опять собрался съ силами на истребленіе и изгнаніе ложнаго и самодѣльнаго Димитрія. Самозванецъ, по порядку ихъ Третій, послалъ набирать войско въ Польшу. Оттуда пришелъ Воевода Кіевскій, Адамъ Вишневецкій, съ 2000 конницы, и Романъ Рожинскій (Rusnitzki) съ 4000; подѣ городомъ Орломъ (Arol) они соединились съ Мѣховецкимъ и Димитріемъ; по согласію всего войска, Рожинскаго сдѣлали главнымъ вождемъ и пошли вооруженною силой подѣ городъ Брянскъ (Brandskovv). Начальникомъ тамъ былъ Ливонецъ, по имени Гансъ Бергъ; онъ тотчасъ же передался Димитрію и сдалъ ему городъ безъ всякаго приступа и сопротивленія.

Около этого времени высокопочтенный Шведскій Король, блаженной памяти Карлъ Девятый, узналъ, какіе хитрые замыслы были у Поляковъ и Папистовъ съ ихъ вымышленнымъ Димитріемъ, и что они собираютъ сильное войско на гибель и покореніе Россіи. Въ 1608 году, онъ отправилъ въ Москву къ Великому Князю, Василию Шуйскому, мена, Петра Петрея, съ приказаніемъ предостеречь его, какъ слѣдуетъ вѣрному сосѣду, и дать ему знать, что Королю извѣстно, что Папа со всею лигою и Полякамъ поднимаетъ на помощь себѣ разные народы, чтобы заводить всякія смуты и войны, завоевать всю Москву (т. е., Россію) и привести ее въ покорность и подданство себѣ, что уже взято нѣсколько городовъ на имя Лжедимитрія и причинено много вреда грабежомъ, мечомъ и огнемъ. Это было очень прискорбно его Величеству: чтобы остановить и предупредить это заранѣе, пока непріатели не ворвались еще дальше въ страну, Его Королевское Величество, какъ добросердечный и вѣрный сосѣдъ Великаго Князя и всего Русскаго Великаго Княжества, желаетъ прійти къ нему на помощь съ нѣсколькими тысячами своей и иноземной пѣхоты и конницы.

Великій Князь и его Бояре не обратили ни какого вниманія на это предложеніе и дружеское предостереженіе Короля, пренебрегли имъ, думали, что у нихъ достанетъ силъ справиться съ Поляками, и что отпавшіе Русскіе и даже преданные Полякамъ города отложатся отъ нихъ, по примѣру трехъ выше названныхъ

городовъ, особливо послѣ того, какъ Великій Князь завоевалъ городъ Тулу. Однако жъ онъ обманывался въ томъ и испыталъ со всѣмъ другое, съ потерю земли, людей и своего собственнаго счастья, о чемъ мы расскажемъ послѣ: по тому что Поляки подавались все дальше въ страну съ своимъ Лжедмитріемъ и брали городъ за городомъ.

Теперь по всей Россіи разнеслась молва, что Поляки вторгнулись въ эту страну въ числѣ многихъ тысячъ: это навело великій страхъ на Москвитянъ, и многіе заключили изъ того, что Самозванецъ должно быть настоящій Димитрій, убитый и сожженный въ Москвѣ. Отъ того же передалось ему много Русскихъ Дворянъ и иностранцевъ, которыхъ онъ тотчасъ одарилъ крестьянами и деревнями, гораздо лучше ихъ прежнихъ помѣстьевъ, чтобы они не имѣли причинъ бѣжать отъ него, хотя бы видѣли и знали, что онъ не истинный Димитрій, а другой.

Этотъ Димитрій III-й велѣлъ по всѣмъ городамъ разглашать, чтобы, гдѣ есть Бояре и Дворяне у Великаго Князя, владѣвшіе помѣстьями, холопы и слуги ихъ, приходили бы къ нему и присягали на вѣрную службу, за что онъ наградитъ ихъ помѣстьями; если же у Дворянъ въ деревняхъ были жены и дочери, рабы могли ихъ взять за себя замужъ, владѣть деревнями и служить ему. Благодаря тому, онъ набралъ себѣ много людей, разбѣгавшихся отъ Господъ во всей странѣ, и такимъ образомъ крѣпостные холопы стали Боярами и Дворянами, сильными и богатыми, а Дворяне сдѣлались бѣдняками и нищими и должны были помирать въ Москвѣ съ голода.

Во время такого счастья и успѣховъ Димитрія, Великій Князь послалъ къ нему на встрѣчу многочисленное войско, чтобы не дать ему проникнуть еще дальше въ страну. На половинѣ дороги Димитрій съ своими людьми встрѣтилъ его, и бились жестоко другъ съ другомъ. Поляки всегда брали верхъ и все побивали людей Великаго Князя: отъ того Русскіе и оробѣли. Въ войскѣ Русскомъ одинъ молодой Ротмистръ изъ Курляндіи, по имени Бертилъ Ламбсдорфъ, тайно условился съ своими начальниками, и всѣ они послали тайкомъ посла къ Димитрію, съ предложеніемъ своихъ вѣрноподданическихъ услугъ: пусть онъ идетъ впередъ,

они передадутся ему съ развернутыми знаменами при первомъ его наступленіи.

Приблизившись другъ къ другу, оба войска начали бой. Димитрій положился на тайный уговоръ съ нимъ Ламбсдорфа и велѣлъ шадить Нѣмцевъ и нападать на однихъ Москвитянъ. Русскій Полководецъ замѣтилъ это и велѣлъ Ламбсдорфу ударить на непріятели. Конные воины не знали о замыслѣ своего Ротмистра, а Ротмистръ въ хмѣлю не вспомнилъ о томъ, и Нѣмцы, напавъ на Поляковъ, убили у нихъ 400 человекъ. Это жестоко раздосадовало Димитрія и его Полководцевъ: они до того разсердились и разозлились, что навѣрное повѣсили бы Нѣмецкихъ пословъ отъ Ламбсдорфа, если бы тѣ не ушли. Димитрій приказалъ всему своему войску не шадить больше Нѣмцевъ, если они попадутся: тогда Поляки и Казаки съ такимъ остервененіемъ напали на Москвитянъ и Нѣмцевъ, что первые должны были обратиться въ бѣгство. Ламбсдорфъ теперь только вспомнилъ свой тайный уговоръ, отвелъ своихъ конниковъ въ сторону и хотѣлъ передать Димитрію съ распущенными знаменами. Но это было слишкомъ поздно. Поляки окружили ихъ, убили 300 человекъ, изъ числа тѣхъ, которые остановились и не бѣжали вмѣстѣ съ Москвитянами. Москвитяне же сочли за честныхъ людей этѣхъ Нѣмцевъ, какъ будто они сражались храбро и порыцарски на ихъ сторонѣ и положили животь свой за Великаго Князя, а между тѣмъ они были ихъ злѣйшіе враги и имѣли на умѣ всякое зло противъ своего законнаго Государя, которому присягали.

Когда Москвитяне, полумертвые и дрожащіе отъ страха, прибѣжали въ Москву и стали говорить о понесенномъ пораженіи, что столько-то тысячъ ихъ убито и обращено въ бѣгство, весь городъ пришелъ въ ужасъ; нѣсколько дней не знали, что начать, и въ самомъ дѣлѣ передались бы Димитрію, если бы онъ подвинулся ближе съ своимъ войскомъ.

Народъ сталъ уже поговаривать и совѣтоваться между собою, толковали, что если бы онъ былъ не истинный Димитрій, то Дворяне, которые отправились къ нему съ повинною, вернулись бы назадъ, особливо большіе Бояре и Дворяне, бывшіе виновниками совершенныхъ въ Москвѣ убійствъ. Они подбили бы на

родъ къ мятежу и измѣнѣ, умертвили бы людей Самозванца, выгнали бы его самага. Ни чего такого народъ не ослыхалъ. Одинъ изъ Москвитянъ заговорилъ такъ: будто бы онъ слышалъ, что Дмитрій такой умный и прозорливый, что съ перваго взгляда узнаеть, кто виноватъ и кто нѣтъ. Какой-то мясникъ перепугался и сказалъ: «Бѣда моя! Я не посмѣю явиться предъ его ясныя очи, по тому что вотъ этѣмъ ножомъ я зарѣзалъ пятерыхъ его слугъ.» Тогда всѣ стали отчаяваться и бояться за него.

Послѣ этого бѣгства Москвитянъ изъ подъ Калуги, Дмитрій со всѣмъ войскомъ подвинулся ближе къ Москвѣ и высматривалъ, гдѣ бы удобнѣе начать осаду. Въ то же время на помощь ему пришелъ одинъ знатный Литовскій Бояринъ, по имени Іоаннъ Сапѣга (Sapetha), съ 7000 конниковъ. Великій Князь послалъ войско съ однимъ знатнымъ Бояриномъ изъ своихъ друзей, по имени Михайломъ Скопинымъ: онъ поставилъ своихъ воиновъ въ обозѣ, и пока они находились подъ этѣмъ прикрытіемъ, Полякамъ нечего было взять у нихъ, хотя имъ и хотѣлось подратъся съ Москвитянами, однако жъ не удавалось до самой ночи на Св. Іоанна: тогда Поляки печально нагрянули на нихъ, разбудили ихъ, и многіе изъ Москвитянъ остались лежать, но уже не вставали.

Великій Князь велѣлъ привезти на стѣны всѣ пушки, въ ожиданіи нападенія Поляковъ, и если бы въ то время они отважились на это, то, безъ сомнѣнія, овладѣли бы городомъ. Но Дмитрій не позволялъ того, все думая, что городъ сдастся, не хотѣлъ разорить, или сожигать, его; сколько разъ Поляки ни принимались за это, онъ все удерживалъ ихъ ласковыми словами и говорилъ, что если разорить столицу и сожжеть всё ея богатства, чѣмъ будетъ заплатить войску? Поляки и остановились. Однако жъ для него лучше бы было разорить и разрушить одинъ городъ, нежели жечь и опустошать всю страну, по тому что страна скоро бы выстроила такой городъ, а Москва одна не могла построить другихъ городовъ, крѣпостей и деревень, разрушенныхъ и разоренныхъ со всею страню.

29 Іюня, 1608 года, Дмитрій расположился въ милѣ отъ города Москвы на рѣкѣ того же имени, и оставался тамъ до 29 Декабря, 1609 года. У нихъ бывали частыя схватки и съ обѣихъ

сторонѣ пало много храбрыхъ людей. Межъ тѣмъ Великій Князь велѣлъ привезти въ Москву плѣнныхъ Поляковъ, Воеводу Сандомирскаго, дочь его, Марину Юрьевну (Maria Gorgona), и племянника ихъ, Стадницкаго (Stadniski), со всѣми другими Поляками, содержавшимися въ Ростовѣ и Ярославлѣ, чтобы Поляки не дѣлали больше вторженій въ страну, къ ея разоренію и для освобожденія своихъ земляковъ.

Но какъ Димитрій съ такимъ множествомъ народа держалъ Москву въ суровой осадѣ и жестоко стѣснялъ ее, заградилъ всѣ дороги и добивался освобожденія плѣнныхъ Поляковъ и Великой Княгини, Великій Князь согласился съ своимъ Совѣтомъ, отпустилъ всѣхъ плѣнниковъ и отослалъ ихъ въ Польскій станъ, полагая, что Поляки отступятъ съ ними и снимутъ осаду; этого, однако жъ, не случилось: они продолжали осаду еще усерднѣе и суровѣе прежняго.

Когда прибыли въ станъ плѣнные Поляки, все войско, а особливо Димитрій, были очень довольны и веселы; велѣно палить изъ всѣхъ пушекъ; поставлено нѣсколько палатокъ, такъ чтобы можно было ходить изъ нихъ другъ къ другу; напоследокъ покончили дѣло на томъ, чтобы Воевода отправился въ Польшу, а дочь его осталась въ станѣ у Димитрія, ея мнимаго мужа, съ условіемъ, чтобы онъ не касался ея до тѣхъ поръ, пока не завоюетъ всей страны и не сядетъ на Московскомъ престолѣ.

Когда порѣшили все это, Лжедимитрій встрѣтилъ на одномъ мѣстѣ Великую Княгиню, въ виду всего стана; со слезами живѣйшей радости они поздоровались. Эта веселая и забавная сцена ослѣпила много зоркихъ глазъ: Марина передъ всѣмъ народомъ оказала ему всѣ приличныя почести и уваженіе, какъ своему любезному Государю и мужу, цѣловала, ласкала его; онъ ее также; по всей землѣ пошла молва, всѣ толковали и судили, что онъ истинный Димитрій, и по этому случаю много Дворянъ изъ всѣхъ мѣстъ перешло къ нему въ станъ.

Какъ скоро узналъ о томъ Великій Князь и увидалъ, что ему нѣтъ счастья въ его народѣ, онъ забылъ своего Бога, по пословицѣ тѣхъ безбожныхъ людей, которые говорятъ такъ: *Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo,* и собралъ со

всей земли колдуновъ и колдуньевъ, чтобы, чего не могъ сдѣлать одинъ колдунъ, умѣлъ сдѣлать другой; для употребленія этѣхъ чортовыхъ дѣтей при ихъ чарахъ и ворожбѣ, онъ велѣлъ разрѣзывать многихъ брюхатыхъ женщинъ и достать плодъ изъ ихъ тѣла, застрѣлить нѣсколькихъ здоровыхъ и рѣзвыхъ кошей и вынуть у нихъ сердце: колдуны добились того, что когда клали и закапывали этѣ снадобья, получалъ поверхность Великій Князь, а когда не было того, одолевали Поляки.

Многіе большіе Бояре бѣжали изъ Москвы къ Дмитрію и въ числѣ ихъ Князь Василій Мосальскій (Mosaiskovv), который еще прежде съ 25,000 рублей перешелъ отъ Великаго Князя Бориса Годунова къ Лжедмитрію Первому и остался его Маршалкомъ, а по убіеніи Самозванца Великій Князь Шуйскій поставилъ его Намѣстникомъ въ крѣпости Кексгольмъ; тамъ пробылъ онъ не больше года, до перевода своего въ Москву. Отъ того-то онъ опять и перебѣжалъ отъ Шуйскаго къ Лжедмитрію Второму и провелъ у него нѣсколько дней. Но увидавъ и узнавъ на самомъ дѣлѣ, что это не тотъ Дмитрій, котораго полагали, а новый воръ, обманщикъ и измѣнникъ, Мосальскій опять бѣжалъ къ Великому Князю съ нѣсколькими Русскими Боярами и Дворянами, созвалъ народъ и говорилъ гласно, что это не Дмитрій, котораго они убили, а другой. Тогда Москвитяне въ первый разъ стали всѣ какъ одинъ человекъ, и оборонялись отъ новаго Лжедмитрія и Поляковъ до послѣдней возможности.

Великій Князь былъ въ большомъ безпокойствѣ съ своими приверженцами, будучи сильно тѣснимъ Лжедмитріемъ Вторымъ и Поляками и ни откуда не надѣясь для себя помощи: они держали между собою совѣтъ, какъ бы избавиться отъ осады? Великій Князь отправилъ изъ Москвы своего родственника, племянника Михаила Скопина, собирать войско въ Новгородъ, сверхъ того Посланника къ Пресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Высокородному Князю и Государю, блаженной и достославной памяти, Карлу Девятому, Королю Шведскому, Готскому, Вендскому и Вейландскому, напомнить ему о старинномъ союзѣ, заключенномъ между Россією и Швецією въ Тязинѣ въ 1595 году, и чтобы онъ благоволилъ прислать Шуйскому нѣсколько пѣшаго и коннаго войска

противъ его непріятелей, Поляковъ и Литовцевъ, по тому что Великій Князь въ Москвѣ жестоко осажденъ и стѣсненъ мнимымъ Димитріемъ и Поляками, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не знаетъ для себя прибѣжища и пособія.

Его Королевское Величество могъ бы и отказать ему, за то что прежде, когда доведенъ былъ до крайности, онъ не принялъ Королевской помощи, да и при такомъ случаѣ, когда Польскій Король обратилъ свои главныя силы на Россію, Его Королевское Величество велъ съ замѣтнымъ успѣхомъ войну съ Поляками въ Ливоніи и вполнѣ могъ надѣяться обезпечить за собою всю эту область. Но какъ великодушный и вмѣстѣ добродѣтельный и сострадательный Государь, Его Королевское Величество рѣшился, не смотря ни на что, не покидать Великаго Князя и Русскій народъ въ такой крайней нуждѣ, по тому что они со всѣмъ смиреніемъ искали у него помощи и защиты. Посланники обоихъ Государей отправились въ Выборгъ, въ Финляндію, для переговоровъ о дѣлахъ обѣихъ Державъ. Они договорились между собою на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы вышепомянутый Король Шведскій, Карлъ Девятый, благоволилъ помочь Великому Князю 5-ю тысячами коннаго и пѣшаго войска, на жаловань Великаго Князя; за то Великокняжескіе Посланники отъ имени своего Государя обѣщались правильно платить вспомогательному войску Короля Шведскаго и на его содержаніе выдавать Шведскому Полководцу сполна по 32,000 рублей или по 10,000 талеровъ въ мѣсяць. Въ томъ же случаѣ, когда Великій Князь окажется неисправнымъ въ уплатѣ, онъ обязывается выдать двойную сумму за каждый не оплаченный мѣсяць, по приходѣ Шведскаго войска въ Москву.

Потомъ, въ признательность и благодарность за оказанную помощь, Великій Князь долженъ уступить Шведской Коронѣ крѣпость Кексгольмъ, съ принадлежащею къ нею областью или страною, въ вѣчное наследственное владѣніе, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ послѣ прибытія Шведскаго войска на Русскую границу. Все это ясно можно видѣть въ Договорѣ, заключенномъ и постановленномъ въ Выборгѣ между уполномоченными съ обѣихъ сторонъ Комиссарами въ 1609 году. Послѣ расскажемъ, которая сторона всего вѣрнѣе сохранила, или нарушила, заключенный Договоръ.

Послѣ этого постановленія и Выборгскаго Договора, Шведскій Король отправилъ въ Россію, на помощь и выручку Великому Князю, благороднаго и знатнаго Графа Г. Якова Де ла Гарди, Графа Лекко, Барона Эггольмскаго, владѣльца Киды и Руны, Государственнаго Совѣтника и Рыцаря, въ званіи Главнокомандующаго, съ войскомъ изъ 5,000 хорошо обученныхъ и обмундированныхъ, Шведскихъ, Финскихъ и иностранныхъ воиновъ, конныхъ и пѣшихъ. Это было въ то самое время, когда почти вся Россія передалась Лжедмитрію, отчасти по принужденію, отчасти добровольно. Самозванецъ, съ Польскимъ и Литовскимъ войскомъ изъ Русскихъ, Литовцевъ и Поляковъ, привелъ Великаго Князя въ такое крайнее и трудное положеніе, что онъ едва въ силахъ былъ съ нуждою защищаться и удерживать городъ Москву.

Всякой разумный человѣкъ легко разсудитъ, какихъ безчисленныхъ расходовъ стоило Шведскому Королю набрать такое войско и содержать его до выступленія его въ Россію, и значительный убытокъ для Королевской земли, по которой оно должно было проходить до 100 миль. Не говоримъ уже не только о явныхъ выгодахъ, которыя, какъ замѣтили мы выше, были чрезъ это утрачены для Короля, но и о потерѣ крѣпости Шарнова (Шернова), съ значительнымъ числомъ находившихся тамъ пушекъ и разныхъ военныхъ снарядовъ, а это, большею частію, произошло отъ того, что Король долженъ былъ помогать Русскимъ и вывелъ свои войска изъ Ливоніи.

Только что Королевское войско выступило въ походъ, какъ уже, благодаря однимъ слухамъ о немъ и страху его оружія, сдались Великому Князю крѣпости Кексгольмъ и Нотебургъ, до этого времени державшія сторону Лжедмитрія. Безъ сомнѣнія, и крѣпости Копорье (Сорогіа), Ямъ (Јама), Гдовъ (Augdovv) и другія принуждены бы были передаться Великому Князю, если бы племянникъ его, Михаилъ Васильевичъ Скопинъ, не счелъ неудобнымъ тратить на это время, но настоятельно просилъ и убѣждалъ спѣшить на выручку Великаго Князя и освободить его отъ осады.

Когда Полководецъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди, прибылъ съ Шведскимъ войскомъ въ Новгородскую область, и городъ Порхсвъ (Porskovv) тоже послѣдовалъ примѣру Кексгольма и Нотебурга и

сдался Великому Князю. Поляки, подъ начальствомъ Корнезетскаго (Corneyetski), * стоявшіе, въ числѣ 2,000, въ Старой Руси, узнавъ о приходѣ Шведскаго войска, пришли въ такой страхъ и отчаяніе, что поспѣшно очистили городъ и ушли оттуда. Графъ Де ла Гарди послалъ слѣдомъ за ними Фельдмаршалка Эберта Горна изъ Канкаса, съ сотней воиновъ; этотъ очень усердно преслѣдовалъ Поляковъ днемъ и ночью, наконецъ настигъ ихъ въ Каменскъ (Samenesk), съ Божіею помощію совершенно разбилъ, и самъ начальникъ ихъ едва избѣжалъ смерти. Такъ городъ Старая Руса и весь его округъ приведены были въ покорность Великому Князю.

Послѣ того Полководецъ послалъ Эберта Горна, съ нѣкоторымъ числомъ войска, въ Торжокъ (Torsiock), гдѣ находился Польскій Полковникъ Зборовскій съ 3,000 человекъ; хотя Горнъ не имѣлъ ни какихъ другихъ приказаній отъ Полководца, кромѣ того, чтобы развѣдать о позиціи и силахъ непріятеля, пока не подойдетъ самъ Де ла Гарди со всѣмъ войскомъ, однако жъ онъ, заставъ непріятеля на полѣ близко Торжка, храбро напалъ на него, разбилъ и обратилъ его въ бѣгство. Зборовскій долженъ былъ съ великимъ позоромъ бѣжать въ большой станъ. Такъ и Торжокъ освобожденъ отъ осады. За это Лжедмитрій былъ очень недоволенъ Нѣмцами, началъ смѣяться надъ ними и бранить ихъ, за то что Поляки попались въ такой просакъ и были застигнуты врасплохъ Шведами.

Дмитрій видѣлъ, что Шведскій Полководецъ близко, войско его потерпѣло большое пораженіе, а Москвитяне ободрились, видя, что ему нечего взять у нихъ, и не хотѣли сдаваться; онъ послалъ Яна Сапѣгу осаждать Троицкій монастырь и не давать ни чего привозить въ Москву изъ прочихъ мѣстъ. Сапѣга столько же сдѣлалъ подъ монастыремъ, сколько Лжедмитрій подъ Москвою. Но какъ онъ причинялъ вездѣ много вреда странѣ, занялъ и загородилъ всѣ дороги и проходы, то Великій Князь послалъ изъ Москвы 30,000 воиновъ, все конниковъ, и далъ имъ въ начальники своего брата, Ивана Ивановича Шуйскаго, который долженъ былъ задать Полякамъ пиръ подъ Троицей. Въ двухъ мѣсяцъ отъ монастыря встрѣтился имъ Сапѣга съ войскомъ: они бились храбро, Поляки начинали уже трусить, и два раза обращались въ бѣгство.

* У Нѣмцевича II, 342, Kiernosiecki.

Наконецъ Сапѣга собрался съ духомъ и сказалъ своему подчиненному войску: «Любезные братья и земляки! Если мы будемъ все бѣжать, насъ перебьютъ и никто не избѣгнетъ смерти. Польша такъ далеко отсюда, станемъ же лучше сражаться по рыцарски, чѣмъ бѣжать и давать себя бить, какъ трусливыхъ непотребныхъ женщинъ: пусть каждый постарается, сколько силъ хватить, а я буду первымъ и передовымъ вашимъ въ любви къ славѣ, доблести и чести. Слѣдуйте за мною! Богъ навѣрное отдастъ непріателя въ наши руки.» Они напали съ такою силой и бѣшенствомъ на Москвитянъ, что перебили ихъ нѣсколько тысячъ, другихъ же прогнали въ Москву. Такой уронъ въ людяхъ до того лишилъ бодрости и обезсилилъ Великаго Князя, что онъ ужь больше не осмѣливался выходить въ поле безъ Шведскаго войска, оставилъ въ покоѣ и Сапѣгу, до тѣхъ поръ, пока не прибылъ Шведскій Полководецъ и не прогналъ отъ монастыря Поляка.

Находясь теперь въ мирномъ и спокойномъ положеніи подъ монастыремъ, Сапѣга послалъ нѣсколько ротъ Поляковъ и Казаковъ, для развѣдыванія, нельзя ли привести какихъ ни будь городовъ къ присягѣ Лжедмитрію? Это и посчастливилось ему: два города, Переяславъ (Perislawv) и Ростовъ присягнули въ вѣрности и преданности Самозванцу. Однако жь Ростовъ хотѣлъ было потомъ измѣнить, но ему плохо пришлось за это: весь городъ былъ вырѣзанъ и сожженъ. Поляки получили превосходную добычу въ его монастыряхъ и церквахъ: въ золотѣ и серебрѣ, драгоценныхъ каменяхъ и жемчугѣ, снимали съ иконъ всѣ ихъ серебряныя ризы (Röcke), а со Св. Леонтія, лежащаго въ серебряной ракѣ, золотую въ 300 фунтовъ вѣсомъ, изрубили этѣ ризы топорами въ куски и раздѣлили между собою. Митрополита отвели плѣнникомъ подъ Москву къ Дмитрію, который принялъ его милостиво и сдѣлалъ своимъ Патріархомъ. Говорили, что въ посохѣ Митрополита былъ рубинъ, стоявшій 20,000 гульденовъ и подаренный имъ Дмитрію. Съ этого города взялъ себѣ примѣръ богатый, торговый и промышленный городъ Ярославль и сдался Дмитрію на такихъ условіяхъ, чтобы гражданамъ было оставлено ихъ судопроизводство, Поляки не тревожили бы ихъ и не позорили ихъ женъ и дѣтей. Они будутъ вѣрны и преданы Лжедмитрію и сдѣлаютъ для него все возможное; послали въ станъ

къ нему 30,000 рублей золотомъ и желали себѣ начальника, который управлялъ бы ими и оборонялъ ихъ отъ Поляковъ. Димитрій далъ имъ въ начальники Лоренца Бюгге (Biugge), Шведа, родомъ изъ области Гельзингеланда, который больше 30-ти лѣтъ жилъ въ Россіи и приведенъ былъ въ Москву плѣнникомъ изъ Ливоніи при тиранѣ Иванѣ Васильевичѣ. Этотъ Капитанъ пришелъ въ Ярославль съ 1000 конныхъ воиновъ: граждане долгое время снабжали ихъ съ лошадьми пищею и питьемъ, сѣномъ, овсомъ и всѣмъ нужнымъ.

Города Кострома (Castron), Галичъ, Вологда тоже присягнули въ вѣрности Лжедимитрію и долго бы оставались вѣрны присягѣ, если бы не подбилъ и не взбунтовалъ ихъ одинъ перекрещенецъ, по имени Данилъ Эйловъ (Eylovv), тамошній житель, имѣвшій на откупъ соляную торговлю. Онъ говорилъ имъ, что они не обязаны хранить присягу, по тому что онъ доподлинно узналъ, что этотъ воръ и обманщикъ, выдающій себя за истиннаго Димитрія, совсѣмъ не тотъ, что вѣнчанъ на царство въ Москвѣ, а другой; говорилъ также, что собралъ въ своихъ помѣстьяхъ 200 человекъ, съ копьями и луками, чтобы заставить Поляковъ поскорѣе убраться отъ нихъ. Это длилось, однако жъ, не долго: Поляки провѣдали о томъ, навѣстили Эйлова, перебили его 200 человекъ, а самаго съ дѣтьми взяли въ плѣнъ, и онъ долженъ былъ выкупать себя 600 талеровъ. Тогда же явился туда и одинъ Польскій Ротмистръ, Александръ Лисовскій (Likowski), съ 5-ю тысячами Казаковъ и 600 конныхъ воиновъ, перебилъ нѣсколько тысячъ Русскихъ, разбѣжалъ по всѣмъ сторонамъ въ области, куда только ему было угодно, до чиста разорялъ и опустошалъ все, и не переставалъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока не добрался до городовъ Галича и Костромы, сжегъ ихъ и отступилъ съ огромной и богатой добычей.

При такомъ весьма бѣдственномъ состояніи всей страны, двинулся изъ Литвы и Польскій Король, Сигизмундъ, съ 20,000 войска къ Смоленску, и требовалъ себѣ этотъ городъ, какъ старинную собственность Польской Короны. Но жители не знали, что дать ему, кромѣ пороха и свинца. Онъ стоялъ подъ Смоленскомъ два съ половиною года, пока совсѣмъ не овладѣлъ имъ: на приступахъ и въ стычкахъ потерялъ много храбрыхъ воиновъ, которыхъ

въ одномъ полномъ полку едва осталось и ушло оттуда только 400; впрочемъ, если бы въ городѣ не открылось опасной болѣзни, жители оборонялись бы гораздо дольше. Но что было дѣлать 3-мъ, или 4-мъ, сотнямъ больныхъ воиновъ въ такомъ обширномъ городѣ, противъ такого множества людей за его стѣнами? Жители должны были уступить и отдать себя на рѣзню, подобно овцамъ; смерти избѣжалъ одинъ Намѣстникъ съ сыномъ, которыхъ взяли въ плѣнъ и увели въ Польшу.

Въ то время, какъ Польскій Король держалъ въ такой крѣпкой осадѣ Смоленскъ, Великій Князь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ къ нему изъ Москвы гонца, съ такимъ письмомъ, что уступить ему всю Россію, только бы онъ пришелъ и пособилъ ему отбить и прогнать вора и измѣнника, выдававшего себя за Димитрія. Король смолчалъ на это, не далъ ни какого отвѣта, удержалъ гонца у себя. Въ досадѣ на то, Великій Князь отправилъ другаго гонца къ Начальнику Смоленска, но этотъ гонецъ былъ схваченъ Польскимъ сторожевымъ отрядомъ: у него найдены письма отъ Великаго Князя къ Начальнику Смоленска, убѣждавшія его «держаться и защищаться отъ Короля смѣло и храбро; что Великій Князь склонилъ ласковыми словами Короля Сигизмунда помочь ему смирить и одолѣть Димитрія; а когда это исполнится, онъ то сдѣлаетъ съ Королемъ и его плѣшивыми головами, что не много ихъ уйдетъ изъ Россіи.» Когда донесли о томъ Королю, онъ тотчасъ же замѣтилъ, что это плутовство и коварство, дивился лукавству и обманчивости Русскихъ, а обоихъ пословъ, какъ присланнаго къ нему, такъ и другаго, къ Начальнику Смоленска, велѣлъ бросить въ рѣку и утопить, сказавъ при этомъ: «Нельзя вѣрить ни одному Москвитянину. Если будетъ на то воля Божія, и я найду время и случай, достанется же отъ меня плутоватому Великому Князю, я не останусь у него въ дуракахъ.»

Предъявлявшій права свои, Димитрій, узналъ объ этомъ происшествіи съ Великокняжескими послами подъ Смоленскомъ. Поляки привели въ покорность ему нѣсколько городовъ и вошли въ станъ съ большою добычей, отъ чего подешевѣли всѣ съѣстные припасы и нащетки. Димитрій слышалъ также, что между Русскими и Шведскимъ войскомъ вышли ссора и несогласіе: думая, что Шведы вернутся назадъ и не двинутся дальше въ страну, а отъ того

и война его пойдетъ лучше, онъ сталъ доволенъ и веселъ, полагалъ, что все теперь выиграно и бѣда прошла, велѣлъ тайкомъ обвѣнчать себя въ станѣ съ Маршиной Юрьевной (Maria Gorgona), женою убитаго Лжедмитрія Перваго или Гришки, хотъ и далъ клятву ея отцу, Сандомирскому Воеводѣ, не дѣлать свадьбы, пока не завоюетъ Москвы и не сядетъ на престолѣ. Женившись на коронованной Великой Княгинѣ, сдѣлался очень гордъ и надутъ, называлъ себя единственнымъ Христіанскимъ Императоромъ подь солнцемъ, какъ видно изъ слѣдующаго его титула такого содержания:

«Мы, Дмитрій Ивановичъ, Императоръ Всероссійскій, Повелитель и Самодержецъ Московской Державы, Царь всего Великаго Княжества Русскаго, Государь Богодарованный, Богоизбранный, Богохранимый, Богомъ помазанный и вознесенный надъ всѣми другими Государями, подобно другому Израилю руководимый и осбняемый Силою Божіей, Христіанскій Императоръ отъ солнечнаго восхода и запада, и многихъ областей Государь и Повелитель.»

Въ то время, когда Дмитрій такъ веселился, пировалъ и ликовалъ въ станѣ подь Москвою, Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди, съ Русскимъ вождемъ, Михаиломъ Скопнымъ, подошелъ къ городу Твери; у нихъ было большое сраженіе съ Поляками, и побѣда опять осталась за Шведами, которые одолѣли и обратили Поляковъ въ бѣгство. По окончаніи битвы, Русскій Полководецъ Скопинъ бросился на шею къ Графу Де ла Гарди, сослезами на глазахъ благодарилъ и сказалъ, что дядя его, Великій Князь, и все Русское Государство, никогда не будутъ въ силахъ достойно отблагодарить его и Королевское войско, а тѣмъ менѣе заплатить за эту важную услугу.

Если бы поступили по мѣнью и желанію Русскаго вождя Скопина, Москва и Великій Князь сдались бы неприятелю прежде, чѣмъ подоспѣлъ къ нимъ кто ни будь на выручку, по тому что когда на первый день побѣда изъ за проливнаго дождя осталась не рѣшенною на обѣихъ сторонахъ, Скопинъ хотѣлъ отступить въ удобное и безопасное мѣсто, пока они не получаютъ подкрѣпленій изъ Швеціи. Но Шведскій Полководецъ вразумилъ его, что не храбрость неприятеля, а только непредвидѣнный случай, дождикъ,

помѣшалъ полной побѣдѣ надъ нимъ въ прошлый день, и что крайнее положеніе Великаго Князя и города Москвы не дозволяетъ такой долгой отсрочки. Противъ воли и согласія Русскаго Вождя, на третій день послѣ того, онъ храбро наналъ на непріятеля и побѣдилъ его. Надобно удивляться, что Шведскій Полководецъ и его войско были такъ добродушны, что рисковали жизнью для блага такихъ людей, которые не только постыдно оставили ихъ въ бою въ прежній разъ и обратили тылъ непріятелю, но еще во время жаркаго боя похитили ихъ вещи и поклажу: у нѣкоторыхъ изъ главныхъ Шведскихъ Офицеровъ изъ всего ихъ значительнаго гардероба не осталось ни какого платья, кромѣ того, что было на нихъ; они сражались за своихъ грабителей, для которыхъ не было бы печали, если бы Шведы лишились съ имѣніемъ и жизни, и свободы; они стали разсуждать о несправедливости къ нимъ Русскихъ, а большая часть ихъ до того обидѣлась, что противъ воли Полководца вернулись въ Ливонію.

Не смотря на то, Полководецъ, съ оставшимся у него войскомъ, отправился въ Коломну (Columniza), а потомъ въ Александровскую Слободу, и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не прибылъ къ нему на помощь Королевскій Коммисаръ и Адмиралъ, Генрихъ Теннисенъ, съ нѣсколькими тысячами пѣхоты и конницы. Какъ скоро узнали о томъ Поляки, Зборовскій и Сапѣга вышли изъ стана съ 18 тысячами человекъ, хотѣли попытать счастья, нельзя ли имъ овладѣть городомъ и выгнать изъ него Шведовъ, чтобы они не подошли ближе къ Москвѣ и не освободили отъ осады Великаго Князя. Благодаря, однако жъ, осторожности и храбрости Шведскаго Полководца, они были отражены, разбиты и прогнаны.

Графъ Яковъ и Михаилъ Скопинъ всегда были счастливы съ непріателемъ и все побѣждали Поляковъ, что разнеслось по всей странѣ: многіе города и крѣпости, присягнувшіе Дмитрію, отложились отъ него, каковы: Вологда, Галичъ, Романовъ, Молога, Рыбинскъ (Ribna), Суздаль, Ярославль, Угличъ, Кашинъ и многіе другіе, граждане и поселяне собрались въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ и вездѣ нападали врасплохъ на Поляковъ и измѣнниковъ Русскихъ, которые стояли за Лжедмитрія, высылались

на грабежъ и жалостно притѣсняли бѣдныхъ жителей; не только отнимали у нихъ все, что найдутъ, но еще мучили ихъ, чтобы сказали, гдѣ спрятаны и зарыты у нихъ пожитки, серебро и золото, насилывали и позорили ихъ женъ и дочерей, такъ что жалко было видѣть все это. За то, когда граждане и крестьяне одолевали ихъ, они должны были расплачиваться тѣмъ же: ихъ убивали до смерти, раздѣвали до нага, а нѣкоторыхъ толкали подъ ледъ живыхъ, приговаривая: «Негодные плуты и измѣнники, вы въ короткое время до чиста разорили и разграбили это мѣсто, сожрали всѣхъ овецъ, быковъ, коровъ и телятъ: ступайте же теперь подъ ледъ и ѣжьте рыбу въ Волгѣ и въ другихъ рѣкахъ!»

Чтобы положить конецъ такимъ продѣлкамъ жителей, посланъ изъ стана Ротмистръ Лисовскій (Lizouski) съ нѣсколькими тысячами человекъ, но и онъ ничего не могъ сдѣлать, по тому что вездѣ, гдѣ ни стояли, они огораживали себя крѣпкимъ частоколомъ, и Поляки должны были оставить ихъ въ покоѣ. Но одинъ изъ Нѣмцевъ, Іохимъ Шмидтъ, сынъ цырюльника, во время Шведской войны убѣжавшаго въ Россію, былъ до того отваженъ, что поѣхалъ въ городъ Ярославль, по тому что очень знакомъ былъ съ тамошними горожанами и имѣлъ жену Ярославку: онъ намѣревался убѣдить ихъ, чтобы они сдались Лжедмитрію и не заводили кровопролитія. Замѣтивъ его изъ города, граждане высыпали толпою къ городскимъ воротамъ и хотѣли знать, что ему надо? Онъ сказалъ, что сдѣлано распоряженіе по ихъ жалобамъ. Дмитрій пришлетъ къ нимъ одного знатнаго Польскаго Господина, который будетъ останавливать Поляковъ и такъ накажетъ злодѣевъ, причинявшихъ насилія и отягощенія жителямъ, что они будутъ помнить. Что же сдѣлали Ярославцы? Они все заманивали его ласковыми словами ближе къ себѣ, схватили подъ уздцы его лошадь, свели его съ нея, притащили въ городъ, поставили на огонь большой пивоварный котелъ, налили до краевъ медомъ и бросили туда Шмидта, совсѣмъ нагаго: варили, кивятили его, такъ что мясо стало отваливаться отъ костей, потомъ вынули изъ котла и бросили кости и мясо за валъ на сѣдленіе свиньямъ и собакамъ. Узнавъ о томъ, Лисовскій пошелъ туда и сжегъ городскія предмѣстья, также другія мѣстечки и деревни, изрубилъ

всѣхъ мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, и удалился оттуда съ большою добычей.

Между тѣмъ Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ и Михайлъ Скопинъ, тоже не оставались безъ дѣла, послали нѣсколько взводовъ конницы въ Переславль, чтобы не только отрѣзать Лисовскому отступление въ станъ, но и занять этотъ городъ. Это и удалось имъ: они взяли городъ приступомъ, побили всѣхъ Поляковъ, которые тамъ были, принудили Русскихъ опять присягнуть Великому Князю и потомъ отдыхали нѣсколько недѣль.

Получивъ порядочное подкрѣпленіе изъ Швеціи въ конницѣ и пѣхотѣ, и находя себя, вмѣстѣ съ Русскими, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ, привелъ многіе города, монастыри и крѣпости въ покорность Великому Князю, потомъ пошелъ, черезъ Калязинъ, Угличъ и Кашинъ, въ Александровскую Слободу и храбро отбилъ Поляковъ, хотѣвшихъ осадить его тамъ. Послѣ всего того онъ отправился наконецъ съ Скопиннымъ въ походъ на Сапѣгу, осаждавшаго Троицкій монастырь: они хотѣли покушать и раздѣлить съ нимъ Мартынова гуся, * хотъ Сапѣга и не звалъ ихъ. Это было очень досадно Полякамъ, и они убѣжали оттуда, бросивъ гуся не оципаннаго и не жаренаго, по случаю нечаяннаго прихода Русскихъ и Шведовъ, отступили къ городу Дмитрову (Mitroffvva), укрѣпили его и держались, но не долго; по тому что тамъ стали станомъ Графъ Яковъ и Михайлъ Скопинъ, чрезъ что сдѣлались открыты всѣ дороги къ Москвѣ, уже довольно времени занимаемыя Поляками, какъ между Новгородомъ и Москвою, такъ и Холмогорами (Solmogorodt), Ярославлемъ и Москвою; теперь стало свободно и безопасно ѣздить по нимъ туда и обратно и возить разные съѣстные припасы въ Москву и въ станъ.

Около этого же времени Польскій Король Сигизмундъ стоялъ съ своимъ войскомъ подъ городомъ Смоленскомъ, и отправилъ Пословъ въ большой Польскій станъ подъ Москвою, съ увѣщаніемъ,

* Извѣстный осенній праздникъ въ Германіи, день Св. Мартина, когда жареный гусь такая же необходимая вещь за обѣдомъ, какъ блины на Масляной у насъ.

чтобы Поляки припомнили, чего надѣлали въ Польшѣ прежнимъ своимъ возмущеніемъ и лишились изъ за того и жизни, и имущества, движимаго и недвижимаго. Все это онъ простить имъ и велить возвратитъ всѣ взятыя въ казну имѣнія, если только они схватятъ и приведутъ къ нему подѣ Смоленскъ того обманщика и измѣнника, которому служатъ они и который позволялъ себѣ назваться Димитріемъ, сыномъ Ивана Васильевича. Пріѣхавши въ станъ, Послы тайно передали свое порученіе Полководцу Рожинскому (Ruzniski); Димитрій думалъ каждый день, что Посланники будутъ просить у него пріема, но какъ этого не случилось, онъ велѣлъ позвать къ себѣ Полководца и спросилъ, какъ ему понимать это, что Королевскіе Послы не стараются передать ему свое порученіе, по тому что уже нѣсколько дней живутъ въ станѣ и каждый день ведутъ разговоры съ нимъ.

Рожинскій, уже обсудившій съ главными Офицерами и Ротмистрами, какъ имъ принятъ за это дѣло и возвратитъ Королевское расположеніе къ себѣ, отвѣчалъ ему съ пренебреженіемъ, погрозилъ своимъ начальническимъ жезломъ, бывшимъ у него въ рукѣ, и сказалъ: «Ахъ ты блядинъ сынъ! Что тебѣ за надобность знать, какія дѣла у меня съ Послами? Чортъ знаетъ, кто ты, гдѣ родился и какого происхожденія. Долго мы проливали нашу кровь за тебя и не получали еще жалованья.»

Димитрій ускользнулъ отъ него, пошелъ къ своей женѣ, упалъ ей въ ноги, со слезами на глазахъ простился съ нею и сказалъ: «Польскій Король ведетъ измѣнническое дѣло съ моимъ Полководцемъ, который такъ отдѣлалъ и озадачилъ меня, что я не стою видѣть твои ясныя очи; я этого не потерплю: или онъ умретъ, или я погибну; у него съ Поляками ничего на умѣ нѣтъ добраго. Да сохранитъ меня Богъ въ дорогѣ, по тому что думаю ѣхать! Да соблюдетъ Онъ и тебя, мою любезную жену, когда ты здѣсь останешься безъ меня!»

Онъ переодѣлся въ крестьянское платье, сѣлъ въ розвальни и уѣхалъ изъ стана въ Калугу. Никто не зналъ, куда онъ поѣхалъ и гдѣ находится, живъ, или умеръ; большая часть полагаютъ такъ, что онъ убитъ и тайно брошенъ въ рѣку.

Немного не доѣзжая до Калуги, онъ не сейчасъ поѣхалъ туда, а остановился въ одномъ монастырѣ, возлѣ самаго города, послалъ нѣсколькихъ монаховъ къ гражданамъ города и велѣлъ предложить имъ, что еретикъ, Польскій Король, нѣсколько разъ писалъ къ нему о добровольной уступкѣ Смоленскаго Княжества и всей Сѣверской страны, принадлежавшихъ встарину Польской Коронѣ, но онъ отказалъ ему въ томъ, чтобы въ этой Христіанской землѣ не укоренилась Папская суемудрая Вѣра. За это Король сговорился съ Полководцемъ, Димитріемъ Рожинскимъ и Поляками, долго служившими ему, чтобы схватить его и отвезти къ Королю подъ Смоленскъ. Но что узнавъ о томъ, онъ тайкомъ собрался и убѣжалъ оттуда. Потомъ велѣлъ монахамъ спросить Христіанскій народъ, что намѣрены они сдѣлать для него? Если хотятъ быть вѣрными и преданными ему, по присягѣ, и не щадить за него жизни, онъ остановится у нихъ на житье и, съ помощью Св. Николая и съ ихъ пособіемъ, не только оплатитъ Василю Шуйскому, но и Королю Сигизмунду и своимъ вѣроломнымъ и крамольнымъ Полякамъ, такъ что они это будутъ помнить. За Православную Христіанскую Вѣру онъ готовъ умереть съ ними и отдать все, что можетъ, а Польскому Королю не уступить ни одной деревни, даже ни одного дерева, а не то что крѣпости, города, или Княжества.

Это объявленіе понравилось гражданамъ и всему народу: они пошли въ монастырь, поднесли ему хлѣбъ и соль, отвели его въ городскую крѣпость, надавали ему денегъ, платья, лошадей и всякихъ припасовъ для пищи и питья. Отдохнувши нѣсколько дней въ Калугѣ, этотъ мнимый предъавитель Великокняжескихъ правъ, писалъ къ вождю Григорью Шаховскому, собравшему нѣсколько тысячъ Казаковъ и стоявшему станомъ недалеко отъ города Вязмы (Vvesma), чтобы онъ вернулся съ своими Казаками въ Калугу и не ходилъ въ станъ: тотъ такъ и сдѣлалъ, и Димитрій остался въ Калугѣ и учредилъ тамъ новый Княжескій Дворъ.

Потомъ писалъ онъ ко всѣмъ Офицерамъ и покорнымъ ему городамъ, чтобы убивали всѣхъ Поляковъ, жившихъ въ городахъ и деревняхъ, воины ли они, или купцы, а имѣніе и пожитки ихъ привозили бы въ Калугу, забирали бы все и никого не щадили. Казаки и другіе его посланные вѣрно исполняли это и перебили

нѣскольکو тысячъ невинныхъ людей, какъ вонновъ конныхъ и пѣшихъ, проживавшихъ въ городахъ и деревняхъ, такъ и разныхъ торговцевъ, собиравшихся ѣхать въ станъ съ весьма дорогими товарами, шелковыми матеріями и бархатомъ, пистолетами, саблями, ружьями, виномъ и пряными кореньями, чтобы у Дмитрія всего было вдоволь для содержанія его придворной челяди и новаго вооруженія.

На другой день послѣ того, какъ Лжедмитрій Второй убѣжалъ изъ стана, Поляки держали совѣтъ съ бывшими тамъ Русскими. на что имъ рѣшиться, по тому что Государь ихъ, Дмитрій, не отыскивался: они поклялись жить мирно между собою, не уходить ни къ Польскому Королю, ни къ Великому Князю, и если бы кто пришелъ и сталъ выдавать себя за Дмитрія, не вѣрить ни ему, ни другому, а тѣмъ менѣе принимать его; стали смѣяться и наругаться надъ Великой Княгиней Марьей (Мариной) Юрьевной, которая и не могла дольше жить въ станѣ, тайкомъ удалилась оттуда и отправилась въ городъ Дмитровъ, гдѣ находился Янъ Сапѣга.

Приведя свои дѣла въ порядокъ въ Калугѣ, Лжедмитрій послалъ въ подмосковный станъ одного довѣреннаго Дворянина тихонько развѣдать, что говорятъ объ немъ простые Поляки: хотятъ ли, чтобы онъ опять былъ съ ними, или нѣтъ? Если узнаетъ, что они охотно желаютъ его, долженъ сказать, что Великій Князь Дмитрій обѣщается прійти къ нимъ съ новымъ войскомъ, принести съ собою денегъ и исправно заплатитъ имъ за всѣ мѣсяцы ихъ службы, только бы они доставили въ Калугу его бывшего Полководца, Рожинскаго, живаго, или мертваго. Но какъ Поляки, вскорѣ послѣ побѣга Дмитрія, положили остаться вмѣстѣ, вѣрно стоять другъ за друга и никогда не служить ему, то посоль его ни въ чемъ и не успѣлъ у нихъ и, ничего не сдѣлавъ, вернулся въ Калугу. Дмитрій не удовольствовался тѣмъ: онъ послалъ другаго, изъ своихъ Капитановъ, по имени Казимира, природнаго Поляка; и этотъ долженъ былъ сдѣлать ту же попытку, какъ и прежній посоль, и употребить разные проски, чтобы встревожить, взволновать Поляковъ и поселить межъ ними несогласіе. Такъ это и сдѣлалось: онъ повелъ дѣло такъ ловко, что нѣкоторые изъ Казаковъ ушли въ широкую степь, другіе къ Королю полъ Смоленскъ, а третьи въ Калугу, къ прежнему Государю, Дмитрію.

У

СМЪСЪ

РАЗБОРЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

«О МІФІЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ НѢКОТОРЫХЪ ПОВѢРІЙ И ОБРЯДОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ А. ПОТЕБНИ. МОСКВА 1865.»

Изслѣдованіе Г. Потебни, какъ видно изъ заглавія, относится непосредственно къ Мифологіи.

Ежели принять во вниманіе скудость сочиненій по этой части, какъ вообще въ литературѣ Славянской, такъ и въ частности—Русской, если сообразить далѣе необработанность предмета, почти новость его, ограниченную лишь немногими изысканіями, положившими только начало его разработкѣ, и если взвѣсить за этѣмъ важное и интересное значеніе Мифологіи, какъ науки, болѣе и болѣе раскрывающей занимательный и назидательный матеріалъ для духовной жизни народа и послѣдовательнаго ея развитія, въ новѣйшихъ трудахъ ученыхъ Западныхъ, то нельзя не встрѣтить съ удовольствіемъ новаго сочиненія по Мифологіи Славянской, написаннаго преподавателемъ Университета и общающаго объемомъ своимъ если не окончательное рѣшеніе многихъ вопросовъ, по крайней мѣрѣ значительное восполненіе пробѣловъ, хотя въ существеннѣйшихъ частяхъ, со стороны основныхъ, такъ сказать, мифовъ, столь разработанныхъ и уясненныхъ въ позднѣйшее время у другихъ народовъ Индоевропейскихъ: Грековъ, Римлянъ, Германцевъ и Индѣйцевъ.

Бѣглый взглядъ на пособія, указанныя авторомъ въ изслѣдованіи, въ состояніи только усилить ожиданія и надежды отъ результатовъ несомнѣнно продолжительнаго и усидчиваго труда. Большая часть лучшихъ сочиненій, образцовыхъ и по строгости научныхъ пріемовъ, и по плодотворности осторожныхъ выводовъ,

представляются извѣстными Г. Потебни, по обильнымъ на нихъ ссылкамъ. Не ослабѣютъ ожиданія и при летучемъ обзорѣ матеріаловъ, положенныхъ Г. Потебней въ основу своего изслѣдованія: тѣ же самыя ссылки укажутъ на множество ихъ и на разнообразіе, какъ относительно родовъ народной литературы, такъ и нарѣчій Славянскихъ, по которымъ предлагается матеріалъ въ оригинальныхъ отрывкахъ.

Упомянутыя условія ученаго труда, пособія и матеріалы, такъ полно и отчетливо заявленныя въ сочиненіи Г. Потебни, невольно заставляютъ предполагать успѣхъ въ выполненіи предпринятой имъ задачи—обслѣдованія и уясненія міеовъ Славянскихъ. Оправдываются ли же этѣ надежды на дѣль, въ результатахъ труда? вотъ вопросъ, который въ главѣхъ нашихъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ желательнѣе истинный успѣхъ самой науки, Миеологии Славянской. Важность этого вопроса и послужила для насъ побужденіемъ вникнуть пристальнѣе и глубже въ изслѣдованіе Г. Потебни. Признаемся откровенно, что вызвало насъ на это не столько несогласіе наше съ окончательными выводами автора, сколько особенность его научныхъ приѣмовъ и, полагаемъ, не всегда безвредная заманчивость заключеній для ума, не приученнаго относиться къ фактамъ съ строгою критикою.

Спеціальныя, однако же, обстоятельства, въ которыхъ находится именно Славянская Миеология, вызываютъ предварительно на нѣкоторыя общія мысли. Наука эта, какъ уже замѣчено нами, совершенно нова и въ самомъ Славянскомъ мірѣ; ученые едва коснулись ея разработки, и не только не успѣли проникнуть до какой либо общей системы, но только не уяснили исторіи послѣдовательнаго видоизмѣненія міеовъ, но не указали даже и на связь глѣбѣйшихъ вѣрованій извѣстныхъ съ коренными міеами другихъ народовъ Аріійскихъ, болѣе оцѣливающихъ научными изслѣдованіями по этой части.

При такомъ положеніи предмета, невольно приходится подумать сначала о правильности и надежности приѣмовъ разработки, и тѣмъ скорѣе остановишь взоръ свой на приѣмы Запада, чѣмъ разнообразіе и перепутаннѣе представляется грубый еще матеріалъ у насъ, и чѣмъ расширеннѣе, уясненнѣе, осмысленнѣе встрѣ-

чаемъ его такъ. Г. Потѣбня, конечно, удивлялся это, когда поставилъ себя въ руководство классическія труды Гримма, Кунца, Маннгардта, Вольфа и нѣкоторыхъ другихъ. Но какъ воспользовался онъ ихъ примѣрами?

Ученые Запада, въ настоящемъ случаѣ преимущественно Нѣмцы, обратились къ разработкѣ Миеологіи съ тою осторожностію, съ тѣми прочными научными приемами и съ тѣми логическими, непреложными изъ обследованныхъ частныхъ фактовъ, выводами, какіе только и ручаются за дѣйствительный успѣхъ всякой науки. Встрѣчая въ громадной массѣ современныхъ вѣрованій, обрядовъ и повѣрій народныхъ самыя неясныя, перебитые и перемѣшанные, остатки древнѣйшихъ миеовъ, входившихъ нѣкогда въ полную систему Миеологіи; сознавая всю неотразимую силу вліянія на измѣненіе, сокращеніе, забвеніе и извращеніе этѣхъ миеовъ отъ разнообразнѣйшихъ переворотовъ послѣдующей жизни народа, и въ религіозномъ, и умственномъ и политическомъ отношеніяхъ, этѣ ученые признали прежде всего необходимымъ прослѣдить исторически повѣйшіе вѣрованія и обряды, возвести ихъ посредствомъ болѣе-менѣе определенныхъ указаній въ древней письменности къ чистѣйшему виду, и потомъ очищенный уже такимъ путемъ матеріалъ сопоставить съ вѣрованіями древнѣйшихъ родственныхъ народовъ, сохранившимися въ большей полнотѣ, определенности и нерушимости. Этотъ историческій приемъ устраняетъ, съ одной стороны, произволъ, отъ котораго трудно было бы отдѣлаться при сближеніи явленій, хотя на первый взглядъ и сродныхъ, но легко могшихъ развиться случайно, даже вовсе отъ различныхъ условій; съ другой, указаніемъ постепеннаго измѣненія такихъ явленій, вносясь въ науку новый матеріалъ для исторіи духовной жизни народа; наконецъ, давалъ твердое ручательство и за вѣрность послѣднихъ выводовъ, такъ какъ фактъ выходилъ посредствомъ него очищеннымъ отъ всякой примѣси и перепутанности и самъ собою, безъ натяжекъ и субъективныхъ домысловъ, вступалъ въ рядъ общихъ миеовъ Индоевропейскаго племени. Миеологія Германская обязана блистательными своими успѣхами прежде всего именно этому пути; Гриммъ первый ввелъ ее въ рамки определенной и строгой науки, а *Deutsche Mythologie* Гримма поражаетъ наиболѣе обширностію историческаго матеріала и изумительно трезвымъ

обращеніемъ съ нимъ. Только при подобной расчисткѣ миеологическаго матеріала, и только при такомъ предварительномъ разъясненіи главнѣйшихъ вѣрованій, основанномъ на рациональномъ и научномъ сравненіи съ миеами Индѣйцевъ, Грековъ и Римлянъ, откроется разумная возможность находить смыслъ и опредѣлить дѣйствительность миеическаго значенія въ той безграничной массѣ мелочей, какая наполняетъ собою современныя повѣрья и обряды народныя: лишь историческій методъ въ состояніи вывести пылливый умъ изъ этого, по истинѣ, хаоса на свѣтлую и торную дорогу, и его-то признаемъ мы безусловно необходимымъ въ нашей едва зачинающейся наукѣ.

Но историческій методъ въ Миеологии далеко недоступенъ всегда и во всемъ. Какъ основанный на памятникахъ письменности, онъ, по этому самому, находится въ тѣсной зависимости отъ времени и полноты послѣднихъ. Между тѣмъ, народы Германскіе, еще болѣе Славянскіе, вступили въ составъ историческихъ народовъ относительно въ позднюю пору; относительно поздно началась у нихъ и письменность; другіе же народы, гораздо старѣйшіе своею историчностью, сообщаютъ о нихъ случайныя и отрывочныя извѣстія, да и этѣ послѣднія принадлежатъ такому времени, передъ которымъ задолго уже установилась отдѣльность жизни и Германцевъ и Славянъ, а слѣдовательно и религія ихъ во многомъ должна уже была получить свой особый характеръ и наполниться спеціальными понятіями, вѣрованіями и обрядами. Національная письменность Германцевъ и Славянъ развилась, говоря вообще, послѣ Христіанства, которое неизбѣжно должно было повлечь за собою самый разрушительный переворотъ въ прежнихъ вѣрованіяхъ язычества. Независимо отъ этого, и такая національная письменность не представляетъ нигдѣ намѣреннаго собранія языческихъ вѣрованій, хотя бы въ остаткахъ и въ превращеніяхъ; послѣднія попадаютъ въ ней больше случайно, отрывочно, безъ малѣйшихъ часто указаній на ихъ миеическое значеніе. Неудивительно по этому, что многое изъ миеическихъ вѣрованій и понятій, кружащихся доселѣ въ простонародьи, не находятъ себѣ мѣста въ письменности и не могутъ, слѣдовательно, быть возведено путемъ историческимъ къ болѣе чистому первоначальному виду. Отсюда естественный результатъ, что, руководясь исключительно

исторіей, мы навсегда должны будемъ отказаться отъ вскрытія полной и подробной системы языческой религіи своего племени, и ограничиться усненіемъ лишь отдѣльныхъ мѣтовъ, которые попали случайно подъ перо стариннаго писателя; или которые, своимъ несомнѣннымъ единствомъ во всѣхъ частяхъ съ мѣтами древнѣйшихъ родственныхъ народовъ, даютъ право заключать о ихъ характерѣ и о томъ, что они принадлежатъ области общей племенной Миеологіи. Ученой Германіи обязана наука открытіемъ новаго средства восполненія, отчасти и вознагражденія недостаточности и ограниченности историческаго пособия въ Миеологіи. Вспомогательное средство это ноконяся на сравнительномъ языкознаніи.

Языкознаніе, при помощи сравнительнаго метода, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ успѣло уже выйти изъ того унизительнаго состоянія, въ которомъ не рѣдко служило оно предметомъ произвольныхъ сближеній, затѣйливыхъ сравненій, а подъ часть и фантастическихъ выводовъ, и, оградившись опредѣлительными законами, поднялось и развилось въ науку, дошедшую въ послѣднее время до степени замѣчательной точности. На этой степени, не смотря на краткій срокъ своего развитія, языкознаніе успѣло уже обогатиться обильными результатами и пролило замѣтный свѣтъ на рѣшеніе самыхъ темныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, на вопросъ о происхожденіи языка. Результаты сравнительнаго языкознанія не остановились, впрочемъ, на разъясненіи однихъ отвлеченныхъ законовъ языка; они не замедлили перейти въ рядъ пособій для исторіи, и при томъ въ такихъ эпохахъ, которыя безъ этого пособия принуждены были бы оставаться навсегда закрытыми.

Стоитъ хотя мелькомъ вникнуть въ разнообразное значеніе сравнительнаго языкознанія; чтобы понять невозможность, при ревнивой изыскательности современнаго ума, пройти ему безслѣдно и для Миеологіи. Каждое слово заключаетъ въ себѣ опредѣленное понятіе; но это понятіе, при данномъ словѣ, не остается неизмѣннымъ; оно переходитъ въ жизни народа разныя ступени, отъ одного значенія къ другому, и иногда употребляется въ устахъ нашихъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ, сравнительно съ тѣмъ, какой приданъ былъ ему первымъ творцемъ, подъ влія-

иже неразвѣннаго его впечатлѣнія. Сравнительное, значитѣльнѣе, посредствомъ прочно законнаго, дѣльнаго слова, способно дойти до этого обветшавшаго и вовсе забытаго первоначальнаго смысла. Отсюда не трудно уяснить и право науки языковѣдѣ: быть по-собіемъ для Миеологіи; многія выраженія народныхъ суевѣрій и обрядовъ, вращающіяся въ нашихъ устахъ, или безъ всякаго смысла, или съ непамятнымъ значеніемъ, путемъ лингвистическаго анализа готовы вскрыть цѣлую картину миеическаго вѣрванія, по средству съ подобными же, уже опредѣленными и записанными, картинами у родственныя народы, упрочивающую за собою точное мѣсто въ цѣлой системѣ Миеологіи. Позволю себѣ указать на Славянское слово дождь, подвергнутое мною не такъ давно подобному обследованію. И ученые Запада употребили уже въ дѣло эту сторону языковѣдѣ въ своихъ обследованіяхъ по Миеологіи и, подъ руководствомъ ея, нѣкоторые обогатили уже эту науку важнѣйшими открытіями. Вспомните только Макса Миллера, Куна и отчасти Францува Пикте. Но ежели современное языковѣдѣ въ сферѣ обследованія внѣшней стороны слова, его звуковыхъ и флексивскихъ свойствъ и видоизмѣненій, требуетъ строжайшей осмотрительности, неуклоннаго выполненія раскрытыхъ законовъ, то тѣмъ обязательнѣе должно быть это требованіе по отношенію къ Миеологіи, гдѣ главную силу заключаетъ внутренняя сторона слова, его значеніе. Малѣйшее нарушеніе звуковыхъ законовъ, самая ничтожная патяжка въ сближеніяхъ и сравненіяхъ, неминуемо отразится въ ложномъ выводѣ и первоначальнаго смысла, а черезъ это, уже логически, повлекутъ за собою и ложное представленіе самаго миеа. Само собою понятно, что исторія языка, послѣдовательное измѣненіе внѣшней оболочки слова, должна быть постоянно на первомъ планѣ. Въ противномъ случаѣ, анализированіе современной формы слова, безъ вниманія къ ея исторіи, не далеко отойдетъ отъ того забавнаго отыскиванія родства, на основаніи созвучій, какимъ потѣщались въ былое время наши дѣды и отцы. Только сдержанностью, осмотрительностью, строгостью филологическаго приема и возможно объяснить громадный успѣхъ его какъ въ упомянутыхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, миеологическихъ исследованияхъ Запада.

И такъ, предварительное уясненіе общихъ основныхъ миеовъ, что неразлучно съ историческимъ возведеніемъ со-

временной перепутанности, по возможности, къ древнѣйшему и чистѣйшему виду, и серьезное и осторожное употребленіе въ помощь сравнительнаго языковѣдѣнія, — вотъ правильный и надежный приемъ, оправданный библиотечными опытами въ историческо-этимологической литературѣ Запада.

Г. Потебня, какъ видѣли, знакомъ съ большою частью лучшихъ писателей, слѣдовательно, предполагается, изучалъ ихъ, освоился съ ихъ трудами, — и, дѣйствительно, указанные, на ихъ основаніи, приемы замѣтны въ разсматриваемомъ его сочиненіи. Къ сожалѣнію, однако же, пользованіе ими представляется скорѣе дѣломъ случая, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то вѣдѣніемъ; приложеннымъ механически, а не органически связаннымъ съ цѣльнымъ составомъ разсужденія. Посмотримъ ближе:

Ближайшею цѣлью Г. Потебни, какъ очевидно, было воссоздать Славянскую Мифологию, на основаніи нынѣшнихъ ея остатковъ въ различныхъ суевѣріяхъ и обрядахъ, сохранившихся въ народнѣй Славянской литературѣ, преимущественно въ сказкахъ и частію въ пѣсняхъ народовъ Славянскихъ. Къ атому присоединены и обычаи въ нѣкоторые праздники, до сихъ поръ носимые на себѣ отпечатокъ языческой старины. Въ этомъ отношеніи служили ему примѣромъ и руководствомъ, главнѣйшимъ образомъ, Нѣмецкія сочиненія Маннгардта и Вольфа. Не можемъ ругаться, уяснилъ ли себѣ Г. Потебня все существенное различіе въ положеніи своемъ и упомянутыхъ ученыхъ; а это различіе весьма важно и уже а priori характеризуетъ не совсемъ нормальное положеніе Г. Потебни, если хотя на минуту удивиться въ возможности одному человеку замѣнить десятки наследователей по наукѣ новой и обширной, и двумя годами восполнить десятки лѣтъ на пути, гдѣ только кое-гдѣ протолкена колея, и то едва, едва замѣтная.

И Маннгардтъ и Вольфъ имѣли передъ собою цѣлый рядъ и частныхъ, монографическихъ, и общихъ, систематическихъ, исследований; уже до нихъ основныя черты Германской Мифологіи были вскрыты и уяснены съ полнымъ запасомъ свѣдѣній, неутомимаго труда и строжайшей научности; отдѣльные главныя мѣры прослѣжены исторически, на почвѣ Германской, доведены къ первоначальному виду и поставлены прочно на своихъ мѣстахъ въ системѣ.

общей Индоевропейской Миеологіи. Ко времени дѣятельности ихъ уже наступила возможность опредѣлить смыслъ и мелкихъ современныхъ народныхъ вѣрованій и обрядовъ, со всею разнообразною и спутающею ихъ обстановкою, и они тѣмъ легче и успѣшнѣе могли спуститься въ этотъ лабиринтъ, чѣмъ больше мѣли и передъ собою и вокругъ себя предварительныхъ спеціальныхъ изысканій и среди позднѣйшихъ мелочей.

Не таково вовсе положеніе Русскаго и вообще Славянскаго ученаго: лишь пятокъ именъ въ состояніи указать мы и по рѣшенію отрывочныхъ, частныхъ, вопросовъ; историческое обслѣдованіе только что начато; нѣтъ даже систематическаго собранія и историческаго матеріала, не смотря на относительную скудость Славянскихъ памятниковъ, заключающихъ въ себѣ черты языческихъ вѣрованій; самыя общія и основныя мѣны не раскрыты у насъ и не сопоставлены съ подобными же мѣнами древнѣйшихъ родственныхъ народовъ. Эта бѣдность миеологической литературы всего явственнѣе обнаруживается азъ обзора нашихъ лучшихъ, во всякомъ случаѣ, по цѣли и выполненіи, почтенныхъ трудовъ, каковы труды Гг. Бодлянскаго, Срезневскаго, Буслаева, Аванасьева, до нѣкоторой степени Шеппинга и очень, очень немногихъ другихъ. На чемъ же обопрется, чѣмъ станетъ руководиться, авторъ, который бы задумалъ, подобно Г. Потевнѣ, создать систему Миеологіи изъ позднѣйшихъ остатковъ Славянскаго язычества, уцѣлѣвшихъ въ самомъ измѣнчивомъ, шаткомъ, непрерывно подвижномъ матеріалѣ; каковы сказки и пѣсни? Ему остается или неуклонно слѣдовать Нѣмецкимъ образцамъ и ихъ считать за норму своихъ выводовъ и сближеній для каждаго Славянскаго повѣрья и обряда; только въ Нѣмецкихъ обслѣдованныхъ остаткахъ суевѣрій находить зеркало для своего еще грубаго матеріала; или изъ каждаго почти факта сдѣлать предметъ панографическаго изслѣдованія, прослѣдить каждое явленіе современнаго язычества исторически, очистить его критикой, и тогда уже приступить къ сравненію съ Нѣмецкимъ образцемъ, а черезъ него перейти и къ общей Миеологіи Аріійской.

Но въ первомъ случаѣ, кажущееся сходство невольно вызоветъ въ серьезномъ умѣ множество подавляющихъ вопросовъ: есть ли это сходство коренное, образовавшееся въ эпоху общей жизни; не обязано ли оно простой случайности, сходству народной жизни;

при всей ея отдѣльности; не представлялось нынѣшнее сходство полнымъ различіемъ прежде, и т. д. и т. д.? Г. Потевня этому способу придалъ особенное значеніе; онъ руководится имъ на всемъ протяженіи своего изслѣдованія, и сочиненія Маннгардта и Воляфа служатъ ему краеугольнымъ камнемъ въ сближеніяхъ и даже въ заключеніяхъ. Въ какой степени оказался пригоднымъ этотъ способъ на дѣлѣ, мы увидимъ ниже, когда перейдемъ къ разсмотрѣнію выводовъ Г. Потевни. Что касается до монографическихкихъ обслѣдованій отдѣльныхъ мифовъ, то Г. Потевня обнаружилъ самъ, что они не подъ силу въ общемъ изслѣдованіи, и показалъ это нагляднѣйшимъ образомъ своимъ историческимъ приѣмомъ, который, конечно, долженъ бы былъ занять, въ такомъ случаѣ, самое видное мѣсто.

Ежели бы Г. Потевня и не соглашался съ нами въ важности этого приѣма, то уже Нѣмецкіе образцы вызывали его на вниманіе къ нему и побуждали дать ему мѣсто;—и оно дано, но, какъ уже замѣчено, случайно, скорѣе для виду, по чему и всѣ такія указанія легко могутъ быть устранены безъ малѣйшаго нарушенія силы и значенія цѣлаго изслѣдованія; напротивъ, это бы еще уменьшило количество въ немъ ошибокъ и произвольныхъ толкованій. Вообще, указанія на исторію служатъ въ изслѣдованіи Г. Потевни лишь свидѣтелями его знанія, или предчувствія, что она должна быть пущена въ ходъ, что безъ справокъ съ нею трудно обойтись; но способъ введенія исторіи въ дѣло отличается явными странностями, чтобы не сказать прямо недостатками. Ссылки. въ такихъ случаяхъ, вытекаютъ у него не изъ самыхъ источниковъ, не непосредственно изъ личнаго знакомства съ памятниками, а изъ подходящихъ Русскихъ сочиненій по Мифологіи. Но какъ сочиненій такихъ вообще не много, касаются они больше специальныхъ вопросовъ, то не удивительно, что и историческія ссылки ограничиваются шестью, семью мѣстами, при всей многообъемности изслѣдованія. Этого мало, Г. Потевня нашелъ излишнимъ даже проверить ссылки, даже правильно понять ихъ, и въ извлеченіяхъ своихъ допускаетъ ошибки, или производитъ непріятную путаницу. Словомъ, невниманіе, какая-то холодность къ историческимъ свидѣтельствамъ въ разбираемомъ сочиненіи, какъ-то не вяжутся съ положеніемъ автора и съ цѣлю его сочиненія. Вотъ факты:

На страницѣ 6 и 21, Г. Потевня приводитъ правительственныя постановленія, изъ XVII столѣтія, противъ нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ подъ Рождество, Новый Годъ и Богоявленіе. Термины этихъ обычаевъ очень важны, авторъ справедливо придаетъ имъ значеніе. Но, къ удивленію, мѣста эти взяты нигдѣ изъ готоваго сочиненія, всего вѣроятнѣе изъ Снегирева (О народныхъ праздникахъ....) и не проверены съ самимъ источникомъ. А между тѣмъ, въ перепечатанномъ извлеченіи, безъ всякой, впрочемъ, ссылки, находится знаменательная неточность, могшая, при исправленіи ея, если не измѣнить, по крайней мѣрѣ, ограничить выводъ, или потребовать объясненія. Г. Снегиреву вполне простительна неточность: онъ собиралъ матеріалы, и только при случаѣ, весьма рѣдко, позволялъ себѣ миеологическія объясненія: справки его съ исторіей, хотя бы и не всегда точныя, способны возбудить въ насъ только благодарность за трудъ по приготовительной обработкѣ. Подобнаго права даже на снисходительность уступить Г. Потевнѣ нельзя: онъ пишетъ ученое изслѣдованіе, сопровождаетъ группировку фактовъ выводами, иногда положительными, съ тономъ научной несомнѣнности. Казалось бы, не было и особеннаго труда проверить готовую ссылку съ извлеченіемъ, если представляется неудобнымъ трудъ читать источники самому. А справившись съ этими источниками, которыя находятся въ грамотахъ, помѣщенныхъ въ 3 и 4 томахъ Актовъ Историческихъ, Г. Потевня увидѣлъ бы, что, вмѣсто плуги, въ грамотѣ Патріярха Филарета (Ак. III, № 92; стр. 96, подъ 1620 г.), въ грамотѣ Верхотурскаго Воеводы, Рафа Всеволожскаго, времени Алексѣя Михайловича, читаемъ плута (Акт. IV, № 35, подъ 1649 годомъ). Тогда едва ли бы онъ позволилъ себѣ и немедленное заключеніе: «т. е., славили плугъ,» безъ предварительной критики.

Свидѣтельство о названіи въ старину свадьбы кашею (стр. 65) заимствовано опять изъ готовыхъ книгъ, изъ Академическаго Словаря и сочиненія Терещенка. Не говоря уже о томъ, что Г. Потевня нашелъ бы для этого факта указанія и древнѣе и обстоятельнѣе, если бы позаботился замѣнить Академическій Словарь существующими словарями для лѣтописей, замѣтимъ довольно произвольное обобщеніе самаго термина. Не свадьба вообще называется кашею, а единственно свадебный пиръ, что такъ очевидно и изъ вы-

писаннаго мѣста Лѣтописи, при посредствѣ Словаря Академическаго. Въ противномъ случаѣ, изъ извѣстія, что Князь Александръ устроилъ кашу въ Торонцѣ, и потомъ другую въ Новгородѣ, можно бы вывести, что онъ въ одинъ годъ (1239) сыгралъ двѣ собственныхъ своихъ свадьбы. Такія обобщенія въ разсматриваемомъ сочиненіи обыкновенны, а заблужденія отъ нихъ весьма легки, и на сколько предлагаетъ ихъ означенное сочиненіе, увидимъ ниже.

Два слѣдующихъ мѣста: пословица изъ Данила Заточника о мученіи пшеницы, да извѣстный разсказъ лѣтописи о волхвахъ въ Ростовѣ (стр. 41 и 293), если даже и извлечены непосредственно изъ источниковъ, то безъ всякаго вѣса для дѣла: послѣднее ни мало не усилено ими; а между тѣмъ подробное извлеченіе извѣстій о волхвахъ даетъ каждому читателю право увидѣть явную натяжку автора въ толкованіи. Дѣйствительно, Лѣтопись говоритъ очень ясно, что волхвы обвиняли въ неурожаѣ и голодѣ вообще женщинъ; но Г. Потební хотѣлось отыскать древнее свидѣтельство о вѣдьмахъ, и вотъ онъ, не задумываясь, увѣряетъ, что подъ этѣми женщинами разумѣются вѣдьмы, хотя лѣтописецъ не скрываетъ, что въ то время погибли и многія лучшія особы. Но на этомъ не остановился Г. Потební. Изъ той подробности лѣтописной, что волхвы обманывали народъ, будто бы вынимая изъ за разрѣзанныхъ плечъ женщинъ рыбу и жито, онъ считаетъ вполне объясненнымъ, что такое указаніе говоритъ о представленіи спины вѣдьмы корытомъ, по тому что такъ представляютъ своихъ вѣдьмъ Нѣмцы; въ Лѣтописи же идетъ дѣло о женщинахъ вообще и о ихъ плечахъ, а вовсе не о спинѣ. Между тѣмъ событіе очень простое и всецѣло оправдываемое воззрѣніемъ древняго Русскаго человѣка на женщинъ, записаннымъ тою же Лѣтописью. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ, женщина представлялась существомъ, ежели не исключительно, то преимущественно, преданнымъ волшебству, что, однако же, ни чуть не говоритъ о вѣдьменномъ ея значеніи; иначе пришлось бы всѣхъ женщинъ обратить въ вѣдьмъ. Вотъ какъ говорятъ лѣтописецъ: «Паче же женами бѣсовская волшвенья бываютъ, искони бо бѣсъ жену прельсти, си же мужа; тако въ си роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ и отравою и инѣми бѣсовскими козньми» (Лавр., 77). Правильный взглядъ едва ли изъ всего этого выведетъ вѣдьму, да еще со спиною корытомъ.

Но самый дѣшительный фактъ непростительно небрежнаго обращенія автора съ приводимыми имъ источниками заключается въ ссылкѣ на Іоанна Екзарха Болгарскаго, на стр. 282—283. По поводу превращенія упыря, Г. Потенія заявляетъ, что «объ этомъ говоритъ извѣстное мѣсто изъ Іоанна Екзарха Болгарскаго», и выписываетъ слѣдующее выраженіе: «и тѣло свое хранитъ мертве, и летаетъ орломъ, ястребомъ, и ворономъ; и дятлемъ: рыщутъ лютымъ звѣремъ и вопремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ.» Ссылкою на Славянскаго писателя X вѣка, очевидно, Г. Потенія хотѣлъ подтвердить заключенія свои объ упырѣ, и тѣмъ доказать свое сознаніе важности историческихъ свидѣтельствъ. Если же это такъ, то какимъ образомъ онъ позволилъ себѣ безъ разбора ухватиться за ссылку въ какой ни будь книжкѣ и отнести извлеченное оттуда выраженіе къ Іоанну Екзарху Болгарскому, никогда и не думавшему писать что либо подобное? Авторъ показалъ только этимъ, что онъ никогда не читалъ этого корифея Старо-Славянской литературы, что онъ даже не знаетъ, что и осталось отъ него; въ противномъ случаѣ, увидѣлъ бы легко, что Екзархъ Болгарскій, Іоаннъ, былъ переводчикомъ, хотя иногда и свободнымъ, что въ оригинальныхъ сочиненіяхъ, какъ въ Послѣсловіяхъ, въ Словѣ на Вшествіе Господа Нашего Іисуса Христа, не было ему ни цѣли, ни стати говорить объ упыряхъ. Мало того, Г. Потенія, значить, не читалъ отрывковъ изъ этого важнѣйшаго писателя, даже въ Христоматіяхъ; иначе былъ бы онъ пораженъ различіемъ языка его съ языкомъ приведеннаго отрывка.

Но допуская, что указанное мѣсто и заимствовано изъ Іоанна Екзарха Болгарскаго, все же остается непонятнымъ, по чему Г. Потенія видитъ въ немъ свидѣтельство именно объ упырѣ? Не беремъ утверждать, будто предыдущія строки этого мѣста скрыты намѣренно авторомъ; готовы даже согласиться, что онъ ему и неизвѣстны, какъ не включенныя въ ту книгу, откуда извлекъ онъ неловкую ссылку; но смѣемъ думать, что если бы Г. Потенія приставилъ ихъ, другими словами, сопоставилъ бы продолженіе съ началомъ, то едва ли бы не выбросилъ этого свидѣтельства, какъ не подходящаго къ его цѣлямъ. Вотъ этѣ строки: «первая книга Шартолой, рекше Острологъ, 2 Острономія, 3 Землетрія, 4 Ча-

ровникъ, въ нихъ же суть вся дванадесять опрометныхъ лицъ звѣринныхъ и птичійхъ, иже есть первое, тѣло свое хранитъ мертво....» Въ какой мѣрѣ непремѣнно разумѣется здѣсь упырь, такъ рѣшатъ быстро едва ли согласятся многіе. Изъ этѣхъ же начальныхъ строкъ не трудно усмотрѣть и источникъ, откуда взяты онѣ. Это, такъ называемый, списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ, включенный Калайдовичемъ, по рукописи XVII вѣка, въ числѣ другихъ памятниковъ, въ изданіе Іоанна Екзарха Болгарскаго, который служилъ для него поводомъ обнародывать вообще свои палеографическія и филологическія изысканія. На этомъ основаніи, безъ сомнѣнія, и сдѣлана ссылка въ книгѣ, изъ которой почерпнулъ Г. Потебня выдержку, на Іоанна Екзарха Болгарскаго, т. е., на изданіе его; а Г. Потебня, не справившись, отнесъ ее къ словамъ самаго Іоанна Екзарха Болгарскаго, другими словами, изъ XVII столѣтія шагнулъ въ десятое.

А жалко, что онъ не остановился на этомъ указаніи и не проверилъ его; тогда открылся бы передъ нимъ тотъ богатѣйшій матеріалъ миенческихъ вѣрованій Славянъ, который еще почти не тронутъ и ждетъ воздѣлывателей. Отъ списка книгъ истинныхъ и ложныхъ, Г. Потебня безъ задержки перешелъ бы къ незнакомой ему, какъ видно по всему, литературѣ отреченной, апокрифической, восходящей отрывками до XI вѣка и проходящей, съ разнообразными видоизмѣненіями и пополненіями, по всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ. Этотъ драгоценный миенологическій матеріалъ доставлялъ и полное удобство для пользованія, хотя бы по изданію Г. Пыпина (изданіе Г. Тихонравова вышло послѣ того, какъ было уже готово сочиненіе Г. Потебни), а одна только критическая обработка его, смѣло можемъ завѣрить Г. Потебню, доставила бы прочтѣйшую пользу наукъ, чѣмъ нынѣшнее его изслѣдованіе съ натянутыми объясненіями простонародныхъ суевѣрій подъ ладъ объясненій Маннгардта и Вольфа. Но Г. Потебня ни однимъ звукомъ, ни однимъ намекомъ, не коснулся этого готоваго матеріала, безъ котораго, послѣ его изданія, не слѣдовало бы заводить, въ настоящее время, и рѣчи о Славянской Миенології, тѣмъ больше притязать на какое либо систематическое ея изложеніе; вмѣсто справокъ съ нимъ, онъ нашелъ позволительнымъ ограничиться указанными шестью ссылками, такъ неловко извлеченными изъ другихъ сочиненій, безъ справокъ и проверокъ.

Такимъ образомъ, историческій приѣмъ въ сочиненіи Г. Потевни пренебреженъ; попадающеея койгдѣ примѣненіе его случайно, чуждо всякой системы, обзано единственно указаніямъ въ тѣхъ книгахъ, которыя приходилось читать ему и изъ которыхъ выписывалъ онъ эти указанія и толковалъ ихъ безъ критики, руководствуясь больше субъективными соображеніями, вообще способомъ, не соотвѣтствующимъ строго ученому изслѣдованію. Перейдемъ къ филологическому приѣму.

Филологическому приѣму данъ уже гораздо большій просторъ въ сочиненіи Г. Потевни; его встрѣчаемъ мы и въ текстѣ, и еще чаще въ примѣненіяхъ; онъ служитъ для автора не только средствомъ опредѣлять родственность первоначальныхъ миеическихъ воззрѣній у различныхъ народовъ, но не рѣдко прибѣгаетъ онъ къ нему и для опредѣленія идеи древнѣйшаго миеа у Славянъ. Ссылки, въ этомъ случаѣ, говорятъ убѣдительно, что Г. Потевня знакомъ съ самыми первокласными писателями, по ихъ сочиненіямъ: тут найдемъ мы и мелкія изслѣдованія въ «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung,» и статьи въ «Indische Studien,» и указанія на отдѣльныя сочиненія и изданія Куна, Вебера и др. Казалось бы, ручательство слишкомъ надежное на успѣхъ дѣла, и все таки намъ приходится замѣтить, что этотъ успѣхъ далеко не достигнутъ, что и въ обращеніи съ этимъ приѣмомъ. Г. Потевня больше слѣдовалъ личнымъ особенностямъ своихъ воззрѣній, чѣмъ установившимся законамъ Филологіи и той научной осторожности и сдержанности, какая преимущественно необходима въ изысканіяхъ филолого-миеологическихъ и о какой высказали мы свое мнѣніе выше. Но, не предваряя общихъ заключеній, взглянемъ на факты и дадимъ имъ оцѣнку въ общихъ частяхъ. Конечно, будемъ останавливаться только на томъ, что принадлежитъ самому Г. Потевнѣ.

Въ самомъ началѣ, на первой же страницѣ, сталкиваемся мы съ усиленіемъ автора вывести коренное значеніе важнаго, въ отношеніи народныхъ повѣрій, Сербскаго слова баднякъ, которое производитъ онъ отъ глагола бости—божу, со смысломъ долбить, сопоставляя съ Польскимъ badel, badył—стволь растенія. Не говоря ничего о неясности сочетанія колоть, долбить, со стволемъ растенія, отмѣтимъ необъясненность авторомъ звуковыхъ препятствій.

Во а) звукъ *o*, въ бости, коренной въ Славянскомъ языкѣ, перешелъ, значитъ, въ Сербскомъ въ *a*. Но примѣровъ такого перехода *o* въ *a* въ Сербскомъ нарѣчій мы не имѣемъ, кромѣ образованія многократныхъ глаголовъ, какъ: набраяти, помогати и др. (Mikl. Vergl. Gram. de Slav. Spr. I, 314); этотъ же переходъ обуславливается слишкомъ исключительными условіями, чтобы позволять себѣ безъ доказательствъ распространять его на цѣлый строй языка. Во б) ежели и допустить тожество корня въ словѣ баднякъ съ Санскр. *badh* (бить), то требуется объяснить, на какомъ основаніи короткое Скр. *a* замѣнилось въ Серб. посредствомъ *a*, что необыкновенно и ограничено въ самомъ Старо-Славянскомъ нарѣчій пяткомъ, не болѣе, словъ (Schleicher, Formenlehre d. Kirch.-Slav. Spr., 37). Если же авторъ сближаетъ баднякъ съ *badh*, посредствомъ кореннаго бости, то остается необъясненнымъ первое препятствіе, поднятіе въ именахъ существительныхъ Стар.-Слав. *o* въ Серб. въ *a*, когда намъ извѣстно, что нѣтъ случая, гдѣ бы Сербское *a* соотвѣтствовало Ст. Слав. *o* (Mikl., тамъ же, 298). Считаемъ лишнимъ упоминать о Литов. *badau*, *baduti* (колоть), такъ какъ въ Литовскомъ языкѣ есть свои законы звукоизмѣненія. Мы нашли бы менѣе звуковыхъ препятствій, если бы Г. Потебня сблизилъ Серб. баднякъ съ Старо-Слав. корнемъ бѣд, въ бѣд—ѣти (откуда причинная форма боудити), на основаніи неизмѣнной замѣны глухихъ гласныхъ (*ь* — *ѣ*) посредствомъ *a* (сѣнь = Серб. санъ, днь = Серб. данъ). Тогда и значеніе бадняка не удалилось бы отъ смысла миѣческаго обряда—пробужденія, бодрствованія, что такъ согласно съ основаніемъ праздника въ честь раждающагося, пробуждающагося, послѣ зимняго усыпленія, солнца. А въ такомъ случаѣ, не по тому называется и день или вечеръ баданъ, что жгутъ баднякъ, какъ полагаетъ Г. Потебня, а баднякъ такъ называется по тому, что жжется въ бадній день, вечеръ. Въ какой мѣрѣ филологія Г. Потебни основана на случайныхъ требованіяхъ, нагляднымъ свидѣтельствомъ служитъ слѣдующій фактъ. Уже былъ готовъ нашъ разборъ, когда прочитали мы Филологическія Записки т. 4. выпускъ 2 и 3, гдѣ, между прочимъ, помѣщена статья Г. Потебни: «О звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій.» Здѣсь, на стр. 125, встрѣтили мы производство слова бондырь, посредствомъ Пол. Чеш. *bednař*, изъ предлога *be* и существительнаго *dno*, и сопоставленіе, по формѣ, съ бесѣда, бескидъ (!) и бек-

рень (!?). Оставляя въ сторонѣ это словопроизводство, замѣтимъ, что Г. Потенія сюда же приурочиваетъ Чеш. *bedna* и Малорус. *бодня*; если бы пришелъ при этомъ ему въ голову Серб. *баднякъ* и Серб. *бадань*, то ужь, конечно, онъ не могъ бы не сблизить и ихъ съ *бодня* и не произвести точно также отъ *бе* и *дно*.

На стр. 19, въ прим. 52, сопоставляетъ онъ слова *ведро* и *ядро* съ Скр. *вѣдгра* и съ глаголомъ *idh* и *indh*. Это сопоставленіе, относительно слова *ведро*, высказано давно уже другими. Такъ, Миклошичъ указалъ на него еще въ 1845 году, въ своихъ «*Radices ling. Slav.*» и потомъ повторилъ въ 1862 году, въ «*Lexicon Palaeo-Slovenicum.*» Мы остановимъ вниманіе только на слѣдующемъ.

Г. Потенія не отиѣтилъ, какое *ядро* разумѣтъ онъ: *ядро* ли Старо-Славян., или *ядро*, *ядръ*? Первое, въ значеніи пазухи, *нѣдра*, второе въ смыслѣ скорость, скорый. Что до сближенія *вѣдгра*, то мы ничего не имѣемъ противъ этого, и не понимаемъ, по чему смущаетъ автора Славянское *е*, вмѣсто Скр. *и* (*i*): корень *idh* имѣемъ короткое *i*, и въ образованіи сложнаго слова Славянскій языкъ могъ удержать его и правильно переимѣнить на *е*. Не забудемъ, что *ведро* не встрѣчается въ древнихъ Кирил. памятникахъ, такъ что покойный Востоковъ, въ своемъ Лексиконѣ, привелъ примѣръ изъ Лавр. списка Рус. лѣтописи; господствуетъ же оно въ памятникахъ Глагольскихъ, южныхъ. Совсѣмъ другое относительно *ядро*.

Если авторъ думалъ о *ядръ*, *-дро*, то значеніе скорый, казалось бы, могло остановить его; должно было остановить и значеніе *ядро*, орѣхъ, зерно, яичко. Это *ядро* (скоро) и сближаютъ, дѣйствительно, съ Греч. *ἰθάρως* (*citus*; *Zeitschrift*, 7, 121). Что же касается до *ядро*, преобразовавшагося въ *нѣдро*, *нѣдра*, то тутъ, кромѣ значенія (пазуха), нельзя не остановиться и на звукѣ *я*, не замѣняемомъ нигдѣ посредствомъ *и*: его сопоставляютъ, по этому, съ Скр. *adhaga* (нижняя часть, на которой держать, лоно; срв. *Zeitschrift* 3, 36). Есть еще третье *ядро*, *ядрина*, *ядрина*—парусъ; но чуть ли оно неродственно съ *ядро* (*нѣдро*), поднимающееся, подобно пазухѣ, груди. Во всякомъ случаѣ, ни то, ни другое *ядро*, ни съ носовымъ, ни безъ носоваго звука, не имѣетъ ничего общаго съ Скр. *indh*.

Въ томъ же примѣчаніи сближено съ ведро и слово ядно, съ приставленнымъ къ нему значеніемъ жженіе, и, какъ будто, доказывающимъ происхожденіе отъ *indh* (жечь). Напрасно Г. Потевня такъ неразборчивъ на источники; вмѣсто Азбуковника, въ которомъ встрѣтилъ онъ значеніе жженіе, слѣдовало бы ему обратиться къ Словарямъ Востокова, или Миклошича, если уже самъ онъ такъ настойчиво уклоняется отъ памятниковъ. Востоковъ показалъ бы ему, что *ядьмо*—собственно выѣденное мѣсто, слово одного корня съ *ядьмѣ*—пища, *ядьць*, *ядьца*—лущій, слѣдовательно, происходитъ отъ *яд*, Скр. *ad* (ѣсть), не имѣющее ничего общаго съ *indh* (жечь). Но автору, во что бы то ни стало, хотѣлось, для своихъ миеологическихъ объясненій, отыскать въ ядро, встрѣчающемся въ пожеланіи подъ Новый Годъ, идею огня, и вотъ онъ сближаетъ его съ ведро, а это, черезъ видгара, съ Скр. *indh*, а для большей убѣдительности, наставилъ тутъ же и ядно.

Еще съ большою филологическою безцеремонностію сталкивается читатель на стр. 42—44, гдѣ сближаются самыя разнообразныя слова, чтобы добиться изъ нихъ идеи дробленья, и тѣмъ объяснить миеическое воззрѣніе на хлѣбъ. Укажемъ лишь на нѣкоторые факты. Такъ сближены Г. Потевней: трѣгати, дергати, торкати и тлѣкати; круна, хрупкій съ кряпать (бить) и хряпать (ломать). Что Малорусское торкати соотвѣтствуетъ Велико-русскому торгати, — понятно: обще Русское *г* часто замѣняется въ Мадор. черезъ *к*; но развѣ научно сопоставлять дрѣгати (заставлять дрожать) съ трѣгати (рвать)? Что имѣетъ мѣсто во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ нарѣчій, то можетъ вовсе не имѣть смысла въ двухъ словахъ одного и того же нарѣчія. Звуки *д* и *т* родственны, какъ *г* и *к*, и замѣняются другъ другомъ въ разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ; но они и различны, какъ основные, коренные звуки, существовавшіе отъ самыхъ первыхъ зачатковъ языка, и какое же право имѣемъ мы подставлять одинъ вмѣсто другаго въ одномъ и томъ же древнѣйшемъ языкѣ? Тогда всѣ слова съ *д* могутъ замѣняться посредствомъ словъ съ *т*, и наоборотъ. Отсюда, если въ Старо-Славянскомъ находимъ вполнѣ самостоятельными дрѣгати, трѣгати, тлѣкати, то отождествлять

ихъ коренное происхожденіе возможно лишь подъ руководствомъ неразборчиваго произвола.

Не съ меньшимъ произволомъ сближены и слова: крупа, кряпать, хрупкій и хряпать. Звуки *у* и *я* могутъ родниться лишь при посредствѣ коренныхъ носовыхъ *ж—д*: мы уже не говоримъ объ *о* и *а*, находящихся въ хрупкій и хряпкій, также представленныхъ Г. Потемней. Между тѣмъ, въ древнѣйшихъ памятникахъ Старо-Славянской письменности, находимъ только *крупъ* и никогда *кряпа*; нарѣчіе Польское, сберегшее носовые звуки, указываетъ тоже только на *кгура*, во всѣхъ сложныхъ и производныхъ. Слово *крупа* скорѣе родственно съ *крупный*, въ чемъ трудно отмѣтить идею дробленія.

То же, если не больше, должно сказать и о сопоставленіи, съ тою же цѣлью, слова *дрозжи* съ *трость*, *дроздъ*, *троскъ*, *друзъ*, *дязгъ*, будто бы, съ кореннымъ значеніемъ—*бить*, *ломать*. Отмѣтимъ только, что Старо-Славянское существительное *дрожни* не имѣетъ вовсе глухаго звука, тогда какъ *трость* есть *трѣсть*. О прихотливой замѣнѣ *д* и *т* сказали выше. Миклошичъ сравниваетъ Слав. *дрожни* съ Литовскимъ *drumstas*, съ Ново-Нѣм. *trüsen*, *drusen*, съ Ср.-Латин. *drascus*.

По поводу той же идеи дробленія, Г. Потемня утверждаетъ, что *блинъ*, названіе извѣстнаго рода хлѣба, есть *млинъ*, а *млинъ* одного корня съ *мельница*, *молоть*, *мелкій* и т. д. Но желательно бы было прежде доказать, что Малор. *млинъ* не образовалось изъ *блинъ*, черезъ обыкновенную мѣну губныхъ *б* и *ж*; не забудемъ, что *блинъ* въ Литов. *blinas*, въ Ново-Верхне-Нѣмец. *Blinze*. Во всякомъ случаѣ, сдѣланное Г. Потемней отождествленіе *млина* съ *жерновомъ*, на томъ основаніи, что *жерновъ* употребляется на *мельницѣ*, и что *млинъ*, по формѣ своей, также *круглый*, какъ и *жерновъ*, лишено убѣдительности.

Но авторъ не ограничился и этимъ: *млинъ*, *молоть* и т. д. сближаетъ онъ съ *милъ*, *милый*, можетъ быть (1) *мелкій*. Но когда и гдѣ *милъ* значило первоначально *мелкій*, объ этомъ не спрашивайте, хотя бы противъ такого значенія и говорили всѣ извѣстные доселѣ памятники Древне-Славянской Литературы. Ми-

кляшчъ, еще въ 1845 году, сопоставилъ мнѣ съ Скр. корнемъ *mīl* (*convenire, societatem inire*); повторилъ это сопоставленіе и въ 60-хъ годахъ, въ своемъ Лексиконѣ.

Въ Славянскомъ языкѣ, въ ряду терминовъ для хлѣба, есть выраженіе брашно, борошно. Нельзя ли какъ ни будь и его подвести подъ смыслъ дробленія, толоченья? И вотъ слѣдуетъ у Г. Потебни такое словопроизводство: вѣроятно, борошно одного корня съ брать и значить почти то же (!), что мукѣ, т. е., смолотое, растолченное. Брать, значить также и хватать, рвать, жать, рубить, откуда Старо-Славянское брады (сѣкира), пахать, откуда борона; вѣроятно, оно имѣло и значеніе толочь (стр. 44, прим.). Что брать когда ни будь значило и гдѣ ни будь значить жать, рубить, толочь, кромѣ Г. Потебни, едва ли кому либо извѣстно; что отъ брать можетъ происходить борона,—это понятно, по тому что ею забирается земля въ полѣ; но чтобы отъ брать же образовать и брады (=сѣкира), вставленное Г. Потебнею, естественно, для того, чтобы приблизить брашно къ идеѣ толченья, рубленья, значило бы, ни болѣе ни менѣе, какъ погрѣть основные, элементарные законы Славянскаго словообразованія. Намъ остается только удивляться, какъ послушалось перо Г. Потебни раздѣлить брады такъ, что д очутилось отдѣленнымъ отъ бра и соединеннымъ съ окончаніемъ *ы* (=бра—ды). Окончаніе *ы* есть самостоятельное, исключительно гласное, соответствующее Скр. *и*, Лат. *и*, четвертаго склоненія, образующее, въ Славянскомъ языкѣ, особое склоненіе, сходящееся съ склоненіемъ на тему согласную (брад—ы, род. брадѣе, дат. брадѣи и т. д.), и не предлагающее ни одного примѣра, въ которомъ бы предъидущій согласный звукъ не относился къ корню (люб—ы, свекр—ы, смок—ы, прѣк—ы и т. д.). Но для Г. Потебни оказывается легкимъ миновать законы, лишь бы вывести любимую идею. Звукъ *д*, въ брад—ы, можетъ принадлежать только къ корню, а слѣдовательно и съ бра—ти не имѣетъ ничего общаго; вотъ по чему Гриммъ и сравниваетъ наше брад—ы съ Древне-Верхне-Нѣмецк. *bart* (сѣкира, *Wörterb. I, 1143*), а Дицъ съ Средне-Верхне-Нѣм. *bart* (I, 93). Что же до самаго слова брашно, то мы ничего не можемъ сказать противъ сближенія его Миклошичемъ съ Скр. *bhṛakṣ*, съ значеніемъ сѣдять, ѣсть.

Г. Потѣбнѣ захотѣлось обрядъ обсыпанья перенести на небо и сравнить съ дождемъ, отсюда явилась непремѣнная надобность и въ словахъ, заключающихъ идею обсыпанья, отыскать первоначальную идею литья, и вотъ, на стр. 62, онъ приводитъ областныя Русскія слова пурить, пура, пырка, пурьнь (=зола), и объясняетъ, что корень ихъ долженъ быть пѣр—пур съ первоначальнымъ значеніемъ лить. А между тѣмъ, дѣло гораздо проще и въ результатѣ приводитъ къ обратному заключенію. Старо-Славянское пыро значитъ мукá; отсюда прилагательное пыръя, пыръянь — мучной; то же и въ др. Слав. нарѣчіяхъ, съ тѣмъ же значеніемъ и съ отвѣтственнымъ каждому видоизмѣненіемъ ѣ; это же слово, съ тѣмъ же значеніемъ, находимъ и въ другихъ языкахъ: Литов. rugji (triticum), Греч. πυρός, Скр. ruga. Родство пыро съ ruga уже указано Куномъ (Beiträge zur vergleich. Sprachfors. 2, 376; Indis. Stud; I, 356). Отсюда понятна и пурьнь (зола), и пурга (мятель), т. е., порошащая, запорашивающая; отсюда и пурить (мочиться), испускать мелкія капли, какъ изъ сита, порошокъ. Такимъ образомъ, выводъ долженъ быть совершенно обратный, отъ первоначальнаго значенья мукá, а не отъ лить. Принимая же во вниманіе Серб. пырити (дуть, вздуть), Чеш. ruřeti (то же), имѣемъ полное право заключать и о коренномъ значеніи въ словѣ пыро — дуть, вздуть (легко вздуваемое, мукá), какъ въ пухъ отъ пу (=дуть).

Здѣсь же не можемъ пройти безъ замѣчанія и объясненія слова прахъ, предполагающаго, по мнѣнію Г. Потѣбни, по всему вѣроятію, Слав. прахъ—дождь, а не на оборотъ. И это по тому только, что Чеш. pršetí значитъ дождитъ, ити мелкому дождю; за это и уцѣпился Г. Потѣбня, которому и тутъ хотѣлось дойти до основнаго значенья—лить. Но нашелъ ли онъ хотя въ одномъ нарѣчій прахъ въ значеніи дождя? Слово прахъ всюду и всегда значило пыль, и какъ отъ пыро явилось пурить (мочиться), черезъ пырити (вздуть, поднимать пыль), такъ и прѣшити значитъ прежде прашити, порошокъ, порхать, а потомъ уже мжить, ити дождю, какъ изъ сита.

Еще страннѣе видѣтъ первоначальное значеніе лить въ существительномъ буря по тому только, что въ областномъ говорѣ бурить значитъ мочиться. Буря всегда значила, значитъ всюду и

теперь бурю, т. е., вѣтеръ, мятель, а не дождь, какъ полагаетъ Г. Потебня, въ примѣч. 197; то же самое и пурга значитъ прежде всего и распространеннѣе всего вьюга, мятель; и мы не знаемъ, чему приписать положительность Г. Потебни, увѣряющаго (тамъ же), будто пурга, собственно дождь, не извѣстно (!!) въ значеніи вьюги, мятели. Сущестительное же буря происходитъ отъ корня бур (Miklos. Lexicon), съ значеніемъ издавать шумъ, шумѣть. Необъяснима для насъ и рѣшительность автора, доказывающаго синонимичность словъ: пухъ и прахъ (прим. 199); въ приведенной поговоркѣ—въ пухъ и прахъ оба слова вполне самостоятельны, каждое съ своимъ собственнымъ значеніемъ; въ неловко же оторванномъ клочкѣ изъ пѣсни, сущ. пухъ опять стоитъ на своемъ мѣстѣ, и ни чѣмъ не указываетъ на прахъ.

Не видимъ себя въ правѣ согласиться съ авторомъ даже и на счетъ значенія глагола сыпать, будто бы первоначально заключавшаго смыслъ литья; намъ извѣстно только, что въ древнѣйшихъ памятникахъ онъ употребляется съ значеніемъ сыпать, spargere.

Объ объясненіи основнаго смысла слова солома (стр. 74), мы не будемъ говорить ничего, какъ не говорили о словопроизводствѣ Овсеня (стр. 21) и серны (стр. 35); не станемъ говорить по тому, что объясненіе это принадлежитъ не Г. Потебнѣ, а уже обстоятельно изложено Курціемъ, въ Grundzüge d. griech. Etym. I, 108, гдѣ такъ убѣдительно отвергнуто и прежнее производство соломы отъ корня str. На мѣстѣ Г. Потебни мы не видѣли бы причины не указать на этотъ источникъ тутъ, какъ и при производствѣ Авсеня отъ us (тамъ же, I, 189).

Въ примѣчаніи 254, стран. 75, при словѣ окручать, намъ осталось непонятнымъ соединеніе представленій заплетанья, одѣванья и брака, ежели только Г. Потебня думалъ тутъ видѣть что либо больше, кромѣ самаго простаго и естественнаго перехода слова отъ понятія общаго къ частному случаю, отъ одѣванья и заплетанья, вообще къ обряду заплетанья и убиранья головы молодой послѣ вѣнца. Окручать происходитъ, очевидно, отъ крѣтъ (tortus), откуда крѣтитъ (крутить, завивать). Отъ понятія же крутить, запахнуть, запахнуться, явилось и значеніе одѣвать, одѣваться; отсю-

окрутниками, въ Новгородѣ, называются наряженные, замаскированные (во время Святокъ).

Едва ли гдѣ ни будь, въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, высказался такъ ярко оригинальный взглядъ Г. Потебни на Филологію, какъ въ обслѣдованіи слова Яга (стр. 91, прим. 7). По этому позволимъ себѣ и мы остановиться на этомъ мѣстѣ подробнѣе.

Стараясь объяснить звуки *z*, *d*, *z*, *dz*, встрѣчающіеся въ выраженіи Яга, по разнымъ Славянскимъ нарѣчіямъ: Польское *Jędza*, Словац. *Jenži*, *Ježi*; Чеш. *Jedu*, *Jezinka*, Галиц.-Рус. *Язя*, и усиливаясь подвести первоначальный смыслъ Яга подъ понятіе огня, жженья, а слѣдовательно домогаясь до того же корня *indh*, отъ котораго происходитъ ведро и съ которымъ такъ неловко сблизилъ Г. Потебня ядно и ядро, онъ начинаетъ отъ болѣе яснаго, по его мнѣнію, сравненія Слав. слова звонъ съ Скр. корнемъ *dhvan*. Дѣйствительно, въ 1845 году Миклошичъ такъ объяснялъ существительное звонъ; но Боппъ, въ новомъ изданіи «*Vergleich. Gram.*» (I, 151), возстаетъ противъ этого и указываетъ на *svan* (*sonape*, *sonus*), съ которымъ сблизаетъ (предполагая *z* изъ *ç*) термины Нѣмецкіе, Англосаксонскіе и т. д. Соответствие *z* звуку *z* оправдывается словами *ruza*, звѣзда. Миклошичъ, въ своемъ Лексиконѣ, видимо склоняется уже на сторону Боппа. Такимъ образомъ, посредствующій органъ, которымъ думалъ Г. Потебня оправдать свое производство, оказывается несостоятельнымъ. Но посмотримъ на звуковыя сближенія самаго автора.

Прежде всего поражаетъ сопоставленіе Скр. *dh* (слѣдовательно, Греч. *ð*) съ Славянскими звуками *z*, *z*, *dz* и даже съ *ж*, а въ заключеніе съ *d*, тогда какъ общій законъ, указанный Гриммомъ подтвержденный и доказанный Миллеромъ (*Vorlesungen über die Wissen. d. Sprache*, 2 Serie, 1865, S. 210), свидѣлствуетъ лишь объ одномъ, что *dh* равняется въ Славянскомъ звуку *d*. Авторъ ни однимъ примѣромъ не подорвалъ этого кореннаго закона: примѣръ въ сущ. звонъ сюда уже ити не можетъ; да къ тому же. онъ могъ бы говорить только въ пользу *d* и *z*, но ни чуть въ пользу *z*, или *ж*.

Далѣе, Г. Потебня, чтобы настоять на своемъ производствѣ отъ *indh*, пускается въ доказательство средства *z* и *d* и замѣны

последняго первымъ. Какія же это доказательства? «з и ж, въ Рус. Язы, Словац. Ježbaba, предполагають z, а это могло выйти изъ dh, какъ въ словѣ звонъ, дзвонъ отъ корня dhvan.» Но гдѣ же въ звонъ звукъ z? Тутъ находимъ мы только z, да по Малор. говору dz. Или авторъ думаетъ, что изъ кореннаго dh выбросилось d и осталось одно h? Но въ такомъ случаѣ, нельзя не упрекнуть его въ особенности пониманья Санскритскихъ придыханій при согласныхъ, зубныхъ и небныхъ, а также и господствующей замѣны ихъ въ тѣхъ родственныхъ языкахъ, которые утратили придыхательность: вѣдь въ послѣднихъ, этою утратою, остались обыкновенно простые согласные, подвергнувшись, уже на почвѣ спеціальнаго ихъ, отдѣльнаго развитія, своеобразнымъ измѣненіямъ. Отсюда, и въ Славянскомъ языкѣ, съ потерей придыхательности, остались прежде всего изъ gh—i, изъ kh—k, изъ th—m, изъ dh—d. Обратное явленіе, чтобы въ позднѣйшихъ языкахъ уцѣлѣло придыханіе и затерялся коренной звукъ, останется до тѣхъ поръ безпримѣрнымъ, пока Г. Потенія не докажетъ этого какъ можно большимъ количествомъ примѣровъ, и притомъ положительныхъ, несомнѣнныхъ. До тѣхъ же поръ, предположеніе, что изъ indh выбросилось d, а осталось одно h, превратившееся въ Славянскомъ въ z и ж, позволимъ считать слѣдствіемъ чистаго произвола.

Но этого мало. Допуская предположеніе Г. Потенія, мы, значитъ, должны допустить и двойственность въ образованіи одного и того же слова у Славянъ, и не только по разнымъ нарѣчіямъ, но даже въ одномъ и томъ же нарѣчіи. Такъ Чешское нарѣчіе, въ выраженіяхъ: Jedu (baba) и Jezinka, выходитъ, одинъ разъ изъ кореннаго dh выбросило z и оставило d, въ другой выбросило d и оставило z, превратившееся, уже въ силу Славянской спеціальности, въ z. Однако же, Г. Потенія хочетъ подтверждать и примѣрами чередованье звуковъ d и z, и указываетъ на слѣдующія: а) ядно, б) язва, в) ягнуть (областное Псковское): всѣ эти слова, по его мнѣнію, происходятъ отъ того же indh.

Насъ удивляетъ прежде всего способъ доказывать тѣмъ, что должно быть доказано само, именно, что d въ indh способно превращается въ d, z и z. Относительно ядно, мы уже видѣли, что оно происходитъ отъ яд (ѣсть), и авторъ ошибся, довѣрившись Азбуковнику. Оставляя въ сторонѣ язва (Литовск. aıza, трещина, рас-

щелина), не можемъ не поразиться указаніемъ на областное ягнуть: вѣдь оно само прежде всего требуетъ объясненія, а Г. Потебня приводитъ его въ доказательство! Да ягнуть могло пойти просто отъ лягнуть (срв. ледва—едва), или отъ ягна, и значить кохнуть. Г. Потебня схватился за выраженіе жигнуть, которымъ въ Областномъ Словарѣ объяснено слово ягнуть. Но не уже ли же, въ самомъ дѣлѣ, логично отъ значенія корня въ объясняющемъ словѣ заключать объ основномъ значеніи объясняемаго, и на этомъ основаніи строить цѣлый міръ? Жигнуть, жигануть въ обыкновенномъ говорѣ значить просто ударить, хватить; объясняющій въ словарѣ слова вовсе не думаетъ о первоначальномъ смыслѣ объяснительнаго слова, а употребляетъ его, для уясненія непонятнаго реченія, въ томъ значеніи, какое во всеобщемъ ходу.

Такъ много предположеній, произвола и неправильностей въ производствѣ Яги, и все это, конечно, отъ того, что автору хотѣлось оправдать фактами языка напередъ предположенную идею въ значеніи Яги. Между тѣмъ, если бы онъ слѣдовалъ обратному пути, т. е., предварительно обслѣдовалъ факты, то едва ли бы не избѣжалъ ошибокъ, да правильнѣе опредѣлилъ бы и основной характеръ Бабы-Яги. Для Г. Потебни и дѣло-то было бы, рѣшаемся думать, легкое: стоило только отбросить предвзятую идею, не ставить на дыбы словъ и воспользоваться тѣмъ миеическимъ терминомъ, который не разъ приводится имъ въ сочиненіи.

Начнемъ съ Хорутанскаго слова *ježa*, съ выраженія *konj k ježi*, т. е., верховый конь, конь для ѣзды. Это слово совершенно правильно сопоставлено Миклошичемъ съ Старо-Слав. *къжда*, въ смыслѣ не только ѣзды, но и летанья. Относительно *къжда* не можетъ быть сомнѣнія, что оно одного происхожденія съ *къждити*, *къждити* (ѣду). Нельзя не желать узнать корень, для точнѣйшаго опредѣленія значенія.

Санскритъ предлагаетъ намъ корень *ah*, усиливаемый носовымъ звукомъ *ah* и замѣняемый посредствомъ *ag* и *ag*, съ значеніемъ ити, двигаться, откуда происходитъ и существительное *ahi* (*serpens*, змѣя). Латин. *anguis*, Слав. *ажь* (=анж), Греч. *ἔνυχελος* и *ὄφις*. Какъ въ Санскритѣ встрѣчаемъ мы слова и съ носовымъ падежомъ и безъ него, такъ тоже и въ указанныхъ производныхъ

другихъ языковъ, такъ и въ Славянскомъ; ага (=јага=яга) и жага Но : Славянское смягчается въ жд=зд, Пол. dz; смягчается въ з и ж, черезъ это; жднѣти, зднѣти, ждз и жѣдза, или Словац. jezi, всецѣло соотвѣтствующее, по формѣ, Скр. ahi. Коренное значеніе, слѣдовательно. Яги будетъ: двигающійся, идущій, ѣдущій, сохранившееся въ Хорутанскомъ konj k jezi. Понятно, что этотъ первоначальный смыслъ въ словѣ Яга утратился,—и вотъ Чеш. jedu (baba) воспроизвело этотъ смыслъ новообразованнымъ словомъ изъ жднѣти, зднѣти, ждз, жѣдз. Вѣроятно, и самое ждхати принадлежитъ тому же корню аг, аг. Характеръ Яги, извѣстный по всѣмъ Славянскимъ сказкамъ, представляющимъ ее въ главнѣйшихъ моментахъ ѣдущею, только подтверждаетъ этотъ смыслъ. При такомъ взглядѣ на происхожденіе слова Яга, мы не станемъ въ противорѣчіе и съ законами Гриммовой таблицы, ни съ обстоятельнымъ Мюллеровымъ ученіемъ: Скр. g и h соотвѣтствуютъ въ Славян. z и z, а черезъ нихъ dz и ж. Замѣтимъ, наконецъ, что Г. Потебня, на стр. 96, уже самъ сознается въ неясности для него этимологическаго значенія слова яга.

На сколько сильнѣе, въ филологическихъ объясненіяхъ Г. Потебни, личные его догадки, сравнительно съ положительными данными языка, доказываетъ взглядъ его на слово лисица (стр. 132). Ему непремѣнно надобно было сдѣлать лисицу сестрой волку, а для этого необходимо окрестить и самое слово въ женскій родъ, и вотъ онъ уже находитъ подтвержденіе въ томъ, что Слав. языкъ знаетъ лису, лисицу, а отсюда готово и заключеніе, что «женскій родъ нашего слова лиса древнѣе мужескаго въ Нѣмецкомъ языкѣ.» Стоитъ ли говорить что ни будь противъ этого? Замѣтимъ одно: Старо-Славянское нарѣчіе не знаетъ вовсе лисы, а знаетъ лиса. Едва ли можно и сомнѣваться, что искони существовалъ двойкій родъ, муж. лисъ и жен. лиса, какъ въ Славянскомъ, такъ и въ Германскомъ. Если же сообразоваться съ наличными данными языка, то съ гораздо бодьшимъ правомъ можно утверждать преимущественную древность муж. рода: кромѣ Старо-Славянскаго нарѣчія, съ муж. родомъ, является лиса и въ Серб. (лисъ), и въ Польск., и въ Чеш., и въ Лужицкомъ и въ другихъ, и мы рѣшительно недоумѣваемъ, какъ понять и чѣмъ объяснить выводъ Г. Потебни. Все говорить положительно противъ него, а онъ спо-

койно доказываетъ исконностью и исключительностью женскаго рода въ Славянскомъ языкѣ миѣическое отношеніе лисицы къ волку, какъ сестры къ брату, по тому только, что въ такомъ отношеніи попадаются они въ нѣкоторыхъ сказкахъ, и по тому, что, при женскомъ родѣ лисицы, удобнѣе сближать ее съ Ягой-Бабой и заставлять принимать миѣическое участіе въ родинахъ и т. д.

Отсюда уже, при увѣренности въ женскомъ миѣическомъ значеніи лисицы, равно и куницы, Г. Потебня свободно видитъ указаніе на него и въ техническихъ областныхъ терминахъ, для выраженія посредствомъ этихъ словъ подарковъ, по случаю брака, молодымъ, или отъ молодыхъ. Такъ куницей называется коегдѣ плата повобрачной пану, или городничему; лисицей — пряникъ молодымъ отъ сродниковъ, на другой день свадьбы (стр. 136. прим. 107). Надобно ли распространяться, что терминъ куница обязанъ своимъ значеніемъ, въ настоящемъ случаѣ, древнему выраженію куны, т. е., деньги, которыми должна была дѣйствительно откупаться брачующаяся. Обязанность исчезла, но обратилась въ обычай, съ которымъ сбереглось и самое слово куна, куница. Подобный же переходъ значенія совершился, безъ сомнѣнія, и съ лисицей (т. е., мѣхомъ), и видѣть тутъ что либо миѣическое едва ли логично. Но Г. Потебня, хотя и отказывается объяснить, все же ставитъ въ связь съ своимъ миѣическимъ стремленіемъ и Серб. выраженіе лисице, лисичине, въ значеніи кандалы, оковы, путы, а также Пол.-Чеш. *kupa*, въ подобномъ же смыслѣ. Но первое, лисице, лисичине, очевидно, родственно съ Старо-Слав. *лѣса*, въ значеніи — плетенка, что либо сплетенное, Чеш. *leša, leška*, съ тѣмъ же смысломъ; сюда же, само собою, входитъ Русское *лѣса, лѣсца*, столь извѣстное ловащимъ рыбу удочкой. Корень этого слова, вѣроятно всего, находится въ Скр. глаголѣ *las* (работать руками, плести). Что касается до Чешско-Польскаго выраженія *kupa*, то появленіе его съ этимъ смысломъ объясняется Польскимъ же *gąsiog*, въ значеніи желѣза, путь на шеѣ (отъ чего человекъ держитъ шею, подобно гусю, какъ *gąsiog*), и сосуда съ вытянутою длинною шейкой, слѣдовательно, могло перенестись отъ сходства съ силками, съ западной для куны. Какъ бы то ни было, но объясненіе, основанное на исторіи и на вѣрномъ, безъискусственномъ переходѣ значенія, заставляетъ отбросить натянутое возведеніе къ чему-то миѣическому.

Страница 212, съ примѣчаніемъ 234, напоминаетъ намъ живо филологическій приѣмъ въ объясненіи словъ дергать, торгать и дрожди, равно и при словѣ Яга. По поводу родственности выраженій быкъ и бѣчела, давно уже извѣстной и основанной на прочныхъ звуковыхъ началахъ, авторъ сближаетъ съ бук и бык слова буг, буз, быз, быдз. Опровергать все это находимъ излишнимъ; въ противномъ случаѣ, нельзя не подумать о возможности подвести весь матеріалъ языка подъ какой либо одинъ корень. Въмѣсто опроверженія, мы позволимъ только себѣ спросить автора: гдѣ же посредствующія ступени для буз и быз, еще болѣе для быдз? Странно, что Г. Потебня не хочетъ признать той простой истины, что современныя простонародныя выраженія можно и должно брать въ сравненіе, тѣмъ болѣе въ доказательство столь темныхъ вопросовъ, но не иначе, какъ при посредствѣ исторіи; лишь тогда могутъ имѣть смыслъ звуковыя ихъ разнообразія, когда будутъ представлены для нихъ историческіе посредники, и когда образованіе ихъ будетъ опираться на положительныхъ звуковыхъ законахъ: «wenn wir es nur sorgsam prüfen und zergliedern,» говоритъ Максъ Мюллеръ (Vorles: üb. die Wissenschaft d. Sprache, 2 Serie, S. 12).

Въ томъ же примѣчаніи сталкиваемся мы съ производствомъ слова жукъ и съ оригинальнымъ сближеніемъ его съ другими словами. Вотъ какъ опредѣляетъ Г. Потебня корень слова жукъ: «его можно сблизить или съ жъг (съ значеніемъ огня, потому черного цвѣта): срв. жушель (у изъ ъ), пѣна при плавкѣ металловъ, Рус.-Пол. жужелица, то же и извѣстное насѣкомое, Тверск. жугля—какое ни будь живое существо, Вятско-Пермское жужга (удвоеніе корня жъг), навозный жукъ; или съ Чеш. жукати, жужжать.» Трудно рѣшить, чему приходится больше удивляться: силѣ ли воображенія автора, или филологической неразборчивости средствъ для доказательства предвзятой идеи.

Во а) допустивши корень жъг, мы должны отказаться отъ слова жукъ, по тому что оно необъяснимо, ни по формѣ, ни по значенію, изъ упомянутаго корня. Правда, авторъ утверждаетъ, что у происходитъ изъ ъ; но въ жъг встрѣчаемъ мы только ъ, и никогда ѣ, котораго при ж и быть не можетъ. По этому, нѣтъ и ни одного видоизмѣненія корня жъг, которое бы указывало на ѣ (жегу, жигати, жагати, гдѣ а изъ jъ). Слѣдо-

вательно, подобное производство жука есть чистый произволъ. Во б) слово жужель, жужелица, жугля должны быть выброшены изъ уравненія съ жукомъ, даже на основаніи малѣйшаго вниманія къ значенію, не заключающему ничего общаго между первыми и послѣдними, когда уже мы знаемъ о несоединимости жука съ корнемъ жьг. Авторъ видимо чувствовалъ это, и вбросилъ, какъ бы посредствующій терминъ, Вят.-Пермск. жужга, дѣйствительно употребляющееся въ смыслѣ навознаго жука и, такимъ образомъ, какъ бы связывающее формально жужель, жужелица и жугля съ жукомъ. Но именно этотъ-то посредствующій терминъ и доназываетъ, какъ, съ одной стороны, должно быть осторожнымъ съ простонародными словами, съ другой—до какой степени Г. Потехня обращается съ ними своевольно, отвергая рѣшительно путь строгой науки. Казалось бы, немного стоило вникнуть въ выраженіе жужга, чтобы подмѣтить въ немъ настоящаго жучка. Напрасно авторъ не захотѣлъ справиться съ свойствами Вятско-Пермскаго говора: отчетливая характеристика его у Г. Даля удержала бы разомъ порывъ его фантазіи. Извѣстно, что этотъ говоръ замѣняетъ ч посредствомъ ш, а к посредствомъ з., отсюда, вм. жучка (жучокъ), должно явиться жушга, а въ слѣдствіе Обще-Славянскаго закона превращенія отзвучныхъ передъ звучными въ звучные (ш передъ з въ ж), жужга. Господинъ же Потехня преважно удваиваетъ для этого слова корень жьг, и думаетъ видѣть въ этомъ доказательство первобытной связи жука съ огнемъ! Въ в) сближеніе жука съ Чешск. жукати, понятно, ничего не объясняетъ, такъ какъ само оно происходитъ отъ жукъ.

Въ г) Г. Потехня идетъ далѣе въ сближеніяхъ и сопоставляетъ жукъ, а съ нимъ жужель, жужелица, съ звука, зыкъ и т. п. Оставляя пока въ сторонѣ жужель и жужелицу, замѣтимъ, что противъ сближенія жука съ звукомъ не имѣемъ мы ничего, и именно по тому, что древній языкъ Славянскій, не зная жука, употреблялъ вмѣсто него слово зоука, имѣя въ то же время и сущест. зоукъ для выраженія понятій: звука, шума, крика. Но зоукъ и зоука, очевидно, происходятъ отъ зоу, являющагося въ зъвъ—ати, зъвъ—аніе, что въ Старо-Слав. значить крикъ, кричанье. Славянское же зоу есть Скр. hu или, съ законнымъ видоизмѣненіемъ его, hoé, съ значеніемъ: звать, взывать; съ нимъ

и сравниваетъ наше звать Бопшъ, сопоставляя съ Исландск. *boia* (ржать), Древне-Нѣмец. *hoaijôn* и т. д., отсюда и зыкъ, зычать и т. п.; отсюда и Серб. *зукъ*, жужжанье пчелъ; *зукати*, жужжать, и *зукъ*, навозный жукъ. Отсюда, коренное значеніе жукъ, зукъ есть шумъ, жужжанье, а слѣдовательно и зыкъ — бѣганье скота, и зыкать, вести себя бойко (о дѣвухѣ), получили эти значенія отъ шума, крика, а не наоборотъ, какъ увѣряетъ Г. Поттебня, т. е., не отъ понятія соединенія (половаго), брака, тѣмъ менѣе огня

Въ д) Что же касается до жужель, жужелица, идущихъ изъ глубокой древности и распространенныхъ по всѣмъ нарѣчіямъ Славянскимъ, съ значеніемъ червя, бабочки, моли, перешедшихъ даже и въ Мадьярскій языкъ (*zizak*), то происхожденіе ихъ и первоначальное значеніе справедливо сопоставлены Миклопичемъ съ Скр *gudź* (*murmurare*), между прочимъ, и по тому, что значеніе шума сохранилось и донынѣ въ этихъ словахъ: Хорв. *zižanj* значить шумъ (*strepitus*); Рус. жужжать.

Въ заключеніе всего выходитъ, что какъ быкъ, бѣчела (=пчела) произошли отъ звука, шума, такъ точно и жукъ, зукъ и жужель, жужелица, хотя и отъ различныхъ корней, не имѣющихъ, впрочемъ, ни малѣйшаго отношенія къ жгъ или огню.

На стр. 252, Г. Поттебня, по субъективному своему воззрѣнію, доходитъ до отождествленія миенческаго змѣя и бочки; а какъ представленія сосуда и брюха сродны (разумѣется, по мнѣнію того же Г. Поттебни), то змѣй представляется и туловищемъ, т. е., брюхомъ. При этомъ и лингвистическія указанія: «тулъ и туловище, Польск. *tułub*, Пол. *kadłub* (предполагаетъ, ка—длъ—бъ, нѣчто выдолбленное), туловище. Отсюда, рядомъ съ представленіемъ змѣя сосудомъ, представленіе его туловищемъ (т. е., брюхомъ).» Спрашивается, гдѣ могъ найти авторъ хотя какой ни будь намекъ на то, чтобы туловище когда ни будь означало брюхо? Гдѣ отыскалъ онъ и иное значеніе для тула, кромѣ неключительнаго *phageta*? Независимо отъ этого, мы не можемъ согласиться и съ представленіемъ змѣя даже туловищемъ въ сказкахъ, не только брюхомъ. Приведенное Г. Поттебней сказочное выраженіе, что старый змѣй оборачивается человѣкомъ

безъ рукъ, безъ ногъ, вовсе не говоритъ о туловищѣ, которое отрицаетъ и голову, которой, однако же, не лишился змѣй, и напрасно, по крайней мѣрѣ произвольно, Г. Потевня прибавилъ въ скобкахъ объяснительное—одно туловище. Впрочемъ, это больше уже относится къ способу его толкованія самаго миеологическаго матеріала; въ настоящую же минуту насъ занимаютъ его филологическія сближенія и объясненія.

Г. Потевня сопоставляетъ тулъ съ длѣб, чтобы опредѣлить значеніе туловища, какъ чего-то выдолбленнаго. Но во а) гдѣ же Старо-Слав. лѣ переходитъ въ Старо-Славянскомъ же въ ул? а тоулъ находится и въ Старо-Славянскомъ? Во б) по чему же *д* (въ длѣ-б) перешло въ *т* (въ тоулъ)? Въ в) куда же *б* дѣлось въ длѣ-б? Или оно не принадлежитъ корню? Въ самомъ дѣлѣ, Г. Потевня раздѣляетъ его такъ: длѣ-бъ, какъ будто *бъ* есть образовательный суффиксъ. Но вѣдь это скорѣе можно принять за шутку, до того очевидна и извѣстна неотдѣльность *б* въ корнѣ длѣ-б. Наконецъ, въ г) тулъ имѣетъ въ корнѣ тул (tul), нести, носить; Готск. thula, tolegage (срв. Боппъ, Glos. подѣ tul, Miklos. Lexicon подѣ тоулъ); между тѣмъ какъ длѣбсти сближается съ Англо-Сакс. diltfau, Лат. glubere (Zeitschr. f. vergleich. Sprach. 7, 173).

А что сказать противъ отнесенія Г. Потевней Пол. kadłub къ корню длѣбъ? Серьезно приходитъ въ голову, ужь не думалъ ли онъ подсмѣяться надъ читателемъ? Избравши Лексиконы главнымъ основаніемъ своихъ филологическихъ сближеній и производствъ, онъ бы могъ легко отыскать въ Серб. парѣчи калупъ, одинаковаго значенія съ Польск. kadłub, и тогда, надѣмся, безъ труда опредѣлилъ бы источникъ, изъ котораго появился въ Польскомъ словѣ звукъ *д* передъ *л*. Что же касается до формы tułub, то мы попросили бы автора взглянуть на слово tułow (откуда туловище) въ Польскомъ Словарѣ Линде; тамъ увидѣлъ бы онъ, что tułub лишь одна изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ формъ указаннаго слова tułow.

Слѣдующая страница (253) доставила Филологимъ новое своеобразное производство, по поводу объясненія слова кощей. Указавши на сказочный характеръ кощея, Г. Потевня продолжаетъ: «все это даетъ нѣкоторое право (?), миновавши (?) Старо-Слав. кощъ, сухой, худой тѣломъ, сблизить Слав. кощей

съ Скр. кукши (брюхо, утроба, пещера). Со стороны звуковъ, кажется (1), нѣтъ препятствій: $y = o$ (Скр. куккуша = Серб. кокошъ), $кш = ск$, $щ$ (Скр. кшам, терпѣть, и о-скома, когда зубы терпнуть, щемѣть, болѣть известнымъ образомъ).» Этотъ образецъ филологическаго приѣма требуетъ опять остановки.

1) Кощей сближается съ кукши. Но тогда какъ въ кощей звукъ $щ$ есть, очевидно, коренной, связанный нераздѣльно съ $ко$, въ Скр. кукши послѣдній слогъ $ши$ есть образовательный, представленный къ корню $кук$, что значить брать, принимать (въ данномъ примѣрѣ, разумѣтся, пищу).

2) По мнѣнію Г. Потебни, очень легко приравняется коренное y Славянскому o . На дѣлѣ не такъ. Замѣна y посредствомъ o въ Старо-Славянскомъ нарѣчій необыкновенная рѣдкость, и Шлейхеръ отмѣтилъ только два случая (сноха да оба) и лишь подъ сомнѣніемъ третій (родить изъ $gudh$. Formentl. d. Kirch. Slav. Sprach., S. 57).

3) Г. Потебня въ доказательство приводитъ Серб. кокошъ, равное у него Скр. куккуша. Но такое сравненіе требуетъ тѣмъ большаго вниманія и доказательствъ, что Славянская Филологія предлагаетъ объясненіе кокоша (не Сербск. только, а и Старо-Славянскаго и другихъ Славянскихъ нарѣчій) совершенно иное. Его производятъ изъ $kaka$, въ значеніи воронъ ($coqna$), откуда $kakaraksha$ — гребень (у птицы), $kakala$, тоже воронъ, — очевидно выраженіе звукоподражательное, отсюда и Слав. $кок$, $квок$ (Mikl., Lexicon). Что до кукуша, или куккута, или куккубга, названныхъ также звукоподражательно, то ихъ можно сблизить только съ кукушей, кукушкой.

4) $кш = ск$, думаетъ Г. Потебня, и скрѣпляетъ примѣромъ оскомина, сопоставленнымъ съ Скр. $kšam$. Но, вѣдь, послѣднее требуетъ не менѣе настоятельно доказательства, чѣмъ и то, что имъ доказывается Филологія, между тѣмъ, не знаетъ, будто Скр. $кш$ равняется Славянскому $ск$; знаетъ она, напротивъ, что Скр. $kš =$ Греч. ξ , Латин. x и въ Славянскомъ замѣняется посредствомъ c . Такъ, Скр. $dakšima$, Греч. $\deltaέξιος$, Лат. $dexter$, Слав. $десъць$, Лит. $deszinė$; $akša$, $\acute{\alpha}\xi\omega\nu$, $axis$, Литов. $aszis$, ось; Скр. $takš$, Слав. $тесать$. Удивительно, что Г. Потебня забылъ сказанное

имъ выше (на стр. 7); тамъ онъ самъ сооставляетъ Скр. kś съ Слав. с; но тамъ надобно ему было доказать равенство Санскритскаго рикши Славянской рыси.

Въ то время, какъ авторъ не совсѣмъ позволительно минуетъ Старо-Славянское нарѣчіе, на немъ и Древне-Русскомъ языкѣ слѣдовало бы остановиться прежде всего, и особенно прежде, чѣмъ дать волю субъективному взгляду Въ Старо-Славянскомъ нарѣчій слово кощъ, кошь попадаетъ исключительно въ значеніи сухой, тощій, тонкій, блѣднолицій (ξηρός, στανός, gracilis), и, очевидно, стоитъ въ непосредственной связи съ своимъ корнемъ—кость, какъ прилагательное къ существительному. Слѣдующіе примѣры Древне-Русскаго языка только видоизмѣняютъ значеніе кощья, ни мало не уничтожая кореннаго его смысла: «и баше съ нимъ (съ Андреемъ Боголюбскимъ, въ ночь убіенія его) одинъ кощей малъ» (Новг. I, подъ 1174 г.); «идоша князи 9 дномъ изъ Кіева, и бысть вѣсть Половцемъ отъ кощья отъ Гаврилкова отъ Иславича» (Ипат. стр. 98, подъ 1170 год) Въ обоихъ примѣрахъ, кощей значитъ слуга, пацъ, мальчикъ; въ нынѣшнемъ употребленіи—костлявый человекъ, скряга, екунецъ Последовательность значенія явственна: сухость, истощенность равносильны слабости; идея же слабости отождествлялась съ малостью. На все это предлагаетъ Древне-Русскій языкъ свидѣтельство и въ другихъ выраженіяхъ (см. Объ особен. Малор. нарѣчій, стр. 21). Понятіе сухости, маломощности, весьма естественно связалось и съ скряжничествомъ. Но Г. Потебня, во что бы то ни стало, желаетъ натянуть первоначальное значеніе кощья на мишечское существо и, образовавши самое слово изъ кукши, переводитъ потомъ значеніе въ демоническаго человекъ, далѣе въ иноплеменника, военнаго врача, и наконецъ раба-плѣнника. Надобны, однако же, свидѣтельства подобнаго перехода значенія: у Г. Потебни и за ними нѣтъ остановки; но какъ указанные примѣры изъ Старо-Славянскаго и Древне-Русскаго нарѣчій ничего подобнаго не говорятъ, то автору и оставалось ухватиться за Индійскихъ дьясовъ, которые изъ значенія демоновъ перешли въ Санскритѣ къ значенію иноплеменниковъ, варваровъ. Г. Потебнѣ, очевидно, нѣтъ вовсе дѣла до исключительныхъ условій, въ какія поставлены были Арійцы, переселившіеся изъ Ирана въ Индію, къ туземцамъ —

варварамъ; онъ не обращаетъ вовсе вниманія на то, что послѣдніе явились въ понятіяхъ первыхъ олицетворителями злаго, враждебнаго, сложившагося въ нихъ миеахъ, и, думая обмануть себя, ебылается на Слово о полку Игоревомъ, гдѣ, будто бы, кощей, отнесенный къ Половцамъ, дѣйствительно употребляется въ смыслѣ врага-иноплеменника, варвара. Но мы видѣли уже, какое значеніе придано кощею въ Лѣтописномъ извѣстїи, современномъ указанной поэмѣ (Ипат. лѣт. подъ 1170); а простой глазъ въ примѣрахъ Слова о полку Игоревомъ ничего и не можетъ увидѣть, кромѣ общаго значенія, въ бранномъ смыслѣ, значенія сухой, костлявый, сухопарый, какимъ и по сіе время представляется Русскому Татаринъ.

Надѣмся, что и этихъ примѣровъ достаточно, чтобы оцѣнить взглядъ на филологическій приѣмъ Г. Потевни въ Миеологіи, которому онъ далъ гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ историческому. Что же слѣдуетъ сказать объ этомъ взглядѣ?

Прежде всего то, что авторъ и тутъ не хочетъ знать Исторіи. Вообще, послѣднія на всѣхъ пунктахъ видимо тяготить его, возбуждаетъ въ немъ какое-то недоброжелательство; ему прїятнѣе производить операцію съ языкомъ въ томъ его видѣ, въ какомъ существуетъ онъ теперь, или въ какомъ угодно взять его Г. Потевнѣ. Правда, это даетъ изслѣдователю несравненно большій просторъ свободы; но согласна ли такая свобода съ успѣхами результатовъ? Дѣйствительно, для Г. Потевни современное количество и качество звуковъ служить исключительною основою при всѣхъ сближеніяхъ и сравненіяхъ, не только въ отдѣльныхъ нарѣчїяхъ, но и въ языкахъ, и не только въ настоящемъ времени, но и въ отдаленномъ прошедшемъ. Какъ будто эти нарѣчїя и языки не жили своею жизнью, не подвергались перемѣнамъ, окаменѣли въ моментъ первоначальнаго образованія. Отсюда, родство, на пр., одинаково-органичныхъ и звуковъ, сближающихся одинъ на другой въ различныхъ говорахъ нарѣчїяхъ, представляетъ Г. Потевнѣ надежное ручательство сближать ихъ въ одномъ и томъ же языкѣ, или нарѣчїи, притомъ и въ глубокой древности; отсюда, нѣтъ и заботливости о прїисканіи первоначальной формы, по крайней, мѣрѣ древнѣйшей по памятникамъ письменности. А между тѣмъ извѣстно, что современный звукъ въ одномъ языкѣ, или нарѣчїи, могъ произойти совершенно инымъ

путемъ изъ другаго древняго, чѣмъ въ другомъ языкѣ, или нарѣчій. При такомъ взглядѣ на Филологію, нѣтъ ничего удивительнаго, если в филологическіе факты Г. Потевни иногда напоминаютъ ту пору языкознанія, когда сближенія и словопроизводства совершались безъ отношенія къ законамъ и опирались на субъективныхъ, часто произвольныхъ, догадкахъ и предположеніяхъ.

То же самое должно сказать и относительно внутренней стороны слова, его значенія. Отъ самаго поверхностнаго читателя не ускользнетъ замѣчаніе, что Г. Потевни не идею выводитъ изъ данныхъ языка, а подъ задуманную идею, уже готовую, усиливается подвести значеніе словъ; и, конечно, при его взглядѣ на внѣшнюю часть, на звуки, это легко должно удаваться, удаваться, разумѣется, въ его глазахъ. Г. Потевни ни сколько не стѣсняется и не затрудняется хвататься за самыя позднія значенія словъ, очевидно второобразныя, метафорическія, лишь бы только они подкрѣпили его положеніе о какомъ либо темномъ идеическомъ понятіи, и спокойно вводитъ ихъ въ число доказательствъ. Такъ, на пр., на стр. 109, ему оказалось желательнымъ вывести для мнѣшескаго существа у Сербовъ, Руги, соотвѣтствующей, по мнѣнію Г. Потевни, Бабъ-Ягъ, идею безобразія, и вотъ онъ рѣшительно указываетъ на Сербское прилагательное ружанъ, въ значеніи безобразный, -- и идея вполне доказана, и, какъ уже доказанная, входитъ въ рядъ доказательствъ для другихъ понятій и представленій. Но Сербское ружанъ, очевидно, происходитъ отъ существительнаго руга, что значитъ насмѣшка, шутка: значеніе безобразія въ прилагательномъ явилось уже изъ основнаго - насмѣшливый, шутивый, а потомъ противный, что и теперь еще принадлежитъ прилагательному ружанъ. Способъ настоящаго вывода Г. Потевни тотъ же самый, если бы мы вздумали слову рука придавать значеніе мира, привычки, по тому только, что прилагательное ручной значитъ смирный, приученный.

Всмагриваясь глубже и внимательнѣе въ Филологію, какъ отражается она въ сочиненіи Г. Потевни, и на минуту нельзя задуматься, что это вовсе не та наука, которую такъ дѣятельно разрабатываютъ ученые Запада, и которой такъ не далеко еще предвѣщала великую будущность Максъ Мюллеръ (въ *Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache*, I, 338); въ противномъ случаѣ, каж-

дній естествоиспытатель, слушавшій лекціи того же Мюллера, считалъ бы себя въ правѣ принять за извѣстку его выраженіе, будто: *schon die Wissenschaft der Sprache der Kreis der Naturwissenschaften unvollständig bleiben würde* (тѣмъ же, Serie 2, 9 6). Не такъ, конечно, понимала Филологію Мюллеръ, когда высказалъ подобную мысль: «Только точное наблюденіе надъ организмомъ языка, только помѣньшее углубленіе въ научный объектъ, должно служить и ей фундаментомъ, какъ то же самое служить такимъ фундаментомъ и естественнымъ наукамъ; воинамъ болтовни, не имѣющая такого основанія, какъ бы ни была она остроумна, лишена научной цѣнности». Напротивъ, «субъективныя догадки, произвольная этимологізація, пустыя предположенія, словомъ все, что лишено въ языковеданіи научной строгости, что унизило его въ глазахъ людей односубординныхъ, сдѣлаю даже смѣшнымъ; справедливо должно оскорблять каждаго, кто привыкъ дѣйствовать по пути трезваго и точнаго наблюденія» (Schleicher, Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft. 1868).



Соображая историческіе и филологическіе приемы Г. Потебни, мы не можемъ не сказать, что онъ самъ отрѣзалъ для себя путь къ успѣшному приисканію научной истины. Такое заключеніе покажется еще болѣе основательнымъ, когда сообразимъ, чѣмъ же замѣнилъ Г. Потебня ученыя средства, что руководило имъ въ его выводахъ и заключеніяхъ, какъ частныхъ, такъ и общихъ, окончательныхъ.

Мы уже замѣтали, что неисчислимымъ матеріаломъ исследованийъ служили Г. Потебнѣ современныя вѣрованія и повѣрья Славянскаго народа, какъ сбереглись они въ сказкахъ и народныхъ обрядахъ. Устранявши Исторію, съ одной стороны, съ другой, — замѣнивши строгую науку субъективнымъ способомъ обращенія съ Филологіей, авторъ, естественно, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ сравненію разнчнаго матеріала съ подобнымъ же матеріаломъ у другихъ народовъ и, пользуясь его обработкою у послѣднихъ, подставлять свои заключенія подъ готовые уже выводы мнoземцевъ. Быть можетъ, въ этотъ способъ въ состояніи подвинуть далеко из-

слѣдователя къ цѣли; но въ такомъ случаѣ, было бы необходимо подробное знакомство со всѣми мелкими остатками и отрывками древнихъ миеовъ у разныхъ народовъ, и осторожное вниманіе ко всѣмъ нимъ, при сравненіи съ ними матеріала Славянскаго. Между тѣмъ, Г. Потевня ограничился въ своемъ трудѣ почти единственно одной Германіей, трудами почти исключительно Вольфа и Маннгардта. Правда, у него есть ссылки и на Индійскую Миеологию, и на Греческую, приводятся даже извлеченія изъ Веды; но все это относится лишь къ общимъ миеамъ, основнымъ, кореннымъ, а Славянская Миеологія не указала еще намъ, въ какомъ видѣ и въ какой степени явились на почвѣ Славянской и эти общіе миеы, сохранились ли они въ первобытной чистотѣ, или видоизмѣнились подъ вліяніемъ самобытнаго развитія Славянъ; что осталось изъ нихъ, какъ и что прибавилось: все это вопросы, ждущіе рѣшенія. Вотъ по чему и остается непонятнымъ скачкомъ, со стороны автора, подставленіе разнообразныхъ мелкихъ повѣрій и суевѣрій Славянъ подъ первоначальные миеы Индійцевъ, какъ, на примѣръ, на страницъ: 15, 195, 197, 198—199 и 275. Г. Потевня можетъ сказать, что такіе же выводы существуютъ у Нѣмцевъ, въ ихъ добросовѣстныхъ обслѣдованіяхъ подобнаго же матеріала. Но тутъ-то и сталкиваемся мы съ поспѣшностью Г. Потевни, которая и подрываетъ уже а priori довѣріе къ его заключеніямъ. Дѣйствительно, гдѣ и въ чемъ находить ручательство онъ, что данное вѣрованіе, тотъ или другой обрядъ непременно тождественъ съ тѣмъ или другимъ вѣрованіемъ, или обрядомъ у Нѣмецкаго народа? Нѣмецкій ученый можетъ быть справедливъ въ своихъ сравненіяхъ съ Индійцами и Греками, по тому что онъ прослѣдилъ исторически національный свой миеъ, раскрылъ исторію его развитія, а Г. Потевня позволилъ себѣ остановиться исключительно на современныхъ его остаткахъ. Эти же остатки, какъ видно и изъ самаго изслѣдованія Г. Потевни, далеко не одинаковы даже в у самыхъ Славянъ: и то, что, по видимому, сходствуетъ съ Нѣмцами, могло образоваться и развиваться совершенно изъ иного начала, какъ и наоборотъ, кажущееся различіе не даетъ право отрицать сходства и единства за нѣсколько пятковъ вѣковъ. Но Г. Потевня не хочетъ знать Исторіи даже и относительно главнѣйшихъ миеическихъ личностей, а по тому и непонятно, что сравненіе его Славянскаго матеріала съ Нѣмецкимъ носитъ на себѣ самыя рѣзкіе слѣды лич-

ныхъ догадокъ, предположеній, словомъ, субъективность и тутъ стоитъ на первомъ планѣ. По этому и заключенія его могутъ имѣть цѣнность истины лишь въ его глазахъ, на основаніи его индивидуальнаго убѣжденія; для другихъ не всегда представляютъ они и видимость истины.

Ближайшее рассмотрѣніе имеологическихъ заключеній, а также способовъ доказательствъ, сравненій и сближеній Г. Потебни, надѣмся, подтвердитъ сказанное нами.

Первая статья разсужденія Г. Потебни обнимаетъ Рождественскіе обряды и ихъ имеологическое значеніе. Эта статья заключается и двумя общими выводами (стр. 83), съ разбора которыхъ мы и начнемъ.

Подробныя доказательства къ этому выводу помѣщены на стр. 56—72.

Замѣтимъ прежде всего, что самое первое предложеніе заключаетъ уже въ себѣ странную ошибку, а если принять въ соображеніе, что на ней покоятся и всѣ остальные мысли, то и невротительную. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано сближеніе каши съ Св. Варварою? «У Сербовъ и Хорватовъ, говоритъ Г. Потебня, каша варится съ особенными обрядами нѣсколько разъ въ теченіи зимнихъ праздниковъ, т. е., отъ дня Великомученицы Варвары до Богоявленія. Каша эта у Сербовъ называется варица, уменьшительное отъ Варя, Варвара.» Но варица никогда и нигдѣ у Югославянъ не значила и не значитъ каши; варица Сербо-Хорватская есть то же самое кушанье, которое извѣстно на Югѣ Россіи подъ именемъ взвара, узвара, готовится точно также и имѣетъ то же обрядовое значеніе; и въ варицѣ составныя части точно также плоды; въ большей части Сербіи не примѣниваютъ въ нее и хлѣбныхъ зеренъ. Каша у Сербовъ и Хорватовъ есть на столько же особенное кушанье, съ своимъ названіемъ каша, какъ отлична каша у Малороссіянъ отъ узвара. Отсюда уже само собою ясно, что и названіе варица происходитъ не отъ имени Варвара, а отъ Славянскаго слова варить, варь, какъ и Малор. взварь, узварь, и что, слѣдовательно, и отношеніе ея къ Св. Варварѣ есть чисто случайное, обусловленное близостью дня ея памяти къ праздникамъ Ро-

жественскимъ, въ которые ваваръ, равно какъ кутья, играютъ столь важную роль. Народъ, по сходству двухъ словъ, хотя и совершенно различнаго происхожденія, сблизилъ и обозначасмыслилъ понятія, и отодвинулъ, такимъ образомъ, приготовленіе варицы нѣсколько назадъ, отъ 24—25 Декабря къ 4, что, впрочемъ, ни мало не противорѣчитъ и языческому празднеству, такъ какъ его срокъ не былъ условленъ однимъ днемъ и могъ занимать пространство времени довольно большое. И самъ Г. Потебня не прочь отнести къ Рождественскимъ праздникамъ нѣкоторые обряды, на пр., Масляной недѣли; варица же готовится вплоть до 6-го Января. На сколько же, послѣ всего этого, должно казаться нѣмѣющимъ хотя тѣнь основательности подведеніе Г. Потебнею связи каши съ Св. Варварою, и заключеніе о первоначальной связи каши съ языческой богиней?! Каша, между тѣмъ, не только не имѣетъ ни какого спеціального отношенія къ Св. Варварѣ, но представляетъ рѣдкость, ограниченную самыми исключительными мѣстностями, и то одной Великой Россіи, даже и въ Рождественскіе праздники; и тутъ значеніе ея является только въ Новый Годъ. Но въ глазахъ Г. Потебни замѣна Св. Варварою какой-то языческой богини в отношеніи къ ней каша есть фактъ положительный, и онъ готовъ строить на немъ дальнѣйшія положенія.

Дѣйствительно, греча, гречиха, какъ главнѣйшій матеріалъ каши, представляется ему божествомъ, посѣщающимъ дома смертныхъ и приносящимъ урожай, плодородіе скота и людей. Такое заключеніе о гречѣ, если бы даже мы и не видѣли выше произвола въ сопоставленіи каши съ Св. Варварою, поражаетъ своею несостоятельностью и само по себѣ, по тѣмъ фактамъ, изъ которыхъ сдѣлалъ подобный выводъ Г. Потебня.

Въ самомъ дѣлѣ, понятіе божества выведено авторомъ въ гречихѣ изъ названія ея княгиней, прибавшею изъ Царьграда. Называется гречиха княгиней въ обрядовыхъ выраженіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Великой Россіи, при вареньи каши подъ Новый Годъ (см. стр. 57). Этотъ обрядъ, въ глазахъ Г. Потебни, имѣетъ религиозное значеніе. Но во а) названіе княгиней можетъ ли давать какое ни будь право возводить лице въ рядъ божествъ? Дѣло такъ просто, такъ естественно, что было бы, во нашему мнѣнію, непростительной натяжкой заключать подобнымъ образомъ. Самое

слово греча, гречиха неизменно должно вести народъ къ истинно е связи гречи съ Греціей, какъ Польск. *tatarka*, Чеш. *rehanfa* (тоже гречиха), заставляютъ Поляка и Чеха предполагать Татарское происхожденіе гречи, Связь же съ Греціей поддерживалась въ народѣ многими преданіями, главнѣйшее изъ которыхъ, разумеется, относилось къ началу Христіанства, сопровождавшемуся бракомъ Св. Владиміра съ Анной, княжной Цареградской. Что же удивительнаго, послѣ этого, если греча, по связи съ Греціей, въ силу ли воспоминаній и преданій о дѣйствительной княгинѣ, или просто въ силу обычнаго въ народѣ Русскомъ величанія, названа княгиней? Во б) греча не есть вовсе исключительный матеріалъ капи; напротивъ, есть мѣстности въ мѣрѣ Славянскомъ, и въ большей его части, гдѣ гораздо употребительнѣе другой матеріалъ: ячмень, просо, пшено. Но чему же дается такое преимущество гречихѣ, и по чему изъ нея позволено выводить мнѣ о капи-то богинѣ? Тогда какъ масса обрядовъ Рождественскихъ, напротивъ, въ в) ограничиваетъ гречиху единственно Великой Россіей, и притомъ и въ некоторыхъ только ея мѣстностяхъ; выставляя на первый планъ, на всемъ пространствѣ Славянства, со включеніемъ и Великой Россіи, кутью, не имѣющую ничего общаго съ гречихой. Такое объясненіе обрядовъ свѣдѣваетъ лишь о слишкомъ безцеремонномъ способѣ хватиться за всякую очевидную случайность, если она подходит подъ напередъ составленную, отвѣченную, или подражательную, идею.

Понятно, какую силу можетъ имѣть и подожженіе автора о посѣщеніи богинею домовъ смертныхъ, выведенное изъ того же обряднаго выраженія о гречихѣ, въ которомъ говорится, что она пріѣхала изъ Царьграда къ намъ гостевать. И, не смотря на все это, Г. Потѣбня положительно утверждаетъ, что изъ причитанія о гречихѣ видно, что она княгиня, и что приходитъ къ людямъ въ гости, какъ Божия, Авдѣя и солнечныя животныя.

На стр. 21—25, авторъ доказалъ, по своему, что дѣйствіемъ божества посѣщали людей, въ качествѣ гостей; встрѣцаясь въ причитаньи о гречихѣ, что она также пріѣзжаетъ гостевать, онъ снѣло уже замѣчаетъ, что и гречиха, какъ божество, ходитъ въ гости къ людямъ. Но мы позволимъ себѣ усомниться въ дѣйстви-

тельности, гостеванья и дѣйствительныхъ божествъ; но крайней мѣрѣ, предложенныя на указанныхъ страницахъ доказательства, въ нашихъ глазахъ, рѣшительно бездоказательны. Такъ, пословицы Хорут., Польск., Сербск., Великор. «засвѣтитъ солнце и на моихъ воротахъ» (стр. 21), представляютъ столь же простое сравненіе съ свѣтомъ, теплотой всякой удачи, счастья, какъ и пословица: «будетъ и на нашей улицѣ праздникъ»—о посѣщеніи же богомъ солнцемъ людей здѣсь можетъ не быть и малѣйшаго намека. Приѣздъ Овсеня, Авсеня, по пѣснямъ Великорусскимъ (стр. 22), объясняется лучше всего самымъ понятіемъ этого народнаго праздника; заключающимъ въ себѣ мысль о возвращеніи весны, о рожденіи солнца. Что же касается до-выраженій: «гость въ домъ, Богъ въ домъ,» или: «боги ходятъ,» то можно развѣ удивляться, какъ авторъ рѣшился приурочить ихъ сюда. Первое, очевидно, носитъ въ себѣ всѣ признаки Христіанства, по ученію котораго пріемъ странника сопоставляется съ пріемомъ самаго Спасителя — Бога; ужь не по инстинкту ли и Г. Потебня написалъ въ данномъ случаѣ Богъ прописною буквою? Второе же выраженіе, «боги ходятъ,» отзывается язычествомъ лишь въ перенесеніи отъ эпохи многобожія нааванія иконъ, образовъ, богами; но фактъ хожденія съ образами во время Пасхи есть Христіанскій, и Г. Потебнѣ слѣдовало бы прежде доказать, что этотъ фактъ былъ вполнѣ присущъ и языческой порѣ. О пѣсняхъ колядныхъ, гдѣ авторъ также думаетъ видѣть оправданіе своей мысли о посѣщеніи людей богами, нечего и говорить: въ однѣхъ изъ этѣхъ пѣсонъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды служатъ сравненіемъ съ хозяиномъ, съ хозяйкой, дѣтьми; въ другихъ, въ свадебныхъ, является Спаситель и Пречистая Матерь (стр. 25—26).

Такимъ образомъ и независимо отъ очевидной натяжки въ приуроченіи гречихи въ разрядъ символовъ божества, посѣщеніе его домовъ смертныхъ не выходитъ даже и изъ объясненія гостеванія другихъ языческихъ божествъ.

Подобно тому, какъ линія, протягиваемая отъ данной точки, удаляется все больше и больше отъ другой линіи, составляющей съ первою въ началѣ едва замѣтный уколъ, и дальнѣйшія положенія и выводы Г. Потебни входятъ очевидно въ рядъ чистыхъ

предположеній и вымысловъ личной фантазіи, что и должно быть, такъ какъ основа-то ихъ представляетъ лишь кажущуюся истину, имѣющую цѣну только въ субъективномъ взглядѣ автора.

Поставивши кашу въ число символовъ божества, и связавши ее съ невѣдомымъ посѣщеніемъ богами людей, Г. Потебня утверждаетъ тождественность варенья каши съ обсыпаньемъ зерномъ, а черезъ это и съ обливаньемъ, и все вмѣстѣ съ дождемъ. Любопытны данныя, на которыхъ зиждется отождествленіе варенья каши съ обсыпаньемъ. Вотъ они: первый фактъ относится къ Сербамъ, посыпающимъ кашею по хатѣ. Но когда мы припомнимъ, что дѣло идетъ не о кашѣ, а о варицѣ, то и самый фактъ должны выбросить изъ числа доказательствъ; второй взятъ Г. Потебнею изъ Великорусскаго обычая посылать отъ именинника знакомымъ пирогъ съ кашей, и разламывать этотъ пирогъ надъ головой именинника. Но надобно имѣть очень сильное воображеніе, чтобы видѣть въ этомъ обычаѣ что либо общее съ посыпаньемъ зерномъ, во время Рождественскихъ Святокъ. Во первыхъ, пирогъ далеко не всегда и вездѣ бываетъ именно съ кашей; во вторыхъ, ставить разламыванье его въ связь съ посыпаньемъ, значитъ, дѣлать заключеніе отъ случайнаго употребленія того, или инаго, слова издателемъ и собирателемъ народныхъ повѣрій и обрядовъ. Въ Абевергѣ, дѣйствительно, говорится, что чѣмъ больше разсыпается надъ именинникомъ каша, тѣмъ жить ему достаточное; но въ такомъ случаѣ ничто ужъ не имѣаетъ сопоставить съ кашей и поварье, будто переполнить, что бы то ни было черезъ край сосуда, значитъ, пожелать богатства и довольства. Между тѣмъ какъ фактъ самъ по себѣ представляетъ самый простой символизмъ: больше разсыплется, больше перелется—больше имѣть, быть богаче (стр. 59). Такова сила доказательствъ у Г. Потебни, и, однако же, онъ не стѣснялся пойти дальше и, черезъ сближеніе посыпанья и поливанья, отиѣтилъ въ вареньи каши символически изображаемый дождь.

При этомъ случаѣ указаны два основанія: одно относится къ посыпанью, другое къ кашѣ. Хотя насъ можетъ занимать только послѣднее, но любопытно и первое, по способу доказательствъ Г. Потебни: «Одно изъ основаній сравненія посыпанья и дождя, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что сыпучія зерна мелки,

какъ капли дождя (стр. 61.)» Но тогда за чѣмъ же непремѣнно брать зерна? Развѣ мало можно отыскать предметовъ мелкихъ? Песокъ, на примѣръ, гораздо ближе подошелъ бы къ дождю, да избавилъ бы и народъ отъ излишней траты зерноваго хлѣба. А между тѣмъ вездѣ употребляются именно зерна, и они-то составляютъ главный моментъ въ обрядѣ, гораздо важнѣйшій, нежели самое посыпанье. Какъ народъ земледѣльческій, Славяне, въ праздникъ солнечнаго божества, обусловливающаго плодородіе, естественно и употребляютъ въ дѣло плоды земли. Само изслѣдованіе Г. Потѣбни представитъ не мало указаній, что въ нихъ заключается вся сила и что зерна занимаютъ ни чуть не больше мѣста, какъ и плоды другихъ родовъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ подробности доказательства отъ мелкости зерна и сходства его съ дождемъ; подробности эгѣ ограничены ссылками на отождествленіе понятій сыпанья и литья въ языкѣ, о чемъ сказано нами выше. Къ намъ ближе стоитъ, въ настоящемъ случаѣ, заключеніе Г. Потѣбни къ дождю и водѣ отъ обряда съ кашею.

Связь каши и воды видитъ авторъ (стр. 63) въ обычаѣ посыпать воду кашею, въ день Св. Варвары, или на Рождество. Но и тутъ опять дѣло идетъ о варицѣ, а вовсе не о кашѣ, а Г. Потѣбня, очевидно, стремится подвести результаты именно къ кашѣ, такъ какъ черезъ нее только онъ въ состояніи сблизитъ божество Рождественское съ похоронами и бракомъ; но дѣлъ нигдѣ не можетъ освящать средствъ, тѣмъ менѣе въ наукѣ. Допустимъ, однако же, что и въ Бокѣ Которской, и въ Славоніи, вмѣсто варицы, употребляется дѣйствительно каша; что же изъ этого? По примѣру варицы, согласимся, что и кашу бросаютъ въ воду; говорить, бросаютъ, по тому что съ понятіемъ о кашѣ народной, трудно и связать идею посыпанья; но вѣдь варицу, въ то же время, разливаютъ и въ избѣ; вода, слѣдовательно, имѣетъ значеніе не больше другихъ предметовъ, или мѣстъ, и совершенно одинаково подчиняется общему смыслу этого обряда, т. е., пожеланью счастья, богатства, достатка. И тѣмъ не менѣе, Г. Потѣбня, на такихъ основаніяхъ, построилъ выводъ: «какъ кабанъ, приносимый въ жертву богу Фро, есть его священное животное, и его животный образъ, такъ и каша, приносимая водѣ, есть образъ воды и отъ этой послѣдней заимствуетъ свои мнѣшескія свойства.» Одного

исходнаго факта, что варница не есть каша, вполне достаточно, чтобы разрушить до основаній такъ хитро проводимую систему. Но по чему же не ити и дальше въ постройкѣ системы? Обрядовъ въ главныххъ условіяхъ жизни вародной такъ много, такъ не мало среди разнообразія можно встрѣтить и неизбѣжнаго сходства, за чѣмъ же не воспользоваться этимъ и не подвести къ одному результату всего разнообразія? И Г. Потенія, въ самомъ дѣлѣ, пустился дальше: всѣ три обряда, рѣшаетъ онъ (т. е., варенье каши, обсыпанье и обливанье, какъ символъ дождя), а равно и связанный съ ними обрядъ битья горшковъ, составляютъ принадлежность не только Рождества, но и свадьбы и похоронъ.

Стоить только вникнуть въ несложную жизнь простонародья, чтобы признать возможность и даже неизбѣжность повторенія однихъ и тѣхъ же обычаевъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, въ самыхъ различныхъ обрядахъ. За исключеніемъ Церковно-Христіанскихъ праздниковъ, народъ особенно отмѣтилъ обрядностью три главные момента въ жизни человѣка, рожденіе, бракъ и смерть. На нихъ позволяетъ онъ себѣ остановиться съ преимущественнымъ вниманіемъ; ихъ старается обставить онъ и множествомъ обычаевъ, какіе способна была выработать его простая и незатѣйливая жизнь. И не уже ли же сходство кое-какихъ обычаевъ даетъ право изслѣдователю, безъ другихъ несомнѣнныхъ указаній, объединять и самые моменты и выводить такое объединеніе изъ мнѣическихъ представленій народа? Г. Потенія поступилъ такимъ образомъ, и намъ интересны должны быть основанія, помѣщенные на страницахъ 65—71.

Начинаетъ онъ отъ той же каши и отъ названія ея свадьбы. На сколько справедливо это, мы видѣли на своемъ мѣстѣ, замѣтивши, что кашею называется исключительно пиръ, а вовсе не свадьба. Если же и принять за дѣйствительность, что въ свадебномъ пиру каша играетъ существенную роль, то и тогда сколько явится вопросовъ, подрывающихъ сопоставленіе брака и Рождества? Во первыхъ, каша въ Рождественскихъ праздникахъ имѣетъ едва, едва замѣтное значеніе; во вторыхъ, и на свадьбѣ каша виднѣется только въ великой Россіи; въ третьихъ, будучи любимымъ и общеупотребительнымъ кушаньемъ на Сѣверѣ, по чему каша должна быть выключена при одномъ обрядѣ, если она участвуетъ въ

другомъ и т. д. и т. д.? Не больше говорить въ пользу предположенія Г. Потебни и то обстоятельство, что молодые, послѣ вѣнца, на брачномъ ложѣ, черпаютъ кашу и за себя мечутъ. И это относится единственно къ нѣкоторымъ только мѣстностямъ Сѣв. Россіи; да и что жъ тутъ общаго съ обсыпаньемъ Рождественскихъ, посредствомъ котораго сближаетъ авторъ обряды Рождества и брака? Мы вполне тоже раздѣляемъ мнѣніе Г. Буслаева, видящаго въ этомъ обычаѣ указаніе на плодородіе, какъ пожеланіемъ богатства, обилія, счастья, объяснили и обрядъ посыпанья зерномъ о Рождествѣ, и при всемъ томъ считаемъ произвольнымъ отождествлять отсюда оба праздника, тѣмъ менѣе выводить заключеніе о тождествѣ метанья за себя каши молодыми съ водою и дождемъ. А эти только данныя и послужили Г. Потебнѣ основаніемъ. Къ такому отождествленію, и онъ, не задумываясь, выписываетъ обычай обсыпанья зерномъ при свадьбахъ, полагая уже доказаннымъ, что метаніе каши есть обсыпанье. Казалось бы, совершенно достаточно остановиться на знаменательномъ единствѣ общаго обычая посыпанья зернами при бракѣ и въ Рождествѣ и не цѣпляться за мелочный спеціальныи случай съ кашею, изъ которой, кромѣ сказаннаго значенія, ни чего нельзя вывести, тѣмъ менѣе дойти до какой-то богини.

Но не бракъ только посредствомъ каши сопоставляется у Г. Потебни съ Рождествомъ, а и похороны, и это по тому, что смерть есть бракъ съ землею. Чѣмъ же доказывается такое рѣшительное положеніе? Во первыхъ тѣмъ, что въ Славянской поэзіи обыкновенны переходы мысли отъ брака къ смерти, и на оборотъ. Но подобные переходы мысли возможны и въ искусственной поэзіи, возможны и въ обыденной жизни, въ слѣдствіе извѣстнаго настроенія души; другое дѣло, возможно ли отсюда утверждать о какой-то мифической связи брака и смерти. Во вторыхъ, обычаемъ, кое-гдѣ, при похоронахъ холостыхъ людей и дѣвицъ, употреблять нѣкоторую обстановку, напоминающую отчасти свадьбу. Такъ, вѣнки, цвѣты, платки; назначается даже женихъ на тотъ свѣтъ. Но не мѣшало бы прежде всего обратить вниманіе на взглядъ народа на бракъ; согласно съ этимъ взглядомъ, на что можно привести положительныя указанія, человекъ, мужчина, или дѣвица, должны быть въ бракѣ: это его назначеніе, какъ

назначеніе брака, по тому же взгляду, состоитъ въ рожденіи себѣ подобныхъ; далѣе, слѣдовало бы сообразить и понятіе о загробной жизни у всѣхъ Славянъ. На томъ свѣтѣ человекъ долженъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользовался онъ въ жизни земной, находится въ бракѣ и владѣть тѣмъ же имуществомъ. На этомъ основаніи, въ древнюю пору язычества, хоронили виѣстѣ коня, оружіе, хоронили и рабовъ, а жена убивала себя, или сожигалась (о чемъ, между прочими, говорятъ Маврикій и Массуди); по тому же самому и при погребеніи неженатыхъ и незамужнихъ встрѣчаемъ мы брачную обстановку, выборъ жениха и невѣсты, чтобы на будущей ситѣ явиться во всей полнотѣ, а вовсе не для того, чтобы доказать этимъ тожество брака и смерти.

Относительно обычая обливанья, извѣстнаго въ Рождественскіе праздники, самъ Г. Потебня, по поводу брака, говоритъ, что онъ менѣе тутъ извѣстенъ, нежели обыпанье; а этого уже достаточно, чтобы достойно оцѣнить и приведенные имъ факты (см. стр. 69—70) для обливанья на свадьбахъ, равно и отношеніе ихъ къ кашѣ и богинѣ.

Для большаго убѣжденія въ тождествѣ брака и похоронъ, Г. Потебня привелъ и обычай бить горшки, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, обычай, отождествленный, имъ по идѣ съ вареньемъ каши, обыпаньемъ и обливаньемъ. Едва ли слѣдуетъ и упоминать о томъ смыслѣ, какой придаетъ народъ битью посуды во время свадьбы; это такой незатѣйливый символизмъ перваго брачнаго сближенія молодыхъ, что съ перваго раза понятенъ каждому, а отношеніе къ нему родителей молодой, равно какъ и угощеніе ихъ виномъ изъ дыряваго стакана, виѣстѣ съ временемъ, когда это совершается, свидѣлствуютъ ясно, что и самъ народъ не думаетъ скрывать такого символизма. Едва ли далеко отъ этого смысла отходить и другой указанный, впрочемъ, мѣстный обычай, когда мать невѣсты, встрѣтя зятя въ своемъ домѣ, подаетъ ему горшокъ, а этотъ бросаетъ его въ сторону и подмѣчаетъ: если разобьется горшокъ, то родится дочь, если же уцѣлѣетъ, то сынъ; во всякомъ случаѣ, тутъ нѣтъ и тѣни намека на обыпанье, что именно требовалось доказать. Но у Г. Потебни на глазахъ Германія; тамъ, по обилію черепковъ, гадаютъ и о счастья молодыхъ: какъ будто Нѣмцы не могутъ имѣть своей идеи, а Сла-

вяне своей, тѣмъ болѣе, когда народъ Русскій заявляетъ слѣдъ, что битьемъ посуды у него воздается честь родителямъ (стр. 71).

На битье горшковъ обращаетъ авторъ вниманіе особенно потому, что обычай этотъ роднитъ бракъ съ похоронами и Рождествомъ. Въ чемъ же подтвержденіе? Г. Шейковскій о Придѣлостровскихъ деревняхъ замѣчаетъ, что при вынось покойнаго мужа изъ дому, жена бьетъ тамъ новый горшокъ,—и для Г. Потевни вполне достаточно, чтобы отсюда утверждать: «по нашему мнѣнію, здѣсь похороны представляются свадьбою, и объясненіе Г. Шейковскаго, что этимъ означается упадокъ хозяйства послѣ мужа, не вѣрно уже по тому, что битье горшка соединено съ посыпаньемъ.» По нашему же мнѣнію, только такое объясненіе, каково оно у Г. Шейковскаго, и можетъ имѣть мѣсто, во первыхъ, по тому, что оно естественно; во вторыхъ, что связи между битьемъ горшковъ и посыпаньемъ, нигдѣ и ни чѣмъ Г. Потевня не доказалъ. Кромѣ этого, трудно удержаться отъ удивленія и къ столь сильному обобщенію, на основаніи единичнаго, опредѣленнаго тѣсною мѣстностью, факта.

Таковы доводы нашего автора къ первому его положенію, исходящему отъ проектированной имъ связи каши со Св. Варварою. Какую же, спрашивается, цѣну можетъ имѣть и окончательное его заключеніе: «слѣдовательно, богиня, которой варилаась каша, имѣла отношеніе къ дождю и водѣ, къ браку и смерти, имѣющимъ какую-то связь съ Рождествомъ?—Не думаемъ, чтобы больше цѣнности субъективнаго взгляда.

Второе положеніе, на основаніи связи представленій соломъ и покровенія, сближаетъ Рождественскій и свадебный обрядъ покрыванья невесты. Оба обряда сходны по значенію. Покрыванье молодой приписывается Св. Покровѣ, замѣнившей языческую богиню; оно сравнивается со снѣгомъ, покрывающимъ землю, съ зеленью, покрывающею деревья, съ тучами, покрывающими небо. Снѣгъ и тучи, съ коими приводится въ связь эта богиня, только другая форма дождя и воды.

Въ сущности, это положеніе, какъ давно уже объясненное, доказанное и принятое наукою, именно о связи представленій покровенія и брака, не требуетъ и возраженій. Но у Г. Потевни необходимо должны были явиться частности, въ слѣдствіе желанія его сблизить непременно обрядъ брака съ Рождественскимъ обрядомъ, и общія заключенія, съ которыми нельзя согласиться и которыя невольно вызываютъ на опроверженія.

Такъ, намъ рѣшительно не понятно право заключенія о тождествѣ обряда Рождества и брачнаго изъ того, что и въ Рождество полѣ постилають соломой, кое-гдѣ дѣлають то же самое и во время свадьбы (стр. 72—74). Если Г. Потевня признаетъ въ словѣ солома коренную идею покрытія, и если не отвергаетъ тождества идеи покрытія и брака, то по чему же солома не можетъ участвовать на свадьбѣ сама по себѣ, безъ всякой связи съ Рождествомъ, какъ и при употребленіи соломы въ послѣднемъ случаѣ могъ руководиться народъ подобною идеею покровенія базисъ мысли о свадьбѣ? Не уже ли логично отъ сходства, или единства, идеи въ одномъ изъ множества обычаевъ, мелкихъ, едва замѣтныхъ, совершающихся въ двухъ обстоятельствахъ жизни, совершенно отличныхъ, и по времени и по характеру, заключать о единствѣ, или тождествѣ, этихъ обстоятельствъ? Тогда пришлось бы устранить всякую границу для отождествленія, или объединенія; самыхъ различныхъ, до противоположности, и лицъ, и предметовъ, и обстоятельствъ. А Г. Потевня, кромѣ засвидѣтельствованія: о сходствѣ обычая съ соломой въ Рождество и при свадьбѣ, изъ чего другого не предложилъ для доказательства своего положенія, — и читатель остается, внѣ всякаго права сблизать бракъ и Рождество, даже не видя: и намековъ на такое сближеніе.

Еще сильнѣе возстанетъ внимательный и осторожный изслѣдователь противъ пониманія Г. Потевней Св. Покровы (см. стр. 80—82), замѣнившей, по его мнѣнію, языческую богиню, которая, въ свою очередь, есть не что иное, какъ туча. Столь неожиданный новый выводъ, конечно, долженъ опираться на какихъ либо прочныхъ и опредѣленныхъ данныхъ; данныя же у Г. Потевни такого рода, что не только не способны убѣдить въ справедливости подобнаго вывода, а, напротивъ, даютъ сами собою основаніе къ сомнѣнію въ немъ и къ отрицанію его.

Покровеніе невѣсты, иначе бракъ ея, справедливо могло бытъ приписано народомъ Св. Покровѣ, даже и безъ отношенія этого церковнаго праздника къ свадьдамъ вообще, а просто по тождественности словъ. Но развѣ можно отсюда сопоставлять Св. Покрову съ Власіемъ и Симономъ Зилономъ, и, подобно тому, какъ первый смѣнилъ въ понятіяхъ народа Волоса, скотскаго бога, заключать о смѣнѣ Св. Покровой какой-то неизвѣстной богини и утверждать, что Покрова есть покровительница браковъ по тому, что была нѣкогда богиня, покрывающая дѣвицъ брачною фатою. Тогда какъ исторія ни однимъ намекомъ не выставляетъ намъ какой либо спеціальной богини браковъ; когда народныя вѣрованія и обряды ни чѣмъ не больше оправдываютъ такое заключеніе, сама Св. Покрова, своимъ значеніемъ въ ряду Христіанско-церковныхъ праздниковъ, способна вполне удовлетворительно объяснить свое отношеніе къ бракамъ, по понятіямъ простаго народа.

Покровъ Пресв. Богородицы празднуется 1-го Октября; нѣтъ оканчивается дѣло и съ нимъ открывается возможность свадьбъ, которыя совершаются тѣмъ въ большемъ въ это время количествѣ, чѣмъ свободнѣе чувствуетъ себя народъ послѣ тяжелыхъ лѣтнихъ работъ и чѣмъ ближе впереди продолжительный постъ. Что же удивительнаго, послѣ этого, ежели дѣвицы обращаются съ особеннымъ вниманіемъ къ этому празднику, если ставятъ ея образу свѣчи и просятъ у ней жениховъ? И если Г. Потевня даетъ причитанью: «Ты, Покровъ Богородица, покрой меня, дѣвушку, пеленой своей нетлѣнной ити на чужую сторону», тотъ смыслъ, что подъ Покровой скрывается языческая богиня, то по чему же не подставить такихъ богинь и подъ Введенье и подъ Срѣтенье, такъ какъ и относительно послѣднихъ существуютъ такія же причитанья: «Введенье, мать Богородица, введи меня на чужую сторонушку! Срѣтенье, мать Богородица, встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!» Не уже ли слово Покровъ могло оказать такое вліятельное значеніе на автора? Но, вѣдь, Покровъ, пелена, по отношенію къ Пресвятой Богородицѣ, имѣетъ свою, чисто Христіанскую, исторію. Кромѣ того, намъ кажется, что слишкомъ ненаучно дѣлать столь странныя, энергическіе выводы уже и по тому, что этотъ характеръ покровы исключительно принадлежитъ Славянамъ Русскимъ, связанъ съ Православною Церковью, и неизвѣстенъ въ другихъ

земляхъ Славянскихъ, между тѣмъ, богиня, покровительница браковъ, должна бы уцѣлѣть и въ другихъ мѣстахъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ общѣе и постояннѣе у народа отношеніе къ ней. Да полно, и имѣемъ ли мы право, и независимо отъ Св. Покровы, предполагать свадебную богиню у языческихъ Славянъ?

Бракъ у Славянъ, на сколько онъ извѣстенъ намъ и изъ исторической поры язычества, представляется дѣломъ въ высшей степени неопредѣленнымъ, шаткимъ; эта неопредѣленность должна была быть еще чувствительнѣе, рѣзче и переходить все больше и больше въ отсутствіе всякой обрядности, заключаться простымъ соединеніемъ, во времена доисторическія и ближайшія къ исторіи. Сравненъе, въ этомъ случаѣ, съ Нѣмцами оказывается неумѣстнымъ: послѣдніе уже въ язычествѣ ввели въ религіозную систему свои житейскія отношенія, хотя въ главнѣйшихъ моментахъ, образовали и отдѣльныя божества для каждаго момента, у Славянъ же этого не видимъ; ихъ Мифологія, за исключеніемъ общихъ божествъ, относящихся къ свѣту и важнѣйшимъ переворотамъ на землѣ, подъ вліяніемъ этого свѣта, представляетъ въ мифахъ своихъ лишь сближенія и сравненія жизни человѣческой съ общими отношеніями земли и неба, и ставитъ ее въ зависимость отъ тѣхъ же общихъ космогоническихъ существъ, которымъ приписываются и перевороты на землѣ и небѣ. И въ бракахъ Славянскихъ мы легко усматриваемъ, дѣйствительно, сопоставленія съ бракомъ неба и земли, связь съ облакомъ и дождемъ; но чтобы выработалось спеціальное божество, это не доказано еще, да думаемъ, и не докажется, и именно по тому, что въ самомъ бракѣ у Славянъ-язычниковъ выступаетъ на первый планъ естественное соединеніе вообще, чуждое нравственныхъ элементовъ. Въ доказательство стоитъ прочесть Несторово описаніе, да сравнить съ нимъ Арабское сказаніе о бракѣ Славянскомъ. Вотъ по чему и въ современной народной обстановкѣ свадьбы самая мельчайшія подробности въ обрядахъ не выходятъ изъ круга сказаній и сближеній только съ обстоятельствами мифовъ, а не съ лицами, если не включить сюда солнца и мѣсяца, какъ олицетвореній все таки общихъ; вотъ по чему, мы смѣло можемъ сказать, что и введеніе Покровы, Стрѣтенья и Введенья обязаемо единственно Христіянству, и намъ рѣшительно непонятно, какимъ путемъ вывелъ

Г. Потевня богиню брака, да еще и фату брачную у язычниковъ Славянъ. Что покровеніе невѣсты служило и въ язычествѣ символомъ брака,—справедливо, но это находилось только въ связи съ мифическимъ представленіемъ соединенія неба и земли.

Но Г. Потевня не только открылъ въ Покровѣ языческую богиню, но задумалъ опредѣлить и ея характеръ и призналъ за нею стихійное значеніе. Основаніемъ для такого приговора послужило ему, во первыхъ, суевѣріе народное, будто выпавшій снѣгъ на Покровъ служить счастливымъ предзнаменованіемъ для обрученныхъ, когда дѣвицы говорятъ: «Батюшка Покровъ, покрой сыру землю и меня молоду!»; во вторыхъ, выраженіе: «Бѣгъ снѣгъ землю покрываетъ, не меня ли молодую замужъ снаряжаютъ?» Что до перваго, то, если другіе Славяне не знаютъ въ такомъ смыслѣ Покровы, казалось бы, воззваніе къ ней «батюшка» должно было дать замѣтить Г. Потевнѣ, что и въ Русскомъ народѣ, при томъ только на Сѣверѣ, далеко не всегда и вездѣ обращаются къ ней, какъ къ женщинѣ, а слѣдовательно тѣмъ менѣе возможно заключать о какой-то языческой богинѣ. Сближеніе же покровенія земли снѣгомъ и молодой свидѣтельствуеетъ лишь о мифическомъ сравненіи съ обстоятельствомъ, а ни чуть не съ лицомъ, о сравненіи, при томъ, до того простомъ, что многимъ оно покажется не имѣющимъ въ себѣ и ничего мифическаго. Снѣгъ сопоставляетъ Г. Потевня съ дождемъ, а дождь есть символъ соединенья неба и земли, слѣдовательно, желаніе снѣга есть желаніе соединенья, брака, а о какой либо богинѣ нѣтъ тутъ и рѣчи. Отрицающій же здѣсь мифичность скажетъ еще проще: съ Покровомъ на Сѣверѣ начинается выпадать снѣгъ, открывается санний путь, столь желательный для народа, съ первымъ же Октября настаеетъ и пора свадьбъ, что же удивительнаго, если оба представленья сближены? Не отвергая, однако же, мифичности въ данномъ случаѣ, мы тѣмъ не менѣе въ указаніи на богиню, да еще стихійную, видимъ насильственную натяжку. Подобною же натяжкой отзывается и объясненіе втораго выраженья, и въ немъ, ни чуть не богѣе, говорится только о сравненіи: «на Покровъ выпадаетъ снѣгъ, не пора ль и мнѣ молодой замужъ?» Г. Потевня видимо чувствовалъ простоту и безыскусственность этого сравненья, когда рѣшился позволить себѣ измѣнить пѣсенное выраженіе. Въ пѣснѣ говорится:

«бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ, не меня ли молоду замужь снаряжаютъ», гдѣ, очевидно, сравнивается общее дѣйствіе, а предметы стоятъ отдѣльно, независимо; но, увлекаемый своею идеей—возвести мнимую богиню въ рядъ существъ стихійныхъ, именно въ тучу, авторъ не могъ устоять противъ соблазна, тѣмъ больше, что нѣтъ другихъ фактовъ, которые бы и намекомъ, хотя бы самымъ темнымъ, способны были подтвердить его установившуюся мысль,—и вотъ онъ, вмѣсто «снаряжаютъ», подставилъ «снаряжаетъ,» сдѣлавши, такимъ образомъ, въ обоихъ предложеніяхъ общее подлежащее снѣгъ. Отсюда уже не трудно было заключать, что Покровъ замѣняетъ миѳическое существо, покрывающее дѣвицъ брачнымъ покровомъ, а землю снѣгомъ, т. е., богиню тучу (стр. 82). Предоставляемъ судить другимъ, чего нельзя вывести при такомъ обращеніи съ наличнымъ матеріаломъ.

Тутъ же мимоходомъ замѣтимъ и непонятное противорѣчіе автора самому себѣ. Такъ, говоря о связи тучи съ другими символами брака, Г. Потенія рѣшаетъ, что на эту связь указываетъ и то, что игла, туманъ есть символъ богатства, счастья (стр. 82); а между тѣмъ, въ 275 примѣчаніи (на той же страницѣ) утверждаетъ, и справедливо, совершенно обратное: «туманъ, какъ мракъ, значитъ, какъ извѣстно (?), печаль». Завидная, по истинѣ, способность обращать все съ легкостью по усмотрѣнію!

Раскрывши, такимъ образомъ, въ двухъ разобранныхъ нами положеніяхъ, богиню-тучу, покровительницу браковъ, Г. Потенія позаботился обставить ее и миѳическимъ родословіемъ, и въ заключительныхъ своихъ мысляхъ, оканчивающихъ первую часть его труда, возвелъ ее въ мать божича солнца, будто бы сына Бадняка-грома, о чемъ можно догадываться, говоритъ Г. Потенія, изъ того, что совокупность Рождественскихъ обрядовъ не есть случайный подборъ, но изображаетъ одинъ миѳъ (стр. 84).

Здѣсь прежде всего не можетъ не остановить нашего вниманія нѣкоторая особенная логика автора. Что совокупность обрядовъ въ каждый народный праздникъ, не только въ Рождество, имѣетъ въ основаніи своемъ непременно какой либо миѳъ, хотя и необязательно одинъ, не мы будемъ возставать противъ этого;

но чтобы отсюда слѣдовалъ тотъ выводъ, какой предложенъ Г. Потебней, рѣшительно не видно. Соображая все извѣстное объ обрядахъ Рождественскихъ, въ значительной части изложенныхъ и въ книгѣ Г. Потебни, принимая также во вниманіе существующія частныя у насъ обследованія ихъ, мы, до извѣстной степени, въ состояніи и опредѣлить этотъ мифъ. Существенная сторона его заключается въ величаніи солнца; по этому, какъ у другихъ народовъ родственныхъ, такъ и у Славянъ, Рождественскій праздникъ прямо входитъ въ рядъ солнечныхъ празднествъ. Рождество есть время, по языческому вѣрованію, рожденія солнца. Мифъ долженъ былъ въ обрядахъ неминуемо отразить и значеніе солнца для жизни народной. Громадность значенія этого выражается тѣмъ, что оно есть податель всѣхъ благъ, первое условіе жизни, роста и богатства, какъ въ царствѣ животномъ, такъ и растительномъ. Посредникомъ между солнцемъ (олицетворяющимъ небо) и землею есть дождь, какъ оплодотвореніе земли; мифъ это оплодотвореніе представляетъ бракомъ между небомъ и землею. Но это божество побѣждено враждебною силою; оно не дѣйствуетъ зимою, покорено, украдено, умерло; передъ весною, передъ временемъ обновленной, воскресшей его силы и вліянія на землю и жизнь на ней, народъ празднуетъ его рожденіе. И понятно, что подробности обрядовъ этого празднества захватываютъ всѣ различные моменты значенія этого свѣтила—божества, равно и способы благотворнаго вліянія его на жизнь земли. Отсюда, въ обрядахъ встрѣчаемся мы съ указаніемъ и на борьбу солнца съ врагами, сопровождаемую громомъ и молніей, и на супружеское соединеніе съ землею, и на плодъ этого соединенія, на дождь, и т. д., и т. д. Отсюда, само собою, вытекаетъ и сходство нѣкоторыхъ обрядовыхъ подробностей при свадьбахъ и въ празднествѣ Рождественскомъ, а также и при похоронахъ, по тому что зима есть смерть земли, по тому что она есть смерть и солнца. Вотъ по чему и исторія Славянскихъ мифовъ знаетъ олицетвореніе зимы въ мифическомъ существѣ, какъ опредѣляетъ личности солнечнаго божества; но чтобы подобное же олицетвореніе было и для тучи, какъ богини, покровительствующей бракамъ, это пока произвольное предположеніе Г. Потебни. Мы даже готовы видѣть въ такомъ предположеніи внутреннее противорѣчіе: туча является врагомъ свѣта, солнца; она представляется тою злою силою, изобра-

жаемою волкомъ, змѣемъ и т. д., которая побѣждаетъ солнце на зиму, препятствуетъ продолженію его соединенія съ землею, а слѣдовательно, и благотворности его для земли; и какъ же народъ, столь чуткій къ основному мѣсту, могъ бы возвести эту тучу въ богиню, покровительницу брака, еще болѣе, сдѣлать изъ нея мать солнца? Какъ могъ онъ, въ свою очередь, и изъ бога-грома образовать отца для того же солнца? Но обратимся къ самымъ фактамъ, обслѣдуемымъ Г. Поттебнею на первыхъ страницахъ его сочиненія.

Сербскій божить, празднуемый подъ Рождество и сопоставляемый съ обрядомъ бадняка, по мнѣнію Г. Поттебни, есть сынъ бадняка, а этотъ послѣдній замѣняетъ собою, по его же мнѣнію, бога-грома, слѣдовательно божить, т. е., солнце, есть сынъ грома. Отсюда сами собой вытекаютъ два вопроса: гдѣ доказательство тому, что баднякъ замѣняетъ бога-грома, и гдѣ указанія, что этотъ богъ грома имѣетъ сыномъ божича? Напрасно стали бы мы искать въ изслѣдованіи Г. Поттебни что либо похожее на доказательство, ясное и опредѣленное, а хоть бы и на намекъ, который бы подтвердилъ подобный выводъ. Авторъ изслѣдованія изъ того, что баднякъ, т. е., полѣно, Сербы и Хорваты жгутъ на канунѣ Рождества, посыпаютъ его зерномъ и поливаютъ водою, заключаетъ о тождествѣ этого бадняка съ Индійскимъ Индромъ, богомъ грома, такъ какъ и Индръ пьетъ небесную воду, представляемую то молокомъ небесныхъ коровъ, то напиткомъ безсмертія (стр. 3). Но во а) громовое значеніе Индра есть только одинъ фазисъ высокаго и великаго его значенія въ Мифологіи Индійской. Изъ самаго сочиненія Г. Поттебни видно, что онъ прогоняетъ ночную тѣнь и открываетъ лице солнца (стр. 19), что онъ есть свѣтлое небо (стр. 199), что онъ, по Магабгаратѣ, есть царь боговъ (стр. 247); во б) что и въ самомъ обрядѣ даетъ поводъ заключать къ грому? Не говоритъ ли онъ единственно объ обожаніи огня, свѣта? Но въ в) и въ такомъ случаѣ, развѣ поливаніе виномъ бадняка побуждаетъ заключать о сравненіи непременно съ Индромъ? Въдъ баднякъ не только подивается виномъ, а обсыпается и зерномъ? Не очевиднѣ ли во всемъ этомъ, не естественнѣ ли и не проще ли, видѣть тотъ смыслъ, что, посредствомъ бадняка, выражаетъ народъ торжество рождающагося солнца, отъ бадняка

напоминаетъ лишь свѣтъ и теплоту бога небснаго; баднякъ, въ этомъ случаѣ, вовсе не символъ лица божественнаго, а предметъ, орудіе, посредствомъ котораго только воспоминается это лице. И какъ солнце есть податель благъ, покровитель жизни животной и растительной, то и всѣ обрядовыя мелочи съ баднякомъ выводятъ на сцену и скоть и хлѣбъ. О громѣ же нѣтъ и помину; нѣтъ его и ни въ одномъ фактѣ, представленномъ по этому поводу Г. Потемней. Громовой характеръ бадняка едва ли не принадлежитъ къ изобрѣтеніямъ автора. Вотъ по чему, на стр. 46, онъ самъ уже сомнѣвается въ такомъ характерѣ бадняка и, по поводу Рождественскаго хлѣба, уже видимо отступается отъ прежней мысли: «возможно, что Рождественскій хлѣбъ имѣетъ отношеніе не ко грому, а къ солнцу» Не только возможно, а необходимо; авторъ понялъ бы это самъ, если бы позаботился предварительно уяснить общій миѣ.

Къ числу такихъ же изобрѣтеній приходится отнести и произведеніе божича въ сыновья бадняка. Трудно рѣшить, при всемъ напряженомъ вниманіи, что руководило авторомъ при такомъ родословіи? Вѣроятно же всего, окончаніе ичъ, заставляющее предполагать сыновнее отношеніе; но тогда божичъ долженъ быть сыномъ бога, а грома ли, или бадняка, это иной вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ отрицательно, по вниманію къ только что сказанному нами. Казалось бы, автору, допускающему, что божичъ есть солнце, не слѣдовало затрудняться въ приисканіи настоящаго отца, давнымъ давно рѣшеннаго наукой (Шафарикъ, Бодянский, Срезневскій), на основаніи древнихъ историческихъ свидѣтельствъ. Г. Потемня и самъ привелъ знаменательное мѣсто изъ лѣтописи Ипатьевской, гдѣ отцемъ солнца называется Сварогъ, богъ неба или свѣта вообще; но онъ и тутъ поступилъ по своему: ему представлялось удобнѣйшимъ лучше обойти историческое свидѣтельство, нежели отказаться отъ задуманной идеи о богѣ громѣ, и Г. Потемня рѣшаетъ, что божество, поставленное имъ въ отца божичу, могло называться Перуномъ, т. е., богомъ грома, но могло носить и другое имя—Сварога (стр. 15). Такъ Г. Потемня поступаетъ съ строго опредѣленными божествами Славянской Миеологии! Нѣтъ, ужъ если подъ божичемъ не угодно понимать просто молодаго бога, только что народившагося, если не-

премѣнно хотимъ отыскать ему отца, то, признавая въ немъ солнце, откажемся отъ произвола и станемъ держаться ясныхъ и обслѣдованныхъ фактовъ науки.

Но Г. Потебня не обнаруживаетъ и самъ надлежащей твердости убѣжденія. Ставя такъ положительно божича въ сыновья бадняка, основывая на этомъ свой окончательный выводъ о родословіи богини тучи, бога-грома (бадняка) и божича, онъ (на стр. 17) только ограничивается предположеніемъ, что божичъ не есть Христіанскій богъ, что праздникъ въ честь рожденія его не есть праздникъ Христіанскій, только перемѣшанный съ языческими обрядами бадняка, и что баднякъ и божичъ противопологаются другъ другу не какъ языческій богъ Христіанскому, а какъ отецъ сыну. Думаемъ, что для окончательнаго заключенія, что божичъ есть именно сынъ бадняка, молодой богъ языческій, необходимо прежде устранить выставленное самимъ же авторомъ предположеніе, доказать его несостоятельность и не наводить на читателя сомнѣній и догадокъ на счетъ того, что же побуждаетъ автора не дать ни малѣйшаго вѣса этому предположенію. А вѣдь отказать ему въ значеніи нельзя; согласиться же съ этимъ значеніемъ, значитъ, разомъ отвергнуть выводы сочиненія.

Между тѣмъ, дѣйствительно, серьезный взглядъ на дѣло допустить скорѣе ту мысль, что божичъ есть чисто Христіанскій богъ, славится народомъ Юго-Славянскимъ, въ пору его земнаго рожденія, на ряду съ праздникомъ языческимъ, иначе, что въ бадній вечеръ происходитъ подобное же смѣшеніе Христіанства съ язычествомъ, примѣры какого въ обиліи разсѣяны въ народѣ Славянскомъ, и въ понятіяхъ, и въ вѣрованіяхъ, и въ обрядахъ. Основаніе же, мелькомъ приводимое Г. Потебней, противъ такого взгляда разрушается при первомъ къ нему прикосновеніи критики. Онъ говоритъ, что не совмѣстно съ Христіанствомъ молиться одному лицу Троицы за другое, а Сербо-Хорваты въ своихъ пѣсняхъ обрядовыхъ просятъ Бога за божича и бадняка. На сколько случаевъ подобной молитвы представить одна земная жизнь Спасителя; кромѣ того, развѣ справедливо требовать отъ только что обращающагося въ Христіанство народа, успѣваго уже сложить болѣе менѣе сложную систему языческой религіи, требовать догматическаго знанія новой Вѣры? Пропитанный мифическими воззрѣ-

ніями, только что коснувшійся Христіянства, народъ иначе и не могъ представить себѣ рождающагося Спасителя, какъ малымъ Богомъ, Божичемъ, и привязалъ его къ соотвѣтственному языческому своему празднеству, въ честь небеснаго огня, солнца. И рѣшительно напрасно потратилъ такъ много усилій и натяжекъ Г. Потенія на производство божича отъ бадняка, бога-грома, и на приуроченіе ему матери-богини тучи.

Съ слѣдующею мыслію заключенія о сходствѣ обрядовъ Рождественскихъ съ свадебными и похоронными, говоря вообще, мы согласны, и коротко объяснили выше причину, по чему должно было образоваться это сходство. Но въ толкованіи фактовъ (на стр. 15—56) находимъ такъ много личнаго, вставленнаго подъ вліяніемъ неразборчивой иногда подражательности Нѣмецкимъ образцамъ, что не предложитъ хотя противъ нѣкоторыхъ толкованій своихъ возраженій, считаемъ себя не въ правѣ, взявшись за трудъ разбора сочиненія Г. Потенія. Разсматривать факты по порядку и въ цѣлости было бы совершенно излишне: иначе, пришлось бы написать такую же книгу, какую издалъ Г. Потенія.

Находя неумѣстнымъ возражать противъ мысли, будто колodки, привязываемыя кое-гдѣ у Славянъ не замужнимъ женщинамъ и холостымъ мужчинамъ, на Масляной недѣлѣ, могутъ быть тождественны съ миеическимъ плугомъ (стр. 14), укажемъ на основаніе, давшее автору поводъ и право сблизить кованіе миеического плуга, поставленнаго Г. Потеніей въ символы любви брака, съ кованіемъ свадебъ человѣческихъ. «Подобно тому, говоритъ онъ, какъ богъ, кующій плугъ—символь брака, такъ и кующій свадьбу первоначально самъ тождественъ съ женихомъ.» Это любопытное заключеніе (стр. 15) основано единственно на слѣдующихъ двухъ стихахъ Сербской народной пѣсни:

Злату те се куюнджія наті,
И мени те мой суденикъ доті,

гдѣ кузнецъ, утверждаетъ авторъ, есть символъ суженаго. Другими словами, значитъ, для народа нѣтъ возможности развиваться въ поэзіи свободно; онъ, по этому, не можетъ прибѣгать къ сравненіямъ и сблизеніямъ, подъ вліяніемъ текущей жизни, подъ

условіями исторіи и образованія; всякое простое, наглядное уподобленіе, схваченное изъ обыденной жизни, непременно, значитъ, должно объясняться его миѳическими воззрѣніями, ставиться подъ гнетъ языческой религіи. Да въ приведенныхъ стихахъ сравненіе вовсе не относится къ жениху или суженому, а къ золоту и невѣстѣ! Какъ золото не пропадаетъ даромъ, такъ и прекрасная невѣста не засидится въ дѣвкахъ, вотъ гдѣ существенный смыслъ; выводить же отсюда какое-то миѳическое отношеніе кованія плуга къ кованію свадьбы, по меньшей мѣрѣ, произвольно.

Въ ряду символовъ солнечнаго божества, Г. Потебня приводитъ сначала животныя: кабана, оленя, быка, а потомъ и хлѣбъ. Всѣ эти символы играютъ важную роль въ Рождественскія святки и при свадьбахъ.

Скажемъ прежде вообще, что всѣ эти символы или олицетворенія божества, какъ называетъ ихъ иначе Г. Потебня, въ фактахъ матеріала не находятъ рѣшительно положительнаго оправданія. На ряду съ указанными животными встрѣчается и множество другихъ, и объясненіе появленія ихъ въ Рождество должно быть точно такое же, какое вывели мы выше относительно царства растительнаго, разнаго сорта хлѣба. Всѣ дѣло сводится къ тому, что народъ земледѣльческій, а, въ слѣдствіе сего, и скотоводный, празднуетъ рожденіе солнца, оплодотворяющаго землю, произращающаго все на ней, выводитъ на сцену празднества все то, что составляетъ его богатство, жизнь, счастье и что зависитъ, по его понятіямъ, исключительно отъ новородившагося божества. Вотъ по чему, безъ сомнѣнія, и встрѣчаемся мы только съ тѣмъ изъ животныхъ и растений, что входитъ въ составъ хозяйства народа Славянскаго. Видѣть же во всемъ этомъ олицетвореніе божества, значило бы создавать Миѳологию по личному воззрѣнію. Не удивительно, по этому, что и въ объясненіяхъ Г. Потебни, въ данномъ случаѣ, опять находимъ предположенія и догадки.

Такъ, для доказательства представленія солнечнаго божества въ образѣ кабана, авторъ приводитъ указаніе на кушанье изъ свинины: колбаса, свиныя ножки, свиная голова (стр. 25—31). Хотя главнымъ образомъ это и относится къ свадьбѣ, тѣмъ не менѣе, если бы происходило это въ такой же степени и въ Рож-

дество, все таки доказательства въ этомъ не видно. Кушанье въ народа очень много, и самъ Г. Потебня (стр. 28) утверждаетъ, что свиная голова подается послѣ многихъ другихъ кушаньевъ. Повѣрье о золотомъ поросенкѣ, извѣстное у нѣкоторыхъ Славянъ, объяснено очень естественно Гриммомъ, и намъ странно, что авторъ позволилъ себѣ устранить отъ естественности и тутъ и броситься въ сторону отъ истины: золотымъ поросенкомъ убѣждаютъ дѣтей не кушать въ данный день по тому, что поросенокъ составлялъ любимое и послѣднее кушанье въ богатой трапезѣ этого дня. Такъ заявилъ объ этомъ даже Гриммъ, имѣвшій неизмѣримо большее право отнести это къ кабану, положительному символу божества въ Нѣмецкой Миеологіи. И вотъ на такихъ-то данныхъ рѣшаетъ Г. Потебня кабана, символъ Нѣмецкаго бога Фро, вводить и въ Миеологію Славянскую, въ качествѣ животного образа солнечнаго божества!

Въ олицетвореніи солнца оленемъ все сводится къ Св. Петру. Онъ изображается иногда ѣдущимъ на оленѣ и служить деверемъ на свадьбѣ мѣсяца (стр. 35—39); отсюда, заключаетъ авторъ, Петръ есть солнце, а олень его животная форма. Возможно ли такъ легко относиться къ современной запутанности народныхъ повѣрій и суевѣрій? Мало ли какъ выставить современный Славянецъ древнѣйшее, имѣвшее, быть можетъ, совершенно иной характеръ. Запутанность въ настоящемъ случаѣ очевидна: если Петръ деверь на свадьбѣ мѣсяца, то какъ же можетъ быть онъ солнцемъ, когда самъ же Г. Потебня, какъ увидимъ, настаиваетъ на бракѣ между мѣсяцемъ и солнцемъ? Кромѣ того, отождествленіе Петра съ солнцемъ на томъ основаніи, что молнія, дѣлящая, по Сербской пѣсни, дары, предоставила Петру гнѣвнѣйшій жары (врутѣне), не освобождаетъ отъ обязанности сообразить время праздника, въ честь Св. Петра: это 29 Іюня, пора сильнѣйшихъ жаровъ. А вѣдь Г. Потебня и не думалъ доказывать, да и не могъ, что Св. Петръ смѣнилъ собою какое либо языческое олицетвореніе дѣйствительнаго солнца.

Что касается до олицетворенія солнца быкомъ, то авторъ (стр. 31—35) не предлагаетъ ни одного свидѣтельства; дѣло идетъ о свѣтѣ—счастіи, здоровьи, о мракѣ — бѣдности, смерти. Вѣсто быка, является, напротивъ, вообще скотъ. Впрочемъ, Г. Потебня

общаетъ говорить объ этомъ ниже, но, не сказавши ничего, на 46 страницѣ дѣлаетъ уже положительный выводъ объ отношеніи кабана, быка и оленя къ Рождеству и солнцу.

Не меньшая свобода высказалась подъ перомъ автора и въ сопоставленіи хлѣба съ солнцемъ (стр. 41—45). Дѣло начинается со сказки о хлѣбѣ и змѣѣ. Замѣчательно, что эту сказку Г. Потенія слышалъ въ дѣтствѣ. Но допустимъ, что онъ дѣйствительно ее слышалъ и что ни съ чѣмъ не смѣшалъ ее и ничего не примѣшалъ къ ней, подъ вліяніемъ дальнѣйшей жизни, отъ поры дѣтства до мужескаго возраста. По взгляду Г. Потенія, сказка носить слѣды глубокой древности, по тому что хлѣбъ представляется мучимымъ и противопоставляется змѣѣ. Интересны доказательства. Прежде всего, онъ выводитъ змѣю изъ тѣла великаго змѣя, которымъ, по мнѣнію народа, оралъ Св. Кузьма. По чему же такъ, спроситъ читатель? Вѣдь сказка ни однимъ словомъ не говоритъ объ этомъ, и развѣ, дальше, невольно народу производить змѣй отъ другаго вымышленнаго змѣя? Хлѣбъ изображается мученикомъ. Это побуждаетъ автора къ сближеніямъ въ языкѣ и къ слѣдующему объясненію, что мѣки приписываются хлѣбу на томъ основаніи, что «какъ мученіе, печаль изображается въ языкѣ какъ слѣдствіе колотья, дробленія, такъ хлѣбъ есть пища изъ разбитаго, смолотаго зерна.» Какъ будто народу, черезъ языкъ, надобно было сближать хлѣбъ съ печалію для того, чтобы назвать хлѣбъ мученикомъ, когда фактъ молоченія и молонья, самъ по себѣ, слишкомъ ясенъ и достаточенъ для подобнаго названія хлѣба! Но, главное, автору надобно вывести, что хлѣбъ въ сказкѣ представляетъ солнце. И это легко. Хлѣбъ можетъ сближаться съ жерновомъ, какъ мелющимъ, а жерновъ у Нѣмцевъ—оружіе громоваго бога, отсюда (!) сближеніе хлѣба и громоваго бога. Посредникомъ является млинъ, собственно, по автору, жерновъ (!) Въ концѣ концовъ слѣдующій выводъ: изъ всего этого видно, что въ Малор. сказкѣ (которую въ дѣтствѣ слышалъ Г. Потенія), змѣя завидуетъ хлѣбу, какъ воплощенію грознаго бога. Смѣемъ надѣяться, что опроверженіе научное излишне. Скажемъ только, что, вмѣсто того, чтобы, черезъ жерновъ, подходить къ грозному богу грома, лучше бы остановиться съ должнымъ вниманіемъ на обследованныхъ фак-

тахъ съ хлѣбомъ, и въ древности и въ настоящее время, приведенныхъ также и Г. Потемни на стр. 46, гдѣ и онъ самъ вынужденъ видѣть отношеніе къ солнцу, а не къ грому, и, разумѣется, не въ смыслѣ олицетворенія этого божества хлѣбомъ, а въ значеніи просто указанія на хлѣбъ, какъ на существенное условіе жизни, находящееся подъ исключительнымъ вліяніемъ бога-солнца.

Такой же смыслъ принадлежитъ и обычаю народному петь нѣкоторыхъ животныхъ изъ хлѣбнаго тѣста. Г. Потемни и тутъ думаетъ видѣть олицетвореніе божества (стр. 49), между тѣмъ какъ отношеніе здѣсь къ солнцу есть отдаленное, посредственное; ближайшій же предметъ есть самый скотъ, домашнія животныя. Рождество есть пора, когда по преимуществу совершается ихъ приплодъ, и народъ земледѣльческо-скотоводный, естественно, заботится о немъ; вотъ по чему и авторъ, желавшій найти въ этомъ обычаѣ подтвержденіе своей мысли на счетъ олицетворенія солнца нѣкоторыми животными, вынужденъ былъ, въ заключеніе, выразиться, что народъ изображаетъ въ тѣстѣ не тѣхъ только животныхъ, а и многихъ другихъ.

На стр. 51 — 55 находимъ довольно подробное объясненіе значенія коровай, въ которомъ авторъ видитъ солнце и жениха. Выставимъ только вопросы, обнаруживающіе, по нашему мнѣнію, несостоятельность объясненія.

Черезъ хлѣбъ, который признаетъ Г. Потемни за изображеніе бога-грома, переходитъ онъ къ короваю, и его считаетъ за изображеніе солнца, посредникомъ служить ему дежа, которая въ пѣсняхъ сопоставляется съ солнцемъ. Но развѣ дежа то же, что коровай, или хлѣбъ? Коровай рисуется краснымъ, «но только въ смыслѣ прекраснаго,» говоритъ авторъ. А намъ кажется, что именно въ смыслѣ краснаго, по цвѣту, чѣмъ и напоминаетъ онъ солнце. Изъ сопоставленія его съ раемъ, заключаетъ Г. Потемни, что онъ называется небомъ. Но рай здѣсь значитъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ радость, веселье; по этому-то, называется онъ въ другихъ случаяхъ и маемъ (см. 164). «Сравненіе высоты коровай съ лѣсомъ, можетъ быть, основано на представленіи солнца деревомъ;» но приведенныя для подтвержденія столь проблемати-

ческаго положенія загадки (примѣч. 157) говорятъ о самомъ простомъ сравненіи, безъ малѣйшаго намека на какой либо мифъ; что же до дуба, то онъ сравнивается съ годомъ, а во все не съ солнцемъ, хотя отдѣльно дубъ, если бы и замѣнялъ онъ солнце, не замѣняетъ еще лѣса. «Свѣтъ и красота коровая приносятъ веселье и славу свадьбѣ;» но тутъ опять не видно тождества съ солнцемъ: коровай, какъ представитель свадьбы, замѣняетъ въ поэзіи народной характеръ послѣдней; красивъ и хорошъ онъ—весела и свадьба. Такимъ образомъ, читатель никогда не убѣдится, что эти свидѣтельства говорятъ о связи коровая со свѣтомъ, тѣмъ больше съ солнцемъ.

Не сильнѣе убѣжденіе и отъ доказательствъ отождествленія коровая съ женихомъ. Для Г. Потебни служить, на примѣръ, доказательствомъ обычай выносить на коровай очипокъ; но загадка его ничего не значитъ въ сравненіи съ замѣчаніемъ издателя пѣсенъ Малор., изъ которыхъ взялъ это указаніе Г. Потебня, по чему существуетъ подобный обычай. Намъ только удивляетъ, какъ изъ такихъ данныхъ авторъ рѣшаетъ, что «если коровай есть женихъ, то изъ такого сближенія солнца, коровая и жениха (54 — 55) выходитъ, что солнце божество мужское.» Удивительно ли послѣ всего этого встрѣтить въ слѣдующемъ изложеніи Г. Потебни усиленные доказательства, что солнце есть и божество женское?

Наконецъ, что сказать еще о доказательствахъ связи коровая и вообще брака на основаніи пѣтуха? (стр. 55 — 56). Представленные въ подтвержденіе этого обычай, всѣ говорятъ лишь объ одномъ, что пѣтухъ и курица, при бракѣ, служатъ символами новой семьи; пѣтухъ дается прямо на разводъ, слѣдовательно, тутъ простое сравненіе гнѣзда съ семьей, пѣтуха и курицы съ молодыми. Обычай Хорватовъ, гадать подъ Рождество и Новый Годъ о плодородіи пѣтуховъ и курицъ по тому, кто первый войдетъ въ домъ, мужчина, или женщина, свидѣтельствуемъ ясно, что и главнѣйшая домашняя птица занимаетъ то же мѣсто въ праздникъ рожденія солнца, какое указали мы для скота и хлѣба.

Послѣдній результатъ первой статьи Г. Потебни заключается, слѣдовательно, въ томъ, что богиня-туча есть жена бад-

няна-грома, и оба вмѣстѣ — родители божича-солнца. Вторая статья, къ которой обращаемся, предлагаетъ усилія автора отыскать имя и признаки этой богини, въ народныхъ сказкахъ и суевѣріяхъ, и очертить подробнѣе и точнѣе мифическій образъ. Оглавленіе: «Баба-Яга» говоритъ ясно, кого разумѣетъ Г. Потебня подъ богинию-тучею, и съ кѣмъ приходится имѣть намъ дѣло.

Каждый Русскій человѣкъ, котораго судьба не оторвала съ дѣтства отъ родины и не окружила иностранными няньками, гувернерами и гувернантками, отъ самаго бѣднаго простолюдина до знатнаго барича, очень хорошо знакомъ съ именемъ Бабы-Яги; малѣйшій намекъ на него готовъ тотчасъ же воспроизвести въ памяти и воображеніи тотъ живой и типическій ея образъ, какой глубоко отпечатлѣлся съ первыхъ поръ сознанья, по рассказывавшимся сказкамъ. Этотъ образъ только повторится и освѣжится и въ воображеніи того, кто бы вздумалъ пробѣжать, или перечитать, внимательно и богатый запасъ народныхъ сказокъ по существующимъ прекраснымъ изданіямъ новѣйшаго времени. Отличительною чертою этого типического образа, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, исключительно представляются: старость, безобразіе, ѣзда въ ступѣ съ погоняющимъ пестомъ, грозность, враждебность и злобность, словомъ, дальше мрачныхъ, темныхъ качествъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, анализирующій умъ не отыщетъ ни чего въ этомъ образѣ; не откроетъ онъ въ немъ и тѣни чего либо свѣтлаго, добраго, благотѣльнаго, примѣряющаго. Съ такимъ только хорактеромъ явится Баба-Яга и передъ тѣмъ, кто отъ сказокъ Русскихъ перейдетъ въ сказочную область соплеменныхъ народовъ другихъ Славянъ.

Но напрасно Русскій человѣкъ будетъ думать, что Баба-Яга и дѣйствительно такова въ знакомыхъ ему сказкахъ, какою привыкъ онъ знать ее съ дѣтства. Разсужденіе Г. Потебни, вторую свою статью, именно на то и направлено, чтобы положительно доказать несостоятельность такой думы и убѣдить всякаго, что и въ этомъ мы не отстали отъ Нѣмцевъ, что открытая и красиво очерченная въ ихъ мифологіи свѣтлая и благотворная Гольда или

Берта присущее и намъ, и что типъ ея всецѣло повторяется въ Баба-Ягѣ. Это опять новость Г. Потебни, повѣрять которой на слово тѣмъ труднѣе, чѣмъ индивидуальнѣе взглядъ автора на ученые приемы и доводы, обнаруженные въ первой статьѣ. Начнемъ свой разборъ и здѣсь съ общаго положенія.

Впрочемъ, во второй статьѣ нѣтъ общаго заключительнаго итога; находятся лишь отдѣльные выводы, размѣщенные на далекихъ другъ отъ друга страницахъ, именно на 131, 141, 167 и отчасти на 231 — 232.

Вотъ что читаемъ на стр. 131: «Какъ изъ замѣны Гольды посредствомъ Нехе въ сказкахъ и изъ того, что вѣдьмы сопровождаютъ Гольду въ ея полетахъ, не выводятъ (!), что Гольда есть вѣдьма, а не одна изъ верховныхъ богинь, такъ (!) и связь Яги съ вѣдьмами не въ не въ состояніи, если не ошибаемся, переписать положеній, которыя мы старались выше доказать, именно: что Яга посылаетъ души на свѣтъ и принимаетъ ихъ оттуда; что она, какъ одно лице съ Мораной, имѣетъ ключи отъ неба, слѣдовательно, непосредственную власть не только надъ душами, но и надъ природой». Приравненіе Яги къ Гольдѣ, выраженное въ приведенныхъ словахъ, не такъ ясно, съ положительностью указано въ начальныхъ словахъ второй статьи (на стр. 85): «Нѣтъ спору, что въ Германской Мѣологіи та женская личность, къ которой относятся намеки Рождественскихъ обрядовъ, есть Гольда или Берта. Съ Гольдою-Бертою сходно во многихъ чертахъ, а нѣкогда было тождественно (!), мѣическое существо Баба-Яга. По этому, вѣроятно (!), что оно именно предполагается Рождественскими обрядами, хотя бы прямыхъ указаній на это и не было».

Самымъ простымъ глазомъ можно видѣть, что служило побужденіемъ Г. Потебнѣ создать образъ Яги, не извѣстный доселѣ въ наукѣ Славянской Мѣологіи и прямо противоположный понятіямъ народнымъ. Это Нѣецкая Гольда, къ единству съ которой, во что бы то ни стало, вмылся привести онъ Бабу-Ягу. Рѣшимость въ такомъ выводѣ тѣмъ замѣчательнѣе, что въ частныхъ положеніяхъ авторъ не выходитъ изъ предположеній и обусловленій: «если, кажется, вѣроятно, можетъ быть» и т. д., и, не смотря

на это, въ послѣднемъ заключеніи Яга представляется тождественною съ Гольдой-Бертой. Въ какой степени Г. Потербня поддакъ Нѣмецкому вліянію, всего нагляднѣе видно изъ отрицанія имъ родства Яги съ вѣдьмой; онъ по тому отвергаетъ его (хотя, на стр. 119, и признаетъ связь Яги съ вѣдьмами несомнѣнною), что ученые Нѣмцы не выводятъ вѣдьменности Гольды изъ того, что въ сказкахъ оно замѣняется посредствомъ Нехе. Чтобы имѣть какое ни будь не право, а только поводъ, заключать отсюда къ Ягѣ, надобно прежде слишкомъ положительно и для всякаго убѣдительно доказать равенство Яги съ Гольдой; а между тѣмъ, съ этой-то именно стороны и встрѣчаемъ мы у Г. Потербни изумительную шаткость, свидѣтельствующую несомнѣнно о непрочности собственнаго его убѣжденія. Съ Гольдой сходно во многихъ чертахъ, при Рождественскихъ обрядахъ, миѣическое существо Баба-Яга, а по тому, вѣроятно, что она тамъ и предполагается. Но развѣ сходство, даже и во многихъ чертахъ, въ такомъ сложномъ, запутанномъ, перепутанномъ и перемѣшанномъ, дѣлѣ, какъ миѣы въ современныхъ вѣрованіяхъ, понятіяхъ и обрядахъ народныхъ, даетъ право переходить къ выводу о тождественности сходныхъ предметовъ? Вѣдь при сходствѣ есть и различіе, и различіе весьма рѣзкое: какъ же поступить съ нимъ? И по чему же не признать, что существенная-то черта заключается именно въ различіи, а сходство образовалось случайно, лишь въ силу паденія и смѣшенія миѣическихъ представленій? Г. Потербня самъ предчувствовалъ такое возраженіе, и включилъ слѣдующую, ни чѣмъ не оправданную, фразу: «съ Гольдой во многихъ чертахъ сходно, а нѣкогда было тождественно, миѣическое существо Баба-Яга». Когда же эта была тождественность? весьма любопытно и важно было бы знать, какъ по тому, что исторія молчитъ о Бабѣ-Ягѣ, не скупясь на указаніе и характеристику другихъ женскихъ божествъ, такъ и по тому, чтобы оправдать отъ упрека Г. Потербню за его холодное невниманіе къ исторіи. Но тщетно станеть искать читатель разсужденія хотя слабый намекъ на историческое свидѣтельство вообще о Ягѣ, тѣмъ меньше о тождествѣ ея съ Гольдой. И напрасно Г. Потербня позволилъ себѣ внести подобную фразу: «нѣкогда была тождественна». Она обнаруживаетъ только тщетное усиліе скрѣпить и освятить прежнимъ древнимъ тождествомъ, ни откуда не виднымъ, нигдѣ не выраженнымъ и не дѣйствительнымъ, произ-

вольное, по крайней мѣрѣ, чисто субъективное, заключеніе о кажущемся теперь сходствѣ Яги и Гольды.

Не находя нигдѣ историческаго свидѣтельства о Ягѣ въ сочиненіи Г. Потебни, не зная ни одного указанія въ Древне-Славянскихъ памятникахъ, и сами мы обратимся къ силѣ доказательствъ автора, на основаніи современныхъ понятій. Вопросъ формулируется характеристикой Гольды-Берты. Какъ въ языкѣ, такъ и въ житейскихъ отношеніяхъ къ народу, заявленныхъ въ Нѣмецкихъ сказкахъ, она рисуется кроткой, милостивой, благосклонной, свѣтлой, блестящей, наблюдающей за порядками въ жизни и занятіяхъ, награждающею исправныхъ и наказывающею виновныхъ. Такія качества слѣдовало бы вывести и въ Ягѣ — вотъ задача. На сколько удалось Г. Потебнѣ открыть идею свѣта въ самомъ названіи Яги, мы уже видѣли; теперь яснѣе видимъ и то, что собственно побуждало автора отыскивать именно такую идею, равно подмѣтитъ и причину столь насильственной логики языка. Взглянемъ же, какъ сближаетъ онъ Ягу съ Гольдой и по сказочнымъ понятіямъ.

Собравши изъ Гримма, Вольфа, Маннгардта сказочныя черты Гольды-Берты, составляющія миѣическій образъ, Г. Потебня подбираетъ сходственныя черты въ Славянскихъ сказкахъ и, относя ихъ всѣ къ Ягѣ, считаетъ себя въ правѣ сопоставлять и отождествлять Ягу съ Гольдой. Здѣсь невольно останавливается вниманіе на самомъ приѣмѣ. Авторъ не лице съ характеристикой имѣетъ въ виду, а однѣ разбросанныя черты характеристики. Что же будетъ порукой, что такія черты дѣйствительно относятся къ Ягѣ? Не предоставляетъ ли авторъ уже только этимъ себѣ совершенно не научную свободу, которая, при абсолютномъ отсутствіи исторіи, сводится прямо къ личному взгляду, подъ часъ къ личному произволу? Это свойство, дѣйствительно, и господствуетъ, по преимуществу, во второй статьѣ разсужденія.

Доказательства начинаются отъ мыши (стр. 90 — 95) и отъ отношенія ея къ дѣтскимъ зубамъ, въ слѣдующемъ выраженіи: «мышка, на тебѣ зубъ рѣпяной, дай мнѣ желѣзный!» Отыскавши у Чеховъ и Словаковъ замѣну мыши Бабой-Ягой, Г. Потебня утверждаетъ, что «если въ этой замѣнѣ есть смыслъ, то

изъ нея слѣдуетъ, что мышъ даетъ дѣтямъ желѣзные зубы, въ силу своего отношенія къ Ягѣ, которой приписывается благотворное вліяніе на здоровье дѣтей.» Напрасно станетъ читатель искать свидѣтельства, подтверждающаго послѣднюю мысль, будто Ягѣ, въ самомъ дѣлѣ, приписывается вліяніе, да еще благотворное, на здоровье дѣтей; очевидно, фраза эта вытекла подъ вліяніемъ просьбы дѣтей о зубахъ, а между тѣмъ ей приданъ смыслъ доказательства, по чему дѣти обращаются къ Ягѣ; другими словами, за доказательство принято то, что именно и требуется доказать. Но есть ли смыслъ въ замѣнѣ мыши Ягой у Чеховъ и Словаковъ? «Конечно, есть, и вотъ по чему, продолжаетъ Г. Потебня: 1) какъ Яга имѣетъ отношеніе къ Рождеству, такъ и мышъ; въ Мекленбургѣ, въ продолженіи 12 Рождественскихъ ночей, не называютъ даже настоящимъ именемъ нѣкоторыхъ животныхъ, между прочимъ, мышъ и лису.» Пусть и такъ, но все таки въ этомъ доказательствѣ рѣшительно не видна дѣствительность смысла замѣны мыши Ягой въ дѣтской просьбѣ. Трудно опредѣлить, какія животныя не участвуютъ въ Рождественскихъ обрядахъ, суевѣріяхъ, повѣрьяхъ и т. д.; что же касается до Мекленбурга, то намъ и непонятно даже, за чѣмъ приведенъ онъ тутъ; вѣдь и тамъ мышъ стоитъ подъ урядъ съ другими животными; по крайней мѣрѣ, хоть бы видѣть, что и мышъ и другія животныя поставлены тамъ въ связь съ Гольдой; но и въ такомъ случаѣ принять Мекленбургъ за доказательство было бы нельзя, по тому что мы именно ищемъ доказательства тождества Яги съ Гольдой. «2) Мыши въ Русской сказкѣ принадлежатъ къ хозяйству Яги.» Но, оставивши въ сторонѣ справку съ Русскими сказками и, пользуясь лишь разсужденіемъ Г. Потебни, чего не найдемъ мы въ, такъ называемомъ имъ, хозяйствѣ Яги, или, правильнѣе, съ какими животными и съ какими предметами не приходится сопоставлять Славянскому народу въ своихъ сказкахъ Бабу-Ягу! Что же особеннаго, если попадаютъ тутъ и мыши, и гдѣ же отсюда смыслъ-то замѣны Яги мышью въ дѣтской просьбѣ о зубахъ! «3) У Славянъ и у Нѣмцевъ существуетъ игра въ жмурки. Въ этой игрѣ является у Славянъ или баба, а у Нѣмцевъ и Сербовъ мышъ; при томъ, какъ къ бабѣ, такъ и къ мыши приставляется не рѣдко эпитетъ слѣпой.» Но во а) Г. Потебня и не подумалъ намъ уяснить, что мышъ у Нѣмцевъ въ данномъ случаѣ замѣняетъ именно Гольду; во б) что подъ

бабою у Славянъ разумѣется именно Яга-баба; вѣдь, въ противномъ случаѣ, Ягѣ придется, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаться вездѣсущою, если всякое указаніе на бабу непременно будемъ относить къ ней? Г. Поттебня этому приему и обязанъ, впрочемъ, необыкновенною характеристикою Бабы-яги. Дальше онъ «vilou ranі Чешскую окрестилъ въ Ягу; въ в) какъ-то не легко вѣрится, и съ перваго взгляда, въ самостоятельность Сербскаго названія жмурокъ слѣпою мышью. Г. Поттебнѣ не мѣшало бы остановиться на этомъ тѣмъ внимательнѣе, чѣмъ уединеннѣе поставлены въ данномъ случаѣ Сербы, относительно всѣхъ другихъ Славянъ. И что скажетъ онъ, если подобное названіе обязано Нѣмцамъ и расширилось изъ Сербскихъ поселеній среди Нѣмцевъ? Какъ бы то ни было, но и тѣни нѣтъ доказательства, что жмурки у Славянъ указываютъ на Бабу-Ягу, или на мышь, ее замѣнившую. Этого мало: какъ просьба дѣтей о зубахъ относится не только къ бабѣ, но и къ дѣду, живущему за печкой, такъ и въ игрѣ въ жмурки не вездѣ участвуетъ только баба; напротивъ, среди Малороссіянъ, на примѣръ, господствующую роль играетъ дѣдъ. Для Г. Поттебни это не имѣетъ значенія; онъ смѣло видитъ въ этомъ позднѣйшее раздвоеніе, и ставитъ во главу свою Бабу-Ягу, о которой собственно нѣтъ ни какого положительнаго указанія.

Признавши, такимъ образомъ, Бабу-Ягу, въ жмуркахъ и въ дѣтской просьбѣ о зубахъ, за фактъ несомнѣнный, Г. Поттебня, очевидно, очутился въ затрудненіи на счетъ слѣпоты Бабы-Яги. Не уже ли надобно допустить, что она представлялась слѣпою? «Но на это нѣтъ другихъ указаній.» Какъ же быть? Не произвести ли операцию съ самымъ словомъ слѣпъ, слѣпой, и не притянуть ли его значеніе къ чему либо подходящему для Бабы-Яги? И вотъ, на стр. 93—94, дѣйствительно, доказывается, будто Серб. сліепъ, значитъ собственно безобразный; а слепота — безобразіе. Приводятся въ подтвержденіе пословицы, а также и цѣлая выдержка изъ одной Сербской пѣсни. Думаемъ, что зайти дальше въ натяжкѣ трудно: даже и въ приведенныхъ примѣрахъ авторомъ, какъ, на примѣръ, въ пословицѣ: «Не плаче сліепъ, што ніе ліепъ, ветъ што не вида біели свіетъ,» не замѣтно и метафорическаго значенія безобразный. Вообще, это мѣсто изслѣдованія принадлежитъ къ такимъ, гдѣ разбирающій его невольно станеть

въ тупикъ; для опроверженія его нѣтъ болѣе средства, какъ попросить снять цвѣтные очки и посмотрѣть прямыми глазами на свѣтъ Божій, который представляется синимъ, или зеленымъ, только подъ вліяніемъ оптическихъ стеколъ. И тѣмъ не менѣе, на этомъ основаніи Г. Потебня рѣшаетъ: «Возможно, что Баба въ жмуркахъ представляется слѣпою не только въ смыслѣ мрака—безобразія, но и въ смыслѣ мрака—смерти. Это тѣмъ вѣролнѣе, что Яга-баба, какъ увидимъ ниже, похищаетъ дѣтей, именно, есть смерть. Самая игра въ жмурки можетъ изображать такое похищеніе.» Но надобно же уяснить и свойства мыши, — и Г. Потебня стучится снова въ двери Нѣмецкой Миеологии. Тамъ находитъ онъ, что мыши изображаютъ эльбовъ, душъ, и что Царицею надъ ними есть Гольда; животныя формы душъ представляются тамъ то благодѣтельными существами, приносящими другія души на этотъ свѣтъ, то уносящими этѣ души на тотъ свѣтъ; а такъ какъ Яга, предполагаетъ Г. Потебня, то же самое, что и Гольда, то легко уже опредѣлить и связь ея съ мышами: «мышь въ жмуркахъ, какъ посольство смерти, отождествляется съ Ягою (или дѣдомъ), и отъ нея заимствуетъ эпитетъ (слѣпая), указывающій на отношеніе къ смерти.» Таковъ выводъ о Ягѣ и о мышѣ въ игрѣ жмуркахъ, и все это основано на произвольномъ предположеніи, что баба есть непременно Яга; что слѣпой, слѣпота обозначаютъ не иное что, какъ безобразіе, смерть; что просятъ дѣти у мыши, или у Яги, зубовъ по тому, что она вліяетъ на здоровье дѣтей. До чего, спрашивается, нельзя дойти и чего невозможно доказать, при такомъ легкомъ обращеніи съ фактами? Между тѣмъ, простой глазъ, не отвергая всецѣло отдаленной связи, какъ въ просьбѣ о зубахъ дѣтей, такъ и въ игрѣ въ жмурки, съ древнѣйшими миеоническими вѣрованіями, въ дѣлѣ о зубахъ подмѣтитъ самую незатѣйливую естественность: у мышѣй просятъ зубы, по тому что остріе и крѣпость ихъ слишкомъ хорошо извѣстны народу; у Бабы-Яги, по тому что представляется она зубатою; слѣпоту же въ жмуркахъ объяснить самымъ характеромъ игры, если угодно, и самымъ словомъ жмуриться, закрывать глаза, представлять себя слѣпымъ. Бабу и дѣда, термины также употребительные въ упомянутой игрѣ, поставитъ онъ вопросомъ, и, во всякомъ случаѣ, не рѣшится, безъ другихъ опредѣленнѣйшихъ указаній, видѣть въ нихъ Бабу-Ягу; что же касается до мыши, то скорѣе вычеркнетъ ее изъ этой

игры Славянской, по крайней мѣрѣ, почтеть сначала необходимымъ указать, что Сербскій слѣпи мишь есть самобытное названіе. Да и допустивши послѣднее, все таки встрѣтитъ затрудненіе въ слѣдующемъ: какимъ образомъ медвѣдь, животная форма Яги, сама Яга, ловить мышъ, животную форму душъ, находящихся уже во власти Яги? Этого мало: какимъ образомъ мышъ, Ягинъ посолъ смерти, спасаетъ отъ похищенія Ягой дѣвицу? Чтобы, впрочемъ, ни сказать простой глазъ, но предложенныя доказательства Г. Потебнею отнимаютъ всякое право на сдѣланные имъ выводы о Ягѣ отъ мышъ.

Не открывши ни чего тождественнаго между Гольдой и Ягой, не доказавши ни мало ихъ и родства, изъ объясненія мышъ, Г. Потебня принимаетъ, однако же, это за дѣло рѣшенное, и уже свободно продолжаетъ отыскивать черты сходства у другихъ животныхъ и, не задумываясь, сопоставляетъ послѣднихъ съ Ягою. Такъ, у Сербовъ дѣти просятъ желѣзнаго зуба у вороны; у нихъ же есть терминъ и гвоздензуба, мнѣшеское существо, которымъ пугаютъ дѣтей,—и этого довольно, чтобы Г. Потебнѣ убѣдиться въ связи и вороны и гвоздензубы съ Ягою и считать себя въ правѣ, «заключать отъ свойства первой къ послѣдней». Но и этого мало: ворона представляется въ разнообразныхъ повѣрьяхъ галкой, сорокой, коршуномъ и кукушкой; слѣдовательно, и свойства послѣднихъ должны служить матеріаломъ для характеристики Яги. Что же послѣ этого удивительнаго, если Яга, въ самомъ дѣлѣ, выступить передъ читателемъ со всѣми качествами, какія будутъ ему угодны, благодаря волшебному жезлу Г. Потебни? Это ничего, что ворона и близко не ставится въ данныхъ повѣрьяхъ не только съ Бабой-Ягой, но и ни съ какой бабой; довольно и того, что къ ней обращаются Сербы за зубами также, какъ другіе Славяне къ мышъ, а мышъ не разъ помѣщается рядомъ съ бабой.

Обзаведясь подобнымъ волшебнымъ жезломъ, авторъ съ рѣшительностью переходитъ къ параллелизму Гольды и Яги, и находитъ въ послѣдней все, что приписывается Нѣмцами первой. Здѣсь-то Яга, изъ своей мрачной, грозной и враждебной, роли, переимѣщается такъ легко въ рядъ существъ благодѣтельныхъ.

Гольда посылаетъ на свѣтъ души и похищаетъ къ себѣ дѣтей. По повѣрью Чешскому, что, впрочемъ, для Г. Потевни одно значаще съ Славянскимъ, сорока, кукушка и ворона, своимъ прилетомъ, предвѣщаютъ рожденіе ребенка; рожденіе дѣтей объясняютъ Чехи и приносятъ ихъ аистами, коршунами и воронами, что, однако же, относится одинаково и къ приплоду животныхъ. Слѣдовательно, заключаетъ Г. Потевня, Яга-баба приноситъ на свѣтъ дѣтей. Гольда кормитъ дѣтей кашею. У Славянъ, въ игрѣ съ младенцами, представляется кормящею такой пищей сорока-ворона; у Чеховъ въ подобной же игрѣ упоминается даже мышь; и можетъ ли же послѣ сего быть сомнѣнье, что и Славянская Баба-Яга кормитъ кашею дѣтей? Но въ указанной игрѣ авторъ находитъ и еще замѣчательный моментъ, который ведетъ его къ новому сближенію Яги съ Гольдой. Игра завершается тѣмъ, что сорока-ворона урываетъ шейку (!) у дитяти, представляемаго однимъ изъ пальцевъ; отсюда видитъ Г. Потевня, что мѣсто дѣйствія въ этой игрѣ не на небѣ а на землѣ, съ которой ворона похищаетъ дѣтей (стр. 97). Прозорливость для насъ необъяснимая! Но похищеніе вороной, коршуномъ, ястребомъ, ворономъ находить подтвержденіе въ разнообразныхъ играхъ дѣтскихъ; а какъ всѣ эти птицы указываютъ на Ягу, то и несомнѣнно, что она, подобно Гольдѣ, не только посылаетъ дѣтей на свѣтъ, но и похищаетъ ихъ отсюда!

Гольда и Берхта прядутъ: непременно должна пряхъ и соответствующая имъ Славянская богиня, т. е., Баба-Яга (стр. 99). Она и дѣйствительно прядетъ, по тому что (!) пряденье приписывается сорокѣ, воронѣ, коршуну. А что имъ приписывается пряденье, видно (!) изъ названія растѣній: сорочья пряха (*guleum uligenosum*), *kania pędza*, *kania stopa*, *wrania stopa* (*plantaago coronopus*).

Но Гольда во всякое время отворяетъ небесныя двери и выпускаетъ солнце. Какъ бы сблизить это свойство Нѣмецкой богини съ Славянской Ягой?

Есть Малор. пѣсня, въ которой галка называется ключницей; есть Малор. повѣрье, что ключи отъ вырѣя хранились у вороны; вырѣй же есть страна вѣчнаго лѣта, куда птицы улетаютъ на зиму.

А какъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, вырей есть вмѣстѣ царство мертвыхъ, по тому что другое повѣрье говоритъ о ластовкахъ, выжидающихъ прекращенія морозовъ на днѣ колодца, который представляетъ тучу и царство Гольды, то и слѣдуетъ, что Баба-Яга владѣетъ ключами отъ царства мертвыхъ. Не даромъ въ Славянскихъ причитаньяхъ надъ покойниками не рѣдко обращается рѣчь къ птицамъ, съ вопросомъ объ умершихъ, что, конечно, показываетъ, что птицы бываютъ въ жилищѣ душъ. Не останавливаясь въ этомъ хитро сплетенномъ силлогизмѣ на вопросахъ, по чему же галка и ворона замѣняютъ Бабу-Ягу, по чему вырей отъ птицъ перенесенъ на обиталище мертвыхъ людей, по чему дальше сближенъ онъ съ колодцемъ, поидемъ за Г. Потемней далѣе, въ увѣренности, что онъ самъ разорветъ эту паутинную ткань.

На стр. 102, черезъ Нѣмецкій обычай носить лѣтомъ мертвую ворону, по Гриму, образъ побѣжденной зимы, авторъ переходитъ къ Чешско-Моравскому обряду, во время весны, хоронить смерть, называемую также Мареной, Мореной. Въ этомъ обрядѣ, Марена представляется также съ ключами, которые теряетъ она и которые переходятъ и къ весеннему Святому Юрью. Понятно, что Марена отождествена у Г. Потемни съ Ягой. Но мертвая ворона у Нѣмцевъ, спросимъ мы Г. Потемню, развѣ имѣетъ какое либо отношеніе къ Гольдѣ? Развѣ Гольда изображается смертью природы, запирающею ворота солнцу? Напротивъ, какъ видѣли, она во всякую пору отворяетъ ему ворота и выпускаетъ его благодѣтельствовать природѣ. Не очевидно ли уже и по обряду, независимо отъ Нѣмецкихъ изслѣдованій, что мертвая ворона скорѣе противопоставляется Гольдѣ, чѣмъ стоитъ съ ней въ связи, тѣмъ меньше ей тождественна? Отсюда, само собою вытекаетъ заключеніе: если Яга есть Гольда, то ни въ какомъ родѣ не можетъ она представляться мертвою вороною, или Мореной; если же она дѣйствительно Марена, то никогда не можетъ быть Гольдой. Настоящія страницы разсматриваемаго изслѣдованія снова предлагаютъ намъ образецъ обращенія автора съ историческими фактами. Исторія Славянской Миеологии, въ самыхъ древнихъ своихъ памятникахъ, сберегла въ значительной подробности и опредѣленности характеръ и значеніе Морены, богини смерти; эти характеръ и значеніе отзываются и по сію пору въ уцѣлѣвшихъ обрядахъ на-

родныхъ, часто съ неизмѣннымъ названіемъ древности. Вообще, личность Марены ясная и опредѣленная, — и такую-то личность авторъ смѣло отождествляетъ съ Ягой и, не колеблясь ни мало, черезъ послѣднюю, сопоставляетъ ее съ Гольдой! Авторъ понималъ, очевидно, несообразность сравненія и отождествленія двухъ лицъ, изъ которыхъ одно рисуется только мрачнымъ, злымъ и враждебнымъ, другое только свѣтымъ, благотворнымъ и кроткимъ, милостивымъ. Необходимо, слѣдовательно, и тутъ подыскать какую-либо варіацію, и вотъ Г. Потевня рѣшается уже возстать противъ даже Гримма и другихъ ученыхъ Нѣмецкихъ, заявившихъ, что попадающаяся кое-гдѣ черта безобразія у Гольды прибавлена въ силу вліянія Христіанства. Нѣтъ, утверждаетъ Г. Потевня, уродливыя черты Гольды коренятся очень глубоко въ мифахъ (стр. 88). Иначе и поступить онъ не могъ, по тому что несостоятельность, въ противномъ случаѣ, отождествленія Яги (Морены) и Гольды бросалась бы слишкомъ рѣзко въ глаза. Но подумалъ ли авторъ, что какъ Славянская, такъ и Германская Миеология, въ языческой чистотѣ своей, нигдѣ не предлагаетъ дуализма въ одномъ и томъ же лицѣ? Самое Христіанство, въ этомъ случаѣ, обнаружило едва замѣтное вліяніе, переродивши вообще языческихъ боговъ и богинь въ существа злыя, или оставивши ихъ въ повѣрьяхъ съ одинаковымъ прежнимъ характеромъ. Сообразилъ ли, кромѣ того, онъ и то существенное различіе, что Гольда все таки въ основаніи своемъ, въ первобытномъ видѣ, есть чистое, свѣтлое, лице, тогда какъ для подысканья самаго темнаго отрицанья мрака, зла, безобразія и враждебности въ Бабѣ - Ягѣ, потребовались насильственные натяжки, произвольныя заключенія и единственно изъ фантазіи схваченныя сближенія, какъ мыши, вороны, сороки и т. д. съ Ягой? Такова сила заключительныхъ выводовъ Г. Потевни, будто Яга посылаетъ души на свѣтъ и принимаетъ ихъ оттуда; что она, какъ одно лице съ Мореной, имѣетъ ключи отъ неба, слѣдовательно, непосредственную власть не только надъ душами, но и надъ природой.

Впрочемъ, для Г. Потевни показалось и это значеніе Яги не полнымъ. Германская Миеология предлагаетъ такъ много еще заманчивыхъ картинъ, разнообразіе сказочнаго матеріала у Славянъ до того велико, а свобода во взглядѣ на него такъ разнуздана, что

не трудно поднять еще на нѣсколько ступеней выше доселѣ заброшенную Бабу-Ягу. Руководясь своимъ приѣмомъ, Г. Потебня и дѣйствительно пошелъ дальше.

Въ нѣкоторыхъ Славянскихъ сказкахъ, какъ-то у Чеховъ, вмѣсто мыши и сороки-вороны, при просьбѣ дѣтей о зубахъ, при игрѣ въ кормленіе кашей, а также и при повѣрьи о происхожденіи дѣтей, является лиса. Отсюда, несомнѣнна связь съ Ягой лисы, а слѣдовательно, и позволительное право приурочивать къ свойствамъ Яги все, что говорится о лисѣ. Но лиса сталкивается въ сказкахъ съ котомъ и кошкой, — и послѣдніе необходимо дополняютъ собою ту же Бабу-Ягу. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, «Баба-Яга смотритъ за чистотою посуды... покровительствуетъ домашнимъ женскимъ работамъ, награждаетъ добродѣтелю и наказываетъ пороки дѣвицъ; она елужитъ, стало быть, божественнымъ авторитетомъ нравственности. Отсюда одинъ шагъ къ заключенію, что нравственность этой жизни имѣла вліяніе на жизнь посмертную и на вознагражденіе» (стр. 141). Послѣ всего, сказаннаго нами, надѣмся, читатель не потребуетъ отъ насъ подробныхъ опроверженій, шагъ за шагомъ, каждаго положенія въ отдаленности. Тамъ, гдѣ основаніе покоится на недѣйствительности, нечего ожидать истины и въ заключеніяхъ. Укажемъ лишь на частности, характеризующія столь извѣстный уже способъ выводовъ въ книгѣ Г. Потебни.

Сближая съ Ягой Сербскую Бабу Коризму и Сербскій обрядъ Біеле покладе (стр. 108—109), и находя, что въ послѣднемъ играетъ роль дѣдъ, а не баба, Г. Потебня рѣшаетъ разомъ, что здѣсь дѣдъ есть только раздвоеніе единого въ древности миѣческаго существа; древность этого раздвоенія подтверждается, по его увѣренію, Бѣлорусскимъ названіемъ первой недѣли Великаго поста дзѣдовой, а что дѣдъ тутъ лице второстепенное, свидѣтельствуетъ упоминаніе только одной Бабы въ соотвѣтствующемъ Хорватскомъ обычаѣ. Не легко прискать рецензенту выраженіе для опредѣленія подобнаго способа умозаключеній. Какой это Хорватскій обычай, соотвѣтствующій дзѣдовой недѣлѣ? За чѣмъ Г. Потебня это скрылъ? Вѣдь этимъ онъ и въ неохотникѣ по нѣдкѣ разбирать его исследование возбудитъ недоумѣніе. Скажемъ читателю мы, что обычай этотъ относится къ Масляницѣ, какъ на-

вѣстно, переполненной обрядностью съ языческими отпечатками. Въ ряду ихъ появляется, между прочимъ, баба; Яга ли она, или нѣтъ, — другой вопросъ. Но то ли же дзѣдова недѣля? Первая недѣля поста называется дзѣдовой по тому, что она у Славянъ есть поминальная, а покойники у Бѣлорусцевъ называются дзѣды, какъ у Поляковъ dziady. По тому, тутъ и тѣни нѣтъ какого либо раздвоенія, какъ нѣтъ и повода предполагать какую либо бабу. А Г. Потебня именно на этомъ основаніи отождествляетъ Ягу съ Сербскими Шокладами.

Изъ разбора сказокъ о лисѣ и изъ сопоставленія ихъ со сказками объ Ягѣ, Г. Потебня заключаетъ, что нѣтухъ, упоминаемый въ первыхъ, есть ребенокъ: «нѣтухъ носить и дѣтское имя Петя» (стр. 117). Мы позволили бы сдѣлать нескромный вопросъ автору: чѣмъ докажетъ онъ, что уменьшительное имя Петя, на оборотъ, не взято отъ нѣтуха? Уменьшительныя названія у Славянъ весьма обыкновенно указываютъ собою на обычные предметы и сходятся въ этомъ съ именами Славянскими языческими, какъ извѣстно, бравшимися и отъ звѣрей, и отъ животныхъ, и отъ птицъ, и отъ растений и т. д. Что слово нѣтухъ принадлежало также къ разряду именъ, не подлежитъ сомнѣнію и изъ существующихъ уличныхъ названій въ простонародѣ доселѣ, и изъ множества фамилій — Нѣтуховъ. Вопросъ, такъ ли обряжомъ, нашъ вполне справедливъ; и если нѣтуха называютъ петей, то скорѣе собственнымъ его именемъ, и на оборотъ, петя-ребенокъ носить такое имя скорѣе отъ нѣтуха. Какъ бы то ни было, но заключеніе отъ пети-нѣтуха къ Петѣ-ребенку поразительно, и послѣ него невольно подивисься сдержанности автора, по чему онъ, на стр. 142, при указаніи на грушу, изъ сказки объ Ягѣ, отказался видѣть какую ни будь Аграфену: а вѣдь уменьшительное имя и послѣдней есть Груша. Въ лицахъ Жихарька, Филюшка, Смоличекъ и Ивашко, изъ сказокъ объ Ягѣ, авторъ непремѣнно хочетъ видѣть дѣтей, хотя данныя всѣ говорятъ, что они парни взрослые. Но Яга хватаетъ дѣтей, — и Г. Потебня возражаетъ даже, въ силу этого (см. стр. 129), противъ Г. Буслаева, не думающаго считать Ивася (Малор. сказки) ребенкомъ. Но какъ же просмотрѣлъ Г. Потебня, напечатанное имя самимъ, выраженіе, что Ивашка дѣйствуетъ какъ взрослый человѣкъ, выросши (стр. 121)?

Опуская множество иныхъ вещей, коснемся разъясненія мѣта въ дочеряхъ Бабы-Яги, столь богатаго разнообразными сказками у всѣхъ Славянъ. Начнемъ съ слѣдующаго выраженія автора: «въ одномъ изъ варіантовъ (сказочныхъ), послѣ побѣды надъ Бабою, у нея добываются птица, звѣрь и боченокъ вина, отъ которыхъ по всему царству настаютъ изобиліе птицъ, рыбы и вина. Эта черта, продолжаетъ Г. Потевня, нарушаетъ симметрію въ расположеніи сказки, не имѣетъ связи съ похищеніемъ бабиной дочери, а по тому, можетъ быть, вставная (стр. 192).» Этотъ взглядъ на приведенную особенность доказываетъ убѣдительно, что авторъ не понялъ существа дѣла, а съ этимъ вмѣстѣ характеризуетъ уже и все обследованіе нѣтъ подробностей сказокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое, указываемыя въ нихъ, бабины дочери, подставляемыя столь часто кобылицами, которыхъ отыскиваютъ богатыри, подвергаясь обыкновенно опасностямъ отъ Яги и съ трудами достигая своей цѣли? Что такое чудесный конь, заключенный во владѣніяхъ Яги? Авторъ рѣшительно признаетъ всѣхъ дочерей за дѣйствительныхъ дочерей. Но уже съ перваго раза нельзя не усумниться въ этомъ, когда вникнемъ, какъ Яга прячетъ свою дочь, какъ сберегаетъ ее отъ покражи и въ какихъ враждебныхъ отношеніяхъ находятся обѣ другъ къ другу. Въ свою очередь, какъ усиленно стремится дочь высвободиться отъ Яги и съ какою рѣшительностью помогаетъ сама отыскивающему ее богатырю. Такъ, запряганная дочь, спускаетъ золотую козу изъ окна, и Царевичъ собираетъ по ней на верхъ, а та предлагаетъ ему бѣжать отъ Бабы (стр. 184); въ Нѣмецкой сказкѣ вѣдьма тоже держитъ дѣвицу въ лѣсу, въ банинѣ, безъ дверей и лѣстницъ; подобно этому и Русская сказка прячетъ золотоволосую дѣвицу, считаемую Г. Потевней за восьмую дочь Яги (185 — 187), за 9-ю дверями, съ 9-ю колокольчиками на каждой; или на морѣ островъ, на островѣ замокъ, а въ немъ прекрасная Царевна (188); то помѣщается она въ скалѣ (189). Такая дѣвица вовсе не дочь Яги; она украденная невѣста Богасолнца; вотъ по чему и освобожденіе ея сопровождается громомъ, поражающимъ Ягу (стр. 184). Подобнымъ образомъ и конь чудесный; включенный въ число сыновей бабиныхъ, есть солнце,

освобождаемое богатыремъ изъ подъ власти Яги, змѣя, врага солнца. И то и другое вытекаетъ изъ основнаго мѣта о бракѣ неба и земли, выражающемся посредствомъ дождя, какъ сѣмена; туча, змѣй, если угодно, Яга, является врагомъ солнцу препятствуетъ соединенію, и это препятствіе выражаетъ народъ въ побѣдѣ солнца змѣемъ, въ захватѣ его невесты. Съ этимъ вмѣстѣ, змѣй или Яга становятся и обладателями богатствъ, всего земнаго плодородія, которое прекращается съ покореніемъ солнца, съ наступленіемъ зимы. Теперь понятно, что съ пораженіемъ Яги родившимся солнцемъ, поставленнымъ въ сказкахъ посредствомъ богатыря, естественно должно разлиться и богатство на землю, такъ какъ благодотворяющая связь между небомъ и землей восстановлена. Такимъ образомъ, выраженіе, выписанное выше, не только не можетъ почестъся нарушающимъ симметрію, или вставнымъ въ послѣдствіи, а напротивъ, должно быть признано чистѣйшимъ остаткомъ древнѣйшаго кореннаго мѣта. Отсюда и богатыри въ сказкахъ освобождаютъ не бабину дочь, а дѣвицу, невесту, украденную Ягой, змѣемъ: и если бъ Г. Потебня не увлекался предвзятыми идеями и сравнилъ бы сказки съ сказаніями о похищеніи Царевенъ змѣями и объ освобожденіи ихъ, то не задумался бы отвергнуть кровную связь между Ягой и запертой ею дѣвицею. Отъ подробностей я удерживаюсь; для основной идеи нахожу достаточнымъ и сказаннаго.

Но Г. Потебня, слѣдуя рабски за Гольдой въ предшествоующемъ изслѣдованіи объ Ягѣ, и разъ рѣшившись утверждать двойственность ея существа, понятно, не могъ и тутъ, при объясненіи стихійнаго ея значенія, выдержать надлежащую строгость во взглядѣ на фактъ, — и вотъ у него заключеніе: «смысль сказки, можетъ быть, тотъ, что у Яги, къ которой по смерти идутъ души и изъ царства которой онѣ опять возвращаются (1) на этотъ свѣтъ, хранятся и начала всякой земной жизни» (стр. 192). Тогда какъ мысль о душахъ основана на насильственномъ разборѣ сказочныхъ и тѣсенныхъ фактовъ и на подражаніи Миеологіи Нѣмецкой, храненіе жизненныхъ началъ у Яги принадлежитъ къ числу очевидныхъ вымысловъ субъективной Г. Потебни фантазіи, совершенно противоположныхъ дѣйствительности: Яга, напротивъ, есть образъ смерти; жизнь ею крадется и прячется. По этому, в

предположеніе Г. Потебни, будто сказки о насеннѣ кѣ былъ заключаютъ мнѣю о бракѣ бабиной родечи (стр. 195), должно быть видоизмѣнено такъ: мнѣю о пораженіи врага солнца, объ освобожденіи дѣвицы и достиженіи возможности брачнаго соединенія (неба и земли). По этому, этотъ мнѣю, при перенесеніи его на землю, и обогатился множествомъ сказокъ, вошедшихъ даже и въ легенды, гдѣ, вмѣсто Яги, занимаетъ мѣсто змѣя, а вмѣсто дѣвицы-земли лучшая, обыкновенно Царская, или Княжеская, дочь; отсюда же и непозволительныя связи змѣя съ женщинами. Какъ должно понимать другихъ, такъ называемыхъ дочерей Яги, которыхъ число весьма не одинаково въ сказкахъ, есть ли они только амплификаціи народной фантазіи, или имѣютъ особый мифическій смыслъ, рѣшить не беремся, но тѣмъ настоятельнѣе возражаемъ противъ положенія автора, будто «у Яги есть сынъ, чудесный конь и золотоволосая дочь, не единственная, но затемняющая своихъ сестеръ (стр. 196).»

Такимъ образомъ, признавая стихійное значеніе Яги, видя въ ней первоначальное олицетвореніе тучи, врага свѣта, мы не отступаемъ и отъ уцѣлѣвшаго во всемъ мірѣ Славянскомъ взгляда на Ягу, какъ на существо злое, мрачное, враждебное. Г. Потебня подошелъ къ этому тоже, и очень близко, но остановиться только на такомъ хазаактерѣ Яги ему, столь упорно задававшемуся двойственностью значенія въ Ягѣ и уже поставившему тучу, въ первой статьѣ, въ родительское отношеніе къ солнцу, было не возможно, — и онъ дѣлаетъ самый неловкій скачекъ къ браку тучи: «Сказки не говорятъ ничего о бракѣ Яги, но этотъ мнѣю предполагается ими,» завершаетъ Г. Потебня (тамъ же). Иначе и быть не можетъ, по его воззрѣнію, соединившему уже бракомъ тучу съ баднякомъ и сдѣлавшему изъ нихъ родителей солнцу, т. е., Божичу; другими словами, Ягу изъ врага солнцу, препятствующаго его свѣту, ворующаго у него невѣсту, прекращающаго оплодотвореніе и жизнь земли, онъ сдѣлалъ, подъ вліяніемъ субъективнаго толкованія фактовъ и неосмотрительнаго слѣдованія за характеромъ совершенно отличной богини Гольды, матерью солнцу!

Дальнѣйшую характеристику Яги, при посредствѣ жабы, лягушки, рака, пчелы а «можетъ быть и всѣхъ насѣко-ныхъ», принадлежащихъ къ хозяйству Яги» (стр. 209), мы

опускаемъ, будучи знакомы съ нею по прежнимъ сближеніямъ мыши, вороны и другихъ.

Убѣдившись, по своему, въ бракѣ тучи-Яги и въ материнскомъ ея отношеніи къ солнцу, Г. Потембля задумалъ отыскать подтвержденіе и въ самыхъ Христіанскихъ понятіяхъ народа Славянскаго. Отъ 215 до 223 страницы, разборомъ выраженій пятница и недѣля, онъ старается доказать, что первая смѣнила языческую богиню Ягу, а послѣдняя изображаетъ собою солнце, и что отношенія между тою и другою (пятницею и недѣлею) свидѣлствуютъ, по понятіямъ народа, точно также о родственной между ними связи, какъ матери къ дочери. Уже а ргіогі можно предполагать, сколько натяжекъ должно быть въ доказательствахъ, гдѣ такъ очевидна неправда въ самомъ основаніи.

Г. Потембля начинаетъ съ того, что у Германцевъ и Романцевъ названія дней недѣли — мифическаго происхожденія, и день, соотвѣтствующій нашей пятницѣ, посвященъ богинѣ Фреѣ, а воскресенье — богинѣ солнца. Славянскія названія, хотя и не указываетъ ни на что мифическое, но повѣрья, привязанныя къ пятницѣ и недѣлѣ, говорятъ о женскихъ божествахъ, — и это имѣло вліяніе на женскій родъ самыхъ названій. Нельзя съ перваго раза не подмѣтить той легкости, съ какой относится авторъ къ предмету. По чему бы, казалось, не обратить ему вниманія на вопросъ: когда появились названія дней у Германцевъ и Романцевъ, а какъ послѣдніе заимствовали ихъ готовыми отъ Римлянъ. то и у нихъ? Отъ этого вопроса очевидный переходъ къ тому, какъ вообще дѣлилось время въ древнѣйшую пору исторіи, и не только у Германцевъ, а и у Римлянъ и Грековъ? Тогда Г. Потембля увидѣлъ бы, что а) раздѣленіе времени на семидневныя недѣли принадлежитъ лишь позднѣйшему времени исторіи Греко-Римской; б) что названія этихъ дней чисто искусственныя, оффиціальнымъ, такъ сказать, путемъ установленныя и примѣненныя къ главнѣйшимъ языческимъ божествамъ. Отсюда, ежели мы и встрѣчаемъ нѣкоторые обряды и повѣрья, связанные съ тѣмъ или другимъ днемъ, то они явились уже въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ старыхъ именъ, получившихъ техническій смыслъ. Что женаходимъ мы у Славянъ? Объ языческихъ названіяхъ дней недѣльныхъ не встрѣчаемъ и помину, или чего положительно заключаемъ, что

они и не выработались еще у нихъ, а слѣдовательно и дѣленіе времени было иное. Не сохранились они, если бы были, не могли, какъ сбереглись въ чистотѣ названія мѣсяцевъ, не смотря на вліяніе терминовъ Греко-Латинскихъ. Отсюда же съ полнымъ правомъ заключаемъ, что и недѣльное дѣленіе съ семидневнымъ расчетомъ обязано тому же Христіанству, которому обязаны и самыя названія дней недѣльныхъ. Въ этомъ случаѣ Славяне слѣдовали Грекамъ, и едва ли термины не должно приписать первымъ переводчикамъ Св. Писанія. Но какъ бы то ни было, а при такомъ условіи не мыслимо въ нашихъ названіяхъ дней предполагать какой либо намекъ на язычество; его дѣйствительно и не существуетъ при самомъ поверхностномъ взглядѣ на названія: за исключеніемъ субботы и недѣля, они всѣ числительныя, по порядку отъ воскресенья. Но утопающій хватается за соломенку, и Г. Потевня бросился на грамматическій родъ. Понедѣльникъ, вторникъ, четвертокъ мужескаго рода, по чему же пятница и недѣля женскаго? Конечно, должна же быть причина, и Г. Потевня находитъ ее въ томъ, что составлены эти слова подъ вліяніемъ языческихъ богинь. Не повторяя сказаннаго выше о времени и обстоятельствахъ, при какихъ возникли Славянскіе термины для недѣльныхъ дней, и при какихъ, знакомому съ первыми проповѣдниками, не придетъ и въ голову подозрѣвать воспоминаніе о язычествѣ, спросимъ автора: что же за побужденіе было предпочесть такимъ образомъ именно Ягу, т. е., пятницу, да недѣлю, въ которой видятъ онъ женское солнце, передъ остальными божествами? Или послѣдніе были мужчины? Но, нѣтъ; и среда женскаго рода, а вѣдь при ней трудно сослаться и на Нѣмцевъ, по тому что и у нихъ *Mittwoch* посвящена Одину, Водану, слѣдовательно, мужчннѣ. А дѣло, кажется, весьма не трудное: среда удержало женскій родъ по тому, что самое слово, среда, середина, есть женскаго; пятница же изъ первоначальнаго мужескаго рода, въ Церковно-Славянскомъ нарѣчїи (пятокъ), обратилась въ народѣ въ женской родъ всего очевидно въ силу того, что у Грековъ она слыветъ подъ именемъ *Παρασκευή*, съ которымъ неразлучно и собственное имя Святой женщины, перешедшей въ наши Святцы подъ формою Параскева. Остается недѣля. Названіе этого дня, несомнѣнно, образовалось подъ вліяніемъ Библейской заповѣди: «шесть дней дѣлай а седьмый Господу Богу твоему,» т. е.,

не работай, не дѣлай! И чѣмъ же виноватъ языкъ, если, въ своемъ словообразованіи, ему угодно было изъ отрицанія «не» и корня «дѣлай» составить существительное женскаго рода «недѣля»? Ужь и подѣ Еврейской субботой не понимали ли Славяне какого либо женскаго Божества? А, вѣдь, и суббота съ женскимъ родомъ.

Но, какъ уже извѣстно, подобнаго рода соображенія, да при томъ еще историческія, не связываютъ Г. Потебню,—и онъ рѣшительно признаетъ пятницу замѣнившюю языческую богиню, на основаніи женскаго грамматическаго рода въ словѣ. Не трудно, при охотѣ, подыскать и подтвержденіе въ народѣ. «Уже конечно, продолжаютъ онъ, не важность и не черты жизни Св. Параскевы причиной почитанія пятницы, а имя Пятница, указывавшее на языческую богиню (!?).» Да за чѣмъ же Г. Потебня опустил изъ виду хоть географію-то Славянскаго племени, ежели уже онъ такъ недоброжелателенъ къ исторіи; а географія сказала бы ему не мало. Почтеніе и уваженіе къ пятницѣ, какъ нарочно, сосредоточивается именно въ той мѣстности, гдѣ ближе могла вліять Греческая Параскева, у Сербовъ и Болгаръ, ближайшихъ сосѣдей Греческихъ; чѣмъ дальше на Сѣверъ, тѣмъ меньше почиту и Пятницѣ, а на Западѣ, въ земляхъ Католическихъ и Протестантскихъ, она и ни чѣмъ не отдичается отъ другихъ будничныхъ дней. Даже въ Россіи, на сѣверѣ, понедѣльникъ, на примѣръ, въ жизни народной значитъ гораздо больше. Такой географическій фактъ даже одинъ покрѣпче долженъ казаться произвольнаго и натянутаго предположенія; изъ за него одного придется оставить языческую богиню, да еще Ягу, и перенестись въ дѣйствительность, т. е., къ Св. той Параскевѣ, уваженіе къ которой, черезъ Грековъ, перешло у Сербовъ и Болгаръ на Св. Петку, а черезъ послѣднихъ перешло и въ самую Русь.

Пойдемъ, однако же, дальше за Г. Потебней. Въ чемъ же выразилось особое уваженіе къ Пятницѣ у Православныхъ Славянъ? «Въ Сербской пѣснѣ она помѣщается рядомъ съ Богомъ,» говоритъ авторъ: «Убіо га Богъ и Света Петка!» Напрасно же Г. Потебня, преслѣдуя глазами Петку, не замѣчалъ въ Сербо-Болгарской народной литературѣ обиліе другихъ Святыхъ, поставляемыхъ также

вмѣстѣ съ Богомъ. Впрочемъ, подобныя доказательства не нужны въ опроверженіяхъ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно церкви во имя Св. Пятницы, число которыхъ такъ велико у Сербовъ и Болгаръ, равно и объ обѣднѣхъ пятницахъ у Юго-Славянъ. Но они окончательно убѣдили Г. Потебни, что пятница непременно есть языческая богиня; имя же въ головѣ и имя этой богини, онъ теперь только хочетъ подыскать что либо таковое въ почитаніи пятницы, чтобы, въ глазахъ читателя, могло служить хотя кажущимся оправданіемъ скачка къ Ягѣ-Бабѣ.

«Интересно знать, нѣтъ ли гдѣ криницъ, посвященныхъ Св. Пятницѣ,» продолжаетъ онъ вкрадчиво, и, разумѣется, въ безчисленной массѣ колодцевъ и криницъ, связанныхъ у народа съ тѣмъ или другимъ Святымъ, или Святою, отыскиваетъ въ Аккерманѣ (!) дѣйствительно криницу, образованную, по повѣрью, «Параскою, родомъ изъ Польши, бѣжавшею изъ гарема Паши отъ погона Турецкаго и разсыпавшеюся чистою криницей» (стр. 216). И такъ, для криницы Св. Пятницы пришлось броситься въ Аккерманъ и привязать къ ней имя Парасковьи, подонянки Турецкой, быть можетъ, и дѣйствительно бѣжавшей отъ Паши, а по тому, быть можетъ, и недавно лишь связанной съ колодцемъ. Въ бытность мою въ Чешскомъ городѣ Ченомукъ, въ 1860 году, показывали мнѣ криницу, будто бы образованную отъ стопы св. Войтѣха (Епископа Држскаго X вѣка): нельзя ли какъ ни будь и ее отнести къ Бабѣ-Ягѣ? Мы ни мало не думаемъ отрицать связи колодцевъ, источниковъ и т. д., съ язычествомъ въ вѣрованіяхъ народныхъ; но вопросъ идетъ о томъ, гдѣ же основаніе заключать отъ Св. Параскевы къ Ягѣ? Но извинимъ автора; ему, въ самомъ дѣлѣ, необходимо соединить эту Святую съ криницей, ибо только въ такомъ случаѣ придется подтвердить стилизованное, водное, значеніе той богини, которая сдѣлалась Св. Цеткою, — а Яга именно водная, облачная богиня, по послѣднему заключенію Г. Потебни.

Объ отношеніи Пятницы ко льну и къ работамъ женскимъ. нечего и говорить: припомнимъ только, что день Св. Параскевы приходится 28-го Октября, къ порѣ обработки льна, и намъ слѣдовало бы удивляться, если бы, переполненный повѣрьями и суевѣрьями, народъ Славянскій не сблизилъ этой Святой съ важнѣйшею женскою работою. Это же самое обстоятельство, праздни-

ваніе памяти Св. Параскевы 28-го Октября освобождаетъ насъ отъ опроверженія слѣдующей мысли Г. Потевни, будто покровительствомъ бракашъ, оно предлагаетъ новое доказательство связи съ Ягой. Мы уже видѣли, что и Св. Покрову авторъ перенесъ на языческую богиню; но что сказано нами въ томъ случаѣ, съ одинаковымъ значеніемъ должно быть повторено и здѣсь.

Но вотъ бѣда: рассказывая объ отношеніи Пятницы къ пряденю и тканью, Г. Потевня наткнулся на народные повѣрья, въ которыхъ, вмѣсто пятницы, упоминается только среда (стр. 217—218). Какъ тутъ быть? Поступая логично, слѣдовало бы предположить другую богиню у языческихъ Славянъ; но передъ глазами стоитъ съ угрозой Воданъ Нѣмецкой Миеологіи, и хотя у Славянъ не должно бы было отнимать права и на какую либо собственную особенность въ своей-то Миеологіи, но Г. Потевня испугался этой угрозы и порѣшилъ прощѣ. «Средою могла быть замѣнена одна изъ двухъ небесныхъ женъ, имѣющихъ отношеніе къ днямъ недѣли, т. е., Пятница, или Недѣля. По крайней мѣрѣ, третьей мы не знаемъ (а двухъ знаемъ?). Но лицо, тождественное, какъ предполагаемъ, съ Недѣлею, представляется не пожилою женщиной (сколькихъ приблизительно лѣтъ?), а дѣвицею. По этому, Средою названа здѣсь скорѣе Пятница (стр. 219)».

Однако же, какъ видѣли, Яга имѣетъ отношеніе и къ смерти; слѣдуетъ открыть что ни будь подходящее и въ Пятницѣ. Дѣйствительно, женщины не мыкаютъ мычекъ и не прядутъ пряжи въ Пятницу изъ уваженія къ усопшимъ родителямъ, чтобы не засорить имъ глаза кострикою.» За этимъ приводятся и Французы, и Нѣмцы, и Раскольники и Старовѣрцы, съ обрѣзываньемъ своихъ ногтей. Но гдѣ же доказательство, что мотивъ, по чему женщины не мыкаютъ мычекъ и не прядутъ пряжи, не есть позднѣйшая фантазія народа? По чему же, дальше, женщины не могутъ уважать Пятницы и не производить этѣхъ работъ ради Св. Параскевы, память которой относится именно ко времени уборки льна? За чѣмъ тутъ еще языческую богиню, и непременно Ягу, какъ, между прочимъ, образъ смерти? Но дѣло вотъ въ чемъ: по чему Г. Потевня, пользующійся очень часто лексиконами, какъ важнѣйшимъ матеріаломъ въ своихъ работахъ, упустилъ изъ виду въ настоя-

идеть случай какой ни будь лексиконъ Хорутанскій? Увѣряемъ его, что справка съ лексикономъ охладила бы его пристрастное сочувствіе къ Бабѣ-Ягѣ. Тамъ бы онъ увидѣлъ, что Пятница у Хорутанъ называется Живиннымъ днемъ. Мы увѣрены, что такой терминъ образовался подъ влияніемъ Нѣмцевъ; но тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ убѣдительно о пониманіи народомъ Пятницы: это день Живы, богини жизни, а не день смерти, что рѣшается выводить цѣлою лѣстницею догадокъ Г. Потебня.

Благоразумно поступилъ Г. Потебня, что не распространился особенно объ уваженіи Славянами Недѣли (т. е., Воскресенья). Въ самомъ дѣлѣ, это было бы излишне относительно каждаго Христіанскаго народа, который въ этотъ день чтитъ Воскресеніе Спасителя. За то читатель невольно посѣтуетъ на автора за короткость объясненія отношеній между Пятницей и Недѣлей, равно и за быстроту вывода, будто Пятница и Недѣля стоятъ другъ къ другу, какъ мать къ дочери, и при томъ не въ силу какого либо свободнаго и узко мѣстнаго родословія народнаго, а въ слѣдствіе мнѣмческаго родства, развивавшагося по связи Христіанскихъ терминновъ съ язычествомъ. Но Г. Потебня ни какъ не въ силахъ допустить, что выраженіе Сербское: «Света Петка недѣліна matka» образовалось въ періодъ Христіанства, очень естественнымъ путемъ, въ силу представленія Пятницы женщиной, при посредствѣ Св. Параскевы; въ его глазахъ, это очевидный фактъ для языческаго родословія, а отсюда готовъ и выводъ: «Пятница есть Яга; Воскресенье (у Нѣмцевъ) есть день солнца, а по тому и Славянская Недѣля есть солнце» (стр. 222). Сопоставленіе кое-гдѣ и кое въ чемъ Среды, Пятницы и Недѣли съ мнѣмческими существами язычества, выражено уже Г. Буслаевымъ (Истор. Очерк. Рус. Нар. Поэзіи, I, 323 — 324); но общія мысли послѣдняго, съ которыми до извѣстной степени, можно и согласиться, подъ перомъ Г. Потебни приняли самые не дѣйствительные размѣры въ подробностяхъ. Какъ бы то ни было, но не худо уже опредѣлить и отца солнцу; Индійскій мифъ, впрочемъ, поможетъ и этому. Въ силу этого мифа, отцемъ солнца считается Савитаръ; «но кромѣ божества, соотвѣтствующаго Савитару, развившагося изъ него, мы не находимъ другаго мужа для Яги. Изъ всего этого вѣроятно, что отецъ солнца и мужъ

Ягъ одно лице, и что Яга — мать солнца» (стр. 223). И такъ, въ концѣ второй статьи, мы очутились тамъ же, гдѣ остановились въ концѣ первой, т. е., на происхожденіи солнца; адѣсь только точнѣе опредѣлили богиню тучи, открывши ее въ Ягѣ, да приблизили бадняка къ Индійскому Савитару. Въ концѣ концовъ долженъ быть таковъ выводъ: божичъ, т. е., солнце, есть сынъ бадняка грома, Индійскаго Савитара, и матери тучи, т. е., Яги, жены Савитара. Но вотъ вопросъ: вѣдь божичъ, конечно, мужчина, между тѣмъ какъ Недѣля, соотвѣтствующая ему, въ женскомъ родѣ и предполагаетъ женщину. Надобно отстранить и это неудобство, что, впрочемъ, при богатствѣ и развитости Германской и Индійской Мифологій, да при свободномъ взглядѣ на матеріалъ Славянскій, не такъ и трудно.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ первой статьѣ мы и видѣли указанія на мужское существо солнца, то изъ этого вовсе не должно непременно слѣдовать, чтобы солнце не имѣло и женскаго существа. Терминъ Недѣля, очевидно, предполагаетъ его, а Германская и Индійская Мифологій подтверждаютъ это: Савитаръ есть отецъ солнца—невѣсты; къ тому же Литовцы оберегли мѣсяцъ о брава мѣсяца (мужчины) и солнца (женщины)—и всякое сомнѣніе должно исчезнуть. Однако же, сомнѣніе возможно, такъ какъ Славянскія данныя до сихъ поръ ни чего не говорили о женственности солнца, и послѣдняя только предполагается на крайне шаткомъ основаніи женскаго рода Недѣли. Г. Потенба, видно, сознавалъ это самъ, и постѣснялся слишкомъ уже явно натягивать на Славянъ мифическую одежду Нѣмцевъ, Индійцевъ и Литовцевъ, а по тому и поспѣшилъ распространяться о другихъ доказательствахъ, будто бы подтверждающихъ женское существо солнца и у первыхъ. Остановимся и на нихъ.

Во первыхъ, авторъ обращается къ самому слову солнце, П. Слав. слъньце, и утверждаетъ, «что форма его указываетъ на слънь, откуда нар. посолонь, что женскаго рода»; но гдѣ же доказательства, что предполагаемая тема слънь ро да женскаго? Развѣ она не можетъ съ одинаковымъ правомъ быть и мужскаго, и послѣдняго тѣмъ скорѣе, чѣмъ ближе къ нему средній родъ? Напрасно позволяеть себѣ авторъ бросаться въ такія уклоненія и допускать при томъ измѣненіе факта (усолонь).

Во вторыхъ, «Коляда рисуется народомъ дѣвицей». Но во а) народъ можетъ, воленъ придать самый разнообразный характеръ и костюмъ колядѣ; во б) изъ приведенныхъ выраженій вовсе не видно, чтобы она была дѣвицей. Да и самъ Г. Потебня говоритъ, что по наряду она представляется женщиной, а мы скажемъ, что женщиной она рисуется по тому, что коляда, чуждаго происхожденія слово, перешло въ Славянскій языкъ въ женскомъ родѣ. Слѣдовательно, здѣсь грамматическая форма имѣла вліяніе на представленіе, а не наоборотъ.

Въ третьихъ, «о женственности солнца свидѣтельствуетъ и на-сѣкомое солнышко». Но Великор. солнышко, Малор. сонечко, Чеш. slunisko, Словац. veerunko, veverunko—всѣ средняго рода. Что же тутъ дѣлать? Г. Потебня бросился на Сербское бабе, и отиѣтилъ, что хотя окончаніе въ этомъ словѣ и е, но все такъ женскій родъ въ немъ сохранился. Странно, что приходится указывать Г. Потебнѣ на Сербскую грамматику: окончаніе е въ Сербскомъ нарѣчій обыкновенное какъ для мужскаго, такъ и для женскаго рода, особенно для выраженія ласки, нѣжности; мужскаго Раде, Васое, женскаго Ане, Манделе, селе и т. д. Но ежели въ одномъ Сербскомъ нарѣчій солнышко выражается женскимъ родомъ бабе, то въ Хорутанскомъ оно божій волекъ. И какъ же выводить-то отсюда женскость солнца?

Въ четвертыхъ, «милосердіе болѣе сродно женскому полу; а солнце представляется милосердымъ». Пожалуй; но милосердіе не противорѣчитъ и мужскому полу; приведенныя же свидѣтельства изъ Чешскихъ и Сербскихъ пѣсенъ ни однимъ намекомъ не говорятъ о женственности (стр. 225). Правда, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ солнце является символомъ хозяйки, а мѣсяцъ—хозяйина. Но неужели же народъ не можетъ, въ данномъ случаѣ, дѣлать сравненія свободно, подъ вліяніемъ спеціальныхъ впечатлѣній, внѣ зависимости отъ миеовъ? Вѣдь сравниваетъ же онъ солнце съ быкомъ (см. стр. 26), съ короваемъ, который, по Г. Потебнѣ, есть женихъ, слѣдовательно мужчина (стр. 53 — 55)? Въ свою очередь, Болгары, не задумываясь, сопоставляютъ луну съ коровой, которую доятъ магесницы (стр. 290). Но мы не прочь допустить и вліяніе Литовскаго повѣрья, въ силу котораго солнце есть жена мѣсяца, ходя и ни какъ не въ силахъ согласиться что-

бы такое вѣрованіе было кореннымъ. Г. Потенія, на его основаніи, положительно, однако же, увѣрять, что

Въ пятыхъ, мѣсяцъ и въ языкѣ и въ пѣсняхъ представляется только мужчиной, и указываетъ на Славянское мѣсяць, Скр. чандрамас, Лит. mėnu, Сканд. máni. Исключенія, прибавляетъ онъ, незначительны (прим. 282). Позволимъ себѣ остановиться. Въ Греческомъ языкѣ мѣсяцъ имѣеть, какъ извѣстно, особое названіе, и женскаго рода, *σελήνη*, въ Латинскомъ точно также, *luna*; отсюда, во всемъ огромномъ Пеласгическомъ племени мѣсяцъ является женщиной, — и это, по рѣшенію Г. Потенія, незначительное исключеніе! Но этого мало. Какъ можно пропустить Греческое и Латинское выраженія и не вникнуть пристальнѣе въ коренное значеніе терминовъ Скр., Слав. и Германскаго языковъ? Ежели первыя указали бы ему прямо на дѣйствительную множественность, то послѣднія представили бы просто техническій терминъ, не болѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, названія: мѣсяць, mėnu, máni, не имѣютъ мы вовсе права относить къ кореннымъ названіямъ множественнымъ. Значеніе этихъ выраженій основано на позднѣйшемъ, сравнительно, свойствѣ мѣсяца — измѣрять время, отъ та — *metiri*, мѣрять. Вотъ по чему, и Греческое *μήν*, и Лат. *mensis*, употребляются какъ термины опредѣленнаго пространства времени. И ежели у Грековъ и у Римлянъ сбереглось особое множественное выраженіе для мѣсяца, мы смѣло можемъ предполагать, что оно было и у другихъ народовъ Аріійскихъ, и только вытѣснено со временемъ техническимъ терминомъ, заимствовавшимъ свой смыслъ отъ мѣсяца, какъ предмета измѣряющаго, опредѣляющаго время. Санскритское чандрамас идетъ сюда же, по отсутствію въ немъ множественности въ значеніи; оно значитъ: измѣряющій свѣтъ, или свѣтило измѣряющее. Мы поражены рѣшимостью Г. Потенія дѣлать заключеніе, отъ Польскаго *księżyc* къ словопроизводству чандрамас, отъ раджа: читатель въ такомъ производствѣ, противъ воли, вынужденъ видѣть сильную долю чаромутья. Чанд, чад, значитъ свѣтить; чанда и чандра являются и въ простомъ видѣ, въ смыслѣ мѣсяца. Славянское мѣсяць и Лит. mėnu (*mėnesis*), быть можетъ, черезъ Латинское *mensis*, происходятъ отъ того же корня *mā*. Древ-

ніе Арійцы, всѣ безъ исключенія, имѣли мѣсяцы лунные и счетъ времени производили по ночамъ (Pictet, *Les origines Inproeuropéennes*, Part. 2, 1863, pag. 588). Литовцы сохранили этотъ счетъ долгое время и въ историческую пору, въ чемъ можно убѣдиться, прочитавши статью Г. Гусева (Древній Литовскій календарь, V томъ «Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества»).

На оборотъ, и самое солнце явилось въ женскомъ родѣ только въ Литовскомъ да въ позднемъ Германскомъ; мужскаго рода оно не только въ Пеласгическомъ племени, но и въ Германскомъ Древнемъ и въ Санскритѣ (Греч. ἥλιος, Лат. sol, Гот. sanil—все мужескіе роды. Совѣтуемъ Г. Потební прочесть 668—669 страницы указаннаго выше сочиненія Пикте; тамъ онъ увидитъ, что выраженія Нѣмецкія для солнца, въ женскомъ родѣ, обязаны просто порчѣ языка. Излишне отважно и утверженіе автора, что Скр sūrjā есть солнце. Санскритское сур, сура и сūrja, — господствующіе термины для солнца, какъ свѣтила, исключительно мужскаго рода. Что же касается до сūrjā Г. Потębни, какъ невѣсты Савитара, то это послѣдствіе лишь дальнѣйшаго развѣтвленія мѣся, и не является въ значеніи солнца. А для убѣжденія болѣе прочнаго, что и самъ Савитаръ есть богъ солнца, солнце, слѣд., тоже мужчина, совѣтуемъ пробѣжать § 388 сочиненія Пикте. Языкъ, такимъ образомъ, приводитъ насъ къ обратному заключенію, что солнце — мужчина, а мѣсяць — женщина; что претворится мѣсяць въ мужчину могъ въ послѣдствіи, когда онъ сдѣлался изобрѣтателемъ времени; что тогда истребилось изъ памяти и мѣсяческое выраженіе для него, уцѣлѣвшее у Грековъ и Римлянъ. Какъ путается авторъ самъ съ собою, и какъ рѣшаетъ онъ произвольно, вопреки даже предвзятой своей системѣ, видно изъ слѣдующаго. Утверждая, что въ пѣсенномъ выраженіи Малор. «мѣсяць перекрой» заключается указаніе на его раздробленіе, согласно Литовскому повѣрью, за невѣрность женѣ (солнцу), Г. Потębня прибавляетъ, что «сравненіе, въ которомъ встрѣтилъ онъ это названіе, очевидно позднее (II), безъ соблюденія грамматическаго рода» (стр. 228—229). Какое же это сравненіе? Весьма неудобное для Г. Потębни: мѣсяць сравнивается ни болѣе, ни менѣе, какъ съ дѣвщцей. А между тѣмъ, подобныя сравненія служатъ для автора вообще самымъ прочнымъ основаніемъ для выводовъ; на

ниже основано и все сочинение «О некоторых символахъ въ Славянской поэзи.» Но здѣсь онъ отстранилъ его прочь, не тому, что необходимо вытянуть мѣсяцъ въ мужья солнцу, чтобы тѣмъ самымъ сдѣлать солнце женщиной.

Въ шестыхъ, «бракъ мѣсяца и солнца доказывается Сербскою пѣснью» (229—230). Но въ пѣсни говорится лишь о служеніи дѣвщцы солнцу и мѣсяцу; о взаимныхъ же отношеніяхъ ихъ нѣтъ и помину. Авторъ ухватился и за другую Сербскую пѣсню, но и въ ней дѣло идетъ о Божьей Матери, которая вовсе не нуждается въ возведеніи въ мѣсяцъ.

И такъ, сводя все къ общему итогу относительно родословія Яги и солнца, что же видимъ? Что это оригинальное родословіе выведено единственно изъ женскаго рода Пятница и Недѣля, изъ предположенія, что Пятница замѣняетъ языческую богиню, а Недѣля заключаетъ въ себѣ идею солнца; что эта идея, въ настоящемъ случаѣ, указываетъ на женскую природу солнца, объясняемую неудачнымъ вдавленіемъ миенческаго вѣрованія Литовцевъ въ Славянской Мифологіи и несоотвѣтственными въ наукѣ натяжками, при толкованіи смысла въ выраженіяхъ для мѣсяца и солнца.

Въ третьей статьѣ, послѣдней заглавіе: «Змѣя, Волкъ, Вѣдьма» находится гораздо менѣе общихъ выводовъ и больше частныхъ заключеній, изъ непосредственно предложенныхъ фактовъ. Вотъ, по чему, и мы остановимся на ней короче, отдавши полную справедливость автору, что кончаемъ своею изслѣдованіемъ онъ заготовилъ подробный матеріалъ для критической его обработки. Мифическое значеніе упомянутыхъ въ оглавленіи понятій болѣе, менѣе уже определено; Г. Потенія, говоря вообще, не возражаетъ противъ такого опредѣленія, а по тому мы и коснемся тѣхъ частныхъ объясненій, которыя кажутся намъ или неточными, или сомнительными, или прямо неверными.

Г. Потенія начинаетъ третью статью отъ заявленія: а) ошибки тѣхъ, кто считаетъ змѣя за громовое божество; б) отъ доказательствъ связи змѣя съ водою. Въ томъ и другомъ случаѣ мы

согласны съ авторомъ, но не можемъ не замѣтить, что, съ одной стороны, отождествленіе змѣя съ богомъ грома встрѣчается и въ книгѣ Г. Потебни: такъ, на стр. 236, авторъ прямо утверждаетъ борьбу громоваго бога змѣя, отождествляя ее съ враждою солнца и змѣя, хотя, на стр. 303, змѣй, напротивъ, представляется враждебнымъ громовому божеству; съ другой стороны, указанныя доказательства связи змѣя съ водою, какъ ни очевидна она вообще, крайне неубѣдительны въ разсматриваемомъ сочиненіи. Г. Потебня доказываетъ ее, во первыхъ, Словацкою сказкою; но самъ же онъ говоритъ объ этой сказкѣ, что она, можетъ быть, не народная и только не дурно выдуманная; во вторыхъ, Сербскимъ повѣремъ объ алѣ (т. е., змѣѣ), что она «има особиту духовну силу, те лети и води облаке и градъ наводи на лѣтину». Любопытно знать, что разумѣетъ авторъ подъ «води облаке»; изъ разбивки, которой напечатаны два эти слова, можно догадываться, что онъ понимаетъ ихъ въ смыслѣ «водныхъ облаковъ». Но «води,» въ данномъ случаѣ, не имѣетъ ни чего общаго съ водою, и есть глаголь «водити,» а, слѣдовательно, и нѣтъ очевидной связи алы съ водою. Что касается, въ третьихъ, до Сербскаго же выраженія «ало несита,» то эпитетъ «неситъ» относится вообще къ ѣдѣ.

Отождествленіе змѣя съ облачнымъ существомъ ведетъ автора къ сближенію его съ бочкой, сосудомъ (237—38). Оправданіе находитъ онъ въ Греческомъ и Индійскомъ миеахъ, а также въ представленіи Нѣмецкой Гольды. Но развитая Греческая и Индійская Миеология, полагаемъ, только тогда даетъ право на доказательство изъ нея, когда близость къ ней Славянскаго миеа подтверждается, по крайней мѣрѣ, въ общихъ главныхъ чертахъ; а между тѣмъ, отношеніе Греческаго Каанеа или Индійскаго Кабандга къ нашему змѣю,—дѣло вовсе не рѣшенное ни кѣмъ, и Г. Потебня позволяетъ себѣ только предполагать его. Что же касается до представленія Нѣмецкой Гольды, то сомнѣніе въ сближеніи ея съ змѣемъ еще положительнѣе; самъ авторъ отрицаетъ его, и только хватается за облачное происхожденіе Гольды. Но характеръ ея, какъ мы видѣли, противоположенъ змѣю, какъ свѣтъ противоположенъ мраку, и было бы нелогично выводить ту, или другую, характеристичную черту въ змѣѣ, совершенно темную и

въ немъ вовсе не видную, отъ качествъ много, совершенно противоположнаго, существа. Русскія же выраженія: «дождь какъ изъ ведра,» или: «иди дощику... цебромъ, ведромъ, дойницею!» скорѣе предлагаютъ простое уподобленіе и вовсе не говорятъ о представленіи змѣя, какъ тучи, сосудомъ, или бочкой.

На стр. 238, въ заключеніе разбора Сербской сказки о змѣѣ Троянѣ, Г. Потевня позволяетъ себѣ сдѣлать догадку, что змѣя врагъ носитъ имя историческаго врага (кому?) Императора Траяна, и основывается на томъ, что и Діоклитіянъ въ Задунайскихъ повѣрьяхъ представляется змѣемъ или, по позднѣйшему пониманію, чортомъ. Сзѣемъ думать, что основаніе объ историчности Траяна слишкомъ шаткое, и напрасно авторъ не отнесся внимательнѣе къ прекрасному объясненію этой сказки, равно и имени Траяна, Г. Буслаевымъ, позволившимъ себѣ, и вполне справедливо, видѣть въ немъ характеръ исключительно мнѣической, безъ всякаго отношенія къ Римскому Императору. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Траяна и Діоклитіяна въ мірѣ Юго-Славянскомъ такъ различно, что едва ли можетъ быть право дѣлать заключеніе отъ одного къ другому. Діоклитіянъ жилъ позже, происходилъ изъ стороны, весьма вѣроятно, и въ его время имѣвшей уже народонаселеніе Славянское, именно изъ Далмаціи; область, названная по его имени, Діоклея, Дукля, сдѣлалась областью Славянскою, сохранилось въ ней не мало и вещественныхъ памятниковъ, прямо напоминающихъ о Діоклитіянѣ, и преданья, слѣдовательно, о немъ у Славянъ могли переходить непосредственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Между тѣмъ Траянъ, какъ личность историческая, является отрѣшеннымъ отъ Славянъ, и развѣ одинъ терминъ «Траяновъ валъ» въ состояніи былъ пропустить въ народную словесность имя его, но опять уже не какъ лица историческаго.

Разборъ сказокъ (отъ 241 до 274 стр.), изображающихъ борьбу богатырей со змѣемъ, изъ за украденныхъ послѣднимъ Царевнѣ, важенъ въ томъ отношеніи, что онъ еще яснѣе подтверждаетъ наше заключеніе о сказкахъ о такъ называемыхъ бабиныхъ дочеряхъ и о пасеняхъ бабиныхъ кобылъ. Намъ кажется только, что авторъ совершенно напрасно отдѣлялъ другъ отъ друга оба рода сказокъ, по тому что, и по его воззрѣнію, они выражаютъ одно и то же, и точно также относятся къ Бабѣ-Ягѣ,

только смѣненной змѣемъ, который, однако же, совершенно справедливо отождествленъ и Г. Потемней съ Бабой-Ягой. Въ этѣхъ сказкахъ гораздо уже положительнѣе отрицается родственная связь Царевенъ съ Ягою и нагляднѣе изображается враждебность ихъ къ ней, какъ къ насильственно задерживающей ихъ у себя; въ свою очередь, рѣшительнѣе высказывается и значеніе ихъ относительно солнца и богатырей, замѣняющихъ громовую силу, поражающую змѣя или Ягу, въ борьбѣ за Царевенъ. Онѣ въ сказкахъ, мнимыя дочери Яги, представляются прямо похищенными змѣемъ; ихъ надобно освободить, и въ этомъ освобожденіи онѣ сами принимаютъ живое участіе. Такъ, Сученко освобождаетъ Царевенъ (256); Локтибрада показываетъ путь къ Царевнамъ, унесеннымъ змѣями (257); богатырь убиваетъ змѣя и освобождаетъ похищенныхъ имъ Царевенъ (264); Голикъ освобождаетъ Царевну отъ змѣя (266); по этому же самому дѣду (прировненный Г. Потемнею къ Бабѣ-Ягѣ), усиленный Сученкомъ, откупается отъ него чудесными конями, которые выносятъ Сученка на свѣтъ. Кони же соотвѣтствуютъ богу свѣта (стр. 256) и вполнѣ естественно могутъ замѣнить собою Царевенъ другихъ сказокъ, по тому что мифъ о богѣ-свѣтѣ, по отношенію къ врагу-змѣю, не раздѣленъ отъ дѣвицы съ символическимъ оплодотвореніемъ въ видѣ дождя, задерживаемымъ змѣемъ. Вотъ по чему змѣй, похищая Царевенъ, похищаетъ и коня съ солнцемъ на лбу, отъ чего настаютъ тьма, зима (258). Прозрачность и убѣдительность этѣхъ сказокъ побудили Г. Потемню, при равенствѣ змѣя Ягѣ, сдѣлать такое заключеніе: «Яга есть грозная богиня зимы; ея отношенія къ дочерямъ (?) дѣвицамъ (водамъ, быть можетъ, солнцу дѣвицѣ) и ихъ освободителю, враждебны, какъ и отношенія змѣя (стр. 254)». Устранивши понятіе о дочеряхъ, и мы ничего не можемъ сказать противъ такого заключенія. Но Г. Потемня выше уже порѣшилъ о двойственномъ характерѣ Яги; надобно поддержать ему прежній выводъ, и тутъ, какъ ни очевидна его несостоятельность, и вотъ онъ утверждаетъ, что «Яга первоначально тождественна съ тѣми красавицами, которыхъ освобождаетъ богатырь отъ змѣя, и только съ теченіемъ времени, съ перемѣной климата прародины Славянъ на теперешній суровый, она стала грозною богинею зимы (тамъ же)». Предположеніе, лишенное всякихъ основаній въ Славянскихъ мифахъ и ни чѣмъ не оправдываемое въ Мифологіи

родственныхъ народовъ. Яга, какъ змѣй, туча, является только врагомъ свѣту, равно и его дѣвицамъ, изображающимъ невестъ, и какъ же можетъ быть она сама этой дѣвицей, или невестой? напротивъ, существенная черта ея враждебность, выражающаяся въ похищеніи этѣхъ дѣвиць. Въ такомъ только видѣ является змѣй и въ мнѣическихъ представленіяхъ другихъ народовъ, и намъ рѣшительно непонятно, какое значеніе можетъ тутъ имѣть перемена климата. «Сколько извѣстно, говоритъ Г. Потення, туча всегда представлялась обителью душъ; но туча-Яга-смерть, отождествившись съ зимою, измѣнила, конечно, характеръ къ худшему (стр. 254—55)». Представленіе тучи обителью душъ не доказано ни чѣмъ въ Славянской Миеологіи; приравненіе же тучи къ зимѣ есть явная натяжка автора: зима есть только время силы и господства существа, враждебнаго солнцу, и это одинаково относится какъ къ Славянамъ, такъ и къ другимъ народамъ Аріійскимъ, хотя бы качества зимы и были у нихъ не одинаковы.

Нельзя согласиться и съ пониманіемъ автора сказочныхъ богатырей. Сопоставляя ихъ съ Индромъ, что считаемъ основательнымъ, онъ ставитъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ сыновное отношеніе къ Бабѣ-Ягѣ, чего рѣшительно не возможно допустить по тѣмъ соображеніямъ объ отношеніи свѣта къ тучѣ, змѣю, какія выражены нами выше. Да и чѣмъ доказывается въ разсматриваемомъ разсужденіи сыновность богатырей относительно Яги? Тѣмъ же шаткимъ и оригинальнымъ способомъ, посредствомъ какого выводится родство и тождество сороки, вороны и т. д. съ Ягой. Такъ, богатыри рождаются отъ съѣденнаго куска рыбы; иногда рыба эта въ сказкахъ называется щукой, которая, по предположенію Г. Потенни, вѣроятно, одинъ изъ образовъ Яги-тучи. Отсюда, Иванъ Кобылицъ есть Индръ, сынъ небесныхъ водъ, т. е., Яги (стр. 244). Но какъ богатырь не Кобылицъ только, а и Сучичъ, Быковичъ, Кошкинъ, Котигорошекъ, то отыскивается и ихъ сближеніе съ Индромъ и происхожденіе отъ той же Яги. Громовое свойство Быковича доказывается, въ глазахъ автора, тѣмъ, что туча представляется коровою, а рожденный ею Индръ—быкомъ; къ сожалѣнію, на все это нѣтъ ни малѣйшаго подтвержденія въ Славянской Миеологіи. Кошкинъ ставится въ связь съ Ягой потому, что кошка есть образъ Яги; но и это отношеніе кошки къ

Ягѣ, какъ замѣчено нами, обязано больше личному взгляду автора; Сучичъ объясняется вѣтромъ, который представляется, въ Индійской Миеологіи, охотничьей собакой Индра. Не говоря уже о томъ, что столь разнообразная предметами Миеологія Индійская, связавшая ихъ въ одну систему въ теченіи многихъ вѣковъ, большею частью внѣ совмѣстной жизни Арійцевъ, способна по тому самому указать всегда на какое-либо сходство съ мелочными фактами Славянскихъ повѣрій, суевѣрій и терминовъ, возникшихъ совершенно другимъ путемъ, мы замѣтимъ одно, что въ такомъ случаѣ Сучичъ скорѣе бы указывалъ на вѣтеръ, нежели на тучу; но для Г. Потевни достаточно названія Сучичъ и вѣроятнаго отношенія его къ Индру, чтобы заключить о представленіи тучи сукой (стр. 245). Еще натянутое сужденіе о Котигорошкѣ. Этимъ именемъ, рѣшаетъ Г. Потевня, указывается на Перуна, ибо (!?) у Нѣмцевъ горохъ посвященъ Тору-Донару. Для большей убѣдительности, онъ усиливается сблизить горохъ съ Четвергомъ, какъ днемъ, посвященнымъ у тѣхъ же Нѣмцевъ Тору, и въ подтвержденіе приводитъ Чешское повѣрье, въ силу котораго слѣдуетъ сѣять горохъ въ Зеленый Четвергъ. Но во а) доказывать сходство съ Нѣмецкимъ обычаемъ, или вѣрованіемъ у Славянъ посредствомъ Чеховъ, однихъ, довольно поспѣшно, такъ какъ нельзя почестъ не основательнымъ подозрѣніе, не перешло ли то или другое повѣрье къ Чехамъ отъ Нѣмцевъ, а о другихъ Славянахъ авторъ не говоритъ ни одного звука; во б) къ одному ли гороху относится повѣрье, касательно Зеленаго Четверга, и въ в) не скорѣе ли относится связь гороха къ эпитету «зеленый», чѣмъ къ Четвергу. Наконецъ, Славянская Миеологія ни чѣмъ не указываетъ на посвященіе Четверга Перуну, подобно Нѣмцамъ. Кромѣ того, если у послѣднихъ горохъ напоминаетъ своимъ видомъ объ оружіи Тора, представлявшимся шаромъ, то Славянская стрѣла, оружіе Перуна, не предлагаетъ сходства съ горохомъ. Между тѣмъ Г. Потевня смѣло дѣлаетъ выводъ: «рожденный отъ горошины долженъ быть сынъ громоваго божества» (стр. 245).

На стр. 249, овцы, на ряду съ коровами, являются изображающими собою въ сказкахъ облако. Что облака, дѣйствительно, представляются въ видѣ коровъ,—это такъ; но чтобы то же значеніе имѣли и овцы, сомнительно. И самъ Г. Потевня, на стр.

290, утверждаетъ, что коровы изображаютъ облака, а овцы — звѣзды.

Опуская подробности объ отношеніи змѣя къ женщинамъ и о плотской любви перваго къ послѣдней, равно и о родствѣ молока съ кровью (стр. 274—277); не останавливаясь и на понятіи автора о принесеніи богатства змѣемъ, изъ чего онъ, конечно, заключаетъ о двойственности и змѣя, какъ тождественнаго съ Ягою, (стр. 277), и что достаточно опровергнуто нами выше, выскажемъ замѣчаніе на мнѣніе Г. Потебни о вѣдьмѣ.

На стр. 257—288, онъ утверждаетъ, что характеръ вѣдьмы, зловредный для человѣка, обязанъ не Христіанскому вліянію; что она демоническое существо и до Христіанства. Едва ли безъ ограниченій можно согласиться съ этимъ. Вѣдьма, вѣдунъ, вѣщій, знахарь—слова, не заключающія въ себѣ ни чего дурнаго; не стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ добрымъ характеромъ и нынѣшнее народное понятіе о вѣдьмѣ и знахарѣ. И вѣдьма до Христіанства не только могла, но и должна была, по коренному смыслу своего названія, имѣть доброе значеніе. И если было до Христіанства миѣическое существо со свойствами нынѣшней вѣдьмы, то едва ли справедливо сомнѣваться, что оно носило и другое названіе. Г. Потебнѣ очевидно, не легко согласиться съ этимъ: связавши и вѣдму съ Ягой, онъ точно также и въ первой не хочетъ допускать единичности въ основномъ характерѣ, какъ отвергаетъ ее въ Ягѣ, ежели вліяніемъ Христіанства объясняютъ дурной смыслъ нынѣшней вѣдьмы; тѣмъ самымъ утверждая противоположное ей свойство въ основаніи, до Христіанства, то Г. Потебнѣ слѣдуетъ возстать противъ этого. Но мы скажемъ его словами съ нѣкоторыми дополненіями, что изъ нынѣшней перепутанности и смѣшанности въ суевѣріяхъ, безъ положительныхъ извѣстій (особенно историческихъ), только по всѣмъ вѣроятнымъ заключеніямъ, (которыя могутъ быть крайне субъективны), нельзя выводить свойствъ въ дохристіанскую пору. Большее или меньшее согласіе, въ этомъ случаѣ, Славянъ доказывать не можетъ многого: съ Христіанствомъ всѣ они должны были отнестись къ языческой мудрости враждебно, и что же удивительнаго, если, независимо даже другъ отъ друга, приурочили вѣдьмѣ свойства, отобранныя отъ другихъ, уже забывавшихся, существъ? Это тѣмъ вѣроятнѣе, что важ-

нѣйшія божества потеряли съ Христіанствомъ тотчасъ же, или очень скоро, свой прежній вѣсъ, и изъ свѣтлыхъ превратились въ нечистыхъ. Вѣдьмы и вѣдуны, какъ знахари, чародѣи, стоявшіе по срединѣ между языческою религіей и обыденною жизнью, сохранили дольше свое прежнее значеніе и при новой вѣрѣ.

При воззрѣніи на вѣдъму, какъ на существо двойственнаго характера, и злое и доброе, не удивительно столкнуться и съ породненіемъ ея, съ Гольдою, тѣмъ больше, что сходство указано Гриммомъ. Но сходство, въ нѣкоторыхъ чертахъ, не обусловливаетъ тождества лицъ, которыя и при немъ могутъ быть существенно различны. Правда, Гольда разрѣзываетъ животъ у мужчинъ, но дѣлаетъ это въ наказанье за несоблюденіе поста, оставаясь все таки благодѣтельницею и покровительницею человѣка; вѣдьма же съѣдаетъ сердце, по своей враждебности къ человѣку. Но Г. Потебня совершенно успокоивается на этомъ сходствѣ, при своемъ отождествленіи, и даже прибѣгаетъ къ доказательствамъ, что и самое сердце у Славянъ значитъ то же, что желудокъ, чѣмъ, по видимому, еще болѣе скрѣпляетъ тождество. Говоримъ по видимому, по тому что нельзя же серьезно признавать синонимичность сердца и желудка на основаніи слѣдующихъ выраженій: Малор. «на ще сердце, на тощій желудокъ, Серб. «слабъ на срцу», кого слабить; «срце боли», о страданіяхъ беременной (стр. 294).

Автору надобно сблизить вѣдъму и змѣя, такъ какъ задачей его въ третьей части служить именно сближеніе волка, змѣя и вѣдьмы. Но змѣй представляется прелюбодѣемъ; слѣдуетъ то же отыскать и въ вѣдьмѣ; известій, однако же, нѣтъ, и Г. Потебня восполняетъ ихъ данными Нѣмецкими о марѣ и Велико-Русскими о шутовкѣ. Но во а) развѣ Нѣмецкія повѣрья о марѣ, если даже и допустить ея родство съ нашей вѣдьмой, могутъ всецѣло быть относимы къ послѣдней? Г. Потебня, видимо, самъ былъ не вполне удовлетворенъ этимъ способомъ доказательства и, въ примѣчаніи, обратился опять къ вѣдьмѣ, стараясь отыскать въ ней что ни будь подходящее къ плотской любви; тутъ остановился отъ на ѣздѣ вѣдьмъ на людяхъ и предположилъ, что «можетъ быть, эта ѣзда имѣетъ значеніе плотской любви,» и, для убѣдительности, указываетъ на подобный переходъ мысли въ пѣ-

снихъ и пословицахъ. Но приведенныя при этомъ два Сербскія выраженія: «Седланъ конь не може бити као не седланъ: и жена ни улицу не може бити као девойка», рѣшительно не даютъ и тѣни права признавать въ нихъ переходъ мысли отъ ѣды къ плотской любви. И тѣмъ не менѣе, на такомъ-то основаніи Г. Потебня заключаетъ, что, стало быть, первообразъ вѣдьмы—мужское существо, *incubus*, а не *succubus*. Если же это такъ, скажемъ мы, то не возможно и заключать о вѣдьмѣ отъ Нѣмецкой мары, которая непремѣнно женщина (стр. 298). Во б) что касается до Уральской шутовки, то гдѣ же положительныя свидѣтельства, что она тождественна съ вѣдьмой? Даже изъ опредѣленныхъ самимъ Г. Потебнею (стр. 299) вовсе это не видно; характеръ ея несравненно чище вѣдьмы и преисполненъ веселости; даже бракъ ея съ человѣкомъ сопровождается миромъ и семействомъ, если соблюдены условія, — а о змѣѣ, съ которыми хочетъ сопоставить авторъ посредствомъ шутовки вѣдму, самъ же онъ говорить (стр. 277), что змѣѣ истоцаетъ, но не оплодотворяетъ. Но рядомъ съ шутовкою стоитъ въ повѣрьяхъ и шутъ; понятно, Г. Потебнѣ это очень неприятно, и, вотъ, какъ выше изъ дѣда, заключилъ онъ о позднѣйшемъ раздвоеніи бабы, такъ тутъ (стр. 300) объявляетъ рѣшительно: «очевидно (?), шутъ есть позднѣйшее дополненіе къ шутовкѣ». По чему же это? Вѣдь различіе половъ принадлежитъ самымъ древнѣйшимъ, основнымъ миеамъ.

Сгруппировавши всѣ миеическія существа вокругъ Рождественскаго праздника, связавши коренныя свойства ихъ съ рожденіемъ бога-солнца, а черезъ это съ бракомъ и похоронами, Г. Потебня, естественно, старается доказать, въ заключеніи, что и сближенные имъ волкъ, змѣѣ, вѣдьма, мара имѣють, хотя не исключительное, но болѣе замѣтное, отношеніе, къ Рождественскимъ праздникамъ. Смѣло полагаемъ, что такой выводъ обязанъ единственно напередъ задуманной систематизаціи и тому увлеченію, которое стремится къ данной точкѣ, не замѣчая, что находится на право и на лѣво. Мы увѣрены, что если бы Г. Потебня выикнулъ серьезнѣе въ значеніе солнечныхъ празднествъ вообще у Славянъ языческихъ, то отыскалъ бы всѣ обряды и повѣрья доселѣ приуроченными въ народѣ Славянскомъ ко всѣмъ временамъ главнѣйшихъ солнечныхъ поворотовъ, въ равноденствіе и

солнцестояніе, осенью, весною, лѣтомъ и зимою. Что въ послѣднюю пору они замѣтнѣе, живѣе, то это объясняется, очевидно, большею свободою народа, въ слѣдствіе совпаденія праздника языческаго съ продолжительнымъ праздникомъ Христіанскимъ. Впрочемъ, и изъ разсужденія самого Г. Потебни видна несостоятельность такого заключенія. Относительно волка, онъ уже говоритъ, что и въ другое время не слѣдуетъ называть его по имени; а на стр. 302, — что люди оборачиваются въ волковъ на Рождество и на Купала; вѣдьмъ узнаютъ подь Рождество, замѣчаетъ Г. Потебни; но, по его же указанью, узнаютъ ихъ и подь Благовѣщенье (стр. 305). Доказательство, предложенное изъ Чешскаго повѣрья (303), не говоритъ прямо о вѣдьмѣ; что же до Mr. повѣрья (304), то оно свидѣтельствуетъ, напротивъ, объ обыденности вѣдьмъ. Этого мало: по повѣрью Сербскому, вѣдьмы ѣдятъ людей и передь Филипповкой, а у Чеховъ въ Маѣ мѣсяцѣ (307). Г. Потебни до того увлекся желаніемъ приурочить преимущественно къ Рождеству вѣдьму, что даже допустилъ и непростительную ошибку. Дѣйствительно, на стр. 303, въ началѣ, приводя слѣдующее Чешское повѣрье: «Kdo v jitřni sedí, nebo klečí na stoličce, z devatera dříví stesané, pozná všechny čarodějky, jež jsou v kostele, stoit' zady obrácene k oltari», онъ, при словѣ «jitřni» поставилъ въ скобкахъ на «Рождество». Но jitřně никогда не значитъ Рождество, а просто заутреня, утренняя служба; если же утро и связывается у Славянъ съ солнечнымъ праздникомъ, то только съ Пасхой, какъ у Лужичанъ jutru, -ov, значитъ праздникъ Христова Воскресенья, Пасха. Мы не говоримъ уже о томъ, логично ли уничтожать всякое различіе между магесницей, чародѣйкой и вѣдьмой, и подь чародѣйкой, въ данномъ повѣрью Чешскомъ, непременно видѣтъ вѣдьму. Что касается до змѣя, то нѣтъ надобности и доказывать несомнѣнной истины, что суевѣрія, связанныя съ нимъ, проходятъ черезъ цѣлый годъ, и трудно, да и напрасно, рѣшать, когда именно они преобладаютъ особенно. О томъ, что будто бы и мара съ шутихой преимущественно участвуютъ въ Рождественскихъ праздникахъ, нашелъ затруднительнымъ представлять доказательство и самъ Г. Потебни.

Но довольно. Если бы мы вздумали останавливаться на всѣхъ частностяхъ, взглядъ на которыя автора предлагаетъ или со-

миѣнье, или натяжку, или шаткость, или же очевидную неправильность, то намъ пришлось бы удвоить свои замѣчанія, вышедшія и безъ того слишкомъ пространными. Къ тому же, и сказаннаго, надѣмся, достаточно, чтобы уяснить направленіе автора въ Миеологическихъ изслѣдованіяхъ, которое такъ замѣтно уклоняется отъ требованій положительной науки. И изъ представленныхъ замѣчаній видно, что Г. Потебня придаетъ слишкомъ много значенія случайному сходству и слишкомъ мало, въ свою очередь, обращаетъ вниманія на спеціальныя условія народа, неизбѣжно явившія какъ на физическую его сторону, такъ и на нравственную, а, слѣдовательно, и на миеическія воззрѣнія. Составленная отвлеченно, или на подражаніи Нѣмцамъ и Индійцамъ, идея служить для него надежнѣйшимъ руководителемъ и регуляторомъ при обозрѣніи разнообразныхъ и перепутанныхъ суевѣрій и обрядовъ Славянскихъ, изъ которыхъ естественно выбираетъ онъ то, что подходит къ предвзятой идеѣ, и такъ, чтобы не нарушалась образованная изъ нея картина. Отсюда, оставленіе въ сторонѣ того, что въ состояніи было бы видоизмѣнить такую картину и субъективное объясненіе того, что опущено быть не можетъ и что, однако же, при правильномъ взглядѣ на дѣло и при строго научномъ пониманіи факта, становится въ противорѣчіе съ идеей. При такомъ направленіи, конечно, очень не трудно сложить самую живую и увлекательную систему Миеологии; но она будетъ стоять внѣ науки, которая не перестанетъ ити своимъ путемъ, строгимъ и точнымъ, хотя и болѣе медленнымъ, за то несомнѣнно прочтѣйшимъ, и съумѣетъ добиться до итоговъ дѣйствительныхъ, а не фантастическихъ. Наука же эта твердитъ и теперь о томъ, какъ опрометчиво и опасно восходить исключительно по современнымъ подробностямъ въ повѣрьяхъ къ первоначальнымъ миеамъ; она съ положительностью свидѣтельствуешь, что общее миеическое положеніе способно развѣтвляться и обуславливаться до безграничности въ самобытномъ развитіи каждаго отдѣльнаго народа. Такъ, на примѣръ, общее положеніе относительно водъ въ Ригведѣ, гдѣ онѣ признаются матерями, божественными, заключающими въ себѣ не только амброзію, но и цѣлительныя лѣкарства; ихъ испрашиваютъ въ Индіи не только для здоровья тѣла, но и для очищенія души отъ грѣховъ; въ Эддѣ встрѣчаемъ уже цѣлительность эту, ограниченную условіемъ черпанья воды въ полночь,

или передъ восходомъ солнца (Pictet, 681 — 682), и было бы неизвинительнымъ скачкомъ ухватиться именно за это ограничивающее условіе и его сдѣлать исходною точкою для выводовъ общаго міеа.

Міеологія обнимаетъ собою все, что относится до жизни боговъ и ихъ отношеній къ человѣку: Теогонію, Космогонію, управленіе міромъ, происхожденіе народовъ, ихъ постановленія гражданскія, религіозную нравственность; слѣдовательно, «откуда можно понять, замѣчаетъ Пикте, до какой степени долженъ отпечатлѣться народный духъ на каждой Міеологіи, и какъ она должна подвергаться разнообразнымъ видоизмѣненіямъ. Здѣсь причина столь характеристическихъ отличій ея у народовъ Арійскихъ, развивавшихся по различнымъ направленіямъ. Отъ перваго момента раздѣленія ихъ, общая основа преданій разнообразилась непрерывно; міеы громоздились на міеы, и возникли новыя формы выраженія съ роскошнымъ богатствомъ у Индійцевъ, съ поэтическимъ множествомъ у Грековъ, и съ характеромъ мрачнаго величія у Скандинавовъ. Здѣсь причина столь труднаго отысканія основныхъ началъ среди элементовъ на столько же удобоподвижнаго свойства, какъ воображеніе, которое ихъ производитъ. Съ другой стороны, выдержанность извѣстныхъ міеовъ, вопреки всѣмъ превращеніямъ, не подлежитъ сомнѣнію, и не безъ удивленія можно встрѣтить то, или иное, сказаніе Ведъ, сохраненное въ какой-либо сказкѣ Нѣмецкой. И только собраніемъ этѣхъ разбросанныхъ чертъ и уясненіемъ ихъ посредствомъ изученія ихъ древнѣйшихъ формъ сравнительная Міеологія достигнетъ прочнаго основанія. Такая обработка начата, и нельзя не ожидать въ будущемъ самыхъ успѣшныхъ выводовъ. Но чтобы вести ее правильно, необходимо владѣть качествами, рѣдко соединенными въ одномъ лицѣ: основательною и широкою ученостію, спеціалльнымъ знакомствомъ съ Санскритомъ и съ памятниками Ведическими, критическимъ и осторожнымъ умомъ (стр. 687 — 688).» Лучшими представителями міеологическихъ трудовъ съ такими условіями выставляетъ Пикте Куна и Макса Мюллера, съ его «Опытомъ Сравнительной Міеологіи,» который, скажемъ мимоходомъ, вполне не принимается въ расчетъ Г. Потебней.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ указать и на нѣкоторыя изъ частныхъ замѣчаній и выводовъ Г. Потебни, представляющихся

намъ или бездоказательными, ямъ не вытекающими изъ данныхъ матеріала.

Такъ, желая поддержать выведенное имъ значеніе хлѣба, какъ символа, солнца, по мнѣнческому вѣрованію народа, авторъ утверждаетъ, что этимъ значеніемъ объясняется и Сербская пословица: «Житни купаць и дѣвоячки отаць не могу сретни бити» (стр. 39), въ которой, будто бы, выражается мысль, что продавать хлѣбъ и дочь грѣхъ. Но когда появилась эта пословица? Народъ не устанавливаетъ обычая и закона, при сознаніи, что онъ грѣшный, а между тѣмъ, дочь у всѣхъ Славянъ искони выдавалась за вѣно. Вѣно же, въ настоящемъ случаѣ, сопоставляютъ обыкновенно съ глаголомъ вѣнити, цѣнить, откуда очевиденъ смыслъ и самого вѣна, какъ цѣны. Какъ же послѣ этого могъ народъ признать такой вѣковѣчный обычай за грѣхъ? Ясно, что тутъ долженъ быть иной смыслъ, и смыслъ этотъ, конечно, заключается въ спокойствіи, беззаботности, которыхъ не можетъ имѣть отецъ дѣвicy въ силу того, что дѣвица должна быть выдана замужъ, и при томъ выдана чистою. Отецъ замужней дочери, въ силу этого, уже можетъ быть сретанъ (счастливъ), по тому что онъ достигъ беззаботности. То же понятіе, думаемъ, слѣдуетъ отнести и къ торговцу хлѣбомъ, на случай неурожая.

«Овесъ и пшеница, говоритъ Г. Потербня, въ обрядѣ обсыпанья, служатъ символами жениха и невѣсты» (стр. 67). Откуда это видно, спросимъ мы? Вѣдь обсыпаютъ всякимъ зерномъ, обсыпаютъ даже хмѣлемъ и деньгами?

На стр. 114, въ примѣч. 74, названіе жихаръ объясняется жильцемъ, постояльцемъ, вопреки Г. Леонасьеву, видящему въ жихарѣ удалца, что согласно и съ народнымъ смысломъ, придаваемымъ этому слову. Въ объясненіи Г. Потербни мы не видимъ надлежащей послѣдовательности; жихарько является однимъ изъ трехъ братьевъ, и по чему же именно ему идетъ понятіе жильца? Кроме того, онъ самый младшій, наименѣе, слѣдовательно, правный? Между тѣмъ дѣйствіа жихарьки съ дочкой Яги и съ самой Ягой рисуются дѣйствительно молодецкими.

Преслѣдуя двойственный характеръ Яги, Г. Потербня увѣряетъ, что двойственность ея наружности доказывается и представленіемъ

Яги душистоволосою, по видимому прекрасною (стр. 147). Не говоря о томъ, что видимость не есть вообще доказательство, въ настоящемъ же случаѣ, скажемъ, она прямо ведетъ къ противоположности, и невольно упрекнешь автора за излишне вольное измѣненіе смысла сказки Сербской. Вѣдь въ послѣдней, на оборотъ, голова-то Яги является вонючею и отвратительною, а похвала падчерицы изображаетъ лишь ея кроткій характеръ, въ противоположность характеру испорченной дочери, ни мало этимъ не подрывая дѣйствительнаго безобразія и зловонья головы Яги.

Не меньшую натяжку видимъ мы и въ сближеніи Яги съ Гольдой на томъ основаніи, что, вѣроятно, чесанье Яги равносильно перебиванью Гольдой пуховика, чѣмъ повѣрье Нѣмецкое объясняетъ паденіе снѣга (стр. 153).

Отмѣченное нами невниманіе автора къ мѣстнымъ и специально народнымъ условіямъ, въ общихъ выводахъ, повторяется и въ частныхъ заключеніяхъ. Встрѣшивши у Сербовъ баднякъ изъ дубоваго дерева, и указавши, что дубъ посвященъ богу-грому, Г. Потенія не сомнѣвается уже, что и баднякъ есть символъ громоваго божества. Но вездѣ ли дубъ несомнѣнно посвященъ грому? Не самъ ли онъ говоритъ, что въ другихъ мѣстахъ баднякъ готовится изъ сливаго, или вишневаго, дерева? Дѣло очевидное, что тутъ важенъ не сортъ дерева, а баднякъ, не выраженіе, слѣдовательно, громности, а огня, свѣта, теплоты. До какой степени мѣстность вліяетъ на вѣрованія, видно, на примѣръ, изъ того, что въ Англии съ рожденіемъ и смертію сближается не восходъ и западъ солнца, какъ у другихъ народовъ, а приливъ и отливъ морскіе, и было бы странно возводить это частное представленіе Англичанъ къ какому либо общему мѣру (стр. 34). А между тѣмъ Г. Потенія не стѣсняется голову всякаго животнаго подводить подъ кобылью, по тому, что ему удобно было кобылью голову связать съ Бабой-Ягой. Отсюда приравненіе къ кобылей головѣ головы бараньей у Волоховъ, турицы, или вообще конской головы, первоначально, очевидно, турьей, у Сербовъ.

Точно также авторъ слишкомъ уже мало придаетъ значенія и вліянію Христіанства, и охотиѣ относить даже и то, что, по

несравненно большей вѣроятности, обязано послѣднему, къ исключительному язычеству. Такъ, относительно вѣры въ святость Крещенской воды и купанья въ ней, мы вполне разделяемъ мнѣніе Гримма, видящаго тутъ вліяніе Христіанской религіи, и ни мало не убѣждаемся противорѣчіемъ Г. Потевни ученому Нѣмцу на томъ основаніи, что Нѣмецкое повѣрье свидѣтельствуетъ и о разцвѣтѣ розмарина въ эту же пору. Во первыхъ, розмаринъ не вода, и что связано съ нимъ, необходимо не слѣдуетъ приурочивать водѣ; во вторыхъ, потребно предварительно доказать, что и повѣрье о розмаринѣ не относится къ Христіанству, къ силѣ рожденія Спасителя (стр. 64).

Не можемъ мы согласиться и съ мнѣніемъ автора о пожарѣ (изложенномъ на стр. 251), будто бы происходящемъ при грозѣ не только отъ Бога, но и отъ грома. И современное повѣрье народное, и старинныя свидѣтельства указываютъ ясно, что громъ дѣлается виновникомъ пожара вовсе не самъ по себѣ, своей силою, а по тому, что во время грозы онъ прячется отъ Бога-грома, солнца, и тотъ домъ, то мѣсто, сгоритъ, куда онъ скроется. Выгоняютъ при этомъ изъ домовъ кошекъ не по тому, чтобы этимъ выражалась какая либо связь съ Ягой, а потому, что, въ силу того же повѣрья, въ нее вселяется чортъ; суевѣріе же о вселеніи въ кошку чорта, вѣроятнѣе всего, развилось отъ притягательной силы шерсти, въ слѣдствіе чего не держатъ въ домахъ, во время грозы, и собакъ.

Этимъ мы окончиваемъ свой разборъ сочиненія Г. Потевни, охотно признавая въ немъ усидчивую продолжительность и добросовѣстность труда, не отрицая и пользы для науки, по крайней мѣрѣ, со стороны подбора фактовъ Славянскаго матеріала и сближенія ихъ съ фактами другихъ родственныхъ народовъ.

П. Лавровскій.

25 Февраля, 1866.

Харьковъ.

ТРИ ПИСЬМА

ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ТРОИЦКІЙ СЕРГІЕВЪ МОНАСТЫРЬ

въ 1660 году.

Предлагаемыя три письма написаны по слѣдующему поводу. Въ 1651 году Власти Троицкаго Сергіева монастыря отдали монастырскую пустошь Козлово, находившуюся въ Звенигородскомъ Уѣздѣ, на пожизненное владѣніе вдовѣ Княгинѣ Іуліаніи Голицыной, съ обязательствомъ платить ей въ монастырь ежегодно по 2 рубля 4 алтына. Но, по прошествіи 9 лѣтъ, съ назначеніемъ новаго Келаря, Аверкія Иванова, на мѣсто Арсенія Суханова, Соборъ монастырскій не принялъ посланныхъ отъ Голицыной на 1660 г. оброчныхъ денегъ, а сказалъ человѣку ея, что та пустошь нужна для обители, именно для заселенія людьми. Нечаянный отказъ въ дальнѣйшемъ пользованіи пустошью сильно тронулъ Княгиню. Грамоту, данную прежними Властями на владѣніе тою пустошью до смерти своей, она имѣла на лицо и условіе съ монастыремъ выполняла въ точности, а Указомъ Царя Оедора Ивановича, подтвержденнымъ преемниками его, позволено было брать монастырскія земли въ оброкъ (см. Докладъ 1594 г. № 3). Въ виду всего этого, она и написала письмо ко Властямъ монастырскимъ объ оставленіи за нею пустоши. Но, вѣроятно, зная власть и силу вли, по тогдашнему, мощъ Лаврскаго Келаря, не советемъ надѣялась на дѣйствіе своего письма, а по тому въ то же время 26 Іюня, 1660 г.) упростила внука своего, Князя Юрія Михайловича

Одоевскаго, и духовника своего, придворнаго Протоіерея, Александра Москвитинскаго, написать по письму въ Троицкій Сергіевъ монастырь, чтобы пустошь Козлово была оставлена за нею. Всѣ три письма получены въ монастырь 28 Іюня, какъ видно изъ помѣты на оборотѣ ихъ въ Соборѣ. Сверху письма Одоевскаго написано: «168 г., Іюня въ 28 день, отдать въ крѣпостную казну и велѣть записать въ книги.» Сверху втораго, отъ Протоіерея Александра: «168 г., Іюня въ 28 день.» Сверху третьяго, отъ Голицыной: «168 г., Іюня въ 28 день, оброчные деньги на нынѣшней 168 годъ велѣть принять, и запись прискаты, и отдать все въ крѣпостную казну.» При сдачѣ въ крѣпостной архивъ всѣ три письма, писанныя разными руками, склеены въ одинъ столбецъ, по описи 1860 г. № 471. Первоначально каждое посланіе написано было на столбцѣ, длиною аршинъ, шириною четверть, свернуто пакетомъ и запечатано; на оборотѣ 1 и 3-го надписано: «Пречестные и великіе обители Пресвятыя и Живоначальныя Троицы и Преподобныхъ Отецъ Сергіа и Никона Великихъ Господамъ Архимориту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею старцу Леонтію и всему Собору;» на оборотѣ 2-го посланія: «Гоеударю Архимандриту Іоасафу яже о Христвѣ съ братією.»

Первыя два письма отъ Князя Одоевскаго и Протоіерея Александра почти обыкновенныя, не представляютъ ни чего особенно замѣчательнаго, но третье, отъ Голицыной, по рѣзкому тону и указанію на нѣкоторые монастырскіе обычаи, не можетъ не обратить на себя вниманія. Изъ него, на пр., видно, что Власти монастырскія, въ бытность свою въ Москвѣ по дѣламъ монастырскимъ, посѣщали именитыхъ благотворителей, а изъ монастыря посылали имъ въ благословеніе хлѣбъ и Св. воду, коими тѣ очень дорожили. Языкъ писемъ ясный, близко подходитъ къ нынѣшнему, только буква *а*, по Московскому нарѣчію, иногда замѣняетъ букву *я*, на пр.: Указу не была *я*. не была, тутъ же *я*. тутъ же. Что же касается до побужденій, заставившихъ Келаря нарушить данную грамоту, то, вѣроятно, главнымъ причиною былъ интересъ монастырскій. Изъ Писцовыхъ и Межевыхъ книгъ

(№ 641) видно, что пустошь Козлово или Котлово ранѣе и послѣ была деревней. Прѣжними Властями отдана она Голицыной изъ уваженія ко вкладамъ Голицыныхъ и въ слѣдствіе ходатайства благотворителей Одоевскихъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ письмахъ. Мужъ Іуліаніи Ивановны, Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, при бракосочетаніи Царя Михаила Фѣдоровича, 19 Сентября, 1624 г., назначенъ былъ сидѣть за столомъ на второмъ мѣстѣ, а первое отдано Князю Ивану Ивановичу Шуйскому. Голицынъ, считая себя обиженнымъ, не явился къ столу, за что попалъ въ опалу и сосланъ въ Вятку, гдѣ умеръ 18 Мая, 1626 года, * погребенъ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, близъ сѣверныхъ дверей Троицкаго Собора. ** Когда скончалась и гдѣ погребена Іуліанія, неизвѣстно; во время вдовства своего она была въ Верховыхъ Боярыняхъ, присутствовала при бракосочетаніи Царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, потомъ пожалована въ Мамы къ Царевичу Симеону Алексѣевичу, а въ 1672 г. къ Царевичу Петру Алексѣевичу, коего и подносила къ купели для принятія Св. крещенія (Древ. Росс. Вивліе. ч. XVII, стр. 205). Новиковъ говоритъ, что Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, мужъ Іуліаніи, скончался бездѣтенъ, но изъ настоящихъ писемъ видно, что у нихъ была дочь за Княземъ Михайломъ Никитичемъ Одоевскимъ. Какъ при жизни своей, Князь Иванъ Голицынъ и Никита Одоевскій имѣли дворы свои въ сосѣдствѣ въ Кремлѣ, гдѣ теперь огромное зданіе Сената (Памят. Москов. Древ. стр. XLV), такъ и по смерти своей, гробы ихъ находятся почти рядомъ. Родъ Князей Одоевскихъ покоится подъ папертью Троицкаго Собора, по другую сторону отъ Князей Голицыныхъ. Здѣсь погребены изъ упоминае-

* Въ Энцикл. Лекс. Плюшара, ч. XIV, стр. 384, откуда заимствовано сіе извѣстіе, кончина Голицына показана въ 1627 году, но въ спискѣ надгробій Т.-Серг. монастыря, снятыхъ въ среднѣ XVII в., сказано: «Боярѣмъ Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ преставился 134 года, Маія въ 18 день.»

** Рип. № 820.

ныхъ въ письмахъ: дѣдъ Юрія Никита Ивановичъ Одоевскій † 1629, Февраля 12; отецъ Юрія Михайлъ Никитичъ † 1652, Ноября 19; мать Юрія Марѳа Ивановна, дочь Ивана и Іуліанія Голицыныхъ, † 1665, Августа 10; самъ Юрій или Георгій Михайловичъ † 1685, Декабря 6 (Древ. Росс. Вивл. ч. XVI, стр. 319, 320; сл. Лавр. Вклад. книга, гдѣ показаны и вклады Князей Голицыныхъ и Одоевскихъ). Придворный Протоіерей, Александръ, извѣстенъ по вкладамъ въ Т. Сергіевъ и другіе монастыри (Вклад. книга; Археол. Опис. церк. древ. Новгород. ч. II, стр. 198, 224; Опис. Нижегород. Печер. мон. стр. 26). Іоасафъ, изъ Архимандритовъ Т. Сергіева монастыря, возведенъ прямо на Патріаршій Всероссійскій престолъ; Казначей Леонтій Дерновъ былъ Келаремъ послѣ Аверкія Иванова, а Келарь Аверкій, который исключительно завѣдывалъ монастырскимъ хозяйствомъ и на котораго по тому въ особенности указывается въ письмахъ, сначала былъ келейнымъ ученикомъ препод. Діонисія († 1633 г.), потомъ Крѣпостнымъ Соборнымъ старцемъ и Казначеемъ; въ 1651 г., когда отдава пустошь Княгинѣ Іуліаніи, онъ былъ Строителемъ Богоявленскаго монастыря, почти напротивъ дома Голицыной.

I. А.

I.

Пречестные и великіе обители Пресвятых Живоначальных Троицы и Преподобных Отець Сергія и Никола Великихъ Госнодавъ, Архимариту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею старцу Леонтію, и всему Собору, Юшка Одоовской челомъ бьетъ. Пожалуйте, Господа, велите ко мнѣ писати о своемъ душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи, какъ васъ Господь Богъ милостію своею душевнѣ спасаетъ, а тѣлеснѣ милуетъ. А про меня изволите спросить, и я, при Государьской милости Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, за нимъ, Государемъ, въ объѣздѣ въ селѣ Покровскомъ,* Юня по 26 день до воли Божіа живѣ. Говорила мнѣ бабка моя, Боярина Князя Ивановская жена Васильевича Голицына, вдова Княгиня Ульяна Ивановна: въ оброкѣ за нею монастыря Сергія Чудотворца пустошь Козлово въ Звенигородскомъ Уѣздѣ, а дали ей тое пустошь изъ денежного оброку прежніе власти: Архимаритъ Андреянъ, Келарь старецъ Симонъ (Азаринъ), Казначей старецъ Калининъ (Клементьевской) съ Соборомъ, въ прошломъ въ 159 году, и оброчная грамота въ той датѣ властелинская дана, указано ей владѣть ею по еѣ вѣкъ, а на неѣ, бабуку мою, взята въ монастырь запись, что ей оброкъ платить съ той пустоши погодно, и при своемъ животѣ ей той пустоши не продать, и не фаложить, и роду своему не отдать, и за собою въ Помѣсномъ Приказѣ въ вотчину не записать, а отказать та пустошь послѣ

* Село Покровское, Рубцово тожь, подгороднее, нынѣ частица Москвы. Тамъ быды Царскія хоромы и двѣ церкви: одна во имя Покрова Пресв. Бѣгородницы, построенная въ 1618 г. Царемъ Михайломъ Ѳедоровичемъ, по имени коей село и получило названіе Покровскаго, а другая церковь во имя Николая Чудотворца съ приделомъ Св. Ирины (Выходы Государей Царей и Вели. Князей: въ 1632—1681 гг., стр. 338, и при нихъ Указатель стр. 73).

своего живота опять въ домъ Чюдотворцовъ. И по се число повсягодно оброкъ съ ней платила; а нынѣ, де, къ вамъ посылаю она, бабка моя, оброчные денги на нынѣшней 168 годъ, и вы, де, оброку не взяли, а за чѣмъ, того къ ней не отписали. А словесно де, ты, великій Келарь, челоуку еѣ говорилъ: «Надобно про себя.» А о той пустоши говорители (т. е., просители, ходатаи) были прежнимъ властемъ, а бабкѣ моей дѣдъ мой Бояринъ Князь Никита Ивановичъ Одоевской, и отецъ мой, Князь Михайло Никитичъ. И вамъ бы пожаловать, и по моему прошенью той пустоши не велѣть отнимать до еѣ живота, и прежнихъ властей данья не нарушивать. И Государевъ Указъ и Соборное Уложение во всѣхъ монастырехъ прежнихъ властей данья нарушивать не указана и не въ такихъ честныхъ лаврахъ и не такихъ честныхъ властей. У што, Государи, прежніе власти Соборомъ дали ей, бабкѣ моей, въ вѣчной оброкъ (д. б. пропущено: впервые?). По образцу же тако и за многими есть такіе же земли въ вѣчномъ оброкѣ. Пожалуйте, Государи, не оставте и моего прошенья, учините безсорно, велите ей владѣть по той прежней дачѣ, и оброкъ велите у ней имать; и противъ сей моей грамотки, пожалуйте, мнѣ вѣдомо учините. Потомъ вамъ, Великимъ Господамъ, челоукъ бью.

II.

Пречестныя и великія обители Пресвятыя Живоначальныя Троицы и Преподобныхъ Отецъ Сергія и Никона Великимъ Господамъ, Архимориту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею старцу Леонтію, и всей яже о Христѣ братіи, Нерукотвореннаго Спасаова образа, что у Государя на сѣнхъ, Протопопъ Александръ Бога молитъ и челоукъ бьетъ. Пожалуйте, Государи, велите ко мнѣ писать о своемъ здоровіи, какъ васъ Господь Богъ хранитъ. А про меня, Государи, изволите воспросить, и я, по неизреченной милости Христа Бога нашего, Іюня (по) 26 день въ живыхъ пребываю. Говорила мнѣ дочь моя духовная, Боярина Князя Ивановская жена Васильевича Голицына, вдова Княгиня Ульяна Ивановна: въ прошломъ, де, во 159 году прежніе власти, Архиморитъ Андреянъ, Келарь старецъ Симонъ, Казначей старецъ Калининъ съ Соборомъ, дали ей въ оброкъ въ Звенигородскомъ Уѣздѣ пустошь Козлово, изъ денежнаго оброку до еѣ живота, и грамота

ей оброшная за печатью властелинскою и всего Собору дана, владѣть ей Кнеинѣ Ульянѣ Ивановѣ по свой вѣкъ. И она, де, владѣла, и оброкъ за ту пустошь въ монастырь при прежнихъ властехъ и при васъ по нынѣшней годъ платила, въ томъ, де, у ней и отписи есть. И нынѣ, де, она посылала къ вамъ съ человѣкомъ своимъ за ту пустошь на нынѣшней 168 годъ оброшныя денги, и вы, де, денегъ не приняли, и къ ней о томъ не писали, чего ради не принято. А словесно, де, ты, великій Келарь, старецъ Аверкей, тому еѣ человѣку сказалъ: «Надобна та пустошь вамъ про себя.» А какова ей грамота дана оброшная, и я у ней видѣлъ; указано ей владѣть тою пустошью по еѣ вѣкъ, а на нее, де, взята жъ записъ, что ей оброкъ за ту пустошь платить погодно, а за собою еѣ въ Помѣсномъ Приказѣ не справить, и не продать, и не заложить, и роду и племени не отказать послѣ своего живота, а отказать послѣ своего живота въ монастырь Сергія же Чюдотворца. А говорили, де, о той пустоши имъ прежнимъ властемъ отъ ней, Кнеини Ульяны Ивановны, Бояринѣ Князь Никита Ивановичъ Одоевской, да сынъ ево, а еѣ зять, Князь Михаила Никитичъ, и тое, де, оброшную властелинскую грамоту во 159 году онѣ къ ней и привезли; въ томъ, де, году зять еѣ, Князь Михайла Никитичъ, былъ живъ, и былъ Бояринѣ Князь Никита Ивановичъ съ сыномъ своимъ, со Князь Михайломъ Никитичемъ въ монастырѣ. И вамъ бы; Господамъ, прежнихъ властей дачи не нарушить, и наше моленіе принять; дательство истинно, слово и во вѣки сохраните нерушимо, до еѣ живота той пустоши у ней, Кнеини Ульяны Ивановны, не отнять. По семъ вамъ миръ о Христѣ. Аминь.

III.

Пречестныя и великія обители Пресвятыя Живоначальныя Троицы и Преподобныхъ Отецъ Сергія и Никона Великихъ Господамъ, Архимориту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею старцу Леонтію и всему Собору, Боярина Князя Ивановская жена Васильевича Голицына вдова Ульяница челомъ бьетъ. Пожалуйте, Государи, велите ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ васъ, Государей моихъ, Христось хранить. Челомъ, Государи, бью на вашемъ благословеніи, что пожаловали, съ святыною прислали, а мужу моему, Князю Ивану Васильевичу, память сотворили. Да по-

сыдала я, Государи, оброкъ денежной, два рубля четыре алтына за пустошь Козлово, съ человекѣмъ своимъ, съ Федотомъ Неслецовымъ, на нынѣшней на 168 годъ, и вы де, Государи, у того человека моего денегъ принять не велѣли. А словесно, де, ты, великій Келарь, тому человекѣ моему сказалъ: «Надобна та пустошь вамъ, въ монастырь,» а мнѣ ею владѣть не велѣли, а въ грамотахъ своихъ ко мнѣ про неѣ противъ моего писма ни чего не отписали, за чѣмъ не приняла и чего ради мнѣ ею не владѣть. Та, Государи, пустошь дана мнѣ въ вѣчной оброкъ въ прощломъ во 159 году, и оброчная грамота мнѣ властей, Архиморита Андреяна, Келаря старца Симона, Казначая старца Калининка и всего Собору, дана, а указано мнѣ ею владѣть по мой вѣкъ изъ денежнаго оброку; а тоя грамоту прислали ко мнѣ власти съ зятемъ моимъ, со Князь Михайломъ Никитичемъ Одоевскимъ; въ ту пору были отецъ его, Бояринъ Князь Никита Ивановичъ Одоевской, и онъ, Князь Михайло Никитичъ, въ монастырѣ Живоначальныя Троицы и Чудотворца Сергія, и говорителы были отъ меня властемъ о той пустоши, а на меня взята запись во 161. году, что мнѣ съ той пустоши оброкъ денежной въ монастырь платити новсягодно при своемъ животѣ, и той пустоши не продать, и не заложити, и роду своему не отдать, и за собою въ Помѣстномъ Приказѣ не записать въ вотчину, а послѣ своего живота отказать та пустошь въ монастырь Святыя же Троицы и Сергія Чудотворца. И какъ за мною учала быть та пустошь, и я оброкъ съ неѣ въ монастырь платила новсягодно, и отписи у меня есть до сего году. Хотя бы, Государи, та пустошь была за мною въ погодномъ оброкѣ, и вамъ было и тутъ пожаловать вѣсно учинити зимнего времени, что ею не владѣть; я того вашего указу не вѣдала, что у меня отнимать, хлѣбъ на ней сѣять, а она за мною въ вѣчномъ оброкѣ, и готово можно было вамъ, Государи, ко мнѣ отписать ранѣе, противъ бы вашего писма и домонъ. былъ. А скъазывалъ мнѣ человекъ мой, Федотъ Неслецовъ, что ты же, великій Келарь, говоритъ ему словесно, что та пустошь надобна въ селитбу. И та, Государи, пустошь не просторна, около еѣ чюжіе вотчинныя и помѣстныя земли; развѣе, Государь, у меня взявъ, околнимъ же въ наемъ отдавать? Поблиску вашей деревни Горбуновы есть в округѣ пустошей вашихъ монастырскихъ десятка съ три, съ четыре, тоя пустоши Козловы всѣмъ угоднѣе, и въ болшихъ распахкахъ, и тѣми

пустоши владѣють мало не всѣми околные люди въ погодномъ оброку безъ отъему, а не ваши крестьяне. Мошно, Государи, вайъ посполницъ и безъ той пустоши, коя мнѣ въ вѣчной оброку отдана; а до меня ево истари владѣли изъ того же оброку, по чему и плачу, околные же люди, а не ваши монастырские крестьяне. Нарушивать вамъ, Государемъ, было прежнихъ властей указу не для чего; чаю, не за одною за мною Чюдотворцовы земли естъ въ вѣчныхъ оброкахъ. Одва гдѣ, Государи, бываетъ поворотню и въ простыхъ мѣстехъ, не токмо что во святыхъ лаврахъ, хотя бы и Государеву Указу не была, прежнихъ властей нарушивать Указъ. А въ томъ и Государевъ Указъ и Соборное Уложение во всѣхъ монастырехъ прежнихъ властей дѣлъ и Указовъ нарушивать не указано и не такихъ чесныхъ властей. О томъ, Государи, челомъ бью: пожалуйте, не учините одною мною въ отъемѣ обрасца, и не нарушьте прежнихъ властей и своего благословенія; велите, Государи, на нынѣшней годъ денги принять. А впредь ко мнѣ отпишите, въ чомъ вашъ будетъ извольтъ, чтобы мнѣ по вашему писму было вѣдома, а глухо мнѣ покинуть и отдать той пустоши нельзя, властелинская грамота у меня, а моя записъ у васъ въ монастырѣ. И о томъ, Государи, челомъ бью, не учините сего писанья въ грубость себѣ, что писала, видя вашу немилость себѣ. Мню, Государи, нынѣ и то не стало мнѣ вашего благословенія, не жалуете въ праздникехъ Живоначальные Троицы и Чюдотворца Сергія, не присылаете съ святынею и въ великой постъ съ хлѣбомъ. А прежніе власти всѣ со 135 (1627) году, какъ судомъ Божиимъ мужа моего, Боярина Князя Ивана Васильевича, не стало, жаловали по чести и по вкладу мужа моего и ево всѣхъ родителей, почитали святынею и хлѣбомъ жаловали, ко мнѣ присылали и сами жаловали посѣщали. У што, Государи, грубая вамъ, Государемъ, учинилась въ той пустоши? И въ томъ вы волны въ дому Пресвятыя Троицы и Преподобныхъ Отецъ; въ томъ убытошно не было, чтобъ и меня поискать милостию Божьею и своимъ благословеніемъ. И вамъ бы, Государемъ, не во грѣхъ было, по вкладу мужа моего и ево родителей поисканье. А я въ томъ гнѣву вашего не вѣдала; а только бы вы, Государи, ко мнѣ вѣсно учинили, что въ той пустоши вашъ гнѣвъ, и я бы вашего слова и не переставила; мочно бы то мнѣ здѣлать и ее отдать. Пожалуйте, Государи, будетъ за тотъ вашъ гнѣвъ, учините мнѣ вѣсно. Савы

Чюдотворца Сторожевскаго монастыря тутжа поблиску за мною въ денежномъ оброкѣ пустоши, отданы мнѣ во 155 (1647) году, отдалъ Игуменъ Варламъ да Строитель старецъ Тихонъ Пестриковъ. Послѣ, Государи, тѣхъ властей всѣ Архимориты жалуютъ, и той отдачи и по се время ни чѣмъ не нарушиваютъ, и гнѣву на меня въ томъ не держатъ. Потомъ великимъ Господамъ челомъ бью.

П И С Ь М О

СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КЪ НОВГОРОДСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ІОВУ. *

Великому Господину, Архіерею Божію, Преосвященному Іову, Митрополиту Святѣйшія Митрополіи Великоновгородскія, Архипастырю и Богомудрому Учителю

Смиренный Ростовскій Димитрій
о Господѣ радоватися.

Пріемъ въ руцѣ моя грѣшны пречестное Архіерейства Вашего къ моеи худости писаніе и прочетъ любезно, лобызахъ е, радуюся духомъ, яко въ милости Вашей Святительской есмь и изволите присѣтити мя любовію своею отеческою, въ писаніи изъясненной, ея же потолику благодаренъ есмь, повелику кто нечаемую отъ не знающихъ его получить пребогатую милость, благодарствуетъ и покланяется.

Незнаемый есмь Преосвященству Вашему лицезрительствомъ, обаче любве твоя сподобляеши мя и одолаеши благодарніемъ Твоимъ, за что благодарствую, смиренно челомъ бью.

Соболѣзную же, да утѣшитъ Вы Богъ и Отецъ Господа нашего, Исуса Христа (съ Апостоломъ, глаголю), Отецъ щедротамъ, всякая утѣха, утѣшая насъ во всякой скорби нашей, Той скорбніи ваша и печали въ радости да претворитъ.

Слышащи же наченшееся въ славу Божію у Преосвященства Вашего Еллинореческое ученіе тцаніемъ Вашимъ Архіерейскимъ,

* Взято изъ переписки Преосвященнаго Митрополита Новгородскаго, Іова, принадлежавшей бывшему Ярославскому Архіепископу, Автоію Знаменскому, а теперь находящейся въ Библіотекѣ Новгородской Духовной Семинаріи.

трудолюбіемъ же премудрѣйшихъ учителей Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ (quos fraterna charitate complector, veneror, exanimabiliter doceto), зѣло о томъ радуясь, молю Бога, да поспѣшитъ Преосвященству Вашему и пречестнѣйшимъ учителямъ въ томъ благопотребномъ дѣлѣ; что бо человекъ вразумляетъ, аще не ученіе: вразуми мя, рече, и научуся заповѣдемъ Твоимъ; и Христоръ Господь, хотя ученики своя сотворити учительни всея вселенныя и тѣмъ міръ просвѣтити, первое отверзе имъ умъ разумѣти писанія. Подобившися, Преосвященство Ваше, Господу своему, егда въ паствѣ своей, хотя имѣти людей учительныхъ, разумныхъ, собралъ еси не малое учениковъ число, и предложилъ еси имъ то ученіе, еже начало есть и источникъ всему любомудрїю, Еллиногреческїй, глаголю, языкъ, отъ того бо вся мудрая ученія во вся языки произыдоша.

Азъ грѣшный, волею Господнею на престолъ Ростовской паствы пришедъ, началъ было прилагати тщаніе о ученикахъ, и завелъ было училище Греческое и Латинское, и поучилися было ученики лѣта два и вѣщше, и уже начали было Грамматику разумѣти не злѣ, но, попущеніемъ Божиимъ, сотворшаяся дому Архіерейскому скудость, сотвори препятіе, и отставившася ученія, понеже вознегодоваше питающій насъ, аки бы многая исходятъ на учителя и ученики издержка, и уже вся та, чѣмъ дому Архіерейскому питатися, насъ отнята суть, не токмо отчины, но и церковныя дани и вѣчныя памяти, и прочая, и прочая оскудѣша, ибо во всемъ оскудѣхомъ, и во ученикахъ.

Но, да не продолжу писанія, умолчаваю о прочіихъ поведеніихъ нашихъ. Sat sapientil' Преосвященству же Вашему паки и паки челомъ бью и молю, да и впредь милость и любовь ваша отеческая къ моей худости не оскудѣеть.

Сообщ. Д. Чл. Архимандритъ Макарій.

МОГИЛЫ

КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ДОЛГОРУКАГО И СУПРУГИ ЕГО ВЪ ГОРОДѢ БЕРЕЗОВѢ.

1730 — 1738 гт.

Съ Марта 1842 по Декабрь 1849 годъ я состоялъ на службѣ въ городѣ Березовѣ, Тобольской Губерніи, Штатнымъ Смотрителемъ Училищъ. Въ этотъ періодъ, кромѣ служебныхъ обязанностей, занимался разборомъ и чтеніемъ старинныхъ дѣлъ, первой половины XVIII столѣтія, производившихся въ Березовской Воеводской Канцеляріи и уцѣлѣвшихъ въ старомъ архивѣ, равнымъ образомъ собиралъ отъ старыхъ людей разныя, замѣчательныя, устные преданія, въ особенности о бывшихъ въ Березовѣ знаменитыхъ изгнанникахъ и о мѣстахъ, гдѣ умершіе изъ нихъ тамъ похоронены.

Въ 1730 году присланъ въ Березовъ въ ссылку Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій съ супругою Прасковей Юрьевой, урожденной Княгиней Хилковой, и дѣтьми, Иваномъ, съ супругою Натальей Борисовной, дочерью Графа Шереметева, Николаемъ, Александромъ и Алексѣемъ, Еленою, Анною и Екатериною, которая была второю, послѣ Маріи Меншиковой, обрученою невѣстою Императора Петра II-го. Они заключены были въ острогъ для Государственныхъ преступниковъ, который находился саженьхъ въ 20 отъ настоящей, каменной Богородице-Рождественской (Заручейной) церкви. Въ немъ былъ просторный, но невысокій, деревянный домъ съ окнами, къ верху полукруглыми, особая кухня и баня. Во дворѣ острога былъ бассейнъ, въ которомъ плавали домашнія гуси, утки и лебеди. Семейство Долгорукаго, какъ свидѣтельствуеетъ преданіе, находило отчасти отраду своей горести смотрѣть на этѣхъ птицъ и ухаживать за ними.¹ Для кара-

¹ У Долгорукихъ въ Березовѣ были дворовые люди: Степанъ Калпаковъ и Владимиръ Митрофановъ.—Изъ дѣла Воеводской Канцеляріи, начавшагося 26 Іюля, 1738 года.—Почтенная и уважаемая въ Березовѣ старушка, 77 лѣтняя Дарья Мартемьяновна Никитина, въ 1843 году сказывала мнѣ, что когда она пріѣхала изъ Тобольска въ Березовъ съ мужемъ, находившимся

ула Долгорукихъ прибылъ съ ними Премьеръ-Маіоръ Семень Петровъ и Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Сержантъ Богданъ Челищевъ, съ военною стражею.

Преклонность лѣтъ, суровый, сѣверный климатъ и превратность счастья, преждевременно свели въ гробы Князя Алексѣя Григорьевича и супругу его.² Дѣти похоронили ихъ близъ Богородице-Рождественской церкви.³ Надъ могилами построили памятникъ или, какъ называли Березовцы, часовню, изъ толстыхъ кедровыхъ брусевъ въ замокъ концовъ ихъ, длиною отъ востока къ западу 4, шириною отъ сѣвера къ югу 8 аршинъ, съ двумя окнами и створчатою къ верху полукруглою дверью. Туда входили дѣти Долгорукихъ молиться объ упокоеніи душъ родителей въ лучшемъ превратномъ мірѣ.

Долгорукихъ содержали очень строго, и они никогда не выпускались изъ острога, кромѣ Богородице-Рождественской церкви и памятника родителей. Вотъ примѣръ, выписанный мною изъ дѣла Березовской Воеводской Канцеляріи. Княжна Елена Алексѣевна Долгорукая, во время утренняго богослуженія, особо совершаемаго, по ея желанію, 21 Мая, 1738 года, въ день ея тезоименитства, Протопопомъ Авдѣемъ Михайловымъ, въ Богородице-

въ Тобольскѣ на службѣ и женившимся тамъ на ней, то свекровь ея, жена Сотника Никитина, или мать мужа ея, Дарья, водила ее, около 1782 года, для показа, въ пустыи острога и домъ, гдѣ прежде содержались Долгорукіе, и она совершенно помнитъ этѣ строенія. Въ 1782 году этотъ домъ перенесенъ на другое мѣсто, и изъ него перестроенъ домъ, для Присутственныхъ Мѣстъ. Онъ сгорѣлъ въ пожаръ 1806 года.

² Въ книгѣ «Театръ Свѣта,» издан. Сергѣемъ Глинкой, въ 1828 г., ошибочно сказано, что супруга Алексѣя Григорьевича умерла на дорогѣ, при слѣдованіи въ Березовъ. Княжна Елена Долгорукая, послѣ ссылки вышедшая въ замужество за однофамильца, Князя Долгорукаго, прислала въ Березовъ въ Спасскую церковь книги: Апостолъ и Молебникъ, съ надписью собственноручною. «1764 года, Сентября 1 дня, сію книгу дала вкладу въ церковь Всемилостиваго Снаса, что въ Сибири, въ Березовомъ островѣ, на поминование своихъ родителей, преставившихся тамо. Княгиня Елена Князь Алексѣева Долгорукая.» Книги этѣ я видѣлъ.

³ Въ Березовѣ идетъ въ потомство поговорка: «Кто у Долгорукаго съѣлъ блинъ, того возили въ Тобольскъ къ отвѣту; то есть: кто былъ послѣ погребенія его на поминальномъ обѣдѣ, на которомъ подаются блины.

Рождественской церкви, была окружена Капраломъ Яковомъ Терехиннымъ и двумя солдатами, Андреемъ Мокроусовымъ и Алексѣемъ Алябышевымъ, съ ружьями. Вскорѣ, за несвоевременное служеніе, то есть, утромъ, между тѣмъ какъ Всенощная была съ вечера, Протопопъ Авдѣй сосланъ въ Илимской острогъ (укрѣпленіе), находившійся за Енисеемъ, въ восточной Сибири. ⁴

Когда Долгорукіе прожили въ Березовѣ восемь лѣтъ, то, по доносу на нихъ изъ Тобольска, Канцеляриста тамошней Таможни, Осипа Тишина, будто они говорили важныя, «злодѣйственныя непристойныя слова», ⁵ въ Маѣ, 1738 года, отъ Бирона былъ присланъ въ Березовъ Капитанъ гвардіи Ушаковъ, подъ видомъ навѣстити изгнанниковъ, отъ имени Императрицы Анны Ивановны, между тѣмъ ему повелѣно было секретно собрать подтвердительныя свѣдѣнія о дерзкихъ ихъ словахъ и узнать о преданныхъ Долгорукиимъ лицахъ. Ушаковъ ласково обходился съ Долгорукиими и прогуливался вмѣстѣ съ ними по городу. Разъ, прогуливаясь съ ними, повстрѣчались съ однимъ изъ Березовскихъ Священниковъ. Ушаковъ съ намѣреніемъ завелъ съ нимъ ласковый разговоръ и непримѣтнымъ образомъ привелъ его въ домъ Долгорукихъ, какъ близкаго имъ. Вскорѣ, по отъздѣ изъ Березова Ушакова, Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой разлучилъ съ супругою и прочими родными и заключилъ въ особенное тѣсное помѣщеніе, подъ строжайшій караулъ; ему воспрещено всякое сношеніе съ женою и родными; выдавалось грубой пищи столько, чтобы только былъ живъ и не умеръ съ голоду. Наталья Борисовна выплакала у караульнаго Премьеръ-Маіора Петрова дозволеніе ночью тайно видаться съ мужемъ, чрезъ небольшое оконцо, и носила ему пищу. ⁶ Такимъ образомъ прожили около трехъ мѣсяцевъ. Въ одну темную, Сентябрскую, дождливую ночь подплыло къ Березову небольшое судно. Въ него секретнымъ образомъ

⁴ Дѣло Березовской Воеводской Канцеляріи о несвоевременномъ служеніи Всенощной Протопопомъ Авдѣемъ Михайловымъ для Княжны Елены Долгорукой.

⁵ Сибирская Лѣтопись, доведенная до 1761 года, — рукопись, принадлежащая библиотекѣ Тобольской Семнаріи.

⁶ Преданіе Березовскихъ жителей и изъ книги «Театръ Сѣѣта», соч. Серг. Глинки.

были вызваны и заключены Князь Иванъ Долгорукій, караульный Премьеръ-Маюръ Петровъ, Березовскіе Священники: Илья Прохоровъ, Федоръ Кузнецовъ, Андрей, Тимофей и Артемій Васильевы, Дьяконъ Федоръ Какоулинъ⁷ и нѣсколько тамошнихъ жителей, приверженныхъ Долгорукимъ. Черезъ два часа судно отплыло изъ Березова, и на завтра не оказалось тамъ 31 человекъ.⁸ Наконецъ, судно достигло Тобольска, гдѣ всѣ арестованные въ немъ увидѣли своимъ судьей — того же Капитана Ушакова.⁹ Священникъ и Дьяконъ, не смотря на предстательство Митрополита, Антонія Стаховскаго, о невинности ихъ, послѣ суда были наказаны: Священники Прохоровъ и Васильевы и Дьяконъ Какоулинъ плетями, Священникъ Кузнецовъ кнутомъ, съ вырваніемъ ноздрей, и первые пятеро, безъ лишенія, а послѣдній съ лишеніемъ Священническаго сана, сосланы въ Охотскій портъ, въ Соловаренную работу.¹⁰ Какія наказанія постигли прочихъ, привезенныхъ на судишь въ Тобольскъ, Березовцовъ, неизвѣстно, только ни одинъ изъ нихъ уже не возвратился на родину: вѣроятно, они умерли отъ наказаній и потомъ отъ работъ на заводахъ. За что же этѣ люди пострадали? За то, что были привержены къ Долгорукимъ и бывали у нихъ въ острогѣ, а караульный Премьеръ Петровъ за то, что дѣлалъ, изъ челоуѣколюбія, послабленіе имъ противъ данной ему инструкціи. Между тѣмъ какъ духовныя лица бывали у Долгорукихъ по церковнымъ своимъ обязанностямъ.¹¹ Тогда же пострадали и Долгорукіе: Николай и Александръ наказаны кнутомъ и съ урѣзаніемъ языковъ сосланы въ работу, первый въ Охотскъ, другой въ Камчатку, Алексѣй посланъ въ Камчатку же матросомъ. Сестры ихъ: Елена, Анна и Екатерина разсланы по разнымъ мо-

⁷ Въ то время въ Березовѣ было три церкви: Одигитріевскій Соборъ, Спасская и Богородице-Рождественская.

⁸ Преданіе Березовскихъ жителей.

⁹ Вышеприведенная Сибирская Лѣтопись.

¹⁰ Дѣло Тобольской Духовной Консисторіи «о наказаніи Березовскихъ Священниковъ и Дьякона, за короткое обращеніе съ Кн. Долгорукими.» Резолюція Кабинетъ-Министровъ, на сообщеніе Св. Синода, 31 Августа, 1738 года, послѣдовавшая о наказаніи и ссылкѣ сазанныхъ духовныхъ лицъ въ Охотскъ.

¹¹ Изъ читаннаго мною дѣла Березовской Воеводской Канцелярїи и отвѣтовъ духовныхъ лицъ на вопросныя пункты видно, что, по желанію Долгорукихъ, приносили изъ Спасской церкви въ Богородице-Рождественскую иконы Не-

настырямъ. ¹² Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, въ Ноябрь 1739 года, послѣ разныхъ пытокъ, колесованъ подъ Новгородомъ, и отрублена ему голова. ¹³

Когда вдругъ схвачены были изъ Березова Долгорукіе, то въ числѣ нѣкотораго ихъ имущества осталась двадцать одна икона. Изъ нихъ упомяну здѣсь только о нѣкоторыхъ, для того, чтобы показать, чѣмъ, между прочимъ, въ Березовѣ занимались невѣстки и дочери Князя Алексѣя Долгорукаго: 1) Распятіе Господне, писанное на лазуревой камкѣ (Китайская шелковая матерія). 2) Ангелъ-хранитель, шитъ шелками и золотомъ, на бѣлой кисеѣ. 3) Знаменіе Божіей Матери, шитый, по бѣлому полотну, золотомъ и серебромъ. 4) Знаменія Божіей Матери, шитъ шелками, по шелковой матеріи, вѣнцы и гривны шиты золотомъ и серебромъ, пополамъ съ жемчужинами. Обо всѣхъ иконахъ было доносимо въ Правительствующій Сенатъ, изъ Сибирской Губернской Канцеляріи, отъ 8 Мая и 14 Ноября, 1744 года, но отвѣта не послѣдовало.

рукотвореннаго Спаса и Казанской Божіей Матери, и служилъ акаѳисты Іисусу и Божіей Матери Священникъ Андрей Висльевъ. Въ другое время служилъ молебенъ для Долгорукихъ, предъ принесенною иконой Божіей Матери Одигитріи изъ Одигитривскаго собора, Священникъ Матвѣй Никифоровъ; 1738 г., 12 Апрѣля Протопопъ Авдѣй Михайловъ, для Долгорукихъ приносилъ изъ Спасской церкви иконы Спасителя и Казанской Богоматери въ Богородице-Рождественскую церковь и служилъ молебенъ съ акаѳистами. Служилъ также молебенъ, по желанію Долгорукихъ, находившійся временно въ Березовѣ Священникъ Сосвинскаго села Дмитрій Ерофѣевъ, и проч. и проч.

¹² Записки Дюка Лирійскаго, стран. 184 и 185. «Дошло до меня преданіе, будто Княжна Екатерина Алексѣевна заключена была въ Томскій монастырь; но въ Томскѣ не было дѣвичьяго монастыря, кромѣ мужскаго, можетъ быть въ Епископскій дѣвичій. Въ томъ, или другомъ, монастырѣ, но что она ввслана въ монастырь, можетъ быть, и мужской Томскій, подъ командою 40 гвардіоновъ, которые составляли ее безотлучную стражу, въ томъ нельзя сомнѣваться. Не только ворота монастыря для нея не отворялись, но и въ стѣнахъ ея она содержалась въ строжайшемъ уединеніи. Все развѣдоченіе ея состояло въ томъ, что, подвѣсившись на колокольню, она смотрѣла на окрестности.

¹³ Подлинный манифестъ, по указу Императрицы Анны Ивановны, подписанъ руками Кабинетскихъ Министровъ и Генерала Ушакова. Исполненъ въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ, Ноября 12 дня, 1739. Имѣю печатный.

Въ послѣдствіи этѣ иконы изъ Березова взяты и хранились въ Тобольской Рентерѣ (Казначействѣ).⁴⁴

Деревянный памятникъ въ Березовѣ надъ могилою Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и супруги его сгорѣлъ во время горѣнія Богородице-Рождественской церкви, 20 Февраля, 1764 года, на сырной недѣлѣ, отъ неосторожности пьянаго трапезника, 55-лѣтняго разночинца, Петра Федорова.⁴⁵ Отъ этого памятника, во время проживанія моего въ Березовѣ, оставались обгорѣлыя и обуглившіяся бревна, бывшія основаніемъ памятника, выросшія въ землю и покрывшіяся дерномъ. Такимъ образомъ по возвышенности ихъ, противъ уровня земли, видно пространство бывшаго памятника и сохранилось объ немъ неопровержимое преданіе у Березовцовъ. Собираясь оставить Березовъ, я, 5 Ноября, 1849 года, сдѣлалъ измѣреніе разстоянія этого бывшаго памятника Долгорукихъ отъ другихъ, вблизи лежищихъ, мѣстъ. Отъ крыльца настоящей, каменной Богородице-Рождественской церкви, на сѣверозападъ, онъ въ 7 саженьяхъ. Отъ западной стѣны придѣла, во имя Св. Антонія и Феодосія Печерскихъ, прямо на западъ, въ 9 саженьяхъ. Отъ фундамента церковной ограды видъ 1½ сажени. Отъ бурака или ручья, прямо на сѣверъ, 10 сажень. Отъ бывшаго острога въ 14 саженьяхъ. Отъ могилы Долгорукихъ до могилы Остерамна, на сѣверозападъ, 18-ть сажень.

Николай Абрамовъ.

24 Ноября, 1865 года.

Г. Семипалатинскъ.

⁴⁴ Указъ Сибирской Губернской Канцеляріи Березовской Воеводской Канцеляріи, отъ 28 Мая, 1746 года, за N 5633, за подписью Губернатора Алексея Сухарева.

⁴⁵ Прочія 17 иконъ были: 1) Образъ Спасителя на краскѣ подъ слюдой; 2) Екатерины Великомученицы, съ вѣнцомъ серебрянымъ; 3) Іоанн на Богослова; 4) Казанской Божіей Матери, съ серебрянымъ окладомъ, вѣнцомъ и гривною; 5) Владимирской Божіей Матери; 6) Святителя Николая; 7) Іоанна Воина; 8) Антонія и Феодосія; 9) Знаменія Божіей Матери; 10) Благословенія; 11) Владимирской Богородицы; 12) Илиі Пророка; 13) Іоанна Богослова; 14) Створы на нихъ, Св. Антоній и Феодосій; 15) Св. Симеона и Іоанна; 16) Одиотриіи Божіей Матери; 17) Іоасафа Царевича и Варлаама.

⁴⁶ Дѣло Березовской Воеводской канцеляріи «О сгорѣніи Богородице-Рождественской церкви въ 1764 году.»

МОГИЛА

ГРАФА АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ОСТЕРМАНА

ВЪ БЕРЕЗОВЪ.

1742 — 1747 г.

Послѣ отбытія изъ города Березова (Тобольской Губерніи) семейства Князя Долгорукого, чрезъ четыре года, въ 1742 году, прибылъ туда въ ссылку ¹ и занялъ ихъ мѣсто, въ томъ же острогѣ, Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, съ супругою Марею Ивановной, урожденной Стрешневой. По собраннымъ мною (съ 1842—1849 г.) въ Березовѣ преданіямъ отъ разныхъ старыхъ людей, Остерманъ былъ слабаго здоровья, страдалъ подагрой, ходилъ съ костылемъ и носилъ постоянно бархатные сапоги. Когда они нѣсколько познашивались, то отдавалъ бѣднымъ жителямъ: мужчины, или мальчики, изъ голенищъ выбирали и шили себѣ жилеты, а женщины верхи къ чабакамъ (женская, теплая шапка). Въ 1747 году, 31 Мая, этотъ изгнанникъ въ Березовѣ скончался, имѣя отъ роду 61 годъ. Похороненъ, въ 22 сажняхъ, на сѣверо-западѣ отъ Богородице-Рождественской (Заручейной) церкви, стоявшей близъ острога, гдѣ Остерманъ содержался и, какъ Лютеранинъ, далѣе другихъ, похороненныхъ тамъ, Православныхъ. На могилѣ его супруга построила памятникъ или, какъ называли Березовцы, часовню, изъ деревянныхъ, толстыхъ брусевъ, какъ говорилось: въ замокъ концовъ, одинъ въ другіе. Длина памятника

¹ Манифестъ Императрицы Елисаветы Петровны 22 Генваря, 1742 г., печатанъ при Сенатѣ 23 Генваря, 1742 года.

пять, ширина и высота по четыре аршина. Покрытъ въ двѣ доски, со свѣсами, фигурно, угловато вырѣзанными. Съ восточной стороны была дверь, съ верху полукруглая, на югѣ протесъ или узкое и горизонтально длинное окно, почти подъ самой крышей, чтобы, за высотой его, не могъ никто снаружи смотрѣть въ него, въ то время, когда супруга Остермана молилась днемъ, а нерѣдко и ночью, на могилѣ мужа. Внутри памятника, ближе къ сѣверной сторонѣ, надъ самой могилою, былъ устроенъ катафалкъ, и на немъ пустой съ крышкою гробъ, подобный тому, въ какой положенъ Графъ въ могилѣ. Впереди на стѣнѣ находилась икона, предъ нею лампада, съ горящимъ, во время молитвы, елеемъ, предъ ними аналой, съ лежавшею книгой, по которой Графиня молилась объ упокоеніи души супруга въ лучшемъ безмятежномъ мірѣ. Въ началѣ Сентября, того же 1747 года, супругѣ Остермана предстояло отправиться изъ Березова на судиѣ въ Тобольскъ, а оттуда въ Россію. Всю послѣднюю ночь она провела на могилѣ мужа, въ слезахъ и молитвахъ. Послѣ отъѣзда ея изъ Березова, между жителями произошелъ вымыселъ, что она въ послѣднюю ночь, съ помощію находившихся у ней дворовыхъ людей,² вырыла тѣло мужа изъ земли и, положивъ въ большой ящикъ, заливъ воскомъ, увезла съ собою въ Россію.³ Но этотъ вымыселъ, какъ скажу въ послѣдствіи, не оправдался.

² Изъ дворовыхъ людей Остермана извѣстны, по дѣламъ Воеводской Канцеляріи, Андрей Ершовъ, съ женою Натальей Яковлевою и двумя дочерьми.

³ Во время проживанія моего въ Березовѣ многіе старые люди передавали мнѣ этотъ вымыселъ. Вотъ тождественное съ прочими сказаніе мнѣ отставнаго Казака, старика Флора Ослопова, человѣка набожнаго, чтеца и пѣвца въ церкви: «Отецъ мой, когда я былъ въ малолѣтствѣ, водилъ меня у Заручейной церкви, по могиламъ Государственныхъ преступниковъ, и говорилъ: «Вотъ, Флорушко, это могила Князя Долгорукаго, близъ самой почти церкви; вотъ предъ алтаремъ была могила Князя Меншикова, на мысу; на ней была часовня и сгорѣла о тѣ поры (тогда), когда сгорѣла деревянная Заручейная церковь, которую строилъ Меншиковъ. Вотъ дальше, на сѣверо-западъ, могила, съ часовнею, Нѣмца Остермана. Этотъ старикъ былъ художникомъ, въ острогѣ жилъ, ходилъ съ костьюкомъ. На ногахъ бархатные сабоги; новосить ихъ и отдасть бывало на желетки робитамъ Березовскимъ, либо старикамъ, либо на чабаки. Какъ умеръ, то жена его, чтобы украсить его изъ могилы, сдѣлала надъ могилою глухую часовню, одно окошечко

Послѣ смерти Остермана, памятникъ на могилѣ его оставался лѣтъ сорокъ запертымъ на замокъ, и былъ невредимъ; потомъ, вѣроятно, въ слѣдствіе сказаннаго вымысла, что въ могилѣ покойника нѣтъ, замокъ отворенъ, катафалкъ, съ стоявшимъ на немъ гробомъ, сломанъ, и самый памятникъ обращенъ въ кладовую разныхъ, принадлежащихъ къ церкви, малоцѣнныхъ вещей: уголья, носилокъ, на которыхъ ставятъ гробы покойниковъ и проч. Наконецъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, Священникъ Богородице-Рождественской церкви, Стефанъ Ногинъ, вѣроятно, основываясь на томъ же вымыслѣ, что подъ памятникомъ ⁴ нѣтъ покойника и онъ стоитъ по пусту, перевезъ памятникъ къ себѣ на дворъ и перестроилъ изъ него анбарушку, для поклажи вещей хозяйственныхъ. Анбарушка эта сгорѣла въ бывшій въ Березовѣ большой пожаръ, 19 Іюня, 1806 года. ⁵ Отъ этого памятника, во время проживанія моего въ Березовѣ, оставались на своемъ мѣстѣ окладныя бревна, изъ лиственницы, вросшія въ землю; и такъ какъ между ними внутри лѣтомъ почти постоянно стоитъ, сначала снѣжная, потомъ дождевая, вода, то этѣ бревна окрѣпли, можно ска-

подъ крышей: бывало, говорилъ Отецъ, лѣпяшсья, въ робятствѣ, чтобы увидѣть, что есть въ часовнѣ, да и бухнешь на полъ (на землю); вишь, (видишь) ровна была заборка. А какъ Остерманиху велѣли возвратить изъ Березова, то она послѣднюю цѣлую почъ была въ часовнѣ, вырыла старика изъ земли, положила въ сундукъ и увезла съ собою въ Россію. Когда на-завтра этотъ сундукъ несли наши Казаки на судно уже послѣ всей ея поклажи, и за сундукомъ она шла сама, то заплатила за переноску сундука серебряными рублевиками. Въ суднѣ уже, если надобно было тотъ сундукъ переславить съ мѣста на мѣсто, то давала, двумъ Казакамъ, по серебряному рублевику. Но хотѣла схитрить отъ людей, да земля свое взяла. Какъ совѣтъ было готово къ отправкѣ судно, вдругъ подулъ сильный сѣверный вѣтеръ, дворовая дѣвка Остерманихи стояла близъ паруса, и такъ ее сильно дернуло, что она упала въ воду и утонула. Нашли въ водѣ дѣвку уже послѣ отхода судна, и похоронили. Вотъ и вышло такъ: мужа мертваго съ собою взяла, за то оставила въ Березовской землѣ свою дѣвку.»

⁴ 65-лѣтній Сотникъ, Алексѣй Ивановичъ Полѣновъ, въ 1843 году, сказывалъ мнѣ въ Березовѣ, между прочимъ: «Памятникъ Остермана какъ теперь вижу.»

⁵ Живое преданіе Березовскихъ жителей, которые, въ молодости своей, видѣли этотъ памятникъ на своемъ мѣстѣ.

затѣ окаменѣли, и могила Остермана, чрезъ нихъ, осталась не потерянною, и мнѣ показана Березовскими жителями въ 1843 году.

Начальникъ Уральской Экспедиціи, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, Инженеръ-Полковникъ Эрнстъ Карловичъ Гофманъ, въ послѣдствіи Генералъ-Маіоръ, былъ два раза въ Березовѣ. Сначала, по спускѣ съ Уральскихъ горъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, 1847 года, въ ожиданіи зимней дороги въ Россію, а потомъ въ Юнѣ, 1848 года, по возвращеніи изъ Петербурга, чтобы опять подняться на Уральскій хребетъ. Проживая нѣсколько недѣль въ Березовѣ, въ ожиданіи наступленія теплаго лѣтняго времени, онъ желалъ узнать, на сколько тамъ промерзаетъ въ зиму земля. А потому 2 Юня⁶ велѣлъ сдѣлать шурфы, невдалекѣ отъ Богородице-Рождественской церкви, и рабочіе нечаянно угодили на могилу Остермана. При чемъ въ выбитомъ шурфѣ, глубиною болѣе 2½ аршинъ, оказались остатки дубоваго гроба (гдѣ взяли это дерево, — угадать трудно), который внутри былъ обитъ бѣлою тафтою, снаружи околоченъ кофейнаго цвѣта матерією, въ родѣ прогро, и по краямъ обложенъ золотымъ позументомъ; на изголовьи черепъ покойника. За тѣмъ Эрнстъ Карловичъ обратился ко мнѣ за свидѣніемъ, чья эта могила? Знвши объ ней прежде, я объяснилъ ему.⁷ Шурфъ засыпанъ, въ слѣдующее Воскресенье на могилѣ отслужена панихида. За тѣмъ приступлено къ сооруженію новаго памятника. На могилѣ сдѣлана высокая земляная насыпь, покрытая зеленѣющимъ дерномъ. Изъ смодеватой, толстой сосны сдѣланъ массивный Нѣмецкій крестъ. По указанію находившагося въ Уральской Экспедиціи естествоиспытателя, Поручика Датской службы Бранта, этотъ крестъ сначала былъ окрашенъ прегустою черною масляною краскою и со всѣхъ его сторонъ обсыпанъ ровно пескомъ, и въ такомъ видѣ засушенъ и выглаженъ, потомъ по этому составу, опять, на два раза, окрашенъ черною масляною краскою. Этотъ крестъ поставили, съ утвержденіемъ въ землѣ глубоко, съ двухъ сторонъ, отводными толстыми деревянными подпоринами, держащими его прямо. За тѣмъ, по отъѣздѣ Экспедиціи въ Уральскія горы,

⁶ Въ Березовѣ въ началѣ Юня земля оттаиваетъ не болѣе на ¾ аршана.

⁷ Географическія Извѣстія, за 1848 годъ, стр. 109.

въ Юлѣ мѣсяцѣ, по порученію Полковника Гофмана, приколоты мною на крестъ изъ мѣдной латуни, длиною болѣе полуторыхъ вершковъ, Латинскія буквы: Н. О. (Henricus Ostermann), подъ Графскою короною. Около могилы построена ограда, изъ деревянныхъ брусковъ, толщиною каждый около двухъ вершковъ, длиною около полуторыхъ аршинъ, вставленныхъ съ низу въ деревянные лежни, а сверху въ такіе же толстые, со всѣхъ четырехъ сторонъ, горизонтально лежащіе, деревянные брусья, и ограда эта окрашена черною масляною краскою.¹

Николай Абрамовъ.

30-го Ноября, 1865 г.

Г. Семипалатинскъ.

¹ Сравни. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книга VI, 1852 г., стр. 324 и 325.

ЗАМѢТКА

ОБЪ ОДНОЙ МОГИЛѢ ВЪ ПОСАДѢ ПУЧЕЖѢ. ¹

Въ небольшомъ посадѣ Пучежѣ (Костромской Губерніи), на живописномъ берегу Волги, до 1764-го года стоялъ Пушавинскій Воскресенскій мужской монастырь. Обитель эта была упразднена въ началѣ царствованія Екатерины II; отъ извѣстнаго нѣкогда монастыря осталась только приходская церковь, съ широко раскинувшейся вокругъ нея оградой съ небольшими башнями. Мѣсто, на которой стоитъ эта церковь, весьма живописно: ограда примыкаетъ къ крутому берегу, съ котораго весной и лѣтомъ открывается чудный видъ на Волгу.

На зеленой лужайкѣ у церкви нѣсколько надгробныхъ памятниковъ; подъ однимъ изъ нихъ погребена женщина, которая многіе годы прожила въ посадѣ Пучежѣ подъ именемъ Варвары Мироновны. Женщина эта, по убѣжденію старожиловъ Пучежскихъ, очень хорошо знавшихъ Варвару Мироновну, была дочь Императрицы Елисаветы Петровны.

Живо заинтересованный таинственною личностію, я сталъ про нея спрашивать стариковъ и старухъ, и вотъ что услышалъ...

¹ Въ нашей исторической литературѣ не мало было статей и замѣтокъ о таинственной судьбѣ дочери Императрицы Елисаветы Петровны. О самомъ бракѣ Государыни съ Гр. А. Г. Разумовскимъ недавно еще помѣщенъ былъ въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ» (1863 г., кн. 3, отд. 8, стр. 153—157), въ высшей степени интересный рассказъ (за объѣдомъ у Князя Варшавскаго, Графа И. Ѳ. Эриванскаго, записанный А. Я. С—комъ, со словъ покойнаго Графа С. С. Уварова). Въ настоящей замѣткѣ мы сочли не безъинтереснымъ для любителей исторіи сгруппировать нѣсколько народныхъ рассказовъ Пучежанъ и Пучежанокъ объ одной могилѣ въ этомъ посадѣ. Въ могилѣ этой, по убѣжденію мѣстныхъ жителей, схоронена не кто другая, какъ дочь Императрицы Елисаветы Петровны. Передаемъ народные толки безъ всякихъ съ нашей стороны измѣненій, именно такъ, какъ они были выслушаны нами отъ народа, и отнюдь не ругаясь за то, чтобы народное преданіе было совершенная истина.

Передаю, безъ какихъ либо съ моей стороны измѣненій, всѣ подробности преданія, и рѣчью почтенной старушки мѣщанки; съ особеннымъ одушевленіемъ говорила она мнѣ о Варварѣ Мироновнѣ....

Привезена была Варвара Мироновна сверху, съ Питера, значить, въ давнее время. Я еще и на свѣтъ-то не была (такъ говорила старушка); привезъ ее, сказываютъ, Полковникъ, што ль какой, и ни какъ при матушкѣ еще, вишь, Павла Петровича. А была ужъ она, Варвара Мироновна, въ лѣтахъ середственныхъ, ни какъ пятый десятокъ шелъ. Искала она по Волгѣ мѣста, гдѣ бѣ поселиться. Пучежъ нашъ и понравился ей... Да и нельзя нашему мѣсту не понравиться: народъ, вишь, у насъ самый, то есть, добродушественный, опять же тутъ и тихо, глухо; одно слово, самое, то есть, душеспасительное мѣсто. Варвара-то Мироновна и говоритъ: «Остаюсь я здѣсь, въ Пучежѣ.» Ее Полковникъ и оставилъ.

«Выстроила она себѣ при этойъ при самой церкви келейку, (наши жъ посадскіе и строили ту келью), и прожила въ ней Варвара Мироновна тишайшимъ образомъ безъ малаго годовъ пять-десять. А родъ свой, значить, имя свое да отчество, навсегда соблюдала покойница въ скрытности; прозывать же она стала себя Варварой, сказываютъ, по тому дню, въ который вышла она въ міръ странствовать для спасенія по монастырямъ, Мироновной же прозвалась по міру по самому. Сказывать же про то, какого она доподлинно была роду, покойница не любила. Станутъ ее бывало наши Пучежескіе спрашивать, а она все шутки шутила; одному скажетъ: на кнутѣ, де, я родилась, другому: солдатска, молъ, бѣглая я дочь, третьему: зовутъ меня Анной Даниловой... А былъ у нея (видать сама не видала) Указъ такой, золотомъ, вишь, опечатанъ, Синодскій, аль другой какой: «Странницѣ, молъ, Варварѣ Мироновой, чинить всякое вспоможеніе, и коли, молъ, пожелаютъ онѣ при какой церкви поселиться, тому не препятствовать, и давать ей на построенье да на прожитье изъ церковной суммы столько-то.....» Только какъ это ни было въ скрытности, какого, значить, роду была Варвара Мироновна, а всѣ у насъ въ Пучежѣ и старые и малые скоро свѣдали, что была она дочь Императрицы Елисаветы Петровны, внучка, стало быть, Петра Великаго... А съ того самага времени, кадъ маменька ея скончаться изволили, Варвара Мироновна проживала въ разныхъ мѣстахъ,

а болѣе того при монастыряхъ. Такъ, сказываютъ, жила она долго въ Орлѣ... И ума была покойница (царствіе ей небесное!) пророчливаго... она, вѣдь, и пророчествовала... таинственно заключила старушка.

— Не помните ли, о чемъ она пророчествовала? перебилъ я рассказщицу.

«Кому что, кто о чемъ спрашивалъ. Такъ, къ слову сказать, о ту пору, какъ была я дѣвонькой-невѣстой, желательно было мнѣ узнать про судьбу свою. — Пойдемъ, говоритъ мнѣ старушка сусѣдка, — пойдемъ, говоритъ, къ Варварѣ Мионовнѣ! — «Боюсь, говорю, бабушка!» — Чего бояться-то, глупенькая? Не съѣсть, а може, что и на доброе скажетъ. — Приходишь. — «Кто-тамъ?» кричитъ Варвара Мионовна. «Палагея, посмотри, кто тамъ пришелъ?» (У нея, вишь, послушница была Палагея Артамоновна, старушка; дагъ ее въ услужницы Царевичъ Грузинскій, Лысковскій баринъ, Егоръ Александровичъ). — «Старушка, могъ, съ дѣвонькой, съ Ольгой.» «Пусть войдутъ!» — Кланяемся. Варвара Мионовна сидитъ, по обноковенію, вся въ бѣломъ и бѣлымъ платкомъ повязавшись (одѣвалась она по мірскому, хоша и сказывали о то время, что она въ тайный образъ была пострижена и наперсный крестъ какой-то имѣла), сидитъ въ креслахъ и глядитъ этакъ зрительно на образъ Спасителя. — «Что, милушка, скажешь?» Такъ, могъ, и такъ, Варвара Мионова, объясняю имъ, женихъ на мнѣ высватался: выходитъ что ль замужь?» (у насъ, вѣдь, самъ знаешь, замужь выдавали куда какъ рано!); буду ль счастлива? — «Стань, говоритъ, на колѣни, молись Спасителю!» Стала это я на колѣни, предъ иконою; а икона у Варвары Мионовны была большая, чудотворная, ризы богатая, письмо старинное. Молюсь я со усердіемъ, плачу, да этакъ пристально-то, пристально, гляжу на ликъ Спасителя; предъ нимъ лампадка горитъ; гляжу — а личико его вдругъ все стало старенькое да худенькое, пасмурное такое, а тамъ по маленьку и отошло, отошло, и розовое молодое, да доброе изъ себя такое сдѣлалось. — «Что, Ольгушка, помолвилась?» — Помолвилась. — «Такъ вотъ что я тебѣ скажу, сердешная: молись ты почаще, молись поусерднѣй, и съ молитвой да съ надеждой на Господа Спаса нашего выходи за мужъ! Коли не забудешь Бога, счастлива ты будешь семь лѣтъ; на восьмой годъ будешь, тѣ несчастъ большое,

а тамъ, какъ оправилъся отъ горя, будешь жить во спокойствіи». И чтобъ ты думалъ, милый человѣкъ? Вѣдь и впрямь: по пророческому слову на восьмомъ, аль на девятомъ, году, похоронила я мужа своего, горе большое было, а тамъ сынъ подростъ, и живу я безъ горя, по милости Господа Спаса нашего, да по молитвамъ покойницы, Варвары Мироновны. А вотъ сродственницѣ моей... та тоже замужъ выходила, и выходила она за богатаго; пришла этакъ разряженная, фурсистая.—«Нѣтъ тѣ счастья, сказала ей Варвара Мироновна: быть на тебѣ большому злополучію.» Мужъ-то, вѣдь, сродственницѣ моей и обанкрутился, съ этихъ што ль словъ Варвары Мироновны! и ужъ чего только, чего не натерпѣлась моя въ своей жизни...»

Собесѣдница моя готова была разсыпаться въ разсказахъ о злополучіихъ сродственницѣ, но я вновь навелъ разговоръ на загадочную Мироновну.

— Власти не токмо что уважали, а ровно какъ боялись Варвары Мироновны. Въ первые годы, какъ поселилась она въ Пучежъ, пріѣхалъ это Архіерей новый на Костромскую Епархію. Хорошо. Ѣздилъ по Епархіи, прибылъ Преосвященный и въ Пучежъ. Сказываютъ ему про Варвару.—«Что, говоритъ Владыко, что это за женщина, что за побродяжница? Позвать ее ко мнѣ!» Та не идетъ. Звалъ онъ ее до трехъ разъ.—«Знать ничего не хочетъ Варвара Мироновна, по тому какъ понимаетъ она изъ себя, кто она такая, такъ и Владыко ей не грозеть. Идетъ онъ къ ней, идетъ въ келью, гнѣвенъ. Сидитъ тамъ часъ, сидятъ другой... И выходитъ нашъ Преосвященный изъ кельи тишайшимъ образомъ, благословляетъ Варвару Мироновну умиленно, съ кротостью... Вотъ какова была Варвара Мироновна! Владыко ли пріѣдетъ, Губернаторъ ли, аль Сенаторъ изъ Петербурга проѣдомъ, найкажинный зайдетъ, бывало, къ ней на поклонъ. А Лысковскій баринъ, Егоръ Александровичъ, такъ тотъ и зачастую наѣзжалъ въ Пучежъ, по тому большое уваженіе имѣлъ къ Варварѣ Мироновнѣ, опять же и зналъ, надоть думать, изъ какихъ она была. ² Припасы ль, бывало, аль денегъ, книгъ (до книгъ покойница бы-

² Князь Егоръ Александровичъ Грузинскій, Дѣйств. Камергеръ, родился 1762 г., умеръ въ 1852-мъ.

ла охоча), прислугу ль дать, всякое бывало удовольствіе дѣлать. Царевичъ же Груанскій Покойницѣ и келью-то новую выстроилъ, какъ прежняя ея келья подгнивать зачала; онъ и хоронить ее пріѣзжалъ изъ Лыскова. Поповъ-то, поповъ, что было нѣтъ названо о ту пору, ни какъ человекъ двадцать, коли не больше было! Какъ теперь гляжу: хоронили это ее во вторникъ, какъ есть надъ Пучежъ былъ на погребеніи Варвары Мироновны. Лысковскій баринъ и памятникъ надъ ней поставилъ... вотъ, поглядѣ!

Я подошелъ къ церкви съ южной стороны, и здѣсь увидѣлъ на зеленой лужайкѣ, памятникъ. На четырехъ невысокихъ каменныхъ столбахъ поставленъ изъ известкового камня катафалокъ въ формѣ гроба, съ изображеніемъ на немъ обыкновенныхъ украшеній: мертвой головы, голени на крестѣ и проч. Надъ катафалкомъ желѣзная, зеленой краской крашенная, крыша, за гѣбу, на лѣвой сторонѣ памятника (совершенно почти новаго, такъ онъ хорошо сохраняется) надпись:

«Подъ симъ камнемъ поконтся прахъ рабы Божіей, инокини Аркадіи, скончавшейся 1839 года, Генваря 22 дня.

Съ правой стороны памятника другая надпись:

«Инокія Аркадія проживала въ посадѣ Пучежѣ, при Пушавинской церкви, 50 лѣтъ, скрывъ настоящее свое званіе и родъ, а называлась Варварою Мироновою, по прозванью Назарьевой; житія жъ ей сколько было, остается неизвѣстно.»

— «Разно толкуютъ, говорилъ мнѣ въ тотъ же день одинъ изъ старожилловъ посадскихъ: кто говоритъ, что было лѣтъ 90 Варварѣ Мироновнѣ, по словамъ другихъ—105; вѣрно то, что она пріѣхала сюда около 1789-го года, и уже женщиной пожилой. Вотъ что я слышалъ, говорилъ мой собесѣдникъ, отъ покойнаго здѣшняго Священника: Варвару Миронову, вмѣстѣ съ другими четырьмя женскими персонами, привезъ въ Пучежъ Полковникъ Бушуевъ; Варвару онъ оставилъ здѣсь, остальныхъ повезъ дальше, но куда, неизвѣстно. Имени своего привезенная не сказывала, грустить не грустила, а стала жить при церкви, въ видѣ простой инокини, хотя не слышать, чтобъ она когда ни будь ходила въ монашескомъ платьѣ. На одной изъ ея книгъ, попавшейся мнѣ, была

надпись: «Сей Новый Загѣтъ принадлежитъ дѣвицѣ Аннѣ Даниловѣй», но ея ли это надпись, прежней ли владѣлицы книги, не знаю; но надпись, какъ видите, ничего не разъяснила. Книгъ же вообще Варвары Мироновны было много, большой частью священныя, иностранныхъ книгъ покойный Священникъ (тесть мой) не видалъ у нея. Случалось ему, такъ передавалъ онъ мнѣ, писать письма подъ диктовку Варвары Мироновны, писала, впрочемъ, и сама она; письма эти были зачастую въ Петербургъ, къ разнымъ Вельможамъ; такъ, на пр., покойникъ помнилъ, что онъ писалъ, по порученію Варвары Мироновны, къ Графу Виктору Павловичу Кочубею. Письма были о нуждахъ Варвары Мироновны, ея просьбы о милостыни на церкви и т. п. Наши Пучежане весьма уважали старушку, безпрестанно обращались къ ней за совѣтами, и считали ее женщиной чуть не святой. Я ее засталъ въ живыхъ, но она была уже очень ветха, сидѣла обыкновенно въ креслахъ на колесахъ, и послѣдніе годы своей жизни не могла даже пріѣзжать (на своемъ креслѣ) въ церковь. Имѣла она какой-то крестъ на Анненокой лентѣ и получала, за вѣрное вамъ не вѣдаю, а сказывали мнѣ, что получала она изъ Петербурга какую-то пенсію, по однимъ въ 200 руб., по другимъ извѣстіямъ больше.... Унасъ въ Пучежѣ всѣ и всегда были убѣждены, что инокиня Аркадія не кто другая была, какъ дочь Императрицы Елисаветы Петровны»..

У ногъ таинственной монахини погребена ея вѣрная прислужница, Пелагея, или Прасковья, Артамонова; она умерла въ 1852-мъ году и завѣщала погребсти себя у ногъ своей госпожи.

Противъ алтаря, у ограды, выходящей на Волгу, до сихъ поръ можно видѣть часть фундамента, на которомъ стояла келья таинственной старушки; туть же растетъ липа, освѣнявшая тѣнью своихъ вѣтвей пустыньку инокини Аркадія; келья продана на съезъ въ 1840-хъ годахъ. Недалеко отъ этого мѣста, въ одной изъ башенъ Пушавинской церковной ограды, живетъ одна старушка мѣщанка, начетчица церковныхъ книгъ. Въ надеждѣ свѣдать отъ нея что либо про Варвару Мироновну, я зашелъ въ башеньку. Въ деревянныхъ небольшихъ сѣнцахъ, придѣланныхъ къ башнѣ, встрѣтила меня сама хозяйка, полная, румяная старушка въ черномъ ситцевомъ платьѣ и въ такомъ же платкѣ, повзан-

номъ на голову. Въ башенной коморкѣ, освѣщенной небольшою окномъ, выходящиму на Волгу, стояло нѣсколько образовъ, и въ углу, подлѣ печки, лежала куча книгъ. Мѣстами, на чисто выбѣленныхъ стѣнахъ, видѣлись надписи церковнаго письма. Престолъ и табуретъ довершали убранство комнаты.

Послѣ нѣсколькихъ обыденныхъ фразъ, въ родѣ извиненій: «Ахъ, батюшка, простите, что такъ меня застали; у меня-то ничего не прибрано,» и т. п., разговоръ зашелъ о Варварѣ Мироновнѣ.

— Какъ не знать, какъ не знать: знавала ее, матушку, заговорила обитательница башни, какъ-то странно втягивая въ себя воздухъ послѣ каждой фразы: персона была высокая, знатная, доченька въ Бозѣ почившей Благочестивой Государыни Императрицы Елисаветы Петровны. Варвара Мироновна хоша и не любила говорить-то о своей матушкѣ, однако разъ какъ-то и разговорилась объ этомъ съ своей Прасковьюшкой, и скажи она ей: «Помню, де, я, помню, какъ подносили меня малешонкою во дворцѣ какомъ-то, въ Петербургѣ, къ женской персонѣ.... а персона та была полная, изъ себя фасонистая, видная; платье-то на ней было богатое, богатѣйшее штофное, а волоса-то пудренные. И цѣловала, де, она меня, и ласкала, дочкой звала»...

— Кто жь отцомъ былъ Варвары Мироновны?

«Говорила, говорила она и объ отцѣ... Я было и запомнила... да, нѣтъ... такъ точно... Графа Разумовскаго называла, и погребенъ онъ, вишь, сказываютъ, въ Батуринѣ... И жила перво на перво Варвара Мироновна въ богатѣйшемъ какомъ ни на есть дворцѣ, а тамъ еще молодешенькой захотѣлось ей странствовать, въ Киевскія пещеры на поклонъ итти... Пошла.... Нагнала ее въ дорогѣ погоня: два Енерала... Ваали ее, матушку, привезли опять въ ея, значить, полаты. Только какъ она выросла, а значить, по Евангелію, святости всякой сподобилась, такъ убѣжала она и во второй разъ... И слышитъ она, душевный ты мой, погоня за ней новая. Испугалась она, матушка, да на ту пору усмотрѣла нищую; стала просить ея рубище... И выпросила тое рубище за свое платье богатѣющее. Однако, Енералы изловили странницу. Стала она говорить: «Убѣгу, де, и втретью, а то и руки на себя

малою, коли не станете пущать; не хочу я жить въ роскоши: хочу я жить на міру странницей, въ бѣдности да въ убожествѣ»... Видѣвши то ее такое желанье, дали ей пачпортъ и пустили въ міръ, въ хоженье по монастырямъ да къ святымъ угодникамъ... А какъ начнетъ бывало что рассказывать покойница (царствіе ей небесное!), такъ рѣчь у нея бывало такая гладкая, хорошая: не нашияская, не холопская! Сказываютъ, Митрополитъ Санктпетербургскій Гавріилъ отцомъ ея духовнымъ былъ... А при церквахъ были у нея кельи: въ Орлѣ, въ Арзамасѣ... Въ Орлѣ она выжила нѣсколько годовъ. Отцомъ духовнымъ былъ у нея тамъ кладбищенской Іоанновской церкви Протоіерей Лука Малиновъ, не изволишь ли знать? правда, ноиѣ давно ужъ покойникъ... Была я у него, была, какъ ходила въ Кіевъ. Вхожу, а отецъ Лука сидитъ безъ движенія и безъ словесъ отъ параличнѣй болѣзни. Варвару-то Миронову Богъ о то время взялъ къ себѣ (мало, вишь, у Него Ангельскаго чина!). Слышамши отъ покойницы, какъ, то есть, любилъ ее въ Орлѣ отецъ Лука, стала ему я сказывать о преставленія Варвары Мироновны. Глажу, — а у батюшки такъ слезы въ три ручья, въ три ручья!... А онъ ужъ нѣсколько лѣтъ и не плакалъ отъ параличнѣй болѣзни... Попросила я у него благословенія, — и у него, на это время, и благословеніе сказалося, и рука поднялась! Отъ одного, вишь, мнѣнья о Варварѣ Мироновнѣ нѣмые глаголятъ, недвижные двигаются..

— Расскажите, пожалуйста, какую она жизнь здѣсь вела?

«Жила, какъ жить подобаеть на спасеніе души: найкажнннй день читала по семи Житій; въ церковь возили ее зимой въ саночкахъ, лѣтомъ на телѣжкѣ: по старости своей ходить-то ужъ она не домогала; говядины никогда не потребляла; велить это, бывало, зажарить себѣ лещика, откушаетъ спиночку, остального и не тронетъ. Икона была у ней чудотворная; молится, бывало, а въ поученія приходящимъ говорить предъ ней, — и все, бывало, этакъ притчей, притчей, все, вишь, притчей сказываетъ; говорить этакъ тихонько, тихонько: смерть не любила, когда при ней громко говорили. Ея-то Прасковья Артамоновна, — не тѣмъ будь помнута! — женщина была изъ себя идравная, голосистая, на языкъ-то безъ удержу; бывало, что ни день, такъ схватится съ кѣмъ ни будь: браниться значитъ люта была! Такъ Варвара Мироновна

подвизала ее къ смиренію; подзываетъ, вытащить изъ за кресла да своего плеточку (такая у нихъ плеточка была о двухъ концахъ), и начметъ постегивать, значить, поучать, и начметъ.... поучаетъ потедова, покедова, значить, ручка ее устаетъ. И е то время Прасковьюшка ее только мычить, по тому, какъ понимаетъ она, что не по злобѣ то дѣлается, а по благодушествію, на лѣпоту душевную, такъ и не приходится ей сердце мѣтѣ. Опять же и понимала, какова изъ себя рода Варвара Мироновна. Погорячить, погорячить, а тамъ и отойдетъ... Ангальскую доброту имѣла Варвара Мироновна. Нужда ли какая кому на Пучежѣ, въ рекруты што ль кого сдають, — придетъ это отецъ, аль братъ слатнаго, стануть плакаться да просить: «Заступись, можь, матушка, Варвара Мироновна!» Гонить она сперва: «Не мое, можь, это дѣло а къ скончанію и напишеть письмо: либо въ Кострому, къ Губернатору, либо въ Питербурхъ. Глядишь, а оттуда рѣшенье: «сдѣлать по желанію такое-то Варвары Мироновны». Силу имѣла,..... Сама Императрица Марья Федоровна ей материн на платье присылала... и по сю пору у насъ, въ Пущавинской церкви, ризы есть изъ этой самой материн... Варвара Мироновна пожертвовала ихъ на церковь.

«А сила ее была такова, продолжала раскащица; Лысковскаго-то барина, Егора Александровича, сказываютъ, отъ Сиби то она слободила; а то, по душегубствамъ-то его, быть бы ему въ Сибири! Варвара Мироновна, по пріязи писала о немъ къ Министрамъ, аль къ Сенаторамъ какимъ; его и не сослали; только что въ Питерь да въ Москву запретъ ему вышелъ ѣздить. Такъ тотъ навсегда это чувствовалъ, кому, то есть, онъ обязанъ. И какъ хоронить пріѣзжалъ Мироновну, очень ужъ печалился, смутный такой изъ себя былъ... «Знаете ли, говорилъ намъ Царевичъ Грузинскій о ту пору: кто у васъ въ Пучежѣ-то жила? Вѣдь, это дочь Императрицы Елисаветы Петровны, внука Императора Петра Алексѣевича, вотъ какого роду!» И по сю пору, по завѣщанію Егора Александровича, найкажинный годъ, 22-го Генваря, служатъ паннафиду по покойницѣ, царствіе ей небесное! Я, вѣдь, такое мнѣніе держу, заключила таинственнымъ шепотомъ старушка: коли теперъ вскопать ее могилку, такъ тѣло Варвары Мироновны, безъ сумнѣнія, обрѣтено будетъ нетлѣннымъ.... »

Читатели наши да не подивятся, что мы такъ много дали мѣста разсказамъ простодушныхъ обитателей и обитательницъ скромнаго посада Пучежа. Спору нѣтъ, въ подробностяхъ своихъ разсказовъ эти носятъ на себѣ сказочный, фантастическій характеръ. Варвара Мироновна обращена уже въ повѣствованіяхъ разныхъ старухъ въ какое-то мненческое существо; ея житіе складывается уже по образцамъ житій другихъ блаженныхъ подвижницъ. Но если подробности фантастичны, то въ основѣ своей разсказы Пучежанъ и Пучежанокъ имѣютъ безспорно исторической фактъ и живую личность, — происхожденіе которой и имя, Богъ вѣсть по чему, скрыты отъ потомства, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ надгробная надпись, нами видѣнная, нами слышанная и выше приведенная. Кто же была эта таинственная инокиня Аркадія? Народъ прямо говоритъ, что это была дочь Императрицы Елисаветы Петровны. Не беремъ, да и не имѣемъ данныхъ, ни опровергнуть, ни подтвердить, этого преданія, но въ то же время и не считаемъ себя въ правѣ не передать его здѣсь въ тѣхъ мѣстахъ разсказовъ, какія слышали мы о таинственной могилѣ въ самомъ Пучежѣ... Очень можетъ быть, что кто ни будь, изъ мѣстныхъ ли сторожиловъ, или владѣтель какихъ ни будь письменныхъ документовъ о Варварѣ Мироновнѣ, откликнется по поводу настоящей замѣтки, и, сообщивъ въ печать свои свѣдѣнія, разсѣетъ тайну, о которой гласитъ надгробный памятникъ инокини Аркадіи, о которой наконецъ вѣщаетъ и народное преданіе...

Какъ бы то ни было, но если загадочна судьба дѣтей Императрицы Елисаветы Петровны, то самый бракъ ея съ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ³ давно уже пересталъ быть тайною для всѣхъ, кто сколько ни будь знакомъ съ отечественною исторіею. Объ этомъ бракѣ можно найти извѣстія не только у иностранныхъ писателей, но и въ Русскихъ печатныхъ источникахъ.⁴ Бракъ совершился, по словамъ однихъ писателей,

³ Скончался въ С.-Петербургѣ въ 1771-мъ году.

⁴ Укажу, на пр., на соч. Вейдемейера: Царетвоан. Елис. Петровны, изд. 1834 г. Его же: Дворъ и замѣч. люди въ Россіи, 1846 г., ч. 1, стр. 2. Бятышъ-Каменскаго: Словарь доет. люд. 1836 г., ч. IV, стр. 265. Manstein, с. 440 и друг. По преданію, бракъ А. Г. Разумовскаго былъ совершенъ близъ Москвы, въ селѣ Попраснонѣ. По другому въ Московской цер-

13-го Іюля, 1748-го года, по другимъ въ 1750-мъ году. Самое интересное извѣстіе о немъ заключается въ извѣстномъ разсказѣ Графа Сергія Семеновича Уварова, упомянутомъ нами выше (см. примѣчан. 1). Въ этомъ любопытномъ историческомъ документѣ Уваровъ приводитъ разсказъ тестя своего, Графа Алексія Кирилловича Разумовскаго, племянника Графа Алексія Григорьевича, о томъ, какъ къ послѣдному Екатерина II-я, въ первые годы своего царствованія, прислала однажды Графа Воронцова съ просьбой вручить ему всѣ документы, какими можетъ Разумовскій подтвердить подлинность брака своего съ покойной Императрицей Елисаветой, съ тѣмъ, что если такимъ образомъ онъ дѣйствительно былъ обвѣчанъ съ покойной Государыней, то, объявивъ о томъ во всенародное извѣстіе, даровать бы ему, особымъ Указомъ, титулъ «Императорскаго Высочества.» Съ проектомъ Указа о дарованіи Разумовскому сего титула Воронцовъ отправился къ Графу Алексію Григорьевичу... Дальнѣйшее любопытствующіе могутъ прочесть въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1863 г., кн. 3, отд. V, стр. 155—156.

М. Семеновскій.

ки Введенія въ Барышахъ, на Покровкѣ. Замѣтка объ этой церкви напечатана Снегиревымъ въ Москвитинѣ 1844 г., X, 422—423. Любопытно, что историческія извѣстія иностранныхъ писателей о бракѣ Разумовскаго послужили содержаніемъ для пьесы Bayard et Ch. Lafont: Comedie vaudeville en deux actes, подъ заглавіемъ: «Un changement», на театрѣ Gymnase dramatique въ 1845 г. Лѣтомъ 1839 г. я видѣлъ эту піесу въ Парижѣ на сценѣ того же театра; она выполнялась лучшими артистами и артистками, благодаря ихъ искусной игрѣ и глубѣйшему знанію Французской публики Русской исторіи и Русскихъ нравовъ; піеса держится на сценѣ двадцать лѣтъ, и держится съ успѣхомъ. Дѣйствующія лица въ ней слѣдующія: Elisabeth, Alexis Romanowski, т. е., Разумовскій, Графъ Шуваловъ (начальникъ Тайной Канцеляріи), Маіоръ Draken, комендантъ Петропавловской крѣпости, Foedora, его дочь (послѣднія два лица вымышленныя) и гвардейскій офицеръ. Первое дѣйствіе въ Петербургской крѣпости, второе — въ лѣтнемъ дворцѣ. Если бы мы не щадили вниманія нашихъ читателей, то положили бы содержаніе этой Русско-исторической комедіи, написанной во Французскихъ нравахъ и по образцу бессмысленныхъ Французскихъ водевилей.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ МУЗЕЙ

и

БИБЛИОТЕКА.

Довольно уже протекло времени, какъ открыта въ Москвѣ Румянцевская Публичная Библиотека. Кто входилъ въ нее, не могъ не полюбоваться великолѣпіемъ залъ и красивою разстановкою книгъ по форматамъ, которая, впрочемъ, доставляетъ еще не малую выгоду и относительно помѣщенія. Нельзя также не полюбоваться и хорошимъ собраніемъ изданій, отличающихся особенною роскошью типографскою и художническою. Одно показалось намъ не заслуживающимъ одобренія, что книги поставлены такъ плотно и почти въ упоръ къ верхнимъ полкамъ, что нельзя пропустить свободно пальца, чтобы вынуть книгу, а отъ сего необходимо корешекъ книги долженъ быть попорченъ. Видно, что при помѣщеніи книгъ уже слишкомъ много заботились о красотѣ размѣщенія. По нашему мнѣнію, не слѣдовало бы пренебрегать и цѣлостъ переплета.

Послѣ открытія Румянцевскаго собранія поступили и еще многія и значительныя пожертвованія. И такъ публика имѣетъ уже теперь возможность пользоваться, по крайней мѣрѣ, Румянцевскимъ собраніемъ, для котораго, вѣроятно, уже имѣются каталоги. Но при этомъ, кажется, нельзя бы не обратить вниманіе и на большинство читателей, которое почло бы себя весьма обязаннымъ Библиотекѣ, если бы ему позволено было пользоваться

вновь выходящими книгами и повременными изданиями, доставляемыми въ Библиотеку. Въ послѣднемъ, т. е., пользованіи повременными изданиями, однако жъ, со стороны Библиотеки читателейъ отказывается. По нашему мнѣнію, такой отказъ вовсе неоснователенъ. Можно бы это допустить относительно только тѣхъ изданій, которыя появляются ежедневно, или даже еженедѣльно, какъ, на пр., газеты и пр., по тому что вчерашній N нынѣ долженъ быть замѣненъ сегоднешнимъ, а при значительномъ стеченіи читателей нельзя ни какъ удовлетворить любопытству многихъ однимъ N въ одинъ день. Но что касается до журналовъ, которые большею частію выходятъ черезъ мѣсяць, то ихъ можно бы предложить читающимъ, по тому что такая книжка, остающаяся на столѣ въ продолженіе мѣсяца, можетъ быть прочитана даже двумястами читателей въ продолженіе сего времени. Впрочемъ, слѣдовало бы предварительно сдѣлать опытъ, и если бы оказались какія ни будь неудобства, тогда можно бы принять ту мѣру, которая принята теперь. Тогда бы и публика не могла роптать на отказъ, зная основательно оного причину. Намъ сказывали, что, во избѣжаніе стеченія читателей, положено выдавать журналы и газеты для чтенія по истеченіи года послѣ ихъ изданія. Но кто жъ тогда пойдетъ читать ихъ, и, Богъ вѣсть, сохранятся ли они вполне къ тому времени?

Что касается Румянцевскаго собранія книгъ иностранныхъ, то, сколько мы знаемъ по слуху, оно весьма небогато первопечатными рѣдкостями и учеными изданиями классическихъ писателей, при богатствѣ книгъ историческихъ на языкахъ новѣйшихъ и старопечатныхъ книгъ и рукописей отечественныхъ. Это неудивительно. Извѣстна особенная любовь покойнаго Канцлера къ Отечественнѣйшей Исторіи и Древностямъ. Этимъ и объясняется скудость памятниковъ классической словесности въ его библиотекѣ. Но недавно и этотъ недостатокъ восполненъ, во первыхъ, прекрасною и богатою библиотекою, купленною Государемъ Императоромъ у Члена Государственнаго Совѣта, Авраама Сергѣевича Норова, содержащею въ себѣ, кромѣ драгоценныхъ рукописей классическихъ писателей, отличныя и рѣдкія ихъ изданія,¹ и во вто-

¹ Какъ жаль, что почтеннѣйшій собиратель этой избранной библиотекъ, до-

рыхъ, также щедротою Государя Императора высланными сюда, въ значительномъ количествѣ, дублетами Императорской Публичной Библіотеки, въ числѣ которыхъ находятся многія отличныя увражи по части Филологіи и старопечатныя книги въ разныхъ родахъ западной литературы.

Извѣстно, что у иностранцевъ памятники классической литературы составляютъ драгоценнѣйшую часть библиотекъ публичныхъ. Просвѣщенный Италіанецъ, Французъ, Нѣмецъ, Англичанинъ, стремятся туда, гдѣ болѣе находится сихъ драгоценныхъ памятниковъ, какъ къ единственному и чистѣйшему источнику всеобщаго человѣческаго и гражданскаго образованія. По: этому-то во всѣхъ просвѣщенныхъ Государствахъ Европы въ библиотекари библиотекъ публичныхъ всегда избирались, и доселѣ избираются, извѣстные филологи или изъ профессоровъ, или и изъ другихъ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями и особенною, страстиною любовію къ Филологіи. Такія лица, естественно, дорожатъ такими памятниками и представляютъ въ этой любви надежнѣйшую гарантію ихъ храненія. Такимъ образомъ Геснеръ, Рункены, Гейне, Бекки, Бутманны, были великіе филологи и хранители библиотекъ публичныхъ. Увидимъ вскорѣ примѣръ, какъ такіе хранители не только сберегали, но и обогащали, ввѣренныя имъ библиотеки новыми и важными приобрѣтеніями. Причина такой особенной любви къ драгоценнымъ памятникамъ литературы и вообще ко всѣмъ важнѣйшимъ произведеніямъ по всѣмъ отраслямъ наукъ весьма понятна въ филологѣ. Какой главный предметъ и что составляетъ цѣль Филологіи? Критическая оцѣнка въ отношеніи къ подлинности, важности содержанія и ученой обработкѣ текста всякаго литературнаго произведенія. Новѣйшіе образцовые писатели и другія примѣчательныя произведенія не представляютъ въ этомъ отношеніи почти ни какихъ, или очень мало, затрудненій. Но памятники древней, средневѣковой и возраждающей классической литературы, необходимо требуютъ филологическаго образованія и сколь возможно полнаго знанія ея исторіи. Въ этомъ случаѣ

селѣ не издавъ печатнаго ея каталога. Это есть единственное средство познакомить публику съ симъ прекраснымъ собраніемъ и сохранить его въ цѣлости.

между филологомъ и любителемъ искусствъ изящныхъ встрѣчается великое сходство. Какъ любитель искусствъ, не довольствуясь однимъ только изученіемъ памятниковъ, старается проникнуть въ самую исторію школъ и художниковъ, такъ и филологъ, изучая классическихъ писателей, не только изучаетъ исторію ихъ времени и обстоятельства ихъ жизни, но, съ тѣмъ виѣсть, и исторію ихъ произведеній, съ самаго появленія ихъ въ рукописяхъ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ ихъ критической обработки знаменитѣйшими учеными. И отсюда-то его знакомство съ важнѣйшими и драгоцѣннѣйшими изданіями.

Можетъ быть скажутъ, что для такой оцѣнки довольно и однихъ антикварскихъ каталоговъ, каковы, на пр., каталоги Брюнета, Еберта и др. Но отъ какихъ же лицъ составители сихъ каталоговъ замѣствуютъ свои свѣдѣнія о достоинствѣ и рѣдкости важнѣйшихъ изданій, какъ не изъ извѣстій, доставляемыхъ учеными? Что же касается до ихъ собственной оцѣнки достоинства какой ни будь книги, то она часто весьма произвольна, когда многія книги, не имѣющія ни какого внутренняго достоинства, включаются ими въ число избранныхъ только по красотѣ печати и бумаги, какъ, на пр., Демерово изданіе Латинскихъ классиковъ, редація котораго отнюдь не заслуживаетъ уваженія. Извѣстно также и то, что находится великое число книгъ весьма любопытныхъ и примѣчательныхъ, которыхъ вовсе нѣтъ поименованія въ антикварскихъ каталогахъ; но изъ числа и хорошихъ книгъ не всякое изданіе (развѣ съ немногими исключениями) заслуживаетъ того, чтобы хранить его. Если сочиненіе издано вновь въ исправнѣйшемъ видѣ, если помѣщено въ другомъ полнѣйшемъ собраніи (какъ замѣчанія ученыхъ къ классикамъ), то какая нужда хранить, или приобретать, 1-е изданіе, хотя оно и находится въ антикварскихъ каталогахъ? Вотъ сколько требуется ученаго труда при разборѣ библіотеки, сколько внимательности при оцѣнкѣ книгъ по ихъ внутреннему достоинству, и сколько начитанности для отиѣтки книгъ по чему ни будь примѣчательныхъ, и по тому заслуживающихъ заботливаго храненія. Все это мы говоримъ въ томъ предположеніи, что наша Библіотека будетъ избранною библіотекою, по возможности, удовлетворяющею любознательности избраннаго и просвѣщеннаго общества. По этому надѣмся, что (мы скажемъ, мо-

жетъ быть, вопреки общему мнѣнію) она будетъ хранить даже и дублиеты книгъ рѣдкихъ и примѣчательныхъ, и выброситъ великое число книгъ пустыхъ, не заслуживающихъ ни какого вниманія читателя образованнаго. Всякій согласится, что пошлые и забытые романы, въ родѣ, на прим., Орлова, негодные переводы негодныхъ иностранныхъ романовъ, плохіе учебники, изданные плохими учителями, дѣтскія книжки, составляемыя и издаваемыя книгопродавцами, ими же издаваемые гѣчебники и хозяйственныя книги неизвѣстныхъ авторовъ, искусные повара и поварихи, оракулы, снотолкователи, даже стереотипные классики, издаваемые для учащихся, наконецъ иногда множество дефектовъ, не содержащихъ въ себѣ ничего полнаго и цѣлаго, ² не заслуживаютъ другаго назначенія, кромѣ толкучаго рынка. Если прибавимъ къ этому еще дѣльныя или хорошія книги (буде экземпляровъ ихъ накопится значительное излишество), то посредствомъ публичныхъ аукціоновъ можетъ быть составленъ и порядочный капиталъ въ пользу библіотеки. Кому неизвѣстно, сколько такими аукціонами способствовалъ составленію значительнаго капитала въ пользу Императорской Публичной Библіотеки достойнѣйшій, сдѣлавшій учеными трудами своими блестящую эпоху въ ея исторіи, хранитель ея, Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ? Кромѣ сего, этими аукціонами распространяется любовь къ книгамъ и чтенію въ разныхъ слояхъ общества — не маловажное средство къ распространенію просвѣщенія. Намъ возражаютъ, что такимъ образомъ много должно будетъ продать книгъ за безцѣнокъ? Но вообразите себѣ залу, которой наемъ стоитъ, на пр., не менѣе 500 р. серебр. Пусть эта зала будетъ наполнена книгами излишними и другими ничтожными, подобными тѣмъ, о которыхъ говорено выше. Въ такомъ случаѣ, если бы и просто ихъ выбросить, то все, однако жъ, прибрѣталась бы выгода, то есть, прибрѣталось бы на 500 р. помѣщенія для книгъ хорошихъ. Если же хранить все, что только появляется въ печати, то потребуется зданіе огромныхъ суммъ, истраченныхъ, къ сожалѣнію, безъ всякой пользы. Мы думаемъ, что и наша Университетская Библіотека много бы выиграла очи-

² Замѣтимъ, что и отдѣльные томы хорошихъ книгъ, если они сами по себѣ выѣщаютъ отдѣльное цѣлое, по нашему мнѣнію, должны быть хранимы, и могутъ считаться ненужными только при излишествѣ.

стало отъ книгъ нустьякъ и излишнякъ. Можно съ достаточнымъ основаніемъ полагать, что она выиграла бы 4-ю часть помещенія.

Но, говоря о книгахъ излишнякъ и маловажныхъ, нельзя не сдѣлать замѣчанія на наше неравенство (чтобы не сказать чего ни будь посылнѣе) касательно храненія въ публичныхъ библіотекахъ газетъ и журналовъ. У насъ всѣ почти повременныя изданія считаются маловажными и какъ будто не заслуживающими сбереженія, именно въ слѣдствіе того прекраснаго умозаключенія, что, такъ какъ эти извѣстія (куда въ особенности относятся газеты) выдаются только на извѣстное время, то они и годятся только для этого времени, въ послѣдствіи же теряютъ всю цѣну и достоинство; при томъ, такъ какъ они расходятся въ великомъ числѣ въ публикѣ, то и не стоитъ того, чтобы хранить ихъ въ библіотекѣ. Сколько бы ни были изъ нихъ маловажны нѣкоторыя, но тѣ, въ которыхъ помещаются статьи, означенныя, такъ сказать, авторитетомъ Государственнымъ, имѣютъ особенную важность для будущаго времени. Сколько, въ нихъ, не говоря о важныхъ Государственныхъ актахъ, находится разныхъ временныхъ административныхъ распоряженій, приказовъ и постановленій, не входящихъ потому въ составъ важныхъ Государственныхъ актовъ и законоположительныхъ собраній! Сколько примѣчательныхъ событій, начиная отъ Двора до крестьянской хижины! Можно ли же пренебрегать сіи свѣдѣнія? Къ сожалѣнію, въ самой Университетской Библіотекѣ не за много десятковъ лѣтъ можно найти полное собраніе Вѣдомостей Московскихъ, столько лѣтъ издаваемыхъ отъ Университета, и то, благодаря усердію и рѣдкой внимательности къ общей пользѣ недавно умершаго библіотекаря, который не переставалъ ихъ отыскивать и умножать свое собраніе. Сколь важны сіи памятники для потомства, можемъ судить по прошедшему времени. Какъ дорого заплатили бы мы теперь за нѣсколько листовъ такихъ газетъ изъ царствованій Петра II, Анны, Елисаветы, даже Екатерины III? Сколь важны сего рода памятники для будущаго историка, очевидно. По этому правле-

³ См. Сказанія о родѣ Князей Долгорукихъ, стр. 227, въ концѣ.

не всякой Государственной, или публичной, библиотеки должно вѣнчать себя въ непремѣнную обязанность хранить ихъ.

Если обратимъ вниманіе на недавно изданный Е. П., Н. В. Исаковымъ и заслужившій полную признательность просвѣщеннаго общества Отчетъ по Библиотекѣ и Музею за 1-е тримѣстіе, то не можемъ не подивиться и не порадоваться многочисленности и разнообразію рукописей и книгъ на всѣхъ ученыхъ языкахъ, почти во всѣхъ родахъ слова, составляющихъ капиталъ Библиотеки. Сколько при ея разборѣ требуется труда и филологическихъ познаній! Позволяемъ себѣ думать, что при такомъ разнообразіи предметовъ и самый Бекъ, не только хранитель публичной, но и собиратель своей собственной огромной, библиотеки, вѣроятно, иногда не обошелся бы безъ посторонняго совѣта. ⁴ По этому намъ кажется, обязанность составленія систематическихъ каталоговъ, упомянутая въ 13 § Устава и возложенная на одного библиотекаря, слишкомъ обременительна, и едва ли для него и удобоисполнима. Извѣстно, сколько ученаго труда и времени посвятилъ на составленіе систематическаго каталога для Университетской Библиотеки, извѣстный своею ученостію и особенною любовію къ Филологіи и книгамъ, профессоръ Рейсъ. И такъ, по нашему мнѣнію, для библиотеки достаточно на первое время и алфавитныхъ каталоговъ, лишь бы только они были составлены съ соблюденіемъ всѣхъ требованій библиографическихъ. ⁵ И можно ли безъ подробнаго знакомства съ содержаніемъ сочиненій составить каталогъ систематическій? Можно ли отдѣлить важное отъ мало-важнаго, не заслуживающаго мѣста въ избранной библиотекѣ? Касательно сей послѣдней обязанности, не всякій библиотекарь

⁴ Собственная частная библиотека сего ученаго мужа показана въ Каталогѣ, изданномъ въ 1885 г. въ Лейпцигѣ, въ 24,551 томовъ. Однихъ каталоговъ разныхъ библиотекъ и книжныхъ магазиновъ содержится въ ней 813. И рѣдкій изъ иностранцевъ профессоровъ не собираетъ для себя хорошей библиотеки.

⁵ Можетъ въ честь назвать и достойна благодареній, однако жъ, надѣ, что 99 изъ 100 будетъ переписывать слова. Вообще скорое писаніе заглавій весьма недоразрѣтельно. Всякій любитель книгъ, имѣющій собственную библиотеку, знаетъ это по опыту.

может вѣстать въ себѣ всѣ необходимыя условія, чтобы ее достойно выполнить; но, и помимо того, въ этомъ дѣлѣ авторитетъ одного лица не можетъ быть принятъ въ уваженіе, особенно если это лице не пользуется полнымъ довѣріемъ просвѣщеннаго общества. По этому-то, вѣроятно, внесенъ въ Уставъ особый § (10), въ которомъ сказано: «На директора возлагается председательство въ комитетѣ, который онъ составляетъ изъ лицъ, заведывающихъ отдѣленіями, а равно и приглашаемыхъ постороннихъ ученыхъ и профессоровъ Университета, для разсмотрѣнія вопросовъ, въ коихъ наука имѣетъ вліяніе на благоустройство учрежденія.» Весь этотъ § выраженъ весьма темно и слишкомъ въ общихъ терминахъ, что всегда почти случается при неясномъ представленіи того, что хотимъ сказать. И дѣйствительно, кто здѣсь не спроситъ: какое это благоустройство учрежденія, на которое такое имѣетъ вліяніе наука, что оно непременно требуетъ содѣйствія постороннихъ ученыхъ? Безъ сомнѣнія, не устройство шкафовъ и не разстановка книгъ по форматамъ. Что жъ другое? сказать трудно. Предположимъ, что этотъ, столь неопредѣленно, столь всеобще выраженный, § заключаетъ въ себѣ и тотъ важный пунктъ ученаго обозрѣнія библіотеки, о которомъ сказано выше. Кому жъ будетъ здѣсь предоставлена инициатива дѣйствія? Отъ Попечителя ни какъ нельзя требовать такого спеціальнаго занятія библіотекою. И я думаю, не только у насъ, но и нигдѣ, не найдется подобнаго примѣра. И такъ библіотекаръ будетъ то лице, для разрѣшенія недоразумѣній коего будутъ приглашаемы посторонніе ученые? Но, во первыхъ, приглашать на краткое совѣщаніе, при особенно встрѣтившемся случаѣ, какое либо лице, не всегда возможно, да и ученому лицу не всегда можетъ представиться удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, къ которому онъ не приготовился предварительно. Во вторыхъ, надо принять въ расчетъ и щекотливость самолюбія, прирожденнаго естеству человѣческому, которое иногда препятствуетъ исполненію и самыхъ добрыхъ намѣреній. Что жъ теперь остается? Но если хотя временное участіе ученыхъ лицъ признано необходимымъ для благоустройства библіотеки, то по чему же бы изъ такихъ лицъ не составить постоянного Общества, котораго дѣйствія направлены были бы къ сей благой цѣли? Есть же Общество Любителей Живописи, Музыки и пр. По чему жъ не быть и Обществу библіофиловъ? И гдѣ ему быть приличнѣе, какъ не

въ самой Москвѣ, при Московской Публичной Библиотекѣ? Всякій видитъ, что такое Общество не только можетъ способствовать ея благоустройству, но даже со временемъ и обогатить ее.

Къ сожалѣнію, о настоящихъ распоряженіяхъ Правленія Библиотеки мы вовсе ничего не знаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Библиотека не ограничится только настоящими приобрѣтеніями, что и въ послѣдующее время пожертвованія не прекратятся; по этому весьма интересно было бы знать, какія постановлены правила касательно приѣмки, разсмотрѣнія и храненія книгъ, вносимыхъ по установленію и жертвуемыхъ (послѣднее особенно важно для тѣхъ, которые имѣютъ особенную любовь къ книгамъ отличнымъ и рѣдкимъ, и которые заслуживаютъ названія истинныхъ библиофиловъ), потомъ ихъ ревизовки, и наконецъ ихъ подробнаго пересмотра, однихъ для храненія, другихъ для продажи и мѣны на другія? На одно ли лице библиотекаря (что кажется невѣроятнымъ) возложены всѣ сіи обязанности, или онѣ раздѣлены между нѣсколькими, и въ послѣднемъ случаѣ какое же значеніе и обязанность каждаго изъ сихъ лицъ и пр.?

Къ сожалѣнію, на всѣ сіи вопросы въ Уставѣ вовсе нѣтъ разрѣшенія, и любознательная публика на счетъ сей остается въ незнаніи. Упомянуто въ Уставѣ даже о ежегодной ревизовкѣ. Но ревизовка можетъ быть только тогда, когда имѣются уже прежде составленные списки, какъ, вѣроятно, библиотеки Румянцевской, А. С. Норова и другихъ Государственныхъ собраній, каковы поступившихъ въ Музей изъ Императорской Публичной Библиотеки. Что же касается до прочихъ, то, какъ они принимаются, мы не знаемъ. Вносятся ли они немедленно въ черновые списки, полагается ли на нихъ штемпель Музея — это также намъ вовсе неизвѣстно. Если жъ вся таковая приѣмка книгъ ввѣрена только доброй совѣсти библиотекаря, то здѣсь ни какая ревизія не можетъ имѣть мѣста. Но если и составляются билетные каталоги, то всякій знаетъ, сколь ненадежна такая гарантія. Что же касается до разбора книгъ для продажи и мѣны дублетовъ, то вотъ уже богѣе трехъ лѣтъ, какъ объ этомъ нѣтъ ни какого слуха. А какому любителю просвѣщенія, какому библиофилу, не интересно знать, какія приняты мѣры и какія постановлены правила для храненія и обогащенія Московскаго Публичнаго Книгохранилища? Ибо толь-

ко къ симъ двумъ цѣлямъ должно быть обращено все вниманіе лицъ, попеченію которыхъ оно вѣрено. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что всѣ правила, руководствующія дѣйствующихъ лицъ, должны истекать изъ сихъ двухъ цѣлей и быть обнародованы въ Уставѣ для свѣдѣнія просвѣщеннаго общества. Строгій порядокъ, определенный Уставомъ, и гласность дѣйствій лицъ, трудящихся въ библиотекѣ, суть первая и важнѣйшая гарантія ея сохранности.

Такъ учреждень известнаго порядка въ Библиотекѣ Университетской. То же должно сдѣлать и въ Публичной. Да простятъ мнѣ, если я не скрою здѣсь того непріятнаго чувства, которое родилось во мнѣ при видѣ огромныхъ фоліантовъ, содержащихъ великолѣпныя гравюры, и въ этомъ смыслѣ драгоцѣнныхъ, выставленныхъ въ общей залѣ на показъ всѣмъ и каждому. По моему мнѣнію, такіа книги должно бы хранить въ особой комнатѣ съ запертymi дверями, и не иначе быть показываемы, какъ въ присутствіи чиновника, для сего определеннаго. Кому не известно, что всякая почти Государственная библиотека вмѣщаетъ въ себѣ много такихъ дорогихъ увражей, которыя для библиофиловъ составляютъ скорѣе предметъ любопытства, нежели чтенія? Несомнѣнно, никакой филологъ не придетъ пользоваться чтеніемъ *Виргилія* по великолѣпному изданію *Дидота*, украшенному превосходными гравюрами, но охотно пожелаетъ видѣть это великолѣпное изданіе. То же можно сказать и о спеціальныхъ изданіяхъ разныхъ Европейскихъ Музеевъ и многихъ книгъ старопечатныхъ, не говоря уже о рукописяхъ. При такомъ невниманіи, какъ не трудно вырѣзать, на пр., картину изъ какого ни будь великолѣпнаго Музея! Мы думаемъ, что легко можно найти (и не одно) средство къ сохраненію такихъ драгоцѣнныхъ гравюръ въ цѣлости. Мы слышали, что почтенный хранитель Императорской Публичной Библиотеки, *Аеанасій Федоровичъ Бычковъ*, не только хранить такіа книги въ запертi, но даже, по выходѣ посѣтителей изъ этой комнаты, прикладываетъ къ двери еще печать свою. Примѣръ, достойный подражанія! И мы съ удовольствіемъ слышали, что хранитель рукописей и древнепечатныхъ книгъ *Румянцевской Библиотеки*, *А. Е. Викторовъ*, не оставляетъ безъ себя не запертою комнаты, въ которой хранятся сіи сокровища. Библиотека наша, дарованная щедротами Государя Императора, есть достояніе общественное, Госу-

дарственный капиталъ, къ сохраненію котораго обязанъ всякій чиновникъ-библіотекаръ, не только требованіемъ доброй совѣсти, но и святостію присяги. Если всякая растрата Государственнаго капитала считается преступленіемъ, то не уже ли утрата казенной книги будетъ считаться за ничто? Но пусть подумаютъ, на сколько тысячъ рублей, по каталогамъ, находится однихъ печатныхъ книгъ въ Библіотекѣ, не говоря о рукописяхъ. Касательно библіотекъ, принадлежащихъ ученымъ Обществамъ, такой вопросъ могъ бы считаться и излишнимъ; ибо тамъ цѣлое Общество наблюдаетъ за сохранностію библіотеки, и библіотекаръ состоитъ подъ непосредственнымъ его надзоромъ; такъ, на пр., Университетская Библіотека состоитъ подъ вѣдѣніемъ и надзоромъ цѣлаго общества профессоровъ, и библіотекаръ, дѣйствуя всегда по ихъ письменнымъ инструкціямъ, состоитъ непосредственно подъ ихъ контролемъ, и если тамъ когда пропадаютъ книги, то въ этомъ вина не библіотекаря, а вина того постановленія, въ слѣдствіе котораго библіотекаръ обязанъ подъ росписку профессоровъ выдавать книги и постороннимъ лицамъ для чтенія на домъ. Очень жаль, что почтенное Правленіе Университета не опредѣлило, кромѣ своего довѣрія, болѣе надежныхъ гарантій при снабженіи книгами на домъ лицъ постороннихъ. Самое справедливое требованіе было бы то, чтобы лице, желающее пользоваться казенными книгами на дому, вносило въ залогъ сумму стоимости книги. Это, впрочемъ, касается такого рода книгъ, которыя могутъ легко быть приобретены. Что же касается до книгъ рѣдкихъ, то въ Университетской Библіотекѣ столько залъ, что въ любой изъ нихъ можно имѣть удобное и прекрасное помѣщеніе для чтенія и выписокъ во всякое время.

И такъ для сохраненія книгъ, публичность и распространеніе свѣдѣній о нихъ въ просвѣщенномъ обществѣ, какъ посредствомъ каталоговъ, такъ и посредствомъ обзоренія ихъ посторонними учеными лицами, должно быть признано необходимымъ. Много есть у насъ казенныхъ книгохранилищъ, которыя вовсе не были доступны для любознательной публики, гдѣ, слѣдовательно, нечего было дѣлать библіотекарю, кромѣ какъ хранить ихъ, яко зѣницу ока. И, однако жъ, лучше ли отъ этого сохранялись книги? Ни какого нѣтъ сомнѣнія, что много въ нихъ произошло потерь, сокрытыхъ для насъ во мракѣ неизвѣстности. Впрочемъ, не говоря

о нѣкоторыхъ, не столь важныхъ, случаяхъ, слышанныхъ нами отъ разныхъ лицъ, къ счастью (если только какая ни будь значительная потеря можетъ сдѣлать насъ благоразумнѣе на будущее время), сохранился одинъ случай въ исторіи одной изъ нашихъ библиотекъ Государственныхъ, со всѣми неопровержимыми доказательствами, какихъ только можетъ требовать строгая историческая истина. Я представлю все дѣло во всей подробности. Всего поучительнѣе знать, что случилось (что, слѣдовательно, можетъ и повториться) нѣкогда у насъ.

Многіе ли у насъ знаютъ о немаловажной пропажѣ, случившейся въ нашей Синодальной Библиотекѣ, при обзорѣни Греческихъ рукописей бывшимъ въ Московскомъ Университетѣ Профессоромъ Маттеемъ? Представлю дѣло, сколько оно теперь намъ извѣстно, по неопровержимымъ документамъ.

Въ 1782 г. знаменитый Голландскій Еллинистъ, Рункенъ, издалъ въ первый разъ, дотолѣ вовсе неизвѣстный ученому свѣту, Гомеровъ гимнъ Церерѣ, и вотъ что онъ пишетъ въ предисловіи къ своему изданію: «Никогда я не воображалъ, чтобы въ какой ни будь библиотекѣ когда ни будь нашелся Гомеровъ гимнъ Церерѣ, и еще менѣе, чтобы мнѣ случилось быть его издателемъ. Мнѣ было извѣстно, что этотъ памятникъ существовалъ еще во второмъ столѣтіи по Р. Х., но я считалъ его уже давно потеряннымъ. Каково же было мое удивленіе, когда я получилъ этотъ гимнъ—изъ Москвы! Если бы оказалъ кто ни будь прежде, что этотъ памятникъ скрывается тамъ, всякій бы принялъ эти слова за шутку; но теперь, когда самое дѣло не представляетъ уже ни какого сомнѣнія, то остается рассказать вкратцѣ, какъ онъ найденъ и изъ чьихъ рукъ перешелъ ко мнѣ.

«За нѣсколько лѣтъ предъ симъ былъ вызванъ изъ Германіи въ Москву Профессоръ, отменно свѣдущій въ обоихъ классическихъ языкахъ, достойнѣйшій воспитанникъ Ернестовой школы, Христіанъ Фридерикъ Маттей, для того, чтобы болѣе вкоренить и распространить возраждающуюся тамъ любовь къ изящной словесности. По прибытіи туда, какъ скоро онъ услышалъ, что въ Библиотекѣ Св. Синода хранится богатое собраніе Греческихъ рукописей, которыхъ тамъ не только никто не понимаетъ, но даже и

прочестъ не въ состояніи, ⁷ то, удивленный такимъ открытіемъ, тотчасъ приступилъ къ обзорѣнью сего сокровища и, между многими превосходными рукописями, о которыхъ свѣдѣніе онъ сообщитъ въ свое время, встрѣтилъ рукопись Гомера, хотя относящуюся къ XII вѣку, но, какъ открылось, списанную съ весьма древняго и превосходнаго оригинала. Кромѣ отрывка изъ Иліады, она содержала еще и 16 уже извѣстныхъ гимновъ почти въ обыкновенномъ порядкѣ. Но вотъ за 16-мъ гимномъ, который въ изданіяхъ занимаетъ послѣднее мѣсто, помѣщено 12 стиховъ изъ потеряннаго гимна Бахусу. За тѣмъ слѣдуетъ весьма пространный, и, за исключеніемъ 2-й части, довольно полный гимнъ Церерѣ. Почтенный Маттей, внѣ себя отъ радости при видѣ такой счастливой находки, и не желая ни сколько откладывать ея изданіе, къ чему былъ бы принужденъ въ Москвѣ по разнымъ причинамъ; зная при томъ, какъ я прилежно изучалъ Гомеровы гимны и надъ разработкою ихъ положилъ начало моимъ трудамъ по части критики, пожелалъ, чтобы сей, столь долго скрывавшійся, памятникъ былъ изданъ мною.»

Вотъ исторія изданія нашей рукописи, рассказанная самимъ издателемъ. При семъ должно еще замѣтить, что, какъ явствуетъ изъ дальнѣйшаго разсказа Рункена, Маттеемъ былъ отправленъ къ нему не самый оригиналъ, а вѣрная съ него копія. Самый же оригиналъ оставался въ Москвѣ (у Маттея ли, или въ Библиотекѣ, не извѣстно), во время перваго Маттеева здѣсь пребыванія. Но послѣ своего отъѣзда изъ Москвы, въ 1786 г. онъ продалъ его Рункену, для Лейденской Библиотеки. Какимъ же образомъ этотъ манускриптъ перешелъ въ собственность Маттея, мы не знаемъ. Но что онъ его продалъ, служить свидѣтельствомъ слова самого Рункена, въ письмѣ его къ Виттенбаху: ⁸ «Тотъ самый манускриптъ (codices), пишетъ онъ, по которому изданъ гимнъ Церерѣ, я купилъ у

⁷ Пусть порадуются наши обскуранты такимъ о насъ отзывамъ, и пусть стараются поддержать ихъ изгнаніемъ классическихъ языковъ изъ нашихъ гимназій. А въ замѣнъ этого пусть постараются разработывать литературу провинціальныя нарѣчій. Оно и не требуетъ большаго труда, по тому что во всякомъ мужикѣ можно для сего найти хорошаго руководителя и учителя.

⁸ См. переписку Рункена съ Виттенбахомъ, стр. 43. Изд. Мане, 1832 г.

Маттея за 25 дукатовъ. Пусть онъ хранится навсегда въ нашей Публичной (Лейденской) Библиотекѣ. Теперь все дѣло предоставляется суду читателя. Но можно сказать съ увѣренностію, что если бѣ Библиотека Св. Синода была подѣ надзоромъ не одного только библиотекаря, то едва ли бы этотъ рѣдкій манускриптъ сдѣлался собственностію Маттея, сколь, впрочемъ, ни важны для насъ его заслуги въ описаніи рукописей Библиотеки Св. Синода и въ изданіи Новозавѣтныхъ книгъ по симъ же рукописямъ. Удивительнымъ покажется то, что рукопись продана Маттеемъ такъ дешево. Но надо припомнить, что она продана уже послѣ изданія. Если бы онъ ее продалъ прежде, и продалъ Англичанамъ, то получилъ бы за нее несомнѣнно въ 10 разъ болѣе. Въ исторіи Греческой литературы Гарлеса еще находимъ, что онъ же подарилъ въ Дреаденскую Публичную Библиотеку двѣ рукописи, одну хлопчатобумажную и другую харатейную X и XI вѣка, содержащія нѣсколько поученій Св. Григорія Назіанзена. Откуда онъ прибрѣлъ ихъ, можно только догадываться.

Вотъ поучительный примѣръ, въ доказательство того, какъ необходимо при Публичной нашей Библиотекѣ учрежденіе Ученаго Общества. Это Общество, подѣ предсѣдательствомъ одного изъ своихъ членовъ, по своему выбору, могло бы имѣть свои собранія, дѣлать ревизіи, повѣрять каталоги и составлять ихъ для публики по своему уменачертанію, назначать своихъ членовъ для принятія пожертвованій и другихъ приобрѣтеній, не оставляя ихъ безъ тщательнаго надзора до разбора, помѣты въ черновомъ спискѣ и разстановки по шкафамъ, обнародывать протоколы своихъ засѣданій для свѣдѣнія публики, обращать вниманіе на потребности библиотеки и изыскивать средства къ ихъ восполненію, и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ представлять Попечителю доклады на разсмотрѣніе и утвержденіе, и чрезъ него, въ дѣлахъ, превышающихъ власть его, сообщать о нихъ Министру. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій, можетъ составиться прекраснѣйшій проектъ по всѣмъ частямъ устройства Библиотеки. Несомнѣнно также, что при такомъ Обществѣ публика въ самомъ скоромъ времени будетъ имѣть и печатный каталогъ всѣхъ книгъ, находящихся въ Публичной нашей Библиотекѣ, котораго, при настоящемъ медленномъ ходѣ дѣлъ, мы едва ли скоро дождемся.

Но спросятъ, гдѣ жь найти такія лица для составленія такого Общества? Спросите просвѣщенную публику, и она не затруднится указать вамъ, во первыхъ, на лице, которому первому пришла благодѣтельная мысль перемѣщенія Румянцевской Библіотеки и Музея въ Москву, на Князя Владиміра Федоровича Одоевского, извѣстнаго любителя наукъ и искусствъ изящныхъ, при томъ искусившагося уже въ устройствѣ библіотекъ еще въ то время, когда онъ былъ Товарищемъ Барона Корфа и Директоромъ Румянцевскаго Музея; далѣе, на Графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, любителя отечественныхъ хартій и обладателя превосходной библіотеки; на Михаила Петровича Погодина, обогатившаго своимъ музеемъ Эрмитажъ и рукописями и печатными книгами Императорскую Публичную Библіотеку; на Григорія Александровича Чертова, столь радушно открывшаго свое собственное книгохранилище, собранное почтеннымъ его родителемъ, для пользованія просвѣщеннаго общества; на Михаила Николаевича Лонгинова, отличнаго знатока исторіи новѣйшей литературы нашей; на Сергѣя Александровича Соболевскаго, обладателя, собирателя и знатока рѣдкихъ иностранныхъ книгъ, въ особенности по части библіографіи и путешествій; на Петра Ивановича Севастьянова, котораго драгоценное собраніе древнихъ памятниковъ письменности и художествъ уже давно привлекаетъ взоры просвѣщенной Московской публики; на Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго, тщательнаго собирателя всего печатнаго, послѣ Петра, Русскаго слова; на Михаила Петровича Полуденскаго, уже извѣстнаго публикѣ своей любовью къ библіографическимъ изслѣдованіямъ, и еще на многихъ лицъ, имъ извѣстныхъ, которыхъ они могутъ избрать и пригласить для принятія съ ними участія въ этомъ добромъ дѣлѣ. Прибавимъ къ сему и многихъ лицъ изъ купеческаго сословія, любителей книжной старины, которыя несомнѣнно будутъ заинтересованы такимъ вниманіемъ къ нимъ мужей ученыхъ, и которыя не только могутъ содѣйствовать имъ указаніемъ памятниковъ древней письменности, но даже и пожертвованіемъ ихъ въ пользу Библіотеки. Безъ сомнѣнія, всѣ сіи лица не откажутся принять участіе въ общемъ дѣлѣ, безъ всякаго денежнаго и чиновнаго возмездія, кромѣ мысли о благомъ дѣлѣ для пользы общей. Ученыя Общества чужды подобныхъ наградъ и не допускаютъ ни какого мѣстничества. Такимъ образомъ, изъ сказанныхъ лицъ

никто не помыслить ни о томъ, ни о другомъ, за пріятный для него трудъ, собраться однажды, или дважды, въ мѣсяцъ, чтобы опредѣлить и раздѣлить между своими членами различнаго рода труды, для благосостоянія Библиотеки. Замѣтимъ еще, что такъ какъ такія личности, какъ указанный выше Рункенъ, Бекъ и пр. и извѣстный намъ Баронъ М. А. Корфъ, представляютъ въ исторіи библиотекъ явленіе рѣдкое, то, при вышесказанномъ Обществѣ человѣкъ и не посвященный въ таинства Филологіи, можетъ занять мѣсто библіотекаря. Нужно только, чтобы онъ былъ честенъ и рачителенъ въ храненіи вѣреннаго ему сокровища и въ дѣйствіяхъ по указаніямъ Общества, утвержденныхъ Попечителемъ, яко главнымъ лицомъ, въ вѣдомствѣ коего состоитъ Библиотека.

Вотъ, по нашему мнѣнію, единственное вѣрное средство, не только сохранить сіе прекрасное собраніе, но и обогатить его, и сообщить ему, такъ сказать, жизнь и дѣйствіе. Всякое общественное заведеніе должно пользоваться довѣріемъ той среды, къ которой принадлежитъ оно, а довѣріе просвѣщенной публики можетъ быть пріобрѣтено только ея убѣжденіемъ, что дѣйствующія при заведеніи лица отвѣчаютъ вполнѣ ея требованіямъ и надеждамъ, какъ избранныя изъ среды ея. И такъ дѣло, въ которомъ заключается интересъ цѣлаго общества, не должно быть подвергаемо случайностямъ. Одно, и при томъ не постоянно пребывающее на своемъ мѣстѣ, лице библіотекаря никогда не можетъ быть достаточнымъ ручательствомъ за благосостояніе библиотеки. И кому неизвѣстна слабость природы человѣческой, кто не знаетъ, что иногда лице, которому ввѣрено храненіе подобнаго сокровища, забываетъ свое назначеніе и, вмѣсто служителя въ храмѣ музъ, отверстомъ для каждаго ихъ поклонника, видитъ въ себѣ полнаго обладателя сего храма, который онъ можетъ отверзать и затворять, кому заблагоразсудить? Какой же ученый человѣкъ, какой любознательный, какой библіофилъ, пожелаетъ съ подобнымъ лицомъ вести ученую бесѣду о книжномъ дѣлѣ? Особенно, если и самъ библіотекарь имѣетъ весьма ограниченныя познанія въ Филологіи? Кого не отвратитъ такая личность отъ пожертвованій, иногда весьма важныхъ, въ пользу библиотеки? Въ доказательство словъ моихъ, укажу на примѣръ изъ жизни такого лица, которому ни ученые, ни умственные, ни моральныя достоинства не долженствовали бы

подать ни малѣйшаго повода къ забвенію своего долга. И однако жъ, въ такое самозабвеніе, осуждаемое всѣми правилами свѣтскаго и ученаго приличія, позволилъ себѣ впасть, кто бы этому повѣрилъ? — позволилъ себѣ впасть знаменитый Рункенъ въ то время, когда былъ хранителемъ Публичной Лейденской Библіотеки. Что бы сколько ни будь оправдать его, пожалуй, мы согласны и не считать за весьма великій грѣхъ поссориться съ ученымъ посѣтителемъ за его неуважительный отзывъ о Скалигерѣ, или за его убѣжденіе, что въ наше время не нужно объ ученыхъ предметахъ писать по Латини. Но выгнать грубымъ отказомъ за такія убѣжденія ученаго посѣтителя изъ Публичной Библіотеки, какъ изъ своего собственнаго дома, вотъ что считаемъ мы не только неприличнымъ, но въ высшей степени непозволительнымъ.⁹ И такъ, если такое лице, налитанное всею гуманностію высшаго классическаго образованія, могло вообразить себя хотя на минуту полнымъ хозяиномъ общественнаго сокровища, то чего жъ нельзя ожидать иногда отъ лица, стоящаго на низшей степени образованности? Сохрани Богъ, чтобы мы имѣли здѣсь въ виду какую либо личность. Примѣръ, приведенный нами изъ жизни знаменитаго лица, достаточно насъ оправдываетъ. Если мы приводимъ его въ разсужденіи о нашей Библіотекѣ, то говоримъ не о томъ, что есть, а о томъ, что можетъ быть.

Кто не знаетъ, что назначеніе и выборъ бібліотекаря, какъ и другихъ вѣдомствъ чиновниковъ, могутъ быть подвержены разнымъ случайностямъ. И такъ можно вообразить на этомъ мѣстѣ человѣка мало образованнаго, особенно въ Филологіи и Исторіи литературы, но этому вовсе не бібліофила; можемъ вообразить въ немъ человѣка лѣниваго, слѣдовательно, нерадиваго къ своей должности, и даже иногда сомнительной честности. Въ какомъ же тогда отношеніи къ бібліотекѣ будетъ находиться просвѣщенное общество, въ какомъ состояніи будетъ находиться самая бібліотека? Общество охладѣетъ, за неуваженіе къ его любознательности, происходящее, большею частію, не столько отъ злонамѣренности, сколько отъ невѣжества и нерадѣнія, за симъ послѣдуетъ прекращеніе пожертвованій. И вотъ бібліотекарь, полный хозяинъ

⁹ См. Виттенбахову Біографію Рункена, стр. 230, 251.

и распорядитель библиотеки. Не удивительно, если иногда книги по знакомству будут отпускаемы и на домъ для чтенія и зачитыванья. Но если растрата книгъ и прекращеніе пожертвованій будетъ несчастіемъ для библиотеки, то, въ замѣну сего, она сдѣлается покойнымъ и прохладнымъ мѣстомъ для нѣсколькихъ чиновниковъ, которыхъ вся должность будетъ состоять въ томъ, чтобы часа на два прийти въ библиотеку, чтобы прочесть газеты, и за это получать жалованье.

На предупрежденіе такихъ-то случайностей должно обратить все свое вниманіе просвѣщенное Московское общество. Оно не должно забывать, что для него собственно, щедротою Государя Императора, Румянцевскій Музей и Библиотека перенесены въ Москву. Будетъ ли оно равнодушно къ столь благодѣтельному желанію Государя усилить нашу любовь и даровать средства къ нашему просвѣщенію? Да содѣйствуетъ же оно его священной волѣ ревностнымъ участіемъ въ храненіи и обогащеніи сего сокровища, да не считаетъ для себя чуждымъ того, что даровано ему Августѣйшимъ Монархомъ! Ибо извѣстно, что тогда только процвѣтаютъ подобнаго рода учрежденія, когда каждое лице, пользующееся ими, видитъ въ нихъ какъ бы свою собственность, и въ такомъ смыслѣ употребляетъ всѣ усилія къ храненію и обогащенію такой собственности.

Чтобы убѣдиться въ истинѣ сихъ словъ, пусть обратятъ вниманіе на частныя библиотеки, въ храненіи и обогащеніи которыхъ по этому имѣютъ особенный интересъ ихъ владѣльцы. Не много прошло времени, какъ въ Москвѣ разнесся слухъ объ открытіи для публики Библиотеки покойнаго А. Д. Черткова. И посмотрите, въ сколь краткое время, по распространеніи сего слуха, она приведена въ порядокъ и снабжена каталогомъ, и не однимъ, а тремя, составленными съ такою тщательностію, что они не уступаютъ лучшимъ каталогамъ, составленнымъ иностранными учеными. Уваженіе и благодарность владѣтелю Библиотеки за его столь ревностное содѣйствіе къ отечественному просвѣщенію! Честь и слава Г-пу Бартеневу, столь умно, столь отчетливо и добросовѣстно, въ столь краткое время, исполнившему принятую на себя обязанность разбора и расположенія библиотеки и составленія для нея каталоговъ! Намъ говорятъ, что мало въ ней бываетъ

посѣтителей, но надо принять во вниманіе то, что эта Библиотека есть только спеціальная и состоитъ только изъ книгъ по части Русской Исторіи. Скорѣе надо удивляться тому, что Библиотека Публичная, обогащенная всякаго рода книгами и всѣми выходящими новостями, имѣетъ посѣтителей не болѣе Чертковой! Еще насъ обрадовало въ столицѣ нашей недавнее открытіе Библиотеки, состоящей изъ драгоценнаго собранія книгъ рѣдчайшихъ, принадлежавшаго покойному Князю Михайлу Александровичу Голицыну, и не только одной Библиотеки, но при ней и Галереи превосходныхъ картинъ работы знаменитѣйшихъ художниковъ.¹⁰ Сколь пріятно мыслить, что имена славныхъ фамилій увѣковѣчиваются въ потомствѣ не только политическими и военными Государственными заслугами, но и любовію къ просвѣщенію. Здѣсь невольно обращается мысль наша къ памяти знаменитаго вельможи вѣка Екатерины и Александра, Князя Николая Борисовича Юсупова. Всей Московской публикѣ извѣстна особенная любовь къ изящнымъ искусствамъ сего, какъ выразился о немъ Пушкинъ, питомца Аристипповой школы. Кто не удивлялся изящному его вкусу въ выборѣ картинъ для своей Галереи? Какой, даже и не посвященный во всѣ таинства искусства, не восхищался ими въ такой же мѣрѣ, какъ и знатокъ и художникъ? Вотъ лучшее свидѣтельство тонкости его вкуса. Но не всѣмъ извѣстно, какимъ обширнымъ знаніемъ литературы, древней и новой, обладалъ Князь. И нѣтъ сомнѣнія, что многіе съ удивленіемъ услышатъ, что онъ былъ отличный знатокъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкѣ. Мы знаемъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, какъ, при появленіи Эдина Озерова, въ домашней бесѣдѣ съ нѣкоторыми любителями литературы, между которыми былъ и И. И. Дмитріевъ, Князь, сравнивая подражаніе съ оригиналомъ, цитовалъ цѣлыя мѣста изъ Софокла, переводя ихъ по Русски, и удивилъ всѣхъ обширною ученостію и тонкимъ вкусомъ. Но самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ словъ нашихъ можетъ служить его знакомство съ ученѣйшими Европейскими Филологами того времени и, въ особенностях, дружба съ знаменитымъ Еллинистомъ Фалькенаромъ,

¹⁰ Трудъ устройства сей библиотеки принялъ на себя Г. Гинсбургъ, и съ такою любовію посвятилъ себя сему дѣлу, что и доселѣ не перестаетъ приобрѣтать, если что встрѣтитъ любопытное и рѣдкое.

который былъ его учителемъ въ Греческомъ языкѣ и посвятилъ ему свое изданіе Теокрита. Это посвященіе такъ служитъ свидѣтельствомъ въ знаніи Князя Греческаго языка, и столь интересно и по указанію на его любезный характеръ, что мы, сообщая здѣсь небольшую изъ него выписку, надѣемся доставить удовольствіе просвѣщенному читателю. Вотъ это посвященіе:

«Посылаю тебѣ, любезный Князь, не неожиданнаго для тебя Теокрита съ Біономъ и Мосхомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ ты желалъ имѣть его, не обремененнаго обширными примѣчаніями, но гораздо исправнѣйшаго, нежели какъ онъ былъ изданъ прежде. Я не могу представить тебѣ, по возвращеніи твоёмъ въ отечество изъ знатнѣйшихъ Государствъ Европы, пріятнѣйшаго дара.

«Получивъ сію книжку, я надѣюсь, что ты, какъ и самъ часто говоришь въ своихъ письмахъ, съ удовольствіемъ припомнишь время пребыванія твоего въ Лейденѣ, которое и для меня было пріятнѣйшимъ, когда я читалъ съ тобой Теокрита, Гомера, Софокла, Еврипида и другихъ стольже славныхъ писателей. Другая побудительная причина къ составленію сей книжки была—желаніе заглядить предъ тобой вину свою. Я помню, какъ ты, во время своего пребыванія у насъ, бывъ совершенно свободнымъ отъ всѣхъ другихъ занятій, предъ самымъ ваканціоннымъ временемъ, изъявилъ мнѣ желаніе читать со мной, въ продолженіе лѣта, Греческихъ писателей; помню, сколько я употребилъ отговорокъ, чтобы извинить себя передъ тобой необходимостію отъѣзда изъ города хотя на ближайшіе мѣсяцы; помню, сколько разъ повторялъ, что я живу только деревнею и музами, что желаю совершеннаго спокойствія хотя на нѣсколько недѣль; помню, съ какою готовностію и снисходительностію уступилъ ты моему желанію и, въ угожденіе мнѣ, гораздо долѣе прожилъ у насъ, нежели какъ, по видимому, предполагалъ сначала. Въ послѣдствіи же, когда я узналъ твой кроткій и любезный характеръ, когда увидѣлъ въ тебѣ, такъ сказать, образецъ вѣжливости, внимательности ко всѣмъ и скромности, чуждой всякаго высокомерія, я устыдился этой своей настойчивости и этого объясненія съ тобою при первомъ нашемъ свиданіи. Тридцать семь лѣтъ я училъ Греческому языку въ двухъ Университетахъ нашего Государства, и ни въ комъ изъ монаховъ, даже отличнѣйшихъ, слушателей не нашелъ столь твердой и столь постоянной любви къ изящнымъ наукамъ, даже и не воображалъ нико-

гда, чтобы между лицами твоего званія нашлись такія, которыя бы могли быть увлечены прелестью древней литературы. По отъѣздѣ твоёмъ сюда, ты, противъ принятаго обыкновенія, ухватился сперва за труднѣйшее и важнѣйшее; но какъ только вкусилъ душой величіе Римской и красоту Греческой Словесности, то ни какими уже шутками своихъ сверстниковъ, которые, по суду твоему, были холоднее снѣговъ Московскихъ, ни какими убѣжденіями другихъ лицъ, не могъ быть отвлеченъ отъ предполагаемой цѣли. По своей скромности, сначала ты не довѣрялъ себѣ. Но рѣшившись сдѣлать опытъ, при благопріятствующемъ успѣхѣ, всего себя посвятилъ изученію того языка, къ познанію котораго стремился съ такимъ жаромъ, и въ краткое время столь очастливые сдѣлалъ въ немъ успѣхи, что многихъ привелъ въ стыдъ, получивъ достойную за трудъ свой награду. Когда, въ Парижѣ, Италіи и другихъ городахъ Европы ты, какъ истинный любитель и знатокъ, осматривалъ рукописные памятники древней Греціи, какихъ не получилъ похвалъ, свидѣтельствующихъ о твоихъ познаніяхъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, отъ ученыхъ хранителей тамошнихъ библиотекъ? Зная хорошо людей и свѣтъ, ты поймешь, какъ я былъ восхищенъ наполненнымъ твоими похвалами письмомъ Парижскаго Академика Виллуазона, «¹¹ славою почти равнаго своимъ ученымъ соотечественникамъ прошлаго столѣтія? Но меня, не смотря на все мое сочувствіе къ этимъ похваламъ, не смотря на все уваженіе къ твоей любви къ симъ занятіямъ, меня болѣе всего плѣнили твой прямодушный характеръ, чуждый всякой надменности, неспритворная, чистосердечная любовь къ истинѣ, и духъ, исполненный всего благороднаго. Присовокуплю еще, что особенно считаю важнымъ: въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ пребыванія твоего у насъ, почти не проходило дня, въ который бы ты хотя нѣсколько часовъ не провелъ въ дружескихъ разговорахъ со мною и не предпочелъ моей бесѣды обращенію въ кругу своихъ сверстниковъ. И такъ ты не удивишься, когда я скажу тебѣ, что разлука моя съ тобой, при первомъ твоёмъ отъѣздѣ отъ насъ въ Англію, оставила глубокую печаль въ душѣ моей.»

¹¹ Кромѣ многихъ изданій разныхъ, прежде не изданныхъ, Греческихъ памятниковъ, онъ особенно прославился критическимъ изданіемъ Венеціанскихъ схолий на Илиаду.

Сей выписки довольно къ славѣ нашего знаменитаго велико-жи. Далѣе авторъ питаетъ надежду, что «принцъ Князя будетъ имѣть благотворное вліяніе на его соотечественниковъ, и что, въ правленіе Великой Жены, обладательницы столь обширнаго Государства, при содѣйствіи Князя, будутъ вызываемы изъ просвѣщенныхъ Государствъ въ Россію не только геометры, механики, физики, но и мужи, свѣдущіе въ обонхъ классическихъ языкахъ, для распространенія Древней Словесности въ нашемъ отечествѣ; ибо какой другой способъ смягчить грубые нравы и разогнать мракъ невѣжества? Изъ какого источника, кромѣ классическихъ писателей древности, Государственный мужъ почерпнетъ лучшіе уроки въ управленіи дѣлъ общественныхъ?» и проч.

Прочитавъ, это безъ сомнѣнія, никто не осмѣлится сказать, что такое посланіе вызвано богатствомъ и знатностію, и мы, выписывая изъ него сіе мѣсто, желали подѣлиться съ просвѣщенными читателями тѣмъ удовольствіемъ души, которое необходимо ощущаетъ всякой любитель классическаго образованія, видя въ знатныхъ своихъ соотечественникахъ столь ревностное, столь безкорыстное служеніе тѣмъ музамъ, которымъ самъ служитъ.¹² Впрочемъ, какъ предметъ нашего разсужденія—публичныя бібліотеки, то какъ не пожелать, чтобы прямому наследнику столь славнаго имени, внуку знаменитаго просвѣщеніемъ дѣда, Богъ внушилъ благотворную мысль украсить нашу Москву, столь любимую и никогда не оставляемую его дѣдомъ, открытіемъ собранной имъ бібліотеки (о которой такъ много мы слышали), и при ней столь извѣстной картинной Галереи? Думаемъ, что въ бібліотекѣ найдется не мало книгъ, присланныхъ въ свое время Князю учеными мужами и съ ихъ под-

¹² Вотъ еще и другое свидѣтельство особенной любви къ Греческой литературѣ Князя Николая Борисовича. Оно находится въ книгѣ: «Voyage en Pologne, Russie, Suède, Danemarck etc, par W. Coxe, traduit par Mallet. Genève 1786, 2 v. in 4º,» и сообщено мнѣ въ выпискѣ С. А. Соболевскимъ. Вотъ слова автора (I. v., p. 169): «Matthaei a pris le parti de donner une notice préliminaire générale et abrégé (des manuscrits grecs de la bibliothèque du Saint Synode) sous le titre: «Index codicum» etc., in 4º. S.-Petersbourg 1780. Cet Index est précédé d'une introduction fort intéressante et fort instructive, dans la quelle on apprend, que l'auteur l'a composé pour l'usage du prince Yusupof, qui fait ses delices de la litterature grecque.»

писями; можетъ быть тамъ хранится и его переписка съ ними. Такіе памятники всегда драгоцѣнны для просвѣщеннаго потомства. Мы бы еще желали (да простятъ нашей, можетъ быть, слишкомъ затѣливой фантазів!), чтобы помѣщеніе для галереи и книгохранилища было въ зданіи, близкомъ къ тому прародительскому дому славной фамиліи, который доселѣ представляетъ въ себѣ единственный въ Москвѣ памятникъ домашняго устройства и быта вельможъ времени Царей нашихъ. Да хранится и онъ въ своемъ первобытномъ видѣ, и да будетъ отворенъ для любопытствующей публики!

Д. Чл. А. Кубаревъ.

КАКЪ ТРУДНО ЗАЩИЩАТЬ ДѢЛО, КОТОРОЕ САМО СЕБЯ НЕ ЗАЩИЩАЕТЪ.

Академикъ Рупрехтъ сдѣлалъ «Замѣчанія на Докладъ Комиссiи, разсматривавшей Проектъ Устава и Штатовъ Императорской Академiи Наукъ, и на Отдѣльныя замѣчанія о томъ же предметѣ одного изъ Членовъ оной Комиссiи.» Онъ пришелъ къ убѣжденiю, что «во всемъ донесенiи Комиссiи не встрѣчается ни одной мысли, ни одного указанiя, которыя пригодились бы Академiи для исправленiя ея Устава» (стр. 18). Основателемъ ли этотъ приговоръ, читатель статьи Г. Рупрехта ни коимъ образомъ рѣшить не можетъ, по тому что мнѣнiя Комиссiи, особенно значительнѣйшiя, даже и не именуются ея строгимъ изобличителемъ, и тѣ указанiя Комиссiи, съ которыми Г. Рупрехтъ, по видимому, ведетъ войну, приводятся съ большою осторожностiю, какъ бы показываюцца изъ подъ полы, за которой они тщательно припрятаны. По этому, я думаю, что было бы всего лучше доставить полную гласность какъ мнѣнiямъ Комиссiи и одного изъ ея Членовъ, такъ и критическимъ замѣчанiямъ на оныя Г. Рупрехта, разумѣется, въ одно и то же время, и притомъ въ изданiи, доступномъ возможно большему числу читателей. Правда, Докладъ Комиссiи и Замѣчанiя одного изъ Членовъ ея уже напечатаны, но напечатаны въ изданiи, которое, по своей спеціальности, не всякому извѣстно, на что даже самъ Г. Академикъ жалуется, утверждая, что Докладъ Комиссiи по этой-то причинѣ долго оставался и ему не извѣстнымъ, въ чемъ мы, однако, безусловно довѣрить его словамъ не можемъ, и если бы онъ пожелалъ когда либо узнать отъ насъ этѣ причины, охотно готовы служить ему въ томъ. Впрочемъ, онъ и самъ откроетъ ихъ, буде только со вниманiемъ перечтеть

свои замѣчанія и сообразить все, творившееся въ Академіи Наукъ до написанія оныхъ.

Можетъ быть Коммиссія и была пристрастна, какъ это утверждаетъ почтенный Академикъ. Но источникъ этого пристрастія былъ самый чистый. Это — Высочайшее повелѣніе «усилить ученую дѣятельность Академіи, направивъ оную преимущественно на пользу Россіи.» Вотъ исходная точка для мнѣній Коммиссіи. Г. Рупрехтъ не обратилъ на это ни какого вниманія. Есть безпристрастіе, свойственное камню, который, возносясь надъ всѣми національностями, съ одинаковымъ равнодушіемъ отправляетъ свою функцію въ Петербургъ, Парижъ, Лондонъ, Вѣннъ, Берлинъ и т. д. «Патріотизмъ не касается науки,» говоритъ нашъ изобличитель. «Наука есть общее достояніе всѣхъ образованныхъ народовъ.» Академія Наукъ есть для него учрежденіе международное, замѣтьте, — международное (стр. 12). А ргіогі слѣдуетъ, что къ учрежденію такого рода непримѣнимо Высочайшее повелѣніе направить дѣятельность его преимущественно на пользу Россіи. Коммиссія не была предувѣдомлена, что она имѣетъ дѣло съ учрежденіемъ международнымъ. Коммиссія также имѣла слабость думать, что понятіе о наукѣ, какъ объ общемъ достояніи всѣхъ образованныхъ народовъ, ни сколько не помѣшало бы Академіи Наукъ направить свою дѣятельность преимущественно на пользу Россіи, и въ этомъ предположеніи она желала, чтобы Академики были полезны Россіи болѣе непосредственно, нежели, какъ оказывается, полезны ей всѣ Европейскіе ученые, изъ которыхъ каждый публикуетъ свои труды на языкѣ, не родномъ для насъ. Объ этихъ существеннѣйшей важности отношеній и другихъ, имъ подобныхъ, статья не говоритъ ни слова. На скромное желаніе Коммиссіи слышать въ стѣнахъ Академіи Русскую рѣчь и видѣть универсальныя мысли Академиковъ облеченными въ царственную одежду Русскаго слова, Г. Рупрехтъ отвѣчаетъ: «Коммиссія хочетъ, чтобы Русскій ученый міръ былъ огражденъ отовсюду, подобно Китайско-Японскому, и даже еще строже» (стр. 19). Дѣйствительно, скажемъ мы, Коммиссія хотѣла чего-то, по видимому, подобнаго, но въ сущности не этого: она хотѣла, чтобы Академическій ученый міръ не былъ огражденъ отъ Русскаго міра подобно Китайско-Японскому и даже еще строже. Не такъ ли, Г. Рупрехтъ? Это вопросъ совѣсти.

Вы утверждаете, что «Коммиссія хочетъ, чтобы Петербургская Академія со степени первоклассной международной Академіи сошла на степень неизвѣстнаго въ остальномъ мірѣ и безконтрольнаго учрежденія, равнаго по значенію Академіямъ Языка и Литературы.» Стало, по Вашему, и Англійское Royal Society, упорно величаемое Вами Академіей, а не Обществомъ, какимъ оно дѣйствительно, и всѣ тѣ дѣйствительныя Академіи Наукъ, которыя разрабатываютъ науку на родномъ языкѣ, не могутъ обращать на себя ни чьего вниманія, достигнуть перваго класса, остаются безконтрольными, какъ Академіи Языковъ и Литературъ? И это проповѣдуетъ Академикъ? Да, развѣ Академіи и ученые Общества обязаны своей извѣстностью тому, что онѣ пишутъ на томъ, или другомъ, общезвѣстномъ языкѣ? Что толку, если иные Академическіе труды на Нѣмецкомъ и Французскомъ такого рода, что, читая ихъ, не рѣдко приходится краснѣть вчужѣ, видя, что такое жалкое кропанье дѣлается общедоступнымъ ученымъ всего міра, когда хотѣлось бы совершенно противнаго? Не бѣда еще, когда сочиненіе дѣльное становится поздно извѣстнымъ за границей; во сто разъ хуже, когда дурное опережаетъ его. Хорошее, не безпокойтесь, проложитъ себѣ путь и за рубежъ, особливо въ вѣкъ такого общенія и общенія мыслей и дѣйствій, каковъ нашъ, а посредственность, будетъ ли она выражена по Нѣмецки, или по Французски, останется такой навсегда, и, конечно, для нея же лучше, чтобъ она тамъ и нашла себѣ гробъ, гдѣ родилась.

Другія побужденія, не позволяющія, по мнѣнію Академика, водвориться Русскому языку въ Академіи Наукъ, я только назову здѣсь:

1. Это, прежде всего, коммиссіонерскіе и экономическіе расчеты, касающіеся книжнаго магазина Академіи и удобнѣйшаго сбыта книгъ за границей (стр. 9).

2. Убѣжденіе въ томъ, что Французскій и Нѣмецкій языки суть универсальныя, какъ въ этомъ удостовѣряется Г. Рупрехтъ изъ факта преподаванія этѣхъ языковъ въ Русскихъ училищахъ (тамъ же).

3. Удобство, какое находитъ сочинитель въ избраніи Латинскаго языка за органъ Академіи, полагая, что вотъ этотъ языкъ будетъ заподлинно универсальный (тамъ же).

4. Наблюденіе, что много научно-пустаго скрывается на мало-звѣстныхъ языкахъ, при чемъ нашему исполненскому слову, какъ надобно подразумѣвать, отводится мѣсто между послѣдними (стр. 10).

5. Употребленіе Русскаго языка воспрепятствуетъ Академикамъ внушать надлежащее уваженіе ученой Европѣ (къ кому?) и принимать современное участіе во всемірномъ развитіи науки (стр. 12).

Это такія перлы, которыя стоитъ только показать міру, не отдѣлывая ихъ. Даже сочинитель принимаетъ за аргументъ и то, что Академическіе труды пишутся прежде всего для ученыхъ (тамъ же); и этотъ аргументъ почерпаетъ свою силу видимо изъ сокрытаго предположенія, что Русскіе люди не могутъ быть учеными.

Такъ, если сочинитель жестоко порицаетъ Комиссію, то онъ также не щадитъ и Россіи: да и за чѣмъ щадитъ ее? «Патріотизмъ не касается науки» (стр. 12).

Въ «Замѣчаніяхъ» Г. Рупрехта и слова не говорится о кругѣ Академическихъ Наукъ и объ ихъ правильной организаціи. Этотъ предметъ будто вовсе не лежитъ на сердцѣ сочинителя: думать объ немъ каждому позволяется, что угодно. Доказательство на это находимъ въ статьѣ другаго Академика, помѣщенной въ № 54-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» текущаго года, въ которой прямо высказана мысль, что дѣйствующій Уставъ Академіи Наукъ такъ хорошъ, что нѣтъ необходимости передѣлывать его. По чему же бы это, спроситъ кто либо? По тому, что «Уставъ есть самое послѣднее въ жизни ученой корпораціи; гораздо важнѣе его преданія и обычаи, сложившіеся временемъ и поддерживающіе въ ней ея духъ;» далѣе, «да онъ вовсе и не древній еще» (съ 1836 г.). Что до этого всего, дѣйствительно, для нашей Академіи Наукъ, какъ показала вся исторія ея существованія, преданія и обычаи, сложившіеся въ ней временемъ, гораздо важнѣе и выше всего. Не говоря уже о томъ, что происходило въ ней, въ силу предпочтенія Членами ея преданій и обычаевъ закону, въ прошломъ столѣтіи, когда частенько Академики, стоявшіе за такую почтенную старину, наступали на про-

тивниковъ своихъ, указывавшихъ имъ на Уставъ, съ кулаками и дреколіями и беззастенчиво позволяли себѣ такіе поступки, что никто не хотѣлъ вѣрить имъ, хотя они не подлежали ни малѣйшему сомнѣнію и засвѣдѣствованы самими актами, напоминая только отзывъ объ Академіи нашей не такъ далекаго времени, отзывъ самаго Президента ея, Графа С. С. Уварова, который, въ «Запискѣ» своей, поданной Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, такъ выразился о томъ, въ какомъ положеніи напелъ онъ ее. «По части хозяйственной: Большія средства Академіи, по причинѣ долговременнаго безначалія, или исчезли, или ослабли; ни какихъ слѣдовъ благоразумнаго хозяйственнаго управленія. Вообще мало попеченій о казенномъ, все употреблено на частныя выгоды. Почасти ученой: Тотъ же самый духъ безначалія, который ощутителенъ въ хозяйственной части Академіи, еще болѣе чувствителенъ по части ея ученыхъ занятій. Неуваженіе къ общему мнѣнію, частныя ненависти и пріязни, личности всякаго рода, произвели издавна совершенный недостатокъ единодушія и прекратили всю дѣятельность Академіи» (Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древност. Россійск. 1865, кн. 3, отд. 5, стр. 336 — 338). Не то же ли и теперь, по крайней мѣрѣ, время отъ времени проявляется, если только справедливы тѣ подвиги ея, на которые указываетъ В. И. Ламанскій въ №№ 77 и 78-й газеты «Голосъ»? Развѣ все это происходитъ не въ силу того убѣжденія, что преданія и обычаи, сложившіеся временемъ въ Академіи и поддерживающіе въ ней ея духъ, важнѣе и выше ея Устава? И развѣ можемъ мы ожидать чего либо другаго и въ будущемъ, когда, какъ ни въ чемъ не бывало, высказывается это словно догматъ, исповѣданіе? Слѣдовательно, передѣлка Устава предпринята не съ тѣмъ, какъ открывается теперь ясно для всѣхъ, чтобы улучшить его; нѣтъ, Боже сохрани! «Уставъ, говоритъ одинъ изъ Академиковъ, есть самое послѣднее въ жизни ученой корпораціи» (слова этѣ я повторяю съ намѣреніемъ: это чистое золото, и достойны того, чтобы вырѣзать ихъ на металлѣ и, если возможно, еще на чемъ либо болѣе твердомъ и способномъ противиться вліянію времени сколь можно долѣе и упорнѣе). Но что же такое подняло нашу Академію на ноги, заставило ее произвестъ шумъ и вопль многъ? Академикъ «Московскійхъ Вѣдомостей» откровенно выразился: «Важнѣе всего (т. е., внутренняго устройства, которое

онъ называетъ вопросомъ частнымъ) для Академіи Наукъ возвышеніе Академическихъ штатовъ. Это стоитъ, замѣчаетъ онъ, на первомъ планѣ; это потребность безспорная; безъ этого Академія не Академія,» и г. д., и т. д. То же самое твердитъ и другой Академикъ, Г. Рупрехтъ.

Денежная сторона дѣла находитъ и въ немъ горячаго защитника. То вычисляется, во сколько Академія Наукъ обходится дешевле казнѣ каждаго изъ Университетовъ (стр. 16), то измѣряются матеріальныя выгоды Академика и Профессора Университета (тамъ же); даже сочинитель не задумался указать на то, что пенсіонъ Академика ограниченнѣе жалованья учителя Русскаго языка въ Гимназіяхъ Царства Польскаго (стр. 17). Последнее сравненіе особенно характеристично: «патріотизмъ не касается науки.» По чему бы, послѣ этого, и Профессорамъ Университета не указывать, въ свою очередь, на то, что, на примѣръ, Судебные Слѣдователи есть, или бывають, больше обезпечены, нежели Профессоры Университетовъ? Но Богъ съ Вами и съ Вашимъ мнѣніемъ объ обезпеченіяхъ! Комиссія выразила по этому предмету въ своемъ Докладѣ то лишь, что она считала за лучшее. Если это лучшее по чему либо недостижимо, слѣдуетъ ограничиться возможнымъ. Итакъ, просите какихъ угодно поддержекъ, но говорите прежде всего и пишите непременно по Русски. Пусть ваши оклады и пенсіоны будутъ блестящіе и самыя завидныя въ мірѣ! Не куда шло! Только уже согласитесь, что Вы, пользуясь такимъ благомъ еще на земли, должны быть полезны Россіи, но полезны не въ томъ смыслѣ, въ какомъ полезны ей всѣ безъ изъятія Европейскіе ученые. Или и здѣсь позволить со вѣсть изворачиваться и отводить глаза толками объ универсальности Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, умалчивая объ Англійскомъ, и разсужденіями о выгодахъ избрать языкъ Латинскій, увѣреніями, какъ вредно для самой науки (по видимому, составляющей Ваше единственное Божество) работать на такомъ языкѣ, каковъ языкъ Русскій, и опасеніями за судьбу Вашихъ безцѣнныхъ и гениальныхъ произведеній, долженствующихъ по тому на вѣки быть сокрытыми отъ ученаго свѣта, или, по меньшей мѣрѣ, на долгѣ и долго?...

Комиссія замѣчала, что Проектъ полонъ противорѣчій, и что онъ относится къ дѣлу слишкомъ легко. Сочинитель тоже не меньше

166 ТРУДНО ЗАЩИЩАТЬ ДѢЛО, КОТОРОЕ САМО СЕБЯ НЕ ЗАЩИЩАЕТЪ.

легко относится къ этому дѣлу. Безвѣрное и необыкновенное право, которое усвоилъ Академіи Проектъ — принимать молодыхъ людей на частную службу Академиковъ, и потомъ, по усмотрѣнію, давать имъ, за личные услуги, чины, — это право Г. Рупрехтъ отмѣняетъ однимъ почеркомъ пера. Хорошъ же вообще признакъ, когда такъ легко отказываются отъ Проекта (стр. 19) и отъ подкрѣпленныхъ въ немъ доводами мнѣній! Но какъ же послѣ этого сочинитель могъ сказать, что Комиссія не дала ни одного указанія, которое пригодилося бы для поправленія Устава?

Мнѣніе Комиссіи, что Профессоры за ученую дѣятельность не получаютъ ни копѣйки, и что вознагражденіе идетъ имъ только за дѣятельность Профессорскую, учебную (стр. 14), сочинитель встрѣчаетъ съ ироніей: «Какая тонкость со стороны Комиссіи! Для чего? Ей хочется догазывать, что за ученые труды Академиковъ не должно ничего платить. На это можно отвѣчать Комиссіи: если Члены ея получаютъ жалованье только за свою учебную дѣятельность, то лишь послѣдняя была бы ихъ обязанностію; но если, по исполненіи этой обязанности, у нихъ еще останется лишнее время, то имъ предоставляется свобода и честь употреблять это время на ученые труды, съ тѣмъ, однако, чтобы эти послѣдніе не оказывали вреднаго вліянія на ихъ настоящую службу..»

Сочинитель началъ за упокой, а кончилъ за здравіе; онъ защищаетъ Комиссію:

а) Ученые труды могутъ оказывать вредное вліяніе на учебную дѣятельность. Можетъ ли за такіе труды вознаграждаться Профессоръ жалованьемъ?

б) Учебная дѣятельность есть обязанность, а ученая — дѣло свободы и чести. Можетъ ли гдѣ ни будь въ Россіи, въ Англіи, даже Турціи, быть положено жалованье за дѣла свободы и чести, а не за обязанности? Но именно дѣло Академиковъ есть дѣло свободы и чести. Какъ же тутъ именуется жалованье? Г. Рупрехтъ не кончилъ своего разсужденія. Ему слѣдовало бы еще спросить: что такое служба, и подходитъ ли подъ идею службы занятіе Академика, кабинетное, не способное къ контролю? Комиссія доставила ему по этому предмету богатый матеріалъ: она доказала,

что дѣятельность Академика есть дѣло свободы и чести. Рупрехтъ же, между тѣмъ, утверждаетъ, что Коммиссія уронила достоинство Академіи. Чѣмъ уронила? Не тѣмъ ли именно, что ея занятія считала дѣломъ свободы и чести?

Онъ усиливается доказать, что «Академическіе труды открываютъ новый путь знанію, вносятъ въ ученый міръ новые факты. Такіе только труды должно признавать Академическими» (стр. 15). Блаженъ, кто вѣруетъ такимъ завѣреніямъ! Къ сожалѣнію, это идеаль недостижимый, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ Академій. Такъ бы должно было быть, но не такъ на самомъ дѣлѣ бываетъ и даже есть. Что за прелесть было бы, въ самомъ дѣлѣ, для Профессоровъ Университетовъ, если бы это совершали наши Академики! Дѣйствительно, имъ тогда оставалось бы, признавъ такія великія открытія, согласить только прежнее ученіе съ этѣми новыми фактами, выкидывать изъ своихъ лекцій цѣлыя даже главы, какъ сомнительныя, устарѣлыя, бесполезныя, или невѣрныя» (тамъ же). Но то ли на самомъ дѣлѣ? Шлемся на Профессоровъ всѣхъ Русскихъ Университетовъ, часто ли приходится имъ такъ поступать, въ слѣдствіе безсмертныхъ открытій нашихъ Русскихъ Академиковъ, даже вообще Академиковъ, безъ различія мѣста жительства, происхожденія и т. п.? Пусть каждый изъ нихъ скажетъ, положе руку на сердце, по совѣсти, къ кому чаще приходится имъ прибѣгать въ этомъ случаѣ, къ Академикамъ ли, или же Профессорамъ, и просто ученымъ? Кто больше составилъ, ну, хоть учебниковъ, которые, по словамъ, Г. Рупрехта, «содержать въ себѣ все вновь открытое, направляющее, движущее, высшее» (тамъ же), Академики ли, или Профессоры, и вообще ученые?

Нашъ Академикъ въ особенности негодуетъ на Коммиссію за одно положеніе изъ числа шести, выставленныхъ ею подъ конецъ своего Доклада, именно: то, въ которомъ говорится, что «учрежденіе спеціальныхъ ученыхъ Обществъ при разныхъ Правительственныхныхъ Вѣдомствахъ показываетъ, что Академія Наукъ не достигала своей цѣли.» Въ отвѣтъ онъ предлагаетъ «обратиться Коммисіи къ, оставшимся ей неизвѣстными, Академическимъ рѣчамъ бывшаго Непремѣннаго Секретаря Академіи, Миддендорфа, изъ которыхъ она могла бы еще понаучиться кое-чему.» Напрасный совѣтъ! Коммиссія не только знакома съ этѣми образцами Академи-

ческаго краснорѣчія, глубокомыслія и правды, но и съ прочими подобными и неподобными имъ, произведеніями непремѣнныхъ глашателей безцѣнныхъ трудовъ нашей Академіи. Указывая на ученыхя Общества, Комиссія равнымъ образомъ не думала дѣлать ни какихъ Астрономическихъ открытій, тѣмъ болѣе величественныхъ, а считала себя обязанною высказать свое искреннее желаніе, чтобы Академія Наукъ, по своему положенію, средствамъ, преимуществамъ, правамъ и въ особенности тѣмъ предъявленіямъ, которыя она внесла въ Проектъ новаго Устава и Штатовъ, стояла какъ звѣзда между прочими звѣздами, и свѣтила бы, если можетъ, какъ звѣзда первой величины. Пожеланіе, кажется, благонамѣренное, даже законное, буде удастся Академіи счастливо провести между Сциллою и Харибдой свою ладью, обремененную такимъ тяжеловѣснымъ грузомъ требованій, притязаній и Богъ вѣсть чего.

Г. Рупрехтъ увѣряетъ, что «Академія никогда не препятствовала водворенію ученыхъ Обществъ; напротивъ, она сама положила основаніе нѣкоторымъ изъ нихъ» (стр. 18) и пр. Да, если только принимать за труды Академіи труды того, или другаго, Академика, приписывать дѣло единицы цѣлому легіону. Не на этомъ ли основаніи Г. Рупрехтъ увѣряетъ, что Академія Наукъ зародила и Московскій Университетъ? (стр. 24). Но по чему же она не хотѣла зародить Университета въ Петербургѣ, Кіевѣ и т. д., какъ предлагалъ ей Ломоносовъ, ежели уже пошло на то, что хорошее дѣло послѣдняго принадлежитъ цѣлой Академіи Наукъ, такъ дружно, такъ долго и упорно преслѣдовавшей его? По увѣренію Г. Рупрехта выходитъ, что Ломоносовъ чуть ли не Академіи обязанъ и знаніемъ Латинскаго языка (стр. 5 — 6). Вотъ вамъ и знаніе Исторіи Академіи Наукъ со стороны Г. Рупрехта, упрекающаго Комиссію съ такимъ самодовольствомъ въ незнаніи судьбы оной! Отъ такого рода знанія не поздоровится никому, тѣмъ болѣе самой Академіи, и Комиссія не повѣритъ Академику Рупрехту въ томъ, что жалоба Нартова Сенату сочинена не Ломоносовымъ, по тому только, что, по увѣренію его, въ «Академіи сомнѣваются въ этомъ.» Мало ли въ чемъ въ Академіи сомнѣваются. Сомнѣваются же въ ней, на примѣръ, и въ необходимости направить свою дѣятельность, по непремѣнной волѣ Государя Императора, преимущественно на пользу Россіи, питающей и лелѣющей ее наче

прочихъ ученыхъ учрежденій своихъ. Но Коммиссія какъ въ этомъ, такъ и въ томъ, что названное Донесеніе писано Ломоносовымъ, не сомнѣвается, по тому что мысль, высказанная въ ономъ, встрѣчается не разъ у Ломоносова (см. хоть «Краткую Исторію о поведеніи Академической Канцеляріи,» Ломоносова, въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1865, кн. 1, отд. V»). Стало быть, Коммиссія вовсе не смѣшала этѣхъ двухъ именъ (Нартова и Ломоносова); а по сему и Филиппика Г. Академика, въ которую онъ пустился противу Коммиссіи, за мнимое смѣшеніе, дурно расчитана имъ и показываетъ скорѣе плохое знакомство съ его стороны съ Ломоносовымъ, какъ Академикомъ, чѣмъ Коммиссіи, которая хорошо его изучила и вполнѣ сознавала и сознаетъ, что говорила въ своемъ Докладѣ.

Напрасно также Г. Академикъ бросаетъ тѣнь на Коммиссію, яко бы она слѣдуетъ людямъ, «которые не хотятъ знать тѣхъ случаевъ, когда, во имя науки, приносятся въ жертву и здоровье и жизнь.» Въ знаніи этѣхъ случаевъ Члены Коммиссіи не уступятъ ни одному Академику на свѣтѣ, и для убѣжденія ихъ не нужно ни какихъ другихъ фактовъ, кромѣ фактовъ достовѣрныхъ, всѣмъ доступныхъ и понятныхъ, отнюдь же не фактовъ, опирающихся на воображаемыхъ жертвахъ и заслугахъ. Такія же заслуги, какія выставлены бѣднымъ, какъ Г. Рупрехтъ выражается, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи, въ его публичной рѣчи, безъ малаго почти за полтора столѣтія существованія ея, развѣ могутъ быть принимаемы въ расчетъ, когда знаешь, для чего и когда этотъ послужной списокъ Академіи сдѣланъ? Панегирики не акты и не факты, пишутся ли они по Русски, по Французски, или по Нѣмецки, и рассылаются бесплатно во всѣ концы вселенной. Слава Богу, теперь вѣкъ не тотъ; теперь подобнымъ витіямъ ничего болѣе не остается, какъ только бесплатно рассылатъ свои влохновенія. Но они жестоко ошибаются, если думаютъ, что число тѣхъ, кто читалъ, или слушалъ, ихъ похвальныя слова, изо ста будетъ 99, кои такъ и повѣрятъ вѣщаемому въ нихъ, такъ голова ихъ и закружится отъ еиміама, воскуряемаго новыми Плиніями новымъ богамъ, божкамъ и великимъ смертнымъ. «Милый ты человекъ!» говорятъ нонѣ такимъ услужникамъ: больно что-то ужъ распѣваешь, что ни на есть другое затѣваешь. Не «инты ли, фанты, заморскіе куранты?»

Вообще Академикъ Рупрехтъ пуще всего напираетъ на то, какъ смѣла Коммиссія сказать, что Академія Наукъ непремѣнно должна быть вполнѣ Русской, коли находится въ Русскомъ Царствѣ и на Русскомъ хлѣбѣ. Онъ всѣ усилія употребляетъ доказать, что это — дѣло второстепенное; что можно быть вполнѣ Русскимъ, не говоря и не пиша по Русски, и тѣмъ не менѣе даже превосходить самыхъ Русскихъ въ благонамѣренности, привязанности, любви, пользѣ и т. д. Напрасно говорятъ ему, что такъ вездѣ дѣлается и дѣлалось, гдѣ только народъ сознаетъ себя, уважаетъ собственное достоинство и желаетъ что ни будь значить въ исторіи. Пустяки все это, отвѣчаетъ онъ: выше всего для человѣка наука, которая по тому должна быть доступна всему міру, стало, орудіемъ ея долженъ быть такой языкъ, который какъ можно былъ бы распространенъ. А какъ такихъ языковъ теперь два, Нѣмецкій и Французскій, то на любомъ-то изъ нихъ и должны Академики вѣщать сѣдящимъ во тѣмъ свои откровенія. Вы спрашиваете его, отъ чего же Французы и Нѣмцы не дѣлаютъ того, а служатъ наукѣ на своемъ языкѣ?—Было время, когда и они умствовали на немъ.—Согласны. Отъ чего же бросили то? На это, конечно, нашъ Академикъ не считалъ нужнымъ отвѣчать. Если же они бросили это, то по чему же, буде они хорошо поступили и это оказалось для нихъ столь полезнымъ, по чему же и другимъ того не дѣлать? И точно, этѣ другіе въ самомъ дѣлѣ давно уже то и сдѣлали: каждый Европеецъ въ Европѣ и прочихъ частяхъ свѣта старается, если есть какая либо возможность, служить наукѣ на родномъ языкѣ, предпочтительно избираетъ его, вовсе не заботясь о томъ, чтобы написанное имъ не пропало даромъ. Онъ увѣренъ, что, буде оно точно достойно памяти, не пропадетъ, а не достойно, — туда ему и дорога! Было время, повторимъ и мы, для большей части Европейцевъ, когда они прибѣгали къ чужому языку, но было и прошло; потомъ наступило время и для нихъ языка. Такъ точно и для Русскихъ, было время, когда и у нихъ Академики, Профессоры и т. п., прибѣгали, въ области наукъ, къ посредству Латинскаго, Французскаго и даже Нѣмецкаго языка (къ послѣднему, конечно, меньшинство, за исключеніемъ Русскихъ Академиковъ, если не ошибаемся, съ половины прошлаго столѣтія). Но Латинскій языкъ уступилъ мѣсто свое давно уже отечественному; другой, хотя не въ такой мѣрѣ въ области науки,

какъ въ свѣтскомъ обществѣ, долѣе держался, но и онъ мало по малу отступаетъ передъ Русскимъ даже въ самыхъ уже обществахъ высшаго полета. О Нѣмецкомъ нечего и говорить. Кто у насъ Нѣмцы? По большой части Прибалтійцы, нерѣдко смѣшаннаго происхожденія, да нѣсколько залетныхъ птицъ изъ разныхъ мѣстъ Нѣмецкаго Vaterland. Но не уже ли, ради этого разнопестраго палета, прикрывающаго знаменемъ науки совсѣмъ ненаучные замыслы и стремленія, какъ показалъ то намъ долгій и тяжелый опытъ, не уже ли ради него Русскій языкъ и теперь еще не получить права гражданства, подобающаго ему по всему въ Русской Академіи и въ Русскомъ Государствѣ? Не уже ли, повторяемъ, Высочайшая воля, выраженная такъ прямо, положительно и безповоротно: «усилить ученую дѣятельность Академіи, направивъ оную преимущественно на пользу Россіи,» можетъ быть еще такъ понимаема, какъ понимаетъ ее Г. Рупрехтъ, который, ссылаясь на нее, не смѣлъ даже привести ее вполнѣ, а лишь первую половину Высочайшихъ словъ, и то перефразируя оныя: «Академія должна быть усилена,» подобно тому, какъ это въ недавнее время было съ Университетами» (стр. 14)? То есть, очевидно, для него и подобныхъ ему, всѣ дѣло, вся суть, заключается въ усиленіи матеріальномъ; все же прочее, какъ выразился уже одинъ изъ нихъ, — можетъ остаться, пожалуй, въ прежней силѣ (см. выше). «Возвышеніе Академическихъ Штатовъ — вотъ что намъ, Академикамъ, нужно; вотъ что стоитъ на первомъ планѣ; вотъ что потребность безспорная,» и т. д. Съ какою горячностью, можно сказать, доходящею до паѳоса, витійствуетъ объ этомъ на нѣсколькихъ страницахъ (7 — 13) нашъ Академикъ, удивительно и непонятно, и мы бы очень желали подѣлиться съ читателями его краснорѣчіемъ, если бы, съ одной стороны, не боялись утомить вниманіе ихъ большою выпиской, а съ другой, чего добраго! навлечь на себя обвиненіе въ присвоеніи чужой собственности.

Замѣчанія Г. Рупрехта представляютъ собою, какъ увидимъ, давно уже неслыханное явленіе въ нашей Литературѣ. Чего тутъ нѣтъ! И увѣреніе, что Академія зорко всматривается въ потребности Русскаго общества, издавая «Ученыя записки» на Русскомъ языкѣ (съ котораго времени?), заключающія въ себѣ рядъ протоколовъ засѣда-

ній, годичныхъ отчетовъ о присужденіи наградъ; издаетъ и путешествіе въ Сибирь Академика Миддендорфа, и Петербургскія Вѣдомости (также и S. Petersburg. Zeitung), въ которыхъ, съ нѣкотораго времени (а какъ давно, на примѣръ?), помѣщаются текущія извѣстія объ Академическихъ засѣданіяхъ (все о засѣданіяхъ, да о засѣданіяхъ, производящихся на какомъ діалектѣ, кромѣ 2 го Отдѣленія?). Тутъ Г. Рупрехтъ прерываетъ свое исчисленіе (конечно, по причинѣ обилія подлежащаго исчисленію), говоря: «Короче сказать, Русское общество, если оно интересуется Академическою дѣятельностью, можетъ слѣдить за всѣмъ ходомъ научныхъ занятій Академіи (т. е., можетъ узнать, сверхъ сообщаемаго ему по благосклонности Академіи по Русски, и о томъ, что она производитъ еще и для зарубежнаго міра на языкахъ иностранныхъ). «Развѣ этого недостаточно?» спрашиваетъ онъ, и тутъ же отвѣчаетъ: «Для нѣкоторыхъ лицъ, очевидно, нѣтъ.» Для нѣкоторыхъ? Только-то? Въ число нѣкоторыхъ, стало быть, по мнѣнію его, входятъ и всѣ Русскіе Университеты, вся почти Русская печать, такъ единодушно, такъ искренно заявившія, что пришла уже, наконецъ, пора, какъ мы сказали выше, и Академіи Наукъ на Русской почвѣ быть Русской, и быть Русской не по одному лишь названію своему, при Академикахъ съ Нѣмецкими именами (въ большинствѣ) и стремленіями (едва ли въ меньшинствѣ), но Русской вполне, какъ говорится, съ головы до пятокъ, думать, говорить, писать и дѣйствовать только по Русски и прежде всего для Русскихъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ горделивыя притязанія на міровую дѣятельность, которыя, какъ опытъ показалъ, совершенно не по силамъ не имъ однимъ, но рѣшительно ни какой Академіи на свѣтѣ. Это достигается гораздо проще, кому Богъ далъ талантъ, именно: трудомъ и воздѣйствіемъ прежде всего на ту среду, въ которой суждено ему вращаться, то есть, посредствомъ языка ея, какъ естественнаго и прямаго орудія для того. Наши же Академики, прибѣгая къ чужому языку для среды, въ которой живутъ, очевидно, поступаютъ въ этомъ случаѣ вопреки, по меньшей мѣрѣ, простому здравому смыслу и соображенію. «Si fueris Romae, Romano vivito more,» говорили Римляне; да и ближайшіе преемники ихъ замѣчаютъ: «Il paese, che vai, usa, che trovi,» а мы, Русскіе, твердимъ: «Въ какую землю придешь, той и шапку надѣнешь,» и: «Въ чужой монастырь не ходи съ своимъ уставомъ!» Вся ложь и несообразность отстаиваемаго тотчасъ откроется для

всѣхъ и cadaго, коль скоро спросимъ тѣхъ изъ нихъ, кто наиболѣе распинается за чужезычіе въ устахъ Членовъ нашей Академіи: «А хорошо ли было бы, если бы любой Европейской Академіи Наукъ кто либо предложилъ издавать свои труды, на при нѣръ, хоть на Латинскомъ языкѣ, вмѣстѣ того, какъ она издаетъ ихъ на своемъ родномъ?» Не уже ли думаете, что каждый изъ Членовъ этой Академіи послѣ того не подошелъ бы къ предлагающему и не освѣдомился бы объ его здоровьѣ? И это было бы, конечно, самое естественное движеніе ихъ, самое меньшее изъ того, что могло бы произойти послѣ подобнаго предложенія. Но не то ли самое предлагаютъ и намъ теперь, когда отстаиваютъ всѣми силами право за нашими Академиками излагать на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ свои труды? Не того ли же самаго желаетъ и Г. Рупрехтъ, говоря: «Коммиссія отвергаетъ ихъ (Французскій и Нѣмецкій языкъ) съ негодованіемъ. За чѣмъ же послѣ того они преподаются и изучаются въ училищахъ?»—По многимъ и многимъ уважительнымъ причинамъ, отвѣтимъ мы ему, но во всякомъ случаѣ отнюдь не за тѣмъ, чтобы Члены Русской Академіи Наукъ издавали свои сочиненія, которыя должны быть преимущественно направлены на пользу Россіи, на этѣхъ языкахъ. «Странно, что Коммиссія не указываетъ, продолжаетъ онъ, на Латинскій языкъ, который, не имѣя національности, сдѣлался достояніемъ ученыхъ всѣхъ странъ и еще въ прошломъ столѣтіи былъ универсальнымъ языкомъ всѣхъ ученыхъ. Да и въ настоящее время пишутся на этомъ языкѣ замѣчательныя ученія работы, какъ-то библиографическія, филологическія, естественно-научныя и медицинскія. Codex Sinaiticus (Novum Testamentum) удобопонятенъ для всѣхъ ученыхъ (какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ на Латинскомъ языкѣ, а не однѣ лишь «Prolegomena» къ нему, всего на 89 стран.). Наша Академія, при помощи Латинскаго языка, уже съ самаго начала ея существованія стала извѣстна всему ученому міру.» Такъ вотъ до чего можетъ довести даже и Члена первенствующаго ученаго сословія (какъ величаетъ себя наша Академія) ревность по старинѣ, отжившей у всѣхъ народовъ образованной Европы свой вѣкъ и только еще кое-гдѣ, тамъ и сямъ, прозябающей и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе исчезающей! Вотъ до чего можетъ довести, и точно доводитъ, нерасположеніе, по видимому, Русскаго Академика, къ Русскому языку! Не угодно ли вамъ, говорить онъ, вмѣ-

сто ненавистныхъ языковъ для нѣкоторыхъ, Латыни? — За тѣмъ? «За тѣмъ, въ особенности, что она уже не имѣетъ національности и была когда-то универсальнымъ языкомъ ученыхъ.» Но, вѣдь, и Греческій языкъ былъ тоже во дни оны универсальнымъ языкомъ, и Арабскій въ Азіи у многихъ Магометанъ тоже игралъ роль, и, однако же, всѣ они, когда пришла пора ихъ, преидоша, яко снѣнь, и не обрѣтесе зовый я воздвигнутися и изыти на свѣтъ изъ тмы, кромѣ единаго Русскаго Академика, предлагающаго намъ, «иже бѣаху убо въ навѣхъ.» Выгоды отъ того, по его словамъ: извѣстность Академіи, Академиковъ и ихъ твореній ученому свѣту, честь, которою пользуется, на примѣръ, Королевское Общество Наукъ въ Упсалѣ, имѣющее значеніе Академіи, ученое Общество Финское и под. имъ. Но мы клапиемся, Господине, на такой чести; пусть кто хочетъ предвосхищаетъ ее у насъ, особенно же тотъ, кто полагаетъ, что Академіи — это международныя учрежденія, и по тому Члены ихъ должны трудиться не для того народа, у коего и на счетъ коего существуютъ онѣ, но для человѣчества, что наука — общее достояніе всѣхъ образованныхъ народовъ; стало, неприлично Академіямъ работать для необразованныхъ. Когда придетъ время, и эта чернь вкусятъ отъ ученой трапезы ихъ; до того же обязанность ея — доставлять комфортъ мудрой чяди, служить общему благу, или, какъ выразился Г. Рупрехтъ, «не препятствовать внушать надлежащее уваженіе ученой Европѣ и принимать современное участіе во всемірномъ развитіи науки» (стр. 12). Вотъ, какого сокровища лишаютъ Русь тѣ ея узкіе патріоты, которые осмѣливаются заявлять, что «прииде часъ, и нынѣ есть,» Академіи Русской быть и по языку Русской. Нѣтъ, «наука есть общее достояніе всѣхъ образованныхъ народовъ, восклицаетъ Русскій Академикъ» (стр. 11). А если это такъ, то кто необразованъ, для того за тѣмъ наука? «Procul profani, et agreo. . . .» «Наука, продолжаетъ онъ, стоитъ выше языка, который есть только средство для распространенія науки.» Вотъ что: какое великое открытіе! Но согласны; однако, если языкъ — средство для науки, то не уже ли слѣдуетъ выбирать такой языкъ, который непонятенъ для большинства той страны, гдѣ Академія должна распространять науку? Не значить ли это поступать съ наукой точно такъ, какъ Римъ Палъ поступалъ и поступаетъ съ распространеніемъ слова Божія? И можетъ ли ка-

кой либо «языкъ обогатиться по наукамъ новыми словами и идеями,» въ томъ числѣ и Русскій, при такомъ образѣ дѣйствія тѣхъ, которые для того именно, между прочимъ; и призваны? Вы говорите: «усовершенствованіе и обогащеніе языка можетъ произойти только при помощи великихъ знатоковъ языка, а не спеціалистовъ» (стр. 12). Помилуйте, развѣ возможно безъ спеціальности въ какой либо наукѣ обогатить ее новыми словами и идеями, особливо же разрабатывая науку на чужомъ языкѣ? Много ли, на примѣръ, обогатилось Русское слово отъ всѣхъ иноязычныхъ твореній нашихъ Академиковъ?

Но «спеціальные ученые труды въ томъ видѣ, какъ они издаются Академіями, или высшими учеными Обществами, пишутся прежде всего для ученыхъ, и въ этой формѣ не всегда способны прямо распространяться въ различныхъ слояхъ общества» (тамъ же). Во первыхъ: выраженіе «не всегда» даетъ знать, что когда же ни будь да способны распространяться въ слояхъ общества. Во вторыхъ: за чѣмъ же и произведеніямъ Академическимъ прибѣгать къ іероглифамъ? Чѣмъ проще и яснѣе будутъ они, тѣмъ лучше для нихъ, для всѣхъ и самой науки. Ничего не можетъ быть возвышеннѣе слова Божія, и, однако же, оно выражено языкомъ, для всѣхъ доступнымъ. Тотъ не мастеръ, кто не совладаетъ съ своимъ мастерствомъ. Въ третьихъ: могій вмѣстити, да вмѣститъ. Какое же можетъ быть вмѣщеніе содержанія, когда оно изложено еще на языкѣ вовсе чуждомъ для большинства? Говоря это, мы разумѣемъ вовсе не популяризацию, тѣмъ болѣе, что и самъ Г. Рупрехтъ утверждаетъ, что «не всѣ науки могутъ популяризоваться; равно не говоримъ и о томъ, чтобы большинство публики какъ можно скорѣе обучилось: все это приходитъ постепенно, исподоволь, требуетъ времени, желанія и усилій; но за чѣмъ же отнимать возможность у тѣхъ, кто захотѣлъ бы обратиться къ первоначальнымъ источникамъ? А этотъ случай тутъ, какъ тутъ, когда Русскіе Академики пишутъ и печатаютъ не по Русски, на Руси да не для Руси, сообщаютъ ей свѣтъ знанія, какъ Папа свѣтъ Богопознанія. Какъ языкъ Папы понятенъ для его духовенства и ученыхъ, такъ и языкъ Французскій и Нѣмецкій понятны для Русскихъ Профессоровъ и высшаго класса Русскаго общества; стало, не объ этомъ идетъ рѣчь, когда и Университеты и обще-

ство желаютъ и требуютъ, чтобы Вы, Русскіе Академики, были и по языку Русскіе, а не по одному лишь мѣсту нахождения и служенія вашего; говорили бы и писали прежде всего по Русски и для Русскихъ, не разбирая, кто тамъ васъ будетъ читать, точно такъ, какъ это дѣлается и въ заграничныхъ Академіяхъ, гдѣ труды Академиковъ доступны по языку своему для всѣхъ вообще: въ Германіи для Нѣмцевъ, во Франціи для Французовъ, въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ для Англичанъ, и т. д. Или же вамъ болѣе нравится Вѣнская Академія, издающая труды своихъ Членовъ на одномъ лишь Нѣмецкомъ? Но Россія не Австрія: это разъ, а Петербургскіе и другіе Нѣмцы не Австрійскіе: это два. Сюда не йдутъ тѣ случаи, когда та, или другая, Академія иногда издаетъ то, или другое, сочиненіе на чужомъ языкѣ: это исключеніе, а исключеніе не правило; не исключеніями правится міръ и все въ мірѣ. Нужда закона не знаетъ, черезъ законъ шагаетъ; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы закона вовсе ужъ не нужно было. Какая же, скажите, ради Бога, нужда намъ, Русскимъ, въ томъ, чтобы Академики наши просвѣщали прежде всего не насъ, а тѣхъ, которые не нуждаются ни въ чьихъ работахъ о нихъ? Не значить ли это въ дѣсь дрова носить? И, между тѣмъ, въ этомъ подвизаются не одни лишь Гг. Рупрехты, но, къ сожалѣнію, не рѣдко и самые Русскіе, вынужденные, конечно, къ тому не столько доброю своею волею, или чѣмъ инымъ, сколько тою необходимостью, въ силу коей случается *sum vulpre vulpini*, или же, какъ говорятъ Малороссіане: «Скачи, враже, якъ панъ каже!» Во всякомъ случаѣ странно (чтобъ не сказать чего больше и хуже) какъ-то для Русскаго, когда, взявъ въ руки изданіе Русской Академіи (на примѣръ, хоть *Bulletin, tome X, N I, 1866 г.*), читаешь (въ «Contenu»): «Somof, Note sur la transformation des coordonnées rectilignes rectangulaires en coordonnées elliptiques;» — «Zinin, Observation sur le benzoïn;» — «Menchoutkine, Action des alcools sur les protochlorure de phosphore;» — «Pusyrewski, Eozoon canadense dans les calcaires de Hopunwara en Finlande;» — «Faminzin, Action de la lumière d'une lampe sur la Spirogyra orthospira Naeg.» Изъ всѣхъ этѣхъ статей и статейкъ, не смотря на Французское озаглавленіе ихъ, только счастья одного Г. Сомова въ Французскомъ, прочія же на Нѣмецкомъ. Странно, повторяю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невыразимо грустно все это для Русскаго!...

Распространившись такъ много (на 20 стр.) о Докладѣ Комиссiи, Г. Рупрехтъ объ Отдѣльныхъ замѣчанiяхъ одного изъ Членовъ ея, приложенныхъ къ ней, отзывается уже весьма коротко (всего на 3-хъ стр.).

«Замѣчанiя эти, говоритъ Г. Рупрехтъ, написанныя въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, не были читаны въ Совѣтѣ Университета» (стр. 20). Совершенная правда! «Не скрытый ли это протестъ?» спрашиваетъ онъ далѣе. Ну, это уже неправда! Въ примѣчанiи къ Докладу Комиссiи замѣчено прямо, что «Докладъ ея, по прочтенiи, былъ принятъ единогласно, кромѣ одного Члена, объявившаго, что онъ подастъ свое особое мнѣнiе;» это и было имъ сдѣлано, читано и потомъ напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ.» Слѣдовательно, протестовать, кромѣ того, еще кому либо, особливо скрытно, было бы неблагогородно въ высшей степени, и подобное предположенiе не дѣлаетъ чести догадливости предлагающаго оное. Тѣмъ болѣе, что дѣло ведено было открыто, и какъ бы кто ни старался укрыться, не удалось бы ему, и по тому протестъ его не могъ бы появиться рядомъ съ Докладомъ. Это голосъ, во всемъ согласный съ Докладомъ Комиссiи, цѣлью котораго было точно высказать, сверхъ вошедшаго въ оный, еще нѣкоторыя замѣчанiя. Да и къ чему тутъ догадки, когда въ самомъ началѣ Отдѣльныхъ замѣчанiй сказано: «Къ этѣмъ замѣчанiямъ Комиссiи, касающимся самыхъ, такъ сказать, выпуклыхъ сторонъ Проекта Устава и Штатовъ Академiи Наукъ, можно присоединить еще много на отдѣльныя части ихъ, правда, не столь выдающiяся, тѣмъ не менѣе важныя» и т. д. По этому уже одному Докладъ и Отдѣльныя замѣчанiя не могли быть ни коимъ образомъ «написаны какъ бы перомъ одного лица,» какъ-то подозреваетъ Г. Рупрехтъ (стр. 4).

Къ Отдѣльнымъ же замѣчанiямъ Г. Академикъ гораздо благоклоннѣе; онъ даже называетъ ихъ «выраженiями благонамѣренной, по видимому, критики, вызывающими на соображенiе, изслѣдованiе, оспариванiе, или опроверженiе. Видно, что авторъ трудился надъ Проектомъ. Намъ кажется даже (заключаетъ Г. Рупрехтъ свою похвалу), что онъ поступилъ весьма дѣльно, обративъ вниманiе на пропускъ § 69-го Академическаго Устава 1836 г.» (стр. 21). И, въ слѣдъ за тѣмъ, самъ Академикъ пускается въ разсужденiя объ этомъ §, приводитъ доказательства важности его для жизни Ака-

деміи, и требуетъ сохраненія онаго въ Уставѣ. Далѣе Г. Рупрехтъ высказываетъ свое несогласіе съ нѣкоторыми изъ замѣчаній, называя ихъ «ошибками, по незнанію Академіи.» Такова, по его мнѣнію, «ошибка касательно отношенія Академикомъ съ чужими именами къ Академикамъ съ именами Славянскими.» Онъ увѣряетъ, что послѣднихъ нынѣ на половину и даже болѣе, а не $\frac{1}{3}$; «это отъ того произошло, что авторъ Замѣчаній не беретъ въ расчетъ цѣлаго Отдѣленія.» Т. е., такъ называемаго, 2-го или Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности. Но, вѣдь, авторъ этотъ сослался на «Памятную книжку Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1865 годъ,» тотъ самый, въ которомъ онъ писалъ свои замѣчанія; а по тому не онъ ошибся, а Министерство, если только дѣйствительно оно ошиблось. При томъ же онъ именно оговорился, что «о 2-мъ Отдѣленіи тутъ и рѣчи быть не можетъ: Члены его подобраны такъ, что скорѣе на нихъ можно смотрѣть какъ на Почетныхъ, чѣмъ на Дѣйствительныхъ, Членовъ.» Напрасно Г. Рупрехтъ говоритъ, что «они при избраніяхъ имѣютъ право голоса наравнѣ съ другими.» Вѣрнѣе тому, но не вѣрнѣе, чтобы всѣ Члены этого Отдѣленія пользовались симъ правомъ, если бы и хотѣли, за исключеніемъ весьма немногихъ. Такихъ въ 1865 году было только 6, изъ коихъ уже умерло два и одинъ выбылъ въ Университетъ на югѣ Россіи: прочіе же 6-ть, по мѣсту своего жительства, не могли и не могутъ ни присутствовать въ Засѣданіяхъ Академіи, ни подавать въ нихъ своего голоса. По другимъ же 2-мъ Отдѣленіямъ прибыло три, изъ коихъ 2 Русскихъ, а изъ Нѣмцевъ уволился одинъ. Впрочемъ, рѣчь шла о прошломъ, а не о текущемъ, годѣ, и по тому развѣ можно опровергать недавно бывшее только что наступившимъ настоящимъ? Между тѣмъ ходятъ слухи, что «подведены уже всѣ мины для поступленія и въ Отдѣленіе Русскаго Языка и Словесности кровнаго Нѣмца, который, само собою разумѣется, по справедливому замѣчанію В. И. Ламанскаго (см. «Голосъ» N. 78), не откажется сдѣлать намъ эту честь. И тогда, конечно, 2-е Отдѣленіе нашей Академіи предприметъ на пользу Россіи какія ни будь Нѣмецкія изданія. И въ самомъ дѣлѣ (продолжаетъ далѣе Г. Ламанскій), отъ чего бы нашей Академіи и не издавать на Нѣмецкомъ языкѣ сборниковъ Русскихъ и Славянскихъ памятниковъ, Славянскихъ Грамматикъ и Словарей? Вѣдь издаетъ же Академія по Нѣмецки Мордов-

скіе, Черемисскіе, Якутскіе и проч. Словари и Грамматики, все, вѣдь, на томъ основаніи, что это необходимо для науки, что Русскіе, занимающіеся этѣми языками, непременно знаютъ по Нѣмецки. Вѣдь Русскіе, занимающіеся Славянскою Филологіею и Исторіею, очень хорошо знакомы и съ Нѣмецкимъ языкомъ, и съ Нѣмцами. Впрочемъ (заключаетъ Г. Ламанскій), ни мало не сомнѣваемся, что Академія поспѣшитъ исправить важный пробѣлъ и обратитъ и свое 2-е Отдѣленіе въ Нѣмецкое.» Къ сожалѣнію, дѣло очень статочное, судя по Проекту новаго Устава Академіи, по прежней и нынѣшней стойкости и упругости Нѣмецкихъ и онѣмечивающихся добровольно ея Членовъ. Все можетъ быть при нашей оплошности, вялости, розни, въ особенности же обезьянствѣ и стремленіи казаться не тѣмъ, чѣмъ есть, а тѣмъ, чѣмъ, по тщеславію (питаемому и поддерживаемому въ насъ искусно людьми извѣстнаго закала), хотѣлось бы намъ выдать себя. Это насъ всегда и болѣе всего губило, губить и, если не опомнимся во время, пожалуй, и погубить. Но не полно ли дурить, не пора ли умъ-разумъ копить? говоритъ Русская пословица. Какъ бы то ни было, столько ли Членовъ Академіи нашей съ Нѣмецкими именами, какъ полагаетъ Г. Рупрехтъ, или меньше, дѣло въ томъ, что иной и съ Нѣмецкимъ именемъ стоить иного съ Русскимъ, если только онъ (непременное условіе) въ душѣ и на дѣлѣ поступаетъ рѣшительно по Русски; Русскій же въ полномъ смыслѣ слова не можетъ ни мыслить, ни говорить иначе, какъ на Русскомъ языкѣ, языкѣ его народа, отечества, Государства, могущественнаго, славнаго, которое страхъ и гроза для однихъ, и предметъ безпредѣльнаго удивленія, любленія и чаянія для многихъ другихъ. И добро бы Академики наши съ чужими именами не были знакомы съ Русскимъ языкомъ. А то между ними едва ли найдется малая-толика братіи, не знакомой съ языкомъ и грамотой нашей; напротивъ, весьма многіе изъ нихъ не только хорошо говорятъ, но и прекрасно, совершенно чисто, пишутъ по Русски: примѣромъ можетъ служить, ну, хоть самъ Г. Рупрехтъ, котораго «Замѣчанія» дѣйствительно обнаруживаютъ въ немъ это качество, достойное всякой похвалы и поощренія. Непохвально только то, что онъ такъ мало самъ знаетъ ему цѣну и, что хуже всего, употребляетъ его на то лишь, чтобы ратовать противу Русскихъ ихъ же оружіемъ. Это уже, какъ говорится, изъ рукъ вонъ, разумѣется, какъ въ немъ, такъ и во всѣхъ, слѣдующихъ по тому же, достойному осужденія, пути.

180 ТРУДНО ЗАЩИЩАТЬ ДѢЛО, КОТОРОЕ САМО СЕБЯ НЕ ЗАЩИЩАЕТЪ.

Далѣе, Г. Рупрехтъ говоритъ, что «нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что присужденіе наградъ можетъ быть производимо на основаніи журнальныхъ оцѣнокъ» (стр. 22). Это мнѣніе приведено Г. Академикомъ оборваннымъ, безъ соотношенія съ прочимъ, т. е., предшествующимъ и послѣдующимъ, что совершенно даетъ иной цвѣтъ. При томъ, авторъ говорилъ только, что оцѣнка сочиненій, представляемыхъ Академіи для присужденія наградъ, производится и въ журналахъ, отнюдь же не утверждалъ, какъ передаетъ Г. Рупрехтъ, будто бы можетъ быть производима на основаніи журнальныхъ оцѣнокъ.» Это двѣ вещи совершенно розныя, по тому непозволительно приписывать то другому, чего онъ никогда не говорилъ. Иное было бы дѣло, если бы Г. Рупрехтъ вступилъ съ авторомъ въ прѣніе по поводу сказаннаго имъ далѣе о томъ, что Академія не въ состояніи исполнять роль верховнаго ареопага въ мірѣ ученомъ, не можетъ быть ни безошибочной, ни безпристрастной. На все это — бездна доказательствъ подъ руками и во очію каждаго, кто когда либо присматривался къ дѣйствіямъ Академіи. Что до того, что «другія мнѣнія подобнаго рода не стоить даже опровергать,» то надо было впередъ ихъ поименовать, а не отдѣлываться отъ нихъ такъ высококомѣрно и самонадѣянно. Иной, въ простотѣ сердца, можетъ подумать, что все то, что не удостоено нашимъ Академикомъ чести опроверженія, пожалуй, дѣйствительно не стоить и скорлупы выѣденнаго яйца. Свысока глядѣть не умъ, а недоумье.

Касательно необходимости Академій для Государствъ и народовъ, «въ силу которой, какъ увѣряетъ Г. Рупрехтъ, не только первоклассныя Державы, но и менѣе могущественныя и богатые Государства, имѣютъ свои Академіи и дорожатъ ихъ процвѣтаніемъ,» согласимся, пока, не куда шло, но согласимся только на счетъ такихъ Академій, которыя, повторяемъ сказанное уже нами однажды (см. «Отдѣльныя замѣчанія на Проектъ Устава и Штатовъ Академіи Наукъ») «суть непосредственныи плодъ, дѣтя гражданственности тамъ, гдѣ просвѣщеніе развивалось своимъ естественнымъ путемъ. Гдѣ же его по Указу водворяли, наравнѣ съ ремеслами и прочими руководѣліями, тамъ рано, поздно, придется сознаться въ заблужденіи, не связывать съ ними политическаго могущества и значенія ни чьего въ ряду образованныхъ народовъ, такъ

какъ послѣднія блага не зависятъ единственно отъ бытія, или небытія, Академіи. Онѣ вовсе не мѣрило образованія, или необразованія, особливо это справедливо въ примѣненіи къ намъ, Русскимъ; во первыхъ, по тому, что это почти исключительно выписной товаръ, которымъ можно только навремя пустить пыль въ глаза, озадачить, но не увѣрить въ его туземности, а во вторыхъ по тому, что, судя по сочиненіямъ Академиковъ, предпочтительно писаннымъ не по Русски, естественно заключить, что развитіе наше не сдѣлало ни какого шагу со времени сближенія нашего съ Европой. «Знать, у нихъ и теперь еще нѣтъ ни чего своего (скажетъ иностранецъ), если по старому выписываютъ ученыхъ, словно какую галантерею! Какая тамъ литература, если и свѣтила ихъ, Академики, не отваживаются писать по Русски!» Но такія и подобныя имъ заключенія, говорили мы далѣе, были бы ложнымъ выводомъ изъ ложныхъ данныхъ, которыя, однако, сами же мы подсовываемъ имъ. За чѣмъ же и себѣ и Европѣ показывать марево тѣмъ, что не было, не есть и никогда не будетъ ни мѣркой, ни выѣской, нашего образованія, или необразованія, а развѣ только свѣдѣтельствомъ непониманія, въ чемъ заключается образованіе и какъ оно пріобрѣтается.» Къ этѣмъ словамъ, тогда сказаннымъ нами, и теперь мы ни чего не находимъ ни прибавить, ни убавить, развѣ только еще разъ повторить, что Академіи тогда только мѣрило образованія народа, когда онѣ вытекаютъ изъ естественнаго развитія онаго, въ противномъ случаѣ это — марево, марево и марево! О первыхъ только Академіяхъ можно сказать, что Государства и народы дорожатъ ими и ихъ процвѣтаніемъ; только такія Академіи считаютъ они нужными себѣ. Иначе, смѣло отвѣтимъ мы Г. Рупрехту на его вопросъ, что гораздо благоразумнѣе будетъ слѣдовать въ этомъ примѣру Англіи, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Не матери дѣтя, не зазноба моя.

Если наша Академія Наукъ желаетъ быть тѣмъ, чѣмъ Академіи другихъ Государствъ, гдѣ онѣ дѣйствительно кость отъ костей и плоть отъ плоти ихъ, и по тому могутъ назваться зеркаломъ и мѣриломъ ихъ преуспѣянія, не споримъ, тогда ей нечего опасаться за свое существованіе. Въ противномъ случаѣ, Высочайшая воля не будетъ ею исполнена, такъ какъ она не исполнитъ своего назначенія. Не Россія наложитъ тогда

на нее руки, но сама она на себя. Сторонники ея, конечно, затрубить послѣ того: «Убіеніе науки въ Государствѣ то же, что разрушеніе его Государственной жизни, воцареніе произвола страстей и анархіи.» Такъ-съ! Но—«Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ,» отвѣтимъ мы имъ тогда. Нѣтъ, не такова Академія нужна теперь намъ, Русскимъ, каковой она была доселѣ, не Академія прошедшаго, а тѣмъ менѣе Академія будущаго, т. е., Академія Проекта Устава и Штатовъ, выработанныхъ нѣкоторыми ея Членами, но Академія Высочайшей воли, которая бы преимущественно была направлена на пользу Россіи. Направленія же такого и пользы преимущественной для себя никогда мы не дождемся, пока Академія будетъ просвѣщать насъ своими Нѣмецкими и Французскими твореніями. Не уже ли Академія, въ самомъ дѣлѣ, не понимаетъ значенія Высочайшей воли, повторяемъ, такъ ясно, такъ категорически опредѣляющей отнынѣ ея дѣятельность, отъ которой она не можетъ, не должна ни комъ образомъ отклоняться? Странное непониманіе того, что для всѣхъ такъ понятно, такъ ясно, такъ рѣшительно!

Впрочемъ, и въ самой средѣ нашихъ Академикомъ начинаютъ уже показываться проблески недовольства выработаннымъ Проектомъ Устава и Штатовъ нарочной Коммиссіей, рассмотрѣннымъ и утвержденнымъ Общимъ Собраніемъ Академіи. Мы разумѣемъ здѣсь въ особенности Академика 2-го Отдѣленія, Я. К. Грота, который, не смотря на то, что самъ участвовалъ въ Коммиссіи, помѣстивъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Мая 21-го (1866 г., въ N 102-мъ) статью объ этомъ Отдѣленіи, съ замѣчаніемъ, что «она выражаетъ не одинъ личный его взглядъ, но и общее мнѣніе участвующихъ въ трудахъ Отдѣленія Членовъ его.» Статья эта прямо направлена, какъ противъ Проекта Устава и Штатовъ, такъ и противъ новаго ревнителя его, выѣхавшаго въ N 54-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» (12-го Марта) противъ нашего мнѣнія, между прочимъ, и о составѣ 2-го Отдѣленія, которое Академія даетъ ему въ своемъ Проектѣ. Этотъ новый ратователь за Академію утверждаетъ, что «Академія Словесности и Академія Наукъ — несомнѣстимыя понятія; слитіе ихъ во едино не было счастливою мыслию; онѣ соединены неестественною связью,» и пр., и пр. Члены Русскаго Языка и Словесности, затронутые такимъ кривомысліемъ за живое,

не выдержали, и Г. Гротъ, опровергая весьма дѣльно оное и угадывая, куда все это мѣтитъ, основательно отвѣчалъ ему на это словами Ломоносова, сказанными Шувалову на угрозу отставить его отъ Академіи: «Развѣ Академію отъ меня отставятъ.»

Увы! Ни супротивъ воды прати, ни супротивъ поры стояти, говорили въ старину Русскіе. Пора—проточная вода. Было красно, да полиняло; умно, да поветшало; новое настало. Пришли времена и лѣта нонѣшняго свѣта!

Теперь коснемся жалобъ Г. Рупрехта на Комиссію за топь и выраженія, употребленныя ею въ ея Докладѣ Совѣту Московскаго Университета. Разумѣется, никто въ своемъ дѣлѣ не судья; и по тому Комиссія проситъ всѣхъ, кому дорога, въ самомъ дѣлѣ, честь Московскаго Университета и Академія Наукъ, быть посредниками въ этомъ спорѣ чести, и сказать, прямо и открыто, во всеуслышаніе, находится ли хотя одно слово, одно выраженіе, въ Докладѣ, обидное для Академіи нашей, котораго бы нельзя было употребить обо всякомъ другомъ учрежденіи, подобномъ ему? Нѣкоторыя изъ нашихъ повременныхъ изданій отвѣчали уже на заявленіе самой Академіи въ одномъ изъ Засѣданій ея, постановившей не давать ни какого отвѣта на замѣчанія Комиссіи Профессоровъ Московскаго Университета касательно Проекта ея новаго Устава и Штатовъ, «понеже замѣчанія эти выражены въ грубой формѣ.» Они нашли, что ни Комиссія, ни Университетъ, ниже единымъ словомъ не сгубили супротивъ Академіи, если не считать грубостью самую правду, высказанную въ Докладѣ со всею искренностью и откровенностью, какой требовали важность дѣла и довѣріе Правительства, затребовавшаго мнѣніе Университетовъ. По тому Проектъ подвергнуть былъ самому тщательному осмотру и обсужденію; имѣлась въ виду одна только истина. И Университетъ высказалъ ее, облекши въ такую форму, въ какую облекъ бы и всякую другую о какомъ угодно предметѣ подобной важности и значенія. Онъ предпочелъ будущую полезную дѣятельность Академіи дѣятельности громкой въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Конечно, Университетъ не могъ не предвидѣть, что такая откровенность его не понравится Академіи; но, первое: онъ и не для

нея излагалъ, что думалъ объ ея Проектѣ, и второе: не затруднился бы то же самое сказать и ей, если бы она сама обратилась къ нему за тѣмъ. «За правду, говорятъ, не сердись: скинь шапку да поклонись!» Но Богъ съ нею и ея поклонами. Вотъ какъ, однако же, Г. Академикъ взглянулъ за это на Московскій Университетъ (приводимъ его слова для сличенія ихъ съ сказаннымъ Комиссией въ Докладѣ послѣднему): «Когда Комиссія говоритъ о неограниченныхъ и неслыханныхъ привилегіяхъ Академіи, то невольно надобно сомнѣваться въ томъ, хорошо ли Комиссія прочла Проектъ Устава Академіи... Комиссія надрывается воплями противъ тщательнаго усиленія всѣхъ возможныхъ правъ по окладу, чинамъ, пенсіонамъ, и т. д. (стр. 16)... Комиссія до такой степени теряетъ всякую сообразительность.... Мы просимъ Комиссію обратиться къ оставшимся ей неизвѣстными Академическимъ рѣчамъ бывшаго Непремѣннаго Секретаря Академіи, Миддендорфа, изъ которыхъ она могла бы еще понаучиться кое-чему (стр. 17)... При этомъ какъ оскорбителенъ и презрителенъ тонъ, въ которомъ написанъ Докладъ Комиссіи и который ни чуть не соотвѣтствуетъ достоинству Университета (стр. 19)..... Комиссія, въ доказательство своихъ словъ, указываетъ на страницу Проекта Устава Академіи, въ которомъ будто бы это высказывается.... Комиссія еще въ двухъ мѣстахъ, помощію выписокъ изъ Проекта Устава, старается убѣдить читателя, не имѣющаго предъ собою подлинника, что Академикъ посвящаетъ свои силы на изслѣдованія «мелочныя, неважныя, очень часто мелочныя, неважныя.... Не уже ли позволительно официальному лицу, или Комиссіи, или даже Университету, писать подобныя вещи?» (стр. 20)... Не только позволительно, но и слѣдуетъ, если такія вещи точно сказаны, или написаны, кѣмъ либо. Комиссія, въ доказательство того, сослалась на самое мѣсто, гдѣ онѣ находятся, и Г. Рупрехту, не пускаясь въ обвиненіе въ недобросовѣстности ссылки, слѣдовало было прежде всего проверить ее, потомъ, замѣтивъ невѣрность, выписать слова, сюда относящіяся, наконецъ уже назвать самое дѣло его именемъ. Между тѣмъ онъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, прибѣгаетъ къ извѣстному фокусу-покусу набрасывать сомнѣніе на противника въ честности, вступаясь, между тѣмъ, со всѣмъ пыломъ негодованія на кого слѣдуетъ за мнимое посягательство на нее. Не уже ли, спросимъ теперъ и мы

въ свой чередъ, позволительно Академику, какъ офиціальному лицу, утверждать и писать подобныя вещи?

Но цѣль вѣжливости и знаніе приличій свѣтскихъ и литературныхъ со стороны нашего Академика, столь чувствительнаго, столь щекотливаго къ нарушенію ихъ, заключается въ эпилогъ его апологіи Академіи Наукъ. «Признаемъ, восклицаетъ онъ тутъ, что мы должны были преодолѣть въ себѣ нѣкоторое нравственное отвращеніе при разборѣ такого завистливаго, переполненнаго невѣжествомъ, сочиненія, какъ Донесеніе Коммиссіи. Но это было необходимо: На Академіи, правда, нападаютъ и въ другихъ странахъ, даже Парижская подвергается нападкамъ, но, сколько мнѣ извѣстно, только со стороны частныхъ лицъ. Здѣсь же, подъ эгидою стариннаго Университета, нѣкоторыми Профессорами его взводятся клеветы на древнѣйшее въ Россіи ученое учрежденіе (стало быть, не сословіе?), на Академію, которая зародила этотъ Университетъ (мы знаемъ уже, какъ она его зародила). Академія, и не одна только часть ея, оскорблена здѣсь самымъ недостойнымъ образомъ; мало того, эти, ни чѣмъ не вызванныя, оскорбленія внесены въ лѣтопись и сохранены для потомства (какъ слѣдуетъ по закону: времена скрытности, увы! прошли безвозвратно)... Если такія неосновательныя обвиненія и оскорбленія будутъ допускаемы, или проходить безъ порицанія, то каждое дерзкое лицо захочетъ быть судьей во многихъ, ему не извѣстныхъ, наукахъ, и будетъ дозволять себѣ унижать ихъ дѣятелей и оскорблять цѣлую корпорацію ученыхъ, посѣдѣвшихъ на службѣ наукъ».

Спрашивается: что это такое? Выраженіе ли только недовольства, неодобренія? Нѣтъ, это просто брань, и притомъ самая площадная, соединенная вмѣстѣ съ извѣтомъ. «Насъ оскорбили, на насъ взвели клеветы, самымъ недостойнымъ образомъ, безъ всякаго съ нашей стороны повода къ тому, и о позорѣ! внесли все это въ лѣтопись для передачи позднему потомству. Это неслыханная дерзость невѣждъ, пропитанныхъ завистью къ ученымъ, посѣдѣвшимъ на службѣ наукъ; до чего, наконецъ, она послѣ этого дойдетъ, можетъ ли быть допускаема и терпима, остаться безъ взысканія, по крайней мѣрѣ, безъ порицанія?» О кроткіе голубки, ни мухамъ вороги! Впрочемъ, что до послѣдняго, и то и другое сдѣлано уже Вами, Г. Академикъ. Ваши Замѣчанія на Докладъ Коммиссіи

не просто лишь возраженія на него, опроверженія, но и чистѣйшій памфлетъ и доносъ на нее и Университетъ Московскій, не отъ одного только Вашего лица, но также и отъ лица самой Академіи Наукъ. Этому не мѣшаетъ заявленіе ея, что она, какъ мы упомянули уже, считаетъ ниже своего достоинства отвѣчать Университету; равно не опровергаетъ и завѣреніе Ваше, что Вы, ревнуя по Академіи, рѣшились, побѣждая въ себѣ весьма непріятное чувство, вступить за нее; иначе могли бы подумать, что Комиссіи не чего возразить, что все, сказанное ею, суцая истина. Такимъ Вашимъ увѣреніямъ противопоставляемъ мы Ваши же слова: «Академіи не позволительно жаловаться, на основаніи какихъ бы то ни было Цензурныхъ правилъ (но такого непозволенія ни въ какихъ Цензурныхъ правилахъ, сколько намъ извѣстно, не существуетъ, да и самый опытъ показываетъ, что Академія не разъ къ тому прибѣгала). Но великодушіе и долготерпѣніе Академіи не могутъ простираться до такой степени самоотверженія, чтобы вовсе молчать о томъ, что со временемъ могло бы быть истолковано, какъ знакъ ея крайней слабости» (стр. 24). Сдѣсь представляется два случая: если не могутъ вовсе молчать, то не молчать; стало, отвѣчаютъ. Гдѣ же этотъ отвѣтъ? Кромѣ «Замѣчаній Г. Рупрехта» другаго мы не знаемъ; стало, онъ получилъ на то полномочіе отъ Академіи? Или онъ не былъ уполномоченъ? Въ такомъ случаѣ какъ же онъ смѣлъ такъ выразиться, что иначе и понимать нельзя его словъ, какъ такъ, что Академія рѣшилась отвѣчать Московскому Университету устами одного изъ своихъ Членовъ? Уже одинъ этотъ случай показываетъ намъ, что въ Академіи нашей, вопреки утверженію Г. Рупрехта, какъ мы видѣли выше, перевѣсъ все таки на сторонѣ Академиковъ съ Нѣмецкими именами; а Нѣмецъ, говорить Русскій, безъ штуки и съ лавки не свалится: у него на все струментъ есть.»

Да и какой еще струментъ и штука! Повѣрять ли намъ, читатели, что апологія Г. Рупрехта, съ которою мы теперь возмися, сдѣлалась намъ извѣстной только въ Маѣ, между тѣмъ какъ она отпечатана была еще въ концѣ прошлаго, и ни какъ не далѣе начала текущаго, года. По крайней мѣрѣ, согласіе Цензуры на то гласить: «Дозволено Цензурою. 22-го Декабря, 1865 года.» Далѣе: «Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ» и т. д. На оберткѣ: «Замѣчанія на одну изъ статей, помѣщенныхъ во второй

книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1865 г.» Самое же заглавіе таково: «Замѣчанія по поводу Доклада Коммисіи, назначенной Московскимъ Университетомъ для разсмотрѣнія Проекта Устава и Штатовъ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1866.» Бумага, прифтѣ, форматъ, словомъ, вся обстановка Типографская—Академическія. Узнавъ о существованіи такого важнаго для насъ документа, мы, разумѣется, тотъ же часъ бросились во всѣ книжныя лавки Москвы, но всюду отвѣчали намъ въ одинъ голосъ: «Не слыхали-съ! Нѣтъ-съ!» Поручаемъ выписать изъ Петербурга—тотъ же самый отвѣтъ. Пишемъ къ знакомымъ, употребить всѣ усилія, достать намъ это руно—не больше успѣха! Всѣ отвѣчаютъ, что руна этого не нашли они ни у кого, такъ какъ оно предназначено сочинителемъ для домашняго обихода, т. е., исключительно для однихъ Академикомъ, которые ни съ кѣмъ и ни за что не дѣлятся онымъ. Подстрекнутые до нельзя такой таинственностью и любопытствомъ, мы было собирались уже отнестись съ покорнѣйшей просьбой къ самому автору, даже настрочили и самое посланіе къ нему, какъ вдругъ вспомнили, что этому горю можно пособить и безъ этѣхъ крайнихъ мѣръ. Мы вспомнили, что, по Цензурнымъ правиламъ, доставляется извѣстное количество книгъ, книжекъ и т. п. въ извѣстныя Правительственныя учрежденія; стоить, стало быть, только обратиться туда, и, конечно, можно будетъ удовлетворить своему желанію. Мы такъ и сдѣлали. Намъ былъ доставленъ списокъ, который мы повѣрили съ подлинникомъ по печатному экземпляру уже Московскаго учрежденія, имѣющаго право на полученіе одного изъ числа узаконенныхъ экземпляровъ всѣхъ печатныхъ сочиненій. По такому-то списку мы и сдѣлали нашу отвѣдь Г. Рупрехту. Сперва хотѣли было мы перепечатать его апологію вполнѣ, вмѣстѣ съ Докладомъ Коммисіи и Отдѣльными замѣчаніями одного изъ Членовъ ея, и за тѣмъ предоставить уже читателямъ самимъ рѣшить, на сколько справедливо обвиненіе, взводимое Г. Рупрехтомъ на Коммисію и одного изъ ея Членовъ, но удержались, изъ опасенія, чтобы Г. Рупрехтъ не взвелъ на насъ претензіи, какъ сказали мы уже разъ выше, за посягательство такой перепечаткой на его собственность. Но и изъ тѣхъ выписокъ, которыя мы сдѣлали, опровергая его извѣты, читатели въ состояніи уже составить

себѣ понятіе о степени достовѣрности, духѣ, стремленіи и пріемахъ, употребляемыхъ нашимъ обличителемъ. Къ этому присоединилось еще слѣдующее: на самой верхушкѣ заглавія этого сочиненія напечатано особымъ шрифтомъ: «Рукопись.»—Новое, стало быть, обстоятельство и, съ тѣмъ вмѣстѣ, предостереженіе удержаться отъ перепечатки,—и мы удержались, какъ ни сильно было искушеніе.

Въ заключеніе мы спрашиваемъ: въ порядкѣ ли вещей все это? Такъ ли поступаютъ люди, по крайней мѣрѣ, съ открытымъ характеромъ, когда оспариваютъ чьи либо мнѣнія, доказываютъ несостоятельность ихъ, обличаютъ незнаніе, подлогъ, мешутъ въ нихъ громъ и молніи, призывая даже самыя власти востыгнуть дерзкихъ за посягательство на честь и безопасность цѣлой корпораціи ученыхъ, какъ выражается Г. Рупрехтъ, послѣдѣвшихъ на службѣ наукъ? Къ чему такое скрытничанье, такое укрывательство, съ перунами, если Вы увѣрены въ силѣ ихъ? За тѣмъ тутъ Итальянское оружіе? Вѣдь и оно, какъ видите, не всегда достигаетъ своей цѣли? Напротивъ, частенько таки предательски изиѣняется, обращается противъ прибѣгающихъ къ нему, и если не вонзается прямо въ грудь, то непременно другимъ образомъ поражаетъ. Расчитывалось, конечно, сообщивъ извѣстнымъ только лицамъ мнимую рукопись, подѣйствовать на нихъ въ добрую сторону для Академіи, доказавъ, по своему, всю несостоятельность замѣчаній Комиссіи на Проектъ Устава и Штатовъ оной, что тѣмъ казалось вѣроятнѣйшимъ, что отвѣты послѣдней, при такой таинственности, при характерѣ подметнаго письма, сообщеннаго возраженію на Докладъ оной, не могли быть услышаны ни кѣмъ, стало, и повредить хитро задуманному фортедю. Но давно уже сказано: «нѣсть тайно, еже не явится.» Въ какомъ же, окажите на милость, видѣ представляется теперь вся эта затѣя? Какъ честнѣй, учтивѣе ее назвать? Не то же ли это, что казать противнику своему кукишъ въ карманѣ? — признакъ крайняго безсилія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, смѣшной мести!

Забавны же до нельзя штуки-шпеки творятъ намъ Нѣмцы и словѣчки!

12-го Іюня, 1866 г.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Во второмъ выпускѣ VI го тома «Извѣстій Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Общества,» 1866 г., въ отдѣлѣ Библиографіи, на стр. 56 — 58, Г. В. Т. (В. Е. Т. ?) посвятилъ нѣсколько словъ «Чтеніямъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1865 годъ.» — «Для археолога, говоритъ онъ, прошлагодня «Чтенія» представляютъ очень мало поживы.» Конечно, если будутъ ихъ читать такіе археологи, какъ В. Т., который, изъ всѣхъ статей археологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ» за истекшій годъ, остановился только на 5-ти, всѣ же прочія прешелъ молчаніемъ, даже: «О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи; Собраніе памятниковъ, до дѣятельности Св. первоучителей и просвѣтителей Славянъ относящихся; Собраніе народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси; Последніе годы жизни Государыни Царицы Евдокии Ѳеодоровны» и мн. др. Не по тому ли, что въ этихъ статьяхъ ничего нѣтъ такого, чтобы привлекало вниманіе археолога? Жалкій же тотъ археологъ, который предпочитаетъ лучше остановить свое и читателей своихъ вниманіе на предположеніи покойнаго Діева, касательно небольшого мѣднаго идола, вырытаго изъ земли въ сѣверо-вост. сторонѣ Галицкаго озера, близъ Туровскаго, и по тому сближающаго названіе послѣдняго съ названіемъ бога Тура, которому будто бы поклонялась, какъ Пріапу, Меря на этомъ мѣстѣ. Нельзя не замѣтить, что у такого археолога чутье и вкусъ къ предметамъ Бурбонскаго Музея чрезвычайно развиты. Бурбонъ, истый Бурбонъ! Но, пташка поетъ, себя выдаетъ.

Далѣе, В. Т., оставляя уже въ сторонѣ археологію, замѣчаетъ, что въ «Чтенія» вошли даже вопросы современные, на прим., обсужденіе новаго Проекта и Штатовъ Академіи Наукъ, Исторія Поповщины и статья О военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и т. п.; встрѣчаются и такія статьи, которыя вовсе не относятся къ Исторіи и Древностямъ Россійскимъ, каковы: Извѣстія средневѣковыхъ путешественниковъ, Іоанна Нейгоффа и Георгія Макартнея о Китаѣ, и Михаила Саймса о Бирманской Имперіи. Но, во а) развѣ ничто изъ совершающагося передъ глазами нашими не достойно, чтобы занести его на страницы Историческаго журнала, если оно того заслуживаетъ? Во б) развѣ Историческое Общество должно заниматься только тѣмъ, что пахнетъ уже гнилью? Въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же такъ настойчиво всѣ историки гоняются за показаніями, современными событіямъ, такъ высоко ихъ цѣнятъ? Иное дѣло Исторія, иное пылъ родная. Въ в) развѣ Уставъ Общества запрещаетъ ему помѣщеніе статей о текущихъ происшествіяхъ? Или программа его журнала взяла на себя обязательство не касаться ихъ? Ни чего не бывало! Странное, однако, дѣло: лѣтъ 7—8-мъ тому назадъ Общество упрекали, за чѣмъ оно возится все съ одной стариной, требуя отъ него статей и актовъ, во что бы то ни стало, современныхъ, тогда какъ самыя обстоятельства тому не благоприятствовали; теперь же, когда все призываетъ вниманіе наше на новѣйшія событія, Общество упрекаютъ уже, за чѣмъ оно печатаетъ статьи о послѣднихъ? И вправду: «ни солнушку на всѣхъ не угрѣть, ни самому Богу на людей не угодить.» Забываютъ, что и старина не даетъ еще права на обнародованіе ея, и, на оборотъ, самое новое не только можетъ, но и должно, во многихъ случаяхъ, быть обнародовано. Все зависитъ отъ содержанія, такта, или особенныхъ Правительственныхъ распоряженій. Знаемъ хорошо, что не тѣ статьи, на которыя намъ указываютъ, колотъ глаза, равно какъ и не статья о желѣзныхъ дорогахъ и ихъ военномъ значеніи и важности для Россіи; нѣтъ, умыселъ иной тутъ былъ: «хозяинъ музыку любилъ». Но, видя безцеремонность людей извѣстнаго покроя и породы въ обращеніи съ Исторіею, которую, согласно съ своими цѣлями, безъ дальняго, какъ хотѣли, извращали, «Чтенія» помѣстили изъ недалекаго прошедшаго нѣсколько актовъ, не подлежащихъ ни какому опроверженію, въ обличеніе поддѣль-

щиковъ и сочувствующихъ имъ. Вотъ откуда, стало быть, хотѣлось бы кое-кому, чтобы Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ было глухо, слѣпо и нѣмо къ исторіи, которая разыгрывается передъ глазами всѣхъ и cadaго. Но развѣ это дѣло, тѣмъ болѣе, что всѣ другія Общества, журналы и газеты, сколько угодно могутъ толковать себѣ о совершающемся передъ ними, а одно лишь Общество Исторіи не смѣетъ говорить о современной исторіи? Что за безтолочь такая!... Не уже ли и впрямь нужно какое-то особенное дозволеніе и пошлина за то, чтобъ получить право говорить о современномъ? Но ученые Общества свободны отъ этого по новѣйшимъ Цензурнымъ постановленіямъ. Чего же хотятъ отъ насъ? Молчанія? Но «Было, и бывшемъ поросло»... Что до Нейгоффа, Макартнея и Саймеса, то для Исторіи имѣютъ значеніе не одни лишь свѣдѣнія о той или другой странѣ, народѣ, Государствѣ, но также и свѣдѣнія о сосѣднихъ имъ краяхъ и сосѣдяхъ ихъ сосѣдей, по чему либо имѣющихъ прямое, или косвенное, отношеніе къ онымъ. Не уже ли и объ этомъ нужно еще держать бесѣды и вразумлять въ наше время?

Въ заключеніе В. Т. замѣчаетъ, что «Протоколы Засѣданій содержатъ исключительно свѣдѣнія, относящіяся до административной и хозяйственной части Общества,» и по тому спрашиваетъ: «Не уже ли Члены Общества этимъ только занимаются въ своихъ Засѣданіяхъ? Въ отвѣтъ на это скажемъ: Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ тѣмъ же самымъ занимается, чѣмъ и Общество Археологіи въ Петербургѣ: сличите Протоколы того и другаго! Вся разница между ними состоитъ лишь въ томъ, что одно безъ шума и гаму трудится, по мѣрѣ силъ и средствъ, предоставленныхъ ему, не рисуясь и не любуясь собой ни передъ кѣмъ и никогда, а оставляя судъ о себѣ другимъ; не образуя ни комиссій, ни комитетовъ, не снаряжая экспедицій, не предлагая ни какихъ инструкцій и программъ чужимъ и своимъ, а отдавая на волю каждому Члену своему, равно какъ и всякому, работать по крайнему его разумѣнію, въ избранной имъ области, зная хорошо, что тамъ, гдѣ нѣтъ доброй воли къ труду и призванія, не помогутъ ни какіе зазывы, напутствія, приманки и т. п., что люди съ *invita Minerva* годны только развѣ на обстановку зрѣлища, даваемого для потѣхи почтеннѣйшей публики. Другое же.... но доволь-

но и объ одномъ: мы бы, безъ крайней, какъ всѣ видятъ, нужды, и этого не сказали никогда, боясь, чтобы не спросили насъ: «Человѣче, кто те постави судію брату твоему?»... однимъ словомъ: «Еже должны были сотворити — сотворихомъ; могій же вящша сихъ сотворити, да сотворити!»

О. Б.

Мая 9-го, 1866 г.

ПРОТОКОЛЬ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ,

1865 года, Декабря 23-го дня.

1865 года, Декабря 23-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена своего, С. М. Соловьева, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Графа М. В. Толстого, Ю. Д. Филимонова, Соревнователя А. И. Хмельницкаго, Г. Н. Геннади и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія Общества, 23-го Октября, 1865 года, происходило слѣдующее.

Читаны были:

А. Отношенія.

1. Конторы Университетской Типографіи, отъ 8 Октября, объ уплатѣ, за напечатаніе 3-ой книги «Чтеній» на 1865 г. 58 лист. съ оттисками, 822 р. 48 $\frac{1}{2}$ коп. сер.

2. Той же Конторы Типографіи Московскаго Университета, отъ 21 Дек., объ уплатѣ за напечатаніе 4-й книги «Чтеній», 1865 года, 50 $\frac{1}{2}$ листа, 684 р. 84 коп. сер.

Деньги по означеннымъ отношеніямъ Типографіи уплачены своевременно сполна. Определено: принять къ свѣдѣнію.

3. Городскаго Статистическаго Комитета, отъ 11-го Дек., N 164, пол. 16-го, 1865 года, просьба о снабженіи его слѣдующими свѣдѣніями къ 1-му Января будущаго года, для составленія «Указателя Москвы»: 1) о мѣстѣ нахождения Общества и дняхъ его засѣданій; 2) кто Предсѣдатель и Секретарь Общества? 3) о времени и цѣли учрежденія Общества; 4) о дѣятельности Общества въ глав-

ныхъ чертахъ; 5) объ изданіяхъ Общества; 6) о средствахъ Общества; 7) кто можетъ поступить въ Члены Общества и какія существуютъ для того правила? 8) нѣтъ ли Членовъ, или Покровителей, изъ Императорской Фамиліи, и кто именно? «Секретарь отвѣчалъ Московскому Городскому Статистическому Комитету, что онъ всѣ эти свѣдѣнія найдетъ изложенными въ «Памятной книжкѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1865 годъ.» Что же до 7-го вопроса, то отвѣтъ на него также въ «Уставѣ Общества,» перепечатанномъ недавно въ «Сборникѣ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. I, 1802—1825 г. Спб. 1864 г., стр. 606 и сл. Касательно мѣста нахождения Общества, то, состоя при Московскомъ Университетѣ, оно въ немъ и собирается, по усмотрѣнію, сколько то нужно. Членовъ же, или Покровителей, изъ Императорской Фамиліи нѣтъ.

4. Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 10 Декабря, 1865 г., N 3821, пол. 12-го, 1865 г., о возвращеніи въ Библіотеку Московскаго Чудова монастыря рукописнаго пергаментнаго Сборника подъ N 110 (63), въ кожаномъ переплетѣ, на 362 листахъ, истребованнаго въ Ноябрь прошлаго года. Опредѣлено: возвратить по принадлежности съ искреннѣйшею благодарностію Общества (и возвращена за N 277).

Б. Предложенія.

5. Редактора Сибирскаго Вѣстника въ Иркутскѣ, пол. 15-го Ноября, 1865 г., предложеніе объѣна изданій въ 1866 году. Опредѣлено: выждать, будетъ ли содержаніе Вѣстника подходить къ кругу занятій Общества.

6. Редакціи журнала «Труды Кіевской Духовной Академіи,» отъ 19-го Ноября, N 1114, пол. 2-го Декабря, объ объѣнѣ на «Чтенія» въ 1866 году.

7. Редактора журнала «Вѣстникъ Европы,» пол. 13-го Декабря, о томъ же.

8. Редакціи «Православнаго Собесѣдника при Казанской Духовной Академіи,» пол. 15-го Ноября, о томъ же. Опредѣлено: увѣдомить Редакціи, означенныя въ §§ 6, 7 и 8, о согласіи Общества мѣняться своими повременными изданіями.

9. Редакціи официальной газеты «Виленьскій Вѣстникъ,» отъ 19-го Ноября, N 112, пол. 29-го, объ обмѣнѣ его на «Чтенія» въ 1866 году.

10. Редакціи газеты «Петербургскій Листокъ,» отъ 22-го Ноября, N 423, пол. 2-го Декабря, о томъ же.

11. Редакціи политической и учено-литературной «Московской Газеты,» отъ 22-го Декабря, пол. 23-го, о томъ же. Определено: уведомить Редакціи, означенныя въ §§ 9, 10 и 11, что Общество, печатая «Чтенія» въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не можетъ мѣняться своимъ повременнымъ изданіемъ съ ними.:

12. Читальни въ Петербургѣ, на Гороховой улицѣ, въ домѣ N 39, о высылкѣ въ нее «Чтеній» въ 1866 году бесплатно. Определено: уведомить Читальню, что Общество, по своимъ матеріальнымъ средствамъ, не можетъ высылать «Чтеній» бесплатно.

В. Приношенія.

а. Матеріалами:

13. А. В. Терещенка, чрезъ Д. Ч. М. П. Погодина, 4-го Юля, 1865 года, нѣсколько матеріаловъ разнаго рода.

14. Д. Члена Графа М. В. Толстого, пол. 15-го Юля, нѣсколько старинныхъ бумагъ.

15. Статскаго Совѣтника Николая Абрамова, отъ 10-го Юля, пол. 4-го Авг., шесть подлинныхъ грамотъ Государя Петра I-го и четыре современныхъ списка съ Указовъ Илимскому, а потомъ Нерчинскому, Воеводѣ Качанову 1704—1709 гг.

16. Д. Члена М. А. Максимовича, отъ 4-го Сентября, пол. 18-го, 1865 года: «Два письма Н. И. Мелиссино къ Графу И. И. Шувалову, отъ 28-го Апр., 1786 г., и 2-го, Генваря 1794 г.»

17. Троицкой Сергіевой Лавры Іеромонаха Арсенія, пол. 10-го Ноября, 1865 года: «Три письма изъ Москвы въ Троицкій Сергіевъ монастырь въ 1600 году.»

18. С. Н. Шубинскаго, изъ С.-Петербурга, отъ 6-го Ноября, пол. 17-го: «Переписка между Французскимъ Посломъ, Маркизомъ Монти, Бригадиромъ Де ла Моттъ Перузомъ, и Фельдмаршаломъ Гра-

фомъ Миняхомъ, во время осады Русскими войсками Гданска (Дан-пига) въ 1734 году. Определено: означенные материалы рассмотреть.

б. Статьями:

19. Д. Члена Архимандрита Макарія, отъ 10-го Апр., 1865 года, пол. 15-го, рукопись: «Сборникъ церковно-историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Новгородской Епархіи,» для помѣщенія въ «Чтеніяхъ», съ тѣмъ, чтобы, кромѣ слѣдующихъ по положенію 300 экз., были напечатаны въ пользу сочинителя еще столько же оттисковъ на его бумагѣ.

20. Статскаго Совѣтника Н. А. Абрамова, отъ 10-го Юля, 1865 г., пол. 4-го Авг.: а) О Сибирскихъ Дворянахъ и Дѣтяхъ Боярскихъ, и б) Генералъ-Маіоръ Куткинъ.

21. Д. Члена С. П. Шипова, пол. 16-го Декаб., 1865 г.: «О средствахъ къ исправленію экономическаго положенія Россіи.» Определено: означенныя статьи рассмотреть.

в. Книгами:

22. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, отъ 14-го Февраля, 1865 года, N 36, пол. 8-го Марта, экземпляръ «Отчета» его за 186¼ годъ. Одесса. 1865 г.

23. Эстонскаго Ученаго Общества при Дерптскомъ Университетѣ, отъ 1-го Мая, пол. 10 го, 1865 года: «Das Steinalter der Ostseeprovinzen, v. C. Grewingk.» Dorpat, 1865.

24. Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, отъ 24-го Апрѣля, пол. 15-го Мая, N 856: 1) «Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранныя Академикомъ Билярскимъ;» 2) «Сборникъ матеріаловъ для Исторіи Академіи въ XVIII вѣкѣ;» ч. I-я, составленный Академикомъ Куникомъ. 3) Очеркъ «Академической дѣятельности Ломоносова, читанный Академикомъ Гротомъ въ Торжественномъ Собраніи Академіи 6-го Апрѣля, 1865 г.» 4) Пол. 6-го Юля: «Die Vertheilung der Schildkröten über den Erdball, v. D-r Alex. Strauch.» Spb. 1865; 5) «Mémoires, VII Série, tome IX, N 3: Bemerkungen über die Classification der Kaltblutigen Rückenmarkthiere u. s. w., v. F. Brandt; 6) Mémoires, tome IX, N 5: Grammatik der Ersa-Mordwi-

nischen Sprache, nebst einem kleinen Wörterbuch, v. F. I. Wiedemann; 7) Mémoires, tome IX, N 4; 8) Mémoires, tome IX, N 2.»

25) Общества Сербской Словесности въ Бѣлградѣ, пол. Мая 25-го и Декабря 9-го, 1865 года: 1) «Гласникъ,» книги XII—XVII. Бѣлградъ, 1860—63; 2) «Споменици Сербски» одъ 1395 до 1423 года, кн. 1—2. Бѣлградъ 1858—62; 3) «Животъ Светога Саве.» Написао Дометіанъ. Бѣлградъ 1860. 4) «Сербски споменици Млетачкогъ Архива: Acta Archivi Veneti, spectantia ad historiam Serborum et reliquorum Slavorum meridionalium; collegit et transcripsit D-r Joannes Schafarik.» Fasc. I—II. Belgradi 1860—62; 5) «Преписка о Уніи Далматинскогъ Епископа Венедикта Краљвита са Австрійскимъ Правительствомъ.» Бѣлградъ. 1863.

26. Общества Юго-Славянскаго историческаго въ Загребѣ, отъ 20-го Октября, 1863 г., получ. 25-го Мая, 1865 г.: 1) «Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku» кн. VI—VII. V Mletcich 1863 i u Zagrebu 1863; 2) «Supplementi al saggio bibliografico della Dalmazia e del Montenegro, di Guiseppe Velentinelli.» Zagabria 1862.

27. Профессора Вѣнскаго Университета, Алоиза Войтѣха Шемберы, отъ 21-го Августа, 1864 года, пол. 6-го Юля, 1865 года: «Mara země Moravské a t. d.,» на 4-хъ большихъ листахъ. Вѣна 1863 г., съ «Návěsti o tarě a t. d.,» на 4 стр.

28. Вдовы Непремѣннаго Секретаря Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, отъ 30 Октября, 1864 года, получ. 17 Юня, 1865, извѣщеніе о смерти его, послѣдовавшей 20-го Октября прошедшаго года; при этомъ: «Notice su la vie et les travaux de M. C. C. Rafn, par Laurent Etienne Borring.» Copenhagen 1864.»

29. Коллежскаго Совѣтника, бывшаго Лектора Московскаго Университета, Ергарда Гѣринга, 16-го пол. Августа: 1) «Die Russische Gesellschaft unter Peter dem Grossen, v. I. Bielaiew, aus dem Russischen v. E. G.» (Seperat-Abdruck aus dem Morgenblatte der «Bayerischen Zeitung»). München 1864; 2) «Die Schlacht bei Poltawa» (Aus der Geschichte von Kleinarussland von Georg Konisky, Erzbischof von Weissrussland. Moskau, 1846), aus dem Russischen v. Erhard Göring (оттуда же). 3) «Zur Geschichte der geheimen Gesell-

schaften in Russland.» Aus den Aufzeichnungen des Generalmajors B.P. Aus dem Russischen v. E. G. (Оттуда же). München. 1865.

30. Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, пол. 31 Августа: «33-е присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, 26 Іюня, 1864 г.» Спб. 1865 года.

31. С. Бочарникова, 15-го Сентября: «Зарайскъ.» М. 1865 г.

32. Археографической Коммисіи, отъ 3-го Сентября, пол. 17-го, 1865 г., N 80-й: «Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ.» Спб. 1865 г.

33. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, Д. С. С. И. П. Корнилова, отъ 14 Сентября, N 6432, пол. 22, 1865 г.: «Дневникъ засѣданій Коммисіи для разбора предметовъ, находящихся въ Виленскомъ Музеѣ Древностей.» Вильна. 1865 г.

34. Д. С. С. Степана Алексѣевича Маслова, 23-го Октября: «Воспоминаніе въ 1865 г. Бородинской битвы и о Бородинскомъ памятникѣ въ Москвѣ.» М. 1865. Особый оттискъ изъ «Современной Лѣтописи» N 37.

35. Смитсоновскаго Учрежденія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, пол. 15-го Ноября: «Annual Report of the board of regents of the Smithsonian institution for the year 1863.» Washington. 1864.

36. Предсѣдателя Виленской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ, отъ 3-го Декабря, N 2309, пол. 13 Декабря 1865 г., съ препровожденіемъ экземпляра I-го тома «Актовъ, издаваемыхъ Коммисіею, Высочайше учрежденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ. Акты Гродненскаго Земскаго Суда.» Вильна 1865 г.

37. Археографической Коммисіи, отъ 9-го Ноября, N 189, пол. 22-го, 2-й томъ «Актовъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи», и 3-й выпускъ «Лѣтописи занятій Коммисіи.» Спб. 1865 г.

38. Хранителя старопечатныхъ книгъ и рукописей въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, А. Е. Викторова, 3-го Дек. пол. 13-го, 1865 г.: «Кирилль и Меѳодій.» Новые источники и ученые труды для исторіи Славянскихъ Апостоловъ.» Особый оттискъ изъ «Кирилло-Меѳодіевскаго Сборника.» М. 1865 г.

39. Преподавателя въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, Андрея Попова: «Обзоръ хронографовъ Русской редакціи.» Выпускъ I-й. М. 1865 г.

40. Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ: Записки,» 7 томовъ. Спб. 1862—1865 г.

41. Д. Члена Графа М: В. Толстого, пол. 15-го Декабря: «Разказы изъ исторіи Русской Церкви;» кн. I. М. 1865.

42. Сербской Матицы въ Новомъ Садѣ, въ Южной Угріи: 1) «Сербскій Лѣтопись 1862 г., кн. 2.» 2) То же за 1863 г. 2 книжки; 3) То же за 1864 г. кн. I. Будимъ и Новый Садъ; 4) Московія, спѣвао Іоксимъ Новить.» Будимъ 1863 г.

г. Заявленія:

43. О смерти Д. Члена Константина Ивановича Арсеньева, избраннаго 5-го Ноября, 1832 г., скончавшагося въ С.-Петербургѣ 29 Ноября, 1865 г., на 76 году своей жизни.

44. О смерти же Коммиссіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ив. Вас. Базунова, и о выборѣ новаго. Определено: предложить званіе Коммиссіонера Московскому же книгопродавцу Ив. Гр. Соловьеву, прежнему Базунова по книжной торговлѣ.

Въ концѣ засѣданія Г. Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянский, представилъ только что отпечатанную четвертую книгу «Чтеній» 1856 года, состоящую изъ 50% листовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія: О военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и особенной ихъ важности для Россіи. Съ проектомъ сихъ путей и картою, составленными въ видахъ обороны Имперіи. С. П. Бутурлинымъ.

О мнѣическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. Ш. Змѣй, волкъ, вѣдьма. Профессора Харьковскаго Университета А. А. Потемни.

II. Матеріалы Отечественные: Приложенія къ Запискамъ А. П. Ермолова 1801—1812 г.

III. Матеріалы Славянскіе: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка

и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. О. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть II. Веселыя и охочія: насмѣшливыя, шутивыя, праздничныя, необычныя, иносказательныя, корчевныя, и шпикія, соботки и обжинки.

IV. Матеріалы Иностранныя: Исторія о Великомъ Князствѣ Московскомъ, происхожденіи Великихъ Русскихъ Князей, вѣданныхъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедмитріями, и о Московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерлезунда, въ Лейпцигѣ 1620 года. Часть I. Перев. съ Нѣмецкаго Соореннователя Общества А. Н. Шемякина.

V. Смѣсь: 1. Обзорніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской Епархіи. Состав. Архимандритъ Леонидъ. 2. Двѣ жалованныя грамоты Императрицы Елисаветы Петровны Троицкой Сергіевой Лавръ на всѣ монастырскія владѣнія. Сообщ. Иеромонахъ Арсеній. 3. О расходахъ Троицкой Сергіевой Лавры. 4. Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону, и что извѣстно объ этомъ народѣ? Д. Члена Протоіерея Михаила Діева. 5. Донесеніе Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Сенявина, о нынѣшнемъ положеніи Ливоніи (1845 г.). 6. Воспоминаніе о Графѣ К. О. Толѣ. Н. В. Сушкова. 7. О редакціонномъ исправленіи Свода Законовъ. А. Бабичева. 8. Письмо Графа А. А. Аракчеева къ А. Н. Патапову о Г. Шумскомъ. 9. Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Марта 6 дня, 1865 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

	Стран.
Донъ. I. Мѣсто ссылки Овидія Назона. II. Митрополія Великой и Малой Руси на Дону съ IV до IX вѣка. Д. Чл. А. Ѳ. Вельтмана	1 — 92.
Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы. Отдѣленіе II. Дешь битвы. И. П. Липранди.	29 — 114.

II.

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Записки А. П. Ермолова. Ч. II. 1816 — 1827. Записки во время управленія Грузіею.	1 — 120.
--	----------

III.

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ, до дѣятельности Св. Первоучителей и Просвѣтителей Славянскихъ племенъ относящихся, составленное О. Бодянскимъ. III. — Слово похвально на мамъ сватыма и прѣславныма оуунтелема словѣнскоу мзыкоу, сътворъшема инсмены юмоу и прѣложъшема новын и ветъхын законъ въ мзыкы ихъ, блаженомоу кърнаоу и архіепископоу памоньскоу меѳодію. Списки VII — XV.	64 — 152.
--	-----------

IV.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, происхожденіи Великихъ Русскихъ Князей, недавнихъ	
---	--

смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедими-
тріями, и Московскихъ законахъ, правахъ, прав-
леніи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, опи-
салъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерле-
зунда въ Лейпцигѣ 1620 года. Часть II. Пере-
водъ съ Нѣмецкаго Соревнователя Общества А. Н.
Шемякина

185 — 280

V.

С М Ъ С Ъ.

Разборъ изслѣдованія «О мнѣическомъ значеніи нѣко- торыхъ цовѣрій и обрядовъ; соч. А. Потемн.» Профессора Харьковскаго Университета П. А. Лавровскаго.	1 — 102
Три письма изъ Москвы въ Троицкіи Сергіевъ мона- стырь въ 1660 году. Сообщ. І. Арсеній.	103 — 112.
Письмо Святителя Димитрія Ростовскаго къ Новгород- скому Митрополиту Іову. Сообщ. Д. Чл. Архи- мандритъ Макаріи.	113 — 114.
Могила Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и супруги его въ городѣ Березовѣ 1730—1738 гг. Н. А. Абрамова.	115 — 120.
Его же. Могила Графа Андрея Ивановича Остермана въ Березовѣ. 1742—1747 гг.	121 — 125
Замѣтка объ одной могилѣ въ посадѣ Пучежѣ Костром- ской Губерніи. М. И. Семейскаго.	126 — 136.
Московскій Публичннй Музей и Библіотека. Д. Чл. А. М. Кубарева.	137 — 159.
Какъ трудно защищать дѣло, которое само себя не защищаетъ.	160 — 188.
Объясненіе	189 — 192.
Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1865 года, Декабря 23-го дня.	193 — 200.

О П Е Ч А Т К И.

Въ кн. 1-й 1866 года.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Напечатано:

Должно читать:

Стр. Строка

162, 26 на утрату

на уплату.

163, 30 природа назначила

природа не назначила.

166, 8 неспіятныя

напрасныя.

167, въ примѣч. 8 мануфактуры

мануфактуры.

169, въ примѣч. 3 жа

же.

188, 10 внутренняго устройства

внутреннее устройство.

189, 17 съ своеѣ

съ своей.

